

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток
в новейший период
(1945 – 2000 гг.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

В ШЕСТИ ТОМАХ

Главная редколлегия

Р.Б.Рыбаков (председатель),

Л.Б.Алаев (заместитель председателя),

В.Я.Белокреницкий, Д.Д.Васильев, Р.Г.Ланда, В.В.Наумкин,

О.Е.Непомнин, И.М.Смилянская, Г.К.Широков

Москва

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

2008

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток
в новейший период
(1945—2000 гг.)

Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

2008

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
И90

1818 - 2008

К 190-летию Института востоковедения РАН

Ответственные редакторы

В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, В.В. НАУМКИН

Редактор издательства

Г.О. КОВТУНОВИЧ

История Востока : В 6 т. / гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др. : Ин-т востоковедения РАН. — М. : Вост. лит., 1995 — ISBN 5-02-018102-1

Т. 6 : Восток в новейший период (1945–2000 гг.) / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин — 1095 с. : карты. — ISBN 978-5-02-036371-7

Книга является завершающим томом фундаментального шеститомного труда по истории Востока с древнейших времен до наших дней (т. I был впервые издан в 1997 г., т. II — в 1995 г., т. III — в 1999 г., т. IV, кн. 1 — в 2004 г., т. IV, кн. 2 — в 2005 г., т. V — в 2006 г.) и посвящена изучению истории стран Азии и Северной Африки во второй половине XX в.

В общетеоретических главах рассматриваются особенности политических процессов в странах региона, закономерности их экономической эволюции и история общественной мысли. Проанализировано политическое, экономическое и культурное положение более 50 государств Востока, причем большинству из них посвящена отдельная статья. Подводятся итоги развития региона за рассматриваемый более чем полувек период, обсуждаются тенденции и перспективы эволюции стран Востока.

ISBN 5-02-018102-1
ISBN 978-5-02-036371-7

© Институт востоковедения РАН, 2008
© Редакционно-издательское оформление. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный том — последний, итоговый из шести томов «Истории Востока», издающихся с 1995 г. Он охватывает период с окончания Второй мировой войны до начала XXI в. В развитии стран Востока в эту насыщенную событиями эпоху наблюдались две противоположные тенденции. Одна из них — сохранение целостности этой части мира, таких ее общих особенностей, которые позволяют говорить о «странах Востока» и «Востоке» как одном ареале (см. последнюю, 43-ю главу тома). Другая — постепенное расхождение этих стран, размывание прежних общих черт многообразных восточных обществ, укрепление их национальной самобытности и одновременное их сближение с другими странами мирового сообщества в условиях независимости и под воздействием модернизации и глобализации. В ходе этого процесса одни государства Востока вошли в число экономически наиболее развитых стран мира, другие так и не смогли преодолеть отсталость, и разрыв между ними и развитыми странами даже увеличился.

Освобождение стран Востока от колониальной зависимости, становление и укрепление их национальной независимости и превращение их в самостоятельную силу на мировой арене по сути явились главным содержанием истории стран Востока во второй половине XX в. Для советской историографии Востока в силу ее идеологизированности было характерно гипертрофированное расширение понятия и роли национально-освободительных движений, и сегодня еще остаются актуальными их объективное определение и выявление их подлинного места в истории.

Конечно, страны Востока — лишь часть мирового сообщества, их история — часть всеобщей истории, и может показаться, что методологически некорректно говорить о какой бы то ни было особой истории Востока в ту эпоху, когда страны мира становились все более взаимозависимыми и взаимосвязанными, а все экономические, социальные и политические процессы испытывали мощное влияние глобальных сил и общемировых тенденций. Тем не менее становление и развитие государственности восточных обществ происходило под непосредственным влиянием их самобытной внутренней среды, всего опыта предшествовавшего независимости развития, цивилизационно-культурных особенностей и традиций. Последние этапы трансформации колониального синтеза и последующее его преодоление отразили огромное многообразие восточных обществ и глубокие различия между отдельными странами, но представляли и общую для них тенденцию. Становление и развитие стран Востока на протяжении большей части периода 1945–2000 гг. происходило в условиях биполярного мира и холодной войны, они частично вовлекались в глобальное противостояние двух главных центров силы. Вряд ли можно найти хотя бы одно государство Востока, сумев-

шее в данный период уйти от воздействия этого биполярного противостояния (даже те из них, которые стали участниками движения неприсоединения), хотя отдельные попытки были относительно успешными. Более того, сам выбор пути развития тогда определялся прежде всего существованием двух противостоящих друг другу моделей.

Неудивительно, что в советской историографии преобладали облаченные в идеологические шоры предвзятые оценки «революционных проектов» развития стран Востока. Степень позитивности этих оценок почти полностью определялась уровнем враждебности инициаторов данных проектов стороне, противостоящей СССР в системе глобальной конфронтации, близости их внутренней и внешней политики к советским моделям и соответствия их политической практики государственным интересам СССР. Однако и сегодня, после освобождения востоковедной науки от идеологических оков, вряд ли можно говорить о выработке безупречно объективной оценки многообразных попыток государств Востока найти для себя «третий» путь развития, адаптирующий к своей действительности и к своим интересам — в разной мере и зачастую в причудливой форме — черты опыта и капиталистических и социалистических государств. «Некапиталистический путь развития», «социалистическая ориентация», «революционная демократия» — эти термины давно вышли из отечественного научного оборота, однако те явления, которые ими обозначались, до сих пор не были адекватно концептуализованы. Конечно, разброс оценок в условиях плюрализма мнений неизбежен, однако можно лишь сожалеть по поводу того, что даже в исследованиях, посвященных странам Востока, которые и сегодня продолжают считать себя социалистическими — это прежде всего бурно рвущийся к лидирующим позициям в мировой экономике Китай, — нет устоявшегося научно-понятийного аппарата.

После распада Советского Союза — события, оказавшего огромное воздействие на все страны Востока, — ареал, являющийся объектом научного анализа востоковедов, расширился: в него вошли новые независимые государства Центральной Азии и Южного Кавказа. Динамизм изменений на постсоветском пространстве и отсутствие исторической дистанции, необходимой для теоретического осмысления современной трансформации этого субрегиона Востока, предопределяют особую остроту споров и преобладание зачастую не вполне обоснованных суждений, которые со временем наверняка будут подвергнуты критическому пересмотру. К сожалению, некоторые оценки, встречающиеся в работах авторов, посвященных постсоветской истории стран Центральной Азии и Южного Кавказа, не свободны от влияния политической конъюнктуры и субъективизма.

Естественно, что изучение новейшей истории стран Востока испытывает воздействие острых теоретических и политических споров, ведущихся в мировой науке вокруг таких ключевых понятий, как глобализация, модернизация, демократия, война, революция и т.п. После распада Советского Союза на страны Востока возрастающее влияние стал оказывать продвигаемый Западом «неолиберальный проект» модернизации, в котором демократизация, в частности, рассматривается как необходимый инструмент развития. Связанное с этим проектом

давление на целый ряд государств вызывает сопротивление со стороны авторитарных режимов, которые считают, что лишь они могут обеспечить стабильность, а также носителей традиционных, не совместимых с либерализмом ценностей. Споры ведутся и по вопросу о судьбе национального государства: с одной стороны, эта траектория развития остается ведущей для многих государств Востока, где процесс национальной консолидации еще не завершился, с другой — растет тенденция к эрозии роли национальной государственности в условиях, когда суверенитет становится объектом ограничений и не исключается вмешательство извне, которое может быть санкционировано международными коллективными структурами.

Исследователям предстоит также осмыслить изменения, происходящие во взаимодействии и взаимовлиянии традиционного и современного начал. Традиционные экономические формы хозяйствования, архаичные формы социальной жизни, в том числе система патронажных связей, сословно-кастовые и родоплеменные институты, а также унаследованные от прошлого элементы политической культуры проявляют исключительную живучесть, но одновременно и размываются с различной степенью интенсивности. Отход отечественных ученых от жесткого экономического детерминизма позволяет в полной мере оценить ресурс самостоятельности не только политических институтов и норм, но и культурных и религиозных ценностей. В рамках этого подхода особо важным представляется исследование возрастающей роли религии в рассматриваемую эпоху.

Несмотря на то что современный этап новейшей истории — вторая половина XX в. — не знал мировых войн, история восточных обществ в данную эпоху была насыщена насилием. Вооруженные освободительные революции, кровопролитные колониальные и локальные межгосударственные войны, вооруженные интервенции крупных государств, в том числе и двух сверхдержав, сопровождавшиеся гибелью людей восстания, мятежи и военные перевороты, социальные революции, гражданские войны, региональные и этнополитические конфликты, массовые убийства гражданского населения, террор правящих режимов и негосударственных игроков, в том числе появившихся в конце эпохи транснациональных экстремистских структур, — все это стало неотъемлемыми, едва ли не важнейшими приметами данной исторической эпохи. Генезис и роль насилия на этом этапе развития стран Востока пока еще не совсем изучены востоковедной наукой, и следует признать, что отечественный теоретический дискурс в этой области уступает западному, где проблемы насилия являются одним из важнейших объектов исследования. Авторы глав данного тома внесли существенный вклад в устранение этого дефицита знания.

Ни отечественной, ни зарубежной науке пока еще не удалось выработать общую концепцию роли этничности в развитии стран Востока второй половины XX в. Некоторое преувеличение значимости этнического фактора было естественным на фоне утраты интереса к социально-классовым процессам, однако элементы этнизации социально-политической жизни и нарастание этнополитической и этноконфессиональной конфликтности требуют серьезного анализа. В некоторых главах этого тома предприняты попытки провести такой анализ.

В данном томе, как и в предварявшем его 5-м томе «Истории Востока», есть как общие, так и страновые главы, последние абсолютно преобладают и располагаются в соответствии с географическим положением — с запада на восток, от Марокко до Японии. Это естественно, так как число независимых государств Востока в рассматриваемый период существенно возросло. Ответственные редакторы не ставили перед собой задачу добиться единомыслия членов авторского коллектива, они исходили из того, что расхождение методологий, оценок и позиций сегодня является неотъемлемой чертой востоковедного дискурса. Кроме того, к сожалению, ситуация со страноведами столь катастрофична, что если эту тенденцию не удастся переломить, то через какое-то время найти специалистов даже по некоторым ведущим странам Востока будет практически невозможно. Наверное, целый ряд выводов, оценок и заключений, содержащихся в главах, могут вызвать возражения со стороны других востоковедов, и понятно, что они не отражают коллегиальной точки зрения авторского коллектива. Разумеется, для выработки солидарной концепции истории стран Востока второй половины XX в. потребуется время, историческая дистанция между исследователями и событиями слишком мала. Отчасти поэтому, а также потому, что работа адресована достаточно широкому кругу читателей, было решено сфокусировать внимание на истории каждой конкретной страны и дистанцироваться от тех порой ожесточенных споров, которые ведутся между востоковедами по целому ряду вопросов теории и интерпретации новейшей истории Востока. В последней главе тома дается обобщенный анализ процессов, происходивших в странах Востока в начале XXI в.

Как и в предыдущих томах, библиография, приведенная в конце тома, не является исчерпывающей, а предназначена лишь для того, чтобы дать представление о некоторых наиболее важных трудах отечественных и зарубежных ученых. Авторы глав пользовались широким кругом источников и литературы, на которую в силу специфики данного обзорного издания не даются постраничные ссылки, но они приводятся в библиографии. Этот труд коллектива авторов предназначен для широкого круга читателей — ученых, преподавателей, студентов, журналистов, дипломатов и всех, кто профессионально занимается и интересуется Востоком.

Авторский коллектив:

Ю.В. Агавельян — гл. 10. Ливан.

В.М. Ахмедов — гл. 12. Сирия, совм. с Э.П. Пир-Будаговой.

С.А. Баранов — гл. 26. Бангладеш.

В.Я. Белокреницкий — гл. 43. Восток в конце XX в. — некоторые итоги развития; Заключение.

В.Ф. Васильев — гл. 29. Мьянма (Бирма).

Ю.М. Галенович — гл. 39. Китай.

Е.К. Голубовская — гл. 16. Йемен, совм. с С.Н. Серебровым.

Э.М. Гуревич — гл. 35. Сингапур; гл. 36. Бруней.

- М.Н. Гусев — гл. 34. Малайзия (Малайя), совм. с В.А. Тюриным.
В.И. Денисов — гл. 41. Корея.
В.А. Дольникова — гл. 30. Таиланд.
А.Ю. Другов — гл. 37. Индонезия и Восточный Тимор.
А.З. Егорин — гл. 7. Ливия; гл. 10. Объединенные Арабские Эмираты.
Л.П. Зудина — гл. 6. Тунис.
Н.Г. Киреев — гл. 19. Турция, совм. с Н.Ю. Ульченко.
В.Г. Коргун — гл. 23. Афганистан.
А.А. Куртов — гл. 22. Государства Центральной Азии.
Р.Г. Ланда — гл. 5. Алжир.
З.И. Левин — гл. 3. Общественная мысль на Востоке во второй половине XX в.
Ю.О. Левтонова — гл. 38. Филиппины.
А.А. Ледков — гл. 27. Непал и Бутан.
Д.Б. Малышева — гл. 21. Государства Южного Кавказа.
Н.М. Мамедова — гл. 20. Иран.
С.Б. Маркарьян — гл. 42. Япония, совм. с Э.В. Молодяковой.
Е.С. Мелкумян — гл. 17. Кувейт.
И.Х. Миняжетдинов — гл. 17. Бахрейн.
Э.В. Молодякова — гл. 42. Япония, совм. с С.Б. Маркарьян.
В.Н. Москаленко — гл. 24. Пакистан.
О.В. Москалец — гл. 17. Оман.
Д.В. Мосяков — гл. 31. Камбоджа; гл. 32. Лаос.
Г.Ф. Мурашева — гл. 24. Вьетнам, совм. с А.А. Соколовым и П.Ю. Цветовым.
В.В. Наумкин — Предисловие; гл. 1. Политические процессы в странах Востока.
Э.В. Павлуцкая — гл. 4. Марокко.
Э.П. Пир-Будагова — гл. 11. Иордания; гл. 12. Сирия, совм. с В.М. Ахмедовым.
К.И. Поляков — гл. 8. Судан, совм. с Г.И. Смирновой; гл. 13. Палестина, совм. с А.Ж. Хасяновым.
А.Л. Сафронова — гл. 28. Шри-Ланка.
Б.Г. Сейранян — гл. 9. Египет.
Г.А. Сейранян — гл. 17. Кагар.
С.Н. Серебров — гл. 16. Йемен, совм. с Е.К. Голубовской.
Г.И. Смирнова — гл. 8. Судан, совм. с К.И. Поляковым.
А.А. Соколов — гл. 24. Вьетнам, совм. с Г.Ф. Мурашевой и П.Ю. Цветовым.
Н.В. Степанова — гл. 18. Ирак, совм. с Г.С. Шахбазян.
В.А. Тюрин — гл. 34. Малайзия (Малайя), совм. с М.Н. Гусевым.
Н.Ю. Ульченко — гл. 19. Турция, совм. с Н.Г. Киреевым.
Е.Ю. Усова — гл. 14. Израиль, совм. с А.В. Федорченко.
А.В. Федорченко — гл. 14. Израиль, совм. с Е.Ю. Усовой.
А.Ж. Хасянов — гл. 13. Палестина, совм. с К.И. Поляковым.
П.Ю. Цветов — гл. 24. Вьетнам, совм. с Г.Ф. Мурашевой и А.А. Соколовым.
Г.С. Шахбазян — гл. 18. Ирак, совм. с Н.В. Степановой.

Г.К. Широков — гл. 2. Особенности и закономерности экономической эволюции развивающихся стран, совм. с В.А. Яшкиным.

Ф.Н. Юрлов — гл. 25. Индия.

А.И. Яковлев — гл. 15. Саудовская Аравия.

Г.С. Яскина — гл. 40. Монголия.

В.А. Яшкин — гл. 2. Особенности и закономерности экономической эволюции развивающихся стран, совм. с Г.К. Широковым.

Указатели составлены Т.М. Мастюгиной и И.Х. Миняжетдиновым.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ВОСТОКА

Говоря о новейшей истории стран Востока второй половины XX в., было бы неверным настаивать на ее особой периодизации, отличной от общей периодизации всемирной истории. Однако в целях систематизации и для удобства изложения целесообразно выделить такие границы между различными периодами политической истории стран Востока, которые в максимальной мере вписывались бы в глобальный контекст и одновременно учитывали бы местную специфику.

Послевоенная политическая история Востока своеобразна, но не может быть понята в отрыве от мировых процессов, от действий и политики глобальных держав и транснациональных сил (к примеру, нефтяных корпораций, мирового коммунистического движения и т.д.). Отчасти это отражено в данной главе. Кроме того, если в главах, посвященных отдельным странам Востока, практически все внимание уделено крупным «системным игрокам» — государствам, обществам, этническим группам, политическим партиям и движениям, то в рамках данного дискурса отмечается роль и менее крупных системных сил, а также человеческого фактора, иначе говоря — индивидуального акторства. Политическая история зачастую является результатом взаимодействия всего многообразия отмеченных факторов. В частности, как будет показано ниже, политические и неправительственные организации, спецслужбы ведущих стран мира, корпорации и отдельные политические и государственные деятели нередко осуществляли действия, не предписанные официальным курсом правительств или даже выходящие за его рамки. В данном контексте на микроуровне, позволяющем тем не менее более точно охарактеризовать крупные тенденции и явления, приводится ряд малоизвестных фактов. При этом автор вводной главы не ставит перед собой задачу рассмотреть **все** политические процессы, происходившие во **всех** странах Востока¹.

Освобождение от колониализма одних стран Востока происходило с помощью революций, в том числе в результате вооруженной борьбы, другие получили независимость мирным путем, что далеко не во всех случаях отражало добрую волю метрополий, вынужденных идти на предоставление независимости в силу сложившихся внутренних и международных условий, главным из которых явился достигнутый со временем международный консенсус по вопросу о ликвидации колониальной системы (а также, возможно, и системный кризис колони-

¹ Тем же принципом руководствовались авторы общих разделов 5-го тома «Истории Востока» (М., 2006).

ального хозяйства, о котором говорится в начале следующей главы). Большая часть стран, находящихся в восточной части Азиатского континента, освободилась от колониальной зависимости уже к концу 1950-х годов, но для стран Западной Азии и Северной Африки это время наступило позднее. Возможно, Великобритания, в отличие от Франции и Голландии, довольно рано поняла, что при существовании в колониальных странах сильного национально-освободительного движения лучшим способом сохранения своего влияния является передача ему формальной власти. Однако и Великобритания не устояла перед искушением применить силу для сохранения своих позиций в Египте — к тому же вместе с Францией и Израилем — в 1956 г., хотя ее фиаско было предопределено.

Национально-освободительное движение определяло политическое лицо стран Востока в первой половине XX в.² Его зарождение относится к гораздо более раннему времени, а его истоки кроются в первых антиколониальных выступлениях народных масс стран Востока конца XIX — начала XX в. и в деятельности первых национально-патриотических организаций. Антиколониализм отразил, с одной стороны, возросшее национальное самосознание народов стран Востока, с другой — изменившиеся международные условия. Он явился видом национализма, который был парадоксальным образом вскормлен самой колониальной системой. Подчинив себе страны Востока, европейский колониализм заложил основу своего будущего самоуничтожения. Движение за национальное освобождение в этих странах в XX в. походило на европейский национализм XIX в., поскольку оба они были основаны на идее самоопределения. Но если европейский национализм, ставший главной движущей силой строительства национальных государств в XIX в., после Первой мировой войны был направлен внутрь себя, на самореорганизацию, то национализм освободительных движений в странах Востока изначально был устремлен вовне, его неотъемлемой чертой была антизападная ориентация, которая не исчезала, а в отдельных случаях и усиливалась с завоеванием политической независимости. Этим отчасти объясняется направление, в котором пошло развитие многих освободившихся от колониальной зависимости государств. Естественно, не все страны Востока находились под прямым колониальным управлением, часть из них были полуколониями, другие имели свою государственность, но и эти восточные общества сохраняли черты архаичности, нуждались в обновлении.

Победа Советского Союза над фашизмом, разгром японского милитаризма, резкое повышение международного престижа СССР, симпатизировавшего освободительной борьбе народов Востока, коренное изменение баланса сил на международной арене создали благоприятные внешние условия для завоевания независимости. Не случайна укрепившаяся связь значительной части национально-освободительных движений с социалистическими идеями. Она объяснялась как антизападными настроениями в колониях и привлекательностью, которой в то время обладал Советский Союз, так и — в первую очередь — тем, что идеи социализма не только позволяли колониальным народам осознать свою порабо-

² См. подробно об этом: История Востока. Т. V.

ценность и отсталость, но и предлагали им альтернативу в виде концепции социальной справедливости и экономической эмансипации.

Вплоть до конца 1980-х годов страны Востока, как и всего «третьего мира», были втянуты в холодную войну³, которая нередко была причиной, хотя далеко не единственной, развертывания в них кровопролитных конфликтов. По приблизительным подсчетам, за период с 1945 г. до наших дней около 30 млн. жителей стран «третьего мира» лишились жизни в различного рода столкновениях. Люди гибли в результате межгосударственных и гражданских войн, мятежей и переворотов, иностранных интервенций, этнополитических и этноконфессиональных конфликтов, попыток режимов сдержать социальные революции, репрессивных действий правителей, эксплуатации населения колониальными державами и сотрудничавшей с ними местной верхушкой, а также ужасающей бедности, которая не изжита во многих странах Востока и по сей день.

В политической истории стран Востока 1945–2000 гг. отчетливо выделяются основные маркеры на уровне как событий, так и тенденций, во многом определившие судьбу не только самих стран Востока, но и всего мира. Это, в частности, создание КНР и ее постепенное превращение в мировую державу; распад колониальной системы и образование независимых государств; послевоенная реконструкция Японии и ее возвышение как экономического гиганта; вьетнамские войны и объединение Вьетнама; корейская война; завоевание независимости Индией и ее бурное развитие; алжирская война за независимость; образование Израиля и арабо-израильские войны 1948–1949, 1956, 1967, 1973 гг.; усиление влияния коммунистических партий и их закат; торжество арабского национализма и его уход с политической арены; появление, а затем исчезновение режимов, ориентирующихся на «некапиталистический» путь развития; вовлечение государств Востока в холодную войну; образование движения неприсоединения; появление ядерных держав, как признанных (Китай), так и непризнанных (Израиль, Индия и Пакистан): «культурная революция» в Китае; иранская революция; война в Афганистане; ирано-иракская война и иракский кризис; рост влияния политического ислама и взлет исламского экстремизма; распад Советского Союза и образование новых независимых государств из его бывших восточных республик. Этот перечень далеко не исчерпывает всего многообразия значимых событий и тенденций, оставивших более или менее заметный след в истории этой эпохи.

УСТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПЕРВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА (1945–1953): ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

После окончания Второй мировой войны стали закладываться основы нового мироустройства, постепенно приобретающего отчетливые черты биполярности. Приход к власти в странах Центральной и Восточной Европы коммунистических

³ Изобретение этого термина принадлежит испанскому писателю XIV в. дону Хуану Мануэлю (так он назвал конфликт между христианами и мусульманами), а применительно к послевоенной истории его ввел в оборот в 1947 г. американский журналист Уолтер Липпман.

партий, образование Организации Объединенных Наций, создание ядерного оружия Соединенными Штатами, а затем Советским Союзом оказали важнейшее влияние на систему международных отношений. Начавшаяся в 1946 г. со знаменитой фултонской речи Уинстона Черчилля **холодная война** привела к тому, что Запад начал активно поддерживать антикоммунистические силы на Востоке (в частности, по доктрине Трумэна 1947 г., США декларировали готовность организовать и поддерживать такие группы в Турции), а Советский Союз, в свою очередь, начал оказывать не менее энергичную поддержку силам, выступающим против господства Запада. Американская стратегия сдерживания вылилась в курс, нацеленный на уничтожение советского режима, хотя холодная война была для Запада и Советского Союза с «народными демократиями» в отличие от стран Востока бескровной.

Борьба за раздел мира на сферы влияния напрямую коснулась стран Востока и способствовала возникновению здесь кровопролитных войн, революций, переворотов и внутренних вооруженных конфликтов⁴. Хотя их глобальный геополитический контекст явился значимым фактором, революции объяснялись в первую очередь внутренними причинами. Значительная часть народов Востока еще находилась в колониальной зависимости, вступившей в острое противоречие с бурно растущим национальным самосознанием народов «третьего мира» и возросшей тяге к свободе в результате победы над фашизмом. В Европе установилась линия, разделившая два мира и признанная ими незыблемой, по обе стороны которой налаживалась мирная жизнь населения и росло его благосостояние, в то время как подавляющее большинство населения стран Востока жило в ужасающей нищете и не видело перспектив ее преодоления. Демонстрационный эффект оказывал воздействие на настроения жителей стран Востока. Антиколониальные чувства были уже столь сильны, что совсем недавно нацистская Германия и милитаристская Япония, апеллируя к ним, сумели привлечь на свою сторону часть политических элит в отдельных зависимых странах Востока. Прокатившаяся по всему «третьему миру» волна революционных изменений в немалой степени была и результатом ослабления государств-победителей и их колониальных режимов в ходе Второй мировой войны.

На **Дальнем Востоке** тогда происходили события огромного значения, в которых немалую роль играли внешние, глобальные акторы. В число главных задач западных держав в этом регионе входили создание тесно связанных с ними капиталистических режимов, сдерживание коммунизма и советского влияния. Япония

⁴ Согласно одной из наиболее удачных, на взгляд автора, периодизаций современной новейшей истории, предложенной английским политологом Фредом Хэлидеем, период 1946–1953 гг. получил название «первой холодной войны», сменившейся «колебательным антагонизмом» (1953–1969), затем наступила разрядка (1969–1979), а после нее «вторая холодная война», просуществовавшая вплоть до горбачевской перестройки. Однако есть и другие точки зрения на периодизацию этой эпохи. К примеру, в западной политологии существует мнение, что 1950–1956 годы были периодом «разогревания холодной войны». Согласно еще одной версии, период разрядки начался лишь с 1975 г. В данной главе использованы элементы периодизации и некоторые обобщения Ф. Хэлидея.

была оккупирована американскими войсками, и США стали «инженерами» послевоенной реконструкции этой страны. Заключенный в 1951 г. между США и Японией договор надолго сделал США союзником в обеспечении обороны и безопасности Японии.

Новая расстановка сил в мире оказывала влияние на борьбу в Китае. Разгром советскими войсками Квантунской армии позволил расширить территорию, контролировавшуюся коммунистами, Народно-освободительной армии Китая были переданы захваченные у японцев оружие и военная техника. Китайские коммунисты применяли гибкую политическую тактику в противоборстве с Гоминьданом, шли на переговоры как с Чан Кайши, так и с американцами, использовали благоприятную для коммунистов международную ситуацию. В декабре 1945 г. США, СССР и Англия высказались против гражданской войны и фактически договорились о невмешательстве в китайские события. Советский Союз вывел свои войска из Маньчжурии, но американские войска остались в зоне, контролировавшейся гоминьдановцами. В 1946 г. в стране развернулась гражданская война, продолжавшаяся до 1949 г. Освобожденные северо-восточные районы стали основной базой китайских революционеров. Благодаря привлечению на свою сторону крестьянских масс коммунисты сумели изменить баланс сил в свою пользу. Гоминьдановскому режиму не помогла военная и политическая помощь США, которые при этом не решились на прямое вмешательство. Армия Чан Кайши была разбита, и 1 октября 1949 г. в Пекине было провозглашено образование Китайской Народной Республики. И.В. Сталин принял решение поддержать создание единого Китая, хотя среди имевшихся вариантов было и сохранение отдельного буферного государства на территории Маньчжурии. Однако КНР пришлось примириться с существованием не контролируемого ею Тайваня.

Уже с образования КНР начала формироваться советская концепция своего рода разграничения сферы ответственности с нею, суть которой состояла в том, что СССР и КНР как бы обращены спинами друг к другу. Если Советский Союз стратегически обращен на Запад, то КНР — в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона⁵.

Классическим примером гражданской войны с прямым участием глобальных держав явилась корейская война. Север страны, занятый советскими войсками после разгрома Квантунской армии, находился под властью коммунистических сил, на юге американские войска создали антикоммунистический режим. Противостояние двух частей расколотой страны было полигоном для противоборства двух полюсов разделенного мира. В июне 1950 г. правительство Северной Кореи предприняло попытку с помощью военной силы подчинить себе проамериканский юг. Сталин допустил тактическую ошибку, позволив Совету Безопасности ООН принять опасную для Северной Кореи резолюцию. Однако Сталин был уверен в своих силах, так как в 1949 г. Советский Союз лишил США монополии

⁵ В дальнейшем фактически та же концепция, хотя и в несколько измененном виле, легла в основу появившейся в новой России в 1990-х годах идеи стратегического треугольника Россия–Индия–Китай.

на ядерное оружие. В кровопролитной гражданской войне на стороне армии Северной Кореи участвовали советские военнослужащие и так называемые китайские народные добровольцы, на стороне Южной Кореи — подразделения армий США и еще около полутора десятков государств, действовавших по мандату ООН. Именно в Корее по разные стороны фронта впервые оказались советские и американские военные (второй случай им представился позднее, во время вьетнамской войны). Однако две сверхдержавы не хотели, чтобы корейская война привела к прямому столкновению между ними.

В то же время в Великобритании полагали, что США хотят расширения войны если не с Советским Союзом, то с Китаем, что не входило в планы Лондона. Противоречия между США и Великобританией сыграли свою роль в ходе разворачившихся событий. Уже через несколько дней после начала войны британский посол в Москве беседовал с заместителем министра иностранных дел СССР А.А. Громыко о возможности положить конец военным действиям. Москве было предложено оказать соответствующее давление на Северную Корею. Ценой, которую просил за это Громыко, был отказ США от обязательства защищать Тайвань в случае нападения на него со стороны КНР. Приоритетом для англичан было сохранение Гонконга, а в случае вооруженного конфликта из-за Тайваня они могли бы его потерять.

С учетом этих опасений, когда в 1949 г. в Гонконг были эвакуированы из Китая самолеты частной компании, принадлежащей ЦРУ, «Сивил Эйр Транспорт», британский губернатор конфисковал их, а затем передал КНР. Раздражение у американского разведывательного ведомства вызывало то, что британские колониальные власти закрывали глаза на деятельность подпольных коммунистических группировок, просочившихся в гонконгские профсоюзы. В то же время власти колонии не давали действовать в Гонконге финансируемым ЦРУ тайваньским группам, ведущим подрывную деятельность в материковом Китае.

В корейской войне ни одна из сторон не одержала победу, в июле 1953 г. было подписано соглашение о прекращении огня, по которому стороны фактически вернулись к исходным позициям, и 38-я параллель осталась рубежом, разделяющим не только две части страны, но и два мировых лагеря. Корейская война унесла жизни почти 4 млн. человек.

Драматические события на Дальнем Востоке служили аккомпанементом к напряженности между балансирующими на грани войны США и СССР. Сегодня известно, что командование американских ВВС уже в 1948–1953 гг. думало о планах превентивной, или упреждающей войны с Советами⁶. Их обоснование состояло в том, что СССР стремится к мировому господству и так или иначе нарушит линию водораздела между двумя мирами в Европе, поэтому лучше начать войну самим, пока Советы еще не способны выиграть ее. Английская разведка уверяла американцев, что СССР не будет готов к большой войне ранее 1955 г. В сентябре 1950 г. из ВВС США был уволен генерал Андерсон, который озвучил

⁶ Таким образом, концепция упреждающей войны появилась уже тогда, а не позднее, когда она была реально применена на Ближнем Востоке.

идею превентивной войны публично. План превентивной войны даже стал причиной охлаждения отношений между США и Великобританией в начале 1950 г., поскольку англичанам стало известно, что план предполагает вовлечение в войну Великобритании, что привело бы к ее разрушению. У англичан также вызывал недовольство интервенционизм американцев в Корее.

В **Индокитае** происходили не менее драматичные события и также, как и в случае с Кореей, с активным участием внешних игроков. Еще в августе 1945 г., когда японские войска оставались на вьетнамской территории, в стране под руководством компартии поднялось народное восстание, и 2 сентября была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. Вскоре она была признана Советским Союзом. В это же время на территорию страны для разоружения японцев вступили на север от 16-й параллели — гоминьдановские войска, на юг — английские. По договоренности с Францией англичане оказали ей содействие в восстановлении колониального господства в этой стране. Такие же планы в отношении некоторых своих бывших колоний имели и сама Англия, и Голландия. К 1946 г. французскому экспедиционному корпусу удалось оккупировать значительную часть страны и договориться с гоминьдановцами о замене их войск своими. Велась дипломатическая игра между ДРВ и французами. стороны вроде бы шли на компромиссы, но на самом деле хотели лишь выиграть время, накапливая силы для предстоящего неминуемого столкновения⁷. Уже 19 декабря 1946 г. началась освободительная война народа Вьетнама против французской оккупации. В результате маневров французские власти в марте 1949 г. создали на оккупированной территории во главе с бывшим императором Бао Даем марионеточное «государство Вьетнам», вошедшее во Французский Союз. В 1950 г. оно было признано Англией и США, и американцы стали оказывать французам и марионеточному государству массивную военную и экономическую помощь. Именно с этого момента фактически началось вмешательство США во Вьетнаме, достигшее своего апогея в последующий период и объяснявшееся тем, что США рассматривали эту страну как главный источник угрозы распространения коммунизма в регионе. Англичане, несмотря на настойчивость Вашингтона, не стали помогать французам.

Благодаря героизму, сплоченности и военно-организаторскому искусству вьетнамское сопротивление добилось победы в войне, апофеозом которой стал разгром французов при Дьенбьенфу весной 1954 г. 20–21 июля того же года были подписаны Женевские соглашения, в соответствии с которыми признавались независимость и суверенитет Вьетнама. Тем не менее эта страна также оказалась разделенной: к северу от 17-й параллели располагалась зона контроля ДРВ, к югу — вооруженных сил Франции и баодаевского режима. Было ясно, что, несмотря на договоренности, окончательное оформление раскола страны на коммунистическую и антикоммунистическую зоны не за горами. Разделенность Ко-

⁷ По условиям прелиминарной конвенции от 6 марта 1946 г. ДРВ согласилась войти в состав Французского Союза и принять до 15 тыс. французских войск сроком на пять лет, а Франция признавала ДРВ как независимое государство.

реи, Вьетнама и (де-факто) Китая на длительную перспективу сохранила конфликтный потенциал в этих регионах Азии.

В этот же период, с 1949 г., велась партизанская борьба за освобождение в Лаосе.

В Юго-Восточной Азии (не считая Индокитая) события развивались не столь бурно. Индонезия провозгласила свою независимость 17 августа 1945 г., но уже в конце сентября на Яве высадились английские войска, а затем прибыла голландская колониальная администрация и части голландской армии. Но под напором народного движения англичанам в ноябре 1946 г. пришлось вывести войска, а голландцам пойти на переговоры с новой властью. Как и во многих других бывших колониях, в Индонезии, в Лингаджати, 25 марта 1947 г. было заключено компромиссное соглашение, которое лишь позволяло выиграть время каждой из сторон. США в этой ситуации стремились завоевать для себя выгодные позиции на будущее и содействовать нанесению удара по левым силам в стране. Возобновление голландцами военных действий после мирной передышки не помогло им удержать страну под своим контролем. 2 ноября 1949 г. были подписаны соглашения о признании суверенного государства Соединенных Штатов Индонезии, а 17 августа 1950 г. под давлением народного движения была провозглашена унитарная Республика Индонезия. Таким образом, голландцам, вопреки их планам, пришлось уйти из этой страны, так как они недооценили силу местного национально-освободительного движения. При этом часть индонезийцев хотели бы сохранить их присутствие из опасения засилья яванцев в будущем независимом государстве.

США в то время не считали Индонезию важной частью фронта борьбы с наступлением коммунизма в Азии, тем более что местные националисты легко подавили восстание во главе с ИКП в 1948 г. В странах ЮВА вооруженные методы не в меньшей степени, чем в других регионах, использовались революционерами для реализации политических целей, и связь с глобальным конфликтом между двумя блоками была и здесь несомненной.

В Малайзии с 1948 г. около восьми тысяч повстанцев под руководством Компартии Малайи, являвшиеся в подавляющем большинстве этническими китайцами, развернули войну в джунглях одновременно под лозунгами национального освобождения и социальной революции⁸. Вероятно, моноэтнический характер революционного движения в значительной мере способствовал будущему поражению малайских коммунистов. Поначалу Запад не вел активной борьбы с повстанцами: в довоенный период англичане не воспринимали коммунистическое движение в этом регионе всерьез, так как в коммунистические организации была успешно внедрена их агентура⁹ и Малайскую компартию они считали организа-

⁸ Эта война с затуханием продолжалась около 12 лет. Один из командиров, Чинь Пэн, с группой партизан оставался в джунглях Северной Малайи и Южного Таиланда несколько десятилетий.

⁹ Достаточно упомянуть, что агент вьетнамского происхождения Лай Тек, который был передан англичанам французской секретной полицией в Индокитае, работая на полицию в Сингапуре, вступил в Малайскую компартию и впоследствии стал ее генеральным секретарем! Однако японская агрессия разрушила всю разветвленную британскую агентурную сеть.

цией умеренного толка. Однако постепенно действия повстанцев стали рассматриваться как серьезная угроза. Англичане пришли к выводу, что восстанием в Малайе дирижируют из-за рубежа, увязывая начало восстания с созданием СССР Коминформа в 1947 г. и полагая, будто бы советские агенты привозят в Малайю деньги, документы и т.п. Сильный страх перед «коммунистическим заговором» из Москвы мешал колониальным властям понять, что восставшие опирались исключительно на свои силы, а если какое-то внешнее влияние и было, то оно шло из Китая. Тем не менее мобилизация огромных ресурсов и изощренная тактика британских колониальных властей и спецслужб (с использованием таких мер, как массированная информационная война или переселение полумиллиона китайцев из районов, граничащих с джунглями) помогли постепенно покончить с восстанием. Вероятно, именно опасения, связанные с глобальным противостоянием, заставили англичан оттянуть предоставление независимости этой стране до 1957 г. Для сдерживания вооруженного сопротивления в Малайзии колониальными властями было использовано 50 тыс. солдат, 60 тыс. полицейских и 200 тыс. местных ополченцев.

Периферические схватки холодной войны шли по всему периметру южных границ Китая. В Бирме, получившей независимость от Великобритании в октябре 1947 г., в 1948 г. развернулась гражданская война, где одной из сторон были коммунисты, которые поначалу одерживали верх над правительственными силами (на определенном этапе в союзе с ними стали выступать повстанцы из этнических меньшинств). В 1949 г. правительство контролировало лишь треть территории страны. Но в конце гражданской войны в Китае по согласованию с Трумэн-ом гоминьдановский генерал Ли Ми со своими частями перебрался в Северную Бирму, где на территории шанов он образовал полунезависимое бандитское государство, финансировавшееся Тайванем и ЦРУ из Таиланда. Там он не только способствовал поражению местных коммунистов, но и напал оттуда на провинцию Юньнань, где, однако, неизменно терпел поражение. Великобритания и Франция опасались нарастания внутренней нестабильности в Бирме и того, что она будет либо ввергнута в хаос, либо попадет под контроль коммунистов. поэтому вместе с США активно содействовали сдерживанию коммунистов и в этой стране.

В Южной Азии событием исторического значения было завоевание независимости Индией и Пакистаном. Как и повсеместно на Востоке, в Британской Индии летом 1945 г. начался подъем национально-освободительной борьбы, которую ведущая политическая сила страны — Индийский национальный конгресс стремился удерживать в русле ненасильственных действий. Резко обострились отношения между индуистами и мусульманами, столкновения между ними в некоторых княжествах носили кровопролитный характер. По плану вице-короля Индии Маунтбэттена от июня 1947 г., одобренному основными политическими силами, Индия расчленилась по религиозному признаку. 15 августа вступил в силу Закон о независимости Индии, согласно которому Индия и Пакистан получили статус доминионов в Британском Содружестве. Как и в большинстве других размежеваний, осуществленных англичанами при передаче власти своим колониям,

в них закладывались источники нестабильности и конфликтности, хотя формально вхождение в Индию или Пакистан решалось путем волеизъявления представителей каждого из 601 княжества. Пакистан оказался разделенным территорией Индии на две части — западную и восточную. Княжество Джамму и Кашмир стало объектом притязаний обеих стран и оказалось поделенным, а кашмирский вопрос на долгие годы стал причиной вооруженных конфликтов. Раздел колониальной Индии был кровавым, жертвами религиозной вражды стали не менее 700 тыс. человек, а несколько миллионов человек были вынуждены оставить свои дома и переселиться на территорию другого из двух появившихся независимых государств.

Постколониальная реструктуризация «третьего мира» была результатом иногда «инженерии» метрополий, иногда — автономных процессов, в которых этнический или религиозный факторы могли играть основную роль. Саудовская Аравия — пример государства, созданного не на основе этничности, а на основе транснациональной «религиозности». Пакистан явился другим примером, до сих пор не вполне концептуализированным¹⁰

26 января 1950 г. была введена в действие конституция независимой Индии. Начался сложный процесс формирования основ ее государственности, в котором учитывались как практика развитых западных демократий, так и местные особенности, в том числе традиционные общественные институты. Проводился в жизнь этнолингвистический принцип построения административной системы страны. Заслугой индийских лидеров было то, что в ней капиталистическая модернизация началась на ранних этапах независимости. Индийские коммунисты здесь участвовали в политической жизни страны как парламентская партия, а в ряде штатов им удалось добиться успеха на выборах. С учетом популярности социалистических идей ИНК ввел в свою программу как цель «построение общества социалистического образца», что означало, в частности, проведение мер по обеспечению равенства и социальной справедливости, сохранение как частного, так и государственного секторов в экономике и др. Как и для всех других государств Востока, важнейшее значение имела задача преодоления отсталости и зависимости от иностранного капитала.

Внешняя политика, установление системы взаимоотношений Индии с окружающим миром занимали важное место в стратегии индийских лидеров. В этот период Запад рассматривал Индию как возможного сильного союзника в сдерживании коммунистического Китая, а главным инструментом для этого стал Тибет. Индийское правительство с момента провозглашения КНР было настроено на выстраивание дружеских отношений с Китаем, но в октябре 1950 г., когда китайская армия разбила малочисленную тибетскую армию и вошла в Лхасу, отношение Индии к Китаю стало меняться. Антикитайские настроения подогревались западными державами. Великобритания решила занять компромиссную позицию и признала сюзеренитет, но не суверенитет Китая над Тибетом. В свою

¹⁰ Показательно, что официальным языком страны стал урду — язык переселенцев-мусаджиров, а не пенджаби, на котором говорит большинство населения.

очередь, США 24 июля 1950 г., когда уже разразилась корейская война, информировали англичан, что они намерены оказать тибетцам помощь оружием и нуждаются для этого в транзите через Индию. Однако вовлеченность США осталась низкой, поскольку англичане не одобрили этих планов, а Индия заняла осторожную позицию, не желая ссориться с Китаем. В целом Индия критически относилась к деятельности США по распространению холодной войны на Азию, но в данном случае индийцы одобрительно отнеслись к действиям США по оказанию поддержки группам тибетского сопротивления. Фактически начались военные действия низкой интенсивности в районе границы с Китаем. В марте 1951 г. было подписано секретное американо-индийское соглашение о военной помощи и сотрудничестве спецслужб. Англичане были заинтересованы в росте тибетского сопротивления, но не хотели провоцировать китайцев, чтобы не рисковать Гонконгом. Стратегической целью США было втянуть Индию в холодную войну и соответственно помешать ей придерживаться статуса неприсоединившегося государства. Но когда Неру узнал о планах США включить Пакистан в создаваемый блок СЕАТО, он отреагировал очень остро и тут же вступил в переговоры с Китаем по снятию напряженности вокруг Тибета.

Страны **Ближнего и Среднего Востока** в период 1945–1953 гг. также включались в орбиту холодной войны. В Иране в конце Второй мировой войны стояли советские войска, и перспектива вхождения этой страны в сферу советского влияния была для Сталина очень заманчивой. Однако на переговорах с Западом ему не удалось добиться уступок в данном вопросе: эта страна с богатыми нефтяными ресурсами была чрезвычайно важна для западных государств. Но иранская нефть интересовала и Сталина. В конце 1945 г. на севере Ирана было образовано автономное правительство Иранского Азербайджана, находившееся под советским влиянием и пользовавшееся советской поддержкой. Было сформировано и автономное правительство курдов в Мехабаде. Результатом маневрирования иранских властей было подписание 4 апреля 1946 г. в Тегеране соглашения о создании смешанного советско-иранского Общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений в Северном Иране. Но в конце 1946 г. иранские власти при поддержке США и Великобритании нанесли удар по позициям дружественных СССР сил. Правительственные войска вошли в Иранский Азербайджан и Северный Курдистан и жестоко расправились с политической элитой автономий. По данным Народной партии Ирана («Тудэ»), в Иранском Азербайджане было убито около 30 тыс. жителей¹¹. А 22 октября 1947 г. *меджлис* признал недействительным советско-иранское соглашение.

Началось активное военное и экономическое сотрудничество Ирана с США, поставившими задачу проникновения в эту страну и полной нейтрализации в ней советского влияния и коммунистической идеологии. Со своей стороны, Политбюро ЦК ВКП(б) в январе 1950 г. утвердило секретное постановление о развер-

¹¹ Одному из руководителей МГБ СССР П.А. Судоплатову было поручено предложить курдскому лидеру Мустафе Барзани политическое убежище. Ему и курдским офицерам была предоставлена возможность пройти подготовку в советских военных училищах и академии для того, чтобы в дальнейшем действовать против британского режима в Ираке.

тывании антиамериканской пропаганды в Иране с участием партии «Тудэ». США и Великобритания в Иране, как и в других нефтедобывающих странах Востока, здесь конкурировали друг с другом. Когда англичане разработали «дополнительное соглашение», которое сохраняло за ними права на эксплуатацию нефтяных ресурсов юга страны, меджлис в июле 1949 г. не без влияния американцев проголосовал против него. Национальное движение, которое развернулось в Иране, проходило под лозунгом отмены неравноправного договора о концессии 1933 г. и национализации нефтяной промышленности, но было ясно, что это движение имеет более широкие политические перспективы.

Страны Запада стали опасаться новой коммунистической угрозы внутри страны, которую несло усиление Народной партии Ирана. Занявший пост премьер-министра в апреле 1951 г. лидер Национального фронта Мосаддык отказался от англо-американского предложения передать иранскую нефть международной компании, а английская блокада не заставила правительство капитулировать. Возвышение Мосаддыка было для советской разведки неожиданным, и в письме из центра тегеранская резидентура подверглась жесткой критике за то, что не сумела оценить потенциал движения за национализацию нефти и «использовать его в целях ослабления американского и английского влияния». Американцы смотрели в то время на Иран исключительно через призму холодной войны, а англичане думали и (далеко не в последнюю очередь) о своих экономических интересах. Американцы запугивали шаха и иранских военных угрозой коммунистического переворота, который якобы готовила партия «Тудэ»¹², и шах согласился, что Мосаддыка следует убрать, чтобы не допустить этого. В 1952 г. президент Трумэн был против вмешательства в Иране, но новый президент Д. Эйзенхауэр в 1953 г. одобрил такой план. 25 июня 1953 г. новый госсекретарь США Джон Фостер Даллес на совещании с директором ЦРУ Алленом Даллесом одобрил план по свержению «этого сумасшедшего Мосаддыка». Успешно совершенный с помощью ЦРУ государственный переворот, в ходе которого премьер был арестован, стал первой в истории американской операцией по «смене режима» в иностранном государстве¹³. После этого спецслужбы США и Великобритании начали действовать в странах «третьего мира» более уверенно и бесцеремонно.

Турция стала одной из опорных баз капиталистического мира в регионе. Эта страна в послевоенное время тесно связала себя с США, была включена в сферу действия «доктрины Трумэна» и с 1948 г. стала получать массивную экономическую помощь в рамках «плана Маршалла». В американских планах сдерживания Советского Союза Турция занимала особое место.

На **Арабском Востоке** наряду с периферийными столкновениями холодной войны происходила социальная, политическая и идейная трансформация. Ярким примером этого была Палестина. Советский Союз в то время смотрел на араб-

¹² По рассекреченным документам американской разведки, она формировала группы иранцев, которые выступали в поддержку Мосаддыка, вытасывая себя за членов Народной партии, чтобы доказать обвинение в сотрудничестве Мосаддыка с коммунистами. На самом деле националистически настроенный иранский премьер и к Советскому Союзу отнесся с настроенностью.

¹³ За ней последовала аналогичная операция в Гватемале в 1954 г.

ские страны как на «вотчину империалистов», и поначалу у Сталина, вероятно, даже были иллюзии, что Израиль с его сильным социалистическим компонентом может стать проводником советских интересов. Он рассчитывал, что, способствуя разжиганию англо-американских противоречий, Советский Союз сумеет ослабить позиции Великобритании в регионе. Маневрируя, сверхдержавы все время меняли позиции. В конце Второй мировой войны СССР выдвигал идею замены британского мандата в Палестине на временное советское управление, затем предложил ввести коллективное управление СССР, США и Великобританией. После этого поддержал концепцию единого еврейско-арабского государства и, наконец, согласился с разделом Палестины. Всех ошеломила речь заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на Генеральной Ассамблее ООН 14 мая 1947 г. (решение поддержать раздел, видимо, было принято в конце апреля), где он впервые заговорил о «еврейском народе». Поддержка Москвой «сионистского проекта» была ударом для арабских коммунистов, политическое влияние которых на население было безнадежно ослаблено. (Один из лидеров палестинских коммунистов, Эмиль Тума, даже написал письмо в Москву с критикой выступления Громыко.)

В начавшейся после провозглашения государства Израиль арабо-израильской войне 1948–1949 гг. причудливо переплелись интересы местных, региональных, транснациональных и глобальных игроков, сочетались черты локального межгосударственного, межэтнического и межконфессионального столкновения с глобальным противостоянием двух сверхдержав. Советская пресса того времени мало внимания уделила резне, устроенной боевиками Иргун и ЛЕХИ в арабской деревне Дейр-Ясин 9 апреля 1948 г., советская дипломатия в ООН возложила вину за судьбу депортированных палестинцев на Великобританию и лояльные ей арабские режимы, выступила против не устраивавшего Израиль плана Бернадотта, а в декабре 1948 г. СССР проголосовал против проекта резолюции 194-III, предусматривавшего возвращение беженцев или выплату им компенсации. Со своей стороны, США верили, будто СССР поставляет оружие обеим воюющим сторонам, чтобы свалить арабские режимы и привести к власти коммунистов. Неожиданно сверхдержавы поменялись позициями: 9 марта 1948 г. США вдруг заявили, что план раздела не может быть мирно претворен в жизнь, и выступили за совместное управление, но теперь уже СССР был против!

Расчеты Сталина на использование Израйля не оправдались, советско-израильские отношения стали ухудшаться, вступив в острый кризис в 1952–1953 гг. после «дела врачей» в СССР, а в 1955 г. началось историческое сближение СССР с арабским миром. Лишь после этого затяжной арабо-израильский конфликт стал наиболее ярким в истории примером регионального конфликта, одну из сторон которого поддерживали СССР и его союзники, а другую Запад во главе с США.

Поражение арабов в первой арабо-израильской войне вызвало в арабских странах горечь национальной униженности и способствовало притоку сторонников в три главных идеологических движения арабского мира — светских националистов, коммунистов и исламистов (представленных в то время в основном организацией «Братья-мусульмане»). В лагере светских националистов были как

локальные (палестинские, алжирские, сирийские и др.), так и панарабские организации. Среди последних выделялись две образованные в конце 1940-х годов структуры — Партия арабского возрождения (Баас), к названию которой в 1954 г. было добавлено «социалистического», и Движение арабских националистов. Обе эти организации выдвигали лозунг единства всех арабов, который генетически восходил как к идеям основателей арабского национально-патриотического движения конца XIX — начала XX в., так и к существовавшим в ту же эпоху планам воссоздания Арабского халифата или образования Великого арабского государства. Другим лозунгом была «свобода», которая понималась как освобождение арабов от любой зависимости и освобождение Палестины. Светский национализм в условиях послевоенного бурления Востока выглядел более привлекательным, чем исламизм, который тоже апеллировал к прошлому, утверждая, что только создание исламского государства решит все национальные проблемы арабов. Привлекательность марксизма ослаблялась двумя факторами — его негативным отношением к религии и концепцией классовой борьбы, вступавшей в острое противоречие с популярным лозунгом единства всех арабов и соответственно приматом национального над социальным и классовым. Идея классовой солидарности трудящихся также противоречила растущей враждебности к еврейским иммигрантам, независимо от их социальной принадлежности. Светские националисты заимствовали у марксистов наиболее приемлемую часть их идеологии, прежде всего теорию революции, идеи социальной справедливости и равенства, борьбы с колониализмом и империализмом Запада. К двум влиятельным панарабским националистическим организациям добавилась и третья, концептуальная основа которой в тот период еще только складывалась в Египте, — «насеризм».

В конце Второй мировой войны в Египте активизировалось массовое движение за отмену англо-египетского договора 1936 г., в соответствии с которым в Египте находились английские войска. Одновременно в ходе забастовок и демонстраций выдвигались и экономические требования. В 1948 г. правительство провело через парламент закон «О борьбе с коммунизмом». После поражения в войне с Израилем молодыми армейскими офицерами было создано тайное общество «Свободные офицеры», руководство которого возглавил молодой подполковник Гамаль Абдель Насер. Под мощным народным напором правительство решило отклонить предложение Англии, Франции и Турции о присоединении к Средневосточному блоку, и вслед за этим парламент принял закон о денонсации договора 1936 г. и соглашения 1899 г. о Судане. Англичане тут же ввели дополнительные контингенты войск в зону Суэцкого канала. Начались столкновения египетских патриотов с английскими войсками и полицией.

В этих условиях 23 июля 1952 г. организация «Свободные офицеры» свергла короля и реакционное правительство и передала власть в руки Совета революционного командования, в котором взяла верх национал-патриотическая группировка во главе с Насером, выступавшая за окончательную деколонизацию страны. Резкая враждебность Насера к местным коммунистам, объяснявшаяся в первую очередь его неприятием интернационализма, на том этапе вызвала к нему

некоторые симпатии со стороны Вашингтона¹⁴ и двойственное отношение со стороны советских лидеров, которым нравился его антиколониализм, но претил антикоммунизм (в статьях некоторых советских авторов того времени его даже называли «фашистом»).

Сирия и Ливан стали независимыми еще в ходе Второй мировой войны. Для сирийских сторонников национального освобождения, так же как для египтян, стояла задача добиться вывода из страны англо-французских войск. После обсуждения в Совете Безопасности этот вопрос был решен, и войска выведены 17 апреля 1946 г. В это время западные державы стали лишаться военного присутствия в странах Востока, поэтому на повестке дня встала новая стратегия — создания военных блоков.

В Ираке прозападным силам удалось справиться с коммунистическим движением, и эта страна стала одним из центров по формированию под эгидой Запада новой блоковой структуры.

Первая холодная война завершилась со смертью Сталина и избранием президентом США Эйзенхауэра, который пообещал закончить корейскую войну и выполнил свое обещание. При Н.С. Хрущеве началась «оттепель» в отношениях с США, был провозглашен курс на **мирное сосуществование**. Одновременно Советский Союз наращивал свою ядерную мощь, приближаясь к достижению паритета с Америкой. Активизировалась советская политика на Востоке, которая стала более прагматичной и не обусловленной лишь задачами противостояния главному противнику.

ЧАСТИЧНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ (1953–1961)

В результате затухания первой холодной войны на Востоке временно установилась шаткая относительная стабильность. На Дальнем Востоке и в Индокитае возникло три революционных государства — КНР, КНДР и ДРВ, параллельно с которыми сохранились три капиталистические прозападные территории — Тайвань, Южная Корея и Южный Вьетнам. Капиталистическая тенденция преобладала, был свергнут левонационалистический режим Мосаддыка в Иране, подвергнуты репрессиям коммунистические силы в Индонезии, Малайе, на Филиппинах, потерпели поражения радикальные крестьянские движения (в частности, в Индии), огромное число государств оставалось под колониальным господством. Однако в условиях передышки в холодной войне продолжалась освободительная борьба народов Востока, происходила мобилизация социальных сил на внутренние революционные изменения. Происходили и столкновения, которые хотя и не носили такого кровопролитного характера, как в предыдущий период, но также были связаны с глобальной конфронтацией.

¹⁴ Первые контакты со «Свободными офицерами» установил сотрудник посольства США в Египте У. Лэйкленд.

24 февраля 1955 г. в Багдаде был заключен договор между Ираком и Турцией. С присоединением к нему Великобритании, Ирана и Пакистана он превратился в военный блок — Организацию Центрального договора (СЕНТО), а Пакистан, Филиппины и Таиланд образовали другой блок — Организацию договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Они были предназначены для военного сдерживания СССР и коммунизма. Тем самым страны Востока оказывались еще больше втянутыми в непрекращавшееся, хотя и принимавшее разные формы биполярное противоборство.

Оформившееся на Бандунгской конференции в апреле 1955 г. движение неприсоединившихся государств, среди которых большинство составляли государства Востока, несмотря на то что оно пользовалось поддержкой советского лагеря, на самом деле руководствовалось стремлением избежать втягивания в конфронтацию двух мировых сверхдержав. Не следует полагать, что все конфликты на Востоке были непосредственно связаны с этой конфронтацией. По крайней мере в двух регионах — на Индийском субконтиненте и на Ближнем Востоке — острая конфликтность, регулярно принимавшая форму вооруженного столкновения, имела свой генезис и свою собственную динамику, хотя в обоих случаях территориальное размежевание, проведенное с помощью «колониальной инженерии», заложило основу нестабильности. В конфликтах, вспыхивавших на **Индийском субконтиненте**, не было сценария «игры с нулевой суммой», и обе сверхдержавы придерживались нейтралитета и даже играли роль миротворцев. На **Ближнем Востоке** ситуация была иной — стратегические интересы сверхдержав и их ближайших союзников были вовлечены в локальную конфронтацию напрямую. Именно этот регион был поставщиком наибольшего числа революций и переворотов, не говоря уж об одном из наиболее затяжных региональных конфликтов — между Израилем и его арабскими соседями.

В этом регионе важные изменения в середине 1950-х годов происходили в Египте. Ставший в 1954 г. лидером страны Насер вел борьбу за вывод английских войск. США здесь вели свою игру, осуществляя энергичное проникновение в страны региона, иногда вместе со все больше уступавшими по возможностям и влиянию западными союзниками, но чаще оттесняя их. Огромную роль в этом играли спецслужбы, что может проиллюстрировать пример Египта. ЦРУ удалось установить тесные отношения с президентом Насером, и в 1954 г. ему была предложена широкая помощь в подготовке сил внутренней безопасности. Аллен Даллес, в частности, передал в египетскую службу безопасности опытного советника, бывшего оберштурмбанфюрера СС Деймлинга. Глава ЦРУ, симпатизировавший Насеру, несмотря на его пока еще очень осторожное сближение с восточным блоком, исходил из того, что ему и таким, как он, арабским националистам принадлежит будущее в арабском мире. Насер надеялся на получение оружия от США, но переговоры, состоявшиеся в 1954 г., окончились для него неудачей. Тогда, в 1955 г. Насер заключил первый контракт на покупку советского оружия. Чтобы сгладить негативное впечатление со стороны Запада от этой сделки, офицеры ЦРУ, через которых Насер поддерживал связь с США, посоветовали ему публично заявить, что оружие получено не из СССР, а из Чехословакии.

и включить в это свое заявление подготовленный ими пассаж об египетско-израильской разрядке. Вопреки советам американцев, Насер принял в 1955 г. участие в конференции в Бандунге, на которой родилось — при активной роли Египта — движение неприсоединения. В том же году Насер отказался примкнуть к созданному по инициативе англичан при поддержке США Багдадскому пакту. Дружественный Западу король Иордании Хусейн, несмотря на данное им Лондону обещание, тоже отказался примкнуть к пакту, в чем были усмотрены происки Насера. На Западе думали также, что под влиянием Насера Хусейн снял с поста командующего Арабским легионом английского генерала Глабб-пашу. Для англичан Насер стал главным противником в регионе.

В то же время советское руководство с 1955 г. стало постепенно сближаться с Насером и предпринимать первые шаги по привлечению на свою сторону его и других молодых националистических политиков Арабского Востока.

В данных условиях по распоряжению премьера А. Идена британские спецслужбы разработали план физической ликвидации Насера — это должно было стать третьей операцией Запада (после Ирана и Гватемалы) по «свержению режима»¹⁵. В Вашингтоне многие, но не все, тоже хотели бы устранить Насера. Французы настойчиво предлагали англичанам использовать военную силу. В 1956 г. произошел Суэцкий кризис, в ходе которого имело место нехарактерное для холодной войны размежевание. Англия и Франция, желая восстановить контроль над Суэцким каналом, национализированным Насером, в союзе с Израилем, преследовавшим свои цели, совершили вооруженное вторжение в Египет. СССР решительно выступил против, США же заняли позицию, которая была ближе к советской, нежели к английской. Это объяснялось тем, что в то время американцы не хотели участвовать в прямых военных действиях в регионе и рассчитывали привлечь на свою сторону новых националистических лидеров на Востоке (они видели в них потенциальных союзников в нейтрализации главной угрозы — коммунизма). Кроме того, в политической борьбе вокруг Египта проявилась попытка ЦРУ оказывать самостоятельное влияние на ход событий. В результате неудачной агрессии англичане серьезно испортили свои отношения с арабами и подтолкнули Насера к Москве. Вскоре СССР согласился оказать Насеру содействие в строительстве Асуанской плотины. Объединение Египта с Сирией в Объединенную Арабскую Республику в 1958 г. испугало западных лидеров, хотя политический эксперимент по созданию панарабского государства продолжался недолго.

Однако, как уже упоминалось, в 1950-е годы «игра с нулевой суммой» на Ближнем Востоке еще не была политическим императивом. Лишь позднее арабо-израильское противостояние стало ярким примером регионального конфликта, одну из сторон которого поддерживал СССР и его союзники, а другую Запад во главе с США. Эйзенхауэр вообще занимал осторожную позицию в отношении

¹⁵ Английская разведка считала своим большим успехом вербовку заместителя начальника разведки ВВС Египта Халиля, на которого она опиралась, планируя операцию. Лишь в 1957 г. выяснилось, что он действовал по заданию Насера.

Израиля, в то время как французское социалистическое правительство оказывало ему военную помощь. По мере сближения арабского мира с Советским Союзом арабо-израильское противостояние все больше становилось полигоном для сил биполярной конфронтации. Но провозглашенная 5 января 1957 г. «доктрина Эйзенхауэра» фактически предопределила возможность использования американской военной силы во имя идейно-политических целей, что позднее было реализовано во Вьетнаме и затем в Ираке¹⁶. Теперь уже не британская, а американская разведка предпринимала усилия для свержения Насера, а госсекретарь Даллес в 1957 г. заказал ближневосточному отделу госдепартамента исследование о возможности поворота вод Нила в Красное море, чтобы лишить Египет водных ресурсов.

Одним из важнейших событий этого периода в регионе стала начавшаяся в Алжире в 1954 г. освободительная война против Франции, упорно сопротивлявшейся неминуемой деколонизации. Но действия французов в Алжире не вызвали к ним симпатии у американских союзников.

Антимонархическая революция, происшедшая в июле 1958 г. в Ираке под руководством Абдель Карима Касема, на Западе была воспринята как результат сузкого триумфа Насера и сильнейший удар по позициям Запада. В то же время она укрепила надежды СССР на то, что революционно настроенные националисты, в том числе из числа военных, игравших в то время огромную роль практически во всех странах «третьего мира», могут быть важнейшими союзниками Москвы в противодействии Западу в различных регионах Азии и Африки. Именно тогда в советской общественной науке началась активная разработка таких понятий, как «революционные, или национальные демократы», «три потока мирового революционного движения (мировое коммунистическое движение, рабочий класс капиталистических стран и мировое национально-освободительное движение)», и основанных на них теорий, в том числе «некапиталистического пути развития» и, позднее, «пути социалистической ориентации».

Хотя Эйзенхауэр не разделял панических настроений Черчилля, предсказывавшего, что весь Ближний Восток, если Запад не предпримет решительных действий, может скоро оказаться под советским контролем, он также опасался революционного «эффекта домино», подобного тому, что имел место в Юго-Восточной Азии. Высадка 20 тыс. американских морских пехотинцев в Ливане для поддержки лояльного Западу президента Камиля Шамуна и десантирование 6 тыс. британских парашютистов в Иордании для поддержки короля Хусейна сразу же после свержения монархии в Ираке подтверждали серьезность этих опасений. Теперь, через два года после Суэца, США и Великобритания вновь действовали совместно и обсуждали планы возможной военной интервенции в Ираке. Однако, в отличие от Макмиллана, Эйзенхауэр не проявлял решимости прибегнуть к военной силе: его доктрина 1957 г. не предполагала, что США на практике будут

¹⁶ В доктрине помимо экономической и военной помощи упоминалось использование вооруженных сил «для оказания содействия любой нации или группе таких наций, обратившихся за помощью против вооруженной агрессии со стороны любой страны, находящейся под контролем международного коммунизма».

непременно использовать военную силу для свержения коммунистических или левых режимов. США явно предпочитали открытой военной интервенции тайные операции спецслужб. Кроме того, США не хотели терять моральный капитал, который они приобрели в арабском мире после Суэца. Их репутация стала ухудшаться лишь в самом конце 1950-х годов, когда они, как и Великобритания, стали открыто занимать произраильскую позицию. Но госсекретарь Даллес прямо говорил о необходимости дистанцироваться от европейского колониализма.

Касем, ударивший по самому центру антисоветской блоковой системы на Ближнем и Среднем Востоке и к тому же установивший неплохие отношения с местными коммунистами, был для Москвы хорошим кандидатом в новые союзники. Международный кризис вокруг Ирака в 1958 г. был значительно более серьезным, чем принято считать. Советский Союз выступил с резкими угрожающими предупреждениями насчет англо-американской интервенции в Ираке. Решения в советском руководстве принимались непросто: представление о том, будто в то время при обсуждении вопросов внешней политики на Президиуме ЦК КПСС господствовало единомыслие, было связано исключительно с засекреченностью материалов его заседаний. Повторяя опасения военных, которые высказывались еще в 1957 г., маршал К.Е. Ворошилов на заседаниях заявлял, что ему не нравилась воинственность политики Советского правительства на Ближнем Востоке и что частое повторение угроз в адрес Запада их обесценивает (имелись в виду два заявления Советского правительства)¹⁷. Он считал, что поддержка прогрессивных режимов на Ближнем Востоке может иметь для Советского Союза катастрофические последствия, спровоцировав войну с США. Другие члены Президиума также не хотели войны, но считали, что лучший способ избежать ее — постоянно угрожать США. Эту точку зрения поддерживал Н.С. Хрущев. А.И. Микоян говорил, что США размышляют, пойти ли им на интервенцию в Ираке, причем их решение зависит от того, будет ли СССР в этом случае воевать, защищая эту страну. (Ирак в дальнейшем еще несколько раз станет объектом силовых акций Запада.) Ворошилов же утверждал, что Запад уже принял решение о вмешательстве, поэтому не надо рисковать, чтобы тем самым не стать обязанными вступить с США в открытое военное противостояние. Можно предположить, что вероятность столкновения великих держав из-за Ирака была тогда вполне реальной. Именно страх перед возможной военной англо-американской интервенцией лежал в основе обращения Хрущева к лидерам шести государств на конференции в Женеве 22 июля. Было принято решение об оказании военной помощи Ираку, а доставка вооружений и военной техники осуществлялась при помощи Египта. В то же время советское руководство спокойно отнеслось к отправке американских и британских войск в Ливан и Иорданию.

Между западными державами не было согласия и по вопросу о признании нового руководства Ирака. Когда вопрос об интервенции был снят, Англия посчитала необходимым признать Ирак, чтобы не толкать его в объятия СССР, США же не хотели торопиться, чтобы не вызвать обиду у лидеров Ирана и Турции.

¹⁷ По новым архивным материалам, исследованным А.А. Фурсенко и Т. Нафтали.

Тем не менее США тоже пошли на признание нового режима. Но уже активно шло советско-иракское сближение, и под влиянием Москвы Касем согласился сотрудничать с коммунистами. Для Хрущева огромное значение имела асимметрия иракского кризиса. Признание Ирака Западом было расценено как политическая победа СССР, советский лидер стал действовать на международной арене гораздо более решительно (в частности, во время кубинского кризиса). Был сделан вывод, что Запад хотел силой свергнуть иракский режим, но отступил под советским давлением и что мощное политическое давление является единственным языком, понятным для западных соперников СССР. Таким образом, Ирак сыграл важную роль в холодной войне.

Именно во время этого кризиса предпринимались попытки втянуть КНР в новый оборонительный союз, что было связано с новой «малозатратной» военной доктриной Хрущева. Он верил в то, что подводный флот может значительно усилить обороноспособность страны, но порт Владивосток мог быть легко блокирован силами НАТО. Поэтому Хрущев хотел, чтобы Мао разрешил СССР пользоваться китайскими портами хотя бы в случае войны и установить на юге Китая радиостанции для связи с Тихоокеанским флотом. Но 15 июля 1958 г. Мао сам направил письмо Хрущеву с просьбой помочь в модернизации ВМФ КНР. Здесь опять сыграл роль личностный фактор. Вместо того чтобы ответить Мао письменно (такого рода документы обычно готовил опытный Микоян), Хрущев поручил послу Юдину передать китайскому лидеру устное послание. Мао интерпретировал ответ (подлинное содержание его беседы с советским послом неизвестно) как предложение создать совместный советско-китайский флот под командованием Москвы, т.е. как намек на то, что ему предлагают быть вассалом. В телеграмме 22 июля Юдину пришлось сообщить в Москву, что Мао отверг предложение, назвав его «проявлением великорусского шовинизма». Более глубокая причина этого и подобных конфликтов была в том, что критика Хрущевым культа личности Сталина и политика мирного сосуществования вызывала неприятие со стороны Мао. Так обозначились контуры идейно-политического противостояния, хотя контакты на высшем уровне с обсуждением совместных действий в борьбе с главным противником еще продолжались (в 1958–1959 гг. Хрущев в ходе конфиденциальных встреч с китайским лидером обсуждал вопросы координации действий СССР и КНР в сфере внешней политики и обороны).

Во второй половине 1950-х годов ярко проявился национал-утопизм Мао, его, по выражению Б. Шварца, «коллективистский мистицизм», с помощью которого он рассчитывал моментально превратить Китай в развитое государство, где будет построен коммунизм. В рамках этой волюнтаристской идеологии, далекой от классического марксизма и основанной на безумной вере во всемогущество субъективного революционного порыва, с мая 1958 г. руководство КПК стало проводить курс на осуществление «большого скачка в промышленности и сельском хозяйстве» (с помощью дворовых плавильных печей удалось всего за год удвоить, а еще через год утроить выплавку стали), ускоренное создание крестьянских «народных коммун» (их было создано за два месяца 24 тыс.). Китай стал выступать против тезиса Хрущева о возможности предотвращения мировой войны и пошел

на осложнение отношений со своими соседями, подвергнув бомбардировкам с воздуха позиции гоминьдановских войск на Тайване. С учетом событий на Ближнем Востоке США прореагировали очень решительно: в Тайваньский пролив отправились американские авианосцы, а в сентябре 1958 г. Эйзенхауэр подтвердил готовность США использовать ядерное оружие в случае обострения конфликта. В ходе краткого визита в КНР в августе Хрущев дал понять Мао, что ему не следует рассчитывать на помощь СССР в тайваньском кризисе. После того как в январе 1959 г. советский лидер выдвинул идею превращения Дальнего Востока в безъядерную зону, о том, что КНР была стратегическим союзником СССР, можно было забыть. Выступления китайских лидеров на мировой арене против поддержания и статус-кво, и биполярности, а в двухсторонних отношениях против «советского гегемонизма» вели к разрыву между СССР и Китаем.

Как точно отмечает российский политолог А.Д. Богатуров, КНР с конца 1950-х годов добивалась выравнивания своего статуса в отношении с США и СССР. Существует спорная точка зрения, что начиная с этого времени именно Китай, а не СССР стал главным фактором глобальной политики США на всю оставшуюся часть столетия и вероятность возникновения полномасштабной войны между ними сделалась весьма высокой. Однако госсекретарь США Дж.Ф. Даллес 10 февраля 1959 г. заявил, что США было важно держать коммунистические режимы «под давлением», которое могло бы привести к их дезинтеграции. США исходили из того, что ни СССР, ни КНР не начнут большую войну и не пойдут на такую агрессию, которая вызовет столкновение с США.

Насилие над самой природой общественного развития в Китае быстро привело к краху: в 1960–1961 гг. деревня была поражена массовым голодом, а энтузиазм масс быстро сменился протестом.

Как и на Ближнем Востоке, в других регионах Востока западные спецслужбы и отдельные колониальные чиновники также пытались оказывать влияние на политику своих правительств. В частности, англичане, испытывавшие страх перед возможной победой коммунистов в Индокитае, в мае 1955 г. решили предпринять «специальные меры» для оказания поддержки Народному Сиануку в борьбе с его коммунистическими оппонентами, согласовав их с американцами (но не с французами). Эти меры состояли в радиопропаганде и отправке офицеров камбоджийских спецслужб на подготовку в Великобританию. В то же время американская разведка, хотя она и действовала в контакте с англичанами, вела в этом регионе свою «тихую» дипломатию. Например, резидент ЦРУ в Бангкоке Джантзен уговорил тайландского премьера Сарита отказаться от намерения совершить запланированное им вторжение в нейтральную сиануковскую Камбоджу.

«КОЛЕБАТЕЛЬНЫЙ АНТАГОНИЗМ» И ВОЛНА «ПОЛЕВЕНИЯ» (1961–1969)

В этот период близился к завершению процесс **деколонизации**, которому содействовала принятая ООН 14 декабря 1960 г. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В ООН был образован Специ-

альный комитет по контролю за осуществлением этой декларации. Если в период с 1943 по 1960 г. государственной независимости добились 20 стран Азии и Африки, то с 1960 по 1975 г. — еще около 50.

В эти годы **раскачивание стабильности** на Востоке усилилось, борьба за освобождение продолжалась, а в целом ряде стран происходил процесс «полевления», сопровождавшийся заимствованием элементов советского опыта и этатизацией экономики. Новым элементом мирового баланса сил в этот период стало советско-китайское соперничество, также оказавшее существенное влияние на политическую ситуацию в странах Востока, и прежде всего на революционные движения.

На **Ближнем Востоке** переход Насера в 1961 г. к «некапиталистическим» реформам, антиколониальная война в Алжире под руководством Фронта национального освобождения, завершившаяся провозглашением независимости в 1962 г., антимонархическая революция 1962 г. в Йемене, антиколониальное вооруженное восстание, вспыхнувшее в октябре 1963 г. в Южной Аравии, усилили страх западных лидеров перед угрозой того, что регион Ближнего Востока может оказаться под влиянием СССР и его союзников. В 1961 г. Великобритания ввела войска в Кувейт, чтобы защитить его от возможного вторжения Касема, британская разведка инспирировала волнения в Иракском Курдистане, а ЦРУ вновь попыталось работать с Насером, чтобы помочь иракским баасистам захватить власть. В феврале 1963 г. не без помощи тайных операций американской и британской разведок баасисты свергли Касема и развернули кровавый террор против иракской компартии и сторонников прежнего режима, но они не стали орудием сдерживания советского влияния. Восстановить же доверительный контакт с Насером американским разведчикам не удалось. При президенте Джонсоне Вашингтон отошел от поддержки арабских националистов, сделав окончательный выбор в пользу безусловной поддержки Израиля.

Франция долго и отчаянно сопротивлялась алжирцам, с оружием в руках борющимся за независимость. При попытках подавить это движение была проявлена чрезвычайная жестокость. Но в процессе и под влиянием этих событий Франция пошла на деколонизацию Туниса и Марокко. С такой же легкостью Великобритания, потеряв Египет, согласилась на деколонизацию Судана — он был уже не нужен.

В ходе этих событий играл свою роль новый фактор — содействие силам, выступавшим за изменение статус-кво, со стороны усилившихся региональных игроков, все чаще и чаще проявлявших политическую активность. Так, в гражданской войне между республиканцами и монархистами в Йемене на стороне первых выступали египетские войска (также в обороне осажденной монархистами республиканской Саны участвовали не только советники из СССР, но и несколько боевых самолетов с советскими экипажами). Алжирцы добились независимости фактически при опоре на внутренние силы, но при политической поддержке извне. Но вскоре они сами стали оказывать всестороннюю помощь фронту ПОЛИСАРИО в Западной Сахаре, который повел борьбу за отделение от Марокко. Саудовская Аравия в Йемене активно поддерживала монархистов. В 1963 г.

началась война за освобождение в аденской колонии и английских протекторатах Южного Йемена, завершившаяся провозглашением независимости в ноябре 1967 г. И здесь Египет оказывал поддержку одной из национально-освободительных организаций — Фронту освобождения оккупированного Юга Йемена (ФЛОСИ), правда проигравшему в противоборстве с другой организацией — Национальным фронтом.

Драматические события в регионе развернулись в июне 1967 г., когда эскалация напряженности в отношениях между Израилем и арабскими странами (Египтом, Сирией, Иорданией) привела к вспыхнувшей 5 июня новой войне, имевшей катастрофические последствия для арабов. В египетской, американской, израильской историографиях укоренилось мнение, что обострению ситуации способствовала передача советским представителем (то ли послом Д.П. Пожидаевым, то ли советником) египтянам 12 или 13 мая 1967 г. информации о концентрации израильских войск на сирийской границе, побудившей Насера к решительным действиям. Высказывалось и предположение о том, что эту информацию подбросили советской разведке сами израильтяне. Однако советское руководство, опираясь на мнение дипломатов и военных советников, хорошо понимало, что Израиль в военном отношении превосходит арабские государства, и вряд ли было заинтересовано в войне, которая привела бы к поражению арабов. Само же оно ни в коем случае не намеревалось ввязываться в конфликт. В то же время некоторые советские государственные деятели внушали Насеру мысль о его превосходстве над Израилем. Среди них был, в частности, министр обороны А.А. Гречко. Могли вызывать иллюзии у Насера и хвалебные высказывания Л.И. Брежнева о боеспособности египетских вооруженных сил.

Однако когда 25 мая военная делегация Египта во главе с военным министром Бадраном поставила на переговорах в Москве вопрос о возможности начала превентивной войны против Израиля, председатель Совета министров А.Н. Косыгин выступил категорически против. Именно после этого, 26 мая, сирийский премьер-министр Юсеф Зу'йн, по сообщению советской разведки, предложил Насеру идею превентивных действий против Израиля, но Насер отверг ее. Правда, у израильтян действительно существовал план военных действий против Сирии с захватом части ее территории (он впервые был разработан еще в 1957 г.). За несколько дней до этого Египет потребовал вывода чрезвычайных сил ООН с Синая, ввел туда египетские войска, а затем закрыл Тиранский пролив для израильского судоходства. С началом нападения на Египет 5 июня израильская авиация сумела уничтожить всю египетскую авиацию еще на летном поле¹⁸. В результате «шестидневной войны» Израиль оккупировал Западный берег реки Иордан, Восточный Иерусалим, сектор Газа и Голанские высоты. С тех пор уре-

¹⁸ В течение первого дня военных действий египетские средства массовой информации передавали победные репортажи о сбитых израильских самолетах (в это время египетских ВВС уже не существовало), а когда поражение уже нельзя было больше скрывать, 8 июня Насер подал в отставку, передав свои полномочия прозападно настроенному вице-президенту Закарии Мохиддину. В результате мощного народного движения в поддержку Насера он остался на своем посту, заодно избавившись от Мохиддина, которому пришлось уйти.

гулирование арабо-израильского конфликта стало одним из важнейших внешнеполитических приоритетов двух сверхдержав и всего международного сообщества, а палестинские арабы надолго остались не имеющим своей государственности народом, чьи земли находятся под оккупацией. После поражения арабов в войне СССР восстановил все вооружение и технику, которые потерял Египет. Насер даже проявил готовность вступить с Москвой в союзнические отношения, но советское руководство проявило благоразумие и убедило его в нецелесообразности такого шага.

В 1960-е годы основная часть колониального мира Востока превратилась в совокупность номинально суверенных государств, большинство из которых не имело устойчивых традиций собственной государственности. Э. Хобсбаум верно заметил, что именно страны с длительной историей государственности — Китай, Турция, Иран — стали ареной вооруженных революций, совершенных государствообразующими группами. Но в то время идея независимого суверенного государства с четко определенными границами, отделяющими его от других таких же образований, и подчиненного контролю одного правительства подчас выглядела странной в глазах местного населения, различные группы которого привыкли общаться друг с другом через рубежи, не воспринимаемые ими как границы. Территории новых независимых государств были в основном определены колониальными завоеваниями и волей метрополий, предоставивших независимость, зачастую при этом вовсе не учитывались местные факторы. В какой-то мере искусственность межгосударственного размежевания и неподготовленность местного менталитета к процессу создания суверенных государств Востока того времени можно спроецировать и на постсоветское государственное строительство 1990-х годов.

Сопротивление этому процессу совмещалось с отторжением традиционными восточными обществами колониальной и постколониальной модернизации. В этих условиях непростой задачей для национально-освободительных движений, ведомых преимущественно представителями среднего класса, было завоевание поддержки масс консервативного населения, приверженного вековым традициям, в процессе не только деколонизации, но и осуществления программы модернизации. Жесткие идеологические системы играли важнейшую роль в этом процессе. Арабский национализм Насера и баасистов позволил мобилизовать на перемены такие слои населения, которые традиционно выступали против нововведений. Соединенный с местным национализмом марксизм южноафриканских революционеров, опиравшийся на концепцию вооруженной борьбы, позволил нанести сокрушительный удар по трибализму и родоплеменной солидарности. Еще раньше, в период освободительной борьбы в Индии, Махатма Ганди, осуществляя политическую мобилизацию через призывы к традиционной национальной индийской духовности, сохранял связи с «модернизаторами» и избегал конфронтации с местными мусульманами, к которой всегда тяготели воинствующие индийские националисты. Таким образом, был сформирован особый индийский формат национально-освободительной революции: коллективный акт пассивного неповиновения и социальная модернизация (что проявлялось прежде всего в от-

рицании кастовых различий). Ганди сделал индуизм одновременно и популистским, и обновленческим.

Исламисты (в первую очередь «Братья-мусульмане») сочетали идеи освобождения с приверженностью концепции транснациональной исламской государственности, в которой консерватизм парадоксальным образом сочетался с реформизмом. На Арабском Востоке все политические силы (за редким исключением) так или иначе уважали всеобщую религиозность народа. Но в отличие от Индии 1940-х годов арабские революционеры 1950–1960-х поднимали на борьбу не деревню, а средние городские слои, прежде всего интеллигенцию. Но и ее значительная часть попадала под влияние исламских радикалов. Принято считать, что такие исламские мыслители, как египтянин Сейид Кутб (1906–1966), индопакистанец Маулана Абуль Аля аль-Маудуди (1903–1979), в тот период сыграли особо важную роль в продвижении идей религиозно-революционного насилия в исламском мире.

В **Индокитае** в начале этого периода происходило резкое усиление поддерживаемых Северным Вьетнамом повстанцев Южного Вьетнама, а Лаос и Камбоджа фактически перестали быть нейтральными. Вмешательство США, параноидально опасавшихся распространения коммунизма в Юго-Восточной Азии, принимало все более откровенный характер. В ноябре 1963 г. США помогли южновьетнамским военным свергнуть президента Дьема, в августе 1964 г. конгресс США санкционировал использование военной силы во Вьетнаме после того, как два американских миноносца якобы были атакованы в Тонкинском заливе¹⁹, в феврале 1965 г. президент Джонсон принял решение об отправке дополнительного контингента сухопутных войск и ВВС во Вьетнам. Широкомасштабные бои между силами Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и войсками сайгонского правительства, поддерживаемыми вооруженными силами США, параллельно с варварскими американскими бомбардировками Северного Вьетнама и районов Южного Вьетнама, контролируемых повстанцами, вызвали в конечном счете гибель четырех миллионов вьетнамцев, в том числе большого числа мирных жителей. В мае 1966 г. США впервые вторглись в Камбоджу, а в 1969 г. подвергли бомбардировкам вьетнамские войска, дислоцированные в этой стране. Острое идеологическое противостояние между СССР и КНР не помещало обеим державам оказывать Северному Вьетнаму все возрастающую военную и экономическую помощь.

Использование даже небольших и не имеющих серьезного стратегического значения государств в геополитической игре глобальных и региональных держав хорошо иллюстрирует пример Лаоса. Еще во второй половине 1950-х годов советское руководство не уделяло большого внимания Индокитаю. Хрущев посетил Бирму и Индонезию, но не счел нужным захватить во Вьетнам. После XX съезда КПСС Хо Ши Мин поддержал хрущевскую концепцию мирного сосуществования, но по мере нарастания советско-китайских противоречий и осо-

¹⁹ Это так и не было подтверждено, что напоминает ситуацию с якобы обнаруженным оружием массового уничтожения в Ираке и связями Садама Хусейна с «аль-Каидой» в 2003 г.

бенно после частичного отхода Хо Ши Мина от дел в 1958 г. руководство ДРВ стало склоняться к более революционаристским позициям, а на XV пленуме ЦК КПВ в 1959 г. заменило лозунг «мирного сосуществования» на «стратегию борьбы за объединение с использованием военных методов». Политика Вьетнама беспокоила советское руководство, отчасти поэтому в Лаосе Хрущев с большей симпатией относился к нейтралсту Суванне Фуме, чем к провьетнамским коммунистам. Для него мирный переход к социализму такой страны был бы в перспективе отличным подтверждением оправданности его нового курса. В целом же до начала 1960-х годов Лаос не вызывал интереса у СССР.

В отличие от СССР США в стратегии холодной войны уделяли этой стране гораздо большее внимание. Эйзенхауэр опасался, что переход власти в Лаосе к прокоммунистическим силам может угрожать продолжением коммунистической экспансии дальше — в Бирму, Камбоджу и Таиланд. Поэтому он рассматривал Лаос как «ключ ко всей зоне Юго-Восточной Азии». США рассчитывали, что поддержанный ими военный переворот Конга Ле 9 августа 1960 г. закроет дорогу во власть левым силам. Однако этот командир батальона упрекнул США за вовлечение Лаоса в политику холодной войны и передал власть Суванне Фуме. Тогда наконец были установлены дипломатические отношения СССР с Лаосом, советским руководством было принято решение об оказании ему помощи, в том числе военной. Американская администрация, в свою очередь, стала активно поддерживать генерала Фуми Носавана, развернувшего борьбу против нейтралистского правительства. Коммунисты — фронт Патет Лао — установили контроль над половиной территории страны, и США даже стали обдумывать планы направления войск в Лаос. Хрущев хотел, чтобы лаосские коммунисты вступили в единый фронт с нейтралистами, а ориентация на Суванну Фуму стала стержнем советской политики в отношении Лаоса. Советский лидер не разделял оптимизм китайцев и северовьетнамцев по поводу возможной победы вооруженной революции в регионе. Однако после довольно успешных действий левых и нейтраллистов в Лаосе он сделал поправку к стратегии мирного сосуществования, заявив в 1961 г., что иногда вооруженная борьба необходима для национально-освободительных движений, а борьбу вьетнамцев и алжирцев назвал «священной войной».

Несмотря на то что Женевская конференция 1962 г. гарантировала нейтралитет Лаоса, ситуация оставалась напряженной. Хотя США продолжали оказывать военную помощь некоммунистическим силам, коммунисты, опираясь на Северный Вьетнам, становились все сильнее. Пытаясь уничтожить «тропу Хо Ши Мина», самолеты США сбросили на Лаос 580 тыс. бомб и 2 млн. т взрывчатки.

В **Юго-Восточной Азии** трагические события произошли в Индонезии. Начавшаяся в 1963 г. конфронтация с появившейся на политической карте Малайзией усилила влияние внешних игроков на ситуацию в Индонезии, президент которой стал выступать против политики мирного сосуществования и сближаться с Китаем. Запад начал испытывать серьезное беспокойство по поводу дальнейшей судьбы этой страны и подстрекать местных военных, СССР не имел желаний поддерживать прокитайские тенденции. В октябре 1965 г. правые военные об-

винили Коммунистическую партию Индонезии, находившуюся под сильным влиянием маоистов и располагавшую значительными ресурсами, в попытке переворота. В ходе развернутого в стране террора против левых организаций погибло не менее полумиллиона человек, не менее полутора миллионов были брошены в тюрьмы. Непосредственное участие в этих событиях принимало ЦРУ. Американская разведка передала Индонезии список индонезийских коммунистов, который ей удалось заполучить с помощью своей агентуры в регионе, и все люди из списка были уничтожены.

На **Дальнем Востоке** главные события разворачивались в Китае и вокруг него. В Китае окончательно победил экстремистский, левацкий революционаризм. Чтобы подавить недовольство своим политическим курсом, Мао в 1965 г. поддержал анархистское молодежное движение «красных охранников» — *хунвэйбинов* и «бунтовщиков» — *цзаофаней*, с их помощью под флагом «великой культурной революции» (1966–1970) были подвергнуты репрессиям многие партийные руководители и интеллигенция. Вместе с бесчинствующими *хунвэйбинами* в «захвате власти» участвовали подразделения армии. С конца января 1967 г. началось создание новых органов власти — «ревкомов». Китайское руководство, как когда-то Л. Гроцкий, говорило о «непрерывной революции», о необходимости готовиться к войне. По словам американского автора М. Халперина, Китай выступил против программы разоружения, предложенной Хрущевым в начале 1960-х годов, так как считал, что она направлена против его национальных интересов и дела мировой революции. Уверенность Китая в своих силах укрепилась с его вступлением в «ядерный клуб» в 1964 г.

Одним из проявлений роли как системного, так и несистемного, личностного факторов была происходившая во время «культурной революции» характерная для всех тоталитарных режимов смертельно острая борьба, чистки и перестановки в правящей элите КНР. Показательна загадочная история, происшедшая с министром обороны КНР, одним из высших военных, партийных и государственных руководителей страны, расемагнривавшимся как будущий преемник Мао, маршалом Линь Бяо (его жена тоже была членом Политбюро ЦК КПК). Линь обеспечивал поддержку контролировавшейся им армией политики «культурной революции» Мао, но в 1971 г. был заподозрен им в подготовке государственного переворота. Большинство историков и свидетелей той эпохи считают, что Линь всегда оставался лоялен к Мао, но, получив слишком большую власть, стал жертвой его параноидальной подозрительности, другие — что переворот действительно готовила группа военных, в которой активную роль играл не сам Линь Бяо, а его сын, Линь Лиго. Высказывалась и версия, что падение Линя началось с его отказа подписать заявление с самокритикой после второго пленума ЦК КПК в августе 1970 г., когда Мао уже начал предпринимать шаги по ослаблению его позиций. Осенью 1971 г. попавший в опалу Линь начал готовиться к бегству вместе со своей семьей в СССР, где он в прошлом провел четыре года. Самолет, на котором летела семья, 13 октября 1971 г. разбился над Монголией. Для изучения места аварии туда вылетела группа представителей советских спецслужб, а останки погибших были вывезены для идентификации в СССР.

Резкий отход Китая от советской модели развития, его окончательный выход из-под влияния СССР в сочетании с превращением в ядерную державу, попытка завоевать лидерство в мировом коммунистическом движении, приведшая к его расколу, желание господствовать в национально-освободительном движении постепенно привели к тому, что КНР превратилась для СССР из младшего союзника в едва ли не второго — после США — главного противника. Для Китая «советский гегемонизм» стал одним из главных врагов. Развернулась своего рода «параллельная холодная война», отвлекавшая ресурсы и КНР, и СССР. Одновременно наметилась тенденция к примирению Китая и США, когда в 1968 г. президентом стал Р. Никсон, декларировавший намерение учитывать «китайские» реалии в азиатской политике Вашингтона. Китай нанес поражение Индии в локальной войне 1962 г., что еще больше убедило Дели в необходимости скорейшего создания ядерного оружия.

На фоне вовлеченности коммунистических стран Азии в многоуровневое противостояние, осложненное социально-экономическими экспериментами, Япония, Гонконг, Южная Корея и Тайвань добивались внушительных экономических успехов. Темпы роста ВВП Японии на протяжении всего периода 1960-х годов были самыми высокими в мире, а безопасность страны обеспечивалась с помощью договора с США.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ НА ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ РАЗРЯДКИ (1969 — конец 1970-х годов)

В эти годы продолжался процесс **становления национальных государств**, среди которых шло размежевание между сторонниками различных путей развития. Дальнейшее обострение советско-китайского соперничества стало одной из главных отличительных черт политических процессов на Востоке этого периода. Среди стран Азии и Африки стало более четким разделение на входящие в социалистический блок; идущие по пути капиталистического развития; избравшие путь «социалистической ориентации», когда на местную почву пересаживались элементы советской или китайской модели развития. Некоторые из них провозглашали особую концепцию «третьего пути», который не был ни капиталистическим, ни социалистическим. Лавирование между сверхдержавами помогало отдельным режимам укреплять власть и добиваться реализации задач строительства национального государства. На Востоке то и дело вспыхивали конфликты, происходили перевороты, в результате которых к власти, как и в предшествовавший период, часто приходили военные. Начавшаяся в отношениях между Западом и советским блоком разрядка не остановила конфронтацию и соперничество сверхдержав и их союзников на Востоке, где в качестве самостоятельного игрока все чаще пытался выступить Китай.

Именно эта страна оказывала наибольшее влияние на ситуацию на **Дальнем Востоке** и во многих странах Востока. Фактор советско-китайского противостояния играл большую роль в холодной войне между Западом и Востоком

и оказывал серьезное воздействие на революционное движение в странах Востока. Во времена конфронтации 1960–1970-х годов при формировании политической линии в отношении Китая в советском руководстве шла борьба между двумя группами. Одна из них стояла на резко антикитайских позициях и предлагала проведение решительных действий для его нейтрализации как противника. Одним из идеологов этой группы был заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О.Б. Рахманин. В 1971 г. представителями этой группы даже высказывалась идея нанесения по Китаю ядерного удара. Другая группа во главе с А.Н. Косыгиным отстаивала сдержанный подход и считала необходимым прилагать усилия к смягчению идеологических противоречий и нормализации отношений. Тем не менее вдоль китайской границы в СССР были сосредоточены предприятия военной инфраструктуры, а противостояние двух держав поглощало как в КНР, так и в СССР огромные ресурсы. На Востоке возникло немало партий и организаций прокитайской ориентации, под влиянием маоистского руководства Китая оказался ряд лидеров азиатских и африканских государств.

Огромный вред стране нанесли репрессии периода «культурной революции», во время которой, по оценочным данным, было уничтожено не менее миллиона человек. а много миллионов были арестованы и сосланы, 12 млн. молодых людей были направлены для «перевоспитания» в деревню. В 1970-е годы руководство КНР отказалось от многих установок «культурной революции», после смерти Мао в 1976 г. была подвергнута критике и позднее арестована руководившая ею «банда четырех». В ходе борьбы между различными группировками и отдельными личностями в партийно-государственном руководстве, которая всегда была важнейшим фактором политической жизни Китая, победили прагматики. С 1977 г. постепенно в стране возобладали реформаторские идеи реабилитированного Дэн Сяопина на модернизацию, важнейшей составной частью которой являлись постепенный демонтаж командно-административной системы управления и переход к рыночной экономике. Летом 1978 г. Китай подписал Договор о мире и дружбе с Японией, уже входившей к тому времени в число самых развитых государств мира.

На **Ближнем Востоке** 7 января 1970 г. Израиль резко обострил конфронтацию с Египтом. Обвинив его в нарушении соглашения о прекращении огня, он начал воздушные бомбардировки египетских целей в густонаселенных районах страны в рамках своей новой стратегии «глубокого проникновения». С помощью этой стратегии Израиль рассчитывал загнать Насера в угол и создать условия для его падения. Насер обратился за помощью к СССР. Во время секретного визита в Москву, начавшегося 22 января, он сказал, что, если Москва не окажет ему решительной помощи, ему придется уйти в отставку и его место займет проамерикански настроенный президент. В этих условиях Политбюро ЦК КПСС приняло беспрецедентное решение о прямом участии в противовоздушной обороне Египта. Туда должны были направиться дивизионы ракетно-зенитных комплексов с боевыми расчетами, 150 самолетов с советскими экипажами, 12–14 тыс. военнослужащих, включая 150 пилотов, 10 тыс. человек технического персонала для обслуживания ракетно-зенитных комплексов. В феврале–марте шло развертыва-

ние этих сил, а когда в апреле в районе дельты Нила произошло их первое столкновение с израильскими ВВС, Израилю пришлось отказаться от стратегии «глубокого проникновения». Советская помощь не только помогла защитить Египет от воздушных атак Израиля, но и создала условия для успешных действий египетских вооруженных сил в новой войне 1973 г.

После смерти Насера президент Анвар Садат избавился от ближайших сторонников Насера и, приступая к серьезному изменению внутренней политики, решил постепенно менять и внешнеполитическую ориентацию. Дело было не только в прозападных настроениях Садата, но и в бесперспективности продолжения насеровского курса на «социалистическую ориентацию», мешавшего модернизации, сдерживавшего рост капиталистических отношений и противоречащего интересам не только буржуазии, но и среднего класса. Кроме того, союз с СССР уже не мог дать Египту то, в чем он остро нуждался, — мира и безопасности. В 1972 г. США получили от Садата неожиданный подарок, когда он изгнал (в немалой степени при поддержке Саудовской Аравии) советских военных из Египта. Арабо-израильская война 1973 г. прошла уже без видимого участия СССР, а когда после этой войны госсекретарь США Генри Киссинджер стал посредником между Каиром и Тель-Авивом, это еще больше снизило уровень воздействия Москвы на ближневосточный кризис. Несмотря на это, некоторые западные историки считали арабо-израильскую войну 1973 г. «первым нарушением разрядки» со стороны СССР. На самом деле она была лишь прелюдией к новой победе США в «третьем мире» после инспирированного ими антикоммунистического «холокоста» в Индонезии: с изгнанием военных советников из Египта Советский Союз лишился наиболее значимого района своего военного присутствия на Востоке.

Хотя две сверхдержавы и использовали кризисные ситуации на Востоке в своих интересах в противоборстве друг с другом, они сами нередко оказывались в зависимости от обострившихся кризисов. Это в полной мере проявилось в ходе войны на Ближнем Востоке в 1973 г. В целом обе стороны проявляли сдержанность и не хотели подвергать угрозе существующее мирное равновесие оказанием чрезмерно активной поддержки государству-клиенту. При этом и в американском, и в советском руководстве были деятели, которые стремились обострить ситуацию. Никсон по доверительному каналу связи передавал Брежневу, что его «провоцируют в США на то, чтобы взорвать разрядку», а в Москве министр обороны Гречко требовал «демонстрации советского присутствия в Египте». Подобные авантюристические призывы обычно встречали сопротивление группы прагматиков в советском руководстве во главе с Косыгиным, а Брежнев в таких случаях всегда занимал сторону тех, кто призывал к сдержанности.

В результате оттеснения Советского Союза Саудовская Аравия и Иран превратились в две опоры западного влияния не только в регионе Персидского залива, но и — наряду с другими опорными странами на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии — на всем Востоке.

В Ираке еще в 1977 г. подпольные шиитские организации устроили длительную демонстрацию против режима, завершившуюся массовыми репрессиями со

стороны светского баасистского режима. В то же время Саддам Хусейн — еще занимавший второе место в государстве — стал в большей мере использовать исламские лозунги в риторике. В 1978 г. были развернуты массовые репрессии против коммунистов, прежде всего в ответ на их критику политики правительства в курдском вопросе. В 1977 г. иракские лидеры осудили визит Садата в Иерусалим и разорвали отношения с Египтом, пытаясь представить себя главными защитниками национальных интересов арабов. Между тем все более напряженными становились отношения между баасистскими режимами Ирака и Сирии. Убийство Садата исламистами было их первой успешной террористической акцией по устранению не удобного им арабского лидера.

В Индокитае происходили события, оказавшие важнейшее влияние на положение глобальных держав, одна из которых — США — была непосредственным участником кровопролитного военного конфликта во Вьетнаме. В 1973 г. были подписаны Парижские соглашения, которые позволили удержать власть проамериканскому правительству в Сайгоне. Однако в 1973–1974 гг. Тхieu неоднократно нарушал соглашения, и тогда ДРВ и Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама возобновили военные действия, в результате которых в 1975 г. им удалось добиться триумфального объединения страны. Этому немало способствовали массированные поставки советского оружия в 1974 г.

В Камбодже шла гражданская война между правыми проамериканскими силами и левыми во главе с «красными кхмерами», которые возвели в абсолют левозэкстремистский и бесчеловечный авантюризм Мао. Согласно логике «параллельной холодной войны», КНР поддерживала и свергнутого главу государства Н. Сианука, и «красных кхмеров», а СССР, заняв выжидательную позицию, принимал у себя как посольство проамериканского правительства Лон Нола, так и дипломатического представителя оппозиционных ему левых сил. После того как в апреле 1975 г. войска «красных кхмеров», свергнув режим Лон Нола, взяли Пномпень, более 1,5 млн. кхмеров были уничтожены или погибли на каторжных работах. СССР приветствовал приход к власти «красных кхмеров» во главе с Пол Потом в первую очередь из-за их антиамериканских устремлений и серьезной недооценки реального китайского влияния на это движение. В январе 1979 г. вьетнамские войска вошли в Камбоджу, свергнув режим Пол Пота, за чем последовало вторжение китайских войск на территорию Вьетнама. Хотя США и осудили Вьетнам, они неодобрительно отнеслись и к карательной акции Китая. СССР не проявил желания вмешиваться в конфликт.

Региональные и внутренние этнополитические конфликты, с одной стороны, осложняли положение тех государств, где они существовали, с другой — использовались руководством этих стран для решения своих политических и даже экономических задач. Иногда за это приходилось платить немалую цену.

Формирование государства-нации в странах Востока сопровождалось укреплением постколониальной национальной самоидентификации, в которой часто бывало значимым противопоставление «мы-они». Так, к примеру, компонентом национальной самоидентификации кхмеров была «ветофобия». Правительства государств Востока систематически использовали мотив борьбы с внешним

и внутренним врагом для достижения национальной консолидации, хотя в ряде случаев они прибегали к насилию или развязывали вооруженные конфликты во имя реальных политических целей (например, война Ирака против Ирана в 1979 г.).

Некоторые этнически фрагментированные страны Востока, столкнувшись с возрастанием конфликтности в отношениях между различными этническими группами населения, стали решать эту проблему путем создания преференций для тех или иных групп в таких сферах, как образование, занятость, бизнес и отношения собственности. Так, в Шри-Ланке во второй половине 1970-х годов 70% студентов зачислялись в университеты на основе стандартных оценок, 30% — по квотам для областей (для Коломбо и тамильской столицы Джафна — по отдельным квотам). Потом эта система стала меняться, но задачи оставались прежними — обеспечить преимущественные возможности более многочисленным и менее конкурентноспособным группам и постепенно охватить высшим образованием этнические группы пропорционально их доли в численности населения. Аналогичные меры были предприняты в Малайзии, где среди студентов преобладало китайское меньшинство. В сфере бизнеса преференционная политика в пользу основных этнических групп проводилась в Малайзии и Индонезии. Ограничения на получение лицензий и прав собственности для «некоренных групп» населения (в первую очередь господствовавших в этой сфере китайцев) привели к тому, что предприниматели из их числа стали за плату нанимать псевдопартнеров²⁰. В Малайзии для получения лицензий на предпринимательство в популярной сфере транспорта (легковое и грузовое такси) немалайцы платили взятки чиновникам. В 1970-е годы малайзийское правительство поставило перед собой амбициозную задачу довести долю малайцев в сфере владения капиталом с 2 до 30%. Преференционная политика в сфере занятости проводилась правительствами некоторых индийских штатов. Хотя подобные меры в интересах наиболее многочисленных групп и имели в краткосрочной перспективе немало негативных последствий (коррупция, снижение привлекательности предпринимательства, отток капитала и т.п.), в долгосрочной перспективе обеспечение пропорционального представительства этнических групп и предоставление им пропорциональных возможностей приводили к важному позитивному результату — сокращению межэтнических столкновений.

В то же время дискриминация меньшинств в целом ряде стран Востока была одним из серьезных факторов конфликтности. Закоснелая система квотного представительства конфессиональных групп во власти в Ливане вступила во всеобостряющееся противоречие с их реальными интересами и меняющейся структурой населения. В Шри-Ланке конституция, обеспечивавшая права тамиллов, была принята только в 1978 г., после семи лет их дискриминации сингальским правительством, но это уже не смогло остановить начавшееся вооруженное сепаратистское движение. Отделение Восточного Пакистана от Западного и образо-

²⁰ В Индонезии появилось выражение «комбинация Али-Баба», где подставным владельцем предприятия — Али — был индонезиец, а истинным — Баба (букв. «господин») — китаец.

вание в 1971 г. государства Бангладеш послужило стимулом для национальных движений тамиллов в Шри-Ланке и Индии, мусульманского меньшинства на Филиппинах и в Таиланде, ведущих борьбу за сецессию этнических меньшинств в Бирме и даже курдов на Ближнем Востоке. Одни народности стран Востока в ходе процесса деколонизации, когда границы между новыми государствами часто проводились по воле метрополий, оказались разделенными, другие не смогли обрести собственной государственности. Это надолго стало фактором нестабильности, который использовался как орудие в геополитической игре глобальных сил, участвовавших в холодной войне. Белуджи Пакистана, Афганистана и Ирана; бенгальцы Бангладеш и Индии; малайцы Малайзии, Индонезии, Брунея, Таиланда и Сингапура; курды Ирака, Ирана, Сирии и Турции; берберы государств Северной Африки; пуштуны Афганистана и Пакистана; китайцы Китая и практически всех государств Юго-Восточной Азии; узбеки и таджики Афганистана и СССР (а после его распада — Узбекистана и Таджикистана); азербайджанцы Ирана и СССР (а затем Азербайджана) — вот далеко не полный перечень подобных групп.

ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА
И КОНЕЦ БИПОЛЯРНОГО МИРА
(конец 1970-х — конец 1980-х годов)

Вторая холодная война развернулась в результате событий, начавшихся на **Ближнем и Среднем Востоке** в 1979 г. Это прежде всего исламская революция в Иране, означавшая потерю Соединенными Штатами своего стратегического союзника в регионе, и советское вторжение в Афганистан. В США президент Картер еще в преддверии этих событий стал переходить к более активной антикоммунистической стратегии, чем предыдущая администрация²¹, используя концепцию прав человека. Он не только отказался от своих прежних намерений вывести войска из Южной Кореи, но и усилил поддержку южнокорейского режима. Захват американских заложников в Тегеране фактически поставил США на грань войны с Ираном. ЦРУ опасалось, что СССР может попытаться обратить уязвимость позиций США в свою пользу, хотя Тегеран занял враждебную позицию и в отношении СССР. Появление шиитского исламского режима, в равной степени удаленного и от США, и от СССР, и от светских и суннитских режимов в регионе, явилось совершенно новым фактором политической ситуации.

Соперничество в холодной войне по-прежнему доминировало во всех аспектах международных отношений биполярного мира, вмешательство во внутренние дела государств Востока и использование региональных конфликтов в интересах противоборствующих сверхдержав подрывали независимость только недавно освободившихся государств. Лишь некоторым удавалось использовать

²¹ В июне 1977 г. он призвал бросить вызов СССР в шести странах «третьего мира», где позиции СССР были слабыми, в том числе в КНР, Вьетнаме, Ираке, Алжире. Хотя в июне 1979 г. был подписан договор ОСВ-2, США продолжали наращивать военные расходы, а в декабре 1979 г. страны НАТО согласились разместить ракеты «Круз» и «Першинг-2» в Европе.

в своих интересах борьбу сверхдержав за влияние. Все это приводило к бурному росту поставок оружия в страны «третьего мира», к распространению повстанческих движений, гибели мирных жителей и появлению огромного числа беженцев. Окончание холодной войны положило конец и «клиентским войнам», хотя их последствия оказались весьма тяжелыми. Афганистан представлял собой наиболее яркий пример такой ситуации.

Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. был первой советской акцией за рубежом подобного рода после Второй мировой войны²². Однако апрельская революция в этой стране была совершена исключительно при опоре на собственные силы, без какой бы то ни было поддержки СССР. Тем не менее здесь, как и в других аналогичных ситуациях, на политические события в значительной степени оказывали влияние ведомства и агентства сверхдержав, а также отдельные политические лидеры. После того как в марте 1979 г. капитан афганской армии из Герата Исмаил Хан начал джихад против коммунистического режима в Кабуле, председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов на заседании Политбюро 17 марта сказал, что, хотя СССР могут объявить агрессором, «нам нельзя потерять Афганистан». При этом уже 18 марта министр обороны Д.Ф. Устинов отметил, что афганское руководство «недостаточно оценивает роль исламских фундаменталистов». В США опасались, что советская разведка попытается использовать против США непростую обстановку, сложившуюся на Ближнем и Среднем Востоке после иранской революции. В марте 1979 г. ЦРУ впервые предложило Картеру развернуть тайную помощь антикоммунистически настроенным моджахедам-афганцам. Советская пропаганда начала обвинять США, Пакистан и Египет в поддержке афганских повстанцев. Американские аналитики предполагали, что падение режима Тараки может вызвать вторжение со стороны СССР, в этом случае Пакистан, Иран и Китай станут активно помогать повстанцам, а пакистанский лидер Зия-уль-Хак попросит США вмешаться, чтобы предотвратить переход советских войск на пакистанскую территорию. Это был сценарий начала третьей мировой войны. Советская и американская разведки развернули активную деятельность в регионе. ЦРУ стало выяснять у своих партнеров в Па-

²² В довоенный период такие примеры были. В 1920 г. руководство Советской России отправило вооруженный контингент в Иран для реализации плана образования там социалистической республики. В 1921 г. были отправлены войска в Монголию для поддержки революционного режима. В январе 1934 г. части Красной Армии по просьбе Шен Шицая (начальника штаба Синьцзянского военного округа, пытавшегося стать полновластным правителем провинции) были введены в Синьцзян для подавления восстания дунган. А в 1937 г. части РККА и НКВД снова перешли границу с Синьцзяном для подавления движения уйгурских и дунганских повстанцев. Советские войска оставались там до 1944 г. В 1939 г. советские войска нанесли поражение японцам в битве при Халхин-Голе. Ближний Восток мог стать ареной советских военных операций в 1940 г. Великобритания и Франция планировали нанесение бомбовых ударов в Кавказском регионе, чтобы помешать поставкам советской нефти в Германию. В ответ советское руководство, которому было известно об этих планах, готовилось атаковать британские военные базы в Ларнаке, Никозии и Фамагусте (Кипр), французские военные объекты в Сирии, атаке должны были также подвергнуться военные цели в Турции, британская эскадра в Александрии и база в Порт-Саиде (Египет). Осуществлению англо-французских планов и соответственно ответных советских мер помешало гитлеровское наступление в Западной Европе.

кистане и Саудовской Аравии, что можно сделать в Афганистане для ликвидации левого режима. Картер выделил средства на оказание помощи повстанцам и тайные операции ЦРУ. Драматические события в Афганистане вынуждали СССР принять серьезное решение. Приход к власти Амина был расценен в Москве как угроза (Амин, живя в США, был связан с фондом «Азия», имевшим особые контакты с ЦРУ). Опасались и того, что он был американским агентом, и его связей с Пакистаном и Китаем, и возможных договоренностей с моджахедами. Парадоксально, но американцы также крайне негативно относились к Амину, считая, в частности, что он повинен в похищении и убийстве посла США в Афганистане. Тем не менее именно в этих условиях было принято решение о вводе советских войск.

Осуществленная в декабре 1979 г. советскими спецслужбами ликвидация Амина и замена его на Бабрака Кармаля была исключительным для СССР примером операции по «смене режима». Она была расценена на Западе как грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства и помогла США мобилизовать мировое общественное мнение против СССР. Правда, жестокие репрессии против населения, предпринятые правительством Амина в 1978–1979 гг., в не меньшей мере способствовали дискредитации революционного Афганистана, чем массовая бойня, устроенная в Камбодже «красными кхмерами» в 1970-е годы, подрыву доверия к их режиму.

Зия-уль-Хак, автор «исламизации сверху», при мощной поддержке США, Саудовской Аравии и других аравийских монархий решил сделать джихад в Афганистане своей стратегией. Огромную роль в индоктринации моджахедов играли создаваемые на аравийские деньги *медресе*²³. Шеф саудовской разведки, служившей главной опорой США в борьбе с коммунизмом в регионе, блестяще образованный сын убитого в 1975 г. короля Фейсала — Турки аль-Фейсал, стал архитектором и главным спонсором джихада²⁴, а лидер Иттихад-е ислами (Исламского союза), ваххабит Абдулрасул Сайяф — его главным клиентом среди *моджахедов*. Постепенно в их ряды стали вливаться арабские добровольцы и наемники. Ошибки, допущенные режимом в Кабуле, способствовали росту популярности джихада среди афганцев не меньше, чем щедрое финансирование со стороны Саудовской Аравии и американское вооружение. Стала заметной организационная и идейная роль Бен Ладена — ученика духовного отца ХАМАСа, джихадиста, иорданского палестинца Абдуллы Аззама (он погиб во взорванном автомобиле в ноябре 1989 г.), который, как считается, в 1985 г. основал Исламский фронт спасения для поддержки *моджахедов*²⁵. Аззам воспевал насилие и отвергал

²³ Их количество возросло с 900 в 1971 г. до 8 тыс. официальных и 25 тыс. неофициальных в 1988 г.

²⁴ Его помощниками были братья Базибы, происходившие из той же хадрамаутской семьи в Йемене, что и лидеры партии южнотиморских марксистов. Из того же района происходила семья Бен Ладенов.

²⁵ Его организация впервые была названа «аль-Каидой» в докладе ЦРУ в 1997 г., а затем в докладе госдепартамента в 1997 г. Применительно к 1980-м годам говорили лишь о такой организации Аззама, как «Мактаб аль-халамат» («Бюро услуг»).

любую иную интерпретацию джихада кроме как вооруженной борьбы с неверными и отступниками. Своим радикализмом он превзошел и аль-Маудуди, который исходил из принципа постепенности, и основателя движения «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банну, выступавшего за социальные реформы, и даже Сейида Кутба. Бен Ладену, тогда регулярно общавшемуся с саудовскими принцами, удалось привлечь в ряды моджахедов выходцев из многих государств исламского мира. По оценке американской разведки, уже к 1984 г. (из-за действий джихадистов) советские войска потеряли 350–400 самолетов и 2750 танков и бронетранспортеров. Особенно эффективным оружием явились американские «Стингеры», которыми моджахеды сбивали советские вертолеты. Шеф ЦРУ У. Кэйси был одним из самых горячих сторонников джихада, который всего через несколько лет повернется против самих США. В СССР на заседании Политбюро 13 ноября 1986 г. начальник Генерального штаба маршал С.Ф. Ахромеев сообщил М.С. Горбачеву, что, хотя для прикрытия афганско-пакистанской границы было размещено 50 тыс. советских военнослужащих, этого числа было недостаточно, чтобы остановить поставки оружия из США через Пакистан.

Подъем политического ислама в этот период охватил и целый ряд других государств. В Алжире с 1979 вплоть до 1988 г. исламисты были пока еще разрознены и слабы, но постепенно завоевывали поддержку. Среди них выделялась радикальная группа Мустафы Буйали. В Ираке с конца 1970-х годов развернулось сложное противоборство националистических, марксистских и исламистских сил, военных и гражданских элит, происходившее на фоне межэтнического, межобщинного (суннитско-шиитского) и межкланового соперничества и борьбы между региональными державами. Иранскую революцию светский баасистский режим Ирака воспринял как событие, угрожающее усилением шиитской активности в регионе. Став президентом Ирака в 1979 г., Саддам Хусейн²⁶, слабость стартовых позиций которого предопределялась его происхождением (из семьи безземельного крестьянина) и отсутствием военного прошлого, начал строить новую систему управления страной, основанную на разветвленном бюрократическом аппарате, в котором особо важную роль играли спецслужбы, при опоре на узкий круг зависимых от Хусейна и выдвинутых им соратников. Создаваемый им культ личности использовался как для консолидации страны, так и для укрепления режима. Демократическая партия Курдистана во главе с молодым Масудом Барзани начала искать поддержку в Иране, а ее соперник — Патриотический союз Курдистана во главе с Джалалем Талабани, наоборот, стал сблизиться с Багдадом (позднее эта ситуация изменилась). Подпольные шиитские организации перешли к насильственной борьбе против режима, а после покушения на жизнь вице-преьера Тарика Азиза в апреле 1980 г. шиитские духовные лидеры аятолла Бакр ас-Садр и его сестра Бинт аль-Худа были казнены в Багдаде. Хусейн избавлялся от старых и оппозиционных шиитских лидеров и ставил на их место новых, лояльных режиму.

²⁶ В то время в баасистских кругах ходили слухи, что президент Хасан аль-Бакар, ужасаясь тому, что он создал из Хусейна, будто бы намеревался сделать своим преемником в Ираке сирийского лидера Хафеза Асада.

Периодически возникали столкновения с иранцами из-за пограничных споров. Хусейн решил, что революционные чистки в иранской армии создают благоприятную ситуацию для восстановления суверенитета над рекой Шатт-эль-Араб, что он считал делом национальной чести. Одновременно Ирак рассчитывал на переход на свою сторону арабского меньшинства — населения провинции Хузестан. Так началась война против Ирана, продолжавшаяся с 1980 по 1988 г., но расчеты Ирака на слабость иранского режима и поддержку со стороны арабов Хузестана не оправдались. Лояльность национальному государству оказалась выше узкорелигиозной и узкоэтнической солидарности: иракские шииты сражались против иранской армии так же, как арабское меньшинство в Иране сражалось против иракцев. Ирак, Иран и Афганистан на длительное время останутся местом столкновения интересов глобальных и региональных держав, в том числе и в новом, XXI столетии.

В арабо-израильском конфликте в условиях второй холодной войны силы, поддерживаемые Советским Союзом, были ослаблены заключенным вскоре после исторического визита президента Египта Садата в Иерусалим Кэмп-Дэвидским соглашением между Египтом и Израилем. Это соглашение явилось важным прорывом в мирном процессе, хотя Египет и подвергся временной изоляции со стороны арабских государств. Израильское вторжение в Ливан в 1982 г. привело к изгнанию сил палестинского сопротивления из этой страны (руководство ООП было вынуждено перебазироваться в Тунис) и созданию на юге страны «зоны безопасности», контролируемой произраильской Армией юга Ливана.

Важные изменения шли в этот период на **Дальнем Востоке**. КНР полностью дистанцировалась от эксцессов эпохи Мао. После установления нормальных дипломатических отношений с США в январе 1979 г. в ходе визита Дэн Сяопина в США Китай начал быстро укреплять экономические и политические позиции. Начавшееся после этого китайское вторжение во Вьетнам, предпринятое в ответ на военную акцию Вьетнама в Камбодже по свержению режима Пол Пота, наводило на мысль о возможной договоренности с США. Однако США, хотя и продолжали курс на сближение с Китаем, дипломатически не поддержали его, опасаясь быть втянутыми в конфликт с СССР. Они потребовали вывода вьетнамских войск из Камбоджи и китайских — из Вьетнама. В целом отношения в треугольнике США–СССР–КНР характеризовались активным, хотя и асимметричным соперничеством²⁷. В рамках этих отношений личностный фактор, как и везде, оказывал влияние на ситуацию. Так, усиление З. Бжезинского способствовало проведению «жесткого курса» в отношении действий СССР. Приход к власти в США активного антикоммуниста Р. Рейгана в 1980 г. затормозил американско-китайское сближение, а занявший пост госсекретаря в середине 1982 г. Дж. Шульц считал основой политики США в этом регионе союз с Японией.

В апреле 1979 г. КНР отказалась продлить советско-китайский договор 1950 г. СССР по-прежнему руководствовался непопулярной у стран региона концепцией

²⁷ Администрация Картера стала расценивать усилия КНР по созданию коалиции стран, противостоящих «советскому гегемонизму», как средство глобального сдерживания СССР.

коллективной безопасности в Азии. Китай, со своей стороны, стал строить политику в отношении сверхдержав на основе равноудаленности. Однако, как отмечает А.Д. Богатуров, к середине 1980-х годов Китай перестал быть привилегированным стратегическим партнером США из-за тесного стратегического американо-японского сотрудничества и начавшегося улучшения советско-американских отношений. С личностью японского премьера Я. Накасонэ (с ноября 1982 г.) связывается заявление о том, что Япония является «непотопляемым авианосцем» США. В то же время США не удавалось убедить Токио в том, что рост советского военного строительства на Дальнем Востоке направлен против Японии. Превращение Вьетнама в региональный центр силы во многом благодаря установлению «особых отношений» с Лаосом и Камбоджей, где находились около 150 тыс. вьетнамских военнослужащих, настолько не устраивало Китай и Таиланд, что они начали оказывать военную и финансовую помощь окопавшимся на территории Таиланда силам «красных кхмеров», продолжавшим получать также политическую и иную поддержку США, контрастирующую с их правозащитной риторикой.

Япония в 1980-е годы еще больше упрочила свое положение промышленного гиганта Востока. Под японский контроль к концу этого периода перешла немалая часть недвижимости и промышленности в самих Соединенных Штатах.

ВОСТОК В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ

(конец 1980-х — 2000-е годы)

Главными событиями этого периода для стран Востока (и не только для них) были: вывод советских войск из Афганистана и окончание холодной войны, агрессия Ирака против Кувейта и вторжение войск коалиции для освобождения этой страны (первая международная интервенция «нового типа»), распад Советского Союза и образование в Центральной Азии и на Южном Кавказе новых независимых государств, ставших частью Востока, превращение Китая в одну из ведущих экономических держав мира и быстрый экономический подъем Индии, появление еще двух (помимо Израиля) новых непризнанных ядерных держав — Индии и Пакистана, рост радикальных мусульманских движений и появление в этих условиях нового водораздела постбиополярного мира — Запад и исламский мир.

Система международных отношений эпохи холодной войны, как и некогда вестфальская, была основана на идеологической и организационной легитимности суверенного национального государства, даже в том случае если оно находилось в союзе с США или с СССР. Теперь же национальные государства остались основными военными и политическими действующими лицами, а многонациональные корпорации господствовали в сферах экономики и коммуникаций. Все больше региональных держав на Востоке заявляли о себе как о центрах силы, управляемость международной системы нарушалась, она все чаще демонстрировала признаки хаотичности, росло соперничество за ресурсы, территории, влияние; попытки США утвердить однополярную модель мира создавали новые

очаги кризисов. Все больше государств на Востоке считало свое существование небезопасным, происходила эрозия национального суверенитета. неприкосновенность которого вскоре перестала быть незыблемой.

В **Южной Азии** успешные испытания ядерных зарядов в Индии в мае 1998 г. (первый ядерный взрыв был осуществлен ею еще в 1974 г.), а вслед за ними и в Пакистане (его ядерная программа проводилась при помощи Китая) означали, что в результате «цепной реакции» в треугольнике Китай–Индия–Пакистан в Азии появились еще две ядерные военные державы. Они также достигли успехов в создании современного ракетного оружия. Появление у Индии и Пакистана ядерно-ракетного потенциала не сняло напряженности в отношениях между ними, прежде всего — по проблеме Кашмира, но явилось фактором сдерживания.

17 августа 1988 г. автор пакистанской «исламизации сверху» и отец-основатель афганского джихада Зия-уль-Хак вместе со своим начальником генштаба Ахтаром, послом США и группой военных погиб в авиакатастрофе. За десятилетие Ахтар превратил пакистанскую разведку во всеильную организацию, которую опекали такие региональные державы, как Турция и Саудовская Аравия. Она тесно сотрудничала с ЦРУ, имела доступ к самой передовой технике и изощренным техническим средствам сбора информации. Организация принимала в ряды своих легионеров джихадистов — добровольцев и наемников со всего мира, в том числе из США, которые боролись за пакистанские интересы не только в Афганистане, но и в Кашмире, в Саудовской Аравии и в самих США.

На **Среднем Востоке** Ираку, Ирану и Афганистану предстояло на длительное время оставаться местом столкновения интересов глобальных и региональных держав периода после холодной войны. После вывода советских войск из Афганистана весной 1989 г. лидер Хизб-е ислами (Исламской партии) Гульбеддин Хекматъяр при поддержке пакистанской разведки, «Братьев-мусульман» из «Джамаат-е ислами», саудовских спецслужб, при участии арабских наемников и добровольцев начал планомерно уничтожать своих союзников по джихаду. Для этого использовались и похищения, и убийства. Пакистанцы блокировали тех, кто выступал против Хекматъяра, и уговаривали их вступить в ряды его партии. Пакистанская разведка, которая чувствовала себя в Афганистане как в своей вотчине, рассчитывала при поддержке арабских фондов превратить возглавляемую Хекматъяром партию, где господствовали близкие им «Братья-мусульмане», в главную политическую силу в Афганистане.

Несмотря на советско-американское сближение, фактически противостояние сверхдержав продолжилось и после ухода советских войск. Из СССР пошла массивная помощь режиму Наджибуллы. По оценкам США, в Кабул теперь ежемесячно поступало продовольствия и военной амуниции на сумму до 300 млн. долл. Пакистанская разведка и ЦРУ пытались сбивать советские транспортные самолеты. Президент Дж. Буш санкционировал активизацию тайных операций ЦРУ в Афганистане. Многие деятели в американском истеблишменте при этом не понимали, почему США поддерживают враждебно настроенные к ним фракции Хекматъяра и Сайяфа — зародыши будущего глобального анти-

американского джихада, и выступали за прекращение опоры на пакистанскую разведку.

На судьбы будущего мирового джихада оказывали воздействие конфликты между представителями различных американских ведомств в Пакистане, в частности — между резидентом ЦРУ Берденом, выступавшим за продолжение ориентации на пакистанскую разведку, и противником этой линии, послом Р. Оукли. Тем не менее ЦРУ начало также сотрудничать с не подконтрольным Пакистану и враждовавшим с Хекматьяром и Сайяфом лидером таджиков Ахмад-шахом Масудом, которому оно стало выплачивать по 200 тыс. долл. в месяц, но отказалось снабжать оружием. В 1990 г. Саудовская Аравия и Кувейт резко увеличили помощь моджахедам, несмотря на уже начавшееся сокращение помощи со стороны США.

Специальный представитель президента США П. Томсен в конце 1989 г. добился проведения политики, направленной на одновременное достижение двух целей — свержение Наджибуллы и создание коалиционного умеренного правительства при изоляции экстремистов Хекматьяра и Сайяфа. В начале 1990 г. он объявил об этом Пакистану. Однако ему не удалось осуществить план привлечения бывшего короля, на которого он считал необходимым сделать ставку. Несмотря на уход советских войск, правительство Наджибуллы держалось некоторое время и после того, как 13 сентября 1991 г. министр иностранных дел СССР Б.Д. Панкин и госсекретарь США Дж. Бейкер договорились о прекращении военной помощи афганским сторонам (*моджахеда*, естественно, продолжали получать оружие). Вследствие этого, а также из-за предательства видных деятелей кабульского режима *моджахеда* взяли Кабул в апреле 1992 г.

На **Ближнем Востоке** в начале 1990-х годов с операции «Буря в пустыне», направленной на освобождение Кувейта от иракской оккупации, началась новая эпоха **постбиполярного интервенционизма**. Причем сама операция велась многонациональными коалиционными силами и была санкционирована ООН²⁸. Освобождение Кувейта не являлось единственной целью этой операции. Было ясно, что США стремились как обеспечить себе доступ к нефти на выгодных для них условиях, так и защитить своих союзников в регионе, в первую очередь Саудовскую Аравию. Арабскими государствами, направившими свои войска для участия в действиях коалиционных сил, руководили разные мотивы: Саудовская Аравия действительно опасалась продолжения иракской агрессии, Египет рассчитывал на прощение долга, а Сирия — на содействие в освобождении Голанских высот. Большая часть международной общественности считала эту акцию справедливой, полагая, что она может упорядочить систему международных отношений, разбалансированную в результате окончания существования биполярного мира.

Однако немалое число людей относились к войне в Заливе с опасением — ведь сколь благородной ни была бы главная цель интервенции, она все же озна-

²⁸ Эти события показали всю иллюзорность надежд М.С. Горбачева на появление «мира без насилия» после окончания советско-американской конфронтации.

чала нарушение суверенитета с помощью военной силы, создавая опасный прецедент. Эти опасения окрепли после того, как США и Великобритания без одобрения международного сообщества ввели в Ираке режим зон, запретных для полетов иракских самолетов, начали наносить воздушные удары по некоторым иракским целям. Санкции, введенные Советом Безопасности, работали, однако в результате их применения больше страдало население Ирака, чем правительство Саддама Хусейна. Более того, сам режим санкций постепенно размывался, Ирак стал восстанавливать отношения со многими государствами, в том числе и с участвовавшими в действиях коалиции в Кувейте. В то же время американские неоконсерваторы, усиливавшие свои политические позиции, стали готовить почву для будущей новой операции — теперь уже по свержению режима Хусейна.

В этих условиях вскормленный афганским джихадом исламский экстремист Бен Ладен предложил Саудовской Аравии сделку: он возглавит войну за освобождение Кувейта от иракской оккупации, объявив джихад против Саддама Хусейна, но Эр-Рияд не обратится к помощи США и не разместит американские войска на саудовской территории. А после прибытия в королевство воинских контингентов США союзник Бен Ладена А. Сайяф впервые объявил саудовское правительство «неисламским», правительством *куфра* (неверия). Несмотря на огромную поддержку, которую саудовцы в течение долгих лет оказывали джихадистам, в Пакистане и Афганистане быстро росли антисаудовские настроения. В 1990 г. Бен Ладен намеревался развернуть джихад и против левого режима в НДРГ, но объединение страны помешало осуществлению этих планов.

СССР поддержал международные усилия, направленные на освобождение Кувейта. Однако М.С. Горбачев, несмотря на сопротивление министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, согласился с предложением Е.М. Примакова (в то время — члена Президентского совета) направить его с миссией в Ирак, чтобы попытаться уговорить С. Хусейна вывести войска и избежать применения военной силы. В этой ситуации была в очередной раз предпринята попытка добиться выгодного для Москвы развития событий и показать способность влиять на них с помощью «дипломатии миссий и посланий» (в разработке и реализации этой дипломатии активное участие всегда принимала советская разведка). Но избежать войны не удалось. Позднее ряд американских политиков упрекали президента Буша-старшего (или, как его называют в Америке, по порядковому номеру его президентства, Буша-41) в том, что он не захотел войти в Ирак и свергнуть режим Саддама.

Необычайно быстрый взлет исламизма произошел с конца 1980-х годов в Алжире. Исламисты эффективно воспользовались свободами и возможностями, которые им предоставил переход режима к более плюралистической политической системе. Была развернута активная работа в прессе, проводились демонстрации и марши, возникло несколько легально действовавших исламских политических партий, в том числе Фронт исламского спасения (ФИС), сумевший в 1989–1991 гг. мобилизовать на своей платформе большинство сторонников политического ислама в стране (они в соответствии с практикой, заимствованной у светских националистических партий, делились на активных членов, поддерживаю-

щих и сочувствующих). ФИС объединил в своих рядах салафитов, бывших членов группы Буйали, «афганцев» и «алжирцев»²⁹. После победы ФИС на парламентских выборах в 1991 г. алжирские военные в 1992 г. совершили бескровный переворот, поддержанный большинством государств мира, в том числе и западными державами, призывавшими к распространению демократии на Ближнем Востоке, запретили ФИС и развернули широкие репрессии против его сторонников.

В 1993 г. в стране открыла фронт вооруженной борьбы с режимом новая, радикальная организация аль-Джамаа аль-ислямия аль-мусалляха (Исламская вооруженная группа, ИВГ). ИВГ перешла к беспощадному террору сначала против всех представителей и сторонников власти, а затем всех служащих, журналистов и интеллектуалов, всех членов других исламских группировок, иностранцев, тех своих членов, которые подозревались в симпатиях к другим, даже радикальным группировкам, а также и многих ни в чем не повинных мирных жителей. В октябре 1996 г. ИВГ заявила, что будет уничтожать всех, кто не молится и не платит *закят* ИВГ, убивать женщин, выходящих из дому без хиджаба, и даже тех людей, которые обращаются в государственные суды. Антисистемная оппозиционность режиму («нет — диалогу, нет — прекращению огня, нет — перемирию, нет — безопасности и гарантиям») и жесточайший слепой террор со временем оттолкнули от ИВГ многих ее сторонников. В Индонезии, Кашмире, на Филиппинах радикалы-исламисты также осуществляли акции жестокого террора против мирного населения.

Одновременно с этим стали проявляться очертания нового политического противостояния на религиозной основе в исламском мире: между суннизмом и шиизмом. В суннитской части этого мира действовали такие отличающиеся друг от друга группы игроков, как умеренные прозападные режимы (Египет, Иордания, Саудовская Аравия), саудовский салафитско-ваххабитский религиозный истеблишмент, неофундаменталистский режим «Талибан» в Афганистане, международные террористические группировки вроде «аль-Каиды», светский баасистский радикально-националистический режим Саддама Хусейна в Ираке, исламистские группировки типа «Братьев-мусульман», ФИС, ИВГ, ХАМАС и т.д. В шиитской части исламского мира стремились активнее заявить о себе Иран, светский баасистский режим Сирии, возглавляемый алавитским меньшинством, алавиты Турции, шииты Бахрейна, Пакистана и Саудовской Аравии, ливанские политические партии «Амаль» и особенно «Хизбалла». Шииты Ирака также стремились повысить свой статус, несмотря на жестокие репрессии режима. После успеха операции «Буря в пустыне» иракские шииты, ошибочно рассчитывая на поддержку США и членов коалиции, подняли восстание на юге Ирака, которое было беспощадно подавлено.

В Центральной Азии и на Южном Кавказе шел трудный процесс становления новых независимых государств. Они столкнулись с тяжелыми внутренними

²⁹ Последних именовали *джазаира* (от араб. аль-Джазира — Алжир) — так называли салафитов, выступавших за модернизацию исламского права, соединение религии с реалиями современной жизни.

проблемами, а также с необходимостью определить свои отношения с глобальными и региональными державами, стремившимися укрепить здесь позиции. Некоторые из этих держав развернули соперничество за преимущественное влияние на новые независимые государства, предпринимая попытки окончательно вытеснить Россию из этих регионов. Сложной проблемой стали вспыхнувшие в них этнополитические конфликты — карабахский, грузино-абхазский, осетино-грузинский, а также внутренний конфликт в Таджикистане, где за идеологическими позициями скрывались интересы элит различных областей страны. Исламский фактор играл большую роль во внутритаджикском конфликте, продолжавшемся вплоть до второй половины 1990-х годов, когда политический ислам, впервые в Центральной Азии, был инкорпорирован во власть в светском государстве. Одновременно созданное узбекскими религиозными экстремистами Исламское движение Узбекистана провозгласило вооруженный джихад против «режима *куфры*» в этой стране. В Центральной Азии стала постепенно завоевывать сторонников, несмотря на запреты и репрессии, Хизб ат-тахрир аль-ислами (Партия исламского освобождения), призывающая к созданию всемирного исламского халифата.

К этому времени в мусульманском мире укрепились позиции исламских радикалов, воспитанных неолундменталистской индо-пакистанской школой Деобанди, которые приобрели мощную базу поддержки в Афганистане, где пришел к власти ультраконсервативный режим «Талибан». Бывшие «афганские арабы» начали поворачивать оружие против США. Вернувшийся в мае 1996 г. в Афганистан из Судана³⁰ Бен Ладен провозгласил глобальный джихад против «альянса крестоносцев и сионистов», а также поддерживавших их правительств исламского мира, в том числе Саудовской Аравии. С этого времени деятельность «аль-Каиды» вступила в новую фазу — она получила в свое распоряжение мощную базу в Афганистане. 7 августа 1998 г. боевики из ближайшего окружения Бен Ладена взорвали американское посольство в Найроби, убив 213 и ранив 4600 человек, а затем в Дар-эс-Саламе.

В то время ЦРУ рассматривало «аль-Каиду» как структуру, состоящую из нескольких концентрических кругов. Американская разведка видела парадоксальность устройства этой организации в том, что она строго контролировалась сверху, но расчленялась на мало связанные друг с другом части внизу. Наряду с основным руководящим составом «аль-Каиды» во главе с Усамой бен Ладеном в Афганистане существовали «защитные» кольца ее воинственных региональных союзников — «Талибан», часть пакистанской разведки, узбекские и чеченские эмигранты, пакистанские группы антишиитских экстремистов и кашмирские радикалы. Вокруг них действовали более «мягкие» круги поддержки — международные благотворительные фонды, миссионерские организации, радикальные

³⁰ Будущий «террорист номер один» перебрался туда после вывода советских войск из Афганистана и активно занимался бизнесом, благотворительностью, пропагандой экстремистских идей. Его джихадизм, все больше приобретающий глобалистское измерение, вступил в противоречие с идеями лидера суданских исламистов Хасана ат-Тураби, считавшего главной целью завоевание политической власти в стране и установление исламского правления.

мечети, медресе и политические партии по всему свету. Это был постоянный резерв для рекрутирования боевиков и террористов-джихадистов.

Джихадисты (так же как и их противники) использовали институт *фетв* для оправдания своих действий и политической мобилизации, и каждая группа бойцов имела своих ученых — *улама*. Для египетской аль-Джамаа аль-ислямийя (Исламской группы) авторитетом был слепой шейх Омар Абд ар-Рахман, который своими фетвами противостоял фетвам шейхов университета аль-Азхар, осуждавших насильственные методы борьбы. За фетвами, разрешающими убивать заложников, к радикальным шейхам на Ближнем Востоке обращались чеченские террористы. В марте 2000 г. дать фетву, одобряющую убийства китайцев, у шейха Мукбиля аль-Вадаиля из Йемена попросила индонезийская группировка «Лашкар джихад» («Воины джихада»). А сверхрадикальная салафитская «Ат-Такфир ва-ль-хиджра» осудила Бен Ладена за то, что он принимал покровительство режима «Талибан», который «стал безбожным», потребовав членства в «организации *кафиров*» — ООН.

Созданный американской разведкой антитеррористический центр во главе с Г. Шроеном безуспешно пытался обнаружить местонахождение Бен Ладена, понимая, что он готов нанести новый удар по американским целям. Директор ЦРУ Дж. Тенет считал, что он снова может вернуть время десятилетней давности, когда У. Кейси, прежний руководитель ЦРУ, из Лэнгли помогал определять и направлять глобальную политику США. Он заявил о начале наступления на Бен Ладена и его сторонников. Однако успеху этих действий мешала непоследовательность политики США: они все еще не хотели предпринимать какие-либо активные действия против «Талибана», надеясь использовать движение в своих целях³¹.

Тем не менее США были нужны союзники в начавшейся в 1999 г. Охоте на лидера «аль-Каиды». Таковым не мог быть Пакистан, в разведке которого действовали единомышленники талибов, не хотел сотрудничать в этом нейтральный Туркменистан, в Таджикистане еще сохранялись очаги гражданской войны. Оставался Узбекистан, светский режим которого был основной мишенью Исламского движения Узбекистана (ИДУ). В феврале 1999 г. боевики ИДУ совершили покушение на жизнь президента И.А. Каримова. Именно после этого ЦРУ предложило узбекским властям сотрудничество в борьбе с общим врагом в Афганистане. Предложение было принято, и ЦРУ тогда же получило возможность негласно использовать военно-воздушные базы Узбекистана для транзитных полетов и посадки вертолетов. Агентству также было разрешено установить там оборудование для перехвата разговоров между лидерами «аль-Каиды» и «Талибана». Узбекистану обещали помощь в подготовке войск специального назначения. Позднее с военно-воздушной базы в Ханабаде, как сообщает американский журналист С. Колл, было тайно осуществлено несколько полетов в Афгани-

³¹ Турки аль-Фейсал по поручению США сумел договориться с лидерами «Талибана» о выдаче Бен Ладена Саудовской Аравии, однако этому помешали американские бомбардировки в Афганистане.

стан беспилотных аппаратов «Предатор», однако Бен Ладен оставался неуловимым. Для президента Узбекистана избавление от угрозы экстремистов с юга было главным приоритетом, и он рассчитывал на помощь и успех США.

В не меньшей степени, чем на узбекистанском направлении, роль личности проявилась в случае с Ахмад-шахом Масудом. Масуд был харизматическим лидером, единственным командиром, над которым движению «Талибан» еще не удалось взять верх. С весны 1997 до весны 1999 г. состоялось три визита группы агентов ЦРУ в лагерь Масуда в долине Панджшер на вертолете, вылетавшем из Душанбе. Масуду было поставлено оборудование для слежения за «Талибаном» и передавалась регулярная финансовая помощь. У ЦРУ были некоторые сомнения в полезности Масуда как союзника с учетом его своевольного поведения в прошлом, когда агентство уже оказывало ему поддержку деньгами. Однако оно все равно рассматривало его как одну из важнейших политических фигур и считало необходимым ориентироваться на него, начав поставки оружия. С этим категорически не соглашался Белый дом: Масуду припоминали резню жителей Кабула в середине 1990-х годов, когда он был министром обороны, и причастность к наркобизнесу³². Сам Масуд рассчитывал переиграть пакистанскую разведку, поддерживавшую «Талибан», и еще во время прежних тайных встреч с американцами в Таджикистане соглашался принять помощь от ЦРУ. Он пытался убедить американцев в том, что деятели «Талибана» являются самыми злостными врагами прав человека, проводившими жестокие репрессии против женщин и шиитского меньшинства.

В этой ситуации опять проявилась привычная двойственность политики США, рассматривавших «Талибан» и Масуда как две воюющие между собой стороны, к которым надо относиться одинаково, выжидая победы одной из них и не поддерживая никого. Специалисты по антитеррору толкали администрацию к тому, чтобы включить терроризм в число основных угроз безопасности. Однако «мозговой трест» госдепа в составе Олбрайт, Пикеринга и Тэлбота считал этот подход слишком узким, с учетом таких приоритетных интересов США в период правления Клинтона, как борьба с распространением ядерного оружия, ситуация в Кашмире, стабильность в Пакистане и т.д.

Иногда не только личностные, внесистемные, но и весьма экзотические факторы оказывали влияние на формирование политики. Так, члены правящей семьи ОАЭ — фанатичные любители соколиной охоты на дроф — каждый охотничий сезон выезжали в Пакистан, где организаторы такой охоты установили с ними хорошие личные контакты. Шейхов познакомили с лидерами «Талибана», и в дальнейшем это способствовало тому, что ОАЭ официально признали их правительство в Афганистане. А лучшие места для охоты на дроф были именно в Афганистане, и именно там базировался Бен Ладен. Американская разведка обнаружила охотничий лагерь, где, как предполагалось, находился лидер «аль-Каиды», но американское руководство не решалось нанести по нему бомбовый удар, опа-

³² Рансе П. Томсен из госдепартамента уговаривал разведку отойти от традиционной ориентации на своих пакистанских коллег и сблизиться с Масудом, теперь все было наоборот — госдепартамент выступал против союза с военачальником-таджиком, а ЦРУ считало нужным сблизиться с ним.

саясь, что там находились влиятельные члены правящей семьи ОАЭ. На власти ОАЭ было оказано давление с целью побудить их прекратить поездки шейхов на охоту в Афганистан.

В 1990-е годы стало ясно, что религия в современном мире, и в первую очередь на Востоке, приобретает все большее значение. Американский исследователь Э. Хансон проницательно заметил, что новая парадигма международных отношений, установившаяся после окончания холодной войны, была основана на сочетании глобализации политической, экономической и военной со значительной ролью религиозного фактора в мировой политике. Многочисленные подтверждения этого заключения можно обнаружить не только в исламском мире, где политическая роль религии аксиоматична. Среди разнообразных моделей вхождения религии в политику можно назвать борьбу религиозных деятелей против авторитарных правителей. К примеру, филиппинский кардинал Хайме Син сражался против Фердинанда Маркоса во время февральской революции 1986 г., в результате которой президентом была избрана Корасон Акино. Еще одна модель — противоборство религиозных групп в поликонфессиональном обществе, и наиболее ярким примером этого может служить Индия. К началу нового тысячелетия противоречие между Западом и исламским миром являлось одной из характерных черт международной жизни.

Вторая половина XX в. была для стран Востока эпохой коренных политических перемен, становления национальной государственности, бурных политических выступлений масс. Все они пережили революции, военные перевороты, межгосударственные войны или вооруженные гражданские конфликты. Было очевидно, что и будущие, назревавшие перемены могут носить насильственный характер. Страны Востока вступили в третье тысячелетие в обстановке повышенной конфликтности и неопределенности, процесс их вхождения в мировое сообщество был далек от завершения и, как показало начало XXI в., столкнулся с новыми, серьезными вызовами³³.

³³ См. завершающую, 43-ю главу настоящего тома.

Глава 2

ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Глубокие сдвиги в системе мировых общественных отношений, последовавшие за Второй мировой войной, кардинально изменили положение развивающихся стран, и в первую очередь государств Востока (Азии и Северной Африки). Прежде всего необходимо отметить крушение колониальной системы, которое было вызвано рядом факторов. Во-первых, на новом витке развития производительных сил Запада роль колоний в экономическом и социально-экономическом воспроизводстве крупных держав постепенно сокращалась из-за расхождения динамик отраслевой структуры экономик. Об этом, в частности, свидетельствовало относительное уменьшение колониальных доходов, начавшееся еще в межвоенный период. Во-вторых, изменился состав и характер правящих элит в развитых странах. Новые элиты, связанные с более прогрессивными производительными силами, оказались мало заинтересованными в поддержании колониальной эксплуатации, особенно в ее прежних формах. В-третьих, в развале этой системы были заинтересованы «внесистемные» США и СССР, так как ее существование препятствовало использованию их военно-политического потенциала. В-четвертых, возникновение после Второй мировой войны двух противостоящих друг другу военно-политических блоков, пытавшихся усилить свое влияние за счет стран «третьего мира», привело к тому, что были резко ограничены возможности применения силовых методов для удержания колоний, не говоря уже об их захвате. Относительно же национально-освободительного движения можно сказать, что оно в большинстве случаев сыграло лишь роль катализатора при развале колониальной системы на общем фоне уменьшения воспроизводственного и политического значения колоний.

Наряду с колониями рухнула и система так называемых косвенно управляемых территорий. Как известно, в зависимости от масштабов наличия природных ресурсов, степени сопротивления покоряемых народов, остроты противоречий с другими колониальными державами и прочих факторов метрополии либо вводили прямое управление захваченными территориями, либо сохраняли их формальную независимость. При этом местный правитель сохранял свободу проведения внутренней политики при полном контроле метрополии над внешней (включая внешнеэкономическую). В целом на Востоке насчитывалось несколько сотен таких косвенно управляемых государств (протектораты Индокитая, султанаты Индонезии, Малайзии и Южной Аравии, качинские и шанские государства Бирмы, княжества Британской Индии и др.). Все эти государства представляли собой «заповедники» феодализма, а то и более архаичных общественных отно-

шений. Поэтому их ликвидация приводила, во-первых, к осовремениванию общественных отношений, во-вторых, к укрупнению и консолидации соответствующих государств, в-третьих, к созданию более емких единых национальных рынков, в-четвертых, к расширению возможностей для развития более прогрессивных форм социально-экономических отношений.

В результате к середине 1960-х годов иерархизированная организация мировой системы в основном рухнула¹. На смену ей пришла система юридически равноправных государств, наиболее ярко проявившаяся в деятельности международных организаций — ООН, ЮНИДО (организация ООН про промышленному развитию), ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию) и т.д., где каждый член имеет равные права. Возникновение юридического равноправия и политического суверенитета послужило основой для послевоенного экономического и социального развития освободившихся государств.

Наиболее важным последствием этих изменений стал переход развивающихся стран к экономическому росту, понимаемому как рост подушевого дохода. Действительно, по данным ретроспективной статистики, в первой половине XX в. вследствие двух мировых войн, около десятка социальных революций, мирового экономического кризиса и т.п. произошло общее замедление темпов роста: в этот период среднегодовой темп роста мирового ВВП составил 1,9% против 2,5% в XIX в. При этом в нынешних развивающихся странах темпы роста были еще ниже; к тому же экономический рост был свойствен не всем странам (например, он не имел места в Китае).

Если исключить кратко- и среднесрочные колебания и рассматривать экономическую динамику на фоне долгосрочных волн развития, близких к длинным циклам Кондратьева, то расхождение параметров накопления и темпов экономического роста в развитых и развивающихся странах совершенно очевидно.

Таблица 1

Темпы роста ВВП,
%

Тип стран	1950– 1960 гг.	1961– 1970 гг.	1971– 1980 гг.	1981– 1990 гг.	1991– 1998 гг.
Развитые страны с рыночной экономикой*	4,1	5,1	3,1	3,2	2,0
Развивающиеся страны	4,7	5,8	5,6	3,0	4,0
Переходные страны Восточной Европы	9,3	6,7	5,3	2,4	3,7
Переходные страны Восточной Азии	6,1	5,5	9,7	10,2	

* Из восточных стран в эту категорию включена Япония.

¹ Последняя колония на Востоке — Аомынь (Макао) — была ликвидирована лишь в 1999 г

В развитых странах практически на всем протяжении послевоенного периода действовала довольно устойчивая тенденция к затуханию темпов и в то же время к улучшению качества экономического роста и повышению доли эффективности совокупных затрат в приросте ВВП, что отражало не только глубокие сдвиги в системах производительных сил и производственных отношений, но и энергичное приспособление экономик этих стран к новым демографическим и эколого-ресурсным условиям ее развития.

На этом фоне, исключая срыв в 1980-е годы, развивающиеся страны демонстрировали более высокие темпы роста, но при более скромном качестве экономического роста и менее значительном вкладе эффективности совокупных затрат в приросте ВВП. Это также отражало переходный характер экономических процессов от стагнации к развитию.

Среди множества разноплановых и противоречивых факторов, способствовавших этому ускорению экономического развития освободившихся стран во второй половине XX в., можно выделить три.

Первый из них — изменение роли национального государства. Многоукладность и влияние внутренних противоборствующих сил, внешняя опасность (реальная или мнимая), а также традиции сильного государства, унаследованные от восточной автократии (а в колониях — и от колониального аппарата), придавали здесь государству особую широту функций. При этом государство здесь обладало своеобразной автономностью, способностью выполнять несколько функций, не всегда отвечающих интересам всех слоев элиты. Характерно, что эта автономность может сохраняться в течение довольно длительного промежутка времени, что в отличие от западных стран обуславливается не формированием единой частной собственности, а ее диверсификацией, что и создает возможность для попеременной опоры на разные силы.

Именно государство устраняло в этой группе стран наиболее одиозные виды докапиталистических отношений, проводя многогранные социальные преобразования, ликвидируя (ограничивая) остатки отношений личной зависимости. Следует, однако, отметить, что в силу самого характера правящей элиты, включающей в себя слои, тесно связанные с традиционными структурами, в большинстве стран эти преобразования не были доведены до конца.

Государство также форсировало внутреннее накопление и привлекало внешние ресурсы. Доля его в распределении и использовании ВВП на накопление составляла 23-26% в 1970-х и начале 1990-х годов. Эти средства использовались им для создания приоритетных инфраструктурных и производственных объектов. То же государство путем предоставления льгот, прямых субсидий и займов, оказания технической поддержки, подготовки кадров, а также ограничений на традиционные сферы приложения капитала способствовало ускорению развития местного капитализма на частнособственнической основе. При этом во многих странах принимались специальные меры по поддержке мелкого предпринимательства, которое могло стать наиболее массовидным слоем, поддерживающим местную элиту; рост капитализма снизу, как известно, вызывает более глубокую

и комплексную капиталистическую трансформацию социально-экономического пространства периферийных стран, чем развитие капитализма сверху.

Поскольку все развивающиеся страны были многоукладными, то огромную роль в деятельности государства играло поддержание межукладного взаимодействия. Выше уже говорилось, что низшие уклады здесь играли доминирующую роль по численности занятых, а нередко и по доле в валовом продукте. При значительных остатках натуральности взаимодействие этих укладов с другими, более развитыми, могло быть обеспечено только административно-принудительными методами. Это взаимодействие организовывалось таким образом, чтобы обеспечить подчинение низших укладов капиталистическим, создать приоритетные возможности для развития последних, нередко за счет докапиталистических.

Не менее важное значение имело и создание более равноправных условий для включения местного предпринимательства в мировое хозяйство и международное разделение труда. Дело в том, что в предшествующий период весь этот процесс, как правило, осуществлялся через посредника — иностранное предпринимательство, которое, пользуясь своим монопольным положением, контролировало и смежные сферы деятельности — кредитование, страхование, судоперевозки и пр. Тем самым оно не только извлекало монопольные прибыли, но и оказывало значительное влияние на всю структуру экономики. Для подрыва этой монополии использовались самые различные методы — протекционизм, огосударствление отдельных операций, контроль над географическим направлением внешне-экономических операций, принудительное объединение частных фирм в этой сфере и пр. В результате создавались условия для более полного использования внешних факторов роста, имеющих столь большое значение на отдельных фазах экономического развития.

Вся эта обширная сфера деятельности государства, направленная на ускорение экономической и социально-экономической модернизации развивающейся экономики, в отечественной литературе получила название государственного капитализма. В 1950–1970-х годах, в период наиболее интенсивных дискуссий по этому вопросу и наиболее активного использования государственного капитализма в развивающихся странах, под этим явлением понимали систему особых общественных отношений, базирующихся на государственной собственности. Однако многолетний опыт развития освободившихся стран показал, что такое представление о государственном капитализме не отражает всей масштабности этого явления.

Во-первых, он может основываться не только на государственной, но и на смешанной (государственно-частной) и кооперативной собственности, используемой государством в сельском хозяйстве и в отраслях по переработке сельскохозяйственного сырья. Кроме того, государственная собственность в производственной инфраструктуре и сфере обращения давала возможность оказывать огромное влияние на деятельность всех видов частного предпринимательства.

Во-вторых, такое определение не включает экономической политики государства. Она может быть разделена на долгосрочную политику (или стратегию развития), осуществляющуюся через планирование и связанные с ним инструменты,

и текущее регулирование экономики (сферы изъятия, налоговые ставки, учетный процент, валютный курс и пр.), так как последнее больше связано с конъюнктурными факторами, чем с долгосрочными. Далее, сущность и направление государственного капитализма в каждой данной стране зависят от характера правящих элит, от соотношения в них сил различной степени модернизированной: например, в Индии к власти пришли преимущественно слои европеизировавшейся национальной буржуазии, а в соседнем Пакистане — главным образом землевладельческая элита, что и предопределило изначальную разнонаправленность их государственной политики. Иначе говоря, государственный капитализм мог быть разным, неодинаковыми в отдельных странах могли оказаться и его приоритеты.

В 1950–1960-е годы некоторые ученые социалистических стран пытались противопоставить развитие государственного и частного капитализма в развивающихся странах, считая, что государственный капитализм является «более прогрессивным», что он предотвращает трудности и невзгоды для низших слоев населения, порождаемые развитием этого строя. В действительности эти два однотипных уклада тесно связаны между собой. С одной стороны, именно слабость местного частного капитала, неспособность его овладеть всем национальным пространством и порождает государственный капитализм. С другой стороны, государственный капитализм расчищает экономическое пространство для частного капитала, устраняя докапиталистические отношения и чрезмерную иностранную конкуренцию.

Другой фактор ускорения экономического развития освободившихся стран — существенное изменение подхода правящих кругов развитых стран к периферии. В политическом плане развитые капиталистические страны были заинтересованы в недопущении социального взрыва на периферии (подобного китайскому). Последний, в обстановке расширяющегося социалистического лагеря, конфронтации и холодной войны мог привести не только к сокращению потенциального капиталистического пространства, но и усилению вероятного противника. Основным условием недопущения такого развития событий была материальная и моральная поддержка сил в развивающихся странах, выбравших путь развития капитализма, а следовательно, выступающих за проведение соответствующего комплекса мероприятий и всемерное распространение стереотипов западного сознания (теория «перехвата революции»).

В экономическом плане центр нуждался в подтягивании периферии к потребностям нового разделения труда, вызванного к жизни научно-техническим прогрессом. Напомним, что накануне Второй мировой войны нынешние развивающиеся страны специализировались на поставках на мировой рынок продовольствия и сырья, главным образом растительного происхождения, которое они обменивали на готовые изделия, преимущественно (80–85%) товары первой необходимости. Между тем в развитых странах еще в ходе Первой мировой войны большую часть продукции стали давать отрасли тяжелой промышленности, которые нуждались в ином сырье и соответствующих рынках сбыта.

Поэтому центр был заинтересован в перестройке структуры экономики стран периферии, примерно аналогичной той, которая происходила на Западе в конце

XIX — начале XX в. Сложность такой перестройки заключалась в том, что в 1950–1960-е годы, из-за уже отмечавшегося нарастающего расхождения отраслевых структур, развивающиеся страны выталкивались из мирового товарооборота: в 1950 г. доля развивающихся стран в мировом товарообороте составляла около 35%, в 1970 г. — около 19%. В свою очередь, политическая нестабильность, а иногда и открытая дискриминация иностранных предпринимателей влекли за собой уменьшение доли притока иностранных инвестиций (с $\frac{2}{5}$ до менее $\frac{1}{4}$) от общих капиталовложений.

Поэтому проведение такой перестройки первоначально осуществлялось путем предоставления экономической и технической помощи, межгосударственных кредитов, массовой подготовки кадров и др. Лишь с 1970-х годов этот процесс стал происходить путем расширения иностранных прямых инвестиций, заимствований на международном рынке капитала, выноса предприятий транснациональных корпораций (ТНК) за рубеж, массовой контрактации продукции национальных предприятий и пр., т.е. более присущими капитализму методами. Деятельность центра способствовала заметному ускорению экономического развития периферии и изменению его качественных характеристик. Однако в группе стран, особенно тесно взаимодействовавших с центром, выявился и целый ряд диспропорций в экономической и социальной структурах — чрезмерная концентрация капитала и производства и противостояние высших и низших предпринимательских слоев, растущая неравномерность распределения доходов и пр.

Наконец, большое влияние на экономический рост в развивающихся странах оказало и новое разделение труда, которое начало складываться в мировом хозяйстве с 70-х годов XX в. Как известно, топливно-энергетический кризис 1970-х годов., обусловив падение конкурентоспособности многих отраслей хозяйства развитых капиталистических стран, потребовал структурной перестройки их экономик. Последняя предусматривала обмен технологий, капиталом- и наукоемких услуг, производимых развитыми странами, на продукцию добывающей и обрабатывающей промышленности, поставляемую развивающимися странами, во всяком случае наиболее передовыми из них. В результате развивающиеся государства стали превращаться из поставщиков продовольствия и сырья (точнее, в дополнение к этой роли) в производителей многих видов промышленных изделий. Производство же последних осваивалось как дочерними предприятиями ТНК, так и местными предприятиями, действовавшими самостоятельно или по контракту с производителями (потребителями) из развитых стран.

Ориентация на внешний рынок позволяла, во-первых, увеличивать производство темпами, превышавшими расширение емкости внутреннего рынка; во-вторых, приближать технологический и организационный уровень местного производства к международным стандартам; в-третьих, менять пропорции занятости таким образом, что все большая часть трудовых ресурсов сосредоточивалась в капиталистически организованных отраслях; в-четвертых, развивать мелкое и среднее капиталистическое предпринимательство, выступавшее подрядчиком или субподрядчиком фирм, работающих на внутренний рынок. Опыт пионеров такого подхода — новых индустриализирующихся стран (НИС) показывал, что

при экспортной ориентации экономического роста его темпы оказываются выше и устойчивей, повышается и качество экономического роста.

Следует отметить, что перечисленные факторы возникали не одновременно. Разновременным было и их проявление в отдельных странах или группах стран. В связи с этим заметно разнилось и их влияние на формирование и эволюцию экономического роста в той или иной стране.

Государственный капитализм как система ускорения экономического и социально-экономического развития зародился еще до Второй мировой войны в Турции и Латинской Америке; в конце 1940-х годов он распространился в странах Азии, а в 1960-х годах — и в Африке. В 1960–1980-х годах государственный капитализм с такими его атрибутами, как планирование, административное вмешательство в экономику, жесткое регулирование, государственное предпринимательство (за пределами инфраструктурных отраслей), стал доминирующим инструментом развития экономики.

Отношение к этому явлению как на Западе, так и в среде национального крупного предпринимательства стран Востока было достаточно противоречивым: с одной стороны, осознавалось, что без активного вмешательства государства в экономику выход из состояния отсталости невозможен, а с другой — мощный и широко развитый государственный капитализм ограничивает развитие частного крупного предпринимательства, в том числе иностранного. Поэтому, как показывает опыт Бразилии, Египта и Индии, по мере ликвидации основных диспропорций в сфере производственной инфраструктуры и достижения определенной зрелости крупное местное предпринимательство, нередко вместе с иностранным, начинает выступать против «эксцессов» государственного капитализма. На Западе с подъемом волны неолиберализма в 1980-х годах негативное отношение к государственному капитализму начало выходить на первый план. Дело в том, что, по мнению неолибералов, рыночный механизм в определенных условиях делает излишним государственное вмешательство в экономику, более того, последнее понижает эффективность экономики. Под давлением таких разнородных факторов, как увеличение доли товарно-денежного сектора и общая диверсификация экономики, рост экспортной квоты, изменение подходов западных стран и международных экономических организаций, в 1990-х годах происходит изменение форм государственного капитализма. В большинстве развивающихся стран наблюдается отказ от прямого государственного вмешательства в экономику, прежде всего от предпринимательства, и замена его косвенным, ликвидируется или снижается роль планирования, проводится приватизация. Таким образом, одновременно усиливается вмешательство государства в других формах.

Нужно, однако, отметить, что по многим причинам как материального, так и общественного свойства доля государства в экономике не была особенно велика — всего 10% в производстве ВВП в среднем по развивающемся миру. Вместе с тем его удельный вес в совокупном (накопленном) капитале был довольно значителен — примерно 40% в 1980-х — начале 1990-х годов. Гораздо большей, чем в экономике, была роль государства в распределении и использовании ВВП:

в указанный период она достигала 23–26%. Таким образом, государство воздействовало на процесс развития и прямыми, и, в большей степени, косвенными методами — через госбюджет и систему регулирования.

В то же время между группами развивающихся стран наблюдались довольно значительные различия в степени и формах вмешательства государства в воспроизводственный процесс, в том числе в процесс накопления:

— крупные страны, стремившиеся создать многоотраслевые хозяйственные комплексы и повысить степень внутрихозяйственной интеграции, в большей степени полагались на государство, особенно на начальных этапах ломки колониальной структуры экономики;

— малые страны, ориентированные на эффективное включение экономики в международное разделение труда, в большей мере опирались на рыночный механизм, отводя государству вспомогательную роль;

— в странах, где частнокапиталистический уклад еще не сложился или не мог проявить себя как самостоятельная сила, предпринимательские и регулирующие функции государства, как правило, были выражены сильнее, нежели в странах, где к моменту распада колониальной системы частнокапиталистический уклад уже занял доминирующие позиции.

Реформы по устранению докапиталистических отношений наиболее активно проводились в 1950–1960-е годы. В этот период были устранены или подорваны наиболее архаичные системы отношений в виде косвенно управлявшихся государств, привилегированного феодального землевладения, долгового рабства, личного неравенства и т.п. Эти реформы расчистили экономическое пространство от наиболее одиозных докапиталистических отношений. Однако в большинстве развивающихся стран сохранялись пережитки личных отношений, дискриминация отдельных групп населения и пр.

Надо заметить, что с 1970-х годов темпы проведения таких реформ резко замедлились, а в ряде государств они вообще прекратились. Видимо, правительства этих стран не могли пойти на риск дальнейших преобразований из-за опасений социальной и политической дестабилизации. Кроме того, за последние десятилетия XX в. произошло обуржуазивание верхушки традиционных укладов, вращение ее в национальную правящую элиту. Поэтому национальная элита стала, с одной стороны, более консервативной, менее способной к проведению дальнейших капиталистических преобразований, а с другой — меньшая стадийная зрелость вынуждала ее использовать докапиталистические отношения в качестве инструмента дополнительного обогащения и повышения собственной устойчивости в условиях обостряющейся конкуренции. В результате в большинстве развивающихся стран докапиталистические отношения сохранялись до конца столетия (в тех или иных пропорциях), деформируя процесс национального капиталистического воспроизводства.

Что же касается втягивания развивающихся стран в новое международное разделение труда, то в этом процессе довольно четко прослеживаются несколько этапов. На первом этапе, продолжавшемся до начала топливно-энергетического кризиса, т.е. до середины 1970-х годов, наблюдалось противоречие между поли-

тикой и экономикой. Политические причины требовали вовлечения в мировое капиталистическое хозяйство по возможности всех развивающихся стран, ибо в противном случае они могли усилить потенциального противника. В экономическом плане отсталость развивающихся стран была настолько велика, что, несмотря на частичное изменение специализации за счет быстро увеличивающихся в абсолютных размерах закупок их минерального сырья и топлива, а также финансирование части импорта программами официальной помощи развитию и двухсторонними займами, доля их в мировом товарообороте неуклонно снижалась. Из-за политической нестабильности и отдельных актов национализации сокращался к тому же их удельный вес в международном движении прямых иностранных инвестиций. Последнее обстоятельство было одним из факторов, сдерживающих структурную перестройку экономики развивающихся стран.

Для сохранения политического и социального статус-кво в развивающихся странах Запад вынужден был поддерживать преимущественно государственно-капиталистические методы их развития. Однако такой тип эволюции, особенно на первых порах, видимо, не мог разрешить обострившихся противоречий, поэтому они разрешались путем множества революций, военных переворотов и т.п., приводивших к возникновению государств, либо жестко привязанных к Западу, либо ориентированных на социализм и отрицавших капитализм.

Новый этап, начавшийся в середине 1970-х годов и окончательно оформившийся в 1990-е годы, существенно отличался от предыдущего.

С одной стороны, по политическим (распад социалистического лагеря во главе с СССР) и экономическим (снижение потребности в сырье и продовольствии и невозможность продать там современные товары) причинам произошло падение заинтересованности Запада в довольно большой группе наименее развитых стран (НРС, 45–50 государств). Доля НРС во всех видах внешнеэкономических связей сократилась. По-видимому, можно сказать, что для этой группы государств мировое хозяйство перестало в тот период служить фактором, способствующим их экономическому и социально-экономическому прогрессу.

С другой стороны, в активные связи с развитыми странами по всем показателям (прием зарубежного производства ТНК, поставка готовых изделий и полуфабрикатов, импорт капитала, технологий и готовых изделий и т.п.) все более вовлекались 25–30 государств, преимущественно НИС различных поколений. На базе расширяющегося взаимодействия с мировым хозяйством этим странам удалось оптимизировать народно-хозяйственные структуры и тем самым получить ощутимые выгоды. Вместе с тем число таких стран медленно уменьшалось. Видимо, это связано с возрастающим барьером технологической совместимости, т.е. сам этот принцип становится к концу века более селективным.

Однако в целом именно для последней группы стран мировое хозяйство превратилось в один из важнейших стимулов капиталистического развития, причем развития главным образом по частнокапиталистическому пути, так как государственные предприятия оказались недостаточно гибкими для того, чтобы эффективно вписаться в мировой рынок. При этом относительное единство мирового хозяйства нарушалось и деформировалось. Крайне неоднозначным становится

в этот период и его модернизирующее воздействие на отдельные группы государств.

Первопричиной перехода части отсталых стран к экономическому росту и ускорению темпов развития явилась перестройка структуры экономики. Важнейшим инструментом последней стала индустриализация, в широком смысле понимаемая как переход от ручного (инструментального) к машинному (индустриальному) труду во всех отраслях экономики.

Как известно, еще в XIX в. мировое хозяйство условно разделилось на «мировой город» и «мировую деревню». В первом, включавшем развитые индустриальные страны, механизированная промышленность превратилась в основную сферу деятельности общества, во второй главнейшим продолжало оставаться сельское хозяйство. По мере развития международного разделения труда «мировой город» начал поставлять в мировое хозяйство, прежде всего в колониально зависимые страны, продукцию своей промышленности, а «мировая деревня» — сырье и продовольствие, причем главным образом в развитые индустриальные страны.

Однако продовольственно-сырьевая специализация «мировой деревни» не означала, что она была полностью лишена промышленности. Во-первых, само производство сырья и продовольствия на экспорт требовало некоей предварительной обработки (очистка и прессовка хлопка, размотка шелковичных коконов, обогащение руд и пр.) или переработки скоропортящегося сырья (сахарного тростника, чая и т.п.). Во-вторых, развитие современного транспорта и связи (железных дорог, речного судоходства) повлекло за собой создание соответствующих ремонтных отраслей. В-третьих, в крупных странах появилась и промышленность, обслуживающая внутренний рынок. В целом к середине XX в. зачатки современной промышленности появились практически во всех странах Востока, но только в Индии, Китае и Корее сложился сравнительно диверсифицированный многоотраслевой промышленный комплекс.

С окончанием Второй мировой войны и распадом мировой иерархической социально-политической системы перед освободившимися странами Востока встала задача выбора стратегии дальнейшего развития. Дело в том, что война и изменения в структуре экономики и потребления развитых стран относительно сократили спрос на продовольственно-сырьевую продукцию развивающихся стран, т.е. произошло рассогласование динамик отраслевой структуры экономик центра и периферии. К тому же усилилась конкуренция на рынках одноименной продукции между развивающимися странами (например, число стран производителей чая выросло с 4 до 17, соя-бобов — с 3 до 6 и т.д.). В результате с 1950-х годов началось неуклонное ухудшение условий торговли развивающихся стран — снижение (или стагнация) экспортных цен при повышении импортных. Поэтому нормальная экспортная выручка перестала обеспечивать закупку необходимого количества импортных товаров. В свою очередь, дефицит импортных товаров, повышая уровень внутренних цен, способствовал усилению социальной напряженности.

Следует отметить, что ухудшение условий торговли наслаивалось на «экспортный пессимизм» — сложившееся еще в межвоенный период представление

о том, что при данной структуре экономики и системе международных экономических отношений сколько-нибудь существенное увеличение экспорта колониально зависимых стран невозможно. Напомним, что в то время мировая торговля сократилась почти в три раза, а экспорт стал подвергаться многочисленным ограничениям. Иначе говоря, все эти факторы заставляли элиту освобожденных государств пересматривать сложившуюся специализацию экономики. (Хотя в конце 1940-х — начале 1950-х годов сторонники сохранения традиционной специализации были достаточно влиятельны как на Западе, так и на Востоке.)

Наряду с факторами, подрывавшими существующую специализацию экономики и усиливавшими ее неэффективность, появились обстоятельства как теоретического, так и практического свойства, способствовавшие превращению индустриализации в основное направление развития. Во-первых, ослабление конкуренции иностранных товаров в годы войны и повышение цен на товары первой необходимости привели во многих странах Востока к массовому возникновению кустарных или маломеханизированных предприятий, покрывавших образовавшийся дефицит (аналогичный процесс наблюдался в годы Первой мировой войны). В дальнейшем сохранению и перестройке таких предприятий в относительно современные способствовали квотирование импорта, повышение импортных пошлин (даже фискальных), а иногда и прямая поддержка государства, руководствовавшегося необходимостью сокращения товарного дефицита на внутреннем рынке. Во-вторых, с достижением политической независимости и автономизацией развивающихся стран в мировом хозяйстве существенно расширились возможности проникновения на рынки бывших колоний фирм стран-аутсайдеров. Например, в Индии американские компании начали создавать автосборочные предприятия, немецкие фирмы построили паровозостроительный завод, швейцарские — часовой и станкостроительный заводы и т.п.

Для того чтобы избежать потери давно освоенных рынков, фирмы из бывших стран-метрополний вынуждены были переходить от экспорта товаров к их производству на месте. Если судить по западной экономической прессе того времени, это движение капитала не вызывало возражений в соответствующих кругах. В результате воздействия обоих этих факторов масштабы и уровень диверсификации промышленности развивающихся стран заметно возросли.

В теоретическом плане экономисты развивающихся стран отмечали, что валовой продукт в расчете на одного занятого в промышленности был выше, чем в других отраслях. В частности, в конце 1940-х годов этот показатель в странах Азии был равен 430 долл., а в сельском хозяйстве — лишь 145 долл. К тому же отдача на промышленные капиталовложения происходит быстрее, чем в других отраслях. Поэтому сосредоточение национальных капиталовложений в промышленности обеспечивает больший и более быстрый рост валового продукта и тем самым решает проблему накоплений. Кроме того, развитие промышленности, привлекая работников из трудоизбыточного сельского хозяйства, сокращает частичную безработицу и, следовательно, снижает социальную напряженность, способствуя более равномерному распределению дохода. Эти представления и опре-

деляли в основном деятельность государства в большинстве азиатских стран в 1950–1970-е годы.

Если судить по прессе Египта, Индии, Ирана, Китая и Турции того времени, то на более низком уровне сознания потребность в индустриализации аргументировалась примерно так: население развитых стран богато, так как они имеют сильную промышленность. Мы бедны, поскольку у нас промышленность слаба или отсутствует. При всей наивности и огрубленности таких представлений их распространенность среди широких слоев населения обеспечивала поддержку ими курса на индустриализацию, провозглашенного государством.

Наконец, существовали и политические причины, способствовавшие выбору индустриализации в качестве основного направления развития. Во внешнем плане войны в Алжире, Вьетнаме, Индонезии, Малайзии и в других странах показали, что политический суверенитет остается очень неустойчивым, если не закреплена экономика. Закрепление же экономического суверенитета было возможно лишь путем создания промышленного комплекса, способного, помимо всего прочего, удовлетворить и первоочередные потребности национальной армии. Во внутреннем плане проведение курса на индустриализацию было также предпочтительнее. Как известно, в национально-освободительном движении в большинстве стран Востока достаточно активное участие принимала и землевладельческая элита. Поскольку, по всеобщему мнению, развитие сельского хозяйства в регионе было невозможно без проведения достаточно радикальных антифеодальных реформ, то продолжение традиционной специализации могло происходить лишь за счет ущемления интересов данных слоев элиты, что в тот период было практически невозможным. Курс же на индустриализацию, затрагивающий только интересы иностранных компаний (преимущественно бывшей метрополии), получал поддержку большинства населения.

Анализ макроэкономических параметров роста в развивающихся странах, среди которых основное место занимают страны Азии и Северной Африки, позволяет сделать следующие выводы.

В послевоенной экономической истории бывшей колониальной и зависимой периферии (1950–2000) можно выделить четыре основных этапа:

— резкое ускорение темпов экономического роста в 1950-е годы при относительной стагнации структурных пропорций в экономике (структурный дрейф) и ее положения в мировом хозяйстве (аграрно-сырьевой придаток центра);

— сохранение высоких темпов экономического роста в 1960-е, 1970-е и первой половине 1980-х годов при нарастающем усилении структурных сдвигов в экономике (на индустриальной основе), росте степени и изменении профиля участия в мировом хозяйстве (смещение в сторону промышленной ориентации экспорта);

— замедление темпов экономического роста во второй половине 1980-х и начале 1990-х годов при относительном ослаблении экономических связей между периферией и центром, кризисе дуалистической структуры экономики и сырьевого профиля ее участия в мировом хозяйстве;

— восстановление темпов экономического роста в середине — второй половине 1990-х годов при усилении структурной и институциональной перестройки экономики и ее адаптации к центру под усилившимся влиянием мировой НТР и глобализации мирового хозяйства.

К моменту распада колониальной системы империализма периферия мирового хозяйства не была однородной ни по уровню экономического развития, ни по положению в мировом хозяйстве. Это был конгломерат стран, каждая из которых была прочно привязана к своей метрополии и мало связана с другими странами периферии. С распадом колониальной системы ситуация начинает постепенно меняться: экономическое развитие периферии приобретает все более синхронизированный и системный характер. Но одновременно под влиянием внутренних и внешних факторов значительно усиливается дифференциация этих стран как по уровню экономического развития, так и по положению в мировом хозяйстве.

Ускорение темпов экономического роста на периферии мирового хозяйства в 1950-е и 1960-е годы было вызвано в основном тремя причинами: во-первых, прогрессом деколонизации, особенно заметным на протяжении 1960-х годов; во-вторых, расширением экономических функций государства, взявшего на себя основное бремя развития экономики; в-третьих, началом форсированной индустриализации, главным образом в рамках импортзамещающей модели.

В 1970-е годы темпы экономического роста развивающихся стран остались практически на уровне 1960-х, но его движущие силы резко изменились: прежде всего на передний план вышли внешние факторы — рост спроса развитых стран на энергосырьевые ресурсы и ресурсоские виды промышленной продукции, а также массивный приток частного капитала, главным образом по каналам ТНК и ТНБ (транснациональных банков); и, кроме того, центры роста, находившиеся ранее в крупных странах, где роль эндогенных факторов традиционно сильна, сместились в менее крупные страны, но с повышенной степенью участия в международном разделении труда (МРТ) и международном обмене.

К концу 1970-х годов на периферии мирового хозяйства сложились три эшелона развивающихся стран, существенно различающихся по уровню экономического развития, отраслевой и технологической структуре экономики, степени и профилю участия в международном разделении труда и обмене: верхний эшелон — страны, которые ближе всего подошли к нижней границе развитых стран, а то и превысили ее (в основном это — новые индустриальные страны); средний эшелон — страны, как правило, со средним уровнем дохода и комбинацией энергосырьевой или аграрно-сырьевой и промышленной ориентации; нижний эшелон — страны с низкими темпами экономического роста и низким уровнем доходов, структурно плохо адаптированные к мировому хозяйству (в основном это уже упоминавшиеся наименее развитые страны).

Заметим, что на страны верхнего эшелона, где проживала всего пятая часть населения развивающегося мира, приходилось две трети его совокупного ВВП и три четверти экспорта, тогда как страны нижнего эшелона, на долю которых

приходилось три пятых его населения, обеспечивали всего пятую часть ВВП и менее десятой части экспорта указанной группы стран.

В 1980-е годы, главным образом под влиянием структурных сдвигов в центре мирового хозяйства (в частности, массированного внедрения ресурсосберегающих технологий в качестве реакции на ухудшающиеся условия ресурсопользования), в экономическом развитии периферии начался новый этап. Он характеризовался ухудшением внешних условий воспроизводства, сужением экономических связей с развитыми странами и, как следствие, замедлением темпов экономического роста.

В результате конфигурация развивающегося мира вновь изменилась. Произошла смена лидеров в верхнем эшелоне развивающихся стран: место стран-нефтеэкспортеров, долгое время лидировавших на гребне энергетического кризиса, заняли новые индустриализирующиеся государства, в основном Восточной Азии, располагавшие более солидным технологическим потенциалом и более гибким хозяйственным механизмом. Значительно вырос разрыв по уровню хозяйственного развития между верхним и нижним эшелонами развивающегося мира (все-го, включая Латинскую Америку и Африку).

Тем не менее именно в этот кризисный период начались серьезные сдвиги в отраслевой и технологической структуре экономики и в институциональном механизме хозяйственного развития этих стран и их адаптации к новой фазе развития мирового хозяйства.

Таблица 2

Развитые и развивающиеся страны:

ВВП на душу населения и на душу экономически активного населения, долл.*

Тип стран	ВВП/ЭАН**			ВВП/Н***		
	1960 г.	1980 г.	1985 г.	1960 г.	1980 г.	1985 г.
Развитые страны	3370	21 340	22 880	1 490	10 000	10 930
Развивающиеся страны	340	2 570	1 460	140	960	920
% к развитым	10,0	12,0	10,8	9,2	9,6	8,4

* В сопоставимых ценах по обменному курсу валют.

** ВВП на душу экономически активного населения.

*** ВВП на душу населения.

Очередной поворот в экономическом развитии периферии начался в 1990-е годы. Он был связан прежде всего с постепенной стабилизацией экономики и возобновлением ее роста, но уже на основе более плотной институциональной и структурной адаптации к развитию центра мирового хозяйства. В 1991–1997 гг. темпы роста ВВП развивающихся стран возросли в два раза, а темпы роста экспорта — в пять раз!

Это позволило восстановить прерванную в 1980-е годы тенденцию к росту доли развивающихся стран в мировом производстве и мировой торговле. Правда, в конце 1990-х годов в обстановке валютно-финансового кризиса темпы экономического роста в этих странах вновь замедлились. Тем не менее к 2000 г. их доля в мировом ВВП повысилась до 39,7%, а в мировом экспорте — до 41,2%.

Таблица 3

Темпы роста ВВП и внешней торговли
в странах мирохозяйственных систем,
%

Тип стран	1981–1990 гг.			1991–1997 гг.		
	ВВП	Экспорт*	Импорт*	ВВП	Экспорт	Импорт
Развитые страны с рыночной экономикой	2,9	5,4	5,3	1,9	5,5	5,7
Развивающиеся страны (включая КНР)	2,4	1,5	3,2	5,0	8,9	9,6
Весь мир	2,8			2,2	7,1	7,0
НРС	2,1			2,2		

* 1979–1988 гг.

Однако и в этот период теперь уже восстановительный процесс не был равномерным. Наиболее благоприятные условия для экономического роста (до начала валютно-финансового кризиса) сложились в Восточной, Юго-Восточной и отчасти Южной Азии при весьма скромной акселерации темпов роста в Западной Азии, Африке и Латинской Америке. На групповом уровне наиболее высокие темпы восстановления продемонстрировали промышленные экспортеры, а наиболее низкие — экспортеры нефти. В итоге, несмотря на возобновление роста, конфигурация развивающихся стран вновь изменилась, степень дифференциации в их среде усилилась, а их отставание от развитых стран по размерам ВВП на душу населения несколько возросло.

Таблица 4

ВВП на душу населения в странах мирохозяйственных систем

Тип стран	1989/90 г.		1996/97 г.	
	ВВП/Н, долл.*	К среднемировому уровню, %	ВВП/Н, долл.	К среднемировому уровню, %
Развитые страны с рыночной экономикой	18 184	446	25 190	529
Развивающиеся страны	993	23	1 227	26
Западная Азия	6 224	153	3 562	75
Южная Азия	213	5	347	7
Восточная Азия	1 150	28	2 658	56
КНР	171	4	728	15
НРС	282	7	231	5
Весь мир	4 078	100	4 766	100

* В сопоставимых ценах по обменному курсу валют.

В период после кризиса 1997–1998 гг. вплоть до конца столетия темпы экономического роста развивающихся стран вновь возросли, и они смогли сократить намечавшийся разрыв от развитых государств, в число которых входит Япония.

В целом за вторую половину XX в. благодаря расширению внутреннего и внешнего спроса, а также притоку внутренних и внешних ресурсов темпы экономического роста в развивающихся странах поддерживались, исключая срывы в середине 1980-х и конце 1990-х годов, на относительно высоком (выше, чем в развитых странах) уровне, хотя и, как обычно, с большим разбросом по группам стран.

Таблица 5
Развитые и развивающиеся страны: темпы роста ВВП,
%

Тип стран	1960–1970 гг.	1970–1980 гг.	1980–1990 гг.	1990–2000 гг.
Развитые страны	5,1	3,1	3,0	2,0
Развивающиеся страны	5,8	5,5	3,7	4,8
НЭС*	7,2	6,0	1,3	3,0
НИС	5,7	6,4	4,2	5,6
НРС	3,5	3,6	1,6	3,8

* Нефтеэкспортирующие страны.

С точки зрения факторных затрат высокие темпы экономического роста поддерживались прежде всего высокой нормой накопления, что позволяло значительно расширить приток в экономику капитала и рабочей силы на начальных (экстенсивных) этапах развития, а затем, на более зрелых этапах, постепенным усилением научно-технической и организационно-экономической составляющей экономического роста.

Таблица 6
Развивающиеся страны: параметры экономического роста,
%

Показатели	1950–1965 гг.	1960–1970 гг.	1970–1980 гг.	1971–1981 гг.	1982–1992 гг.
Темпы роста ВВП	5,6	5,7	5,3	5,7	4,2
Темпы роста населения	2,2	2,4	2,6		–
Темпы роста ВВП на душу населения	3,4	3,3	2,7		–
Норма накопления	12,9	19,6	24,2	21,7	21,7
Эффективность накопления	0,43	0,27	0,21	0,22	0,15
Темпы роста занятости	2,1	1,7	2,3	3,3	1,3
Темпы роста капитала	6,1	–	–	2,8	2,0
Темпы роста капиталовооруженности труда	4,0	–	–	1,5	1,7
Темпы роста производительности труда	3,5	4,0	3,0	4,4	2,9
Темпы роста эффективности капитала	–0,5	–	–	2,9	2,2
Темпы роста эффективности совокупных затрат	0,6	–	–	1,0	1,3
Доля эффективности совокупных затрат в приросте ВВП	10,7	–	–	21,7	23,8

Рост нормы накопления обеспечивался главным образом усиленной мобилизацией внутренних ресурсов, тогда как внешние источники играли в целом вспомогательную роль катализатора инвестиционного процесса, но с весьма значительными различиями по группам развивающихся стран, например, в некоторых НРС прирост внешних ресурсов служил главным, а то и единственным источником инвестиций, особенно на начальных этапах их экономического развития, в то время как в некоторых странах верхнего эшелона не только импортировали капитал, но и экспортировали его.

Эффективность накопления также не отличалась стабильностью ни по группам развивающихся стран, ни по этапам их экономического развития. Но общая тенденция была такова, что предельная эффективность накапливаемых ресурсов понижалась, а средняя эффективность накопленных ресурсов повышалась, что объясняется, по-видимому, тем, что модернизация производственных мощностей давала больше экономического эффекта, чем новое капитальное строительство.

Рост производительности труда, исключая 1950-1960-е годы, устойчиво опережал рост его технической вооруженности, что в сочетании с ростом средней эффективности капитала обеспечивало положительную динамику эффективности совокупных затрат и повышение их доли в приросте ВВП.

Как отмечалось выше, стержневым направлением структурного развития развивающихся стран была вплоть до конца XX в. индустриализация, т.е. переход от инструментальной системы производительных сил к индустриальной. Однако в странах верхнего эшелона (богатых странах-нефтеэкспортерах и динамичных новоиндустриальных государствах), а также в ряде крупных стран среднего и нижнего эшелонов начали создаваться очаги новой, научно-технической системы. Это послужило предпосылкой и сигналом для более глубоких изменений в отраслевых и технологических (факторных) пропорциях развития:

— на отраслевом уровне эти сдвиги выразились в прогрессирующем росте доли вторичного (промышленного), а затем и третичного сектора (услуг);

— на факторном уровне эти сдвиги, хотя и более медленные, выразились в росте применения новой техники и технологий, повышении квалификации рабочей силы и внедрении новых форм управления.

Под влиянием научно-технической революции и международного разделения труда в отраслевой и продуктовой структуре валового внутреннего продукта и валового общественного продукта произошли изменения, которые были вызваны в основном двумя причинами:

— прогрессивными сдвигами в технологических и организационных условиях производства в ходе научно-технического переворота (НТП), выразившимися в повышении доли высокотехнологичных и наукоемких видов производств и резком расширении спроса на финансовые, торговые и управленческие услуги и соответственно на современные вычислительную технику и средства связи;

— возвышением потребностей в связи с ростом доходов населения, с одной стороны, и повышением требований к физическим кондициям рабочей силы в условиях НТП — с другой, что привело к резкому возрастанию потребительского спроса на современные виды услуг.

В результате «сервисизация» экономики — повышение доли в ВВП производственных и потребительских услуг (сферы сервиса), начавшаяся еще в 1970–1980-е годы, в 1990-е резко ускорилась.

В 1950-е годы периферия мирового хозяйства, не исключая наиболее продвинутые в индустриальном отношении страны Латинской Америки, находилась на прединдустриальной стадии или в самом начале индустриальной стадии развития с преобладанием аграрных отраслей и сферы услуг.

В 1960-е годы ситуация стала меняться. Хотя сервисный сектор по-прежнему количественно доминировал, соотношение между аграрным и индустриальным секторами изменилось: промышленность по доле в ВВП вышла вперед.

В 1970-е годы в структурном развитии периферии был сделан новый крупный шаг вперед: доля промышленного сектора в ВВП значительно возросла, превысив аналогичный показатель в развитых странах. Более того, в то время как основная масса развивающихся стран, следуя индустриально ориентированной стратегии развития, продолжала восхождение к индустриально-аграрным или индустриально-сервисным структурам, ряд стран верхнего эшелона, главным образом богатые НЭС и динамичные НИС, начали переход к сервисно-индустриальным структурам, следуя в русле общего процесса «сервисизации» экономики, начавшегося ранее в развитых странах.

Таблица 7

Развитые и развивающиеся страны:
отраслевая структура ВВП по группам стран,
%

Тип стран	1960 г.			1980 г.		
	Аграрный сектор	Индустриальный сектор	Сектор услуг	Аграрный сектор	Индустриальный сектор	Сектор услуг
Развитые страны с рыночной экономикой	5	42	53	4	39	57
Развивающиеся страны	28	28	44	18	40	42
верхний эшелон	–	–	–	11	43	46
НЭС	–	–	–	13	46	41
Страны, экспортирующие промышленные товары	17	35	48	12	37	51
средний эшелон	30	26	44	24	32	44
нижний эшелон	47	19	34	39	24	37
НРС	52	22	26	31	38	31

В 1980-х годах в обстановке кризиса многоукладной структуры экономики развивающихся стран и сырьевого профиля их участия в международном разделении труда темпы экономического роста этой группы государств замедлились. Однако структурная перестройка экономики продолжалась, причем едва ли не более интенсивно, нежели в 1970-е годы, как средство адаптации к новым внутренним и особенно внешним условиям развития.

В этот период все более отчетливо стали обозначаться, и теперь уже не только в странах верхнего эшелона, переход от индустриально-сервисной к сервисно-индустриальной модели развития и соответственно появление новых сервисно-индустриальных структур — новых в том смысле, что теперь они базировались на развитом промышленном секторе, а не отражали, как прежде, неразвитость его.

Таблица 8

Развитые и развивающиеся страны:
отраслевая структура ВВП по группам стран.
%

Тип стран	1990 г.			2000 г.		
	Аграрный сектор	Индустриальный сектор	Сектор услуг	Аграрный сектор	Индустриальный сектор	Сектор услуг
Развитые страны с рыночной экономикой	3	37	59	2	31	67
Развивающиеся страны	15	39	44	12	35	52
верхний эшелон	8	44	48	6	37	57
НЭС	12	48	40	11	41	48
Страны, экспортирующие промышленные товары	12	41	47	13	37	50
средний эшелон	19	34	47	13	33	54
нижний эшелон	32	29	39	25	37	38
НРС	27	32	41	23	33	44

К 2000 г., несмотря на неблагоприятную конъюнктуру в начале и конце 1990-х годов, структурное развитие экономики периферии сделало значительный шаг вперед, а сервисный сектор почти повсеместно занял доминирующие позиции, хотя в разных группах стран ситуация, как и прежде, складывалась по-разному. Например, в группе динамичных НИС, где возвышение сервисного сектора явилось логическим следствием перехода на новую систему производительных сил, или в группе богатых НЭС, где развитие сервисного сектора решающим образом зависело от высоких доходов от природной (нефтяной) ренты, или в ряде стран среднего и нижнего эшелонов, где опережающий рост сервисного сектора во многом являлся реакцией на остроту демографической ситуации и низкую абсорбционную способность аграрного и промышленного секторов экономики либо следствием чрезвычайных обстоятельств (например, развала хозяйственного механизма на Филиппинах), или в группе НРС, которые до конца XX в. находились на прединдустриальной стадии развития с очень небольшими шансами перейти в индустриальную стадию, если учесть генеральное направление структурных сдвигов мирохозяйственного развития.

В рамках промышленного развития особо следует отметить заметное повышение доли тяжелой промышленности, в том числе производства инвестиционных товаров как для внутренних нужд, так и на экспорт, о чем свидетельствуют,

в частности, данные по обрабатывающей промышленности ряда наиболее продвинутых в индустриальном отношении развивающихся стран Азии.

Таблица 9

Развивающиеся страны Азии:
доля инвестиционных товаров в условно-числой (конечной) продукции
обрабатывающей промышленности,
%

Годы	Китай	Индия	Пакистан	Южная Корея	Тайвань	Малайзия
1980	83	29	21	27	36	25
1994	34	44	29	46	46	46

Серьезный шаг (по меркам развивающихся стран) был сделан в конце XX в. в освоении результатов научно-технического и организационно-экономического прогресса и в повышении доли интенсивных факторов в приросте ВВП. Примечательно, что этот сдвиг в пользу интенсивных факторов роста не ограничился, как прежде, верхним эшелонем, а стал распространяться и на ниже расположенные группы развивающихся стран. Лучшее свидетельство тому — улучшение качества экономического роста в Индии и Китае, которые, имея на определенном этапе отрицательную эффективность совокупных затрат, смогли не только переломить тенденцию к ухудшению качества роста, но и добиться повышения доли эффективности совокупных затрат в приросте ВВП.

Конечно, по уровню оснащенности современными средствами производства и уровню подготовки рабочей силы, не говоря уже о внедрении современных форм организации производства, развивающиеся страны в конце XX в. намного отставали от развитых, что обуславливало низкий уровень эффективности затрат капитала и рабочей силы. Но даже если брать картину в целом и рассматривать ее в динамике, то сдвиги в пользу интенсификации производственного процесса и в повышении эффективности совокупных затрат (ЭСЗ) совершенно очевидны.

Во-первых, это возрастание роли интенсивных факторов в приросте ВВП. Группировка развивающихся стран по темпам роста ВВП и доле в его приросте, эффективности совокупных затрат показывает, что темпы прироста ВВП тем выше, чем выше доля эффективности совокупных затрат в его приросте.

Таблица 10

Развивающиеся страны: темпы и факторы роста ВВП,
%

Тип стран	Темпы роста ВВП	Доля факторов в приросте ВВП		
		труд	капитал	ЭСЗ
С высокими темпами роста	7,2	18	47	35
Со средними темпами роста	4,2	33	50	17
С низкими темпами роста	2,2	41	55	4
ВСЕГО	5,2	25	50	25

Во-вторых, наблюдается постепенное подтягивание развивающихся стран к развитым по доле эффективности совокупных затрат в приросте ВВП. Если в 1950-1960-е годы эта доля в приросте ВВП развивающихся стран не превышала 10%, то в 1970-е и 1980-е годы она достигла 20-25%, а в некоторых странах (НИС) — 40-50%.

Таблица 11
Развитые и развивающиеся страны: темпы и факторы роста ВВП,
%

Страны и регионы	Годы	Темпы роста ВВП	Доля факторов в приросте ВВП, %		
			труд	капитал	ЭСЗ
Западная Европа	1950-1962	4,8	18	18	64
	1960-1987*		—	—	81
США	1950-1962	3,3	33	25	42
	1960-1987		—	—	50
	1978-1995	2,5	—	—	15
Япония	1955-1970	10,1	8	37	55
	1960-1987	3,2	—	—	59
	1978-1995		—	—	21
Развивающиеся страны	1950-1965	5,6	35	55	10
	1960-1987		—	—	14
	1971-1991	5,2	50	25	25
КНР	1952-1978	4,4	—	—	-18
	1979-1995	7,5	—	—	30
Индия	1958-1965	3,8	—	—	-34
	1970-1980	3,3	—	—	6

* Средние невзвешенные показатели по Англии, Франции, Германии.

Значительный прогресс был достигнут в развитии внешнеэкономических связей развивающихся стран — повышении степени и улучшении профиля их участия в международном разделении труда и мировом экономическом обмене, рационализации потоков капитала, товаров и технологий между центром и периферией мирового хозяйства, а также в распределении выгод (экономии совокупных затрат), возникающих в ходе мирохозяйственной эволюции.

В отличие от развитых стран, где темпы роста внешней торговли устойчиво превышали темпы роста ВВП, в развивающихся странах это превышение не было столь значительным.

Тем не менее доля внешней торговли в ВВП развивающихся стран и их доля в мировой торговле, хотя и не без срывов, имели тенденции к повышению. В частности, в 1950-2000 гг. доля экспорта в ВВП развивающихся стран повысилась с 7,5 до 19%, а их доля в мировом экспорте — с 16,8 до 41,2%.

За относительно короткий исторический срок развивающиеся страны, выступавшие ранее в качестве аграрно-сырьевого придатка центра мирового хозяйства, сумели существенно изменить свой профиль в мировом разделении труда и выйти

Таблица 12

Развитые и развивающиеся страны: динамика внешней торговли,
%

Годы	Развитые страны		Развивающиеся страны	
	Темпы роста экспорта	Отношение к темпам роста ВВП	Темпы роста экспорта	Отношение к темпам роста ВВП
1950–1960	7,1	173	3,1	66
1960–1970	10,0	196	7,2	124
1970–1980	18,8	606	25,9	463
1980–1990	7,7	241	2,2	73
1990–2000	3,4	270	12,2	225

на международные товарные рынки в роли серьезных и устойчивых поставщиков продукции обрабатывающей промышленности, в том числе с повышенным содержанием научно-технического компонента. В 1980–1994 гг. доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте развивающихся стран возросла с 18,5 до 64,3%, а доля этих стран на мировом рынке такой продукции — с 10,6 до 24,7%.

Особо следует отметить возрастающее значение развивающихся стран, особенно азиатских НИС первой и отчасти второй волны, в качестве мировых поставщиков высокотехнологичной и наукоемкой продукции, в том числе в развитые страны.

Таблица 13

Развивающиеся страны Азии: товарная структура экспорта,
%

Страны	Доля продукции обрабатывающей промышленности		Технологическая структура экспорта продукции обрабатывающей промышленности (1992 г.)			
	1980 г.	1999 г.	РЕП	ТЕП	МидП	НЕП*
Китай	41,7	39,8	6,3	50,4	29,8	1,1
Индия	59,6	76,1	28,7	49,6	13,3	3,4
Пакистан	55,1	83,8	4,5	93,8	—	1,7
Южная Корея	90,5	92,9	3,8	27,8	62,8	5,6
Тайвань	51,4	96,6	6,8	32,7	44,8	15,8
Таиланд	23,8	76,4**	20,1	38,3	21,3	20,3
Малайзия	31,4	82,2	5,4	17,4	34,9	42,3
Индонезия	4,0	55,3	29,5	48,7	15,2	0,9

* РЕП — ресурсоемкая продукция, ТЕП — трудоемкая продукция, МидП — массовая и диверсифицированная продукция. НЕП — наукоемкая продукция.

** 1995 г.

Значительно усилился процесс интернационализации экономики развивающихся стран и по линии движения капитала. В частности, в 1990–1995 гг., при

среднегодовых темпах роста ВВП развивающихся стран около 5%, темпы роста экспорта превысили 9%, а темпы притока внешних ресурсов достигли почти 18%. Отметим также существенный рост доли частного капитала (с 42 до 72%) и особенно прямых инвестиций (с 25 до 39%) в суммарном притоке внешних ресурсов за тот же период.

Существенно изменились позиции развивающихся стран и на международных рынках капитала. В 1950–1960-х годах эти страны были чистыми импортерами капитала. К концу XX в. они стали устойчивыми экспортерами не только ссудного (1970-е годы — НЭС), но и предпринимательского капитала (1990-е годы — НИС), причем не только в центр, но и на периферию мирового хозяйства.

Оценивая ситуацию в целом, вероятно, можно утверждать, что 1990-е годы стали переломным этапом в истории развивающихся стран как по положению, которое они заняли в мировом хозяйстве (периферия индустриально-аграрного и индустриально-сервисного типа), так и по роли, которую начали играть внешнеэкономические связи в их воспроизводственном процессе (не подсобное средство балансировки внутрихозяйственных пропорций, а постоянно действующий фактор обеспечения динамичных и стабильных темпов экономического роста и повышения эффективности общественного производства).

Экспортная ориентация, как и расширение всех форм внешнеэкономических связей, стала мощным средством поддержания высоких темпов роста ВВП и повышения доли интенсивных факторов в его приросте. В странах с выраженной ориентацией на внутренний рынок путем замещения импорта темпы и качество экономического роста были в среднем гораздо ниже, чем в странах, следовавших экспортно-ориентированной модели развития.

Таблица 14

Развивающиеся страны: темпы и факторы роста ВВП,
%

Тип стран	1975–1982 гг.		1983–1989 гг.	
	Темпы роста ВВП	Доля интенсивных факторов в приросте ВВП	Темпы роста ВВП	Доля интенсивных факторов в приросте ВВП
С сильной экспортной ориентацией	8,4	32,1	7,7	48,1
С умеренной экспортной ориентацией	4,6	10,9	4,1	29,3
С умеренной ориентацией на внутренний рынок	4,0	-5,0	2,7	-7,4
С сильной ориентацией на внутренний рынок	2,3	-39,1	-2,2	14,3

Значительную, если не первостепенную роль в ускорении темпов и в перестройке структурных пропорций развития сыграли рыночные реформы, а также институциональная и структурная адаптация экономики развивающихся стран к мировому хозяйству.

Нарастание степени участия государства в экономике в 1950-е и 1960-е годы было вызвано потребностями форсированной ломки колониальной структуры экономики, слабостью национального частного капитала и господствовавшей в то время импортзамещающей моделью развития.

В конце 1960-х и начале 1970-х годов ситуация начала меняться: в ряде развивающихся стран первоначальная фаза ломки колониальной структуры экономики была завершена, национальный частный капитал стал набирать силу и почти повсеместно обозначился переход к экспорториентированной модели развития, что потребовало и более либеральных форм организации экономики, и большей степени ее открытости по отношению к мировому хозяйству. С особой силой эти тенденции обозначились в 1980-е и 1990-е годы.

Влияние рыночных реформ на экономику развивавшихся стран не было однозначным и сильно варьировало по типологическим группам этих стран:

— наибольшие успехи были достигнуты в верхнем эшелоне развивающихся стран, особенно в группе азиатских НИС, которые и раньше отличались сравнительно развитой и интегрированной экономикой и более мощным слоем национального частного предпринимательства. В итоге этим странам удалось создать довольно гибкий и вместе с тем в основе своей жесткий хозяйственный механизм, позволивший им модернизировать экономику и осуществить быстрый и эффективный прорыв в мировое хозяйство;

— в более сложном положении оказались страны среднего эшелона, особенно крупные, экономика которых объективно нуждается в более высокой степени огосударствления, но и столь же объективно — в поиске нового оптимума хозяйственных форм;

— наименьшей широтой и глубиной рыночных преобразований отличался нижний эшелон развивающихся стран, особенно группа наименее развитых стран, но не столько вследствие избытка огосударствления, сколько из-за преобладания традиционных форм хозяйства и неразвитости товарно-денежных отношений. Рыночные реформы в этих странах навязывались, как правило, извне и носили в значительной мере формальный характер, их влияние на структурную перестройку экономики, как и масштабы самой перестройки были ничтожны.

Тем не менее, если рассматривать не краткосрочные эффекты стабилизации, а долговременные структурные последствия реформ, в целом их итоги можно считать положительными, особенно там, где они проводились последовательно и энергично и где трезво учитывались особенности экономики страны.

Глава 3

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НА ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Вторая половина XX в. отмечена событиями, которые определили основное направление развития восточных обществ: крах колониальной системы, появление интегральных схем, знаменующее собой начало эпохи глобализации, и кризис планетарного социализма с распадом СССР, что означало конец послевоенного двухполюсного мира.

Страны Востока при явных различиях между ними связаны, в частности, своим колониальным и полуколониальным прошлым. Это в большой степени предопределило своеобразие их современной истории — истории становления национальных государств, национального самоутверждения и интенсивных внутренних интеграционных процессов.

В период холодной войны с обретением политической независимости они получили возможность маневрировать, играя на противоречиях между противоборствующими лагерями, а после ее окончания — свободу многосторонних контактов в планетарном рыночном пространстве. Но обретение политической независимости не принесло народам Востока ни процветания, ни политической и социальной стабильности. Они все еще остаются преимущественно подчиненной периферией мирового хозяйства. В то время как Запад и некоторые азиатские страны уже в XX в. вступили в постиндустриальную эпоху, большая часть афроазиатского мира все еще доживает свой индустриальный век с грузом традиционности, которая во многом определяет стиль жизни и образ мыслей большей части восточных обществ.

Тысячелетия истории спонтанного развития не подготовили Восток к стремительным переменам Нового и Новейшего времени. Всего за несколько десятилетий второй половины XX в. он пережил крушение колониализма, трудности формирования национальной государственности в условиях холодной войны и адаптации к новой геостратегической конфигурации, сложившейся после развала мировой системы социализма.

Полюсами общественно-политической мысли на Востоке были, с одной стороны, официальные идеологии и программы (официальная интерпретация государственного интереса), а с другой — взгляды экстремистской оппозиции. Между ними — множество идейных конструкций интеллектуальной элиты, неформальных лидеров, оппозиционных партий, организаций и т.п. Господствующей идеологией на Востоке явно или завуалированно стал национализм, который питал государственную идеологию и накладывал четкий отпечаток на общественную мысль.

На планетарном геополитическом пространстве, в мире, в котором провозглашено господство принципов демократии, происходила политизация восточных обществ, особенно быстро росло национальное и этническое самосознание. У жителя Востока складывалось представление, что главное противоречие эпохи — это противоречие между империализмом и национализмом.

Статус независимости заставил политический авангард переформулировать лозунги национализма времен борьбы за независимость в концепцию национального самоутверждения независимых государств-наций как субъектов истории.

Анализ процессов, протекавших в общественной мысли, показывает, что их содержание определялось приоритетами решения трехчленной задачи: обретение национальной государственности и национально-государственное самоутверждение, достижение политической стабильности и социального равновесия в обществе, ликвидация отсталости через модернизацию и освоение достижений мировой цивилизации на базе национальных ценностей. В центре идеологической борьбы повсеместно находились проблемы власти, функционирование политических институтов, стабильность общественных структур и экономический рост. И решать эти проблемы следовало комплексно.

Восток, сознававший необходимость модернизации, оказался перед выбором стратегии развития: западная или эндогенная модель в области экономического развития? Справедливость на основе западных моделей — буржуазной или социалистической парадигмы — или традиционная модель «третьего пути» как база социальной стабильности? Изоляционизм или открытость и конвергенция в вопросах культуры? В подходах к решению сложных проблем национального бытия, в частности к поддержанию социальной и политической стабильности и модернизации как императиву современности, преобладали прагматизм, гипертрофия значения государственной власти.

В основе официальных идеологий был этатизм, как бы его ни понимать. Власть объявляла себя защитницей общего интереса. Это во многом предопределило повсеместное распространение режима «управляемой» модернизации. Государство брало на себя управление процессами модернизации, прежде всего в финансово-экономической сфере.

К концу XX столетия практически во всех странах Востока сложились или находились в процессе формирования основные институты современного общества: рыночная экономика и относительно устойчивые системы государственной власти авторитарного или полуавторитарного типа с демократическим фасадом, однопартийные диктатуры, способные в большей или меньшей степени гарантировать социальную и политическую стабильность. Делались попытки совместить западный опыт с национальным. В большинстве случаев это был как бы синтез демократии с восточным деспотизмом. Государство господствовало над обществом, потому что отсутствовали условия для работы демократических институтов: разделение властей, как правило, было фикцией, парламентские выборы — политическими играми, институциональные документы служили интересам прежде всего государства, а не общества.

Авторитаризм верховной власти, существование которого отчасти имело оправдание, так как нужна была «сильная рука». чтобы поддерживать стабильность в условиях присущей большинству восточных стран межконфессиональной и межэтнической напряженности, обеспечить концентрацию ресурсов для осуществления программ развития и т.п., как и власть бюрократической буржуазии, ставшая неперемнным атрибутом восточного общества, опирался на свойственный Востоку «подданныческий» тип политической культуры. Конституции, демократические по форме, нередко имели традиционное содержание; плюралистические системы политических режимов строились на племенной, региональной, а то и конфессиональной основе.

Демократия западного типа трудно прививается на Востоке. Но уже сложилось общее представление о демократии как народовластии в отличие от диктатуры. Восточные теоретики, независимо от политических пристрастий, зачастую пытались совместить западный опыт и национальную традицию. Поэтому политические институты, по форме сходные с западными, во многом функционируют по-азиатски.

Повсюду на Востоке модернизация имела общие черты, хотя каждое общество модернизировалось по-своему. Это — высокие темпы урбанизации и индустриализации, рост социальной мобильности, доступность средств массовой информации, демократизация образования. Однако модернизация по западным образцам в большинстве стран имела ограниченный успех. Она привела к дезорганизации традиционного, но не заложила твердых основ современного общества. Восточная специфика состояла, в частности, в незавершенности капиталистической трансформации. Как заметил египетский мыслитель Луис Авад, в арабском мире «старое не хочет умирать, новое не может родиться». Внедрение нового в жизнь Востока, как правило, не сопровождалось тотальной ломкой его социальной структуры. Такой исторический «недочет» сказался на экономической и социальной структурах. В условиях ускорения темпов стандартизации по западным лекалам, урбанизации и миграции, с появлением социальных групп, связанных с функционированием современных отраслей национальной экономики и мирового хозяйства, сохранялись традиционные уклады, нередко включенные в сферу современного производства.

Восток желал модернизации, но на восточный лад, без вестернизации, к которой он психологически не был готов — и потому, что вестернизация враждебна традиционному обществу, и потому, что в массовом сознании она воспринималась как новое издание колониализма.

Национальный авангард быстро осознал необходимость рациональной стратегии развития, учитывая противоречие между объективными потребностями общества в фундаментальной перестройке с ориентацией на планетарное развитие производительных сил и его (общества) реальных возможностей. Восток искал оптимальных решений на пути проб и ошибок. Ориентацию на западные модели развития в большинстве стран уже в 1960–1970-е годы вытеснили мелкобуржуазные программы социализма с национальной или религиозной спецификой, а в 1980–1990-е годы они, как и социализм на основе догмати-

зированной марксизма, уступили напору реформистских национал-либеральных взглядов.

Подходы к решению проблем экономического роста и социальных проблем обычно относились к трем типам по доминантным признакам с учетом национальной специфики: парадигма капитализма, парадигма социализма и парадигма особого, «третьего», пути развития.

Япония придерживалась концепции «экономического роста», или «общества благоденствия» японского типа на национал-либеральной основе; Южная Корея развивалась как общество капиталистической парадигмы в духе идеологии национальной самобытности — *чучхесон* (букв. «сам себе хозяин»); официальная идеология на Филиппинах предусматривала, в частности, преодоление отсталости через ускорение экономического роста на базе рыночной экономики.

Может быть, самым замечательным явлением в общественной жизни на Востоке стало широкое распространение в 1960–1970-х годах социалистической идеи, и не только среди полигической элиты и интеллигенции, но отчасти как социальный миф в массах. Это было объективно предопределено международной и внутренней обстановкой в странах Востока после Второй мировой войны. С одной стороны, быстрая политизация массового сознания в силу просвещающего влияния социальной и политической напряженности, характерной для периода становления национальной государственности, отсутствия серьезного успеха в попытках трансформации восточного общества на пути капиталистической модернизации и вестернизации побуждала к поиску альтернативных моделей развития.

А с другой — существовала мировая социалистическая система во главе с СССР, который демонстрировал плодотворность социалистической идеи. Сильное воздействие на умы производили впечатляющие успехи развития республик Советского Востока. Заявления о приверженности социалистическому выбору стали непрямым элементом социальной демагогии. Политические деятели и представители восточной интеллектуальной элиты, порой очень далекие от социализма — короли Марокко и Иордании, — провозглашали социализм желанной формой общественного строя. Социальные и экономические концепции соотносились преимущественно с социалистическими теориями. Перенесенный на восточную почву социализм преимущественно на платформе догматизированного марксизма по советскому образцу отличался идеологизацией общественной жизни. Идеологические конструкции в большей или меньшей степени были проникнуты популизмом. Популистская демагогия была так насыщена общими фразами, заклинаниями, обещаниями, что подлинная направленность политических и социальных программ порою определяется с трудом.

Вместе с тем представление о том, что такое социализм, было крайне неопределенным.

Социалистические взгляды в странах Востока могут быть отнесены к двум основным категориям: 1) ориентированные на догматизированный и вульгаризированный марксизм и 2) мелкобуржуазные концепции социализма с национальной спецификой. Для первых характерна не только абсолютизация некоторых

положений исторического марксизма, но и убеждение в возможности решения всех задач социалистического строительства разом. Так было в Китае, КНДР, Камбодже и Вьетнаме.

Что касается мелкобуржуазных версий социализма, получивших распространение в афро-азиатском мире, то их авторы и приверженцы исходили из убеждения, что марксистские версии социализма пригодны только для Запада. Социализм был переосмыслен в применении к условиям Востока. Он толковался как внеклассовая и надклассовая идеология. В нем видели прежде всего именно идеологию, а не учение об общественном развитии. Главным содержанием социализма считались, как правило, экономическое развитие общества и социальная справедливость через ликвидацию эксплуатации человека человеком. Идеологи мелкобуржуазного социализма мечтали о справедливом распределении и перераспределении национального богатства, минимизации классовых и имущественных различий. Их целью было в конечном счете общество среднего класса.

Такого рода концепции в 1960-х годах стали теоретической основой государственной идеологии Индии, демократического государства со смешанной экономикой и социалистической перспективой, Индонезии, с ее пятичленной концепцией «панча сила», и стран так называемой социалистической ориентации — Египта периода правления президента Насера, Сирии, Ирака, Алжира и др. Их разновидностью были концепции социализма в традиционно-религиозном понимании. Одни идеологи этого толка апеллировали к традиции и религии во имя социализма (к примеру, пропагандист «ведантийского социализма» Джайпракаш Нарайян), другие (исламские социалисты) использовали социалистическую идею ради возрождения традиционных социальных институтов. Но уже в 1960–1970-х годах во многих развивающихся странах назревает кризис доверия как к капиталистической, так и к социалистической моделям модернизации. В 1970–1980-х годах едва ли не во всех странах социалистической ориентации происходит пересмотр стратегии развития в пользу либерализации в экономической сфере. Мощное ускорение этому процессу придали демократические преобразования и рыночные реформы, начатые в СССР в середине 1980-х годов. Распад СССР и мировой социалистической системы был воспринят интеллигенцией левой ориентации как крах социалистической идеи. Леворадикальные взгляды теряли сторонников. В программах большинства коммунистических партий стран, избравших социалистический путь развития, наметился более или менее явный переход к рыночной экономике при сохранении ведущей роли государственного сектора.

Провал попыток капиталистической и социалистической модернизации породил альтернативные концепции общественного развития, отвергавшие и капитализм, и социализм, обещавшие народам процветание и социальную справедливость при сохранении национальной самобытности. Западный принцип распределения национального богатства был несовместим с эгалитаристскими традициями восточного общества. Если либералы понимали справедливость как функцию свободного предпринимательства и демократии, а социалисты — как равенство людей по отношению к средствам производства, равенство реальных поли-

тических и юридических прав, распределение по труду, то идеологи «особого» пути видят воплощение социальной справедливости в традиционном общественном идеале, перенесенном в современность с ее технико-технологическими возможностями. Одни — сторонники модернизации на альтернативной основе (президент Филиппин Фердинанд Маркос, шах Ирана), обычно стремились использовать традиции в качестве составляющей механизмов современного развития, другие — идеологи консервативной альтернативы, подобно исламистам, некоторым последователям Махатмы Ганди, желали «архаизировать» действительность, возродив основы традиционного общества, впрочем, обычно не отвергая полностью современный научно-технический и технологический прогресс. Идея «особого пути» толковалась преимущественно в мелкобуржуазном духе.

Хотя все концепции общественно-политических преобразований провозглашали высшей целью благо народа, их приверженцы по-разному решали вопрос о средствах и методах достижения цели. При том что все они считали, что нужна соответствующая подготовка общественного сознания, деятели умеренного толка были убеждены в необходимости постепенного совершенствования или изменения существующих структур в рамках закона. Получила распространение и в ряде случаев (в Таиланде, Китае, Южной Корее) оказалась эффективной идея ненасильственных массовых действий. Радикалы, напротив, требовали всеобъемлющих перемен и преимущественно сразу. Ради этого экстремистское крыло радикалов даже было готово прибегнуть к насилию, не сообразуясь с обстановкой и расстановкой сил (наксалитское движение в Индии, японская «Красная армия», деятельность исламистских организаций). В 1960–1970-х годы, в немалой степени под влиянием леворадикального бунта в Европе и Латинской Америке, резко активизировались левые экстремисты в Азии. Референтной моделью леворадикальных взглядов стал главным образом маоизм с его формулой «винтовка рождает власть».

Радикализмом отмечены выступления религиозно-политической оппозиции. Движения политического и социального протеста под религиозными лозунгами, борьба меньшинств с гиперболизацией религиозного момента, религиозно-общинные противоречия были сильным дестабилизирующим фактором. Особенное влияние на международную обстановку имел исламизм, т.е. политизированный ислам. В результате действий радикальных движений и организаций под флагом ислама возникла Исламская республика Иран: исламисты провозгласили исламский эмират в Афганистане, ведут вооруженную борьбу за установление власти *шариата* во многих районах мусульманского мира — в провинции Ачех (Индонезия), на о-ве Минданао (Филиппины), в Алжире.

Всплеск радикализма был вызван комплексом причин, в том числе отсутствием динамизма в национальной политике, несбывшимися надеждами на лучшую жизнь, а всего больше — кризисом идентичности вследствие слишком быстрых темпов модернизации и экспансии западного образа жизни и мыслей, подрывавшей устои традиционного общества.

В идеологической и политической жизни афро-азиатских народов большое значение имели наднациональные идеологии, такие, как панисламизм, пангюр-

кизм, паназиатизм, панарабизм, коммунизм. Они абсолютизируют подлинное или мнимое единство крупных общностей на территориальной, расовой, этнокультурной, религиозной, идеологической основах. Панидеологии, с одной стороны, вызвали к жизни «идеократические» государства на Востоке, такие, как социалистические страны Азии, исламистский Иран, сионистский Израиль, поборники идеи арабского единства — Сирия и Ирак, превратившиеся на деле в инструмент государственно-национальной политики, с другой стороны — они стали знаменем движений социального и политического протеста.

Почти все панидеологии зародились в XIX и первой половине XX столетия, но в постколониальный период они получили новые акценты, отчасти — новое содержание. Панисламизм, сохранив антиколониальный, антиимпериалистический и в целом антизападный потенциал, стал политической идеологией исламистских движений и организаций. Панарабизм как идеология борьбы арабов за независимость использовался отдельными арабскими лидерами для достижения государственно-национальных, а не общеарабских целей. Пантюркизм, который из политической идеологии превратился в концепцию культурного национализма, снова вышел на политическую арену. Паназиатизм, бывший орудием японского гегемонизма, возродился под девизом «азиатизации Азии» как идея сплочения в борьбе за новый передел мировой экономики между центрами силы. Коммунизм был теоретической основой неудавшегося эксперимента социалистического строительства в планетарном масштабе.

Общность интересов развивающихся стран в противостоянии неоколониалистским тенденциям привела к пониманию единства целей и необходимости консолидации усилий. В 1950-х годах возникло движение неприсоединения. Появились блоки, союзы, организации стран «третьего мира» для защиты национальных, региональных и общих интересов. 1970–1980-е годы отмечены активизацией носителей идеи экономического сотрудничества, коллективной опоры на собственные силы, появлением движения за новый мировой экономический порядок, который обеспечивал бы интересы развивающихся стран.

* * *

Движение Востока из средневековья в современность происходило во взаимодействии с Западом. Оно отмечено постоянным выявлением отношения Востока к Западу. На авансцене общественной жизни восточных обществ еще и сегодня остается крайне острая проблема соотношения традиционного восточного и современного западноевропейского (евроатлантического) начала как часть проблемы национального самоутверждения.

Осмысление социальной конфликтности и политических процессов, критика действительности, формулирование чаяний общественных сил, идеологического обоснования выбора национальных путей развития всегда оставались прерогативой интеллигенции. Для современно мыслящей интеллектуальной элиты такие понятия, как свобода, гуманность, социальная справедливость, преодоление отсталости, были моральным императивом. Пик радикализации интеллигентского сознания на Востоке, ее антиимпериалистической и антикапиталистической ак-

тивности пришелся на 1960–1970 годы. Но духовный и интеллектуальный подъем, характерный для этого периода завоевания и утверждения независимости, едва ли не повсеместно сменился спадом. Афро-азиатская интеллектуальная элита в основном оказалась не готовой к смене ролей. Интеллигенция едва ли не повсеместно была оттеснена от центров принятия решений технократами и бюрократической буржуазией. В условиях авторитарных режимов, идеологического пресса в средствах массовой информации она все больше становилась преимущественно сервильной, ангажированной властью стратой. Интеллигенцию и массы, которые во многом оставались в силках конформизма традиционности, по-прежнему разделяла стена непонимания. Для масс важной была только принадлежность интеллигента к слою образованных людей, которая открывала путь к власти, привилегиям, личному благополучию. Восточные интеллектуалы замыкались преимущественно на вопросах национальной культуры, истории, образования и т.д. Впрочем, «мятежные души», несмотря ни на что, продолжали борьбу за гармонизацию общественных отношений, эмансипацию личности, осмысливая национальное бытие в контексте западной доминанты.

Модернизация нигде не происходит так сложно и болезненно, как в области сознания. Темпы освоения материальных плодов научно-технического прогресса много выше темпов соответствующих перемен в социокультурной сфере и общественном сознании, инерционность которых все новое преодолевает с трудом.

Современный взгляд на мир на Востоке формировался в условиях противостояния направленных в разные стороны сил современного и традиционного начала. С одной стороны, «новое» — связанная с Западом революционизирующая сила современности, ориентированная на будущее, сила рыночных отношений с интернационализацией потребностей и потребления, а с другой — «старое», основанное на традиции, обращенное в прошлое, рутинное в жизни и мыслях с характерной метафизичностью и пренебрежением к личности, — мощный источник консервативности. Внедрение нового в жизнь восточного общества, как правило, не сопровождалось тотальной ломкой его социальной структуры. Конфессиональная, кастовая, клановая, родоплеменная разделенность, свойственная традиционному обществу, оставалась фактором социальной организации. Традиции и религия составляют ценностно-смысловое ядро восточных культур, их этнокультурную доминанту, в отличие от инновационного секулярного типа культуры, присущего Западу.

Хотя история Востока в XX в. свидетельствует о подъемах и спадах влияния религии и религиозных институтов, доминирующая роль религии и традиций, которые, как правило, были обобщением социальной инерционности, составляла главную особенность восточного общества. Несмотря на то что религиозные установки перестали быть абсолютным критерием истины, а традиционные, в том числе религиозные, предписания утратили роль единственного или главного регулятора отношений между людьми, в постколониальную эпоху в религиозной мысли в целом сохранились течения, зародившиеся еще в колониальный период. Это и доктринальный традиционализм, для которого, однако, стала приемлемой расширительная трактовка канонических понятий, реже — акцентирован-

ная ортодоксия, и нетрадиционные религии и секты, и наконец — переосмысление религиозных доктрин и религиозно-философских учений в модернизаторском или охранительном духе во имя очищения и возврата к первоистокам. Суть модернизации заключается в их приспособлении к требованиям современного мира. Для приверженцев идей реформаторско-модернизаторского направления в исламе значимой является фигура египетского богослова Мухаммеда Халлафуллы, в индуизме — последователя Махатмы Ганди Виноба Бхаве, философа Сарвапалли Радхакришнана, а в буддизме — Д.С. Виджайавардана. Модернизаторская мысль стала частью философии, социологии, политических наук, нормой современного мировидения.

Что касается религиозных консерваторов фундаменталистского толка, то их взгляды, как правило, служили основой идеологии социально-политического протеста, направленного против вестернизации и секуляризации. Влияние политизированных религиозных взглядов, особенно в мусульманских районах планеты, было столь значительным, что национализм — светская идеология, — который в период борьбы за независимость подчинял себе религию, использовал ее для достижения светских целей, стал уступать давлению радикального клерикализма, потому что для массового сознания националистические максимы в их полном объеме и в светских понятиях мало что значат. Нередко националистическая идеология принимала традиционные черты. Так что модернизация восточного общества сопровождалась известной традиционализацией внедряющихся в него современных форм общественной жизни, и наоборот. Лидеры, для которых идея нации была главным источником мотиваций, осваивали не религиозные максимы, а в первую очередь морально-этические установки религиозных доктрин и религиозно-философских учений и освященные ими культурные ценности. Духовенство в государственной структуре, со своей стороны, обычно стремилось найти точки сближения религиозных доктрин с секулярным национализмом. Если на официальном уровне национализм и религия сосуществуют в согласии, то на неофициальном они нередко находятся в конфронтации. Религия, чаще всего в фундаменталистской форме, питает инакомыслие, противопоставляя существующим режимам свои представления об идеальном порядке вещей.

В общественной мысли на постколониальном Востоке сосуществовали в противоборстве три основных течения: радикально-западническое, почвенническое — негативистское по отношению к западной культуре, и универсалистское.

Первое было ориентировано на вестернизацию восточного общества. Либералы и технократы-западники считали, что развитие Востока возможно только в фарватере Запада, и мерили восточную действительность западными мерками.

Почвенники традиционалистского толка придерживались культурного изоляционизма. Они были убеждены в возможности национального возрождения на основе традиционных моральных и духовных ценностей, впрочем, порою в сочетании с элементами марксизма, западных социалреформистских учений и местных национальных программ светского содержания (различные варианты «исламского социализма», концепция *сарводвай* в Индии). Пик активности почвенников относится к 1970-м годам.

Универсалисты отталкивались от представления, что мировая цивилизация является результатом взаимодействия национальных культур, ценностей европейской и восточной цивилизаций. Приверженцы этого течения считали необходимым усвоение Востоком западных методов организации труда, положительных знаний, современных технологий и т.д., что не должно мешать ему оставаться самим собой.

Существовали также компромиссные, симбиозные и синтезированные варианты этих течений, в которых по-разному сочетались традиционное и современное начала. Сторонники крайних взглядов были немногочисленны.

Но общим для большей части восточной интеллектуальной элиты современной формации, в том числе и для многих традиционалистов-почвенников, было желание понять, в какой мере национальное культурное наследие может способствовать становлению и функционированию современного общества, или как стать современным, сохранив национальное своеобразие в условиях интернационализации и универсализации материальных и культурных ценностей.

Осмысление результатов взаимодействия между Востоком и Западом оставалось крайне важным для восточного общественного сознания. Для него было характерно двойственное отношение к Западу. Еще недавно оно уповало на цивилизаторскую роль Запада и познавало национальное бытие преимущественно через призму его восприятия Западом. В нем в целом доминировал стереотип представления об отсталости Востока и его зависимости от Запада. Восточная общественность желала «учиться» у него, стремясь вырваться из пут традиционной архаики. Она заимствовала и заимствует у Запада то, что, по ее мнению, в наибольшей степени отвечает нуждам восточных обществ в данный момент.

Однако если еще в первой половине XX в. историческому опыту Запада придавалось универсальное значение и восточные прогрессисты желали учиться у Запада, чтобы «стать Западом», то со временем все более отчетливо выявлялось стремление догнать развитые страны Запада, не перенимая слепо их опыт, опираясь на собственные силы и используя достижения евроатлантической цивилизации, прежде всего в области материального производства. Восток заново открывал для себя западный мир, переосмысливая достижения мировой цивилизации в свете реалий восточного общества. Одной из главных задач национальных правительств было формирование государственно-национальной идентичности у населения на пути деколонизации — освобождения культуры от западного влияния; вырабатывалась национальная идеология, происходило переосмысление национальной истории, возрождались культурные и духовные ценности во имя сохранения национальной специфики как средства самоутверждения. Восток не желал оставаться «пасынком истории», эксплуатируемым и униженным, а в определении своего места в истории призывал на помощь дух национального прошлого. Менялись сложившиеся в колониальный период стереотипные представления о Востоке и Западе. Последний часто отождествлялся с империализмом как обобщенной формой неравенства и несправедливости. Крепло убеждение, что Запад исчерпал свой цивилизаторский потенциал.

В последней четверти XX в. протест против евроатлантической экспансии, отторжение связанной с ней техницистско-индивидуалистической цивилизации и неизбежной стандартизации образа жизни принял особый размах. Восточное общество сознательно, а чаще неосознанно, сопротивлялось западно ориентированному «новому», хотя оно пользовалось плодами научно-технической и технологической революции, переворота в области информационных систем, интернационализации производства, погрешностей и потребления, а также культурных ценностей. Росло внимание к системам ценностей, смыслов и символов, относящимся к традиционным религиозно-этическим представлениям.

Одни западники становились националистами, другие искали выход из духовного кризиса в родной старине. Традиции, традиционные религии и религиозно-философские учения, которые всегда давали Востоку уверенность в духовном превосходстве над Западом, составляли подчас органичную часть национальных идеологий. Для многих политиков и интеллигенции родная старина становилась прибежищем всякий раз, когда терпели неудачу попытки достигнуть национальных целей по западным моделям.

Не готовый заимствовать нововведения, которые несла с собой модернизация «в чистом», т.е. евроатлантическом, виде, Восток придавал им своеобразную восточную интерпретацию. Но модернизация неизбежно была связана с вестернизацией и секуляризмом, сопровождалась экспансией западного образа жизни и мыслей, так как современная экономика не может развиваться без современного уровня образованности и культуры труда. В результате межцивилизационных взаимодействий происходило размывание восточной специфики. И как бы ни сопротивлялся традиционный афро-азиатский мир напору сил модернизации, процессы глобализации как фазы общественного развития человечества развиваются по принципиальной схеме, некогда заданной Западной Европой.

Глава 4

МАРОККО

Ко времени окончания Второй мировой войны (с 1912 г.) Марокко оставалось протекторатом Франции во главе с французским генеральным резидентом. До получения страной независимости в 1956 г. сменилось шесть назначенцев, что свидетельствовало о сложной обстановке в стране. Среди них были генералы, дипломаты, политики. Номинальная власть принадлежала (с 1927 г.) султану шерифской империи Мухаммеду бен Юсефу. Северо-восточная часть страны с 1912 г. находилась под юрисдикцией Испании во главе с часто менявшимся верховным комиссаром. Номинальная власть принадлежала халифу — наместнику марокканского султана. Город Танжер в 1923 г. получил статус международной зоны.

Окончательно сложилась аграрно-сырьевая экономика страны при доминирующих позициях французского капитала. Страна превратилась в рынок сбыта и сферу приложения капитала Запада и в этом качестве стала частью мирового капиталистического хозяйства. Образовались два сектора относительно развитой колониальной и весьма отсталой национальной экономики страны. Султанская семья и ее окружение приобщились к западной рыночной экономике. Об экономической отсталости свидетельствовал такой обобщающий показатель, как национальный доход на душу населения — около 150 долл. (1953 г.), в шесть раз меньше, чем во Франции, и в 14 раз меньше, чем в США.

БОРЬБА ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Марокко внесло значительный вклад в победу союзников во Второй мировой войне непосредственным участием своих солдат в военных действиях, что сказало на умонастроениях марокканцев. Практически все слои марокканского общества были недовольны своим положением, стремясь кардинально его изменить.

В ходе начавшейся борьбы за независимость произошла дальнейшая политизация городского населения. Активизировалась деятельность политических партий, возникших еще в 1930-е годы. В послевоенный период национальные партии заняли довольно прочное место в политической жизни. Наиболее влиятельной стала «Истикляль» («Независимость»), объединившая широкие слои марокканского общества, включившиеся в борьбу за национальную независимость. Сформировалась относительно развитая партийная структура, послужившая в дальнейшем базой развития парламентаризма.

В 1951 г. несколько ведущих партий объединились в Марокканский национальный фронт, который на деле ограничился осуществлением в основном представительских функций при ООН и ЛАГ. Вопрос о положении в Марокко не раз был предметом обсуждения в Генеральной Ассамблее ООН.

Массовые демонстрации протеста в городах и волнения среди сельского населения беспощадно подавлялись армией и полицией. Подвергались преследованиям и деятели национальных партий. Среди населения возникли группы сопротивления, подпольные организации.

С экономической столицы страны Касабланки началось национально-освободительное движение, быстро распространившееся на все регионы страны. Общенациональным лидером стал султан Мухаммед Бен Юсеф, речь которого в Танжере в феврале 1947 г. легла в основу Хартии марокканской независимости. В 1953 г. французские власти заставили неугодного монарха отречься от престола и выслали его из страны.

Размах национально-освободительного движения был настолько силен, что в 1955 г. французские власти были вынуждены не только вернуть законного султана в страну, но и начать переговоры о независимости Марокко. 2 марта 1956 г. было заключено соглашение с Францией о независимости, а 5 апреля независимость северо-восточного Марокко была признана оккупировавшей его Испанией. 29 октября 1956 г. была подписана совместная декларация западных стран об отмене международного режима зоны г. Танжера и о вступлении там в силу марокканского законодательства. Закончились 44 года чужеземного господства в Марокко.

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА

Участие в освободительном движении помогло султану удержать власть в переходный период от протектората к независимости: феодально-аристократические круги во главе с монархом смогли возглавить процесс укрепления независимости, оттеснив на второй план национальную буржуазию. Традиционалистские структуры заняли столь преобладающее положение, что новым национальным силам во главе с партией «Истикляль» не удалось овладеть инициативой.

Пагриархальная форма управления стала основой национальной самобытности политической системы страны. Кроме того, монарх был в глазах населения религиозно-легитимным правителем, ведущим происхождение от Пророка. В результате харизматический лидер стал стабилизирующим фактором в переходный период развития, когда экономические трудности, противодействие разных политических фракций, кланов и этнических группировок создавали внутреннюю конфликтогенную ситуацию.

На первых порах под укреплением государства понималось упрочение власти, преодоление хаоса, возникшего после освобождения. Начался этап строительства независимого государства, формирования новых органов административной власти, становления политической системы, в основе которой была консолидация монархического режима, его модернизация по западному образцу. С самого на-

чала государство, еще не освободившееся от представления о власти как о своеобразной собственности, выступило в роли главного субъекта изменений как в политике, так и в экономике.

В сфере экономики начался переход от колониальной социально-экономической структуры к капиталистической. Поскольку эта модернизация началась при отсутствии серьезного частного капитала, государство стало системообразующим фактором в экономике. Создание государственного сектора, прежде всего в промышленности, осуществлялось посредством национализации крупных иностранных компаний, действовавших под прикрытием традиционных государственных институтов, работавших в условиях протектората (особенно в горно-добывающей промышленности). Благодаря перераспределению собственности доля государства в национальном капитале возросла с 30% в 1950 г. до 65% в 1975 г. Если в 1950-е годы существовало лишь 50 государственных предприятий, то в 1980-е насчитывалось до 460 промышленных, торговых, финансовых, а также 118 сельскохозяйственных предприятий. В сельском хозяйстве они заняли около 3% обрабатываемых земель.

Сельское хозяйство является приоритетной отраслью экономики Марокко, дающей 15–20% ВВП и 25% экспорта, обеспечивающей занятостью 45% активного населения и поглощавшей до одной трети государственных инвестиций (до 1996 г., когда они были сокращены). Из-за периодических (раз в пять-шесть лет) засух эти средства шли на создание масштабной системы ирригации.

Для земельной реформы был выбран ограниченный вариант, поскольку правительство ориентировалось на капиталистическую прослойку землевладельцев, способных стать ядром экономического подъема деревни и силой, в перспективе могущей адаптировать аграрный сектор к нуждам рынка, преобразовав его со временем в динамичный механизм.

Однако модель «догоняющей» модернизации создавала лишь «острова современности», и традиционный сектор, хотя его позиции постепенно сокращались, продолжал и продолжает играть существенную роль в экономике Марокко, особенно в сельском хозяйстве. Становление капитализма идет по пути медленного и постепенного приспособления пережиточных феодальных отношений к современности, через возникновение полутрадиционных структур.

В то же время власть старалась постепенно трансформировать сохраняющееся господство иностранного капитала в своего рода совладение экономикой страны, в котором марокканской буржуазии досталась бы по меньшей мере равная доля с чужеземными монополиями. При помощи смешанной экономики государство пыталось ускорить процесс индустриализации, стимулировать экономический рост, упрочить социальную базу режима. «Марокканизация» была также направлена на то, чтобы сделать местного предпринимателя основной фигурой в мелком производстве, сельском хозяйстве, сфере обслуживания, розничной торговле. В целом национальная буржуазия выиграла от этого процесса. Ее доля в «марокканизированных» предприятиях выросла до 59%.

Существенные изменения в экономике сопровождались и модернизацией социально-политической структуры, созданием новой политико-административной

системы в стране. В 1957 г. султан принял титул короля, став Мухаммедом V. Придание светского характера власти с легитимным наследованием должно было обеспечивать преемственность алауитской династии, обезопасив страну от династических кризисов, как это было в условиях крайней слабости политической централизации и нестабильности патриархальной теократии доколониального прошлого.

Королевское правительство, заменив французских чиновников марокканцами, в целом сохранило созданный французами централизованный аппарат и систему управления. Базой формирования высшей бюрократии стала земельная аристократия, сохранившая свои привилегии при протекторате.

В ходе институциональных реформ, за первые пять лет независимости было сделано немало: создана национальная администрация, армия, дипломатический корпус, реорганизована судебная система, начало осуществляться планирование экономики, введена национальная валюта (*дирхам*), государство стало оказывать помощь крестьянам, была легализована деятельность профсоюзов и политических партий.

Довольно сильное профсоюзное движение возникло со времени национально-освободительной борьбы, оформившись в единый профцентр — Марокканский союз труда (МСТ), ставший почти сразу в оппозицию к власти. Однако уже в 1960-е годы, вслед за расколом оппозиционных партий, с которыми сотрудничали профсоюзы, произошел и раскол профсоюзного движения. Образовались соперничающие друг с другом новые профцентры.

Оппозиционные партии создавали политическую атмосферу, благоприятную для политической борьбы. За это рабочий класс отдавал им свои голоса на выборах. Страну сотрясали крупные забастовки, заставившие власть совершенствовать трудовое законодательство. В этих условиях известное влияние сохраняла Марокканская компартия, практически находившаяся на полулегальном положении и легально издававшая партийную литературу.

Мухаммедом V была заложена политика поэтапной демократизации общества, подготавливающая население к конституционному правлению. Это было обусловлено пониманием того, что политическая культура тесно связана с местными традициями, проблемами национального характера. Не случайно модернизация полигико-административной системы вызвала сопротивление племенных и феодальных властей на севере и юге страны.

После смерти в 1961 г. короля Мухаммеда V на престол взошел его сын Хасан II. При нем продолжалась политическая модернизация страны. В 1962 г. была принята первая конституция. Она декларировала основные права и свободы граждан и освятила создание квазипарламентской системы. Власть таким образом пыталась сохранить сущность абсолютизма в конституционной форме. Этим была недовольна вся политическая оппозиция.

Конституция утвердила многопартийную систему, которая открыла большие возможности для активного вмешательства монарха в политическую жизнь, регулирования отношений между партиями. В 1963 г. прошли первые в стране выборы в двухпалатный парламент, а затем и в местные органы власти.

Между тем в 1960-е годы феодальную монархию, не успевшую сформировать прочную социальную базу, постиг структурный кризис. В условиях углубления дифференциации марокканского общества выявились острые социально-политические противоречия, обозначилась активизация политических сил всех тенденций и направлений и произошло резкое размежевание политических партий. В переходный период возник сложный спектр политических движений. Образовалось оппозиционное движение, в которое вошли интеллигенция, студенты и молодая буржуазия, стремившаяся к активному участию в политической жизни, приобщению к власти. Возникли и экстремистские группы. Оппозиция долго не соглашалась на сотрудничество с королевской властью.

В связи с массовыми выступлениями населения в 1965 г. на пять лет было введено чрезвычайное положение. Резкое отстранение партийных сил от общественной жизни привело во второй половине 1960-х годов к политическому кризису. В 1970 г. была принята новая конституция, в которой законодательно усиливалась власть короля. Парламент стал однопалатным и еще более ограниченным в своих действиях. Все это вызвало решительное возражение оппозиции. После двух неудавшихся покушений военных на жизнь короля в 1971 и 1972 гг. третья конституция 1972 г. демократизировала систему выборов в парламент: ныне две трети депутатов палаты представителей должны были избираться путем прямого голосования. Постепенно избирательная система расширила возможности прямого волеизъявления граждан. Однако выборы проходили под плотной опекой правительства.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

В 1970-е годы монарх был вынужден уступить оппозиции в социально-экономическом плане ради политического консенсуса, ставшего насущной необходимостью в связи с конфликтом из-за Западной Сахары, присоединения которой к Марокко желали все национальные силы.

Война за обладание Западной Сахарой, которую Марокко вело с 1975 г., поглощала до 40% бюджетных расходов королевства. Хотя основную часть военных расходов брала на себя Саудовская Аравия, многие социально-экономические трудности в стране были связаны с этой войной¹. (Соглашение о прекращении военных действий было достигнуто при посредничестве ООН только в сентябре 1991 г.)

¹ Создав начиная с 1981 г. на захваченных территориях три сахарские провинции, Марокко занялось их благоустройством, выделяя на эти цели значительные средства. Освоив местные месторождения фосфоритов, страна, имеющая и свои богатые месторождения, стала обладательницей 75% их мировых запасов. В соответствии с решением Совета Безопасности ООН должен был быть организован референдум о самоопределении западносахарского населения, однако он до сих пор так и не состоялся из-за разногласий заинтересованных сторон по поводу определения численности западносахарских племен. Позиция Марокко о предоставлении широкой автономии сахарским провинциям в рамках одного государства поддерживается США, Великобританией и Францией. Пока же мандат Комиссии ООН по организации референдума постоянно продлевается.

Благодаря военным действиям в Западной Сахаре вне политики удалось поставить армию. Король объявил о демократизации общественной жизни «сверху». Режим хотел представить страну с сильной традицией абсолютизма как демократическую монархию. Была разрешена деятельность оппозиции, зарегистрированы левые партии. В процессе демократизации «сверху» изменился характер оппозиционной деятельности. Наиболее влиятельные левые партии структурировались как парламентские. Был создан баланс политических сил с «управляемой» оппозицией. Выход части ее на политическую арену страны породил дальнейшее дробление левых сил. Другая же ее часть не захотела сотрудничать с властью и оказалась вне политического процесса.

В 1970-е годы происходило дальнейшее размежевание политических сил не только левой, но и правой ориентации. Создание все новых проправительственных группировок свидетельствовало о стремлении короля упрочить правящий режим в условиях обострения социально-экономических и политических проблем с помощью укрепившейся крупной бюрократической буржуазии. По мере ее усиления происходил процесс ее консолидации, выразившийся в постепенном формировании партий правого толка, таких, как Национальное объединение независимых, Конституционный союз.

С начала 1980-х годов в результате проведения жесткого курса по рекомендации МВФ произошли значительные изменения в марокканской экономике. Была осуществлена либерализация торговли, финансовой системы. Страна присоединилась к ГАТТ, преобразованной в 1995 г. в ВТО. Был взят курс на реальные цены. Проведена налоговая реформа, отменены некоторые субсидии, снижены пошлины, установлен контроль над валютными операциями, осуществлена конвертируемость дирхама.

Структурная перестройка экономики позволила создать благоприятный имидж страны перед зарубежными инвесторами. Однако относительные успехи были достигнуты за счет сдерживания роста жизненного уровня населения.

Политика ограничения господства иностранного капитала, повлекшая отток иностранных инвестиций в конце 1950-х годов, сменилась в 1980-е годы ориентацией на более тесное сотрудничество с Западом. Кодекс 1982 г. разрешил иностранцам создавать в стране предприятия с полным владением, предусматривая учреждение финансового контроля по переводу за границу валютных средств и дивидендов.

С 1984 г. началась продажа иностранцам ряда государственных предприятий, особенно в тех отраслях, где иностранный капитал всегда играл значительную роль (туризм, доходы от которого в 1980-е годы составляли четверть экспортной продукции, консервная промышленность, металлургия и др.). С 1989 г. реализуется программа приватизации крупных промышленных предприятий. Денационализация охватила и сферу услуг, в частности — средства связи, городской транспорт. Началась распродажа частному капиталу государственных земель.

Однако широкой приватизации не наблюдалось. Преобладающая масса частных капиталовложений концентрировалась в непроизводственной сфере, в отраслях с быстрым оборотом капитала, в экспортном производстве, что способст-

вовало ускоренному развитию отдельных видов производства, замедляя внутреннюю интеграцию экономики страны.

Программа приватизации госсобственности в 1994 г. не принесла желаемых результатов из-за постоянных недоборов собираемых средств. В 1996 г. вместо запланированных поступлений в 4 млрд. дирхамов государство получило лишь 3 млрд. К началу 1997 г. из 112 запланированных к приватизации предприятий в частные руки перешло лишь 45. В 1996 г. продолжалась денационализация государственных сельскохозяйственных компаний. Таким образом, развитие частного сектора экономики шло «сверху», как и весь процесс модернизации, благодаря чему абсолютная монархия превращалась в буржуазную.

Политика либерализации привела к углублению социальной поляризации. В середине 1990-х годов безработными были 30% трудоспособного населения. Не только разросшиеся города, но и деревни испытывали продовольственные трудности. Кризис в сельском хозяйстве нашел выражение в «хлебных» бунтах июля 1981 и января 1984 г. в результате повышения цен на основные продукты питания. Во избежание социального взрыва король освободил от налогов до 2000 г. беднейшие слои крестьянства, или 60% сельского населения страны. Экономика страны выживает за счет таможенных барьеров. Королю удалось сохранить внутренний мир в стране благодаря разумной политике и жесткому контролю.

Марокканский монарх отказался от прямолинейного авторитаризма в пользу некоего «левого» уклона, понимая, что в современных условиях надо менять архаичную систему управления страной. Власть пошла на минимальное самоограничение с учетом начавшихся еще в колониальный период необратимых социально-экономических процессов.

Постепенно совершенствуется государственное законодательство. По мере модернизации высшей власти происходит передача части полномочий парламенту и премьер-министру, что зафиксировано в конституции 1992 г. В соответствии с конституцией 1996 г. парламент стал вновь двухпалатным, ему отводилось более важное место в формировании политики.

Между тем в связи с неспособностью правых, постоянно находившихся у власти, решить социально-экономические проблемы ощутимо нарастало общественное недовольство. Парламентские выборы 1993 и 1997 гг. показали, что ни одна из парламентских группировок не получила большинства голосов. В феврале 1998 г. король поручил сформировать коалиционное правительство из семи партий лидеру Социалистического союза народных сил (ССНС) А. Юсуфи. Смена правительственного имиджа произошла в результате соглашения политических элит в рамках либерализации экономики. Создание «левого» правительства стало знаменательным фактом для консервативного Марокко, хотя на деле левые прагматики — это новая форма политического центра.

К началу нового века в стране действовало 15 легальных партий, 9 из которых были представлены в парламенте. Они приобрели положительный политический опыт в системе власти. Марокканская оппозиция внесла свой вклад в демократизацию политических институтов.

В 1970–1990-е годы королю удалось создать сбалансированный парламент с парламентским центром, который является необходимым условием сохранения политической стабильности в стране. Произошла консолидация парламентского корпуса.

В дальнейшем сама жизнь потребовала совершенствования конституционного законодательства, приведения его в соответствие с нормами ООН. Марокко ратифицировало большинство международных конвенций в области прав человека. В 1990 г. при короле был создан Консультативный совет по правам человека (впервые в арабском мире). Активно действуют в стране и правозащитные организации. В 1998 г. началась реабилитация политических заключенных, составление списков пропавших без вести в 1960–1995 гг.

Со смертью в 1999 г. короля Хасана II закончилась целая эпоха в становлении марокканской государственности. Его заслуга в том, что он сыграл роль структурообразующего фактора в обществе. Его сын Мухаммед VI на практике знает ключевые проблемы Марокко. В его планах — борьба с бедностью, разработка «социального контракта» с модернизацией трудового законодательства, который призван заменить «социальное перемирие» времен Хасана II, т.е. добровольный отказ политических партий от выдвижения социально-экономических требований во имя урегулирования сахарской проблемы.

Это перемирие было нарушено с выходом на политическую арену исламизма. Расчет властей на конвергенцию традиционного уклада с современностью дал сбой с возрождением фундаменталистского ислама, противостоящего государству. Оппозиционные исламистские течения возникли в Марокко еще в середине 1960-х годов, что не вызвало особой тревоги у властей. К началу 1970-х годов оформились неправительственные организации исламистов, противостоящие левой оппозиции. К концу 1970-х обозначилось их стремление поставить под свой контроль все оппозиционное движение и заняться публичной политикой. С конца 1980-х возросла активность многочисленных группировок. Наиболее бурные выступления исламистов проходили в Касабланке и Фесе, двух университетских центрах, оказав влияние на молодежь других городов страны.

В Марокко, как и во всем исламском мире, не сложилось централизованное исламистское движение. В среде современных исламистов оформились основные течения: умеренные; обновленцы, как правило не имеющие политических притязаний; и радикалы, претендующие на власть с тем, чтобы использовать ислам как метод для решения социальных и правовых проблем.

Королевское правительство смогло перехватить инициативу, не дав оппозиции использовать против себя ислам. На дальнейшее распространение исламизма в какой-то степени оказала сдерживающее влияние «дозированная демократия» Хасана II. Властям удалось создать некий баланс среди исламистских группировок, гарантирующий защиту от угрозы существованию режима. В то же время власти проявили в отношении исламизма известную терпимость. С 1993 г. правительство повело линию на неконфронтационное сосуществование с исламистами, избегая столкновений с ними и объявив амнистию части из них.

В целом исламизм стал долговременным фактором политической жизни. Религиозное движение оказалось очень живучим, умело приспосабливаясь к не-

простой обстановке. Сравнительно быстрое распространение исламизма связано с его способностью встроиться в политическую жизнь посредством поддержки оппозиционных сил, представленных в парламенте. Возможности для расширения своего влияния увидело в исламизме руководство партий «Истикляль» и ССНС. Берберские партии тоже используют религиозный фактор для расширения своей социальной базы. Такая ситуация сложилась в силу того, что создание партий по религиозному принципу было запрещено законодательством.

Продолжаются поиски путей урегулирования берберской проблемы, обострившейся в начале 1990-х годов. Процесс интеграции берберов, составляющих примерно половину населения страны, в единую марокканскую нацию происходит достаточно сложно, но без решения проблемы национальной идентичности берберов трудно совместить традиционализм и модернизм в обществе. Берберы выступают за этнокультурную автономию, а укрепившаяся берберская буржуазия добивается права на равных участвовать в политическом процессе. В апреле 2002 г. парламентом был одобрен законопроект о внесении поправок в конституцию страны, которые придают берберскому языку *тамазиг* статус второго государственного языка наряду с арабским. Создан королевский институт берберских языков.

Планы короля охватывают и другие сферы политической жизни. В частности, правительство собирается продолжить реформирование административной системы. В 2001 г. король назначил новых *вали* (губернаторов), обладающих самыми широкими полномочиями, в целях социально-экономического развития в девяти самых крупных провинциях страны.

Политическая система Марокко по форме отвечает западным демократическим стандартам. Экономическая и политическая модернизация постепенно вживляется в традиционный общественный организм. Хасану II удалось создать и оставить в наследство довольно стабильное государство «просвещенного авторитаризма» с положительным балансом политических сил, пользующееся доверием Запада.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС

Уравновешенность характерна и для внешней политики королевства. Активная внешнеполитическая деятельность султанского Марокко началась еще до завоевания независимости, когда изменение ситуации в результате Второй мировой войны осложнило положение французских властей протектората. Воспользовавшись моментом, султан стал добиваться политических и социальных свобод для страны. Надежда на изменение статуса страны породила встречу султана Мухаммеда Бен Юсуфа в 1945 г. в Анфе (пригород Касабланки) с Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем и Ш. де Голлем. Правительство Марокко апеллировало к мировому сообществу и ООН. В борьбе за национальное освобождение местная элита стремилась заручиться поддержкой других арабских стран.

Внешнеполитическая деятельность монарха после обретения независимости была направлена на упрочение государственности, усиление влияния на между-

народную политику и укрепление позиций в арабском мире и на Африканском континенте, боровшемся против колониальной зависимости. В 1956 г. страна была принята в ООН, в 1958 г. стала членом ЛАГ, в которой король Хасан II председательствовал в 1982–1986 гг. В 1961 г. Марокко выступило одним из инициаторов создания движения за неприсоединение и приняло участие в первой конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. В том же году Марокко явилось организатором Касабланской конференции на высшем уровне, принявшей Хартию новой Африки. Это государство стояло у истоков создания Организации африканского единства (ОАЕ) и в 1963 г. стало ее членом. Однако в 1985 г. оно вышло из ОАЕ в знак протеста против принятия в ее члены Сахарской Арабской Демократической Республики и не принимало участия в ее деятельности вплоть до ее реформирования.

Марокко стремится играть важную роль в арабском мире, однако политика его здесь отличается двойственностью из-за проамериканской позиции, вступающей в противоречие с общеарабскими интересами. Однако благодаря активной деятельности в арабском мире король Хасан II сумел добиться значительного авторитета в межарабских отношениях по решению животрепещущих вопросов, в том числе и по ближневосточному урегулированию. Хасан II стоял у истоков мирного процесса на Ближнем Востоке, во многом способствовал заключению соглашения в Кэмп-Дэвиде в 1978 г. и дальнейшему налаживанию диалога между Израилем и Палестиной в качестве председателя Комитета по Иерусалиму Организации «Исламская конференция» (ОИК) и стал одним из посредников между Израилем и арабскими странами. В сентябре 2001 г. в Рабате состоялась вторая сессия межпарламентского союза стран-участниц ОИК, где заседало 60 парламентариев. Марокко не раз становилось местом встреч на высшем уровне. Здесь состоялось 7 из 20 встреч глав арабских государств. Страна поддерживает дипломатические отношения с Израилем, где выходцы из Марокко занимают по численности второе место после эмигрантов из бывшего СССР.

Либерализация экономики и демократизация политической жизни позволили Марокко в 1989 г. стать одним из организаторов регионального объединения Союз Арабского Магриба (САМ) по типу Европейского сообщества. Однако соперничество, прежде всего с Алжиром, за лидерство в регионе и низкий экономический уровень входящих в него стран не способствовали успешной деятельности САМ.

В мае 2000 г. на встрече министров иностранных дел Египта, Иордании, Туниса и Марокко в г. Агадире была подписана Агадирская декларация — акт о создании Арабской зоны свободной торговли (АЗСТ). Внедрение новой «формулы» сотрудничества арабских стран Средиземноморья рассматривалось как первый шаг на пути строительства единого рынка арабских стран. По уровню иностранных капиталовложений Марокко вышло на третье место в Африке после Нигерии и Египта. Самыми крупными марокканскими инвесторами являются в Африке — Ливия, а в арабском мире — Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт.

Естественно, что внешняя политика страны ориентирована на Запад, с которым бывшая колония была тесно связана экономически. С 1969 г. Марокко являет-

ся ассоциированным членом ЕС. Важным последствием такого союза явилась активизация деятельности в стране европейского капитала. В свою очередь, местная буржуазия получила некоторый доступ к европейским рынкам. В апреле 1976 г. Марокко подписало бессрочное соглашение о торговом, экономическом и финансовом сотрудничестве, предусматривающее беспошлинный вывоз из Марокко минерального сырья и продукции обрабатывающей промышленности (за исключением нефтепродуктов), а также снижение пошлин на сельскохозяйственные товары (на 20–100%). Последующие соглашения были подписаны в 1997 и 2000 гг.

Контакты с Западной Европой значительно ускорили темпы социального, экономического и политического развития страны. Наиболее интенсивными были двусторонние отношения с Францией и Испанией. США считают Марокко одним из самых надежных союзников в арабском мире, предоставляя ему экономическую помощь и военную технику. В целом королевство приобрело вес и поддержку на международной арене, чему в немалой степени способствовала его активная посредническая деятельность.

Начало дипломатических отношений между Марокко и Россией восходит еще к эпохе существования СССР. Советско-марокканские торговые отношения регулировались торговым и платежным соглашением от 19 апреля 1958 г. С 1966 г. торговля велась на долгосрочной основе. Однако доля СССР во внешнеторговом обороте страны составляла всего 3%. Советские сырьевые, химические и другие товары обменивались на продукты переработки фосфоритов. Советские специалисты построили в стране ряд крупных гидротехнических комплексов, оказывали содействие в разработке полезных ископаемых. В январе 1981 г. вступило в силу соглашение о морском рыболовстве.

С 1994 г. постепенно растет объем взаимной торговли двух стран. Основными статьями экспорта из России являются нефть, аммиак и другие химические товары, комплектное энергетическое оборудование, металлоконструкции. Возобновилось сотрудничество в области гидротехники, а также в области разведки и добычи полезных ископаемых, ирригации, водоснабжения, атомной энергетики, освоения космоса.

Таким образом, правительство Марокко руководствуется комбинированной внешнеполитической концепцией равновесия, многостороннего экономического сотрудничества, которая приносит свои плоды.

Глава 5

АЛЖИР

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1945–1962)

После 1945 г. Алжир оставался наиболее важной колонией Франции, представлявшей ценность и как стратегический плацдарм, и как источник природных ресурсов, и как громадная (2,3 млн. кв. км) территория, хозяйственное освоение которой французами приобрело еще большее значение в послевоенный период.

Все это объясняет заинтересованность Парижа в сохранении своих позиций в Алжире. Еще больше это подкреплялось переселенческим характером Алжира как колонии. Наличие в стране значительного (около 1 млн. чел.) европейского меньшинства, составлявшего в 1940–1950-е годы примерно $\frac{1}{4}$ всего населения, еще теснее связывало колонию с метрополией, как бы оправдывая официальный тезис властей: «Алжир — это Франция». Но это было далеко не так. И прежде всего об этом свидетельствовал сам факт антифранцузского восстания в мае 1945 г., а также его кровавое подавление, в ходе которого погибло, по разным данным, от 20 до 45 тыс. алжирцев. Это было первым опровержением возникших после 1942 г. иллюзий о возможности «лояльного франко-алжирского диалога».

Эти иллюзии пыталась использовать Алжирская компартия (АКП), получившая на выборах в октябре 1945 г. 220 тыс. голосов (включая голоса 135 тыс. алжирцев). Но в дальнейшем она постоянно теряла голоса как ввиду своей ориентации на «победу пролетарской революции» во Франции и подчинения этой задаче всех остальных, так и постоянного стремления националистов представить ее как «немусульманскую» и «неалжирскую».

Воспользовавшись амнистией в марте 1946 г., возобновили свою деятельность *улемы*-реформаторы и сторонники Манифеста алжирского народа. Первые воссоздали свою ассоциацию во главе с Баширом аль-Ибрахими, вторые — новую либеральную партию Демократический союз Алжирского манифеста (УДМА) во главе с Фархатом Аббасом. В июне 1946 г. УДМА получил на выборах в Учредительное собрание Франции 11 мест из 13, отведенных алжирцам. Но выдвинутый партией проект автономной Алжирской республики, федерированной с Францией, потерпел неудачу, получив поддержку лишь от АКП.

Отклонение проекта УДМА явилось вторым ударом по иллюзиям «франко-алжирского диалога» и еще более усилило позиции сторонников независимости среди населения Алжира. В ноябре 1946 г. подпольная ППА (Партия алжирского народа, запрещенная еще в 1939 г.), сохраняя нелегальный аппарат, создала свой легальный вариант — Движение за торжество демократических свобод (МТЛД).

Получив пять мест в Национальном собрании Франции на выборах осенью 1946 г., МТЛД потребовало немедленной ликвидации колониального режима. Однако в сентябре 1947 г. французский парламент утвердил Статус Алжира, практически сохранивший в стране колониальный режим во главе с полновластным генерал-губернатором. Декларируемые в Статусе демократические свободы остались лишь на бумаге: выборы фальсифицировались (во французской прессе даже возникло выражение «выборы по-алжирски»), деятели национальных партий преследовались, пресса этих партий подвергалась запретам и конфискациям. Попытки заключенных в застенках колониалистской полиции стали системой, как и карательные экспедиции войск и жандармерии.

Всякое выступление в защиту независимости Алжира каралось как «покушение на целостность французской территории». Около 30 тыс. борцов за независимость находились в тюрьмах, причем многие из них, попав в заключение в мае 1945 г., были освобождены лишь после провозглашения независимости в июле 1962 г. Обычной была дискриминация алжирцев при приеме на работу, продвижении по службе и оплате за равный с европейцами труд.

Европейцы доминировали в социальной иерархии (в их руках было 90% промышленности и торговли страны, 92% всех капиталовложений) и по размерам присваемого дохода. В 1954 г., составляя менее 12% населения, они занимали 92,8% всех мест руководящих кадров (администраторов, бюрократов и менеджеров), 82,4 — инженеров и технологов, 78,7 — служащих и 55,7% квалифицированных рабочих. Алжирцы же в 1954 г. составляли 68,4% неквалифицированных рабочих и 95,1% чернорабочих. Средний заработок рабочего или служащего европейца превышал заработок алжирца в четыре раза. Европейская буржуазия в городах (12,3 тыс. чел.) присваивала 40% дохода горожан, мелкая буржуазия (43,2 тыс.) — 21%, средние слои и рабочие (252,4 тыс.) — 23,2%.

Алжирская буржуазия (крупная и средняя — 18,6 тыс., мелкая — 92,4 тыс.) совместно получала 5,3% дохода горожан, а алжирские рабочие и служащие (320,3 тыс.) — около 9%. В то же время средний годовой доход алжирского крестьянина был почти в 46 раз меньше среднего дохода колониста-европейца, на каждого из которых земли приходилось примерно в десять раз больше, чем на одного имевшего землю алжирца. Безработица охватывала 1,5 млн. алжирцев, т.е. почти половину самодельного населения. Две трети населения деревни составляли сельские пролетарии и полупролетарии, либо не имевшие земли, либо имевшие ее недостаточно. Половина детей алжирцев не доживала до пяти лет.

В этих условиях постепенно отходили на второй план Демократический союз Алжирского манифеста с его «революцией путем закона», АКП с ее ориентацией на ФКП, даже МТЛД, чьи призывы к борьбе оставались пустой фразой. На авансцену вышли боевики патриотического подполья ППА, втайне готовившие переход к вооруженной борьбе. Некоторые из них участвовали в боевых действиях партизан Туниса (с 1952 г.) и Марокко (с 1953 г.), другие приобрели военный опыт в составе войск Франции, сражавшихся во Вьетнаме в 1946–1954 гг. Поражение Франции во Вьетнаме и ее согласие в июле 1954 г. на «внутреннюю автономию» Туниса подтолкнуло алжирцев к действию. Их боевые отряды в октябре

1954 г. образовали Армию национального освобождения (АНО), а их политический актив — Фронт национального освобождения (ФНО). В ночь на 1 ноября 1954 г. они начали вооруженное восстание. Вскоре на сторону восставших перешли представители почти всех течений алжирского национализма и поддерживающие их горожане, хотя основа АНО была крестьянской. Поэтому, несмотря на тяжелые потери в боях с превосходящими силами французов, численность АНО с ноября 1954 по декабрь 1955 г. выросла с 3 тыс. до 15–20 тыс. человек.

С июня 1955 г. АКП стала оказывать ФНО тайную поддержку и создавать свои боевые группы. Несмотря на то что в сентябре 1955 г. компартия была запрещена, а ее отряды вошли в состав АНО, она сохранила свою самостоятельность, что явилось причиной ряда конфликтов с ФНО, требовавшим ее самороспуска. «Вас бояться, даже когда вас мало», — сказал лидерам АКП на тайной встрече руководитель ФНО Аббан Рамдан.

В октябре 1955 г. алжирский вопрос впервые привлек внимание ООН, а движение за мир в Алжире, широко развернувшееся во Франции, привело к победе левых сил на выборах в январе 1956 г. Новый премьер-социалист Ги Молле выступил против «бессмысленной и безысходной войны». Однако, столкнувшись с жесткой оппозицией европейских ультраколониалистов («ультра») в Алжире, он отступил, сказав, что «Франция не покинет Алжир».

В ходе продолжавшейся войны ФНО создал Политико-административную организацию (ПАО): выборные народные собрания, выполнявшие их решения «комитеты трех», ведавшие судопроизводством, сбором средств и распределением помощи жертвам репрессий колонизаторов, контролировавшие их региональные комитеты во главе с политкомиссарами ФНО, отвечавшими также за пропаганду целей ФНО среди населения. Окончательно эта структура сформировалась на съезде ФНО в долине Суммам (Кабилия) в августе 1956 г., когда во главе ФНО встал Национальный совет алжирской революции (НСАР). В политической платформе съезда были выдвинуты требования независимости страны, создания демократической и социальной республики, уважения основных свобод, проведения «глубокой аграрной реформы» в интересах неимущих крестьян.

За годы войны 1,5 млн. алжирцев (из примерно 10 млн.) погибли, 500 тыс. человек вынуждены были бежать в Тунис и Марокко, около 2 млн. оказались в тюрьмах и концлагерях. Свыше 9 тыс. сел исчезли с лица земли, а их уцелевшие жители перебрались в города. Тем не менее численность АНО росла (60 тыс. в 1956 г.; 130 тыс. в 1958 г.), оснащенность ее вооружением улучшалась (за счет поставок в основном из арабских и социалистических стран). У нее появились базы и учебные лагеря в Тунисе, Марокко и Ливии. Вследствие этого Франция с конца 1958 г. держала в Алжире до 800 тыс. солдат и полицейских, $\frac{2}{3}$ своей боевой авиации (особенно вертолетов) и $\frac{1}{2}$ военно-морского флота.

Стремясь сорвать намечившиеся переговоры с ФНО и задушить революцию, «ультра» подняли 13 мая 1958 г. мятеж и захватили власть в Алжире. Во Франции эти события привели к падению Четвертой республики и созданию нового режима Пятой республики во главе с генералом Шарлем де Голлем. Сначала де Голль провозгласил алжирцев (включая кочевников Сахары) «французами в пол-

ной мере» и предложил им «мир храбрых», но вскоре генерал убедился в невозможности «военного решения» и бесплодности поисков в Алжире сколько-нибудь влиятельной «третьей силы» (т.е. «друзей Франции»). Поэтому в сентябре 1959 г. он признал право Алжира на самоопределение.

Это вызвало второй мятеж «ультра» в январе 1960 г. и «путч генералов» в апреле 1961 г., когда против политики де Голля выступила часть верхушки армии. Усмирив и тех и других, де Голль все же начал переговоры с Временным правительством Алжирской республики (ВПАР), созданным ФНО в эмиграции в Каире в сентябре 1958 г. Разгромленные «ультра» ушли в подполье, образовав ОАС (Организацию секретной армии), развязавшую массовый террор в Алжире и во Франции. Только на де Голля ОАС организовала десять покушений.

С декабря 1960 г. города Алжира стали ареной мощных народных демонстраций, участники которых требовали независимости. Они продолжались весь 1961 г., сопровождаясь столкновениями с французской армией и ОАС. Это ускорило ход трудных переговоров де Голля с ВПАР, которые завершились в Эвиане 18 марта 1962 г. заключением соглашения о прекращении боев.

НЕЗАВИСИМЫЙ АЛЖИР

Война 1954–1962 гг. существенно изменила положение алжирцев, оторвав от родных мест и привычных занятий 2,5 млн. человек из 7 млн. крестьян Алжира, заставив их уйти в города, бежать за границу, пройти через испытания партизанской жизни, муки концлагерей и т.д. Оставшиеся на месте или вернувшиеся обратно были уже другими людьми, готовыми покончить с неравенством и социальной эксплуатацией. Ветераны ФНО, АНО и ПАО, отражая их радикальные требования, настойчиво выступали за последовательное осуществление демократических целей революции.

Эти цели были изложены в новой программе ФНО, принятой в июне 1962 г. в г. Триполи: «сознательное созидание на основе социалистических принципов и народовластия», национализация банков и природных богатств, планирование и «участие трудящихся в руководстве экономикой», кооперация деревни и передача «земли тем, кто ее обрабатывает». Во внешней политике предусматривалась ориентация на страны социализма, «которые в различной форме выступали на нашей стороне».

Однако восемь лет войны и террор ОАС сделали свое дело. Страну покинули 820 тыс. европейцев (80%), а среди них — большинство нужных Алжиру административных кадров, инженеров, врачей, учителей, технических специалистов и квалифицированных рабочих, а также предпринимателей. Колонисты и капиталисты, выехавшие во Францию (лишь 5 тыс. человек выехали в Испанию и 10 тыс. — в Израиль), вывезли из страны капиталы на общую сумму свыше 110 млн. франков, важную документацию, похитили, где могли, оборудование, обрекая на простой предприятия и фермы, оставив без работы до 85% промышленных рабочих. Общее число безработных превысило 2 млн. Решения своей судьбы ожидали около 400 тыс. освобожденных из тюрем, до 300 тыс. вернув-

шихся на родину беженцев, до 300 тыс. бывших участников войны, а также многие из 3 млн. вышедших из концлагерей, которым в большинстве случаев некуда было возвращаться, так как их родные места превратились в сплошные руины.

Решение всех этих проблем осложнялось также расколом ФНО на множество фракций, столкнувшихся в борьбе за власть, обогащением многих горожан, захватывавших кафе, лавки, мастерские и другую собственность бежавших европейцев (до 2 тыс. фабрик и магазинов), стихийным движением рабочего и крестьянского самоуправления на брошенных фермах и предприятиях. Но АНО (переименованная в ННА — Национальную народную армию) положила конец анархии. Избранное в сентябре 1962 г. Учредительное собрание провозгласило Алжир Народной Демократической Республикой (АНДР). Ее первое правительство возглавил Ахмед Бен Белла, лидер боевиков ППА–МТЛД с 1949 г. и один из основателей ФНО с 1954 г. В 1963 г. он был избран первым президентом АНДР. Режим самоуправления был установлен на примерно 1 тыс. брошенных европейцами фабрик, коммерческих и иных заведений, а также — на 40% земель (лучших в стране), где 150 тыс. работников трудились в 2300 хозяйствах. Всего общественный сектор контролировал в 1964 г. до 20% производства.

С 1962 г. в Алжире стали работать специалисты из СССР: врачи, геологи, инженеры и экономисты, оказавшие содействие в налаживании работы 30 предприятий госсектора. Советские саперы ликвидировали более 1,5 млн. установленных французскими войсками мин на границах Алжира с Марокко и Тунисом. Тем самым было положено начало экономическому, техническому и культурному сотрудничеству с СССР. Четверть всех кредитов на промышленное строительство (830 млн. фр.) была получена Алжиром в первые годы независимости от СССР.

В апреле 1964 г. новая программа ФНО — Алжирская хартия — подчеркнула необходимость борьбы против «антисоциалистических тенденций» бюрократической буржуазии, а также против «эксплуататорской частной собственности как в городе, так и в деревне», указав на несовместимость эксплуатации наемного труда с пребыванием в рядах ФНО.

Некоторые левоэкстремистские формулировки хартии вызвали недовольство буржуазии и служителей ислама. Но гораздо более серьезные проблемы создавали сохранение высокого уровня безработицы, злоупотребления властью, недовольство элиты ННА методами правления Бен Беллы и захлестнувшее страну «митинговое половодье» без подкрепления делом провозглашавшихся лозунгов.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОВЕТ (РС) У ВЛАСТИ

Кризис был разрешен путем замены Бен Беллы 19 июня 1965 г. Революционным советом во главе с полковником Хуари Бумедьеном, до этого занимавшим пост вице-председателя Совета министров и министра обороны. При активной поддержке ННА Бумедьен возглавил также и новое правительство. Были осуждены беспорядок в экономике, «анархия» и «импровизация», «конъюнктурный и рекламный социализм». Вместе с тем РС заявил, что он будет исходить из «положений Триполийской программы, подтвержденных Алжирской хартией».

Сохранив (хоть и урезав) сектор самоуправления, РС основное внимание уделил госсектору. В 1966 г. он национализировал шахты, рудники и страховые компании, а в 1967–1968 гг. взял под контроль банки и промышленные предприятия (кроме нефтегазовых), находившиеся в собственности иностранного капитала. К концу 1968 г. госсектор контролировал до 80% промышленного производства АНДР. В 1967–1969 гг. с выполнения трехлетнего «предплана» началось постепенное внедрение принципа централизованного планирования в экономику АНДР. Стратегия и методология планирования были разработаны с помощью советских специалистов. Национализация нефтегазовой промышленности в 1971 г. позволила почти вдвое увеличить бюджет государства.

Основные фонды промышленности за 1969–1977 гг. увеличились в шесть-восемь раз. В 1971–1977 гг. в стране были выстроены 270 промышленных предприятий, проложено 150 шоссе, каналов, линий электропередач и прочих видов инфраструктуры. Всего же в 1962–1980 гг. вошло в строй 660 новых предприятий, включая металлургический комбинат в Эль-Хаджаре, нефтехимические и нефтегазовые комплексы, машиностроительные заводы. Производство электроэнергии в Алжире с 1962 по 1977 г. возросло в четыре раза, добыча нефти — с 20 млн. т в 1962 г. до 57 млн. т в 1978 г. С 1967 г. (после введения в 1966 г. нового Кодекса инвестиций) начинается быстрый рост частного предпринимательства в промышленности, торговле и сфере услуг. Число предпринимателей (не считая сельских) выросло за 1966–1977 гг. примерно с 6200 до 10 400.

В 1970 г. большинство крестьян и сельских рабочих (всего 875 тыс.) были заняты в частном (в основном традиционном) секторе, на который приходилось около 5500 тыс. га земли. Но из 1088 тыс. хозяйств в начале 1970-х годов около 500 тыс. вообще не имели земли, а 310 тыс. имели мене 5 га, т.е. фактически не были в состоянии прокормиться со своего надела. Хартия аграрной революции, ставшая законом в ноябре 1971 г., наметила учет и перераспределение земель, а также изъятие их излишков у крупных частников (феодалов и абсентеистов) с передачей малоземельным крестьянам. К октябрю 1981 г. почти 1,5 млн. га земель были распределены среди 97 тыс. крестьян, объединенных в 6 тыс. кооперативов.

На всенародном референдуме 27 июня 1976 г. 98,5% алжирцев высказались в поддержку Национальной хартии, ставшей с этого момента официальной программой ФНО. Она резко осуждала капитализм за то, что он признает «только один закон — закон прибыли, превратил человека в товар, сделал из ремесленников и крестьян пролетариев, обрек целые континенты на нищету и отсталость». Вместе с тем хартия отмечала особую роль армии как «движущей силы развития революции». Имелись в виду важные невоенные функции армии, которая имела свои предприятия в промышленности и сфере услуг, сельские кооперативы ветеранов, различные службы, прессу, нередко участвовала в кампаниях общенационального значения (по строительству магистралей, созданию лесозащитных полос, проведению сева и сбору урожая). Кроме того, армия (70 тыс. человек, по данным 1977 г.) вместе с жандармерией (40 тыс. бывших военнослужащих) и объединенными в особую ассоциацию ветеранами революции (примерно

150 тыс. *моджахедов, мусабилей, фидаев* и членов ПАО) составляла тогда весьма внушительную, монолитную и действенную силу в алжирском обществе: только в 1963–1970 гг. на службу в госаппарат поступило свыше 53 тыс. ветеранов АНО.

На базе хартии была разработана новая конституция, провозглашавшая АНДР «социалистическим государством», ислам — государственной религией, а Национальную хартию — «основным источником политики нации». Главой исполнительной власти становился президент, выдвигаемый съездом партии ФНО и избираемый всеобщим голосованием на шесть лет. Законодательная власть передавалась Национальному народному собранию (ННС), избираемому на пятилетний срок.

В конце 1978 г. Алжир пережил серьезное испытание — смерть авторитетного лидера, президента Хуари Бумедьена. В январе 1979 г. 4-й съезд ФНО избрал новый состав ЦК и Политбюро партии ФНО во главе с генеральным секретарем Шадли Бенджедидом, бывшим майором АНО и полковником ННА. 7 февраля 1979 г. он был также избран президентом АНДР. Осторожный и изворотливый, Бенджедид все 12 лет своего пребывания у власти (1979–1991) искусно маневрировал между разными фракциями элиты ФНО. Но он не обладал волей, авторитетом и смелостью Бумедьена, вследствие чего вынужден был идти на уступки то одной, то другой группе. К тому же положение Алжира после 1980 г. стало стремительно ухудшаться.

Сокращение добычи нефти и доходов от ее продажи совпало со сроками выплаты долгов по внешним займам, что резко уменьшило возможности государства финансировать социальную сферу. Поэтому эпоха правления Бенджедиды ознаменовалась ростом безработицы, нищеты, неустроенности бурно растущего населения городов.

Уже легом 1980 г. стали возникать гайные общества молодежи, черпавшие свои идеи в жизни «первых мусульман» и осуждавшие «западничество» как причину всех бед. Их опорой стали беднейшие слои города и деревни, которые искали утешение в религии, объясняя все свои несчастья отходом «плохих мусульман», стоявших у власти, от Корана, *шириата* и заветов Пророка. Ряд фундаменталистских организаций (крупнейшая среди них «Ахль ад-дава» — «Люди призыва») с 1979 г. группировали недовольных вокруг себя. Тем же занимались 227 *завий* (обителей) 15 суфийских братств, действовавших в стране, ассоциация «аль-Кьям» («Ценности»), не раз запрещавшаяся, но снова возрождавшаяся, начиная еще с 1960-х годов.

Массовые беспорядки 4–5 октября 1988 г. в городах страны, при подавлении которых около 1 тыс. человек были убиты и 10 тыс. арестованы, резко изменили положение. Бенджедид, элита ФНО и ННА решили пойти на уступки. В феврале 1989 г. была утверждена новая конституция, предусматривающая демократические свободы, разделение исполнительной, законодательной и судебной власти. Еще раньше была введена многопартийность: к началу 1989 г. в Алжире уже было 19 партий. В дальнейшем их количество увеличилось. Так началась в Алжире «политическая весна». Но ее плодами воспользовались не только сторонники демократии.

Исламский фронт спасения (ИФС) Алжира, возникший 10 марта 1989 г., потребовал «полного осуществления глобальной исламской альтернативы всем импортированным политическим, экономическим и социальным идеологиям». Он выступал за создание в стране «исламского государства», конституцией которого был бы Коран. И хотя в 1990 г. в Алжире было 24 партии, победу на муниципальных выборах в июне 1990 г. одержал ИФС, намного опередив ФНО, не говоря уже о других партиях. ФНО продолжал терять влияние, а исламисты усиливались, чему способствовали как развал и дискредитация руководства ФНО, так и ухудшение экономической ситуации: цены на продукты питания в 1989–1991 гг. выросли в 4–5 раз, а число безработных — с 2,5 до 4 млн. человек, 75% которых были в возрасте 16–23 лет. Они особенно остро воспринимали ожесточенную (порой чрезмерную и несправедливую) критику режима всеми его оппонентами и больше всего склонялись на сторону исламистов, обещавших обязать всех зажиточных мусульман согласно принципу *садака* (милосердного подаяния) заботиться о малоимущих единоверцах. Поэтому, несмотря на постоянные стычки с полицией и преследования, ИФС вырос в грозную силу, имея к лету 1991 г. не менее трех миллионов сторонников. На выборах в парламент в декабре 1991 г. он получил более 47% голосов уже в первом туре и 188 мест депутатов. Ясно было, что во втором туре ИФС может получить $\frac{2}{3}$ мест и, изменив конституцию, превратит Алжир в «исламское государство» при поддержке большинства алжирцев.

Но этого не хотели ни ННА, привыкшая с 1965 г. диктовать в стране свою волю, ни бюрократия и технократия госсектора, которые могли лишиться не только власти и положения, но свободы и даже жизни. Исламизму были враждебны и большинство алжирской интеллигенции, получившей образование на французском языке, и основная часть буржуазии, заинтересованная в помощи, займах, товарах и технологиях Запада. Против исламского фундаментализма были и берберы, которых обычно третировали как якобы «плохих мусульман» и «материалистов», навязывая им арабский язык как «язык ислама». Все эти силы, не составлявшие большинства народа и во многом друг с другом несогласные, сплотились перед лицом опасности торжества исламистов.

11 января (за пять дней до второго тура выборов) президент Шадли Бенджедид, тщетно пытавшийся договориться с ИФС, ушел в отставку. Совет национальной безопасности во главе с премьер-министром отменил второй тур. Был создан Высший государственный совет (ВГС) во главе с Мухаммедом Будиафом, одним из «исторических вождей» революции. Лидеры ИФС были арестованы, но ИФС был готов к уходу в подполье. Около двух тысяч подготовленных им террористов начали вооруженную борьбу с властями. ННА и спецслужбы действовали в ответ на это весьма эффективно: за полтора года 1800 боевиков ИФС были убиты, 9 тыс. активистов арестованы. Но власти признали, что к ноябрю 1993 г. в Алжире действовало уже не менее 6 тыс. боевиков. Бесперспективность чисто силового решения была очевидна.

Глава ВГС Будиаф пытался найти политическое решение вопроса, разрешив деятельность партий числом до 60, уважая свободу слова и печати, поощряя дискуссии. Он закрыл три из пяти концлагерей, освободил до двух тысяч заключен-

ных, убеждал ИФС «не использовать демократию для ее же уничтожения». Однако в июне 1992 г. он был убит при невыясненных обстоятельствах офицером своей же охраны. Его смерть означала конец «политической весны» в Алжире.

АЛЖИР в 1990-е годы

На долгие годы страна была втянута в гражданскую войну, в ходе которой свыше 20 тыс. человек, включая многих депутатов от ИФС, были арестованы и депортированы в Сахару, а политическая жизнь в стране практически замерла. К лету 1996 г. было убито более 50 тыс. человек, к 1998 г. — до 100 тыс. И хотя исламисты в среднем теряли людей впятеро больше, им удалось создать в стране климат ненависти и нетерпимости. Помимо представителей власти и армии они старались истребить писателей, журналистов и прочих интеллектуалов французской школы, называя их «врагами языка Корана, исламской религии и национальных традиций». В результате в 1992–1997 гг. только в Европу эмигрировали до 400 тыс. алжирцев. Масштабы боевых действий постепенно оттеснили на второй план ИФС (почти весь актив которого оказался в тюрьме или в эмиграции) и его военный филиал ИАС (Исламскую армию спасения). Возникли десятки боевых групп (по некоторым данным, до 650), которые нередко сражались и друг с другом. Из них наиболее беспощадной и радикальной была ВИГ (Вооруженная исламская группировка), с 1993 г. объединившая алжирских ветеранов войны в Афганистане и их братьев из других стран. Прошедшие военную подготовку в Пакистане и получавшие за «борьбу с коммунизмом» не менее 1500 долл. в месяц на человека, эти опытные военные профессионалы ранее закалились в боевых действиях в Ливане, Йемене, Пакистане, Боснии, Косово, а некоторые — в Таджикистане и в Чечне. Сражаясь наиболее яростно, ВИГ несла большие потери и пополняла свои ряды за счет «братьев по оружию» вне Алжира. Поэтому с конца 1990-х годов среди боевиков в Алжире все чаще попадались уроженцы других стран ислама, в том числе Ирана, Афганистана, Йемена, Судана. Вопрос о причастности к войне в Алжире сил международного исламизма в лице «аль-Каиды» или «зеленого интернационала» Хасана ат-Тураби долгое время оставался открытым.

Алжирские власти пытались использовать пестроту рядов исламистов для постепенной их нейтрализации. Генерал Лиамин Зеруаль, последний председатель ВГС (с 1993 г.) и президент Алжира (с ноября 1995 г.), продолжая военные действия, одновременно вел переговоры с разными фракциями исламистов. Соглашения он не добился, но часть боевиков, сложив оружие, стала переходить к мирному отстаиванию своих убеждений, в связи с чем бои стали постепенно затухать.

В ноябре 1996 г. 80% алжирцев проголосовали за новую конституцию, объявившую Алжир президентской республикой, ислам — государственной религией, арабский язык — официальным. Было запрещено создавать партии на «религиозной, языковой, половой, корпоративной или региональной основах», что ставило вне закона и исламистов, и берберистов. В выборах парламента в июне

1997 г. участвовали 39 партий и 66% (около 11 млн. чел.) избирателей. 155 мест получило правящее Национально-демократическое объединение, 103 места — «умеренные» исламисты (Движение общества мира и «ан-Нахда», т.е. «Возрождение»), 38 мест — влиятельные среди берберов Фронт социалистических сил и Объединение за культуру и демократию. 64 места получил реорганизованный и частично восстановивший свои силы ФНО. (На следующих выборах Фронт еще более упрочил свои позиции.) Результаты выборов свидетельствовали о наличии в стране, несмотря на продолжавшуюся войну, определенного политического плюрализма и о поддержке большинством населения идеи мира в Алжире.

В апреле 1999 г. президентом был избран Абд аль-Азиз Бутефлика, ветеран революции 1954–1962 гг., министр иностранных дел АНДР в 1963–1978 гг., пользующийся авторитетом в Алжире и на международной арене. Он во многом способствовал примирению различных политических сил, прекращению огня (хотя отдельные вспышки боев имели место и в 2001 г.) и переключению общества на проблемы восстановления нормальной жизни и экономики страны. Об успехах на этом пути свидетельствовал приток после 1997 г. зарубежных инвестиций в Алжир, в том числе из США, ФРГ и Южной Кореи. Тем не менее среди конкурирующих влияний в Алжире по-прежнему доминирует французское.

Но теперь, на стыке XX и XXI вв., решающее значение для судеб страны имеют уже не внешние, а внутренние факторы. Алжир постепенно преодолевает кризис, порожденный сложным сочетанием этнокультурной и социальной пестроты общества переходного типа, нестыковкой его старых традиций и новых тенденций развития, его исторической самобытности и превратностей его политических судеб. Слишком многие в Алжире модернизацию отождествляют с крайностями «вестернизации» вплоть до потери национального лица. Эти настроения усугубляются процессами глобализации экономики, культуры и повседневного быта, захлестывающими весь Восток, включая Алжир.

Итог идущей ныне трудной и многоплановой трансформации Алжира будет, судя по всему, зависеть не только от успешного преодоления традиционной старины, но и от не менее умелого включения страны в новую реальность, дабы нация, интегрируясь в мировое социокультурное пространство, обогащала бы его, а не безлико в нем растворялась.

Глава 6

ТУНИС

В годы Второй мировой войны Тунис, находившийся под протекторатом Франции с 1883 г., был оккупирован войсками держав «оси» (ноябрь 1942 — май 1943 г.). После освобождения Туниса англо-американскими войсками власть Франции была восстановлена. Тунис оставался ее протекторатом, получив в 1946 г. статус «присоединившегося государства». Фактически он представлял собой переселенческую колонию. Формально власть принадлежала тунисскому *бею*, а на деле — французской администрации во главе с генеральным резидентом. В сфере экономики господствовал иностранный капитал, контролировавший добывающую и обрабатывающую промышленность, транспорт, связь. В сельском хозяйстве наиболее плодородными землями владели иностранные колонисты, в основном французы. Подвергавшееся различным формам дискриминации коренное население не могло примириться с колониальным гнетом.

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Борьбу тунисского народа за свободу и независимость возглавила в 1930-е годы националистическая партия «Новый Дустур» под руководством юриста Халиба Бургибы, который во время оккупации вместе с другими лидерами левых партий находился в заключении во Франции. «Новый Дустур» поддерживала созданная в 1946 г. крупнейшая профсоюзная организация — Всеобщий союз тунисских трудящихся (ВСТТ) во главе с генеральным секретарем Фархатом Хашедом и ряд левых партий, в том числе Тунисская компартия (ТКП).

23 августа 1946 г. Национальный конгресс, созванный по инициативе «Нового Дустура», самой массовой политической партии, принял декларацию, требовавшую независимости Туниса. В сентябре 1949 г. в Тунис возвратился лидер «Нового Дустура» Х. Бургиба. Он выступил с предложением осуществить постепенный переход власти в руки тунисцев в рамках внутренней автономии при сохранении режима протектората и постепенном проведении реформ с согласия Франции. Начавшиеся было по согласованию с французской стороной действия по постепенной «тунисификации» вызвали резкую оппозицию французского капитала. Дальнейшие переговоры с Францией окончились неудачей, и 10 декабря 1951 г. Франция отвергла требование Туниса о внутренней автономии, что вызвало всеобщее возмущение тунисского населения. По стране прокатилась волна забастовок, возникло партизанское движение, была создана Армия национально-го освобождения (АНО). Французские власти ответили репрессиями и в январе 1952 г. арестовали лидеров «Нового Дустура» во главе с Бургибой и руководите-

лей ТКП. В стране был установлен военный контроль. Но движение сопротивления продолжалось.

Новое правительство Франции во главе с Мендес-Франсом, пришедшее к власти в июне 1954 г., начало переговоры с представителями «Нового Дустура», которые привели к провозглашению внутренней автономии Туниса при сохранении Францией контроля над вопросами обороны (включая пограничный контроль) и внешней политики. Это вызвало раскол среди антиимпериалистических сил в Тунисе: «Новый Дустур», профсоюзы и левые силы поддержали принцип внутренней автономии, в то время как экстремистски настроенные правые группировки, консерваторы из старого «Дустура», поддержанные генеральным секретарем «Нового Дустура» Салахом бен Юсефом, выступили за продолжение вооруженной борьбы, развитие идей панарабизма и установление тесных связей с радикалами в Египте.

Вскоре Бургиба был освобожден из-под французского ареста и 1 июня 1955 г. вернулся в Тунис, где был встречен как национальный герой. 31 июня 1955 г. было подписано франко-тунисское соглашение о внутренней автономии, а 14 сентября того же года было сформировано национальное правительство Тахара бен Аммара. Было отменено военное положение, легализована деятельность политических партий, профсоюзов, общественных организаций, объявлена амнистия политзаключенных. Съезд «Нового Дустура» в ноябре 1955 г. в Сфаксе, одоблив линию Бургибы, поддержал соглашение о внутренней автономии и исключил Бен Юсефа из партии. Юсефистские организации были запрещены, выступления их сторонников — подавлены, а сам Бен Юсеф бежал из страны (в августе 1961 г. он был убит во Франкфурте-на-Майне). Победа сторонников Бургибы над юсефистами по существу означала победу прозападных левоцентристских сил и сыграла большую роль в направлении дальнейшего развития Туниса.

В феврале 1956 г. по инициативе тунисской стороны в Париже начались франко-тунисские переговоры, которые завершились 20 марта 1956 г. подписанием протокола о признании Францией суверенитета Туниса. В апреле 1956 г. председатель партии «Новый Дустур» Хабиб Бургиба сформировал первое правительство независимого Туниса. Началось строительство тунисской государственности и создание основ национальной экономики.

Были отменены все привилегии бея и его семьи, а их имущество конфисковано. 25 июля 1956 г. Национальное учредительное собрание упразднило монархию, а 25 июля 1957 г. Тунис был провозглашен республикой. В стране было введено новое административно-территориальное деление: были созданы 14 губернаторатов (*вилайетов*), управляемых губернаторами, подотчетными центру. В мае 1957 г. были проведены выборы в муниципальные советы на основе всеобщего равного избирательного права. Полным ходом шло создание национальной армии и службы безопасности. 1 июня 1959 г. была принята конституция, в соответствии с которой вся полнота исполнительной власти принадлежала президенту (он сочетал функции главы государства и правительства), а законодательная власть — Национальному собранию (Палате депутатов), избираемому одновременно с президентом сроком на пять лет.

Большое значение для усвоения светских норм жизни и поведения в независимом Тунисе имели декреты 1956 г. об упразднении шариатских судов и установлении единой системы светского судопроизводства, а также принятый 13 августа 1956 г. Кодекс гражданского состояния, утвердивший равноправие мусульманской женщины с мужчиной, запретивший многоженство и признавший юридическую силу гражданского брака.

Были значительно урезаны права мусульманского духовенства, находившегося в оппозиции к «Новому Дустуру». В мае 1956 г. были секуляризованы и национализированы общественные *хабусы (вакфы)*, а в июне 1957 г. подверглись секуляризации частные и смешанные *хабусы*. Одновременно были упразднены *куттабы* (традиционные религиозные школы), образование было поставлено под контроль государства.

В 1956–1961 гг. были национализированы принадлежавшие иностранному капиталу предприятия горно-добывающей промышленности, энергетики, некоторые предприятия обрабатывающей промышленности, коммунальные компании, железные дороги, междугородний автотранспорт. В 1958 г. Тунис ввел собственную валюту — динар, а в 1959 г. вышел из таможенного союза с Францией. Был установлен контроль государства над собственностью более 200 семей крупных землевладельцев и представителей буржуазии, сотрудничавших с оккупантами.

В аграрной сфере в 1956–1962 гг. был осуществлен ряд реформ, направленных на устранение отсталых общественных отношений и укрепление права частной собственности на землю. С 1958 г. проводилась аграрная реформа в долине р. Меджерды на площади 70 тыс. га, ограничившая здесь частное землевладение 50 га. Одновременно шел процесс деколонизации в сельском хозяйстве: в соответствии с соглашениями с Францией 1957, 1960 и 1963 гг. тунисское правительство выкупило около 370 тыс. га земель, принадлежавших колонистам, а в 1964 г. национализировало еще примерно 450–470 тыс. га. 17 июня 1958 г. было заключено соглашение с Францией об эвакуации французских войск, еще остававшихся в Тунисе, кроме базы в Бизерте, эвакуация которой была завершена после серьезного конфликта 15 октября 1963 г.

УКРЕПЛЕНИЕ РЕЖИМА БУРГИБЫ

С начала 1960-х годов в стране постепенно происходил процесс укрепления режима, основанного на личной власти президента Бургибы. Раскрытие в декабре 1962 г. заговора юсефистов, поддержанного экстремистски настроенными деятелями старого «Дустура» и некоторыми представителями военных кругов, дало властям возможность покончить не только с юсефистским движением, но и ограничить деятельность всех других организаций, настроенных оппозиционно к «Новому Дустуру». Была, в частности, запрещена ТКП, подверглись «чистке» профсоюзы.

Надежды властей на быстрый подъем экономики путем опоры на частный капитал не оправдались, так как национальная буржуазия была малочисленна и слаба. В связи с национализацией из страны начался отток частного капитала.

Поэтому в начале 1960-х годов в экономической политике обозначился переход от поддержки экономического либерализма к усилению роли государства в экономике, внедрению плановых начал. Была разработана и принята «Десятилетняя перспектива развития (1962–1972)», и в ее рамках осуществлены три плана развития, поставившие целью проведение индустриализации, создание госсектора в промышленности, внедрение кооперирования в аграрном секторе, развитие образования, здравоохранения, повышение жизненного уровня тунисцев.

В 1962–1969 гг. под руководством государства были заложены основы национальной экономики: создан достаточно разветвленный хозяйственный комплекс, построены крупные современные предприятия, созданы совершенно новые отрасли: машиностроение, химическая промышленность, электроника. 70–80% всех промышленных инвестиций осуществлял общественный сектор, состоявший из государственных и смешанных предприятий.

В сельском хозяйстве была предпринята попытка перевести мелкие крестьянские хозяйства на рельсы современного механизированного производства на основе кооперирования (закон 27 мая 1963 г.). Кооперативы создавались на государственных землях под контролем властей и в дальнейшем жестко контролировались государством. Повсеместно создавались кредитные и снабженческо-сбытовые кооперативы, была полностью кооперирована розничная торговля.

Экономические преобразования и реформы в других сферах жизни проводились на основе идеологической доктрины «дустуровского социализма», возникшей под влиянием европейских социал-реформистских течений. Она была изложена в выступлениях Х. Бургибы и стала официальной идеологией «Нового Дустура». В октябре 1964 г. в Бизерте на VII съезде «Нового Дустура» партия была переименована в Социалистическую дустуровскую партию (СДП). Началось быстрое обновление партийных и высших административных кадров, число членов СДП достигло 381 тыс. человек (8,3% всего населения).

Структурные реформы в экономике проходили в условиях постоянной нехватки финансовых средств и специалистов, при опоре на иностранный капитал. Рос государственный долг Туниса. В сельском хозяйстве назревал кризис. *Феллахи*, не получившие улучшения своего положения, роптали, аграрная буржуазия и оппозиционные силы в администрации саботировали политику кооперирования, провоцируя крестьян на выступления против местных властей. В этих условиях решение Ахмеда бен Салаха, министра планирования и национальной экономики, ускорить кооперирование и сделать процесс необратимым привело к острому политическому кризису в верхних эшелонах власти и изменениям в правительстве.

С принятием в сентябре 1969 г. закона о реформе аграрных структур фактически закончился этап этатизации и кооперирования в экономике. Упор был сделан на развитие частного сектора. Большинство кооперативов были либо ликвидированы, либо распались сами.

После исключения из СДП и привлечения к суду А. бен Салаха усилился контроль СДП над всеми сферами экономической, политической и культурной жизни, было обновлено до $\frac{2}{3}$ партийного и государственного аппарата на местах, осуществлены «чистки» в профсоюзах. 2 ноября 1969 г. состоялись президент-

ские и парламентские выборы, все депутаты в Национальное собрание (Палату депутатов) — 101 человек — прошли по спискам СДП.

В области внешней политики со дня основания независимого государства Тунис придерживался принципов нейтралитета и неприсоединения к военным блокам, развития отношений «по всем азимутам». Он стал активным членом многих международных и региональных организаций, в том числе ООН, Лиги арабских государств, Организации «Исламская конференция», принимал участие в движении неприсоединения, поддерживал борьбу палестинского народа за восстановление своих национальных прав.

Острая необходимость во внешних источниках финансирования вынуждала Тунис активно развивать отношения с капиталистическими государствами Запада. С начала 1960-х годов основным инвестором для Туниса стали США (50% всех иностранных кредитов). Помимо Франции активно развивались отношения с ФРГ и другими европейскими странами. Тунис поддерживал дружеские контакты с СССР (дипломатические отношения установлены 11 июля 1956 г.), который оказывал ему техническую помощь в строительстве гидротехнических и других объектов, подготовке кадров. Хорошие отношения установились также со странами Восточной Европы.

Важное место во внешней политике Туниса занимали отношения с арабскими странами, хотя не всегда они складывались идеально. Значительное обострение произошло в 1965 г., после открытой критики президентом Бургибой политики ЛАГ в отношении Палестины и его высказывания в пользу прямых переговоров с Израилем. Отношения улучшились после «шестидневной войны» 1967 г., когда Тунис высказал свою солидарность со странами, подвергшимися нападению.

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. КРИЗИС ВЛАСТИ

Принятая с начала 1970-х годов широкая реприватизация и меры по развитию рыночной экономики, проводимые правительством Хеди Нуиры, привели к значительным сдвигам в тунисском обществе. Расширилась предпринимательская прослойка, в то же время произошло ухудшение положения бедных слоев населения, увеличилась безработица, усилилась миграция в города. Во многих отраслях народного хозяйства наблюдался рост забастовочного движения. Сама жизнь требовала активизации политического процесса, демократизации общественной жизни, проведения реформ.

Усиление режима личной власти вызывало недовольство части представителей имущих классов и буржуазной интеллигенции, выступавших за легализацию оппозиции, выборность руководящих органов СДП. Выразителем их интересов стал Ахмед Местири. На VIII съезде СДП в сентябре 1971 г. сторонники «либеральной оппозиции» потерпели поражение. А. Местири был выведен из состава ЦК и исключен из СДП. IX съезд СДП в сентябре 1974 г. укрепил единовластие СДП и избрал Х. Бургибу пожизненным председателем партии, рекомендовав

законодательным органам закрепить возможность избрания его пожизненным президентом.

В 1974 г. организационно оформилась партия Движение демократов-социалистов (ДДС) во главе с А. Местири, в 1975 г. в Париже сторонниками А. бен Салаха, бежавшего из тунисской тюрьмы, была создана партия Движение народного единства (ДНЕ). Активизировалось и исламистское движение. В 1979 г. была создана организация Движение исламского направления (ДИН), которая с середины 1980-х годов стала именоваться партия «ан-Нахда» («Возрождение»). ДИН выступало за переустройство общества на началах *шариата*, против развития капитализма и прозападной политики Х. Бургибы. Довольно быстро оно превратилось в радикалистскую организацию с четко выраженной политической направленностью.

26 января 1978 г. (день, вошедший в историю Туниса как «черный четверг») в Тунисе и других городах страны произошли беспорядки, спровоцированные правозкстремистскими элементами. Начались погромы и грабежи. Власти ввели войска, применившие оружие. По официальным данным, в столкновениях погибли 42 человека и 325 были ранены. В организации беспорядков власти обвинили профсоюзы и Всеобщее тунисское объединение труда (ВТОТ) во главе с Х. Ашуром, выражавшие несогласие с экономическим, политическим и социальным курсом правительства. Профсоюзы подверглись «чистке», их руководители, включая Ашура, были арестованы.

Серьезный вооруженный инцидент, произошедший во вторую годовщину «черного четверга» в 1980 г. в центре горно-рудной промышленности г. Гафсе, привел к разрыву Тунисом дипломатических отношений с Ливией, которую тунисские власти обвинили в организации провокации. Ливия категорически опровергла свое участие в инциденте. Обе стороны обратились в ЛАГ. Нормализация отношений произошла в 1982 г.

На XI чрезвычайном съезде СДП в апреле 1980 г. Бургиба, учитывая сложившееся в стране положение, был вынужден признать необходимость диалога с различными политическими силами и возможность введения в стране многопартийной системы. В июле 1981 г. была официально разрешена деятельность ТКП (в значительной степени в противовес набиравшему силу движению исламских радикалистов). В ноябре 1983 г. были легализованы партии ДДС и ДНЕ-II (откололась от ДНЕ).

С середины 1980-х годов в экономике Туниса наблюдался рост кризисных явлений, обусловленных падением мировых цен на нефть и снижением валютных поступлений в казну, что сопровождалось быстрым ростом внешнего долга в связи с возрастающим объемом иностранной помощи. Сильный удар по экономике нанесла и высылка из Ливии в 1985 г. по личному распоряжению М. Калдафи нескольких десятков тысяч работавших там тунисцев. Следуя рекомендациям МВФ, правительство в целях экономии средств сильно урезало субсидии на хлебобулочные изделия, в результате цены на них подскочили более чем вдвое. В конце декабря 1982 — начале 1983 г. в стране начались волнения, охватившие 16 вилайетов. «Хлебные бунты» стали перерастать в погромы, и власти, объявив

чрезвычайное положение, вывели на улицы войска. В столкновениях погибли 70 человек и 100 были ранены. Повышение цен на хлеб было срочно отменено.

Положение в стране оставалось сложным. В 1986–1987 гг. ареной волнений стал Тунисский университет. В них принимали участие члены экстремистских исламских организаций. Они не только вели активную пропаганду среди студенчества, преподавателей, интеллигенции, в армейских кругах, но и прибегали к террористическим методам. В 1986 г. Тунис разорвал дипломатические отношения с Ираном, обвинив его в поощрении деятельности исламских экстремистов. 3 августа 1987 г. террористы устроили взрывы в местах скопления туристов, в отелях городов Сус и Монастир, повлекшие жертвы. Власти усилили репрессии против исламских экстремистов, арестовав многих руководителей и членов исламистских группировок, включая лидера «ан-Нахды» Р. Ганнуши.

В середине 1980-х годов в условиях нарастающих экономических трудностей в высших эшелонах власти усилилась борьба за политическое наследие престарелого и больного президента между отдельными кланами, группами и личностями. После смещения с поста премьер-министра М. Мзали летом 1986 г. под предлогом борьбы с коррупцией начались многочисленные перемещения в высшем и среднем звене государственного и партийного аппарата. На пост премьер-министра был назначен Р. Сфар, известный экономист. В основе представленной им программы, одобренной МВФ и МБРР, лежала политика либерализации и опоры на частный капитал. На ее поддержку Тунис получил от международных экономических организаций крупные кредиты.

В апреле 1986 г. министром внутренних дел был назначен генерал армии Зин аль-Абидин бен Али, возглавлявший в течение ряда лет службу безопасности. В начале октября 1987 г. он был назначен премьер-министром вместо Р. Сфара. Одновременно Бен Али стал и генеральным секретарем СДП. Однако вскоре угроза смещения нависла и над ним.

СМЕНА ВЛАСТИ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ БЕН АЛИ

В ночь на 7 ноября 1987 г. Бен Али, окружив резиденцию Бургибы — Карфагенский дворец частями национальной гвардии и ссылаясь на статью 57 конституции, гласившую, что в случае смерти президента или его болезни и неспособности управлять страной его пост наследует премьер-министр, объявил о взятии на себя функций президента. Действия Бен Али были подкреплены медицинским заключением, подписанным семью врачами, о неспособности Бургибы более выполнять функции по управлению страной по причине преклонного возраста (ему исполнилось 84 года) и болезни¹.

Зин аль-Абидин бен Али, приняв присягу, провозгласил верность Туниса международным обязательствам и обещал проведение широких экономических

¹ Первый президент Тунисской Республики закончил свою жизнь 7 апреля 2000 г. после продолжительной болезни на своей вилле в родном городе Монастир в возрасте 97 лет.

и политических реформ с целью покончить с беспорядками и коррупцией, содействовать развитию демократического процесса, улучшить положение трудящихся и отвести угрозу исламского экстремизма в стране.

Смена власти произошла спокойно, население с надеждой восприняло заявление нового президента, политическая оппозиция солидаризовалась с программой Бен Али. С ноября 1987 г. начался новый этап в жизни страны, отмеченный поступательным ростом экономики и постепенной демократизацией политической жизни. Премьер-министром был назначен Хеди Баккуш, занявший и пост генерального секретаря СДП. Начались конкретные действия по претворению в жизнь выдвинутой программы преобразований. С декабря 1987 по февраль 1988 г. в результате объявленной всеобщей амнистии из тюрем были освобождены более 4,5 тыс. политзаключенных, в том числе 608 членов «ан-Нахды» и лидер ДДС А. Местири. Позднее был освобожден лидер «ан-Нахды» Р. Ганнуши, а лидеру ДНЕ А. бен Салаху было разрешено вернуться на родину. Налаживались и отношения правительства с профсоюзами: профсоюзные активисты, уволенные за свою деятельность при прежнем режиме, были восстановлены на работе, а бывший руководитель ВТОТ Х. Ашур был освобожден из-под стражи.

Были сняты ограничения на деятельность партий легальной оппозиции, восстановлено издание их печатных органов, запрещенных администрацией Бургибы. Одновременно происходила реорганизация СДП: состав ее политбюро был сокращен с 20 до 13 членов, в него вошли 9 новых членов, все — сторонники Бен Али. В феврале 1988 г. партия была переименована и получила название Демократическое конституционное объединение (ДКО). 3 мая 1988 г. был подписан закон о политических партиях, закрепивший переход от однопартийной к многопартийной системе. Однако на деле реальная власть принадлежала ДКО. В апреле 1989 г. на всеобщих парламентских и президентских выборах за кандидатов ДКО отдали голоса более 80% избирателей. Они получили все места (141) в Палате депутатов. На президентских выборах за кандидатуру Бен Али проголосовало 99,27% участвовавших в выборах избирателей.

Выдвинутые ДКО лозунги борьбы за единство народа и политический плюрализм, против «религиозного фанатизма», за повышение темпов экономического роста и более справедливое распределение национального богатства, за ликвидацию безработицы содействовали массовому притоку новых членов, в особенности молодежи, представителей интеллигенции, преподавателей, лиц свободных профессий. К 1997 г. численность ДКО достигла 2 млн. человек. В ходе реорганизации партийного аппарата состав партийных ячеек на местах был обновлен на 60–80%. После внутрипартийных выборов 1993 г. руководство ДКО обновилось почти на 50%. Председателем партии ДКО является Бен Али. Реорганизация партийного и административного аппарата стала одним из наиболее важных шагов по укреплению влияния пришедших к власти сил. Ко времени внеочередного съезда правящей партии в 1988 г. была осуществлена полная смена губернаторов провинций и других высших административных чиновников, что способствовало не только обновлению, но и омоложению кадров. Была установлена постоянная ротация кадров.

Демократизации общественной жизни содействовали отмена Палатой депутатов принятого при Бургибе конституционного положения о пожизненном избрании президента, ограничение возможности занимать пост президента двумя сроками, упразднение Суда государственной безопасности и чрезвычайных трибуналов, ликвидация каторжных и принудительных работ, облегчение процедуры восстановления гражданских прав. В декабре 1987 г. был создан Конституционный совет, занимающийся оценкой важнейших законопроектов с точки зрения их соответствия Основному закону в отношении гражданских прав и свобод. В ноябре 1988 г. представителями ДКО, легальных политических партий и общественных организаций и ВТОТ был подписан Национальный пакт, регулирующий политическую жизнь в стране и деятельность политических партий. Он подтвердил курс на демократизацию внутренней жизни.

Одним из факторов, продолжавших дестабилизировать внутреннюю обстановку, оставалась деятельность религиозных экстремистов. С приходом к власти Бен Али был сделан акцент на развитие в стране официального ислама в противовес используемому в политических целях «фанатичному» исламу религиозных экстремистов. Не отказываясь от секуляристского выбора, руководство страны подчеркивает принадлежность Туниса к арабо-мусульманской цивилизации и его приверженность ценностям ислама, делая упор на его социальную и просветительскую роль. В стране отмечают все религиозные праздники и даты. Возросла роль Высшего исламского совета, пропагандирующего подлинные ценности ислама и выступающего против его искажения и политизации. Использование ислама в политических целях было запрещено законом. Возродилась былая слава аз-Зитуны как главной соборной мечети и старейшего исламского университета. Идет активное строительство мечетей.

Религиозной оппозиционной партии «ан-Нахда» было отказано в регистрации под предлогом использования ею ислама в политических целях. Начало 1990-х годов было отмечено бескомпромиссной борьбой властей против всех проявлений религиозного экстремизма. По обвинениям в хранении оружия, связях с нелегальными экстремистскими организациями, в намерениях насильственного захвата власти, заговоре против режима и лично Бен Али были арестованы и преданы суду сотни сторонников «ан-Нахды» и других экстремистских религиозных групп. Находившийся в эмиграции Р. Ганнуши был заочно приговорен к пожизненному заключению. В результате организационные структуры «ан-Нахды» были практически разрушены.

Одновременно был принят ряд мер с целью улучшения положения трудящихся. Были разработаны и приняты специальные программы по развитию отсталых районов, строительству жилья, сокращению безработицы. Была увеличена заработная плата в промышленности и сельском хозяйстве. Внесены изменения в существующую систему медицинского обслуживания с целью сделать его более доступным для бедных слоев населения. В 1993 г. был создан Фонд национальной солидарности для добровольных пожертвований отдельных лиц и организаций («Счет 26-26»). Аккумулируемые на нем средства направляются на реализацию программ помощи отсталым районам, строительство дорог, жилья, школ, создание новых рабочих мест.

В последние годы новый импульс получил процесс либерализации в экономике, ускорилась приватизация государственных предприятий, охватившая в первую очередь сферу услуг, туристический сектор и предприятия легкой промышленности. Большое внимание уделяется модернизации предприятий и переподготовке кадров с целью обеспечения интеграции в современные рыночные структуры.

В июле 1993 г. состоялся II съезд ДКО, на котором Бен Али был выдвинут кандидатом в президенты на второй срок. Его кандидатура была единодушно поддержана шестью партиями легальной оппозиции и ВТОТ. В избирательную систему были внесены поправки: количество мест в палате депутатов увеличивалось до 163, из них 19 мест отводилось представителям политической оппозиции соответственно полученным на выборах голосам. На состоявшихся в марте 1994 г. президентских и парламентских выборах Бен Али, получив 99,9% голосов избирателей, был избран президентом на второй срок. ДКО завоевало 144 места в парламенте, остальные 19 получили четыре оппозиционные партии. На муниципальных выборах в мае 1995 г. ДКО обеспечило себе контроль над всеми муниципальными советами, собрав 99,9% поданных голосов. II хотя оппозиционные партии завоевали лишь 6 из 4090 мест, впервые после 1956 г. оппозиция была вновь представлена на муниципальном уровне.

Несмотря на отсутствие реальной угрозы правящему режиму внутри страны, в последние годы все более четко просматривалось стремление ДКО и властей усилить контроль над политической жизнью страны. Значительно возросла численность силовых структур, критики режима подвергались преследованиям, у них отбирали паспорта. Правозащитная организация «Международная амнистия» неоднократно заявляла о фактах нарушения прав человека в Тунисе.

В конце 1997 г. Палата депутатов утвердила ряд поправок к конституции, предложенных Бен Али. Они, в частности, гарантировали оппозиции 20% мест в парламенте, снижение минимального возраста для кандидатов на парламентских выборах с 25 до 23 лет, обеспечили возможность быть избранным в парламент не только гражданам, имеющим отца тунисца, но также и мать туниску.

На съезде в июле 1998 г. партия ДКО высказалась за выдвижение Бен Али кандидатом на пост президента на третий срок, мотивировав предложение необходимостью поддержания политической стабильности для обеспечения реформ в стране, и призвала законодательные органы принять соответствующую поправку.

В начале 1999 г. парламент одобрил поправку к конституции об альтернативных кандидатурах на выборах президента: отныне свои кандидатуры могли выдвигать лидеры оппозиционных партий при условии, что они возглавляли партию в течение последних пяти лет и имели возраст не более 70 лет. В преддверии президентских выборов оппозиционные партии оставались слабыми и разобщенными и не пользовались поддержкой населения.

На выборах 24 октября 1999 г. Бен Али, получив 99,44% голосов, был избран президентом Туниса на третий пятилетний срок. Альтернативные кандидаты — Мухаммед Бельхадж Амор от Партии народного единства и Абдуррахман Тлили от Демократическо-юнионистского союза, как и предполагалось, получили ничтожно малое число голосов. В Палате депутатов ДКО лидировало, получив 148 из 182 мест. Оппозиции досталось 20% депутатских мандатов.

В ноябре 2001 г. Бен Али объявил о необходимости «фундаментальной реформы» конституции с целью совершенствования политической системы Туниса. Некоторые оппозиционные партии, общественные и правозащитные организации выступили против этого предложения, усмотрев в нем стремление президента обеспечить себе мандат в четвертый раз. В феврале 2002 г. Палата депутатов на специальном заседании рассмотрела и одобрила предложения по перемоту конституции, разработанные группой экспертов.

Проект новой конституции, в частности, предусматривал: проведение президентских выборов в два тура; участие кандидатов от различных партий; установление предельного возрастного ценза для кандидатов в 75 лет; двухпалатный парламент — создание наряду с палатой депутатов палаты советников; расширение полномочий Конституционного совета. О количестве возможных переизбраний одного и того же человека на пост президента в проекте не упоминалось. Проект новой конституции был поставлен на всенародный референдум, состоявшийся 26 мая 2002 г. Изменения в Основном законе страны одобрили 99,52% принявших участие в голосовании.

С приходом к власти энергичного лидера внешняя политика Туниса получила новый импульс. Хотя общая прозападная ориентация внешней политики сохранилась, существенное развитие получили межмагрибинские, а также межрегиональные связи, главным образом, с объединенной Европой. С созданием в 1989 г. при активном участии Туниса Союза Арабского Магриба была наконец воплощена в жизнь долго вынашиваемая идея магрибинского единства. В 1995 г. Тунис первым из арабских стран подписал новое соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, открыв свои границы для европейских товаров.

Несмотря на стремление тунисского руководства диверсифицировать внешнеэкономические связи, они остаются направленными в основном на развитые страны Запада, преимущественно ЕС и Францию. В середине 1990-х годов на страны ЕС приходилось 79% тунисского экспорта и 71% тунисского импорта. Важнейшим источником финансовой помощи являются США, МВФ, МБРР и страны ЕС. Дружеские отношения связывают Тунис с Россией как правопреемницей СССР. Подписанные между нашими странами соглашения в экономической, научной и культурной областях были продлены и действуют до настоящего времени.

Активизация демократического процесса, углубление либеральных экономических реформ, усиление внимания к социальной сфере, борьба с проявлениями всех форм религиозного экстремизма содействовали укреплению политической стабильности, экономическому росту и консолидации тунисского общества. С 1987 г. Тунис демонстрирует стабильный экономический рост — в среднем 4–5% в год, средний доход на душу населения достиг 2000 долл. США. Более всего от политических и экономических реформ последнего времени выиграл средний класс, численность которого, по официальным данным, составляет 84,8% населения. Гибкая и динамичная внешняя политика содействовала повышению престижа страны на мировой арене и внесла свою лепту в укрепление режима.

Глава 7

ЛИВИЯ

Во время Второй мировой войны территория Ливии, являвшаяся колонией Италии с 1931 г., стала ареной военного противоборства. Здесь произошло 127 сражений, в которых приняли участие полтора миллиона человек. Города и населенные пункты 3118 раз подвергались воздушным и морским бомбардировкам. Фельдмаршал Э. Роммель, командовавший в 1941–1943 гг. немецкими и итальянскими экспедиционными силами в Северной Африке, покидая в июне 1942 г. Тобрук, похвалялся, что в этом ливийском городе «все здания сровнены с землей или представляют собой кучи обломков». Отступая из Бенгази, фашистские войска взорвали порт и его сооружения, вывели из строя все крупные объекты и, по выражению того же Роммеля, «навели ужас на население бедного города». Пепелища и развалины оставили фашисты и в Триполи. Общий ущерб, нанесенный Ливии Второй мировой войной, по оценке ЮНЕСКО, составил около 2 млрд. долл.

ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ (1943–1951)

Во время войны ливийцы оказывали Англии и Франции значительную поддержку. Одни сражались на фронтах в составе союзнических войск, другие — в составе командос в тылу противника. Всячески помогало союзникам и местное население, за что тысячи ливийцев были замучены и расстреляны фашистами. Каждая ливийская семья потеряла одного или более своих членов в этой войне или в результате ее последствий.

«Мы приветствуем их (ливийцев. — *А.Е.*) союз с королевскими английскими войсками с целью разгрома общего врага», — заявил 8 января 1942 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден, цинично уточнив при этом, что Лондон не намерен заранее вести переговоры о будущем страны.

На находившуюся в эмиграции ливийскую элиту, поддерживавшую союзнические связи с Лондоном (вокруг эмира Идриса ас-Сенуси в Каире группировались шейхи племен, под руководством Башира ас-Саадави в Дамаске действовал Триполитано-Киренаикский комитет обороны), заявление А. Идена произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Эмир Идрис по горячим следам попытался провести переговоры с А. Иденом о предоставлении независимости хотя бы вотчине эмира — Киренаике. На это Лондон тоже не только не пошел, но устами

генерала Б. Монгомери объявил 11 февраля 1942 г., т.е. за год до освобождения Ливии, что вся территория страны перейдет под управление британской военной администрации до окончания мировой войны, а не до окончания боевых действий на севере Африки, как об этом было заявлено ранее.

Принципы справедливости в отношении ливийского народа были, таким образом, грубо попорчены, но и Лондону пришлось умерить аппетиты. Английские войска основательно расположились голько на севере Ливии, в Киренаике и Триполитании. Французы обосновались в провинции Феззан на юге страны. Успели на дележ «ливийского пирога» и Соединенные Штаты Америки, взявшие под свой контроль крупнейшую на побережье военно-воздушную базу Уилус-Филд близ Триполи, которая стала форпостом защиты «жизненных интересов» США на Средиземноморье. В первую очередь они расформировали местные вооруженные отряды, а обеспечение безопасности легло на плечи колониальных спецслужб.

В создавшейся обстановке Идрис не стал прибегать ни к политизации исламских лозунгов, к чему безуспешно стремился Ахмед аш-Шериф, возглавлявший сенуситов в 1902–1916 гг., ни к силовым методам борьбы, приведшим к поражению Омара аль-Мухтара, сподвижника эмира Идриса в 1920-х годах. Летом 1944 г. Идрис по просьбе союзников вернулся из эмиграции в страну, чтобы оказать содействие в организации новой колониальной власти.

Британские чиновники «разрезали» Киренаику и Триполитанию на зоны, каждая из которых была поделена еще и на районы. Ведущие административные посты заняли английские офицеры, привлекавшие на службу представителей местного населения и оставшихся итальянцев. Были сохранены и итальянские законы. По просьбе Идриса ас-Сенуси власти разрешили деятельность общественных организаций, которые начали создавать возвращавшиеся на родину эмигранты. К концу 1940-х годов в Триполитании уже действовало девять различных организаций и партий, в Киренаике — три. Они выступали за создание единого независимого ливийского государства и за увеличение в местных органах управления числа служащих-арабов. До поры до времени англичане не препятствовали их деятельности. Осенью 1946 г. Идрис ас-Сенуси создал Национальный фронт из наиболее верных своих сторонников, что привело к еще большей поляризации сил, одни из которых выступали за монархию, другие — за республику.

Французские оккупационные власти, в отличие от англичан, запретили политическую деятельность и даже контакты местных националистов со своими северными соотечественниками, но они тоже не могли обойтись без помощи местных феодалов и непокорных вождей племен. Отношения с ними были налажены удачно, что обеспечило французам «политическое безветрие».

10 февраля 1947 г. в Париже был подписан мирный договор с Италией, в соответствии с которым Рим отказался от всех прав на Ливию. К этому времени между вчерашними победителями во Второй мировой войне уже наметились разногласия по новому обустройству мира, что особенно отчетливо проявилось в Организации Объединенных Наций (ООН), созданной для политического урегулирования послевоенных международных проблем.

Москва давила на ООН, на другие международные структуры, требуя выполнения антиколониальных резолюций. На это ушло три года. Специальный представитель ООН швед А. Пельт, которому вменялось в обязанность помочь в выработке конституции и оформлении независимости Ливии, позже описал в мемуарах, как он столкнулся с открытым противодействием Англии и Франции созданию единой Ливии.

7 мая 1949 г. министры иностранных дел Англии и Италии Э. Бевин и К. Сфорца предложили установить над Киренаикой опеку Великобритании, над Феззаном — Франции, над Триполитанией — Италии.

В ответ советский представитель в ООН А.А. Громыко в пылу полемики предложил отдать Триполитанию под опеку СССР (вместо побежденной Италии), что дало потом английскому исследователю Дж. Райту повод утверждать в своей книге «Ливия: современная история», будто Советский Союз тоже был заинтересован в дележе «ливийского пирога». В принципе такой факт имел место. В Ливию была послана комиссия четырех великих держав, включавшая и советских представителей, которые помимо выяснения вопроса, готова ли Ливия к независимости, настойчиво кого-то искали в сахарских далях. Только потом стали известны причины такой любознательности. Как оказалось, фельдмаршал Э. Роммель, став главнокомандующим, выписал из Германии 22 тыс. советских военнопленных, которых использовал на фортификационных работах. В тяжелых условиях Африки наши соотечественники натужно несли свой крест. Семь тысяч из них погибли, остальные после разгрома фашистов либо разбежались по оазисам, приняв мусульманство и навеки оставшись в бедуинских шатрах, либо были пойманы союзниками и депортированы в СССР. Вот тех-то беглецов, видимо, и искали советские чекисты под звон полемики А.А. Громыко в ООН. Когда поиски не дали результатов (хотя русоволосые бедуины до сих пор являются достопримечательностью Сахары), отказался от притязаний на Триполитанию и А.А. Громыко. Что было — то было. Возможно, было и не совсем так.

Тем не менее советские представители на всех послевоенных сессиях ООН (1948–1950) и на других международных форумах настойчиво требовали предоставить Ливии независимость, вывести оттуда чужеземные войска и ликвидировать иностранные военные базы. Прозападное большинство в ООН, так и не нашедшее альтернативы советским требованиям, пошло на уступки. И Генеральная Ассамблея 24 декабря 1951 г. провозгласила Ливию независимым государством. В этом есть и заслуга СССР.

В тот же день было объявлено об образовании Соединенного Королевства Ливии и о вступлении в силу конституции страны, одобренной Национальным учредительным собранием еще 7 октября 1951 г. Ранее, 2 декабря 1950 г., то же собрание провозгласило Мухаммеда Идриса аль-Махди ас-Сенуси королем Ливии Идрисом I. Таким образом, ливийцы первыми из стран Северной Африки добились независимости и сделали это политическими, а не военными методами.

ГОДЫ КОРОЛЕВСКОГО ПРАВЛЕНИЯ (1951–1969)

На начальном этапе король Идрис придерживался умеренного курса, особенно во внешней политике. Страна была разоренной и нищей. Идрис заявил, что Ливия не потребует вывода иностранных войск, если их пребывание будет оплачено. Вчерашние колонизаторы согласились с этим. 24 декабря 1951 г., в день объявления независимости, были заключены предварительные соглашения об обороне с Англией, Францией и США. Через месяц США предоставили Ливии безвозмездно 1 млн. долл. на осуществление проектов развития. Это был первый взнос за аренду базы Уилус-Филд. В 1951–1953 гг. американские выплаты составили 2,27 млн. долл. В 1954–1960 гг. США выплачивали по 4 млн., с 1960 г. — по 1 млн. долл. ежегодно.

20 июля 1953 г. был заключен англо-ливийский договор о дружбе и сотрудничестве. Лондон обязался выплатить арендную плату за пользование базами до 10 млн. ливийских фунтов (1 ливийский фунт равнялся в те годы 2,8 долл.) ежегодно. 12 августа 1955 г. Франция подписала с Ливией договор о дружбе и добрососедских отношениях. Французы к ноябрю 1956 г. вывели свои войска из южных регионов Ливии, но сохранили право пользования аэродромами в районах Гат, Гадамес, Себха, за что обязались уплатить 500 млн. франков. В октябре 1956 г. было подписано ливийско-итальянское соглашение о возмещении ущерба, причиненного Второй мировой войной. К удивлению Запада, король пошел на установление дипломатических отношений с СССР, о чем было объявлено 25 сентября 1955 г. Идрис решил сгладить обиды Москвы на то, что его окружение неоднократно утверждало, будто СССР препятствовал получению Ливией независимости. Видимо, король опасался, что Москва использует свое право вето в Совете Безопасности при принятии Ливии в ООН, что было вполне возможно. 6 января 1956 г. первый посол СССР Н.И. Генералов прибыл в Триполи.

После провозглашения независимости было сразу создано правительство во главе с премьер-министром Махмудом аль-Мунтасером. Оно взяло на себя все обязанности и функции колониальной администрации. 9 февраля 1952 г. прошли первые всеобщие выборы в парламент. Партия независимости, поддерживавшая Идриса, получила 47 из 55 мест. Партия национального конгресса, возглавлявшаяся оппонентом монархистов Баширом ас-Саадави, оспорила результаты выборов и тут же была запрещена. Ее лидера выслали из страны. Все партии были распущены. В последующих выборах принимали участие только независимые кандидаты.

В феврале 1954 г. король принял отставку аль-Мунтасера из-за его вмешательства в дела провинций, особенно сенуситских *завий* (приходов), без санкции короля. Новый премьер-министр Мустафа бен Халим, инженер из Киренаики, активно занялся разбором распрей между кланами, включая окружение короля. Во время тройственной англо-франко-израильской агрессии 1956 г. против Египта Бен Халим занял прокаирскую позицию и не разрешил британским военным контингентам расположиться на территории Ливии, что привело к его отставке.

Новый премьер Абд аль-Маджид Кубар (из Триполитании) вступил в должность 12 октября 1958 г. Он отличился упорством в переговорах с США по поводу базы Уилус-Филд, деятельность которой вызывала недовольство местных жителей. Премьер добился увеличения платы за аренду базы, и это успокоило ливийцев. Но в отношениях с парламентом премьер не нашел взаимопонимания, за что получил отставку, а парламент был распущен.

Очередной премьер Мухаммед Осман ас-Саед (из Феззана) предложил королю пятилетний план развития страны, разработанный Международным банком реконструкции и развития. При нем начался экспорт нефти из страны. Однако слишком активная деятельность премьера монарху не понравилась, что привело к отставке и этого политика.

Преемники Османа ас-Саеда учли «ошибки» предшественника и не оставили никакого следа в истории королевства. Ими были Мохияддин Фукени (март-декабрь 1963 г.), Махмуд аль-Мунтасер (январь 1963 — январь 1965 г.), Хусейн Мазик (до июня 1967 г.), Абд аль-Гадир аль-Бадрийя (июль-октябрь 1967 г.), Абд аль-Хамид аль-Бакуш (до сентября 1968 г.), Ванис аль-Каддафи (с октября 1967 до свержения режима в сентябре 1969 г.). За годы королевского правления сменилось десять премьеров, Идрис никому не давал оставаться у власти долго. Несколько раз переизбирался парламент, но и там, как правило, образовывалось некое «политическое болото», в котором частенько буксовала «машина» власти. Король постоянно сталкивался с проблемами своего окружения, погрязшего в коррупции, но ничего не мог поделать и с этим. В довершение всего король замахнулся (возможно, и по праву) на вскормленное им же сенуситское братство, в *завиях* которого имамы начали, как в былые времена, возрождать идеи ваххабизма. В их проповедях Идрис увидел угрозу для своего режима, и *завии* — главная опора трона — были разогнаны, что, естественно, вызвало недовольство. Война Израиля против арабов в 1967 г., во время которой Идрис попытался по привычке отсидеться в нейтралитете, стала для него роковой: король лишился главного — доверия народа. Дни режима были сочтены.

РЕСПУБЛИКА (1969-1977)

Последнего премьера королевского режима Ваниса аль-Каддафи сверг в ночь на 1 сентября 1969 г. (вместе с королем, находившимся на лечении в Турции) другой представитель племени *ауляд* Каддафа, 27-летний капитан по имени Муаммар, руководивший группой офицеров-заговорщиков. Правившая элита уступила власть без единого выстрела. Низложенный король пытался апеллировать к Западу и Востоку, но поддержки не получил. 79-летний монарх уже никому не был нужен. Отрекшись от трона, он уехал в Египет, где умер 25 мая 1983 г. в возрасте 93 лет. Отметим, что, будучи в изгнании, Идрис не принимал участия в антиливийских акциях, а в своих мемуарах воздержался от оценки происшедших после него перемен.

Заговорщики назвали свой переворот революцией. В качестве ее лозунгов они выбрали насеровские (по типу соседнего Египта) — свобода, социализм, единство. Но Муаммар Каддафи дал им свою интерпретацию. «Под свободой, — сказал он, — мы понимаем индивидуальную и национальную независимость, что исключает нищету, колониализм и присутствие иностранных войск. Под социализмом — исламский социализм. Под единством — объединение всех арабских народов». Муаммар Каддафи напрочь отверг постулаты как западной демократии, так и пролетарской диктатуры. Страна была объявлена Ливийской Арабской Республикой. Высшим государственным органом стал Совет революционного командования (СРК), предупредивший, что «любые действия старых лидеров против революции будут беспощадно подавляться». В состав исполнительного органа — правительства вошли гражданские лица, поддержавшие военных.

Новая власть, присвоившая М. Каддафи звание полковника через две недели после переворота, ввела довольно крутые порядки внутри страны и проявила неговорчивое упрямство на международной арене. Лондону и Вашингтону почти ультимативно было предложено в кратчайшие сроки ликвидировать военные базы и вывести из Ливии войска. К удивлению всего мира (то ли Запад считал заговорщиков «своими», то ли боялся за свои миллиарды, вложенные в нефтеприиски), Англия сделала это 28 марта 1970 г., США — 11 июня. Эти даты отмечаются в Ливии как национальные праздники. В течение последующих четырех лет были национализированы все нефтяные компании и прекращено действие всех соглашений о военном и экономическом сотрудничестве, заключенных западными странами с королевским режимом.

Каддафи, кроме двухлетней учебы в Бенгазийском военном колледже (1963–1965) и полугодовой подготовки в Англии, «никаких университетов» не заканчивавший, самостоятельно проштудировал философские труды западных и восточных революционных радикалов, в том числе русских М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, В.И. Ленина, французских Ж.-Ж. Руссо, Ж.П. Сартра и др., и решил лично заняться разработкой политической платформы своего режима. В 1970–1974 гг. в Ливии появились издания, в которых впервые теорегические взгляды М. Каддафи стали называться «третьей мировой теорией». Главной задачей было объявлено построение «подлинного социалистического общества на основе ислама», что, как утверждалось, станет «альтернативой капиталистическому материализму и коммунистическому атеизму».

М. Каддафи, возможно, предугадал такое развитие событий. Во второй половине 1970-х годов он опубликовал три части «Зеленой книги», где уточнил свое видение «народной власти». В качестве ее основы он предложил: в политике — народные конгрессы, в экономике — соучастие в труде вместо эксплуатации человека человеком, в социальной области — свободу личности как главный критерий человеческих взаимоотношений.

6 ноября 1976 г., во время 3-го конгресса Арабского социалистического союза (АСС), созданного в 1972 г. в качестве единственной политической партии, олицетворявшей республику (по типу АСС Египта), он был переименован во Всеобщий народный конгресс (ВНК). Это означало не только прекращение деятельно-

сти АСС, но и конец эры построения в Ливии насеровского социализма, на смену которому предлагался «исламский социализм» в каддафиевской упаковке.

ДЖАМАХИРИЯ КАК ЛИВИЙСКАЯ МОДЕЛЬ НАРОДОВЛАСТИЯ (1977–2000)

2 марта 1977 г. заседавшая в г. Себха чрезвычайная сессия ВНК приняла по предложению М. Каддафи «Манифест об учреждении народной власти». Ливия была провозглашена Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией («джамахирия» в переводе с арабского — «государство масс»), с шариатским законодательством и политическим строем, основанным на прямом народовластии, осуществляемом через народные конгрессы, народные комитеты, профсоюзы и Всеобщий народный конгресс.

Совет революционного командования и правительство распускались. Вместо них создавались Генеральный секретариат ВНК в составе М. Каддафи и четырех членов СРК и Высший народный комитет (ВНКОН), в который кооптировали бывших министров, ставших теперь секретарями отраслевых народных комитетов. Все посольства Ливии за рубежом преобразовывались в народные бюро. Армия из гаранта безопасности страны превращалась в учебный полигон для всеобщей военной подготовки населения, и этому «вооруженному народу» вменялась в обязанность защита Джамахирии.

Это была вторая (после 1969 г.) «перетряска» государственной системы, от которой могло бы не поздоровиться и ее инициаторам. И они, прагматично оценив ситуацию, начали создавать повсеместно революционные комитеты, в основном из молодежи, для которой М. Каддафи уже стал вождем революции, а не удачливым заговорщиком, каковым его считало старшее поколение. Ревкомы были объявлены «побудителями масс» и «контролерами революции». Они развернули беспрецедентную в истории Ливии деятельность, выкорчевывая «эксплуататоров и бюрократов» и других «предателей народа». В сентябре 1978 г. развернулась кампания по преобразованию государственных и частных фирм в «народные предприятия» с передачей средств производства и управления непосредственно в руки рабочих и служащих. Кампания проходила под лозунгом «партнеры, а не наемные работники», и только за один месяц под «контроль масс» перешло 320 государственных, смешанных и частных фирм.

В 1979 г. ливийский лидер пошел еще дальше. На внеочередной сессии ВНК он предложил переизбрать состав Генсекретариата, в который входили «исторические вожди революции», объявив, что он и его ближайшие сподвижники отказываются от всех постов с тем, чтобы решать «стратегические вопросы построения народной власти», не занимая никаких должностей.

Это был феноменальный прием, не имевший аналога в современной арабской истории. Формально пятерка вождей перестала участвовать в управлении государством. Фактически «революционное руководство» стало высшим политическим органом страны, вырабатывающим и определяющим внешнюю и внутрен-

ную политику Джамахирии и осуществляющим контроль за деятельностью ВНК и ВНКОМ. Каддафи стал именоваться «лидером ливийской революции», в руках которого сосредоточивалась вся полнота власти как над новыми структурами (революционным руководством и революционными комитетами), так и структурами, оставшимися от предыдущего периода (административно-управленческий аппарат и народные комитеты). В таком виде новая модель ливийского общества функционировала и развивалась до конца XX в., не претерпевая больше радикальных встрясок и ротаций.

Если первые десять лет (1969–1979) ушли на выкорчевывание монархизма и проведение «революционных преобразований в интересах народа», то 1980-е годы — годы «джамахиризации» страны — стали еще и периодом наивысшего расцвета леворадикалистских тенденций. На состоявшейся в январе 1980 г. очередной сессии ВНК было принято решение о полной ликвидации частной торговли, создании вместо нее системы общественных и кооперативных магазинов и об ослаблении зависимости нефтяной промышленности от иностранных (западных) специалистов. Через месяц 3-й съезд ревкомов принял вдобавок решение о развертывании кампании против коррупции внутри страны и о борьбе с зарубежной оппозицией. Только в первой половине 1980 г. было арестовано более двух тысяч человек, обвиненных во взяточничестве, что приостановило деловую активность по всей стране. Одновременно за рубежом были организованы покушения на наиболее видных ливийских эмигрантов, противников Каддафи, что вызвало возмущение на Западе.

И конечно, Каддафи продолжал внимательно следить за армией. Туда тоже были «инъектированы» ревкомы, ставшие политорганами, наминавшими советские. В течение 1980–1982 гг. в вооруженных силах была проведена чистка офицерского состава, в результате которой около десяти тыс. военнослужащих, в основном выходцев из имущих слоев, были уволены в запас. В 1977–1982 гг. Каддафи предпринимал энергичные меры по реорганизации армии. Он создал «войска отпора» для охраны правительственных объектов, а также военизированные отряды в населенных пунктах, сформировал «бригаду стражей» Джамахирии (наподобие стражей исламской революции в Иране) и др. Впрочем, армия так и осталась армией в классическом варианте, на которую Каддафи ежегодно тратил около двух млрд. долл., а лозунг о «вооружении всего народа», объявленный в 1977 г., так и не был осуществлен на практике. В 1970–1982 гг. Каддафи дополнительно расходовал от 70 до 100 млн. долл. ежегодно на поддержку примерно 40 террористических организаций по всему миру, чем окончательно испортил отношения с США и ведущими европейскими государствами. Последовал даже удар ВВС США по резиденции Каддафи в 1986 г., но это не только не привело к падению режима, а сплотило ливийцев вокруг своего лидера.

Случилось другое, чего ожидали, но не так быстро. Дело в том, что у Каддафи все шло хорошо потому, что в 1970–1981 гг. валовой национальный продукт (ВНП) благодаря увеличивавшейся продаже нефти непрерывно рос — с 9625 млн. долл. в 1970 г. до 18 080 млн. долл. в 1981 г. Это было для четырехмиллионного населения манной небесной. В условиях «народной революции»,

объявившей вне закона эксплуатацию человека человеком, никто не хотел ни трудиться на выстроенных «под ключ» фабриках, ни выполнять пятилетние планы, ни даже подметать улицы городов, включая Триполи. Все и вся закупалось за рубежом и распределялось по исламской справедливости на едоков. И Ливия, победуински не осознавая нефтедолларовых перемен, очень быстро превратилась в государство-«крантье», на что правильно указали британские исследователи С. Биркс и К. Синглер в 1984 г.

Буря грянула в 1982 г., когда цены на нефть резко покатились вниз. Опустели прилавки. Уехали последние иностранные специалисты. Против Ливии ощетинились и Запад, и Восток. Заморозив с 1982 г. ввод в строй 350 объектов, ливийское руководство не сумело главного — остановить или хотя бы притормозить ухудшение экономического положения страны, которая продолжала закупать и продовольствие (на 1,5 млрд. долл. ежегодно), и промтовары (на ту же сумму), и все остальное. Каддафи объявил о проведении политики опоры на собственные силы, разделил почти в приказном порядке все населенные пункты и города на «джамахирийские кварталы», где население должно было само добывать или производить продукты и предметы первой необходимости. Ничего, конечно, из этого не получилось. В результате государственный сектор, монополизировавший средства производства и распределения, только за пять лет вапютного голода (1982–1987) воочию продемонстрировал свои ограниченные возможности. На примере Ливии со всей очевидностью обнаружилась принципиальная невозможность эффективно строить не только социализм каддафиевского типа, но и государственный капитализм, монопольное положение которого в экономике стало главной причиной упадка. И произошло то, что и должно было произойти. — либерализация. В 1987 г. Каддафи объявил о «джамахирийской перестройке» и «капитализации социализма». Права частного и других секторов экономики были уравнены с госсектором, упразднены все государственные импортно-экспортные компании, деятельность «необузданных ревкомов» была взята под контроль специального секретариата, из тюрем выпустили всех заключенных, кроме «политических» и «шпионов». Эта, на сей раз «бархатная», революция не принесла, однако, «потепления» в отношениях Джамахирии с Западом, и особенно с США.

Антиливийский синдром, наблюдавшийся у Вашингтона и его союзников в 1970–1980-х годах, в 1990-х продолжал прогрессировать, и теперь на борьбу против режима М. Каддафи они стали все настойчивее привлекать ООН. Поводов было предостаточно, но один стал самым подходящим. В декабре 1988 г., когда над городом Локерби в Шотландии взорвался самолет авиакомпании «Пан-Америкэн», в результате чего погибли 270 человек, два гражданина Ливии оказались причастными к свершившемуся. Каддафи отказался выдать их правосудию, и тогда по отношению к Джамахирии были приняты жесточайшие санкции, «узаконенные» в марте 1992 г. резолюцией № 731 Совета Безопасности ООН. Ливии запретили импортировать оружие и запчасти к ранее ввезенной технике, с ней прекратилось воздушное сообщение, из страны были отозваны все иностранные

военные специалисты. В ноябре 1993 г. были вдобавок заблокированы ливийские счета в западных банках.

Санкции коснулись не только Ливии, но и России, получавшей за поставки в Ливию боевой техники 1 млрд. долл. ежегодно. В результате от санкций ООН Джамахирия теряла 2 млрд. долл. в год, Россия же — в два раза больше. В период 1970–1990 гг. СССР получил за свою военную помощь Ливии 20 млрд. долл., демократическая же Россия в 1990–2000 гг. потеряла (из-за поддержки антиливийских санкций) те же 20 млрд. долл. И несмотря на это, Москва делала оптимистическую мину при плохой дипломатической игре, ни разу даже не воздержавшись при голосовании в ООН за принятие антиливийских резолюций. Совет Безопасности приостановил действие санкций только в 1999 г., когда двух ливийцев, обвиненных по «делу Локерби», Джамахирия все-таки выдала Международному трибуналу. Тем не менее США, настоявшие на выплате компенсации семьям пострадавших, вплоть до начала XXI в. так ничего и не простили Джамахирии, как и не скрывали неприязни к полковнику М. Каддафи.

Ливия, пережив десятилетнюю блокаду, начала постепенно приходить в себя. Стали бурно развиваться частный и смешанный секторы экономики, в деятельности которых появились рыночные черты. Джамахирия восстановила былые связи с Европой, прекратила разбазаривать деньги на поддержку террористических организаций, закрыла на своей территории лагеря «исламских боевиков». Появился достаток в семьях и обилие местных и иностранных товаров на прилавках магазинов...

Муаммара Каддафи, которому в 2002 г. исполнилось 60 лет, по-прежнему чтят в стране как мыслителя и писателя, называя путеводной звездой Великой Джамахирии. В 1995 г. он дебютировал со своей первой книжкой рассказов «Деревня, деревня, земля, земля и самоубийство астронавта», в которых воспел прелести деревенской жизни. В 1997 г. в своей книге «Да здравствует государство угнетенных!» Каддафи сделал вывод, что «коммунизм не умер потому, что он еще не родился». Зато полковник констатировал закат капиталистической эры и приближение эры джамахиризации всего мира.

В 1998 г. в Монреале вышел еще один сборник эссе М. Каддафи «Бегство в ад и другие рассказы», в которых, по отзыву американского журналиста П. Сэлинджера, отразилась «весьма специфическая точка зрения и своеобразное мировоззрение» состоявшегося бедуина. В частности, в памфлете «Без пятничной молитвы» Каддафи дал довольно объективную оценку экстремистских исламистских организаций, назвав их членов «реакционерами, агентами, развратниками и лицемерами, стремящимися подменить ислам исламизмом». Ливийцы, а их число к концу XX в. превысило шесть млн. человек, так и не смирились с политической и экономической резервацией, которую отвел им Запад. Гордые и непреклонные, они не отказались от намерения войти на равных с парадного входа в «цивилизованный мир», но войти со своими традициями и обычаями, составляющими своеобразный ливийский менталитет.

Глава 8

СУДАН

В годы Второй мировой войны Судан превратился в один из объектов соперничества между странами антигитлеровской коалиции и державами «оси Берлин–Рим». Во время войны он стал также одной из важнейших военных баз Великобритании в Африке. Суданские воинские части участвовали в боевых действиях в Эритрее, Египте, Ливии, Тунисе. В стране были созданы новые промышленные предприятия по производству боеприпасов, военного снаряжения, переработке сельскохозяйственного сырья. Социально-экономическое положение трудящихся значительно ухудшилось. Уровень реальных доходов населения по сравнению с 1935 г. снизился, цены на товары первой необходимости росли, а заработная плата не повышалась. В стране начались акции протеста, произошли забастовки.

К концу войны в Судане возникло более десяти политических партий, часть из которых вскоре перестала существовать, а оставшиеся сгруппировались в два блока — «сепаратисты» (партия «аль-Умма», Партия националистов и Республиканская партия) и «юнионисты» (партия «аль-Ашикка», Партия юнионистов, партия «Единства долины Нила» и Партия либералов-юнионистов). Во время Второй мировой войны в среде союзов студентов и объединений рабочих начали создаваться кружки по изучению марксизма-ленинизма. В августе 1945 г. в Омдурмане была образована Коммунистическая партия Судана, но до 1955 г. она действовала под названием «Суданское движение за национальное освобождение». На этом этапе суданские коммунисты выступали за проведение аграрной реформы, за повышение жизненного уровня трудящихся. На выборах в Конгресс в 1945 г. убедительную победу одержала Националистическая партия (впоследствии примкнула к «аль-Умме»). Несмотря на то что «националисты» считались партией умеренных, особенно тесно они сотрудничали с организациями, добивавшимися независимости Судана. Позднее, в 1946 г., эта партия выступила против англо-египетского соглашения Сидки-Бевина. Определенное покровительство суданским партиям оказывали два основных суфийских братства — аль-хатмийя и аль-ансарийя. Кроме того, в Судане существовало около 20 *тарикатов*, некоторые из них — аль-хиндийя, аль-шазилийя, аль-исманлийя и др. пытались время от времени участвовать в политической жизни, однако по тем или иным причинам не сумели достичь каких-либо успехов на этом поприще и предпочитали либо блокироваться с аль-ансарийей или аль-хатмийей, либо занять нейтральную позицию.

К этому времени относится также формирование в Судане политических сил, действующих на основе идеологии исламского фундаментализма или мусуль-

манского реформизма. Модернистские идеи начали оказывать влияние на развитие исламской религии в Судане главным образом через университет аль-Азхар в Каире. Реформистским тенденциям в суданском исламе противостояла фундаменталистская. Ее носителями создавались новые исламские ассоциации, проповедовавшие «возрождение» ислама и очищение его от новшеств современности. Значительное влияние на формирование исламской фундаменталистской идеологии в Судане оказывали египетские сторонники возрождения ислама. Идейные и организационные позиции египетских «Братьев-мусульман» во многом послужили предпосылками для последующего выдвижения исламских фундаменталистов на одну из ведущих ролей в суданской политической жизни.

Ослабление позиций Англии в этом регионе после Второй мировой войны позволило египетскому правительству вновь выступить за отмену соглашения 1936 г., подписанного под давлением Великобритании. Выступая за его пересмотр, египетские правые круги отстаивали идею объединения Судана с Египтом. Во время начавшихся в марте 1946 г. англо-египетских переговоров англичане предприняли попытку оказать влияние на позицию египетской стороны. Начало англо-египетских переговоров встревожило практически все политические группировки Судана. После состоявшегося 21 марта 1946 г. в Хартуме совещания всех политических партий Судана была выработана совместная декларация, которая содержала следующие требования: образование независимого суданского демократического государства; создание объединенного комитета для подготовки предложений о передаче управления страной в руки суданцев; гарантия свободы печати, собраний, передвижения и торговли во всех районах страны; эвакуация из страны всех иностранных войск.

Однако по прибытии в Каир суданская делегация не была допущена к участию в переговорах даже в качестве наблюдателя. Это объяснялось тем, что требование образования независимого демократического суданского государства не входило в планы правительства Сидки-паши, продолжавшего курс на объединение Судана с Египтом под эгидой короля Фарука.

Англичанам удалось внести раскол в суданское национально-освободительное движение. Они сумели предотвратить возможную коалицию суданских политических партий и ослабить позиции египетской стороны, получившей сильную оппозицию в Судане в лице сторонников самоопределения, которые убедились в экспансионистских устремлениях египетского правительства. Последовавшие затем попытки решения суданского вопроса на основе известного соглашения Сидки Бевина 1946 г., а также обсуждение этого вопроса в 1947 г. в ООН не принесли ожидаемых результатов. Тем не менее эти попытки способствовали вовлечению суданских политических партий и организаций в переговорный процесс.

После Второй мировой войны английская администрация провела в Судане «конституционную реформу», суть которой сводилась ко все большей «суданизации» органов управления. Назначенный в апреле 1947 г. новый генерал-губернатор Судана сэр Роберт Хау поручил правительству (т.е. английской администрации) выработать проект конституции Судана. Египетское правительство заняло

резко отрицательную позицию в отношении этого проекта. Он также вызвал протест со стороны ряда политических партий и организаций Судана («аль-Ашикка», «Конгресс выпускников» и др.), выступавших главным образом под лозунгом «единства долины Нила», т.е. тех политических сил, которые поддерживал Египет. Несмотря на это, правительство Великобритании в одностороннем порядке утвердило проект конституции, которая 19 июня 1948 г. вступила в силу. 13 ноября этого же года были проведены выборы в Законодательное собрание. В его состав были избраны главным образом вожди племен, крупные землевладельцы, высшие чины колониальной администрации (т.е. представители тех социальных слоев общества, через которые Англия проводила свою политику).

Политические партии Судана продолжали борьбу за предоставление Судану независимости. 13 декабря 1950 г. депутаты от партии «аль-Умма» внесли в Законодательное собрание проект резолюции о предоставлении Судану полного самоуправления к 1952 г. Проект резолюции был отклонен, но англичане активизировали деятельность по разработке новой конституции. В свою очередь, египетское правительство в июле 1951 г. опубликовало меморандум, в котором говорилось, что вопрос об эвакуации английских войск неотделим от вопроса о единстве Судана и Египта и они должны быть решены одновременно. 15 октября 1951 г. египетский парламент утвердил законопроект о расторжении Египтом англо-египетского соглашения 1936 г. и конвенции 1899 г. Законопроект был утвержден королем и вступил в силу. Этот акт египетских правительственных кругов провозгласил государственное объединение Судана и Египта без учета мнения самих суданцев и преследовал интересы Египта. Однако подобные декларации египетского правительства ничего не меняли в положении Судана, поскольку там оставались генерал-губернатор и английские войска. Подъем национально-освободительной борьбы в Египте и обострение политической обстановки в Судане вынудили правительство Великобритании искать соглашения с египтянами. Отношения Англии и Египта ухудшились.

23 июля 1952 г. в Египте под руководством организации «Свободные офицеры» произошла революция. К власти пришло правительство во главе с Мухаммедом Нагибом. Отказавшись от скомпрометировавшего себя лозунга «Объединение Судана с Египтом под эгидой короля Фарука», новое правительство перешло к более гибкой тактике. Оно предложило суданцам самим решать, объединиться ли им с Египтом или стать самостоятельным независимым государством. При этом был сделан расчет на те группировки в Судане, которые традиционно придерживались ориентации на единство Судана и Египта. Вскоре после этого, в ноябре 1952 г., египетское руководство направило правительству Великобритании ноту по суданскому вопросу.

12 февраля 1953 г. было заключено англо-египетское соглашение о Судане, по которому суданскому народу предоставлялось право высказаться о своей судьбе в свободной, нейтральной обстановке. Для этого в Судане установили переходный период в три года. Следует отметить, что на заключение данного соглашения определенное влияние оказал нажим на Англию со стороны США. Быстрое разрешение англо-египетских разногласий было в интересах американцев, кото-

рые стремились вовлечь Египет в сферу своего влияния, а участие в решении суданского вопроса в качестве посредников усиливало их позиции в этом важном в стратегическом отношении районе Африки.

После заключения соглашения англичане сосредоточили основные усилия на разжигании сепаратистских настроений на юге Судана. Такие настроения ряда племен Южного Судана играли на руку англичанам, стремившимся отделить юг Судана и установить над ним свой контроль. В результате в начале 1953 г. в Южном Судане начались беспорядки под лозунгом отделения Юга и создания автономии. События на юге Судана сильно подорвали авторитет Англии в глазах египтян.

В ноябре 1953 г. состоялись первые выборы в парламент Судана. Большинство мандатов получила Национал-юнионистская партия (НЮП), и ее председатель Исмаил аль-Азхари стал премьер-министром.

Важным фактором, способствовавшим отмене англо-египетского condominiuma в Судане, явилась постепенная консолидация основных политических сил в стране. В 1955 г. был создан Объединенный фронт независимости, в состав которого вошли партия «аль-Умма», Социалистическая республиканская партия, Партия республиканской независимости, Союз студентов Хартумского университета и др. Фронт опубликовал Национальную хартию, в которой содержались требования эвакуации иностранных войск из Судана до 1 августа 1955 г., провозглашения независимости Судана, принятия демократической конституции, проведения независимой антиимпериалистической внешней политики, установления сотрудничества с Египтом, решения демократическим путем проблемы Юга. В поддержку этих требований Объединенный фронт провел демонстрации в столице и других городах. Чрезвычайная сессия суданского парламента единодушно приняла 16 августа 1955 г. резолюцию с требованием предоставления полной независимости Судану и незамедлительной эвакуации всех иностранных войск. На фоне развернувшейся политической борьбы за власть в переходный период активизировалась пропагандистская и организационная деятельность суданских исламистов.

В создавшихся условиях соперничество между Англией и Египтом за влияние в Судане стало принимать новые формы. Великобритания стремилась сохранить в Судане существующее соотношение политических сил, при котором большинством в парламенте располагала НЮП, считая, что она обеспечит осуществление английских интересов. Египет также развернул активную деятельность в Судане, мобилизуя оппозицию выступить против английского влияния.

На совещании оппозиционных партий («аль-Умма», Социалистическая республиканская партия и др.) было решено, что в качестве условия поддержки предложения правительства о том, чтобы нынешний парламент определил судьбу страны, оппозиция выдвигает требование формирования национального правительства, в котором ни одна из партий не имела бы абсолютного большинства, а также отставки английского генерал-губернатора и передачи его полномочий специальному «Совету опеки» в составе трех или пяти суданцев. Развернулась борьба за создание национального правительства с участием всех партий. Нака-

нуне решающих схваток за власть происходила активная организационная работа суданских исламистов. По инициативе «Братьев-мусульман» и «Группы исламской миссии и реформы» в декабре 1955 г. в Омдурмане состоялась конференция мусульманских ассоциаций. На ней обсуждался вопрос о том, насколько предложенный инициаторами конференции проект исламской конституции соответствует воле мусульманского населения страны, а также положениям Корана и сунны.

В ноябре 1955 г. завершилась эвакуация британских войск из Судана. В декабре английский генерал-губернатор подал в отставку. 19 декабря 1955 г. суданский парламент принял резолюцию, в которой говорилось, что полная независимость Судана стала свершившимся фактом и необходимо избрать Учредительное собрание для разработки и принятия конституции страны. В ночь с 31 декабря 1955 на 1 января 1956 г. обе палаты суданского парламента одобрили временную конституцию, провозгласившую Судан унитарной демократической республикой. Премьер-министр Исмаил аль-Азхари провозгласил образование Республики Судан.

Главной задачей после достижения Суданом независимости явилось экономическое развитие страны. Была проведена национализация ряда предприятий обрабатывающей промышленности, ирригационных систем, железных дорог. Получив в свои руки собственность колониальной администрации, государство приобрело командные позиции не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности и на транспорте.

При участии английских специалистов в 1956 г. был разработан пятилетний план социально-экономического развития (1956–1961), во многом ориентированный на привлечение частного иностранного капитала в различные отрасли национальной промышленности путем предоставления льгот зарубежным инвесторам.

В 1956 г. Судан стал членом МБРР и МВФ, а в следующем году суданское правительство сделало важный шаг в направлении стабилизации финансовой системы — в обращение был введен суданский фунт, приравненный к находившемуся ранее в обращении египетскому фунту. Однако, несмотря на все предпринимавшиеся правительством меры и заявления, внутренняя нестабильность в регионе удерживала иностранных предпринимателей от вложения своих капиталов в экономику Судана. Правительство не получило также обещанных внешних государственных займов и кредитов от западных стран.

Не лучшим обстояло дело и с внутренними источниками финансирования. Накопления в форме наличных денег, предназначенные для вкладов в сберегательные учреждения, оставались крайне незначительными. Возможности накопления для частных лиц были, как правило, ограничены низким уровнем доходов и высокими расходами на потребление. В этих условиях основными источниками пополнения государственного бюджета стали прямые и косвенные налоги.

В сфере экономики правительство продолжило начатую колониальной администрацией модернизацию сельскохозяйственного производства, главным элементом которой было осуществление проекта «Манакиль», предусматривавшего

создание в районе эль-Гезира новых орошаемых плантаций хлопка на площади 800 тыс. федданов. Правительство поощряло и частное хлопководство, предоставив предпринимателям (преимущественно сторонникам «аль-Уммы») большие участки земли и воду для орошения на льготных условиях. В результате в 1958 г. в долине Нила насчитывалось уже 847 крупных частных плантаций общей площадью 1,5 млн. федданов и 2600 насосных установок.

Однако Судан смог реализовать лишь 50% запасов хлопка урожая 1956 и 1957 гг. из-за неблагоприятной конъюнктуры на мировых рынках. Выручка от реализации хлопка сократилась с 42 млн. суд. ф. в 1956 г. до 22 млн. в 1958 г. Экономическое положение страны ухудшилось: торговый дефицит составил 14 млн. суд. ф.; валютные резервы страны сократились с 53 млн. суд. ф. до 5,3 млн.

21 октября 1958 г. по призыву Антиимпериалистического фронта, Федерации рабочих профсоюзов Судана (ФРПС) и Суданской коммунистической партии (СКП) была проведена всеобщая забастовка рабочих, в которой приняли участие 42 из 46 отраслевых профсоюзов. Ее поддержала часть крестьян-арендаторов, ремесленников, торговцев, студентов. В Хартуме, Омдурмане и других городах прошли демонстрации. Их участники требовали прекращения вмешательства США и Великобритании во внутренние дела страны, удаления иностранных чиновников из госаппарата, отказа от соглашения об американской помощи, признания ФРПС, повышения зарплаты, пересмотра трудового законодательства 1948 г. и принятия демократической конституции. Власти применили репрессии к участникам забастовок и демонстраций. Парламентская система переживала глубочайший кризис.

В этой обстановке главнокомандующий суданской армией генерал-майор Ибрагим Аббуд ввел войска в Хартум и другие города, а 19 ноября 1958 г. были сформированы новый высший орган власти — Верховный совет вооруженных сил (ВСВС) и новый кабинет министров.

По мере сосредоточения законодательной и исполнительной власти в руках ВСВС режим ужесточал борьбу против партий, профсоюзов и общественных организаций. Существующие политические партии были запрещены. Руководители профсоюзов и коммунисты подверглись преследованиям.

В 1959 г. Судан заключил торговые соглашения с рядом социалистических стран — Болгарией, Венгрией, Румынией и др. 16 марта 1959 г. было заключено первое торговое соглашение между СССР и Суданом, а в июле 1961 г. состоялся визит суданской правительственной делегации, возглавляемой Аббудом, в Москву. Были достигнуты договоренности об оказании экономического и технического содействия в строительстве в Судане ряда промышленных предприятий, а также в подготовке кадров. Во время визита в Судан советской правительственной делегации в ноябре 1961 г. было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Республикой Судан.

Одновременно в рамках проведения политики «открытых дверей» режим Аббуда пошел на расширение сотрудничества со странами Запада, прежде всего с США. Крупные проекты, осуществляемые правительством Аббуда, финансиру-

вались в основном кредитами и займами МБРР, США и частично банками Англии и ФРГ.

Иностранные займы привели к резкому увеличению внешнего долга, который в 1964 г. превысил в 26 раз размер долга 1956 г. Следует сказать, что в период правления военная помощь, полученная Суданом от МВФ, направлялась главным образом на развитие инфраструктуры и на увеличение сельскохозяйственного производства. Так, 45% займов предназначалось на дорожное строительство и лишь 4% — на развитие промышленности.

Поощряя приток иностранных инвестиций, новое правительство стремилось создать благоприятные условия и для развития национального частного капитала. В 1960 г. объем ВВП возрос до 352,4 млн. суд. ф. по сравнению с 284,2 млн. в 1956 г. Правительство приняло ряд мер по укреплению национальной финансовой системы, были открыты национальные банки, в том числе Центральный банк Судана.

Одновременно в целях экономии средств правительство снизило бюджетные ассигнования на заработную плату рабочих и служащих, удлинит рабочий день, отменило закон о труде, запретило забастовки. Была сокращена доля крестьян-арендаторов в доходах от реализации производимой ими продукции с 50 до 40%. План развития на 1961/62–1970/71 гг., разработанный при участии американских экспертов, был ориентирован в основном на сохранение монокультурности сельского хозяйства и традиционных торгово-экономических связей.

В 1964 г. был полностью завершен проект «Манакиль» в эль-Гезире: введены в оборот около 800 тыс. федданов земель, орошаемых из Сеннарского водохранилища. На этих землях поселили 50 тыс. крестьянских семей, каждая из которых получила в аренду 15 федданов земли. Другими важнейшими проектами десятилетия стали сооружение гидротехнического комплекса около г. Эр-Росейрес на Голубом Ниле, а также строительство плотины на р. Атбар.

Социально-экономическое положение на Юге, несмотря на меры правительства, направленные на подавление сепаратистского движения, было крайне сложным. Правительство Аббуда объявило в этой части страны чрезвычайное положение, войска жестоко расправлялись с вооруженными отрядами сепаратистов. В соседних странах возникло много оппозиционных правительству Судана южносуданских организаций. Одна из них — Судано-африканский национальный союз (САНУ) отстаивала идею отделения трех южных провинций и объединения их в федерацию, которая должна иметь собственный госаппарат, армию, самостоятельно проводить внешнюю политику.

Военное руководство совершило ошибку, устранившись от политического решения южносуданской проблемы. В ответ на политику вооруженного подавления сепаратизма, которую проводил военный режим на юге Судана, в 1963 г. возникла военизированная организация «Анья-Нья» («Жало змеи»), которая состояла из военных, принимавших участие в событиях августа 1955 г. Ее лидер Джозеф Лагу выступил за силовое решение проблемы Юга. В поддержку «Анья-Нья» руководство САНУ стало рассылать петиции в ООН и Организацию афри-

канского единства. Постоянный вооруженный конфликт между Севером и Югом стал приобретать характер полномасштабной войны.

Социальная база режима формировалась главным образом за счет высокооплачиваемой военной и бюрократической прослойки, части феодальной знати, крупных местных подрядчиков и предпринимателей, сотрудничавших с иностранными компаниями. Со временем экономическая политика военных стала вызывать недовольство национальных промышленников, торговцев, ремесленников. Их не устраивала конкуренция со стороны иностранных товаров, снижение покупательной способности населения как следствие ухудшения его жизненного уровня.

В стране нарастала волна антиправительственных выступлений. Объявили забастовку рабочие железных дорог, их поддержали представители интеллигенции, студенты, крестьяне-арендаторы и СКП. В армии неоднократно пытались поднять антиправительственные мятежи. В стране нарастал политический кризис, возникший из-за неспособности режима Аббуда решить социально-экономические проблемы страны, прекратить гражданскую войну на Юге, искоренить коррупцию.

Все это привело к свержению военной диктатуры в октябре 1964 г. В стране было сформировано гражданское переходное правительство из представителей основных политических сил страны. Новое руководство предприняло ряд важных шагов по восстановлению демократии. Правительство объявило о легализации всех политических партий. Оно создало комиссию по разработке плана проведения аграрной реформы, приняло меры по некоторому повышению жизненного уровня населения и решению проблемы безработицы.

В стране тем временем продолжала разгораться внутрипартийная борьба. Представители правых сил — партии НЮП, «аль-Умма» и «Братья-мусульмане» вышли из Объединенного национального фронта. Этот триумvirат стал ядром сформировавшегося Объединенного националистического фронта. Со своей стороны, СКП, Народно-демократическая партия (НДП), ФРПС, союзы крестьян и молодежи объединились в Социалистический демократический блок. Его программа включала требования развития национальной экономики при активном участии трудящихся и сотрудничестве с социалистическими странами, продолжения антиимпериалистической политики.

Повстанческое движение на Юге расширялось, несмотря на распоряжение премьер-министра Хатема аль-Халифа о приостановлении наступательных операций. Используя рост сепаратистского движения на Юге, лидеры «аль-Уммы» и НЮП усилили критику премьер-министра и его кабинета. В феврале 1965 г. Объединенный националистический фронт в своем обращении к правительству выдвинул требование скорейшего проведения в стране выборов в Учредительное собрание. 12 февраля 1965 г. премьер-министр собрал лидеров всех политических партий для обсуждения положения в стране. 22 февраля Х. аль-Халифа сформировал второе переходное правительство.

Резко осложнившаяся ситуация на Юге не позволила провести выборы в Учредительное собрание. Пользуясь широкой поддержкой из-за рубежа, южносу-

данские партии — САНУ, Южный фронт и др., выступавшие против унитарной системы, пошли на срыв выборов.

Третьи за всю историю Судана парламентские выборы были проведены в конце апреля — начале мая только в шести северных и центральных провинциях страны. Большинство депутатских мандатов получила «аль-Умма». 14 июля 1965 г. было сформировано правительство, которое возглавил один из ведущих деятелей «аль-Уммы» Ахмед Махджуб. Правительство Махджуба продолжало политику решения проблемы Юга военным путем. Во второй половине 1960-х годов свыше 170 тыс. черных африканцев (большинство язычников, но были и христиане) бежали от арабских мусульман в Уганду, Конго, Эфиопию. Суданские левые активно использовали создававшуюся ситуацию для критики правительства.

Накануне выборов в Учредительное собрание суданским партиям потребовалось обновление лозунгов и программ. Особенной популярностью в этот период у суданских политиков пользовалась социалистическая идеология. Социализм связывался у различных слоев суданского общества — части интеллигенции, рабочих, крестьян-арендаторов, студентов — прежде всего с возросшим после Второй мировой войны влиянием Советского Союза. Социалистические идеи вдохновляли интеллигенцию и некоторых общественно-политических деятелей на поиск путей социально-экономической модернизации. Идеи построения социализма стали встречаться в программных документах многих суданских партий. Так, например, представители молодого эшелона руководства «аль-Уммы», возглавляемого ас-Садыком аль-Махди (так называемые младоуммовцы), провозгласили себя сторонниками «исламского социализма».

В обществе стали распространяться также идеи исламского фундаментализма как альтернатива проникновению коммунистической идеологии. Играя на религиозных чувствах населения, «Братья-мусульмане» организовали беспорядки с антикоммунистическими лозунгами. Председатель «аль-Уммы» потребовал объявить коммунистов вне закона. 8 декабря 1965 г. Учредительное собрание большинством голосов приняло закон «О запрещении публичной коммунистической и атеистической деятельности».

Сформированное в августе 1966 г. правительство, в котором большинство принадлежало «младоуммовцам», в своей внешней политике стало ориентироваться на консервативные монархии — Саудовскую Аравию и Иорданию. Были заморожены экономические связи с Советским Союзом и странами Восточной Европы, в то же время активно развивалось экономическое сотрудничество с США, Великобританией, ФРГ, Японией. Внешняя политика ас-Садыка аль-Махди все больше определялась заинтересованностью в получении иностранной помощи. В 1966 г. МВФ выделил Судану стабилизационный кредит в размере 28,5 млн. долл.

Напряженная обстановка в районе Ближнего Востока в связи с агрессией Израиля не способствовала росту иностранных инвестиций в экономику. Разрыв дипломатических отношений с Англией, США, ФРГ повлек за собой прекращение их экономической и технической помощи Судану. В связи с израильской агрессией, последствиями закрытия Суэцкого канала и повышением тарифов на

транспортировку грузов вокруг Африки, а также сокращением экспорта суданского хлопка экономическое положение еще более ухудшилось.

Накануне парламентских выборов стало очевидно, что и новое правительство А. Махджуба не в состоянии решить стоящий перед страной комплекс политических и экономических проблем.

Экономическое положение продолжало ухудшаться. Значительная часть иностранных займов не использовалась в интересах экономического и социального развития, а присваивалась правительственной бюрократической верхушкой. К 1967 г. в стране насчитывалось 100 тыс. безработных. Стоимость жизни с 1964 по 1969 г. возросла на 20%. Большинство жителей Судана, особенно в отдаленных провинциях, было лишено элементарного медицинского обслуживания, страдало от голода и болезней, оставалось неграмотным. В стране назревал социальный взрыв, и единственной силой в суданском обществе, которая могла предотвратить катастрофу, снова стала армия.

В ночь с 24 на 25 мая 1969 г. группа офицеров-членов организации «Свободные офицеры» под руководством Джафара Нимейри взяла власть в свои руки. Декретом № 1 нового высшего органа государственной власти — Совета руководства революцией (СРР) страна получила официальное название Демократическая Республика Судан.

На первом этапе своей деятельности, следуя по «некапиталистическому пути развития», в сфере экономики правительство ДРС взяло курс на мобилизацию внутренних ресурсов и сотрудничество преимущественно с социалистическими государствами и странами социалистической ориентации. С помощью советских специалистов был разработан пятилетний план развития на 1970–1975 гг. Более половины капиталовложений предназначалось на развитие госсектора. В конце 1960-х — середине 1970-х годов правительство приступило к решению главных задач — вытеснению иностранного частного капитала и укреплению госсектора в экономике. Были национализированы 40 крупных (по суданским масштабам) предприятий, принадлежавших частному суданскому или иностранному капиталу, установлена государственная монополия на импорт некоторых товаров и услуг. Были приняты меры для улучшения положения работающего населения, аннулирована задолженность банку крестьян-арендаторов эль-Гезиры и Гаша на общую сумму 5,8 млн. суд. ф. и повышена с 42 до 50% их доля в доходах от хлопка, снижены налоги с зарплаты государственных рабочих и служащих и увеличен налог с доходов предпринимателей. Среди принципов, положенных в основу аграрной политики, важное место отводилось кооперированию крестьян и арендаторов. К 1969 г. в стране существовало около 500 механизированных хозяйств на площади в 1,8 млн. федланов земли.

Захваченные врасплох событиями 25 мая 1969 г., правые силы не сумели сразу же организовать эффективное сопротивление. Первыми против нового режима активно стали выступать «Братья-мусульмане», представляя его общественному мнению как коммунистический. При этом они пошли на сотрудничество с другими оппозиционерами, в том числе и со своими идейными противниками — лидерами дервишских орденов — аль-ансарийя и аль-хатмийя. Оппозиционные си-

лы организовали в марте 1970 г. вооруженный мятеж на о-ве Аба, который был подавлен правительственными войсками.

Успешное подавление выступления правой оппозиции позволило Нимейри предпринять шаги по решению проблемы юга Судана (предоставление Югу региональной автономии, разработка пятилетнего плана развития Юга и т. д.).

В процессе выработки новой экономической политики правительство Нимейри учитывало изменения в социальном составе суданской элиты. В результате подавления антиправительственного мятежа на о-ве Аба, последовавших репрессий и экспроприации имущества крупных землевладельцев и буржуазии (преимущественно торговой) экономические позиции «старой» буржуазии и феодалов оказались подорванными. В стране стал быстро расти слой «новой» буржуазии, главным образом из числа мелкобуржуазных элементов, примкнувших к сторонникам Нимейри. Они использовали госсектор для своего обогащения. Это обстоятельство наряду с другими факторами повлияло на изменение экономической политики правительства.

В феврале 1971 г. Нимейри провозгласил новую экономическую программу, основным содержанием которой стало создание благоприятного климата для деятельности частных национальных компаний и привлечение иностранного капитала, усиление роли частного сектора в экономике и устранение препятствий на пути частных инвестиций.

Между тем в руководстве СРР возникли разногласия, и 19 июля 1971 г. группа офицеров под руководством майора Хашима аль-Ата совершила государственный переворот. Новое руководство высказалось за проведение курса на некапиталистическое развитие, укрепление сотрудничества с СССР и восточноевропейскими странами. Оно аннулировало антидемократические законы, принятые прежними властями. Однако руководители «Движения 19 июля» не смогли закрепить свою победу, не обеспечили изоляцию Нимейри и его приверженцев в армии. В результате Нимейри удалось восстановить свою власть и жестоко расправиться со своими противниками.

Нимейри попытался провести реформирование политической системы. Принятая в апреле 1973 г. новая конституция провозгласила Судан «демократическим социалистическим государством». По своему государственному устройству ДРС объявлялась унитарным государством, в котором южным районам предоставлялся статус региональной автономии. Однако по заявлению руководства СКП, пострадавшей от репрессий со стороны нового режима, «страна перешла на капиталистический путь развития, главной чертой политической жизни в стране стала абсолютная власть президента». В 1972 г. в стране начался процесс денационализации. Под предлогом «исправления ошибок революции» конфискованные предприятия и иная собственность были возвращены прежним владельцам.

В этот период, как и прежде, сельское хозяйство продолжало оставаться ведущей отраслью, его доля в ВВП достигала 38%. Основной упор делался на развитие хлопководства. Началось осуществление грандиозных проектов в госсекторе — строительство оросительных систем Рахад и на р. Атбаре, канала Джонглей–Манакиль в Южном Судане. Реализация подобных проектов могла быть

осуществлена только на основе экономического сотрудничества с развитыми странами. В январе 1973 г. было возобновлено советско-суданское сотрудничество в области экономики, заключено соглашение с Китаем об экономической помощи и поставках вооружения. Возросшие потребности Судана в финансах, новых технологиях и видах оружия побудили Нимейри обратиться и к странам Запада. Судан восстановил сотрудничество с ФРГ, Англией, США. Во время арабо-израильской войны 1973 г. возобновились судано-египетские, а в 1974 г. судано-саудовские отношения.

Тем временем в стране активизировались выступления против режима военных со стороны как левых, так и правых сил. Неспособность Нимейри стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране вынудила его во второй половине 1970-х годов перейти к ориентации на США и их союзников по НАТО, а также на аравийские монархии. Был разработан проект, рассчитанный на 1976–2000 гг., по превращению Судана в житницу арабского мира, используя нефтедоллары арабских стран-экспортеров нефти, западные технологии и богатейшие природные ресурсы Судана. Инвестиции определялись в 6 млрд. долл.

В феврале 1977 г. был разработан шестилетний план развития на 1977–1983 гг. Основными целями его было самообеспечение продовольствием, расширение производства экспортных культур, увеличение мощностей по переработке сельскохозяйственного сырья. Однако сроки выполнения проектов затягивались из-за отсутствия политической стабильности, недобросовестности инвесторов, воровства подрядчиков и т.д. Сокращение доходов от производства промышленных товаров и экспорта сельскохозяйственной продукции при многократном повышении цен на ввозимые промышленную продукцию и нефть породило хронический торговый дефицит.

Усиление зависимости от МВФ и МБРР, нерациональное использование внешних кредитов привели к результатам, прямо противоположным тем, которые планировались суданским руководством. В стране продолжался экономический спад, заработная плата рабочих и служащих сократилась. Многие суданцы эмигрировали в поисках заработка в Саудовскую Аравию, Кувейт и другие страны.

К этому времени правая оппозиция оправилась от поражения и проявила повышенную активность. В начале 1982 г. внутривнутриполитическая обстановка в Судане резко обострилась. Всю страну охватили мощные антиправительственные выступления. В Хартуме и других крупных городах Судана проходили многотысячные демонстрации под лозунгами «Долой Соединенные Штаты!», «Мы не подчинимся диктату МВФ!». Поводом для них послужило повышение цен на сахар и намерение власти увеличить цены на муку и хлеб. Тем временем все более напряженной становилась и обстановка в правительстве, обострились противоречия внутри правящей верхушки. Недовольство назревало и в вооруженных силах. «Братья-мусульмане» подвергали уничтожающей критике не только Суданский социалистический союз (ССС), но и весь политический строй Судана, который, по их заявлению, «не отражает воли народа». Военные обвиняли Нимейри в стремлении установить ничем не оправданную личную диктатуру.

В ответ глава государства принял решение о роспуске всех руководящих органов ССС, а также сместил генерала Абд аль-Маджида Хамид Халили с постов первого вице-президента, министра обороны и командующего вооруженными силами.

В годы правления Нимейри экономика оказалась в глубоком кризисе. Внешний долг страны вырос в 20 раз. Орудуя в сговоре с бюрократической верхушкой госаппарата, представители крупного бизнеса использовали средства, которые выделялись на развитие промышленного производства, для проворачивания спекулятивно-торговых операций, приносящих быстрый доход. Глубоко расстроенной оказалась финансово-кредитная система. Государственная казна опустела. Огромные суммы расходовались на дотации нерентабельным предприятиям государственного сектора. Увеличился дефицит торгового и платежного балансов. Судан не смог в полном объеме осуществлять платежи по внешнему долгу. В 1984–1985 гг. в Судане начался голод.

Одновременно стала резко ухудшаться обстановка на юге страны, чему способствовало принятие Нимейри решения об «исламизации» органов власти, управления, экономики, а также всех сфер общественной жизни. 8 сентября 1983 г. глава государства объявил о введении исламского законодательства и замене гражданского судопроизводства *шариатом* на всей территории страны. Подавляя сопротивление новым законам, власти произвели аресты видных политических деятелей Юга. После одиннадцатилетнего относительного затишья гражданская война вспыхнула с новой силой.

Ввиду серьезного ухудшения обстановки 29 апреля 1984 г. Нимейри ввел в стране чрезвычайное положение. Резкие колебания в производстве монокультуры хлопка, необходимость увеличивать импорт потребительских товаров, в том числе продовольствия, машин, оборудования, энергоносителей, усугубили тяжелое экономическое положение. Выполняя рекомендации МВФ, 26 марта 1985 г. Нимейри подписал указ об отмене государственных субсидий на продовольственные товары, предметы первой необходимости и нефтепродукты. Уже на следующий день в Хартуме начались массовые демонстрации протеста. Власть ответила жестокими репрессиями.

В этих условиях группа националистически настроенных офицеров суданской армии во главе с министром обороны генерал-лейтенантом Абд ар-Рахманом Сиваром ад-Дагабом 6 апреля 1985 г. совершила бескровный государственный переворот. Президент Нимейри, его заместители и все члены правительства были смещены со своих постов, а Национальное народное собрание, правящий ССС и региональные советы Юга распущены, была также отменена конституция 1973 г.

Военные, свергнув Нимейри, обратились к населению с требованием воздержаться от дальнейших массовых акций, и 8 апреля 1985 г. всеобщая забастовка была прекращена. Был образован переходный военный совет (ПВС), а 21 апреля им было сформировано гражданское переходное правительство. В этот период образовалось множество новых партий. С новой силой разгорелась борьба правых и левых сил. Особой остротой отличались столкновения коммунистов

и «Братьев-мусульман». Освобожденный из заключения лидер исламистов Хасан ат-Тураби на базе суданской ассоциации «Братьев-мусульман» создал Национальный исламский фронт (НИФ), учредительный съезд которого состоялся в мае 1985 г. После 14 лет работы в условиях подполья возобновила свою легальную политическую деятельность Суданская компартия.

Генерал ад-Дагаб, с одной стороны, добился от Ливии и Эфиопии прекращения помощи южносуданским повстанцам, а с другой — стягивал правительственные войска на Юг. В отличие от первого повстанческого движения «Анья-Нья», которое до 1974 г. вело борьбу за независимость Юга, Движение за освобождение суданского народа (ДОСН) и его военная организация — Национально-освободительная армия Судана (НОАС) заявили, что ведут борьбу за независимый, социалистический и неисламский Судан. Численность их вооруженных формирований к этому времени оценивалась западными военными специалистами в 20–25 тыс. человек. В июне 1985 г. возобновились боевые действия на Юге. Сообщение военного министра о наступлении НОАС на Юге взорвало политическую обстановку в стране. 19–20 августа прошли бурные демонстрации и столкновения между арабами и южносуданцами. Власти подавили мятеж, вспыхнувший в инженерных и вспомогательных частях суданской армии, которые были укомплектованы выходцами из горных районов Гебель-Нуба.

Лидер ДОСН Джон Гаранг публично осудил тактику ад-Дагаба, направленную на решение южносуданской проблемы путем эскалации военных действий.

В апреле 1986 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Большинство голосов получили кандидаты от «аль-Уммы» и Юнионистской демократической партии (ЮДП). ПВС передал всю полноту власти вновь избранному парламенту и был распушен.

С 1986 г. социально-экономическая ситуация значительно ухудшилась в связи с засухой, поразившей почти все центральные, западные и восточные регионы страны. Угроза массового голода вынудила правительство Судана обратиться к мировому сообществу с просьбой об оказании гуманитарной помощи населению пострадавших районов. Резко возросли цены на продукты первой необходимости. Планировалось также сокращение государственных расходов на 10%. В связи с растущими экономическими трудностями кабинет ас-Садыка аль-Махди лишился возможности проводить эффективную политику в южных провинциях. Предпринятое в 1986–1987 гг. наступление правительственных войск в Бахрэль-Газале и Южном Дарфуре окончилось неудачей. Это способствовало дополнительному осложнению социальной обстановки на Севере.

Кабинет ас-Садыка аль-Махди продемонстрировал неспособность урегулировать положение на юге страны, а значит, и возобновить реализацию важных проектов в этом регионе (нефтяные разработки, нефтепереработка, канал Джонглей-Манакиль). Экономическое положение страны значительно ухудшилось. В условиях ограниченного роста доходов от экспорта шло одновременно привлечение новых кредитов и займов. Постоянно росла внешняя задолженность, достигнув 12–13 млрд. долл. Судан превратился в самого крупного должника МВФ (700 млн. долл.).

Развал экономики, непосильный внешний долг, неудачи на фронте, распри в правительственной коалиции привели к правительственному кризису. В стране продолжало сохраняться введенное в 1985 г. чрезвычайное положение. В августе 1987 г. правительственная коалиция («аль-Умма» и ЮДП) стала разваливаться. Процесс урегулирования проблемы Юга зашел в тупик. В феврале 1988 г. военные столкновения возобновились с новой силой. Из-за дефицита в производстве проса и сорго — основных видов продовольственных зерновых — экономическое положение еще больше ухудшилось. Уровень инфляции достиг 100%. Война на Юге обходилась в 1 млн. суд. ф. (400 тыс. долл.) в день. Из-за необходимости обслуживания внешнего долга правительство было вынуждено печатать не обеспеченные товарами деньги. В стране функционировала теневая экономика. Процветал «черный рынок». В августе 1988 г. страну постигло новое несчастье — сильное наводнение. На преодоление последствий стихийного бедствия потребовались новые ассигнования, что ложилось тяжелым бременем на государственный бюджет. В результате всего этого в стране нарастала социальная напряженность, происходили многочисленные демонстрации.

Руководство ЮДП в 1988 г. установило в Лондоне контакт с повстанческим движением, и 16 ноября 1988 г. Мухаммед Осман аль-Миргани (ЮДП) и Джон Гаранг подписали мирное соглашение. Оно было одобрено подавляющим большинством суданцев, однако из-за происков враждебных сил его выполнение было сорвано, что обрекало на провал все попытки выправить тяжелое экономическое положение в стране. В 1988 г. была принята новая конституция, в разработку которой внес большой вклад ат-Тураби. Согласно ей *шариат* стал одним из источников законодательства.

Сохранявшееся напряженное финансово-экономическое положение Судана, его неспособность выплатить существующий внешний долг предопределили его дальнейшую ориентацию на получение помощи от международных финансовых организаций, стран Запада и арабских нефтеэкспортирующих стран. При финансовой поддержке МВФ в стране началось осуществление четырехлетней программы восстановления экономики на 1987/88–1990/91 гг., предусматривавшей ограничение государственных расходов, отмену контроля над деятельностью большинства госпредприятий и госсубсидий на пшеницу и нефтепродукты и т.д. Летом 1989 г. в стране усугубился социально-экономический кризис, выросли цены на многие товары, ощущалась нехватка топлива, медикаментов и других товаров первой необходимости. Вместе с резким ухудшением положения на Юге все это подтолкнуло военных к очередному перевороту. Армейское руководство обвинило политические партии в неспособности консолидировать усилия в интересах национальной безопасности. 30 июня 1989 г. радио Омдурмана объявило о «революции национального спасения» под руководством Омара Хасана аль-Башира, что означало возврат армии к власти. Генерал аль-Башир возглавил Совет командования революции национального спасения» (СКРНС).

С помощью экспертов МВФ и МБРР была разработана программа структурной стабилизации и восстановления экономики Судана на 1990/91–1992/93 гг. Основное внимание в ней уделялось главной отрасли — сельскому хозяйству,

в частности увеличению производства основных сельскохозяйственных культур. Программой предусматривалось продолжение курса на либерализацию экономики, приватизацию убыточных предприятий госсектора или преобразование их в смешанные компании, отмена государственной монополии в сфере торговли, привлечение иностранных инвестиций.

Для выполнения указанных целей одновременно предполагалось провести реформирование финансовой системы, усовершенствовать правовую базу, устранить препятствия для расширения частнопредпринимательской деятельности. Приватизированные предприятия подлежали акционированию с привлечением к участию в этом процессе как частного национального, так и иностранного капитала. Однако Сулану, как и прежде, не удалось полностью выполнить намеченную на три года программу. Вместо нее была теперь принята десятилетняя, названная «стратегией национального развития». Предусматривалось повышение темпов экономического роста за счет мобилизации в основном внутренних ресурсов, введения режима строжайшей экономии средств, сокращения непродовольственных расходов. Осуществление программы вновь столкнулось с финансовыми и производственными трудностями, прежде всего из-за высоких выплат по полученным займам. Резко обострилась продовольственная проблема, вновь возникла угроза голода. Начатое еще в 1987 г. освоение запасов нефти было приостановлено из-за военных действий на Юге. Расходы на военные цели непрерывно росли.

Все это свидетельствовало о переживаемом страной затяжном экономическом кризисе. Положение усугублялось тем, что помощь международных финансовых организаций уменьшилась с 600 млн. долл. в 1989 г. до 50 млн. к концу 1990-х годов. При этом западные инвесторы требовали от суданского правительства проведения ряда мер, включающих устранение государственной монополии во всех сферах экономики (за исключением добычи нефти), ликвидации или приватизации государственных предприятий, банков, сокращения государственных расходов, либерализации экспорта, отмены контроля над ценами и пр.

В феврале 1992 г. была сформирована Переходная национальная ассамблея, призванная функционировать до избрания постоянно действующего парламента. 16 октября 1993 г. СКРНС принял решение о самороспуске и назначении Омара аль-Башира президентом. В марте 1996 г. в Судане состоялись парламентские и президентские выборы, в ходе которых главой государства был избран аль-Башир, а председателем парламента стал Хасан Абдалла ат-Тураби (руководитель НИФ).

В конце 1990-х годов экономическая политика руководства была направлена прежде всего на изыскание внутренних ресурсов для дальнейшего развития. Позитивное воздействие на состояние финансовой ситуации в Судане оказала помощь арабских стран и некоторых международных организаций в 1999 г. Учитывая огромную задолженность Судана, руководство заинтересованных министерств и ведомств страны, в первую очередь Национального банка Судана, стало придерживаться тактики поиска внешних источников финансирования под конкретные проекты создания новых производственных мощностей, объектов транспорта, а также туризма.

Наметившаяся после съезда Национального конгресса в октябре 1999 г. тенденция к консолидации значительной части политических сил в стране позволила Омару аль-Баширу выступить с очередной инициативой, направленной на нормализацию отношений с оппозицией. Эти шаги не нашли поддержки у исламских фундаменталистов. Главной причиной обострения отношений между президентом и духовным лидером страны ат-Тураби стал вопрос о дальнейшем пути развития политической системы страны. Президент посчитал, что властные амбиции и пропагандистская деятельность спикера парламента (ат-Тураби) зашли слишком далеко. Назревший политический кризис аль-Башир разрешил 12 декабря 1999 г., объявив о введении чрезвычайного положения сроком на три месяца и роспуске парламента.

Закрепляя достигнутый успех, в начале 2000 г. Омар аль-Башир подписал ряд документов по кадровым вопросам в высшем эшелоне государственной власти. Одновременно президент предпринял ряд шагов по укреплению своих позиций в Национальном конгрессе Судана (НКС). На состоявшемся 24 января 2000 г. пленуме Консультативного совета (ЦК) было принято решение о предоставлении председателю НКС (Омару аль-Баширу) права на осуществление контроля за проведением общественно-политического Конгресса и ряд других полномочий. Таким образом, политический кризис в Судане закончился укреплением позиций президента страны как на уровне исполнительной власти, так и в партийных структурах.

В общественно-политической жизни страны в 1990-е годы усиливалось влияние исламских фундаменталистов. «Братья-мусульмане» все больше подчиняли себе национальную политику. Усилению их влияния способствовало ухудшающееся экономическое положение, растущий многократный разрыв в доходах и уровне жизни между небольшой группой людей, стоящих у власти, и основной массой населения. Правящая элита арабского происхождения стремилась упрочить свое господство над обществом и государством и исламизировать Судан. Именно это ее стремление служит основой продолжающегося вооруженного конфликта на Юге. Представители НОАС утверждали, что добиваются создания в стране светского общества и предоставления этническим и религиозным меньшинствам более весомого голоса в делах управления государством.

К началу XXI столетия НИФ контролировал практически всю общественно-политическую жизнь страны. Его служба безопасности внедрена в армию, полицию, гражданские структуры. Отряды милиции НИФ насчитывали 80 тыс. человек, т.е. почти половину численности суданской армии. Правительство Судана под давлением НИФ предоставляло убежище исламским группировкам из разных стран. На территории Судана создавались лагеря по подготовке боевиков, готовых действовать во имя торжества ислама.

В результате Судан стал рассматриваться некоторой частью мирового сообщества как страна, откуда экспортируется исламская революция во все близлежащие африканские и арабские страны. Все это вело к изоляции Судана на международной арене и ставило под вопрос получение займов от МВФ и МБРР. Следует подчеркнуть, что исламизация страны не способствовала улучшению эко-

номического положения, не решила социальных проблем, не остановила продолжающуюся кровопролитную войну между Севером и Югом. Поэтому большинство бывших лидеров разных политических партий находятся в оппозиции режиму и требуют создания правового демократического государства.

Таким образом, политическая обстановка в Судане к началу столетия оставалась чрезвычайно сложной. Финансово-экономическое положение продолжало ухудшаться. По данным представителей гуманитарной миссии ООН, действующей в Судане, более миллиона жителей находились на грани голодной смерти. А решение выдвинутых национальной стратегией задач требует огромных финансовых ресурсов и невозможно без привлечения иностранной финансовой помощи, что в существующих условиях нереально. До полного оздоровления экономики Судану предстоит пройти долгий путь. Достижение этой цели было невыполнимо без урегулирования внутривнутриполитических проблем, и прежде всего полного прекращения войны на Юге. Важнейшими проблемами для Судана являлись мобилизация его богатейших внутренних ресурсов, поиск оптимальных вариантов инвестиционной политики, достижение разумного соотношения между основными секторами национального хозяйства — государственным и частным в условиях перехода к рыночной экономике, ее глубокая структурная перестройка и преодоление монокультурного характера.

Глава 9

ЕГИПЕТ

Ко времени окончания Второй мировой войны Египет являлся формально суверенным, а фактически полуколониальным, зависимым государством. Великобритания продолжала посредством британской системы косвенного управления, которая, претерпев существенные изменения, сохраняла свои основные атрибуты, контролировать важнейшие сферы политической и социально-экономической жизни страны. В 1945 г. Египет стал одним из членов-основателей ООН. В том же году по инициативе Египта была основана Лига арабских государств со штаб-квартирой в Каире с целью укрепления независимости ее членов.

ЕГИПЕТ

в 1945–1952 гг.

В годы войны и в первые послевоенные годы в Египте произошли весьма существенные социально-экономические сдвиги. Окрепла египетская буржуазия, в особенности промышленная. Если в 1918 г. египтянам принадлежало около 9% компаний, зарегистрированных в стране, то в 1948 г. — уже 39%. Однако иностранный капитал продолжал занимать господствующие позиции. В 1946 г. в Египте действовало около 400 компаний, из них только 20 были чисто египетские и более 40 — чисто иностранные; остальные были смешанными, в них господствовали английские и французские капиталисты. Египетский пролетариат по своей структуре и составу значительно отличался от рабочего класса развитых стран. Крайне низок был процент квалифицированных рабочих, большая их часть работала в легкой промышленности. Широко были представлены ремесленные слои. В 1947 г. численность современного пролетариата составляла около 350 тыс. человек.

Развитие промышленности и сферы обслуживания, расширение государственного аппарата в годы войны привели к быстрому росту городских средних слоев. Это была наиболее просвещенная и политизированная часть населения. Экономическое и социальное положение этих слоев отличалось крайней неустойчивостью. Однако влияние, которое они оказывали на политическую жизнь, было гораздо более значительным, чем их экономическая роль. Они являлись одной из активных революционных сил.

Крестьянство — самая многочисленная часть населения — подвергалось полуфеодальным методам эксплуатации. Беднейшими мелкими собственниками из них считались около 2,5 млн. владельцев наделов размером до 5 федданов (среди них около 2 млн. имело участки менее 1 федд.). В собственности бедняков,

составлявших более 94% общего числа землевладельцев, находилось менее 34% обрабатываемых площадей, а 12,5 тыс. египетских и иностранных помещиков (менее 0,5% общего числа владельцев) принадлежало более 36% всех обрабатываемых земель. В 1947 г. в стране насчитывалось 1,7 млн. безземельных крестьян. Это была самая обездоленная часть египетского общества. Аграрный вопрос являлся острой социальной проблемой, требовавшей безотлагательного решения.

После окончания войны начался новый этап в истории освободительного движения Египта. Борьба за независимость обострилась в начале 1946 г., когда стало известно, что правительство Нукраши-паши, лидера партии «Саад», вступило в переговоры с Великобританией. В феврале 1946 г. был создан Национальный комитет рабочих и учащихся (НКРУ), возглавивший антиимпериалистический национальный фронт. В состав фронта вошли левые вафдисты, представители марксистских и коммунистических групп и организаций, профсоюзов рабочих и др. Ассоциация «Братья-мусульмане», являвшаяся наиболее серьезным конкурентом партии «Вафд» по руководству освободительным движением, пыталась захватить лидерство в НКРУ, но, после того как это ей не удалось, вышла из него. НКРУ выдвинул требования отмены договора 1936 г. и соглашений о Судане 1899 г., сохранения единства долины Нила (Египта и Судана), немедленной эвакуации английских войск. По призыву НКРУ 21 февраля и 4 марта 1946 г. в стране прошли массовые антибританские демонстрации и забастовки, вылившиеся в ряде городов в столкновения с полицией и британскими войсками. Левые профсоюзы объединились в мае 1946 г. в Конгресс профсоюзов рабочих Египта (КПРЕ), объединивший в июне 1946 г. 135 профсоюзов (150 тыс. членов). В мае-июле 1946 г. под руководством КПРЕ по стране прокатилась волна забастовок рабочих-текстильщиков наиболее крупных промышленных центров — Шубра ал-Хайма и Александрии. Правительство, возглавляемое лидером партии «Саад» Сидки (с февраля 1946 г.), приступило к подавлению освободительного движения. Были проведены массовые аресты, а также запрещены забастовки и деятельность коммунистических организаций. НКРУ и КПРЕ были распущены. В ходе проходивших в апреле-октябре 1946 г. англо-египетских переговоров о пересмотре договора 1936 г. Сидки принял требования Великобритании о создании англо-египетского Совета обороны и сохранении британских баз (договор Сидки-Бевина). В ответ в стране возобновились демонстрации и митинги протеста. В этих условиях парламент отказался ратифицировать договор. Сидки был вынужден уйти в отставку.

Новый глава кабинета — Нукраши обратился в июле 1947 г. в Совет Безопасности ООН с просьбой разрешить англо-египетский конфликт. Однако неспособность Совета Безопасности из-за преобладания в нем государств, входивших в англо-американский блок, принять позитивное решение по египетскому вопросу вызвала в Египте новую волну антибританских выступлений.

15 мая 1948 г. Египет вступил в арабо-израильскую войну 1948-1949 гг. Поражение в ней вскрыло слабость полуколониального монархического Египта и вызвало смятение в стране. Начались массовые антиправительственные демонстрации. Среди оппозиционных политических организаций заметно выросла роль

ассоциации «Братья-мусульмане», которая использовала военную обстановку для усиления своих военизированных отрядов, составивших основу добровольческих фаланг в войне с Израилем. Почувствовав свою силу, «Братья-мусульмане» стали рваться к власти; их террористическая деятельность стала серьезной угрозой для правящих кругов. В ответ на запрет ассоциации (8 декабря) 28 декабря 1948 г. был убит премьер-министр Нукраши. В результате последовавших репрессий «Братья-мусульмане» были вынуждены уйти в подполье. В феврале 1949 г. агентом правительства был убит верховный наставник «братства» аль-Банна. Пытаясь смягчить всеобщее недовольство, король Фарук решил провести в январе 1950 г. парламентские выборы, которые принесли победу самой крупной и влиятельной буржуазно-помещичьей партии — «Вафд». 12 января 1950 г. лидер партии Наххас сформировал правительство. Вафдисты освободили многих политзаключенных, ввели надбавку к зарплате трудящихся, но провести обещанные коренные социально-экономические реформы, которые стали настоятельной необходимостью, не решились, что вызвало новый подъем массового движения.

Проходившие в июне 1950 — октябре 1951 г. англо-египетские переговоры окончились безрезультатно. В условиях подъема антиимпериалистического движения 15 октября парламент утвердил законопроекты о денонсации договоров 1936 и 1899 гг., Судан был объявлен неотъемлемой частью Египта, а египетский монарх получил титул короля Египта и Судана. Великобритания игнорировала решение Египта, увеличила численность своих войск в стране до 85 тыс. человек и приступила к расширению зоны оккупации. В знак протеста более 60 тыс. рабочих, обслуживавших оккупационные войска, покинули зону Суэцкого канала, в которой развернулось партизанское движение. В борьбу включилось крестьянство, а также силы египетской полиции, перешедшей на сторону партизан.

С середины января 1952 г. англичане стали применять тактику «выжженной земли», уничтожая деревни и городские кварталы в районах действия партизан. 25 января английские войска учинили жестокую расправу над полицейскими Исмаилии: 64 египтянина были убиты, 200 ранены. Известие об этом побоище вызвало бурю возмущения в стране. 26 января в Каире состоялась мощная демонстрация протеста. В тот же день реакционные силы организовали грандиозную провокацию. В центре Каира было подожжено свыше 700 крупнейших зданий, большая часть которых принадлежала иностранцам. Эти события были использованы королем для отстранения вафдистского кабинета. В стране было введено чрезвычайное положение, начались репрессии против участников вооруженной борьбы. До 23 июля 1952 г. в Египте сменилось шесть правительств, что свидетельствовало о глубоком кризисе правящих верхов.

ЕГИПЕТ в 1952–1970 гг.

В обстановке острой внутривосточной борьбы тайная военная организация «Свободные офицеры» в ночь на 23 июля 1952 г. по плану, разработанному ее лидером Гамаль Абдель Насером, совершила революционный перево-

рот, положивший начало антиимпериалистической, антифеодальной революции.

Гамаль Абдель Насер родился в 1918 г. в Александрии в семье мелкого почтового служащего. С 1935 г. он стал активным участником освободительного движения. В 1936–1937 гг. в течение пяти месяцев учился в колледже права, а в 1937–1938 гг. в военном училище. В 1948–1949 гг. он участвовал в Палестинской войне, отличился в боях, был ранен. В 1949 г. в чине майора Насер был назначен преподавателем Военно-административной школы, а в 1951 г. в звании подполковника стал профессором Академии Генерального штаба.

26 июля 1952 г. король Фарук был вынужден отречься от престола в пользу своего семимесячного сына и покинуть страну. Во главе государства встал Совет революционного командования (СРК), при котором был учрежден Регентский совет. В качестве номинального лидера был выдвинут генерал М. Нагиб, который 23 июля был провозглашен верховным главнокомандующим, а 25 августа назначен председателем СРК. Насер, фактический руководитель СРК, стал его заместителем. К власти пришли представители средних слоев, патриотической интеллигенции в союзе с национальной буржуазией. Были изданы законы о ликвидации политической полиции и чистке госаппарата, упразднении титулов «паша» и «бей». Наиболее важным мероприятием явился закон об аграрной реформе от 9 сентября 1952 г., предусматривавший конфискацию королевских земель, изъятие (за выкуп) у помещиков земель, превышающих установленный максимум (300 федданов). Реформа коснулась 1789 крупнейших землевладельцев (из 12 тыс.), предусматривала понижение арендной платы, упорядочение зарплаты сельскохозяйственных рабочих, создание кооперативов. Историческое значение аграрной реформы в Египте состояло в том, что это была первая в арабском мире реформа, положившая начало ликвидации феодальных пережитков. Не желая допустить к власти старые, скомпрометировавшие себя партии, СРК принял против них ряд мер. 9 сентября 1952 г. был принят закон о реорганизации политических партий, 10 декабря отменена конституция 1923 г., а 17 января 1953 г. было объявлено о роспуске политических партий и конфискации их имущества. Одновременно вводился грехлетний «переходный период», в течение которого планировалось подготовить условия для создания конституционной демократической власти. Взамен распущенных партий создавалась единственная официальная политическая организация — Организация освобождения (ОО), которая должна была стать опорой режима. 17 июня 1953 г. было объявлено о свержении королевской династии Мухаммеда Али, а регентский совет был ликвидирован. 18 июня Египет был провозглашен республикой. Первым президентом стал М. Нагиб. С середины 1953 г. в СРК разгорелась острая борьба между буржуазно-либеральным течением во главе с Нагибом, считавшим революцию завершённой, и революционно-демократическим течением во главе с Насером, выступавшим за дальнейшее развитие и углубление революции. 26 октября 1954 г. ассоциация «Братья-мусульмане» организовала покушение на Насера. При расследовании были обнаружены ее связи с Нагибом. Ассоциация была разгромлена, а Нагиб освобожден от всех занимаемых постов. Победа революционно-демократического течения способствовала стабилизации режима.

Определенные успехи были достигнуты и в области внешней политики. 12 февраля 1953 г. было подписано англо-египетское соглашение о Судане, которое предоставляло ему право на самоопределение. Англо-египетское соглашение, подписанное 19 октября 1954 г., предусматривало эвакуацию английских войск из Египта. Их вывод завершился 13 июня 1956 г. Политический суверенитет Египта был восстановлен.

28 марта 1955 г. Насер сформулировал шесть принципов египетской революции: ликвидация империализма; ликвидация феодализма; уничтожение капиталистических монополий; установление социальной справедливости; создание сильной национальной армии; установление подлинно демократической системы. 23 июня была принята Конституция Египетской Республики, объявившая Египет «демократическим, кооперативным, социалистическим обществом». Этим актом завершился переходный период. Президентом республики 23 июня 1956 г. был избран Насер. В 1957 г. был создан Национальный союз (НС) — политическая организация, заменившая малоэффективную ОО, призванная объединить все национальные силы.

Во внешней политике все отчетливее выкристаллизовывалась программа позитивного нейтралитета и неучастия в военных пактах. Египет отнесся отрицательно к попыткам западных держав втянуть арабские страны в агрессивные военные блоки. Проводимая Каиром политика, отвечавшая национальным интересам Египта, нашла яркое выражение в установлении дружественных отношений с СССР. В марте 1954 г. дипломатические миссии обеих стран были преобразованы в посольства. Торговые соглашения с СССР (1954 г.) и другими социалистическими странами показали, что можно ликвидировать монополию Запада в поставках важнейших товаров. Наиболее решительным шагом Египта было заключение в сентябре 1955 г. соглашений с СССР, Чехословакией и Польшей о поставках вооружения в обмен на египетский хлопок и рис.

Под предлогом отказа Египта расторгнуть соглашение с социалистическими странами о закупке оружия США, Великобритания и МБРР объявили в июле 1956 г., что Египет лишается обещанного ранее займа на строительство Асуанского гидроэнергетического комплекса. 26 июля 1956 г. Насер издал декрет о национализации Суэцкого канала, что нанесло сильнейший удар по позициям международного капитала в Египте и положило начало созданию государственного сектора в египетской экономике. После ряда неудачных попыток оказать давление на египетское правительство Великобритания и Франция инспирировали нападение Израиля в ночь с 29 на 30 октября 1956 г. на Египет, что было использовано ими как предлог для развязывания военных действий против Египта. Египетская армия и население Порт-Саида оказали упорное сопротивление интервентам. Решающее значение в пресечении тройственной агрессии имело советское предупреждение о том, что оно полно решимости «применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке». В результате тройственная агрессия была сорвана, военные действия были прекращены, а в марте 1957 г. израильские войска были выведены из Египта.

С помощью социалистических стран в 1956–1958 гг. была преодолена установленная западными державами экономическая блокада Египта. В 1958 г. доля

социалистических стран во внешней торговле Египта достигла 41,5%. В 1956–1960 гг. было ликвидировано господство иностранного капитала в экономике страны. В ноябре–декабре 1956 г. египетское правительство подвергло секвестру всю собственность и капиталы, принадлежавшие английским и французским гражданам. 15 января 1957 г. был издан закон о «египтизации» иностранных банков, страховых фирм, внешнеторговых, промышленных, транспортных и других компаний. Собственность Великобритании и Франции «египтизировалась» медленно, а других государств — в течение пяти лет. Для управления национализированными и смешанными предприятиями в январе 1957 г. была создана Государственная экономическая организация. Результатом всех этих мероприятий было образование сильного государственного сектора и усиление роли государства в финансово-банковской сфере и в области индустрии, что создало реальные условия для введения плановых начал в экономике.

События 1956 г. поставили перед правительством Египетской Республики проблему укрепления обороны страны, что в конечном счете побудило правительство Египта принять инициативу Сирии об объединении двух стран. С 1956 г. велись переговоры о создании федеративного союза Сирии и Египта. Их объединению способствовал тот факт, что обе страны, стремившиеся укрепить свой суверенитет, являлись объектом заговоров неокOLONиалистских сил. 1 февраля 1958 г. было провозглашено создание Объединенной Арабской Республики (ОАР), президентом которой был избран Г.А. Насер. В декларации об объединении указывалось, что «обе страны объединились в качестве предварительного шага к полному арабскому единству». Столицей ОАР являлся Каир, государство делилось на северный (Сирия) и южный (Египет) районы. В марте 1958 г. Национальное собрание ОАР утвердило временную конституцию.

Политические и экономические преобразования правительства ОАР, начало индустриализации, укрепление государственного сектора, внедрение (с 1957 г.) плановых начал в экономику отвечали интересам народных масс, способствовали ликвидации полуфеодальных отношений, упрочению политической и экономической независимости. Вместе с тем существенные выгоды от проведенных преобразований извлекли крупная буржуазия и другие имущие слои. «Египтизированные» отделения иностранных банков фактически в основном стали служить интересам местных предпринимателей. Бурный рост частнокапиталистического сектора в 1956–1960 гг. обусловил попытки египетской буржуазии занять господствующее положение в политической жизни. Ей удалось захватить ключевые позиции в Национальном союзе, а через него и в образованном в 1960 г. Национальном собрании ОАР.

Крупная сирийская буржуазия и помещики оказывали сопротивление проводимым в ОАР преобразованиям. Египетская буржуазия, со своей стороны, усматривала в союзе с Сирией средство завоевания сирийского рынка. 28 сентября 1961 г. сирийскими офицерами в союзе с правыми кругами был совершен государственный переворот. Сирия вышла из состава ОАР (Египет до 1971 г. сохранял это название).

АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ

Лидеры египетской революции стремились привлечь национальный капитал для создания современной экономики. Однако крупная египетская буржуазия, действовавшая главным образом в аграрном секторе и сфере обращения, отказывалась сотрудничать с государством в деле индустриализации, сопротивлялась мерам, направленным на усиление государственного контроля, саботировала выполнение разработанной в 1960 г. десятилетней программы развития хозяйства ОАР, предусматривавшей большие частные капиталовложения в тяжелую промышленность и энергетику.

В начале 1960-х годов революция вступила в новый этап развития. В целях ослабления позиций крупной буржуазии в феврале 1960 г. были национализированы крупнейшие банки («Мыср» и Национальный банк), а в мае 1960 г. крупнейшие газетные корпорации стали собственностью НС. С середины 1961 г. развернулось наступление государства на крупную буржуазию и землевладельцев, распространившееся затем на часть средней буржуазии. В июле 1961 г. были изданы декреты о национализации крупнейших компаний (в том числе страховых), промышленных предприятий и банков. В результате в руках государства оказались финансовая система, все крупные и значительная часть средних предприятий, транспорт, весь импорт и значительная часть экспорта, крупнейшие строительные компании, крупная оптовая торговля и универмаги. К 1965 г. государственный сектор давал около 85% промышленной продукции. К 1970 г. предприятия государственного сектора были подчинены 42 государственным организациям, которые объединяли в общей сложности 373 компании; был установлен принцип, по которому ни одно лицо не имело права владеть акциями на сумму более десяти тысяч египетских фунтов. вводился прогрессивный налог на крупные доходы.

В июле 1961 г. был принят новый аграрный закон, по которому максимум землевладения снижался до 100 федданов, а в 1969 г. — до 50 федданов; была отменена выплата помещикам компенсации за землю, изъятую в соответствии с законами 1952 и 1961 гг., одновременно снижена плата за полученную крестьянами землю.

Аграрные реформы ускорили развитие капиталистических отношений в аграрной сфере, но не могли решить ее коренных проблем, предотвратить углубление имущественной дифференциации. К концу 1960-х годов 1,2% землевладельцев владели 25% всей обрабатываемой земли, в то время как в деревне насчитывалось 3 млн. безземельных крестьян.

В 1960-е годы была проведена серия социальных мероприятий в интересах трудящихся: изданы законы о перераспределении прибылей компаний и предприятий (25% прибылей государственных предприятий отчислялись в пользу рабочих и служащих), об участии рабочих и служащих в административных советах компаний и предприятий, установлен семичасовой рабочий день, определен минимум заработной платы рабочим и служащим, увеличена продолжительность отпусков, расширены льготы трудящимся в системе здравоохранения, отменена

плата за обучение на всех ступенях, улучшено пенсионное обеспечение, социальное страхование и др. Был принят ряд мер по улучшению положения сельскохозяйственных рабочих (установлен твердый минимум заработной платы, легализовано право создавать профсоюзы) и мелких землевладельцев (ограничена арендная плата, запрещена издольщина, сгон арендатора с участка и пр.).

Социально-экономические реформы 1960-х годов внесли существенные изменения в расстановку классовых сил. Были подорваны позиции традиционных господствующих классов — крупной буржуазии и латифундистов. В то же время выросло влияние средней и мелкой буржуазии города и деревни, быстро усиливались бюрократическая и технократическая фракции буржуазии, выросла численность городских средних слоев и современного рабочего класса.

В ноябре 1961 г. были распущены Национальное собрание и НС, враждебно встретившие проводимые правительством преобразования. В мае–июле 1962 г. в Каире проходил Национальный конгресс народных сил (в нем не принимали участие представители традиционных господствующих классов, по официальному определению — «реакционеры», лишённые политических прав), который 30 июня 1962 г. принял Национальную хартию, отвергающую капиталистический путь развития. Хартия указывала на необходимость научного централизованного планирования экономики в национальном масштабе, в котором командная роль отводилась государственному сектору; она ограничивала деятельность иностранного капитала и ставила под контроль государства местный частный капитал; подчеркивала, что во всех выборных органах Египта не менее 50% мест должно принадлежать рабочим и крестьянам. В октябре 1962 г. был издан декрет о создании массовой полигической организации — Арабского социалистического союза (АСС, основан в 1963 г.), который был призван стать главной опорой режима и претворять в жизнь принципы Национальной хартии. В 1965 г. две наиболее крупные коммунистические группы заявили о самороспуске, а их члены вступили в АСС. 25 марта 1964 г. вступила в силу новая временная Конституционная декларация, провозгласившая ОАР «демократическим, социалистическим государством, основанным на союзе трудовых сил народа», к которым причислялись крестьянство, рабочий класс, солдаты, интеллигенция и «неэксплуататорская» национальная буржуазия.

Египет в 1960-е годы превратился в центр антиимпериалистической и революционной борьбы народов Ближнего Востока и Африки. Он играл важную роль в межарабской политике (созыв конференций глав арабских государств) и в движении неприсоединившихся стран, выступал поборником африканского единства.

С середины 1950-х годов быстрыми темпами развивались экономические отношения Египта с СССР и другими социалистическими странами. Объем советско-египетской торговли в 1965 г. в 10, а в 1970 г. в 15 раз превышал уровень 1953 г.; начиная с 1956 г. СССР в течение ряда лет занимал первое место в общем товарообороте Египта. Советский Союз оказал Египту содействие в проектировании и сооружении свыше 100 промышленных и других объектов, имеющих первостепенное значение для индустриализации страны; около 40 объектов построили другие социалистические страны. Среди объектов, сооруженных при

содействии СССР в 1960-х годах, особое место занял Асуанский гидротехнический и энергетический комплекс — крупнейший производственный объект во всем афро-азиатском мире; были построены также ряд крупных промышленных комплексов и предприятий.

В 1960-х годах Египет достиг значительных успехов в политическом и экономическом развитии. Вместе с тем в середине 1960-х годов появились серьезные кризисные явления в экономике. Бюрократическое окостенение быстро растущего, громоздкого государственного сектора с неэффективной и коррумпированной бюрократией пагубно сказывалось на развитии народного хозяйства. Большие средства приходилось тратить на оборону. Правительство предприняло меры по стабилизации положения. Но все надежды на преодоление социально-экономических трудностей перечеркнула «шестидневная война» с Израилем. 5–10 июня 1967 г. израильские войска оккупировали Синайский полуостров и вышли на берег Суэцкого канала. Разгром египетской армии вызвал серьезный кризис в экономике Египта и нанес сильный удар по политической карьере Насера. В результате энергичных акций СССР, потребовавшего от Израиля прекращения агрессии, а также позиции Совета Безопасности ООН, принявшего ряд резолюций по этому вопросу, 10 июня военные действия были остановлены.

На состоявшейся в Хартуме в августе–сентябре 1967 г. 4-й конференции глав арабских государств было принято решение о предоставлении Египту финансовой помощи для ликвидации последствий агрессии. Насер был вынужден пойти на примирение с монархиями Аравийского полуострова, отказаться от противопоставления «прогрессивных республик» «реакционным монархиям», подчеркивая необходимость объединения арабских стран против империалистической агрессии.

Военное поражение обострило внутривнутриполитическую обстановку в Египте. Военно-бюрократическая верхушка предприняла попытку свергнуть правительство Насера. Однако народные демонстрации 9 и 10 июня устранили угрозу правого переворота. В августе–сентябре 1967 г. был раскрыт заговор вице-президента Египта маршала А.Х. Амера. Была проведена чистка армии, арестовано несколько сотен офицеров. В феврале 1968 г. представители формирующейся новой бюрократической буржуазии предприняли попытку захватить политическую власть, выступив с программой «оздоровления экономики» посредством отказа от социалистической ориентации, либерализации экономики и расширения связей с Западом. Однако мощные демонстрации рабочих и учащихся поддержали правительственный курс. Президент Насер провозгласил «Программу 30 марта», предусматривавшую мобилизацию всех сил и средств на борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии, дальнейшее углубление социально-экономических реформ. В соответствии с этой программой в течение 1968 г. была осуществлена реорганизация АСС, проведены выборы и созван Национальный конгресс АСС, на котором были избраны ЦК и Высший исполнительный комитет (ВИК) АСС.

Война с Израилем привела к более тесному союзу с СССР, с помощью которого были достигнуты заметные успехи в повышении боеспособности вооруженных сил Египта и одновременно к еще большей зависимости от Советского Союза.

Однако экономика Египта находилась в состоянии застоя и стагнации, рост национального дохода почти прекратился. В последние годы жизни тяжело больной Насер, мучительно искавший выход из экономического и социально-политического кризиса то на базе социалистического выбора, то обращая взоры в сторону либерализации экономики и сотрудничества с Западом, все больше склонялся к выводу о том, что стратегическая установка египетского руководства решить важнейшие социально-экономические и политические проблемы страны посредством ускоренной модернизации методами социалистической ориентации потерпела фиаско.

28 сентября 1970 г. скончался выдающийся государственный деятель Г.А. Насер, который завещал арабам укреплять дружбу с Советским Союзом.

15 октября 1970 г. президентом был избран Анвар Садат.

ЕГИПЕТ в 1970–1981 гг.

Приход к власти президента Садата означал наступление нового этапа, связанного с выходом на политическую авансцену консолидировавшейся бюрократической верхушки, которая вместе с некоторыми активизировавшимися старыми буржуазными группами нашла в лице нового президента выразителя своих устремлений.

В условиях оккупации значительной части египетской территории, постоянной напряженности на линии прекращения огня и продолжения состояния «ни войны, ни мира» расходы на оборону имели абсолютный приоритет над всеми остальными статьями государственного бюджета, что оказывало негативное воздействие на все стороны общественной жизни страны. Среди внутренних проблем самыми трудными и безотлагательными оказались крайне неустойчивое хозяйственное положение и необходимость прокормить быстро растущее население. Решение основных проблем страны Садат видел в политике «открытых дверей» (*инфитах*) и либерализации, рассчитывая таким образом привлечь широкие инвестиции иностранного капитала в Египет. Экономические болезни предполагалось «лечить» посредством отказа от «социалистического экономического механизма» в пользу рыночного хозяйства, поощрения местной буржуазии. Политика *инфитаха* сопровождалась переориентацией внешнеполитического курса на сотрудничество со странами Запада, в первую очередь США, на поддержку которых Садат рассчитывал как в разрешении ближневосточного конфликта, так и в получении помощи из развитых капиталистических стран и арабских монархий. Однако переход на новую модель развития оказался весьма длительным, проговорчивым и болезненным процессом, а *инфитах* внедрялся поэтапно, методом проб и ошибок.

Напряженная борьба за пути развития осложнялась острым соперничеством за власть. Садат при поддержке военных (начальника генерального штаба Садека и, несмотря на оппозицию, министра обороны Фавзи) и сил госбезопасности произвел в середине мая 1971 г. ряд перестановок в верхах государственного ап-

парата и АСС, арестовал 50 видных деятелей режима — руководителей «Авангарда социалистов», ВИК АСС, членов кабинета и депутатов парламента. После событий 13–15 мая 1971 г. и отстранения руководителей левых насеристов (так называемая майская исправительная революция) Садат укрепил свои позиции, провел кампанию по реорганизации государственных, политических и общественных институтов, организовал выборы на всех уровнях АСС, а также пере выборы руководящих органов профсоюзов рабочих и синдикатов лиц «свободных профессий». Они фактически превратились в чистку и отстранение левых и марксистов и замену их правыми, пробуржуазными элементами, сторонниками президента.

Эти мероприятия сопровождалась реабилитацией и восстановлением в званиях офицеров, уволенных из армии в 1960-х годах, освобождением из тюрем политических заключенных, в том числе и видных деятелей запрещенной в 1954 г. ассоциации «Братья-мусульмане»; нескольким их лидерам было разрешено вернуться из эмиграции.

11 сентября 1971 г. была принята первая со времени революции 1952 г. постоянная конституция. Она содержала важные статьи относительно «демократизации общества», «расширения личных свобод», запрещала секвестр и национализацию частной собственности, объявила ислам государственной религией, а принципы *шариата* — «основным источником законодательства», заменила старое название страны — ОАР новым — Арабская Республика Египет (АРЕ). По конституции страна оставалась президентской республикой. Внутриполитическое положение страны с начала 1970-х годов вплоть до октября 1973 г. продолжало обостряться. С середины 1971 г. начался подъем рабочего и студенческого движения под лозунгами проведения социально-экономических реформ в интересах трудящихся, противодействия наступлению правых сил и, главное, урегулирования ближневосточного конфликта. Выражая недовольство положением «ни войны, ни мира», студенты требовали от президента принятия решительных мер для освобождения оккупированных территорий.

Ассоциация «Братья-мусульмане», находясь юридически вне закона, поощряемая властями, получила возможность резко активизировать деятельность религиозных орденов (*тарикатов*) и общин и создавать исламские комитеты в учебных заведениях для ослабления влияния левых насеристов и марксистов.

Выражением углубления социальных противоречий явилось обострение в первой половине 1970-х годов, впервые после 1952 г., коптско-мусульманской межконфессиональной розни, которая была использована властями для раскола левых сил. В августе 1972 г. был принят закон о национальном единстве, предусматривавший суровые меры за подстрекательство к беспорядкам и насилию.

Что касается взаимоотношений со сверхдержавами, то на поверхности политической жизни сохранялась видимость продолжения прежнего курса. В начале 1970-х годов Египет становился все более зависим от экономической и военной помощи СССР, а в мае 1971 г. по инициативе Египта был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом, поднимавший отношения между двумя странами на более высокий уровень. Однако вскоре Садат осуществ-

вил ряд недружественных в отношении СССР акций (в июле 1972 г. было объявлено о завершении миссии советских военных советников в Египте) и одновременно предпринял шаги к установлению более тесных отношений со странами Запада. Вместе с тем еще в декабре 1970 г. по инициативе Садата были установлены неофициальные контакты с президентом США Никсоном, после чего между ними началась переписка. В ответ на официальные призывы Садата к Вашингтону отказать от односторонней поддержки Израиля и изменить отношение к Египту США выступали с идеей «посредничества», основная цель которой заключалась в том, чтобы оттеснить Советский Союз от участия в решении ближневосточных проблем. Контакты с СССР продолжались, и, казалось, июльские события не оказали влияния на экономическое и военное сотрудничество двух стран, но вскоре стало ясно, что Египет приступил к диверсификации источников получения вооружений и экономической помощи. И в арабской политике был взят курс на укрепление сотрудничества с умеренными режимами Залива, сопровождавшийся охлаждением отношений с радикальными республиками.

В первые годы президентства Садат много раз заявлял, что война с Израилем неизбежна, и, когда 6 октября 1973 г. египетские войска форсировали Суэцкий канал, это застало врасплох Израиль и весь остальной мир. В целом «октябрьская война», несмотря на успешный контрудар израильтян в районе Деверсуара в конце войны, оказалась для Египта более успешной, чем предыдущие войны. Для Садата итоги войны явились триумфальным достижением. Война вывела Египет из тупикового положения «ни войны, ни мира», улучшила внутривнутриполитическое положение, подняла престиж и укрепила власть президента.

18 января 1974 г. было подписано 1-е Синайское соглашение о разъединении египетских и израильских войск, согласно которому Египту возвращалась полоска территории на восточном берегу Суэцкого канала.

После окончания войны в Египте произошли большие и далеко идущие перемены. 18 апреля 1974 г. был опубликован «Октябрьский документ», сформулировавший основные принципы политики «открытых дверей» и «либерализации экономики», а в мае на национальном референдуме была утверждена программа экономических и социальных реформ, предусматривавшая перестройку, привлечение иностранных инвестиций, ограничение вмешательства полиции в повседневную жизнь и введение частного сектора в экономике при сохранении государственного сектора. На протяжении 1974–1975 гг. был принят ряд законов, переводящих политику *инфитях* в русло практического осуществления.

Политика либерализации сопровождалась переориентацией внешнеполитического курса на сотрудничество со странами Запада, в первую очередь с США, на помощь которых египетское руководство рассчитывало в разрешении ближневосточного конфликта. В ноябре 1973 г. были восстановлены дипломатические отношения с США. Государственный секретарь США Г. Киссинджер установил в период переговоров о разъединении «сердечные отношения» с Садатом, а американские мирные инициативы поддерживались Египтом. В условиях улучшавшихся отношений в июне 1974 г. состоялся визит президента Никсона в Каир. После этого значительно возросла техническая и военная помощь США, а с 1976 г. Египет уже занял второе место в американской программе помощи зарубежным

странам. В результате энергичной посреднической «челночной дипломатии», проводившейся в течение первых восьми месяцев 1975 г. Киссинджером, в сентябре того же года при активном посредничестве США было заключено на сепаратной основе 2-е Синайское соглашение о разъединении египетских и израильских войск, предусматривавшее вывод израильских войск с части Синайского полуострова. В соглашении отмечалось, что «конфликт между ними и на Среднем Востоке должен быть решен не военной силой, а мирными средствами». Это соглашение, заключенное на сепаратной основе, вызвало резкое недовольство со стороны других арабских стран, в особенности Сирии, Иордании, Ирака и ООП, которые расценили его как документ, направленный на подрыв арабской солидарности, «измену общеарабскому делу», затрудняющий возврат обширных оккупированных арабских территорий.

В ноябре 1977 г. состоялась поездка Садата в Иерусалим, названная «исторической миссией» и положившая начало прямым египетско-израильским переговорам. Трехсторонние американо-израильско-египетские переговоры, проходившие под эгидой президента США Картера, завершились подписанием 17 сентября 1978 г. Кэмп-Дэвидских соглашений. На их основе 26 марта 1979 г. в Вашингтоне был подписан мирный договор между АРЕ и Израилем, предусматривавший установление дипломатических, экономических и культурных отношений между сторонами, эвакуацию в течение трех лет израильских войск из Синая. Вместе с тем договор объективно способствовал сохранению израильской оккупации сирийских и палестинских земель и усложнял осуществление права арабского народа Палестины на самоопределение. Иными словами, Садат пошел по пути решения проблем своей страны за счет других арабских народов, и прежде всего за счет интересов палестинцев. Сепаратный курс Садата был осужден арабскими странами. Было приостановлено (1979 г.) членство Египта в ЛАГ и Организации «Исламская конференция». Почти все страны-члены ЛАГ разорвали дипломатические отношения с Египтом и прекратили предоставление ему финансовой, экономической и военной помощи. Никогда еще египетское влияние не опускалось до столь низкого уровня.

Новым проявлением ухудшения отношений с Советским Союзом явилась односторонняя денонсация 15 марта 1976 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом 1971 г. Садат обвинил СССР в оказании давления на Египет посредством критики его ближневосточной политики, отказе от реструктуризации долгов Египта и от предоставления вооружения и боеприпасов. В декабре 1979 г. Египет принял решение о высылке около 40 советских дипломатов в знак протеста против советского вторжения в Афганистан.

Между тем переход на новую модель развития оказался весьма болезненным и длительным процессом. Экономическое развитие характеризовалось большими противоречиями и усилением структурных диспропорций. Иностранный капитал устремился лишь в нефтяную промышленность и финансы. Быстрыми темпами развивались только торговля, строительство и сфера услуг. Бесконтрольный импорт товаров оказывал отрицательное воздействие на промышленность. Невнимание к сельскому хозяйству привело к тому, что более половины потребляемого

продовольствия страны стало ввозиться из-за границы. Экономический рост второй половины 1970-х годов основывался не на развитии производственной сферы, а на комплексе внешних факторов (экспорт нефти, денежные переводы египтян, работающих за рубежом, доходы от эксплуатации Суэцкого канала, туризм). Такие тенденции в развитии экономики привели к феномену «неиндустриального роста», резкому усилению имущественной поляризации населения, обострению проблемы занятости и опасным масштабам безработицы. Высокое социальное напряжение привело к новому подъему рабочего и студенческого движения (выступления в январе, марте 1975 г., летом 1976 г.), кульминацией которого явились массовые «хлебные» выступления в январе 1977 г., угрожавшие самому существованию режима.

Политика «открытых дверей» сочеталась с широко разрекламированным «демократическим экспериментом». Отступая от выдвинутых Насером принципов союза трудовых сил народа, объединенных в АСС, Садат в марте 1976 г. принял решение о создании в рамках АСС трех политических платформ: центристской (правящее большинство), левой и правой, а в ноябре 1976 г. было разрешено преобразовать платформы в партии: Арабскую социалистическую партию (АСП, центристскую), Либерально-социалистическую партию (ЛСП, правую) и Национально-прогрессивную партию (НПП, левую). В июне 1977 г. был принят закон, легализующий и регулирующий партийную деятельность. Политические партии были поставлены под жесткий правительственный контроль, а генеральный секретариат АСС был преобразован в орган, контролирующий их деятельность.

Важнейшим испытанием египетского «демократического эксперимента» явилось образование в феврале 1978 г. партии «Новый Вафд» (точнее, воссоздание дореволюционного «Вафда»), успешно соперничавшей с АСП. Недовольный усилением «Вафда» и кригикой со стороны НПП, Садат организовал референдум, на котором был одобрен закон о защите национального единства и социального мира, в результате чего последовали решения «Нового Вафда» — о самороспуске и НПП — о приостановлении деятельности.

В июле 1978 г. Садат заявил о создании новой президентской Национально-демократической партии (НДП), которая фактически заменила АСП. В ноябре 1978 г. Садат поддержал создание Социалистической партии труда (СПТ), которой режим отвел роль «честной и легальной оппозиции». Перестройка партийной системы сопровождалась значительными перестановками в правительстве, армии и провинциальной администрации. Эти меры, проведенные после Кэмп-Дэвидских соглашений, были направлены на то, чтобы предупредить возможность новых социально-политических потрясений. Однако «демократический эксперимент» Садата потерпел фиаско. В апреле 1979 г. группа депутатов Народного собрания выступила против ратификации мирного договора с Израилем. Не только члены НПП, но и депутаты от СПТ, выйдя из-под контроля правительства, подвергли резкой критике египетско-израильский договор. В ответ на это парламент был распущен, и на новых выборах депутаты, осудившие политику правительства, стараниями властей не были переизбраны. Ограничение деятельности легаль-

ной оппозиции способствовало активизации нелегальных антиправительственных организаций (экстремистских и леворадикальных группировок).

Во второй половине 1981 г. стало очевидным, что режим поражен тяжелым кризисом и президент исчерпал возможности маневра в рамках выработанной им программы. В сентябре Садат провел кампанию массовых политических репрессий, в ходе которой было арестовано около 1,5 тыс. ведущих деятелей оппозиции (лидеров и активистов мусульманских экстремистских организаций, около 150 руководителей коптской общины, абсолютно невиновных, а также ряд известных вафдистов, левых насеристов, коммунистов, лидеров НПП, СПТ и др.). В это же время посол СССР и ряд сотрудников советского посольства, обвиненные в том, что они якобы причастны к обострению внутривнутриполитической обстановки, были высланы из страны, а отношения между двумя странами фактически заморожены. Эта кампания массовых преследований привела к резкому обострению политической обстановки. 6 октября 1981 г. во время военного парада Садат был убит в результате покушения, организованного группой военных — членов тайной экстремистской организации «аль-Джихад».

На Западе деятельность Садата была оценена весьма высоко: он первый арабский политический деятель (и вообще первый араб), удостоившийся Нобелевской премии (1978 г.). В арабском же мире и в Египте на нем длительное время лежало неизгладимое клеймо предателя и еретика.

13 октября 1981 г. в результате референдума президентом Египта был избран Хосни Мубарак.

ЕГИПЕТ в 1981–1991 гг.

Мубарак приступил к существенной корректировке политического курса страны. Его первым достижением явилось восстановление внутреннего мира и выход из кризиса, который переживала страна. Прежде всего были приняты меры по установлению контроля над мусульманскими фундаменталистскими организациями. Они сочетали жесткий курс в отношении экстремистов с позитивным сотрудничеством с умеренными фундаменталистами. Были проведены показательные судебные процессы над воинствующими исламистами. В то же время лидеры умеренных были освобождены из заключения и получили возможность выступить с пропагандой своих взглядов. Не менее важными были шаги, направленные на смягчение народного недовольства и расширение социально-политической поддержки режиму. Президент объявил о своем намерении построить «Египет для всех» (не только для имущих, но и для трудящихся) и очень скоро приобрел доверие оппозиции, освободив из тюрем лидеров политических партий и призвав оппозицию к «конструктивному диалогу» в национальных интересах. Прекратив преследование легальных партий, президент содействовал оживлению внутривнутриполитической жизни, в которой стали «слышны мнения». Наряду с официальной выросла оппозиционная печать, получившая возможность свободно выражать на своих страницах альтернативные мнения и конструктивную критику.

Важнейшим вкладом Мубарака в развитие египетской политической системы стало медленное и осторожное движение по пути демократизации в условиях систематически продлеваемого закона 1981 г. о чрезвычайном положении и сохранения политической стабильности. Главная особенность «эры Мубарака» — это переход на более высокую стадию демократии по сравнению с предыдущим периодом, от «революционной законности» к «конституционной законности», в частности, суды стали демонстрировать необычную свободу, пересматривая либо аннулируя ряд декретов предшествующих лет, противоречащих конституции. Независимый статус Верховного конституционного суда в 1980-е годы приобрел реальную силу. В новых, более либеральных условиях партия «Новый Вафд» в августе 1983 г. возобновила свою деятельность, а в январе 1984 г. Верховный конституционный суд, отклонив возражения НДП, легализовал «Новый Вафд».

Важнейшим событием политической жизни явились выборы в парламент, основанные на многопартийной системе, в мае 1984 г. Президент обещал провести первые после революции 1952 г. «свободные, честные и подлинные» выборы и тем самым консолидировать свою власть, продемонстрировать толерантность и утвердить себя в качестве популярного лидера. Свободные выборы должны были нейтрализовать недовольство и ослабить напряженность в стране, ознаменовать начало новой эры. Победа доминирующей партии, использующей в полном объеме административный ресурс, не вызвала сомнений. В результате Национально-демократическая партия получила 73% голосов, что дало ей возможность иметь 389 мандатов в Народном собрании, а «Новый Вафд» — 15,1% голосов, т.е. 59 депутатов. Одной из причин успеха «Нового Вафда» был его избирательный альянс с «независимыми» представителями запрещенной ассоциации «Братья-мусульмане».

Несмотря на отмеченные факты фальсификации и давления со стороны НДП, выборы 1984 г. выгодно отличались от предыдущих. По египетским стандартам они были свободными и упрочили положение Мубарака.

Предметом особого внимания президента стали неотложные проблемы крайне неустойчивой и уязвимой хозяйственной системы, конструктивная и осмотрительная работа по устранению негативных последствий политики «открытых дверей», переориентации инвестиций из сферы потребления в производство («производственный *инфатах*»), обеспечению всемерного расширения экспорта, ликвидации диспропорций путем ускоренного роста производственных секторов экономики, сдерживанию неконтролируемого импорта и, наконец, трудным переговорам с МВФ. В условиях нарастания кризисных явлений Мубарак при содействии США добился одобрения Фондом исключительно умеренного и осторожного комплекса реформ и щадящий график их реализации, после чего в мае 1987 г. последовало соглашение с Парижским клубом по отсрочке и реструктуризации внешнего долга.

Перед страной в 1980–1990-е годы стояла следующая трудноразрешимая задача: с одной стороны, экономические проблемы и зависимость от международных банков требовали ускорения экономических реформ, с другой — социальная

политика и субсидии на поддержку бедноты вынуждали замедлять их осуществление. Значительную часть средств, необходимых для развития, пожирал угрожающий прирост населения (1,3 млн. человек ежегодно). Тактика решения этой задачи была такова: проводить реформы низкими темпами, поддерживая политическую стабильность благодаря рациональному использованию субсидий на основные продовольственные товары.

Серьезные социально-экономические трудности и необходимость поддержания стабильности для решения хронических экономических проблем вызвали желание иметь «сбалансированный» парламент с более широким социальным представительством. В результате досрочных парламентских выборов 6 апреля 1987 г. НДП вновь получила большинство мест — 346 (69,6%), исламский избирательный альянс в составе СПТ, ЛСП и «Братьев-мусульман» добился 60 мандатов (17%), из которых 37 принадлежало формально запрещенной ассоциации «Братья-мусульмане», и только на третьем месте с 35 мандатами оказался «Новый Вафд».

Новый состав парламента полнее отражал соотношение сил в стране, чем предыдущий. Мубарак полагал, что выборы приведут к утверждению и укреплению его власти на прочной конституционной основе. 5 октября 1987 г. на национальном референдуме он был переизбран на второй шестилетний срок.

Экономические реформы 1986–1990 гг. проходили медленно и в сложных условиях. Переговоры правительства с МВФ в начале 1989 г. относительно сроков и масштабов проведения реформ вновь зашли в тупик: в то время как правительство настаивало на реализации программы реформ в течение четырех лет, Фонд ограничивал сроки максимум двумя годами. В первой половине 1990 г. правительство предприняло некоторые шаги в направлении выполнения условий МВФ, в частности были снижены субсидии на основные продовольственные продукты, что вызвало резкий рост цен и усиление социальной напряженности. Несмотря на эти меры правительства, переговоры с Фондом вплоть до весны 1991 г. фактически были прерваны.

Главной угрозой режиму Мубарака в 1980–1990-е годы продолжала оставаться деятельность воинствующих исламистских организаций, которые, воспользовавшись экономическим кризисом второй половины 1980-х годов, активизировали свою террористическую деятельность. В мае 1987 г. более 500 исламистских радикалов, главным образом членов «Исламского джихада» и «аль-Джамаа аль-ислямийя», были арестованы; в декабре 1988 г. в Каире и Асьюте по подозрению в антигосударственной деятельности было арестовано несколько сот студентов-членов исламистских групп, а весной 1989 г., столкнувшись с растущим народным недовольством в связи с ростом цен и нехваткой продовольствия, силы безопасности с целью предупредить массовые волнения в месяце рамадан арестовали более 2000 исламистов.

В связи с решением Верховного конституционного суда о неконституционности выборов 1987 г. в октябре 1990 г. Народное собрание было распущено. Избирательная кампания в новый парламент проходила в атмосфере резкого обострения внутривосточной обстановки, связанной с кризисом в Заливе.

угрозой безопасности со стороны исламских экстремистов, враждебных правительству, занявшему «прозанадную» позицию в период агрессии Ирака против Кувейта. Наконец, убийство сникера парламента Р. аль-Махджуба исламистами 12 октября еще более накалило внутривластную обстановку и привело к проведению самой крупномасштабной операции сил безопасности со времени убийства Садага. Сотни исламских радикалов были арестованы в Асьюте, Бени-Суэйфе и в некоторых пригородах Каира. Парламентские выборы 29 ноября и 6 декабря 1990 г., проводившиеся в соответствии с новым избирательным законом (который отменил 8% барьер для прохождения партий в парламент и снял все ограничения для независимых кандидатов), завершились полной победой правящей НДП, получившей 348 из 444 избираемых мест, остальные 83 мандата достались независимым кандидатам (из которых 56 присоединились к НДП, 14 — к «Новому Вафду», 8 — к СПТ и 1 — к ЛСП). Однако в связи с тем, что четыре из числа главных партий — «Новый Вафд», СПТ, ЛСП и запрещенные, но терпимые властями «Братья-мусульмане» — бойкотировали выборы после отказа правительства внести в избирательный закон их требования, НПП со своими шестью депутатами стала лидером официальной оппозиции в парламенте.

ЕГИПЕТ в 1991–2001 гг.

К рубежу 1980–1990-х годов казалось, что президенту ценой невероятных усилий удастся преодолеть тяжелое экономическое положение, вытащить страну из «болота бедности», выйти из заколдованного круга нерешенных хозяйственных проблем и, более того, вывести Египет в число новых индустриальных стран. Темпы экономического роста стали относительно устойчивыми, хотя еще недостаточными для перехода в разряд новых индустриальных стран. Однако в первые годы нового столетия ситуация вновь начала ухудшаться и стало ясно, что экономические реформы, направленные на укрепление права собственности, рост частного сектора, финансовую стабилизацию и построение либеральной экономики, не дали ожидаемых результатов и потерпели неудачу. «Головной болью» правительства продолжал оставаться угрожающий прирост населения, существование значительных пауперизованных масс как в деревне, так и в «плюсах бедности» на окраинах мегаполисов. Несмотря на то что правительству удалось несколько снизить прирост населения (с 2,6% в 1970 г. до 2% в 2002 г.) и масштабный экспорт рабочей силы, в стране сохранялась большая армия безработных и полубезработных (неофициальная оценка составляет 15–25%, вдвое превосходя правительственные цифры). Это оказывало серьезное воздействие на экономическое и социально-политическое положение в стране, которая имела самые высокие в регионе внешний долг и дефицит платежного баланса. В Египте буханка хлеба *балади* — основного продукта, поддерживающего большой слой бедного населения, стоила в 2001 г. пять пиастров (меньше одного амер. цента).

Это дешево даже по местным стандартам, но совсем немало в стране, где средний доход на душу населения составлял 1100 долл., а ежегодный прирост населения — 1 млн. человек пожирает значительную часть доходов, предназначенных для развития. Возросший груз нерешенных хозяйственных вопросов и быстрый рост населения были главными причинами обострения социальных проблем, отодвигая на будущее планы правительства по повышению уровня жизни населения и улучшению системы социального обеспечения.

Поддерживаемая правительством стабильность социальной структуры продемонстрировала свою хрупкость, когда начинались сбои со снабжением субсидированного правительством хлеба, и каирская беднота выходила на улицы. Тогда ситуация в столице напоминала «хлебные бунты» 1977 г., когда Садат, едва не лишившись власти, немедленно отменил решение о повышении цен на основные товары. Как и тогда, были приняты экстренные меры по ликвидации опасного социального взрыва. Президент не раз подчеркивал, что хлеб для малоимущих слоев — это не экономическая, а политическая и социальная категория.

Президентство Мубарака можно разделить на два периода: первый (1981–1991), когда президент продемонстрировал более выраженный демократический менталитет, чем его предшественник. Оживилась внутривластная жизнь, активизировалась деятельность конституционных институтов, прекратились преследования легальных политических партий, была допущена некоторая свобода мнений и конструктивная критика в печатных органах оппозиционных партий. Одновременно были приняты постановления по усилению конституционного контроля за законами, что привело к некоторому усилению роли оппозиции в парламенте (например, в 1987 г. ее представительство там превысило 30%). В целом в области демократизации АРЕ продолжала лидировать в арабском мире. Однако даже в эту либеральную эпоху президенту не удалось создать конструктивную оппозицию. Второй период (с начала 1990-х годов) характеризуется ужесточением борьбы с нелегальной оппозицией и ограничением деятельности легальной. Масштабы активности легальных партий в 1990-е годы были ограничены серией постановлений, начиная с законов о партиях и прессе. Правящая НДП, контролировавшая законодательную и исполнительную власти, строго ограничивала свободу действий других политических партий. Надзор сил внутренней безопасности становился все более жестким. Печатные органы легальных партий были вынуждены считаться с принятыми парламентом цензурными ограничениями. В этих условиях партиям (в том числе и «Вафду», имеющему большую историю) было трудно получить широкую общественную поддержку. Их присутствие можно было обнаружить преимущественно на страницах их собственных газет с ограниченными тиражами и в парламентских дебатах.

Гораздо более серьезным соперником режима выступала ассоциация «Братья-мусульмане» — главная сила оппозиции и символ недовольства как дореволюционного, так и послереволюционного Египта. Благодаря четкой иерархической структуре, жесткой дисциплине и лозунгам, облеченным в понятную религиозную форму и отвечавшим чувствам масс, организация вновь продемонстрировала свои адаптационные качества и политическое долголетие.

Несмотря на то что внутри ассоциации формировались и выделялись различные экстремистские группы, такие, как «Джамаа аль-джихад» и «аль-Джамаа аль-ислямийя», идеология которых основывалась на идеях крупнейшего исламского радикального мыслителя Сейида Кутба, «Братья-мусульмане», подчеркивая свою уверенность и центризм, выступали в качестве серьезной политической силы. Исламисты лучше других общественных движений воспользовались периодом относительной толерантности Мубарака и приступили к «мирному наступлению» на правительство, добываясь от него уступок в направлении исламизации общественной жизни (например, поправка к конституции, признавшая *шариат* основой законодательства; требования по расширению исламской тематики и программ в СМИ и др.). Они интенсифицировали свою деятельность, преследуя цель ослабить светское государство и заменить его исламским.

В организационной структуре ассоциации в новых условиях начала 1980-х годов были проведены некоторые преобразования, самым важным среди которых было введение децентрализованной системы управления. Это было сделано для усовершенствования процесса принятия решения и предоставления автономии провинциальным отделениям. Провинциальные руководящие органы были освобождены от чрезмерной опеки центра и получили право принимать оперативные решения по региональным вопросам. Стремясь расширить свое влияние в обществе, «Братья-мусульмане» приступили к созданию специальной контактной сети с влиятельными синдикатами профессионалов (лиц «свободных профессий»), студенческими союзами, клубами университетских преподавателей и др. Специальная сеть вскоре заняла свободную нишу по оказанию масштабных социальных услуг наиболее динамичным слоям населения. Так, благодаря успешной деятельности активистов из числа «Братьев-мусульман» в Клубе преподавателей Каирского университета удалось добиться повышения заработной платы молодым преподавателям (нижнего звена), обеспечить наиболее нуждающихся из них дешевыми квартирами и улучшить их медицинское обслуживание. Поэтому неудивительно, что уже во второй половине 1980-х годов ассоциации удалось установить свой полный контроль в советах правлений клубов преподавателей крупнейших университетов страны.

Не менее успешной была деятельность «Братьев-мусульман» в студенческих союзах и кампусах. В 1987 г. движение завоевало большинство мест в студенческих союзах университетов Каира, Александрии и аз-Заказика, а в 1988–1989 гг. оно контролировало также студенческие союзы Мансуры и мусульманского университета аль-Азхар. Пропаганда религиозного характера подкреплялась практической работой по улучшению материального положения студентов (обеспечение бесплатным медицинским обслуживанием, дешевыми учебниками и др.).

Но самым серьезным вызовом режиму оказалась кампания, развернутая ассоциацией по установлению контроля над синдикатами профессионалов, которые оказывали большое влияние на интеллектуальную жизнь страны. Умело проводя электоральную стратегию, «Братья-мусульмане» на протяжении 1990-х годов шаг за шагом одержали крупные победы на выборах руководящих советов синдикатов профессионалов, превратившись в доминирующую силу в главных объ-

единениях лиц «свободных профессий» (врачей, инженеров, адвокатов, фармацевтов и научных работников). В условиях, когда авторитарное государство с неповоротливой бюрократией оказалось неспособным проводить эффективную политику по оказанию социальных услуг населению, исламисты создали специальную организацию, которая приняла на себя выполнение этой функции.

На начальном этапе своего присутствия в различных общественно-профессиональных организациях «Братья-мусульмане» демонстративно подчеркивали свою аполитичность, проявляя усердие лишь в сфере социального вспоможения. Результатом такой стратегии стало получение исламистами **неформальной легитимности от общества, но не от государства**. Эта законность становилась все более политизированной. Чтобы принудить государство официально признать их ассоциацию, «Братья-мусульмане» все шире стали использовать свою популярность и влияние в общественном пространстве для усиления теперь уже политического влияния.

Синдикаты, союзы, кампусы и клубы заняли пространство легальной политики и превратились в конечном счете в поле брани между ассоциацией и государством. Конфронтация двух сил — государства и исламистов приняла открытый характер в 1990 г., когда «Братья-мусульмане» попытались образовать «Комитет по координации синдикатных действий» с целью объединения усилий профсоюзов интеллигенции, что должно было усилить их политический вес. Наконец, были предприняты шаги по организации альянсов с политическими партиями. Их деятельность в синдикатах профессионалов вышла за обычные рамки чисто синдикатных акций и превратилась в открытый вызов собственным структурам и «корпоративистскому контролю государства».

С начала 1990-х годов режим решительно изменил свое отношение к исламистам и перешел от тактики ограничения их деятельности к борьбе по искоренению их влияния в обществе. Ряд событий в стране и мире привел к началу активной борьбы с ними: победа исламистов на выборах в Алжире в 1992 г., установление ими контроля над синдикатом юристов, игравшим заметную роль в истории Египта; покушение на жизнь Мубарака 26 июня 1995 г. в Аддис-Абебе, организованное военным крылом «Джамаа аль-джихад»; нападение на египетское посольство в Исламабаде в ноябре 1995 г., в результате которого 15 человек были убиты и 70 ранены. Набиравшее силу движение исламского экстремизма активизировало террористическую деятельность в губернаторствах Асьют — традиционном оплоте исламистов — и Бени-Суйф, а также в беднейших кварталах Каира. В ответ на рост политического насилия были внесены поправки в уголовный кодекс и законы о высших судах государственной безопасности, значительно ужесточившие наказания за преступления против безопасности общества и государства, в особенности против экстремистов и организаторов террористических актов. В 1993 г. парламент принял закон, изменивший правила выборов руководящих органов синдикатов профессионалов и позволивший по решению судебных органов закрывать или преобразовывать синдикаты, в которых было сильно влияние «Братьев-мусульман». Аналогичными методами из студенческих советов были исключены активисты «Братьев-мусульман». В мае 1995 г. был принят

Закон о печати, предусматривавший строгие наказания за «преступные публикации», направленные против государства и официальных лиц. Число граждан, осужденных военными судами, увеличилось с 48 в 1992 г. до 10 312 в 1993 г.: количество смертных приговоров, вынесенных военными судами гражданским лицам, возросло с 8 в 1992 г. до 31 в 1993 г. Всего с 1992 по январь 1997 г. к смертной казни было приговорено 83 исламских боевика, а число политзаключенных, осужденных по законам чрезвычайного положения, превысило 10 тыс. (согласно данным оппозиции — 16 тыс.) в 1996 г.

Репрессии против террористов не смогли предотвратить роста политического насилия, жертвами которого в 1991, 1993 и 1995 гг. стали соответственно 30, 208 и 373 человека, преимущественно сотрудники службы безопасности, копты и иностранцы. Нападение на коптов подрывало национальное единство, а террористические акты против иностранцев угрожали одному из главных источников доходов — туризму, а также иностранным капиталовложениям. С 1991 по 1995 г. продолжалось вялотекущее прогибоборство между режимом и революционными исламистами. Однако после кровавых событий 1995 г. власти развернули настоящую войну против боевиков и к 1997 г. одержали наконец решающую победу над «Джамаа аль-джихадом», «аль-Джамаа аль-ислямийя» и другими экстремистскими группами, разгромив их вооруженные формирования, уничтожив или арестовав их лидеров и активистов.

В нейтрализации воинствующих исламистов правительство добилось успеха в основном благодаря их же стратегической ошибке. Вместо кропотливой работы с массами по обеспечению широкой социальной базы вожди воинствующих инсургентов сделали ставку на террор и захват власти, полагая этими средствами вывести «общество из спячки». Массовая кровавая бойня, организованная исламистами в Луксоре в ноябре 1997 г., когда было убито 70 человек, в том числе 58 иностранных туристов, явилась актом отчаяния и привела к противоположному результату — население отвернулось от исламистов, а общество резко осудило организаторов резни в Луксоре. Политические партии и общественные организации, религиозные лидеры и гражданские учреждения осудили террористов и призвали государство довести борьбу с ними до окончательной победы. В хор осуждающих был слышен и голос ассоциации «Братья-мусульмане» — главного исламистского движения, которое охарактеризовало нападавших как людей, не имеющих «ни совести, ни религии» и отвергло террор как форму политической борьбы. В этот период «Братья-мусульмане» вновь выдвинулись на первый план, требуя у властей исламизации и либерализации политической системы, все чаще заявляя о себе как об альтернативной и умеренной политической силе. В 1990-е годы они дважды выступали с проектами создания легальной демократической партии: сперва в 1994 г. группа молодых *ихванов* якобы без согласия руководства движения создала партию «Амаль» («Надежда»), но Комитет политических партий (КПП) не признал законным это политическое формирование; более серьезная попытка была предпринята в 1996 г., когда группа молодых исламских интеллектуалов вышла из ассоциации, заявив об основании Хизб аль-вадат (Партии центра, центристской). Эта партия пыталась соединить исламизм

и *шариат* с некоторыми западными ценностями, такими, как демократия, парламент и др. Однако, несмотря на сдвиг в сторону либеральной модели, этот проект не был признан постисламистским. Хизб аль-васат дважды пыталась получить легальный статус, но в обоих случаях получила отказ (окончательно в июне 1999 г.).

Вместе с тем следует признать, что инициативы, с которыми выступали «Амаль» и Хизб аль-васат, а позже исламские конституционалисты, свидетельствуют о способности идеологов умеренного исламизма эволюционировать и оставаться носителями развивающейся доктрины.

Наиболее распространенное обоснование мотивов проведения «драконовской делиберализации» — это то, что радикальный исламизм в Египте, используя террористические методы и подняв вооруженное восстание, не оставил правительству иного выбора как использовать для его подавления вооруженные силы. Другая причина состоит в том, что экономические реформы 1990-х годов, не приведшие к сколько-нибудь ощутимым результатам, требовали «скрепления» политических структур, что должно было подготовить почву для рывка в хозяйственной сфере. Следовательно, между наступлением на свободы и результатами экономических реформ существует прямая связь.

Причин фиаско экономических реформ в Египте много, однако главная, очевидно, состоит в нежелании правящей верхушки реализовать программу более глубокой либерализации и приватизации, в ее желании сохранить статус-кво, т.е. современную форму бюрократического капитализма, поддержание которого также, и даже в большей степени, требует политических реформ.

Объединение важнейших гражданских и политических сегментов общества стало настоятельной необходимостью и в связи с появлением в конце XX — начале XXI в. ряда новых внутренних и внешних факторов. Речь идет о все большем воздействии на общественный дискурс в целом и на настроения политических деятелей и молодежи изменений в сфере арабских СМИ в связи с интенсивным внедрением спутникового телевидения (каналы «аль-Джазира» и «аль-Арабийя») и базирующихся в Европе и располагающих собственными телеканалами панарабских газет («аль-Хайат» и «аш-Шарк аль-авсат») и, наконец, расширяющимся доступом в Интернет. В центре внимания этих новых источников информации, не подверженных государственной цензуре, находятся такие вопросы, как неудачи реформ в арабских странах, подавление демократических свобод, сотрудничество арабских лидеров с США и др.

Среди наиболее обсуждаемых вопросов остается ближневосточная политика США и в особенности «большая средневосточная инициатива» США, т.е. инициатива по установлению демократических режимов в регионе. Как официальные круги, так и представители оппозиции в Египте были единодушны в том, что вариант под названием «Реформа на броне танка», который США воплотили в Афганистане и Ираке, неприемлем. Оппозиция же, в частности, утверждает, что реформы и демократия не могут быть реализованы существующими арабскими режимами, а американские инициативы в этом направлении преследуют цель обеспечить выживание их арабских союзников.

В период кризиса в Заливе 1990–1991 гг. американо-египетские отношения достигли беспрецедентно высокого уровня. Египет стал ключевым арабским членом антииракской коалиции, направив в район военных действий 35-тысячный воинский контингент, что повысило международную репутацию страны и было достойно оценено: около половины внешнего долга АРЕ (50 млрд. долл.) было либо аннулировано, либо реструктуризовано кредиторами на льготных условиях (США аннулировали огромный военный долг Египта в 7,1 млрд. долл.). Вместе с тем Египет продемонстрировал способность (а возможно, и осознанное, но не афишируемое желание) следовать курсу на «балансирование» между великими державами.

Подлинным триумфом Мубарака стала его политика в отношении арабского мира. В течение десяти лет Египет не только вернулся в его лоно, но и восстановил свое ведущее положение в нем. После одиннадцатилетнего перерыва ЛАГ 1 октября 1990 г. возвратилась в свою постоянную резиденцию в Каире. В отличие от Садата Мубарак сумел завоевать авторитет и доверие в арабском мире и стать в нем одним из самых влиятельных лидеров. Внешним проявлением успехов Египта явилось избрание двух выдающихся египетских дипломатов в 1991 г. на самые высокие посты в крупнейших международных организациях: Исмаат Абдель Магид был выбран генеральным секретарем ЛАГ, а Бутрос Гали — генеральным секретарем ООН.

Египетско-израильские отношения продолжали оставаться в целом весьма прохладными, а камнем преткновения для их развития была проблема палестинской государственности, относительно которой позиции сторон существенно различались. Египет играл весьма конструктивную роль в решении ближневосточной проблемы. Именно посредничество Египта между Израилем, ООП и Сирией привело к новому этапу (начатому в Мадриде в октябре 1991 г.) мирного процесса по урегулированию арабо-израильского конфликта.

Что касается советско-, а затем российско-египетских отношений, то они после прихода к власти Мубарака медленно, но неуклонно улучшались. В 1984 г. были восстановлены нормальные отношения между двумя странами, а с 1985 г. начали восстанавливаться экономические и культурные связи. Важное значение для нового полномасштабного развития отношений имели визиты Мубарака в Москву в мае 1990 и в апреле 2001 г. В современных российско-египетских отношениях преобладает позитивный прагматизм, стимулируемый обеими сторонами. Курс на сближение РФ и АРЕ можно отчасти объяснить ностальгией Каира и Москвы по былым временам. В Каире полагают, что Россия может наряду (или вместе) с ЕС стать уравновешивающей силой против чрезмерно сильного влияния США, а в Москве все большее значение придают восстановлению тесных политико-экономических связей с Египтом, который является самым крупным торговым партнером России среди арабских и африканских стран. Вместе с тем стороны считают, что потенциал отношений между двумя странами значительно больше его современного состояния. Наряду с традиционным сотрудничеством в военно-технической сфере наиболее интересными представляются взаимоот-

ношения в области энергетики, использования мирного атома, туризма и взаимного инвестирования.

Одержанная над радикальными исламистами победа обеспечила режиму на рубеже столетий стабильность и мир, однако, несмотря на свой высокий авторитет и монополию на власть, Мубараку не удалось ликвидировать «ихванизм» (от араб. *ихван* — братство) как идеологическое и политическое течение общественной жизни.

Делиберализация на парламентском уровне проявилась в том, что после перехода на мажоритарную систему большинство партии власти в парламенте стало формально менее надежным. На выборах в ноябре–декабре 1995 г. НДП, только обеспечив себе подавляющее большинство мест — 93% (415 из 444 мандатов), гарантировала режиму полную поддержку парламента.

Важным событием явились парламентские выборы 18 октября — 14 ноября 2000 г., на которых впервые в истории надзор за выборами был передан из ведения Министерства внутренних дел судебным органам, что являлось одним из главных требований оппозиции. Большинство кандидатов на выборах выдвигались в качестве «независимых», а по партийным спискам — менее 20%. Но большинство избранных «независимых» депутатов присоединились к НДП, которая в результате получила 388 мандатов (85,5%). Несмотря на кампанию репрессий против «Братьев-мусульман», они добились 17 мест, а оппозиционные партии в целом располагали 40 мандатами. Итоги выборов 2000 г. свидетельствовали о желании правительства несколько ослабить чрезмерное ущемление свобод и демократизировать процедуру выборов, чтобы иметь более сбалансированный парламент при сохранении большинства мест у партии власти. В июле 1993 г. на национальном референдуме Мубарак был переизбран на третий, а в сентябре 1999 г. на четвертый шестилетний срок.

События последних десятилетий в регионе показали, что великая арабская страна Египет продолжает оставаться оплотом стабильности и мира в этом взрывоопасном и неустойчивом регионе.

Глава 10

ЛИВАН

Официальное название страны — Ливанская Республика. Она расположена в Западной Азии на восточном побережье Средиземного моря. Ливан имеет сухопутные границы на юге с Израилем, а на востоке и севере — с Сирией. Численность населения страны составляет 3 677 780 человек (2002 г.). Государственный язык — арабский, распространены также французский, английский, армянский языки. В Ливане проживает 95% арабов, 4% армян и 1% других этнических групп. 70% ливанского населения — мусульмане, в том числе сунниты, шииты, друзы, алавиты, исмаилиты. Христиане (марониты, православные, католики, протестанты) составляют 30% ливанцев. Столица — г. Бейрут (1,3 млн. жителей, с пригородами — 1,9 млн., по состоянию на 2001 г.). Денежная единица — ливанский фунт, также называемый ливанской лирой.

ЛИВАН в 1943–1957 гг.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛИВАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Особенности географического положения, конфессионального состава населения, социально-политического и экономического развития страны в различные исторические периоды во многом определили закономерности развития Ливана после обретения им независимости. Становление ливанского государства протекало сложно. Независимость его была провозглашена 22 ноября 1943 г. Тем самым был завершён период мандатного управления французских властей. Чтобы создать независимую ливанскую государственность, понадобился компромисс, достигнутый в 1943 г. путем заключения так называемого Национального пакта — соглашения об основах и принципах организации государства. Согласно пакту Ливан признавался независимым, суверенным арабским государством, являющимся частью арабского сообщества, но в то же время не разрывающим свои исторические связи с Западом. Три главных поста в государстве были распределены между основными конфессиями следующим образом: президент республики — маронит, премьер-министр — мусульманин-суннит, председатель парламента — мусульманин-шиит. По сути, государственные посты распределялись между представителями традиционной ливанской элиты: маронитскими, суннитскими, друзскими и шиитскими семьями. Первым президентом независимого Ливана был избран маронит Бишара аль-Хури, который, в свою очередь, назначил премьер-министром суннита Риада ас-Сольха.

Нормы представительства религиозных общин в государственных органах определялись в соответствии с данными проведенной французскими мандатными

властями в 1932 г. переписи: марониты составляли 30% населения, мусульмане-сунниты — 22, мусульмане-шииты — 18, православные — 10, друзы — 6, греко-католики — 6, остальные — 8%. При установлении общего числа депутатов парламента по традиции соблюдался принцип пропорционального представительства: на пять депутатов от мусульман — шесть депутатов от христиан. Однако закрепленное Национальным пактом неравное представительство общин стало предпосылкой для их будущего противоборства. Сложности конфессионального устройства Ливана, как правило, приводили к тому, что социальные конфликты переходили в плоскость религиозно-общинной конфронтации, сплачивая каждую общину вокруг ее традиционной элиты.

В марте 1945 г. Ливан стал одним из учредителей Лиги арабских государств (ЛАГ), а в мае 1945 г. страна приняла участие в Сан-Францисской конференции ООН, став одним из первых членов этой международной организации.

В 1948 г. Ливан принял ограниченное участие в первой арабо-израильской войне. Результатом этой войны стало переселение около 100 тыс. палестинцев на территорию Ливана, где для них были созданы специальные лагеря беженцев.

Провозгласив Ливан страной «свободной экономики», ливанские власти предоставили широкие льготы иностранному капиталу и местной торговой буржуазии. Власти всячески поощряли транзитную торговлю: так, уже в 1948 г. была разрешена неограниченная торговля валютой, а в 1951 г. было принято решение расширить «свободную зону» в порту Бейрута. С 1950 по 1957 г. американская помощь Ливану по «программе Трумэна» составила 35 млн. долл. Основная масса этих средств шла на строительство и усовершенствование инфраструктуры — аэродромов, портов, дорог и т.д.

После выборов 1951 г. в парламенте сформировался Социально-национальный фронт, стоявший в оппозиции к политике президента аль-Хури. В него вошли представители Прогрессивно-социалистической партии (ПСП), возглавляемой лидером друзов Камалем Джумблатом, правохристианской партии фалангистов «Катаиб», а также группа депутатов во главе с христианским политиком Камилем Шамуном и др. Была выдвинута программа реформ, которая предусматривала изменение избирательного закона, чистку государственного аппарата, укрепление связей Ливана с арабскими странами.

В течение весны–лета 1952 г. по стране прокатились демонстрации протеста против политики ливанских властей. В результате 18 сентября 1952 г. президент аль-Хури был вынужден подать в отставку.

Новым президентом 23 сентября 1952 г. был избран Камил Шамун. Руководители фронта, оказавшие Шамуну поддержку, в обмен взяли с него письменное обязательство, что на посту главы государства он будет придерживаться политики нейтралитета на международной арене, покончит с коррупцией, не будет использовать свое положение в личных целях, осуществит программу реформ, провозглашенную фронтом. Однако прошло всего несколько месяцев, и выяснилось, что новый президент вовсе не намерен выполнять взятые на себя обязательства.

Изданный в конце 1952 г. новый избирательный закон содержал ряд новых положений (прямое голосование, предоставление избирательных прав женщи-

нам, имеющим начальное образование). Однако, как показали парламентские выборы 1953 г., главная цель закона состояла в том, чтобы в результате сокращения числа депутатов до 44 и нового разделения избирательных округов обеспечить приверженцам Шамуна прочное большинство в парламенте. Сторонниками Шамуна пополнился и государственный аппарат.

В области внешней политики Шамун был союзником США и Великобритании. В марте 1957 г. Ливан первым из арабских стран присоединился к «доктрине Эйзенхауэра», которая, в частности, предусматривала оказание ему Соединенными Штатами помощи в размере 10 млн. долл. В том же году было подписано ливано-американское соглашение о поставках Ливану оружия и боеприпасов.

С весны 1957 г. в Ливане стал назревать очередной политический кризис, связанный с недовольством многих политических лидеров прозападным курсом Шамуна во внутренней и внешней политике. ПСП, мусульманская организация «Наджаде», видные традиционные деятели объединились в оппозиционный Национальный фронт. В стране началась всеобщая забастовка, которая переросла в вооруженное восстание. В этих условиях главнокомандующий ливанскими вооруженными силами генерал Шехаб отказался как поддерживать, так и подавлять демонстрации, считая, что вмешательство армии спровоцирует еще большие беспорядки. Подобная принципиальная политическая позиция генерала была воспринята общественным мнением как поведение истинного «спасителя родины».

ЛИВАН в 1958–1964 гг. «ШЕХАБИЗМ»

На пике политической популярности 21 августа 1958 г. генерал Шехаб был избран президентом Ливана, сменив на этом посту Шамуна. Правительство возглавил Рашид Караме. В своей политической деятельности Шехаб опирался на группу технократов, фалангистов и ПСП, видя в этих силах источник социально-политического обновления ливанского общества. С другой стороны, он встал в оппозицию к традиционным политическим лидерам, обвиняя последних в коррупции и разжигании политической несправедливости. Главной целью Шехаба было создание сильного государства. Впоследствии эта политическая программа получила название «шехабизм».

Для контроля над ливанским обществом во избежание повторения событий восстания 1958 г. была создана сеть параллельных структур, выполнявших роль тайной полиции (так называемое Второе бюро). Подобная политика вмешательства служб военной разведки в деятельность гражданских властей, воспринимавшаяся как попрание гражданских свобод, подвергалась особой критике со стороны противников шехабизма. Правление Шехаба стало периодом «неустойчивой и ограниченной демократии». Подобный тип «демократии» характеризуется тем, что армия, хотя и не управляет страной напрямую, в случае необходимости имеет возможность активно вмешиваться в политическую жизнь.

В своих отношениях с западными государствами Ливан стремился к ослаблению прежней зависимости от США и Великобритании. Генерал Шехаб отказался

от следования политике в русле «доктрины Эйзенхауэра». Была подтверждена традиционная политика нейтралитета. Начался период нормализации отношений с арабскими государствами. Стали восстанавливаться отношения с Францией. С помощью французских фирм было завершено строительство гидроэнергетических сооружений на р. Литани, имеющих важное значение для ливанской экономики.

Внутри- и внешнеполитический курс Шехаба пользовался в стране широкой поддержкой. В эти годы страна переживала экономический подъем, возросла роль Бейрута как финансового центра-посредника между нефтяными странами и Западом.

ЛИВАН В СЕРЕДИНЕ 1960-х — НАЧАЛЕ 1970-х годов НАЗРЕВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В 1964 г. президентом был избран Шарль Хелу, продолживший политический курс своего предшественника. Однако осенью 1966 г. разразился громкий политический скандал, причиной которого явилось банкротство одного из крупнейших местных банков — «Интра», вызвавшее правительственный кризис и ставшее предвестником окончания периода относительной стабильности. Катализатором процесса перемен стала агрессия Израиля против арабских стран в июне 1967 г.

Специфика ливанской действительности конца 1960-х годов заключалась в том, что политическое противоборство вокруг палестинского вопроса совпало с ростом социальной напряженности. Ливан, тесно связанный с западной экономикой, чувствительно реагировал на повышение мировых цен на продукты питания и товары первой необходимости. Волна стремительного роста цен быстро докатилась до Ливана и вызвала резкое удорожание стоимости жизни.

Палестинский вопрос в Ливане остро встал в конце 1960-х годов, когда активизировалась политическая и военная деятельность палестинского сопротивления. В 1969 г. произошло несколько столкновений между ливанской армией и палестинскими боевиками. Лагерь беженцев перешли под контроль военных отрядов палестинцев.

Ливанская политическая элита оказалась слишком слаба для каких-либо эффективных действий, способных противостоять активности палестинцев, спровоцировавших также радикализацию политической деятельности ливанских мусульман, рост левых настроений в обществе и усиление влияния внешних сил, прежде всего Сирии. На протяжении 1968 г. в Ливане шла острая борьба между правохристианским лагерем, который поддерживал Израиль, и Палестинским движением сопротивления (ПДС), имевшим поддержку в определенных ливанских кругах. 28 декабря 1968 г. Тель-Авив предпринял первую крупную акцию на ливанской территории: израильтяне осуществили налет на бейрутский международный аэропорт, уничтожив 13 гражданских самолетов ливанской авиакомпании. Эта акция усугубила и без того напряженную ситуацию в стране.

В апреле 1969 г. произошли первые кровопролитные столкновения между ливанскими войсками и отрядами ПДС на юге и севере страны. Это послужило

сигналом к организации волнений в лагерях палестинских беженцев и мощных демонстраций, состоявшихся по призыву национально-патриотических сил в Бейруте, Триполи, Сайде и других городах. В стране начался затяжной правительственный кризис, который был разрешен 3 ноября 1969 г. подписанием Каирского соглашения, определившего права палестинцев и статус ПДС в Ливане. Соглашение гарантировало палестинцам право на работу, проживание на территории страны, а за палестинскими партизанами признавалось право на вооруженное присутствие в стране и контроль над лагерями беженцев, а также на участие в «палестинской революции» при соблюдении «суверенитета и безопасности Ливана» и согласовании своих действий против Израиля с ливанской армией.

В августе 1970 г. состоялись выборы нового президента, которым стал Сулейман Франжье. Новое правительство возглавил Саиб Салам — лидер консервативной группировки мусульман, сотрудничавший с правыми христианами. Структура его кабинета символизировала готовность христианской элиты и части мусульманской объединить усилия.

Новые вторжения израильских войск на юг Ливана в феврале, июне и сентябре 1972 г. привели к многочисленным жертвам среди мирного населения. В ночь с 9 на 10 апреля 1973 г. в Бейруте высадился израильский десант и совершил вооруженное нападение на квартиры палестинских лидеров.

Обострение внутривосточной обстановки в Ливане было самым непосредственным образом связано с развитием ближневосточного конфликта: в октябре 1973 г. разгорелась новая война между Израилем и арабскими странами. Ливан, как и ранее, не принял прямого участия в военных действиях, однако обстановка, сложившаяся на Ближнем Востоке в результате этой войны, имела для него серьезные последствия.

Значение развернувшейся в стране борьбы, вызванной развитием ближневосточного конфликта, выходило далеко за рамки чисто ливанских проблем. Вместе с тем накопившиеся в обществе глубокие внутренние противоречия социально-экономического и политического характера придали конфронтации в Ливане особенно разрушительную силу, в результате чего само его существование как единого и независимого государства было поставлено под угрозу.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЛИВАНЕ 1975–1990 гг.

Поводом к началу гражданской войны 1975–1990 гг. послужил взрыв автобуса с палестинцами в бейрутском районе Айн Румман, организованный фалангистами 13 апреля 1975 г., в результате которого погибли 22 человека. Именно это событие ассоциируется у большинства ливанцев с началом многолетнего периода военных действий и социально-экономического кризиса в стране.

Отсутствие решений, способных прекратить кровопролитие и объединить страну, показывало неэффективность действий власти и государственных структур. Уже в первые годы кризиса стало ясно, что внутренний на первый взгляд

религиозно-политический конфликт приобретает международный характер. Каждую из военно-политических группировок поддерживали иностранные государства, имевшие свои стратегические интересы в Ливане. Мусульманские силы поддерживали арабские страны, и в первую очередь — Сирия. А православные силы заручились поддержкой Израиля и стран Запада.

Гражданская война унесла жизни более 100 тыс. мирных жителей (включая палестинских беженцев). Интенсивность и жестокость боевых действий в разные периоды войны была различной, между тем они провоцировали серьезные и порой необратимые последствия для социально-экономического развития Ливана. С начала гражданской войны выделяют так называемую двухлетнюю войну 1975–1976 гг., завершившуюся вводом сирийских войск в качестве Межарабских сил сдерживания. В марте 1978 г. Израиль начал «операцию Литани», в ходе которой его армия продвинулась в глубь страны вплоть до р. Литани. СБ ООН принял резолюцию № 425 о выводе израильских войск, были сформированы международные силы ООН по поддержанию мира в Ливане. В июне 1978 г. израильские войска покинули страну, передав контроль над территорией не международным силам ООН, а так называемой Армии Южного Ливана под командованием майора-христианина Саада Хаддада, провозгласившего затем подконтрольные ему территории «свободным Ливаном».

Новое крупномасштабное вторжение в Ливан Израиль предпринял в июне 1982 г. Операция «Мир Галилее» привела к осаде Бейрута: в течение нескольких месяцев город был лишен электричества и воды, подвергался массированным бомбардировкам, в результате которых погибли 18 тыс. и получили ранения 30 тыс. преимущественно гражданских лиц. В августе 1982 г. было достигнуто соглашение, по которому палестинские отряды обязались покинуть Ливан под контролем сил ООН.

В мае 1983 г. согласно подписанным договоренностям Израилю надлежало покинуть Ливан, оставив лишь ограниченный контингент для контроля границы, а сирийцам — уйти из долины Бекаа. Несмотря на отказ сирийцев покинуть долину, израильские войска отошли к южным границам Ливана. К началу 1985 г. израильские части в большинстве своем покинули Ливан, оставив инструкторов для помощи Армии Южного Ливана.

Столкновения между различными ливанскими милицейскими формированиями происходили на протяжении всех военных лет. Так, в 1980 г. произошли столкновения между христианами, завершившиеся объединением христианских отрядов вокруг «Ливанских сил» и их лидера Башира Жмайеля. В 1983 г. шла так называемая Горная война между «Ливанскими силами», друзскими отрядами ПСП и их сторонниками за влияние в этом регионе. В 1985 г. началась и продолжалась около двух лет «Война лагерей», в которой основными противоборствующими силами стали шиитская милиция «Амаль» с одной стороны и палестинцы — с другой. Основные военные действия развернулись в Бейруте и на юге Ливана. Также в 1985 г. в Триполи шли бои между палестинцами и сирийской армией. Февраль 1987 г. был обозначен вооруженным конфликтом в столице между «Амаль», друзской милицией ПСП и отрядами Коммунистической партии.

В 1988–1990 гг. Бейрут и юг страны были охвачены войной между «Амаль» и новой силой — «Хизбалла» за влияние в шиитской общине.

Многолетний политический и социально-экономический кризис привел к глубоким изменениям в этноконфессиональной и социальной структуре ливанского общества. Он определялся прежде всего активными миграционными процессами, которые повлияли не только на места расселения конфессиональных общин, но и на занятость их членов, разрушая рынки труда и социальную стратификацию в обществе. За время гражданской войны около $\frac{2}{3}$ населения переселялись из одной части страны в другую, из сельской местности в город и обратно, охватив при этом практически все районы Ливана.

Если внутренняя миграция влияла на конфессиональное расселение в пределах самого Ливана, то широкая волна эмиграции вызвала утечку квалифицированного трудового населения в разные страны, арабские и западные, превратившись фактически в экономическую эмиграцию. Преобладание христиан в эмиграционных потоках негативно повлияло на количественное соотношение христиан и мусульман в Ливане и в целом на Ближнем Востоке.

Кризис привел и к определенным изменениям в руководстве самих конфликтующих сторон. Если в начале его противоборствующие стороны имели традиционных лидеров, выходцев из богатых семей, то к 1980-м годам появились новые лидеры, представлявшие интересы новой политической элиты, сформировавшейся в период конфликта на периферии страны.

Наметившаяся политическая стабилизация к концу 1980-х годов обозначила поиск социального и политического консенсуса между враждующими этноконфессиональными силами. Создались предпосылки для нового этапа социального взаимодействия.

Пока длилась война, выборы в парламент не проводились до 1992 г. Полномочия парламента, избранного в 1972 г., периодически продлевались. Формально за годы кризиса в Ливане сменялись лишь президенты страны: С. Франжье (1970–1976), Э. Саркис (1976–1982), Б. Жмайель (1982), А. Жмайель (1982–1988). Раздел Бейрута в 1984 г. «зеленой линией» на восточную — христианскую и западную — мусульманскую части привел к созданию отдельных правительств в обеих зонах.

В сентябре 1988 г. президент А. Жмайель в соответствии с правами, предоставленными ему конституцией, назначил временное военное правительство из шести человек — трех офицеров-христиан и трех офицеров-мусульман, под руководством генерала М. Ауна, которое должно было осуществлять управление страной до избрания нового президента. Ставка на военное правительство была сделана вследствие отказа мусульманских политиков принять участие в работе временного гражданского правительства, которое должен был возглавить премьер-министр Пьер Хелу — маронит, а не мусульманин-суннит. Ливан оказался в конституционном кризисе, имея два правительства (одно — в Восточном Бейруте, другое — в Западном), каждое из которых претендовало на легитимность.

В марте 1989 г. генерал Аун уже в должности премьер-министра проводил военные операции, известные под названием «Освободительная война», по закры-

тию нелегальных портов, уничтожению путей по перевозке наркотиков. На протяжении весны 1989 г. войска генерала Ауна и сирийские войска обменивались артиллерийскими обстрелами почти каждый день.

В сентябре 1989 г. в г. Эт-Таифе состоялось заседание Национальной ассамблеи (до 1979 г. именовалась Национальной палатой). Обсуждалась составленная при активном участии Сирии Хартия национального примирения (согласия), известная впоследствии как «Таифское соглашение» и предусматривавшая проведение определенных политических реформ в Ливане.

Предполагалось, что после принятия Хартии состоятся выборы президента и будет сформировано новое правительство, ликвидированы все ливанские и неливанские милицейские формирования, приняты меры для укрепления службы внутренней безопасности и национальной армии.

Наиболее важным было решение взять курс на постепенное упразднение принципа конфессионализма при формировании органов власти как основной причины их неэффективного функционирования, а также дестабилизирующего фактора в ливанском обществе. Устанавливалось новое равновесие ведущих политических и конфессиональных сил в стране. Расширились полномочия парламента и его председателя-шиита. Это усиливало законодательную ветвь власти. Число мест в парламенте увеличилось с 99 сначала до 108, а затем до 128. Парламент Ливана ратифицировал документ 5 ноября 1989 г. Президентом был избран Рене Муавад, который погиб при взрыве машины через несколько дней после своего избрания. В спешном порядке новым президентом был избран Ильяс Храуи.

В начале 1990 г. вспыхнули столкновения в христианском лагере между генералом Ауном и христианами, поддерживавшими «Таифское соглашение». В октябре 1990 г. войска генерала Ауна потерпели поражение от ливанской армии и сирийских войск. Сам Аун был вынужден эмигрировать во Францию, где он возглавил ливанскую политическую оппозицию. Дату поражения войск М. Ауна историки условно считают началом восстановительного периода в современной истории Ливана.

ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД В ЛИВАНЕ.

1990-е годы XX в.

Весной 1991 г. встал вопрос о расформировании милицейских отрядов, воевавших в период гражданской войны на территории Ливана. 28 марта 1991 г. правительством был одобрен план роспуска всех ливанских и неливанских милицейских формирований в стране. Милицейские группировки должны были сдать оружие и имущество до 30 апреля. Печально известная «зеленая линия» перестала существовать.

Крупные милицейские формирования негативно отнеслись к решению правительства об их расформировании. Некоторые представители милицейских отрядов настаивали на включении милицейских формирований в официальные военные структуры. Ряд вооруженных группировок решительно отказывались распустить свои отряды. Среди них были военизированные соединения ООП, «Хиз-

балла», Армия Южного Ливана. Позднее «Хизбалла» согласилась ликвидировать свои военные структуры в Бейруте, однако настаивала на сохранении своих военных отрядов в долине Бекаа и в Южном Ливане. 1994–1995 годы стали кульминацией активности «Хизбалла» на юге Ливана. В апреле 1996 г. израильская армия провела операцию «Гроздья гнева», главной целью которой были объявлены базы «Хизбалла». Однако разрушениям подвергались не только военные позиции боевиков, но и промышленные объекты Ливана, а жертвами становились мирные граждане или обычные беженцы.

Первые выборы после двадцатилетнего перерыва состоялись в августе–сентябре 1992 г. Проведение их вызвало недовольство большого числа ливанцев. В период, предшествовавший выборам, по стране прокатились забастовки с требованием сначала наладить экономику страны, а затем проводить выборы в верховные органы власти. Условия проведения этих выборов не устраивали христианскую политическую и религиозную элиту, которая усматривала в них угрозу не только политической стабильности Ливана, но и суверенитету страны. Кульминационным моментом стало подписание в мае 1991 г. договора «о дружбе, сотрудничестве и координации действий», установившего формальную структуру развития этих отношений и осуществления единой политики по широкому кругу вопросов в политической, военной и экономической областях, а также в сфере обеспечения безопасности. Это соответствовало условиям «Таифского соглашения».

Христианская часть населения в знак протеста против политики правительства, направленной на дальнейшее сближение с Сирией, бойкотировала выборы 1992 г. Понимая, что без участия христиан выборы не могли считаться по-настоящему состоявшимися, официальные власти стали обвинять оппозицию в том, что ее действия провоцируют политический кризис. Новые черты в посткризисной политической жизни Ливана были обозначены, однако, не только изменением основных традиционных правил функционирования парламентской системы, но вхождением во властные структуры новой политической элиты, заинтересованной прежде всего в своем активном участии в экономической жизни и вступлении в традиционные финансовые круги страны. Таким образом, она получала экономическую и политическую власть наравне с традиционными лидерами общин. Премьер-министром Ливана стал Рафик аль-Харири, а президентом на дополнительный срок остался Ильяс Храуи.

Следующие парламентские выборы в Ливане состоялись в 1996 г. Новый парламент, по признанию аналитиков, был «парламентом без оппозиции», поскольку из 128 депутатов лишь 8 могли представлять реальную парламентскую оппозицию. Еще одной характерной чертой парламента 1996 г. стало сокращение числа представителей исламистов по сравнению с парламентом 1992 г. Однако бойкот выборов 1996 г. христианской оппозицией уже не имел особого влияния на политическую ситуацию в стране и расстановку сил.

В 1998 г. президентом Ливана стал генерал Лахуд, бывший до этого момента главнокомандующим ливанскими вооруженными силами. Он сменил в президентском кресле И. Храуи, занимавшего этот пост в первой половине 1990-х го-

дов. Вопрос обеспечения безопасности ливанского общества и сохранения политической стабильности ставился этим ливанским президентом во главу угла. Генерал Лахуд заявил, что не намерен рисковать стабильностью государства в интересах каких-либо политических и этноконфессиональных сил или региональных сообществ. Премьер-министром стал Селим эль-Хосс, сменивший на этом посту ушедшего в отставку Р. Харири.

Парламентские выборы 2000 г. состоялись уже в совершенно иной стране, в новых внешнеполитических и внутривнутриполитических условиях: в мае 2000 г. Израиль вывел свои войска с юга Ливана; после смерти Х. Асада кресло сирийского президента занял его сын Б. Асад. Многие политологи отметили, что роль и влияние Сирии на этих, третьих после 1990 г., выборах были наиболее очевидными. Так, кандидаты, не имевшие связей с Дамаском, сталкивались во время предвыборной кампании с различными трудностями. Сирийская сторона вела переговоры и с христианской оппозицией о прекращении бойкота выборов. В результате большинство христианских лидеров были согласны участвовать в выборах 2000 г. и в результате оказались в ливанском парламенте. Новое правительство сформировал вновь избранный на пост премьер-министра Р. Харири.

Несмотря на то что прошло уже почти два десятилетия после окончания гражданской войны, Ливан на рубеже XX–XXI вв. все еще находился в состоянии неустойчивого политического и социально-экономического кризиса. В середине 1990-х годов правительством во главе с премьер-министром Р. Харири был разработан генеральный план восстановления страны после гражданской войны «Горизонт-2000». Он включил в себя большое число программ, относящихся к развитию всех сфер жизни ливанского общества — производственного сектора, инфраструктуры, социального сектора. Среди иностранных инвесторов, участвовавших в проектах восстановления социально-экономической сферы Ливана, можно назвать Всемирный банк, Арабский фонд экономического и социального развития, Европейское сообщество, а также ряд высокоразвитых стран, таких, как Япония, Франция, Канада. Таким образом, Ливан борется за восстановление потерянного в связи с многолетней войной ключевого положения в торговле и деловой активности в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. В структуре валового национального продукта торговля и услуги занимали 70%, промышленность и строительство — 20%. В первом десятилетии XXI в. одной из капиталоемких областей будет оставаться строительство, что обусловлено необходимостью дальнейшего восстановления инфраструктуры страны после гражданской войны. Сельское хозяйство составляет 10% ВВП. Экономическая политика ливанских властей поощряет сотрудничество с другими странами.

Глава II

ИОРДАНИЯ

Иордания расположена на Ближнем Востоке. На западе это государство граничит с Израилем, на севере — с Сирией, на юге и юго-востоке — с Саудовской Аравией, на востоке и северо-востоке — с Ираком. Столица — Амман. Общая численность населения — 6,9 млн. человек, в том числе свыше 50% палестинцев. Подавляющее большинство населения — арабы (98%), в том числе арабы-иорданцы — 44%, арабы-палестинцы — 54%. Государственная религия — ислам (суннитского толка). Государственный язык — арабский.

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1948 г. ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИОРДАНИИ

Иордания приобрела статус независимого государства с правом наследственной монархии по условиям договора, заключенного в 1946 г. между эмиратом Трансиордания и страной-мандатарием (по решению конференции в Сан-Ремо в 1920 г.) Великобританией. Королем Иорданского Хашимитского Королевства стал бывший эмир Трансиордании Абдалла — один из сыновей правителя Хиджаза Бен Али из рода Хашимитов.

Раздел соседней Палестины в 1948 г. согласно резолюции ГА ООН вызвал резкий протест со стороны Иордании и других арабских стран. 15 мая 1948 г. началась первая арабо-израильская война. Главнокомандующим всеми арабскими войсками был признан король Абдалла. Активная помощь западных держав Израилю и полная неподготовленность арабских армий к ведению боевых операций привели вскоре к их поражению. Тем не менее к концу мая — началу июня 1948 г. войска Иордании и Ирака заняли значительную часть Центральной Палестины (эти территории впоследствии стали называть Западным берегом р. Иордан в отличие от принадлежавшего Иордании Восточного берега), а также Восточный Иерусалим.

Одним из наиболее болезненных последствий раздела Палестины и арабо-израильской войны 1948 г. стала проблема беженцев, основная часть которых поселилась в Иордании — 400 тыс. человек, вынужденных покинуть свои дома еще до начала военных действий, и около 350 тыс. человек, бежавших в ходе войны. Необходимость принятия безотлагательных мер и изыскания значительных материальных средств для поддержания жизненного уровня огромного числа нетрудоспособного населения в такой стране, как Иордания, с ее небогатыми природ-

ными условиями, создавала серьезные трудности. В то же время набирающая обороты борьба палестинцев и их политических организаций за возврат своих территорий, непрерывные террористические акции, организуемые палестинскими *федаянами* с территории Иордании, ответные репрессивные меры со стороны Израиля, растущее недовольство общественности страны бесконтрольными действиями палестинских организаций — все это, вкупе с рядом внутренних проблем, делало дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие Иордании довольно сложным и противоречивым.

Еще в феврале 1949 г. был издан декрет короля, по которому политические беженцы имели право стать иорданскими подданными. В марте 1949 г. в районах их расселения, находящиеся под контролем Иордании, была образована гражданская администрация, которая сохраняла свои автономные права, но в течение длительного времени финансировалась королем Абдаллой.

Одновременно начиная с этого периода в ряде своих политических действий Иордания стала отходить от принятых ЛАГ решений. Она отказалась подписать Пакт коллективной безопасности арабских стран в июне 1950 г., но в марте 1951 г., в отличие от других арабских государств, подписала соглашение с США об оказании ей помощи по 4-му пункту «программы Трумэна», в 1952 г. — соглашение о техническом сотрудничестве, а также ряд других соглашений. Иордания придерживалась отличных от всех арабских стран позиций и по ряду проблем в арабо-израильском конфликте. Так, она была инициатором в вопросе о размещении палестинских беженцев в других арабских странах и выказала готовность признать постоянными границы между нею и Израилем после заключения 3 апреля 1949 г. соглашения о перемирии.

В апреле 1950 г. в стране прошли парламентские выборы, в которых приняли участие и жители Западного берега. Депутатами нового парламента стали видные деятели из палестинской родовой знати, ряд крупных торговцев, предпринимателей, землевладельцев и других представителей правящих кругов бывшей Палестины, что в определенной мере объяснялось тем, что Западный берег был наиболее экономически развитой частью данного региона. Представители этих кругов были также введены в состав правительства. Результаты выборов дали возможность королю Абдалле, при соответствующем решении парламента от 24 апреля 1950 г., объявить официально о присоединении к Иордании территории Западного берега и Восточного Иерусалима с оговоркой, что это решение является временным и не будет влиять в будущем на статус Арабской Палестины.

20 июля 1951 г. король Абдалла был убит боевиком палестинской национальной организации «аль-Джихад аль-мукаддас» («Священный джихад»). 6 сентября новым королем стал его старший сын Таляль. В условиях нарастания в арабских странах антиимпериалистического движения и стремления к согласованным действиям против давления стран Запада, и прежде всего США, он попытался несколько переориентировать внешнюю политику страны, отказавшись от наиболее непопулярных ее аспектов периода правления короля Абдаллы. В частности, Иордания подписала в марте 1952 г. Пакт коллективной безопасности арабских стран. Делались попытки улучшить отношения с Сирией и Египтом. В ав-

густе 1952 г. парламент вынес постановление об отречении короля Таляля от престола (по состоянию здоровья) в пользу его старшего сына Хусейна. В связи с несовершеннолетием последнего еще в июне 1952 г. был создан регентский совет, который функционировал до 2 мая 1953 г.

Подъем национально-освободительного движения в эти годы на всем Ближнем Востоке не мог не охватить и Иорданию. На его волне в стране создавались массовые общественные организации (женские и молодежные), профсоюзные объединения, политические группы. Антиимпериалистически настроенные круги национальной буржуазии и интеллигенции поддерживали созданную одним из видных общественных деятелей — Сулейманом ан-Набулси Национально-социалистическую партию. Активную деятельность развернула Иорданская коммунистическая партия во главе с Фуадом Нассаром. Парламентские выборы 21 октября 1956 г. принесли победу национально-патриотическим силам, лидер которых С. ан-Набулси и сформировал очередное правительство.

По многим вопросам внешней политики Иордания выступала с антиимпериалистических позиций. В период тройственной агрессии против Египта она разорвала дипломатические отношения с Францией, запретила Великобритании пользоваться иорданскими аэропортами, объявила всеобщую мобилизацию. В апреле 1957 г. под давлением реакционных сил, выступавших против либеральной направленности во внутри- и внешнеполитической деятельности правительства, король Хусейн принял решение об отставке кабинета ан-Набулси. Последующие правительства вновь повели страну по традиционному консервативному пути.

ИЗРАИЛЬСКАЯ АГРЕССИЯ 1967 г. КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В результате израильской агрессии 1967 г. вся территория Иордании к западу от р. Иордан была оккупирована. Внутриполитическая обстановка в стране после июня 1967 г. характеризовалась нарастанием противостояния между правительством и палестинскими организациями. К этому времени последние, среди которых были и крайне экстремистские группы, полностью контролировали лагеря беженцев и пользовались поддержкой большинства палестинского населения Иордании.

В июле 1970 г. в ряде районов страны прошли ожесточенные бои между палестинскими *фedayнами* и правительственными войсками. Страна оказалась фактически в состоянии гражданской войны. 16 сентября по приказу короля Хусейна иорданская армия предприняла решительные действия против отрядов Палестинского движения сопротивления (ПДС). Девять дней продолжались кровопролитные столкновения, получившие название «Черный сентябрь». По сообщениям ливанской газеты «ан-Нида» в ходе военных действий было убито 20 тыс. и ранено около ста тысяч человек, остались без крова несколько сотен жителей. Однако только в июле 1971 г. иорданской армии удалось полностью ликвидировать базы палестинских отрядов в Иордании.

Создавшееся в Иордании положение вызвало резкое осуждение со стороны арабских государств. Более того, Сирия и Ирак закрыли свои границы с Иорданией, Алжир порвал с ней дипломатические отношения, Египет, Ливия, Судан и оба Йемена выступили с критикой действий короля Хусейна. В то же время Египет и Саудовская Аравия попытались добиться заключения нового иордано-палестинского соглашения. Иордания настаивала на полной капитуляции ООП, признании иорданского суверенитета над всем палестинским населением Западного и Восточного берега, в том числе и беженцев. Представительствам палестинских организаций и их вооруженным отрядам предлагалось перебазироваться в Ливан и Сирию.

Подавив таким образом активность палестинских организаций на территории Иордании, король Хусейн приступил к мерам по стабилизации положения внутри страны. В августе 1971 г. он заявил о создании Совета племен под председательством наследного принца. В его состав вошли шейхи племен и другие видные представители бедуинов. В сентябре того же года было объявлено о формировании Иорданского национального союза, который в марте 1972 г. был переименован в Арабский национальный союз. Предполагалось, что он станет единственной легальной политической организацией в стране.

В марте 1972 г. король Хусейн объявил о планах создания иордано-палестинской федерации, что вызвало повсеместную критику как со стороны Израиля и палестинских организаций, так и со стороны арабских стран. Более того, в апреле 1972 г. Египет порвал дипломатические отношения с Иорданией. Однако они были восстановлены в сентябре 1973 г.

Иордания официально не принимала участия в войне с Израилем в октябре 1973 г., но она послала в помощь Сирии на Голанские высоты несколько воинских частей.

В октябре 1974 г. король Хусейн принял резолюцию Рабатского совещания, признавшего ООП «единственным законным представителем палестинского народа», заявив при этом, что будет продолжать борьбу за освобождение Западного берега, после чего жители обеих частей этого района смогут сами определить характер своих взаимоотношений. Однако решения Рабатского совещания не могли изменить отношения Иордании к проблеме Западного берега. В ноябре 1974 г. обе палаты иорданского парламента, в состав которых входило равное число представителей Западного и Восточного берега, были распущены. В новый, назначаемый королем сенат вошло лишь семь представителей Западного берега. Значительно сократилось их число и в новом правительстве, сформированном в ноябре 1974 г.

В декабре 1977 г. Иордания отклонила выдвинутый премьер-министром Израиля план административной автономии для палестинцев, проживающих на оккупированных Израилем территориях, считая, что он означал фактическую и юридическую аннексию Западного берега, с чем Иордания не могла согласиться. Кроме того, не поднимался вопрос о беженцах и их правах. Король Хусейн отказался одобрить переговоры Египта с Израилем в Кэмп-Дэвиде, принял участие в работе созванного арабскими странами в начале ноября 1978 г. совещания

в верхах в Багдаде, где разрабатывался перечень политических и экономических санкций против Египта. 2 апреля 1979 г., после заключения в марте мирного договора между Египтом и Израилем, Иордания вместе с 18 другими членами ЛАГ порвала дипломатические отношения с Египтом.

Она выступила против принятого кнессетом 30 июня 1980 г. «Закона об Иерусалиме», в соответствии с которым город провозглашался «единой и неделимой» столицей Израиля, а Восточный Иерусалим становился частью его территории. Иордания поддержала выдвинутый 7 августа 1981 г. план наследного принца Саудовской Аравии Фахда по решению арабо-израильского конфликта, приняла участие в работе первого в Рабате (ноябрь 1981 г.) и второго в Фесе (Марокко) (сентябрь 1982 г.) совещаний глав государств и правительств арабских стран, в ходе которых разрабатывалась общеарабская позиция в урегулировании проблемы. Король Хусейн осудил вторжение Израиля в Ливан в июне 1982 г., хотя Иордания и не принимала какого-либо активного участия в урегулировании возникших там проблем.

ТРУДНОСТИ РЕШЕНИЯ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

В связи с выдвинутым США 1 сентября 1982 г. «планом Рейгана», основной целью которого было привлечь Иорданию к сепаратным переговорам с Израилем о статусе оккупированных палестинских территорий, король Хусейн предложил руководству ООП начать переговоры для выработки единой позиции по вопросу о Западном берегу и об отношениях Иордании и ООП в создавшейся ситуации. Одной из целей переговоров было формирование умеренного блока в палестинском движении в противовес экстремистским и радикальным организациям в нем, которые выступали лишь за вооруженную борьбу. Одновременно в начале 1984 г. он провел ряд мероприятий для укрепления связей с Западным берегом, в частности восстановил работу Национального собрания, включавшего большое число представителей Западного берега.

11 февраля 1985 г. после прошедшей в Аммане XVII сессии Национального совета Палестины король Хусейн и Я. Арафат заключили соглашение о совместных действиях по мирному урегулированию, в соответствии с которым ООП должна была представлять палестинцев в составе совместной иордано-палестинской делегации. Право на самоопределение Палестины предполагалось осуществлять в будущем в контексте конфедеративного государства Иордании и Палестины. Однако реализация заключенного соглашения осложнялась неприятием его радикальными организациями в ООП и поддерживающими их позиции Сирией и Ливией. Дальнейшая возможная реализация этой инициативы была сорвана в связи с серией терактов, проведенных палестинскими организациями в различных странах Европы. 19 февраля 1985 г. король Хусейн объявил о разрыве отношений с руководством ООП. Я. Арафату было предложено к 1 апреля закрыть свои главные офисы в Иордании.

На чрезвычайной сессии ЛАГ в Алжире в июне 1988 г., созванной для обсуждения арабо-израильского конфликта и проблем *интифады* (начавшихся в декаб-

ре 1987 г. активных выступлений палестинцев против оккупации Израилем Западного берега и сектора Газа), король Хусейн заявил о своей безусловной поддержке ее и отказался от любых планов восстановления власти Иордании на Западном берегу, подчеркивая, что представители ООП должны принимать участие в работе любой международной конференции по ближневосточному урегулированию. 28 июля 1988 г. Иордания аннулировала принятый ранее план развития Западного берега, против которого в свое время выступала ООП; демонтировала функционировавшие там иорданские гражданские институты; распустила Палату представителей, где палестинцы с Западного берега имели половину мест (30 из 60).

СЛОЖНОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ КОРОЛЯ ХУСЕЙНА в 1990-е годы

В ноябре 1989 г. прошли новые выборы в Палату представителей. В связи с тем что запрет на деятельность политических партий, введенный еще в 1963 г., не был снят, большинство кандидатов выдвигались как независимые, за исключением ассоциации «Братья-мусульмане», функционировавшей легально как благотворительная организация. В результате выборов 20 из 80 мест получили кандидаты от «Братьев-мусульман» и 14 — поддерживавшие их кандидаты из числа независимых. Выполняя свое обещание о проведении после выборов конституционной реформы, с тем чтобы предоставить больше свободы политическим партиям, а также усилить борьбу с коррупцией, король Хусейн в апреле 1990 г. назначил Королевскую комиссию для разработки Национальной хартии по урегулированию политической жизни в стране. В состав комиссии были включены представители от различных политических и религиозных группировок, включая «левых» и исламистов. Растущее влияние последних в стране было тесно связано с широкой поддержкой ими палестинских организаций в борьбе против королевского режима. Использовалось в этих целях и сложившееся в стране тяжелое экономическое положение, повлекшее за собой массовую безработицу и рост числа людей, находившихся за чертой бедности. В октябре 1990 г. было объявлено о формировании Национального исламского блока, включавшего более половины депутатов Палаты представителей. В июле 1992 г. был принят закон о легализации партийных организаций в плане подготовки к проведению многопартийных выборов. Однако парламентские выборы, прошедшие в ноябре 1993 г., свидетельствовали о дальнейшем укреплении позиций исламистов в стране — наибольшее число голосов получил парламентский блок Исламский фронт действия (ИФД), объединявший кандидатов от «Братьев-мусульман» и других исламских групп.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЯ ХУСЕЙНА В УСЛОВИЯХ НОВОГО ОБОСТРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Иордания заняла нейтральную позицию во вспыхнувшем в августе 1990 г. конфликте между Ираком и Кувейтом, хотя общественное мнение в стране было на стороне Ирака. Война в Заливе нанесла значительный ущерб экономике Иордании. Принятые СБ ООН 6 августа 1990 г. экономические санкции против Ирака означали для Иордании потерю многих доходных статей ее бюджета.

В июле 1991 г. король Хусейн заявил о своем намерении принять участие в работе Международной конференции по мирному урегулированию кризиса. Предполагалось, что в ее работе кроме коспонсоров США и Советского Союза будут участвовать делегации Израиля, Египта, Сирии, Ливана и совместная иордано-палестинская делегация. 12 октября 1991 г. король Хусейн заявил, что Иордания примет участие в переговорах, несмотря на интенсивную оппозицию этому решению со стороны «Братьев-мусульман» и левых политических группировок. Международная мирная конференция проходила 30 октября — 1 ноября 1991 г. в Мадриде. Продолжение переговоров в Москве и Вашингтоне между Израилем и совместной иордано-палестинской делегацией не привело, однако, к каким-либо позитивным результатам.

Несмотря на то что Иордания не была поставлена в известность о проходящих в Осло переговорах между Израилем и представителями ООП, в результате которых 19 августа 1993 г. был выработан совместный документ — Декларация принципов, где определялась степень палестинского самоуправления на оккупированных территориях (это было расценено иорданской общественностью как политический и социально-экономический вызов Иордании), король Хусейн одобрил принятие Декларации. Впоследствии, 25 июля 1994 г., в США после серии переговоров между Иорданией и Израилем была подписана так называемая Вашингтонская декларация — о прекращении состояния войны между двумя государствами. 26 октября 1994 г. был подписан мирный договор. Он включал соглашения по демаркации границ, о распределении водных ресурсов, а также восстановлении экономических отношений между двумя странами. Полные дипломатические отношения были установлены в конце ноября 1994 г.

В связи с тем что руководство ООП выступало против предоставления королю Хусейну особой роли защитника мусульманских святынь в Иерусалиме, в сентябре 1994 г. палестинская национальная власть заявила о том, что именно она несет ответственность за все исламские институты в Восточном Иерусалиме, на территориях Западного берега и в секторе Газа. В ответ король Хусейн выразил готовность отказаться от отведенной ему роли на всех оккупированных территориях, кроме Восточного Иерусалима. Компромисс был достигнут в конце января 1995 г. подписанием специального соглашения между двумя сторонами. В итоге палестинцы согласились признать иордано-израильский мирный договор, а Иордания, со своей стороны, подтвердила поддержку палестинской автономии и право палестинского народа на создание в будущем палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме.

НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ, СМЕНА РУКОВОДСТВА СТРАНЫ

В начале февраля 1996 г. премьер-министром страны был назначен Абд аль-Карим Кабарити, который был известен как сторонник укрепления связей с Израилем и политики короля Хусейна в отношении Ирака. В своей правительственной программе Кабарити подчеркивал необходимость поощрения плюрализма и демократии, защиты общественных свобод и уважения прав человека. Новая администрация обещала обеспечить независимость судебных органов, средств массовой информации, вести решительную борьбу с коррумпированной системой правительственных назначений в русле борьбы со взяточничеством. Однако популярность Кабарити была недолгой. В середине августа 1996 г., в связи с повышением цен на хлеб, на юге Иордании вспыхнули волнения, распространившиеся вскоре на всю страну. 19 марта 1997 г. новым премьер-министром был назначен Абд ас-Салам аль-Маджали. Причиной отставки прежнего правительства были также разногласия по проблемам мирного урегулирования и личные отношения Кабарити и наследного принца Хасана. Главной задачей нового правительства была организация выборов в Национальное собрание.

В течение двух месяцев между правительством и силами оппозиции шли дебаты по вопросам избирательного законодательства, но они так и не привели к каким-либо позитивным результатам. В сентябре 1997 г. правительство приостановило выпуск 13 еженедельных газет на три месяца (на период избирательной кампании), обвинив их в невыполнении введенных в мае поправок о характере публикаций. В итоге многие политические партии, профсоюзы, видные общественные деятели бойкотировали выборы. Еще в июле 1997 г. о бойкоте выборов заявили «Братья-мусульмане». После долгих дискуссий ИФД также принял решение бойкотировать выборы. В результате преобладающее число вновь избранных депутатов были связаны с племенами. Национальная конституционная партия, которая являлась как бы партией власти, получила только два места. Депутатами парламента стали два известных исламиста, принявших участие в выборах вопреки решению ИФД. Премьер-министром был вновь назначен аль-Маджали.

В декабре 1997 г. прошли выборы в состав *шур* ИФД. Несмотря на то что среди вновь избранных его членов преобладали сторонники твердой линии, добившиеся бойкота партий парламентских выборов, умеренные и центристы сохранили свои господствующие позиции в совете, что свидетельствовало о том, что они будут избегать прямой конфронтации с правительством.

В августе 1998 г. король Хусейн в связи с серьезной болезнью издал указ о передаче ответственности за отдельные полномочия в руководстве страной, включая назначение министров, своему брату наследному принцу Хасану. 24 января 1999 г. указом короля новым наследным принцем был назначен старший сын короля — Абдалла. При этом король выразил недовольство правлением принца Хасана, в особенности его попыткой вмешаться в военные проблемы. Появились слухи о разногласиях внутри королевской семьи.

7 февраля 1999 г., после кончины короля Хусейна, принц Абдалла стал новым королем Иордании. В телевизионном обращении он призвал народ к единству, обещая продолжать проводившийся королем Хусейном курс внешней и внутренней политики. В первые же дни своего правления Абдалла внес ряд изменений в существующие традиции королевского двора, в состав высшего военного командования и назначил новое правительство. В послании премьер-министру Абд ар-Рауфу ар-Равабадху король Абдалла наметил программу проведения необходимых реформ, включая усиление власти закона и дальнейшую демократизацию в государственном управлении, принятие мер по решению проблемы безработицы и ликвидации бедности населения, поощрение иностранных инвестиций. В объявленном затем правительственным заявлении провозглашалось, что целью проводимой политики будет скорейшее осуществление экономических реформ, а также борьба с коррупцией. 8 апреля 1999 г. правительство получило вотум доверия значительного большинства депутатов (66 против 12). Против голосовали левые и исламисты, которые критиковали правительство за отсутствие в программе упоминания о проведении ряда политических реформ, закона об избирательном праве и печати. Однако часть оппозиции, в их числе «Братья-мусульмане», заняла позицию осторожной лояльности к новому королю.

Прошедшие в ноябре 2001 г. парламентские выборы и последующие события подтвердили политическую эффективность утвердившейся в стране модели конституционной монархии, которая на протяжении второй половины XX в. не только вела активную борьбу за освобождение оккупированных палестинских земель, но и стремилась, несмотря на отдельные временные отступления от основной линии, к постепенной демократизации всей государственной системы управления.

Глава 12

СИРИЯ

Государство Сирия на севере граничит с Турцией, на востоке — с Ираком, на юге — с Иорданией, на юго-западе — с Израилем и Ливаном. Столица — Дамаск. Общая численность населения — 16,5 млн. человек. По национальному признаку большинство населения (до 90%) — арабы. В Сирии проживает также ряд национальных меньшинств, самое многочисленное из которых — курды. Конфессиональный состав: мусульмане (сунниты, шииты, алавиты, друзы) — 85%, христиане — около 15%. В 1946 г. страна добилась статуса свободной республики.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ

Пришедшие к власти после завоевания национальной независимости представители национальной буржуазии и крупных землевладельцев приступили к проведению ряда общедемократических мероприятий. Первыми из них стали выборы 22 апреля 1947 г. нового состава парламента. Президентом страны вновь был избран один из лидеров буржуазно-феодальной партии Национальный блок Шукри аль-Куатли. К этому периоду Национальный блок распался на две самостоятельные партии — Национальную и Народную, мало отличавшиеся друг от друга по своим политическим программам. Другие функционировавшие в стране партии, такие, как организационно сформировавшаяся в 1947 г. Партия арабского возрождения (Баас), объединявшая представителей интеллигенции, мелкой буржуазии и отчасти рабочих и крестьян, а также созданная в 1920–1930 гг. Сирийская коммунистическая партия (СКП), требовали проведения широких социально-экономических реформ, в том числе аграрной.

В декабре 1947 г. Сирия отклонила резолюцию ООН о разделе Палестины. В ночь на 15 мая 1948 г., после провозглашения государства Израиль, вместе с армиями других арабских стран она начала военные действия против Израиля для защиты территориальной целостности Палестины. Активная помощь западных держав Израилю, с одной стороны, полная неподготовленность войск арабских стран к ведению военных действий, коррумпированность их политического и военного руководства — с другой, привели к поражению арабских армий. В начале 1949 г. между воюющими сторонами были подписаны соглашения о перемирии, в том числе и сирийско-израильское, предусматривавшее установление между Израилем и Сирией демилитаризованной зоны.

Нараставшее в стране недовольство особенно остро ощущалось в армии, офицерский корпус которой в ходе военных событий в Палестине все более отчетливо осознавал необходимость реорганизации государственного аппарата. В результате после трех лет относительной политической стабильности в стране в течение 1949–1951 гг. было совершено четыре военных переворота. Однако все они носили в целом верхушечный характер и отражали борьбу за политическую власть между различными буржуазно-феодальными группировками, опиравшимися в своих действиях на определенные силы в руководстве армии и поддержку западных держав, стремившихся использовать в своих интересах углублявшуюся после палестинской трагедии внутривнутриполитическую борьбу и пропаганду объединительных планов в правящих партиях.

В феврале 1954 г. был свергнут очередной военный режим полковника Адиба Шишкекли. Сформированное в марте 1954 г. переходное правительство, возглавленное одним из лидеров Национальной партии Хашимом аль-Атаси, отменило большинство принятых в период военных диктатур декретов и приступило к восстановлению демократических институтов. В сентябре 1954 г. были проведены выборы в парламент. Вновь сформированное правительство обещало придерживаться демократических принципов, вытекающих из конституции, поощрять развитие национальной промышленности и защищать ее от иностранной конкуренции, улучшить в целом экономическое положение страны. Оно выступило за проведение независимой внешней политики, неучастие в агрессивных блоках, отказ от иностранной помощи, укрепление межарабских отношений.

Сирия не приняла провозглашенную в январе 1957 г. США «доктрину Эйзенхауэра», не дала согласие на присоединение к сколачиваемому в тот период Багдадскому пакту. В ответ в течение всего 1957 г. США проводили широкую антисирийскую кампанию, используя для этой цели и пропагандистскую шумиху о «коммунистической опасности». Были раскрыты антиправительственные заговоры, организованные с помощью западноевропейских держав и США, использовавших с этой целью реакционные силы внутри страны, в том числе Сирийскую национал-социальную партию. Страна была поставлена перед угрозой открытой вооруженной агрессии со стороны Турции.

Значительным подспорьем в борьбе против политического и экономического давления на Сирию было укрепление советско-сирийских отношений и в особенности заключение в ноябре 1955 г. торгового и платежного соглашения между обеими странами, а также аналогичные соглашения с другими социалистическими странами, которые помогли Сирии выйти из навязанной ей экономической изоляции.

Правительство предприняло также ряд шагов по укреплению отношений с арабскими странами, в частности с Египтом и Саудовской Аравией, что стало особенно актуальным после заключения Ираком в феврале 1955 г. двустороннего соглашения с Турцией как основы Багдадского пакта.

ОБЪЕДИНЕНИЕ СИРИИ С ЕГИПТОМ. ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Рост межарабской солидарности не мог не ускорить реализацию активно пропагандируемого в тот период Партией арабского социалистического возрождения (ПАСВ, так стала называться Баас с 1954 г.) плана государственного объединения с Египтом. Однако провозглашенная 1 февраля 1958 г. Объединенная Арабская Республика (ОАР) в составе Сирии и Египта просуществовала лишь до сентября 1961 г.

Анализ принятых социально-экономических законодательств и соответствующих политических и социальных мероприятий, проведенных в Сирийском районе ОАР в период объединения (планы экономического и социального развития, создания единой политической организации, декреты о земельной реформе, об организации аграрных отношений и др.), свидетельствуют об их объективно прогрессивной направленности. Однако значительные экономические трудности, возникшие при объединении двух довольно различных по уровню и темпам развития стран, привели к тому, что принятые законы проводились в жизнь медленно и ограниченно, а зачастую вообще не проводились. В итоге уровень жизни в Сирийском районе резко снизился, что не могло не вызвать недовольство почти всех слоев общества.

28 сентября 1961 г. в результате военного переворота Сирия вышла из состава ОАР. В стране царили разочарование и недовольство результатами объединения, звучали заявления лидеров «режима отделения» о стремлении идти по пути создания «подлинного арабского единства». Практическая же деятельность руководства Сирии в эти годы была направлена на постепенное свертывание провозглашенных в период объединения президентом Г.А. Насером экономических и социальных реформ. Это вызвало в различных кругах сирийской общественности и политических партиях, особенно в ПАСВ, широкие дебаты о путях дальнейшего развития Сирии, а также возможности восстановления объединения. Попытки правительств «режима отделения» вновь направить развитие страны по пути расширения частнокапиталистического предпринимательства и сохранения крупного землевладения вскоре привели к их практически полному идейно-политическому банкротству и одновременно к выходу на политическую авансцену представителей средних и промежуточных слоев сирийского общества. Их возросшая политическая активность выразилась в укреплении позиций находившейся в стадии реорганизации сирийской ПАСВ.

«РЕВОЛЮЦИЯ 8 МАРТА 1963 г.»

За период после самороспуска, объявленного партией перед объединением с Египтом, сирийская ПАСВ практически распалась на ряд группировок. Основным пунктом разногласий между ними было отношение к выходу Сирии из состава ОАР и к «режиму отделения». Хотя официально ПАСВ не принимала в перевороте прямого участия, тем не менее она оказалась наиболее крупной полити-

ческой организацией, близкой к организаторам переворота, и ей было передано руководство страной. «Революция 8 марта», как именуются эти события в сирийской историографии, коренным образом отличается от предыдущих военных и государственных переворотов. так как впервые власть перешла в руки новых социальных слоев.

Выявившаяся вскоре непоследовательность традиционного руководства партии в плане проведения экономических и социальных реформ, реализация которых сталкивалась к тому же с активным сопротивлением крупных землевладельцев и предпринимателей, привела к дальнейшему обострению внутривнутрипартийных разногласий. К этому добавилась борьба между сирийским региональным и общеарабским руководством ПАСВ, которое находилось в руках традиционных лидеров партии — М. Афляка и С. Битарра. Они считали, что Сирия зашла слишком далеко в проводимых социальных преобразованиях и это могло изолировать ее от остальных арабских стран.

Под давлением левых сил в партии в июне 1965 г. был созван чрезвычайный региональный съезд, который принял так называемую Этапную программу «Революции 8 марта», ставшую в дальнейшем основой ее теоретической и идеологической деятельности, а также дальнейшего государственного развития Сирии. Перевес левых выразился в формировании в сентябре 1965 г. нового правительства, возглавленного одним из лидеров «регионалистов» — Юсефом Зуэйном, которое заявило о решимости строить социалистическое общество, осуществлять Этапную программу партии, укреплять дружественные отношения с СССР и другими социалистическими странами.

Предпринятые шаги по реализации этих задач привели к тому, что 21 декабря 1965 г. общеарабское руководство ПАСВ распустило сирийское региональное руководство, сосредоточив на время его функции в своих руках. 2 января 1966 г. было сформировано и новое правительство, возглавленное С. Битаром. Не прекращавшаяся внутривнутрипартийная борьба стала причиной нового государственного переворота в феврале 1966 г., известного как «Движение 23 февраля» и организованного леворадикальными баасистами. В программе сформированного ими правительства указывалось, что основной его задачей будет доведение до конца всех прогрессивных преобразований с целью построения «социалистического общества на научной основе с учетом конкретных условий, существующих в арабском мире».

В 1966 и начале 1967 г. усилилась напряженность на сирийско-израильской границе, где были к этому времени сконцентрированы крупные воинские соединения Израиля. 5 июня 1967 г. Израиль начал военные действия против Сирии, Египта и Иордании. В результате агрессии арабы потерпели поражение. Часть сирийской территории, включая Голанские высоты и район Эль-Кунейтры, была оккупирована.

После прекращения военных действий наряду с усилиями, которые предпринимались арабскими странами в рамках ООН с целью ликвидации политических, военных и экономических последствий агрессии, активизировались межарабские связи. Однако различие существовавших в этих странах политических режимов

создавало значительные сложности в их отношениях. Так, Сирия отказалась участвовать в Хартумском совещании глав арабских государств в августе 1967 г., принявшем решение о политическом урегулировании ближневосточного конфликта. В то же время IX чрезвычайный общееарабский съезд ПАСВ в сентябре 1967 г. подчеркнул первостепенную важность вооруженной борьбы в целях устранения последствий израильской агрессии и вспомогательное значение всех других средств — экономических, политических и пропагандистских. В ноябре 1967 г. сирийское руководство отказалось принять резолюцию № 242 СБ ООН из-за ее несоответствия официальной политической позиции Сирии, в частности трактовки палестинской проблемы лишь как проблемы беженцев, а также отсутствия в ее тексте указаний на границы вывода израильских войск с оккупированных территорий и ряда других.

«ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ» В НОЯБРЕ 1970 г.

Между тем внутривластное положение в стране осложнилось продолжающимися разногласиями между гражданской и военной группировками в партии, в самом армейском руководстве, в противоречивом отношении к вопросу о путях ликвидации последствий израильской агрессии, о темпах развития страны, о форме сотрудничества с соседними арабскими государствами. Кризисная ситуация к концу 1970 г. усугубилась активизацией внутренней и внешней реакции в арабском мире после смерти президента Насера, сентябрьскими событиями 1970 г. в Иордании. Все это требовало принятия решительных мер по нормализации положения. В этих целях 30 октября 1970 г. была созвана X, чрезвычайная общееарабская конференция ПАСВ. Практически вся ее работа вылилась в бурные дебаты между гражданской и военной группировками, в результате которых 16 ноября 1970 г. последняя, возглавляемая генералом Хафезом Асадом, взяла верх. Действия военных, названные затем «исправительным движением», имели своей целью ликвидацию существующих противоречий и стабилизацию положения в стране.

Пришедшее к власти новое партийное и государственное руководство в течение 1971–1973 гг. провело ряд мер по реформированию государственного устройства, сплочению общественно-политических сил. Они включали выборы в Народный совет (парламент страны), в органы местного самоуправления; создание Прогрессивного национального фронта (ПНФ) в составе пяти наиболее крупных функционировавших в тот период политических партий — ПАСВ, СКП, Арабского социалистического союза, Движения арабских социалистов, Организации социалистов-юнионистов; принятие Хартии ПНФ — его программного документа, в которой по всем основным вопросам государственной и экономической политики закреплялись партийные установки, имевшиеся в Этапной программе 1965 г. В марте 1973 г. была принята постоянная конституция страны, где указывалось, что САР является «суверенным социалистическим народно-демократическим государством». Государственная экономика объявлялась «плановой, социалистической», «направленной на ликвидацию всех форм эксплуата-

ции». В марте 1971 г. Хафез Асад был избран президентом Сирии сроком на семь лет.

Новое руководство приняло также ряд мер по укреплению международных позиций Сирии, расширению политических и экономических связей с различными арабскими государствами, в отличие от прежнего, предпочитавшего укрепление дружественных отношений только с прогрессивными режимами, по налаживанию взаимопонимания со странами Западной Европы и США, а также дальнейшему укреплению отношений с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Одновременно принимались меры для решения наиболее острой проблемы во внешней политике — урегулирование ближневосточного конфликта на принципах, предусматривающих вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. территорий и удовлетворение законных национальных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание самостоятельного государства.

В условиях продолжавшихся провокаций и столкновений на границах с Израилем 6 октября 1973 г. Египет и Сирия развернули военные действия против Израиля. Успех боевых операций в начале «октябрьской войны», в основе которого лежало использование фактора внезапности, а также возросший боевой потенциал сирийской армии, был сведен на нет нарушением военной координации между сирийским и египетским командованием, малой активностью со стороны египетской армии и односторонним решением президента Садата 16 октября 1973 г. о прекращении военных действий. 22 октября 1973 г. СБ ООН принял резолюцию № 338 о прекращении огня на обоих фронтах, предусматривавшую также немедленное и полное выполнение положений резолюции № 242 1967 г. Важным решением СБ ООН стало создание по инициативе Советского Союза постоянно действующего механизма для урегулирования ближневосточной проблемы — Международной мирной конференции. В этих условиях Сирия официально приняла резолюцию № 338, что косвенно означало и согласие с резолюцией № 242. 31 мая 1974 г. в Женеве в рамках рабочей комиссии конференции было заключено соглашение по разъединению сирийских и израильских войск. Последние должны были освободить часть территории Голанских высот, включая г. Эль-Кунейгра.

В поисках выхода из создавшихся экономических и социальных трудностей, вызванных войной, правительство заявило в 1974 г. о введении политики «либерализации», предусматривавшей расширение сотрудничества с частным сектором и национальным капиталом. Однако в условиях слабой рентабельности большинства государственных предприятий, зависимости от внешних финансовых поступлений, значительной задолженности по займам и кредитам, огромного дефицита торгового баланса, инфляции, широко распространившейся коррупции и взяточничества и ряда других факторов политика «либерализации», направленная на дальнейшее укрепление позиций частного сектора, привела также к появлению довольно большой прослойки паразитической буржуазии и, как следствие, к укреплению правых реакционных сил в стране. Одновременно еще более ухудшилось положение широких слоев населения.

Сложившаяся в стране ситуация вызвала в конце 1970-х — начале 1980-х годов открытые антиправительственные выступления запрещенной в Сирии с 1963 г. организации «Братья-мусульмане», поддерживаемой реакционными кругами в ряде крупных городов. При этом в борьбе с режимом использовались не только неудачи руководства страны в реализации принятых им мер по стабилизации и вызванное этим понижение жизненного уровня населения, но и фактор преобладания в партийном и хозяйственном руководстве представителей религиозного меньшинства страны — *алавитов*. Основные столкновения развернулись в городах Хомс и Хама и были жестоко подавлены армией и силами безопасности.

Значительные сложности возникли в 1970–1990-х годах у руководства страны в области региональной и международной политики. Наиболее ощутимой из них стал окончательный переход Египта к сепаратному урегулированию отношений с Израилем, завершением которого стало заключение им под эгидой США в марте 1979 г. мирного договора. Оставшись фактически единственной страной непосредственной конфронтации с Израилем, руководство Сирии развернуло активную деятельность по сплочению арабских стран, выступавших против соглашательской политики Египта. В декабре 1977 г. отношения с Египтом были разорваны. Дальнейшие осложнения были вызваны вмешательством Сирии в гражданскую войну в Ливане и введением на его территорию в 1976 г. своих регулярных войск. Неоднозначно была воспринята в арабском мире поддержка Сирией Ирана во вспыхнувшей в сентябре 1980 г. ирано-иракской войне, что было следствием обострившихся отношений между двумя руководящими баасистскими организациями (Ирака и Сирии), а также стремления не подрывать отношения с Ираном, учитывая влияние проиранских организаций в Ливане. Определенную роль играли и экономические факторы. Сирия одна из первых среди арабских государств осудила неспровоцированную агрессию Ирака против Кувейта и направила свой воинский контингент в распоряжение многонациональной антииракской коалиции. Вместе с тем в декабре 1989 г. она восстановила дипломатические отношения с Египтом, в середине 1980-х годов нормализовала свои отношения с Иорданией.

В борьбе за мирное урегулирование проблем Ближнего Востока Сирия имела решительную поддержку Советского Союза и стран социалистического содружества. В октябре 1980 г. обе страны подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, предусматривавший дальнейшее развитие дружественных отношений в политической (государственной и партийной), военной, экономической, научно-технической и культурной областях.

В ноябре 1983 г. в стране вновь создалась напряженная обстановка в связи с болезнью Хафеза Асада, вызванная еще не определившимся к тому моменту порядком преемственности власти. Становилась очевидной необходимость определения возможного кандидата на последующее руководство страной и партией для сохранения общей политической стабильности, а также политических и экономических позиций сторонников Асада в алавитской общине, учитывая нарастание внутренней конкурентной борьбы. Х. Асад стал все активнее вводить в политическую жизнь своего старшего сына Басиля, снискавшего к тому времени

определенную популярность как в общественно-политических, так и в армейских кругах. После трагической гибели Басиля Асада в январе 1994 г. перспектива преемственности власти связывалась уже с младшим сыном Х. Асада Башаром, имевшим репутацию человека, ратующего за технический прогресс и привлечение к управлению страной молодых представителей предпринимательских слоев общества, борьбу с коррупцией, тормозящей экономическое развитие.

Между тем в 1986 г. Сирия была включена в список стран, обвиняемых в пособничестве международному терроризму, хотя сам факт участия ее в террористических актах или финансировании их не был доказан. Хафез Асад категорически отрицал причастность Сирии к ним. В октябре 1991 г. Сирия участвовала в работе Мадридской мирной конференции по урегулированию ближневосточного конфликта. Последовавшие затем переговоры с Израилем шли без определенных успехов. Наиболее спорной проблемой были выдвинутые Израилем условия возвращения оккупированных Голанских высот. Сирийское руководство не было согласно с требованием Израиля разместить там станции раннего оповещения для обеспечения безопасности израильской территории. В течение 1995 г. в результате «челночных» визитов в Сирию и Израиль госсекретаря США Уоррена Кристофера и соответствующих переговоров с президентом Х. Асадом и премьер-министром Израиля Шимоном Пересом стороны согласились возобновить мирные переговоры, которые начались в США 27 декабря 1995 г. Однако уже в мае 1996 г. они вновь были прекращены после ряда террористических актов на израильской территории.

В конце 1999 г. благодаря посредничеству США, некоторых других стран Запада и России Сирия заявила о своей готовности возобновить переговоры в январе 2000 г. Предполагалось возможное успешное завершение их в связи с тем, что, по утверждению израильской оппозиции, были достигнуты договоренности по основным вопросам бывших разногласий. Однако приход администрации Буша и последующие события на Ближнем Востоке вновь перекрыли всякую возможность для мирного урегулирования ближневосточной проблемы.

К середине 1990-х годов выстроенная Х. Асадом «вертикаль власти», предусматривающая сильное президентское правление с преимущественной опорой на армию и спецслужбы, основу которой составляли также сложные сочленения межобщинных, клановых, семейных связей, в свою очередь построенных на межличностных взаимных обязательствах, стала терять прежнюю устойчивость. Значительно снизила свой темп на рубеже 1996–1997 гг. введенная им политика экономической либерализации. Становилось все более очевидным, что без глубоких реформ в экономике, армии, спецслужбах, партийном и государственном аппарате нельзя было серьезно рассчитывать на успешное осуществление планов по постепенной адаптации Сирии к новой международной обстановке и эффективному разрешению сложных внутриэкономических проблем.

В первой половине 1990-х годов Х. Асад приступил к кадровой реформе в армии и спецслужбах, призванной решить одновременно несколько важных задач. Следовало постепенно отстранить от руководства силовыми структурами сторонников бескомпромиссного противостояния «сионистскому врагу» и лиц, за-

мешанных в неблагоприятных делах, способных скомпрометировать имидж Сирии в глазах Запада, в сторону которого Дамаск стал все заметнее смещаться после распада СССР. Одновременно Х. Асад стремился создать благоприятные условия для бесконфликтного продвижения во властные структуры своего сына Башара. В 1999–2000 гг. прошли серьезные кадровые перестановки в армии и спецслужбах. В конце июня 1999 г. была проведена беспрецедентная кампания против коррупции в государственных учреждениях. Во вновь сформированном правительстве значительное число мест заняли сторонники Башара Асада.

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

10 июня 2000 г. на 70-м году жизни скончался президент Сирии Х. Асад, с именем которого на протяжении последних десятилетий ассоциировалась деятельность и само существование сирийского государства. Сирийское общество и его властные структуры твердо выступили на стороне Башара Асада, поддержав его избрание новым президентом страны. 11 июня 2000 г. на чрезвычайном заседании регионального руководства ПАСВ он был выдвинут единственным кандидатом на пост президента САР. Завершившийся 19 июня партийный форум избрал его генеральным секретарем ПАСВ. 27 июня 2000 г. сирийский парламент единогласно избрал Б. Асада президентом страны.

Предпринятые Б. Асадом в декабре 2001 — феврале 2002 г. меры (начало реформы судебной системы, публичное осуждение к длительным срокам заключения бывших министров экономики и торговли, обвиненных в коррупции, и отклонение их апелляции, кадровая реформа, некоторые знаковые перестановки в армии и спецслужбах, новые послабления в деятельности частного сирийского капитала и т.п.) свидетельствовали о том, что сирийский президент твердо намерен следовать курсом постепенной реализации намеченных экономических и социальных реформ.

Стремясь изменить политическую конфигурацию сирийского общества и вернуть представительным органам присущую им роль в политической системе страны наравне с армией и новым предпринимательским слоем, Б. Асад приступил к пересмотру отдельных аспектов деятельности ПАСВ, ПНФ и Народного совета. В начале февраля 2002 г. ст. 9 Устава ПНФ, определяющая монопольное право ПАСВ на ведение политической работы в обществе, была частично изменена. Входящие в ПНФ партии теперь могли действовать в молодежной среде, университетах. Запрет на работу в армии тем не менее сохранялся. Активизировалась и парламентская жизнь в стране. В силу широты распространения сети партийных организаций и связей ее с различными слоями общества ПАСВ сохраняет значительный политический потенциал. Мошный партийный аппарат представляет собой один из сильных рычагов управления в руках президента и способен сыграть роль важного фактора, обеспечивающего преемственность баасистского режима и его политического курса независимо от персональных изменений в руководящей элите. В сфере экономики Б. Асад продолжил курс на либерализацию. Однако инициированные им реформы сталкиваются с опреде-

ленными трудностями и не могут оказывать существенного воздействия на ход экономического развития Сирии. Многие влиятельные представители правящей элиты, пользовавшиеся экономическими и финансовыми привилегиями, опасались, что в случае более радикальных преобразований в стране они могут оказаться отодвинутыми от основных финансовых потоков в Сирии и, таким образом, утратить свое политическое влияние и экономические позиции в государстве. Поэтому они поддерживают только те реформы, которые не выходят за рамки действующей в САР системы.

Сложившаяся в начале XXI в. международная обстановка на Ближнем Востоке, особенно после войны в Ираке, определенным образом повлияла на изменение внешнеполитического курса Сирии. Новое сирийское руководство стало фактически на постоянной основе вести политический диалог с Египтом и Саудовской Аравией с целью выработки совместных действий для разрешения важнейших проблем региона. Налаживаются отношения с Турцией по вопросам обеспечения безопасности на границах и распределения водных ресурсов. Дамаск выступил за возобновление мирного диалога с Израилем на основе известных резолюций ООН. С октября 2001 г. Сирия является членом Совета Безопасности ООН, что значительно повысило международный авторитет страны. К 2010 г. Сирия планирует стать членом ВТО. Активно развиваются ее отношения с государствами Запада, прежде всего со странами ЕС. Отношения с США носят сложный и неоднозначный характер. С одной стороны, Сирия по-прежнему находится в «черном списке» госдепартамента США как страна, «поддерживающая международный терроризм», с другой — реализуя свои планы по созданию «нового порядка» на Ближнем Востоке, США вынуждены считаться с позицией Сирии, отдавая должное ее авторитету и влиянию в регионе. Созданный при Х. Асаде «запас прочности» в двусторонних российско-сирийских отношениях позволил в результате активизировавшейся во второй половине 1990-х годов деятельности российской ближневосточной дипломатии приступить к восстановлению их прежнего уровня на качественно новой основе.

Таким образом, общественно-политическое и социально-экономическое положение Сирии на рубеже XX–XXI вв. определялось активными поисками современной модели общественного развития на фоне реорганизации всего мирового сообщества и активизации усилий по созданию «нового мирового порядка» на Ближнем Востоке.

Глава 13

ПАЛЕСТИНА

Окончание Второй мировой войны объективно способствовало росту напряженности в Палестине. Это обстоятельство было обусловлено как минимум тремя причинами: во-первых, разочарованием со стороны как арабского населения, так и еврейской общины позицией британских властей, не желавших выполнять ранее взятые на себя обязательства по предоставлению независимости; во-вторых, все возрастающей иммиграцией евреев «на землю обетованную», что привело к дальнейшему обострению межконфессиональных противоречий в регионе; и, наконец, в-третьих, усилением насилия на палестинских территориях, прежде всего вызванного деятельностью еврейских экстремистских организаций, взявших курс на силовое давление на британскую администрацию и на расширение «жизненного пространства» за счет местных арабов. Одновременно с этим стало очевидным, что Великобритания оказалась неспособной эффективно осуществлять свой мандат на вверенной ей территории ни в вопросах обеспечения безопасности, ни в области политического или экономического развития региона. Тем самым судьба английского мандатного режима была предрешена.

В этих условиях резко возросла активность английского правительства и США по поиску путей выхода из сложившейся ситуации, при котором каждая из сторон стремилась обеспечить свои национальные интересы: Великобритания пыталась сохранить свои пошатнувшиеся позиции в регионе, в то время как быстро нарастившие во время войны свою мощь и влияние США рассчитывали укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. Несмотря на естественные противоречия в подходах к решению проблемы Палестины, и англичане и американцы не исключали совместных усилий в этом направлении. В ноябре 1945 г. по инициативе Великобритании была создана совместная англо-американская комиссия, целью которой было изучение политической и социально-экономической обстановки в Палестине. Спустя несколько месяцев, в апреле 1946 г., в Лондоне был опубликован ее доклад, который, не вскрыв причинно-следственные связи развивавшегося конфликта на подмандатной территории, свел его к вражде между арабами и евреями и не предложил каких-либо конкретных мер по его преодолению. Параллельно с этим осенью 1946 г. английское правительство в качестве варианта урегулирования ситуации в Палестине выдвинуло «план Моррисона», предусматривавший ее раздел на четыре зоны, две из которых сохраняли бы подмандатный статус, а две оставшиеся превращались бы в автономные области отдельно для арабов и евреев. Однако это предложение было отвергнуто всеми вовлеченными в конфликт сторонами, а также США.

Неспособность вывести палестинскую проблему из тупика побудила Англию передать ее для обсуждения в Организацию Объединенных Наций. Итогом острых дискуссий на двух сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, прошедших в 1947 г., стала резолюция № 181/II, принятая 29 ноября того же года в ходе работы второй сессии ГА ООН большинством голосов представленных на ней государств. Она предусматривала отмену английского мандатного режима в Палестине и создание на ее территории двух самостоятельных демократических государств — арабского (площадью 11,1 тыс. кв. км, или 43% территории Палестины, с населением около 800 тыс. арабов и 95 тыс. евреев) и еврейского (площадью 14,1 тыс. кв. км, или 56% территории Палестины, с населением около 510 тыс. арабов, включая бедуинские племена, и 499 тыс. евреев). Иерусалим с окрестностями (1% территории Палестины, население — 105 540 арабов и 59 690 евреев) должен был превратиться в интернациональную зону. В соответствии с резолюцией предполагалось вывести английские войска до 1 августа 1948 г., а провозглашение независимости двух новых государств намечалось не позднее 1 октября того же года.

Однако этот план урегулирования был отвергнут как арабами Палестины и сопредельных с ней стран, так и евреями, которые, согласившись в целом с резолюцией № 181/II ГА ООН, не были удовлетворены предложенными условиями раздела территорий. Ситуация в Палестине все больше выходила из-под контроля английской колониальной администрации, самоустранившейся от выполнения своих функций, что фактически привело к началу необъявленной арабо-еврейской войны с человеческими жертвами с обеих сторон. Приобретение этой войной формального статуса произошло 15 мая 1948 г. вслед за официальной отменой английского мандата и провозглашением Государства Израиль. В этот день войска пяти арабских стран (Трансиордании, Ирака, Египта, Сирии и Ливана) вступили на территорию Палестины. О состоянии войны с Израилем также объявили Саудовская Аравия и Йемен. Боевые действия в Палестине продолжались до 7 января 1949 г. Формально первая арабо-израильская война завершилась в феврале–июле 1949 г. подписанием Родосских соглашений о перемирии между Израилем и арабскими странами при активном посредничестве ООН. Фактическим же итогом этого вооруженного столкновения стало закрепление нового раздела Палестины. Израиль присоединил к себе 6,7 тыс. кв. км, отведенных международным сообществом для создания арабского государства, а также западную часть Иерусалима. Оставшаяся часть так и не созданного арабского государства согласно условиям соглашений о перемирии должна была перейти под контроль Лиги арабских государств (ЛАГ), но на практике она была поделена между Трансиорданией и Египтом. Восточный Иерусалим и Западный берег реки Иордан отошел Трансиордании, король которой — Абдалла еще 1 декабря 1948 г. был провозглашен королем Палестины, хотя чуть позже, в апреле 1950 г., при создании Иорданского Хашимитского Королевства, было оговорено, что эти территории находятся в составе Иордании временно. Египет взял под свой контроль сектор Газа.

Однако самой большой трагедией стало появление нового фактора в палестинской проблеме — палестинских беженцев, численность которых к концу вой-

ны составляла около 900 тыс. человек, из которых примерно половина были вынуждены покинуть свои земли и дома еще до официального начала войны вследствие террора, развязанного еврейскими колонистами. Вслед за различными международными организациями, оказывавшими помощь этим обездоленным людям, в процесс поддержки беженцев включилась ООН, учредившая в ноябре 1948 г. специальный фонд для помощи палестинским беженцам, а затем специальным решением ГА ООН № 302/IV от 9 декабря 1949 г. создала Ближневосточное агентство для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР). Благодаря этим усилиям мирового сообщества в том же, 1949 г. были созданы 54 специализированных лагеря в Иордании, Ливане, египетском секторе Газа и Сирии, в которых нашли приют более 400 тыс. беженцев, хотя это и не решало саму проблему. Более того, Израиль полностью проигнорировал принятую 11 декабря 1948 г. резолюцию № 194/III ГА ООН, признавшую за палестинскими беженцами право на репатриацию или получение компенсации за имущество в случае отказа от возвращения на родину.

С конца 1940-х годов и до конца 1960-х главным противником Израиля в споре за Палестину оставались арабские страны. Тем не менее постепенно в арабских столицах стала набирать силу тенденция, что основную тяжесть вооруженного противостояния израильскому государству должны взять на себя палестинцы. Однако реализация этих планов была крайне затруднена в силу разобщенности в палестинской среде. В 1940–1950-е годы палестинские выступления, в том числе партизанские действия на оккупированной территории, носили разрозненный характер и не получали должной поддержки со стороны основной массы палестинцев. Вместе с тем именно в этот период отмечается включение палестинцев в деятельность различных политических организаций, выступавших с общеарабских позиций в различных странах Ближнего Востока и Северной Африки. Одновременно с этим постепенно стали формироваться новые собственно палестинские структуры, которые по-прежнему действовали разрозненно, так как зачастую оставались под влиянием различных, нередко противоборствовавших арабских государств. На рубеже 1950–1960-х годов возрождение палестинского национального самосознания и приход некоторых палестинских националистов к заключению о том, что палестинский народ должен взять решение своей судьбы в собственные руки, создали благоприятные условия для интеграционных процессов в разбросанной по арабскому миру палестинской диаспоре.

В январе 1964 г. главы арабских государств и правительств, собравшиеся на совещание в Каире, решили предоставить самим палестинцам «взять на себя ответственность за свое национальное дело и освобождение Палестины». Одновременно с этим было решено создать Организацию освобождения Палестины (ООП), наделенную как политическими, так и военными функциями.

28 мая 1964 г. в иорданском секторе Иерусалима состоялся Палестинский национальный конгресс, на котором присутствовало 422 делегата, представлявшие палестинцев, обосновавшихся в Иордании, Сирии, Ливане, Ираке, аравийских государствах Персидского залива и секторе Газа. Они объявили о созыве 1-й сессии Национального совета Палестины (НСП), которая создала ООП и приняла

Палестинскую национальную хартию, ставшую программным документом Организации. Помимо этого сессия НСП утвердила Устав ООП, в соответствии с которым ее членами считались все палестинцы. Высшим законодательным органом ООП объявлялся Национальный совет Палестины, избираемый сроком на три года. В функции НСП, в частности, входит назначение председателя Исполкома ООП, призванного претворять в жизнь решения НСП. После официального признания на втором общеарабском совещании в верхах в Александрии в сентябре 1964 г. ООП приступила к формированию подразделений Армии освобождения Палестины (АОП) на территории Египта, Сирии и Ирака. Так начался сложный процесс консолидации ранее разрозненных организаций и групп, составлявших Палестинское движение сопротивления (ПДС). Ведущее место среди них заняло Движение за освобождение Палестины (Фатх), созданное Ясиром Арафатом в 1957 г. Однако на протяжении еще нескольких лет боеспособность и влияние ООП были крайне низкими вследствие острых внутренних противоречий, борьбы за власть и личных амбиций ее руководителей. Это приводило к тому, что вне рамок ООП продолжали существовать различные палестинские движения, организации и отряды.

5 июня 1967 г. Израиль совершил нападение на Египет, Иорданию и Сирию, начав таким образом новую арабо-израильскую войну. Одной из целей израильской армии был разгром ПДС на территории соседних арабских государств. Несмотря на скоротечность этой «шестидневной войны», Израиль увеличил свою территорию в четыре раза, оккупировав Западный берег р. Иордан и сектор Газа, а также установив свой контроль над всем Иерусалимом, не говоря уже об аннексии принадлежавшего Египту Синайского полуострова и сирийских Голанских высот. По данным БАПОР, в результате политики Израиля еще 350 тыс. палестинцев оказались в положении беженцев, причем 175 тыс. из них получили этот статус еще в 1948 г.

Столь ошутимое поражение, нанесенное израильтянами как арабским странам, так и ПДС, стимулировало интеграционные процессы в ООП, становление которой пришлось на конец 1960-х годов. В этот период в арабских странах начала формироваться инфраструктура ООП, которая включала в себя базы, учебно-тренировочные лагеря, официальные учреждения, органы печати. Именно в эти годы стали складываться крупные и влиятельные палестинские военно-политические группировки, составившие впоследствии основу ООП, такие, как «ас-Саика», Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Арабский фронт Палестины (АФП) и др. Палестинские лидеры все больше осознавали, что идеологическая и организационная разобщенность ПДС пагубно сказывается на достижении общенациональных интересов, связанных с освобождением оккупированных территорий и созданием в Палестине своего независимого государства. В этих условиях ширилось движение за обновление ООП, которое возглавил Фатх. В декабре 1967 г. был вынужден уйти с поста председателя Исполкома ООП Ахмед Шукейри, которого заменил Ясир Арафат, избранный на этот пост на 5-й сессии НСП в феврале 1969 г.

Однако этот объединительный процесс сопровождался рядом осложнений, связанных прежде всего с опасением некоторых арабских режимов относительно

усиления влияния ПДС, включая ООП, на своей территории. Наиболее наглядно это прослеживалось в Ливане и Иордании, где в 1968–1970 гг. произошли ожесточенные столкновения между вооруженными силами этих стран и палестинцами. В результате кровопролитных боев в сентябре 1970 г. иорданская армия смогла нанести поражение отрядам ПДС, базировавшимся на территории королевства, и вытеснить их за его пределы в Ливан и Сирию. Схожая ситуация в Ливане завершилась для лидеров ПДС разрешением конфликта дипломатическим путем. Благодаря посредническим усилиям президента Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насера 3 ноября 1969 г. в Каире было подписано ливано-палестинское соглашение, в соответствии с которым ливанское правительство официально признало военно-политическое присутствие ПДС в стране и правомерность его действий против Израиля. Тем самым впервые официально был зафиксирован статус присутствия ПДС на территории одного из арабских государств, хотя оно и оговаривалось рядом условий, включая невмешательство во внутренние дела Ливана и «соблюдение суверенитета и безопасности» этой страны. Однако Каирское соглашение не смогло спасти ПДС от кризисных явлений, выразившихся в обострении разногласий между отрядами движения и ослаблении его центральных органов. Все это заставило руководство ООП пойти на серьезные изменения как организационного, так и идеологического характера, которые были выработаны и приняты 6–11-й сессиями НСП, прошедшими в период с сентября 1969 по январь 1973 г.

Новая арабо-израильская война в октябре 1973 г., подтвердив невозможность мирного урегулирования на Ближнем Востоке без решения палестинской проблемы, подтолкнула арабские страны вновь подтвердить свою позицию в ее отношении. На состоявшемся в 1974 г. общеарабском саммите в Рабате было принято решение о продолжении борьбы за освобождение оккупированных арабских территорий и, главное, о признании ООП «единственным законным представителем палестинского народа». В сентябре 1976 г. это положение было подтверждено принятием ООП в ЛАГ в качестве полноправного члена.

Одновременно с этим активизировался процесс международного признания ООП. Так, в резолюции ГА ООН № 26720 от 8 декабря 1970 г. впервые был использован термин «палестинский народ». За палестинским народом признавались неотъемлемые права, уважение которых является неременным условием для достижения справедливого мира на Ближнем Востоке. Новым шагом по международному признанию ООП стала работа 19-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1974 г., в повестку дня которой был включен «вопрос о Палестине». По итогам дискуссии по палестинской проблеме был принят ряд резолюций, которые свидетельствовали о широком международном признании ООП. Так, в резолюции № 3210 указывалось на то, что палестинский народ является главной стороной при обсуждении вопроса о Палестине. Резолюция № 3236, подтверждая неотъемлемые права палестинского народа в Палестине, в том числе права на самоопределение без внешнего вмешательства и национальную независимость и суверенитет, призвала Генерального секретаря ООН установить контакт с ООП по всем вопросам, касающимся палестинской проблематики. Нако-

нец, принятая на том же заседании ГА ООН резолюция № 3237 приглашала ООП как представителя палестинского народа участвовать в работе Генеральной Ассамблеи, проводимых под ее эгидой и эгидой других органов ООН международных конференциях в качестве наблюдателя. Таким образом, ООП получила полное признание со стороны мирового сообщества в качестве единственного законного представителя народа Палестины, а ведущаяся ею борьба была оценена как справедливая и законная.

Изменения, произошедшие на Ближнем Востоке и в Северной Африке в середине 1970-х годов и связанные, в частности, с расколом среди арабских стран, прежде всего с отходом Египта от ранее принятых общеарабских решений и его курсом на заключение сепаратной сделки с Израилем, болезненно сказались и на ПДС, включая ООП. Кризисные явления, вновь проявившиеся в палестинской среде, раздираемой противоречиями, в том числе порождаемыми ориентацией различных военно-политических группировок в ПДС на часто враждебные друг другу арабские режимы, получили дальнейшее развитие в годы гражданской войны в Ливане, начавшейся в апреле 1975 г. Ее итогом, усугубленным вооруженным вмешательством Израиля, в конечном счете стала ликвидация военной инфраструктуры ООП на территории Ливана и ее изгнание за пределы этого государства в Тунис летом 1982 г.

Последующие годы деятельность ПДС характеризовалась продолжением кризиса в рядах ООП, связанного с выбором дальнейших путей борьбы, определением тактики и стратегии палестинского движения. Одним из проявлений этого кризиса стала готовность части руководства ООП во главе с Ясиром Арафатом к отказу от ранее принятых решений НСП, включая положения Палестинской национальной хартии. Она нашла свое практическое воплощение в подписании 11 февраля 1985 г. в Аммане иордано-палестинского соглашения «О рамках совместной деятельности», сводящегося к самоопределению палестинцев в рамках конфедерации с Иорданией. Такая политика породила критику в рядах ООП, в которой сформировалась мощная оппозиция председателю ее Исполкома Ясиру Арафату, назвавшая 17-ю сессию НСП, прошедшую в иорданской столице 22–28 ноября 1984 г. и создавшую предпосылки для конфедеративного варианта урегулирования палестинской проблемы, «раскольнической».

В этот же период произошли два других важных события в жизни ООП — 18-я (апрель 1987 г., Алжир) и 19-я, чрезвычайная (ноябрь 1988 г., Алжир) сессии НСП. Первая из этих двух сессий, аннулировав Амманское соглашение, способствовала в какой-то степени смягчению разногласий внутри ООП, но не устранила их, как, впрочем, и другие решения (расширение численного состава Исполкома ООП и ее Центрального совета), принятые под давлением оппозиционных Я. Арафату палестинских организаций и групп. Более того, этому палестинскому форуму также не удалось преодолеть острые трения, существовавшие в отношениях руководства ООП с рядом государств арабского мира, включая Египет, Сирию и Ливию, хотя он создал предпосылки для прорыва в этом направлении. Тем не менее итоги этой сессии стали знаковыми, учитывая тот факт, что на ней ООП впервые признала резолюции № 242 и 338 Совета Безопасности ООН, принятые

соответственно 22 ноября 1967 и 22 октября 1973 г., но при условии гарантии права палестинцев на самоопределение. Кроме того, ООП декларировала отказ от использования терроризма в своей борьбе. 19-я, чрезвычайная сессия НСП пошла на дальнейшее закрепление решений предыдущей сессии, провозгласив создание Государства Палестина, закрепленное в принятой Декларации независимости. Одновременно с этим высший законодательный орган палестинского народа признал резолюцию № 181/II Генеральной Ассамблеи ООН, тем самым согласившись с вариантом мирного урегулирования палестино-израильского конфликта, что де-факто означало признание ООП Государства Израиль в границах, существовавших до июня 1967 г. Таким образом, итоги двух указанных сессий НСП отчетливо продемонстрировали готовность руководства ООП к мирным переговорам по ближневосточному урегулированию.

Однако далеко не все организации и группы в рядах ПДС были готовы к поддержке курса ООП на мирный диалог с Израилем. На этом фоне в конце 1980-х годов все отчетливее стала проявляться тенденция, заключающаяся в переходе инициативы от палестинской диаспоры, которая на протяжении десятилетий определяла формы и методы борьбы за урегулирование палестинской проблемы, к палестинцам, оставшимся на оккупированных Израилем территориях. Практическое выражение эта тенденция получила в виде так называемой *шитифады* — «мирного восстания» — на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа, начавшейся в декабре 1987 г. События на оккупированных территориях также способствовали появлению нового фактора в палестинской борьбе, заключавшегося в росте авторитета радикальных мусульманских деятелей и формировании организаций исламистской направленности.

На рубеже 1980–1990-х годов активизировались усилия мирового сообщества по урегулированию арабо-израильского конфликта, сердцевинной которого продолжала оставаться проблема Палестины. Их конкретным результатом стало проведение мирной конференции, коспонсорами которой выступили США и СССР, в октябре–ноябре 1991 г. в Мадриде. Несмотря на отсутствие конкретных соглашений, связанных с преодолением существующего конфликта на Ближнем Востоке, этот международный форум продемонстрировал возможность проведения полномасштабных мирных переговоров между арабскими государствами, а также ООП, с одной стороны, и Израилем — с другой, и тем самым предопределил тот прорыв, который был осуществлен в палестино-израильских взаимоотношениях в конце лета — начале осени 1993 г.

В августе 1993 г. в Осло представители Израиля и ООП заявили о достижении договоренностей относительно мирного урегулирования палестинской проблемы, открывавших дорогу процессу формирования основ палестинской государственности. Эти договоренности были трансформированы в официальный документ — Декларацию о принципах мирного урегулирования и палестинского самоуправления, которая была подписана 13 сентября 1993 г. в Вашингтоне и сопровождалась взаимным признанием Израиля и ООП. В соответствии с Декларацией о принципах планировалось создание автономной Палестинской национальной администрации (ПНА) на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа.

которая должна была заложить основу будущего палестинского государства. При этом оговаривалось, что переходный период, связанный с подготовкой провозглашения независимого палестинского государства, должен был занять пять лет с момента формирования исполнительного органа власти на освобождаемых палестинских территориях в июне 1994 г. Предполагалось, что переговоры об окончательном урегулировании конфликта, включая статус Иерусалима и определение границ, которые бы разделили два суверенных государства — Палестину и Израиль, должны начаться в мае 1996 г., т.е. на третьем году действия соглашений о промежуточном урегулировании, и завершиться к 4 мая 1999 г. В этот переходный период был подписан целый ряд важных соглашений, которые были призваны обеспечить успешную реализацию процесса, начатого в Осло. Однако ни одно из этих соглашений не было выполнено полностью, что завело процесс урегулирования в тупик и стало одной из причин новой вспышки насилия в Палестине (*интифада-2*), начавшейся в конце сентября 2000 г., как на территориях, перешедших под управление ПНА во главе с Ясиром Арафатом, так и на палестинских землях, оставшихся в зоне израильской оккупации.

Усилия, предпринятые международными посредниками в лице США, России, Европейского Союза и ООН в 1999–2003 гг., не смогли вернуть события в русло мирных переговоров, хотя им удалось существенно снизить уровень конфронтационности и насилия в отношениях между палестинской и израильской сторонами и обеспечить необходимый уровень консультаций между ними на относительно регулярной основе. Деятельность этого квартета посредников в диалоге между ПНА и Израилем сохраняет надежду на вывод переговорного процесса между конфликтующими сторонами из тупика и окончательное урегулирование проблемы Палестины политическими методами.

Глава 14

ИЗРАИЛЬ

Конец Второй мировой войны Палестина, управляемая британским мандатом, встретила в состоянии глубокого кризиса. Между еврейской и арабской общинами, составлявшими соответственно 560 тыс. и 1,3 млн. человек, возобновилось вооруженное противостояние, прекратившееся на некоторое время после арабского восстания 1936–1939 гг. Обострились отношения обеих общин, стремившихся к независимости, с британскими властями, а также политическая борьба внутри самих общин.

С еврейской стороны эскалация насилия исходила прежде всего от подпольных организаций ревизионистов — Эцель и ЛЕХИ, считавших путь вооруженной борьбы приоритетным в обретении национальной независимости и отказывавшихся подчиняться официальному руководству *ишува*. Они совершали террористические акты как против британских войск и администрации, так и против арабов, создавая препятствия для дипломатических усилий официального руководства *ишува*, которое рассчитывало договориться с Лондоном, используя свое положение союзника антигитлеровской коалиции на Ближнем Востоке, а также вклад еврейского сектора экономики в социально-экономическое развитие Палестины. Однако британские власти отказывались идти на уступки, выступая против роста еврейской иммиграции в страну и создания независимого еврейского государства. В ответ на это подконтрольная официальному *ишуву* Хагана, Эцель и ЛЕХИ объединили свои силы, однако после попытки британских властей разгромить «Объединенное еврейское подполье» ревизионисты снова вышли из подчинения объединенному командованию и возобновили террористическую деятельность. После этого Хагана ограничила свою деятельность нелегальным провозом иммигрантов и созданием новых поселений. Вооруженную борьбу стали вести в основном Эцель и ЛЕХИ.

В этот период США активизировали свою ближневосточную политику, стремясь потеснить «старые» европейские державы и предотвратить наплыв еврейских беженцев из Европы в свою страну. В 1946 г. ситуация в Палестине и в лагерях «перемещенных лиц» в Европе изучалась двумя англо-американскими комиссиями, но Великобритания так и не приняла американских рекомендаций о пересмотре положений «Белой книги» 1939 г. и допуске в Палестину 100 тыс. евреев из Европы. Консультации, проведенные в Лондоне с представителями обеих этнических общин Палестины, окончились безрезультатно. В апреле 1947 г. Великобритания передала палестинский вопрос на рассмотрение Организации Объединенных Наций, специальная комиссия которой вскоре представила доклад, содержащий рекомендации по прекращению британского мандата и созда-

нию в Палестине единого федеративного государства (план меньшинства) или двух отдельных государств — арабского и еврейского (план большинства).

Осенью 1947 г. Еврейское агентство предприняло ряд попыток начать дипломатический диалог с арабской стороной. А. Эббан и Д. Хоровиц встретились в Лондоне с Генеральным секретарем Лиги арабских государств Аззам-пашой, а представитель Еврейского агентства Г. Меир тайно встретила в местечке Нахараим с королем Трансиордании Абдаллой, который был безусловно заинтересован в сотрудничестве с *шувом*, направленном против общего врага — иерусалимского муфтия аль-Хусейни. Однако политическая ситуация в арабском мире не позволяла арабским лидерам вести подобный диалог.

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 181/II, предусматривающую раздел Палестины на арабское и еврейское государства с выделением Иерусалима и его ближайших окрестностей в зону с особым международным статусом. Арабскому государству отводилось 43% территории Палестины с населением около 800 тыс. арабов и 95 тыс. евреев, а еврейскому — 56% территории с населением около 499 тыс. евреев и около 510 тыс. арабов. Оба государства должны были сохранить единое экономическое и валютное пространство, единую систему коммуникаций и т.д. Резолюция предусматривала сложную процедуру подготовки к провозглашению независимости обоих государств: она могла быть признана ООН только после принятия конституции, соответствующей требованиям резолюции, а также ряда специальных обязательств в области соблюдения демократических норм, прав и свобод человека, принципов международного права, неприменения силы или угрозы силы в отношениях друг с другом и др.

Резолюцию, после определенных колебаний, поддержали как СССР, так и США. Великобритания, надеясь сохранить контроль над Палестиной, воздержалась. Впоследствии британские власти всячески препятствовали проведению предусмотренных резолюцией подготовительных мероприятий. Все арабские страны категорически отвергли резолюцию.

Руководство *шув* официально признало резолюцию, несмотря на свое несогласие со многими ее положениями. Подготовка к созданию независимого еврейского государства уже шла полным ходом: готовились проекты законов, а также принимались меры для консолидации всех политических сил *шув* в рамках единой политической системы, вне которой все еще находились религиозные ортодоксы (Агудат Исраэль и др.), ревизионисты (Эцель) и коммунисты просоветской ориентации (Палестинская коммунистическая партия. ПКП)¹. В июне 1947 г. Еврейское агентство заключило с Агудат Исраэль «Соглашение о статус-кво», гарантирующее, с одной стороны, законодательное закрепление в будущем еврейском государстве ряда норм еврейской религиозной жизни (соблюдение на государственном уровне субботы и кошерного питания; религиозная юрисдикция в семейном праве: автономия религиозной системы образования), а с другой — недопустимость теократии и соблюдение прав верующих всех конфессий. Таким

¹ См.: История Востока. Т. 5. М., 2006, с. 166.

образом, религиозные ортодоксы примирились с сионистским движением и признали легитимность еврейского государства. Что касается ПКП, то она согласилась стать частью политической системы нового государства после того, как СССР поддержал резолюцию ГА ООН о разделе Палестины. Только ревизионисты, располагавшие боевыми отрядами численностью около 6 тыс. человек, почти в два раза больше численности элитных частей официального *шшува* (Пальмах), продолжали проявлять несговорчивость.

В начале декабря 1947 г. в Палестине начались вооруженные столкновения между арабскими и еврейскими формированиями, положившие начало «войне за независимость Израиля». Вскоре в Палестину вошли части созданной под эгидой ЛАГ Арабской освободительной армии. Арабским силам удалось блокировать Иерусалим и перерезать ряд важнейших коммуникаций. Лишь весной 1948 г. Хагане удалось переломить ситуацию и добиться заметных военных успехов, особенно на севере, в Галилее. Этому во многом способствовали поставки оружия из Чехословакии, негласно санкционированные Советским Союзом, который рассчитывал таким образом способствовать вытеснению Великобритании из региона.

Одновременно началось формирование переходных органов власти будущего еврейского государства — представительного (Народный совет) и исполнительного (Народная администрация). Доминирующее положение в этих органах, в соответствии с результатами последних выборов в Национальную ассамблею *шшува* (1944 г.), занимали левые партии, прежде всего МАПАЙ, несмотря на кооптацию в Народный совет представителей ревизионистов, Агудат Исраэль и коммунистов.

При этом ревизионисты по-прежнему отказывались подчиняться в полной мере официальному руководству *шшува* и Хаганы, что нашло свое проявление, в частности, в налете боевиков Эцеля на арабскую деревню Дейр-Ясин, в ходе которого было убито более 250 мирных жителей. Этот инцидент сыграл ключевую роль в распространении паники среди палестинского населения и массовом исходе арабских беженцев из Палестины, что положило начало проблеме — и трагедии — палестинских беженцев. Руководство *шшува* приняло достаточно решительные меры против организаторов этой резни, вынудив Эцель подписать с Хаганой соглашение о сотрудничестве.

Будучи не в состоянии положить конец насилию и хаосу в Палестине, Великобритания стала готовиться к досрочному уходу из страны, а руководство *шшува* — к срочному созданию государства. 11 мая Г. Меир провела вторую секретную встречу с королем Абдаллой в Аммане, пытаясь договориться о мирном разделе Палестины между Хашимитским королевством и еврейским государством. Однако король соглашался лишь на еврейскую автономию в рамках своего королевства.

14 мая 1948 г. начался вывод из Палестины британских войск. В тот же день в 16.00 в Тель-Авивском музее под председательством Д. Бен-Гуриона, лидера партии МАПАЙ и председателя Еврейского агентства, началось собрание Народного совета. На нем был оглашен текст Декларации независимости Государ-

ства Израиль и созданы временные органы государственной власти — Временный госсовет и Временное правительство, которое возглавил Бен-Гурион. Президентом — номинальным главой государства — был избран Х. Вейцман.

Практически сразу после провозглашения независимости на территорию Палестины вторглись армии Трансиордании, Египта и Сирии, а также части иракской и ливанской армий. Так началась первая арабо-израильская война, которая официально длилась с 15 мая 1948 по 20 июля 1949 г., хотя собственно боевые действия шли в течение немногим более двух месяцев, прерываясь длительными (от одного до трех месяцев) прекращениями огня, и фактически закончились 7 января 1949 г., после чего вплоть до 20 июля стороны вели переговоры о перемирии.

В первый месяц боевых действий Израиль потерпел ряд серьезных поражений. Египетскому экспедиционному корпусу удалось захватить почти весь район пустыни Негев и приблизиться к Тель-Авиву, а трансиорданский Арабский легион под командованием британского генерала Дж. Глабба вновь блокировал Иерусалим. К концу мая Израиль завершил формирование регулярной армии. Однако и после этого ревизионистские группировки пытались сохранить самостоятельность: например, Эцель попытался несанкционированно ввезти для своих отрядов партию оружия из Франции на корабле «Альталена». По приказу Д. Бен-Гуриона корабль был захвачен, а оружие конфисковано. Так Бен-Гурион осуществлял свою доктрину этатизма (ивр. *мамлахтиют* — государственничество), направленную на преодоление сформировавшегося в догосударственный период так называемого движенческого, или партийного, федерализма, т.е. распыления квазигосударственных функций по руководящим органам партий и движений, и формирование консолидированного государства.

Однако наиболее экстремистские группировки ревизионистов продолжали террористическую деятельность. В сентябре 1948 г. боевики группы ЛЕХИ убили в Иерусалиме шведского дипломата графа Ф. Бернадотта — представителя ООН, предложившего пересмотр схемы территориального раздела. Убийство Бернадотта, резня в Дейр-Ясине и инцидент с «Альталеной» свидетельствовали о стремлении ревизионистов действовать вне рамок официальной политики Израиля, игнорируя его законы и государственные интересы. После этого теракта вооруженная деятельность ЛЕХИ была прекращена, однако ее политическое крыло — Партия борцов действовала до 1951 г., проведя одного депутата в парламент (кнессет) первого созыва.

К середине июля 1948 г., после первого перемирия, Израилю удалось значительно укрепить и перевооружить свою армию. В результате последующие боевые действия носили для него преимущественно наступательный характер. Под контролем Израиля оказалась не только вся территория, отведенная ему резолюцией № 181/II, но и часть территории, отведенной арабскому государству. В значительной степени этому способствовали противоречия и столкновения интересов между различными арабскими государствами и их лидерами.

С января по июль 1949 г. на о-ве Родос проходили переговоры, завершившиеся подписанием соглашений о перемирии между Израилем и каждым из воевав-

ших с ним арабских государств: Египтом (24 февраля), Ливаном (23 марта), Иорданией (3 апреля) и Сирией (20 июля). Соглашения закрепили сложившееся в результате войны территориальное статус-кво. Территория Израиля увеличилась на 21% и стала более цельной за счет расширения наиболее узких участков. Однако Иерусалим остался разделенным: Старый город со Стеной плача, за исключением еврейского анклава на г. Скопус, где располагался Еврейский университет и госпиталь Хадасса, перешли под контроль Трансиордании².

Родосские соглашения носили промежуточный характер, предполагая последующее заключение мирных договоров. Определенные ими линии перемирия не имели статуса государственной границы. Вскоре израильские дипломаты провели ряд секретных встреч с представителями Египта. Одновременно шла активная подготовка к заключению израильско-иорданского мирного договора. Его проект к началу 1950 г. был практически готов. Однако мирный процесс зашел в тупик, а один из его главных участников — король Иордании Абдалла в июле 1951 г. стал жертвой политического убийства. ЛАГ объявила Израилю бойкот и отказалась признавать его легитимность. В результате Израиль в течение трех десятилетий оставался уникальным государством, практически не имеющим официально признанных границ. Даже к концу XX в. государственная граница Израиля еще не была определена полностью.

Сразу же после провозглашения независимости в Израиль хлынул поток евреев-иммигрантов. В первые три с половиной года существования Израиля в страну въехало около 685 тыс. человек — на треть больше, чем за предыдущие 70 лет. При этом около половины иммигрантов (ранее не более 10%) прибывали из стран Ближнего Востока и Северной Африки, где положение евреев осложнилось в связи с арабо-израильским конфликтом. В результате доля восточных евреев (*сефардов*) среди израильтян повысилась с 15 до 33%.

Массовый наплыв иммигрантов породил тяжелейший социально-экономический кризис. Положение осложнялось низким уровнем образования большинства восточных иммигрантов и глубокими различиями в культуре и менталитете между западными и восточными евреями, а также крайне негативным отношением последних к социалистической идеологии правящего истеблишмента. Для обеспечения национальной консолидации была разработана политика абсорбции иммигрантов, особую роль в которой должны были играть система образования, служба молодежи в армии, а также юношеские и молодежные организации Нахал и Гадна. Образование как фактор национальной консолидации и социально-экономического развития стало в Израиле одним из важнейших приоритетов государственной политики. Расходы на образование постоянно занимают одно из ведущих мест в структуре бюджета, достигая в отдельные годы более 10% ВВП, или более 10–15% от общего объема государственного бюджета Израиля.

25 января 1949 г., в условиях войны и социально-экономического кризиса, в Израиле были проведены первые парламентские выборы. Кнессет из 120 депутатов был избран на основе пропорциональной системы. Большинство составили

² С апреля 1950 г. переименована в Иорданию.

депутаты от левых партий. Лидер крупнейшей партийной фракции МАПАЙ Д. Бен-Гурион возглавил первое правительство. Помимо левых партий МАПАЙ и МАПАМ в кнессете были представлены правые (ревизионистская партия Херут, созданная на основе Эцель, и др.), центристские («Общие сионисты» и Прогрессивная партия) и религиозные партии (религиозно-сионистская Мизрахи, ортодоксальная Агудат Исраэль и др.). Три депутата представляли арабское население.

С самого начала партийно-политическая система Израиля приобрела ряд характерных черт, сохранившихся на многие десятилетия. Это прежде всего высокий уровень многопартийности, что постоянно вызывает активный процесс расколов и слияний. За всю историю государства в кнессете были представлены более 50 партий и блоков (по 10–15 в каждом созыве). В таких условиях «чистая» победа одной партии или блока невозможна, и правительство всегда формируется на основе коалиции. Для обеспечения правящей коалицией твердого большинства в нее постоянно включаются фракции религиозных партий, которые таким образом приобретают непропорционально большое влияние на общественно-политическую жизнь Израиля по сравнению с реальным размером их электората. Следует отметить также слабость политического центра, обусловившую формирование двухблоковой системы на основе поляризации умеренно левых и умеренно правых.

В целом политическая система Израиля изначально основывалась на традициях европейской парламентской демократии. Вместе с тем в отношении арабского населения допускались нарушения демократических норм. В частности, был принят ряд законов об отчуждении так называемой покинутой собственности арабских беженцев. В результате арабские граждане Израиля лишились около 40% своих земель. После многочисленных протестов, в том числе со стороны депутатов кнессета, часть их была возвращена. Собственность же беженцев, покинувших территорию Израиля, была безвозвратно конфискована и распределена среди новых иммигрантов. Кроме того, во многих районах компактного проживания арабов долгие годы продолжали действовать введенные еще британской администрацией положения о «зонах безопасности», на основании которых арабы подвергались депортации, ограничению свободы передвижения, действию комендантского часа, произвольным обыскам и арестам и другим нарушениям прав и свобод человека.

Изначально кнессет первого созыва избирался как учредительное собрание с целью принятия конституции, однако принять ее так и не удалось. Вместо этого в 1950 г. было решено разработать свод Основных (конституционных) законов. Всего к концу XX в. их было принято 11: первый из них («О кнессете») — в 1958 г., последние два («О свободе деятельности» и «О достоинстве и свободе человека») — в 1992 г.

Внешняя политика Израиля изначально строилась на принципе «неидентификации», т.е. неприсоединения к военно-политическим блокам и развития дружеских отношений как с СССР, так и с США. Главной опорой Израиля на международной арене в условиях региональной изоляции должна была стать ООН, чле-

ном которой Израиль стал в мае 1949 г. Однако уже к концу 1949 г. положение Израиля в ООН серьезно пошатнулось из-за его отказа признать особый международный статус Иерусалима и провозглашения его своей столицей. Внешнеполитическая ориентация Израиля постепенно смещалась от «неидентификации» к прозападному курсу. В начале 1950-х годов Израиль поддержал позицию США и стран Западной Европы по корейскому вопросу. СССР, со своей стороны, постепенно свернул дружеские отношения с Израилем и развернул кампанию против сионизма и еврейского «космополитизма». Тем не менее США сохраняли сдержанную позицию по отношению к Израилю, так как не видели в нем достаточно сильного партнера, рассчитывая создать на Ближнем Востоке региональный блок по типу НАТО. Отношения с Великобританией также оставались весьма натянутыми. Таким образом, «осадное» положение Израиля в регионе осложнялось отсутствием у него надежного союзника среди ведущих мировых держав. Лишь к середине 1950-х годов активную военную помощь и поддержку Израилю начала оказывать Франция, используя его как противовес Египту, поддерживавшему алжирских повстанцев.

Первая половина 1950-х годов ознаменовалась целым рядом серьезных кризисов во внешней политике Израиля, отразившихся и на внутриполитической обстановке в стране. Острейшая полемика развернулась вокруг взыскания репараций с Германии. Премьер-министр Д. Бен-Гурион инициировал переговоры по этому вопросу вопреки протестам оппозиции и общественности, считавших недопустимыми контакты с государством, виновным в геноциде еврейского народа. Тем не менее в 1952 г. между Израилем и ФРГ было подписано соглашение, по которому Израиль в 1953–1966 гг. получил около 2 млрд. долл. репараций и реституций, что стало одним из основных источников средств, пошедших на преодоление экономического кризиса и подъем израильской экономики.

Второй кризис возник вокруг отношений с СССР. Ряд левых партий, прежде всего КПИ и МАПАМ, продолжали выступать за просоветскую ориентацию внешней политики страны, несмотря на откровенно враждебное отношение советского режима к Израилю, сионизму и еврейским организациям в СССР. В конце концов наиболее просоветская фракция партии МАПАМ перешла в КПИ, а оставшаяся часть начала сближаться с МАПАЙ. В 1953 г., после взрыва бомбы у здания советской миссии в Тель-Авиве, дипломатические отношения между СССР и Израилем были прерваны на несколько месяцев.

Третий кризис, известный как «дело Лавона», возник из-за скандального провала операции израильских спецслужб в Египте в 1954 г. Пытаясь сорвать египетско-британские переговоры о передаче Суэцкого канала под египетский суверенитет, руководители силовых ведомств Израиля во главе с министром обороны П. Лавоном запланировали серию терактов в египетских городах с целью дестабилизации обстановки. Израильские агенты были разоблачены египетской контрразведкой и приговорены к смертной казни. Скандал, связанный с «делом Лавона», на протяжении почти десяти лет периодически «всплывал» на внутриполитической арене, а также положил конец секретным дипломатическим контактам между Израилем и Египтом.

Конфликт Израиля с его арабскими соседями в 1950-е годы проявлялся прежде всего в многочисленных инцидентах, связанных с так называемыми инфильтрациями, т.е. несанкционированным проникновением арабов на его территорию через линию перемирия, что нередко приводило к вооруженным столкновениям и жертвам среди израильских граждан. Израиль однозначно расценивал «инфильтрации» как диверсии, организуемые правительствами арабских государств, и в качестве ответных мер применял тактику «акций возмездия и устрашения».

Независимые исследования, опубликованные рядом израильских историков в конце 1980-х — 1990-е годы, свидетельствуют о том, что израильская оценка характера «инфильтраций» была не вполне адекватной. Большинство «инфильтрантов» не засылались властями арабских стран, а преследовали сугубо личные цели — возвращение домой, сбор урожая со своего земельного участка, иногда месть за погибших в ходе войны и пограничных стычек родственников; попадались и криминальные элементы — контрабандисты, грабители и т.п. Ответные действия Израиля часто влекли за собой жертвы среди мирного арабского населения. Так, в ходе рейда спецподразделения № 101 под командованием А. Шарона на дер. Кибия на территории Иордании в октябре 1953 г. было убито несколько десятков мирных жителей. Такие акции способствовали росту враждебности арабов по отношению к Израилю и углубляли конфронтацию.

Изоляция Израиля от ближайших соседей подталкивала его к более активному развитию отношений со странами «периферии» Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, прежде всего неарабскими мусульманскими странами прозападной ориентации (Турцией и Ираном), а также с Кипром и Эфиопией. Кроме того, Израиль рассматривал в качестве одного из ключевых направлений своей внешней политики сотрудничество с молодыми независимыми государствами Азии и Африки, претендуя на роль одного из идейных и интеллектуальных лидеров развивающегося мира — «лаборатории развития», располагающей высоким экономическим, научно-техническим и образовательным потенциалом, а также ценным опытом решения социально-экономических проблем в русле весьма популярной в то время в Азии и Африке концепции социалистического пути развития.

Однако азиатское направление внешней политики Израиля с самого начала и на протяжении большей части его новейшей истории в целом оставалось провальным. Ему не удалось установить дипломатических отношений с крупнейшими странами Азии — Индией и Китаем. Индийский лидер Дж. Неру считал Израиль креатурой британского империализма. От установления официальных отношений с коммунистическим Китаем Израиль воздержался сам, чтобы не вызвать недовольство США. В 1955 г. Израиль не был приглашен на Бандунгскую конференцию, положившую начало движению неприсоединения, что стало для него крупнейшим внешнеполитическим поражением.

На фоне столь неблагоприятного положения на международной арене процессы экономического и общественно-политического развития Израиля шли весьма успешно. К середине 1950-х годов социально-экономический кризис, поразивший Израиль в первые годы существования, был в целом преодолен за счет мощ-

ного притока капиталов: государственных и частных займов, безвозмездных переводов еврейской диаспоры и финансовых средств иммигрантов. Распределение этих ресурсов контролировалось государством, которое отвечало за создание рабочих мест и социально-экономической инфраструктуры, необходимой для абсорбции иммигрантов. Основными секторами экономического роста стали строительство и сельское хозяйство.

Одновременно продолжалась консолидация основных политических сил страны: левых, правых и религиозных партий. В 1956 г. религиозно-сионистские партии Мизрахи и Ха-поэль ха-мизрахи объединились в Национально-религиозную партию (НРП, или МАФДАЛ), ставшую на долгие годы ведущей религиозной партией в Израиле. Укрепляла свои позиции правая партия Херут. На левом фланге раскол партии МАПАМ способствовал дальнейшему укреплению партии МАПАЙ. При этом политический центр в лице партии «Общих сионистов» неуклонно слабел.

Тем временем в регионе созревали предпосылки для новой войны. После очередного израильского «рейда возмездия» на территорию сектора Газа в 1955 г. Египет обратился к СССР за военной помощью, которая была немедленно оказана. Так начали складываться союзнические отношения между СССР и рядом арабских стран, что серьезно ослабляло позиции Израиля. 26 июля 1956 г. Г.А. Насер объявил о национализации Суэцкого канала, нанеся ощутимый удар по интересам как Великобритании и Франции, так и Израиля, чьи суда теряли право прохода через канал. Ответом на египетский демарш стала трехсторонняя англо-франко-израильская интервенция против Египта, начавшаяся 29 октября 1956 г. К 5 ноября Израиль, взявший на себя сухопутную часть операции, захватил практически все ключевые пункты и коммуникации на Синае. 7 ноября Д. Бен-Гурион, выступая в кнессете, предложил подумать об аннексии полуострова Тем временем британским и французским войскам, высадившимся в зоне Суэцкого канала, не удалось полностью овладеть территорией. Агрессия против Египта вопреки расчетам ее участников была практически единодушно осуждена международным сообществом, в том числе Советским Союзом и Соединенными Штатами, что вынудило Великобританию и Францию в декабре вывести свои войска. Израильские части остались на Синайском п-ве и в секторе Газа до марта 1957 г., передав затем функции обеспечения свободы судоходства в Тиранском проливе и поддержания порядка силам ООН. Однако Суэцкий канал остался под египетским контролем и закрытым для израильских судов.

Война 1956 г. способствовала укреплению связей Израиля со странами Запада, положив конец напряженности в израильско-британских отношениях. Высокая боеспособность, проявленная армией Израиля, привлекла к нему внимание США, активно вытеснявших с Ближнего Востока «старые» европейские державы. К этому времени стала очевидной невозможность создания в регионе антисоветского военно-политического блока. По мере постепенного сближения Израиля с США, а противостоящих ему арабских стран — с СССР ближневосточный регион втягивался в глобальную конфронтацию двух систем, а арабо-израильский конфликт приобретал явственный отпечаток холодной войны.

После войны 1956 г. в Израиле продолжались интенсивные процессы экономического развития и национальной консолидации общества. Последующие 20 лет были отмечены бурным экономическим ростом, прерывавшимся лишь в периоды арабо-израильских войн в 1966–1967 и 1973–1975 гг. За эти годы завершилась индустриализация израильской экономики, сложилась ее отраслевая структура, началась интеграция Израиля в систему мирохозяйственных связей. Экономический рывок, совершенный Израилем в 1950–1960-е годы прежде всего за счет эффективности использования активного притока человеческих и финансовых ресурсов, заранее обеспечил ему место в ряду так называемых новых индустриальных стран, заявивших о себе в 1970-х — первой половине 1980-х годов. Наибольший экономический эффект принесло сельское хозяйство. Уже к началу 1960-х годов оно обеспечило продовольственную безопасность страны при значительном сокращении численности занятых в отрасли. Стратегия замещения импорта проводилась также в сырьевых и обрабатывающих отраслях промышленности (разработка ресурсов Мертвого моря, химия, машиностроение и др.). При этом значительную прибыль приносили работающие на импортном сырье алмазогранильное и меховое производства.

В то же время отрицательное влияние на экономику страны оказывали чрезмерный государственный контроль и политика поддержания полной занятости любой ценой: ослаблялась конкуренция на рынке труда и трудовая мотивация, сосредоточенные в руках государства ресурсы распределялись и использовались нерационально. Это, а также снижение иммиграции и притока иностранных капиталов создало дополнительные предпосылки для экономического спада 1966–1967 гг. Однако после войны 1967 г. форсированное развитие военно-промышленного комплекса и новый всплеск иммиграции вернули экономику в прежнее русло динамичного роста. Военная промышленность стала в эти годы стержнем индустриального развития, вовлекая в свою орбиту другие отрасли экономики, которая в результате стала более экспорториентированной и вступила в стадию зрелости. Израиль поднялся на ступень развития, занимаемую развитыми малыми капиталистическими государствами (Австрия, Бельгия, Нидерланды и Новая Зеландия).

Конец 1950-х годов был отмечен новой волной иммиграции, в основном из Северной Африки и Восточной Европы. К 1967 г. еврейское население Израиля выросло до 2,4 млн. человек, среди которых доля восточных евреев достигла 55%. При этом по основным социально-экономическим показателям, а также представительству в национальной элите и в органах власти восточные евреи значительно отставали от западных, что вызывало их активное недовольство и протесты. Со своей стороны, многие западные евреи были весьма шокированы нарастающей «левантинизацией» страны, которую они привыкли считать европейской. В 1959 г. трения между западными и восточными евреями вылились в массовые волнения и беспорядки в Хайфе.

С 1960-х годов противоречия между западными и восточными евреями начинают постепенно сглаживаться. После выборов 1965 г. депутаты-сефарды составляли в кнессете 12%, а также были представлены в кабинете одним минист-

ром. Доля *сефардов* в местных органах власти выросла с 13% в 1950 г. до 44% во второй половине 1960-х годов. К 1970 г. мэры-*сефарды* возглавляли 30% еврейских муниципальных округов, что можно назвать серьезным успехом политики национального строительства и консолидации. Однако полностью решить все социально-экономические и политические проблемы взаимоотношений между еврейскими общинами израильскому государству так и не удалось.

К концу 1950-х годов около 80% населения Израиля жило в городах, в основном малых и средних. Около трети израильских евреев обосновалось в Тель-Авиве, Иерусалиме и Хайфе. Попытки властей направить новых иммигрантов, прежде всего *сефардов*, в сельскохозяйственный сектор не увенчались успехом. Около 35% новых иммигрантов, направленных в *мошавы* в 1948-1958 гг., покинули их. Еще меньшей популярностью пользовались *кибуцы*, однако они играли важную роль в общественно-политической жизни страны. Выходцы из *кибуцев* составляли значительную часть политической и военной элиты Израиля. Однако в 1960-е годы началось постепенное снижение роли *кибуцев* в жизни израильского общества, сопровождаемое общим сокращением сельского населения. К концу XX в. его доля среди израильских евреев упала ниже 10% (среди арабов около 30%). В 270 *кибуцах* осталось около 2% еврейского населения Израиля, в 450 *мошавах* — немногим более 3%.

После 1956 г. начинает улучшаться положение с правами человека у израильских арабов, повышается их уровень жизни и образования. Численность арабского населения Израиля растет высокими темпами, превысив к середине 1970-х годов 400 тыс. человек. С конца 1950-х годов арабские граждане Израиля получают более справедливые компенсации за утраченную собственность. В 1966 г. отменяется военное управление в «зонах безопасности». По многим показателям качество жизни израильских арабов стало безусловно выше, чем в соседних арабских странах. Тем не менее они не без основания продолжали считать себя жертвами дискриминации, изолированными как от израильских евреев, так и от арабского мира. Их протестные настроения проявлялись, в частности, в высоком уровне поддержки компартии на выборах в кнессет. Весьма популярны были также идеи арабского национализма, несмотря на попытки израильских властей запретить их пропаганду.

Внутриполитическая жизнь Израиля в первой половине 1960-х годов была отмечена интенсивными процессами размежеваний и перегруппировок основных политических сил, укрепившими двухблочную систему и ослабившими политической центр. В правящей партии МАПАЙ с конца 1950-х годов развернулась ожесточенная борьба за лидерство между ветеранами партии (Л. Эшкол, М. Шарет, Г. Меир, П. Сапир, З. Аранн и др.) и молодым поколением партийной элиты (М. Даян, Ш. Перес, И. Алмоги и др.), которое активно поддерживал Д. Бен-Гурион, ушедший в 1963 г. в отставку с поста премьер-министра. «Ветеранам» во главе с новым премьер-министром Л. Эшколом удалось сохранить контроль над партией и выйти на выборы 1965 г. единым избирательным блоком с партией Ахдут ха-авода (Малый Маарах), который и победил на выборах. Д. Бен-Гурион и группа «молодых» создали отдельный список «Рафии», но не смогли добиться желаемого успеха.

Конец 1950-х — первая половина 1960-х годов стали периодом укрепления международных позиций Израиля. В начале 1960-х годов США начинают поставлять Израилю современные вооружения и военную технику, предоставив кредит на их закупку. К середине 1960-х Израиль стал крупнейшим получателем американской помощи в мире в расчете на душу населения, сохраняя при этом союзнические отношения с Францией.

Крупные сдвиги произошли в отношениях Израиля с ФРГ. По мере завершения репарационных поставок Израиль начинает получать из ФРГ оружие и кредиты. Дипломатические отношения между двумя странами не устанавливались прежде всего из-за стремления ФРГ предотвратить налаживание дипломатических отношений арабских стран с ГДР. Однако усиление просоветской ориентации ряда арабских стран сделало этот шаг неизбежным. После визита главы ГДР В. Ульбрихта в Каир в 1965 г. Израиль и ФРГ обменялись посольствами.

В 1964 г. Израиль заключил Договор о сотрудничестве с Европейским экономическим сообществом — своим ближайшим и важнейшим внешнеторговым партнером.

1960-е годы получили в литературе название «израильско-африканский медовый месяц». В 1958 г. при Министерстве иностранных дел Израиля создается Центр международного сотрудничества (МАШАВ). Его задачей стало распространение израильского опыта экономического и социального развития в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Таким образом, Израиль укреплял свое влияние и авторитет в странах «третьего мира», обеспечивая себе при этом экономические выгоды. Ему удалось достичь некоторых успехов в борьбе с попытками Г.А. Насера утвердить свое лидерство в Африке и вовлечь страны континента в антиизраильский фронт, однако добиться последовательной поддержки своей позиции в ООН и других международных организациях со стороны африканских государств Израиль так и не смог.

Арабо-израильское противостояние в середине 1960-х годов значительно усилилось, прежде всего на израильско-сирийской границе. Пытаясь сорвать осуществление ирригационного проекта по переброске вод из верховьев р. Иордан и Тивериадского озера в пустыню Негев, Сирия и Ливан в 1964 г. начали прокладывать отводные каналы на своей территории. Израиль пытался остановить эти работы с помощью артиллерийских и воздушных налетов. Сирия, в свою очередь, регулярно обстреливала с Голанских высот территорию Израиля. Определенные круги в советском руководстве, судя по всему, решили использовать эту ситуацию, чтобы спровоцировать военный конфликт, рассчитывая на победу превосходящих сил арабских союзников СССР. По некоторым данным, советская разведка передавала египетскому руководству депеши о мнимых планах Израиля совершить нападение на Сирию. В мае 1967 г. Египет начал военные приготовления, добился вывода Чрезвычайных сил ООН с Синайского п-ова, а затем закрыл Тиранский пролив для израильского судоходства. Эти действия сопровождались заявлениями о необходимости уничтожить Израиль. В конце мая Египет и Иордания, долгое время враждовавшие друг с другом, подписали договор о совместной обороне.

Угрожающие заявления и действия арабских лидеров убедили израильтян, что им предстоит в буквальном смысле слова война за выживание. В целях консолидации политических сил было сформировано правительство национального единства, в которое впервые вошел правый блок Гахал³ во главе с М. Бегином. После бурных дебатов на закрытых заседаниях кабинета министров в начале июня 1967 г. израильское руководство приняло решение о нанесении превентивного удара.

Ранним утром 5 июня израильская авиация нанесла удар по ключевым военным объектам Египта, Иордании и Сирии, уничтожив на земле практически всю их авиацию. Затем началось наступление израильских сухопутных сил на Синайском п-ове. За неполные четыре дня он был полностью захвачен израильскими войсками.

Иорданская армия, несмотря на попытки израильского руководства гайно достичь с королем Хусейном соглашения о невмешательстве, также вступила в войну. В ответ израильская армия к 7 июня заняла всю территорию Западного берега р. Иордан, включая Восточный Иерусалим. В целом за четыре дня боев Израиль одержал победу на двух фронтах, захватив обширные территории, и 9 июня начал наступление на Голанских высотах, с которых велись постоянные артобстрелы Верхней Галилеи. К вечеру 10 июня они были полностью захвачены. На этом шестидневная арабо-израильская война закончилась.

22 ноября 1967 г. СБ ООН принял резолюцию № 242, признанную главной международно-правовой основой урегулирования ближневосточного конфликта. Ее принятию предшествовал длительный период споров и согласований, вызванных противоречиями между сверхдержавами. Но и после этого формулировки резолюции грешили расплывчатостью и даже двусмысленностью. Их толкование стало очередным предметом споров между сторонами, вовлеченными в конфликт.

После войны 1967 г. под контролем Израиля оказалась вся территория бывшей подмандатной Палестины. В отношении оккупированных территорий Западного берега р. Иордан и сектора Газа, где проживало в то время около миллиона арабов, Израилю так и не удалось выработать единой политической позиции. При том что все попытки сопротивления самыми жесткими методами подавлялись военной администрацией, министр обороны М. Даян, отвечавший за управление оккупированными территориями, стремился обеспечить нормальное функционирование экономики, а также основных гражданских структур и институтов. Арабские жители Западного берега сохраняли торгово-экономические связи с Иорданией, получив при этом возможность работать в Израиле, что способствовало росту их уровня жизни.

По вопросу об окончательном статусе оккупированных территорий мнения в израильском руководстве разделились. Правящая партия МАПАЙ, объединившаяся в 1968 г. с Ахдут ха-авода и большей частью списка Рафи в Партию труда

³ Создан в 1965 г. после присоединения к партии Херут правого крыла центристской Либеральной партии. В 1973 г. преобразовался в более широкий блок Ликуд.

(Авода)⁴. выступала за территориальный компромисс, основанный на сохранении под израильским контролем стратегически значимых районов и передаче районов сосредоточения арабского населения под юрисдикцию Иордании (хотя автор одного из первых планов решения проблемы Западного берега И. Аллон первоначально предлагал предоставить этим районам статус автономии). Однако правые и религиозные партии требовали аннексии оккупированных территорий как неотъемлемой части исторической родины еврейского народа. В 1968 г. израильская делегация предложила модифицированный план Аллона королю Иордании Хусейну в ходе тайной встречи в Лондоне, однако он отверг его.

Поражение арабов и полная оккупация Израилем палестинских территорий вызвали подъем и радикализацию палестинского национализма. В начале 1970-х годов боевики различных палестинских организаций совершили по всему миру серию терактов против Израиля и его граждан. В ответ Израиль разработал план ликвидации палестинских активистов, являвшихся, по данным израильских спецслужб, организаторами терактов. Эта взаимная «война террора» не принесла желаемого результата ни той ни другой стороне. Израилю не удалось уничтожить ни палестинский терроризм, ни палестинское национальное движение, а палестинцам не удалось методами террора добиться решения своих проблем. При этом палестинский терроризм стал одним из факторов, способствовавших формированию в израильском обществе антипалестинских настроений. Взаимные предубеждения израильтян и палестинцев друг против друга долгие годы делали невозможным диалог между двумя народами и до сих пор являются одной из причин сохранения конфронтации между ними.

Конфликт между Израилем и Египтом после войны 1967 г. принял характер войны на истощение — вяло текущих боевых действий вдоль так называемой линии Бар-Лева (израильских укреплений на восточном берегу Суэцкого канала) на фоне растущего вмешательства сверхдержав, активно оказывавших обеим сторонам военную помощь. СССР направлял в Египет вооружения и военных советников. США наряду с военной и финансовой поддержкой Израиля развернули дипломатическое наступление. На основе плана, предложенного госсекретарем США У. Роджерсом, к концу лета 1970 г. удалось достичь прекращения огня между Израилем и Египтом. В декабре 1971 г. был подписан американо-израильский меморандум, предусматривавший долговременную военную помощь США Израилю, а также проведение регулярных двусторонних консультаций по вопросам ближневосточной политики. Укрепление израильско-американского альянса происходило на фоне разрыва дипломатических отношений с Израилем Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Франция также свернула свои союзнические отношения с Израилем, в том числе поставки ему оружия. Таким образом, США стали главным союзником и покровителем Израиля на международной арене.

Победа в войне 1967 г. вызвала подъем националистических настроений среди евреев в Израиле и в диаспоре. В конце 1960-х годов вновь выросла иммигра-

⁴ Ранее (в 1965–1968 гг.) партии МАПАЙ и Ахдут ха-авода составляли блок «Малый Маарах».

ция в Израиль, причем впервые за многие годы — из США и Западной Европы. Желание эмигрировать в Израиль выражали и советские евреи. Отказ властей выпускать их в условиях отсутствия дипломатических отношений вынудил Израиль обратиться за поддержкой к США и американским еврейским организациям. В результате вопрос о праве советских евреев на эмиграцию на долгие годы занял заметное место в повестке дня советско-американских отношений.

Новая, преимущественно «западная» волна иммиграции, почти наполовину состоявшая из квалифицированных специалистов, внесла заметный вклад в социально-экономическое развитие страны, однако вызвав новое обострение в отношениях между западными и восточными евреями. К этому времени социально-экономический разрыв между ними существенно сократился, культура восточных евреев органично вписалась в культуру израильского общества, сохранив при этом свою самобытность, но неравенство сохранялось. Льготы, предоставляемые новым иммигрантам в условиях возросших финансовых возможностей страны, вызвали недовольство малообеспеченных восточных евреев, не получавших в свое время таких льгот и усмотревших в этом проявление «расовой» дискриминации. На волне этого недовольства в начале 1970-х годов возникло радикальное сефардское движение «Черные пантеры», вскоре объединившееся с коммунистами.

Социально-экономические проблемы сопровождались скандалами в связи с коррупцией, растратой государственных и общественных средств функционерами левых партий. На парламентских выборах 1969 г. левым, однако, удалось победить, создав новый, расширенный и консолидированный блок Маарах, объединивший Партию труда с партией МАПАМ.

В начале 1970-х годов новый президент Египта А. Садат, решивший отказаться от насеровского панарабизма и односторонней ориентации на СССР, начал активно искать пути к освобождению Синайского п-ова и открытию судоходства по Суэцкому каналу. После неудачной попытки привлечь США к посредничеству А. Садат начал готовиться к войне.

Израильское руководство считало оборонительную линию Бар-Лева на Синае неприступной, несмотря на тревожные предупреждения ряда военных. Разведка на этот раз не сумела повторить свой успех 1967 г. и своевременно получить информацию о военных планах Садата.

6 октября 1973 г. армии Египта и Сирии атаковали израильские позиции на Суэцком канале и Голанских высотах. Израильская армия была вынуждена отступить с тяжелыми потерями. Однако затем Египет снизил свою наступательную активность, и израильская армия развернула успешное контрнаступление. 16 октября израильские войска форсировали Суэцкий канал и начали наступать в направлении Каира. На сирийском фронте израильские войска подошли к Дамаску на расстояние около 40 км. 22 октября СБ ООН принял резолюцию № 338, предусматривавшую прекращение огня и претворение в жизнь резолюции № 242, но Израиль продолжал наступление, окружив 3-ю египетскую армию. Это вызвало опасный кризис в отношениях между СССР и США, которые привели в повышенную боеготовность свои войска для возможного вмешательства. Возникла

реальная угроза третьей мировой войны, что вынудило как воюющие стороны, так и опекающие их сверхдержавы приступить к переговорам, которые начались 27 октября на 101-м километре шоссе Суэц–Каир при посредничестве госсекретаря США Г. Киссинджера.

21 декабря 1973 г. в Женеве под председательством Генерального секретаря ООН К.Вальдхайма открылась мирная конференция по Ближнему Востоку при участии министров иностранных дел Египта, Иордании, Израиля, СССР и США (Сирия не участвовала). После двухдневного пленарного заседания Израиль и Египет возобновили двусторонние переговоры на 101-м километре при посредничестве Г. Киссинджера. 18 января 1974 г. было достигнуто первое соглашение о разъединении войск на Синае. К концу мая 1974 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня на Голанских высотах.

Война 1973 г. заметно повлияла на внутрисполитическую ситуацию в Израиле. Очередные выборы в кнессет были перенесены с 31 октября на 31 декабря. На этих выборах правая оппозиция, объединившись в новый блок Ликуд на базе блока Гахал и двух малых партий, добилась заметных успехов, в то время как Маарах потерял несколько мандатов.

Для расследования причин ошибок, допущенных Израилем накануне и в ходе войны, была создана так называемая комиссия Аграната. Публикация ее доклада весной 1974 г. повлекла за собой серию отставок. В числе прочих покинула пост премьер-министра и Г. Меир. Ее преемником стал И. Рабин. Правительство впервые возглавил уроженец Израиля (*сабра*). Так в политической жизни страны завершилась эпоха «отцов-основателей», начало конца которой еще 1 декабря 1973 г. положила смерть Д. Бен-Гуриона.

Середина 1970-х годов стала началом нового этапа в развитии арабо-израильского конфликта, который сопровождался неуклонным ухудшением положения Израиля на международной арене. В 1974 г. Организация освобождения Палестины (ООП) получила статус наблюдателя в ООН и была признана законным представителем интересов арабского палестинского народа. Резолюция ГА ООН № 3236 официально признала за палестинским народом право на самоопределение, национальную независимость и суверенитет. В 1975 г. ГА ООН приняла резолюцию, провозгласившую сионизм одной из форм расизма (она была отменена только в 1991 г.). ООП сумела добиться поддержки значительной части мирового сообщества — прежде всего стран социалистического лагеря, «третьего мира», некоторых политических кругов Западной Европы.

Одновременно Израиль пережил настоящий обвал отношений со странами Черной Африки: только три из них (Лесото, Малави, Свазиленд) сохранили с Израилем дипотношения. В результате основным африканским партнером Израиля стала ЮАР, находившаяся в международной изоляции из-за проводимой ею политики апартеида. В 1970–1980-е годы в отношениях Израиля с ЮАР на первый план выдвигается военное сотрудничество, в том числе в области ядерных разработок.

В этот период США становятся главным союзником Израиля и главным источником финансовой помощи, достигшей в 1974–1979 гг. около 1,7 млрд. долл.

в год и впервые значительно превысившей помощь еврейской диаспоры. США стали также единственным посредником в арабо-израильских переговорах, так как СССР не только не имел с Израилем дипотношений, но и настаивал на участии в переговорах ООП, что было неприемлемо для Израиля. 4 сентября 1975 г. при посредничестве Г. Киссинджера было подписано второе соглашение о разведении войск на Синае, подкрепленное американскими гарантиями многомиллиардной экономической и военной помощи обеим сторонам, а также обязательством перед Израилем не признавать ООП.

В своей политике на оккупированных территориях Израиль стремился прежде всего сохранить контроль над ними и не допустить распространения влияния ООП. Принятый в 1973 г. план Галили предусматривал меры, направленные на их экономическую интеграцию с Израилем. Однако недовольство израильской политикой и поддержка палестинского национального движения росли как среди населения оккупированных территорий, так и среди арабских граждан Израиля, что нашло свое выражение, в частности, в массовых выступлениях в «День земли» 30 марта 1976 г. Выборы на оккупированных территориях, проведенные в 1976 г. по инициативе правительства И. Рабина с целью формирования корпуса законно избранных представителей палестинского населения в противовес ООП, закончились победой сторонников ООП, вытеснивших умеренных проиорданских лидеров.

В декабре 1976 г. правительственная коалиция распалась — формально из-за нарушения *шабата* премьер-министром И. Рабином во время церемонии встречи новой партии американских боевых самолетов, что вызвало протест религиозных партий. На май 1977 г. были назначены досрочные выборы. К этому времени позиции правящего блока Маарах были подорваны тем, что переговоры с Египтом зашли в тупик, а также многочисленными коррупционными скандалами, сокращением иммиграции и ростом эмиграции и, наконец, соперничеством в руководстве Партии труда между И. Рабином и Ш. Пересом.

Кроме того, к середине 1970-х годов израильскую экономику поразил глубокий системный кризис, осложненный последствиями войны 1973 г., и прежде всего ростом военных расходов и численности вооруженных сил, а также мировым энергетическим кризисом. С 1973 г. военные расходы Израиля удвоились и продолжали расти вплоть до середины 1980-х годов, достигнув трети ежегодного ВВП. При этом спад экономики в развитых странах привел к значительному сокращению израильского экспорта. Израильская экономическая модель, основанная на социалистических принципах государственного регулирования, высоким уровне бюджетных расходов и социальных гарантий, продемонстрировала свою уязвимость в этих неблагоприятных условиях. В результате в период с середины 1970-х по середину 1980-х годов израильская экономика была поражена устойчивой стагфляцией — низкими темпами роста в сочетании с высокой инфляцией, выросшей с 20% в 1973 г. до трехзначных показателей в начале 1980-х годов. Этот период получил в Израиле название «потерянные годы», причем именно на 1976–1977 гг. пришлась низшая точка экономического спада.

Все эти факторы стали причиной так называемой правой революции 1977 г. Впервые в истории Израиля правый блок Ликуд выиграл выборы у Маараха

с перевесом более чем в десять мандатов. Победу Ликуда во многом обеспечили голоса восточных евреев, отличавшихся особенно негативным отношением к левым партиям.

Новое правительство Израиля во главе с М. Бегином наметило два основных направления своей деятельности: демонтаж «социалистических» структур в израильской экономике и либеральные рыночные реформы; жесткая борьба против палестинского национального движения, недопущение возможности создания независимого палестинского государства и обеспечение «неделимости Эрец Исраэль», в том числе путем развития сети еврейских поселений и одновременного «выдавливания» арабов как с оккупированных территорий, так и из самого Израиля.

Ради этого правительство партии Ликуд было готово пойти на компромисс с Египтом — вернуть ему Синайский п-ов в обмен на заключение мирного договора и право прохода израильских судов через Суэцкий канал, что дало бы Израилю как большую свободу действий на «палестинском фронте», так и поддержку США, которые должны были сыграть роль главного посредника в предлагаемых переговорах.

На оккупированных территориях правительство Ликуда развернуло массовое строительство еврейских поселений. Целью новой поселенческой политики было уже не создание «пояса контроля», как это предусматривалось планом Аллона, а изменение демографической ситуации в пользу еврейского населения. Одновременно были предприняты меры экономического давления на арабских граждан Израиля.

Тогда же начались поиски дипломатических контактов с Египтом. При посредничестве США 19–20 ноября 1977 г. был организован визит египетского президента А. Садата в Израиль, положивший начало процессу израильско-египетского мирного урегулирования. Его кульминацией стали переговоры на высшем уровне в американской президентской резиденции Кэмп-Дэвид, где в течение почти двух недель шел самый сложный дипломатический торг, завершившийся 17 сентября 1978 г. подписанием двух документов: «Рамки для заключения израильско-египетского мирного договора» и «Рамки для мира на Ближнем Востоке». Согласно достигнутым договоренностям, вопрос о Западном берегу и Газе предлагалось решить путем переговоров между Египтом, Израилем, Иорданией и представителями населения этих территорий, где на пятилетний переходный период должны были быть избраны временные органы самоуправления, а затем проведены переговоры об их окончательном статусе. Процесс планировалось завершить заключением мирных договоров Израиля с Египтом, Иорданией, Сирией и Ливаном.

Кэмп-Дэвидские соглашения вызвали резкую критику правой оппозиции в Израиле. Многие члены правящей коалиции отказались голосовать в кнессете за их утверждение. Несмотря на это, 26 марта 1979 г. между Израилем и Египтом был заключен первый в истории ближневосточного конфликта мирный договор, вызвавший новое обострение внутривосточных разногласий. Депутаты Г. Коген и М. Шамир вышли из Ликуда, заявив, что договор открывает путь к созданию палестинского государства, и основали новую, крайне правую партию Тхия.

Вскоре в знак протеста против планов аннексии Западного берега и сектора Газа ушли в отставку министр иностранных дел М. Даян и министр обороны Э. Вейцман — главные «архитекторы» мира с Египтом.

Вектор израильской политики все более смещался вправо. В 1980–1981 гг. Израиль законодательно присоединил к себе Восточный Иерусалим и Голанские высоты. Количество еврейских поселений на оккупированных территориях к концу 1980 г. выросло более чем вдвое, достигнув 80. Дальнейшие планы предусматривали расселение на Западном берегу от 300 тыс. до 1 млн. новых еврейских поселенцев. Такая политика вела к росту бюджетных расходов и срыву планов оздоровления экономики, а также к замораживанию переговоров с Египтом, возмущенным действиями Израиля.

К новым выборам в кнессет, назначенным на июнь 1981 г., страна шла в условиях экономического кризиса, раскола в правящей коалиции и тупика в мирном процессе. Ликуду удалось победить с перевесом всего в один мандат, однако новое правительство стало правее предыдущего. Усилилось влияние религиозных партий, которые потребовали внести в Закон о возвращении поправку «Кто есть еврей», дискриминирующую тех, чье еврейское происхождение не отвечало ортодоксально-галахическим критериям. Эта поправка так и не была принята, однако вызвала в обществе напряженность, сохранившуюся на долгие годы.

1980-е годы ознаменовались глубоким расколом израильского общества. Между ведущими блоками Маарах и Ликуд установился примерный паритет избирательской поддержки на фоне роста числа мелких партий как левого, так и правого толка. Среди религиозных партий наметилась смена лидера. В 1984 г. образовалась новая партия религиозных *сефардов* ШАС, которой в 1990-е годы удалось потеснить партию МАФДАЛ (НРП) — старейшую религиозную партию Израиля.

Аннексионистская политика Ликуда в отношении оккупированных территорий встречала активное противодействие со стороны как блока Маарах, так и более широких кругов интеллигенции, молодежи, военных, в том числе ряда известных отставных генералов — ветеранов арабо-израильских войн и разведки. Считая оккупацию и аннексию палестинских территорий угрозой как для демократии, так и для безопасности Израиля, который в результате превращался в страну с угнетенным арабским большинством и еврейским меньшинством, силой удерживающим власть, они создали в 1978 г. пацифистское движение «Мир сейчас» («Шалом ахшав»). Официально оно так и не стало политической партией, но пользовалось поддержкой левых партий. В его рядах преобладали представители ашкеназского среднего класса. Организуемые им демонстрации собирали десятки тысяч участников. Движение нашло широкую поддержку за рубежом, в том числе в еврейской диаспоре.

С противоположных позиций выступали крайне правые группы и партии: движение Гуш Эмуним, партия Тхия, а также партия Ках⁵, призывавшая к депортации арабского населения.

⁵ В 1986 г. отстранена от участия в выборах как расистская и антидемократическая, в 1994 г. признана террористической организацией и запрещена

Региональная стратегия правительства Ликуда была направлена на устранение с политической арены Организации освобождения Палестины, создавшей в Ливане мощную военно-политическую структуру и ряд квазигосударственных институтов. Первая израильская операция против палестинских формирований в Ливане («операция Литани») была проведена в марте 1978 г. ООП при этом не понесла серьезного урона и продолжала совершать рейды на израильскую территорию, несмотря на ввод в Южный Ливан наблюдателей ООН. В этих условиях Израиль сделал ставку на ливанскую христианскую милицию под командованием С. Хаддада, противостоявшую ООП в Ливане. Это привело к вовлечению Израиля во внутрививанский конфликт, а также в противостояние с Сирией, традиционно считавшей Ливан сферой своего влияния. При этом Израиль выполнил все положения мирного договора с Египтом, завершив в апреле 1982 г. вывод войск и поселений с Синайского п-ова, часть поселенцев была даже выдворена силой. Однако отношения между Израилем и Египтом остались весьма прохладными.

6 июня 1982 г. под предлогом возмездия за покушение на израильского посла в Лондоне, совершенное оппозиционной по отношению к ООП палестинской террористической группировкой Абу Нидаля, Израиль начал военную интервенцию в Ливане. План операции «Мир Галилее», разработанный министром обороны А. Шароном и одобренный правительством, предусматривал создание на юге Ливана 40-километровой «полосы безопасности», свободной от палестинских боевиков. Однако вскоре операция вышла далеко за эти рамки, вылившись в полуторамесячную осаду Западного Бейрута, приведя к огромным разрушениям и жертвам среди мирного населения, а также к большим потерям в рядах израильских войск. Это было вызвано как ожесточенным сопротивлением палестинцев и сирийских войск, так и позицией самого Шарона, считавшего необходимым не только окончательно ликвидировать ООП, но и привести к власти в Ливане произраильского президента — лидера христиан-маронитов Б. Жмайеля.

Интервенция в Ливане впервые происходила в отсутствие общественного консенсуса. «Мир сейчас» и другие пацифистские организации постоянно проводили многотысячные акции протеста. Многие призывники и резервисты отказывались от прохождения службы в Ливане. Действия Израиля активно осуждали и в еврейской диаспоре.

К концу августа при американском посредничестве был разработан план эвакуации отрядов ООП из Ливана. Она завершилась к 1 сентября. В Ливане прошли президентские выборы, но спустя две недели избранный президент Б. Жмайель был убит. Израильские войска вновь вошли в Бейрут, и командование фактически санкционировало «зачистку» лагерей палестинских беженцев Сабра и Шатила правохристианскими фалангистами, что обернулось массовой резней, унесшей жизни сотен (по некоторым оценкам, до 2–3 тыс.) мирных жителей. Эти события вызвали в Израиле беспрецедентно массовые протесты. Демонстрация в Тель-Авиве собрала около 400 тыс. человек. Комиссия под руководством председателя Верховного суда И. Кахана признала армейское командование косвенно ответственным за резню. А. Шарон был вынужден покинуть пост министра обороны, хотя и остался в правительстве.

Интервенция в Ливане так и не обеспечила безопасность северной границы Израиля. Место ООП заняло еще более непримиримое движение ливанских шиитов «Хизбалла», поддерживаемое Ираном. Подразделения израильской армии оставались на юге Ливана до 2000 г., неся постоянные потери. Израильско-ливанское мирное соглашение, заключенное в мае 1983 г. при посредничестве США, менее чем через год было расторгнуто ливанской стороной под давлением как населения и партий Ливана, так и со стороны Сирии.

На 1980-е годы пришелся пик международной изоляции Израиля на фоне укрепления альянса с США. В конце 1970-х годов Израиль поддерживал дипломатические отношения всего с 65 государствами (в 1967 г. их было 98). При этом ООП имела свои официальные представительства в 82 странах, а также статус наблюдателя в ООН; около 100 стран признавали ее законным представителем палестинского народа. Это явилось одним из самых серьезных внешнеполитических поражений Израиля.

В то же время американская помощь Израилю достигла к середине 1980-х годов 3 млрд. долл. в год и была полностью переведена в разряд безвозмездной. В декабре 1981 г. США и Израиль подписали меморандум о стратегическом сотрудничестве, в котором впервые прямо провозглашалась цель сдерживания СССР. Меморандум вызвал в Израиле критику со стороны как левой, так и правой оппозиции, обеспокоенной утратой независимости страны и втягиванием ее в опасную конфронтацию между сверхдержавами.

При этом ближневосточная политика США предусматривала развитие союзнических связей как с Израилем, так и с арабскими странами — Египтом, Саудовской Аравией, Иорданией и др., что периодически приводило к трениям в израильско-американских отношениях. Поставки арабским странам американского оружия, а также требования Вашингтона прекратить строительство поселений на палестинских территориях и предоставить им автономию в соответствии с Кэмп-Дэвидскими соглашениями вызывали недовольство ликудовского руководства, рассчитывавшего в ответ на стратегическое сотрудничество с США обеспечить себе поддержку именно в этих вопросах.

Заметно ухудшились отношения между Израилем и странами Западной Европы, которые в целом поддерживали право палестинцев на самоопределение и осуждали аннексионистскую и репрессивную политику Ликуда на оккупированных территориях. Позитивные сдвиги наблюдались только в отношениях Израиля со странами Черной Африки. После заключения израильско-египетского мирного договора дипломатические отношения, разорванные после войны 1973 г., начали восстанавливаться.

Интенсивное строительство поселений и война в Ливане обусловили провал экономической политики Ликуда. В стране продолжались гиперинфляция и глубокий экономический спад. Иммиграция резко сократилась. Большинство евреев, покидавших СССР по израильской визе, в конечном итоге ехали в США.

В 1983 г. правительство Ликуда практически распалось. Ряд ключевых министров, в том числе и сам премьер-министр М. Бегин, ушли в отставку. Состоявшиеся в июле 1984 г. выборы не выявили победителя. Аналогичная ситуация по-

вторилась и на выборах 1988 г. Вплоть до 1992 г. страной управляли правительства «национального единства», объединяющие блоки Маарах и Ликуд. Пост премьер-министра замещался путем ротации в начале и в середине срока. При этом оба блока оставались каждый на своих позициях. Ликуд продолжал строительство поселений, число которых превысило 200, в то время как Маарах в лице его лидера Ш. Переса, занимавшего поочередно посты премьер-министра и министра иностранных дел, выступал с дипломатическими инициативами, важнейшей из которых был план переговоров о судьбе оккупированных территорий с Иорданией (так называемый иорданский вариант). Тем не менее в 1985 г. правительству удалось принять и осуществить два серьезных решения: о выводе большей части израильских войск из Ливана и о финансово-экономической стабилизации. В результате было достигнуто значительное снижение инфляции и рост инвестиций. К концу 1985 г. была проведена тысячекратная деноминация израильской валюты — шекеля. Началась частичная конверсия военной индустрии Израиля и интенсивное развитие высокотехнологичных гражданских отраслей.

Тупиковая ситуация в деле урегулирования палестинской проблемы привела к тому, что в израильском обществе начала распространяться доселе крамольная идея создания палестинского государства наряду с Израилем. Некоторые представители оппозиции начали устанавливать контакты с представителями ООП, несмотря на угрозу тюремного заключения, предусмотренного законом 1985 г. В декабре 1987 г. на оккупированных территориях началось палестинское восстание (*интифада*). Действия израильской армии, применявшей силу против безоружных демонстрантов, вызвали волну возмущения как в израильском обществе, так и во всем мире, в том числе в еврейской диаспоре.

31 июля 1988 г. король Иордании Хусейн официально объявил об отказе от роли представителя палестинцев, окончательно сняв таким образом с повестки дня «иорданский вариант». Вскоре ООП заявила о своем признании права Израиля на существование, а также резолюций СБ ООН № 242 и 338 и об отказе от террористических методов борьбы. США сочли это заявление достаточным для официального включения ООП в дипломатический процесс. Однако возможности для начала политического диалога между Израилем и ООП реально возникли лишь после победы Партии труда на выборах 1992 г. и формирования правительства во главе с И. Рабином.

После нескольких месяцев секретных переговоров в Норвегии, положивших начало так называемому процессу Осло, 13 сентября 1993 г. в Вашингтоне была подписана израильско-палестинская Декларация принципов, предусматривавшая постепенный вывод израильских войск с оккупированных территорий (прежде всего из сектора Газа и района вокруг Иерихона), проведение выборов и формирование органов палестинского самоуправления — Законодательного совета и Национальной администрации, а затем определение окончательного статуса Западного берега и сектора Газа в течение пяти лет. Положения Декларации были детализированы в соглашении о Газе и Иерихоне, подписанном в Каире 4 мая 1994 г., а затем в промежуточном соглашении, подписанном в Вашингтоне

28 сентября 1995 г. и получившем название «Осло-II». В январе 1996 г. состоялись первые выборы в Палестинский законодательный совет.

Израильско-палестинский мирный процесс заметно ослабил изоляцию Израиля от арабского мира. В октябре 1994 г. был подписан мирный договор с Иорданией, восемь арабских государств установили с Израилем официальные отношения на уровне торговых представительств и представительств интересов, Израиль начал активно участвовать в многосторонних переговорах по различным региональным проблемам, установив таким образом дипломатические контакты различного уровня более чем с половиной арабских государств.

Однако с середины 1990-х годов израильско-палестинский мирный процесс начал пробуксовывать, что было обусловлено как неготовностью обеих сторон к компромиссу по таким ключевым проблемам, как Иерусалим, палестинские беженцы и создание независимого палестинского государства, так и активизацией экстремистских сил с обеих сторон. С палестинской стороны радикальные исламистские организации ХАМАС и «Исламский джихад» регулярно совершали теракты против Израиля. Израильские экстремисты также совершали нападения на палестинцев. В ноябре 1995 г. от рук одного из них погиб премьер-министр Израиля И. Рабин.

Эскалация насилия вызвала в израильском обществе разочарование в перспективах мирного процесса, что способствовало победе на выборах 1996 г. лидера Ликуда Б. Нетаньяху, занявшего пост премьер-министра. Будучи сторонником жесткой линии, он не стремился к развитию мирного процесса, сосредоточившись на борьбе против палестинского террора. Тем не менее под давлением США стороны все же подписали два соглашения о дальнейшем территориальном размежевании и передислокации израильских войск — Хевронский протокол (январь 1997 г.) и Меморандум Уай Ривер (октябрь 1998 г.). Однако в целом мирный процесс в этот период находился в состоянии стагнации.

По результатам досрочных выборов 1999 г. правительство возглавил новый лидер Партии труда Э. Барак. Он приложил все усилия для разблокирования мирного процесса. 4 сентября 1999 г. в Шарм аш-Шейхе было подписано новое израильско-палестинское соглашение, дополняющее Меморандум Уай Ривер. В мае 2000 г. израильские войска были полностью выведены из Южного Ливана, где они находились с 1982 г. Однако решающие израильско-палестинские переговоры, прошедшие летом 2000 г. в Кэмп-Дэвиде по той же схеме, что и израильско-египетские переговоры 1978 г., закончились провалом — прежде всего из-за несовместимых позиций сторон по Иерусалиму. Осенью, после провокационного, с точки зрения палестинцев, посещения А. Шароном Храмовой горы в Иерусалиме, началась так называемая вторая *интифада*, вернувшая израильско-палестинские отношения в состояние конфронтации.

Тем не менее 1990-е годы благодаря окончанию холодной войны и началу мирного процесса были отмечены беспрецедентными внешнеполитическими успехами Израиля. В этот период были восстановлены отношения Израиля со странами Восточной Европы, а также установлены дипломатические отношения со всеми 15 новыми независимыми государствами постсоветского пространства,

прежде всего с Россией. Государства Средней Азии и Азербайджан стали для Израиля новыми партнерами в мусульманском мире. Израилю удалось наконец установить дипломатические отношения с ведущими державами Азии — Индией и Китаем, он также начал развивать союзнические отношения с Турцией. Таким образом, система внешнеполитических связей Израиля значительно расширилась и стала более сбалансированной.

Во внутренней жизни Израиля наиболее значимым событием стал массовый въезд иммигрантов из бывшего СССР, образовавших в израильском обществе новую и весьма многочисленную (около 800 тыс.) этносоциальную группу русскоязычных израильтян. Эта группа, с одной стороны, усилила электорат правых партий, а с другой — выступила против чрезмерного влияния религиозной ортодоксии, чуждой большинству новых «русских» иммигрантов. Для защиты их прав и интересов в 1990-е годы были созданы две «русские» партии — Исраэль ба-алия во главе с Н. Щаранским и «Наш дом — Израиль» во главе с А. Либерманом. Возник целый пласт русскоязычной культуры, литературы и прессы.

Израильская экономика в 1990-е годы развивалась бурными темпами. Массовая иммиграция из бывшего СССР вызвала настоящий бум в строительстве, на потребительском рынке, в некоторых отраслях промышленности и торговли, обеспечила приток высококвалифицированных кадров, дав мощный толчок к росту наукоемких и высокотехнологичных отраслей. Экономическому росту способствовало также развитие мирного процесса и расширение географии внешнеэкономических связей за счет Дальнего Востока, Латинской Америки, Средней Азии, Восточной Европы. Появились первые ростки деловых связей с арабскими странами. Военные расходы снизились с 33% ВВП в 1975 г. до 9% в 1994 г. Продолжалась конверсия военной промышленности. В результате к середине 1990-х годов Израиль занял 21-е место в мире по уровню ВВП на душу населения. По структурным характеристикам израильская экономика стала соответствовать постиндустриальной модели. Внешнеторговый оборот страны превышал 80% ВВП. В середине 1996 г. рост израильской экономики замедлился в результате сокращения иммиграции, замораживания мирного процесса, а также кризисных явлений в мировой экономике, влияние которых, однако, существенно сглаживалось за счет достигнутой в Израиле макроэкономической стабильности. Однако срыв мирного процесса и начало второй *интифады* в 2000 г. нанесли израильской экономике действительно серьезный удар.

Итак, за первые пятьдесят лет своего существования Израиль сформировался как весьма своеобразное, по-своему даже уникальное государство Ближнего Востока.

Основанное выходцами из Европы, это государство не стало тем не менее чужеродным социокультурным «анклавом Запада» на Ближнем Востоке благодаря абсорбции восточных евреев, составивших в нем поначалу большинство; с другой стороны, оно не приобрело и чисто «ближневосточного» характера, образовав своеобразный сплав западной, восточноевропейской и ближневосточной культур.

Израиль достиг впечатляющих результатов в своем экономическом и научно-техническом развитии, в области образования, здравоохранения и культуры. Вместе с тем, не сумев бесконфликтно вписаться в региональную систему международных отношений, Израиль не смог стать «локомотивом» регионального развития и модернизации. При этом ему удалось создать вооруженные силы, входящие в число наиболее боеспособных не только в ближневосточном регионе, но и в мире в целом.

С самого своего основания Израиль формировался и развивался как демократическое государство, в истории которого не было ни переворотов, ни периодов диктатуры, что в целом нетипично для стран Востока. Вместе с тем по ряду показателей Израиль не соответствует современным стандартам демократии. Прежде всего здесь следует отметить гипертрофированную роль религии в государстве и обществе, многочисленные проявления дискриминации в отношении арабов, *сефардов*, а также так называемых негалахических евреев и, наконец, режим оккупации Западного берега р. Иордан и сектора Газа, сопровождавшийся многочисленными нарушениями прав человека.

В области внешней политики Израилю после длительного периода международной изоляции, в течение которого он вплотную приблизился к положению государства-парии, удалось сформировать широкую и сбалансированную систему международных связей и начать развивать сотрудничество в различных областях с ведущими государствами всех регионов планеты. Ему удалось также частично преодолеть изоляцию в регионе Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в арабском мире.

Вместе с тем к концу XX в. Израиль так и не урегулировал свой конфликт с палестинским народом и его национальным движением. Этот конфликт в числе всего прочего породил глубокий раскол как в самом израильском обществе, так и в еврейской диаспоре, разрушив ту высокую степень национального единства, которая была присуща израильскому обществу в первые два десятилетия его существования. В целом можно констатировать, что вынашиваемые ультранационалистами планы аннексии оккупированных территорий как части «неделимой Эрец Исраэль» потерпели провал из-за очевидной невозможности изменить демографическую ситуацию: численность еврейских поселенцев на оккупированных территориях составила в конечном итоге всего 10% от их населения, и реальные людские ресурсы Израиля не позволяют добиться большего результата. Сторонникам мирного урегулирования также пока не удалось убедительно доказать наличие реальных перспектив добрососедского сосуществования двух народов.

В результате при всей значимости своих достижений Израиль вступил в новое тысячелетие, находясь как бы на перепутье. Израилю еще предстоит решить целый ряд ключевых вопросов своего общественного и государственного устройства, отношений с соседями и общей стратегии своего дальнейшего развития.

Глава 15

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Саудовская Аравия в период с 1945 по 2000 г. пережила в своем развитии этапы более важные, чем за всю ее историю нескольких предыдущих столетий. За эти десятилетия страна сумела совершить качественный скачок из средневековья в XX в., войти в число лидеров арабского мира и стать активным субъектом в системах международных отношений и мирового хозяйства.

В 40-е годы XX в. произошло несколько событий, определивших весь дальнейший путь развития королевства. В те годы Саудовская Аравия, будучи самостоятельным и независимым государством, оставалась крайне отсталой страной, вся жизнь в которой определялась традициями и укладом, типичными для арабского феодального общества. Положение королевства как родины ислама, на территории которой находятся священные города Мекка и Медина, усиливало глубоко консервативный образ жизни всех слоев общества.

Правящая династия ас-Сауд во главе с королем Абд аль-Азизом ибн Абд ар-Рахманом ибн Саудом твердо контролировала положение в стране. Наряду с *хаджем* источником поступления доходов для государства стали выплаты американской нефтяной компании «Сокал», однако нефтяной сектор оставался чужеродным элементом в хозяйстве и обществе; королевство оказалось сырьевым придатком западной экономики. В стране отсутствовали современные промышленные предприятия, средства транспорта и связи; качество жизни горожан, сельских жителей и кочевников оставалось на уровне прошлых веков.

Саудовская Аравия оказалась в стороне от сражений Второй мировой войны, хотя испытала ее косвенное влияние. В 1945 г. Саудовской Аравия на конференции в Сан-Франциско стала одним из основателей ООН, декларацию об этом подписал второй сын короля, министр иностранных дел эмир Фейсал ибн Абд аль-Азиз.

В марте 1945 г. наследный принц Сауд ибн Абд аль-Азиз участвовал в работе конференции арабских государств в Каире, на которой было принято решение о создании первой общеарабской организации — Лиги арабских государств (ЛАГ). Отношение короля Абд аль-Азиза к новой организации было сдержанным, так как он опасался влияния англичан, стоявших за кулисами Лиги и намеревавшихся создать в регионе обширное государство во главе с представителем династии Хашимитов, враждебной Саудидам.

О новой роли, которую стало играть королевство в региональных делах, свидетельствовало внимание, проявленное лидерами западных держав. 14 февраля 1945 г. состоялась встреча короля Абд аль-Азиза с президентом США Ф. Рузвельтом на борту крейсера «Куинси» в Красном море. На ней обсуждались во-

просы дальнейшего развития и укрепления саудовско-американских отношений, а также ситуация на Ближнем Востоке. Абд аль-Азиз подтвердил свое согласие на использование американским военным флотом и авиацией саудовских портов и аэродромов и принял решение о строительстве американцами базы ВВС и передаче ее в аренду США на пять лет с последующим возвращением саудовской стороне; он заверил президента в надежности нефтяных концессий на территории королевства и дал согласие на прокладку трансаравийского нефтепровода к побережью Средиземного моря. Но Абд аль-Азиз решительно отказался поддержать план переселения евреев из разных стран Европы в Палестину и создания еврейского государства на Ближнем Востоке. Ф. Рузвельт обещал не принимать решения по этому вопросу без консультаций с королем, но после прихода в Белый дом Г. Трумэна это обещание было забыто.

Обеспокоенные активностью американцев в регионе, традиционно находившемся под британским покровительством, политические круги Лондона предложили срочную встречу с Абд аль-Азизом. 21 февраля 1945 г. саудовский король встретился с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем. В ходе длительных переговоров определилось изменение характера отношений двух стран: Саудовская Аравия сделала ставку на растущего мирового лидера — США. Вследствие этого британские позиции в стране ослабли. Военное сотрудничество двух стран сократилось, в 1951 г. британская военная миссия покинула королевство.

Саудовская Аравия приняла символическое участие в первой арабо-израильской войне 1948–1949 гг., направив на египетский фронт небольшое воинское подразделение. Рост добычи нефти после войны привел к увеличению доходов государства, составивших в 1938 г. 0,5 млн. долл., 1940 г. — 2,5, 1945 г. — 5,0, 1947 г. — 17,5, 1949 г. — 39,0, 1950 г. — 56,7, 1951 г. — 110,0, 1952 г. — 212,2 млн. долл. Тем не менее, несмотря на фантастически обильный «нефтедолларовый дождь», в экономике страны и в обществе в целом не происходило кардинальных перемен. Сам по себе нефтяной анклав оставался чужеродным элементом, его влияние не выходило за пределы района нефтепромыслов в Восточной провинции. Нефтяные доходы же расходовались правителем страны преимущественно на цели обороны и безопасности, а также на нужды династии. В стране действовали также десятки других западных компаний, вступавших во взаимодействие с представителями национального капитала, привлекавших на свои предприятия тысячи местных жителей. Саудовцы, привлекаемые для посреднических и иных функций, постепенно получали деловой опыт и накапливали средства, став в дальнейшем основой национальной буржуазии; формировалась прослойка квалифицированных рабочих из местного населения.

Существенному усилению влияния внешнего фактора способствовала реализация в январе 1949 г. «программы Трумэна», четвертый пункт которой предусматривал оказание технической помощи странам Востока. В рамках помощи по четвертому пункту этой программы в 1952–1954 гг. Саудовской Аравии было передано около 5 млн. долл. для развития сельского хозяйства, транспорта и добычи природных ресурсов. В стране начала работать американская финансовая миссия, осуществившая реформу денежного обращения и финансовой системы.

Упрочение финансового положения страны, определенная активизация экономической жизни, расширение связей с западным капиталом сказались на состоянии саудовского общества. В нем в это время активизировались сторонники преобразований. Однако король Абд аль-Азиз оставался традиционным восточным правителем. Создав сильное государство с абсолютистским режимом и обеспечив его финансовыми средствами благодаря нефтяным концессиям, он не был готов к новым коренным переменам.

9 ноября 1953 г. король Абд аль-Азиз умер в возрасте 73 лет. Из 36 его сыновей наиболее способным и энергичным был второй сын — Фейсал, но наследником являлся старший — Сауд. Дабы избежать раскола внутри династии, король накануне смерти заставил Сауда и Фейсала поклясться на Коране, что они не будут соперничать друг с другом в борьбе за власть: первый станет королем, а второй — наследником престола.

Правление короля Сауда в 1953–1964 гг. стало периодом брожения и нестабильности в государстве. В марте 1954 г. на первом заседании совета министров Сауд назначил эмира Фейсала заместителем премьер-министра и министром иностранных дел, оставив за собой пост главы правительства.

Король Сауд не обладал ни энергией, ни умом, ни широтой взглядов своего отца, унаследовав лишь ревность мусульманина и такие качества восточного деспота, как хитрость, жажда власти, роскоши и удовольствий. Расходы королевской семьи составляли в те годы около 14% расходной части бюджета (по другим данным, до 20%), в то время как на образование, здравоохранение и развитие сельского хозяйства, вместе взятые, шло 12%. Между тем доходы от нефти непрерывно росли, составив в 1953 г. 169,8 млн. долл., а в 1958 г. — 297,6 млн. Рассточительство короля Сауда и его двора наряду с отсутствием системы современного управления государством привели в 1958 г. к финансовому кризису.

Ведущую роль в общественной жизни страны играли правящая династия ас-Сауд и верхушка исламского духовенства, во многом направлявшая деятельность короля. Возродилась деятельность Лиги охраны веры и нравственности, одной из обязанностей которой было следить за соблюдением повседневных предписаний ислама жителями страны. В исламских богословах король видел свою опору в ходе неявного соперничества с эмиром Фейсалом, которого поддерживали молодые члены династии, желавшие перемен. Многие эмиры также были обеспокоены тем, что Сауд начал создавать свою собственную династию, оттесняя своих братьев на второй план и отдавая видные посты своим сыновьям.

В качестве силовой опоры Сауд возродил *ихванов* под именем Национальной гвардии; эти формирования должны были служить противовесом армии, в рядах которой вполне могли появиться мятежные офицеры, как это случилось в Египте. Но неблагоприятное положение в стране возрастало, и финансовый кризис дополнялся другими.

Очевидным показателем кризиса в обществе стали волнения среди рабочих-нефтяников в Восточной провинции: в 1945–1947 гг. там прошли первые забастовки с социальными и экономическими требованиями, а в 1956 г. короля Сауда, приехавшего в Дахран, встретила массовая демонстрация под антиамерикански-

ми лозунгами. В стране стали оформляться подпольные организации, ставившие своей целью проведение реформ, в частности провозглашение конституции, создание парламента, проведение социально-экономических преобразований, создание профсоюзов, отмену рабства и таких варварских наказаний, как отрубание рук и побивание камнями.

Обострение социальных противоречий и кризис национальной экономики стали видимыми проявлениями кризиса режима. Король Сауд пытался компенсировать его усилиями в сфере внешней политики. Так, в 1954 г. Саудовская Аравия осудила создание Багдадского пакта, в который вошли ее конкуренты в регионе — Ирак и Иран; в 1955 г. эмир Фейсал принял участие в работе Бандунгской конференции стран Азии и Африки, участники которой одобрили пять принципов мирного сосуществования, что привело к формированию движения неприсоединения; в 1956 г. королевство отказалось подписать в пакт о совместной обороне, предложенный США и Великобританией. В марте 1956 г. король Сауд, напротив, согласился заключить пакт о сотрудничестве и братстве с республиканскими режимами Египта и Сирии. Во время англо-франко-израильской агрессии 1956 г. против Египта Саудовская Аравия поддержала арабскую страну, разорвала дипломатические отношения с Лондоном и Парижем и прекратила отправку нефти в эти страны.

Однако в эти годы на Ближнем Востоке происходила политическая поляризация. СССР начинал играть все более активную роль в регионе, выступая в роли альтернативы Западу и поддерживая все движения, имевшие антиимпериалистическую направленность хотя бы в декларациях. Египет и Дамаск все более сближались с Москвой, хотя и заявляли о приверженности политике нейтралитета. США в январе 1957 г. приняли «доктрину Эйзенхауэра». В ней провозглашалась возможность использования вооруженных сил США «для защиты территориальной целостности и независимости стран, если последние будут нуждаться в помощи против агрессии со стороны любой страны, в которой господствует международный коммунизм». Большинство арабских стран осудили намерение американцев вмешиваться в их внутренние дела, но король Сауд во время своего визита в США в январе 1957 г. доктрину одобрил. Уже в феврале на встрече с главами арабских государств он был вынужден изменить свою позицию и заявил о «солидарности со взглядами Египта по всем проблемам». В то же время Сауд опасался популярности Насера в королевстве, усиления Египта в результате образования ОАР в составе Египта и Сирии.

В феврале 1958 г. арабский мир был ошеломлен известием о попытке короля Сауда организовать убийство президента Египта. Доказательства были очевидны. Популярность Насера в то время была настолько велика, что это обострило ситуацию в стране. Недовольство королем стало всеобщим. Таким образом, и во внутренней, и во внешней политике король Сауд показал себя с негативной стороны.

24 марта 1958 г. группа эмиров семьи ас-Сауд во главе с эмиром Фахдом ибн Абд аль-Азизом предъявила королю требование передать власть эмиру Фейсалу. Сауд не нашел опоры среди членов династии, ему отказали в поддержке армия и американское посольство.

Согласно королевскому декрету от 31 марта 1958 г. председателю совета министров эмиру Фейсалу предоставлялась «полная ответственность в наблюдении над осуществлением всей административной власти в том, что касается внешних и внутренних, а также финансовых дел», он назначался также главнокомандующим вооруженными силами. 11 мая 1958 г. был опубликован королевский указ о разделении прерогатив главы государства и главы правительства: первый оставался главой законодательной власти, второй получал всю полноту власти исполнительной. В указе подчеркивалась необходимость борьбы с коррупцией в государственном и административном аппарате, членам правительства запрещалось заниматься коммерческой или предпринимательской деятельностью.

В июле 1958 г. эмир Фейсал принял программу финансовой стабилизации, разработанную при участии экспертов МВФ. Программа предусматривала сокращение государственных расходов (например, прекращение строительства королевских дворцов), проведение денежной реформы, ограничение импорта (в частности, запрет на ввоз дорогих автомобилей и других предметов роскоши и допуск импорта лекарств, продовольственных и текстильных товаров). Были сокращены расходы на нужды образования, здравоохранения и сельского хозяйства. Введены ограничения на вывоз капиталов за границу. Курс саудовского риала был понижен: один доллар стал стоить не 3,75, а 4,5 риала.

Жесткие меры правительства быстро принесли положительные результаты. В 1960 г. золотой запас государства и валютные резервы увеличились в несколько раз. Благодаря этому правительство смогло снять ограничения на импорт, вывоз капиталов и обмен валюты. В то же время принятые меры по оздоровлению финансов привели к падению деловой активности в стране, разорению средних и мелких предпринимателей и торговцев, росту безработицы.

Выход из кризиса привел к перегруппировке сил внутри правящей семьи. Король Сауд в попытках вернуть себе реальную власть, с одной стороны, активизировал связи с племенной аристократией и частью *улемов*. С другой — он установил тесные связи с группой либеральных эмиров, недовольных строгостями правления Фейсала.

В июне 1960 г. лидер молодых эмиров — честолюбивый и энергичный эмир Талал, отделенный от трона пятнадцать братьями, открыто предложил эмиру Фейсалу установить конституционный строй, создать парламент, учредить верховный суд и плановые органы. Тот отверг это предложение, и тогда группа Талала при неявной поддержке короля Сауда стала разрабатывать проект конституции. Сауд решил перейти в наступление.

В ноябре 1960 г. король потребовал от Фейсала предоставления полной информации о заседаниях правительства и предложил без его согласия не назначать глав административной власти и судей, не публиковать бюджет. Кроме того, король потребовал увеличения его гражданского листа и выплаты денежного содержания его малолетним сыновьям в полном объеме (ранее женатые эмиры получали по 10 млн. риалов в год, холостые — по 2 млн.).

18 декабря Фейсал представил королю проект бюджета, но Сауд отказался подписать его под надуманным предлогом. Воспользовавшись посланным Фей-

салом письмом с выражением протеста, Сауд на следующий день объявил об отставке главы правительства. Он вернулся к власти и произвел перемены в правительстве. Себе король оставил пост премьер-министра, своего сына Мухаммеда назначил министром обороны, эмира Талала — министром финансов, а сторонников Талала — эмира Абд аль-Мухсена и эмира Бадр — министром внутренних дел и министром коммуникаций, эмир Навваф стал главой королевского совета, эмир Фавваз — губернатором Эр-Рияда. Пост министра по делам нефти был отдан либеральному националисту Абдалле Тарики. Молодые эмиры решили, что пришло время коренных перемен. 25 декабря радио Мекки сообщило, что совет министров одобрил план создания частично избираемого консультативного совета и начал работу по составлению конституции. Но король Сауд не собирался уступать власть своим временным союзникам, и спустя три дня по радио прозвучало опровержение названного сообщения.

Молодые эмиры успели провести некоторые преобразования. Был создан высший комитет планирования, создано министерство труда и социальных дел, начата борьба с коррупцией в госаппарате, вдвое — до 200 тыс. человек увеличена численность учащихся всех ступеней. Но король Сауд создал новый орган власти — Высший совет обороны, став его председателем. Был издан королевский указ, предусматривавший смертную казнь или пожизненное тюремное заключение за преступления против королевской семьи и государства.

Заявил о себе и традиционный центр силы — *улемы*. Главный муфтий Мухаммед ибн Ибрагим аш-Шейх и руководитель Лиги охраны веры и нравственности шейх Амр ибн Хасан потребовали от короля предоставлять им на рассмотрение все законы для вынесения заключения об их соответствии *шариату*.

Стало очевидно, что контакты короля с саудовскими либералами были не более чем тактической уловкой в борьбе за власть. 11 сентября 1961 г. королевским декретом эмир Талал «за превышение полномочий» был снят со своего поста, с ним и эмиры Абд аль-Мухсен и Бадр. Не найдя поддержки внутри страны, молодые эмиры эмигрировали в Ливан. Там они заявили о начале борьбы за установление в Саудовской Аравии «конституционной демократии в монархических рамках». Вскоре группа Талала была вынуждена переехать в Египет, и там он разрабатывал идеи конституционных реформ, провозглашая социализм главным принципом ислама.

Ухудшающееся здоровье короля заставило его в ноябре 1961 г. выехать на лечение в США, причем по настоянию ведущих членов династии регентом был назначен эмир Фейсал. В марте 1962 г. король был вынужден формально назначить Фейсала главой правительства.

Возвращение эмира Фейсала к власти произошло в благоприятных для него условиях. Его главные противники внутри королевской семьи «справа» и «слева» отсутствовали. К тому же личность короля Сауда стала слишком одиозной, и он окончательно лишился поддержки своей же семьи. Экономическое положение в стране было достаточно стабильно. Путь реформ был опробован Фейсалом и получил поддержку США. Ситуация в арабском мире после антимонархических революций в Ираке в 1958 г. и в Йемене в 1962 г. побуждала его к жесто-

чению режима власти. Положение эмира Фейсала облегчалось тем, что в королевстве подавляющее большинство населения предпочитало традиционные общественные институты, оставалось верным духу ислама, не отзывалось на новые политические идеи и желало лишь улучшения материальных условий существования.

25 октября 1962 г. король был вынужден назначить эмира Фейсала премьер-министром и министром иностранных дел. 31 октября эмир Фейсал огласил свою программу — знаменитые «десять пунктов», где нарисовал целостную картину коренных социально-экономических преобразований в королевстве. В его программе были использованы отдельные элементы планов его консервативных и либеральных противников, что, по-видимому, привело к совмещению самых разных целей: провозглашение «основного закона», основанного на Коране и сунне, «развитие консультативного совета», создание современной системы судопроизводства, «повышение социального уровня нации», что включало введение бесплатного медицинского обслуживания и образования, социального обеспечения нетрудоспособных жителей, субсидий на товары первой необходимости, а также введение трудового законодательства и защиту местных жителей от безработицы. В программе декларировались права личности и право частной собственности. Было заявлено о необходимости финансового возрождения и экономического развития, причем особое внимание намечалось уделить созданию дорожной сети и увеличению запасов водных ресурсов. Намечалось создание Генеральной организации нефтяных и минеральных ресурсов, сельскохозяйственного и промышленного банков, а также «изучение вопроса о полной отмене рабства». Но в то же время было заявлено, что «правительство сознает свою обязанность по распространению учения ислама и защите его словом и делом» и оно «немедленно примет меры по улучшению условий деятельности Лиги охраны веры и нравственности».

Программа эмира Фейсала открывала путь к решению насущных проблем саудовского общества с позиций умеренно-консервативной части династии ас-Сауд. На Западе приход Фейсала к власти также был встречен с удовлетворением, так как его «десять пунктов» совпадали с западными доктринами «перехвата» и «сдерживания» революций в странах Востока.

В 1963 г. Сауд вернулся в страну, но вновь убедился в отсутствии поддержки внутри династии. Все его младшие братья предъявили требование о передаче всей полноты власти Фейсалу, при формальном сохранении за Саудом титула короля. Сауд вынужден был согласиться. 22 марта 1964 г. он потребовал вернуть ему исполнительную власть, однако оказался в полном одиночестве. Фейсал отказал ему, причем опирался как на большинство эмиров и ведущих *улемов*, так и на армию и Национальную гвардию. Борьба продолжалась еще несколько месяцев, но 4 ноября 1964 г. Сауд подписал свое отречение от престола. Фейсал стал королем, наследным принцем — его младший брат Халед.

Основное внимание король Фейсал уделял экономическому развитию страны. В правление Фейсала в 1964–1975 гг. в стране произошло формирование современного многоотраслевого хозяйства путем «ответвления» от нефтяного сектора,

что соответствовало программе короля-реформатора и стало началом полной модернизации саудовского общества.

Важной вехой стало создание (еще королевским декретом Сауда) 30 ноября 1962 г. Генеральной организации нефтяных и минеральных ресурсов — ПЕТРОМИН, которая превратилась в основу промышленности государственного сектора. ПЕТРОМИН занимался реализацией государственных проектов в области нефтяных и минеральных ресурсов, импортом всего минерального сырья, проведением геологических изысканий, сотрудничеством с частным национальным и иностранным капиталом в развитии добывающей промышленности, созданием компаний-операторов для работы в добывающей промышленности. За последующие десятилетия он превратился в конгломерат различных компаний, связанных с добычей и переработкой нефти.

Тогда же с французской государственной компанией АОКСИРАП правительство подписало соглашение о предоставлении нефтяной концессии на условиях более выгодных, чем с АРАМКО (более высокие концессионные платежи и подоходный налог, обязательство не сжигать, а использовать попутный газ и т.д.). Тем самым были созданы условия для пересмотра договора с АРАМКО, по-прежнему добывавшей более 90% саудовской нефти. Ежедневный уровень добычи нефти компанией вырос с 1,2 млн. баррелей в 1960 г. до 3,5 млн. баррелей в 1970 г.

Общие доходы государства от нефти возросли: 1964 г. — 523,2 млн. долл., 1966 г. — 760,3, 1968 г. — 926,8, 1970 г. — 1944,9, 1972 г. — 2779,3 млн. долл. Это было вызвано не изменением отношения со стороны АРАМКО, а новой нефтяной политикой правительства.

В 1960 г. Саудовская Аравия стала одним из основателей Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), а в 1968 г. — Организации арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК). Согласованные действия арабских нефтедобывающих стран в рамках ОПЕК позволили им добиться увеличения нефтяных отчислений, в соответствии с Тегеранскими и Женевскими соглашениями они взяли на себя определение справочных цен на нефть.

В июне 1968 г. министр по делам нефти Ахмед Заки Ямани заявил об отказе от идеи национализации, но провозгласил принцип «участия» арабских стран в деятельности нефтедобывающих компаний в качестве цели стран ОПЕК. Под «участием» понимался выкуп государством определенной части акций компании. АРАМКО признала принцип «участия» лишь в марте 1972 г. По соглашению от 20 декабря 1972 г. Саудовская Аравия получала 25% акций компании с выплатой компенсации в размере 510 млн. долл., в январе 1982 г. ее доля должна была возрасти до 51%.

Определенной вехой в экономическом развитии страны стало принятие первого пятилетнего плана социально-экономического развития на 1971–1975 гг. Его основными целями были названы: увеличение ВВП, развитие людских ресурсов, диверсификация источников национального дохода и сокращение зависимости от нефти.

В соответствии с программой Фейсала были приняты законы, поощряющие развитие частного сектора, прежде всего в промышленности. Подавляющее боль-

шинство возникших предприятий относилось к сфере денежного обращения, строительства и легкой промышленности. Правительству пришлось взять на себя строительство не только школ и больниц, но и объектов инфраструктуры и промышленных предприятий (автомобильные дороги, порты, электростанции, линии электропередач, металлургический комбинат в Джидде и др.).

Сельское хозяйство в Саудовской Аравии в 1960-е годы велось, за исключением показательных ферм АРАМКО, преимущественно традиционными методами. Производительность его оставалась крайне низкой, рост импорта продовольственных продуктов опережал в те годы рост сельскохозяйственного производства. Усугублял положение все возрастающий отток населения из сельской местности в города и в районы нефтяных промыслов.

Рост городов стал характерным явлением в 1960-е годы. В 1960–1972 гг. население основных городов страны существенно выросло: в Джидде — со 148 тыс. до 308 тыс. человек, в Эр-Рияде — со 169 тыс. до 300 тыс., в Мекке — со 159 до 294 тыс., в Медине — с 84 до 134 тыс. человек. Благодаря урбанизации усилились процессы «перемалывания» населения, принадлежавшего к различным племенам и землячествам, расширилось его знакомство с современным образом жизни и новыми социальными ценностями, ускорился процесс классовой дифференциации.

Король Фейсал уделял также немалое внимание социальной сфере. В ноябре 1969 г. был издан новый Закон о труде, в котором предусматривалось существенное улучшение условий труда для всех категорий работников, выплата пособий и ликвидация неграмотности. Была создана трудовая инспекция.

Быстрыми темпами стали расти расходы на образование. В 1960-е годы растет число студентов, обучающихся за границей. Расходы государства на образование выросли с 274,8 млн. риалов в 1963 г. до 14 950,8 млн. риалов в 1975 г. Наряду с сохранением религиозного мусульманского образования была создана система государственных светских средних и высших учебных заведений. Столь же быстро увеличивались расходы на создание современной системы здравоохранения, составлявшие в 1963 г. 87,4 млн. риалов, а в 1974 г. — 1 163,0 млн.

В эти же годы ведется борьба с внутренней оппозицией, прежде всего с подпольными организациями разного толка, чаще радикально-левацкими. Однако отдельные проявления недовольства населения не находили массовой поддержки. В январе 1964 г. после публичного раскаяния молодых эмиров во главе с Талалом им было разрешено вернуться в страну. Эмир Талал заявил, что «поддерживает с гордостью и восхищением обширные реформы», проводимые Фейсалом. Так исчезла умеренная оппозиция.

Неизменно большое внимание уделялось королем Фейсалом проблемам ислама. Он провел благоустройство Большой мечети в Мекке, в апреле 1965 г. в этом городе была проведена по его инициативе Всемирная мусульманская конференция, а в августе 1969 г. создана Организация «Исламская конференция», объединившая мусульман всех континентов.

Во внешней политике король Фейсал отдавал приоритеты проблемам арабского мира и Ближнего Востока, но прежде всего разрешению ближневосточной

проблемы. В ходе арабо-израильской войны в июне 1967 г. Саудовская Аравия прекратила поставки нефти странам, поддерживающим Израиль (на три месяца), и отправила небольшие воинские подразделения в Иорданию и Сирию. 23 августа 1969 г. король Фейсал провозгласил *джихад* для освобождения Иерусалима.

Саудовско-египетские отношения в то время осложнились из-за гражданской войны в Северном Йемене, в которой Саудовская Аравия поддерживала монархистов, а Египет — захвативших власть республиканцев. В июле 1970 г. саудовская сторона официально признала ЙАР, и это привело к нормализации саудовско-египетских отношений. Внешняя политика королевства в те годы активизируется, расширяются связи со старыми партнерами, налаживаются отношения с новыми. Только в 1971 г. состоялись визиты короля Фейсала на Тайвань, в США, Иран, Японию и Францию.

Рубежным для Саудовской Аравии стал 1973 год. Арабские страны, прежде всего Египет, намеревались нанести удар по Израилю для освобождения оккупированных им территорий. Их позиции могли быть существенно усилены согласованными действиями арабских нефтедобывающих стран, которые путем нефтяного бойкота могли бы оказать давление как на союзников Израиля, так и на мировое общественное мнение. В мае 1973 г. состоялось специальное заседание экономического совета ЛАГ по этому вопросу. Позиция Саудовской Аравии как крупнейшего в мире производителя геля нефти была решающей.

6 октября началась четвертая арабо-израильская война. 19 октября, узнав о распоряжении президента Р. Никсона предоставить Израилю военную помощь на сумму 2,2 млрд. долл., король Фейсал принял решение о сокращении добычи нефти в Саудовской Аравии на 10% (принципиальное решение об этом было принято на совещании стран ОАПЕК в Кувейте 17 октября). Справочные цены были сразу повышены на 70% и росли далее. Нефтяное эмбарго было смягчено в конце 1973 г. в отношении некоторых стран, а в марте 1974 г. по настоянию Саудовской Аравии снято и с США.

Действия арабских стран-нефтепроизводителей имели не только политическое, но и большое экономическое значение. Арабские страны сразу превратились в самостоятельных и влиятельных субъектов мировой политики. Была ликвидирована система грабительских монопольных цен на нефть и установлена новая, более справедливая система, определяемая ценой добычи нефти на худших месторождениях.

Для королевства другим важным следствием нефтяного эмбарго стало согласие американских хозяев АРАМКО на национализацию компании. Об этом было объявлено в ноябре 1974 г., одновременно саудовская сторона увеличила свою долю в компании до 60%. Окончательный переход компании в собственность государства закончился в 1980 г. с уплатой выкупа в 2,5 млрд. долл. Тем не менее национализация АРАМКО не означала ухудшения отношений с США, американский капитал и американская администрация просто признали более высокий статус партнера. В июне 1974 г. министр внутренних дел эмир Фахд подписал в Вашингтоне саудовско-американское соглашение об экономическом и военном сотрудничестве, в том же месяце состоялся визит в королевство президента Р. Никсона.

Успешная модернизация проходила тем временем в сферах экономической и социальной, но политическая жизнь страны не претерпела никаких изменений. Король Фейсал не вспоминал о своих обещаниях, оглашенных в «десяти пунктах», и называл парламент «костылем, необходимым слабому правителю».

25 марта 1975 г. король Фейсал был убит своим племянником эмиром Фейсалом ибн Мусaedом. Новым королем стал Халед ибн Абд аль-Азиз, наследником престола — эмир Фахд ибн Абд аль-Азиз. Однако смена монарха не отразилась на ходе и характере развития страны. Король Халед, правивший в 1975–1982 гг., оказался мягким и болезненным человеком и потому просто продолжил проведение курса старшего брата. 3 апреля 1975 г. своим указом он передал наследнику престола все свои полномочия в области внешней и внутренней политики.

Во второй половине 1970-х годов произошли количественные сдвиги в развитии процессов, начатых ранее: продолжалось формирование современной развитой национальной экономики и создание общенациональных систем образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения при сохранении и укреплении традиционных основ общества в социальной и духовной сферах.

Второй пятилетний план социально-экономического развития на 1975–1980 гг. превышал предыдущий по объему ассигнований более чем в десять раз: первый план — 41,3 млрд. риалов, второй — 498,2 млрд. В нем также были названы новые ключевые цели: диверсификация национальной экономики за счет развития сельского хозяйства и ненефтяной промышленности, форсированное развитие людских ресурсов, экономических районов страны с учетом местных природных и людских ресурсов.

Несмотря на определенные успехи, к началу 1980-х годов стала очевидной переоценка возможностей саудовской экономики по освоению выделенных государственных ассигнований. Увеличение основных производственных фондов в стране постоянно опережало рост продукции. Значительная часть крупных промышленных проектов оставалась на бумаге, а построенные заводы работали не на полную мощность. Возник строительный бум, цены на строительные материалы росли в сотни раз. Вследствие одновременной реализации множества разных проектов чрезвычайно остро стала ощущаться нехватка рабочей силы, что породило проблему иностранных рабочих, чья доля составляет около трети численности всего экономически активного населения. Попытки проводить политику «саудизации» в сфере занятости оказались малоуспешными.

В эти годы государство энергично развивало нефтеперерабатывающую промышленность, стремясь сделать ее второй (после нефтедобычи) опорой национальной экономики. Новым шагом в развитии госсектора стало формирование в 1976 г. государственной «Сауди Бэйсик Индастри Корпорейшн» (САБИК) с капиталом в 10 млрд. риалов. В ее задачи входило создание совместно с западными компаниями предприятий как нефтехимической, так и тяжелой промышленности (металлургический комбинат и алюминиевый завод). Все соглашения САБИК заключает на основе всего 50%-ного участия. Главными объектами деятельности САБИК стали две промышленные зоны — в Янбо на побережье Красного моря и в Джубайле на побережье Персидского залива.

Государство приняло меры для привлечения частного капитала в промышленность. В январе 1979 г. был опубликован новый закон об иностранных инвестициях, дававший иностранному капиталу те же привилегии, что и национальному. В стране действовали несколько государственных фондов и кредитно-финансовых учреждений, предоставлявших займы саудовским подданным для создания различных предприятий.

Ускорение экономического развития прямо отразилось на социальной структуре саудовского общества уменьшением численности традиционных классов и слоев (крестьян, кочевников) и увеличением численности новых слоев (буржуазии, служащих, интеллигенции). Характерным явлением стало появление национальной крупной буржуазии, как правило работающей с западным капиталом и имеющей тесные связи с правящей семьей.

Позиции исламских духовных служителей остались прежними. В 1980 г. в королевстве имелось 20 356 мечетей, в которых работали более 40 тыс. духовных лиц, но в 1980–1985 гг. было построено еще почти 120 мечетей. В 1981 г. был основан третий исламский университет.

Тем не менее крупнейшее в современной истории антиправительственное выступление прошло именно под исламскими лозунгами. Летом 1979 г. под влиянием исламской революции в Иране в Саудовской Аравии активизировались различные оппозиционные силы и организации. В страну контрабандно ввозилось оружие. В сентябре в крупных городах появились листовки с призывами вернуться к пуританским нормам ваххабизма прошлых веков, «очистить страну от нездорового влияния Запада», «свергнуть деспотичных и продажных правителей», изгнать из страны всех иностранцев и т.д.

Рано утром 20 ноября около тысячи человек захватили Большую мечеть аль-Харам в Мекке, главную святыню мусульманского мира. Задержав сотни молящихся в качестве заложников, они предъявили властям следующие требования: радикальные перемены в составе правительства, пересмотр нефтяной политики, «возвращение к нормам истинного ислама» (в частности, запрет на вывешивание портретов, запрет игры в футбол), исключение женщин из общественной и экономической жизни, провозглашение Саудовской Аравии «исламским королевством», выдворение из страны всех иностранных военных советников. Одновременно была предпринята попытка захвата мечети пророка Мухаммада в Медине, но она была сразу подавлена. Власти растерялись. Спустя лишь два дня, после получения санкции *улемов*, армейские части начали штурм мечети в Мекке. Мечеть была взята 5 декабря, несколько сот мятежников захвачено, из них 63 человека казнены.

Власти провели перемены в руководстве силами безопасности, значительную реорганизацию полиции и армии, но также замедлили ход модернизации. Например, с телеэкранов исчезли женщины-дикторы, напротив, была увеличена доля религиозных программ радио и телевидения, для иностранных дипломатов и работников были введены некоторые ограничения. Лига охраны веры и нравственности стала строже преследовать нарушителей исламской морали. Появились молодые религиозные экстремисты, разбивавшие витрины фотоателье, закры-

вавшие совместные пляжи для иностранцев, препятствовавшие празднованию западными работниками христианских праздников. В стране возникли новые неправительственные религиозно-политические организации — «Джамаа ат-Табит» («Предупреждение о страшном суде»), «Ахль аддаава» («Призывающие»), «аль-Фаджр» («Заря») и др. Призывы к имущественному равенству и критика западного образа жизни встречали понимание в широких слоях населения, и потому исламские экстремисты имели более широкую социальную опору, чем почти сошедшие на нет местные либералы.

14 июня 1982 г. на престол взошел король Фахд. Наследником престола и первым заместителем премьер-министра был объявлен эмир Абдалла ибн Абд аль-Азиз, командующий Национальной гвардией, а вторым заместителем премьер-министра был назван эмир Сулган ибн Абд аль-Азиз, министр обороны и авиации.

В первые же годы правления короля Фахда произошло резкое падение доходов от нефти: 1981 г. — 110 млрд. долл., 1984 г. — 28 млрд. долл. Тут же сказалась жесткая привязанность саудовской экономики к нефтяному хозяйству и огромная зависимость от нефтяных доходов. Государственные доходы сократились в 1982–1984 гг. на 32%, а фактические государственные расходы были урезаны на 48%. В 1986 г. оказалось невозможным принять бюджет. Впервые сокращались расходы на социальные нужды и даже на оборону. Было заморожено строительство многих промышленных объектов, отложена реализация новых проектов. Банковские прибыли сократились на 60%. Последовали банкротства сотен мелких и средних предпринимателей. Правительство отказалось от создания тепличных условий для национального капитала, призвав «конструктивно приспособиться к новой обстановке».

В своей внешней политике Саудовская Аравия следовала ранее выработанным курсом, стремясь к дальнейшему развитию отношений со странами Запада на более равноправной основе, а также сохранению и усилению ведущих позиций в арабском и исламском мире. Правительство продолжало считать, что без возвращения арабам всех оккупированных Израилем в 1967 г. территорий, в том числе Восточного Иерусалима, и удовлетворения законных прав арабского народа Палестины справедливый и прочный мир в регионе не может быть установлен. Саудовская Аравия на совещании глав арабских государств в ноябре 1978 г. вместе с остальными арабскими странами осудила курс А. Садата и подписанные им в Кэмп-Дэвиде соглашения о мире с Израилем. Спустя год были поддержаны политические и экономические санкции против Египта. В августе 1981 г. был выдвинут «план Фахда», в котором впервые признавалось право Израиля на существование. Королевство активно действовало для урегулирования кризисов и войны в Ливане.

В начале 1980-х годов Саудовская Аравия ощущала угрозы со стороны марксистского режима в НДРГ, а также из ЙАР, куда поставлялось советское оружие. В 1974 г. в Эфиопии произошла революция, в результате которой к власти пришли леворадикальные силы. В декабре 1979 г. произошло вторжение советских войск в Афганистан, что было воспринято в Эр-Рияде с крайней озабочен-

ностью. В сентябре 1980 г. вспыхнула война между Ираном и Ираком, усилившая нестабильность в регионе.

В феврале 1981 г. был создан Совет сотрудничества арабских стран Залива, в который вошли Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Катар и Оман. Основными задачами Совета были названы экономическое сотрудничество стран региона и совместная деятельность в сфере безопасности. Обстановка в Персидском заливе в 1980-е годы оставалась сложной: Иран не раз угрожал закрыть Ормузский пролив, в 1984 г. иранские войска нанесли удар по саудовскому судну, в 1985 г. иранские экстремисты взорвали бомбы в одном из районов Эр-Рияда, а в Мекке при столкновении между иранскими паломниками и саудовскими полицейскими погибло 275 иранцев; отношения между двумя странами резко обострились. После завершения войны Ирана с Ираком и вывода советских войск из Афганистана напряженность в регионе существенно смягчилась.

В сентябре 1990 г. было официально объявлено о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией в полном объеме. Вскоре в Москве появилось саудовское посольство, а в Эр-Рияде — советское. Состоялись визиты министров иностранных дел обеих стран, других государственных деятелей, началось налаживание научных и культурных связей, координация нефтяной политики и действий на мировой арене.

Для родины ислама после прекращения холодной войны возникла возможность еще более усилить свое влияние и роль в мире. Глава государства сознает как опасность новой волны исламского экстремизма, так и желание «молчаливого большинства» в саудовском обществе сохранить стабильность. Само общество, не пережившее ни революций, ни гражданских войн, сохраняет внутреннее единство, общую верность традиционным социальным и духовным ценностям, верность правящей семье. Запрет на политическую жизнь и стеснительные нормы ислама для большинства вполне компенсируются высоким уровнем жизни, возможностью получить хорошее образование, успешно заниматься бизнесом или получить место в госаппарате.

Проявлением точно рассчитанного прагматизма короля Фахда стали реформы, объявленные в марте 1992 г. Им предшествовали его поездки по стране, консультации с предпринимателями, *улемами*, местными властями и вождями племен. В опубликованных декретах короля подтверждалось сохранение существовавшей государственной структуры и системы власти, запрет на деятельность политических партий и профсоюзов. Саудовская Аравия провозглашалась арабским, исламским, полностью суверенным государством, конституцией которого является «Книга Аллаха Всевышнего и сунна его Пророка». Король избирается из членов династии ас-Сауд. Он направляет политику страны в соответствии с нормами ислама, следит за соблюдением *шариата*, правопорядком в стране и обеспечением ее обороны, возглавляет совет министров, является верховным главнокомандующим и создает консультативный совет.

Консультативный совет (Маджлис аш-шура) был создан из 60 человек (позднее его состав был увеличен до 80 человек), «известных своими благочестием и дарованиями», по назначению короля. Члены совета имеют право рассматри-

вать и обсуждать все законопроекты и мероприятия правительства, выносить по всем вопросам свое суждение и предлагать его вниманию короля. В состав совета вошли *улемы*, профессора университетов, видные предприниматели.

Тяжелым испытанием для Саудовской Аравии стала агрессия Ирака против Кувейта в 1990 г. Война началась 2 августа 1990 г. вторжением иракских войск на территорию эмирата, а 8 августа в Багдаде было объявлено об аннексии Кувейта и превращении его в «иракскую провинцию».

Возникла прямая угроза для королевства, прежде всего для Восточной провинции с ее богатейшими нефтепромыслами. Сразу после вступления иракских войск на кувейтскую территорию король Фахд обратился за помощью к своему стратегическому союзнику — США, а также к главам Египта, Сирии и других арабских стран. После колебаний король дал согласие на ввод в королевство военных формирований западных держав.

Саудовские государственные деятели пытались избежать военного конфликта, однако Багдад выдвигал все новые условия и не желал освобождать Кувейт. 17 января 1991 г. многонациональные силы начали боевые действия по освобождению эмирата. Саудовская Аравия взяла на себя оказание материальной и финансовой помощи странам западной коалиции.

Иракская агрессия оказала сильное влияние на внутреннюю жизнь в стране и привела к определенной переориентации в отношениях с арабскими странами. Произошел заметный патриотический подъем, сплотивший народ вокруг власти. В то же время присутствие на родине ислама, тем более в период *хаджа* сотен тысяч иноверцев вызвало недовольство и протест у многих саудовцев. Исламский экстремизм возродился. В разных городах королевства прошла серия взрывов, в результате которых погибли десятки американцев и местных жителей.

Раскол в арабском мире (Иордания, объединившийся в апреле 1990 г. Йемен и ООП поддержали действия Саддама Хусейна), гупиковая ситуация в ближневосточном урегулировании привели к переносу внимания во внешней политике на исламские ценности.

Возникший на Западе страх перед «экспансией ислама» явно преувеличен, однако реальная исламская экспансия идет. Саудовская Аравия представила средства для строительства 210 исламских центров и 1500 мечетей в Лондоне, Эдинбурге, Мадриде, Риме, Лиссабоне, Брюсселе, Женеве, Вене, Торонто, Буэнос-Айресе, а также в Нигерии, Австралии, Бразилии, России и других странах.

Ситуация в экономике к началу XXI в. была достаточно устойчива. Прогнозные извлекаемые запасы нефти оценивались в 261,2 млрд. барр. (37,3 млрд. т), при существующем уровне добычи около 8 млн. барр. в день их может хватить примерно на 84 года. Нефтяные поступления обеспечивают основную часть доходов государства: в 1999 г. из общего объема доходов в 147 млрд. риалов (39,3 млрд. долл.) нефтяной сектор дал 100 млрд., а ненефтяной — 47 млрд., в 2000 г. из 157 млрд. — соответственно 109 и 48 млрд. риалов. В то же время нефтедобыча, сохранив решающее значение в финансовом плане, уступает ведущие позиции быстро растущим нефтеперерабатывающим предприятиям САБИК. Государство начало приватизацию своей крупной собственности: 30% акций

САБИК перешло в частные руки, ожидается приватизация авиакомпании «Саудия».

И все же в пятилетнем плане на 1990-1995 гг. были названы в качестве важнейших совсем не экономические цели: сохранение исламских ценностей, защита веры и нации. Фактически это стало признанием завершения коренных реформ в экономической сфере путем ускоренной индустриализации и в социальной сфере путем создания современных систем образования и здравоохранения. В сфере политической жизни вероятно некоторое развитие существующих политических институтов.

В начале 1990-х годов в связи с распадом СССР рухнула старая биполярная система международных отношений. Для Саудовской Аравии это означало прежде всего уничтожение потенциальной угрозы со стороны поддерживаемых СССР марксистских режимов, а также открывало новые возможности для значительного расширения своего влияния в бывших среднеазиатских республиках СССР. В феврале 1992 г. министр иностранных дел эмир Сауд ибн Фейсал посетил новые мусульманские государства. Для десятков тысяч мусульман из Узбекистана, Таджикистана, а также Чечни, Дагестана, Татарии и Башкирии открылась возможность посетить святыне места ислама на льготных условиях или бесплатно. Сотни тысяч экземпляров Корана были направлены в эти республики из королевства. Экономическое сотрудничество с ними оказалось более ограниченным, вследствие ориентации саудовской экономики на страны Запада, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

После подписания в 1993 г. Соглашения об основных принципах мирного урегулирования на Ближнем Востоке Саудовское королевство активизировало свою помощь ООП и поддержку Я. Арафата. В 1995 г. улучшились отношения с объединенным Йеменом, который был принят в члены Совета сотрудничества арабских государств Залива. В 1996 г. была достигнута нормализация отношений с Иорданией, произошла демаркация границ с Катаром. Постепенно улучшаются отношения с Ираном.

Новым испытанием для королевства стал взрыв исламского экстремизма, пиком которого стали террористические акты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Правители королевства немедленно осудили эти акты. Известно, что названный организатором этих терактов Усама бен Ладен в 1994 г. был лишен саудовского подданства, и его ждет суд на родине. Однако правительство не разрешило использовать свои аэродромы в ходе проводимой США антитеррористической операции. Значительную роль при принятии этого решения сыграли внутривнутриполитические соображения, связанные с опасениями роста радикального исламизма в саудовском обществе.

Глава 16

ЙЕМЕН

Рассматриваемый период истории Йемена распадается на три этапа. Первый характеризуется активизацией политических процессов в рамках йеменского традиционного ареала. Он заканчивается революциями: антимонархической (26 сентября 1962 г.) в Северном Йемене и национально-освободительной (30 ноября 1967 г.) — в Южном. Следующий этап связан с процессами установления собственных моделей государства республиканского типа в двух суверенных йеменских государствах — Йеменской Арабской Республике (ЙАР) и в Народной Демократической Республике Йемен (НДРЙ). Менее чем за 30 лет революционные общественные преобразования в них подготовили почву для политического объединения страны. Третий, современный этап имеет точную дату своего начала — 22 мая 1990 г., когда ЙАР и НДРЙ добровольно объединились в единое государство — Йеменскую Республику.

Вопрос о йеменском единстве на протяжении многих веков оставался в центре внимания йеменских общественных деятелей. В XIX–XX вв. колониальное господство Великобритании в Адене и османской Турции — в Сане лишь прибавило к этому вопросу новые обстоятельства. Фактор конфессионального раздела страны на две общины: шафиитскую (ветвь суннизма) в Южном и Нижнем Йемене и зейдитскую (ветвь шиизма) — в части Верхнего Йемена также нельзя рассматривать как определяющий фактор политической дезинтеграции.

Причины, на наш взгляд, кроются в потестарных традициях йеменского общества, в этнокультурных особенностях и связанной с этим социальной стратификации, определявшей место индивида по рождению и принадлежности рода. Предводители элит составляли властные структуры потестарного типа.

Высшим статусом традиционно обладали племена (*кабили*) и исламская аристократия в лице обширных кастовых групп *сейидов*, *кади* (на юге — *машаих*)¹. С дуализмом элит связан и правовой дуализм, при котором *кабили* (племена) подчинялись древнему обычному праву — *урфу*, а городские общины — исламскому праву, *шариату*.

¹ Большинство племен Йемена причисляет себя к *кахтанидам*, т.е. к потомкам общего праотца южной ветви арабов — Кахтана, составляющим ветвь так называемых истинных арабов (*араб аль-ариба*), а *сейиды*, многие *кади* и *машаих* — к *аднанидам*, от прародителя северной ветви арабов — Аднана, составляющим ветвь так называемых арабизированных арабов (*араб аль-мугасараба*). К последним принадлежит престижный род *кюрейшитов*, из которого вышел пророк Мухаммад. *Сейиды* являются потомками «Дома пророка» через дочь пророка Фатиму и Али бин Аби Талиба, двоюродного брата и зятя Пророка. Их также называют *алидами* (*алидин*).

Согласно обычаю вотчины *кабили* находились под их собственным суверенитетом, а управление в племенах осуществляли избранные на советах старейшин вожди (*шейхи*, *мукаддамы*). Североийеменские племена (ок. 70% населения) традиционно заявляли о лояльности имаму, в избрании которого сами и участвовали. В Южном Йемене племена (ок. 35% населения) также заявляли о лояльности правителям мелких *даулей* (султанам, эмирам, шерифам и пр.), сохраняя все свои вольности и привилегии.

В период между Первой и Второй мировыми войнами два исторических политических центра Йемена — Сана и Аден сложились в ядра будущих йеменских государств. Аден в этот период превратился в главный военный оплот британской колониальной империи на Ближнем Востоке. Окружавшие Аден южно-ийеменские *даули* рассматривались метрополией в качестве своего рода буфера безопасности колонии. Иной путь к интеграции прошел Северный Йемен. После ухода турецких колонизаторов в 1918 г. политическим лидером страны выступил йеменский имам Яхья Хамид ад-Дин, который объединил североийеменские территории в Йеменское королевство.

ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТАП (1945–1960-е годы)

Йеменское мутаваккилийское королевство (Северный Йемен). В ходе Второй мировой войны Йеменское королевство лишилось помощи своих традиционных союзников — Италии и Германии в поставках продовольствия и оружия для армии. Это обстоятельство повлияло на ослабление политических позиций престарелого имама-короля Яхьи из древнего сейидского рода Хамададинов.

В 1944 г. изгнанные из страны руководители партии «Свободные йеменцы» (*ахрар*) А. Ну'ман и М. аз-Зубейри создали в Адене Ассоциацию Великого Йемена, которая выдвинула проект превращения имамата в конституционную монархию путем создания Консультативного совета (Маджлис аш-шура) и подотчетного ему правительства, возглавляемого королем. Свои цели они изложили в Священной национальной хартии. Осенью 1947 г. к *ахрарам* примкнул лидер известного сейидского клана Абдалла аль-Вазир, ближайший соратник короля в объединении Северного Йемена.

17 февраля 1948 г. Яхья был убит с благословения одного авторитетного сейида, и на следующий день Совет *улемов* Саны провозгласил сейида Абдаллу аль-Вазира имамом и королем Йемена, который в обращении к народу призвал подданных поддержать Хартию и предложил сыну Яхьи, эмиру Ибрагиму, председательствовать на первом заседании Консультативного совета. Тем временем избежавший участи отца эмир Ахмад и его брат Аббас подняли восстание. Они осадили Сану и 14 марта 1948 г. захватили город силами 20-тысячного ополчения племен хашед. На следующий день король аль-Вазир был низложен, а на престол взошел эмир Ахмад.

Первые годы правления короля Ахмада отмечены крайне консервативным курсом, резким неприятием положений Хартии. Столица Йемена была перенесена в Таизз, где Ахмад при жизни отца был губернатором.

Египетская революция 23 июля 1952 г. кардинально повлияла на смену внешнеполитического курса имама. В радикальных арабских националистических режимах он увидел своих главных союзников в борьбе с британским колониализмом в Южном Йемене. В то же время политика изоляционизма внутри страны вызывала крайнее недовольство образованных людей. В Адене в 1952 г. *ахрары*, воссоздавшие Йеменский союз с бюро в Каире, ратовали за избрание просвещенного имама, признающего положения Священной национальной хартии. В качестве кандидатуры рассматривался брат короля — эмир Абдалла. 29 марта 1955 г. офицеры таизского гарнизона предприняли попытку переворота, принудив короля подписать акт об отречении от власти в пользу эмира Абдаллы. Однако уже 5 апреля 1955 г. сын Ахмада, эмир аль-Бадр, собрав ополчение из племен хашед и бакиль, осадил и захватил Таизз. Он вернул престол своему отцу, а заговорщики были казнены.

После этого король Ахмад провозгласил аль-Бадра наследным принцем и предоставил ему пост своего заместителя в новом правительстве. Состояние здоровья самого короля резко ухудшилось. Однажды во время приступа гнева он приказал казнить своих гостей — шейха племен хашед с сыном. После этого трагического случая аль-Бадр форсировал сближение Йемена с радикальными националистическими режимами арабских стран. Политика изоляционизма уходила в прошлое. В Йемене появились акционерные компании, банки. Среди крупных инфраструктурных проектов выделялись морской порт в Ходейде, построенный при содействии СССР, и первая автомобильная дорога Таизз–Моха–Сана, проложенная при содействии США.

Тройственная агрессия 1956 г. с участием Израиля, Англии и Франции против Египта подтолкнула Йемен на присоединение к тройственному же соглашению о коллективной безопасности с участием Египта, Сирии и Саудовской Аравии от 1955 г. В 1961 г., в ответ на объявление о планах создания Лондоном Федерации Южной Аравии с участием Адена, Йемен заявил о готовности присоединиться к провозглашенной в 1958 г. Объединенной Арабской Республике в составе Сирии и Египта.

19 сентября 1962 г. король Ахмад умер, и на престол взошел его сын аль-Бадр. Через неделю члены проегипетской тайной организации «Свободные офицеры» из гарнизонов Саны, Таизза и Ходейды, опасаясь разоблачений, объявили о низложении монархии и установлении республики. переворот был проведен офицерами полка королевской охраны под командованием Абдаллы ас-Салляля в ночь с 26 на 27 сентября 1962 г. силами 400 курсантов военной школы и подразделения полка с шестью танками и четырьмя бронемашинами.

Аден и южноиеменские *даули* (Южный Йемен). Политика Великобритании в Южном Йемене после Второй мировой войны определялась возросшим геополитическим значением колонии Аден. Город был превращен в процветающий центр региональной торговли и крупнейший мировой порт по обслуживанию океанских судов. Там размещалась самая мощная зарубежная военно-морская база Британии, штаб-квартира верховного командования британских сил в Аравии, которое в 1961 г. было преобразовано в Средневосточное командование. На-

селение Адена в 1960-х годах составляло свыше 250 тыс. человек и формировалось в основном за счет выходцев из Северного Йемена, а также, примерно на треть, из иммигрантов из британских колоний — Индии и др. Коренные аденцы и выходцы из южнойеменских *даулей* составляли всего треть населения города.

Управление колонией осуществлялось из Лондона через верховного комиссара-резидента, совмещавшего должности губернатора Адена и главнокомандующего военно-морской базы. При губернаторе действовало правительство — Исполнительный совет и Законодательный совет, назначавшийся им же. Задача установления прямого контроля над протекторатами перед Аденом не ставилась.

В экономике южнойеменских *даулей* господствовали патриархальные, архаичные методы производства. Традиционное земледелие и садоводство, основанное на парцеллярном индивидуальном землевладении, концентрировалось в городах, окруженных орошаемыми угодьями. Товарное производство носило очаговый характер. Нехватка продовольствия покрывалась импортом. Новшеством в сельском хозяйстве протекторатов было создание с участием колониальных властей плантационных кооперативов по выращиванию хлопка и габака. Йеменские племена вели преимущественно оседлый образ жизни. Помимо сбора подати с «покровительствуемого» населения (*ра'ийя*) они занимались также караванной торговлей, поставками на городские рынки и ярмарки специфических продуктов промыслов (меда, хвороста, древесного угля, ладана, пальмовых листьев для плетения домашней утвари и др.).

После Второй мировой войны в связи с переориентацией географии внешних миграций наблюдался массовый рост новых и транзитных миграций йеменцев в соседние с Южным Йеменом нефтедобывающие государства. Лидером по миграционной активности был Хадрамаут — одна из наиболее экономически развитых провинций Южного Йемена.

Возвращение мигрантов способствовало росту реформистских настроений в обществе. Во многих *даулях* в этот период происходили заметные перемены. Появлялась судебная система, школы, налоговая и финансовая службы. Укреплялась система административного управления (*накыбы*). Была окончательно запрещена работорговля, хотя чернокожие рабы (*абид*) все еще использовались в домохозяйствах на подсобных и «нечистых» работах.

После долгих колебаний в Лондоне было принято решение об интеграции Адена в систему протекторатов путем создания Федерации эмиратов Юга (ФЭЮ) в составе *даулей* Западного протектората (11 февраля 1959 г.), а затем введением в ее состав Адена (18 января 1963 г.). Так появилась Федерация Южной Аравии (ФЮА). Территория ФЮА была преобразована в 17 *вилайетов* с населением 900 тыс. человек². За пределами ФЮА остались Хадрамаут (султанаты Касирн и Куайти), Махра и Сокотра, а также три мелких шейхства в Верхних Яфи.

² В 1959 г. в Федерацию вошли шесть *вилайетов*: эмират Далиа, султанат Авалиль, султанат Верхний Авалик, эмират Бейхан, султанат Фадли, султанат Нижний Яфи; в 1961–1962 гг. в нее вступили: султанат Лахдж, султанат Нижний Авалик, конфедерация Дагинна, шейхство Акраби, султанат Вахиди; в 1963 г. — Аден, султанат Хаушаби, шейхство Шайб; в 1964 г. — шейхство Ллави и шейхство Мафляхи.

Создание ФЮА подстегнуло патриотические движения к борьбе за объединение Юга и национальное освобождение. В Адене насчитывалось полтора десятка политических объединений, среди которых наибольшей известностью пользовались Лига сынов Южной Аравии (ЛСЮА) и Народная социалистическая партия (НСП), имевшие отделения в *вилайетах*. Большую роль в политической жизни колонии играли профсоюзы, появившиеся в марте 1956 г. после строительства в Адене крупного нефтеперерабатывающего завода. Первоначально протесты аденцев носили мирный характер, но жесткая реакция на них со стороны колониальных властей повлекла переход к индивидуальному террору против английских военных.

В феврале 1963 г. в Сане возникла новая южноиеменская политическая организация, созданная под эгидой Движения арабских националистов (ДАН), — Национальный фронт (НФ). В Харгии фронта содержались призывы к единству Йемена и всего «арабского социалистического отечества». Одновременно в Египте прошел учредительный съезд Организации освобождения оккупированного Юга (ОЛОС), созванный южноиеменскими патриотическими организациями, не вошедшими в НФ³.

14 октября 1963 г. отмечается как дата начала освободительной революции на Юге. В этот день племена Радфана оказали вооруженное сопротивление карательному корпусу англичан, направленному для их разоружения. НФ умело использовал этот эпизод для поднятия знамени вооруженной борьбы против колонизаторов в масштабах всей страны.

В 1964 г. новое лейбористское правительство Великобритании заявило о подготовке к выводу британских войск со всех баз «к востоку от Суэца».

Вопреки ожиданиям это заявление лишь подстегнуло соперничество между НФ и ОЛОС за лидерство в освободительном движении. Первая попытка Египта объединить две патриотические организации (НФ и ОЛОС) во Фронт освобождения юга Аравии (ФЛОСИ) во главе с Абд аль-Кави Маккави в январе 1966 г. окончилась провалом. Лидер НФ — Кахтан аш-Шааби уже на следующий день дезавуировал подпись представителя организации под соглашением. С появлением в НФ нового лидера, выходца из Северного Йемена Абд аль-Фаттах Исмаила, НФ заявил о разрыве с общеарабским ДАН и в августе 1966 г. подписал новое соглашение с ОЛОС о создании ФЛОСИ. ЛАГ признала ФЛОСИ единственным законным представителем южноиеменского народа. Однако после того, как Британия подтвердила, что признает резолюции ООН по Южному Йемену и свои обязательства о предоставлении ему независимости, в августе же 1966 г. НФ вновь вышел из ФЛОСИ. НФ расширил фронт вооруженной борьбы против англичан. Между вчерашними союзниками по освободительной борьбе — НФ

³ Каирский съезд патриотических сил Южного Йемена, не вошедших в НФ, был созван по инициативе Египта. В его работе помимо ЛСЮА (М.А.аль-Джифри) участвовали НСП (А. аль-Аснадж), Комитет освобождения Южного Йемена (А.Ну'ман), ряд султанов и шейхов (султан Мухаммед бин Айдарус аль-Афифи — бывший султан Яфи, султан Ахмад бин Абдалла аль-Фадли, прежний султан аль-Фадли, шейх Мухаммед Абу Бакр бин Фарид аль-Ауляки, один из влиятельных шейхов Авалика, эмир Джаиль бин Хусейн аль-Аудали — бывший наиб султана аль-Аудали).

и ФЛОСИ также отмечались вооруженные столкновения. В ожесточенном противоборстве НФ на последнем этапе обошел ФЛОСИ и был признан метрополией представителем южнoйеменского народа.

22 ноября 1967 г. в Женеве начались переговоры Великобритании с делегацией НФ о передаче ему власти в Южном Йемене.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭТАП (1960–1990-е годы)

Йеменская Арабская Республика (Северный Йемен). 26 сентября 1962 г. в Северном Йемене была провозглашена Йеменская Арабская республика. Полковник ас-Салляль возглавил Совет революционного командования (СРК), принявший программные документы: «Шесть принципов и целей революции»⁴ и «Манифест революции 26 сентября». Целями революции объявлялись свержение абсолютистского режима, ликвидация иностранного влияния в стране и установление демократического строя, основанного на принципах ислама и социальной справедливости. Режим сразу получил широкое международное признание. К числу тех, кто проявил недоверие к новому режиму, относились США, Англия, Саудовская Аравия и Иордания. Они склонялись к поддержке сторонников эмира Хасана и свергнутого короля аль-Бадра. В Саудовской Аравии был создан Совет по борьбе с республикой, в который вошли члены семьи Хамидадинов и саудовские офицерские чины.

Для руководства республикой были созданы Президентский совет, Исполнительный совет и Высший совет шейхов. Уже через два дня после революции по договоренности с президентом Египта началась переброска египетских войск в Йемен для защиты республики от сил контрреволюции. Началась гражданская война.

Республиканцы пользовались наибольшим влиянием в Нижнем Йемене, в районах с шафиитским населением. На сторону республиканцев встал также верховный вождь влиятельной конфедерации зейдитских племен хашед — шейх Абдалла бин Хусейн аль-Ахмар. Однако патриотические чувства большинства йеменцев были ущемлены участием иностранных войск в войне, и многие племена по этой причине отказались выступить на стороне ас-Салляля. К тому же многие египетские командиры компрометировали себя мздоимством и крайней амбициозностью. Часть членов Высшего совета шейхов в этих условиях склонялись к компромиссу с роялистами.

Видя опасность такого компромисса, 1 июня 1963 г. президент ас-Салляль ввел в стране чрезвычайное положение. Тогда в Амране прошла конференция

⁴ В их числе: 1) освобождение от деспотизма, колониализма и их наследия, установление справедливого республиканского режима и уничтожение социальных различий; 2) построение сильной национальной армии; 3) подъем социально-экономического и культурного уровня народа; 4) создание демократического, справедливого кооперативного общества, основанного на принципах ислама; 5) национальное единство; 6) уважение к документам ООН и международных организаций, соблюдение принципов неприсоединения.

с участием 500 шейхов основных племен ЙАР и *улемов* обеих конфессий. Конференция потребовала от президента отменить режим чрезвычайного положения и реорганизовать органы власти. Исполнительный совет преобразовать в Совет министров, а Высший совет шейхов — в Консультативный совет. Она также выступила за создание 28-тысячного племенного ополчения и призвала роялистов способствовать национальному примирению. Ас-Салляль отказался принять решения конференции и обратился к Египту за дополнительными войсками. Численность египетского корпуса в Йемене к концу 1963 г. удвоилась и достигла почти 30 тыс. человек. В апреле 1964 г. президент Египта Г.А. Насер лично посетил Йемен и убедил *улемов* Саны и Таизза в полном соответствии арабского социализма исламским ценностям. Эти встречи способствовали принятию 27 апреля 1964 г. конституции ЙАР, сохранившей за президентом пост главнокомандующего и председателя Совета обороны. По новой конституции все вооруженные формирования, не созданные государством, были запрещены.

Осенью 1964 г. аз-Зубейри выступил за решение йеменской проблемы путем создания «исламского государства», а в январе 1965 г. была основана партия Хизбалла (Партия Аллаха), выпускавшая газету «Саут аль-Йаман» («Голос Йемена»). В апреле того же года аз-Зубейри был убит неизвестными.

Кульминацией политического наступления на проегипетские позиции президента стала общейеменская конференция в мае 1965 г. с участием роялистов и так называемого умеренного крыла республиканцев, прошедшая в Хамере. Среди авторов итоговых документов были премьер-министр республики А. Ну'ман. Конференция рекомендовала прекратить кровопролитие, создать боеспособную армию для замены египтян, нормализовать отношения с Саудовской Аравией и принять проект конституции исламского государства, разработанный аз-Зубейри.

Президент ас-Салляль в ответ призвал к сохранению республиканского строя и отказу от переговоров с роялистами. В его Национальной хартии впервые прозвучало намерение создать общенародную организацию на манер Национального фронта. Тогда лидеры «хамерского движения» вступили в прямые переговоры с роялистами, и 10 августа 1965 г. в Таифе (Саудовская Аравия) было провозглашено Йеменское исламское государство.

Спасая республику, с согласия президента Египта президент ас-Салляль одобрил участие республиканцев в общейеменской конференции в Хараре для окончательного решения судьбы страны. На ней в ноябре 1965 г. *кади* аль-Арьяни, глава республиканской стороны, объявил о готовности включить в правительство представителей свергнутого режима при условии сохранения республиканской формы правления в течение годового переходного периода. Это условие роялисты принять не могли, не признав де-факто новой власти. Режим был спасен, а роялисты предстали непримиримой стороной переговоров.

После поражения в войне с Израилем в июне 1967 г. Египет был вынужден спешно вывести свои войска из Йемена, заручившись обещанием Саудовской Аравии прекратить помощь роялистам. Лишившись египетской поддержки, ас-Салляль быстро утратил позиции и 5 ноября 1967 г. покинул страну.

Новым президентом стал *кади* Абд ар-Рахман аль-Арьяни, который заявил о верности принципам революции 26 сентября 1962 г. Отстаивая линию на национальное примирение, он сохранил дружбу с Египтом и призвал также Саудовскую Аравию к установлению добрососедских отношений. Тем временем вооруженное сопротивление роялистов продолжалось. Решающим актом в этой войне стала битва за Сану в начале 1968 г. Блокада Саны роялистами длилась 70 дней. В разгар блокады в помощь республиканцам поступила, правда с некоторым опозданием, крупная партия оружия из СССР. Это позволило направить в Сану отряды племенного ополчения под командованием шейха Авада, который 12 февраля 1968 г. прорвал блокаду. Свергнутый король аль-Бадр покинул Йемен и отправился в Саудовскую Аравию.

В декабре 1967 г. в результате скопления отрядов ФЛОСИ, бежавших из Южного Йемена, в Нижнем Йемене образовался новый очаг напряженности для режима. В июне 1968 г. активисты Движения арабских националистов учредили Революционно-демократическую партию Йемена, объявившую курс на вооруженную борьбу с «реакционным» правительством ЙАР.

В марте 1970 г. на конференции министров иностранных дел исламских государств в Джидде была окончательно согласована формула прекращения гражданской войны в Йемене: роялисты отказывались от требования возвращения в страну свергнутого короля и членов его семьи, а республиканцы согласились предоставить деятелям старого режима ряд важных государственных постов.

Среди первоочередных задач, таких, как строительство современного государства, основанного на принципах *аш-шуры* (совещательности) и демократии, президент аль-Арьяни назвал мирное объединение с Южным Йеменом. Летом 1970 г. в Таизе состоялись переговоры между ЙАР и НДРЙ о возможности объединения двух стран и было принято решение о создании комитетов для подготовки объединения.

Президент аль-Арьяни подготовил документ под названием «Великая основа для сохранения республики и аш-шуры», представлявший собой проект новой конституции страны. Принятая в декабре 1970 г., она закрепила республиканский строй и провозгласила ЙАР суверенным арабским исламским государством — «совещательной парламентской республикой». Ислам был объявлен государственной религией, а *шариат* — источником всех законов. Деятельность политических партий запрещалась. Все вооруженные формирования, не созданные государством, ставились вне закона. Консультативный совет был объявлен высшим законодательным органом республики и наделялся широкими полномочиями: избирать Президентский совет, принимать вотум доверия правительству на основании рассмотрения его программы, ратифицировать договоры и принимать законы. Частная собственность ставилась под защиту общества и провозглашалась неотчуждаемой, природные богатства объявлялись собственностью государства.

В январе 1971 г. был принят Закон о выборах в Консультативный совет, согласно которому избирательное право получали все граждане республики мужского пола, достигшие 18 лет. 159-местный парламент на три четверти состоял из

выборных лиц. 90 мест в нем принадлежало шейхам племен. Председателем совета был избран шейх аль-Ахмар.

В начале сентября 1971 г. новая сила общества — армейские офицеры распространили документ под названием «Мнение главного командования вооруженных сил ЙАР по поводу современного положения», в котором содержалась критика бюрократического аппарата, пронизанного коррупцией, кумовством, преследованием узких корыстных целей и некомпетентностью. Положение президента аль-Арьяни осложнилось также трениями с просаудовской группировкой во главе с премьер-министром *кади* аль-Хаджари, за которым стояли «Братья-мусульмане». Созданные ими боевые отряды получили название «Исламский фронт». Осенью 1972 г. разгорелся вооруженный конфликт с НДРЙ вокруг островов Камаран в Красном море. В разгар конфликта из Саны вдруг стали поступать призывы к объединению двух стран. В 1972 г. руководители йеменских государств провели две встречи (в Каире и Триполи), в ходе которых были согласованы принципы объединения⁵.

Следуя соглашениям с НДРЙ о создании однопартийного режима, в феврале 1973 г. в Сане состоялся учредительный съезд массовой политической организации — Йеменского союза, председателем которого был избран президент аль-Арьяни. Однако развития этот процесс не получил. Поднятый ультралевыми партиями мятеж в Среднем Джебеле, направленный против якобы состоявшегося признания границ с Саудовской Аравией, 13 июня 1974 г. заставил президента аль-Арьяни, а вслед за ним и председателя Консультативного совета шейха аль-Ахмара добровольно сложить с себя полномочия и передать власть полковнику Ибрагиму аль-Хамди.

Началось так называемое «Исправительное движение 13 июня». Председатель Совета командования аль-Хамди приостановил деятельность парламента и действие конституции и распустил Йеменский союз. Аль-Хамди начал с чистки бюрократического аппарата, в котором ощущалось засилье ставленников шейхов. Были созданы Центральный аппарат по контролю и учету, Административная прокуратура и Высшая исправительная комиссия, призванные следить за бюджетной дисциплиной и бороться с хищениями государственных средств. В конце октября 1974 г. работа парламента и действие конституции были возобновлены.

Правительство возглавил выпускник экономического факультета Колорадского университета Абд аль-Азиз Абд аль-Гани. Он провел Закон о национальных и иностранных инвестициях в экономику, предоставивший инвесторам самый льготный на Арабском Востоке режим. Орудием демократической реформы пре-

⁵ Первая, каирская встреча в октябре 1972 г. завершилась принятием документа под названием «Текст соглашения между ЙАР и НДРЙ о восстановлении йеменского единства». В нем устанавливались рамки объединения в унитарное республиканское демократическое государство с единым правительством, столицей, флагом и гербом, единой законодательной, исполнительной и судебной властями. Следующая встреча президентов состоялась в ноябре в столице Ливии — Триполи и завершилась подписанием «Полного текста соглашения о единстве между двумя частями Йемена». В нем заявлялось, что политическим ядром системы унитарного государства должна стать единая политическая организация.

зидента стала кампания по развитию кооперативного движения. Созданным на местах кооперативам законодательно присваивались широкие административно-хозяйственные функции.

Наступление на позиции шейхов со стороны армейских офицеров получило отпор в форме конференции племен, собравшейся в 1975 г. в Хамере. Ее участники обвинили аль-Хамди в «узурпации власти». В 1977 г. новая конференция племен, на которой были представлены обе крупнейшие племенные конфедерации — хашед и бакиль, объявила режим «коммунистическим и безбожным» и постановила начать против него священную войну — *джихад*. Несмотря на шантаж, аль-Хамди встретился с президентом НДРЙ Сальмином и договорился образовать Президентский совет в составе руководителей обоих государств. В начале августа 1977 г. шейх аль-Ахмар, собрав 40-тысячное ополчение племен, призвал к войне с центральной властью. Но попытка мятежа встретила решительное противодействие президента. Регулярной армии был отдан приказ о наступлении на мятежные племена с применением танков и авиации. Война была предотвращена компромиссом, достигнутым при посредничестве короля Саудовской Аравии: в обмен на мир президент согласился восстановить представительство шейхов в государственных органах власти.

11 октября 1977 г., за день до отъезда в Аден с первым официальным визитом, президент аль-Хамди был убит исламским фундаменталистом. Его преемником стал подполковник Ахмад Хусейн аль-Гашими, немедленно заявивший о верности курсу «исправительного движения». Новый президент объявил о создании массовой политической организации — Всеобщего народного конгресса (ВНК) с участием всех социальных слоев и политических сил общества на основе разработанной им Хартии национального примирения. В целях укрепления своих позиций в армии он увеличил жалование военным и ввел выдачу дневного рациона *ката*. Аль-Гашими продолжил курс на переговоры с НДРЙ, но в конце июня 1978 г. он погиб от взрыва бомбы, заложенной в портфеле личного посланника южноイエменского руководителя Салема Рубейи Али (Сальмина), с которым тот должен был встретиться.

17 июля 1978 г. новым президентом страны стал майор Али Абдалла Салех. Пережив в начале своего президентства попытку покушения со стороны группы офицеров, он доверил свою личную безопасность мощным спецслужбам под руководством своих ближайших родственников.

В начале 1979 г. между ЙАР и НДРЙ вновь произошел пограничный конфликт, который удалось остановить при посредничестве арабских государств. Сразу после этого президент Салех и глава НДРЙ Исмаил подписали в Кувейте совместную Декларацию о йеменском единстве. Декларация предусматривала создание комиссии для выработки проекта конституции единого Йемена.

На повестке дня вновь стоял вопрос о создании массовой политической организации — ВНК. Выступившие против этого леворадикальные группировки из Нижнего Йемена вызвали резкую реакцию Саны. Против них была брошена армия, поддержанная силами Исламского фронта, костяк которого составляли «Братья-мусульмане». В результате больших кровопролитий и проявлений край-

ней жестокости к осени 1980 г. левая вооруженная оппозиция была уничтожена, а все симпатизировавшие левым работники государственных учреждений уволены.

24 августа 1982 г. на Учредительном съезде ВНК был принят ее устав и утверждена окончательная редакция Национальной хартии. Председателем Постоянной комиссии был избран сам президент Салех. Хартия апеллировала к йеменским национальным ценностям, трактуя революцию как способ вернуть исламу его живую душу, а Йемену — истинное величие. Она осуждала сектантские, династические, племенные, партийные интересы, идущие вразрез с высшей ценностью — национальным единством. Основой республиканской власти провозглашались три принципа: демократия, выборность, парламентаризм. Конституция, согласно Хартии, должна основываться на народовластии, справедливости, социальном равенстве, законности и независимом судопроизводстве. Ислам провозглашался опорой йеменской модели развития и выступал в этом качестве в двух проявлениях — как *акида* (мировоззрение) и как *шариат* (основа законов). В экономической части Хартии содержался тезис о партнерстве всех форм собственности — частной, смешанной и государственной. В ней отмечалась роль кооперативного движения как инструмента экономического развития. Во внешней политике провозглашалась приверженность принципам неприсоединения, мирного сосуществования и позитивного нейтралитета. В Уставе ВНК сама организация получила следующее определение: «политический механизм, представляющий различные национальные слои и функционирующий на идеологической платформе, сформулированной в Национальной хартии». В конце декабря 1982 г. была принята Политическая программа ВНК, завершившая создание партии. Деятельность всех других политических групп в стране была запрещена.

Главным событием в экономике в начале 1980-х годов стала первая промышленная нефтяная скважина, пробуренная американской компанией «Хант Ойл» в районе Мариб-Джоуф. В 1984 г. ЙАР подала заявку на вступление в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), однако вопрос этот так и не был решен из-за низкого уровня добычи нефти в стране и политических различий в режимах.

В декабре 1981 г. руководителями ЙАР и НДРЙ был согласован проект конституции единого государства, который тогда не был предан публичной огласке. Президенты двух стран, Салех и Мухаммед, установили дружеские отношения и часто обменивались визитами. После кровавых событий в НДРЙ в январе 1986 г. лишившемуся поста Мухаммеду было предоставлено убежище в ЙАР.

В 1987 г. разгорелся новый конфликт с НДРЙ вокруг нефтяных месторождений в пограничных районах Шабвы. На этот раз инициатором примирения и сближения выступил южнотенский лидер аль-Бид, приехавший в 1988 г. в Сану для обсуждения вопросов йеменского единства. Уже в мае 1988 г. стороны открыли границы для свободного передвижения граждан обоих государств, договорились о совместных нефтяных разработках в Марибе-Шабве и о строительстве дорог, связывающих две страны. Была учреждена совместная нефтяная компания для разведки и добычи нефти в приграничных районах.

В 1989 г. ЙАР вступила в региональную организацию Арабский совет сотрудничества в составе Ирака, Египта и Иордании, которая рассматривалась в арабском мире в качестве противовеса консервативному ССАГПЗ.

Падение Берлинской стены в начале ноября 1989 г. послужило катализатором интеграции двух йеменских государств. В ноябре 1989 г. парламент ЙАР принял заявление, призвавшее руководителей к осуществлению единства. Одновременно он дал формальное поручение президенту Салеху передать проект конституции, разработанный еще в 1981 г., южнойеменской стороне.

30 ноября 1989 г. президент Салех, прибывший в Аден для участия в торжествах, посвященных 22-й годовщине независимости НДРЙ, предложил своему южнойеменскому коллеге аль-Биду не откладывая подписать подготовленный проект конституции. По официальной версии, это предложение было сюрпризом для аль-Биды, но свое согласие он дал. Президент Салех вернулся в ЙАР триумфатором. После этого он отправился в турне по странам Западной Европы и в США, где выслушал от американского президента сомнения в целесообразности объединения с южным соседом, которого тот назвал «рассадником терроризма». Однако йеменцами этот вопрос был уже решен.

Народная Демократическая Республика Йемен (Южный Йемен). 30 ноября 1967 г. была провозглашена Народная Республика Южный Йемен (НРЮЙ). Лидеры и боевики ФЛОСИ (около 60 тыс. чел.) предпочли укрыться в ЙАР. Режим оказался перед лицом не только казавшегося неминуемым экономического краха в условиях политической изоляции в арабском мире, но и угрозы немедленного территориального распада государства. Внутри самогo НФ, который был преобразован в Политическую организацию народный фронт (ПОНФ), также не было ясности в отношении будущих действий. Идеологического единства между умеренным главой государства — аш-Шааби, молодым идеологом левого направления — Исмаилом и маоистски настроенным Сальмином не наблюдалось. Стараясь удержаться, аш-Шааби действовал под сильным давлением как своих ультралевых соратников, так и тяжелейших объективных обстоятельств. Суэцкий канал после арабо-израильской войны 1967 г. был закрыт, и порт, как и нефтеперерабатывающий завод, почти бездействовал. Свободная экономическая зона перестала привлекать торговцев. Безработица охватила десятки тысяч аденцев, ранее занятых в сфере обслуживания. Для спасения режима власти прибегли к конфискации и национализации. В декабре 1967 г. по обвинению в коллаборационизме с колонизаторами было объявлено о конфискации частной собственности султанов и членов федерального правительства. Опасаясь мятежей в глубинке, на месте *виллаитов* и остававшихся за пределами Федерации *даулей* были образованы шесть провинций, которым были присвоены не исторические названия, а порядковые номера (Первая, Вторая и т.д.).

В 1968 г. режим чудом устоял после того, как офицеры армии и полиции в Адене арестовали представителей левого крыла ПОНФ и окружили дворец главы государства — аш-Шааби. Они потребовали от него сформировать новое правительство и избавить страну от «коммунистической опасности». Только поддержка Армии освобождения и нерешительность военных, опасавшихся мести со стороны изгнанных из страны боевиков ФЛОСИ, спасли режим.

На выручку стране пришли КНР и СССР, предоставившие ей массированную экономическую и военную помощь. Позиции левого крыла в ПОНФ усилились. Воспользовавшись этим, его лидеры — Сальмин и Исмаил отстранили от власти аш-Шааби, обвинив его в «перегибах». В историю Южного Йемена это событие вошло под названием «Исправительное движение 22 июня 1969 г.». Генеральным секретарем ПОНФ был избран Исмаил, а Президентский совет возглавил Сальмин. Они заявили о курсе на социалистическую ориентацию. Южный Йемен превращался в плацдарм для создания модели построения социализма в наименее развитых странах.

Перенимая иностранный опыт, власти принялись за разрушение старого госаппарата, предоставляя освободившиеся места представителям низших страт. Все традиционные общественные реалии — трибализм (*кабилийа*), сейдская исключительность и т.п. — осуждались как вредный пережиток. Наступление шло прогив правивших локальных элит — *мукаддамов* племен, религиозных деятелей и мировых судей (*мансабов* и *хакимов*). Многие представители старых элит были уничтожены или оказались в изгнании. Опорой режима провозглашались «рабочий класс, крестьянство и революционная интеллигенция».

В ноябре 1969 г. был принят закон № 37 «Об экономической организации государственного сектора и национального планирования», на основании которого были национализированы иностранные банки, страховые и торговые компании, агентства по сбыту нефтепродуктов и компании по обслуживанию морских судов. Зона свободной торговли в порту Адена была закрыта, внешняя торговля перешла в монополию государства. Управление национальной экономикой возлагалось на Экономическую организацию государственного сектора и национального планирования. По принятому закону об аграрной реформе изъятые у собственников излишки земли поступали в общественный фонд безвозмездно. Руководство страны рекомендовало сделать основным методом реализации аграрной реформы крестьянские выступления (*интифады*) с участием «вооруженных крестьян». Земля передавалась кооперативам и госхозам, в которых нашли занятость десятки тысяч крестьян и рыбаков.

30 ноября 1970 г. вступила в силу конституция, в которой было введено новое название государства — Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ). Высшим законодательным органом государства стал Верховный народный совет под председательством Исмаила. В марте 1972 г. V съезд ПОНФ утвердил Программу и Устав Фронта, а также провозгласил начало национально-демократической революции с социалистической перспективой. Идеологической основой ПОНФ была объявлена теория научного социализма. Повсюду усиленно создавались руководимые партией общественные организации (женские, молодежные, спортивные, творческие союзы), через которые активно пропагандировались идеи социализма. Была развернута сеть «комитетов народной самообороны», призванных быть стражами режима на местах. Формирование армии производилось на основе добровольности, причем военнослужащим запрещалось участвовать в любых политических организациях, кроме ПОНФ. Большое влияние приобрели службы безопасности и полиции.

В октябре 1975 г. оставшиеся в стране три партии — ПОНФ, Партия народного авангарда (ПНА) и Народно-демократический союз (НДС) — были слиты в Объединенную политическую организацию национальный фронт (ОПОНФ). Все разногласия стали внутренним делом одной партии. Реальный вес отдельных членов руководства все более определялся не политической позицией, а поддержкой региональных группировок, интересы которых они защищали.

После того как взрывом бомбы в портфеле представителя Сальмина был убит президент ЙАР аль-Гашими, 26 июня 1978 г. Сальмин был отстранен от должности, а революционный трибунал приговорил его к расстрелу «за попытку мятежа». Новым главой государства стал Исмаил, ведущий идеолог йеменской социалистической ориентации, считавшийся также выдвиженцем «лахджийской группировки». В октябре 1978 г. он провел I (Учредительный) съезд Йеменской социалистической партии (ЙСП), который принял Устав, где ЙСП провозглашалась авангардной партией. Сам Исмаил занял одновременно оба высших поста в государстве: генерального секретаря ЙСП и председателя Президиума Верховного народного совета.

Помимо помощи социалистических стран крупным источником денежных поступлений в НДРЙ в этот период стали переводы йеменских мигрантов, выросшие со 120 млн. долл. в 1969 г. до 700 млн. в 1980 г.

Отношения с ЙАР развивались неровно, так как обе стороны вели двойную игру: по линии официальных межгосударственных контактов, с одной стороны, и по линии поддержки оппозиционных сил — с другой. Поэтому между ними то вспыхивали конфликты, то велись переговоры о единстве. Когда после очередного пограничного конфликта весной 1979 г. руководители двух стран подписали «Кувейтскую декларацию» о подготовке конституции единого Йемена, против нее выступил лидер ФЛОСИ в эмиграции — Маккави. В 1980 г. он создал Национальную организацию патриотических сил Южного Йемена со штаб-квартирой в Каире с целью добиваться объединения страны военным путем.

В апреле 1980 г. Али Насер Мухаммед, лидер так называемой абьянской группировки, стал новым главой государства, заняв все руководящие посты. Исмаил выехал в СССР. Политика Мухаммеда отличалась от действий его предшественников прагматизмом. В 1981 г. он провел «Закон о поощрении капиталовложений» для привлечения национального и иностранного капитала в экономику страны. Инвесторы получали освобождение от налогов и таможенных сборов сроком на пять лет. Правда, низкая эффективность инвестиций в госсекторе, а также сокращение объема денежных переводов мигрантов в страну все равно привели в 1985 г. к падению ВВП и резкому сокращению доходов населения. Экономические неурядицы вызвали новый виток борьбы за власть. Традиционно воинственные племена яфи ориентировались на министра внутренних дел М.С. Мутыа, племена ад-далиа — на заместителя председателя Верховного народного совета Антара. В высшем эшелоне сложилась мощная «хадрамаутская группировка». В нее входили сразу три гражданских деятеля — аль-Аттас, ас-Сейили и аль-Бид. В довершение к назревавшему в ЙСП политическому кризису в феврале 1985 г. в НДРЙ вернулся Исмаил, который сразу начал аппаратное на-

ступление на позиции своего конкурента Мухаммеда. На III съезде ЙСП в октябре 1985 г. сторонники Исмаила и Али Антара получили большинство мест в политбюро, а сторонники Мухаммеда — в ЦК ЙСП. На первом же заседании нового состава политбюро Исмаил добился разделения постов генерального секретаря и председателя Президиума Верховного народного совета. Тогда 13 января 1986 г. Мухаммед отдал приказ о расстреле членов политбюро прямо в зале заседания. Исмаил, Антар и еще два члена политбюро были убиты. Через три дня радио Адена от имени так называемого коллективного руководства ЙСП, в которое вошли, в частности, уцелевшие аль-Бид и аль-Аттас, обвинило Мухаммеда и его сообщников в пресуплении против законности и порядка. Началась кровавая гражданская война, длившаяся с 13 по 24 января 1986 г. и унесшая жизни 8 тыс. йеменцев. Особенно тяжелые последствия война имела для жителей Адена, ставшего ареной боев с применением всех видов боевой техники.

Потерпевший поражение Мухаммед вместе с 20-тысячным отрядом своих бойцов бежал в ЙАР. Генеральным секретарем ЙСП стал Али Салем аль-Бид, а председателем Президиума Верховного народного совета НДРЙ — Хейдар абу Бакр аль-Аттас (бывший до этого премьером). Оба деятеля были выходцами из известных сейидских кланов Хадрамаута и могли рассматриваться как общенациональные лидеры, так как не опирались ни на какие племена. Именно им пришлось принимать меры, чтобы предотвратить сползание страны к политической деградации из-за произошедшей национальной катастрофы.

Большие надежды в стране возлагались на нефтяные месторождения, обнаруженные советскими геологами в Шабве. Курс на привлечение частных инвестиций йеменских мигрантов стал одной из практических задач председателя Совета министров Я.С. Ну'мана. Чистка аппарата велась под лозунгом борьбы с «бюрократической буржуазией», засевшей в нем.

После визита аль-Биды в Москву и его встречи с М.С. Горбачевым в НДРЙ началась полномасштабная собственная «перестройка». В связи с прекращением помощи от СССР заметно повысилась роль арабских фондов, которые и ранее финансировали социальные проекты в НДРЙ. Приоритетом нового руководства стало восстановление добрых отношений с ближайшими соседями. Важным событием стали начавшиеся переговоры по демаркации границы с Оманом, отношения с которым были испорчены дофарской проблемой. Они завершились в 1992 г. подписанием Договора о границе. После открытия в 1988 г. границы с ЙАР в НДРЙ хлынул поток североиеменских граждан и товаров. Появились инициативные группы, агитировавшие за вступление в североиеменский ВНК.

В школах спешно вводились раздельное обучение и уроки Корана, убирались непопулярные общественные дисциплины. Из эмиграции начали возвращаться представители традиционных элит и выросшие в эмиграции члены их семей. Повсеместно возрождался институт *мукаддама* в племенах и *мансаба* в сейидских и машаихских кланах. Шло обновление мавзолеев (*кубб*) почитаемых святых (*ваши*). Далеко не лестные для режима решения конференций племен, прошедших в разных районах НДРЙ, были опубликованы центральной прессой. Перспектива объединения с ЙАР принималась племенами и всем населением НДРЙ позитив-

но, хотя и с элементами настороженности. В интеллигентских кругах опасались возврата к всплескам племенных усобиц (*кабваля*) и отказа от светских основ государства; было распространено убеждение, что ЙАР заметно отстала от НДРЙ в области социального развития, особенно образования. Однако объявление средств массовой информации об объединении стран повсюду было встречено общенародным ликованием.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЙЕМЕН. ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭТАП (1990–2001)

Йеменская Республика до гражданской войны (1990–1994). Основные процедурные и принципиальные вопросы устройства страны после объединения были установлены двумя соглашениями: «О провозглашении Йеменской Республики и о мерах на переходный период» (Санское соглашение) от 22.04.1990 г. и «О безопасности» от 04.05.1990 г. (Таиззское соглашение). В них устанавливался переходный период продолжительностью 30 месяцев, в течение которого должны были готовиться выборы в Ассамблею представителей. Высшими органами власти на переходный период были назначены Президентский совет и Ассамблея представителей. Президентский совет из пяти членов формировался по формуле: три представителя от Севера, два — от Юга. Ассамблея — путем слияния Высшего народного совета НДРЙ и Консультативного совета ЙАР в полном составе с добавлением к ним 31 члена, назначаемых Президентским советом. Учитывая четырехкратное превосходство ЙАР в численности населения (10 млн. против 2,5 млн. чел.), названные условия рассматривались как благоприятные для НДРЙ.

Местом размещения основных отраслевых министерств стал Аден, объявленный экономической столицей государства. Сана получила статус политической столицы. До перехода на единую валюту (риал) в 1994 г. хождение имели обе валюты (южнойеменский динар и северойеменский риал).

22 мая 1990 г. была провозглашена Йеменская Республика (ЙР). Пост президента занял А.А. Салех, а пост вице-президента (не предусмотренный конституцией) — южнойеменский лидер А.С. аль-Бид. Премьер-министром ЙР был назначен член ЙСП Х.А. аль-Атас. Места в кабинете министров распределились поровну между сторонами (по 17 портфелей). При этом ключевые посты министров обороны и нефти были отданы представителям Южного Йемена. Председателем Ассамблеи представителей был вновь избран шейх А.Х. аль-Ахмар.

Новая конституция, принятая на референдуме осенью 1991 г., по выражению главы конституционного комитета Х.А. аль-Хубейши, была призвана служить щитом от теократии и абсолютизма. Большие полномочия предоставлялись парламенту по контролю за деятельностью правительства. Права президента на отклонение законов, принятых парламентом, объявление чрезвычайного положения, а также роспуск Ассамблеи представителей были резко ограничены.

Впервые в Йемене была разрешена деятельность политических партий и движений (Закон № 66 «О партиях и политических организациях», октябрь 1991 г.), число которых сразу достигло 46. Наибольший вес, наряду с правившими в двух странах партиями (ВНК и ЙСП), приобрело созданное в 1990 г. общественное объединение «Ислах» («Реформа»). В нем были представлены влиятельные консервативные силы, ассоциируемые с религиозными течениями и шейхами племен. Председателем «Ислаха» стал спикер парламента — шейх аль-Ахмар.

Объединение Йемена было принято мировым сообществом одобрительно. Настороженность выразила Саудовская Аравия, опасавшаяся появления сильного конкурента в регионе. «Братья-мусульмане» в ЙАР даже объявили единству *джихад*.

В августе 1990 г. Йемен оказался в дипломатической ловушке. По чистой случайности оккупация Ираком Кувейта совпала с председательством Йемена в СБ ООН, который должен был одобрить операцию «Буря в пустыне» под эгидой США. На заседании Йемен озвучил свою позицию, разделявшуюся многими другими членами ЛАГ и состоявшую в осуждении аннексии Кувейта, но при этом считавшую военное вмешательство Запада в «арабские дела» недопустимым. В сентябре 1990 г. Саудовская Аравия, крайне недовольная позицией Йемена, приняла решение экстрадировать йеменских рабочих из страны. В результате из Саудовской Аравии и других стран Залива в Йемен вернулось порядка 800–850 тыс. человек. Внезапное возвращение рабочей силы вызвало взлет безработицы, достигшей 33%. Страна также потеряла около 1 млрд. долл. в год в виде переводов и вновь попала в изоляцию, лишившись помощи арабских фондов и международных финансовых институтов.

Одновременно Саудовская Аравия затеяла провокационную игру вокруг Хадрамаута, исключив выходцев из этой провинции из списков йеменцев, подлежащих высылке, и предложив хадрамаутским пограничным племенам саудовские паспорта. В прессе появились слухи о планах создания саудовского коридора для транспортировки нефти к Аравийскому морю через Хадрамаут.

Президент Салех, вероятно, начал подозревать аль-Бида и аль-Аттаса в двойной игре. Трения между объединившимися сторонами на всех уровнях стали усиливаться. В министерствах, руководимых южанами, реальная власть перешла к их северойеменским заместителям. Распоряжения премьера не выполнялись. Армия сохраняла дуальные структуры управления по принципу Север–Юг, и ее подразделения оставались в прежних районах дислоцирования, т.е. на границе между ЙАР и НДРЙ.

Исламские боевики развязали настоящую террористическую войну против ЙСП. На этом этапе пропрезидентский блок ВНК тесно сотрудничал с объединением «Ислах» против ЙСП.

Недовольство положением в стране охватило многие районы, включая те, где проживали северойеменские племена. В декабре 1991 г. конференция племени бакиль приняла резолюцию, требующую реформы судебной системы и децентрализации власти. В 1992 г. прошло еще семь конференций племен в поддержку перераспределения полномочий в сторону местного самоуправления. Активизи-

ровались и оппозиционные политические партии. К недовольным примкнули такие влиятельные партии, как Прогрессистская юнионистская партия (лидер — аль-Джави) и Лига сынов Южной Аравии (аль-Джифри). Акции протеста широко освещались независимой прессой, которая насчитывала около сотни изданий газет и журналов.

Стремясь к скорейшему выходу из международной изоляции, в которую ЙР попала из-за позиции по Ираку, руководство Йемена выступило с публичным признанием ошибочности своей позиции по Кувейту.

Основной внутривластной задачей власти была объявлена подготовка к проведению первых парламентских выборов, состоявшихся в апреле 1993 г. В них приняло участие более 40 партий и организаций. Несмотря на крайне тяжелое положение в стране, народ выразил поддержку политике президента. ВНК завоевал 123 из 301 места, а ЙСП — всего 57 мест, уступив даже новому игроку, объединению «Ислах» (62 места). Шейх аль-Ахмар вновь возглавил Ассамблею представителей.

Переназначенный на пост премьер-министра аль-Атас не смог приступить к выполнению своей программы, о которой он заявил в Ассамблее. Террористические атаки и угрозы против членов ЙСП, включая первых лиц государства, усиливались.

Критической точки кризис отношений в высшем эшелоне власти достиг 11 октября 1993 г., когда Ассамблея представителей кооптировала в состав Президентского совета одного из лидеров исламистского крыла объединения «Ислах», шейха А.М. аль-Зиндани. После этого вице-президент аль-Бид принял решение бойкотировать работу совета. Он призвал президента прекратить милитаризацию всех сторон жизни страны, провести модернизацию госаппарата и реформу местного самоуправления. Его требованием стал также переход от унитарной формы государства к федеративной. В начале декабря 1993 г. он объявил о своем намерении уйти в отставку.

Посредническая комиссия из авторитетных деятелей Йемена попыталась найти формулу примирения политических партнеров по объединению, опубликовав 18 января 1994 г. в Адене «Согласительный документ». Стержневым пунктом документа была децентрализация власти в стране на основе новой административной реформы. Вся власть на местах должна была перейти губернским собраниям. Во вновь образованных укрупненных губерниях (*махалиф*) должны были формироваться правительства, ответственные за образование (в рамках единой системы, принятой в стране), здравоохранение, экономическое развитие и безопасность. По замыслу авторов, финансовые потоки подлежали перераспределению через правительства *махалифов*. Губернаторы, избранные местными собраниями, должны были образовать Верхнюю палату парламента — Консультативный совет. Предусматривалась реформа вооруженных сил с передислокацией частей из внутренних районов страны к внешним границам государства. Военным запрещалось участие в партиях и политических организациях. Специальный раздел документа был посвящен борьбе с терроризмом и бандитизмом в стране. Формально документ был одобрен правительством и обоими конфликтующими руководителями.

22 января 1994 г. президент Салех предложил аль-Биду и аль-Аттасу вернуться к своим обязанностям в Сане. Однако, опасаясь за свою жизнь, оба деятеля ответили отказом. В Адене началась концентрация войск и сил безопасности, прибывших с Севера. Попытки губернатора Адена удалить их из южнойеменской столицы вызвали резкий протест Саны. Свои услуги в примирении сторон предложили Иордания и Египет, что привело к подписанию конфликтующими сторонами в присутствии короля Иордании соглашения о примирении на базе признания «Согласительного документа» (21 февраля 1994 г.). Министр обороны Йемена издал приказ о разведении войск, но ситуация успела выйти из-под контроля, стычки в частях продолжались. Президент Салех обвинил аль-Биду в сепаратистских планах. При этом он встретился с бывшим лидером ЙСП Мухаммедом в Сирии, выступавшим за сохранение единства страны, и получил его полную поддержку.

Против силового решения конфликта выступили племена как Южного, так и Северного Йемена. Они считали конфликт проявлением исключительно личных амбиций каждого из лидеров и призывали их к сохранению «единства и демократии» мирными средствами. Впоследствии, после начала полномасштабных военных действий, племена придерживались общей линии на нейтралитет и всячески затрудняли ведение братоубийственной войны блокированием дорог.

В апреле 1994 г. разрозненные стычки в частях переросли в войну с участием армейских подразделений и сил безопасности. До мая 1994 г. ЛАГ и международное сообщество воздерживались от открытой поддержки одной из сторон конфликта, полагая, что обе стороны несли моральную ответственность за причины его возникновения. Однако после применения южнойеменскими военными ракет «СКАД» по целям в Сане и Таиззе моральный перевес перешел на сторону президента Салеха. Все арабские страны, а также парламенты США и ЕС осудили действия южной стороны.

21 мая 1994 г., после того как северийеменские войска окружили Аден и потребовали капитуляции аль-Биды, он провозгласил Демократическую Республику Йемен (ДРЙ) в границах бывшей НДРЙ со столицей в Адене и сформировал руководящие органы ДРЙ. В Президентский совет помимо самого аль-Биды вошел лидер Лиги сынов Южной Аравии аль-Джифри, как и аль-Бид, критически относившийся к президенту Салеху, которого оба считали узурпатором власти и ответственным за разгул коррупции. Единственной страной, которая де-факто признала ДРЙ, были ОАЭ.

В ходе штурма Адена войсками Северного Йемена по городу были нанесены массированные ракетные удары, приведшие к многочисленным разрушениям и гибели 800 человек. В июне бои перекинулись на нефтяные районы в Марибе и Шабве, а также аденский нефтеперерабатывающий завод, который был частично разрушен. В конце июня 1994 г. лидеры самопровозглашенной республики обратились к племенам с призывом прийти на помощь. Отказ племен предотвратил весьма вероятную дальнейшую эскалацию вооруженного конфликта и перерастание его в подлинно масштабную национальную катастрофу — гражданскую войну.

На заключительной фазе конфликта президенту Салеху требовалась приемлемая формула урегулирования для сохранения единства страны. Свой вклад в решение этой проблемы внесла Россия, предложившая посреднические услуги. 1 июля 1994 г. в Москве в Министерстве иностранных дел прошла встреча официальных представителей Севера и Юга. Московские договоренности получили поддержку ООН, и 8 июля 1994 г. военные действия прекратились. Оман согласился предоставить убежище руководству ДРЙ с войсками, а США выступили гарантом безопасного прохода проигравшей стороны по территории Южного Йемена. Число погибших в войне 1994 г. составило около 8 тыс. человек, экономический ущерб оценивался в 11–13 млрд. долл.

Пострадавшая от длительной стагнации 1980-х и спада 1990-х годов экономика Йемена после войны вновь оказалась на грани катастрофы. Курс риала упал с 13 в 1990 г. до 125 риалов за 1 долл. США в 1995 г. Дефицит платежного баланса вырос за период 1990–1995 гг. с 250 млн. до 1,7 млрд. долл. Реальная безработица достигла 40–50%. Наблюдалось массовое закрытие государственных и частных предприятий. Зарплата госслужащих, численность которых достигала 400 тыс. человек, по покупательной способности составляла всего 15% от уровня 1990 г. В 1995 г. 19,1% населения Йемена проживало в условиях абсолютной нищеты и еще 30–40% испытывало хронический дефицит в базовых средствах существования.

Йемен после гражданской войны 1994 г. 11 июля 1994 г. президент Салех объявил всеобщую амнистию участникам сражений из вражеского лагеря. В список лиц, обвиненных в государственных преступлениях, вошло 16 фамилий членов руководства несостоявшейся ДРЙ.

Деятели объединения «Ислах» и парламент ЙР потребовали от президента полного запрета ЙСП. Однако президента не устраивало, что в случае запрета ЙСП йеменская политическая сцена свелась бы к формуле «ВНК против „Ислах“». Президент не только предоставил крылу ЙСП, выступавшему за сохранение единства, право на продолжение деятельности, но и подтвердил готовность сотрудничать с ней в совместных проектах, о которых договаривались до войны. ЙСП сохранила также представительство в коалиционном правительстве. Была разработана программа восстановления разрушенных во время войны районов.

Оказавшиеся в эмиграции лидеры ДРЙ 30 сентября 1994 г. объявили о создании Национального оппозиционного фронта, целью которого стало отнюдь не отделение Юга, а борьба за реализацию положений «Согласительного документа» с позиций сохранения йеменского единства.

Одним из последствий войны 1994 г. была армейская реформа в ЙР, вылившаяся в массовое увольнение южнойеменских офицеров из армии, полиции и спецслужб. В общей сложности армия Йемена претерпела сокращение на 50 тыс. человек. Одновременно были усилены и перевооружены новейшим оружием элитные части Республиканской гвардии. Во всех армейских частях и подразделениях были сохранены политотделы под контролем правящего ВНК.

Активную роль в послевоенном политическом процессе играло Бюро политической безопасности (БПО) — служба, подотчетная только президенту сразу

после окончания войны БПО принимало участие в работе по отбору и кооптированию в ВНК влиятельных деятелей из Южного Йемена, а также исламских лидеров.

Новая расстановка сил в ЙР нашла отражение в принятых Ассамблеей представителей в сентябре 1994 г. поправках к конституции страны. По требованию «Ислаха» в конституцию была возвращена старая редакция пункта о *шариате* как исключительном источнике права в стране. Учреждалась верхняя палата парламента в форме назначаемого президентом Консультативного совета из 111 членов. Президентский совет был упразднен, и вместо него учрежден пост вице-президента, назначаемого президентом. Впервые в истории Йемена выборы президента должны были стать всеобщими.

Одновременно Ассамблея переизбрала Салеха президентом на очередной срок. В связи с упразднением Президентского совета из высшего эшелона власти выбыл шейх аль-Зиндани.

Несмотря на большие потери, ЙСП осталась третьей по влиянию силой в стране. Генеральным секретарем партии стал один из ее основателей — Али Салех Убад (Мукбиль).

После войны 1994 г. Йемен шел по пути развития «управляемой демократии» во главе с президентом. Опираясь на партийные структуры ВНК, большинство в Ассамблее и Консультативном совете, президент активно участвует в формировании правящего блока. Английский исследователь П. Дреш, изучавший состав этого блока, назвал его «кабийско-военно-коммерческим комплексом». В него входят влиятельные лица, связанные с традиционными структурами (шейхи, кади, улемы), представители образованной элиты, государственные чиновники и служащие, а также предприниматели и представители торгового капитала.

Тем не менее политическая система страны продолжает развиваться по пути укрепления демократических норм. В парламентских выборах, прошедших в апреле 1997 г. по мажоритарной системе, приняло участие двенадцать партий и организаций. Четыре левые партии, входящие в единый оппозиционный блок, включая ЙСП и ЛСЮА, бойкотировали выборы, обвинив власти в дискриминации. На этих выборах ВНК завоевал 75% мест в парламенте против 21%, полученных объединением «Ислах». За ВНК отдало свои голоса 66% избирателей Северного и 48% — Южного Йемена. Лишь в двух провинциях — Марибе и Хадрамауте ВНК проиграл.

Победа ВНК на выборах позволила президенту прервать коалицию с партией «Ислах» в правительстве. В кабинет, который возглавил южнотийменский технократ и экономист Ф. бин Ганим, 24 места из 28 заняли члены ВНК. «Ислах» был лишен даже традиционного портфеля министра по делам *вакфа*. В новом правительстве он достался зейдитской партии «аль-Хакк».

В ноябре 1998 г. впервые после 1985 г. состоялся IV съезд ЙСП. На своей первой сессии Мукбиль предложил начать отношения внутри партии, а также партии с обществом с «чистого листа». ЙСП заявила о своей готовности вступить в диалог с ВНК. Основными целями партии провозглашались демократия, национальное единство, социальная справедливость, политический плюрализм и секуляризм.

В 1999 г. в ЙР прошли первые прямые всеобщие президентские выборы. Никто из 22 конкурентов Салеха, выставивших свои кандидатуры, не попал в списки для голосования. Отказ мотивировался либо нарушениями при подаче заявки, либо неспособностью преодолеть 10-процентный барьер голосов членов Ассамблеи представителей, необходимых для одобрения кандидатуры. Единственным соперником действовавшего президента стал Наджиб Кахтан аш-Шааби (сын первого президента НРЮЙ), который был членом парламента от ВНК. Набранные Салехом 96,3% голосов избирателей были предсказуемы. Вдобавок он получил право баллотироваться в президенты еще на один срок, так как процедура всеобщего голосования применялась при его избрании.

Отказ Мукбилю в регистрации в качестве кандидата в президенты побудил ЙСП перейти в прямую оппозицию. Осенью 2000 г. ЙСП провела вторую сессию IV съезда партии, на которой в состав ЦК были введены эмигрировавшие из страны бывшие лидеры ЙСП — аль-Бид, аль-Атас, Ну'ман и ас-Сейили.

В августе 2000 г. президент от имени ВНК вынес на референдум новую серию поправок к конституции. Центральное место в них занимало продление срока парламентских и президентских полномочий соответственно с 4 до 6 и с 5 до 7 лет. Таким образом, срок президентства Салеха был продлен до 2006 г. По мнению профессора международного права Санского университета Мухаммеда Али ас-Саккафа, удлинение срока президентства обеспечило ему не только пребывание в президентском кресле до 2013 г., но и шанс на передачу поста сыну Ахмаду. Ему как раз исполнятся необходимые для избрания 40 лет.

За острыми процессами в политической жизни Йемена до и после гражданской войны скрывались очевидные неудачи в сфере экономики. Начиная с 1996 г. за решение экономических проблем ЙР взялись международные финансовые организации (МВФ и МБРР), которые разработали программу вывода экономики Йемена из кризиса. Правительству Йемена предписывалось сократить численность госслужащих и прекратить субсидирование цен на ряд товаров социальной группы, включая зерно, муку, сахар и топливо. На эти цели уходило 80% всех бюджетных расходов. Согласие властей Йемена на реализацию предложенной программы было необходимым условием возобновления предоставления ему международной помощи и кредитов.

С июня 1997 г. правительство начало поэтапное повышение цен на все виды субсидируемых товаров, в том числе топливо и муку, и одновременно было объявлено о сокращении 35 тыс. госслужащих. Первоначально казалось, что реформа начала приносить плоды в оздоровлении экономики. По данным МБРР, обозначился рост реального ВВП в рыночных ценах до 5,2–8,6% в год, бюджетный дефицит снизился с 7 до 2%, а уровень инфляции упал с 63 до 10%. Большую роль в снижении долгового бремени сыграло согласие России списать с Йемена в рамках Парижского клуба 6,7 млрд. долл. В результате внешний долг Йемена к началу 1998 г. снизился до 2,4 млрд. долл. Ряд компаний заявил об интересе к сотрудничеству с Йеменом в экономических проектах. Общая сумма согласованных кредитов и дотаций составила на конец 1997 г. более 1,8 млрд. долл.

Однако падение в 1998 г. мировых цен на нефть с 18 до 13 долл. за баррель вызвало новое обострение экономических неурядиц в Йемене. Доходы от нефти упали на 40%, а бюджетный дефицит достиг почти 1 млрд. долл. Дефицит торгового баланса в 1998 г. составил 800 млн. долл. (против 400 млн. в 1997 г.). Курс риала упал до 152 за 1 долл.

В апреле 1998 г. правительство возглавил представитель «старой гвардии» — А.К. аль-Арьяни. В кабинет вошли только члены ВНК. Несмотря на бурную волну протеста против роста цен, одним из первых шагов правительства стало новое сокращение дотаций на топливо и основные продовольственные товары. Этот шаг повлек очередное повышение цен на 25–40%. За неделю бунтов и демонстраций протеста, которые потрясли всю страну, погибло не менее 50 человек. Демонстранты требовали прекратить деятельность международных банков в Йемене, называя их «банками смерти». «Ислах» примкнул к требованиям демонстрантов об отставке правительства аль-Арьяни. Однако правительство Йемена не только не отступило, но и прямо заявило о твердом намерении завершить начатые реформы.

Всего за период осуществления программы экономических реформ МВФ и МБРР в Йемене по разным причинам прекратило работу более 20% промышленных предприятий страны. Особенно тяжелое положение сложилось на государственных предприятиях бывшей НДРЙ, на которых было занято более 85 тыс. человек. Иностранные инвестиции направлялись в основном в сферу нефтедобычи и энергетики. Стимулируя инвестиции в нефтяной сектор, правительство Йемена в 1997 г. смягчило условия договоров раздела продукции с нефтяными компаниями. К российским, французским, американским и канадским компаниям добавились компании Великобритании, ОАЭ, Испании, Индонезии и других стран. В 2001 г. добыча составила 452 тыс. баррелей нефти в день, а достоверные запасы сырья — 4 млрд. баррелей. В Хадрамауте объявлено о строительстве одного или двух нефтеперерабатывающих заводов мощностью до 100 тыс. барр. в день. Другой завод мощностью 50 тыс. барр. в день должен быть построен в Марибе. Разработаны планы реконструкции аденского завода по переработке нефти, который после войны лишился большей части мощностей, а уцелевшие — сильно устарели. Запасы газа в Йемене оцениваются в 0,5 трлн. куб. м и сосредоточены в основном в Мариб–Джоуфе. Добыча газа пока не ведется.

Крупным событием во внешней политике страны стало решение проблемы огромной по протяженности (более 1800 км) границы с Саудовской Аравией. Трудность состояла в том, что к вопросу о спорных территориях, уступленных Йеменом по Таифскому договору, прибавилась также проблема потенциальных запасов нефти и газа в пустыне Руб-эль-Хали, по которой проходит основная часть линии границы. Почти 70 лет вопрос о границе между Йеменом и Саудовской Аравией служил источником, угрожавшим стабильности региона. Вопрос казался столь сложным, что даже после подписания в июне 2000 г. Джиддийского договора о границе споры и противоречивые мнения о целесообразности его заключения слышались в обеих странах. Йеменцы связывали подписание с правом на вступление в ССАГПЗ, а Саудовская Аравия — с прекращением спора

вокруг территорий, вошедших в ее состав по Таифскому договору. Окончательное урегулирование вопроса о границе способствовало укреплению региональной стабильности на юге Аравии. Большую роль в решении этого вопроса сыграли США.

США рассматривают Йемен в качестве важного партнера по совместной борьбе с терроризмом. Эта проблема появилась в Йемене с активизацией экстремистских исламистских групп с участием так называемых афганцев — боевиков, вернувшихся в Йемен. Одна из таких банд — Абьяно-Аденская исламская армия, руководимая, по версии йеменских спецслужб, муллой Абу Хамзой из Лондона, в мае 1999 г. захватила в Абьяне 16 иностранных туристов, некоторые из которых были убиты в ходе операции по их освобождению. В октябре 2000 г. группа исламских террористов-смертников совершила самоубийственную атаку на эсминец «Коул» ВМФ США, стоявший на рейде в аденском порту, во время которой погибло 17 американских военных моряков. Эти события, а также трагедия 11 сентября 2001 г. в США послужили поводом для создания в Йемене силами американских военных центров подготовки бойцов антитеррористических отрядов. Однако в 2002 г. был совершен новый теракт, против французского танкера у берегов Мукаллы, который чуть не привел к катастрофе в этой экологически уязвимой части Аравийского моря. Руководство ЙР крайне заинтересовано в создании имиджа Йемена как страны, свободной от террористов, так как они мешают развитию туризма, способного приносить стране сотни миллионов долларов в год. Кроме того, сотни вооруженных формирований в горах Йемена, имеющих привязку к племенам или религиозным лидерам, создают реальную угрозу законным властям республики.

В последние годы в стране усиливается и становится более воинственной религиозная оппозиция. Отмечается рост числа прозелитов *ваххабизма*, которые появляются даже в исконно зейдитских и шафиитских районах страны. Экспорт идеологии ваххабизма из Саудовской Аравии осуществляется через религиозные учебные заведения, финансируемые ею. В некоторых районах страны уже отмечались межобщинные столкновения ваххабитов с последователями традиционных для Йемена конфессий.

* * *

Появление Йеменской Республики существенно изменило расстановку сил в Аравии. ЙР — единственная республика на полуострове, имеющая к тому же население, превышающее по численности население Саудовской Аравии (около 20 млн. человек). Йеменская модель государства сочетает йеменские традиции выборности лидеров с современными нормами и институтами демократии. Среди множества действующих в стране партий ВНК выступает подлинной партией власти. Объединение «Ислах», вторая по влиянию политическая сила страны, выражает взгляды широких консервативно настроенных слоев населения. Потенциал «Ислаха» в качестве оппозиционной силы на современном этапе не раскрылся в полной мере. Первое после объединения десятилетие «Ислаха» почти всегда солидаризировался с ВНК. В новом тысячелетии, однако, президентский блок сил и ВНК все меньше устраивают «Ислах».

ЙСП пережила несколько тяжелых кризисов за время, прошедшее после объединения, и ее достижением можно считать сохранение третьего места в йеменском политическом рейтинге. Прочно удерживая лидерство на левом фланге, ЙСП стала партией парламентской оппозиции. Остальные действующие в стране партии нередко группируются не вокруг единой политической платформы, а вокруг харизматических лидеров.

Основные рычаги государственной власти и экономические ресурсы страны находятся под контролем президента, его семьи и конгломерата лояльных президенту влиятельных сил, кооптированных во власть из местных элит из всех регионов страны. Президент Али Абдалла Салех многократно переизбирался на свой пост и имеет все шансы остаться президентом до 2013 г. В этом случае он вплотную приблизится к рекорду длительности пребывания у власти, установленному имамом Яхьей (35 лет против 44).

Глава 17

АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАЛИВА

БАХРЕЙН

Королевство Бахрейн (Мамлякат аль-Бахрейн) — суверенное арабское исламское государство с монархической формой правления (конституционная наследственная монархия), в стране действует парламент. Государство расположено на одноименном архипелаге Юго-Западной Азии в средней части южного побережья Персидского залива. Площадь — 711,9 кв. км. Население — 650 604 человек (2001 г.). По этническому составу население страны неоднородно: 62,4% — коренное арабское население, 37,6% составляют иностранцы — представители 22 национальностей, в том числе индийцы, пакистанцы, иранцы, японцы. Свыше 80% населения проживает в городах. Государственная религия — ислам, около 90% населения страны — мусульмане, 60% из которых — шииты и 40% — сунниты. Столица — Манама (153 395 чел., 2001 г.).

В период после Второй мировой войны в шейхстве Бахрейн произошли значительные перемены. В 1946 г. в Манаму из Бендер-Бушира (Южный Иран) была переведена резиденция главы британской политической администрации. Благодаря чему столица Бахрейна стала центром британских владений в районе Персидского залива. Этому событию предшествовало решение британских властей превратить Бахрейн в «образцовое» базовое государство, полностью обеспечивающее геополитические, экономические и военные интересы Лондона в Персидском заливе. Для реализации данного проекта были мобилизованы главным образом средства самого эмирата, 95% которых составляли регулярно поступающие доходы от нефти, и частично выделены ассигнования из бюджета английского министерства колоний.

Таким образом, в начале 1940-х годов на архипелаге Бахрейн началось широкомасштабное строительство. Реконструкции подверглись порт Манамы и аэропорт Мухаррак; было начато дорожное строительство и сооружены две дамбы, соединившие Бахрейн с островами Мухаррак и Ситра; в столице появились «европейские» кварталы с отелями, особняками, кинотеатрами, ресторанами и магазинами; была расширена почтовая, телеграфная и телефонная связь; появились современные госпитали и поликлиники; расширилась сеть учебных заведений. В то же время американская нефтедобывающая компания «Бахрейн Петролеум Компани» (БАПКО) приступила к сооружению ряда крупных объектов, в том числе нефтехранилища, нефтяного порта Ситра, 55-километрового нефтепровода Дахран (Саудовская Аравия) — Бахрейн, городка нефтяников Авали. В этот период было пробурено около 100 скважин и повышена добыча нефти с 1 млн. (в 1937 г.) до 1,5 млн. т в год (в 1950 г.).

Однако позитивные изменения в инфраструктуре и экономике Бахрейна отвечали преимущественно интересам англо-американских официальных и деловых кругов, а также привилегированной части населения шейхства. Более 80% населения оставалось неграмотным; обучение было доступно только детям из состоятельных семей. Трудовое население продолжало страдать от эпидемий и множества болезней, сохранялась высокая смертность.

Деятельность английских «цивилизаторов» и их американских партнеров не удовлетворяла потребностей бахрейнского общества и в конечном счете породила отрицательную реакцию. В марте 1951 г. забастовали рабочие и служащие БАПКО. Нефтяники выступали за увеличение заработной платы и улучшение условий труда и протестовали против концессионного соглашения 1930 г., по которому за компанией закреплялось две трети территории шейхства и которое давало ей право на разведку и добычу нефти сроком на 69 лет. В поддержку забастовщиков выступило трудовое население Бахрейна. В начале июня 1951 г. в Манаме и Мухарраке состоялись митинги и демонстрации. Их участники требовали отречения шейха Сальмана бен Хамада аль-Халифы (1942–1961), изгнания Чарльза Белгрэйва (чиновника Министерства колоний Великобритании, с 1926 г. занимавшего пост советника правителя Бахрейна), национализации БАПКО, ликвидации британских военных баз, предоставления Бахрейну независимости. 30 июня по демонстрации, направлявшейся к резиденции шейха Сальмана, был открыт огонь, затем последовали массовые аресты.

Репрессии вызвали бурю протестов. На улицах Манамы и Мухаррака произошли новые столкновения демонстрантов с полицейскими и солдатами. Только ценой больших усилий шейху Сальману и его британским покровителям удалось подавить волнения, грозившие охватить весь архипелаг.

Однако не прошло и двух лет, как на Бахрейне вновь стало беспокойно. В середине 1954 г. на архипелаге развернулась кампания гражданского неповиновения. В Манаме был сформирован Высший исполнительный комитет в составе восьми представителей демократически настроенной общественности; возглавил комитет один из представителей национальной буржуазии — журналист аль-Бакер. От имени народа Бахрейна комитет направил шейху петицию с требованием введения трудового законодательства, разрешения партийной и профсоюзной деятельности, проведения судебной реформы, предоставления свободы предпринимательства и т.д. По совету Белгрэйва шейх Сальман принял петицию и даже обещал рассмотреть ее.

В конце 1956 г. было объявлено о восстановлении «порядка», правительству Англии пришлось согласиться на отставку Белгрэйва и ряда ответственных чиновников. Шейх Сальман был вынужден принять решение об учреждении Высшего административного совета, 16 департаментов и специализированных комитетов, ряда городских муниципалитетов и сельских советов, затем были учреждены гражданские суды. В 1958 г. вступил в силу первый в истории страны трудовой кодекс и была образована правительственная федерация труда.

Напряжение в стране не ослабло и после прихода в 1961 г. к власти Исы бен Сальмана аль-Халифы (1961–1999), сына шейха Сальмана.

В 1960-е годы продолжался процесс политизации бахрейнского общества, что проявилось, в частности, в создании ряда нелегальных политических партий, прежде всего Народно-революционного движения (НРД), воспринявшего идеи арабского национализма, а также группировки, придерживавшейся взглядов партии Баас (Партия арабского социалистического возрождения).

Бахрейнский народ приветствовал передачу в марте 1970 г. на рассмотрение ООН давнего спора между Англией, формально считавшей Бахрейн «независимым государством», и Ираном, в 1957 г. провозгласившим Бахрейн четырнадцатым *останом* (провинцией) своего государства. Решение ООН признать за Бахрейном право на независимость вызвало в стране волну энтузиазма.

14 августа 1971 г. после длительных переговоров с Лондоном было официально объявлено о получении Бахрейном независимости. На другой день состоялось подписание англо-бахрейнского договора о дружбе, который заменил все прежние договоры, навязанные Бахрейну Англией за долгий период ее господства, длившийся 100 лет.

Вступление Бахрейна в новый период развития сопровождалось рядом преобразований. Так, в августе 1971 г. впервые в истории Бахрейна был учрежден совет министров; в мае 1973 г. вступила в действие первая конституция Бахрейна, утвержденная вновь избранным Национальным собранием.

Национальное собрание первого созыва приступило к работе в трудное для страны время. Общественность требовала социальных реформ, повышения жизненного уровня, легализации профсоюзов и т.д. Правящая элита сопротивлялась. В результате в первой половине 1974 г. в стране состоялось много митингов и демонстраций. В ответ эмир подписал Закон о государственной безопасности, предписывавший принятие решительных мер против малейшего выражения недовольства режимом. Кабинет министров поддержал закон и санкционировал аресты, однако Национальное собрание отказалось утвердить его.

В августе 1975 г. премьер-министр шейх Халифа бен Сальман аль-Халифа объявил об отставке правительства. Эмир поручил ему формирование нового кабинета; одновременно он распустил Национальное собрание, отменил действие ряда статей конституции и вновь взял в свои руки всю полноту законодательной власти.

Обострила события в стране иранская революция (1978–1979), оказавшая существенное влияние на внутривнутриполитическую жизнь Бахрейна. Энтузиазм, с каким бахрейнцы-шииты приветствовали революцию, едва не стал причиной беспорядков, так как был использован местными политиками правого шиитского толка в своих целях. Одни из них потребовали от эмира Исы согласия на формирование нового, «исламского» правительства; другие, учредив Фронт исламского освобождения (ФИО), выступили с идеей провозглашения на Бахрейне «исламской республики»; наконец, третьи попытались возродить старый лозунг о присоединении Бахрейна к Ирану.

Во второй половине 1979 г. бахрейнские власти организовали антишиитскую кампанию, направленную прежде всего против ФИО и сторонников объединения Бахрейна с Ираном. Многие шиитские активисты оказались за решеткой.

14 декабря 1981 г. в стране было объявлено о раскрытии заговора, имевшего целью антиправительственный переворот. Организаторами и участниками заговора были названы бахрейнцы-шииты — члены Исламского фронта освобождения Бахрейна и «хомейнисты» из Кувейта, Саудовской Аравии и Омана.

13 марта 1982 г. в Манапе начался закрытый судебный процесс над 73 лицами, обвиненными в попытке осуществить государственный переворот. Суд завершил работу в середине мая 1982 г., приговорив трех человек к смертной казни, шестьдесят — к 15 годам и десятерых — к 7 годам тюремного заключения. Верховный кассационный суд 22 мая того же года заменил главным обвиняемым смертный приговор на пожизненное заключение.

В последующие годы жесткая политика властей была направлена не только против исламских шиитских групп, но и против всех оппозиционных сил, выступавших за демократизацию общественно-политической жизни страны.

Обострение внутривнутриполитического кризиса в государстве привело к тому, что взаимоотношения между правящим семейством Бахрейна и шиитской частью населения острова переросли в 1994–1999 гг. в открытое противостояние со всеми сопутствующими этому процессу последствиями, включая убийства, ограничение гражданских прав и свобод жителей-шиитов, усиление репрессивного государственного аппарата.

Во второй половине 1980-х годов между Бахрейном и Катаром обострился давнишний территориальный спор. Предметом спора являлся ряд территорий. Бахрейн претендовал на селение Зубара, расположенное на п-ове Катар, откуда в 1782 г. переселилось правящее семейство аль-Халифа, а Катар — на группу островов Хавар, расположенную в 2,8 км от Катара, и рифы, находящиеся между Катаром и Бахрейном, крупнейшим из которых является риф Фашп-ад-Дибаль. Вокруг этого рифа в 1986 г. вспыхнул конфликт. В то время правитель Бахрейна шейх Иса бен Сальман аль-Халифа заключил контракт с одной иностранной фирмой на частичную засыпку грунта этого рифа для сооружения сторожевого пункта сил самообороны. Правительство Катара направило в этот район вертолетный десант, который разрушил все возведенные сооружения и обосновался там. Воинские подразделения обеих стран были приведены в состояние боевой готовности. Но вооруженного столкновения между ними удалось избежать благодаря вмешательству Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) во главе с Саудовской Аравией. При посредничестве этой региональной организации между Бахрейном и Катаром были начаты переговоры. Однако разрешить конфликт в рамках ССАГПЗ не удалось. Была достигнута договоренность сторон о передаче этого вопроса на рассмотрение Международного арбитражного суда в Гааге, но затем Бахрейн отказался от этого соглашения.

Только в 2000 г., когда в отношениях между странами наступила оттепель, проявлением которой стало восстановление дипломатических отношений, Бахрейн признал необходимость рассмотрения данного вопроса в Международном суде в Гааге. В мае июне 2000 г. там проходили слушания по этому делу. Окончательное же решение суда было оглашено только в марте 2002 г., когда 17 судей — представителей различных стран, включая Россию, постановили подтвер-

дить принадлежность островов Хавар государству Бахрейн, а селение Зубара и риф Фашт-ад-Дибаль оставить подконтрольными Катару.

6 марта 1999 г. после кончины своего отца шейха Исы бен Сальмана аль-Халифы к власти пришел шейх Хамад бен Иса аль-Халифа.

Новый глава государства начал свое правление с ряда всеобъемлющих реформ, направленных на модернизацию и демократизацию страны. Одним из первых шагов в этом направлении явилось проведение 14 февраля 2001 г. референдума в связи с принятием Хартии национального действия, зафиксировавшей намерение правящего в стране режима пойти на коренную реформу политического устройства страны; ее одобрило 98,4% населения архипелага.

Хартия национального действия официально закрепила намерение властей Бахрейна амнистировать более 900 политзаключенных и лиц, оказавшихся в изгнании по политическим мотивам. Кроме того, эмир отменил Закон о государственной безопасности и упразднил Суд государственной безопасности, учрежденный в 1995 г. в качестве репрессивной меры в ответ на выступления мусульман-шиитов, требовавших проведения в стране кардинальных политических реформ.

КАТАР

Официальное название страны — Государство Катар. Располагается оно в Юго-Западной Азии на одноименном полуострове в восточной части Аравийского п-ова. На юге Катар граничит с Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами. Площадь — 11,4 тыс. кв. км. Численность населения (на 2001 г.) — 591,8 тыс. человек. Форма правления — конституционная наследственная монархия. Государственный язык — арабский. Этнический состав: арабы — 40%, пакистанцы — 18, индийцы — 18, иранцы — 10, другие — 14%. 93% населения страны — мусульмане-сунниты, 6% — христиане, 1% — индуисты. Столица — Доха.

Во время Второй мировой войны через Катар, находившийся под протекторатом Великобритании с 1916 г., прошла «линия обороны» английских владений на Востоке. Война спровоцировала приход английских военных в страну, а также развертывание деятельности компании «Петролеум Девелопмент оф Катар», имевшей привилегии в добыче и продаже нефти и природного газа. Месторождения нефти на территории Катара были обнаружены в 1939 г., однако начавшаяся Вторая мировая война помешала их немедленной разработке. Лишь с 1949 г. в Катаре была организована промышленная добыча нефти.

Вслед за военными в страну устремились представители горговых, промышленных и строительных фирм. Катар оказался наводненным относительно дешевыми продуктами питания и товарами широкого потребления, что пагубно отразилось на местном кустарно-ремесленном производстве, земледелии, рыболовстве. Быстро развивался процесс массового обнищания, результатом чего стала эмиграция (в 1939–1945 гг. численность коренного населения Катара уменьшилась с 28 до 25 тыс. человек). Экономический кризис усилился политическим,

а именно династическими распрями в правящем доме. После смерти наследного принца Хамада в 1948 г. правитель Катара шейх Абдалла бен Касем ат-Тани пожелал видеть своим преемником второго сына — Али. Это решение вызвало соперничество между кланами ат-Тани. В итоге стороны добились компромисса, согласно которому шейх Али объявлялся регентом до совершеннолетия шейха Халифы, сына принца Хамада, и провозглашения его наследником.

В 1950-х годах в Катаре наблюдалось медленное развитие государственных институтов под британским руководством. В 1954 г. в катарском правительстве было лишь 42 катарца. Первый бюджет был составлен англичанами в 1953 г. В это же время стала выполняться программа экономического и социального развития. В 1952 г. был издан декрет о запрещении рабства и работорговли, в 1953 г. открыты первые начальные школы; расширилась сеть лечебных учреждений; были предприняты первые шаги на пути создания производственной инфраструктуры. Первый телефонный узел был введен в эксплуатацию в 1953 г., первый опреснительный завод построен в 1954 г., а первая электростанция — в 1957 г. Связанные с этим расходы покрывались доходами Катара от нефти.

Катар стал придатком западной капиталистической экономики. Ухудшение материального положения большинства коренного населения вызвало массовое недовольство. Главными силами освободительного движения 1950-х годов в Катаре были мелкий ремесленный и торговый люд, бывшие невольники, рабочие-иммигранты. Это движение было стихийным и не направлялось единым центром. Тем не менее обострение внутривнутриполитического положения послужило причиной новых разногласий среди членов рода ат-Тани. Под угрозой потери власти шейх Али 24 октября 1960 г. сложил с себя полномочия правителя Катара.

Отречение шейха Али в пользу своего сына Ахмеда бен Али ат-Тани оказалось неожиданным как для семейного совета, так и для британской администрации. Наиболее вероятным преемником считался двоюродный брат Ахмеда шейх Халифа, который был назначен заместителем правителя и которому шейх Ахмед вскоре перепоручил управление страной. Двенадцатилетний период совместного правления стал временем формирования современного Катара. Став премьер-министром в 1970 г., Халифа возглавил финансы, правовые, административные и нефтяные дела. Были уволены многие британские чиновники, состоявшие на службе у правительства. При шейхе Халифе были проведены реформы, увеличивавшие расходы на жилищное строительство, здравоохранение, социальное и пенсионное обеспечение. Программа создания инфраструктуры была завершена к началу 1980-х годов и подразумевала бесплатное образование и здравоохранение для граждан Катара. Страна обрела новое правительство (2 министерства, 13 департаментов, 2 ведомства), шариатский и гражданский суды. В столице был создан муниципалитет. Впервые коренным жителям были предоставлены гражданские права, в то же время были выработаны правила проживания в стране иностранцев.

Ускоренное экономическое развитие привело к поляризации катарского общества, обострению социальной обстановки и способствовало росту внутривнутриполитической напряженности. Впервые за всю историю Катара появились оппози-

ционные группировки, которые в начале 1960-х годов частично слились в полулегальный Национальный объединенный фронт. Эта организация выступила за ограничение власти правителя выборным Национальным собранием, освобождение страны от британского господства, признание прав профсоюзов и улучшение системы социального обеспечения. Народные волнения охватывали Катар на всем протяжении 1960-х годов.

В 1962–1963 гг. при участии Фронта развернулось движение в поддержку арабского единства. В 1964 г. побудительным мотивом выступлений стало намерение британской резидентуры Персидского залива воспрепятствовать установлению связей между Катаром и Лигой арабских государств (ЛАГ). Июньская война 1967 г. между Израилем и Египтом, Сирией и Иорданией вновь всколыхнула катарское общество. И если в отношениях с ЛАГ властям пришлось пойти на компромисс, то в остальных случаях волнения подавлялись. Однако к концу 1960-х годов кризис колониальной политики Великобритании в районе Персидского залива стал очевиден. 16 мая 1968 г. английское правительство выступило с заявлением о выводе всех британских войск из районов «к востоку от Суэца» до конца 1971 г.

В апреле 1970 г. шейх Ахмед провозгласил временную конституцию Катара, объявлявшую Катар независимым арабским исламским государством, в котором *шариат* является основой законодательства. Конституция 1970 г. закрепляла верховную исполнительную власть в стране за эмиром — этот титул принял правитель Катара. Кабинет министров назначался главой государства. Конституция также вводила частично избираемый Консультативный совет. 3 сентября 1971 г. Катар провозгласил свою независимость. Тогда же Катар стал полноправным членом ЛАГ и ООН. Деятельность оппозиции и политических партий в стране была запрещена. Политические разногласия выражались во внутрисемейных интригах правящего клана.

Существующее в стране двоевластие препятствовало развитию страны. 22 февраля 1972 г., заручившись поддержкой большинства совета старейшин, шейх Халифа объявил находившегося за границей шейха Ахмеда низложенным и провозгласил себя эмиром.

С приходом к власти шейха Халифы бен Хамада ат-Тани реформы были продолжены. Большое внимание стало уделяться экономике: был введен строгий контроль над финансовой жизнью страны, упорядочена система составления ежегодных государственных бюджетов; особым декретом ликвидировался гражданский лист бывшего эмира, дававший ему право пользования 25% годовых доходов страны. В 1974 г. была создана «Катар Дженерал Петролеум Корпорейшн», таким образом, вся добыча нефти перешла под государственный контроль.

Однако часть правящих кругов расценила реформы как отступничество и требовала возрождения традиционных институтов, а другая, наоборот, считала реформы недостаточными и ратовала за более широкое участие в делах управления страной. Коренные жители критиковали правительство за плохие условия жизни и труда, а иммигранты (составившие к тому времени 60% населения) выступали

против их дискриминации. Общественное недовольство на рубеже 1974–1975 гг. вылилось в попытку свергнуть эмира Халифу.

С целью стабилизации положения в стране эмир в декабре 1975 г. издал два указа (№ 7 и 11) о продлении срока деятельности и расширении полномочий Консультативного совета, число членов которого было увеличено с 20 до 30 (в 1988 г. — до 35 чел.). Консультативный совет получил право обсуждать бюджетно-финансовые вопросы и обращаться к правительству с интерpellациями.

В своей внешнеполитической деятельности Катар опирается на принципы неприсоединения. Катар ставит своей целью укрепление отношений с развивающимися странами, главным образом для достижения экономической самостоятельности и ликвидации эксплуатации стран — поставщиков сырья на мировой рынок.

Являясь сторонником арабской солидарности, Катар в вопросах ближневосточного урегулирования выступает за возвращение всех оккупированных Израилем арабских территорий и за создание независимого государства Палестины.

Особое место занимают отношения Катара с другими арабскими странами Персидского залива. Наиболее тесные связи сложились у Катара с Саудовской Аравией, что объясняется прежде всего приверженностью правящих династий обеих стран ваххабизму. После создания в 1981 г. Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) внешняя политика Катара стала осуществляться в направлении, коллективно разрабатываемом ее членами.

Так, выполняя решения ССАГПЗ, Катар в 1981–1988 гг. активно поддерживал Ирак в ходе его борьбы с Ираном, а после вторжения иракских войск в Кувейт в 1990 г. предоставил свою территорию для базирования вооруженных сил антииракской коалиции. В июне 1992 г. Катар, вслед за Кувейтом и Бахрейном, заключил пакт об обороне с США. Аналогичное соглашение было подписано в середине 1993 г. с Великобританией, а в августе 1994 г. — с Францией.

Территориальные разногласия между соседними государствами возникли сразу после обнаружения нефтяных месторождений. С 1949 г. между Катаром и Саудовской Аравией длился конфликт о пограничных районах, который в 1992 г. вылился в открытые столкновения. Лишь в 2001 г. между этими двумя государствами была официально демаркирована граница. (О территориальных спорах между Катаром и Бахрейном см. раздел «Бахрейн».)

27 июня 1995 г. в стране произошла смена власти: шейх Хамад бен Халифа ат-Тани сверг с престола своего отца эмира Халифу в его отсутствие. Разногласия между отцом и сыном начались в 1992 г. Шейх Хамад бен Халифа выступал за более самостоятельную внешнюю политику: за укрепление отношений с Ираном, Ираком и установление их с Израилем, что угрожало стабильным связям с Саудовской Аравией и другими государствами Залива.

Уже в 1994 г. в Катаре была принята новая доктрина внешней политики, отличавшаяся по некоторым принципиальным вопросам от линии союзников Катара по ССАГПЗ. Так, в январе 1994 г. Катар установил контакты с Израилем, предложив последнему закупать катарский газ. Однако, оказавшись под сильным

давлением со стороны остального арабского мира, Катар в 1997 г. был вынужден заморозить свои отношения с Израилем.

Придя к власти, молодой эмир заявил о необходимости «рационализировать» вооруженные силы страны, отменить привилегии членов королевской семьи и отдавать приоритет при найме на работу коренным катарцам. (Катарцы составляют лишь 25% всего населения страны.) Кроме того, он выразил уверенность в том, что Катар останется стабильным и процветающим государством перед лицом исламского фундаментализма. Шейх Хамад реорганизовал кабинет министров, став премьер-министром и сохранив за собой пост министра обороны и главнокомандующего вооруженными силами страны.

Важной задачей для нового правительства стала диверсификация национальной экономики. Пока прибыльным удалось сделать лишь производство стали. В целом страна практически полностью зависит от нефти, производство которой составляет 85% национального дохода. Природные недра Катара также очень богаты газом, однако его добыча пока несравнима с добычей нефти.

В 1996 г. сторонники свергнутого эмира предприняли неудавшуюся попытку государственного переворота (хотя шейх Халифа отрицал свою причастность к этому делу). Новый эмир внес поправки к правилам наследования: теперь трон должен переходить не к старшему в роде, а к сыну эмира. В 1996 г. эмир назначил наследником престола третьего из своих четырех сыновей — шейха Яссима бен Хамада.

В мае 1999 г. были проведены выборы в Центральный муниципальный совет, имеющий консультативные функции при Министерстве муниципальных дел и сельского хозяйства. Это были первые выборы в Катаре, в которых право голоса имело все взрослое население страны. После выборов было заявлено, что члены муниципального совета отказываются от своих законодательных прав и отдают себя в подчинение министерству. Тем не менее в Катаре эти выборы рассматривались как первый важный шаг в направлении демократии.

КУВЕЙТ

Государство Кувейт — небольшая страна, расположенная в северо-восточной части Аравийского полуострова на побережье Персидского залива. Согласно конституции страны ее возглавляет эмир — представитель правящей семьи ас-Сабах, прямой потомок Мубарака ас-Сабаха — создателя современного кувейтского государства. В стране действует парламент, которому наряду с эмиром принадлежит законодательная власть. Государственная религия — ислам. Нефть является основным источником национального благосостояния.

Промышленная добыча нефти началась с 1946 г., темпы роста ее были весьма впечатляющими. В конце 1951 г. под влиянием процессов, проходивших во всех нефтедобывающих государствах, Кувейт смог добиться пересмотра условий концессионных соглашений с «Кувейт Ойл Компани» (КОК) — англо-американской компанией, главным производителем и поставщиком кувейтской нефти. Было

подписано соглашение об увеличении концессионных платежей компании в местный бюджет до 50% ее чистого дохода. Это позволило сделать более значительными ассигнования на социально-экономические нужды страны. Начали сооружаться объекты, необходимые для успешного функционирования нефтедобывающей промышленности.

Согласно перспективному плану экономического развития, разработанному в 1952 г. с помощью английских советников, было предусмотрено строительство таких инфраструктурных объектов, как дороги, порты, аэродром, электростанции, предприятия по опреснению морской воды. В этот же период началось благоустройство столицы, г. Эль-Кувейт, а также возведение новых городов и поселков, в частности г. Эль-Ахмади, где проживали специалисты и рабочие, занятые в нефтедобывающей промышленности и связанных с ней отраслях.

Начавшийся в Кувейте строительный бум привел к созданию ряда предприятий строительной отрасли промышленности, таких, как цементные и кирпичные заводы, а также к развитию транспорта и средств связи, что способствовало трансформации традиционных форм хозяйствования и началу модернизации кувейтского общества.

Интенсивная разработка нефтяных месторождений и связанное с ней развитие ряда отраслей промышленности выявили нехватку местных трудовых ресурсов и содействовали началу массовой иммиграции из соседних арабских стран, а также из Индии, Пакистана, Ирана и других государств. В 1957 г. иностранцы составили около 45% населения страны. Приток иммигрантов, особенно представителей арабского мира, оказал существенное влияние на умонастроения политически активных слоев кувейтцев. В Кувейте получили широкое распространение идеи достижения подлинной независимости арабских стран, отстаивания национальных интересов арабской нации, арабского единства. В 1954 г. была учреждена Демократическая лига Кувейта, большинство членов которой были в прошлом участниками движения «младокувейтцев», а затем вошли в состав Движения арабских националистов. Среди основателей этой общеарабской организации был Ахмед аль-Хагьб — кувейтца, который стал одним из активных деятелей, отстаивавших идею достижения независимости от Великобритании.

В конце 1950-х годов Кувейт превратился в одного из крупнейших поставщиков нефти на мировой рынок. Он был среди инициаторов координации нефтяной политики нефтедобывающих стран, в первую очередь арабских. В частности, Кувейт принял активное участие в работе Конгресса по проблемам арабской нефти, проходившем в 1959 г. в Эль-Кувейте. Кроме того, в 1960 г. он стал одним из учредителей Организации стран-экспортеров нефти, деятельность которой была направлена на перестройку отношений между иностранными нефтяными монополиями и государствами-собственниками нефтяных богатств.

Активная нефтяная политика способствовала расширению деятельности Кувейта на международной арене. К моменту обретения в 1961 г. политической независимости Кувейт уже был членом девяти международных организаций и открыл свои представительства в ряде арабских стран.

Кувейтские правящие круги были готовы к тому, чтобы получить всю полноту власти и начать пересмотр своих взаимоотношений с Великобританией. В июне 1961 г. был подписан акт об отмене англо-кувейтского договора 1889 г. и о провозглашении независимости Кувейта.

Спустя шесть дней после провозглашения независимости соседний Ирак выдвинул притязания на территорию Кувейта. Глава иракского правительства генерал Касем заявил, что Кувейт является неотъемлемой частью Ирака на том основании, что в эпоху существования Османской империи он входил в состав Басорского вилайета, наряду с большей частью созданного впоследствии иракского государства. Исходя из положений англо-кувейтского договора, подписанного после провозглашения независимости Кувейта, Великобритания ввела свои войска для защиты его суверенитета. Однако это вызвало негативную реакцию в арабском мире.

Обострение отношений с Ираком поставило вопрос о необходимости расширения связей с другими арабскими странами, которые в обстановке обострения межрегиональных отношений могли стать для Кувейта реальной опорой в деле сохранения его национальной независимости и суверенитета, а также способствовать повышению престижа этой страны на международной арене. 20 июля 1961 г. Кувейт стал членом Лиги арабских государств (ЛАГ), которая в сентябре приняла решение о вводе войск арабских стран на его территорию, которые заменили находившиеся там вооруженные силы Великобритании. Несмотря на это, Советский Союз продолжал блокировать прием Кувейта в ООН под предлогом того, что он по-прежнему зависит от Великобритании, а в действительности, стремясь оказать поддержку Ираку, являвшемуся в тот период одним из главных союзников СССР на Ближнем Востоке. В феврале 1963 г. в Ираке пал режим Касема, и новое иракское правительство пошло на урегулирование отношений с Кувейтом. Были сняты и препятствия для приема Кувейта в члены ООН. Он стал членом этой организации в мае 1963 г.

Кризис 1961 г. поставил на повестку дня вопрос о необходимости национальной консолидации, поэтому в конституции страны, утвержденной в конце 1962 г., было предусмотрено создание Национального собрания (Маджлис аль-умма), дававшего возможность участвовать в принятии важнейших политических решений представителям широких слоев кувейтского общества. Национальное собрание, в состав которого вошли 50 депутатов, обладало законодательными полномочиями. Оно избиралось сроком на четыре года путем прямого, тайного и всеобщего голосования кувейтских граждан мужского пола, достигших 21 года.

В годы становления независимого кувейтского государства деятельность его парламента была фактором, оказывавшим значительное влияние на общественно-политическое развитие страны. В тот период сильные позиции в парламенте занимали поборники арабского единства и демократизации общественно-политической жизни во главе с Ахмедом аль-Хатыбом. Сторонниками сохранения традиционных основ кувейтского общества выступали депутаты-бедуины, так назы-

вались депутатские группы, в которые входили члены парламента, победившие в округах, где большинство избирателей составляли представители тех или иных племен. Кроме того, в парламенте были представлены различные исламистские, как суннитские, так и шиитские организации.

Законодательство страны запрещало создание политических партий и организаций, однако общественно-политические объединения допускались. Поэтому в первые годы после обретения политической независимости в Кувейте стали образовываться различные организации и клубы. Их деятельность оказывала существенное воздействие на пути развития кувейтского государства, способствуя его модернизации и демократизации. Важную роль в общественно-политической жизни Кувейта играли женские организации, которые выдвигали требования полного равноправия женщин в социально-политической и экономической сферах жизнедеятельности государства. Заметное влияние на настроения в обществе и политическую практику правящих кругов оказывали исламистские организации. Среди них выделялось Общество социальных реформ, созданное участниками или идейными сторонниками движения «Братья-мусульмане». Его члены после разгрома этой организации в Египте эмигрировали в различные арабские страны, в том числе и в Кувейт.

Общественно-политические организации, а также существовавшие в Кувейте профессиональные объединения, несомненно, оказывали влияние на парламентскую жизнь, привлекая внимание этого органа представительной власти к наиболее значимым общественно-политическим проблемам.

Деятельность парламента в первые годы его существования была направлена на решение двух кардинальных задач: сужение сферы влияния правящей семьи ас-Сабах путем введения в состав правительства представителей иных социальных групп кувейтского общества и пересмотр отношений с иностранными нефтедобывающими компаниями. Оппозиции удалось настоять на создании в 1964 г. правительства, в составе которого представители правящей семьи получили только пять портфелей из 15. Однако иностранные нефтяные компании не только удерживали свои позиции в экономике страны, но даже и расширяли их. В 1967 г. испанская компания «Испаноилл» получила право совместно с Кувейтской национальной нефтяной компанией проводить разведку нефти примерно на половине территории страны.

Арабо-израильская война 1967 г. оказала существенное влияние на внутривнутриполитическую обстановку в Кувейте. В стране прошли демонстрации в поддержку арабских стран, которые стали жертвой израильской оккупации. Правительство направило на египетский фронт мотопехотную бригаду «Ярмук», были прекращены поставки нефти в поддержавшие Израиль США и Великобританию. Был начат бойкот американских и английских товаров. Однако все эти меры были кратковременными. Вскоре было принято решение об отмене эмбарго на поставки нефти в США и Великобританию, запрещено проведение демонстраций перед посольствами этих стран и приняты меры, направленные на улучшение отношений с ними. В этих условиях наметились шаги к сближению Кувейта с Саудовской Аравией и монархической Ливией. Эти государства стали инициаторами

создания Организации арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК), призванной отстаивать интересы консервативных арабских государств.

Новые выборы в парламент, прошедшие в 1971 г., выявили рост общественной поддержки идеи передачи кувейтских нефтяных богатств в собственность государства. Усилению этих позиций способствовала арабо-израильская война 1973 г., в ходе которой снова было введено эмбарго на поставки нефти союзникам Израиля. Энергетический кризис 1973-1974 гг. также повысил значимость нефтедобывающих стран и их стремление самостоятельно распоряжаться своими нефтяными ресурсами. В 1975 г. кувейтское правительство заключило соглашение о переходе всей собственности КОК в руки государства. Парламент внес активный вклад в успешное завершение этого процесса. Однако в августе 1976 г. декретом эмира Национальное собрание было распущено и отменено действие ряда статей конституции, в том числе той, которая устанавливала двухмесячный срок для избрания нового парламента. Эмир заявил о невозможности сотрудничать с парламентом, который якобы не давал возможности принимать конструктивные решения, способствующие поступательному развитию страны.

Исламская революция в Иране, которая привела к падению шахского режима и провозглашению Исламской Республики Иран (ИРИ), оказала огромное воздействие на Кувейт, как и на весь регион Персидского залива. Политика «экспорта исламской революции», проводившаяся ИРИ, содействовала активизации деятельности экстремистских исламистских организаций в Кувейте. Под влиянием этой политики обострилась ситуация в шиитской общине. Для противодействия этим негативным тенденциям власти приняли решение восстановить деятельность парламента. В составе Национального собрания, начавшего свою работу в феврале 1981 г., большинство депутатов были представителями консервативных кругов, поддерживающих курс правительства. Молодые технократы и бизнесмены, получившие образование на Западе, также были широко представлены в новом парламенте. Однако число депутатов от шиитских округов сократилось, в то время как суннитские организации повысили свое представительство. Их численное преимущество нашло отражение в тех законах, которые были приняты новым парламентом. В частности, была принята поправка к закону о натурализации, ограничившая право на приобретение кувейтского гражданства одними лишь мусульманами. В то же время исламисты содействовали провалу законопроекта, предусматривавшего предоставление женщинам права участия в выборах.

Ирано-иракская война, разразившаяся в сентябре 1980 г., а также враждебные акции со стороны Ирана в отношении Кувейта изменили отношение кувейтцев к Ирану и привели к большей консолидации кувейтского общества. Взрывы, организованные в стране одной из экстремистских организаций, поддерживаемых Ираном, вызвали возмущение среди широких слоев населения Кувейта. Попытка покушения на эмира, предпринятая экстремистами в 1985 г., и серия новых взрывов, жертвами которых стали десятки мирных жителей, также усилили настроения неприятия террористической деятельности среди общественности и политических организаций страны. В этих условиях власти предприняли меры, направ-

ленные на усиление исламского элемента в сфере просвещения и средствах массовой информации, стремясь к поддержке умеренного ислама и к дискредитации экстремистских террористических исламистских организаций. Парламент, избранный в 1985 г., поддерживал усилия правительства, направленные на стабилизацию обстановки в стране. Несмотря на это, воспользовавшись обострением внутривнутриполитической ситуации, власти пошли на то, чтобы вновь приостановить в 1986 г. парламентскую деятельность в стране.

Внешняя политика Кувейта в тот период была направлена на обеспечение национальной безопасности. Этому, в частности, способствовала деятельность Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива — региональной организации, одним из инициаторов создания которой весной 1981 г. выступил Кувейт.

В то же время упрочению позиций Кувейта на международной арене способствовала его активная финансовая деятельность. Финансовая помощь арабским и в целом развивающимся странам стала одним из инструментов внешнеполитической деятельности Кувейта в 1980-е годы. Растущие кувейтские инвестиции в странах Запада создавали прочную основу развития взаимовыгодных отношений.

2 августа 1990 г. Ирак напал на Кувейт и в считанные часы оккупировал это небольшое государство. Затем последовало его присоединение к территории Ирака в качестве его 19-й провинции под тем же предлогом, который выдвигался в период кризиса 1961 г. Эмир и правительство вынуждены были эмигрировать в соседнюю Саудовскую Аравию, которая взяла на себя ответственность за организацию мер, направленных на освобождение Кувейта. Ее обращение к Соединенным Штатам и всему мировому сообществу привело к созданию многонациональной коалиции, возглавляемой США, которая приступила к принятию политико-дипломатических и экономических мер, призванных заставить Ирак вывести свои войска из Кувейта. Кувейтские граждане, со своей стороны, создали силы сопротивления, которые начали борьбу с оккупантами. Кроме того, были созданы центры помощи жителям, которые не смогли покинуть страну, пережить тяготы оккупации. Активное участие в этой деятельности принимали кувейтские женщины.

В период иракской оккупации ни одна из оппозиционных политических группировок не попыталась воспользоваться ситуацией и выступить за свержение существующей власти. Консолидация кувейтского общества, поддержавшего в тот период эмира и правительство, подтвердила стабильность власти в Кувейте. В период иракской оккупации в г. Джидда (Саудовская Аравия) был созван Конгресс кувейтского народа, в котором участвовали представители различных политических сил Кувейта, подтвердивших единство национального сообщества, его безусловную поддержку главе государства — эмиру страны и законному правительству Кувейта. Эти меры были направлены на опровержение первоначальных заявлений иракских властей о том, что они ввели свои войска в Кувейт по просьбе «восставшего против существующего режима кувейтского народа» и сформированного повстанцами «революционного правительства».

После освобождения страны от иракской оккупации в феврале 1991 г. начался восстановительный период, в течение которого были ликвидированы последствия разрушений и экономического спада, вызванных оккупацией и военными действиями.

В 1992 г. была восстановлена работа парламента, активно включившегося в процесс реформирования экономики и оздоровления внутривнутриполитической ситуации. В этот период своей деятельности парламент уделял большое внимание проблемам финансовых злоупотреблений и коррупции, ответственность за которые несло правительство. В январе 1993 г. Национальное собрание приняло закон, обязывающий все государственные компании и инвестиционные организации проводить свои счета через единую аудиторскую компанию, а та, в свою очередь, должна была отчитываться перед соответствующей парламентской комиссией. Одновременно Национальное собрание предложило усилить наказания в отношении тех государственных чиновников, которые допускали нарушения в расходовании общественных фондов. В Национальном собрании была подвергнута резкой критике финансовая деятельность отдельных министерств и ведомств.

В начале 1994 г. парламент поднял вопрос о растрате государственных средств бывшим министром финансов и нефти, представителем правящей семьи. Против него и еще четырех государственных чиновников высшего ранга было начато судебное расследование. Трое из них были признаны виновными и приговорены к заключению на срок от 15 до 40 лет. Впрочем, виновность бывшего министра не была доказана, и все обвинения с него были сняты.

В апреле 1995 г. отчет парламентской комиссии о расследовании фактов коррупции при покупке вооружений стал основанием для начала очередного судебного разбирательства. Национальное собрание настояло на том, чтобы ему было разрешено контролировать оборонные контракты и использование общественных фондов. В мае 1998 г. оно одобрило законопроект, требующий от государственных служащих декларировать свои доходы, с тем чтобы легче было выявлять факты коррупции в аппарате правительства и бороться с ней.

Острые разногласия между правительством и парламентом вызывали и вопросы экономической политики. В 1998 г. резко упали цены на нефть, и правительство поставило вопрос о необходимости проведения экономических реформ, в том числе и приватизации. Несмотря на различие позиций правительственных структур и парламента, страна продолжала процесс либерализации экономики, чему способствовало ее вступление в 1993 г. в ВТО.

В конце XX — начале XXI в. в Кувейте по-прежнему уделялось особое внимание вопросу обеспечения национальной безопасности. Заключение оборонных соглашений с США, Великобританией, Францией, Италией и Россией в первые годы после освобождения Кувейта от иракской оккупации должно было гарантировать надежную защиту независимости и территориальной целостности страны. Особые отношения сложились у Кувейта с США, которые воспринимались подавляющим большинством населения как страна-освободительница, реально обеспечивающая безопасность кувейтского государства. Эта позиция Кувейта

была подтверждена в ходе дальнейшего развития событий. Изменение ситуации в регионе после падения режима С. Хусейна в Ираке должно укрепить безопасность Кувейта, так как новое иракское правительство вряд ли будет выдвигать в отношении его какие-либо территориальные притязания. Это обстоятельство должно содействовать поступательному развитию экономики страны и продолжению реформ в области политики, направленных на дальнейшую демократизацию общественно-политической жизни.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ

Местные жители издавна называли свою страну эс-Сир, а населению Южной и Юго-Восточной Аравии она была известна как эш-Шамаль. Европейские колонизаторы, столкнувшись в районе Персидского залива (арабы называют его Арабским) с ожесточенным сопротивлением местных племен, назвали древний эс-Сир Пиратским берегом. В первой половине XIX в. англичанам удалось навязать правителям отдельных районов Пиратского берега ряд договоров и соглашений. В 1853 г. британское правительство переименовало эс-Сир в Договорный берег. Несколько позднее появилось новое название — Договорный Оман, в котором отразилось стремление британских колонизаторов создать под своей эгидой государство, объединяющее эс-Сир с Маскатом и Оманом. И лишь 2 декабря 1971 г. на карте мира появилось новое государство — Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) со столицей Абу-Даби.

Эмираты после Второй мировой войны. Британская колониальная администрация (ее центр находился в Шардже) приняла в этот период меры для удержания политического влияния. Была срочно пересмотрена дислокация британских вооруженных сил в этом районе. Начались работы по расширению военно-воздушной базы в окрестностях Шарджи. В 1951 г. впервые в истории Договорного Омана в султанате Шарджа были созданы отряды регулярной армии, в обязанности которой вошли меры по охране общественного порядка. Официально командующим был объявлен пришедший к власти в том же году султан Сакр бен Султан аль-Касими, однако фактически эта армия была подчинена британской политической администрации.

Вторая мировая война подорвала устои чрезвычайно хрупкого мира между Маскатом и Оманом, заложенные Сибским договором 1920 г.¹

Одной из основных причин напряженного внутривосточного положения в султанате Маскат и имамате Оман явилась попытка США подорвать там господствующее положение Англии. С одной стороны, США пытались путем подкупа наиболее влиятельных представителей правящих кругов Маската и Омана

¹ В 1920 г. в селении Эс-Сиб между султаном Теймуром бин Фейсалом и имамом Мухаммедом аль-Халили был заключен мирный договор, в соответствии с которым стороны обязались сосуществовать в мире и согласии, а шейхи племен заверили, что не будут нападать на прибрежные города. В итоге два оманских государственных образования (Оман и Маскат) политически обособились друг от друга. Этот договор в течение последующих 35 лет оставался единственным документом, регулировавшим отношения между лидерами общин внутренних районов и прибрежной зоны.

заручиться их поддержкой, с другой — стремились проникать во внутренние районы, где фактическая власть находилась в руках вождей племен.

В центре внимания Вашингтона в то время оказались Дофар — фактически независимый район Омана, расположенный на юго-востоке страны, на побережье Аравийского моря, население которого отказывалось признавать чью бы то ни было власть (а на Дофар претендовали король Саудовской Аравии, имам Омана и султан Маската), и оазис Бурайми, находящийся на границе между Маскатом и Саудовской Аравией; несколько селений этого оазиса (всего их там было девять) подчинялись султану Маската, остальные — правителю Абу-Даби (Договорный Оман).

Вопрос об оазисе Бурайми вызвал наиболее серьезный конфликт. Заявку на Бурайми американцы сделали не непосредственно, а через Саудовскую Аравию, которая высказала официальные притязания на эту территорию. Разумеется, англичане спешно приняли контрмеры, действуя от имени Абу-Даби.

В 1950 г. британский посол в Джидде официально опротестовал намерение саудовских чиновников собирать налоги с населения оазиса Бурайми. В его поте разъяснялось, что этот демарш предпринят в связи с решением правителей Маската и Абу-Даби поручить Англии «договориться с правительством Саудовской Аравии о дальнейшей судьбе Бурайми». В свою очередь, Саудовская Аравия протестовала против посягательств Англии и ее протекторатов на Бурайми. Конфликт быстро разрастался. Он привлек к себе внимание населения имамата Оман, не без основания опасавшегося внешней агрессии. В конце 1950 г. ряд оманских племен подняли восстание, протестуя против вмешательства во внутренние дела имамата. Только в начале декабря 1951 г. англичанам с помощью султана Маската удалось подавить его.

События в Омани побудили как Англию, так и США действовать осторожнее. Закрепив 20 декабря 1951 г. свои позиции в Маскате новым договором с султаном Маската «о дружбе, мореплавании и торговле», Англия пошла на уступки Соединенным Штатам. Она санкционировала передачу концессии в Дофаре американской компании «Дофар Ситиз Сервис Петролеум Корпорейшн», которая в 1952–1953 гг. начала там геолого-разведочные работы. Со своей стороны, США помогли Англии договориться с Саудовской Аравией о временном сохранении статус-кво в районе оазиса Бурайми.

1950-е годы составили особый период в истории аравийских эмиратов. Они были втянуты в водоворот событий, вызванных суэцким кризисом и «тройственной агрессией» против Египта, сирийским кризисом, восстанием в Ливане, иракской революцией и другими событиями, происходившими в те годы на Арабском Востоке.

Англичане принимали все меры к тому, чтобы оградить Договорный Оман от внешнего влияния. Эта политика была вызвана тем, что именно на него английские нефтяные монополии делали ставку в конкурентной борьбе с американцами за господство в районе Персидского залива. Однако английским колонизаторам не удалось искусственно изолировать этот район. Уже в начале 1950-х годов в Абу-Даби, Дубае и Шардже состоялись выступления в поддержку иранского

народа. Для укрепления своих политических позиций в этом районе Аравии Англия пыталась использовать конфликт из-за оазиса Бурайми между Абу-Даби и Маскатом с одной стороны и Саудовской Аравией — с другой. Подобного рода инциденты помогли англичанам задержаться в Договорном Омане, но в целом попытка Англии добиться стабилизации там своего положения не увенчалась успехом. Британское влияние поддерживалось не политическими средствами, а с помощью войск, что не могло продлиться долго.

В середине 1950-х годов, вскоре после оккупации силами Маската и Абу-Даби оазиса Бурайми, в Договорном Омане начались волнения. В листовках, распространявшихся «неизвестными людьми», содержался призыв к борьбе против колонизаторов, которые «держат в рабстве народ, обрекая его на нищету, голод и невежество». Волнения достигли высшей точки в 1955–1956 гг., в период англо-франко-израильской агрессии против Египта. Только применив военную силу, англичане сумели предотвратить восстание.

Когда появились сведения об открытии в Омане значительных запасов нефти, этот имамат стал объектом борьбы между Англией, которая оказывала на него давление через султанат Маскат и княжества Договорного Омана, и США, использовавшими для достижения своих целей Саудовскую Аравию.

В центре внимания конкурировавших сторон в то время вновь оказался оазис Бурайми. В середине июня 1952 г. он был захвачен войсками Саудовской Аравии, хотя за два года до этого король Ибн Сауд подписал с Англией соглашение о сохранении там статус-кво. Английское правительство потребовало вывода саудовских войск с захваченной ими территории. Конфликт затянулся. В марте 1953 г. Англия заявила, что считает оазис Бурайми принадлежащим Маскату и Абу-Даби; поскольку эта точка зрения не была признана Саудовской Аравией, Англия начала открытую подготовку к захвату оазиса.

В конце 1953 — начале 1954 г. оазис Бурайми подвергся нападению сформированных англичанами отрядов султаната Маскат и эмирата Абу-Даби. В Юго-Восточной Аравии возникла реальная угроза войны, что вызвало протесты мировой общественности. Учитывая неблагоприятную международную обстановку, Англия и США временно отступили. В результате в июле 1954 г. было подписано соглашение, предусматривавшее мирное урегулирование конфликта.

В сентябре 1955 г. в Женеве начал работу арбитражный трибунал, созданный для рассмотрения вопроса о принадлежности оазиса Бурайми. Однако Англия, поддерживавшая Маскат, сорвала его работу. Бои в районе оазиса возобновились, и через месяц султан Маската объявил о том, что он берет на себя управление этим районом. Саудовская Аравия обратилась с жалобой в ООН.

Осенью 1955 г. маскатские войска под командованием английских офицеров и с английским оружием захватили ряд населенных пунктов Омана. Имам Галеб бен Али и его окружение были вынуждены бежать в горные районы, где спешно приступили к созданию новой линии обороны.

Перед англичанами встала дилемма: либо удовлетворить требования Галеба бен Али о предоставлении независимости Оману, либо продолжать войну. Лондон выбрал второе. С начала 1957 г. в Оман с Кипра и из Кении стали пе-

ребрасываться подразделения британских колониальных войск, военная техника, боеприпасы. На самолетах из Сингапура были доставлены особые войска. Началась подготовка для решительного наступления против засевших в Джебель Ахдаре оманских патриотов. Операцией руководил генерал Робертсон.

Наступление началось бомбардировкой с воздуха населенных пунктов страны. Ряд городов был превращен в груды развалин. В Лондоне эта часть операции рассматривалась как «психическое воздействие на мирное население Омана». Одновременно англичане подготовили заговор, целью которого было убийство имама Галеба бен Али и других видных деятелей Омана. Однако колонизаторы просчитались. В середине 1957 г., следуя призыву имама, население Омана поднялось на борьбу.

20-21 июня 1957 г. оманские повстанцы освободили ряд населенных пунктов. Ответный удар британской авиации по городам и деревням Омана принес лишь временный успех. Повстанцы отступили, но через месяц вновь нанесли удар, что послужило сигналом к всеобщему восстанию, в результате чего оккупанты потеряли Изки, Пери, крепость Бахлю, Фирк, Зиккайт; гарнизоны в Ростаке и окрестных населенных пунктах попали в окружение; возникла реальная угроза полного разгрома маскатских вооруженных сил.

В конце июля 1957 г. «оманский вопрос» обсуждали в Лондоне министр иностранных дел Англии Селвин Ллойд и государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес, но совещание закончилось провалом.

С начала 1958 г. в Омане развернулись тяжелые бои. В район Персидского залива (в частности, на Бахрейн) спешно перебрасывались новые подразделения британских колониальных войск. Английская военщина упорно добивалась захвата Джебель Ахдара и разгрома партизанского штаба. Однако усилия оккупантов были напрасными. Их атаки успешно отбивались партизанами, которыми руководил брат имама Талиб бен Али. Партизаны даже совершили покушение на султана Маската.

В Вашингтоне пристально следили за событиями в Омане. Поскольку англичане терпели там поражение за поражением, американцы решили больше не церемониться. В декабре 1958 г. США заключили с султаном Маската соглашение «о дружбе, экономических отношениях и консульских правах», которое явилось первым документом, определившим отношения США с британским протекторатом в Аравии. В Лондоне этот акт был расценен как предательство «общих интересов», однако английское правительство ничего не могло поделать.

Разъяренные неудачами в войне с оманскими партизанами, англичане вступили на путь массового террора, направленного против мирного населения. В ответ на репрессии участились налеты на английские военные лагеря, нападения на английские военные патрули, диверсионные акты. В начале 1959 г. британское командование предприняло попытку нового наступления на район Джебель Ахдара. В бой были брошены 10 тыс. солдат, танки, артиллерия, 12 воздушных эскадрилий и все имевшиеся в наличии войска султана Маската. За короткий срок площадь в 400 кв. км была превращена в пустыню, но агрессоры ни-

чего не добились. Партизаны нанесли противнику ряд новых поражений; в районе Низва—Изки англичане и маскатцы потеряли много солдат и офицеров, техники и вооружения.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов в социально-экономической жизни Договорного Омана произошел большой поворот, связанный с началом интенсивной добычи нефти.

В центре внимания «Петролеум Девелопмент оф Трусиэл Коуст» (дочерней организации «Ирак Петролеум Компани») и «Абу-Даби Марин Ареа, лтд» (дочерней организации «Бритиш Петролеум Компани») и «Компани франсез де петроль») оказался эмират Абу-Даби, на территории которого были обнаружены богатые месторождения нефти (свыше 1 млрд. т). Англо-французские концессионеры заложили основы нефтяной промышленности Договорного Омана. Они соединили месторождение Умм-Шариф с о-вом Дас подводным нефтепроводом, построили на о-ве Дас нефтехранилища, причалы для приема крупных танкеров, тепловую электростанцию, городок для обслуживающего персонала и т.д.

В 1962 г. в Абу-Даби было добыто 800 тыс. т нефти, в 1963 г. — 2483 тыс., в 1964 г. — около 9 млн., в 1966 г. — 17 млн. т. Доходы от нефти вызвали «долларовые тайфуны», пронесшиеся над песчаными дюнами. В пустыню хлынули банкиры и концессионеры.

В конце 1961 — начале 1962 г. в ряде крупных населенных пунктов Договорного Омана прошли антианглийские демонстрации: в сельских местностях население расправлялось со сборщиками налогов и прочими чиновниками. Характерно, что в некоторых эмирагах во главе антианглийского движения стояла правящая верхушка. Так, правитель Шарджи Сакр бен Султан аль-Касими, крайне недовольный деятельностью «Петролеум Девелопмент оф Трусиэл Коуст», принял турне по западным странам, где попытался организовать распродажу концессий на месторождения нефти. На пресс-конференции в Бейруте в середине августа 1962 г. он заявил, что подписал соглашение с одной американской компанией на разведку и добычу нефти в западной части Шарджи и в ее территориальных водах; он добавил, что подыскивает компанию, которая купила бы концессию на восточную часть эмирата.

Этот беспрецедентный случай вызвал переполох в Англии. Крамольный правитель в начале сентября 1962 г. был срочно вызван в Лондон, где ему сделали соответствующее внушение. Однако пример султана Шарджи оказался заразительным.

В конце 1962 и в 1963 г. внутривнутриполитическое положение в Договорном Омани стало крайне напряженным. Британская администрация проводила политику «кнута и пряника», задабривая правящую верхушку. Однако такая тактика не дала желаемых результатов. 4 июля 1965 г. правитель Шарджи султан Сакр бен Султан аль-Касими, который в знак протеста против действий британской администрации объявил, что заранее отказывается продлить договор на аренду базы в районе города Шарджи, был арестован и на английском военном самолете переправлен на Бахрейн. В Шардже начались волнения. Население эмирата выступило в защиту низложенного правителя.

Тогда британское командование применило силу. С территории базы, где постоянно находились пять тысяч солдат и офицеров, до двух десятков реактивных истребителей и прочая военная техника, в Шарджу были направлены танки, крупные отряды пехоты и военной полиции. Начались массовые аресты.

Чтобы найти какой-то выход из создавшегося гупика, британские правящие круги пошли на очередной маневр. В середине июля 1965 г. в Дубае по инициативе Англии были собраны правители всех семи эмиратов Договорного Омана. На этом первом в истории Договорного Омана совещании были рассмотрены 15 экономических проектов (на общую сумму 2,5 млн. ф. ст.), реализация которых должна была способствовать развитию страны; среди них были проекты строительства шоссежных дорог, улучшения системы водоснабжения, строительства тепловых электростанций. По предложению британских советников члены совещания избрали Совет экономического развития Договорного Омана, который, в свою очередь, избрал специальный комитет для наблюдения за реализацией этих планов.

Оппозиционно настроенные представители правящих кругов Договорного Омана, а также местное население критически отнеслись к результатам совещания в Дубае. Во многих населенных пунктах страны прошли митинги, участники которых заявили о своем желании всемерно крепить политические и экономические связи с Лигой арабских государств и ее членами. Бежавший в Кувейт, а затем в Каир бывший правитель Шарджи Сакр бен Султан аль-Касими призвал все арабские страны района Персидского залива и Южной Аравии бороться за отмену кабальных соглашений с Англией.

Особой остроты положение достигло в первой половине 1966 г., когда правивший с 1928 г. эмиратом Абу-Даби шейх Шахбут бен Султан ан-Нахайян был отстранен от власти и его место занял младший брат — шейх Заед бен Султан. Одни это связали с реакцией Лондона на критику шейхом британской политики, другие — с нефтяным бумом. Возможно, новые времена требовали в эмиратах и новых правителей. И они появились. И не только в Абу-Даби.

В июне 1965 г. шейх Сакр бен Султан, правитель Шарджи, был отстранен от власти, несмотря на обращение свергнутого монарха к генеральному секретарю ООН, поддержанное Ираком и Египтом. Приход к власти его двоюродного брата, шейха Халеда бен Мухаммеда, прошел без эксцессов, хотя позже, в 1970 г., на его жизнь и было совершено покушение, к счастью безуспешное.

Намереваясь основать крупную военную базу на Ближнем Востоке, Великобритания начала в 1966 г. реконструировать имевшуюся базу в Шардже, которая с 1968 г. и стала главной опорой Лондона в зоне Залива. Тем не менее в 1971 г. Лондон принял решение отозвать свои воинские контингенты из зоны Залива к концу года. На базе остались скауты Договорного Омана в количестве 1600 человек, содержание которых взяла на себя Великобритания. Эти скауты стали отвечать за безопасность создаваемой федерации эмиратов, хотя некоторые из них, например Абу-Даби, уже создали свои силы обороны.

Федерализация Договорного Омана. После ухода Британии разрабатывалась идея создания федерации эмиратов, входивших в состав Договорного Ома-

на. Планировалось предложить войти в это новое объединение Катару и Бахрейну, как более сильным и развитым государствам. Когда 1 декабря 1971 г. Британия отказалась от своих прав на государства Договорного Омана, на следующий же день Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Умм эль-Кайвайн, Аджман и Эль-Фуджайра объявили о создании объединенного государства и заключении договора о дружбе с Великобританией. Новая федерация приняла временную конституцию на пять лет, в течение которых она должна была быть доработана и принята в окончательном виде. Но этого не произошло, так как изменения, регулярно вносившиеся во временную конституцию, привели к тому, что она была значительно обновлена и в принятии новой отпала необходимость. Входившие в ОАЭ эмираты проявляли гибкость, позволяя развиваться процессу централизации, постепенно набиравшему силу: все возникавшие текущие разногласия предотвращались сообща, особенно в толковании конституционных актов. Шейх Заед, правитель Абу-Даби, переехал во дворец, предназначенный для президента ОАЭ. Он стал первым президентом федерации. Шейх Рашид бен Саид аль-Мактум, правитель Дубая с 1958 г., стал вице-президентом, а его старший сын, шейх Мактум бен Рашид (наследный принц Дубая), стал премьер-министром. Не вошедший поначалу в ОАЭ эмират Рас эль-Хайма сделал это в феврале 1972 г., после того как стало ясно, что ни Великобритания, ни какое-либо другое арабское государство не готовятся принимать меры против захвата Ираном двух островов Томб (Большой и Малый), которые эмират считал своими. По-видимому, в эмирате решили, что в составе ОАЭ можно успешнее противостоять захватчикам. В декабре 1971 г. ОАЭ стали членом ООН и Лиги арабских государств.

В январе 1972 г. правитель Шарджи эмир Халед был убит заговорщиками, которых возглавил двоюродный брат эмира шейх Сакр, отстраненный от власти в 1965 г. Заговорщики были схвачены, и новым эмиром Шарджи стал шейх Султан бен Мухаммед, брат убитого, который подтвердил приверженность либеральным принципам покойного и членство Шарджи в составе ОАЭ.

Хотя федерация эмиратов была одним из самых консервативных арабских государств, она поддержала арабов в «октябрьской войне» 1973 г. и присоединилась к нефтяному бойкоту, объявленному арабами Западу после этой войны. Вместе с тем это было первое государство, которое стало направлять после бойкота громадное количество нефти в США. В декабре 1973 г. локальная администрация Абу-Даби была упразднена, некоторые из ее бывших министров стали министрами в федеральных структурах. Самый ответственный пост, министра по делам нефти и минеральных ресурсов, занял д-р Мана бен Саид аль-Отейба. Реорганизация и укрепление центральной власти влекли за собой и укрепление всей системы управления ОАЭ, что способствовало большей интеграции семи эмиратов, входивших в ОАЭ. Абу-Даби использовал свои экономические возможности и влияние, чтобы укреплять единство внутри ОАЭ, хотя это и не всем эмирам нравилось. В мае 1975 г. на сессии Верховного совета эмиры пришли к соглашению о продолжении курса на централизацию власти в ОАЭ. В ноябре того же года Шарджа объявила об объединении своей национальной гвардии с вооруженными силами ОАЭ и передала свое радио в распоряжение федераль-

ного министра по коммуникациям, полицию — под командование федерального министра безопасности, суды — под юрисдикцию федерального министерства юстиции. Флаг Шарджи стал трехцветным, как флаг ОАЭ, так же как до этого флаги Абу-Даби и Фуджейры. Объединение всех вооруженных формирований в федеральную армию (включая вооруженные силы Абу-Даби и Дубая) было завершено к началу мая 1976 г., а генерал шейх Халифа бен Заед ан-Нахайян, наследный принц Абу-Даби, был назначен заместителем верховного главнокомандующего (шейх Заед стал верховным главнокомандующим). В ноябре 1976 г. временная конституция пополнилась пунктом о вооруженных силах, их правах и обязанностях, и на основе этого федеральное правительство взяло на себя ответственность за обеспечение войск и закупку оружия.

В течение 1976 г. шейх Заед, недовольный медленными темпами централизации государства, неоднократно угрожал отказом от второго срока исполнения обязанностей президента ОАЭ (его первый срок истек в ноябре). Но согласился, когда Верховный совет правителей передал в ведение федерального правительства контроль над вооруженными силами, силами безопасности, а также пограничный контроль. После этого в январе 1977 г. последовала реорганизация федерального правительства, тогда же принцип равного представительства от эмиратов был заменен принципом оценки компетенции министров в своей области. Новый федеральный Национальный совет, в который вошли 40 представителей от всех эмиратов, 1 марта 1977 г. был реорганизован — в нем осталось только семь членов от состава первого пятилетнего созыва (1971–1976)

Весь 1978 г. решались организационные вопросы вооруженных сил. В феврале шейх Заед назначил своего второго сына, шейха Султана, начальником Генерального штаба, что вызвало недовольство правителей других эмиратов. Шейх Дубая Рашид возмутился тем, что это было сделано без его ведома. Вооруженные формирования Дубая и Рас эль-Хаймы отказались выполнять приказы федеральных властей. Дубай, не согласовав ни с кем, заказал для своих войск танки в Великобритании.

Федеральное правительство начало предпринимать более энергичные шаги по укреплению центральной власти. События 1979 г. в Иране поставили на передний план проблемы безопасности, что стало предметом обсуждения на совместном заседании правительства и федеральной ассамблеи в феврале. Результатом заседания стал меморандум из десяти пунктов, в котором границы между эмиратами внутри ОАЭ объявлялись «прозрачными», унифицировались вооруженные силы, а финансирование их деятельности решено было осуществлять централизованно. Предложения прошли одобрение Верховного совета.

Однако, несмотря на это, тенденция на централизацию активизировала давнее соперничество между Абу-Даби, являющимся материальной опорой ОАЭ, и Дубаем, ставшим основным оппонентом федеральной власти. Дубай поначалу полностью отверг предложенный меморандум и вместе с правителем Рас эль-Хаймы отказался участвовать в работе Верховного совета, собранного в марге. Выход из тупика был найден благодаря назначению сына правителя Дубая, который сам был еще и вице-президентом ОАЭ, премьером федерального правительства.

В июле 1979 г. было сформировано новое федеральное правительство, состав которого был более сбалансированным, чем раньше. Эмират Рас эль-Хайма согласился передать свои военные формирования в состав объединенных вооруженных сил, Абу-Даби и Дубай обязались вносить 50% доходов от нефти в федеральный бюджет, однако воинские формирования Дубая так и остались независимыми от центральной власти.

Началось осуществление совместных проектов в области развития инфраструктуры: сооружение дорог, телефонной сети, центров здоровья, выделение средств на образование и развитие сельского хозяйства. В ноябре 1981 г. шейх Рашид был переизбран Верховным советом на должность премьер-министра, шейх Заед — на очередной президентский срок.

Когда в 1980 г. началась ирано-иракская война, ОАЭ оказались уязвимыми, а сама ситуация вышла у них из-под контроля. Иран угрожал закрыть доступ судов, перевозивших нефть через Ормузский пролив, т.е. возникла угроза потери доходов от нефти. В ответ на это ОАЭ совместно с шестью другими государствами Залива создали в марте 1981 г. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Первоначально это касалось экономического сотрудничества, но затем и военного. В октябре 1983 г. ОАЭ приняли участие в военных маневрах, организованных ССАГПЗ в Омане, хотя Дубай и отказался послать туда свои воинские контингенты. Ранее, в 1982 г., было подписано соглашение о военном сотрудничестве с Саудовской Аравией, утвержденное ССАГПЗ, а в федеральный бюджет была внесена поправка, в соответствии с которой 60% бюджета тратилось на военные закупки. США и Франция тут же согласились поставить вооружение.

В ноябре 1984 г. правительство ОАЭ провело переговоры с главами арабских государств с целью поиска компромиссных решений в ирано-иракской войне. И в том же месяце ОАЭ предложили свою роль посредника в конфликте между Марокко и фронтом ПОЛИСАРИО, борющимся за предоставление независимости Западной Сахаре. Во время шестой региональной встречи в верхах в рамках ССАГПЗ, которая состоялась в Омане в ноябре 1985 г., страны-члены Совета решили занять более сдержанную позицию по отношению к войне в Заливе и продолжать поддерживать отношения с Ираном. На седьмой подобной встрече в верхах, созванной в Абу-Даби в ноябре 1986 г., участники более определенно выразили свою озабоченность эскалацией ирано-иракской войны и решили принять меры к защите своих районов нефтедобычи и путей транспортировки нефти.

В ноябре 1985 г. были установлены дипломатические отношения между ОАЭ и СССР, что предполагало и расширение торговли. В 1985 г. ОАЭ подписали соглашение об экономическом сотрудничестве с Китаем.

В октябре 1986 г. действие временной конституции ОАЭ было продлено на пять последующих лет. Шейх Заед и шейх Рашид были единогласно переизбраны на посты президента и премьер-министра.

В июне 1987 г. в Шардже была предпринята попытка переворота: шейх Абд аль-Азиз, брат правителя шейха Султана бен Мухаммеда аль-Касими, сделал

в отсутствие главы государства заявление, переданное местной службой информации, о том, что правитель уходит в отставку, так как он «разрушил экономику». Однако по требованию Дубая был срочно созван Совет правителей ОАЭ, на котором были рассмотрены претензии шейха Абд аль-Азиза. Они были признаны необоснованными, и шейх Султан остался у власти. Вместе с тем шейху Абд аль-Азизу был дарован титул наследного принца Шарджи, и он был введен в состав Верховного совета. В июле 1987 г. шейх Султан сформировал Исполнительный комитет Шарджи, в состав которого вошли главы местных правительственных органов и лица, назначенные правителем с целью претворения в жизнь требований общественности. Шейх Султан подписал также соглашение с банками-кредиторами, и выплаты Шарджи по долгам были отсрочены до 1993 г.

В ноябре 1987 г. ОАЭ восстановили отношения с Египтом, как то рекомендовало решение глав арабских государств, собравшихся по призыву ЛАГ. В марте 1988 г. президент Заед нанес визит в АРЕ и подписал там соглашение о торговле.

В 1988 г. ирано-иракская война была приостановлена, соседние страны, включая ОАЭ, могли, казалось, вздохнуть свободно, но начался другой кризис — кувейтский.

Война в Персидском заливе, полыхавшая в 1990-1991 гг., была похожа на смерч, пронесшийся над регионом. По масштабам, числу участников и последствиям это была война, вышедшая за рамки санкций, предусмотренных Советом Безопасности ООН.

Общими усилиями войска Ирака были выдворены из Кувейта, и сразу же в марте 1991 г. руководители стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Бахрейн и Оман), а также Египта и Сирии подписали в Дамаске документ, определивший основные направления военно-политического сотрудничества между аравийскими монархиями и двумя самыми мощными в военном отношении государствами арабского мира с целью недопущения повторения агрессии, подобной нападению Ирака на Кувейт, со стороны кого бы то ни было в отношении стран Аравийского п-ова.

Государства Персидского залива пошли по пути заключения двусторонних соглашений о сотрудничестве в области обороны с США и ключевыми державами Западной Европы. Такие соглашения некоторые из них подписали и с Россией.

12 июня 1993 г. в Абу-Даби собрались министры стран, подписавших Дамаскую декларацию, для обсуждения проблем, связанных с обеспечением безопасности в зоне Залива.

Конференция продемонстрировала «абсолютную поддержку» восьми странами, подписавшими Дамаскую декларацию, суверенитета ОАЭ над островами Абу-Муса, Большой и Малый Томб и всех шагов, которые ОАЭ предпринимает для обеспечения этого суверенитета.

Уроки кувейтского кризиса требовали осуществления последовательных шагов по ограничению гонки вооружений в регионе, поддержанию баланса сил на

более низком уровне, вплоть до выхода на уровень оборонной достаточности. К сожалению, ничего этого не произошло. В конце 1995 г. шейх Заед выступил с инициативой полного примирения между ОАЭ, Ираком и Ираном, призвав решить все спорные вопросы путем переговоров. Но ответа со стороны Багдада и Тегерана он так и не дождался. И это вынудило руководство ОАЭ по-новому «прочитать» свою историю и заключить еще одно соглашение об обороне и сотрудничестве — с Великобританией, о чем было объявлено в Абу-Даби в середине 1996 г.

Новые инициативы ОАЭ, такие, как проведение всестороннего мирного диалога с Ираком и Ираном (декабрь 1995 г.), расширение научно-технического и культурного сотрудничества с Россией (март 1996 г.), создание объединенных вооруженных сил стран ССАГПЗ (декабрь 1996 г.) и др., нашли поддержку не только в регионе, но и на международной арене.

В создавшейся к началу XXI в. обстановке, когда аравийские правители по существу испытывают на себе и давление США, и угрозу со стороны «региональных центров силы» (Ирана, Турции и частично Саудовской Аравии), там наметилось явное желание «позвать русских» в аравийские пески. Российское оружие, посчитали в ОАЭ, испытано в бесконечных войнах, которые вел СССР. Желание России иметь валюту даст возможность договориться об умеренной плате за оружие и за специалистов, и, наконец, никто не верит, даже в Аравии, что Россия будет долго «оставаться в тени», а тем более откажется от продажи своего оружия. Политически это даст возможность аравийским монархам держаться на расстоянии и одновременно сотрудничать как с Западом, так и с Востоком, что станет своеобразной гарантией безопасности. Развитие экономических связей с Россией дает им возможность маневра в отношениях с Западом и уменьшает финансовую зависимость от него. С такими намерениями и надеждами ОАЭ вступили в новый, XXI в.

ОМАН

Султанат Оман расположен в юго-восточной части Аравийского п-ова. Отдельный небольшой его район находится на севере п-ова Мусандам, на побережье Ормузского пролива. Численность населения в 2001 г. составляла 2 478 000 человек, из них 72% — граждане Омана, остальные 28% — выходцы из Индии, Ирана, Пакистана и стран Африки. Официальный язык — арабский. Господствующая религия — ислам (хариджитского направления, ибадитская община); около $\frac{1}{4}$ части населения — индуисты. Форма правления — абсолютная монархия, глава государства — султан. Политических партий нет. Столица — Маскат.

К началу XX в. Оман представлял собой территорию, разделенную на несколько частей: султанат Маскат (с 1891 г. являвшийся британским протекторатом), имамат Оман и Договорный Оман (с 1971 г. — Объединенные Арабские Эмираты). Власть маскатского султана — главы подвластного Англии султаната Маскат — практически ограничивалась побережьем. В 1932 г. султаном Маската

стал Саид бин Теймур (1932–1970). Большая часть внутренних районов Омана входила в состав имамата, независимого от британской опеки, глава которого — имам — объединял в своих руках высшую светскую и религиозную власть. На эту территорию суверенитет маскатского султана не распространялся. Имамат Оман возглавлял в те годы имам Мухаммед аль-Халили (1920–1954).

Оман в 1945–1970 гг. После Второй мировой войны борьба за передел сфер влияния, захват рынков сырья и вывоз капитала разгорелась с новой силой. Острейшая конкурентная борьба между США и Великобританией разыгралась на Ближнем и Среднем Востоке, где были открыты богатейшие месторождения нефти. В орбиту этого противоборства оказался втянутым и Оман.

Наиболее острое столкновение интересов нефтяных монополий Великобритании и США произошло в районе оазиса Бурайми, принадлежавшего Оману и расположенного на стыке Омана, Саудовской Аравии и эмирата Абу-Даби (Договорный Оман). Этот район традиционно находился в сфере английского влияния и был тесно связан экономическими узами с арабскими эмиратами Персидского залива. 1 сентября 1952 г. Бурайми был оккупирован Саудовской Аравией, поддерживаемой американским монополистическим нефтяным объединением — АРАМКО, которому этот район был нужен как возможный источник нефти.

Захват Саудовской Аравией района Бурайми послужил для английских нефтяных компаний сигналом к усилению своей экспансии во внутренние районы Омана, также считавшиеся нефтеносными. Летом 1954 г. англичане начали поисковые работы в районе г. Ибри, на территории имамата, не получив при этом официального разрешения имама Галиба бин Али (избранного имамом в 1954 г. после смерти Мухаммеда аль-Халили). Стремясь воспрепятствовать английскому проникновению во Внутренний Оман, Галиб бин Али направил в г. Ибри вооруженный отряд. Но уже в сентябре 1954 г. войска султана Маската Саида при поддержке англичан захватили г. Ибри, отрезав район Бурайми от основных сил имама. Лишенный возможности военного отпора, имам решил воспользоваться политико-дипломатическими средствами. Для этого в ноябре 1954 г. он обратился в Лигу арабских государств (ЛАГ) с требованием признать его правителем независимого государства. Однако эта попытка не увенчалась успехом, несмотря на определенные симпатии ЛАГ к имаму и антибританские настроения ее членов. В ответ на эти сепаратистские устремления со стороны имама султан Саид, стремившийся объединить Оман под своей властью, в декабре 1955 г. оккупировал обе столицы имамата — Низву и Рустак, а затем подчинил себе часть внутренних районов Омана.

Вскоре после этого имам Галиб был смещен и отправлен в ссылку. Султан Саид в это время уже правил единым государством в составе Маската и Омана. Однако в мае 1957 г. сторонники имамата, поддержанные и вооруженные Саудовской Аравией, предприняли попытку восстановить власть имама Галиба, что было возможно только в случае повторного разделения страны на две части. Эти силы, объединившиеся в так называемое Оманское революционное движение, вытеснили войска султана Саида из Низвы и Бахли. События постепенно приобрели характер гражданской войны.

Между тем в конфликт на стороне султана Саида вмешались англичане. В конце 1957 г. они подвергли интенсивной бомбардировке населенные пункты в районах, находившихся под контролем имамата, и в результате к 1959 г. восстановили суверенитет султана над страной и официально ликвидировали Сибский мирный договор (см. об этом выше примеч. 1, с. 295), положив конец правлению имамов.

События в Омане вызвали довольно широкий резонанс. Английскую агрессию осудила ЛАГ и ряд других международных организаций. В октябре 1960 г., несмотря на возражения Великобритании, «оманский вопрос» был внесен в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН. Однако резолюция в поддержку оманского движения за независимость не получила необходимого большинства голосов.

Несмотря на протесты мировой общественности, Великобритания и Маскат не прекратили военных действий в Омане. Чувствуя шаткость своих позиций, султан Саид был крайне заинтересован в сохранении в стране английского военного присутствия, которое в любой момент могло быть использовано для подавления как сепаратизма феодально-племенной оппозиции, так и освободительного движения племен, выступавших против султанской власти и английской колониальной экспансии. Надо отметить, что в 1960-х годах министром обороны и командующим армией Омана были кадровые английские офицеры, а также что в период правления султана Саида на территории Омана были созданы английские военные базы. В обмен Великобритания обязалась оказывать Маскату военную помощь.

Подавив антисултанское и антианглийское движение оманских племен, Саид бин Теймур стал методично устанавливать свой контроль над Внутренним Оманом. Не встретив организованного сопротивления, он сумел к середине 1960-х годов утвердить свою власть во всех наиболее крупных населенных пунктах имамата, который к этому времени практически перестал существовать. Фактической автономией продолжал пользоваться лишь Дофар — наиболее отдаленная от Маската западная оманская провинция. Здесь в 1965 г. был образован Фронт освобождения Дофара, поставивший своей целью борьбу с маскатским султаном и английскими колонизаторами. В горах провинции Дофар были сформированы боевые отряды и созданы базы вооруженного сопротивления. Затем это движение получило дальнейшее развитие, и в 1971 г. была создана новая, более крупная организация — Национальный фронт освобождения Омана и Персидского залива.

Оман в 1970–2000 гг. 23 июля 1970 г. султан Саид бин Теймур был смещен своим сыном Кабусом бин Саидом. Одним из первых шагов нового султана стало объявление 9 августа 1970 г. об изменении прежнего названия страны на новое — Султанат Оман. Тем самым султан Кабус четко заявил о своем намерении покончить с исторически сложившимся разделением страны на приморскую и внутренние части.

В начале 1971 г., стремясь наладить отношения с соседними арабскими государствами, султан Кабус нанес визиты руководителям ряда консервативных арабских режимов, добиваясь от них политической поддержки и принятия султа-

ната в ЛАГ. В декабре 1971 г., после его визита в Эр-Рияд, была достигнута договоренность с саудовской стороной о признании султаната и прекращении прежних отношений с имамом Галибом и другими сторонниками имамата.

Султан декларировал в своих официальных заявлениях приверженность идеям панарабизма и панисламизма, заявляя о солидарности с борьбой арабских народов против израильской агрессии, за предоставление народу Палестины его законных национальных прав. 29 сентября 1971 г. при содействии ряда арабских режимов Султанат Оман был принят в члены ЛАГ, а 7 октября того же года стал членом ООН.

Особенно успешно в этот период складывались отношения султана Кабуса с шахом Ирана. В октябре 1971 г. он посетил Иран, где договорился о координации усилий обеих стран по обеспечению «стабильности» в Персидском заливе, чем обрел также союзника в подавлении вооруженного сопротивления в Дофаре.

Учитывая внутривосточную нестабильность, связанную с проблемой Дофара, оманские власти, естественно, стремились опереться в решении проблемы на содействие развитых государств. Поэтому понятно стремление Омана укрепить отношения с ними в целях модернизации своих вооруженных сил. К тому же антишахская революция лишила Оман военной поддержки со стороны Ирана. Поэтому Маскат в конце 1979 г. выдвинул проект поддержания безопасности в районе Залива, который предусматривал для этого создание специальной системы с участием США, Англии и ФРГ. Планировалось, что расходы по осуществлению плана должны были взять на себя все нефтедобывающие страны Персидского залива.

Однако, не получив их поддержки, Оман обратился к США, в результате чего в 1980-х годах между обеими странами был заключен ряд соглашений о сотрудничестве в области безопасности, в соответствии с которыми США получили право на размещение в Омане контингента военно-воздушных и военно-морских сил, а также на введение войск при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Во время войн 1991 и 2003 гг. в Персидском заливе Оман стал одной из военных баз сил антииракской коалиции.

Развивая сотрудничество с США, султанат продолжал поддерживать тесные отношения с Великобританией. В 1976 г. английское правительство, заявившее о прекращении использования своих военно-воздушных баз, согласилось поставить для оманской армии некоторые виды современного вооружения. Все наиболее ответственные должности в вооруженных силах султаната по-прежнему занимали англичане.

Важное место во внешней политике Омана занимают проблемы Ближнего Востока и Персидского залива. Оманские власти, декларируя свою приверженность арабскому единству, поддержали общеарабскую платформу ближневосточного урегулирования, принятую в 1982 г. в Фесе. Оман осуждает агрессивную политику Израиля, возлагая на Тель-Авив ответственность за сохраняющуюся напряженность и неурегулированность на Ближнем Востоке. Он осудил агрессию Израиля в Ливане в 1982 г. и потребовал полного вывода израильских войск из этой страны.

Вместе с тем ближневосточная полигика Омана заметно отличалась даже от политики его соседей по Аравийскому п-ову. В частности, Оман поддержал Кэмп-Дэвидские соглашения США, Израиля и Египта, приветствовал мирный договор между Египтом и Израилем (март 1979 г.), отказался участвовать в коллективных санкциях против египетского режима в ноябре 1978 г., решение о которых было принято на Багдадском совещании глав арабских государств (март 1979 г.) и подтверждено на совещании министров иностранных дел, экономики и финансов арабских стран в том же году. В рамках избранного оманскими властями курса на сотрудничество с режимом А. Садата в начале 1980 г. в Каир была направлена военная делегация, подписавшая с Египтом секретный договор о взаимной обороне. Согласно этому документу, стороны взяли на себя обязательство оказывать друг другу необходимую помощь в случае возникновения военной угрозы для одной из них.

После убийства президента Садата и прихода к власти в Египте Хосни Мубарака Оман стал настойчиво подталкивать другие арабские страны к восстановлению отношений с Кширом без выдвижения в качестве предварительного условия для этого отказ Египта от Кэмп-Дэвидских соглашений. Он поддержал Амманское соглашение между королем Иордании Хусейном и председателем Исполкома Организации освобождения Палестины Арафатом от 11 февраля 1985 г., заключенное вразрез с решениями Фесского совещания глав арабских государств и сессий Национального совета Палестины. В целом Оманом была одобрена инициатива президента Мубарака о проведении прямых иордано-палестинских переговоров с Израилем при посредничестве США.

Войдя в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Оман придерживается линии на углубление интеграции между его участниками, особенно в области обороны. При этом Оман допускает возможность «сотрудничества» по вопросам обеспечения безопасности в зоне Персидского залива с западными странами.

Совместно с другими членами ССАГПЗ Оман выступал за мирное урегулирование ирано-иракского конфликта (1980–1988) и поддерживал предпринимаемые международные и арабские посреднические усилия в этом направлении.

После прихода к власти султана Кабуса Оман развернул активную дипломатическую деятельность. В сентябре 1985 г. он установил дипломатические отношения с СССР. В январе 1989 г. министр нефтяной и газовой промышленности Саид ас-Санфари посетил СССР с официальным визитом. Это был первый визит высокопоставленного чиновника оманского правительства со времени установления дипломатических отношений между двумя странами. В результате к настоящему времени Султанат Оман имеет дипломатические отношения со 135 государствами. По ряду общих международных проблем Оман занял в целом конструктивную позицию. Он заявляет о своей приверженности делу мира и обеспечения безопасности народов, выступает за прекращение гонки вооружений, полное запрещение ядерного оружия, использование космоса исключительно в мирных целях. Оман поддерживает предложения о создании безъядерных зон в различных районах мира, включая Ближний Восток, и о превращении Индийского океана в зону мира.

После начала иракского вторжения в Кувейт (август 1990 г.) Оман активно выступал за мирное разрешение кризиса и предпринял ряд дипломатических шагов в этом направлении. Однако, когда стало ясно, что мирным путем эту проблему не решить, султан Кабус вместе с другими странами ССАГПЗ оказал самую действенную поддержку международным силам по подготовке операции «Буря в пустыне» (январь–февраль 1991 г.), в результате которой Кувейт был освобожден. Более того, именно Оман выступил инициатором создания 100-тысячного контингента вооруженных сил ССАГПЗ под объединенным командованием с целью, как подчеркивалось, избежать в будущем ситуации, когда страны Залива будут вынуждены обращаться за военной помощью к США и другим развитым государствам.

Вместе с тем, стремясь не утратить свои позиции в отношениях с Ираком, Оман в середине 1990-х годов неоднократно заявлял о необходимости смягчить санкции ООН, наложенные на Ирак в 1990 г. в связи с его вторжением в Кувейт. В марте 1998 г. султан Кабус принял иракского министра юстиции, призвав в ходе переговоров иракское руководство полностью выполнить все предписания ООН, чтобы ускорить снятие санкций.

Важное место в дипломатической активности Омана всегда занимали отношения с Ираном, резко ухудшившиеся после антишахской революции. В марте 1991 г. Оман способствовал тем не менее восстановлению дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией, а в сентябре 1992 г. подписал с Ираном новое торгово-экономическое соглашение, позволившее заметно расширить связи между обеими странами.

После объединения в мае 1990 г. Северного и Южного Йемена перед султанатом встала проблема демаркации границ с новым государством. В мае 1997 г. Оман и ЙР на церемонии в Маскате торжественно подписали международную демаркационную карту, сняв тем самым существовавшие между ними долгие годы пограничные противоречия. В ноябре 1992 г. после двух летних переговоров Оман подписал соглашение об окончательной демаркации границ с Саудовской Аравией, а в мае 1999 г. — с ОАЭ. К настоящему времени Оман имеет соглашения о демаркации сухопутных и морских границ со всеми соседними государствами.

Позиция Омана в ближневосточном конфликте по-прежнему отличается рядом особенностей, хотя основное место во внешней политике страны занимают вопросы ее участия в деятельности ССАГПЗ, с которым Оман координирует свои внешнеполитические акции. Так, в апреле 1994 г. Оман посетил заместитель министра иностранных дел Израиля, что стало первым официальным визитом в одну из стран Залива для израильтян начиная с 1948 г. В декабре того же года премьер-министр Израиля Ицхак Рабин нанес официальный визит в Оман, где провел с султаном Кабусом переговоры о судьбах ближневосточного мирного процесса, а в феврале 1995 г. обе страны договорились об установлении дипломатических отношений на «пониженном уровне», т.е. на уровне представительств, а не послов. Соглашение об открытии таких представительств было подписано в январе 1996 г., в апреле того же года Оман посетил новый израильский премьер-

министр — Шимон Перес, а в августе Оман открыл свой торговый офис в Израиле. После смены правительства в Израиле Оман согласно решению ЛАГ, выразившей протест правительству Б. Нетаньяху из-за строительства еврейских жилых кварталов в восточной части Иерусалима, приостановил в апреле 1997 г. свои отношения с Израилем. В июле Оман объявил об открытии своего представительства в центре Палестинской национальной автономии — г. Газа, а в начале 1999 г. Президент ПНА Ясир Арафат посетил Оман.

Внутренняя политика султана направлена на модернизацию государства, экономическое развитие и обеспечение хозяйственного подъема страны. Придя к власти, султан Кабус сразу же взял курс на укрепление своих позиций. Он провел чистку административных органов от коррумпированных элементов, с тем чтобы создать администрацию, которая была бы способна обеспечить в стране политическую стабильность. 8 августа 1970 г. султан Кабус сформировал новый кабинет министров во главе со своим дядей Тариком бин Теймуром. Однако уже в декабре 1971 г. Тарик бин Теймур был смещен со своего поста, и с этого момента султан Кабус стал лично исполнять обязанности премьер-министра, министра иностранных дел и министра финансов (с 1990 г.).

Стремясь окончательно подавить повстанческое движение в Дофаре, которое угрожало внутривосточной стабильности Омана, султан Кабус в начале 1974 г. при военной помощи Ирана овладел важным стратегическим пунктом провинции Дофар — портом Рахьют. В условиях военно-политической и экономической блокады Дофара в июле 1974 г. состоялся съезд Народного фронта освобождения Омана и Персидского залива, на котором было принято решение о переименовании фронта в Народный фронт освобождения Омана. Было заявлено, что основной целью этого движения является освобождение страны от иностранной оккупации, в том числе ликвидация всех иностранных баз на территории Омана и на принадлежащих ему островах, вывод из страны всех иностранных войск.

В декабре 1975 г. султан объявил о подавлении движения в Дофаре, а в 1976 г. с помощью Саудовской Аравии было подписано соглашение о прекращении огня, а затем объявлена амнистия тем повстанцам, которые покинули ряды Фронта. В январе 1977 г. Иран начал вывод своих войск из Омана, а в 1979 г., после свержения иранского шаха, в Дофаре вновь вспыхнули волнения, не прекращавшиеся около двух лет. В январе 1981 г. султан Кабус был вынужден закрыть границу с НДРЙ, которая, по некоторым сведениям, оказывала помощь повстанцам. Лишь в октябре 1982 г. при посредничестве Кувейта и ОАЭ Оман и НДРЙ восстановили дипломатические отношения, что сразу же сказалось на деятельности Фронта, который, лишившись поддержки извне, практически прекратил свою деятельность.

В структуре провинциального управленческого аппарата также проводились целенаправленные преобразования, имевшие целью подорвать позиции шейхов племен. В настоящее время вся территория султаната разделена на восемь административных округов, включающих в себя 59 *вилаяетов* (провинций), возглавляемых *ваши* (губернаторами).

За истекшие десятилетия под эгидой султана в Омане интенсивно создавались новые структуры и институты, которые внесли существенные изменения в организацию политической и общественной жизни страны. В 1981 г. султан Кабус сформировал Консультативный совет, который в 1991 г. был преобразован в Совет шуры (Маджлис аш-шура). Совет шуры является своего рода парламентом, центром представительной власти, в котором собраны только народные представители и нет государственных чиновников. В ноябре 1996 г. султан подписал первый Основной закон (конституцию) Омана, в котором определены полномочия султана и порядок престолонаследия, а также впервые провозглашаются основные права граждан. Согласно конституции в Омане действует двухпалатный совещательный орган — Совет Омана (Маджлис Оман), состоящий из Совета шуры и Государственного совета (Маджлис ад-дауля). Кроме этого, в стране существует исполнительный орган власти — Кабинет министров.

С 1978 г. в стране проводится политика «оманизации», т.е. замены иммигрантов местными трудовыми ресурсами. Социальная политика предусматривает бесплатное образование и здравоохранение, увеличение числа рабочих мест для оманцев, выделение льготных кредитов на жилищное строительство (в том числе передача жилищных комплексов нуждающимся местным жителям безвозмездно) и т.д.

Глава 18

ИРАК

Ирак — страна, выделяющаяся редким для арабского мира сочетанием богатейших природных ресурсов: земли, воды, углеводородного сырья¹ и численности населения, — во второй половине XX в. развивался неравномерно и непоследовательно. Пройдя через кризис 1940–1950-х годов, революцию «несбывшихся надежд» 1958 г., мощный рывок в индустриализации за счет резко возросших мировых цен на нефть в 1970-е годы, войну 1980–1988 гг. с Ираном, а также кувейтский кризис 1990–1991 гг., Ирак в итоге оказался отброшенным на многие десятилетия назад в своем развитии, а его население в жестких условиях международных санкций к концу XX в. было ввергнуто в состояние гуманитарной катастрофы. На международной арене Ирак превратился в один из наиболее острых очагов напряженности.

ОТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1958 г.

Вторая мировая война, не затронув фундаментальных основ общественно-политической жизни страны, тем не менее не обошла Ирак стороной. Сложившаяся в эти годы конъюнктура вызвала резкое обострение социально-экономических и политических проблем в стране, которое приняло в 1940–1950-е годы характер глубокого всестороннего кризиса. Основу этого кризиса составлял контраст между потребностью Ирака в развитии и неспособностью монархического режима решать эту задачу. Проявлениями этого кризиса были забастовки рабочих, массовые выступления городского населения, стихийные бунты крестьян, активизация деятельности политической оппозиции.

Большое влияние на подъем демократического движения в Ираке оказала победа во Второй мировой войне сил антифашистской коалиции во главе с Советским Союзом.

Под давлением борьбы рабочих правящие круги шли на некоторые уступки: был принят Закон о труде, дано разрешение на создание профсоюзов, за исключением нефтяной отрасли и сферы государственной службы. Однако главным средством «усмирения» восставших было применение силы: разгоны демонстраций, аресты руководителей и участников забастовок, расстрелы и заключение в тюрьмы сопровождали практически каждое выступление.

¹ Ирак занимает второе после Саудовской Аравии место в мире по запасам нефти — 15,3 млрд. т в 2000 г.

Конъюнктура войны дала определенный импульс расширению производства в отраслях легкой промышленности, сопровождавшемуся возрастанием доли национального капитала, укреплением позиций частного предпринимательства. Однако в 1940-х годах этот активизировавшийся процесс в Ираке был лишен всякой перспективы. Два препятствия стояло на пути капиталистической трансформации страны: узость внутреннего рынка и безраздельный контроль Англии над производственной, финансовой и торговой сферами Ирака. Устранение этих препятствий стало той исторической задачей, которую предстояло решить этой стране. Ее важнейшими составляющими являлись демократизация политической жизни, изменение системы землевладения, проведение экономических реформ и пересмотр формулы отношений с Англией, определявшихся англо-иракским договором 1930 г. Уход правительства Ирака от решения этих проблем вызывал возрастание напряженности в социально-экономической жизни страны, усугублявшейся к тому же отсутствием стабильности внутри самого политического режима: за 1944–1958 гг. сменилось около 20 правительств. Только в 1946 г. их было четыре. Эта правительственная чехарда отражала борьбу между противостоявшими блоками, группами, отдельными личностями по вопросам внутренней и внешней политики страны. В конце войны среди правящей элиты стали раздаваться голоса о необходимости проведения умеренных реформ как средства предотвращения революционных потрясений. Этим настроениям отвечало выступление 27 декабря 1945 г. регента Абд аль-Илаха, пообещавшего пересмотреть избирательный закон Ирака, разрешить деятельность политических партий и провести ряд экономических и социальных реформ.

В апреле 1946 г. получили разрешение на легальную деятельность пять политических партий. Три из них — Национально-демократическая партия (аль-Хизб аль-ватани ад-димукрати, НДП), Партия независимости (аль-Хизб аль-истиقلال) и Партия либералов (аль-Хизб аль-ахрар), отражая интересы различных групп буржуазии, интеллигенции и либеральных феодалов, выступали за реформистский путь модернизации Ирака.

Значительным влиянием среди интеллигенции, учащихся, мелких торговцев и ремесленников пользовались Партия национального единства (аль-Хизб аль-иттихад аль-ватани) и Партия народа (аль-Хизб аш-шааб). Обе эти партии последовательно выступали против английского засилья и решительно требовали проведения социальных и экономических реформ, за что и подверглись наибольшему преследованиям.

Разрешение на свою деятельность не получила Иракская компартия (ИКП), завоевавшая в годы войны большой авторитет среди интеллигенции и в кругах национальных и религиозных меньшинств. Небольшая по численности, она выделялась среди других партий своей организованностью и дисциплиной. В 1946 г. была создана Демократическая партия Курдистана (ДПК), объединившая в своих рядах представителей разных социальных слоев курдов Ирака.

Период «демократизации» был весьма недолог. Летом 1946 г. реакция перешла в наступление. Последующие годы отмечены цикличностью в политических действиях иракских правительств, чередованием уступок и жесткого насильств-

венного курса. Самым суровым преследованиям подвергались иракские коммунисты. В январе 1947 г. были арестованы и в феврале 1949 г. казнены генеральный секретарь компартии Ирака Юсуф Сулейман Юсуф (Фахид) и члены ЦК ИКП Заки Мухаммед Басам и Хусейн Мухаммед аш-Шабиби.

Десятилетие накануне революции 1958 г. в Ираке характеризуется дальнейшим обострением социально-экономических и политических проблем страны, усугублявшихся внешнеполитическим курсом режима. Ответом на попытку правительства Салиха Джабера, первого премьера-шиита в истории Ирака, заменить англо-иракский договор 1930 г. на новый, ничего не менявший по существу, было восстание в январе 1948 г. Выступления сопровождалось жертвами. В этой ситуации власти не решились на рагификацию подписанного 15 января 1948 г. в Портсмуте (Англия) договора. Отношения с Англией по-прежнему определялись договором 1930 г.

Ирак стал единственной арабской страной, которую Западу удалось вовлечь в военный блок. Эта акция резко диссонировала с освободительными процессами, охватившими в 1950-е годы арабский мир. В январе 1955 г. Ирак разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом.

24 февраля 1955 г. премьер Нури Саид заключил военно-политический договор с Турцией, положивший начало Багдадскому пакту, членами которого стали Ирак, Турция, Пакистан и Иран. К иракско-турецкому договору присоединилась Англия. Подписанное 4 апреля 1955 г. англо-иракское соглашение заменило договор 1930 г., при этом все прежние военно-стратегические интересы Англии продолжали соблюдаться. Выход Ирака из Багдадского пакта стал главным требованием иракской оппозиции с 1955 г. С особой силой это проявилось в мощных акциях протеста во время Суэцкого кризиса и «тройственной агрессии» Англии, Франции и Израиля против Египта в ноябре 1956 г., вылившихся во всеобщее восстание. Над его руководителями и участниками власти учинили жестокую расправу.

Деспотический монархический режим в Ираке к середине 1950-х годов полностью изжил себя. За время своего существования (1921–1958) монархия не сумела решить основных проблем страны, в числе которых главная — создание условий для модернизации как важнейшей предпосылки национальной и социальной консолидации иракского общества. К середине XX в. Ирак оставался разделенным на три мало связанные между собой части: курдский север, арабо-суннитский центр и арабо-шиитский юг. Курдская и шиитская проблемы выступали как факторы постоянной внутривнутриполитической напряженности.

Повышение доходов от нефти в 1950-е годы еще более отдалило правящую верхушку Ирака практически от всех слоев общества: сосредоточив в своих руках огромные богатства, режим не сделал ничего для развития национальной экономики и решения острейших социальных проблем. На повестке дня стояла задача кардинального изменения политического строя Ирака.

Поражение восстания 1956 г. ускорило объединение национальных партий и организаций Ирака, ставивших своей целью свержение реакционной власти. В феврале 1957 г. был создан Фронт национального единства (ФНЕ). разрабо-

танная Фронтом программа предусматривала: отстранение от власти феодально-монархической клики и роспуск реакционного парламента: выход Ирака из Багдадского пакта и проведение политики позитивного нейтралитета; отмену чрезвычайных законов и предоставление народу демократических свобод; освобождение всех политзаключенных и восстановление их гражданских прав. Эти главные на тот момент для Ирака требования были сформулированы вошедшими во Фронт представителями четырех политических партий: Иракской компартии, НДП, партии Баас² и Партии независимости (Истикляль). ДИК не вошла в ФНЕ, но одобрила его программу и согласовывала с ним свою деятельность.

В 1950-е годы оппозиционные настроения зрели и в офицерской среде. С 1952 г. в Ираке стали возникать группы организации «Свободные офицеры». Ее центральное ядро возглавил бригадный генерал Абд аль-Керим Касем, его заместителем был полковник Абд ас-Салам Ареф. Воснные установили контакт с ФНЕ. Их общей целью была ликвидация реакционного коррумпированного режима в стране.

В ночь с 13 на 14 июля 1958 г. 19-я и 20-я бригады 3-й дивизии во главе с их командирами Абд аль-Керимом Касемом и Абд ас-Саламом Арефом, воспользовавшись благоприятно сложившейся ситуацией и действуя в контакте с ФНЕ, вступили в Багдад, заняли стратегические пункты и королевский дворец, убили короля Фейсала II, регента Абд аль-Илаха, других членов королевской семьи и провозгласили Ирак республикой. «Вечный премьер» Нури Саид был убит восставшими багдадцами через несколько дней. В Ираке свершилась антимонархическая, антифеодальная, буржуазно-демократическая революция. В ней приняли участие широкие слои населения. Революция 14 июля стала важнейшей политической предпосылкой вступления страны на путь обновления

ИРАКСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КАСЕМА (июль 1958 — февраль 1963 г.)

Первое республиканское правительство было сформировано из членов организации «Свободные офицеры» и политических партий, входивших в ФНЕ, кроме компартии. Правительство возглавил Абд аль-Керим Касем, его заместителем стал Абд ас-Салам Ареф. Ключевые посты в кабинете заняли ближайшие сторонники Касема и лидеры НДП. Партии Истикляль и Баас должны были довольствоваться второстепенными постами. По инициативе компартии были созданы отряды народного сопротивления и комитеты защиты республики, сыгравшие важную роль в укреплении новой власти.

² Иракская партия арабского социалистического возрождения была образована в 1952 г. как региональное отделение созданной в 1947 г. в Дамаске общепарабской Партии возрождения (Баас — араб. «возрождение»). После ее слияния в 1954 г. с Арабской социалистической партией она стала называться «Партия арабского социалистического возрождения». Основу ее идеологии и практики составляют лозунги «единство», «свобода», «социализм», призывающие всех арабов («единую арабскую нацию») сплотиться (под эгидой партии Баас) для борьбы «против империализма и внутренней реакции».

Республиканское правительство получило поддержку курдов. ДПК в своем заявлении от 16 июля 1958 г. приветствовала революцию и выражала надежду, что новое правительство создаст условия для свободного и равноправного развития всех народов, населяющих Ирак.

Под давлением народных масс — арабов, курдов, национальных меньшинств — и при опоре на них правительство в первый год существования республики (июль 1958 — июль 1959 г.) добилось наибольших успехов как во внутренней, так и во внешней политике.

26 июля 1958 г. была принята первая временная конституция Иракской республики, провозгласившая равенство всех граждан страны перед законом. Впервые равные права с мужчинами получили женщины Ирака. Законодательные функции распущенного парламента были переданы Государственному совету, состоявшему из трех членов.

Политические партии, включая ИКП, хотя формально и не легализованные, действовали открыто, свободно издавали свои газеты. Вышли из подполья массовые общественные и профсоюзные организации. Из тюрем были освобождены политические заключенные, получили амнистию и разрешение вернуться на родину участники курдского национального восстания 1943–1945 гг. во главе со своим вождем Мустафой Барзани.

Были арестованы и преданы суду главные деятели монархического режима, начата чистка государственного аппарата.

30 сентября 1958 г. был издан Закон об аграрной реформе, предусматривавший ограничение земельной собственности и наделение землей безземельных крестьян. Закон имел весьма ограниченный характер, он не ликвидировал феодальные отношения в деревне, не влиял существенно на экономическую ситуацию в стране. Принятие этого закона преследовало политическую цель — он подрывал властные позиции всемогущей земельной олигархии.

Правительство разрабатывало также планы промышленного развития с упором на использование национальных природных ресурсов.

В области внешней политики правительство Касема сразу после революции приостановило, а 24 марта 1959 г. ликвидировало свое членство в Багдадском пакте, что автоматически прекращало действие англо-иракского соглашения 1955 г. 30 мая 1959 г. последний английский солдат покинул иракскую землю. Тогда же были денонсированы три американо-иракских соглашения по военным и экономическим вопросам.

Большое место в становлении национальной экономики Ирак отводил развитию связей с Советским Союзом, уже 16 июля признавшим Иракскую республику. Советско-иракские дипломатические отношения были восстановлены 18 июля. В дальнейшем между нашими странами был подписан ряд соглашений по торговому, экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, подготовке кадров.

Осуществление провозглашенных программ наталкивалось на огромные трудности, главной из которых было противодействие мерам республиканского правительства со стороны консолидировавшей свои ряды реакции, представлен-

ной силами свергнутого монархического режима и его социальной опоры. В оппозицию к Касему встали и некоторые политические группы, принявшие участие в революции, но затем отказавшиеся от сотрудничества. Среди них была партия Баас и тесно связанная с ней военная группировка Абд ас-Саяма Арефа. После свержения монархии интересы недавних соратников по ФНГ оказались разнонаправленными, и их временный союз распался на противоборствующие группировки. Заговоры против правительства Касема следовали один за другим. В ноябре 1958 г. был раскрыт заговор А.С. Арефа. В декабре того же года не удался заговор партии Истикляль, поддержанный монархистами. В марте 1959 г. был подавлен мятеж войск мосульского гарнизона во главе с полковником Абд аль-Ваххабом аш-Шаввафом. Своего апогея антиправительственная деятельность достигла в июле 1959 г., когда реакция спровоцировала серьезные беспорядки в Киркуке, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями и жертвами. В ликвидации конфликта активное участие принимали коммунисты, влияние и авторитет которых неуклонно возрастали, и отряды защиты революции. Деятельность ИКП Касем стал оценивать как серьезную угрозу его личным амбициям. Воспользовавшись допущенными коммунистами во время киркукских событий ошибками, Касем развернул жесткое наступление на позиции компартии и других демократических сил. Число арестованных в 1959 г. приблизилось к 16 тыс., большинство из них были коммунисты.

Антикоммунистические акции властей тут же были использованы реакцией. 7 октября 1959 г. на Касема было совершено покушение, в котором участвовал молодой Саддам Хусейн. Выступления оппозиции вынудили Касема осуществить некоторые меры по демократизации, в частности принять закон о политических партиях. Лицензии получили Национально-демократическая партия и Демократическая партия Курдистана. Но одновременно правительство продолжало преследование коммунистов и активных деятелей массовых демократических организаций. Антикоммунистический и в целом антидемократический курс Касема нашел свое проявление и в курдском вопросе. С 1960 г. отношения между правительством и руководством ДПК стали ухудшаться. Обострилась ситуация и в самом Курдистане. Летом 1961 г. под предлогом «пресечения» беспорядков в северные районы были введены войска. 11 сентября 1961 г. правительство начало широкомасштабные военные действия против курдов. С этого времени курдский народ был вынужден отстаивать свои национальные права с оружием в руках.

Война с курдами, поглощавшая при Касеме ежедневно более 150 тыс. долл., резко ухудшила и без того кризисное состояние экономики Ирака. Нехватка продовольствия, рост цен, срыв планов экономического развития, провал аграрной реформы, массовая безработица в сочетании с политической нестабильностью, ухудшением взаимоотношений как с Западом, так и социалистическими странами — все это привело к утрате Касемом доверия трудящихся масс и поддержки деловых кругов страны.

Занятая Касемом позиция лавирования между демократическими и реакционными националистическими силами лишила его в итоге всякой социальной опо-

ры. Самыми яркими противниками режима были баасисты и иракские юнионисты (сторонники объединения арабских стран), принявшие решение о насильственном свержении Касема еще после провала Мосульского мятежа в марте 1959 г.

8 февраля 1963 г. члены так называемого Социалистического блока³ организовали государственный переворот. Касем и его ближайшие сподвижники были убиты. Заговорщики объявили целью своих действий восстановление принципов Июльской революции, попраных «узурпаторским режимом Касема».

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ БААС (февраль — ноябрь 1963 г.)

Руководители переворота 8 февраля создали новые органы власти — Национальный совет революционного командования и правительство. Пост президента республики занял тесно сотрудничавший с Баас генерал Абд ас-Салам Ареф, премьер-министром стал член регионального руководства партии Баас бригадный генерал Ахмед Хасан аль-Бакр. Фактически вся полнота власти была сосредоточена в руках правых баасистов во главе с заместителем премьера и министром внутренних дел Али Салихом ас-Саади.

В правительственной программе, в соответствии с баасистской доктриной, содержалось положение о построении в Ираке «социалистического общества», давалось обещание решить курдский вопрос, делался упор на ускорение процесса объединения арабов. Однако слова так и не стали делами.

Короткое время пребывания Баас у власти было заполнено стремлением руководства партии утвердить свое лидерство в политической сфере.

Готовя заговор против Касема, баасисты ставили также задачу расправиться со своим главным соперником — компартией и вырвать массы из-под ее влияния. Под флагом «восстановления законности» правые баасисты развязали террор против коммунистов, в котором участвовали армия, полиция и баасистские отряды Национальной гвардии. Только в первые дни переворота было убито около пяти тысяч человек и более десяти тысяч брошены в тюрьмы. Жертвами баасистов стали генеральный секретарь и член политбюро ИКП Салам Адиль, члены политбюро Мухаммед Хусейн Абу аль-Ис, Хасан Увейни и многие другие руководители иракских коммунистов.

Расправившись с коммунистами, баасистский режим в июне 1963 г. начал широкомасштабную войну против курдов, в которой участвовали две трети армии. Военные действия сопровождались актами насилия и жестокости по отношению к мирному населению. Они встретили резкое осуждение мировой общественности.

Серьезные разногласия между участниками «Социалистического блока» по вопросам внутренней и внешней политики летом 1963 г. привели к развалу этой

³ «Социалистический блок» был создан в марте 1961 г. В него вошли партия Баас, иракские отделения Движения арабских националистов (ДАН), движение насеристов-юнионистов, военная группировка Абд ас-Салама Арефа. К нему примыкали Истикляль и много мелких националистических группировок.

весьма неустойчивой коалиции и к арестам ряда юнионистов. От Баас отошли все ее недавние союзники, включая А.С. Арефа.

Противоречивость политического курса баасистского режима, его неспособность решить самые неотложные проблемы страны ввергли Ирак в глубокий экономический кризис, нанесли огромный урон делу национального единства страны.

Нараставшая изоляция правительства в Ираке и в арабском мире вызвала обострение противоречий в руководстве партии Баас. Созванный в октябре 1963 г. в Дамаске VI общеарабский съезд Баас принял решение об отстранении лидеров иракского регионального отделения от руководства партией и страной. Однако пока баасисты решали свои внутренние разногласия, военные во главе с Абд ас-Салямом Арефом 18 ноября совершили в Ираке государственный переворот и отстранили правых баасистов от власти.

ВОЕННЫЙ РЕЖИМ БРАТЬЕВ АРЕФ (ноябрь 1963 — июль 1968 г.)

Пришедшие к власти военные освободились от блока с правыми баасистами, но сохранили сотрудничество с лидерами «умеренного» крыла Баас — Тахером Яхьей, Талемом Шабибом, Хаземом Джавадом и др., поддержавшими переворот. Был создан новый Национальный совет революционного командования (НСРК), составленный только из высших офицеров. Абд ас-Салям Ареф занял три наиболее важных поста: президента республики, председателя НСРК и главнокомандующего вооруженными силами Ирака. Премьером стал генерал Тахер Яхья. Новая власть представляла собой временный блок различных группировок, что наложило свой отпечаток и на ее программы, и на практическую деятельность.

Период правления президента Абд ас-Саляма Арефа, а после его трагической гибели 13 апреля 1966 г. его брата Абд ар-Рахмана Арефа, несмотря на предпринимаемые обоими лидерами некоторые позитивные шаги в политико-экономической сфере, в целом характеризуется дальнейшим нарастанием глубокого всестороннего кризиса, в который Ирак погружался с начала 1960-х годов. Попытки разрешения острых внутренних проблем и вывода страны из внешней изоляции носили непоследовательный, противоречивый и в основном декларативный характер. С одной стороны, после переворота была ликвидирована Национальная гвардия и высланы из страны ее лидеры. В июле 1964 г. были приняты законы о национализации крупных промышленных, торговых и страховых компаний, а также коммерческих банков; принята новая временная конституция и создан Социалистический союз Ирака; ограничена деятельность монополии «Ирак Петролеум Компани» и создана Иракская национальная нефтяная компания. В феврале 1964 г. было объявлено о прекращении военных действий в Курдистане, а 29 июня 1966 г. правительство А.Р. аль-Баззаза выработало программу по урегулированию отношений с курдами, которая была принята курдским руководством.

Но с другой стороны, были запрещены все политические партии. С мая 1965 по апрель 1966 г. велись ожесточенные действия против курдов. Не получили разрешения ни одна из важнейших проблем страны в экономике, курдском вопросе, демократизации общества. Все эти проблемы приобрели еще большую остроту после поражения арабских стран в «шестидневной войне» с Израилем в июне 1967 г. Эта война сопровождалась введением в Ираке дополнительных налогов, ухудшивших и без того тяжелое положение трудового населения страны. В городах и деревнях участились антиправительственные выступления. Президент А.Р. Ареф избрал своей тактикой лавирование между левой и правой оппозицией, что лишь расшатывало его режим и вело к дальнейшему обострению политического кризиса в стране. Антинародный диктаторский режим военных стал главным препятствием на пути развития Ирака.

ВТОРОЙ ПРИХОД К ВЛАСТИ ПАРТИИ БААС (1968–1979)

Оценив сложившуюся ситуацию, партия Баас при поддержке военных совершила 17–30 июля 1968 г. государственный переворот и обеспечила себе безраздельную власть в стране.

Для руководства делами республики был учрежден Совет революционного командования (СРК), сосредоточивший в своих руках всю полноту власти. Возглавил СРК Ахмед Хасан аль-Бакр, занявший одновременно посты президента, премьер-министра, главнокомандующего армией. Партия Баас, вынужденная до 1968 г. работать в подполье, сумела сохранить свою организацию и влияние, в том числе и в армии. Ее поражение в 1963 г. сопровождалось резким обострением фракционной борьбы в самой партии, переживавшей во второй половине 1960-х годов тяжелый период переоценки своей предшествующей деятельности. Пришедшая к руководству Баас военная группировка аль-Бахра отмежевалась от крайне правых элементов в своем составе, возложив на них вину за преследование коммунистов и демократов и войну с курдами. Большой политический опыт, которым обладала партия Баас, наличие у нее более или менее четко сформулированной программы — на фоне разобщенности и слабости левых сил, в том числе и ИКП (после физической ликвидации в 1963 г. значительной части ее актива), — способствовали успеху баасистов.

Придя вторично к власти, партия Баас была полна решимости теперь удержать ее в своих руках. Добиться этого можно было лишь при опоре на широкие массы иракского народа, что для баасистов явилось делом совсем непростым. Сам переворот 17–30 июля был встречен в Ираке весьма настороженно: с партией Баас, с именем А.Х. аль-Бахра, равно как и других активных участников переворота, у иракцев ассоциировался мрачный период баасистского правления 1963 г., свергнувшего страну в глубокий всеобъемлющий кризис. Завоевать доверие масс партия Баас могла лишь конкретными действиями, отвечавшими интересам различных слоев иракского общества.

В 1968 г. перед Ираком стояли все те же главные задачи: создание условий для преодоления отсталости на базе динамичного устойчивого развития экономики в соответствии с запросами модернизации; осуществление аграрной реформы в интересах крестьянства; решение курдской проблемы на принципах широкой демократизации общественно-политической жизни Ирака; сплочение всех патриотических сил страны для решения этих задач.

Руководство партии Баас призывало к сотрудничеству «все здоровые силы нации». Особый интерес для баасистов представляли коммунисты и курды: при их поддержке Баас рассчитывала найти опору в тех слоях населения, среди которых ИКП и ДИК имели большой авторитет. Однако слишком свежи в памяти были трагические события 1963 г. К тому же в первые годы вторичного пребывания у власти (июль 1968 — начало 1970 г.) руководство этой партии, выдвигая предложение о сотрудничестве, настаивало на признании ее единственной «руководящей силой» в едином фронте. При этом продолжалась политика преследований коммунистов, весь 1969 г. не прекращались военные действия против отрядов Барзани и карательные акции против курдского мирного населения. Такая политика затрудняла сближение руководства Баас с коммунистами и курдами. Кроме того, контакты Баас с ИКП и ДПК вызвали противодействие правых сил внутри руководства этой партии. Попытка антиправительственного переворота в январе 1970 г. заставила иракское руководство пойти на урегулирование курдского вопроса, сдерживавшего решение других неотложных политических и социально-экономических проблем Ирака.

11 марта 1970 г. было опубликовано «Заявление СРК об урегулировании курдской проблемы», являвшееся соглашением между правительством и курдами. Главным в соглашении стало признание права курдского народа на автономию. Это была большая победа курдского национального движения в Ираке.

Установление мира на севере страны позволило власти приступить к решению других задач. 21 мая 1970 г. был издан закон № 117, считающийся одним из наиболее радикальных в области аграрных преобразований. Закон предусматривал ограничение земельной собственности, изъятие излишков земли и распределение ее среди крестьян наделами, размеры которых определялись с учетом плодородия почвы, расположения участков, обеспеченности водой, вида выращиваемых культур. Он был направлен против наиболее архаичных структур в деревне. Проведенные преобразования закрепили принцип частной собственности на землю, что не решило проблемы малоземелья и безземелья.

Преодоление экономической отсталости партия Баас видела в ускорении темпов индустриализации страны, в создании таких отраслей промышленности, как нефтехимия, электроэнергетика, машиностроение. Определяющее место в этом вопросе отводилось госсектору при допуске государственно-частного и частного секторов.

Базу реализации планов промышленного развития составили неуклонно возрасставшие доходы от экспорта нефти.

В 1972–1975 гг. правительство Ирака осуществило национализацию многонациональной компании «Ирак Петролеум», поставив под свой полный контроль

главное богатство страны — нефть. Резкое повышение в 1974 г. мировых цен на нефть сопровождалось беспрецедентным усилением власти и влияния правящей в Ираке партии. За 1968–1980 гг. поступления в государственную казну страны от экспорта нефти выросли более чем в 54 раза (с 476 млн. до 26 134 млн. долл.). Это дало Баас такую степень власти и независимости, которой никогда не имело ни одно из предыдущих правительств в Ираке. Реальная власть в стране, в том числе финансовая, оказалась в руках небольшой группы членов СРК — высшего правящего органа Ирака.

Большое внимание правительство уделяло решению социальных вопросов. В 1970–1971 гг. были приняты законы о труде, пенсиях и социальном обеспечении. Много было сделано для улучшения медицинского обслуживания, профессиональной подготовки и обучения рабочих в специальных центрах. В 1970-е годы в Ираке сложилась одна из лучших образовательных систем в арабском мире.

Прогрессивные тенденции в решении иракским руководством важнейших внутренних проблем подкреплялись существенными переменами и в его внешней политике. Расширялось сотрудничество с дружественными Ираку государствами, среди которых особое место отводилось Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Заключенный 9 апреля 1972 г. советско-иракский Договор о дружбе и сотрудничестве поднял на более высокую ступень отношения между СССР и Ираком.

Осуществлявшиеся баасистским руководством преобразования создавали предпосылки для сближения национально-патриотических сил страны. 17 июля 1973 г. руководители Баас и ИКП подписали совместное заявление о сотрудничестве в рамках созданного Прогрессивного национально-патриотического фронта (ПНПФ), куда кроме коммунистов и баасистов вошли прогрессивные националисты и независимые демократы. Были зарезервированы места и за ДПК. Руководство во Фронте принадлежало баасистам, которые стали использовать ПНПФ для упрочения своих позиций и установления контроля за деятельностью иракских коммунистов.

В начале 1970-х годов партия Баас укрепляла свои позиции путем «баасизации» армии и государственного аппарата. Эта линия проводилась и в Курдистане. Уже с 1970 г. в курдских районах нарастала напряженность, которая в итоге вылилась в новое вооруженное противостояние Багдада и курдов. 11 марта 1974 г. был принят закон № 33 об автономии Курдистана, предусматривавший создание Курдского автономного района (КАР).

ДПК во главе с Барзани, оценив закон как несовершенный, к тому же принятый без предварительного согласования с курдской стороной, одобрить его отказалась.

В марте 1974 г. отряды Барзани перешли к вооруженному сопротивлению правительству. Военные действия сразу приобрели ожесточенный характер, сопровождалась большими жертвами среди мирного населения, в массовом порядке эмигрировавшего в Иран. Власти разрушали курдские деревни, а жителей насильственно переселяли в центральные и южные районы страны. В 1975 г. правительственные войска смогли подавить вооруженное сопротивление курдов,

воспользовавшись Алжирским соглашением 1975 г. с Ираном, в соответствии с которым Тегеран обязался прекратить помощь курдским повстанцам Ирака. Курдский вопрос был решен по-баасистски: «автономия» стала средством подчинения развития Курдистана интересам баасистов. Мустафа Барзани эмигрировал в Иран, а затем в США, где он умер в 1979 г.

Подавление вооруженного выступления Барзани в 1974–1975 гг. привело к изменению политической ситуации в Курдистане, к расколу в рядах курдского национального движения, к образованию на месте ДПК нескольких группировок, вступивших между собой в противоборство. Главными из них стали Демократическая партия Курдистана во главе с сыном Мустафы Барзани Масудом Барзани и Патриотический союз Курдистана во главе с видным лидером курдов Джалалом Талабани.

Поражение курдов повлекло за собой ослабление общедемократической борьбы в Ираке и ускорение становления диктатуры баасистского руководства.

Наряду с курдской важнейшей социально-экономической проблемой Ирака является шиитская. Община шиитов в Ираке — самая многочисленная среди общин арабских стран, занимающая третье место в мире после общин Ирана и Пакистана. В Ираке она насчитывает около 13 млн. человек, что составляет 60–65% всех мусульман Ирака и примерно 80% мусульман-арабов. Шиитами являются 30% живущих в этой стране туркоманов (туркмен). К этой общине принадлежали и те 200 тыс. иракцев иранского происхождения, которых власти Ирака выслали из страны в конце 1970-х годов.

Шииты, представляющие наиболее отсталую в политическом, экономическом и культурном отношении часть населения, живут в основном на юге Ирака, много их в Багдаде. Священными городами шиитов являются Кербела и Неджеф.

Острота шиитской проблемы — в традиционно подчиненном положении шиитов, в их отстраненности от власти: суннитами были правители Османской империи, свергнутые революцией 1958 г. члены королевской династии, а также лидеры правящих кругов республиканских режимов.

С приходом к власти в 1968 г. партии Баас ситуация в шиитских районах усложнилась, что кроме многих других факторов было вызвано такими мерами правительства, как введение цензуры на религиозные публикации, закрытие ряда исламских шиитских учебных заведений, а также разрешение впервые в истории страны продажи алкоголя в священных городах шиитов. Шиитское духовенство, пользующееся большим авторитетом у населения, сплотило верующих для выражения протеста. В 1968 г. в Ираке было основано подпольное политическое движение «ад-Дава аль-исламийя» («Исламский призыв»). Первые политические демонстрации протеста шиитов в республиканском Ираке состоялись в 1974 г. Причиной их было не только ущемление экономических интересов шиитов, но и их крайне немногочисленное участие в высших эшелонах власти, низкий удельный вес среди образованных людей и специалистов. Власти отреагировали на эти демонстрации мгновенно: 25 шиитских лидеров были арестованы, пятерых из них казнили. С этого времени в шиитских массах нарастали скрытые антибаасистские настроения, вылившиеся в феврале 1977 г. в острую откры-

тую форму. Стычка полиции с религиозной процессией шиитов, направлявшейся из Неджефа в Кербелу, вызвала массовые шиитские волнения. При их подавлении несколько десятков участников волнений были убиты, около двух тысяч — арестованы. Это был самый массовый и длительный вызов шиитов правлению Баас. Трибунал приговорил 8 человек к смерти, а 15 — к пожизненному заключению.

В качестве средства борьбы с шиитской оппозицией власти применяли и экономические меры: в 1978 г. под строгий контроль были поставлены все доходы шиитов, что подрывало влияние шиитского духовенства среди рядовых членов общины.

Исламская революция 1979 г. в Иране вызвала подъем среди широких масс шиитов. Ее открыто поддержали лидеры «ад-Даава». Баас ответила на это тактикой «кнута и пряника». В марте 1980 г. на шиитов вновь обрушились репрессии: были казнены 97 военных и гражданских лиц, половина из которых были членами движения «ад-Даава». Декретом СРК от 31 марта 1980 г. «ад-Даава» была запрещена, членство в ней стало караться смертной казнью. 8 апреля 1980 г. был казнен глава шиитов Ирака аятолла Мухаммед Бакир ас-Садр, не раз выступавший с осуждением баасистского режима. Вместе с тем власти пошли на некоторые политические и экономические уступки шиитам. Например, было принято решение о включении в состав парламента 40% депутатов-шиитов, его спикером в 1980 и 1984 гг. был избран Наим Хаддад, шиит, известный государственный деятель, член СРК и регионального руководства Баас. Впервые в истории Ирака религиозные праздники шиитов были объявлены общегосударственными.

Укрепив к середине 1970-х годов свои позиции в руководстве страной, Баас все меньше нуждалась в сотрудничестве с другими партиями. После разгрома курдского движения и выступлений шиитов на Юге кампания репрессий была развязана и против коммунистов. В мае 1978 г., используя ставшее традиционным обвинение в «политической деятельности в вооруженных силах», власти казнили 31 члена ИКП и их сторонников. В 1979 г. число арестованных по политическим мотивам (большинство из них составляли коммунисты) равнялось десяти тысячам.

Руководство ИКП в мае 1979 г. приняло решение о выходе из ПНПФ, что на деле означало развал Фронта, хотя формально он продолжал свое существование.

В конце 1970-х годов в Ираке стал складываться авторитарный диктаторский режим. Последовательную линию на укрепление своих позиций в партии вел Саддам Хусейн, уроженец г. Тикрит, член партии с 1957 г. К 1968 г. он стал в Баас фигурой номер один. При президенте А.Х. аль-Бакре С. Хусейн занимал посты вице-президента, заместителя генерального секретаря партии, председателя партийного бюро по национальной безопасности, поставив фактически под свой контроль руководство Баас. 16 июля 1979 г. А.Х. аль-Бакр «добровольно» отказался от занимаемых постов «по болезни». Единоличная власть сосредоточилась в руках Саддама Хусейна, который стал генеральным секретарем регионального руководства Баас, председателем СРК, президентом республики и главнокомандующим вооруженными силами страны. Несогласных с усилением дик-

гатуры С. Хусейна членов Баас в 1979–1980 гг. подвергли репрессиям. 22 члена руководящих органов этой партии, включая пятерых членов СРК, суд приговорил к смертной казни.

Одновременно партия Баас старалась придать демократический облик режиму. В июне 1980 г. впервые в истории республики состоялись выборы в Национальный совет (парламент) Ирака. На 250 мест было выдвинуто 840 кандидатов из числа представителей Баас и партий, оставшихся в ПНПФ.

В сентябре 1980 г. прошли выборы и в Законодательный совет КАР, кандидаты в который были выдвинуты от курдских политических партий, сотрудничавших с Баас.

ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА (1980–1988)

Укрепив свои позиции внутри страны, партия Баас все отчетливее стала заявлять о своих намерениях превратить Ирак в региональную державу. Определяющей линией в политике иракского руководства в 1970-е годы стала борьба за лидерство в зоне Персидского залива. Однако амбициозные притязания Ирака натолкнулись здесь на притязания и других центров силы — Ирана и Саудовской Аравии. С Ираном у Ирака существовали традиционно напряженные отношения, отражавшие соперничество обеих стран за лидирующую роль в зоне Персидского залива, взаимные территориальные претензии, религиозно-идеологические и национальные противоречия. И хотя временами обеим сторонам удавалось достичь договоренностей, снимавших напряжение, как это было в 1975 г. с подписанием Алжирской декларации, противоречия при этом не устранялись. Факторами, способствовавшими этому, были утрата Египтом лидирующих позиций в арабском мире, его изоляция после заключения мирного договора с Израилем, а также антишахская революция в Иране, воспринятая лидерами Ирака как фактор, весьма благоприятный для утверждения своей гегемонии в зоне Персидского залива. Между обеими странами нарастала напряженность, приведшая осенью 1980 г. к вооруженному конфликту, ответственность за который лежит на обеих сторонах.

Война началась 22 сентября 1980 г., когда иракские войска перешли границу и оккупировали около 25 тыс. кв. км иранской территории.

Преимущества Ирака на первом этапе войны были им полностью утрачены в результате наступательных операций иранских войск. К лету 1982 г. Ирак был вынужден отвести свои войска с иранской территории.

Военно-стратегическая инициатива перешла к иранцам. В 1986–1987 гг. им удалось форсировать р. Шатт-эль-Араб, захватить участки иракской территории и приблизиться к Басре на расстояние 10–12 км.

В 1984 г. зона военных действий охватила акваторию Персидского залива, что привело к появлению здесь боевых кораблей США, Англии и Франции и развязыванию «танкерной войны». Ее дополнила «война городов» — бомбардировка

иракской авиацией столицы Ирана Тегерана и других иранских городов и ракетные удары Ирана по городам Ирака.

Военные действия велись и на северном участке фронта, который проходил по территории Курдистана. На протяжении всей войны Ирак держал здесь десять дивизий, которые осуществляли карательные функции против «своих» курдов. Власти Ирака обвинили курдов в сотрудничестве с иранскими вооруженными силами. В качестве меры наказания 16 марта 1988 г. против мирного населения г. Халабджа был использован ядовитый газ. Около пяти тысяч женщин, детей, стариков (точной цифры нет) погибли, десятки тысяч получили увечья. В августе-сентябре 1988 г. против курдов было применено химическое оружие.

В 1988 г. ситуация на фронте изменилась в лучшую для Ирака сторону. Иракские войска провели в апреле-июне 1988 г. ряд успешных операций по освобождению п-ова Фао, ликвидации иранских плацдармов в районе Басры и практически полностью освободили свою территорию.

Поражение на юге заставило иранские войска срочно покинуть и северные районы Ирака.

С начала ирано-иракской войны мировое сообщество пыталось урегулировать вооруженный конфликт. Совет Безопасности ООН с 1980 по 1988 г. принял одиннадцать резолюций по вопросам ирано-иракского конфликта. Резолюция СБ № 598 от 20 июля 1987 г. содержала требование немедленного прекращения огня и всех военных действий и отвода войск к международно признанным границам. Ирак сразу признал эту резолюцию. Иран принял ее положения лишь после поражений 1988 г. 20 августа того же года стороны согласились на прекращение огня, а 25 августа вступили в прямые переговоры, которые, однако, не привели к подписанию мира.

Война дорого обошлась иракскому народу. По некоторым оценкам, людские потери на момент прекращения военных действий составили от 500 до 650 тыс. человек, из них 200-250 тыс. убитыми. Примерно в 200-250 млрд. долл. оценивается прямой ущерб от войны. Внешняя задолженность составила до 80 млрд. долл. Более половины этого долга приходится на страны Персидского залива. Существенный урон был нанесен экономике страны.

Вместе с тем в первые годы после войны в Ираке развернулось грандиозное строительство, коренным образом менявшее облик древней Месопотамии. Наряду с нефтяной индустрией быстро развивались другие отрасли современного производства. Повысился жизненный уровень населения. Ставилась задача ускоренного залечивания ран, нанесенных войной.

Война с Ираном была использована партией Баас для укрепления своих позиций. Продолжалась «баасизация» иракского общества. Используя условия чрезвычайного положения, руководство Баас нейтрализовало оппозицию, ликвидировало противников и установило в стране свою безраздельную диктатуру. В годы войны с Ираном в Ираке окончательно утвердилась однопартийная система. Завершилось становление личной диктатуры Саддама Хусейна. В его руках была сосредоточена вся полнота государственной, партийной и военной власти. Он принимал все основные решения в политической и экономической жизни страны, окончательно утверждал законы и другие государственные акты.

Оппозиция внутри страны была ликвидирована, а зарубежная представляла собой весьма пеструю картину. Несмотря на предпринимавшиеся попытки, она так и не смогла объединить свои ряды.

КУВЕЙТСКИЙ КРИЗИС 1990–1991 гг.

Выйдя из войны с Ираном «победителем», Саддам Хусейн вновь заявил о своих притязаниях на лидерство в регионе.

После окончания войны правительство Ирака разработало десятилетний план модернизации страны, который предусматривал восстановление разрушенного и грандиозное новое строительство, осуществление стратегических проектов (в том числе атомного) при сохранении неизменно высокими расходов на оборону. Финансовое обеспечение намеченного плана, по представлению Саддама Хусейна, следовало взять на себя богатым «братьям-арабам» как компенсацию за те усилия, которые приложил Ирак, защищая суверенитет арабских государств в войне с Ираном.

Свой выбор Саддам Хусейн остановил на Кувейте. Давние претензии Ирака к Кувейту — исторического, территориального, экономического, политического плана — в середине июля 1990 г. достигли стадии конфликта, когда Багдад обвинил Кувейт, а также ОАЭ в антииракской направленности их нефтяной политики, причинившей, по оценке С. Хусейна, огромный ущерб экономике его страны. Ирак потребовал от Кувейта выплатить компенсацию в сумме 2,4 млрд. долл. за нефть, якобы добытую Кувейтом на иракских месторождениях, списать 10-миллиардный долг Ирака Кувейту, образовавшийся из беспроцентных кредитов, полученных Ираком за годы войны с Ираном, и согласиться на демаркацию границы между двумя государствами на условиях Багдада.

Попытки Египта, Саудовской Аравии и Йеменской Республики урегулировать кризис в иракско-кувейтских отношениях успеха не имели. Сосредоточив у кувейтской границы 100-тысячное войско, Ирак 2 августа 1990 г. оккупировал Кувейт. 8 августа Багдад объявил об аннексии Кувейта, о превращении его в девятнадцатую провинцию Ирака.

Претендуя на роль выразителя интересов всей арабской нации, С. Хусейн выдвинул идею увязки урегулирования «проблемы Кувейта» с «немедленным и безусловным выводом израильских войск с оккупированных арабских территорий». Захватив Кувейт, иракский президент заявил о намерении «справедливо распределить богатства между имущими и бедными арабами», что на деле означало установление контроля над нефтяными богатствами Кувейта, которые вместе с иракскими составили бы около пятой части мировых запасов нефти. Это уже открывало возможности диктовать свои условия на мировом рынке нефти с учетом зависимости от ее импорта Западной Европы и Японии. Все это качественно изменило бы положение Ирака в мировом сообществе, особенно с учетом дальнейших экспансионистских планов, которые могли распространиться и на Саудовскую Аравию.

Миролюбивые силы встали на защиту Кувейта. С согласия Саудовской Аравии в районе конфликта был сконцентрирован наибольший со времени войны в Индокитае американский военный потенциал.

Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций, в том числе резолюцию № 678, предусматривавшую использование всех необходимых средств для восстановления международного мира и безопасности в случае невыполнения Ираком полностью до 15 января 1991 г. ранее принятых резолюций.

Саддам Хусейн отверг все мирные варианты решения конфликта. В результате силы антииракской коалиции, получившие мандат ООН, начали против Ирака операцию «Буря в пустыне» и в течение января–февраля 1991 г. нанесли ему военное поражение. Иракские войска были вытеснены с территории Кувейта. Многонациональные силы коалиции заняли южные районы Ирака.

Наступление войск коалиции послужило сигналом для выступления против диктаторского режима оппозиционных сил Ирака.

2 марта 1991 г. в г. Басра началось восстание шиитов. Повстанцы громили правительственные учреждения, отделения партии Баас, спецслужб, освобождали из тюрем заключенных. Сотни сотрудников спецслужб и партийных функционеров были убиты. Зачинщиком мятежа явилась отступавшая из Кувейта иракская армия, которую поддержало гражданское население. За неделю восстание охватило весь юг страны, включая священные города шиитов — Кербелу и Неджеф. Огряды республиканской гвардии с чудовищной жестокостью подавили выступление шиитов. Против своего народа были применены авиация, артиллерия, танки, напалмовые и фосфорные бомбы и снаряды.

Руководители повстанцев обратились к командованию многонациональных сил, находившихся недалеко от Басры, с просьбой о поддержке, но ответа не последовало. До конца марта восстание было разгромлено, оно явилось причиной больших жертв среди шиитов. Десятки тысяч мирных жителей были вынуждены покинуть свои дома и укрываться в болотистых районах юга Ирака, около 500 тыс. человек бежали в Иран.

Почти одновременно с шиитами на севере страны восстали курды. Они заняли главные города Курдистана — Киркук, Эрбиль, Сулейманию. В целом восстание на севере и юге Ирака охватило 40% территории страны. В Курдистан были переброшены правительственные войска, развернувшие крупномасштабные акции, направленные на истребление курдского народа. Более 2,5 млн. курдов под бомбежками и артиллерийским обстрелом, перед угрозой нового применения химического оружия оставили свои места жительства, перешли турецкую и иранскую границы, где они были обречены на жестокие страдания, на смерть от холода и голода. Массовый масштаб приняла гибель детей.

Командование коалиционных сил приняло решение оказать гуманитарную помощь курдам. С этой целью в курдские районы были введены части американских, английских и французских войск, которые заменили собой иракские части. Сюда поступало продовольствие, медикаменты, были возведены палаточные городки для курдских беженцев. С целью создания условий для возвращения курдов союзники приняли решение установить на севере Ирака «зону безопасности»

под международной опекой, которая в дальнейшем должна была стать «основой подлинной курдской автономии».

В качественно новых условиях, сложившихся в начале 1990-х годов, курдские лидеры пришли к осознанию необходимости замены формы курдского национального самоопределения с дискредитировавшей себя «внутренней автономией» на требование «федерации» в рамках единого иракского государства.

Преодолевая огромные трудности, в том числе двойное эмбарго, внутреннее противоборство основных политических сил и их лидеров, иракские курды к началу XXI в. добились больших успехов в решении экономических и социальных проблем, в становлении национальной курдской власти как части будущего федеративного союза.

Выступления оппозиции не привели к свержению режима С. Хусейна. Сказалась слабость антисаддамовских сил, которым противостояла вооруженная мощь государства, многоликость самой оппозиции, отсутствие единства действий ее различных отрядов. В разгроме оппозиции сыграла свою роль двойственная позиция командования многонациональными антисаддамовскими силами, подтолкнувшего противников Саддама на активные выступления и не оказавшего им реальной поддержки, на которую оппозиция несомненно рассчитывала. Свою лепту в исход событий весны 1991 г. на севере и юге Ирака внесли также внешние региональные силы.

Война дорого обошлась иракскому народу: Ирак потерпел военное поражение, была уничтожена его военная мощь, разрушена гражданская инфраструктура, велики были людские потери. На Ирак в 1990–1991 гг. были наложены санкции СБ ООН, установившие полную экономическую, транспортную, воздушную и военную блокаду Ирака вплоть до выполнения им всех ультимативных требований СБ ООН. В мае 1996 г. Ирак согласился с условиями резолюции № 986 СБ ООН, по которой ему предоставлялось право экспорта нефти на 2 млрд. долл. в течение шести месяцев для закупки продовольствия и медикаментов в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». 30% вырученных средств направлялись в компенсационный фонд, 13% — на гуманитарную помощь курдам, 2–5% — на покрытие затрат ООН, 53% поступлений — на приобретение продовольствия и лекарств. В октябре 2000 г. последняя статья повысилась до 58%. Резолюция СБ ООН № 1284 отменяла верхний предел экспортируемой нефти, а также позволяла закупать запасные части и оборудование для обновления нефтяного сектора Ирака.

Особую озабоченность мирового сообщества вызывало наличие в Ираке оружия массового уничтожения. Решением СБ ООН на Ирак возлагались обязательства прекратить под международным контролем разработку, производство средств массового уничтожения, включая их компоненты, и не приобретать их (все химическое, биологическое оружие, все баллистические ракеты с радиусом действия более 150 км). Ирак должен был также безоговорочно согласиться с закрытием своей ядерной программы и сообщить инспекторам ООН количество, типы и места нахождения средств массового поражения. С этой целью учреждалась Спецкомиссия ООН по Ираку (ЮНСКОМ).

К концу XX в. Иракская Республика подошла в условиях международной блокады и наложенных на нее СБ ООН экономических санкций.

На протяжении 1990-х годов иракская проблема, несмотря на определенные позитивные сдвиги в ее разрешении, оставалась одним из факторов сохранения региональной нестабильности как на Ближнем Востоке в целом, так и в зоне Персидского залива. Отстранение Ирака на протяжении целой декады от участия в глобальных и региональных процессах не способствовало решению поставленных перед этой страной задач: изоляция Ирака не подрывала основы его политического режима, а, напротив, укрепляла позиции его лидера Саддама Хусейна, «героя, вступившего в противоборство с силами империализма во главе с США». Преодоление того кризиса, который возник в конце 1998 г. между иракским руководством и Спецкомиссией ООН по вопросу выполнения Ираком обязательств, связанных с ликвидацией оружия массового уничтожения, было возможно лишь на основе готовности обеих сторон идти навстречу друг другу, опираясь на объективность оценок проделанной Ираком работы по искоренению условий для возрождения производства такого рода оружия и осознание бесперспективности конфронтационного противостояния. Снятие с Ирака международных санкций могло стать на рубеже тысячелетий предпосылкой возрождения этой страны, возвращения ее народа к мирному созидательному труду. Однако в XXI в. Ирак вступал в условиях сохранявшейся напряженности и отсутствия ясного представления о ближайших перспективах развития ситуации как в самом Ираке, так и в регионе в целом.

Глава 19

ТУРЦИЯ

Объявив 23 февраля 1945 г. войну Германии, Турция на следующий же день заявила о своем присоединении к Объединенным Нациям и уже 5 марта получила приглашение участвовать в Сан-Францисской конференции стран учредителей ООН (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Став членом-учредителем ООН, она получила ряд привилегий, в том числе на получение в рамках послевоенного международного экономического сотрудничества различных видов помощи и кредитов. Первые послевоенные годы отмечены стремлением правящих кругов Турции всемерно расширить всесторонние связи с западными государствами, прежде всего с США.

Турция стремилась убедить Запад, что причиной избрания ею прозападной ориентации во многом стали сделанные СССР в ходе Потсдамской конференции предложения рассмотреть вопрос о создании в Черноморских проливах советской военной базы, а также о возвращении некоторых территорий на востоке Турции Советскому Союзу. Эти предложения были восприняты турецкой стороной как угроза территориальной целостности страны и явились аргументом в пользу ее включения в систему американской помощи Европе, защиты от военных угроз со стороны СССР. Принятия Турцией в НАТО.

Предложение советской стороны оказалось, как очевидно, недостаточно продуманным, хотя бы потому, что стало для турецких властей в сложных послевоенных условиях, когда дело шло к формированию двух военно-политических блоков, поводом публично отказаться от политики нейтралитета.

РАЗВИТИЕ СТРАНЫ в 1945–1960 гг.

Эти годы можно рассматривать как первый этап приобщения Турции к западному миру. Он характеризуется жесткой привязанностью Турции к сотрудничеству с США; военно-политический фактор занял в нем главное место, ознаменовавшись принятием Турцией в Североатлантический блок (НАТО). Понятно, что это соответствующим образом сказалось на характере турецко-советских отношений.

В июле 1947 г. в рамках «доктрины Трумэна» было подписано первое турецко-американское соглашение о предоставлении Турции американской военной помощи на сумму 100 млн. долл. В 1948 г. была достигнута договоренность о порядке предоставления Турции помощи в рамках «плана Маршалла». Заключив военно-политические соглашения с США, а позже, в 1952 г., вступив в блок

НАТО, Турция определилась в выборе стратегии своего развития, в том числе экономического, выбрав новую, прозападную модель модернизации. Отмечая получение Турцией немалых сумм по каналам невоенной помощи, прежде всего по линии АИД (Agency for International Development), следует иметь в виду, что они составляли лишь часть всей американской помощи. Так, из 2,9 млрд. долл. этой помощи, полученной Турцией в 1948–1959 гг., две трети составляла прямая военная помощь, что позволяло Турции содержать и обучать огромную для нее, более чем полумиллионную армию. На ее территории была создана система военно-воздушных и военно-морских баз НАТО, площадок для запуска ракет, радиолокационных установок, пунктов прослушивания и т.д.

Глубокие изменения в первые послевоенные годы отмечены не только во внешней, но и во внутренней политике Турции. Страну в условиях начавшейся холодной войны ожидала давно назревшая перестройка социально-экономической системы, трудный переход от диктатуры Народно-республиканской партии (НРП) к многопартийности в соответствии с новыми ориентирами ее послевоенной модернизации. Процесс кемалистских преобразований исчерпал себя, Турция вступала в новый период своей республиканской истории, по многим параметрам — политическим, идеологическим и другим — характеризуемый как период посткемализма.

Прежде всего это проявилось в идеологии. В декабре 1946 г. в меджлисе был обсужден вопрос о расширении религиозного образования, причем некоторые депутаты были убеждены, что такая мера обеспечит возможность морального противодействия коммунистической опасности.

В 1947 г. впервые государством были выделены средства для хаджа. В 1949 г. в школьные учебные программы включены в качестве факультативных уроки ислама, при Анкарском университете для подготовки религиозных деятелей создан богословский факультет. В 1949 г. министерство просвещения открыло два первых десятимесячных курса имамов-хатибов в Анкаре и Стамбуле, за этим последовало открытие таких же курсов в других вилайетских центрах. Запреты все более конкретизировались вокруг «политического ислама», соответствующая и весьма жесткая ст. 163 Уголовного кодекса (отменена в 1991 г.), категорически запрещающая использование ислама в политических целях, не раз редактировалась. Против ее ужесточения выступало немало депутатов, утверждавших, что эта статья — «агрессия против ислама, полностью противоречит светскости, защищает безбожие, отдает коммунистическим духом».

В январе 1946 г. некоторые исключенные из НРП влиятельные деятели, и в том числе Джебьяль Баяр и Аднан Мендерес, образовали Демократическую партию (ДП), представлявшую в основном интересы крупной буржуазии и помещиков, но благодаря своим критическим выступлениям по поводу «крайностей» этатизма, отсутствия демократических свобод, за поощрение частной инициативы получившую широкую поддержку в обществе. В условиях послевоенного оживления политической жизни на состоявшихся в 1946 г. выборах в парламент. Великое национальное собрание Турции, ДП, получившая 61 место, стала серьезной соперницей НРП в борьбе за власть. Через короткое время, в мае 1950 г.,

в результате новых парламентских выборов многолетнее авторитарное господство лидеров НРП закончилось, власть в стране перешла к ДП, президентом стал Дж. Баяр, а премьер-министром — А. Мендерес.

Новые власти освободили часть политических заключенных, включая и тех, кто отбывал сроки за коммунистическую деятельность. Из тюрьмы вышел и знаменитый поэт Назым Хикмет, правда, не доверяя новой власти, он вынужден был бежать за границу, чтобы потом, лишившись турецкого гражданства, обосноваться в СССР. Дальнейшие события подтвердили, что обещанные ДП демократические законы так и не будут приняты, ДП стремилась самыми жесткими мерами укрепить свою власть, ограничить деятельность оппозиции. На парламентских выборах в октябре 1957 г. за ДП проголосовало избирателей меньше, чем за оппозиционные партии, и лишь мажоритарная система обеспечила ей большинство мест в меджлисе.

Власть ДП продолжила прозападный внешнеполитический курс, взятый после войны НРП. Уместно вспомнить такую важнейшую акцию, как отправка в июле 1950 г. турецкой бригады в Корею, что привело к тяжелым потерям в ее составе, но ускорило принятие Турцией в НАТО. В 1955 г. Турция стала участником Багдадского пакта (впоследствии СЕНТО), а после выхода из него Ирака в 1959 г. штаб-квартира блока переместилась в Анкару.

Стремясь тем не менее нормализовать отношения с Турцией, советское правительство 30 мая 1953 г. сделало заявление ее послу в Москве, в котором в примирительном тоне была дана оценка негативных моментов в советско-турецких отношениях, подчеркивалась необходимость «сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности». Особо подчеркивалось, что СССР «не имеет никаких территориальных претензий к Турции».

В 1950-е годы в основном завершилось многолетнее реформирование прав земельной собственности. Важнейшим мероприятием послевоенного периода стал Закон о наделении земледельцев землей, принятый в июне 1945 г. Его 17-я статья предусматривала отчуждение и передачу безземельным и малоземельным арендаторам, издольщикам и постоянным сельскохозяйственным рабочим всех фактически обрабатываемых ими земель. Однако к концу 1940-х годов крупные землевладельцы добились пересмотра аграрного законодательства, и правившая тогда НРП приняла поправки, которые коренным образом изменили его содержание. Основным принципом, который лег в основу земельного закона 1950 г., была неприкосновенность частной земельной собственности. Находясь у власти, Демократическая партия приняла в 1955 и 1957 гг. такие дополнения к Закону об аграрной реформе, которые делали главный акцент в земельном вопросе на освоении и заселении целинных и залежных земель, т.е. на государственном фонде. Стремясь переселить крестьян, нуждавшихся в земле, в новые колонизируемые районы, правящие круги намеревались таким образом притушить остроту аграрных противоречий в районах малоземелья.

Главной задачей Демократической партии в экономической сфере стало повышение темпов роста, основным инструментом достижения которых было избрано увеличение государственных расходов по таким направлениям, как финан-

сирование деятельности госпредприятий, осуществление новых инвестиционных проектов, в том числе в области инфраструктуры, а также поддержка сельского хозяйства.

Придя к власти, руководство Демократической партии заявило о намерении ограничить госкапитализм, начать постепенную передачу частному предпринимательству ряда государственных предприятий. Однако правительство так и не приступило к приватизации госпредприятий. Противники этого утверждали, что в Турции госсектор выполняет «вечную» функцию поддержки и развития национальной экономики, оптимизации социального баланса в обществе, дотирования малоимущих слоев, а также науки и культуры.

Но деятельность государственных предприятий требовала значительной бюджетной поддержки. Сложное финансовое положение госпредприятий объяснялось, во-первых, отсталой системой управления и, во-вторых, неверной схемой образования цен на их продукцию. Правительство А. Мендереса препятствовало повышению цен в данном секторе экономики. Особенно жесткую позицию по этому вопросу оно занимало до середины 1950-х годов, считая стабильные цены на госпродукцию средством борьбы с инфляцией. В итоге с 1951 по 1960 г. доля привлеченных источников в финансировании инвестиций госпредприятий составляла порядка 40%. Одновременно при осуществлении новых проектов наблюдалась излишняя масштабность. Как свидетельствовал в 1955 г. один из современников, «Турция сходила с ума по проектам гидроэлектростанций, цементных, сахарных и прочих заводов, число и размеры которых не были ни необходимыми, ни разумными».

В период правления ДП ускорился процесс активного использования методов государственного регулирования сельского хозяйства. К причинам, объясняющим значительное место, которое поддержка аграрного сектора заняла в экономической политике, следует отнести прежде всего социальную опору демократов на крестьянство и крупных землевладельцев. Определенное влияние оказали и концепции экономического развития Турции, которые были разработаны американскими экспертами после того, как страна начала активно использовать помощь США и международных финансовых организаций. В этих концепциях отдавался приоритет именно аграрному сектору и связанным с ним отраслям обрабатывающей промышленности.

В конечном итоге все формы поддержки сельского хозяйства — будь то льготные кредиты, закупка сельхозпродукции по гарантированным государством ценам или же снабжение хозяйств машинами и инвентарем — финансировались за счет кредитов Сельхозбанка. Доля средств, выделенных им для «вмешательства» в сельское хозяйство в период с 1952 по 1960 г., составляла почти 40% от общего объема предоставленных им кредитов.

Активный рост государственных расходов (их реальный рост с 1950 по 1960 г. составил 58%) заметно опережал рост доходов. Отмененный в 1940 г. налог на сельхозпродукцию не был заменен иной формой прямого налога в аграрном секторе. В 1950-е годы поступления от личного подоходного налога и налога на прибыль (основных видов прямых налогов) составляли лишь 3,5–4% ВВП. Вы-

сокая доля госрасходов являлась, в свою очередь, результатом общей слабости налоговой системы Турции, нежелания режима А. Мендереса идти на непопулярные меры, расширяя систему прямого налогообложения, в том числе за счет ее распространения на сельское хозяйство, широкомасштабного уклонения от уплаты налогов.

1950-е годы вошли в экономическую историю Турции как период неконтролируемой государственной финансовой экспансии. Фискальная политика правительства, не подкрепленная ростом налоговых сборов, явилась причиной разбалансированности госбюджета Турции в эти годы. При этом кредиты Центрального банка, или, говоря иначе, эмиссия, активно использовались в качестве источника дефицитного финансирования.

На этом этапе экономика страны столкнулась с новой для себя проблемой инфляции: если в период с 1946 по 1952 г. среднегодовой прирост цен составил 2,2%, то в период с 1953 по 1959 г. он в среднем равнялся почти 17%. Правительство Демократической партии не пыталось отрицать тот факт, что его экономическая политика привела к инфляции, оправдываясь тем, что производство многократно возросло и увеличение денежной массы якобы поощряло и поддерживало экономический рост.

Однако правительство в своем оптимистичном настрое не осознавало всей серьезности ситуации. Западные эксперты буквально умоляли премьер-министра А. Мендереса пересмотреть экономическую политику. В декабре 1955 г. он выступил с речью в парламенте, в которой изложил программу правительства по борьбе с инфляцией. Она предусматривала ограничение бюджетных расходов, сокращение финансирования со стороны Центрального банка, реструктуризацию сельскохозяйственных кредитов, переход части госпредприятий на самофинансирование. Данный список мер свидетельствовал о полной осведомленности правительства о тех шагах, которые следовало принять в том случае, если оно действительно желало взять инфляцию под контроль.

Но несколько месяцев спустя, в середине 1956 г., правительство вместо реализации намеченных мер избрало в качестве средства решения проблемы контроль над ценами, доходами и распределением. Местным органам власти, муниципалитетам и торговым палатам вменялось в обязанность устанавливать предельно допустимые цены на товары и тем самым ограничивать прибыли оптовиков, импортеров и розничных торговцев установленными пределами. Кроме того, закон предусматривал контроль над распределением товаров, в которых ощущался недостаток (в основном импортных), с тем чтобы они не становились объектом спекуляций.

Принятые меры не позволили властям справиться с продолжавшимся ростом цен. Недостаток товаров ограничивал рост производства, усиливал инфляцию и стимулировал расширение «черного рынка». Оптовые цены в 1956 г. выросли на 16,7%, а в 1957 г. — на 18,5%.

Во внешнеэкономической политике правительство Демократической партии в первые годы своего правления придерживалось курса на либерализацию. В 1950 г. 60% наименований импортных товаров было освобождено от тарифных и коли-

чественных ограничений. В условиях высокого уровня зависимости турецкой промышленности от ввозных компонентов снятие импортных ограничений рассматривалось в качестве важной составляющей экономического роста. Увеличение стоимости импорта не было подкреплено, однако, ростом экспорта. В результате на протяжении всего периода 1950-х годов внешняя торговля Турции оставалась дефицитной, но если в 1950 г. размер дефицита измерялся относительно скромной цифрой в 22 млн. долл., то уже в 1952 г. он достиг 193 млн. Основная причина стагнации экспорта состояла в его традиционной сельскохозяйственной структуре. Начиная с 1920-х годов она неизменно была представлена пятью-шестью наименованиями сельскохозяйственного сырья: табаком, хлопком, фундуком, изюмом, инжиром.

В 1953 г. правительство было вынуждено пойти по пути ограничения импорта, придав ему разрешительный характер и лимитируя ввоз товаров через систему строгого лицензирования, квот и валютных ограничений. В 1953–1957 гг. наблюдалось снижение импорта на 34%, но и экспорт сократился, хотя лишь на 15%. Снижение объемов импорта коснулось не только потребительских, но и инвестиционных и сырьевых товаров. Недостаток сырья, полуфабрикатов и запасных частей привел к ощутимому снижению объема производства и росту цен на промышленную продукцию. Между тем именно на вторую половину 1950-х годов приходится активизация предпринимательской деятельности государства, что в числе прочих факторов было связано с попытками государства наладить производство импортзамещающего характера.

Из-за нерешенности проблемы дефицита внешней торговли Турция на протяжении всего периода 1950-х годов нуждалась во внешних займах. Привлечение внешних источников происходило как по государственным, так и по частным каналам.

Постоянное использование на протяжении 1950-х годов внешних источников финансирования имело для Турции тот положительный эффект, что позволило профинансировать одну шестую часть инвестиций в основной капитал. Это сказалось на ускорении темпов экономического роста. Однако оборотной стороной такой политики стало обострение проблемы внешнего долга, особенно в связи с высоким удельным весом в структуре заимствований дорогостоящих краткосрочных кредитов.

Неудовлетворительное развитие экспорта, высокий уровень долговых выплат по отношению к экспортным доходам, снижение золотовалютных резервов являлись собой серьезные проблемы. В первой половине 1958 г. правительство оказалось не в состоянии произвести расчеты по своим внешним долгам и признало себя банкротом.

Обострение долговой проблемы и непрекращавшийся рост цен вынудили правительство демократов принять в обмен на финансовую поддержку Запада стабилизационную программу, вошедшую в историю как «программа августа 1958 г.». Разработанная при участии экспертов МВФ, она предусматривала использование мер по ограничению импорта и повышению экспорта, упразднение введенной в 1956 г. системы контроля над ценами, ограничение объема банковских кредитов и т.п. Предусмотренные программой меры оказались достаточно

действенными в плане снижения инфляции, тогда как на улучшении платежного баланса они сказались меньше.

Наиболее быстрыми темпами экономика Турции развивалась в 1950–1953 гг.: среднегодовые показатели превышали 11%. В дальнейшем произошло снижение темпов роста. В период с 1954 по 1958 г. среднегодовые темпы роста снизились до 4,1%, а в 1959–1961 гг. наблюдалось их дальнейшее снижение (до 3,1%).

Нарастание со второй половины 1950-х годов сложностей в экономическом развитии страны обостряло социальные конфликты, вызывало недовольство не только неимущих слоев населения, но и части интеллигенции, военных, представителей средней буржуазии. Антиправительственные выступления нередко сочетались с выступлениями против американцев. Правительство в ответ ужесточало судебное преследование оппозиции, борьба с которой проводилась под флагом «борьбы с коммунизмом». Эффективным способом отвлечь общество от социальных проблем оставался также крайний национализм, переходящий в пантюркизм. На этой почве то тут то там возникали вспышки враждебности против нетурецкого населения страны, особенно его предпринимательской прослойки. 6 и 7 сентября 1955 г. произошли массовые погромы греческого, армянского и еврейского населения Стамбула, Измира и Анкары. Подогретые националистическими и весьма популярными в то время лозунгами типа «Кипр — турецкий», толпы погромщиков врывались в дома, магазины, лавки, избивали хозяев, уничтожали имущество. Более всего пострадало греческое население Измира и Стамбула. В исследовательской литературе сложилось мнение, что погромы были отчасти инспирированы властями.

В годы правления Демократической партии был предпринят ряд новых мер, способствовавших усилению влияния исламского фактора в жизни страны: был отменен запрет на чтение *эзана* (призыв на молитву) на арабском; уроки религии, сохраняя свою факультативность, превратились в неотъемлемую часть учебной программы. Открылись новые школы имамов-хатибов — в Анкаре, Стамбуле, Адане, Испарте, Мараше, Конье и Кайсери; впервые уроки религии были добавлены к программе средней школы. Эти уступки властей вызывали все большее недовольство в турецкой армии. Часть военных была убеждена, что режим ДП попирает принципы Ататюрка, действует в интересах узкой прослойки крупной буржуазии, связанной прежде всего с Деловым банком и обогатившейся на спекуляциях, провоцирует рост недовольства народных масс.

Антиправительственные выступления приняли массовый характер весной 1960 г. 21 мая к антиправительственным выступлениям присоединилась и часть армии: около тысячи курсантов Анкарского военного училища вышли на демонстрацию. Группа офицеров во главе с полковником А. Тюркешем, известным пантюркистом, совершила вооруженное выступление против режима ДП. В ночь с 26 на 27 мая 1960 г. танки заняли наиболее важные пункты столицы, а находившиеся в Анкаре члены правительства, депутаты правящей партии, начальник Генерального штаба были арестованы. Премьера А. Мендереса арестовали в Эскишехире. Руководители переворота объявили по радио о свержении режима Баяра–Мендереса и учреждении Комитета национального единства. 27 мая по

турецкому радио выступил генерал Дж. Гюрсель, глава этого Комитета, представлявший умеренные круги армейского руководства.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ в 1960–1980 гг.

Успешно осуществив переворот, генералы приняли срочные меры по укреплению своего режима — в ноябре 1960 г. 14 участников переворота, включая Тюркеша, были отправлены в отставку, а затем переведены на дипломатическую работу за границу. Таким образом умеренные политики устранили своих радикально-националистически настроенных оппонентов.

В сентябре 1961 г на о-ве Ясыала завершился судебный процесс над свергнутыми руководителями Турции. К суду были привлечены 592 человека. В том же году по приговору суда бывший премьер-министр А. Мендерес, министр иностранных дел Ф. Зорлу и министр финансов Х. Полаткан были повешены. 461 человек был приговорен к различным срокам тюремного заключения, остальные освобождены.

После воснного переворота в 1961 г. в стране была принята новая конституция, провозгласившая Турцию «национальным, демократическим, светским и социально-правовым государством». Конституция подтверждала республиканскую форму правления, независимость законодательной, исполнительной и судебной власти, выборность и сменяемость представительных органов и т.д. Впрочем, она не решала проблему национальных меньшинств, прежде всего курдов, открывала дорогу легальной деятельности политического ислама и радикального тюркизма. Вместе с тем провозглашенные в ней права и свободы давали демократическим силам страны некоторые возможности бороться за социальные и политические права. В тексте конституции особо оговаривались принципы светскости: право верующего на исполнение молитвы, образование, свободу заявлять или не заявлять о своих религиозных чувствах. В ст. 19 запрещалась эксплуатация религиозных чувств в политических и личных целях. Здесь явно просматривалась попытка конституционно защитить принцип светскости от усиливающихся нападков исламистов. Их растущая активность отражала в значительной мере обострение социальных проблем стремительно урбанизирующейся страны — рост безработицы, трущоб сельских мигрантов на окраинах крупных городов и т.п. На возрождение религиозного потенциала в 1960–1970-е годы активно влияли и внешние факторы, прежде всего начавшийся общий подъем исламского движения в мире.

Первые выборы в новый двухпалатный парламент состоялись в октябре 1961 г. В нижнюю палату — Национальное собрание было избрано 450 депутатов, в сенат — 150 сенаторов. Более всего голосов в Национальной палате первоначально получили НРП и Партия справедливости (ПС), наследница разогнанной ДП. Президентом страны был избран Дж. Гюрсель, правительства формировались на коалиционной основе первоначально во главе с лидером НРП И. Инё-

ню. Гражданской власти не сразу удалось добиться стабилизации в обществе. Так, 20 мая 1963 г. была предпринята попытка военного мятежа, во главе которого оказался полковник Т. Айдемир, ранее уволенный из армии за аналогичную попытку. Мятеж подавили, военные трибуналы приговорили к различным срокам тюремного заключения около 300 курсантов и офицеров, Т. Айдемир и его соратник Ф. Гюрджан были повешены.

На вторых выборах гражданской власти в октябре 1965 г. ПС получила 240 мест из 450 и сформировала однопартийное правительство во главе с С. Демирелем. В конце марта 1966 г. на совместном заседании обеих палат бывший начальник Генерального штаба турецкой армии Дж. Сунай был избран президентом Турецкой Республики, сменив на этом посту больного Дж. Гюрсея. Успех ПС на выборах был обеспечен поддержкой ее программы влиятельными кругами крупной буржуазии и помещиков, зажиточным крестьянством. В программе предусматривалось преимущественное развитие частного сектора, поощрение иностранных капиталовложений, расширение кредита зажиточному крестьянству и т.д. В то же время главный конкурент ПС — Народно-республиканская партия, сохраняя прежние, дискредитировавшие себя лозунги, пыталась выступать от имени всех слоев турецкого общества.

Впервые с социалистической программой смогла принять участие в парламентских выборах 1965 г. созданная в 1961 г. Рабочая партия Турции. Она получила 15 мест, что дало ей право иметь парламентскую группу. На крайне правом крыле меджлиса утвердилась Республиканская крестьянская национальная партия, получившая 11 мест. Ее председателем был избран вернувшийся в страну А. Тюркеш, сохранявший репутацию лидера пантюркистского движения.

Политическая обстановка в Турции во второй половине 1960-х годов отличалась парадоксальностью — при правом правительстве С. Демиреля слово «социализм» стало модным, книги по социализму пользовались немалым спросом у читающей публики. Активизировались левые профсоюзы. В июле 1967 г. под давлением рабочего движения парламент принял новый Закон о труде, содержащий некоторые уступки наемным работникам.

Заметные изменения произошли во внешней политике Турции. Укрепляя всеобъемлющие связи с Западом, и военно-политические, и экономические, Турция в 1963 г. подписала соглашение о присоединении Турции к европейскому Общему рынку в качестве ассоциированного члена.

Очередная вспышка кипрского кризиса в 1964 г., вооруженные столкновения между греческим и турецким населением обострили до предела турецко-греческие отношения. Провозглашение в 1960 г. Республики Кипр на основе цюрихско-лондонских соглашений создало возможности для вмешательства Великобритании, Греции и Турции во внутренние дела Республики Кипр вплоть до ввода на остров иностранных войск в случае нарушения установленного соглашениями государственного устройства.

Конфликт встревожил руководство НАТО, президент США Л. Джонсон даже направил послание премьеру (тогда — И. Инёню), в котором писал, что в случае вмешательства в конфликт Советского Союза США не придут Турции на по-

мощь, поскольку она действует «без полного согласия и одобрения союзников по НАТО». Этот аргумент подействовал, и турецкие вооруженные силы, кроме бомбардировок Кипра, не предприняли каких-либо действий. Послание Джонсона подорвало веру турецких руководителей в готовность своих союзников по НАТО защищать любые их интересы. Эта переоценка, несомненно, повлияла на внешнюю политику последующих правительств Турции, способствовала ее большей гибкости и сбалансированности.

В 1960-е годы началось послевоенное «размораживание» советско-турецких отношений. В 1963 г. впервые после смерти Ататюрка в СССР побывала парламентская делегация Турецкой Республики во главе с председателем сената С. Ургюлю, через год Советский Союз посетил глава МИД Турции Ф. Эркин. Во время обмена мнениями обе стороны заявляли о готовности к укреплению добрососедских отношений между двумя странами на принципах уважения независимости, территориальной целостности и равноправия. В январе 1965 г. с ответным визитом в Турции побывала делегация Верховного Совета СССР во главе с Н.В. Подгорным. Ежегодные торговые протоколы как приложения к советско-турецкому торговому договору 1937 г. предусматривали увеличение объема товарооборота между двумя странами. За 1961–1965 гг. фактический объем торговли увеличился более чем втрое.

Во время визита в Турцию в декабре 1966 г. Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина главы правительств двух стран достигли договоренности о сотрудничестве по сооружению в Турции нескольких промышленных проектов. В 1967 г. эта договоренность была оформлена в виде советско-турецкого межправительственного соглашения, согласно которому в Турции в последующие годы был построен ряд крупных промышленных предприятий. Завод в Искендеруне (введен в строй в 1970-е годы) обеспечивал 40% национального производства стали, алюминиевый завод в Сейдишехире — 100% производства алюминия и глинозема, нефтеперерабатывающий завод в Алиаге — 28% нефтепродуктов и т.д.

Новые выборы в октябре 1969 г. в парламент (ВНСТ) подтвердили ведущее положение ПС в политической жизни страны. Медленный, противоречивый процесс демократизации страны сопровождался наступлением реакции в форме полицейских провокаций, убийств из-за угла и судебных преследований левых деятелей. Имели место в то же время террористические левачьи выступления вплоть до похищения заложников и их убийства, что давало повод властям предпринимать ответные репрессии. В проведенной в июне 1970 г. забастовке протеста против репрессий властей в отношении трудящихся приняло участие около 100 тыс. рабочих Стамбула. Это было крупнейшее за всю историю страны выступление турецкого пролетариата.

Подъем рабочего и профсоюзного движения в начале 1970-х годов сопровождался политизацией мелкособственнических слоев общества, апеллировавших уже не только к радикальному национализму, как ранее, но все чаще к политическому исламу. Первая в истории республики происламская партия — Партия национального порядка была создана в январе 1970 г. Основателем и фактически

бессменным руководителем этой и сменявших ее впоследствии других исламистских партий был Н. Эрбакан. Выходец из провинции, выпускник Стамбульского технического университета, он не сразу обратился к исламу как средству политического самоутверждения. В 1956–1963 гг. Н. Эрбакан занимал пост генерального директора на небольшой фабрике дизельных моторов. При поддержке мелких торговцев и промышленников он попал в руководящие органы Союза торговых палат Турции. Став в 1967 г. генеральным секретарем этой в те годы единственной крупной организации частного сектора, он в следующем году попытался заручиться поддержкой ПС, чтобы пройти в сенат, но не получил ее (по инициативе С. Демиреля). В 1969 г. в основном за счет голосов некрупных предпринимателей он был избран на пост генерального председателя Союза торговых и промышленных палат, однако правительство ПС аннулировало результаты выборов, и он был удален с этого поста.

Не будучи принят в клан ПС, на выборах 1969 г. Эрбакан получил поддержку в Конье как независимый кандидат и прошел в депутаты парламента. А в январе 1970 г. вместе с 17 соратниками он участвовал в создании Партии национального порядка (ПНП) и вскоре был избран ее председателем. В программе партии подчеркивалось, что она выступает против «использования свежести... в качестве инструмента давления на религию». В своих заявлениях в качестве депутата Н. Эрбакан подвергал Общий рынок, а затем и Европейское экономическое сообщество жесточайшей критике, называя его детищем сионистских кругов, владельцев крупного капитала. Политическое кредо Н. Эрбакана отражало стремление мелкого предпринимателя заявить о себе и своих проблемах. Стихия мелкого производства в Турции была представлена в основном докапиталистическим, ремесленным производством. Итоги промышленной переписи 1970 г. свидетельствовали о том, что в Турции на указанный год имелось свыше 170 тыс. мелких предприятий обрабатывающей промышленности с количеством занятых 325 тыс. человек, причем более двух третей этой армии грудящихся были владельцы предприятий и члены их семей. 68% названных предприятий составляли мельчайшие мастерские с примитивнейшими условиями труда. Средний доход такого «предпринимателя», вынужденного обеспечивать семью из трех-четырех человек, соответствовал примерно уровню заработной платы рабочего низкой квалификации.

По тем же данным, в Турции действовала 181 тыс. мелких торговых предприятий, смысл деятельности которых состоял в том, чтобы обеспечить себе и своей семье минимальные возможности существования. Вклад сотен тысяч таких «предпринимателей» в экономику страны был относительно невелик, но социальный потенциал этой армии ремесленников, торговцев, шоферов, работников сферы обслуживания был весомой силой и проявлялся в политических выступлениях иногда с самыми экстремистскими лозунгами. Отсутствие у правительства целевой программы поддержки мелкого предпринимательства вызывало протест. Основные средства, выделявшиеся правительством в рамках осуществления промышленной политики, монополизировались крупным капиталом, концентрировавшимся на западе страны. Поэтому в Центральной и Восточной Анатолии

массовые протесты часто выливались в форму «национальной» и религиозной борьбы против «масонов, сионистов и империалистов».

Параллельно с этим активизировали свою деятельность религиозные ордены. Еще в 1971 г. приверженец ордена нурджистов Ф. Гюлен был арестован за проповеди в одной из мечетей Измира, направленные против светских основ турецкого государства. В приговоре отмечалось, что «одной из целей нурджизма было показать Ататюрка молодежи как врага религии», создать режим, опирающийся на религию. После восьмимесячного пребывания в тюрьме он был освобожден.

Развитие событий в стране к началу 1970-х годов все более тревожило правящую элиту. Она потребовала от правительства обеспечить «социальный мир». Выполняя эти требования, правительство Демиреля приняло решение о введении в Стамбуле и Измире чрезвычайного положения. Однако это не улучшило ситуацию, поскольку не были осуществлены реформы, предусмотренные конституцией. 12 марта 1971 г. решением высшего командования армии правительство Демиреля было отправлено в отставку. Новые кабинеты стали формироваться только с согласия генералитета.

24 марта 1971 г. было сформировано первое «надпартийное» правительство во главе с видным деятелем НРП, примыкавшим к ее правому крылу, Н. Эримом, который в связи с этим вышел из партии для обеспечения «надпартийного» характера кабинета.

В правительство вошли представители трех партий — ПС, НРП и возникшей тогда небольшой Партии доверия, а также группа беспартийных технократов. Многие из них были известны как сторонники действительного осуществления предусмотренных конституцией реформ, упрочения независимости страны. В программу правительства было включено проведение ряда реформ (земельной, образования, финансовой, системы правосудия и др.), однако многие из них остались лишь на бумаге. Между тем оппозиционные левые силы подверглись разгрому. Карательные меры, проводившиеся непрерывно до парламентских выборов 1973 г., в определенной степени спровоцировали анархисты и экстремисты, ставшие на путь ограбления банков, убийств, похищения людей. Власти казнили трех деятелей левацкой организации «Народно-освободительная армия Турции».

Сразу после вмешательства военных в управление страной Конституционный суд запретил деятельность Партии национального порядка за выступления против светского режима; ее лидер Н. Эрбакан некоторое время вынужден был находиться за границей.

После «чистки» военными гражданской элиты на выборах в Национальное собрание в октябре 1973 г. больше всего голосов (примерно треть) набрала НРП. Партия справедливости получила 30%. Третьей стала исламистская партия, возглавляемая Н. Эрбаканом. Она возродилась под новым именем Партии национального спасения (ПНС) и получила 11,9% голосов, проведя в парламент 48 депутатов, включая главу партии. После такого итога ПНС сочла свою роль в меджлисе ключевой, поскольку ее выбор союзника по коалиции определял и характер правительства.

Сменивший И. Инёню новый лидер НРП Бюлент Эджевит, пойдя в январе 1974 г. на коалицию с ПНС, сделал ряд уступок этой партии, предоставив ее членам семь министерских портфелей. Лидер ПНС Эрбакан стал заместителем премьер-министра. В совместной правительственной программе отмечалась необходимость укрепления госсектора, проведения широкой амнистии, предоставление с 18 лет активного избирательного права, сохранения верности западным союзникам. По кипрскому вопросу подтверждалась прежняя позиция Турции — федеративный Кипр, обеспечение административной и культурной автономии для турок-киприотов. Новое правительство обещало пересмотреть отношения с Общим рынком, поскольку существующие соглашения подготовлены «без учета справедливых интересов Турции».

Коалиция НРП–ПНС представляла из себя непрочный блок. Деятельность правительства осуществлялась в условиях постоянных разногласий. Из своей предвыборной программы правительству Б. Эджевита удалось реализовать, да и то с большими осложнениями, лишь один пункт — об амнистии политических заключенных. По Закону об амнистии свыше четырех тысяч человек, осужденных в годы чрезвычайного положения в 1971–1973 гг. к различным срокам тюремного заключения (в основном за демократическую деятельность), были выпущены из тюрем.

15 июля 1974 г. произошел вооруженный путч на Кипре, инспирированный военными кругами Греции. Законное правительство архиепископа Макариоса было свергнуто. Ссылаясь на положения цюрихско-лондонских соглашений 1959 г., правительство Б. Эджевита начало 20 июля высадку на острове гурецких войск, которые оккупировали север и северо-восток Кипра. Отношения между двумя партнерами по НАТО — Турцией и Грецией обострились до крайности, войска в каждой из стран были приведены в боевую готовность. 20 июля 1974 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой призвал все государства уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность Кипра, потребовал немедленного прекращения огня и вывода с острова иностранного военного персонала, рекомендовал Греции, Турции и Англии начать переговоры с целью восстановления на острове мира и конституционного правительства.

22 июля вступило в силу соглашение о прекращении огня, а с 25 июля по 8 августа 1974 г. в Женеве прошли переговоры министров иностранных дел Англии, Греции и Турции, закончившиеся безрезультатно. 14 августа Турция возобновила военные действия на острове и расширила оккупационную зону (до 40% территории острова), что привело к новому обострению обстановки на Кипре. XXIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН подтвердила резолюции Совета Безопасности ООН о необходимости вывода всех иностранных войск с Кипра, прекращения иностранного вмешательства в его дела, восстановления конституционного порядка в стране. В 1975 г. на северной, оккупированной части Кипра турецкая община провозгласила свое государство, которое признала только Турция.

В отношениях с Грецией помимо урегулирования кипрского вопроса возникла необходимость улаживания разногласий по поводу континентального

шельфа Эгейского моря. Они возникли после того, как в 1973 г. близ греческого о-ва Тасос в Эгейском море была обнаружена нефть. Вслед за Грецией к поисковым работам в море приступила и Турция, после чего Греция обвинила Турцию в нарушении ее прав на континентальный шельф, который является продолжением островов, примыкающих к побережью Малой Азии.

Действия правительства Б. Эджевита в кипрском вопросе были поддержаны многими в Турции, включая и некоторые леводемократические силы. Рост своей популярности в разгар кипрского кризиса Б. Эджевит решил использовать для того, чтобы добиться досрочных парламентских выборов и сформировать однопартийное правительство.

В сентябре 1974 г. правительство Б. Эджевита ушло в отставку, однако планам руководства НРП не суждено было осуществиться. Руководству ПС удалось в сотрудничестве с другими правыми партиями создать Националистический фронт, в который кроме ПС вошли Партия национального спасения, Республиканская партия доверия и Партия националистического движения во главе с А. Тюркешем.

В начале апреля 1975 г., после шестимесячного правительственного кризиса, представители правых партий проголосовали в Национальном собрании за утверждение сформированного С. Демирелем правительства Националистического фронта (НФ). В его программе подчеркивалось намерение бороться внутри страны против коммунизма и анархии, стремиться к социальной справедливости, добиваться превращения Турции в самые короткие сроки в развитую промышленную страну. В области внешней политики программа правительства декларировала готовность активно участвовать в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подчеркивала важность дальнейшего развития отношений с НАТО. Одновременно отмечалось желание правительства продолжать политику добрососедства с Советским Союзом на условиях взаимного уважения.

В течение почти двухлетнего периода пребывания у власти правительства НФ отношения между участниками коалиции оставались сложными. Наибольшее беспокойство ПС доставляла ПНС. Н. Эрбакан продолжал высказываться за пересмотр отношений с Общим рынком, против каких бы то ни было уступок в кипрском вопросе, требовал от премьера Демиреля мер по ограничению крупного частного капитала.

Не стало былой безоблачности и в турецко-американских отношениях. В связи с упомянутыми действиями Турции на Кипре конгресс США в феврале 1975 г. наложил эмбарго на поставки американского оружия в Турцию. Это наносило ощутимый удар по всей системе вооруженных сил страны, целиком зависящих от поставок вооружения из США и других стран НАТО. Несмотря на надежды правительства НФ, в июле 1975 г. палата представителей американского конгресса отклонила законопроект о снятии эмбарго. В ответ турецкое правительство объявило о приостановке действия соглашения о совместной обороне с США, а также соглашений, определяющих статус американских баз в Турции. Вслед за тем турецкие власти установили свой контроль на этих базах. Только в марте 1976 г.

сторонам удалось смягчить остроту в отношениях и подписать новое турецко-американское соглашение об обороне.

Что касается отношений Турции с СССР, то они сохранили тенденции, проявившиеся в конце 1960-х годов. В ходе визита в Турцию в апреле 1972 г. Н.В. Подгорного была принята Декларация о принципах добрососедских отношений между СССР и Турецкой Республикой. Расширение технического и экономического сотрудничества, обеспеченное выполнением соглашения 1967 г., способствовало более чем двукратному увеличению объемов советско-турецкой торговли. В июле 1975 г. было подписано турецко-советское соглашение о дальнейшем развитии экономического и технического сотрудничества на 10–12 лет. Оно предусматривало сотрудничество в области энергетики, черной и цветной металлургии, в том числе расширение производственных мощностей металлургического завода в Искендеруне и алюминиевого завода в Сейдишехире.

В июне 1977 г. на досрочных выборах НРП вышла на первое место (213 мест), однако их не хватило, чтобы сформировать однопартийное правительство, продолжилась чехарда с кабинетами, возглавляемыми попеременно то Эджевитом, то Демирелем. Пришедшее к власти в октябре 1979 г. правительство меньшинства во главе с последним было поддержано в парламенте депутатами ПНС и Партии националистического движения (ПНД). Однако усилиям нового правительства, направленным на решение проблем страны, мешал разгул политического террора.

В обстановке анархии, разжигаемой экстремистами различных течений — и левацких, и национал-фашистских, — тон задавали турецкие тюркешисты, «серые волки». В материалах обвинения, подготовленного позже, после военного переворота 1980 г., были представлены данные о том, что возглавляемая Тюркешем ПНД в периоды, когда она входила в правительственные коалиции, подготовила антиконституционный заговор с целью установления фашистской диктатуры.

На день выступления военных, 12 сентября 1980 г., ПНД контролировала 1700 легальных «идеологических» обществ, насчитывавших 200 тыс. членов, имела примерно 1 млн. сторонников. В распоряжении ПНД находились военизированные лагеря для подготовки террористов и штурмовиков, склады оружия, радиостанции. Деятельность сторонников А. Тюркеша финансировалась в значительной степени крупным капиталом (в обвинительном заключении перечислены имена владельцев фирм и холдингов, переводивших крупные суммы в пользу ПНД). В ряде так называемых освобожденных районов ПНД в конце 1970-х годов чувствовала себя хозяйном положения, даже вали (губернаторы) и полиция действовали от ее имени. Сверхсекретные документы турецкой разведки поступали на стол Тюркеша. Его сподвижники имелись среди военных, персонала министерств, вузов и других учреждений.

В сентябре 1980 г. в Турции произошел военный переворот.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТУРЦИИ в 1960–1970-е годы

Основной особенностью экономической политики рассматриваемого периода считается планирование. Еще в 1950-е годы парламентская оппозиция постоянно связывала неудачи экономической политики Демократической партии с его отсутствием. Все это порождало в общественном мнении уверенность в том, что экономические проблемы страны могут быть решены посредством перехода к плановому развитию. На социально-политической арене Турции действовали по крайней мере три влиятельные силы, заинтересованные в реализации идеи планирования экономики: во-первых, гражданская и военная бюрократия, благодаря усилиям которой еще до принятия в 1961 г. новой конституции Турецкой Республики был принят закон об учреждении Государственной плановой организации; во-вторых, преобладающее число национальных предпринимателей, заинтересованных в последовательном осуществлении государством политики импортозамещающей индустриализации, т.е. в защите своих интересов на внутреннем рынке от иностранной конкуренции; и, наконец, иностранные кредиторы Турции, прежде всего в лице учрежденного странами ОЭСР в 1962 г. Консорциума помощи Турции. Их интересам отвечало своевременное выполнение Турцией своих долговых обязательств, что могло быть обеспечено лишь в условиях предсказуемого и надежного развития национальной экономики. Последнее обстоятельство повлияло на решение Турции вернуться к практике планирования своего социально-экономического развития при содействии европейских экономических организаций. Первый пятилетний план (1963–1967) был подготовлен на основе кейнсианской модели известным голландским экономистом Я. Тинбергеном.

Плановый характер развития экономики был закреплен конституцией 1961 г., ст. 129 гласила: «Экономическое, социальное и культурное развитие осуществляется на основе плана... Государственная плановая организация отвечает за разработку, ход реализации и осуществление плана...»

Политика смешанной экономики, или политика планового развития, так называли экономическую политику страны в 1960–1970-е годы, поскольку объективно возможным планирование в условиях Турции было именно благодаря наличию государственного сектора экономики, для которого установки плана носили обязательный характер, тогда как для частного — рекомендательный. Поэтому все планы «исходили из принципов сбалансированного развития и смешанной экономики».

В 1960–1970-е годы в Турции происходила реализация трех пятилетних планов развития: с 1963 по 1967 г., с 1968 по 1972 г., с 1973 по 1977 г. Реализации четвертого пятилетнего плана, которая должна была начаться в 1979 г., помешали экономический и политический кризис в стране.

Декларируя всемерную поддержку частного сектора, политические лидеры особо подчеркивали, что государственное предпринимательство — важнейший

элемент смешанной экономики. Примерно половина всех капиталовложений приходилась на госсектор.

Это означало, что процесс межотраслевого перелива капитала не осуществлялся на основе показателей прибыльности, а был заменен государственным распределением средств в соответствии с задачами, определенными планами развития. Что касается инвестиций частного сектора, то, поскольку их направление в отрасли, предусмотренные планом, поощрялось фискальными методами или за счет протекционистских мер, механизмы свободного рынка и в этом секторе действовали ограниченно.

Государственные промышленные предприятия оставались основой развития современной фабрично-заводской промышленности Турции. Это касалось прежде всего металлургии и нефтехимии — капиталоемких отраслей, где частный капитал был еще не в состоянии взять на себя крупные капиталовложения. Государственный сектор Турции контролировал и производство электроэнергии. В такой важной отрасли народного хозяйства, как транспорт, государству полностью принадлежали железные дороги и весь подвижной состав, значительная часть морского транспорта страны, суда всех внутригородских линий и морских паромных переправ, все шоссейные дороги, связь. Воздушные перевозки и воздушный флот Турции контролировались государственной организацией «Тюрк хава йоллары» («Турецкие авиалинии»). Эффективный контроль осуществляло государство над банковской системой страны.

Одновременно множились свидетельства расширения частнокапиталистического сектора экономики: появились крупные частные банки, земельная реформа 1940–1950-х годов обеспечила медленный, но постоянный рост товарности в агросфере и приток рабочей силы в города. Частный капитал, не отказываясь от основных в то время источников накопления капитала — торговли и подрядного строительства, все более через систему государственных мер поощрения направляется в текстильную, пищевую отрасли промышленности, производство автопокрышек, труб, химических удобрений, в сборку автомобилей, бытовой электро- и радиотехники западных марок и т.д.

Период с 1963 по 1974 г. оказался весьма благоприятным для Турции с точки зрения динамики основных экономических показателей. Среднегодовые темпы экономического роста в годы первого пятилетнего плана развития составили 6,7% (10,6% — в промышленности, 3,7% — в сельском хозяйстве). В то же время среднегодовой рост цен оставался ниже показателей экономического роста, что свидетельствовало об успехах бюджетной политики правительства. При этом сбережения национальной экономики превышали объем инвестиций в основной капитал в среднем на 0,1% ВВП. Одновременно этот период характеризовался довольно высоким соотношением долговых выплат к доходам от экспорта — 37,9%. Следовательно, стратегия состояла в активном погашении внешнего долга при одновременном ограничении привлечения внешних источников финансирования.

Среднегодовые темпы роста экономики в годы действия второго пятилетнего плана развития составили 6,6% (промышленность — 9,9%, сельское хозяйство —

3,6%). Цены росли в среднем на 10,2% в год. В процессе экономического роста, хотя и не в значительных масштабах, использовались и внешние источники финансирования.

Торговые взаимоотношения Турции с внешним миром с начала 1960-х годов строились на основе концепции импортзамещения, т.е. налаживания внутри страны производства тех категорий товаров, потребность в которых прежде удовлетворялась за счет импорта. В соответствии с данной концепцией начала применяться инструкция о сборочной промышленности. Она стимулировала сборку в стране по западным моделям автомобилей и тракторов, бытовой электро- и радиотехники. На аналогичных основах началась расфасовка фармацевтической продукции известных мировых химических концернов. Тем не менее за период с 1963 по 1974 г. Турции так и не удалось решить проблему дефицитности внешней торговли. Импорт демонстрировал из года в год устойчивый рост.

Нерешенность проблемы дефицита внешней торговли, которая была сформулирована как проблема постоянного отставания экспорта от плановых наметок, стала одной из основных причин проведения в 1970 г. девальвации турецкой лиры. В результате уже в том году удалось достигнуть запланированного размера экспорта в объеме 600 млн. долл. Рост стоимости экспорта наблюдался и в последующие годы.

Приток прямых иностранных инвестиций в экономику Турции оставался незначительным и не превышал 10 млн. долл. в год. Однако с начала 1960-х годов в Турцию стали активно поступать валютные переводы от турецких граждан, которые начали выезжать на заработки в страны Западной Европы. Объем этих поступлений, достигнув в короткие сроки 1 млрд. долл., стал сопоставим с доходами от экспорта. Таким образом, Турция получила дополнительный источник валютных доходов, что позволило с начала 1970-х годов отказаться даже от ограниченного использования краткосрочных иностранных кредитов. В начале 1970-х годов Турция начала получать и чистый доход от туризма.

Достаточно благополучная динамика экономического роста наряду с восстановлением в стране демократии послужили основанием для начала подготовки к образованию таможенного союза между странами ЕЭС и Турцией.

В 1974 г. произошел поворот в экономическом развитии Турции ввиду крайне неблагоприятной внешней конъюнктуры. Во-первых, из-за резкого скачка цен на нефть, которая импортировалась Турцией в значительном объеме. Во-вторых, из-за несогласия с политикой Турции по кипрскому вопросу страны Западной Европы объявили ей экономическое эмбарго.

Рост цен на нефть, вошедший в мировую экономическую историю как нефтяной кризис 1974 г., привел к резкому ухудшению условий внешней торговли для Турции: за период с 1972 по 1977 г. ее импорт вырос на 4,2 млрд. долл.

Ситуация с импортом нефти усугублялась тем обстоятельством, что за десятилетия активного государственного регулирования сложился механизм воздействия государства на систему ценообразования. Он использовался в том числе для поддержания на внутреннем рынке более низких по сравнению с мировыми

цен на нефть и нефтепродукты, поскольку закон о нефти 1954 г. допускал возможность выплаты нефтяным компаниям разницы между государственной ценой на внутреннем рынке и мировыми ценами. Поэтому резкое повышение мировых цен на нефть привело лишь к незначительному их подъему на турецком рынке. Тогда как основная тенденция в мировой экономике состояла в сокращении потребления нефти, продолжавшееся субсидирование цен в Турции обусловило резкий рост ее потребления с 10,8 млн. т в 1972 г. до 17,7 млн. т в 1977 г.

Рост ввоза и потребления нефти являлся лишь одним из слагаемых общей стратегии «перегрева» экономики, по пути проведения которой Турция пошла после 1973 г. Вторым ее элементом стало поддержание низких (отрицательных в реальном исчислении) банковских процентных ставок: среднегодовой рост цен в период 1973–1976 гг. составлял 19%, а ставка процента по банковским кредитам равнялась лишь 9% в год. Ситуацию дополняло завышение курса турецкой лиры. В результате ускоренными темпами рос турецкий импорт, значительно опережая темпы роста экспорта. Наряду с ситуацией на кредитном и валютном рынках росту импорта способствовало снижение уровня таможенных ставок и ограничение в использовании нетарифных методов ограничения импорта. В то же время не предпринималось усилий для развития экспорта. Основной формой поощрения экспортеров являлось косвенное субсидирование через возврат им части уплаченных налогов. С 1973 по 1977 г. доля возвращаемых налогов повысилась с 5,6 до 9%, однако данное повышение даже не компенсировало потерь экспортеров, обусловленных ростом реального курса лиры. Поэтому почти взрывному росту импорта с 1,6 млрд. долл. в 1972 г. до 5,8 млрд. в 1977 г. противостояло лишь весьма умеренное повышение экспорта с 890 млн. долл. до 1,8 млрд.

Завышение курса турецкой лиры негативно повлияло на динамику чистых доходов от туризма. В итоге в 1976 и 1977 гг. Турция имела отрицательный чистый доход от туризма в размере соответственно 27 млн. и 64 млн. долл. Ситуация на валютном рынке Турции привела и к снижению объемов официальных валютных переводов от турецких граждан, работающих за пределами страны: получатели этих средств все в большей мере предпочитали конвертировать их на «черном рынке» по более выгодному курсу.

Все эти факторы обусловили рост напряженности при подведении сальдо платежного баланса и рост зависимости от внешних источников финансирования.

Рост потребностей турецкой стороны в привлечении заемных средств совпал с расширением их предложения со стороны международного финансового рынка. Дело в том, что значительная часть средств, полученных нефтедобывающими странами в качестве дополнительной ренты в результате повышения цен на нефть, осела на депозитных счетах ведущих мировых банков, обусловив расширение предложения кредитов при одновременном снижении процентных ставок. К тому же банки были заинтересованы в кредитовании развивающихся стран, дабы поддержать экспортные рынки для западных производителей и не допустить снижения объемов мировой торговли.

В итоге в 1975–1977 гг. среднегодовые темпы экономического роста были высокими — 7%. Но одновременно в экономике нарастали тревожные тенденции: де-

фицит системы госфинансов исчислялся 6,5% ВВП, среднегодовой прирост оптовых цен составил почти 17%. роль внешних источников в финансировании капиталовложений достигла 6% ВВП. Быстро рос внешний долг: за 1973–1980 гг. в 4,6 раза, достигнув 15,3 млрд. долл., а его структура претерпевала опасные изменения — неуклонно увеличивалась доля краткосрочной задолженности (58% в 1977 г.).

В 1978 г. Турция должна была произвести долговые выплаты в объеме 4,84 млрд. долл., из которых 60% приходилось на краткосрочную задолженность. Ожидавшиеся импортные затраты должны были составить 5 млрд. долл., а суммарные валютные потребности Турции оценивались в 9,84 млрд. долл. Предполагалось, что валютные доходы (экспорт и денежные переводы работавших за рубежом турок) достигнут отметки 3 млрд. долл., и не более. Таким образом, неизбежность долгового кризиса становилась очевидной, в том числе для кредиторов Турции. В результате некоторые из них отказали ей в дальнейшем предоставлении кредитов, и страна оказалась не в состоянии платить по своим внешним долгам. Ситуацию удалось разрешить лишь посредством вмешательства Центрального банка и оплаты им импортных счетов.

Тяжелое валютное положение страны обусловило необходимость разработки стабилизационных мер. С 1978 г. к этому процессу подключился МВФ. Однако из-за разногласий между находившимся у власти правительством Народно-республиканской партии и фондом последний начал оказывать финансовую поддержку Турции лишь с начала 1979 г. Тем не менее правительство приступило к осуществлению пакета мер, направленных на предотвращение стремительного роста внешнего долга страны: турецкая лира была девальвирована на 20%, была повышена ставка банковского процента, вдвое повышался марочный сбор с импортных операций, вводились ограничения на осуществление импорта под акцепторные кредиты, были ограничены валютные расходы, связанные с поездками за рубеж, повышались цены на продукцию госпредприятий.

По итогам 1978 г. правительству удалось снизить отношение дефицита внешней торговли к ВВП с 8,6 до 4,5%. Однако сокращение импорта и нехватка ввозных компонентов производства привели к снижению темпов прироста экономики до 2,9%. В то же время в условиях сокращения товарного предложения инфляция выросла до 52,6%. в стране быстро развивался «черный рынок».

В рамках соглашения, достигнутого с МВФ, краткосрочная задолженность частного сектора в сумме 2,8 млрд. долл. была трансформирована в долгосрочную задолженность государства, в результате чего его долг вырос с 6,26 млрд. долл. в 1978 г. до 9,7 млрд. в 1979 г. В июне 1979 г. начала действовать новая стабилизационная программа, усилившая и развившая основные моменты экономической политики, проводившейся с 1978 г. Так, турецкая лира претерпела дальнейшую девальвацию почти на 100%, были введены дополнительные ограничения на импорт, предприняты шаги, направленные на то, чтобы стимулировать приток денежных переводов турецких рабочих из-за рубежа. Эти меры позволили сократить дефицит по текущим операциям платежного баланса, но одновременно рост экономики в 1979 г. сменился спадом (-0,3%), а цены выросли на 63,9%.

24 января 1980 г. правительство огласило стабилизационную программу, сохранившую ряд принципиально новых моментов, в том числе переход к экспорт-ориентированной стратегии роста. Однако ее реализации мешал разгул террора в стране и острый политический кризис, завершившийся приходом к власти военных.

ОТ ЭТАТИЗМА К РЫНКУ. РЕФОРМЫ ТУРГУТА ОЗАЛА

Созданный генералами после переворота 12 сентября 1980 г. Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с начальником Генерального штаба К. Эвренем распустил парламент, отстранил от власти правительство Демиреля, ссылаясь на его беспомощность перед разгулом правого и левого экстремизма, приостановил деятельность политических партий. СНБ запретил проведение забастовок. В октябре 1981 г. власти решили распустить все партии. Эта мера позволила СНБ активно вмешаться в процессы реформирования политических группировок и создания на их основе впоследствии новых партий.

Против руководства некоторых партий были проведены судебные расследования. Среди арестованных исламистов был Н. Эрбакан. Только в 1987 г. ему были возвращены политические права, и он был избран генеральным председателем Партии благоденствия (ПБ), оставаясь с тех пор безусловным лидером легального исламского политического движения в Турции.

В восточных районах страны расширились карательные армейские операции против курдов, которые приобрели характер военных действий.

Что касается лидеров возрождавшихся суфийских орденов (*тарикатов*), то серьезную опасность для военных представлял Ф. Гюлен. Они предприняли попытку арестовать его, но ему удалось скрыться. Силы безопасности задержали Гюлена лишь в 1986 г., однако вскоре освободили.

Военные власти активно контролировали и другие области внутренней жизни страны — идеологию, просвещение, социальную сферу. Они настойчиво повторяли лозунг «единая нация, единое государство», доказывая, что в борьбе с «крайними течениями» эффективным идеологическим оружием являются принципы кемализма. В соответствии с этим была проведена серия мер в системе просвещения, которые должны были исключить возможность проникновения в образование «вредоносных» идей.

В ноябре 1982 г. на референдуме была принята новая конституция Турции. В ней подтверждался республиканский, демократический, светский и социально-правовой статус турецкого государства, основные права и свободы личности, включая свободу частного предпринимательства, право частной собственности и право наследования имущества. Вместе с тем, как и ранее, за государственной властью признавалось право в необходимых случаях «обобществления недвижимости, находящейся в частной собственности, с условием ее выкупа». В социально-экономической сфере функции государства были полностью сохранены, а некоторые даже расширены.

В конституции 1982 г. были подробно перечислены задачи планирования, подтверждалось, что «природные богатства и ресурсы находятся под юрисдикцией и во владении государства, право на их поиск и разработку принадлежит государству», было повторено положение о том, что «собственность на государственные леса не может переходить кому-либо», «контроль над ними, их эксплуатация осуществляются государством». Специально было оговорено, что государство «осуществляет меры по развитию кооперирования». Положения конституции в целом уточняли модель смешанной экономики, признали важную роль в экономике «европеизирующегося» государства.

После принятия новой конституции военные власти последовательно и в намеченные сроки осуществляли меры по переходу к гражданскому правлению. В результате победы на парламентских выборах 6 ноября 1983 г. (211 депутатских мест из 400) созданной перед выборами Партии отечества (ПО) власть в стране была передана гражданскому правительству, возглавляемому лидером этой партии Тургуттом Озалом. С этого времени можно говорить о более решительном переходе правящей элиты страны к либеральной платформе внутренних преобразований. Не противопоставляя себя военной верхушке, ПО в то же время сумела представить к выборам свою платформу действий как единственно возможную в сложившихся условиях гражданскую альтернативу военному режиму.

Основными конкурентами ПО на выборах 1983 г. являлись Народническая партия (НП), рассмагривавшаяся военными как лояльная левая оппозиция, и Национал-демократическая партия (НДП). Последнюю правительство военных открыто поддерживало, желая видеть у власти. После выборов влияние НДП, не имевшей социальной базы, стало быстро падать, в 1986 г. она самораспустилась. В 1983 г. наряду с НП на левом фланге появилась Социал-демократическая партия (СДП), в ноябре 1985 г. обе партии объединились в Социал-демократическую народническую партию (СДНП) во главе с сыном Исмета Инёню — Эрдалом Инёню. В программе СДНП было заявлено о необходимости изменения конституции в целях демократизации. На правом фланге на электорат бывшей ПС помимо ПО претендовала Партия верного пути (ПВП), руководителем которой в конце 1987 г. стал С. Демирель. К тому же по итогам референдума от 6 сентября 1987 г. был отменен запрет на политическую деятельность влиятельных ранее, до переворота, партийных лидеров.

Учитывая активизацию своих политических оппонентов, Т. Озал добился принятия закона о досрочных выборах в меджлис.

На выборах 1987 г. Партия отечества получила наибольшее число голосов (36%), а благодаря особенностям законодательной системы ей досталось 292 депутатских места (почти 65%). Партия, таким образом, продолжала оставаться самой крупной и влиятельной политической силой, сохраняя мандат на реконструкцию общества в либерально-капиталистическом ключе. Вместе с тем доля поданных в ее поддержку голосов заметно сократилась. Постепенное ослабление авторитарности все более сказывалось на политической жизни Турции. Заметно оживилась деятельность оппозиции и критика ею властей, в стране активизировались выступления леводемократических кругов.

Все более очевидной становилась также двойственность властей в политике поддержки ислама. Политика Т. Озала способствовала восстановлению статуса ислама как одного из самых влиятельных институтов не только духовной, но и политической жизни в стране. Во время его правления появились многочисленные религиозные фонды (*вакуфы*) социального назначения, стипендии и интернаты для неимущих учащихся. Часто за такими вакуфами стояли религиозные ордены, а за ними — крупный капитал из исламских государств. Новое законодательство предоставило особые льготы инвесторам из Саудовской Аравии, Ливии, Ирана, Ирака, Кувейта, ОАЭ, Бахрейна и Катара. Вместе с тем на протяжении долгого времени власти, по инициативе прежде всего военного руководства страны, продолжали преследовать в судебном порядке сторонников шариата, противников светской власти, то ужесточая, то смягчая практику реализации соответствующих правовых норм.

Нормализация положения в стране после прихода к власти военных в 1980 г. позволила более последовательно двигаться по пути экономической стабилизации. Стабилизационная программа, разработанная при участии экспертов МВФ и обнародованная 24 января 1980 г., предусматривала использование определенного набора монетаристских инструментов. Поскольку одной из основных проблем в экономическом развитии Турции на тот момент являлась инфляция, то намечалось принять меры, направленные на снижение темпов роста денежной массы: сократить дефицит госбюджета и всей системы госфинансов посредством в том числе сужения масштабов государственного предпринимательства, а также замораживания заработной платы и повышения процентных ставок. Кроме того, предполагалось положить начало формированию новой структуры экономики, в рамках которой частный сектор стал бы основным субъектом, обеспечивающим экономический рост. Привести в более или менее сбалансированное состояние валютные расходы и доходы страны намечалось посредством разработки и реализации системы государственных мер по наращиванию экспорта.

Оставаясь у власти до конца 1983 г., военные проводили политику, во многом отвечавшую намеченным положениям. Эти годы вошли в экономическую историю Турции как период ограничительной фискальной политики и низких бюджетных дефицитов. Повышение сбалансированности госфинансов было обеспечено за счет как увеличения налоговых поступлений, так и снижения реальной заработной платы в госсекторе. Ужесточения в политической жизни страны облегчали проведение непопулярных экономических мер. В 1981–1983 гг. средний уровень инфляции незначительно превышал 30%, тогда как в 1980 г. он составлял 95%. Одновременно в начале 1980-х годов произошел заметный рост турецкого экспорта: в 1983 г. он достиг 5,7 млрд. долл. против 2,9 млрд. в 1980 г. Сужение внутреннего рынка Турции компенсировалось расширением экспорта, что позволило обеспечить сравнительно высокие темпы роста экономики (почти на 4% год). При этом в отраслевой структуре ВВП промышленный сектор по стоимости продукции начал опережать сельское хозяйство.

В социально-экономической политике правительства Партии отечества, пришедшего к власти в 1983 г., определились некоторые новые черты.

Суть первых законодательных мер правительства Т. Озала состояла, во-первых, в отмене монополии государства на ряд отраслей экономики и допуск в них частных компаний: во-вторых, в начале уже не декларативной, а фактической приватизации ГЭО. О новых принципах деятельности государства в условиях реорганизации социально-экономической структуры было сказано и в тексте принятого в 1984 г. пятого пятилетнего плана развития (1985–1989). В нем подчеркивалось, что государственные капиталовложения в промышленность и торговлю уже не составляют основные объемы капиталовложений. (Дальнейшее развитие эти принципы получают в шестой пятилетке (1990–1994), утвержденной в июне 1989 г.)

В законах 1980-х годов впервые в истории республики четко прописывались формальности, согласно которым государственное объединение, предприятие, а также государственные доли (иногда объединяемые в «пакеты») акций в смешанном государственно-частном либо частно-государственном становились частными и подчинялись уже Торговому кодексу. Самым для того времени смелым шагом правительства Т. Озала считается принятый в июне 1986 г. закон 3291, получивший в Турции наименование Кодекса приватизации. Согласно статьям пятого раздела закона, государственное предприятие или учреждение, объединение даже самого высшего уровня, подчас занимавшее монопольное положение в какой-либо отрасли, а также государственный пакет акций в капитале смешанной компании могли стать частной собственностью — личной или корпоративной.

Даже неполное и краткое перечисление экономических мер второй половины 1980-х — начала 1990-х годов свидетельствует о том, что это были действительно реформаторские меры, как о них говорил Тургут Озал. Отменен существовавший с 1930-х годов жесткий контроль государства над валютной системой, либерализованы режимы импорта, деятельности иностранного капитала, поощрения экспорта, ограничено в значительной мере вмешательство государства в ценообразование.

Участие государства в экономике правительство Т. Озала предполагало ограничить лишь теми областями, где частный сектор не мог рассчитывать на получение приемлемого дохода. Речь шла тогда о таких сферах, как оборонная промышленность, коммунальное обслуживание, здравоохранение, образование, промышленная инфраструктура. Все, что могло быть приватизировано, законодательно открывалось для местного и иностранного частного капитала.

Во имя успеха первых шагов по приватизации власти пустили в продажу на Стамбульской фондовой бирже государственные акции весьма прибыльных компаний «Неташ» и «Телеташ» — телекоммуникационных фирм, входивших в структуру ПТТ (почта, телеграф, телефон) со смешанным турецко-иностраным капиталом. Также к первым продажам были предложены государственные акции в ряде смешанных компаний, владевших предприятиями по производству бытовой электротехники, черных металлов, химудобрений и по автосборке. Иностранные инвесторы проявили интерес к туристическим гостиницам «Турбана», его бюро путешествий и гаваням для яхт. К началу 1991 г. пятнадцать

предприятий и учреждений трех ГЭО (Петким, Сумербанк и Турецкие авиалинии), пять банков и собственность (акции) в совместно используемых 64 компаниях были переведены под контроль специально учрежденного при совете министров Управления по общественному акционированию для последующей приватизации.

Широко использовалась практика торгов, тендеров, давно уже получившая законодательное признание в Турции. Потенциальные покупатели о предстоящих торгах оповещались через средства массовой информации. Было активно задействовано несколько тысяч отделений различных банков по всей Турции. В том случае, когда речь шла о так называемой продаже акций народу, она осуществлялась (в ряде случаев в условиях ажиотажа) через уже упомянутую фондовую биржу Стамбула; например, по итогам торгов уже на 1991 г. 42 тыс. человек стали владельцами акций.

Стремясь привлечь мелких и средних вкладчиков, власти подчеркивали «народный» характер первых продаж государственной собственности. Оказывалось воздействие на персонал приватизируемых предприятий, ему часто предоставлялось преимущественное право приобретения акций. Однако уже в первых оценках не было уверенности, что приватизация приведет к широкому «народному» акционированию.

Приватизация на первом этапе шла нарастающими темпами и за счет иностранных покупателей. В августе 1989 г. фирма ССП, сервисный партнер известной авиакомпании САС, приобрела в блоке 70% государственных акций сервисной компании «Усаш», обеспечивающей организацию питания в крупнейших турецких аэропортах. В октябре 1989 г. французской группе «Семан франсез» были проданы пять цементных заводов «Читосан» (анкарский, балыкесирский и др.). Реализация этих сделок отличалась затяжным, вялотекущим характером, поскольку указанные продажи опротестовывались затем судом, принимались решения об их отмене. Таким образом, вслед за первыми шагами по приватизации государственности через продажу последовали и первые шаги судебных инстанций по отмене некоторых актов продажи, чаще всего Конституционного суда. Таких решений, как свидетельствует практика приватизации, принято немало, однако не обо всех информация попадала в турецкие СМИ, в целом процедуры исполнения приватизационного листа нельзя считать прозрачными, а информацию по их итогам — исчерпывающей. До своего поражения на выборах в октябре 1991 г. правящая тогда Партия отечества смогла подготовить список из 112 государственных компаний, подлежащих приватизации.

Что касается общего состояния экономики, то вновь возросла несбалансированность бюджета: отношение его дефицита к ВВП заметно превышало рекомендованные МВФ 1,5%. В результате было приостановлено кредитное сотрудничество фонда и Турции. Заметно усилился инфляционный фон развития экономики страны: среднегодовой уровень инфляции в 1984–1987 гг. составил 43%.

Главной причиной роста дефицитного финансирования стали налоговые послабления. В 1985 г. снизились ставки личного подоходного налога. Еще более существенное значение имело введение разнообразных льгот при уплате налога

на прибыль. Оставшаяся вопреки программным установкам довольно низкой инвестиционная активность частного сектора предопределила необходимость поиска дополнительных мер по ее стимулированию. Проводившийся с середины 1980-х годов курс можно охарактеризовать как политику стимулирования предложения, направленную на укрепление частного сектора.

Эта политика способствовала заметному оживлению экономики — за 1984–1987 гг. она в среднем росла на 7% за год. Но сознавая опасные инфляционные последствия фискальной политики, правительство в начале 1987 г. объявило о программе значительного снижения объемов государственных расходов. Но ей не суждено было осуществиться в силу особой политической конъюнктуры — в конце 1987 г. в стране должны были пройти выборы в парламент.

В следующем, 1988 г. правительство предприняло очередную попытку повышения сбалансированности госфинансов. Определенные успехи в этом отношении были достигнуты: дефицит консолидированного бюджета сократился до 3% ВВП. Но приостановка роста денежной массы привела к сжатию внутреннего рынка и сокращению темпов роста в 1988 г. до 1,5% против 9,8% в 1987 г. При этом антиинфляционный эффект достигнут не был по причине сомнения экономических агентов в том, что правительство действительно решится на антиинфляционные меры, поэтому цены за год выросли почти на 70%. Экономика вступила в период стагнации: падение темпов роста производства сопровождалось дальнейшим развитием инфляционного процесса. Однако в 1989 г. произошло падение стоимости экспорта.

Таким образом, к концу 1980-х годов экономика Турции столкнулась с двумя проблемами: вступлением в период стагнации и сложностями в дальнейшем наращивании объемов экспорта. Если в качестве быстрого выхода из состояния стагнации экономическая теория предлагает обращение государства к проведению стимулирующей фискальной политики, то ожидавшееся снижение темпов роста экспорта актуализировало переход к модели роста, в большей мере ориентированной на внутренний рынок.

В результате со второй половины 1989 г. правительство встало на путь проведения стимулирующей фискальной политики, что означало рост реальной заработной платы, расширение емкости внутреннего рынка и поддержание экономического роста за счет не только и не столько экспорта, сколько увеличения внутреннего спроса. Обеспечив ускорение экономического роста, эта политика вместе с тем обусловила постепенное нарастание проблем в валютно-финансовой сфере, что явилось причиной крайней нестабильности экономического развития страны в последующие годы.

Концепция внешней политики Турции в 1980-е годы была направлена на обеспечение национальной безопасности страны. Одним из условий безопасности считалось развитие военно-политического сотрудничества с США, участие в НАТО. При поддержке американцев модернизировалась военная промышленность, в стране, в частности, была налажена сборка и производство самолетов, вертолетов, ракет, зенитной артиллерии, электронного оборудования и другого военного снаряжения. Подписанное с США 29 марта 1980 г. соглашение о со-

трудничестве в области обороны и экономики предусматривало сохранение американской помощи, поставок вооружения и военных материалов. Подтверждалось также право США на использование военных баз на территории Турции, а также на совершенствование старых и строительство новых баз. Соглашением предусматривалось использование американцами базы ВВС в Инджирлике, двух радиоэлектронных, радионавигационной и сейсмической станций и семи сооружений связи.

В соответствии с ростом значения Турции в стратегии США росла и американская военная помощь. Суммарное финансирование ее в 1981–1988 гг. превысило 4 млрд. долл. При интенсивном развитии американо-турецких связей в военно-политической области развития торговых отношений между двумя странами не наблюдалось. В Турции высказывалось недовольство внешнеторговой политикой США, протекционизмом в отношении турецких товаров, ограничением ввоза турецкого текстиля и одежды, стали и других товаров.

В 1987 г. Турция официально обратилась с просьбой о принятии ее в полноправные члены ЕС, однако западные эксперты сочли, что Турция не готова к вступлению в Европейский союз. Вместе с тем европейские страны подчеркнули необходимость развития сотрудничества в рамках Договора об ассоциации, а также завершения создания таможенного союза и оживления финансового сотрудничества.

Одна из основных проблем внешней политики Турции 1980-х годов — отношения с соседней Грецией. С целью укрепления турецких позиций на Кипре 15 ноября 1983 г. была провозглашена независимость турецкой общины под новым названием — Турецкая республика Северного Кипра (ТРСК). Только Турция признала ТРСК, утверждая, что правительство Республики Кипр является представителем лишь греческой общины острова, несмотря на то что оно общепризнано на международной арене и Республика Кипр — член ООН. Важное место в отношениях Турции с Грецией занимали и спорные проблемы Эгейского моря, вызванные милитаризацией ряда греческих островов, расположенных вблизи анатолийского побережья Турции. Длительные споры велись также вокруг территориальных вод этих островов. Намерение Греции расширить их с шести до двенадцати морских миль рассматривалось в Турции как угроза ее национальной безопасности и экономическим интересам.

Важным направлением внешней политики правительства Т. Озала было сближение с мусульманскими странами с целью развития торговли и экономического сотрудничества, установления с ними взаимопонимания в отношении стратегических задач в регионе. Турция осудила оккупацию Израилем арабских земель, присоединилась к требованиям вывода израильских войск с этих территорий и возврата к границам 1967 г. После провозглашения Израилем в июле 1980 г. Иерусалима своей «вечной столицей» Турция закрыла в августе генеральное консульство в Иерусалиме, а в ноябре снизила дипломатические отношения с Израилем до уровня второго секретаря.

В 1980-е годы заметно увеличился объем торговли Турции с мусульманскими странами. Это объясняется ростом импорта нефти из этих стран и расширением

турецкого экспорта. Благоприятствовала этому и ирано-иракская война (1980–1988). Занимая позицию нейтралитета, Турция получила значительный дополнительный рынок сбыта своих товаров в странах региона. Активизировалась там и деятельность турецких строительных фирм. В 1986 г. сумма подрядов турецких фирм в арабских государствах составляла более 16 млрд. долл., самые большие подряды они выполняли в Ливии, Саудовской Аравии, Ираке.

Турция принимала участие в деятельности Организации «Исламская конференция» (ОИК), хотя не участвовала в принятии Устава ОИК. Неучастие Турции в подписании Устава ОИК и резервирование ею своих позиций относительно ее решений объясняется тем, что она — светское государство и член НАТО, в то время как члены ОИК — участники движения неприсоединения. Особая позиция Турции проявилась в том, что, несмотря на решения ОИК о разрыве мусульманскими странами отношений с Израилем, Турция сохранила дипломатические связи с ним.

Особенность отношений Турции в указанный период с Ираном и Ираком — сотрудничество в подавлении курдского движения. В 1984 г. Турция предложила Ираку и Ирану ввести свои войска на территорию этих стран для разгрома в приграничных районах курдских баз. Иран не дал согласия, однако на приграничной территории Ирака турецкие войска провели ряд операций против курдов.

После ввода в Афганистан советских войск (декабрь 1979 г.) отношения в правящих кругах Турции к СССР изменились в худшую сторону. Руководители турецкого правительства выступали с требованиями вывода советских войск, обвиняли СССР «в нарушении стабильности в регионе и равновесия в мире». Вместе с тем экономическое сотрудничество сохранялось на прежнем уровне. Определенный стимул развитию советско-турецких отношений придал визит в СССР Т. Озала летом 1986 г. Переговоры улучшили перспективы взаимовыгодного сотрудничества и взаимопонимание между двумя странами. В 1987 г. было подписано долгосрочное соглашение о поставках природного газа из СССР в Турцию.

ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1990–2001)

На рубеже 1980–1990-х годов произошли очередные изменения во властной элите страны. В связи с истечением срока президентских полномочий К. Эврена его пост в конце 1989 г. занял Т. Озал, уступив место лидера Партии отечества М. Йылмазу, причем авторитет партии в стране стал заметно снижаться. По итогам парламентских выборов 1991 г. она оказалась в меджлисе на втором месте, уступив первое близкой по идеологии Партии верного пути, возглавляемой ветераном турецкой политики С. Демирелем. Третьей стала Социал-демократическая народническая партия (лидер — Б. Эджевит), а четвертой — исламистская Партия благоденствия во главе с Н. Эрбаканом.

Весной 1993 г. скончался Т. Озал, президентом был избран С. Демирель, а лидерство в ПВП впервые перешло к женщине — Т. Чиллер, профессору-экономисту, которая в том же году возглавила коалиционное правительство ПВП–СДНП. Создание коалиции, впрочем, привело к расколу в СДНП.

На ситуации в стране в первой половине 1990-х годов сказывались начавшиеся ранее процессы реорганизации общества на предлагаемых Западом принципах либерализации (дерегулирование, приватизация и т.п.). Вместе с тем появились и новые факторы воздействия глобального и регионального характера, такие, как окончание холодной войны, распад СССР, война в Заливе 1991 г. Политические силы страны по-разному осмысливали положение страны в новых условиях, ее место в глобализующемся мире.

В середине 1990-х годов стрессом политической борьбы в стране стал острый конфликт светских правящих кругов с политическим исламом. Государство, сохраняя формально жесткие светские нормы, уже не могло и ни не считало необходимым вмешиваться во все сферы религиозной жизни. Сторонники радикального ислама расширили зону влияния в обществе, получая доступ во власть на местном уровне и в центре — в парламенте, правительстве, даже в армии. Сказывались не только внутренние перемены в обществе, но и внешние импульсы — как со стороны Запада (требования демократии и соответственно — уважения прав человека, прав верующих), так и с Востока (иранская революция, финансовая помощь исламистам от нефтедобывающих стран и т.п.).

Попытки исламистов ограничить вмешательство государства в их жизнь, расширить и укрепить свое влияние наиболее активно и масштабно проявились в двух направлениях. Во-первых, фактически утвердилось легальное политическое движение в лице исламистской партии, утвердилось несмотря на сопротивление армии и на периодические запреты на ее деятельность, выносившиеся по решению Конституционного суда. Во-вторых, возродилась на современной основе и небывало расширилась, выйдя за национальные границы (особенно после распада СССР), деятельность религиозно-культурных обществ, орденов.

Прошедшие в декабре 1995 г. парламентские выборы в Турции обеспечили в меджлисе большинство, правда с небольшим перевесом, происламской Партии благоденствия. Из 550 мест в меджлисе она получила 158, далее следовала Партия верного пути — 135 мест, третьей оказалась Партия отечества (132).

Успех Партии благоденствия «поднял на ноги» всю светскую элиту страны — и гражданскую, и военную. В течение 1996 г. выражались опасения, связанные с возрождением шариатского режима в Турции. Вместе с тем многие авторы отмечали, что провозглашенный К. Ататюрком путь Турции на Запад, в Европу, уже несовместим с ограничениями прав человека, запретами религиозной деятельности под предлогом ее политизации. Сами же исламисты активно прибегли к ссылкам на права человека как нормы европейской жизни. Распространение получили высказывания о приемлемости «мягкого ислама» в Турции, идея которого якобы поддерживается США и предназначена для применения не только в Турции, но и в других странах мусульманского мира, включая государства Центральной Азии.

Оценивая позиции двух ведущих светских партий в отношении исламистов, можно заключить, что они определялись не столько стремлением защитить светские принципы от угрозы шариатского режима, сколько желанием всячески ослабить позиции Партии благоденствия как опасного политического конкурента.

та. Ради этого Т. Чиллер перед выборами пошла на немислимый шаг — она пришла в своей резиденции Ф. Гюлена, конкурента лидера ПБ Н. Эрбакана.

Очевидно, что не только религиозные мотивы побудили пятую часть турецкого электората проголосовать за ПБ. Своим успехом ее лидеры обязаны прежде всего лозунгам социальной справедливости, защиты «угнетенных и оскорбленных». Беднейшие слои общества оказались забытыми и Партией верного пути, и Партией отечества, погрязшими, как утверждали их политические противники, в коррупции, в бесплодных спорах между собой, в связях с мафиозными группами, в бесконечном вооруженном конфликте в Курдистане.

Партии благоденствия не сразу удалось реализовать свой успех на выборах, поскольку конфликт между армией и парламентом принял острую форму. Возникшая вскоре после выборов светская коалиция Йылмаз-Чиллер просуществовала недолго, межпартийная и личная вражда между двумя лидерами не была преодолена. После распада коалиции в июле 1996 г. Эрбакан сумел договориться с Чиллер о новом блоке: соглашение между ПВП и ПБ предусматривало периодическую смену на посту премьера лидера одной партии лидером другой. Первым возглавил коалиционное правительство Н. Эрбакан.

Находясь у власти, последний попытался реализовать некоторые положения партийной концепции «Милли гёрюш» («Национальный взгляд»), что проявилось во все более открытых и настойчивых призывах к шариату, организации митингов в его поддержку, тайных встречах исламистов. Основные контрмеры светской властной элиты, прежде всего военных, вошли в историю как «Меры 28 февраля» — настойчивые рекомендации, принятые на заседании Совета национальной безопасности 28 февраля 1997 г., запретить ПБ, отстранить ее от власти.

В результате обострившегося в июне 1997 г. политического кризиса правительство Эрбакана-Чиллер было вынуждено уйти в отставку. 12 июля меджлис утвердил состав светского коалиционного правительства, премьер-министром которого стал лидер ПО М. Йылмаз, пост заместителя премьер-министра занял Б. Эджевит.

В феврале 1998 г. Конституционный суд принял решение о закрытии Партии благоденствия и фактическом лишении Эрбакана и его ближайших сподвижников прав на политическую деятельность. Впрочем, почти незамедлительно исламистские круги учредили Партию добродетели (ПД).

Продолжившийся затем нажим военных на правительство сопровождался многочисленными комментариями светских СМИ по поводу того, что решения 28 февраля «не выполняются». что сторонники шариата создали и сохраняют собственную партию, свои *вакуфы*, школы, холдинги и убеждены, что смогут разрушить республику, ориентированную на светскость и демократию.

Преемница ПБ — Партия добродетели не порвала связи с Эрбаканом, считая его своим духовным лидером. Власти, сосредоточившись на мерах судебного преследования уже членов ПД, в конце сентября 1998 г. добились осуждения на десять месяцев тюремного заключения одного из наиболее активных ее деятелей и бывшего члена ПБ Р.Т. Эрдогана. С 1994 г. он являлся председателем муници-

палитета Большого Стамбула. В обвинении было указано, что в своем выступлении 6 декабря 1997 г. он нарушил ст. 312 УК, которая запрещает кому бы то ни было призывать население к ненависти и враждебности.

По итогам парламентских выборов 1999 г. исламистская Партия добродетели оказалась уже не на первом, а на третьем месте в меджлисе. Первое место по числу полученных голосов заняла Демократическая левая партия Эджевита (22,1%), второе — ПНД (17,9%) во главе с Д. Бахчели, третье — ПД (15,4%), четвертое — ПО (13,2%), пятое — ПВП (12%). Причины снижения популярности исламистов некоторые из них видели в том, что оставшиеся у руководства партий лидеры бывшей ПБ использовали поддержку верующих не для того, чтобы бороться за решение их социальных проблем, а чтобы «еще более упрочить свое материальное благополучие».

ПД оказалась последней партией, представлявшей в XX в. «монополю» политический ислам в стране: в июне 2001 г. по решению Конституционного суда она была также распущена. После этого ее приверженцы, расколовшиеся в парламенте на «традиционалистов» (во главе с Р. Кутан, 48 депутатов) и «обновителей» (во главе — Р.Т. Эрдоган, 52 депутата), учредили свои партии: Партию счастья, активно поддержанную Н. Эрбаканом, и Партию справедливости и развития, ратующую за внедрение модели «мягкого» ислама.

Участие Турции в качестве союзника США в войне в Заливе подтвердило ее готовность сохранять в максимальной степени связи с Западом, используя их в национальных интересах. Одновременно Турция стремилась к укреплению позиций в евразийском (постсоветском) регионе, подчас на пантюркистской и происламской основе. Претендуя на особую роль Турции на постсоветском пространстве, С. Демирель предложил и некую политическую концепцию деятельности в Центральной Азии. Речь шла о создании межгосударственных структур в финансовой сфере, в сфере образования и культуры. При этом роль координатора-распорядителя принадлежала бы Турции, в то время как Западу (в основном США) отводилась роль источника финансов. По мнению турецкой стороны, подобная система должна была оказаться эффективной в противодействии экспансии исламского фундаментализма, источником которого представлялся Иран.

Внешняя политика коалиции Эрбакан–Чиллер способствовала улучшению отношений Турции не только с мусульманскими государствами, в первую очередь с Саудовской Аравией, но даже с шиитским Ираном. В этот период были предприняты конкретные шаги правительства по созданию исламского «общего рынка» и таможенного союза, что вызывало острую критику оппозиции и усиливало недовольство военных. Несомненно, турецкие исламисты постарались расширить свое участие в «культуртрегерской» деятельности как в Турции, так и в Центральной Азии, Закавказье и в тюркоязычных регионах России. Вместе с тем, став премьер-министром, Н. Эрбакан прекратил обычную для него в прошлом резкую критику в адрес «американского империализма и международного сионизма». Именно в этот период турецким военным кругам удалось наладить широкое военное сотрудничество с Израилем, несмотря на сопротивление Н. Эрбакана.

Еще одним важным направлением турецкой внешней политики в 1990-е годы стало черноморское. В 1992 г. в Стамбуле десять стран черноморского региона подписали декларацию о черноморском экономическом сотрудничестве, на базе которой некоторое время спустя возникла Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) в качестве новой региональной экономической группировки. Коллективные действия в ее рамках пока не принесли заметных результатов. Более продуктивными оказались отношения Турции с отдельными членами ОЧЭС. Так, в октябре 1998 г. была подписана Анкарская декларация, в рамках которой Азербайджан и Грузия намеревались решить вопрос о транспортировке нефти из каспийского региона через Азербайджан и Грузию до турецкого порта Джейхан, минуя Россию. Вместе с принятыми Турцией в 1994–1995 гг. мерами по ограничению прохода ганкеров через черноморские проливы Анкарская декларация рассматривалась российской стороной как противоречившая ее интересам.

Вместе с тем на конец 1997 г. пришлось весьма важное событие в двусторонних российско-турецких отношениях: стороны подписали соглашение о поставках российского природного газа в Турцию по дну Черного моря. Данный проект получил название «Голубой поток».

Активная региональная внешняя политика Турции в 1990-е годы привела к довольно тесному взаимодействию с США при решении проблем в Центральной Азии и Закавказье.

Свой вариант исламистской деятельности на просторах Евразии активно проводил в 1990-е годы Ф. Гюлен. Турецкие источники сообщают, что, узнав о падении Берлинской стены, он отправился в одну из известных в Стамбуле мечетей — Сулеймание, где приветствовал это событие, сразу же обратившись к прихожанам с призывом «проникнуться проблемами обретения независимости», которые возникли перед населением распадающегося СССР. Открывшаяся перед общиной Гюлена новая, сугубо миссионерская перспектива на просторах Евразии, где проживают миллионы мусульман, к тому же тюрок, дала возможность Гюлену попытаться «послужить нации» и одновременно постараться свести к минимуму угрозу его уголовного преследования за антиконституционную проповедническую деятельность на территории самой Турции.

11 января 1990 г. первая группа турецких миссионеров-исламистов, снаряженная Гюленом, через пограничный пункт Сарпы пересекла турецко-грузинскую границу, побывала в Аджарии, в Тбилиси, «везде встречая дружеский прием». В мае 1990 г. отправилась вторая миссия (37 чел.) с целым караваном автомашин и автобусом, в которых находились книги, кассеты, подарки. Она посетила Батуми, Тбилиси, Казань, Гянджу, Баку. Затем миссия побывала в Узбекистане, Казахстане и Таджикистане. Так началась зарубежная миссионерская деятельность общины Гюлена, ныне охватившая не только страны Центральной Азии, но и регионы России с мусульманским, тюркским населением (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан и др.), включая города Казань, Уфу, Москву, С.-Петербург и др. В 1992 г., пишет Х. Тургут, эти государства стали независимыми и для их жителей стало возможным «свободно учиться в нашей стране».

В турецких СМИ сообщается, что это сообщество сумело создать в 90-е годы на свои средства учебные центры в Якутии, Тыве, Хакасии, Башкортостане, Чувашии, Татарстане, а также в Кыргызстане, Румынии, Молдове, Албании, Украине (в том числе в Крыму), Пакистане, Марокко, Ираке, Ираке, Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, Казахстане, Монголии. Издаваемая Гюленом в Турции массовым тиражом газета «Заман» еженедельно выходила в Москве, а также в Казани, Уфе и других городах.

С «просветительских задач» в тех же регионах, особенно на Северном Кавказе, начали свою деятельность турецкие пантюркисты, «серые волки». Следы их деятельности обнаруживались там на протяжении всех 1990-х годов и позже. Это проявлялось в угонах самолетов, захвате парома «Аврасья», участии в боевых действиях на Кавказе вместе с чеченскими и арабскими террористами.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТУРЦИИ в 1980–1990-е годы

Переход с 1988 г. к стимулирующей фискальной политике уже в следующем году принес ощутимые результаты, обеспечив рост экономики на 9,2%. Однако в 1991 г. экономическая конъюнктура ухудшилась из-за начала войны в Персидском заливе. 1992 и 1993 годы ознаменовались весьма высокими темпами роста — соответственно 6,4 и 8,1%. Но на протяжении всего рассматриваемого периода среднегодовые показатели инфляции превышали уровень 40%, средний для 1984–1987 гг.

Наблюдавшаяся в турецкой экономике ситуация характеризовалась сочетанием высоких темпов роста и инфляции. Турецкий пример подтверждает отмеченную в экономической теории возможность долгосрочного компромисса, когда темпы роста производства устойчивы, в условиях прогнозируемой инфляции. Тем не менее экономический рост сопровождается нарастанием определенных негативных тенденций, прежде всего в финансовой сфере.

Обратившись к проведению стимулирующей фискальной политики, Турция по существу сознательно пошла по пути увеличения дефицита консолидированного бюджета: его отношение к ВВП после 1989 г. не опускалось ниже 3%, а максимального значения в 6,7% достигло в предкризисном 1993 г. При этом основной акцент был сделан на расширении выпуска государственных ценных бумаг с целью привлечения заемных источников для финансирования возросших расходов.

В 1989 г. Турция завершила либерализацию национального финансового рынка, нацеленную как на беспрепятственное приобретение государственных ценных бумаг нерезидентами страны, так и на свободное использование любых форм иностранных кредитов национальными банками.

Расширение заемной деятельности государства повысило спрос на национальную валюту, а наблюдавшийся приговор краткосрочного иностранного капитала способствовал еще большему укреплению лиры. Ситуация на валютном

рынке отвечала интересам иностранных инвесторов, обеспечивая им сохранение прибыли при обратной конвертации турецких лир в доллары.

Но повышение реального курса национальной валюты стало дополнительным фактором снижения темпов роста турецкого экспорта. На протяжении 1990-х годов они составили 13,5% в год. Одновременное удешевление импорта вело к его активному росту. В результате возрос дефицит по текущим операциям платежного баланса: если в 1989 г. Турция имела избыток валютных доходов в размере свыше 900 млн. долл., то в 1993 г. был зафиксирован дефицит в 6,4 млрд. долл., что соответствовало 3,6% ВВП.

Хроническая дефицитность системы госфинансов позволяла более или менее успешно размещать на рынке лишь высокодоходные государственные бумаги с короткими сроками погашения, что делало весьма обременительным выплату процентов по государственному долгу. По мере роста процентных расходов все меньшая их часть могла обеспечиваться за счет обычных бюджетных поступлений и заемная деятельность государства все больше строилась на принципах «финансовой пирамиды» с перспективой неизбежного банкротства.

Поводом для развития в конце 1993 г. кризисной ситуации стало то, что с 1991 г. начался постепенный отход от политики роста реального курса лиры. Это было проиждено необходимо ограничить рост дефицита по текущим операциям платежного баланса. В качестве компенсирующей меры казначейство пошло на дополнительное увеличение доходности по краткосрочным обязательствам. В результате значительно ухудшилось соотношение между объемом привлеченных краткосрочных займов и процентных выплат по ним. В конце 1993 г. правительство объявило о снижении доходности по ценным государственным бумагам, после чего начался стремительный вывод краткосрочного иностранного капитала из экономики Турции: его отток в 1994 г. составил порядка 7 млрд. долл. Смещение акцента в дефицитном финансировании с внутренних займов на авансы Центрального банка увеличило глубину неизбежного в сложившейся ситуации падения курса лиры (на 170%).

С целью вывода страны из валютно-финансового кризиса правительство разработало стабилизационную программу, получившую название «Решения от 5 апреля». Базовым принципом стабилизации объявлялся «переход от государства, которое занимается производством и распределением субсидий, к государственной структуре, которая поощряет действие рыночного механизма всеми своими законами и органами и одновременно заботится о сохранении социального баланса». Стабилизацию госфинансов предполагалось обеспечить через осуществление мер по сокращению расходов и увеличению доходов. С целью сокращения расходов предусматривалось отказаться от повышения заработной платы гражданским госслужащим, от создания новых рабочих мест и от найма на пустующие вакансии в государственном секторе. Намечалось также сократить инвестиционные расходы консолидированного бюджета, отказавшись от развертывания новых проектов и сократив финансирование всех текущих проектов, за исключением подлежащих завершению в течение 1994 г.

Последовательное проведение в жизнь «Решений от 5 апреля» продолжалось недолго. Уже в 1995 г. правительство пошло на увеличение зарплат некоторым

категориям занятых в госсекторе, а в 1996 и 1997 гг. эта тенденция получила дальнейшее развитие.

Деятельность коалиционного правительства Партии верного пути и Партии благоденствия характеризовалась возвратом к стимулирующей бюджетной политике и неизбежно связанной с ней инфляцией. В период его пребывания у власти (с середины 1996 до середины 1997 г.) в полной мере проявила себя отмеченная в экономической литературе способность политических факторов (опора на экономический популизм) осложнять проведение ограничительной фискальной политики.

Что касается макроэкономической динамики, то кризис 1994 г. (падение ВВП на 6%) сменился в 1995 г. подъемом на 8%. В течение двух последующих лет ВВП возрастал на 7,1 и 8,3% соответственно. Инфляция, измеренная на базе динамики оптовых цен, в 1994 г. достигала 107%, а в 1995–1997 гг. она колебалась в пределах 85–91%. Отношение же дефицита консолидированного бюджета к ВВП увеличилось до 8,3% в 1996 г. и 7,6% в 1997 г. против 4,0% в 1995 г. Вновь обострилась проблема обслуживания государственного долга: процентные выплаты в структуре расходов консолидированного бюджета оставались на угрожающе высоком уровне — от 30% и выше.

Пришедшее к власти в июле 1997 г. правительство М. Йылмаза оказалось перед необходимостью проведения жесткой финансово-бюджетной политики для достижения финансовой стабилизации. Для этого, в частности, был принят новый налоговый кодекс, нацеленный на увеличение бюджетных доходов. Инфляция в 1998 г., хотя и превысила запланированный уровень, оказалась ниже, чем в предыдущем году, а темпы экономического роста несколько превзошли запланированные, составив 3,9%. Вместе с тем розничные цены выросли за год на 50%.

В 1999 г. продолжилась политика финансовой стабилизации и неизбежно связанного с ней сжатия внутреннего рынка. Но экономическую ситуацию ухудшило разрушительное августовское землетрясение. Из неблагоприятных внешних факторов следует упомянуть валютно-финансовый кризис в России 1998 г., которая к моменту его развития с учетом «челночных» операций стала основным внешнеторговым партнером Турции. Отношение дефицита консолидированного бюджета к ВВП по итогам 1999 г. вместо намечавшихся 7% составило почти 12%, а инфляция вместо 44% — 56%, ВВП сократился на 6,4%.

Антиинфляционные меры турецких властей получили позитивную оценку Запада, который не разделял мнения об инфляции как своеобразном способе стимулирования деловой активности. Одновременно осознание негативных сторон инфляции произошло и в Турции. В ретроспективном обзоре журнала «Capital» в июле 2000 г. два последних десятилетия XX в. характеризовались как период экономического развития по принципу «стой-иди», отмечалось, что среднегодовой прирост был менее 4%. По мнению авторов обзора, в дальнейшем Турции были необходимы стабильные темпы роста при снижении инфляции до значений, выражающихся однозначными цифрами. Начиная с 2000 г. поддержка Турции Западом приняла форму кредитного содействия в выполнении принятых ею

на себя обязательств в сфере макроэкономической политики. Эти программные обязательства были изложены в «Письме о намерениях» от 9 декабря 1999 г. за подписью главы Центрального банка Турецкой Республики Г. Эрчеля и государственного министра экономики Р. Онала. В качестве главной цели экономической программы провозглашалось подавление инфляции и создание лучших перспектив для роста и обеспечения более высоких жизненных стандартов для всех слоев населения. Тремя основными пунктами программы являлись урегулирование проблем финансовой сферы, более высокая прогнозируемость динамики валютного курса и структурные реформы в экономике.

В области фискальной политики основными задачами провозглашалось обеспечение первичного профицита системы госфинансов в 2000 г. в размере 2,2% ВВП, более эффективная политика по управлению государственным долгом. Среднегодовой уровень инфляции по итогам 2000 г. предполагалось снизить до 25%.

В качестве «якоря» в процессе финансовой стабилизации был избран валютный курс, который по существу был объявлен фиксированным и должен был меняться в режиме «ползущей привязки» (речь идет о заранее спланированных во времени и по размерам масштабах девальвации). Для обеспечения предсказуемости валютного курса рост внутренних активов Центрального банка был ограничен ростом его валютных резервов.

Структурные реформы рассматривались как совокупность мероприятий, направленных на укрепление государственных финансов посредством ликвидации неравномерности в распределении налогового бремени, неоправданных трат, в том числе связанных с действовавшей в стране неэффективной системой поддержки сельхозпроизводителей.

В первой половине 2000 г. Турции удалось добиться заметных успехов в борьбе с инфляцией: рост оптовых цен за период с января по апрель составил 16,2%, достигнув самого низкого уровня за аналогичный период на протяжении предшествующих 13 лет. Кроме того, отмеченный показатель был ниже соответствующего за первые четыре месяца 1999 г. — 17,2%. Снижение процентной ставки вызвало оживление производства и потребительского спроса, что одновременно с благоприятными условиями импорта обеспечило рост экономики по итогам года в 6,1%.

Но со второй половины года темпы снижения инфляции стали отставать от запланированных: инфлятор ВВП по итогам 2000 г. составил 0,52 вместо запланированных 0,43. В условиях фиксированного валютного курса это означало удорожание турецкой лиры, которое и привело к росту спроса на импортные товары. Данная тенденция наложилась на повышение мировых цен на энергоносители. Поэтому дефицит по текущим операциям платежного баланса к концу года значительно опередил запланированный уровень в 1,8% ВВП, составив 4,8%. В результате усилилось беспокойство на национальном валютном рынке, поскольку оказалась под сомнением способность правительства твердо придерживаться запланированной политики валютного курса. В сложившейся ситуации иностранные инвесторы стали проявлять большую осторожность в отношении финансового рынка Турции, и во второй половине 2000 г. приток средств извне

сократился. Снижение темпов прироста денежной массы породило проблемы с банковской ликвидностью. Это повлекло за собой рост краткосрочных процентных ставок. В результате еще более возросла тревога иностранных инвесторов в связи с будущим стабилизационной программы, проявившаяся в оттоке капитала из страны.

Для нормализации ситуации в ноябре 2000 г. ЦБ Турецкой Республики провел валютные интервенции в объеме 6 млрд. долл. В конце 2000 г. с целью недопущения развития кризиса были предприняты попытки по ускорению структурных реформ. Кроме того, важную роль сыграло достижение соглашения с МВФ о выделении 7,5 млрд. долл. для увеличения официальных валютных резервов.

Частично достигнутая стабилизация финансового рынка была нарушена разногласиями во властных структурах. В результате общество вновь утратило доверие к проводимой стабилизационной программе, турецкая лира стала подвергаться массированным атакам. 19 февраля 2001 г. спрос на доллары достиг 7,6 млрд. долл., в результате чего ЦБ объявил о переходе к «плавающему» валютному курсу, что было равносильно объявлению неконтролируемой девальвации.

Валютно-финансовый кризис 2001 г. был обусловлен теми же причинами, что и кризис 1994 г.: сохранявшейся несбалансированностью в сфере госфинансов, привлечением краткосрочных иностранных инвестиций в целях финансирования дефицита бюджета, зависимостью национальной экономики от колебаний в поступлениях внешних источников финансирования. Однако, по мнению ряда турецких исследователей, кризис 2001 г. оказался гораздо более драматичным.

С 1987 г. частный сектор уверенно лидировал в инвестиционном процессе. Анализ нормы инвестиций на протяжении 1980–1990-х годов позволяет с достаточной объективностью ответить на вопрос, насколько успешно удалось заместить инвестиционную активность государства вложениями частного сектора. То обстоятельство, что показатель средней нормы валовых инвестиций на протяжении 1987–1999 гг. — 24,7% — оказался выше среднего показателя для 1980–1986 гг. — 22,5%, позволяет утверждать, что частный сектор в условиях макроэкономической конъюнктуры данного периода показал себя вполне состоятельным для выполнения функции основного инвестора. Правда, инвестиционная активность частного сектора в немалой степени была достигнута за счет нарушения баланса в сфере государственных финансов. Поэтому важным тестом на устойчивость частного сектора станет динамика его инвестиций в условиях достижения финансовой стабилизации.

1980–1990-е годы стали периодом довольно последовательного осуществления политики приватизации государственных предприятий. В стране происходило постепенное развитие законодательной базы для осуществления глубоких институциональных изменений. Важной вехой на этом пути стало принятие в 1994 г. Закона о приватизации № 4046. Его отличительной особенностью стала разработка системы мер по нейтрализации негативных социальных последствий продажи государственных предприятий. Принятие закона сделало реально возможной передачу в частные руки не только принадлежавших государству пакетов акций в смешанных компаниях, но и крупнейших государственных предприятий.

В результате массовый характер приобрела прямая продажа государственной собственности частным юридическим и физическим лицам. Если в 1986–1993 гг. методом прямой продажи было обеспечено всего лишь 0,3% доходов от приватизации, то в 1995 г. — уже 21,4%, а в 1999 г. прямая продажа обеспечила около 30% доходов, став одним из основных способов их аккумулирования.

Данные Всемирного банка позволяют оценить масштаб структурных изменений, произошедших в турецкой экономике в связи с приватизацией в 1990-е годы. Отношение добавленной стоимости, созданной на предприятиях государственного сектора, к ВВП сократилось с 6,5% в 1985–1990 гг. до 5% в 1990–1997 гг.; в 1985–1990 гг. на них приходилось свыше 27% всех инвестиций, а в 1990–1997 гг. — 13,8%. В 1985–1990 гг. на госпредприятиях трудилось 3,7% от общего числа занятых, а в 1990–1997 гг. — 2,9%.

Нет сомнения, что в целом правящая элита Турции добилась к концу 1990-х годов немалых успехов в реализации одного из главных условий создания в стране рыночной экономики — приватизации государственных предприятий. За истекшие годы ликвидирована правовая и фактическая монополия государства в экономике, частное предпринимательство контролирует производство в текстильной и пищевой отраслях, сборку и производство автомобилей, бытовой электротехники и электроники, полиграфическую промышленность, индустрию туризма, торговлю, строительство, крупные финансовые учреждения, включая банки и различные фонды. Вместе с тем по разным причинам, и финансовым, и политическим, и военно-стратегическим, в начале XXI в. за государством остается контроль, полный либо частичный, над энергетикой, железнодорожным, морским, воздушным, трубопроводным транспортом, портовым и аэродромным хозяйством, оборонной промышленностью, связью. Государство в значительной мере контролирует также закупки зерна, табака, чая, производство спиртоводочной продукции, сахара, поставки в агросферу техники и химудобрений, элитных семян и скота и т.д. Крупнейшими государственными банками Турции помимо Центрального оставались старейшие в стране Сельхозбанк и Народный банк.

Объем валового национального продукта Турции в 1998 г. достиг 204,6 млрд. долл., а показатель подушевого ВВП по текущему обменному курсу составил 3259 долл. Это впервые позволило отнести Турцию, по классификации Всемирного банка, к числу стран со средневысоким доходом (выше 2935 долл.). Подушевой ВВП по паритету покупательной способности в 1998 г. достиг 6508 долл. В 1999 г. валовой национальный продукт, исчисленный по текущему обменному курсу, снизился до 185,2 млрд. долл. Соответственно показатель подушевого ВВП составил 2879 долл. по текущему обменному курсу и 6326 долл. по паритету покупательной способности. Динамика экономического роста Турции в конце 1990-х годов свидетельствовала о том, что ее положение в группе стран со средневысоким доходом пока еще непрочное.

Отраслевая структура ВВП характеризовалась, как уже отмечалось, преобладанием стоимости продукции промышленности над стоимостью продукции сельского хозяйства. В 2000 г. в структуре ВВП, рассчитанного в текущих ценах,

14,5% приходилось на сельское хозяйство, 23,1% — на индустрию, 62,4% — на сферу услуг.

При выявлении типологической принадлежности национальной экономики анализ отраслевой структуры ВВП необходимо дополнить анализом отраслевой структуры занятости, а также структуры экспорта. В 2000 г. доля занятых в сельском хозяйстве по-прежнему превышала процент занятых в промышленности — соответственно 34,9 и 18,2%. около 47% были заняты в торговом секторе. Что касается структуры турецкого экспорта, то она характеризовалась заметным преобладанием доли промышленных изделий: на них приходится около 90% всей стоимости экспорта, хотя уровень их технологической сложности в основном был невысок.

Сохранение высокого уровня занятых в сельском хозяйстве, несмотря на преобладание промышленных изделий в структуре валового продукта и экспорта, позволяет охарактеризовать турецкую экономику как находящуюся на пути трансформации в экономику промышленно-аграрного типа.

Усилия по наращиванию экспорта, предпринимавшиеся в Турции в последние десятилетия, не обеспечили решение проблемы хронической дефицитности внешней торговли страны, хотя отношение экспорта к импорту заметно повысилось по сравнению с началом 1980-х годов. К числу основных факторов несбалансированности экспорта и импорта следует отнести объективно обусловленное сокращение объемов поддержки экспорта, а также издержки, обусловленные началом действия с 1996 г. таможенного союза Турции и ЕС. На протяжении 1980-1990-х годов наблюдался рост внешней задолженности Турции. При этом происходили определенные изменения в структуре внешнего долга страны с точки зрения как срочности, так и его распределения между государственным и частным секторами. На рубеже XX и XXI вв. основным фактором роста внешней задолженности стали стабилизационные кредиты МВФ. Однако наиболее существенно то, что с конца 1990-х годов общая сумма внешнего долга (по состоянию на 2000 г. — 118 млрд. долл.) заметно превосходила критическую для стран со средней задолженностью (по классификации Всемирного банка) отметку в 50% ВВП.

Глава 20

ИРАН

Иран оказался непосредственно затронутым Второй мировой войной, так как на его территорию в августе 1941 г. были введены войска антигитлеровской коалиции — СССР и Великобритании. В сентябре Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда Реза Пехлеви. Внутривнутриполитическая ситуация в стране стала более либеральной, возродилась партийная жизнь. За короткий период в Иране сформировалось около 14 различных партий. Наиболее значительными из них были коммунистическая «Туде» (Народная партия), буржуазно-демократическая «Иран» (лидер — Аллаяр Салех), Демократическая партия Ирана, созданная Кавамом ос-Салтане. Возвратившийся из эмиграции Сейид Зия эд-Дин создал активно действовавшую националистическую партию «Ватан» («Родина»), реорганизованную в 1944 г. в Партию народной воли. Образованный в 1942 г. Комитет возрождения Курдистана, более известный как партия «Комола», и созданная в 1945 г. на базе отделений «Туде» в Азербайджане Демократическая партия Азербайджана (ДПА) возглавили национально-демократические движения в Курдистане и Азербайджане.

Активизировалось также духовенство, которое при Реза-шахе не осмеливалось вмешиваться в политику. Оно стало отвоевывать некоторые из утраченных позиций, создавать свои партии. В 1944 г. Наввабом Сафави была создана террористическая исламская организация «Федаяне ислам» («Поборники ислама»), сыгравшая значительную роль в политической истории Ирана.

Ослабление центральной власти возродило сепаратистские настроения, страна, как и в 1920-е годы, оказалась охваченной национальными движениями. В конце 1945 г. были провозглашены автономные республики в Азербайджане и Курдистане. Возникла угроза раскола страны. На Московской конференции министров иностранных дел стран-союзников, состоявшейся в декабре 1945 г., было даже выдвинуто предложение о создании Тройственной комиссии из представителей СССР, США и Англии, которая фактически установила бы контроль над иранскими провинциями путем назначения местных правительств. СССР выступил против этого плана, рассчитывая укрепить советское влияние через автономные правительства Азербайджана и Курдистана и получить согласие Ирана на предоставление концессии на разведку и добычу нефти в северных провинциях. Иранское правительство подписало в апреле 1946 г. соглашение о создании смешанной нефтяной компании по разведке и эксплуатации нефти в Северном Иране. При этом была достигнута договоренность, что иранская сторона обязывается признать автономии, ввести в состав правительства членов «Туде», а советская — вывести с их территорией свои войска. Но после вывода советских

войск центральное правительство уже к концу 1946 г. жестоко подавило национальные движения в Азербайджане и Курдистане. Тысячи людей были убиты, многие активисты национальных движений вынуждены были эмигрировать, главным образом в СССР. Размах этих национальных движений показал, что национальная проблема, несмотря на проводившуюся в 1930-е годы политику «персизации», оставалась весьма острой.

Из правительства страны были выведены все члены «Туде», деятельность этой партии, как и ДПА, запрещена, в стране введено военное положение. Новый *меджлис* (иранский парламент), начавший свою работу после ликвидации автономий, отказался от ратификации соглашения о совместной советско-иранской нефтяной компании, ссылаясь на Закон о нефти 1944 г., по которому запрещалось выдавать концессии на нефть иностранцам.

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСАДДЫКА И ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Важнейшим по своим политическим и экономическим последствиям событием послевоенного периода стало движение за национализацию нефтяной промышленности, которая согласно концессии 1901 г. и концессионному соглашению 1933 г. (срок действия — до 1993 г.) полностью находилась в ведении Англо-иранской нефтяной компании (АИНК). В 1947 г. *меджлис* принял закон, который не только аннулировал соглашение о создании советско-иранского общества по разведке и эксплуатации северной нефти, но и предписывал руководству страны «восстановить право иранского народа на южную нефть». Это создало правовую основу для борьбы за пересмотр отношений с АИНК, так как вся нефть добывалась в зоне ее деятельности. Движение стало важнейшим фактором формирования общеиранского самосознания, которое было общенациональным в отличие от национальных движений в Азербайджане и Курдистане.

Как и конституционное движение 1905–1911 гг., оно стало важнейшим этапом в создании и развитии иранских партий. В нем активное участие приняли различные по характеру деятельности и составу участников партии — националистические, буржуазные, национально-демократические, коммунистические и религиозные. Борьба за национализацию нефтяной промышленности стала главной задачей сформированного в 1949 г. Национального фронта (НФ), к которому присоединились различные группировки, партии и отдельные политические деятели. Активно поддержала НФ партия «Туде», хотя она была легально запрещена.

Лидером Национального фронта стал доктор Мохаммад Мосаддык (1879–1967), возглавивший правительство в апреле 1951 г. после одобрения *меджлисом* закона о национализации нефтяной промышленности. Выходец из аристократической семьи, прекрасно образованный, Мосаддык был одним из опытных и активных политиков, выступавших за независимую внешнюю политику («негативного равновесия», т.е. без предпочтения какой-либо из стран). В июле 1951 г. английское правительство было вынуждено признать акт национализации. Глав-

ная проблема для правительства Мосаддыка заключалась в реализации этого закона, т.е. в возможности добычи нефти и вывода ее на мировые рынки. Нефтяная отрасль, полностью сосредоточенная в рамках АИНК, носила настолько анклавный характер, что кроме доли концессионных платежей никак не была связана ни с экономическими, ни с административно-хозяйственными структурами Ирана. Началось интенсивное давление Англии и США на правительство Мосаддыка. Англия пыталась сохранить свои прежние позиции в Иране, но все более мощным ее конкурентом становились нефтяные компании США.

Переговоры об условиях продажи нефти затягивались, объявленная западными странами экономическая блокада усилила кризисное состояние экономики, в котором страна оказалось после войны. Не удалось договориться и с СССР о продаже нефти. Сокращение валютных поступлений от экспорта нефти привело к резкому ограничению импорта, началась дезорганизация внутреннего рынка, задержка с выплатами зарплат нефтяникам. В июле 1952 г. шах отстранил Мосаддыка от власти. Однако по всей стране прокатились сильнейшие выступления за возвращение Мосаддыка, имя которого ассоциировалось с борьбой за национализацию нефти, за освобождение от английского влияния. В Тегеране 21 июля 1952 г. началось восстание. Впервые в истории Ирана широкое участие в нем приняли женщины. Одной из главных движущих сил в этом движении стало духовенство. С призывом к «великому джихаду» против нового правительства, сменившего правительство Мосаддыка, выступил аятолла Аболькасем Кашани, наиболее популярный в то время шиитский лидер. Возможно, что именно этот призыв Кашани и стал причиной восстания. О размахе движения говорит реакция шаха: 22 июля он назначил Мосаддыка премьер-министром (и военным министром), «чтобы предотвратить гражданскую войну».

В июле 1953 г. по инициативе Мосаддыка проводится всенародный референдум по вопросу о роспуске *меджлиса*, который тормозил деятельность правительства. Референдум выразил поддержку Мосаддыку. После неудачной попытки свергнуть его военным путем 16 августа 1953 г. и отъезда шаха из страны члены правительства призвали к свержению монархии, но сам Мосаддык от открытого выступления против шаха уклонился.

19 августа в результате спланированного с помощью США военного переворота во главе с генералом Захеда правительство Мосаддыка все-таки было отстранено от власти. Захеда стал премьер-министром, в стране ввели военное положение, запретили деятельность всех политических партий независимо от их программ. Наиболее преданные сторонники Мосаддыка были казнены.

В укреплении позиций шахской власти одним из главных факторов стала ориентация США на шаха как гаранта американских нефтяных компаний, инициаторов создания Международного нефтяного консорциума (МНК), сменившего Англо-иранскую нефтяную компанию. Шах принимает условия МНК, в котором первоначально были представлены восемь крупнейших нефтяных компаний мира, 50% чистой прибыли которых выплачивалась Ирану. Срок действия соглашения о Консорциуме был определен в 25 лет, т.е. до 1979 г. (именно в этом году и падет шахский режим).

Иран в результате национализации нефтяной промышленности смог значительно увеличить валютные поступления от экспорта нефти, направляя их на выполнение планов социально-экономического развития, которые стали разрабатываться с 1949 г. В значительной мере именно из-за необходимости увеличения поступлений от нефти, которые на 37% должны были обеспечить плановые ассигнования, проблемы взаимоотношений с АИНК и приобрели столь важное политическое значение. Все большее влияние на политическую и экономическую ситуацию в стране начинает оказывать ее внешнеполитический курс. После войны Иран находится в зоне растущего влияния США, в 1950 г. заключено американо-иранское соглашение «О взаимной помощи в целях обороны». В 1955 г. Иран присоединился к Багдадскому пакту, преобразованному после выхода из него Ирака в 1959 г. в СЕНТО. В том же году Тегеран заключил военный договор с Вашингтоном.

Экономическая система в 1950-е годы начинает эволюционировать в сторону децентрализации, созданные при Реза-шахе отраслевые монополии постепенно ликвидировались. Новым инструментом экономической политики стало планирование. Первые два семилетних плана — 1948/49–1954/55 и 1955/56–1961/62 гг. практически продолжили основное направление экономической политики предыдущих десятилетий — развитие инфраструктурных отраслей и ориентированность на государственное участие. Однако в этих планах уже ставились цели поощрения частных предпринимателей. Впервые в практику экономической жизни Ирана стала вводиться продажа государственных предприятий частным лицам. Правительство Мохаммеда Реза Пехлеви отказалось от жесткого протекционистского курса 1930-х годов и широко открыло двери импорту. Финансовой основой реализации планов стали доходы от нефти.

Особенно радикальные изменения произошли в использовании иностранного капитала. Уже с конца 1940-х годов Иран начал прибегать к иностранным займам и иностранной финансовой помощи. В 1955 г., после почти двухлетних дебатов *меджлис* принял закон «О привлечении и защите иностранных инвестиций». По этому закону иностранный капитал в течении пяти лет освобождался от уплаты налогов, зарубежные инвесторы имели право вывозить прибыль в валюте, законом гарантировалась неприкосновенность инвестиций. Своего рода дополнением к этому закону явился ирано-американский закон 1957 г., предоставлявший дополнительные привилегии и гарантии американским частным инвесторам. В 1958 г. был принят специальный закон об отмене ограничений для иностранных банков в Иране, ускорился процесс формирования и развития банковской системы Ирана. После принятия этого закона стали возникать смешанные банки, усилилось присутствие иностранного капитала в банковской структуре Ирана.

К концу 1950-х годов предпринимаются попытки по стабилизации внутривнутриполитической системы. В 1957 г. отменяется военное положение и разрешается деятельность партий. Возобновляется деятельность ранее созданных либерально-буржуазных и националистических партий, в том числе Национального фронта. Одной из наиболее активных партий становится Движение за свободу Ирана во главе с Мехди Базарганом и аятоллой Махмудом Талегани, которое совмещало

общедемократические идеалы с исламскими. Шахский режим инициирует создание двухпартийной системы. Создаются партии «Меллион» («Националисты») во главе с премьером-министром Манучехром Экбалем и «Мардом» («Народ») как партия лояльной режиму оппозиции.

Одновременно усиливаются властные полномочия шаха и правительства. В 1957 г. были внесены изменения в конституцию, наделявшие шаха правом отлагательного вето и роспуска парламента, правом назначения премьер-министра, который должен был получить вотум доверия в *меджлисе*. Была проведена реорганизация министерств и других государственных организаций, усилившая государственный контроль. Более жестко стала подчиняться правительству самая доходная государственная компания — Иранская национальная нефтяная компания (ИННК), образованная в результате национализации нефтяной промышленности и представлявшая в МНК интересы Ирана. В 1959 г. был изменен статус Плановой организации, которая из неправительственного учреждения перешла в разряд государственного под непосредственный контроль премьер-министра. В 1957 г. был создан Фонд Пехлеви, средства которого формировались за счет продажи крестьянам шахских земель, отчислений от доходов компаний, принадлежавших семье шаха, и расходовались на проведение благотворительных мероприятий. Создание такого фонда должно было содействовать укреплению престижа монарха.

Усиление централизации власти рассматривалось режимом как необходимое условие проведения реформ, так как предпринимаемые попытки нового прорыва в модернизации общества и экономики наталкивались на слабость частного сектора и на нерешенность главной проблемы страны — аграрной. Необходимость реформ диктовалась и изменением внешнеполитической ситуации в регионе. В 1958 г. пал монархический режим в соседнем Ираке, усилились попытки ряда развивающихся стран использовать советский опыт развития, актуальным становился поиск альтернативных моделей развития.

Особо злободневным становится вопрос об изменении положения в сельском хозяйстве. Согласно результатам первой переписи населения, проведенной в 1956 г., в стране проживало 18,9 млн. человек. Основная часть населения страны (71,4%) была связана с сельским хозяйством, крайне отсталым и по своей производительности, и по структуре аграрных отношений. Лишь при Реза-шахе юридически было закреплено право собственности на различные виды земель. Преобладающая доля пахотных земель оказалась в собственности крупных помещиков. Значительные земельные угодья были закреплены за государством, шахской семьей и *вакфами* (собственность шиитского духовенства). Еще в 1950-е годы шах пытался личным примером заставить помещиков начать продажу своих земель крестьянам. Были изданы указы о распределении коронных, а затем и государственных земель. На землях шаха стали создаваться первые сельскохозяйственные кооперативы.

Но желающих следовать шахскому примеру фактически не нашлось, а первый же законопроект 1959 г., причем весьма щадящий собственность помещиков (максимум оставшейся им земли был определен в 300 га орошаемой и 600 га бо-

гарной), был *меджлисом* решительно отвергнут. Но и второй, увеличивший предел до 400 га поливной и 800 га богарной земли, вызвал резкое недовольство, хотя сохранял за помещиками не только значительные площади, но и выводил из-под его действия те земли, которые были заняты садами, плантационными культурами, а также возделываемые с помощью сельскохозяйственных машин, наемного труда, новейшей агротехники. Изменение собственности было не столько целью, сколько средством изменить структуру земельных отношений, ликвидировать издольную аренду, которая была преобладающей формой землепользования и неэффективность которой являлась одной из главных причин отсталости восточных стран. Именно она и стала побудительной причиной проведения в этих странах аграрных реформ. В 1960–1961 гг. на базе издольной аренды использовалось 54% всех возделываемых в Иране площадей, а с учетом аренды с фиксированными ставками — 62,1%. Ставки арендной платы колебались от 10 до 80% урожая. Только в чистом виде на ее долю приходилось 43,4% всех сельскохозяйственных хозяйств.

РЕФОРМЫ 1960–1970-х годов («БЕЛАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»)

Именно с аграрной реформы началось проведение серии реформ, известных под названиями «белая революция», «революция шаха и народа». В 1961 г. после роспуска *меджлиса*, заблокировавшего очередной проект аграрной реформы, шах делает ставку на государственный аппарат. Формирование нового кабинета он поручает одному из крупнейших помещиков Ирана, осознающему необходимость модернизации аграрной системы, Али Амини, который заявил о намерении коренного изменения экономической системы страны. Основой этой политики должны были стать аграрная реформа и меры по ликвидации кризиса 1959–1960 гг., вызванного либерализацией импорта, стимулированию экспорта, повышению жизненного уровня населения, усилению борьбы с коррупцией.

Приход к власти правительства Али Амини совпал по времени с новым курсом администрации Джона Кеннеди, избранного президентом США в 1960 г., который в отличие от авторов «доктрины Эйзенхауэра», делавших упор на оказание военной помощи, предусматривал политику содействия «революциям сверху» как противовеса поискам «некапиталистического пути» развития и способа более активного подключения развивающихся стран к мировому капиталистическому рынку. В июне 1961 г. глава американской миссии экономического сотрудничества официально подтвердил Али Амини готовность США предоставить Ирану помощь в проведении аграрной реформы.

Концептуально-экономическое обоснование нового экономического курса содержал многотомный третий семилетний план развития (1962–1968). «Введение к третьему плану» определяло стратегию и тактику реформ не только на период выполнения этого плана, но и на 25-летний период. Социально-экономическое положение Ирана к началу 1960-х годов характеризовалось как положение «страны, только что вступившей на путь самоподдерживающегося роста». Целью

социально-экономической политики государства объявлялось превращение Ирана в экономически развитую страну, а главным средством достижения этого должна была стать индустриализация.

В третьем плане впервые предпринималась попытка не только распределить ассигнования государственных средств на цели развития, но и количественно оценить важнейшие макроэкономические показатели — валовой национальный продукт, нормы накоплений и т.п. Наиболее обобщенными целями предстоящих двух с половиной десятилетий были названы: среднегодовой рост национального дохода в 6%, рост населения в пределах 2,5%, увеличение доходов на душу населения в 2,5 раза. К началу действия плана они составляли всего 150 долл., а в 1977 г. (через 15 лет после принятия этого плана-прогноза и накануне исламской революции) достигли почти 2 тыс. долл. (в текущих ценах), т.е. увеличились более чем в 12 раз.

Важнейшим стратегическим направлением программы явилось то, что ведущая роль в ее выполнении отводилась государству — как регулятору и непосредственному субъекту хозяйственной деятельности.

Именно госсектор располагал мощной финансовой базой в виде нефтедолларов, так как и нефтяная промышленность и экспорт нефти находились в руках государства. Оно предполагало взять на себя и взяло крупные капиталовложения, необходимые для создания современных промышленных производств, строительства дорог, морских портов, электростанций, для осуществления социальных программ. Главным направлением промышленного развития должна была стать импортзамещающая индустриализация, требующая расширения внутреннего рынка и, следовательно, стимулирования спроса. Осуществление аграрной реформы, которая должна была увеличить число собственников, повысить спрос в аграрном секторе, а также ряда социальных реформ, призванных изменить структуру спроса, соответствовало этой экономической стратегии.

Проведение реформ, особенно аграрной, требовало законодательного обоснования. 14 января 1962 г. шах подписал закон, который ограничивал собственность помещиков одной деревней по их выбору. Остальные земли подлежали продаже крестьянам-арендаторам, которые помимо оплаты земель в рассрочку на 15 лет должны были вступать в сельские кооперативы. Государство брало на себя обязанность рассчитаться с помещиками за отчуждаемые земли в течение десяти лет, следовательно, крестьяне отдавали свой долг не помещику, а государству. Этот закон оставлял в руках помещиков сады, питомники и имения, обрабатываемые с помощью техники и наемных рабочих.

После того как *меджлис* отказался принять этот закон об аграрной реформе, шах распустил его. Требования Национального фронта о проведении свободных выборов в *меджлис* привели к многочисленным столкновениям студенческих демонстраций с полицией, к введению военного положения на территории Тегеранского университета. Первые проекты реформ, в том числе главной из них — аграрной, были вынесены на всеобщий референдум в январе 1963 г. и получили одобрение. Государство взяло на себя не только законодательную инициативу по ограничению помещичьего традиционного землевладения и землепользования,

но и финансирование реформы, а также комплексное проведение мер по ликвидации издольной системы. Аграрный закон предусматривал обязательность организации кооперативов, которые, пользуясь государственными кредитами Сельскохозяйственного банка, создавая собственные сети по сбору и сбыту урожая, смогли бы исключить роль помещика из цепочки: собственник земли (воды), семян и кредитов — крестьянин — скупщик. 14 января 1963 г., т.е. накануне референдума, появились новые дополнения к аграрному закону, составившие суть второго этапа реформы. Предусматривалось дальнейшее сокращение землевладения, используемого на традиционной основе. Помещикам предлагалось решить проблему взаимоотношений с крестьянами одним из трех способов — либо сдать им земли в аренду на 30 лет, либо продать издольщикам по обоюдному согласию, либо разделить на основе сложившейся между крестьянами и помещиком доли в распределении урожая (издольная аренда предусматривает раздел урожая в соответствии с участием в производстве). Реформой были затронуты также земли духовенства: уголья общественных *вакфов* (свыше установленного максимума владения) предлагалось сдать в аренду обрабатывающим ее крестьянам на 99 лет, частных *вакфов* — на 30 лет. Плата за аренду устанавливалась из расчета средних доходов землевладельцев за последних три года. Новые постановления, таким образом, обеспечивали законодательную возможность полностью покончить с издольной системой.

На референдум были вынесены также законопроекты о продаже государственных фабрик и заводов для финансирования аграрной реформы (государство часть выкупных платежей отдавало помещикам в виде акций предприятий, невольно переводя их в разряд промышленных предпринимателей), об участии рабочих в прибылях предприятий, о создании Корпуса просвещения и о выборах в *меджлис* и сенат. Последний закон, по которому женщины получили одинаковые с мужчинами избирательные права, вызвал особенное противодействие духовенства. К первым шести законопроектам впоследствии были добавлены еще одиннадцать, касавшиеся различных сторон жизни общества и составившие содержание реформ «белой революции». Режим стремился модернизировать не только экономику, но и социально-экономические отношения, социальную инфраструктуру. Несомненно, что новая программа, предложенная шахом, должна была повысить престиж власти и укрепить шахский режим.

Национальный фронт выступил против проведения реформ в отсутствие *меджлиса*, призвал к бойкоту референдума, выдвинув лозунг «реформам — да! диктатуре — нет!». Но программа, вынесенная на референдум, получила полную поддержку населения. Реформы, а главное, политика «вестернизированной» модернизации, вызвали растущее недовольство духовенства, которое с 1960-х годов начинает организационно и идеологически оформляться в антишахскую оппозицию. Духовенство заговорило о нарушении конституции, в которой предусматривалось создание совета из пяти богословов, о чем при Реза-шахе никто не смел и вспомнить. Одним из центров антишахского движения стал г. Кум, где с 1961 г. стала организационно оформляться оппозиция вокруг аятоллы Хомейни. В 1941 г. он опубликовал свою работу «Кашф аль-асрар» («Раскрытие гайны»), где обосновал идею исламского правления и необходимости его установления в Иране.

Первым крупным проявлением политической зрелости Хомейни, принесшим ему всенародную известность, стала организация борьбы за отмену закона 1962 г. о городских и провинциальных советах. По этому закону отменялась обязательность принесения присяги на Коране, что было воспринято духовенством как попытка посягательства на религиозные устои общества. Хомейни отправил в адрес шаха три телеграммы, составленные в самых резких выражениях, по призыву духовенства закрылись базары в Тегеране, Куме и других городах. В ноябре закон был отменен.

Кульминацией открытых выступлений духовенства против внутренней и внешней политики шаха стала серия антиправительственных демонстраций летом 1963 г. Началом этого движения стала речь Хомейни в медресе Фейзие в Куме 3 июня 1963 г. — в день Ашуры (день поминовения мученика Хосейна), которую он посвятил критике монархии Пехлеви, в том числе и за его сближение с США и Израилем. Этот день вошел в историю антишахской борьбы как день 15-го хордада. Хомейни был арестован и заключен в тюрьму Каср в Тегеране, затем переведен на военную базу Эштрабад. Началось массовое движение протеста, сопровождавшееся кровопролитными столкновениями с полицией и войсками. Духовенство поддержала одна из партий, блокировавшихся с Национальным фронтом, — Движение за свободу Ирана. В Тегеране и Куме было введено военное положение. Выступления были подавлены, арестованы многие партийные лидеры, в том числе все руководство Национального фронта и Движения за свободу Ирана. Была проведена чистка государственного аппарата. Уже в апреле 1964 г. Хомейни был освобожден.

Осенью 1963 г. были проведены выборы в парламент. Ни один из представителей духовенства и ни один помещик в *меджлис* не попали. Большинство мест в нем заняли сторонники реформ, которые в конце 1963 г. сформировали партию «Иране новин» («Новый Иран»), а ее лидер Хасан Али Мансур возглавил правительство. Однако уже в январе 1965 г. Мансур был убит членом «Федаяне ислам» Навабом Сафави, причиной стала пощечина, которую он дал Хомейни в ответ на резкую форму, в которой тот отказался прекратить свою антиправительственную деятельность. «Федаяне ислам» была запрещена, Наваб Сафави казнен, Хомейни выслан в Турцию, затем он переехал в Неджеф (Ирак).

Лидером «Иране повин» и бессменным вплоть до августа 1977 г. премьер-министром стал Амир Аббас Ховейда. Роль легальной оппозиции играла партия «Мардом», которая с 1963 г. возобновила свою деятельность. Кроме этих двух партий легально действовали две националистические партии — «Паниранисты» и «Ираньян», но как только «Паниранисты» выступили с критикой правительства, их партия была распущена. Она отличалась крайне негативным отношением к США и Израилю, призывала к возвращению в состав Ирана отдельных территорий Афганистана, Кавказа, островов Персидского залива.

Оппозиционная партийная деятельность перемещается за пределы Ирана. В 1965 г. в эмиграции начал действовать новый, уже 3-й Национальный фронт, под тем же названием выступали три партии, действовавшие среди иранских студентов во Франции и США. Наиболее активной партией этого крыла было

Движение за свободу Ирана во главе с Мехди Базарганом. Ядром другого крыла Национального фронта, сохранившего название 2-й Национальный фронт, стала партия «Иран». К этому крылу за рубежом примыкала Конфедерация иранских студентов в Европе.

Итоги «белой революции». В результате реформ 1960–1970-х годов был достигнут ряд крупных позитивных сдвигов как в экономической, так и политической сферах жизни Ирана. Среднегодовой темп прироста валового внутреннего продукта за 1960/61–1966/67 гг. составил 6,7%, за 1967/68–1976/77 гг. — 10,8%. Общее направление экономического развития стала определять промышленность. С 1970 г. доля промышленных отраслей в ВВП устойчиво превосходила долю сельского хозяйства. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства в 1960/61 — 1966/67 гг. равнялись 11,1%, в 1967/68–1976/77 г. — 12,8%. Появился и быстро развивался ряд новых отраслей: автомобилестроение, нефтехимия, радиотехника, металлургия, машиностроение. Главным результатом индустриальной политики шахского режима стало построение самых современных и, главное, престижных с точки зрения иностранных инвесторов предприятий.

Такая тенденция особенно усилилась после скачка цен на нефть в 1973 г. К этому времени основные промышленные программы, предусмотренные третьим и четвертым пятилетними планами, были выполнены. Государству удалось заложить в стране, во многом благодаря технической помощи СССР и стран социалистического лагеря, основы металлургии и машиностроения. Были построены Исфаганский металлургический комбинат полного цикла, заводы тяжелого машиностроения, тракторный завод, обустроены крупные угольные шахты и рудники по добыче и обогащению железной руды. Западный и японский капитал стал активно осваивать нефтехимию, автомобилестроение, производство бытовой техники. С 1970 г. на базе нефтяной промышленности началось бурное развитие нефтехимии, которая была открыта для иностранных предпринимателей. В 1976/77 г. на долю нефтехимии пришлось 35,6% общего объема иностранных частных инвестиций. Крупнейшие нефтехимические предприятия страны — смешанные компании, в которых помимо государственной Нефтехимической компании были представлены американские «Гудрич», «Амоко», «Эллайд Кемикл», японская «Мицуи» и др. С середины 1970-х годов государство старалось выкупать акции у иностранных держателей.

В 1975–1977 гг. Иран заключает ряд соглашений на строительство первых в мире заводов по новейшим технологиям прямого восстановления железа. Крупнейший автомобильный завод «Иран насьональ», ставший визитной карточкой иранского автомобилестроения, выпуская «Пейканы», начал экспортировать их в соседние страны. Первые шаги были сделаны в процессе компьютеризации сначала в армии, затем в государственных и научных учреждениях.

Возникли крупные промышленные агломерации — Тегеранская и Исфаганская, ставшие главными центрами обрабатывающей промышленности, как крупной, так и мелкой. Передовые технологии, так же как и передовую технику, шахский режим использовал прежде всего для нужд армии и оборонной промышленности. Возможность доступа к передовой технологии была одной из основ-

ных причин покупки в 1970-х годах акций ряда ведущих компаний мира. Иранское государство приобрело 25,04% привилегированных акций западногерманской «Ф. Крупп Хюгтенверке» на сумму 100 млн. долл. Совместно с «Крупп» была создана инвестиционная компания, специализирующаяся на проектировании и обеспечении инженерно-техническими услугами металлургических, цементных, сахарных заводов, предприятий по производству пластмасс.

В значительной степени престижными и регионально-гегемонистскими целями объяснялись ядерные программы шахского режима, стоившие миллиардных затрат. В 1974 г. на правах министерства была создана Организация атомной энергии, программа деятельности которой предусматривала строительство 20 крупных реакторов, создание собственной сырьевой базы. К ядерной программе Ирана были подключены многие ведущие мировые компании, среди них немецкая «Крафтверке юнион», французская «Фраматом», американская «Вестингауз». Для облегчения доступа к сырью и ядерным технологиям Иран приобретает акции урановых концернов — «Евродиф» и «Коредиф» — соответственно 10 и 20% акций. Несмотря на явное желание Ирана приобретать технологии двойного, в том числе военного назначения, западные компании в этот период и правительственные органы закрывали на это глаза, стараясь не упустить крупного покупателя. Так, закупки в 1977–1978 гг. у американской «Лайскем Инкорпорейтед» четырех лазеров для обогащения урана были одобрены департаментом торговли США без санкции межведомственной комиссии по проверке ядерных технологий. Признанием амбициозности программы стала организация правительством Джамшида Амузегара в 1977 г. экспертной комиссии, которая поставила под сомнение необходимость строительства такого большого количества атомных станций. Комиссии удалось убедить шаха в необходимости пересмотра программы, число реализуемых проектов по АЭС сначала было сокращено до четырех, а затем до двух. Строительство АЭС в Бушире к концу 1970-х годов было завершено «Крафтверке юнион» на 75–85%.

Основным поставщиком в Иран новейшего вооружения, технологий и товаров двойного назначения был Запад и особенно США. С 1947 по 1970 г. США поставляли военную технику Ирану главным образом в рамках безвозмездной технической помощи и в значительной мере морально устаревших образцов. С 1970-х годов, когда у Ирана увеличились поступления валютных средств от экспорта нефти, США стали поставлять технику и новейшие разработки на коммерческой основе. За десять предреволюционных лет США продали Ирану оружия и военной техники на 20 млрд. долл. Кроме США современную военную технику поставляли Ирану Англия, Франция, Италия, СССР и ряд других стран.

Модернизировалась инфраструктура, практически полностью находившаяся в собственности государства. С помощью международных компаний был построен один из крупнейших в мире нефтяных терминалов на о-ве Харг, построены шоссейные дороги, морские порты. Большое внимание уделялось развитию средств связи, в армии действовала система компьютерной связи, с 1970 г. в Иране стала использоваться спутниковая связь.

Пожалуй, одним из самых радикальных изменений в шахский период стало создание современной банковской системы и фондовой биржи. Банки стали основным каналом, через который нефтяные деньги растекались по разным социально-экономическим стратам общества. Роль неорганизованного денежного рынка резко уменьшилась, однако банковским кредитом пользовались лишь крупные предприниматели, поэтому горгово-ростовщический кредит продолжал сохранять значительные позиции среди мелких предпринимателей. Если в начале 1960-х годов наиболее сильным было влияние ростовщического кредита на сельское население, то в конце 1960-х — конце 1970-х годов — среди городского населения. Об этом красноречиво говорят ставки по неорганизованному кредиту на городских денежных рынках в 1975/76 г., доходившие до 30–36%, а также тот факт, что Центральный банк вынужден был учитывать возможный объем деятельности такого магната неорганизованного денежного рынка, как Али Хаваи Ширази.

Анализ персоналий. юридических и физических лиц — акционеров различных компаний показывает, что практически все коммерческие и особенно специализированные банки были тесно связаны между собой, а также с крупными промышленными и торговыми компаниями. Слой предпринимателей, представлявших современные отрасли экономики, был чрезвычайно узок, как в свое время был узок и круг крупных помещиков. Когда после исламской революции встанет вопрос о конфискации собственности крупных собственников, число таких семей фактически не превысит пятидесяти.

Начавшаяся с 1973 г. кампания по продаже акций крупных и частных фирм населению, которая ставила своей целью разрушить монополистические структуры страны, в иранских реалиях привела лишь к еще большей монополизации капитала, слиянию государственного и частного, торгового, банковского и промышленного в руках тех же семейств. Монополизированный сектор практически перекрыл пути всем остальным слоям буржуазии и мелких предпринимателей. При этом он и сам потерял стимул для поднятия производительных сил, обеспечивая прибыль за счет роста цен. Даже орган прошахской партии «Растахиз» («Возрождение») вынужден был назвать проводимую по отношению к монополистическим группам протекционистскую политику «узколобой».

В то же время иранская экономическая система оказалась вполне способной освоить технологически новые производства. Рейтинг Ирана на мировых рынках с точки зрения его потенциальных возможностей освоения современных технологий и финансовых возможностей неуклонно повышался. После скачкообразного повышения в 1973 г. (не без активного участия Ирана в ОПЕК) цен на нефть интерес к нему со стороны иностранного капитала еще более вырос. Золотовалютные резервы страны к 1976 г. возросли почти до 9 млрд. долл., что составляло 13,5% всего их объема в нефтедобывающих странах. Мощности нефтедобычи увеличивались, стали укрепляться позиции ИННК, расширяться круг иностранных компаний, участвующих в разработках нефтяных месторождений. Все более сильные позиции на иранском рынке стали завоевывать ТНК, особенно американские. Из 35 действовавших в 1976/77 г. банков более чем в десяти участвовал иностранный капитал.

Огромные изменения претерпела аграрная сфера. К 1976 г. аграрные реформы были практически завершены. Структура землевладения радикально изменена. Реформы пришли практически во все деревни страны. Собственниками земли стали 2,5 млн. крестьянских семей (из 2,6 млн.). Реформой не были затронуты владельцы садов, полностью механизированные имения (свыше 1 тыс.), 850 тыс. помещиков, принимавших участие в организации производства. Важнейшим социальным сдвигом стало также уменьшение экономической роли духовенства, произошедшее в результате перераспределения вакфных земель.

Чтобы повысить производительность и товарность хозяйств новых собственников, государство при проведении аграрных реформ не ограничилось переделом собственности, а стало более явно влиять на повышение технико-экономической оснащенности сельского хозяйства. Основным каналом его воздействия на мелкотоварного производителя стала сельская кооперация. Государство не только сделало обязательным вступление в кооперативы при проведении первого этапа реформы, но и продолжало в последующем всячески поощрять деятельность многоцелевых сельских кооперативов. На кооперативы, в зависимости от их организационных и финансовых возможностей, местных особенностей, возлагались задачи по кредитованию крестьян, снабжению их семенами, сельскохозяйственными орудиями и машинами, удобрениями и ядохимикатами, по организации сбыта урожая, по внедрению сельскохозяйственных знаний и новых технологий. Кроме того, кооперативы должны были следить за ирригационной системой, благоустройством деревень. Большинство кооперативов имели торговые точки для продажи потребительских товаров и горючего. Уже через несколько лет после начала реформы создание кооперативов как единой системы, состоящей из разного уровня звеньев, было завершено, достаточно эффективно заменив собой помещиков. С конца 1960-х годов кооперативная система лишь увеличивалась количественно, расширяла и диверсифицировала свою деятельность, не порывая, а наоборот, укрепляя свои отношения с государственными структурами. Эту же роль она играет и в настоящее время. С 1970-х годов государство предпринимает попытки осуществить, как и в ряде восточных стран, мероприятия «зеленой революции», которая смогла проявить себя отчетливо в рисоводческих районах. Проекты «зеленой революции» в 1972/73–1976/77 гг. охватили около 70% площадей, занятых под посевами риса.

Государственные вливания в мелкотоварный сектор через созданную систему кооперативов, а также через систему закупочных цен стали тем протекционистским «зонтом», который сдерживал процесс разложения крестьянских хозяйств. Государство, создавая «парниковые» условия для существования мелких хозяйств, объективно тормозило процесс выявления экономически неэффективных. Но с другой стороны, укрепляя экономическую мотивацию мелких хозяйств к наращиванию производства с помощью современных методов ведения хозяйства, государство способствовало и тому, что часть мелких хозяйств начала превращаться в самостоятельных товаропроизводителей, которые уже были подготовлены к вступлению в систему рыночных связей. Этим целям объективно служила и политика социальных реформ, проводимая в иранской деревне. Создание

для деятельности в деревнях различных «корпусов» — просвещения, здравоохранения, домов справедливости и даже корпуса веры — было рассчитано на то, чтобы поднять общий уровень грамотности, организации быта, санитарных условий жизни. В 1971 г. создается корпус веры как религиозная структура, целью которой было не дать вовлечь сельское население в политическое противостояние режиму.

Сборы основных сельскохозяйственных культур увеличивались. Так, сбор пшеницы с 2,6 млн. т в начале аграрной реформы (1960–1964) уже к 1965–1969 гг. почти удвоился, составив 4,5 млн. т, а в 1978 г. достиг 6 млн. т. Тем не менее темпы роста продовольственного потребления в стране были в 2–3 раза выше темпов роста валовой продукции сельского хозяйства, и этот разрыв обеспечивался за счет растущего импорта.

Значительные изменения произошли в социальной жизни общества. Были приняты законы о труде, вводившие восьмичасовой рабочий день. Пенсионным законодательством предусматривалось пенсионное обеспечение в размере до 80% от оклада. По закону об участии рабочих в прибылях рабочим по окончании года выплачивалось до 20% прибыли, полученной в результате повышения производительности труда. Была фактически создана система социального страхования. Были расширены права женщин, в том числе в семье, запрещен институт временного брака (*sighe*). Впервые в истории Ирана женщины были наделены одинаковыми с мужчинами избирательными правами. Для преодоления массовой безграмотности был создан корпус просвещения, в который призывались военнообязанные со средним и высшим образованием. После соответствующей подготовки они направлялись в сельские районы для обучения грамоте детей и взрослых. Структура высшего и среднего специального образования изменилась в сторону увеличения числа технических дисциплин. С 1974 г. было введено бесплатное высшее образование, если выпускник давал обязательство отработать два года по распределению. В 1978 г. 97% студентов государственных вузов обучались бесплатно, что сделало высшее образование доступным для малоимущих слоев населения. Парадоксально, что именно эти слои и составили ядро наиболее радикальных политических оппонентов режима.

Казалось бы, успех реформирования страны, выразившийся в экономической модернизации, должен был сопровождаться постепенной либерализацией политической жизни. Однако политическая власть в стране все больше и больше приобретала черты личной диктатуры. Расширились полномочия тайной полиции САВАК, имевшей отделения по всей стране и наводившей страх на иранское население. Но и за САВАК велся контроль, для чего были созданы Шахиншахская инспекция и особое бюро «Джей-2».

Постепенно в руках шаха сконцентрировалась вся полнота политической власти. Даже существование двух партий, игравших роль правящей и оппозиционной, перестало удовлетворять шаха. Экономические успехи представлялись ему настолько значительными, что он стал считать их отражением монолитности общества. Обе партии были распущены, и в 1975 г. была создана единая партия «Растахиз». Ее генеральным секретарем стал премьер-министр Ховейда, а члена-

ми — почти все депутаты *меджлиса*. «Растахиз» создала свою женскую организацию. К членству в партии были привлечены около 5 млн. человек. Партия, щедро субсидируемая из государственного бюджета, однако, не только не активизировала полигическую жизнь в стране, а наоборот, еще более ограничила ее, усилился государственный контроль и цензура, сократилось даже число издаваемых печатных изданий. Несмотря на стремление превратить «Растахиз» в массовую политическую организацию, она не стала реальным субъектом политического процесса. Уже вскоре в рамках партии возникают разные фракции, а в 1978 г. она была распущена. Массовые антиправительственные выступления заставили правительство разрешить легальную деятельность других партий.

РАЗВИТИЕ КРИЗИСА ШАХСКОЙ СИСТЕМЫ

Чрезмерная централизация власти и жесткий протекционизм, необходимый при импортзамещающей модели индустриализации, избранной в 1960–1970-е годы, еще более способствовали централизации экономики. Регулирование всеми товарными потоками, внутренними и внешними, достигло чрезвычайно высокой степени. Аграрные реформы и индустриализация вызвали всплеск процессов урбанизации. Особенно быстро росли Тегеран, Тебриз и Исфаган, ставшие центрами таких отраслей промышленности, как автомобильная, производство электрооборудования, машиностроение, металлургия, нефтехимия. Концентрация населения в нескольких крупных городах страны, вовлеченность в общественно-экономическую деятельность женщин, рост учащих и студенчества переместили центр политической активности в города.

Скачок цен на нефть на мировом рынке и увеличение валютных поступлений от ее экспорта вызвали коррективы в экономической политике в сторону предпочтения строительства «под ключ» высокотехнологичных и менее трудоемких предприятий. Началось быстрое расслоение общества и «вымывание» мелких предпринимательских слоев, обострилась проблема безработицы, что повысило социальную напряженность в городах. Пытаясь ограничить инфляцию, государство начало активно вмешиваться в ценообразование. В 1973 г. правительство учредило Центр по контролю за ценами, который стал определять их уровень. Возникли перебои с закупками продукции, так как не всегда выгодным оказывался их импорт, нормой стал периодически возникавший дефицит на тот или иной товар. Следствием явилось появление «черного рынка», рост спекуляций, коррупции и взяточничества; товары приобретались либо у крупных импортных поставщиков, либо у практически монополизированных внутренних производителей.

Упор на «вестернизацию» и модернизацию в 1960-е годы привел к резкому усилению влияния Запада, который стал вызывать все более негативную реакцию в обществе. Не случайно поэтому в своей очередной книге «К великой цивилизации» шах смещает акценты с необходимости модернизации, понимаемой им прежде всего как «вестернизация», на возрождение былого величия Ирана, в том числе его доисламских историко-культурных традиций. В качестве одной из

основных пропагандировалась традиция монархии. Был изменен даже календарь, по которому летоисчисление стало отсчитываться не от года переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину, т.е. с 621 г., а с основания Персидского государства Киром Великим, что вызвало крайне негативную реакцию духовенства и не нашло поддержки в обществе.

В стране назревал кризис всей системы власти, подогреваемый исламской оппозицией. В 1997–1978 гг. режим стал терять экономическую динамику и социальную привлекательность, что с точки зрения оппозиционных исламских лидеров означало и потерю своей легитимности. Построенная к концу 1970-х годов экономическая модель стала давать сбои. Темпы прироста ВВП замедлились, одновременно нарастали инфляционные процессы.

Рост оппозиционных настроений шах попытался предотвратить, отправив в отставку в августе 1977 г. Амира Аббаса Ховеиду, более 12 лет возглавлявшего правительство. Во главе нового правительства был поставлен прозападный технократ Джамшид Амузегар. Он попытался привлечь на свою сторону базар, решив устанавливать свободные цены более чем на 20 видов товаров и услуг. Но рынок к этому времени оказался настолько дезорганизован, что это не смогло ослабить нарастающую оппозиционность и базара, и всего немонополизированного сектора экономики. В ноябре 1977 г. начались антиправительственные выступления студентов политологического университета «Арьямехр» и Тегеранского университета. Выступления продолжались несколько дней, при их подавлении полицией и армией было убито несколько десятков студентов. В январе 1978 г. из-за нападок в прессе на Хомейни начались выступления учащихся медресе в Куме. В ходе подавления манифестаций было убито несколько десятков человек.

Шах назначает нового премьера, Дж. Шарифа-Имами, одного из опытных политиков, деятелей масонского движения в Иране, который выступил с программой «правительства национального примирения». Шах и новое правительство пытались снизить накал оппозиционной борьбы духовенства, согласившись на создание согласно конституции контрольного органа из представителей высшего духовенства. Шариф-Имами встретился в Куме с аятоллой Шариатмадари и предложил ему возглавить этот орган. Но последний от предложения отказался.

Даже в США, сделавших Иран своим главным союзником на Среднем Востоке и в Персидском заливе, зрело осознание того, что сохранение антидемократических тенденций в Иране непродуктивно, и своевременная смена шахского режима могла бы предотвратить развитие революционного движения.

Траурные шествия по погибшим в Куме (согласно мусульманским обычаям через 40 дней после смерти отмечается день траура) переросли в восстание в Тебризе, где при его подавлении с применением военной силы были убиты сотни людей. Траурные шествия по ним, также через 40 дней, прокатились по всей стране. Высылка Хомейни из Ирака во Францию лишь добавила ему популярности. 19 августа в Абадане в кинотеатре «Рекс» произошел пожар, в результате которого около 400 человек погибли и 200 получили ранения. Правительство обвинило в этом экстремистские круги, оппозиция сочла это провокацией правительства. Вновь по стране прокатилась волна демонстраций в виде траурных ше-

ствий по погибшим. В ответ произошла новая смена правительства, которое впервые за 25 лет объявило о свободе деятельности партий (кроме марксистских), отмене цензуры, отмене нового календаря и возврате к мусульманскому летоисчислению.

К сентябрю 1978 г. экономическая и политическая ситуация вышла из-под контроля правительства, в Тегеране было объявлено военное положение. Это привело к кровавому столкновению 8 сентября в Тегеране на площади Жале, вошедшему в историю антишахского движения как «черная пятница». В этот день погибло около 3 тыс. человек. Военное положение вводится во всех крупных городах Ирана. Находясь во Франции (прибыл из Неджефа в Париж 7 октября 1978 г.), Хомейни наиболее яростно критикует коммунизм, его заявления относительно возможных перспектив будущего устройства Ирана, наоборот, были весьма умеренны и достаточно благосклонно воспринимались администрацией США. Шах стал быстро терять своих союзников за рубежом и внутри страны. С начала ноября к бастующим присоединились нефтяники. 3 ноября в знак солидарности с нефтяниками закрылись аэропорты, следом забастовали работники радио и телевидения. 6 ноября шах назначил премьер-министром генерала Голама Реза Азхари, а сам обратился к народу, пообещав проведение свободных выборов в *меджлис*, создание «народного» правительства. Были освобождены политические заключенные, распущена партия «Растахиз», арестован Амир Аббас Ховейда. Однако 25 ноября аятолла Хомейни обратился к иранскому народу с призывом начать кампанию массового неповиновения, и уже 31 декабря правительство Азхари подало в отставку. Предложив одному из лидеров Национального фронта Шапуру Бахтияру сформировать правительство, шах фактически отказался от проводившегося ранее курса, признав необходимость смены экономической и политической модели развития. 5 января 1979 г. шах подписал указ о назначении Ш. Бахтияра премьер-министром, а уже 16 января навсегда покинул Иран, поручив руководство страной представителям светской оппозиции. Бахтияр выступил с заявлением об изменении внешнеполитического курса, так как оппозиционное движение развивалось не только под антишахскими, но и антиимпериалистическими лозунгами. Он заявил о выходе из СЕНТО, об отказе Ирана от роли жандарма в зоне Персидского залива, о роспуске САВАК.

Возглавлявшее оппозиционную борьбу духовенство, понимая, что программа Бахтияра удержит страну в русле светского развития, объявило его правительство нелегитимным из-за того, что его назначил на этот пост шах. К этому времени были практически потеряны рычаги государственного управления страной. Правительство Бахтияра пыталось сбить волну социальных протестов повышением выплат через государственный сектор, для чего только за два месяца почти удвоило денежную эмиссию. Результатом стал еще больший всплеск инфляции. Всего за год-полтора Иран, который рассматривался как образец для подражания, оказался охваченным массовым антишахским движением и стремительно катился к кризису. После прироста валового внутреннего продукта (в постоянных ценах) в 1976/77 г. в 16,9% в следующем году он упал на 1,1%. Особенно болезненным оказалось для страны бегство из Ирана предпринимательской эли-

ты вместе с ее капиталами. За два предреволюционных года объем вывоза частных капиталов за рубеж (отраженных через платежный баланс) составил более 11 млрд. долл., т.е. равнялся среднегодовому поступлению валютных средств в страну. Вся так долго создаваемая современная промышленность, оставшись без импортных поставок, фактически остановилась, обнаружив полную зависимость от иностранных компаний. Большинство предприятий к концу 1978 г. не работало, доля безработных достигла трети активного населения, на грани коллапса находилась банковская система. В этих условиях ангишахское движение быстро нарастало, подключая все новые пласты населения.

Оппозиционную борьбу за изменение социально-экономической модели развития возглавило духовенство, которое сохранило в значительной мере свой имущественный, законодательный и идеологический иммунитет. Еще в 1960-е годы в Куме формируется течение сторонников активного вмешательства духовенства в политический процесс. Идеологическим обоснованием участия духовенства в политической власти стали лекции аятоллы Рухоллы Хомейни, включенные в его книгу «Хокумате эслами» («Исламское правление»), в которой он осудил институт монархии и, развивая концепцию шиитского имамага, обосновал необходимость применения принципа *веляят-е факих*, т.е. власти исламского богослова-факиха. Практически в каждом городском квартале действовали теологические семинары, в которых проводились диспуты на самые различные темы. Через них распространялись тексты обращений Хомейни, кассеты с его речами. Слушатели семинаров выезжали летом в сельские районы, распространяя идеи Хомейни. Под контролем духовенства находилась также разветвленная сеть медресе, религиозных училищ. Духовенство помимо готовых организационных структур имело достаточно прочную финансовую базу, основой которой составляли доходы от *вакфов* и религиозные налоги — *закят* и *хумс*. Хумс, составляющий пятую часть дохода, уплачивается верующим своему *муджтахиду*, которые составляют высший слой иранского духовенства. По некоторым данным, в распоряжение Хомейни до революции поступало до 25 млн. долл. в год.

Хомейни вернулся в Иран 1 февраля 1979 г. после 14 лет изгнания. Возвращение было триумфальным, чтобы встретить его, собралось, по разным оценкам, от четырех до шести миллионов человек. И уже 5 февраля Хомейни объявил о создании альтернативного правительству Бахтияра Временного революционного правительства во главе с лидером партии Движение за свободу Ирана Мехди Базарганом. Через неделю, 10–11 февраля 1979 г., в результате вооруженного восстания, начавшегося на авиабазе Хамафаран, шахский режим и правительство Бахтияра были низложены.

РЕВОЛЮЦИЯ 1979 г. И УСТАНОВЛЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Революция 1979 г. в Иране изменила его государственный строй, внесла значительные коррективы в быт, культуру, экономику. Падение монархии поставило Иран перед выбором нового государственного устройства. В феврале–марте

1979 г. в стране возникло несколько различных центров власти — на уровне органов местного управления, включая отдельные предприятия, и высших органов законодательной, судебной и исполнительной власти. Некоторые из них носили отчетливо выраженный клерикальный, другие — светский характер. Нередко на одном предприятии действовали исламский, рабочий, революционный и прочие комитеты, пытавшиеся заменить собой продолжавшие сохраняться административные структуры.

Аналогичная ситуация была и в муниципальных органах, и даже в армии. Это многовластие, увеличивавшее хозяйственную разруху, не возникло сразу после революции, а во многом было подготовлено целенаправленными действиями духовенства по созданию еще в период шахского режима параллельных структур власти. Исламский революционный совет (ИРС) как законодательный орган и Временное революционное правительство как высший орган исполнительной власти были созданы по инициативе Хомейни еще до революции.

Так как наименее охваченной исламскими организациями являлась армия, уже через две недели после свержения шахского режима создается Корпус стражей исламской революции (КСИР), ставший противовесом армии и военной силой духовенства, на которую оно стало опираться для постепенного завоевания позиций в структуре государственной власти.

Первым шагом в этом направлении явился референдум в марте 1979 г., на который был вынесен всего один вопрос: «Согласен ли ты на замену шахской монархии Исламской республикой?» При всеобщем недовольстве шахским режимом полной гарантией победы могло быть одобрение любого альтернативного монархии типа государственного устройства, тем более что содержание термина «Исламская республика» не раскрывалось.

1 апреля 1979 г. Иран, согласно результатам референдума, был провозглашен Исламской республикой. Духовенство получило легитимную возможность установить теократический режим. Началась разработка конституции. Вплоть до нового референдума об ее принятии в декабре 1979 г. в стране шла ожесточенная борьба между различными центрами власти и различными взглядами лидеров на структуру власти и пути развития страны.

Исход борьбы во многом зависел от способности овладеть экономическими рычагами управления страной. Отражением этой борьбы стала деятельность правительства Мехди Базаргана и эволюция состава его кабинета.

Выработка и проведение конкретной политики Временного правительства происходили в условиях, когда его деятельность контролировалась и зачастую дублировалась Исламским революционным советом, бравшим на себя не только законодательные, но и исполнительные функции. Четкой экономической программы ни духовенство, ни созданные им центры власти не имели. Наиболее разработанной была теория построения в исламском обществе «тоухидной экономики», изложенная в книге советника Хомейни Абольхасана Банисадра. Идеи Банисадра, будущего первого президента Исламской республики, не содержали ничего принципиально нового по сравнению с концепциями сторонников «исламского» пути развития в других странах, отражая, впрочем, нефтяную и шиитскую

специфику Ирана. В значительной мере им были использованы идеи Хомейни по вопросам государства и собственности.

Эти идеи, опробованные в первые месяцы существования режима правительства Базаргана, в которое с июля в качестве заместителя министра финансов был введен Банисадр, нашли свое отражение в конституции страны. Снятие еще шахом запрета на политическую партийную деятельность, возникновение множества партий после революции усложняли непосредственное вхождение сторонников Хомейни в структуры власти. Чтобы вести успешную политическую борьбу, радикальное крыло духовенства создает Партию Исламской республики (ПИР). В своей деятельности партийные руководители, являвшиеся высокопоставленными духовными авторитетами, взяли за основу принцип *джихада*, означавший бескомпромиссную борьбу со своими политическими противниками. Создание ПИР помогло духовенству в решении самой главной для него задачи — обеспечить конституционные основы для завоевания власти. На выборах в Совет экспертов, который должен был представить на референдум проект конституции, из 73 мест 60 получили члены этой партии. Таким образом, из политического процесса были выведены религиозные лидеры, не разделявшие взгляды Хомейни на необходимость участия духовенства в государственной деятельности (аятоллы Шариатмадари и Махмуд Талегани, последний скончался в сентябре 1979 г.). Это заранее обеспечило успех того варианта конституции, который был составлен сторонниками Хомейни.

Конституция должна была определить основы не только политической, но и экономической структуры нового государства. А последняя претерпела после антишахской революции значительные изменения — было объявлено о конфискации собственности, принадлежавшей шаху и членам его семьи. На базе Фонда Пехлеви был основан Фонд обездоленных, положивший начало созданию на основе конфискованной собственности ряда исламских фондов. Уже в июне 1979 г. возник фонд «Джихаде сазендеги» («Созидательный *джихад*»). Новый режим принял решения об аннулировании соглашения с Международным нефтяным консорциумом, об отмене соглашений с иностранными компаниями, касающихся реализации ряда престижных проектов, об ограничении деятельности иностранных компаний.

В пылу «антимпериалистической борьбы» были приняты решения, стоившие Ирану больших финансовых и экономических потерь. К ним относились конфискация активов иностранных компаний, действовавших в высокотехнологических отраслях, отказ от участия иранского государства в крупных зарубежных компаниях, прекращение уже начатого строительства крупных объектов (нефтекомплекса в Бендер-Шапуре, атомных электростанций в Бушире), требование повысить цены на экспортируемый в СССР газ. К числу таких же решений можно отнести провозглашение курса на независимость путем резкого ограничения связей с развитыми странами, введение запрета на использование иностранного капитала и иностранных специалистов.

Впрочем, уже правительство Базаргана, исходя из объективных потребностей экономики, включая продовольственное обеспечение городского населения, нач-

нет отходить от курса, носившего автаркический характер. Правительству удастся сохранить часть зарубежной собственности, оно начнет вести переговоры о возобновлении строительства некоторых объектов, налаживать контакты с иностранными фирмами. Но именно эта сторона его деятельности послужит одной из причин его отставки.

В июне 1979 г. была проведена сначала национализация всех частных и иностранных банков, а затем и страховых обществ. В июле ИРС издает закон о национализации крупных промышленных объектов — Закон о защите и развитии промышленности. Закон предусматривал национализацию предприятий черной и цветной металлургии, заводов по строительству и сборке судов, самолетов, вертолетов, автомобилей, предприятий тех владельцев, которые «незаконным путем» нажили капиталы. Заводы хозяев, не принимавших участие в борьбе против нового режима, оставались в их собственности.

В отличие от предыдущих законов о национализации, предусматривавших выплату компенсации вкладчикам, этот закон являлся конфискационным. Основной текст закона не содержал требования конфискации, но в качестве приложения к закону был опубликован список предпринимателей, чья собственность в виде предприятий или акций компаний подлежала конфискации. В список попали представители 51 семьи, владевшие акциями не только промышленных компаний, но и банков, поэтому этот закон подвел правовую базу под конфискацию национализированных ранее частных банков.

Необходимо отметить, что крупная собственность как таковая не являлась официальным поводом к конфискации, национализации подлежали, как указывалось, предприятия сторонников шахского режима и предприятия—должники банков. Опубликованный список явился как бы официальным подтверждением высокого уровня монополизации иранской экономики, если принять во внимание, что под действие закона подпало около 75% промышленного потенциала страны, не говоря о его доле в банках и торговых компаниях (включая крупнейшие в стране холодильники-терминалы, пакгаузы). Вся эта собственность, как выяснилось, принадлежала чуть более чем 50 предпринимателям. В результате проведенной национализации слой крупнейших собственников капитала, связанных с шахским двором и иностранными компаниями, был фактически ликвидирован.

Одновременно, стремясь предотвратить недовольство национализацией и успокоить мелких предпринимателей, Хомейни заявил, что исламское государство признает и защищает законно приобретенную частную собственность и не собирается национализировать всю экономику.

Национализация и конфискация собственности крупных предпринимателей создала для режима возможность расширить свою экономическую базу и экономическое влияние. Нарастала и конфронтация между духовенством и правительством Базаргана. Постепенно кабинет покинули все бывшие соратники Базаргана по Национальному фронту. Кульминацией противостояния стали встреча в Алжире Базаргана и министра иностранных дел Язди с советником президента США З. Бжезинским и захват американского посольства в Тегеране 4 ноября 1979 г., одобренный Хомейни. Были арестованы 66 членов персонала посольства,

захвачена часть документации. Правительство Базаргана подало в отставку. Она не только была принята Хомейни, но и расценена им как «вторая исламская революция». После этого практически была решена и судьба конституции. В декабре 1979 г. на референдум был вынесен текст, предложенный сторонниками Хомейни, который и был одобрен большинством голосов.

В соответствии с конституцией главой государства — носителем религиозной и светской власти объявлялся *рахбар* (руководитель), как воплощение принципа *веляят-е факих*. Согласно ст. 5 конституции все управление делами и руководство мусульманской общиной в Исламской Республике Иран в период отсутствия «скрытого имама» передавалось *факиху*, которым при жизни был объявлен Хомейни. Совмещая религиозную и светскую власть, *рахбар* (согласно ст. 110) определяет генеральную линию в политике страны и осуществляет контроль за ее проведением. Он является главнокомандующим вооруженными силами, объявляет о войне и мире, мобилизации вооруженных сил, назначает *факихов* в Наблюдательный совет, высших должностных лиц судебной власти, высший командный состав всех видов вооруженных сил, руководителя Государственной компании радио и телевидения. Он же подписывает указ о назначении президента после его избрания народом, но отстранить лично его не может.

Полномочия *рахбара* конституционно обеспечивают ему возможность мощного влияния на все аспекты государственной политики. Конституция закрепила преобладание в первые годы после революции радикальных взглядов, получивших в мировой литературе определение «исламский фундаментализм». На практике это привело к построению централизованной политической и экономической системы, жесткой регламентации социальной, культурной, политической и экономической жизни общества. Происходило становление новой политической и государственной структуры, в которой сочетались и светские и религиозные элементы.

Одним из высших органов власти стал Совет экспертов, созданный еще в августе 1979 г. для разработки конституции, а затем конституционно введенный в структуру власти как орган, главной обязанностью которого являются выборы *рахбара*. Теократический характер режима нашел свое воплощение также и в созданном по конституции 1979 г. Наблюдательном совете (половина из 12 его членов являются богословами, назначаемыми *рахбаром*), без одобрения которого ни один из принятых *меджлисом* законопроектов не может получить статус закона. Основой правовой деятельности по конституции 1979 г. становились принципы ислама и нормы *шариата*. Созданный в 1979 г. Верховный судебный совет, как высший орган судебной власти, должен был обеспечить принцип доминирования исламского правопорядка.

Конституция предусматривала пост президента как второго после *рахбара* лица в государстве. Высшим законодательным органом становился однопалатный парламент — *меджлис*. Президент и *меджлис* избирались на основе прямых, тайных и всеобщих выборов.

В январе 1980 г. состоялись выборы первого президента Ирана, на которых Хомейни поддержал кандидатуру светского лица — своего экономического со-

ветника Банисадра. На выборах в *меджлис* 60% мест получили представители духовенства. Председателем *меджлиса* стал *ходжат-оль-эслам* Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, один из учеников Хомейни и активных лидеров революции. Исламский революционный совет был объявлен распущенным. Формирование первого правительства происходило с огромными трудностями, так как премьер-министром по рекомендации генерального секретаря ПИР аятоллы Бехешти и с личной санкции Хомейни был назначен М. Раджаи, с которым у Банисадра было много противоречий.

Политическое противостояние происходило на фоне экономического кризиса, усугубившегося в результате нерешенности вопроса об освобождении американских заложников. В апреле США объявили о разрыве дипломатических отношений с Ираном, введении торгового эмбарго, еще ранее были заморожены все иранские авуары в США. К экономическим санкциям в мае 1980 г. присоединились страны ЕЭС. Внутренняя ситуация осложнялась и развитием сепаратистских движений на национальных окраинах Ирана.

Особенно сильным было движение за автономию Курдистана. Сразу же после революции в крупнейших его городах власть захватили вооруженные отряды Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК), с осени 1979 г. на подавление движения были брошены силы армии и КСИР.

Значительно ухудшились отношения с Ираком, который требовал пересмотра Багдадского договора 1975 г. о границе по тальвегу р. Шатт-эль-Араб. В сентябре 1980 г. иракские войска перешли иранскую границу и началась ирано-иракская война, которая затянется на долгие восемь лет. Война потребовала возобновления работы промышленности, особенно оборонных заводов, поставок оружия, т.е. изменения отношений с мировым рынком. Уже в начале ноября 1980 г. *меджлис* принял решение освободить американских заложников, США в ответ смягчили санкции в отношении Ирана.

Духовенство рассчитывало, что война с Ираком поможет ему сплотить общество. В определенной мере так и произошло, но ценой этого стало усиление авторитарности режима, подавление политической и национальной оппозиции. Война повысила политическое влияние Банисадра как главнокомандующего. Раджаи, пользуясь отъездами Банисадра на фронты военных действий, практически сосредоточил исполнительную власть в своих руках. Противостояние Банисадру, стороннику более светской государственной системы, со стороны духовенства усилилось. В июне 1981 г. он был освобожден от обязанностей главнокомандующего, а 19 июня *меджлис* признал его «политически некомпетентным». Не дожидаясь ордера на арест, Банисадр с помощью Масуда Раджави, лидера оппозиционной режиму партии «Моджахеддине хальк», бежал из Ирана.

Политическая борьба становится настолько острой, что все чаще начинают использоваться террористические методы как со стороны «Моджахеддине хальк», открыто выступившей против режима, так и новой власти. Так, во время выступления в мечети Абазар был ранен разорвавшейся бомбой *ходжат-оль-эслам* Хаменеи. Спустя два дня взрыв прогремел на внеочередной конференции ПИР, на которой партия должна была выдвинуть своего кандидата на пост президента.

Наиболее вероятными кандидатами являлись Али Раджаи и глава Верховного суда, генеральный секретарь ПИР аятолла Бехешти. В результате взрыва погибло 77 человек, в том числе Бехешти.

2 августа президентом страны стал Али Раджаи, а премьер-министром *ходжат-аль-эслам* Бахонар. Он же сменил Бехешти на посту генерального секретаря ПИР. Но не прошло и двух месяцев, как они оба погибли в результате взрыва в канцелярии главы правительства. Ответственной за взрывы режим посчитал организацию «Моджахеддине хальк».

Созданные по указанию Хомейни революционные трибуналы с середины 1981 г. основным объектом своей борьбы сделали не столько сторонников бывшего режима, сколько новых противников, также принимавших участие в антишахской борьбе. На них обрушилась волна репрессий, беспрецедентных в истории Ирана. Фактически все партии были запрещены, в том числе «Туде». В начале 1983 г. был арестован ее генеральный секретарь Нураддип Киянури, многие члены этой партии также были арестованы и подвергнуты пыткам. От задержанных требовали публичных покаяний, репортажи об этом транслировались по телевидению. Военный трибунал приговорил десять членов «Туде» к смертной казни, шесть человек — к пожизненному заключению. Постепенно практика публичных покаяний прекратилась, но политические репрессии продолжались.

В сентябре 1981 г. президентом страны становится Али Хаменеи, пост премьер-министра занял Мир Хосейн Мусави. Эти посты они занимали вплоть до смерти Хомейни в 1989 г. Хаменеи одновременно являлся генеральным секретарем ПИР, его заместителем — спикер парламента Хашеми-Рафсанджани, а Мусави — членом Исполнительного комитета ПИР. Таким образом, Партия Исламской республики добилась одной из своих главных целей, возглавив все центры власти.

Одним из основных направлений политики режима стало завоевание духовенством высших государственных постов и исламизация не только государственной структуры, но и всей жизни общества. Наиболее наглядно она выразилась в проведении «исламской культурной революции», которая сопровождалась закрытием университетов, увольнением преподавательских кадров, «чисткой» государственных служащих, а главное, «исламизацией» психологии и образа жизни. Внедрялись шариатские нормы морали, культивировались традиции *шахадата* (мученичества), шариатские наказания. Возрожденные после революции мусульманские традиции, особенно в духе патернализма, не только способствовали единению населения, но и вписывались в создаваемую модель социально-экономического развития, где главная роль принадлежала государству.

На улицах, в учреждениях отряды стражей исламской революции строго следили за исполнением исламских норм поведения, ношением разрешенной шариатом одежды. Радикально изменился репертуар театров, кинотеатров, радио и телевидения. Запрещена была современная зарубежная музыка, дискотеки, продажа видеокассет, даже безалкогольных импортных напитков. Европейизированный Тегеран, не говоря о других городах страны, за два-три года превратился в типично восточный город. Постепенно стала ограничиваться партийная деятельность.

Духовенство не только завоевало политическую власть в стране, но и чрезвычайно усилило свои экономические позиции. В результате проведенной национализации значительно повысил свою значимость в экономике государственный сектор. В основе экономической модели исламского режима лежали принципы «смешанной экономики», с преимущественной ориентацией на государственный сектор. Как и до революции, огромную роль стало играть государственное регулирование, которое не только не ослабло, а наоборот, стало приобретать характер прямого вмешательства государства в систему рыночных отношений. Перечень товаров, на которые государство стало устанавливать цены, с каждым годом расширялся, особенно по мере продолжения ирано-иракской войны, начавшейся в 1980 г. Была введена система купонов, или карточек, распределяемых через мечети. К 1987 г. цены контролировались на 5 тыс. видов товаров. В этот период разрабатывался даже законопроект о распространении государственного ценового контроля на 12 тыс. видов товаров.

Новым элементом экономической структуры стали исламские фонды, совмещавшие в своей деятельности экономические и социальные функции, ставшие как бы современным вариантом традиционных *вакфов*.

Благодаря этим фондам духовенство приобрело важнейшие рычаги экономического влияния. Самым экономически мощным фондом был и остается «Боньяде мосгаззефин» («Фонд обездоленных»). Активно действовали «Боньяде шахид» («Фонд павших»), Комитет помощи имама Хомейни, «Фонд 15-го хордада». Духовенство стремилось преподнести их деятельность в качестве образца функционирования исламской экономики, направляя часть доходов на помощь беднейшим слоям населения.

В условиях теократического правления импульс к развитию получили *вакфы*. Особенно нагляден пример деятельности крупнейшего *вакфа* страны «Астане Кодс» («Светлая земля») — после революции им было создано более 60 предприятий, фирм, различных центров.

Концентрация банковского капитала в руках государства также укрепила позиции теократического режима. Согласно банковскому закону 1983 г. все банки принадлежат государству и работают на беспроцентной основе. Неоднократно предпринимались попытки изменения этого закона, причем не столько с точки зрения исламских принципов работы, сколько законодательного разрешения на создание частных банков.

Важнейшим направлением социально-экономической политики в 1980-е годы стала поддержка мелкого и среднего предпринимательства. То, что новая власть провела национализацию, не означало, что она ставила своей целью ограничение частного сектора в принципе. Лидеры страны часто выступали с заявлениями о защите прав частного собственника, были отклонены все законопроекты о границах различных форм собственности. Законодательная деятельность новых структур власти весьма наглядно продемонстрировала, как экономическая практика вносила свои коррективы в абстрактные представления об экономическом строе исламского общества. Так, послереволюционный политический лозунг духовенства «ни Запад, ни Восток» (т.е. ни капитализм, ни социализм), переориен-

тация на удовлетворение внутренних потребностей за счет собственного производства вплоть до необходимости автаркического развития нашли свое воплощение в конституции, по которой внешняя торговля отнесена к государственному сектору. Однако конкретно-законодательного и практического воплощения этого принципа в жизнь так и не произошло.

Отчасти мобилизационный тип экономики сложился не только из-за исламских воззрений на экономику, но из-за условий военного времени. Благодаря созданной режимом жесткой централизованной системе в стране удалось предотвратить голод и массовую безработицу. Апогеем государственного вмешательства в экономику можно считать годы войны с Ираком (1980–1988). Централизация экономики, сопровождавшаяся усилением позиций государства во всех областях жизни общества, что находилось в соответствии с исламскими взглядами на государство и экономику, помогла сохранить политический режим. Даже в 1986–1987 гг., когда все финансово-валютные резервы страны были практически исчерпаны, предрекаемого многими падения режима не произошло. Более того, в этот период правительству удалось сохранить, а в отдельные годы увеличить посевные площади, сборы сельскохозяйственных культур, начать восстанавливать и даже развивать здравоохранение и образование.

Безусловным достижением режима стала его деятельность по улучшению сельской инфраструктуры, включая строительство дорог, аэропортов, жилищ, газификацию, водоснабжение, электрификацию, развитие средств связи. Уровень грамотности населения, согласно официальным данным, за 1980-е годы повысился с 49 до 74%, а в городах — с 67 до 82%.

Более равномерным стало распределение доходов, что явилось одной из главных причин стабилизации режима. Но это выравнивание было достигнуто главным образом за счет распределительных функций государства, без поднятия общего жизненного уровня населения. В результате размеры валового продукта на душу населения, по сравнению с дореволюционным периодом, упали в 1980-е годы в три-четыре раза. Расходы на войну с Ираком, разрушение многих важнейших для экономики страны объектов, в числе которых были нефтяной терминал «Харк», Абаданский нефтеперерабатывающий завод, резкое падение цен на нефть в 1986 г. — все это крайне осложнило экономическую ситуацию в стране. Несмотря на попытки за счет мобилизации всех ресурсов в руках государства добиться позитивных сдвигов в экономике, Ирану в этот период так и не удалось достичь дореволюционного уровня. Правда, в 1983/84–1984/85 гг. правительству Мусави удалось в результате улучшения конъюнктуры на рынке нефти приблизиться к показателям ВВП конца 1970-х годов, однако падение цен на нефть вновь вызвало замедление роста, а затем и падение ВВП.

В 1988 г. война с Ираком закончилась, нужно было восстанавливать хозяйство, создавать рабочие места, в том числе и для членов ополчения (*басиджа*), численность которого превышала один миллион. Проблема повышения эффективности экономики, которая до этого способна была обеспечивать лишь минимальные потребности населения, стала жизненно необходимой не только для населения, но и для судьбы самой исламской власти. И нужно отдать должное Хо-

мейни, который незадолго до своей кончины одобрил необходимость изменения экономического курса. Эти новые направления получили свое законодательное воплощение в первом пятилетнем плане социально-экономического развития (1990–1994).

Так как разногласия между отдельными группами духовенства стали подтачивать изнутри единство ПИР, партия в 1988 г. была распущена. Разногласия стали усиливаться внутри Общества борющегося духовенства, которое составляло основу ПИР. Часть его членов с согласия Хомейни в 1989 г. образовала Ассамблею борющихся *улемов*. Нужно сказать, что противоречия между различными группировками духовенства и органами власти, отражавшие их взгляды, сопровождали принятие в Иране решений, касающихся самых различных сторон жизни — будь то основополагающие законы или относящиеся к ее бытовым сторонам. Именно эти противоречия 1980-х годов не позволили принять ни один из важнейших экономических законов, конкретизирующих положения конституции.

Поэтому еще при жизни Хомейни, когда начались сбои в законодательном процессе из-за того, что Наблюдательный совет отклонял большинство из принимаемых *меджлисом* законов, а законодательный вакуум стал ощутимым тормозом на пути экономического развития, были проведены изменения в структуре власти, снизившие значимость Наблюдательного совета. Созданный Совет по определению целесообразности стал арбитром в отношениях между *меджлисом* и Наблюдательным советом. В этот достаточно широкий совет вошли представители руководства, религиозные и светские правоведы. После внесения в 1989 г. поправок в конституцию этот орган приобрел конституционный статус.

Еще в 1983 г. Совет экспертов избрал преемником Хомейни на посту *рахбара* аятоллу Монтазери. Хомейни с этим решением согласился. Однако позиция Монтазери, рассматривавшего роль *рахбара* больше в религиозном, нежели политическом ключе, заставила Хомейни изменить это решение. Обращение Хомейни к *меджлису* и правительству по поводу отказа признать своим преемником аятоллу Монтазери составлено почти в поэтической форме: «Я с кровоточащим сердцем увольняю плод моих жизненных усилий (это о Монтазери. — *Авт.*) с должности ради безопасности религии и сохранения порядка». После смерти Хомейни 3 июня 1989 г. Совет экспертов избрал *рахбаром* президента страны Али Хаменеи.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОПЫТКИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Проведение новой экономической политики как проявление экономической модернизации стало локомотивом комплексной эволюции иранского общества. При этом оно не вступило в сколько-нибудь резкое противоречие с исламскими принципами. Новый экономический курс оказался связан с Али Акбаром Хашеми-Рафсанджани, который после избрания Хаменеи *рахбаром* стал новым президентом Ирана, предварительного инициировав принятие дополнительных статей

конституции, упраздняющих пост премьер-министра и усиливающих исполнительную власть президента. На рубеже 1980–1990-х годов выявились острые противоречия не только между различными органами власти, но и в среде самого правящего слоя духовенства по вопросам дальнейшего развития.

С начала 1990-х годов Иран переходит от жестко централизованной к рыночно ориентированной экономике. Духовенство, понимая необходимость поднятия жизненного уровня населения, боеспособности армии, а следовательно, эффективности экономики, идет на изменение ряда, казалось бы, незыблемых принципов исламского строя, отчетливо стали проявляться изменения в национальной и культурной политике. В принятом в январе 1990 г. первом пятилетнем плане социально-экономического и культурного развития Ирана большое внимание уделялось повышению культурного уровня населения, технического оснащения школ и вузов новейшим оборудованием, особенно компьютеризации. Изменению стала подвергаться демографическая политика, в результате проведения которой власти столкнулись с неуправляемым ростом населения в 1980-е годы из-за недопустимости с точки зрения ислама использования методов контрацепции. В итоге им пришлось вернуться к политике регулирования рождаемости. Заметно стало меняться и отношение к участию женщин в общественной жизни и в трудовой деятельности. А либерализация импорта вновь ввела в повседневный оборот многие из предметов и поведенческих стереотипов европейского быта. Главными направлениями нового курса правительства Рафсанджани стали либерализация цен, внешнеторгового регулирования, использование иностранного капитала, приватизация, создание свободных экономических зон.

Уже в первые годы нового экономического курса удалось добиться весьма заметных результатов. Начал расти валовой внутренний продукт, подниматься жизненный уровень населения, увеличился прирост капиталовложений в производство, активные позиции занял и иностранный капитал. Доля частного сектора в общенациональных расходах в 1993/94 г. достигла 80%. Спад ВВП был не только преодолен, но и обеспечен его ежегодный прирост в 1990–1997 гг. в пределах 5–6%. Быстрыми темпами стало расти промышленное производство. Уровень ВВП на душу населения к 1996 г. достиг 2 тыс. долл. Несмотря на некоторые сбои в экономическом росте (из-за падения цен на нефть, экономических санкции США), Иран в 1990-е годы наглядно продемонстрировал способность экономики за два-три года выйти из многолетнего кризиса. Страна стала быстро переходить к открытому типу экономики.

Вместе с тем значительная роль в экономике Ирана продолжала сохраняться за государством, которое стало заменять прямые административные методы управления на рыночные. Например, гибкая система изменения закупочных цен, которые государство коррелирует в соответствии с ценами внутреннего и мирового рынков, способствовала увеличению сборов основных сельскохозяйственных культур.

В то же время правительство не отказалось и от дотаций для поддержания стабильных цен на зерно, рис, мясо, растительное масло, молоко, сыр, сахар, удобрения, пестициды. Субсидии выделялись также агропромышленным ком-

плексам, Фонду страхования сельскохозяйственных продуктов. Большая часть этих средств расходуется на поддержание цен на пшеницу, обеспечивая продажу дешевого хлеба на внутреннем рынке.

Государство стало вмешиваться, но очень осторожно, в разрешение демографических проблем, осложняющих проведение социальной политики. По переписи 1976 г., население страны составляло 33,7 млн. человек, темпы годового прироста с 3,1% в 1956–1966 гг. снизились до 2,7% в 1966–1976 гг., предполагалось, что пик прироста населения уже пройден. Однако в результате исламизации быта и семейных отношений, отказа от регулирования численности семьи темпы прироста населения возросли до 3,9% в 1976–1986 гг., а население к 1986 г. выросло до 49,4 млн. Иными словами, за десятилетие население страны увеличилось на 15,7 млн. человек, т.е. почти наполовину. Проводимая с начала 1990-х годов политика планирования семьи сводилась к ограничению льгот на получение социальных пособий на детей и оплачиваемых отпусков. Темпы прироста удалось снизить в 1986–1996 гг. до 2%, а во второй половине 1990-х годов до 1,5%. Согласно переписи 1996 г. общая численность населения страны составила 60 млн. человек, в 2001 г. — 64 млн. Интересно, что население растет преимущественно за счет городского. Из 10,5 млн. прироста населения в 1986–1996 гг. почти 10 млн. составил прирост городского населения. Доля городского населения в 1996–2002 гг. выросла до 65,4%.

К середине 1990-х годов изменение возрастной структуры населения вызвало резкое увеличение лиц трудоспособного возраста, ситуация на рынке рабочей силы усложнилась из-за проводившейся приватизации ряда трудоемких предприятий. Но режим продолжал проводить политику сохранения достаточно сильной защищенности занятого населения, в том числе на частных предприятиях.

Необходимость привлечения иностранного капитала (а Рафсанджани добился одобрения *меджлисам* использования иностранного капитала для выполнения программ первого пятилетнего плана) заставляла Иран постепенно переориентировать свои внешнеэкономические связи в пользу развитых стран мира, избавляясь от крайностей в практике внешнеполитических отношений. Изменение экономической политики, которое было главной целью правительства Рафсанджани, не означало кардинальных перемен ранее провозглашенных принципов внешнеполитического курса, который находился под контролем *рахбара* Али Хаменеи. Последний остается приверженцем духовных заветов Хомейни. Поэтому некоторые из тенденций внешней политики Ирана, особенно связанные с палестинско-израильскими отношениями, поддержкой ХАМАС, «Хизбаллы», не могли не вызывать напряженность в отношениях Ирана с рядом европейских стран и особенно с США.

Главным их последствием для Ирана стали экономические санкции США 1995–1996 гг. Их введение совпало с падением цен на энергоносители, и после пяти лет успешного проведения реформ экономическая ситуация в стране стала заметно ухудшаться. Процесс перехода к рыночной системе хозяйствования оказался непростым, сопровождаясь недовольством населения в связи с ростом цен и безработицы. Нарастало расслоение общества, которое фактически было лише-

но возможности вести открытую политическую борьбу, так как вся политическая жизнь контролировалась духовенством.

На выборах в *меджлис* в 1996 г. победу одержали сторонники А. Натег-Нури, во многом противостоявшего политике Рафсанджани. Именно он стал рассматриваться большинством аналитиков в качестве наиболее реальной кандидатуры на пост президента Ирана.

Но в расклад сил и настроений вмешался демографический фактор, повлиявший на возрастную структуру населения. Население Ирана значительно помолодело и в середине 1990-х годов на две трети состояло из лиц моложе 30 лет. Для молодых иранцев более привлекательными ценностями оказались свобода слова, собраний, общественной, культурной и спортивной жизни. И они предпочли кандидатуру бывшего министра культуры и исламской ориентации, представителя наиболее образованной части духовенства Мохаммада Хатами. Основной упор в своей программе он сделал на соблюдении прав человека, на необходимости построения гражданского общества, обеспечении экономической справедливости и экономической безопасности, социальной справедливости, расширении международных связей, развитии народной дипломатии. В мае 1997 г. большинством голосов Хатами был избран президентом страны. Началась «иранская оттепель».

ИРАНСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА. НОВЫЙ КУРС ПРЕЗИДЕНТА МОХАММАДА ХАТАМИ

Главным в эволюции исламского правления в период М. Хатами стало стремление демократизировать внутривластную жизнь в стране и характер ее внешнеполитического курса. Выступая в Тегеранском университете по случаю годовщины своего избрания, Хатами заявил, что «религия должна быть совместима со свободой».

В конце ноября 1997 г. указом президента был создан новый государственный орган — Совет по соблюдению конституционных прав. В его состав вошли наиболее известные светские и религиозные правоведа. Созданием Совета президент обозначил приоритеты развития в сторону защиты не столько исламских, сколько конституционных прав иранского населения, создания гражданского общества в Иране.

Правительство Хатами продолжило экономический курс на экономическую либерализацию, которая законодательно была закреплена вторым пятилетним планом социально-экономического развития ИРИ (1994–1999). Разрабатывались программы приватизации, совершенствовались система кредитования частного сектора и условия деятельности иностранного капитала. Продолжала сохраняться социальная, хотя и более адресная, поддержка наименее обеспеченных слоев населения. Однако постепенно уровень дотационных выплат сокращался. В результате выросли цены на хлеб и топливо. Но общество было готово мириться с трудностями, так как видело перемены в политической и общественной жизни страны. Потребительский рынок в стране стал мало чем отличаться от рынка

в соседних странах, магазины заполнились не только отечественными, но и импортными товарами. Улицы запестрели вывесками иностранных фирм.

Пожалуй, самые большие изменения стали происходить в отношениях Ирана с внешним миром. После избрания Хатами Тегеран стал проявлять активность по нормализации международных отношений, в том числе и с США.

Большой резонанс в мире получило выступление Хатами на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке в сентябре 1998 г, где он выступил с инициативой объявления 2001 г. Годом диалога цивилизаций. Определенным знаком стало то, что в середине мая 1998 г. США отказались от ряда санкций в отношении Ирана.

Во второй половине 1990-х годов стала возрождаться партийно-политическая жизнь. Причем активизировалась деятельность не только исламских, но и других политических организаций. Накануне президентских выборов 1997 г. сторонники Рафсанджани создали партию «Каргозаран» («Созидатели»). Активизировало свою деятельность Движение за свободу Ирана. Хатами инициировал создание новых организаций, печатных изданий, выходявших массовыми тиражами. Однако новые шаги в политике давались правительству президента-реформатора с большим трудом.

Исламские структуры власти постоянно напоминали о себе. Почти после каждого выступления президента или его шагов по демократизации общественной жизни следовало выступление *рахбара* Али Хаменеи или одного из наиболее консервативных духовных лидеров, которые стремились придать этим инициативам либо более исламский характер, либо даже противоположный смысл. Особенно отчетливо это проявлялось в таких вопросах, как отношение к диалогу с США, обеспечение прав и свобод личности в иранском обществе.

Очередным раундом «позиционной борьбы» между сторонниками реформирования режима, олицетворяемого прежде всего командой президента, и консерваторами стали выборы 23 октября 1998 г. в Совет экспертов, главной задачей которого являются выборы *рахбара* и внесение изменений в конституцию. Консервативное духовенство прекрасно осознавало, что возможный провал выборов из-за слабой активности избирателей может сильно дискредитировать исламскую систему власти, особенно на фоне активности на выборах президента. Поэтому достаточно высокий уровень участия населения в состоявшихся выборах, в частности в провинциях, был расценен консерваторами в совместном манифесте Общества Кумского семинара и Общества борющегося духовенства от 26 октября 1998 г. «как золотая страница в блестящей истории исламской революции в Иране».

В июле 1999 г. по стране прокатилась волна пропрезидентских студенческих волнений, подавление которых заставило заговорить о «реванше консервативных сил». Консервативное духовенство добилось закрытия либеральной газеты «Таус».

Однако правительству Хатами удалось в тот момент сохранить свои позиции и выполнить некоторые требования либерально настроенного студенчества. Так, были приняты основные направления третьего пятилетнего плана, а также Закон о свободных экономических зонах, который Наблюдательный совет блокировал на протяжении пяти лет.

Конечно, не следует преувеличивать степень светскости самого Мохаммада Хатами, который и по происхождению, и по воспитанию, и по своей деятельности является частью пришедшего к власти духовенства. *Ходжат-оль-эслам* Мохаммад Хатами — сын аятоллы Рухоллы Хатами, сторонника Хомейни, с семьей Хомейни связан родственными узами. Учился в Исфаганском и Тегеранском университетах, получил религиозное образование в Куме. В исламском революционном движении участвовал с 1968 г. и вместе с сыном Хомейни, Ахмадом, был членом руководства Исламского общества в Исфаганском университете. После победы революции он занимал важные посты в структуре исламской власти: был депутатом первого *меджлиса*, редактором газеты «Кейхан», министром культуры и исламской ориентации в правительствах Мусави и Рафсанджани, заместителем главнокомандующего вооруженными силами по вопросам культуры и начальником штаба военной пропаганды в период ирано-иракской войны, консультантом Рафсанджани и директором Национальной библиотеки.

И тем более симптоматично, что с именем Хатами, представляющего высшие слои духовенства Ирана, связаны новые грани эволюционного процесса, обозначившегося в стране по мере ее развития. Хатами, являясь одним из лидеров Ассамблеи борющихся *улемов*, отражает позицию этой крупной группировки духовенства. Как президент страны, он пытался реформировать политический режим, сохранив его исламский характер.

Более решительными противниками существующей монополии духовенства на власть являются такие видные политические и религиозные фигуры, как аятолла Хосейн Али Монтазери, Мохсен Кадивар, Мостафа Мохаггеи-Дамад.

До 2000 г. многие из инициатив правительства Хатами блокировались *меджлисом*, большинство которого составляли сторонники консервативных сил. До выборов в шестой *меджлис* в 2000 г. не было принято новых основополагающих экономических законов, в частности, относительно налогообложения, защиты частных и иностранных инвестиций, их гарантий и возврата, которые бы стимулировали углубление экономических реформ. Не был принят в окончательном варианте даже третий пятилетний план. Более того, начало действия плана с 2000 г. было передвинуто на 2001 г. Все законодательные рычаги находились в руках противников дальнейших реформ, именно они составляли большинство *меджлиса*, с которым было вынуждено работать первые два года правительство Хатами. Тем не менее размер ВВП в 2000 г. на душу населения удалось повысить по паритету покупательной способности почти до 6 тыс. долл., а размер внешнего долга сократить с 1993 к 2000 г. с 23 млрд. до 10 млрд. долл.

Несмотря на курс либерализации, снизить уровень чрезмерной зависимости экономического развития от нефти правительству Хатами не удалось. Поступления от продажи нефти давали свыше 30% бюджетных доходов и свыше 80% всех валютных поступлений Ирана. Объемы внешнеторгового оборота страны, составляющие от 30 до 50% ВВП, в значительной мере зависели от нефтяного экспорта, определяемого мировой конъюнктурой. Так, в 1998/99 г., когда из-за падения цен на нефть стоимость нефтяного экспорта упала до 9,9 млрд. долл., весь внешнеторговый оборот составил 27,4 млрд. долл. В 2000/01 г. экспорт нефти

увеличился до 24,2 млрд. долл., и объем внешней торговли — до 43,5 млрд. долл. Объемы ненефтяного экспорта, несмотря на его рост в 1990-е годы, не превышали 3–4 млрд. долл. Доходы нефтяной отрасли, находящейся в руках государства, формировали валютные резервы, необходимые для оплаты импорта оборудования, полуфабрикатов и продовольствия. Доля импортного компонента в иранской промышленности чрезвычайно велика (от 40 до 70% в разных отраслях), и сокращение импортных поставок приводило к сбоям в промышленном производстве.

Чрезвычайно большой сохранялась потребность Ирана в модернизации и поставках оборудования для нефтегазовых отраслей, в закупках технологий, необходимых для переориентации промышленности на экспорт. В связи с этим одной из главных проблем экономического развития было создание условий для привлечения иностранных инвестиций в экспортные отрасли. Использование в этих целях свободных торговых и экономических зон не принесло сколько-нибудь значительного результата.

Проведение курса на дальнейшую экономическую и политическую либерализацию требовало внесения изменений в законодательную основу и, следовательно, вновь обострило противостояние в политической элите и в обществе. Очередным этапом борьбы между различными группировками, отражающими разные подходы к направлению дальнейшей эволюции режима, стала подготовка к выборам в *меджлис* шестого созыва 18 февраля 2000 г. Накал борьбы был беспрецедентным.

Накануне этих выборов был создан Фронт 23 мая (или 2-го хордада — день победы на выборах президента М. Хатами), в который вошли 18 партий и организаций, выдвинувших общих кандидатов. Главным политическим ядром этого блока стала партия «Мошарекят» («Соучастие»), образованная братом президента Резой Хатами. Главный предвыборный лозунг Фронта 23 мая и партии «Мошарекят» — «Иран для всех иранцев» — оказался весьма привлекательным и действенным в значительной степени из-за того, что не связывал лояльность режиму только с исламской идеологией. Хотя инициатором создания Фронта явилась Ассамблея борющихся *улемов*, в него вошли и некоторые партии, так сказать, обычного типа. Таким образом, Фронт объединял всех сторонников курса президента, а не только представителей духовенства.

На 290 мест в *меджлисе* претендовали 6083 кандидата, прошедших через утверждение Наблюдательным советом. Увеличилось число женщин, прошедших регистрацию. В *меджлисе* 6-го созыва баллотировались 513 женщин (в *меджлисе* 5-го созыва — 320 женщин, 4-го созыва — 167).

Сторонники Хатами одержали убедительную победу. Только кандидаты «Мошарекят» получили 150 мест в парламенте. Из 30 мест по Тегерану 29 завоевали сторонники Хатами, и лишь одно место с небольшим перевесом голосов (25,58%) досталось Рафсанджани, который в предвыборных программах партии «Каргозаран» был заявлен ее кандидатом и в общественном мнении тесно связан с этой партией. Несмотря на то что «Каргозаран» поддержала многих из кандидатов «Мошарекят», ее сторонники потерпели явное поражение. Не прошла в *меджлисе* и кандидатура одного из лидеров «Каргозаран», дочери Рафсанджани — Фаззе

Хашеми. Влияние этой партии стало падать из-за разногласий между ее лидерами. Предвыборная программа «Каргозаран» в принципе ничем не отличалась от программных заявлений «Мошарекят», но в отличие от последних не содержала кратких и привлекательных лозунгов. А лозунг «Иран для всех иранцев», не отрицая необходимости экономических рыночных реформ, как бы делал упор на то, что эти реформы должны совершаться в интересах большинства иранцев, а не только «новых» предпринимательских слоев.

Основное содержание внутривластной ситуации в Иране в 2001 г. составила предвыборная борьба за пост президента. Выборы происходили в ситуации, когда иранское общество ждало от правительства реформаторов и нового *меджлиса* реального ускорения реформирования общества. Впервые в истории исламского периода и законодательная и исполнительная власть оказалась в руках реформаторского крыла политических лидеров страны. В какой-то мере эти ожидания при новом *меджлисе* стали реализовываться. Ускорился законотворческий процесс либерализации общества. Был принят окончательный вариант третьего пятилетнего плана, одобрены поправки к закону о свободных экономических зонах, было законодательно разрешено создание первого негосударственного банка. Новые варианты разрабатывавшихся законов — о налогах, о банковской системе, об иностранных инвестициях, о разделе продукции — стали носить характер более приближенный к общемировым нормам.

Однако прорыва в политической демократизации общества не произошло. По мере приближения президентских выборов политическая напряженность стремительно нарастала. Консервативное духовенство, стремясь нивелировать потери от поражения на парламентских выборах, особенно активизировалось в стремлении усилить контроль над внутривластной жизнью общества, за сохранением приоритета религиозных структур власти. Оно вынудило *меджлис* принять поправки к закону о прессе, по которым суд мог заставить журналистов раскрыть источники информации и лишит права на работу в прессе любого, которого суд заподозрит в «деструктивной» деятельности. Чтобы уменьшить поддержку реформаторов среди молодежного электората, возрастной ценз был повышен с 15 до 16 лет. Для ограничения свободы печати стали использоваться религиозные суды. Наблюдательный совет издал ряд рекомендаций, направленных на ограничение свободных политических дискуссий. Было закрыто около 40 периодических изданий, арестован ряд журналистов, политических деятелей, для разгона студенческих и молодежных митингов и собраний использовались военные силы. Более 70 человек, тесно связанных с партией Движение за свободу Ирана, были арестованы, некоторые осуждены по обвинению в действиях «по свержению исламской республики», а деятельность самой партии запрещена.

Сама ситуация перед президентскими выборами 2001 г. разительно отличалась от предыдущих выборов 1997 г. Победа Хатами в 1997 г. скорее была победой над Акбаром Натег-Нури, как противником начатых Рафсанджани реформ. Кандидатура Хатами и его программа обеспечения конституционных прав для иранского общества не связывалась в то время духовенством с его дальнейшими шагами по демократизации режима.

Однако за три года пребывания Хатами у власти стало очевидным, что все большая часть иранского общества стала связывать с ним надежды на улучшение своего положения, качества жизни, на более тесные связи Ирана с мировым сообществом, которые позволили бы стране поднять свой экономический и геополитический уровень. Не менее очевидным было и то, что переизбрание Хатами является индикатором настроения иранского общества не просто на дальнейшую эволюцию режима, но на ускорение этой эволюции, на политические реформы, на создание правового гражданского общества, на повышение его толерантности. Недаром накануне выборов Организация моджахедов исламской революции заявляла, что выборы 8 июня — «это референдум» между «реформами и необратимостью», «консерватизмом и закрытостью». Фронт 21 мая, поддерживавший Хатами, выдвинул такие новые, доступные и удачные по формулировкам и звучанию лозунги: «За гражданское общество!», «Закон для всех!», «Искоренить давление!» Симптоматично, что партии, поддерживавшие Хатами, использовали не исламские, а преимущественно светские лозунги в поддержку демократизации общества, но носящие националистический характер. Это прежде всего главный лозунг — «Иран для иранцев». Нередко молодежные шествия скандировали: «Мосаддык, Мосаддык, мы идем твоим путем!»

Победа Хатами на выборах практически ни у кого не вызвала сомнений, в том числе и у консервативной части духовенства. Альтернативного, а главное, более популярного кандидата у него не было. Однако для консерваторов было чрезвычайно важным, чтобы уровень поддержки Хатами не оказался демонстративно высок, чтобы в своем противодействии инициативам президента можно было ссылаться на достаточно широкие слои населения, не согласного с ним. Для иранского менталитета чрезвычайно значимым является не только сам факт избрания или неизбрания, но и соотношение голосов «за» и «против». Наблюдательный совет, который осуществляет отбор кандидатов для президентских выборов, составил окончательный список из 10 кандидатов вместо представленных ему 814. Причем официальное согласие самого Хатами было получено Наблюдательным советом только за два дня до срока завершения регистрации кандидатов. Вполне логично предположить, что затягивание Мохаммадом Хатами своего решения было чем-то вроде «перетягивания каната» — отражением давления на него консерваторов и своеобразным ответом консервативным слоям духовенства в ситуации отсутствия у него реальных политических претендентов, хотя само решение баллотироваться и было согласовано с высшими религиозными авторитетами страны.

Результаты выборов фактически стали всеобщим референдумом относительно взглядов на дальнейшие тенденции развития общества. Хатами одержал убедительную победу. На избирательные участки явилось 88% избирателей, которые отдали за него 77% своих голосов. В 1997 г. за него проголосовало 69% (21,6 млн.). Впервые в истории президентских выборов Ирана кандидат на второй срок набрал голосов больше, чем при избрании на первый срок.

Уже первые шаги по официальному вступлению Хатами в должность выявили наличие разногласий в высших эшелонах власти. По закону 5 августа Мохаммад

Хатами должен был принести присягу перед членами Наблюдательного совета, который также обновлялся в этом году. Однако *меджлис* категорически отказался принять предложенные главой Верховного суда восемь кандидатур на три вакантных места, отвергнув семь из них. Спор был вынесен на рассмотрение главы Совета по целесообразности. Только после его решения президент был приведен к присяге и приступил к формированию правительства.

Формирование нового правительства прошло относительно спокойно, возможно потому, что не было внесено сколько-нибудь значительных изменений в его состав. Самым заметным сдвигом стала отставка первого вице-президента Хасана Хабиби, человека из команды Рафсанджани. Первым вице-президентом стал открытый сторонник курса Хатами Мохаммад Реза Ареф. *Меджлис* полностью одобрил новый состав кабинета, в котором ключевые министерства возглавили его сторонники.

Уже менее чем через месяц новое правительство Ирана столкнулось с чрезвычайно острыми проблемами, возникшими из-за террористического акта 11 сентября в США.

Занятая президентом взвешенная позиция — он осудил террористические акции, но одновременно и бомбардировки в Афганистане, заявил о возможности участия в совместной антитеррористической операции, но под эгидой ООН, о помощи войскам «северного альянса» и афганским беженцам — была поддержана большинством членов его кабинета. И это в ситуации, когда антиамериканизм долгие годы являлся важнейшей составляющей частью внешней и внутренней политики Ирана. И даже во время военной операции коалиции правительству удалось, как ни в какой другой соседней с Афганистаном стране, удержать население от всплеска антиамериканских настроений.

Иран одним из первых официально осудил террористический акт 11 сентября и признал необходимость проведения антитеррористической операции в Афганистане. Чрезвычайно важно, что это было сделано не только на уровне президентской власти, фактически олицетворявшей светские элементы иранской государственности, но и на религиозном уровне — через заявления высших шиитских *улемов*. Безусловно, что антиталибская направленность операции США и их союзников объективно отвечала интересам Ирана как региональной державы. Ведь Иран давно поддерживал антиталибскую коалицию, защищая интересы шиитского населения Афганистана. В Иране в эмиграции находилось правительство Б. Раббани, численность только официально учтенных афганских беженцев накануне военной акции сил коалиции приближалась к одному миллиону, а общая — к двум. Еще перед началом военных действий Иран дал согласие на переброску гуманитарной помощи через свою территорию, а в ходе операции — на размещение у себя лагерей беженцев. Были открыты воздушные коридоры для транспортных самолетов, поставляющих гуманитарные грузы. Гуманитарные грузы в Герат сопровождали иранские группы.

Очевидная заинтересованность Ирана в ослаблении талибского режима была уравновешена официальным осуждением военной операции как до, так и после начала ее проведения, заявлениями о необходимости проведения антитеррористической акции под эгидой ООН.

Иранскому руководству по мере продолжения антитеррористической кампании было крайне сложно выработать единую позицию. Заняв достаточно взвешенную позицию, Иран рассчитывал на смягчение позиции США в отношении санкций. Заявление Буша, причислившего Иран к «оси зла», значительно ослабило позиции реформаторских сил, дав повод консервативным кругам в Иране негативно оценить внешнеполитический курс правительства Хатами, нацеленный на нормализацию отношений со всеми странами, включая США. При этом консервативные круги не столько разыграли «антиамериканскую карту», сколько обвинили реформаторов в неспособности проводить эффективную внешнюю политику. Несмотря на укрепление позиций сторонников президента в начале 2000-х годов и значительную эволюцию исламского режима, позиции исламских органов власти и консервативного крыла духовенства все еще очень значимы.

Тем не менее правительство реформаторов было решительно настроено на демократизацию режима, на построение гражданского общества. *Меджлис* пытался добиться изменений закона о выборах, которые бы дали возможность уменьшить абсолютную власть Наблюдательного совета при отборе кандидатов в депутаты *меджлиса* и в президенты. Был разработан новый, более либеральный закон о банковском контроле. Суд по делам печати снял обвинения с ряда журналистов. Общественная жизнь принимала все более демократические и цивилизованные формы. В быт, трудовую этику, культуру, экономические отношения все больше проникали европейские заимствования. Это дает основание говорить о том, что наличие республиканских органов власти, широкое использование принципов выборности даже в условиях исламского правления, в условиях Ирана привели к большим сдвигам в демократизации общественной жизни, чем при шахском режиме с его ориентацией на Запад.

Значительную трансформацию претерпела **культурная политика** режима. Если шахская культурная политика делала упор на непрерывность традиции монархии и культивировала древние элементы иранской культуры, то после исламской революции приоритетными стали элементы исламской культуры. После начала войны с Ираком наибольшее значение в культурной политике стало уделяться не просто исламу, а шиизму. Под запретом оказалось даже чтение «Шахнаме» Фирдоуси, этого символа иранской культуры и истории. Но уже с конца 1980-х годов начинает формироваться новое направление культурной доктрины, выражающее потребность в постепенной модернизации общества, его открытости. С середины 1990-х годов происходит возврат к использованию исторического наследия древности, интереса к культурному наследию сопредельных народов, что в конце десятилетия вылилось в предложенную миру концепцию «диалога цивилизаций». В самой практике культурной политики особое внимание уделяется повышению качества образования, подтягиванию его до мирового уровня. Были сняты запреты с музыки, театра, кино. Бурно развивалась современная живопись, а иранское кино в последние годы удостоилось мирового признания.

Достаточно гибкой стала **национальная политика** режима. Показателем, хотя и относительным, повышения общенационального фактора в процессе самоидентификации может служить отсутствие в избирательных кампаниях 90-х —

начала 2000-х годов национально-этнических программ. Исламское руководство отчетливо понимает, что наиболее уязвимыми для иранского государства являются этнические и территориальные конфликты, потенциально опасные и для всего региона в целом. Поэтому и в планах социально-экономического развития, и в практической деятельности особое внимание уделяется как выравниванию экономического потенциала разных регионов, так и расширению использования национального языка в сфере образования, средствах массовой информации.

Внешний курс. Отношения ИРИ и России. Для Ирана ориентация исключительно на исламский фактор развития уже доказала свою несостоятельность и на экономическом, и на внешнеполитическом уровне. Индикатором позитивных изменений настроений иранского общества стала его поддержка концепции «диалога цивилизаций», расширение международных связей, постепенное сужение числа стран, которые после революции Иран считал своими врагами. Принцип расширения народной демократии, поощрение туризма, включение в число приоритетных направлений планов развития современных информационных сетей — все это свидетельствует о том, что Иран в начале XXI в. вовсе не стремится к возрождению средневековой отсталости, а пытается использовать ту экономико-технологическую компоненту, которая входит в понятие глобализации мирового хозяйства. Иран, треть экономики которого ориентирована на мировой рынок, объективно не может отгородиться от него и не испытывать его влияния.

Главной проблемой, осложняющей взаимоотношения Ирана с рядом развитых стран мира, особенно с Израилем и США, является его позиция по палестинскому вопросу. Исламский режим с момента его установления обозначил свое неприятие Израиля, выступил за восстановление прав Палестины на создание независимого государства. Иран поддерживал движения «Хизбалла» и ХАМАС. Изменение внешнеполитического курса с приходом Хагати в этом вопросе выразилось лишь в том, что помощь этим организациям стала оказываться не через государственные, а исламские каналы. Казалось, что развитие отношений с США все больше начинает зависеть не от Тегерана, а от Вашингтона. Новая политическая элита как в лице реформаторов, так и нового поколения консерваторов была готова к нормализации отношений с США.

Отношения Ирана и России в шахский период определялись ориентацией режима на США и антикоммунизм. Тем не менее прагматизм иранской власти и взаимная заинтересованность привели к установлению тесных экономических контактов. СССР построил в Иране первый металлургический завод полного цикла (в Исфагане), активно участвовал в строительстве электростанций, элеваторов, трубопроводного транспорта. В 1970 г. вступил в строй первый экспортный газопровод, поставлявший в СССР попутный газ в обмен на поставляемые в Иран технические услуги и оборудование. После исламской революции советско-иранские отношения отличались неровностью, в значительной степени испытывая влияние фактора пребывания советских войск в Афганистане. Перестал действовать и газопровод, который вскоре после революции был перекрыт иранской стороной из-за несогласия СССР платить более высокую цену закупаемый газ. Восстановленный по просьбе Ирана в конце 1980-х годов газопро-

вод, поставлявший газ в Азербайджан и Армению, с распадом СССР перестал быть собственностью России. Из-за карабахского конфликта поставки были прекращены. Иран, занимающий третье место в мире по запасам газа (после России и Туркмении), до сих пор не стал его экспортером, что добавляет напряженности в решение проблемы транспортировки каспийских энергоресурсов на мировые рынки. Постепенная нормализация отношений привела к тому, что в 1989 г. во время визита в СССР спикера иранского *меджлиса* Али Акбара Хашеми-Рафсанджани, избранного вскоре после этого президентом страны, было подписано крупномасштабное долгосрочное Соглашение о сотрудничестве, предусматривавшее участие СССР в ряде долгосрочных программ, включая военную программу.

После распада СССР Иран перестал быть непосредственным соседом России, сохранив общую границу по Каспию. В целом политические отношения Ирана и России в 1990-е годы вследствие общности взглядов на развитие ситуации в регионе Центральной Азии и Кавказа можно назвать добрососедскими, порой поднимавшимися на уровень стратегического партнерства. Заинтересованные в сохранении целостности своих многонациональных государств, Россия и Иран с пониманием относились к мероприятиям своих правительств по сохранению территориальной целостности. Совпадали в значительной мере позиции России и Ирана по Таджикистану и Афганистану, по вопросу расширения НАТО на Восток. Экономические связи Ирана и России как правопреемницы СССР продолжали строиться на основе соглашения 1989 г., срок которого заканчивался в 2000 г. Новым направлением экономического сотрудничества стало участие России в строительстве атомной электростанции в Бушире. В 2001 г. с официальным визитом Россию посетил президент Ирана М. Хатами. Мохаммад Хатами и В.В. Путин подписали новый Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ сроком на десять лет с автоматическим продлением на последующие пятилетние периоды. Иран сохранял для России экономическую привлекательность, являясь крупным рынком для товаров и технических услуг. Актуальной была активизация транспортных транзитных проектов, в том числе по Волге. Иран в последние годы XX в. активно действовал в этом направлении, укрепляя свою судоходную Каспийскую компанию, обустривая терминалы на побережье Каспийского моря, организуя свободные экономические зоны.

Иран вступил в XXI в., находясь в процессе реформирования системы. Это была уже третья в XX в. и вторая после окончания Второй мировой войны попытка модернизации. Отличие ее от предшествующих состояло в том, что она осуществлялась в условиях исламской формы государственного устройства. Пройдя мучительный путь от автаркии до либерализации, наиболее активная часть иранского общества признала, согласившись со словами своего бывшего президента Мохаммада Хатами, что сегодняшний век — это век, когда западная цивилизация доминирует («интеллектуально, морально и технологически»), и Иран должен использовать ее достижения, при этом ясно представляя себе все ее недостатки, защищая от них свои «революционные ценности». В новый век Иран вступил, находясь в поиске своей «иранской модели» политического, культурного и экономического развития.

Глава 21

ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА¹

Советский период существования закавказских республик (до 1991 г.) в целом был отмечен межнациональным и межконфессиональным миром. Хотя здесь и шло национально-культурное строительство, оно ограничивалось строго заданными советской властью рамками: параллельно с фактическим оформлением национального самосознания народов велась усиленная шивелировка населения на бытовом, политическом и идеологическом уровнях.

Распад в 1991 г. Советского Союза, повлекший за собой геополитическую неустойчивость и экономический коллапс на всем постсоветском пространстве, болезненно сказался на новообразованных республиках Закавказья, не имевших ни традиций, ни опыта государственности. Экономическая и политическая нестабильность оставалась отличительной чертой развития Армении, Азербайджана и Грузии на всем протяжении 1990-х годов. Ситуацию усложняли неурегулированные конфликты и серьезные противоречия внутри политических элит в каждой из закавказских республик. На таком фоне протекал в регионе непростой процесс формирования национальных государств

АЗЕРБАЙДЖАН

Националистические движения, имевшие антикоммунистическую направленность, появились в Азербайджане в конце 1980-х годов. Среди них быстро выделился Народный фронт Азербайджана (НФА), который приобрел широкую популярность благодаря острой критике местных коммунистических руководителей и призывам к независимости. Вскоре инициативу в НФА захватили радикалы во главе с бывшим диссидентом Абульфазом Эльчибеем. 18 января 1990 г. НФА объявил, что взял власть в стране. Но уже 20 января в Баку были введены части Советской Армии и внутренних войск, объявлено чрезвычайное положение и арестованы некоторые активисты оппозиции (в их числе Эльчибей). Первым секретарем ЦК КПА вместо смещенного Абдула Везирова был назначен Аяз Муталибов.

17 марта 1991 г. Азербайджан участвовал во всесоюзном референдуме по вопросу сохранения СССР, и, по официальным результатам, 93,3% всех проголосовавших высказались за сохранение Союза. Но после провала августовского путча

¹ В наши дни наравне с традиционным политико-географическим наименованием региона «Закавказье», трактуемым часто в Азербайджане, Армении и Грузии как «советско-имперское» изобретение, равное хождение имеет термин Южный Кавказ.

1991 г. в Москве Верховный Совет Азербайджанской ССР принял 30 августа Декларацию «О восстановлении независимости Азербайджанской Республики 1918–1920 гг.», а 18 октября — Конституционный акт «О государственной независимости Азербайджанской Республики». 8 сентября 1991 г. А. Муталибов победил на президентских выборах. Под давлением НФА правительство и Верховный Совет делегировали в ноябре 1991 г. ряд законодательных полномочий Национальному собранию (Милли меджлису), который со временем полностью заменил Верховный Совет в качестве высшего законодательного органа власти. А. Муталибов принял участие во встрече на высшем уровне в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. и поставил свою подпись под принятой там декларацией, учреждающей Содружество Независимых Государств (СНГ). В феврале 1992 г. Азербайджан стал членом Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе — СБСЕ (она была преобразована в декабре 1994 г. в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ), вступил в Соглашение по черноморскому экономическому сотрудничеству (ЧЭС) и в Организацию экономического сотрудничества.

А. Муталибов попытался изменить сложившуюся в Азербайджане в 1970–1980 гг. систему государственного управления, базировавшуюся на кланово-земляческих отношениях и позволявшую привлекать во властные структуры людей «своего» клана или региона. Но получить поддержку всех региональных элит президенту не удалось.

Наиболее влиятельной фигурой оставался Гейдар Алиев — бывший председатель КГБ Азерб. ССР, первый секретарь ЦК КП Азерб. ССР, член Политбюро ЦК КПСС. Весной 1990 г. он обосновался после отставки из Политбюро (она произошла в 1987 г.) на своей родине — в Нахичевани, где в сентябре 1991 г. возглавил Верховный Совет Нахичеванской АССР. Там же в ноябре 1992 г. была основана Партия «Единый Азербайджан» («Новый Азербайджан» — ПНА), председателем которой был избран Г. Алиев. Он целенаправленно продвигался к власти, опираясь, как утверждали в Азербайджане, на «нахичеванский» и «ереванский» (родом из ереванских азербайджанцев была супруга Алиева) кланы.

К провокациям и интригам, расшатывавшим власть А. Муталибова, добавились неудачи зимы 1992 г. на карабахском фронте (подробнее о карабахском конфликте см. ниже). На организованных оппозицией демонстрациях звучали требования отставки президента Муталибова, и он в конечном итоге вынужден был 6 марта 1992 г. уйти со своего поста. Обязанности президента стал временно исполнять Якуб Мамедов. Через какое-то время А. Муталибов попытался воспользоваться возникшим в связи с неудачами азербайджанской армии в Карабахе (захватом армянами в мае 1992 г. г. Шуши) замешательством в Баку и вернуть себе власть. Прибыв в Баку 15 мая, он совершает «парламентский путч» — созывает лояльный ему Верховный Совет, который и восстанавливает его в должности президента. Продержавшись всего два дня, Муталибов вынужден был бежать из страны, после того как вооруженные отряды НФА захватили телевизионный центр и здание парламента. 18 мая 1992 г. Милли меджлис избрал одного из лидеров НФА Иссу Гамбара временным президентом республики.

7 июня 1992 г. в Азербайджане состоялись первые в период независимости президентские выборы, на которых победил А. Эльчибей. Большинство мест в парламенте и правительстве перешло к тандему партий — НФА и «Мусават» («Равенство»). Следствием протурецких симпатий новоизбранного президента и его команды стало установление теснейших отношений Азербайджана с Турцией. Одновременно в Баку был взят курс на дистанцирование от России и от процессов, разворачивавшихся по ее инициативе в СНГ.

Новой власти, однако, не удалось взять под контроль развитие негативных тенденций в республике, приблизить ситуацию к стабилизации. Поражения на карабахском фронте азербайджанской армии, общественно-политический, экономический, военный кризис, охвативший Азербайджан, достиг апогея к весне-лету 1993 г., когда по ряду городов страны прокатились антиправительственные митинги. На их волне всплыл полковник Сурет Гусейнов — директор фабрики по переработке шерсти в Гяндже, богатый и влиятельный деятель «теневой» экономики, связанный, как утверждали многие, с наркобизнесом, но сыгравший заметную роль благодаря умело проведенным операциям с торговлей оружием в карабахском конфликте: А. Эльчибей назначил его даже своим полномочным представителем в Нагорном Карабахе. 4 июня 1993 г. С. Гусейнов вывел подконтрольные ему армейские формирования с карабахского фронта в Гянджу, а далее, сломив сопротивление правительственных войск, они прошли победным шествием на Баку. А. Эльчибей призвал на помощь Г. Алиева и сдал ему власть в обмен на гарантии собственной безопасности.

На экстренном заседании Милли меджлиса 15 июня Г. Алиев был избран его председателем. 25 июня Милли меджлис начал процедуру импичмента президента А. Эльчибея и 1 сентября 1993 г. по результатам проведенного в конце августа референдума (97,5% принявших в нем участие высказались против А. Эльчибея) отстранил его от власти. Своим указом от 1 июля 1993 г. Г. Алиев назначил С. Гусейнова премьер-министром и верховным главнокомандующим, заручившись тем самым поддержкой последнего и сумев остановить антиправительственный мятеж. 3 октября 1993 г. Г. Алиев был избран президентом Азербайджана, получив на выборах свыше 98% голосов избирателей (кандидаты от оппозиции бойкотировали выборы, объявив их антиконституционными).

Г. Алиеву удалось консолидировать изрядно расшатанную власть, повысить ее управляемость, остановить распад страны и подавить попытки государственных переворотов (в начале октября 1994 г., 13–14 марта 1995 г., в январе 1997 г. и январе 1998 г.). Уничтожена была представлявшая угрозу новым властям военная оппозиция. Сурет Гусейнов, хотя и бежал из страны, был затем выдан Москвой и приговорен азербайджанским судом к пожизненному заключению (вышел на свободу после подписания президентом Ильхамом Алиевым 17 марта 2004 г. указа о его помиловании). Деятельность НФА, обвиненного в причастности к беспорядкам, была временно приостановлена.

12 ноября 1995 г. одновременно с выборами в Милли меджлис в Азербайджане прошел референдум по новой конституции. Большинство голосов (91,9%) конституция была одобрена, и страна стала официально именоваться Азербай-

джанской Республикой — «демократической, правовой, светской, унитарной». Государственная власть стала организовываться на основе принципа разделения властей: высший законодательный орган — однопалатный парламент (Милли меджлис); исполнительную власть олицетворял президент, судебную — суды различной компетенции.

На прошедших 11 октября 1998 г. президентских выборах Г. Алиеву удалось подтвердить свой статус, несмотря на сообщения о многочисленных нарушениях, допущенных в ходе голосования. На парламентских выборах 5 ноября 2000 г. — еще более недемократичных, по мнению независимых наблюдателей, нежели все предшествующие — победу, как и раньше, одержала проправительственная ПНА.

Между тем власти постарались придать Азербайджану имидж правового демократического государства. Так, в 1997 г. азербайджанский президент подписал мораторий на исполнение смертной казни. Следствием ряда «косметических» мер стало принятие Азербайджана в январе 2001 г. в Совет Европы. Тем не менее формировавшаяся в Азербайджане весьма специфичная модель государственного устройства напоминала скорее «третьемирские» образцы, нежели западные демократии.

Власть здесь добилась преимуществ в виде контроля над природными ресурсами — нефтяными и газовыми, что облегчило ей выстраивание абсолютной президентской вертикали. Партии власти — «Ени Азербайджан» — удалось занять большинство мест в парламенте и в основном укомплектовать из своих членов кадровый состав властных структур и управленческого аппарата. Не забыла правящая элита и о своих региональных корнях, предоставив выходящим из родственных кланов значительные политические, экономические и финансовые преференции.

В первую половину 1990-х годов Азербайджан испытал серьезные экономические трудности, вызванные переходом от централизованной плановой экономической системы к рыночной. К тому же экономические реформы были начаты в Азербайджане намного позже, чем в России и других бывших советских республиках, да и протекали они замедленными темпами. Переломным в ходе экономических реформ, проводившихся в Азербайджане, стал 1997 год, когда была начата «большая приватизация». В 1998 г. была приватизирована металлургическая, химическая промышленность, телекоммуникации. В начале 2000 г. большая часть мелкого бизнеса перешла в частные руки. В соответствии с принятыми в 1995–1996 гг. законами о проведении аграрной реформы в частную собственность были переданы земли и имущество совхозов и колхозов. К началу 2000 г. было приватизировано 85% предусмотренного для этого земельного фонда.

С 1997 г. в Азербайджане наблюдаются тенденции к установлению макроэкономической стабильности, прекращению спада в экономике. Относительно прочной по отношению к доллару становилась введенная в августе 1992 г. национальная валюта — *манат*. Все это стало возможным благодаря тому, что ставка в Азербайджане была сделана на нефтедобывающую отрасль, где государство создало режим наибольшего благоприятствования для западных инвесторов. Вместе с тем уровень жизни основной массы населения оставался низким:

к 2001 г. средний доход в Азербайджане составлял от 50 до 100 долл. Деньги зарабатывались либо за счет торговли, либо за пределами республики: там обосновалось около 3 млн. человек. Остались нетронутыми и «болевые точки» азербайджанской экономики: коррупция, «теневой» рынок, инфляция, неразвитость рынка труда.

Серьезной трансформации подвергся внешнеполитический курс Азербайджана, став более сбалансированным. Были нормализованы отношения с Россией и диверсифицированы контакты с другими государствами. 2–4 июля 1997 г. состоялся первый официальный визит президента Г.А. Алиева в Российскую Федерацию. Важным его результатом явилось подписание 3 июля Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. Азербайджанско-российскому сближению во второй половине 1990-х годов в значительной мере помогли обещания Г. Алиева поддержать борьбу России с терроризмом на Северном Кавказе и содействовать укреплению государственной границы с Россией. Во время визита президента РФ В.В. Путина в Баку в январе 2001 г. удалось достичь компромисса по вопросу правового статуса Каспия и ряда других проблем. Но Азербайджан, в отличие от двух других закавказских республик, не допустил создания на своей территории военных баз России.

В 1993 г. Азербайджан, воздерживавшийся с октября 1992 г. от участия в структурах СНГ, официально присоединился к Содружеству. 24 сентября 1993 г., невзирая на протесты НФА и ряда других оппозиционных партий, Милли меджлис ратифицировал алма-атинскую Декларацию об образовании СНГ, а 29 сентября — ташкентский Договор о коллективной безопасности (ДКБ) СНГ. Впрочем, в феврале 1999 г. Азербайджан не стал продлевать участия в ДКБ на очередной пятилетний срок, объяснив этот свой шаг неэффективностью ДКБ в решении карабахской проблемы и своим недовольством поставками российского вооружения Армении.

Одновременно Азербайджан неуклонно наращивал политические и военные контакты с Западом. В мае 1994 г. республика присоединилась к программе военного сотрудничества НАТО «Партнерство во имя мира», не скрывая своего намерения вступить в будущем в Североатлантический альянс. В 1997 г. в Страсбурге на саммите глав государств и правительств Совета Европы Азербайджан вместе с рядом государств СНГ основал группу ГУАМ (по заглавным буквам названий государств-членов — Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии; после присоединения к ГУАМ 25 апреля 1999 г. Узбекистана организация стала называться ГУУАМ). Хотя участники этого объединения поставили своей главной целью сохранение влияния на рынках энергоресурсов, в их публичных выступлениях нередко присутствовала и антироссийская риторика. Азербайджаном, кроме того, был взят курс на долгосрочное экономическое и стратегическое партнерство с США и Великобританией.

Приоритетными остались отношения с Турцией. С 1991 по 1999 г. между обоими государствами было подписано более 100 двусторонних соглашений о сотрудничестве в экономической и торговой областях, в сфере образования,

здравоохранения, спорта, науки и культуры. Как член НАТО и союзница США, Турция способствовала вовлечению Азербайджана в орбиту интересов Североатлантического блока, на поддержку которого в Баку возлагают надежды в случае гипотетических кризисов на Каспии или в районе прохождения нефтепроводов. Правящая азербайджанская элита надеется, что сотрудничество с Турцией, где выпестованная еще со времени Кемаля Ататюрка военная каста выполняет роль гаранта светского характера государства и препятствует подъему исламского радикализма, может оказать сдерживающее влияние на потенциальный рост фундаменталистских настроений в азербайджанском обществе.

Большими сложностями были отмечены азербайджано-иранские отношения. Иран настороженно относился к звучавшим с конца 1980-х годов призывам некоторых азербайджанских политиков к объединению Северного и Южного (Иранского) Азербайджана. Вызывала раздражение Тегерана деятельность на территории Азербайджана (правда, неофициальная) так называемого Национально-освободительного движения Южного Азербайджана, выступавшего с ирредентистских позиций. Омрачены азербайджано-иранские отношения и разногласиями по вопросу статуса Каспийского моря и принадлежности его нефтяных месторождений. Иранские политики считают также, что Азербайджан совершает «историческую ошибку», допуская США в Каспийский регион. Крайне негативно относится Иран и к сближению Азербайджана с Израилем.

Благодаря умело разыгранной азербайджанскими властями нефтяной карте рейтинг и геополитическая значимость республики на международной арене резко выросли, и западные инвесторы стали проявлять нескрываемый интерес к энергетическим ресурсам, расположенным в азербайджанском секторе Каспия. Весной 1994 г. в Стамбуле они пришли к консенсусу относительно предпочтительности турецкого маршрута (Баку–Тбилиси–Джейхан) доставки нефти в Европу. Позже, на саммите ОБСЕ в Стамбуле осенью 1999 г., был подписан пакет соглашений о реализации проекта прокладки этого, как его стали называть, основного экспортного трубопровода. Полноценное участие международного капитала в освоении нефтяного и, позже, газового потенциала Азербайджана началось после подписания 20 сентября 1994 г. «контракта века» и учреждения Азербайджанской международной операционной компании (АМОК): она получила право в течение предусмотренных контрактом 30 лет проводить разведку и добычу нефтяных ресурсов Азербайджана. Азербайджан стал также ключевым игроком в многосторонней борьбе, развернувшейся в регионе, за географические маршруты, по которым предполагается перекачивать нефть.

И все же за широковегательными рассуждениями о привлекательности азербайджанской экономики для иностранных инвесторов, да и за самим объемом прямых иностранных вложений в республику лежат очень опасные для будущего Азербайджана тенденции: сырьевая ориентация экономики (в чем заинтересован иностранный капитал) и превращение государства в сырьевой придаток развитых стран. Это означает возрастание зависимости Азербайджана, подавление многих видов производства и промышленного капитала в целом. Что касается внутривнутриполитического и экономического климата в этом государстве, то деструктивное

воздействие на него, равно как и на региональную обстановку в целом, продолжал на всем протяжении 1990-х годов оказывать неразрешенный карабахский конфликт.

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

С конца 1980-х годов взятые на вооружение интеллигенцией и общественно-политическими объединениями Армении идеи национального самоопределения оказали влияние на настроения армянской общины Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), находившейся в составе Азербайджанской ССР. 20 февраля 1988 г. областной Совет народных депутатов обратился к Верховным Советам СССР, Армянской ССР и Азербайджанской ССР с просьбой санкционировать выход НКАО из Азербайджана и воссоединить ее с Арменией. Верховный Совет Армянской ССР своим решением от 15 июня 1988 г. дал согласие на вхождение НКАО в состав своей республики и принял 1 декабря 1989 г. совместно с областным Советом НКАО постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха». Эти политические решения спровоцировали в 1988–1990 гг. межнациональные столкновения и погромы на национальной почве в обеих республиках, изгнание и массовый отъезд азербайджанцев (200 тыс.) из Армении и армян (а также русских, евреев и других «нетитульных» наций) из Азербайджана.

Азербайджан попытался военным путем вернуть НКАО под свою юрисдикцию. В апреле–августе 1991 г. силами внутренних войск СССР, частей Советской Армии и азербайджанского МВД была проведена операция «Кольцо», в ходе которой из ряда районов республики было депортировано армянское население. В НКАО тем временем создавались органы местного самоуправления и вооруженные отряды ополченцев, поддержанные Арменией. 2 сентября 1991 г. областной Совет НКАО и райсовет Шаумяновского района объявили об образовании Нагорно-Карабахской Республики (НКР) в границах бывшей НКАО и Шаумяновского района. 10 декабря 1991 г. был проведен референдум по вопросу о независимом государственном статусе НКР. Вслед за этим 28 декабря 1991 г. последовали выборы в местный парламент.

С конца 1991 г. акции партизанского характера в НКАО постепенно переросли в полномасштабную войну, к которой азербайджанская сторона оказалась не готова. Зимой 1992 г. вооруженные формирования карабахских армян сумели добиться преимуществ и овладеть практически всей территорией автономии. В мае 1992 г. они установили контроль над Лачинским «коридором», соединявшим НКАО с Арменией, а также над стратегически значимым городом Шуша. Армяно-карабахским силам удалось захватить большую часть прилегающих к НКАО азербайджанских районов (Агдамский, Джебраильский, Зангеланский, Кельбаджарский, Кубатлинский, Лачинский, Физулинский), превратив их в так называемую зону безопасности.

По данным Генеральной прокуратуры СССР, а затем России, с 1988 по май 1992 г. в НКАО и пограничных армянских селах было убито 388 и депортирова-

но 302 тыс. армян. А по официальной азербайджанской статистике, в результате конфликта погибло примерно 10 тыс. азербайджанцев. По данным Госкомстата Азербайджана, в 1998 г. в стране было зарегистрировано 233 тыс. беженцев из Армении и 604 тыс. вынужденных переселенцев. В это число были включены и турки-месхетинцы, бежавшие в Азербайджан из Узбекистана в результате происшедшего там в 1989 г. конфликта на этнической почве. В свою очередь, в Армению в 1988–1992 гг. из Азербайджана переместилось 360 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев. Ни тех, ни других так и не удалось возвратить в места их довоенного проживания в Азербайджане и Армении.

5 мая 1994 г. при посредничестве России, Киргизии и Межпарламентской ассамблеи СНГ в столице Киргизии Бишкеке министры обороны Армении и Азербайджана, а также представитель Нагорного Карабаха подписали протокол, на основании которого 12 мая была достигнута договоренность о прекращении огня. Она вступила в силу 27 июля.

Власти НКР стремятся доказать, что «народ Карабаха» ведет национально-освободительную борьбу и потому самопровозглашенная республика должна быть признана воюющей стороной. Тем самым выдвигаются претензии на прямое участие представителей НКР в переговорах по урегулированию конфликта. Официальный Баку трактует нагорно-карабахский конфликт не как борьбу карабахских армян за самоопределение, а как агрессию Армении и захват ею чужих земель с вытекающими отсюда международно-правовыми последствиями. Стержень позиции Армении — вопрос о безопасности армянского населения Нагорного Карабаха и такое решение карабахской проблемы, которое было бы приемлемо для НКР. Официально не признавая Нагорно-Карабахскую Республику, армянская сторона поддерживает тем не менее право НКР на самоопределение. Вместе с тем объективно Армения заинтересована в установлении мира с Азербайджаном: во-первых, это позволило бы ей наладить нормальные взаимоотношения с соседями и мировым сообществом; во-вторых, дало бы возможность подключиться к выгодным экономическим проектам, связанным, в частности, с транспортировкой каспийской нефти.

На протяжении 1990-х годов карабахский конфликт находился в центре внимания мирового сообщества. Как только в январе 1992 г. Азербайджан и Армения стали членами СБСЕ (с декабря 1994 г. — ОБСЕ), эта организация начала направлять свои миссии в зону карабахского конфликта. В марте 1992 г. Комитет старейшин должностных лиц СБСЕ учредил для наблюдения за ситуацией в Карабахе Минскую группу (МГ), в рамках которой велись политические переговоры по урегулированию конфликта при участии трех его сторон и посредничавшей в конфликте России. В 1994 г. в МГ был сформирован институт двойного (Россия–Франция), а в 1996 — тройного (Россия–Франция–США) сопредседательства.

Поскольку деятельность посредников МГ ОБСЕ, занятых разработкой соглашения по урегулированию конфликта, не достигла ощутимого успеха, родилась идея конфиденциальных встреч президентов Азербайджана и Армении. США нередко выступали инициаторами таких встреч: в 1999 г. на апрельском саммите

НАТО в Вашингтоне, в ноябре 1999 г. на Стамбульском саммите ОБСЕ, весной 2000 г. в Давосе, в декабре того же года на нахичеванском участке армяно-азербайджанской границы, весной 2001 г. — в Ки-Уэсте (США, Флорида). Эти встречи, призванные сблизить позиции сторон, не привели к каким-либо видимым результатам в плане урегулирования или разрешения конфликта. Да и сам переговорный процесс фактически торпедировался. Противоречия между конфликтующими сторонами — относительно статуса Нагорного Карабаха, захваченных армяно-карабахскими войсками азербайджанских территорий, беженцев и пр. — оставались неразрешенными, что оставляло слабую надежду на мирный исход конфликта.

АРМЕНИЯ

Путь Армении к независимости лишь в незначительной мере был инициирован идеологией — «борьбой с империей», «советской оккупацией» и пр. Наиболее значимым в Армении изначально стал вопрос присоединения Карабаха. Само же карабахское движение трансформировалось в движение за независимость Армении лишь после того, как здесь осознали невозможность решить карабахскую проблему в рамках Союза.

Смена политических элит произошла в Армении до распада СССР: к управлению государством пришли лидеры национально-освободительного движения — главным образом выходцы из среды научно-творческой интеллигенции. На прошедших в мае 1990 г. первых многопартийных выборах Верховного Совета тогда еще Армянской ССР большинство депутатских мест завоевали выдвиженцы Армянского общенационального движения (АОД), возглавлявшегося Левоном Тер-Петросяном, который и был избран 4 августа председателем ВС.

23 августа 1990 г. Армянская ССР провозгласила суверенитет и стала называться Республикой Армения (РА). Она не приняла участия в общесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. об отношении к сохранению Советского Союза и провела 21 сентября собственное всенародное голосование по этому вопросу. По его итогам за выход из состава СССР высказались 95% принявших участие в опросе жителей республики. 23 сентября 1991 г. Верховный Совет РА провозгласил ее независимость. Президентом в результате проведенных 16 октября выборов стал Л. Тер-Петросян. Таким образом, в Армении процесс оформления независимости прошел относительно гладко. В значительной мере это стало возможным благодаря относительной этнической однородности армянского общества: по всесоюзной переписи 1989 г., армяне составляли 93,3% почти трехмиллионного населения республики при том, что с конца 1980-х годов республику покинули почти полностью азербайджанцы, курды, русские (они, по переписи 1989 г., составляли соответственно 2,6%; 1,7; 1,5% населения).

Став независимой, Армения сразу же четко продемонстрировала свои внешнеполитические приоритеты. Она была в числе государств-основателей СНГ. Одновременно республика стала добиваться вступления в СБСЕ, к которому и присоединилась в феврале 1992 г. С октября 1994 г. Армения — участница программы НАТО «Партнерство во имя мира».

Л. Тер-Петросян признавал, что продолжать педалировать идею воссоединения с Карабахом — значит подтолкнуть Армению к войне с Азербайджаном, окончательно ухудшить отношения с Турцией, привести республику к еще большей международной изоляции. 18 февраля 1992 г. в Армении на официальном уровне было заявлено, что решение Верховного Совета от 15 июня 1988 г. о согласии на вхождение НКАО в состав Армянской ССР больше не действует и Армения намерена руководствоваться в отношениях с самопровозглашенной республикой нормами международного права.

Зимой и весной 1992 г. оппозиция организовывала митинги с требованиями изменить политику в отношении Карабаха. Звучали и призывы к отставке президента и правительства. На волне таких настроений в июне 1992 г. был создан блок оппозиционных партий — Национальный альянс во главе с бывшим соратником Л. Тер-Петросяна и одним из лидеров «исторического» АОД Вазгеном Манукяном. Последний в 1992 г. перешел в оппозицию и возглавил Национально-демократический союз (НДС), занявший радикальные позиции по карабахской проблеме и выступивший за всемерное расширение помощи самопровозглашенной республике. Летом 1992 г., когда азербайджанцам удалось переломить в свою пользу ситуацию на карабахском фронте, Л. Тер-Петросян назначил своего главного оппонента В. Манукяна министром обороны, показав себя тем самым гибким и дальновидным политиком. В июне 1993 г., когда на карабахском фронте удача сопутствовала вооруженным силам НКР, добившимся впечатляющих побед, В. Манукян был освобожден от своей должности и активно включился в оппозиционное Л. Тер-Петросяну движение. Карабахская проблема не была уже к тому времени столь актуальной. Первоочередными стали задачи выживания, поскольку ситуация в республике была катастрофической.

Последствия распада СССР ударили по Армении сильнее, чем по другим союзным республикам. Не располагавшая собственными запасами нефти, газа, другими естественными ресурсами, Армения жила во времена существования СССР исключительно за счет внешних поставок. Почти 70% производимой тогда Арменией промышленной продукции вывозилось за ее пределы. Огромный ущерб республике был нанесен землетрясением 1988 г. За этим последовал затяжной энергетический кризис: он был вызван затруднениями в поставках энергоносителей извне, остановкой с 1989 г. Мецаморской АЭС, а также политической нестабильностью в соседней Грузии, откуда поступала часть электроэнергии. Прекращение прямого железнодорожного сообщения с Россией вследствие абхазского конфликта усугубило беды и привело к экономическому обвалу в Армении. Огромный экономический ущерб нанесла Армении блокада, организованная с сентября 1989 г. Азербайджаном и поддержанная затем Турцией: до того 90% товаров ввозилось в Армению из других советских республик именно через Азербайджан.

Поддержка карабахских армян также дорого обходилась РА. По неофициальным данным, до мая 1994 г. на это уходило 30–50% бюджета Армении; в 2000 г. на Нагорный Карабах тратилась по меньшей мере половина бюджетных ассигнований (25 млн. долл.). Дополнительным бременем на экономику Армении легли беженцы из Азербайджана и Нагорного Карабаха.

К 1994 г. в республике встало производство, произошло резкое снижение ВВП. Население, практически лишенное продовольствия, было поставлено, по существу, на грань вымирания. Выживали только благодаря международным благотворительным фондам и помощи от родственников из-за границы.

Все эти факторы создали основу для острого социального недовольства, которым сумели воспользоваться оппозиционные силы. С июля и до глубокой осени 1994 г. в Ереване шли многотысячные митинги. Однако Л. Тер-Петросяну удалось одновременно с укреплением правоохранительных органов сформировать проправительственный блок «Республика» в составе поддержавшего армянского президента ответвления АОД и ряда партий: «Гнчак», Христианско-демократической, Республиканской, Либерально-демократической и др. В противовес этому блоку оппозиция образовала из манукяновского НДС, «Дашнакцугюн», Демократической партии, Союза конституционного права и пр. объединение Союз национального согласия, который выступил главным критиком режима Л. Тер-Петросяна.

Тем не менее на прошедших 5 июля 1995 г. парламентских выборах оппозиция проиграла: пропрезидентский блок «Республика» обеспечил себе в Национальном собрании (так стал называться Верховный Совет после своего переименования в марте 1995 г.) абсолютное большинство. Одновременно с выборами был проведен референдум по новой конституции, получившей одобрение 68% электората. Конституция провозглашала Армению «суверенным, демократическим, социальным, правовым государством». Она наделяла широкими полномочиями президента — «гаранта независимости, территориальной целостности и безопасности республики». Законодательная власть делегировалась Национальному собранию, судебная — судам различной компетенции.

22 сентября 1996 г. состоялись президентские выборы, на которых с незначительным перевесом голосов (51,8%) победил Л. Тер-Петросян. После напряженного политического противостояния с оппозицией 20 марта 1997 г. президент назначил премьер-министром Роберта Кочаряна, возглавлявшего с 1992 г. правительство НКР, а с 1994 г. являвшегося председателем Комитета обороны и президентом Нагорного Карабаха. Одновременно с попытками укрепить режим и противодействовать растущему наступлению оппозиции в высших эшелонах власти республики начался процесс, получивший название «карабахизация Армении»: отток кадров из НКР на самые высокие государственные посты в Армении; коррекция ее государственной политики в сторону усиления приоритетности отношений с Россией; возрастание настороженного отношения к Западу, что также было свойственно настроениям карабахской элиты.

Особое неприятие выходцев из Нагорного Карабаха вызвало одобрение армянским президентом осенью 1997 г. плана сопредседателей Минской группы ОБСЕ о поэтапном урегулировании конфликта. Л. Тер-Петросян был обвинен в «пораженчестве» и под давлением своих бывших сторонников из АОД, полагавших, что проблему Нагорного Карабаха следует решать иным, более радикальным путем, вынужден был объявить 3 февраля 1998 г. о своей отставке. Обязанности президента Национальное собрание возложило на Р. Кочаряна. 30 марта 1998 г. он был избран президентом.

Парламентские выборы в мае 1999 г. привели к власти новую политическую силу — блок «Единство», сформировавшийся вокруг Республиканской партии Армении, возглавлявшейся Кареном Демирчаном, который был избран председателем Национального собрания. Вместе с назначенным в марте премьер-министром Вагеном Саркисяном он резко критиковал оказавшегося в политической изоляции президента, усилив таким образом блок его оппонентов. Расстрел 27 октября 1999 г. парламента «террористами» — именно так их поименовал официальный Ереван — и гибель в результате этого Саркисяна, Демирчана и ряда других депутатов обескровили на время оппозицию, и президенту удалось взять инициативу в свои руки.

Несмотря на то что в формировавшейся в Армении государственно-политической системе были заметны некоторые признаки авторитаризма, она в большей степени, нежели в Азербайджане, продвинулась в направлении демократизации. Здесь так и не было создано какого-либо общепризнанного и единственного центра власти, президент Армении — не столь всемогущая фигура, а оппозиция обладает большей самостоятельностью.

Начиная с середины 1990-х годов экономическая ситуация в Армении стала постепенно выправляться. В 1995 г. возобновила работу Мецаморская АЭС, благодаря чему частично решилась энергетическая проблема. Был дан старт радикальным экономическим реформам. Они включали в себя либерализацию цен, стабилизацию введенной с 22 ноября 1993 г. национальной валюты (*драм*), сокращение бюджетного дефицита, широкое развертывание приватизационного процесса, передачу земли в частную собственность и совершенствование системы налогообложения. Эти меры привели к росту ВВП в Армении. Тем не менее к концу 1990-х годов преодолеть кризис в разбалансированной экономике Армении не удалось, что продолжало сказываться на положении рядовых граждан.

Резкое падение жизненного уровня населения, отсутствие работы и перспективы привели к тому, что из республики эмигрировало за десятилетие независимости, по неофициальным данным, около миллиона человек (почти треть населения), из которых 90% осели в России.

Отношения с Россией по-прежнему оставались приоритетными в политике независимой Армении. Еще в 1991 г. с Россией был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности, который был обновлен 29 августа 1997 г. и стал называться Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопонимании. В его рамках Армения и Россия обязывались оказывать друг другу помощь в случае вооруженной агрессии со стороны третьего государства. Был подписан договор между российским Газпромом и энергетиками РА о создании «АрмРосгазпрома», который стал заниматься поставками в Армению природного газа и его транзитом через армянскую территорию в Турцию и другие страны. Все эти договоренности заложили основу для конструктивного взаимодействия и сотрудничества между Арменией и Россией.

Укрепился и военно-политический российско-армянский союз. 21 октября 1994 г. Б. Ельцин и Л. Тер-Петросян заключили договор о военных базах в Гюмри и Ереване. Подписанный в Москве 16 марта 1995 г. и ратифицированный

спустя два года, в апреле 1997 г., Государственной думой РФ и Национальным собранием РА Договор о российской военной базе в Армении (Гюмри) подтвердил размещение там на 25-летний период 102-й военной базы Министерства обороны РФ. Кроме того, Ереван и Москва создали совместную систему ПВО и договорились о формировании коалиционных сил самообороны. Была создана группа «Армения» Федеральной погранслужбы РФ, которая обеспечивала охрану внешних границ республики с Ираном и Турцией. В марте 2000 г. был подписан российско-армянский протокол о безвозмездной передаче на 25 лет недвижимого имущества и земельных участков, на которых дислоцируется 102-я российская военная база. Россия же получала возможность благодаря военному присутствию в Армении влиять на политическую обстановку в этой стране и на многие политические процессы на Кавказе.

Хотя Армения проигрывает из-за отсутствия стратегического сырья (углеводородов) и крайне сложного геополитического положения, потенциально она способна стать привлекательным объектом для западных инвесторов, принимая во внимание, что республика продвинулась по пути рыночных преобразований дальше других в Закавказье. Относительная внутривнутриполитическая стабильность — еще один фактор в пользу вложений в эту страну иностранного капитала. Немаловажное значение имеет и активность армянского лобби, особенно влиятельного в США и во Франции. Между тем на активность Запада и его капитала в Армении огромное воздействие оказывает политический фактор: не всех устраивают позиция Еревана в карабахском конфликте, пророссийский крен в армянской политике, добрососедские отношения с Ираном, сохраняющаяся напряженность с Турцией.

Изолированность Армении, ее тяжелое экономическое положение, вызванное блокадой и войной, сделали жизненно важной для ее экономики помощь со стороны международных финансовых институтов. Наряду с попытками развивать сотрудничество с Западом Армения не оставляет без внимания своих южных соседей, особенно Иран. С ним Армения в новейшей истории не имела серьезных разногласий, и Иран оставался ее крупнейшим внешнеторговым партнером.

Отношения Армении с Турцией омрачает вопрос о геноциде 1915 г.: Армения требует от Турции признания своей вины за эту историческую катастрофу армянского народа. Препятствие для нормального армяно-турецкого взаимодействия создает и спор о межгосударственных границах. В независимой Армении «Дашнакцутюн» и целый ряд других партий и движений выступают (не всегда в конкретной и категоричной форме) за пересмотр установленных Московским договором 1921 г. границ и за возвращение Армении входящих в состав Турции восточных территорий, которые в этой закавказской республике считаются историческими армянскими землями.

В начале 1990-х годов некоммунистические власти Армении предприняли ряд осторожных попыток нормализовать отношения с Турцией. В апреле 1991 и в августе 1992 г. в Ереване турецкие делегации обсуждали с армянской стороной территориальные разногласия и возможности их преодоления, а также и вопрос об установлении дипломатических отношений. Но военные действия в Нагорном

Карабахе перечеркнули даже те незначительные сдвиги, которые были достигнуты в ходе армяно-турецких межгосударственных контактов.

В 1992 г., как только появились сообщения о нападениях армянских подразделений на Нахичевань, Турция заявила о своей готовности защитить этот азербайджанский анклав и высказалась в пользу неизменности не только турецко-армянских, но и азербайджано-армянских границ. В 1993 г. Турция в знак поддержки Азербайджана заблокировала воздушный коридор, связывающий Армению с внешним миром, и установила против нее экономическую блокаду, что повлекло за собой определенные трудности в получении Турцией американской экономической и военной помощи. Возможно, поэтому в апреле 1995 г. Турция открыла воздушный коридор между Эрзерумом и Ереваном, а также разрешила использовать свое воздушное пространство для доставки в Армению гуманитарных грузов. Но экономические и торговые связи между обеими странами остаются неразвитыми, дипломатические отношения не установлены и до нормализации их и достижения доверия все еще далеко.

Для Армении, страны со слабым внутренним рынком, интеграция в региональную экономику является насущной необходимостью. Армения могла бы таким образом воссоздать свою историческую экономическую функцию — стать мостом между Анаголией, Кавказом и Ираном, а установившийся в Карабахе мир мог бы привлечь в эту страну иностранные инвестиции. Это означает, что решение карабахского конфликта — ключ к выходу Армении из затянувшейся изоляции и кризиса.

ГРУЗИЯ

Стимулированные перестройкой изменения в общественной жизни СССР вывели на авансцену грузинской политики антикоммунистические националистические силы. Они выдвинули лозунги борьбы за выход Грузии из состава Советского Союза и за восстановление ее государственной независимости. Ее обретение трактовалось многими в Грузии как возвращение к недолгому периоду государственной самостоятельности — периоду, получившему в официальной историографии современной Грузии наименование Первая республика. Речь шла о Демократической Республике Грузия (ДРГ), просуществовавшей с 26 мая 1918 до 25 февраля 1921 г., т.е. до того дня, когда Тифлис (Тбилиси) пал под ударами устанавливавшей советскую власть 9-й Красной Армии.

Грузия одна из первых в Советском Союзе провела 28 октября 1990 г. свободные выборы в Верховный Совет на многопартийной основе. Победу в них одержал созданный в апреле блок «Круглый стол — Свободная Грузия», который возглавил Звиад Гамсахурдиа — диссидент и узник совести при советской власти. Победа «Круглого стола» явилась точкой отсчета возникновения Второй республики, считавшей себя продолжательницей исторической ДРГ и завершившей свое существование в 1992 г.

Вместо инициированного Москвой 17 марта 1991 г. всесоюзного референдума по вопросу о сохранении СССР Грузия провела 31 марта собственный опрос

о восстановлении государственной независимости и о выходе из состава СССР, за что высказалось большинство граждан республики. В Южной Осетии и Абхазии общегрузинский референдум бойкотировали, а всесоюзный провели, и жители автономий проголосовали в основном за сохранение Союза. 9 апреля 1991 г. Верховный Совет Грузии принял «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии».

В соответствии с принятым Верховным Советом Грузии решением об учреждении поста президента, 26 мая 1991 г. в республике прошли президентские выборы, победителем на которых стал, как и ожидалось, З. Гамсахурдиа.

В Грузии стал развиваться авторитарный режим с националистическим уклоном. Недоверие к оппонентам, патернализм, цензура, персонализация политики, коррупция и бюрократизация — вот то, что характеризовало политическую атмосферу Грузии времен Второй республики. Усиленно насаждалась идея унитарного, моноэтнического государства, проповедовалось превосходство грузинской культуры.

Националистическая риторика Гамсахурдиа и его сподвижников оттолкнула от них многих представителей местной интеллигенции и, естественно, граждан негрузинской национальности. Межэтнические проблемы обострились, фактически отторгнутыми оказались Абхазия, Южная Осетия, Аджария (о конфликтах в Абхазии и Южной Осетии см. ниже). Разгоревшаяся борьба за власть внутри правящей элиты привела к тому, что некоторые влиятельные сторонники Гамсахурдиа (премьер-министр Тенгиз Сигуа и министр обороны Тенгиз Китовани) покинули свои посты. В оппозицию перешел и Джаба Иоселиани, стоявший во главе военизированных отрядов «Мхедриони» («Всадники»). Из Москвы вел собственную игру Эдуард Шеварднадзе, ушедший незадолго до того с должности министра иностранных дел СССР.

С сентября 1991 г. по республике прокатились митинги, организованные оппозицией. Она требовала отставки Гамсахурдиа и обвиняла его в авторитарных методах правления. Верховная власть теряла контроль над процессами, происходившими в стране.

21 декабря 1991 г. оппозиция, которую возглавили Сигуа и Китовани, выставила в центре Тбилиси вокруг президентского дворца танки и военную технику. На следующий день начались вооруженные столкновения. Джаба Иоселиани был освобожден из-под стражи и привел к восставшим верные ему отряды «Мхедриони». В продолжение десяти дней в центре Тбилиси шла по сути гражданская война, в ходе которой перевес попеременно переходил то на сторону засевших в парламентском подвале Гамсахурдиа и его соратников, то на сторону его противников. В ходе войны погибло 107 и ранено 527 человек.

1 января 1992 г. оппозиция создала Военный совет (первоначально он назывался Временный национальный комитет), который объявил 2 января о приостановке деятельности Верховного Совета и правительства Грузии и о смещении З. Гамсахурдиа. Верные президенту боевые подразделения вступили в последние ожесточенные столкновения с Национальной гвардией. Утром 6 января 1992 г. З. Гамсахурдиа бежал из Тбилиси в Чечню.

21 февраля 1992 г. Военный совет принял решение о восстановлении конституции 1921 г. Вместо Военного совета 6 марта 1992 г. был учрежден Государственный совет, первым своим постановлением (10 марта 1992 г.) утвердивший в должности председателя прибывшего в Грузию 7 марта Эдуарда Шеварднадзе. Как полагают многие, Э. Шеварднадзе поддержало российское руководство, которое раздражала чрезмерная независимость З. Гамсахурдиа и его непредсказуемость. 11 октября 1992 г. в Грузии были проведены выборы в парламент, председателем которого стал Э. Шеварднадзе.

Вернувшийся на свою родину, в Мингрелию (Восточная Грузия), З. Гамсахурдиа попытался развернуть там с весны 1992 г. антиправительственное движение своих сторонников — звиадистов. Они, действуя осенью 1993 г. синхронно с абхазами, подняли на территории Мингрелии восстание, которое было подавлено с российской помощью 20 октября. В благодарность Э. Шеварднадзе дал согласие на вступление Грузии в СНГ. 30–31 октября 1993 г. звиадисты были разгромлены, а для самого З. Гамсахурдиа все закончилось трагически: согласно официальной грузинской версии, первый президент независимой Грузии покончил с собой в селе Джикаскари 31 декабря 1993 г.

Э. Шеварднадзе между тем постарался укрепить свою власть. С целью легитимации власти он активизировал процесс партийного строительства. 21 ноября 1993 г. был создан Союз граждан Грузии, который превратился в своего рода партию власти: ее представители преобладали в парламенте. Сформировавшаяся в Грузии политическая система была основана на семейных, клановых, кровнородственных связях, что было весьма далеко от западной модели демократии. Этот недостаток традиционно покрывался в Грузии существованием основ гражданского общества и относительно свободных средств массовой информации.

24 августа 1995 г. была принята конституция Грузии, проект которой готовился с 1992 г. специально назначенной для этого комиссией. Новая конституция наделяла большими полномочиями президента (глава государства, исполнительной власти, верховный главнокомандующий), избираемого на пятилетний срок прямым, тайным и всеобщим голосованием. Предусмотрела она создание грузинского парламента (Сакартвелос парламенти). Конституция между тем оставляла открытым вопрос о территориально-государственном устройстве Грузии: пункт 2 ст. 2 откладывал его решение «до восстановления юрисдикции Грузии на всей территории страны».

5 ноября 1995 г. в Грузии прошли президентские и парламентские выборы. На них президентом был избран Э. Шеварднадзе, а его партия, Союз граждан Грузии, добилась большинства мест в парламенте. На очередных президентских выборах 9 апреля 2000 г. Э. Шеварднадзе вновь добился победы, хотя и эти и все предыдущие выборы были признаны международными наблюдателями не вполне демократичными. Э. Шеварднадзе избежал нескольких покушений (29 августа 1995 г., 9 февраля 1998 г., в мае 1999 г.).

Экономический кризис, испорченные отношения с Россией, дефицит электроэнергии, массовый отток населения за пределы республики и многое другое при-

вели к ослаблению в начале 2000-х годов позиций партии власти — Союза граждан Грузии, которая стала раскалываться. Из ее недр на политическую арену вышли «молодые реформаторы» — бывшие соратники и выдвиженцы Э. Шеварднадзе (З. Жвания, М. Саакашвили, М. Мачавариани и др.). Вспыхивали и спорадические мятежи звиадистов. Осенью 2001 г. внутриполитическая обстановка в Грузии обострилась. Налицо был кризис власти. Однако и на этот раз Э. Шеварднадзе удалось ее удержать.

Особенно же ощутимым и болезненным стал экономический кризис — самый длительный и глубокий по сравнению с другими государствами СНГ. В советские времена Грузию из преимущественно аграрной удалось превратить в индустриальную и урбанизированную республику. С распадом СССР ее промышленные предприятия, дававшие многим работу, встали, равно как и большинство сельскохозяйственных объектов. Хотя в 1993 г. в стране было объявлено о начале проведения экономических реформ, ситуация с тех пор не намного улучшилась, что обусловлено в значительной мере зависимостью Грузии от ввозимых энерго-ресурсов: около 82% энергоносителей обеспечивается за счет импорта. Сами результаты реформ оказались ничтожными. 25 сентября 1995 г. вместо купонов — промежуточного денежного средства, имевшего в Грузии хождение с апреля 1993 г., в стране была введена национальная валюта — *лари*, что, впрочем, не избавило Грузию от галопирующей инфляции.

Существование Грузии всю вторую половину 1990-х годов базировалось в основном на финансовой подпитке США, МВФ и Всемирного банка. Грузия заняла по объему американской помощи в расчете на душу населения второе (после Израиля) место. В период с 1992 по 2000 г. США выделили Грузии около 778 млн. долл. — примерно в пять раз больше, чем соседнему Азербайджану. Однако все эти вложения не дали результата. Де-факто республика стала банкротом. Грузия вышла на пятое место в мире по объему наркоторговли. В гигантских масштабах здесь разрослись преступность и коррупция. Налицо было имущественное расслоение общества. На начало XXI в., по данным Всемирного банка, 54% населения жило за чертой бедности, в стране была 50-процентная безработица, а мизерные пенсии и зарплаты (до 15 долл.) месяцами не выплачивались.

Как и в других закавказских государствах, население Грузии значительно сократилось за счет естественного убывания и из-за резко возросших за годы независимости миграционных процессов. Всего, по свидетельству республиканского Министерства по делам беженцев, с 1995 г. около 900 тыс. грузин, а может быть и миллион, покинули свою страну. По подсчетам российских экспертов, почти $\frac{1}{3}$ населения республики живет за счет средств грузинских граждан, работающих в России либо имеющих там бизнес.

14 июня 2000 г. Грузию приняли во Всемирную торговую организацию. Это было, разумеется, скорее политическое, нежели экономическое решение. По всей вероятности, на Западе вняли уверениям Э. Шеварднадзе, что Грузия — важнейший фактор обеспечения энергобезопасности Европы. Со времени принятия окончательных решений в пользу реализации двух международных энергетических проектов — нефтяного и газового (договор о строительстве газопровода

был подписан в Тбилиси 14 марта 2002 г.) Грузия превратилась в лакомый кусочек не только для компаний Запада, но и для его стратегических структур — назовских в первую очередь. Для них Грузия представляет интерес прежде всего как выгодный стратегический плацдарм: она имеет прямой выход к Черному морю, играет ключевую роль в экспорте каспийских энергоресурсов и является важным звеном транзитного энергетического коридора Восток–Запад.

В рамках «крестообразной» внешнеполитической концепции, которая призвана была уравновешивать отношения Грузии с Западом и Востоком, Севером и Югом, руководству республики длительное время удавалось балансировать между Россией (отношения с ней доходили порой до грани разрыва) и Западом.

Историки считают, что приход Э. Шеварднадзе к власти в Грузии стал возможен в значительной мере благодаря российской поддержке и помощи. Косвенным подтверждением этой версии служит тот факт, что вскоре после разгрома звиадистов в 1993 г. Грузия подписала с Российской Федерацией ряд договоров и соглашений, дававших России широкие экономические и политические преимущества. 3 февраля 1994 г. в Тбилиси вместе с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (он был ратифицирован парламентом Грузии, чего так и не сделала Государственная дума РФ) были подписаны документы, определявшие статус российских военнослужащих в Грузии: Договор о сотрудничестве в военной области и Соглашение о правовом статусе и финансовом обеспечении воинских формирований Вооруженных Сил РФ, находящихся на территории Республики Грузия. Эти соглашения были дополнены подписанным 15 сентября 1995 г. российско-грузинским Договором о размещении российских военных баз на грузинской территории. В соответствии с Договором Россия получила право иметь в Грузии четыре военные базы сроком на 25 лет: в Батуми (Аджария — на грузино-турецкой границе), Гудауте (Абхазия), Вазияни (пригород Тбилиси), Ахалкалаки (район Джикавахетии на грузино-армянской границе). Кроме того, российские пограничники брали на себя охрану грузино-турецкой границы. В Южной Осетии и Кодорском ущелье Абхазии находились подразделения российско-миротворческого контингента.

В дальнейшем, однако, российско-грузинские отношения претерпели серьезную эволюцию: практически не использовались возможности экономического взаимодействия, продолжалось отчуждение в культурной сфере. Ответственность за такое ненормальное развитие событий лежала и на России, для которой в первой половине 1990-х годов отошли на задний план отношения со странами ближнего зарубежья, в том числе и с Грузией.

Но и Грузия, вступив в СНГ и присоединившись к Договору о коллективной безопасности Содружества лишь в марте 1994 г., на всем протяжении своего членства в этих объединениях старалась держаться достаточно обособленно. Взяв курс на сближение с Западом, она постаралась дистанцироваться от России и СНГ, что вызывало раздражение российских политиков и военных и в немалой степени нагнетало напряженность в российско-грузинских отношениях. В целом для России Грузия превратилась в одного из наиболее неудобных, неоднозначных и проблемных партнеров в Закавказье.

Антироссийский крен в грузинской политике стал особенно заметен после 1996 г., когда фактическое военное поражение России в Чечне увенчало Хасавюртское соглашение; затем в России в 1998 г. случился дефолт, а США, западноевропейские государства, НАТО и транснациональные корпорации резко активизировались в Грузии и во всем закавказском регионе. В 1996 г. в Тбилиси был принят Закон об охране границы, согласно которому российские пограничники должны были покинуть Грузию в течение 1997-1998 гг. 3 ноября 1998 г. Россия и Грузия подписали межправительственное соглашение, предусматривающее передачу охраны грузино-турецкой границы грузинским войскам, а в ноябре 1999 г. российские пограничники покинули Грузию. На практике это обернулось ослаблением пограничного контроля.

В рамках начатого с 1999 г. российским военным ведомством реформирования системы своего зарубежного базирования 17 ноября 1999 г. на саммите ОБСЕ в Стамбуле было подписано Совместное соглашение Российской Федерации и Грузии. Оно стало официальным приложением к Договору о сокращении обычных вооружений в Европе. Соглашение установило дату вывода (до 1 июля 2001 г.) российских военных баз из Гудауты и Вазияни. К этому сроку они и были ликвидированы Россией. С тех пор камнем преткновения в российско-грузинских отношениях стали две другие базы России: Грузия торопила вывести их, потому что они являлись препятствием для сближения с НАТО. Россия же, сохраняя в этой закавказской стране свое военное присутствие, надеялась помешать такому сближению.

В апреле 1999 г. Грузия (как и Азербайджан) не пролонгировала свое участие в ДКБ СНГ и заявила о выходе из него. Свое решение официальный Тбилиси мотивировал недовольством пассивностью Москвы в урегулировании абхазского конфликта. Россия же по-прежнему рассматривала ДКБ как своеобразный противовес растущей угрозе вовлечения НАТО в кавказские проблемы.

5 декабря 2000 г. Россия ввела визовый режим для граждан Грузии, упростив затем для жителей Абхазии и Южной Осетии (с весны 2002 г.), Аджарии (с ноября 2003 г.) процедуры получения российских паспортов. Решение России не могло не омрачить ее отношений с Грузией, которая расценила эти действия Москвы как косвенную поддержку сил, подрывающих территориальную целостность грузинского государства.

И все же России и Грузии удалось достичь некоторого позитива в своих отношениях. Не прекращались на протяжении ряда лет переговоры по проекту рамочного Договора об основах отношений между Россией и Грузией. На январском саммите СНГ 2000 г. министры внутренних дел Грузии и России договорились о совместных действиях в борьбе против наркомафии, организованной преступности и терроризма, а также о совместных операциях в районе Панкисского ущелья на чеченском участке российско-грузинской границы.

Между тем Грузия, присоединившись в марте 1994 г. к программе НАТО «Партнерство во имя мира», во второй половине 1990-х годов все больше стала ориентироваться на Запад. В 1997 г. Грузия стала одной из стран учредительниц группы ГУУАМ. 27 апреля 1999 г. республика была принята в Совет Европы.

Став в мае того же года ассоциированным членом Парламентской ассамблеи Совета Европы и неоднократно участвуя в заседаниях Совета Евроатлантического партнерства, Грузия заявляла о твердом намерении вступить в Североатлантический союз.

Особенно дружественные отношения связывают Грузию с Турцией. Этапными вехами на пути укрепления грузино-турецких отношений стали: подписание в январе 1994 г. грузино-турецкого Договора о дружбе и сотрудничестве; открытие 9 апреля 1998 г. нефтепровода Баку–Супса, окончательно определившего прозападный и протурецкий крен грузинской политики; стамбульский саммит ОБСЕ 1999 г., на котором, помимо принятия решения о выводе российских баз с территории Грузии, были подписаны соглашения о нефтяных и газовых проектах, что дало Турции дополнительный импульс для расширения своего политического и военного присутствия в Грузии.

В целом на внешнеполитическом поприще грузинскому руководству удалось достичь определенных успехов. В то же время внутривнутриполитическая ситуация в стране, которую на Западе обычно относили к категории «несостоявшихся государств» (failed states), была очень далека от стабильности. Власть здесь не контролировала государство, суверенитет которого формально был признан остальным миром. Она вынуждена была делить управление республикой с другими правящими группами, господствовавшими на «своих» территориях и присваивавшими там природные богатства и плохо собираемые налоги. Отношения с Аджарией были приближены к ситуации «ни мира, ни войны». Сам лидер Аджарской автономии Аслан Абашидзе и его избирательный блок «Возрождение — Союз граждан» пользовались серьезным влиянием, с которым официальный Тбилиси вынужден был считаться. В районах Сванетии, Западной Грузии, Месхетии, Ахалкалаки, Пашкисского ущелья положение оставалось беспокойным. Там наблюдались дезинтеграционные тенденции. Дестабилизировала обстановку в Грузии и неблагоприятная ситуация в Чечне. Из-за притока оттуда беженцев и свободно перемещавшихся через границу боевиков был нарушен этнический баланс в приграничных районах Грузии, где компактно проживают родственные чеченцам кистины, что оказалось чреватым этнополитическим конфликтом. Но больше всего усугубляли нестабильность «замороженные» конфликты в Южной Осетии и Абхазии, отношения с которыми так и не удалось урегулировать.

КОНФЛИКТ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Этот «этноконфликт» — так официальный Тбилиси трактует свои взаимоотношения с Южной Осетией — начался с попытки Верховного Совета Южно-Осетинской автономной области (ЮОАО) повысить свой статус: 10 ноября 1989 г. им было принято решение преобразовать автономную область в республику (ЮО АССР) в составе Грузии. После отмены этого решения грузинским Верховным Советом 23 ноября 20 тыс. граждан Грузии организовали марш на столицу автономии Цхинвали — «для защиты грузинского населения», как выразился тогда первый секретарь ЦК КП Груз. ССР Г. Гумбаридзе. Во избежание

кровапролития войска МВД СССР не пустили манифестантов в город, но стычек грузин и осетин предотвратить не удалось.

10 августа 1990 г. сессия Совета депутатов автономии приняла декларацию о суверенитете и объявила 20 сентября о «независимости и государственном суверенитете Южно-Осетинской Советской Демократической Республики» в составе СССР. Это решение 11 декабря 1990 г. было отменено грузинским Верховным Советом, а затем, в январе 1991 г., аннулировано и Москвой. В декабре 1991 г. грузинские власти объявили о ликвидации автономии Южной Осетии под тем предлогом, что осетины, сравнительно недавно (лишь с XIX в.) поселившиеся в Грузии, обрели этот статус незаконно — в благодарность за антигрузинскую деятельность и поддержку большевиков во время гражданской войны. З. Гамсахурдиа даже призвал осетин вернуться на родину — в Северную Осетию. Против самопровозглашенной республики была введена блокада, которая продолжалась до июля 1992 г. Начались, кроме того, и военные действия, в результате которых в Северной Осетии оказалось почти 30 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии.

29 мая 1992 г. Верховный Совет Южной Осетии принял Акт о провозглашении независимости Республики Южная Осетия. Одновременно с движением за суверенизацию в ЮО широкое распространение получила идея выхода из Грузии и последующего воссоединения с Северо-Осетинской автономной республикой в составе России, тем более что 6 марта 1993 г. Верховный Совет Республики Северная Осетия принял постановление о признании Республики Южная Осетия.

14 июля 1992 г., в соответствии с подписанным главами России и Грузии Соглашением о принципах мирного урегулирования конфликта в Южной Осетии, в зону грузино-осетинского противостояния были введены смешанные силы по поддержанию мира, состоявшие из российского, грузинского и осетинского батальонов. Миротворческий контингент СНГ стал действенным гарантом невозобновления военных действий в зоне конфликта. Наряду с ним контроль за соблюдением Соглашения начали осуществлять также военные наблюдатели ООН.

16 мая 1996 г. в Москве стороны подписали Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте. Конфликтующие стороны взяли на себя обязательство отказаться от применения силы или угрозы применения силы, от давления друг на друга, от любых противоправных действий. Было решено также урегулировать проблему беженцев, что оказалось не так просто: желающих возвратиться в места прежнего проживания почти не было, а большинству беженцев и вынужденных переселенцев, обосновавшихся в Северной Осетии, удалось получить российское гражданство.

Хотя в Южной Осетии воцарилось относительное спокойствие, политическое урегулирование конфликта здесь достичь не удалось, и идея национального самоопределения сохранила свою притягательность. 10 ноября 1996 г., несмотря на кригику официального Тбилиси, на этой территории прошли президентские выборы. В декабре 1997 г. парламент автономии проголосовал за независимость Южно-Осетинской республики — теперь уже внутри СНГ. А 8 апреля 2001 г. на

референдуме была принята конституция Республики Южная Осетия, первая статья которой гласит: «Республика Южная Осетия является независимым, суверенным, демократическим государством». Официальный Тбилиси расценил принятие конституции как «еще одно проявление сепаратизма и нежелания вести конструктивный диалог по урегулированию грузино-осетинского конфликта».

КОНФЛИКТ В АБХАЗИИ

Его предметом является территория Абхазской автономии, где, по всесоюзной переписи населения 1989 г., абхазы составляли 17% населения, грузины — 47, армяне — 18, русские — 13%. Конфликт зарождался как политико-идеологическое движение, в котором требования равноправия абхазской культуры и языка играли подчиненную роль, а на первый план выдвигалась идея национального самоопределения.

Абхазское руководство во главе с Владиславом Ардзинбой, избранным в декабре 1990 г. председателем Верховного Совета автономии, взяло курс на постепенное закрепление ее самостоятельности. В ответ на решение Тбилиси восстановить конституцию 1921 г. (в ней Абхазия вообще не упоминалась) 23 июля 1992 г. абхазским руководством была введена в действие конституция 1925 г. Она признавала «Социалистическую Советскую Республику Абхазию... суверенным государством», которое «в силу особого договора входит в Социалистическую республику Грузию и через нее в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую республику».

В ночь с 13 на 14 августа 1992 г. по решению Госсовета Грузии в Абхазию были введены отряды Национальной гвардии. Они с боями захватили Сухуми и большую часть автономной республики. В вооруженные столкновения оказались втянутыми российские военные, а также добровольцы из Чечни, Карачаево-Черкессии, других северокавказских автономий. Они действовали под эгидой Конфедерации народов Кавказа, которая провозгласила своей целью восстановление суверенной государственности горских народов Кавказа (Горской республики).

Российское руководство приложило значительные усилия к тому, чтобы прекратить кровопролитие и усадить стороны за стол переговоров. На встрече 3 сентября 1992 г. в Москве грузинской, абхазской и российской делегациями было подписано соглашение о прекращении огня, а также соглашение о «территориальной целостности Республики Грузия». Они, однако, так и не были реализованы. В начале октября 1992 г. абхазские формирования при поддержке северокавказских, главным образом чеченских, добровольцев разгромили грузинскую армию под Гаграми, заблокировали Гудауты и отбили грузинский десант. 16 сентября 1993 г. абхазские силы развернули контрнаступление, которое завершилось взятием 27 сентября 1993 г. абхазскими войсками г. Сухуми. 30 сентября окончательно разгромленный грузинский десант вынужден был покинуть Абхазию, а ее вооруженные подразделения — отступить к р. Ингури, где и остановились.

Боевые действия, на всем протяжении которых конфликтующие стороны выступали с взаимными обвинениями в этнических чистках, привели к массовому исходу мирного населения. В результате в Абхазии коренным образом изменилась демографическая ситуация: абхазы составили теперь большинство населения республики.

4 апреля 1994 г. стороны подписали Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта и 14 мая — соглашение об отправке в зону конфликта сил СНГ. В соответствии с решением Совета глав государств СНГ контингент СНГ, состоявший преимущественно из российских военнослужащих, был размещен 23 июня 1994 г. в «зоне безопасности» на 12-километровой территории по обе стороны реки Ингури — в Гальском районе Абхазии и Зугдидском районе Грузии. Миссия наблюдателей Организации Объединенных Наций в Грузии (ЮНОМИГ), развернутая в зоне конфликта в соответствии с решением Совета Безопасности ООН от 24 августа 1993 г., с 21 июля 1994 г. стала осуществлять мониторинг на линии разъединения грузинских и абхазских сил, контролировать выполнение соглашения о прекращении огня и наблюдать за деятельностью сил по поддержанию мира из СНГ. В 1994 г. для содействия переговорному процессу была учреждена Группа друзей генерального секретаря ООН по Грузии.

В Абхазии был взят тем временем курс на создание самостоятельного государства. 26 ноября 1994 г., вопреки протестам официального Тбилиси, абхазский парламент принял новую конституцию, которая провозгласила Абхазию суверенным государством. Председатель парламента Владислав Ардзинба был назначен президентом. Все эти действия привели к тому, что Грузия приостановила переговоры об урегулировании конфликта.

19 января 1996 г. саммит СНГ в Москве поддержал предложение грузинской делегации о введении против Абхазии экономической блокады до тех пор, пока мятежная республика не признает над собой суверенитет Тбилиси. В России, втянутой в 1994–1996 гг. в войну с собственными сепаратистами в Чечне, считали выгодным поддержать это решение ввиду опасности, исходившей с территорий Грузии и Азербайджана. Российское правительство приняло Постановление от 19 декабря 1994 г. «О мерах по временному ограничению пересечения государственной границы РФ с Азербайджаном и Грузией». Однако экономическая блокада Абхазии пагубно сказалось не только на положении рядовых ее граждан, но и на жителях граничащих с Абхазией российских территорий. К тому же российско-грузинские отношения неуклонно ухудшались всю вторую половину 1990-х годов, и Москва решила выйти из режима экономических санкций против Абхазии. Соответствующее постановление правительства РФ № 1029 было принято 9 сентября 1999 г., что вызвало раздражение официального Тбилиси.

Между тем процесс суверенизации Абхазии не прекращался: 23 ноября 1996 г. в республике прошли выборы в абхазский парламент (Народное собрание). И хотя они были признаны незаконными как официальным Тбилиси, так и поддержавшими его Советом Безопасности ООН и ОБСЕ, в Абхазии не отказались от намерений добиваться отделения от Грузии. Шагом в этом направлении можно

было считать и прошедшие 3 октября 1999 г. президентские выборы, на которых победителем вновь стал В. Ардзинба.

25 мая 1998 г. в Гальском районе Абхазии удалось заключить очередное соглашение о прекращении огня, которое не привело, однако, к окончанию стычек и насилия. В результате действий грузинских экстремистов из так называемого Белого легиона, нападавших на абхазов в Гальском районе, не только беженцы не смогли вернуться, но еще 30–40 тыс. грузин бежало из района. После относительной стабилизации обстановки и особенно в результате принятого абхазскими властями 1 марта 1999 г. решения, позволявшего грузинским беженцам вернуться в родные места, несколько десятков тысяч (по утверждению В. Ардзинбы — более 60 тыс.) беженцев вернулись в Гальский район. Из них более 97% участвовали в октябрьских выборах президента Абхазии.

В начале октября 2001 г. в результате вторжения в Кодорское ущелье Абхазии отряда чеченских боевиков под командованием полевого командира Руслана Геллаева там сложилась взрывоопасная ситуация: грузино-чеченские формирования развернули в Абхазии боевые действия, но были разгромлены и отошли в Панкисское ущелье. Инспирированные боевиками столкновения были направлены на выдавливание из Абхазии российской базы в Гудауте, а заодно и миротворцев, которые начали воевать с чеченцами уже на грузинской земле. Подтверждением этому может служить принятое 11 октября 2001 г. решение парламента Грузии о выводе миротворческих сил СНГ из зоны грузино-абхазского конфликта. Одновременно с этим Э. Шеварднадзе предложил Турции подключиться к миротворческой операции в Абхазии. Подобные действия и заявления официального Тбилиси свидетельствовали как об усилении антироссийской тенденции в его внешнеполитическом курсе, так и о неослабевающей решимости пойти на силовые акции с целью присоединения Абхазии к Грузии.

К началу XXI в. ни Тбилиси, ни Сухуми не смогли проявить политическую волю и положить конец диверсионно-террористической деятельности на территориях, подконтрольных силовым структурам той и другой стороны. Они также не перешли от стадии политической риторики к подлинным переговорам.

* * *

Результаты десятилетнего независимого развития государств Закавказья разочаровывают, ибо обнаруживают глубокий структурный кризис, так и не преодоленный республиками региона со времени развала Советского Союза.

«Демократический транзит» — переход к построению демократического государства — не стал главным содержанием политического развития закавказских государств. Скорее наблюдается их дрейф в сторону тех или иных форм авторитаризма. Власть благодаря сращиванию государственных структур и финансово-го капитала получила новые рычаги влияния на общество — через бюджет, налоги, льготы, привилегии и пр. Но государство, как и прежде, сохранило контроль над обществом, всесторонне подчиняет его себе и препятствует развитию ростков гражданского общества. Вместо конструирования современных политических институтов по-прежнему отношения строятся преимущественно на основе

кланово-земляческих уз, патрон-клиентских связей. Политические партии далеко не всегда объединяют людей, имеющих общие политические ценности и общие цели. Чаще всего это патронажные структуры, возникающие вокруг влиятельных и харизматичных политиков. Сильны этнические и региональные противоречия, которые мешают обеспечить устойчивую стабильность.

Не менее печальны итоги экономического развития закавказских государств. Отойдя от социалистических методов хозяйствования и плановой экономики, ни одно из государств Закавказья так и не сумело провести структурных рыночных преобразований, создать жизнеспособную национальную экономику. Внешние кредиты и займы ложатся тяжелым бременем на будущие поколения. Не имея возможности отдавать долги, закавказские государства все глубже погружаются в экономическую и финансовую зависимость от Запада и его институтов (МВФ, Всемирного банка и др.). При отсутствии экономического роста они вынуждены будут закладывать под кредиты природные ресурсы, предприятия, инфраструктуру и попадать в экономическую зависимость от иностранного капитала, как это произошло со многими государствами развивающегося мира задолго до того, как государства Закавказья стали формально суверенными.

Глава 22

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Распад Советского Союза в начале 1990-х годов привел к появлению на карте пяти новых государств Центральной Азии: Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана.

УЗБЕКИСТАН

Узбекистан — страна с самой большой в регионе численностью населения. Основу ее экономики составляли отрасли, получившие развитие еще в советское время. Сельское хозяйство с доминированием хлопководства и цветная металлургия приносили основные доходы в государственный бюджет.

Особенности развития республики после получения ею независимости были связаны с приходом к власти в Ташкенте Ислама Каримова. Его выдвижение на первые посты в Узбекистане совпало с прекращением так называемых «хлопковых дел», которые велись правоохранительными органами СССР в отношении коррумпированных представителей властей Узбекской ССР еще с 1983 г. Недовольство населения уголовными репрессиями следователей из Москвы было умело использовано Каримовым и сыграло свою роль в курсе на суверенизацию Узбекистана. 21 октября 1989 г. был принят закон о государственном статусе узбекского языка. 24 марта 1990 г. Ислам Каримов, занимавший в то время пост руководителя республиканской компартии, был избран на безальтернативных выборах в Верховном Совете первым в СССР президентом союзной республики.

Коллапс власти в Москве, неспособность коммунистического руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым обеспечить обновление федерации и полноценное развитие рыночных реформ вынудили руководство Узбекистана, как и многих других союзных республик, принять собственные программы развития. 29 октября 1990 г. в Узбекистане была одобрена правительственная программа, основной смысл которой заключался в передаче большого объема полномочий по распоряжению ресурсами и прав в сфере хозяйственной деятельности от центра к союзной республике. Одновременно руководство Узбекистана отказалось одобрить планы Горбачева по заключению нового Союзного договора и быстрого перехода к рыночным принципам функционирования экономики.

На общесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. за сохранение Союза ССР высказалось 93,7% принявших участие в голосовании жителей Узбекистана. Республиканское руководство добилось включения в бюллетень для голосования еще одного вопроса: «Согласны ли вы с тем, что в обновленный Союз (Федерацию) Узбекистан войдет в качестве равноправной республики?» Данный пункт,

собранный 93,9% голосов, был интерпретирован руководством республики как поддержка населением курса на независимость. После провала путча ГКЧП в Москве 25 августа 1991 г. Каримов издал указ, которым переподчинил лично себе как президенту Министерство внутренних дел, внутренние войска, находившиеся на территории Узбекистана, и республиканский комитет госбезопасности. Вслед за этим на VI внеочередной сессии Верховного Совета 31 августа был принят закон о независимости и изменено название республики: вместо Узбекской ССР новое государство стало именоваться Республика Узбекистан.

Каримов весьма ревностно относился к возможности восстановления контроля Москвы над Узбекистаном. Поэтому 29 декабря 1991 г. в республике был проведен очередной референдум по вопросу о государственной независимости. На нем 98,2% принявших участие в голосовании граждан одобрили провозглашение независимости Узбекистана. Одновременно состоялись всеобщие выборы главы государства, на которых с большим перевесом голосов победил Ислам Каримов. За его кандидатуру проголосовало 86% избирателей, за другого кандидата — лидера демократической партии «Эрк» («Воля») Мухамада Салиха (Салоя Мадамнинова) — 12,3%.

Это был период, когда в Узбекистане на волне преобразований, начавшихся в СССР, возникла и действовала легальная оппозиция. Значительная часть ее была представлена группами научной и творческой интеллигенции, которые еще в 1988 г. основали объединение «Бирлик» («Единство»). Из этой организации позднее выделилась партия «Эрк». В программах и действиях данных организаций общедемократические положения и лозунги сочетались с националистическими призывами, когда обличительный пафос, направленный против коммунистического тоталитаризма, одновременно распространялся на некоренное население Узбекистана, обвиненное в служении «колониализму». Это обстоятельство способствовало тому, что русскоязычное население республики не поддержало узбекских демократов.

Другим важным фактором, также способствовавшим поражению оппозиционного движения Узбекистана начала 1990-х годов, стал резко усиливавшийся религиозный фактор. В ряде областей Узбекистана, и прежде всего в Ферганской долине, стихийно возникли многочисленные организации, требовавшие не только наведения порядка в деятельности местных властей, избавления от коррупции, но и строительства в республике государства, основанного на исламских ценностях. Ведущее место среди подобных организаций занимала Исламская партия возрождения. Ее активисты, наладившие связи с рядом неофициальных исламских авторитетов, пытались несколько раз силой сместить муфтия Узбекистана Мухамада Садыка. В ряде населенных пунктов Ферганской долины исламские активисты брали в свои руки полномочия местной власти и выдвигали требования к президенту Узбекистана по изменению конституции государства по исламскому образцу.

Руководство Узбекистана, в начале мирившееся с деятельностью как светской демократической, так и исламской оппозиции, довольно скоро взяло курс на устранение и той и другой с политической арены республики. На лидеров и активи-

стов оппозиционных организаций обрушились репрессии, попытки выражения, отличного от официального мнения, стали жестко пресекаться. В январе 1992 г., после развертывания «шоковых» реформ в России, неизбежно отразившихся на уровне жизни и в Узбекистане, в Ташкенте силами правопорядка были подавлены студенческие демонстрации. При этом имелись жертвы, работа многих вузов столицы была временно прекращена, часть студентов принудительно была выслана в другие города республики, якобы для продолжения учебы в региональных вузах.

Власти Узбекистана после этих событий надолго законсервировали демократические реформы и фактически вернулись к советской практике, когда в стране действовала одна ведущая политическая партия. Такой партией стала преобразованная из коммунистической 1 ноября 1991 г. Народно-демократическая партия Узбекистана (НДПУ), численность которой составляла свыше 400 тыс. человек. Председателем партии на учредительном съезде был избран И. Каримов. Партия отныне не играла решающей роли в политической жизни. Все основные вопросы не только политической, но и хозяйственной жизни республики решались непосредственно президентом Каримовым. Однако в отличие от СССР в Узбекистане власти позволили действовать и ряду других лояльных политических партий. Летом 1992 г. была зарегистрирована партия «Ватан тараккети» («Прогресс Родины»), программные установки которой мало чем отличались от имевшихся в НДПУ. Позднее, в феврале 1995 г., возникла и была в тот же день зарегистрирована социал-демократическая партия Узбекистана «Адолат» («Справедливость»).

Функционирование других политических организаций фактически было приостановлено, некоторым из них (в частности, Партии свободных *дехкан*) не позволили зарегистрироваться; группы Исламской партии возрождения Узбекистана, партии «Хезболлах» ушли в подполье.

Средства массовой информации попали под пресс цензуры, любые проявления несогласия с официальной линией руководства республики пресекались административными мерами: увольнением с работы, ограничением передвижения, арестами. Лидер партии «Эрк» М. Салих вынужден был в 1993 г. покинуть Узбекистан и перебраться в Турцию. Но правительство Узбекистана настаивало на выдаче Салиха, и он вынужден был уехать в Западную Европу.

Узбекское руководство проявляло консерватизм не только в политической, но и в экономической сфере. Рыночные преобразования специально пытались проводить под жестким контролем государственной бюрократии. Каримов многократно подчеркивал, что Узбекистан осуществляет реформы под контролем государства, шаг за шагом поэтапно внедряя прогрессивные механизмы, при соблюдении социальной защиты населения. Процесс реформирования в такой системе был подчинен эволюционной динамике и исключал применение радикальных, революционных шагов. Положительной стороной такого подхода стало присутствие существенного социального компонента в экономике, прежде всего в бюджетном финансировании. По многим значимым показателям, связанным со здравоохранением и образованием, Узбекистан опережает своих соседей по Центрально-Азиатскому региону.

Однако такой государственный патерналистский подход имел и отрицательную сторону. Сдерживание рыночных преобразований, и прежде всего частной инициативы самих узбекистанских предпринимателей, в конце концов привело к тому, что Узбекистан существенно отстал от Казахстана и Кыргызстана по многим другим макроэкономическим показателям. Фактически несформировавшаяся рыночная среда в республике с доминированием коррумпированной государственной бюрократии вынуждала многих потенциальных иностранных инвесторов отказываться от деятельности в Узбекистане и пересориентироваться на соседние государства. Отдельные крупные проекты, такие как завод по производству автомобилей «УзДЭУавто» в г. Асаке Андижанской области, были редкими исключениями. Особенно трудная обстановка сложилась в сельском хозяйстве, с которым так или иначе было связано от 60 до 80% жителей республики. Рождаемость в сельской местности республики традиционно была высокой, в результате почти половина сельского населения Узбекистана была представлена лицами, не достигшими 18-летнего возраста. Перед руководством страны остро стояла проблема создания новых рабочих мест. Для сглаживания остроты социальной проблемы на селе власти пошли на сокращение посевов хлопчатника с 2 млн. до 1,5 млн. га, освободившиеся площади отдавались под посевы зерновых, сахарной свеклы и других продовольственных культур. Шаги по внедрению фермерских хозяйств на селе не давали должной отдачи.

Одновременно правительство принимало антирыночные меры по защите внутренней торговли, запрещало вывоз за пределы республики целого ряда товаров, в том числе продуктов аграрного труда, пыталось административно регулировать цены на основные продукты питания, коммунальные и транспортные услуги.

Процесс приватизации в Узбекистане также имел половинчатый характер. По сути дела, власти в экономике открыто провозглашали лозунг «Государство — единственный полномочный реформатор». По разработанному и законодательно оформленному плану на первом этапе подлежали приватизации местная промышленность, сфера бытового обслуживания, система сельхоззаготовок и жилищный фонд. Этот этап завершился к 1994 г., но фактически из 54 тыс. приватизированных предприятий в частные руки перешло только 18,4 тыс., а остальные модифицировались в акционерные, коллективные и арендные предприятия, в управлении которыми государство по-прежнему могло участвовать в том или ином виде. 1 июля 1994 г. на территории Узбекистана была введена национальная валюта — сум.

С весны 1994 г. начался второй этап приватизации, в ходе которого предполагалось формирование открытых акционерных обществ (ОАО), в том числе на предприятиях топливно-энергетического сектора, машиностроения, транспорта и строительства. Всего было создано более тысячи ОАО и свыше 100 тыс. малых предприятий. Однако, хотя в Узбекистане и возникла в результате приватизации многоукладная экономика, государство сохранило в своих руках значительную часть собственности, которая использовалась недостаточно эффективно.

В результате спустя некоторое время, когда успехи рыночных реформ в Казахстане стали очевидными, даже специально предпринимаемые протекционист-

ские и другие меры руководства Ташкента не могли скрыть очевидного отставания Узбекистана. По уровню заработной платы Казахстан почти на порядок опередил Узбекистан. Кыргызстан же хотя и не мог сравниться с Казахстаном по этому показателю, но выигрывал в другом: рыночные преобразования в этой республике сделали ее население более мобильным и раскрепощенным по сравнению с жителями Узбекистана. В итоге «узбекская модель» реформ, контуры которой были обозначены в вышедшей в 1992 г. книге Каримова «Узбекистан: свой путь обновления и прогресса», стала давать сбои.

8 декабря 1992 г. на XI сессии Верховного Совета была принята конституция суверенного Узбекистана, разработанная в администрации президента. Вместо Верховного Совета было предусмотрено создание 250-местного однопалатного парламента — *Олий маджлиса*, первые выборы в который состоялись 25 декабря 1994 г. В них приняло участие 93,6% избирателей республики. Правом выдвижения кандидатов в депутаты обладали политические партии и местные органы власти (*хокимияты*). Так как оппозиционные политические партии к этому времени в Узбекистане были устранены с политической арены, парламент оказался полностью сформирован из депутатов, лояльных президенту Каримову. 120 депутатов были представлены хокимиятами, 69 — от Народно-демократической партии, 47 — от партии «Адолат», 14 — от партии «Ватан тараққиети».

Каримов одним из первых глав государств Центральной Азии взял курс на пролонгацию срока своей президентуры. 26 марта 1995 г. состоялся республиканский референдум по продлению полномочий Каримова на срок с 1997 по 2000 г. Президентская форма правления в Узбекистане тем самым получила очевидную личностную окраску.

В июне 1995 г. в Узбекистане была создана демократическая партия «Миллий тикланиш» («Национальное возрождение»).

Опорой новой власти в Узбекистане стала система органов махаллинского¹ управления. 22 октября 1992 г. был создан благотворительный фонд «Махалля». Из государственного бюджета Узбекистана ежегодно на нужды махаллинского управления выделялись значительные суммы. Ряд штатных должностей (председатели и секретари) в махаллинских комитетах были платными. За короткий период в республике были созданы свыше 12 тыс. махаллинских комитетов. Феномен *махалли* как территориальной общины среднеазиатского города известен много веков. *Махалля* далеко не случайно была выбрана властями Узбекистана в качестве ключевого института низового управления. Она позволяла контролировать не только умонастроения, но и саму жизнь граждан при помощи традиций. Внутри махалли поддерживался определенный распорядок, за соблюдением которого следили старейшины. Процессы социализации личности в условиях махалли протекали, таким образом, в формах, детерминированных обрядами и обычаями узбеков и других среднеазиатских этносов. Одновременно махалля давала уникальный шанс для жесткого полицейского контроля со стороны государства за жизнью граждан.

¹ От *махалли* (узб.) — община.

Узбекское руководство всегда настороженно следило за развитием событий в соседнем Афганистане. Изменение соотношения сил конфликтующих афганских группировок, начавшееся с 1994 г., вынудило Ташкент усилить неофициальную помощь одному из афганских лидеров — узбекскому генералу Дустуму. С июля 1994 г. Узбекистан является участником программы НАТО «Партнерство во имя мира». В отношении СНГ руководство Узбекистана всегда занимало критическую позицию. Узбекистан не является участником тесных кооперационных экономических объединений в рамках СНГ. В 1998 г. республика отказалась подписать протокол о продлении действия Договора о коллективной безопасности и тем самым вышла из него. Однако нестабильная обстановка в регионе и особенно в Афганистане вынуждала Узбекистан искать союзников в решении региональных проблем. В 1997 г. президент Узбекистана выступил с инициативой создания специальной комиссии по афганской проблеме по формуле «6+2» (соседи Афганистана — Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан плюс представители России и США) под эгидой ООН.

Сложная международная обстановка в регионе, связанная с деятельностью радикального движения «Талибан» в Афганистане, и жесткая внутренняя политика президента Каримова по отношению к политической оппозиции способствовали активизации экстремистских группировок в Узбекистане. 16 февраля 1999 г. одновременно в нескольких местах столицы республики, в том числе у здания правительства, произошли взрывы. Погибли 16 человек, десятки получили ранения. Проведенное властями следствие показало, что организаторами и исполнителями террористических актов выступали члены религиозного Исламского движения Узбекистана. Террористы надеялись, что им удастся посеять страх в обществе и парализовать деятельность государственных органов, а это, по их мнению, должно было облегчить захват власти исламистами. Одновременно с проведением взрывов намечалось вторжение на территорию Узбекистана отрядов вооруженных боевиков с территории Афганистана.

Решительными и жесткими действиями спецслужб Узбекистана эти планы были сорваны. Исполнители террористических актов предстали перед судом. Власти постарались связать подрывную деятельность Исламского движения Узбекистана с именем политического лидера партии «Эрк» Салиха. Последний был заочно приговорен к длительному сроку лишения свободы.

Происшедшее привело к определенным изменениям во внутренней политике президента Каримова. Государство временно отказалось от проведения дальнейшей либерализации в экономической и политической сферах жизни общества. Наоборот, был усилен репрессивный элемент в государственной политике. Такому повороту способствовало очередное обострение обстановки в Центральной Азии. В июле 1999 г. на территорию пограничного с Узбекистаном Баткентского района Кыргызстана проникли формирования исламских боевиков. По данным средств массовой информации, в планы боевиков входило вторжение на территорию узбекской части Ферганской долины, а Кыргызстан должен был стать лишь коридором для их прохода.

С большим трудом киргизским военным с помощью ВВС Узбекистана удалось разгромить босвиков. Очередное осложнение привело к тому, что руководство Узбекистана приняло решение о минировании ряда участков государственной границы с Кыргызстаном и Таджикистаном, откуда можно было ожидать проникновения вооруженных исламистов. Кроме этого, население некоторых высокогорных кишлаков Узбекистана было переселено в другие места проживания, чтобы исключить потенциальную возможность использования этих людей в боевых операциях исламистов.

В сентябре 1999 г. новая политическая партия — «Фидокорлар» («Самоотверженные») выдвинула кандидатом на предстоящие президентские выборы Ислама Каримова. 8 октября того же года НДПУ выдвинула своего кандидата — первого секретаря ЦК партии А. Джалилова. 11 октября на своих съездах партии «Ватан гараккиети» и «Адолат» избрали кандидатуру И. Каримова. На следующий день его же выдвинула и демократическая партия «Миллий тикланиш».

5 и 19 декабря 1999 г. состоялись выборы в Олий маджлис, а 9 января 2000 г. — выборы президента. Ислам Каримов получил 91,9% голосов избирателей.

В мае 2000 г. произошло объединение партий «Ватан тараккиети» и «Фидокорлар». Новая организация получила наименование Национально-демократическая партия Узбекистана «Фидокорлар». Формально партия ориентируется на интеллигенцию, предпринимателей и фермеров.

КИРГИЗИЯ

Киргизия — самая маленькое государство Центральной Азии, ее население — около 5 млн. человек. Политика перестройки, начатая кремлевским руководством в середине 1980-х годов, открыла дорогу для обретения независимости бывшими союзными республиками СССР. В Киргизии подъем общественных движений был одним из самых значительных в регионе. Этому в немалой степени способствовали социально-экономические факторы. Горная республика всегда была дотационной в составе СССР, и поэтому, когда наметился кризис плановой системы экономики в стране, это больно ударило по интересам жителей Киргизии. В этот период наблюдался активный процесс переселения значительной части сельской киргизской молодежи в крупные города, такие как Бишкек (в то время — Фрунзе) и Ош. Властные структуры далеко не всегда старались решать бытовые вопросы населения. В результате процесс демократизации в республике совпал с радикализацией настроений этой части киргизского народа. Борьба за предоставление земельных участков под застройку жилья трансформировалась у части вновь возникших организаций («Ашар», «Асаба») в движение против коммунистической номенклатуры. В мае 1990 г. произошло объединение 24 организаций в Демократическое движение Кыргызстана, программные установки включали требования установления многопартийности в республике и введения частной формы собственности.

Весной и в начале лета 1990 г. республику потрясли ошские события. Город Ош — неофициальная столица юга республики — испытывал те же проблемы

с земельными участками и жильем, что и г. Фрунзе. Однако местное коммунистическое руководство необдуманно приняло решение выделить киргизским переселенцам землю под строительство в районах, где традиционно проживала узбекская часть населения. На этой почве начались мелкие стычки, быстро переросшие в крупный межнациональный конфликт. С обеих сторон стали раздаваться откровенно экстремистские призывы, начались погромы и убийства. В начале июня 1990 г. в ряде регионов республики был введен комендантский час, из Москвы прибыли части войск особого назначения, которым удалось предотвратить расширение конфликта. Тем не менее в ходе конфликта погибло более сотни человек.

Ошские события послужили катализатором политического развития Киргизии. Летом 1990 г. политическая активность населения стала стремительно нарастать. Происходило размежевание внутри коммунистической партии на реформаторское и консервативное крыло. Активисты из Демократического движения Кыргызстана провели серию акций гражданского неповиновения. Объявленная ими политическая голодовка содержала требования отмены знаменитой шестой статьи конституции СССР о руководящей роли коммунистической партии, введении поста президента, необходимости политической оценки ошских событий, отставки с поста председателя Верховного Совета республики лидера коммунистов А. Масалиева. Акции демократов находили сочувствие и поддержку среди широких слоев киргизстанцев. Столица республики становилась ареной ежедневных митингов и демонстраций.

С большим трудом после нескольких туров голосования в Верховном Совете на вновь учрежденную должность президента 27 октября 1990 г. был избран глава Академии наук Киргизской ССР Аскар Акаев. Через месяц было изменено официальное название страны — она стала именоваться Республика Кыргызстан. 15 декабря 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию о государственном суверенитете Республики Кыргызстан. Одновременно было изменено административное деление республики: были восстановлены Нарынская и Таласская и образованы Чуйская и Джалалабадская области. В феврале 1991 г. было восстановлено историческое название столицы республики: г. Фрунзе был переименован в Бишкек.

В ходе реформирования общественно-политической жизни в Кыргызстане начали развиваться основы многопартийной демократии. Активизировалась деятельность различных политических организаций. В первой декаде февраля 1991 г. прошел очередной съезд Демократического движения Кыргызстана, активисты этого движения в преддверии всесоюзного референдума провели серию митингов, протестуя против сохранения СССР в прежнем виде. На самом референдуме 17 марта 94% кыргызстанцев высказались за сохранение обновленного Союза ССР. В апреле 1991 г. поменялось руководство коммунистов республики: вместо А. Масалиева первым секретарем ЦК был избран Д. Аманбаев. Коммунисты продолжали отстаивать ортодоксальные позиции и активно поддержали в августе 1991 г. путч ГКЧП в Москве. Аскар Акаев, наоборот, единственный из глав центральноазиатских республик, открыто выступил против московских путчистов.

31 августа 1991 г. парламент Кыргызстана принял Декларацию «О государственной независимости». В сентябре решением парламента была прекращена деятельность коммунистической партии как организации, поддержавшей тоталитарную идеологию и антиконституционный путч, а собственность партии национализирована. Президент А. Акаев демонстративно вышел из рядов компартии. Стремясь усилить в сложившихся условиях свою легитимность, Акаев организовал досрочные всенародные президентские выборы. Правда, до демократических стандартов эти выборы явно недотягивали хотя бы тем, что они были безальтернативными. За Акаева отдали свои голоса 95,39% голосов избирателей.

Формирование нового государства настоятельно требовало изменения подходов к строительству властных институтов. На повестку дня встал вопрос о необходимости разработки и принятия новой конституции. Первоначально были подготовлены несколько концепций проекта Основного закона, которые обсуждались в рабочей группе и на основе которых была сформулирована единая концепция, переданная в начале ноября 1991 г. в парламент. Принятию конституции предшествовал фактически двухлетний период подготовки. В 1992 г. была проведена реформа местной исполнительной власти: указом главы государства в областях, районах и городах были созданы *акиматы*. В декабре 1992 г. состоялось всенародное обсуждение проекта конституции, длившееся три месяца. В обсуждении приняло участие более миллиона человек, было внесено свыше тысячи различных предложений и поправок, обобщением которых занималась Конституционная комиссия во главе с Акаевым. Первая конституция Киргизии после обретения ею независимости в окончательном варианте была принята 5 мая 1993 г. на 12-й сессии Верховного Совета.

Конституция являлась в известной степени компромиссным документом, устраивавшим в тот период все наиболее значимые политические силы республики. Глава государства должен был избираться всенародным голосованием, парламент Кыргызстана — Жогорку кенеш — был наделен внушительными властными полномочиями.

Общее развитие ситуации в государствах СНГ в этот период характеризовалось нарастанием негативных тенденций в экономической и социальной сферах жизни. Попытки перехода к рыночным отношениям зачастую приводили к резкому разрыву налаженных в прошлом хозяйственных связей, что вело к падению производства и жизненного уровня населения. Для Кыргызстана такая ситуация оказалась особенно болезненной в силу нехватки собственных энергоносителей и отсутствия возможности экспорта на внешние рынки углеводородного сырья, в то время как в соседних Казахстане и Туркменистане его наличие позволяло существенно снизить остроту социальных издержек рыночного реформирования. Руководство Кыргызстана избрало вариант быстрого перехода к рыночным отношениям через серию радикальных реформ. С 1993 г. была полностью отменена практика государственных заказов в промышленности. Ускоренными темпами проводилась приватизация. Однако реформы не дали ожидаемого результата. Огромные масштабы приобрела коррупция: госчиновники и руководители предприятий обогащались, распродавая государственную собственность в обход за-

кона. Остановка производства и сокращение числа рабочих мест стали повседневными явлениями в республике. Уровень производства за два с небольшим года упал более чем наполовину. К концу 1993 г. было приватизировано 98,7% предприятий сферы бытового обслуживания, 80,7 — торговли и общественного питания, 67,5 — строительной сферы, 39% объектов промышленности. В итоге после принятия новой конституции в республике на фоне резкого ухудшения социально-экономической ситуации обострилась политическая обстановка.

Акаев распустил Верховный Совет под предлогом (не единственным и явно не главным) отсутствия такого органа в новой Конституции. Президент же, полномочия которого также претерпели существенные изменения по сравнению с установленными ранее, переизбираться не стал, предпочтя 30 января 1994 г. провести референдум о доверии. Получив положительный результат на всенародном голосовании (97,03%), означавший возможность нахождения на посту главы государства до 1996 г., Аскар Акаев тем самым существенно усилил свои позиции в обозначившемся в это время противостоянии президентской и законодательной власти.

Конфликт между властными структурами имел несколько составляющих. Часть депутатского корпуса была представлена чиновниками прежней, советской по своей сути, номенклатуры, отрицательно воспринимавшей многие происходящие перемены. С другой стороны, стали известны факты незаконных операций с продажей золота, добытого в Кыргызстане. Следы вели к высокопоставленным представителям исполнительной власти, в скандале был замешан глава правительства и сам президент. 13 сентября 1994 г. около 140 депутатов Жогорку кенеша демонстративно отказались принимать участие в работе сессии парламента. Правительство, находившееся в этот период в отставке, оставалось лишь формальным носителем полномочий. Иными словами, наступил кризис власти.

Акаев в таких условиях прибег к приему, который впоследствии он не раз использовал, — президент инициировал конституционную реформу, формально опираясь при этом на институты непосредственной демократии. Президент распустил парламент и 21 сентября 1994 г. издал Указ «О референдуме (всенародном голосовании) по внесению изменений и дополнений в конституцию Кыргызской Республики». Согласно этому акту, в республике надлежало провести референдум в максимально сжатые сроки — уже через месяц. На голосование был вынесен проект создания двухпалатного парламента.

Массированная обработка уставшего от политических интриг населения дала ожидаемый эффект. 22 октября 1994 г. на референдуме было принято решение о реформировании парламента в двухпалатный орган: 75% голосов было подано «за» президентский вариант реформы. Представительство всего населения республики отныне должны были осуществлять 35 депутатов первой палаты — Законодательного собрания. Вторая палата, состоящая из 70 депутатов, избиралась на основе представительства территориальных интересов и именовалась Собранием народных представителей.

Выборы в новый двухпалатный парламент прошли 5 февраля 1995 г. 24 декабря 1995 г. в Кыргызстане досрочно были проведены президентские выборы.

За пост главы государства боролись действующий президент А. Акаев, лидер коммунистов А. Масалиев и бывший спикер парламента М. Шеримкулов. За А. Акаева проголосовало 72,45% избирателей.

Однако очередная победа А. Акаева не была полной. В условиях продолжающегося социально-экономического кризиса в результате выборов в парламенте оказались не только пропрезидентски настроенные депутаты. В законодательном органе опять звучала критика в адрес кабинета и самого президента. Руководству республики не удалось наладить продуктивную работу кабинета министров, многочисленные шаги по реформированию отдельных сфер народного хозяйства на базе либеральных рыночных концепций, в основном в непроизводительных отраслях, так и не смогли качественно улучшить основные макроэкономические показатели Киргизии. Декларированное властями ускоренное движение к демократическому обществу также на поверку не было однозначно успешным.

В экономической сфере правительство упорно внедряло рыночные отношения, не считаясь с издержками. Была объявлена кампания массовой приватизации. Практически все предприятия теперь продавались при помощи купонных аукционов, акции мог приобрести любой желающий. Такая практика продолжалась до 1996 г. Она решила проблему разгосударствления: негосударственный сектор стал выпускать более половины всей промышленной продукции. Но сохранить уровень производства, а тем более ускорить темпы его развития так и не удалось. В аграрном секторе в результате реформ расформировывались колхозы и на их месте возникали крестьянские хозяйства, мелкие предприятия и ассоциации. Уже к 1995 г. число крестьянских (фермерских) хозяйств в республике превышало 20 тыс. Однако выпуск сельхозпродукции в Кыргызстане существенно сократился по сравнению с советским периодом, особенно пострадало животноводство. Тем не менее, несмотря на тяжелые условия, в республике постепенно укоренялись новые рыночные механизмы, население стало все активнее искать возможности для заработка, иждивенческие настроения, надежды на государственную помощь постепенно размывались в массовом сознании.

10 февраля 1996 г. был проведен очередной референдум по внесению новых поправок и изменений в конституцию, значительно усиливших президентское правление. Для республики стала характерной частая смена кабинетов министров, что неблагоприятно отражалось на стабильности в проведении выбранного курса реформ. Весной 1998 г. правительство, возглавляемое премьером А. Жумагуловым, сменил новый кабинет министров под началом К. Жумалиева. Однако уже в декабре 1998 г. и это правительство было вынуждено уйти в отставку. Ему на смену пришел Ж. Ибраимов, пытавшийся реализовать ряд решительных мер по борьбе с преступностью. Но внезапная смерть премьера всего через полгода нахождения его на этом посту привела к очередной смене — правительство возглавил А. Муралиев. В декабре 2000 г. его на этом посту сменил бывший губернатор Чуйской области К. Бакиев. За десять лет независимости с 1991 по 2001 г. республика восемь раз пережила смену правительства.

1 сентября 1998 г. президент Кыргызстана издал указ о проведении очередного всенародного обсуждения проекта изменений и дополнений в конституцию

и референдума по пяти предложенным вопросам. По сути дела, референдум должен был стать своеобразной «работой над ошибками», допущенными в результате прошлых реформ. Предлагаемые президентом шаги не были радикальными: численность Законодательного собрания намечалось увеличить, а Собрания народных депутатов — уменьшить. При этом около 22% мест в Законодательном собрании (15 мандатов) предлагалось распределять при помощи выборов по партийным спискам, создав при этом пятипроцентный заградительный барьер.

8 сентября большинство депутатов Законодательного собрания Жогорку кенеша выступило против инициативы А. Акаева, ведь очередная реформа ограничивала депутатскую неприкосновенность, урезала полномочия парламента в сфере финансово-бюджетных отношений. Но президенту удалось добиться своего. Одной из причин, побудившей к проведению референдума 1998 г., была нерешенная в рамках конституции 1993 г. проблема частной собственности на землю. За прошедшие годы парламент не раз обсуждал этот вопрос, но не принимал решения. Поэтому Аскар Акаев решил воспользоваться референдумом для того, чтобы ввести институт частной собственности на землю. 17 октября 1998 г. референдум был проведен. Очередным изменениям в тексте конституции была придана законная сила.

В июле 1999 г. неожиданно республика столкнулась с новым серьезным испытанием. На ее территорию проникли вооруженные формирования исламских радикальных экстремистов. Как показало проведенное расследование, они пришли из Афганистана через Таджикистан. Основную часть исламских экстремистов составляли представители Исламского движения Узбекистана, а их целью было нападение на Ферганскую долину Узбекистана, захват власти и создание на данной территории исламского эмирата. Рейд боевиков обнажил слабость киргизской государственности. Небольшой по численности отряд боевиков сумел захватить группу японских специалистов, руководителя республиканского силового ведомства и в течение нескольких месяцев держать в напряжении всю республику. В вооруженных столкновениях погибли 28 граждан Кыргызстана. Лишь ценой больших усилий, при помощи государств СНГ, правительству Кыргызстана удалось выбить террористов с территории Баткентского района.

Похожая ситуация повторилась в 2000 г. В горах на юге республики опять появились исламские боевики. В боях с ними во вновь образованной Баткентской области и в Джелалабадской области погибли 34 военнослужащих Кыргызстана. В конце концов, территория республики оказалась очищена от боевых отрядов международных террористов. Но исламские экстремистские взгляды, как оказалось, пустили глубокие корни. В республике существенно расширилась деятельность подпольных исламских организаций.

20 февраля 2000 г. состоялись парламентские выборы. В выборах принимали участие девять политических партий. Незадолго до их проведения Министерство юстиции республики своим решением отстранило от выборов две оппозиционные структуры: партию «Ар-Намыс» («Достоинство») и Народную партию, еще одну партию отстранил от выборов суд. Выборы показали, что проведенные конституционные реформы достигли своей цели: несмотря на то что по партийным

спискам наибольший в сравнении с другими партиями процент голосов получили коммунисты (27,78%), а пропрезидентская партия «Моя страна» набрала лишь 4,9% голосов, парламент в целом оказался гораздо более лояльным президенту, чем предыдущие legislatures.

29 октября 2000 г. состоялись президентские выборы. Первоначально в них изъявили желание участвовать 19 кандидатов. Однако власти постарались обеспечить победу действующему президенту. Так, был урегулирован вопрос с конституционным запретом занимать должность президента более двух сроков подряд. Конституционный суд республики вынес конъюнктурное решение, позволившее А. Акаеву принять участие в выборах. Несколько кандидатов были отстранены от выборов решением лингвистической комиссии, проверявшей их знание государственного языка. Основным потенциальным соперником Акаева — бывший вице-президент Феликс Кулов, лидер партии «Ар-Намыс», находился в заключении по приговору суда. В результате Акаев в очередной раз победил, набрав 74,4% голосов. Лидер партии «Ата Мекен» («Отечество») О. Текебаев получил 13,9%, предприниматель А. Атамкаев — 6,02, лидер Народной партии М. Эшимканов — 1,09, депутат парламента Т. Бакир уулу — 0,97, правозащитник Т. Акунов — 0,68%.

В экономической сфере проведенные реформы не привели к кардинальному улучшению положения республики. Во внешней торговле, как и на протяжении многих лет, импорт существенно превышал экспорт. Примеров успешного функционирования крупных предприятий с иностранными инвестициями в Кыргызстане не много: золоторудное месторождение «Кумтор» в Иссык-Кульской области (кыргызско-канадское СП), НПЗ в Жалалабаде и Канте. Однако есть работающие предприятия сферы легкой и пищевой промышленности, построенные при помощи российского, немецкого, южнокорейского, китайского и турецкого капитала. В Кыргызстане созданы Нарынская, Каракольская, Бишкекская и Маймакская свободные экономические зоны. Тем не менее внедрение рыночных отношений привело к существенному увеличению внешнего долга республики, ухудшению социального положения населения. Пути решения этих проблем правительству так и не удалось найти.

КАЗАХСТАН

Казахстан являлся одной из крупнейших индустриально-аграрных союзных республик СССР. Неудивительно, что процесс общественных реформ, начатый руководством КПСС в середине 1980-х годов, вовлек эту республику в водоворот быстро меняющихся событий. Еще в декабре 1986 г. в Алма-Ате произошли выступления молодежи против политики московского коммунистического руководства, предельно жестко подавленные. Москва постепенно утрачивала рычаги влияния на ситуацию в республике.

В июне 1989 г. пленум республиканской компартии избрал своим первым секретарем Нурсултана Назарбаева. Назарбаев, получивший в то время большой авторитет в кругах партийного и государственного руководства СССР, сумел

обеспечить плавный переход республики к независимости. В феврале 1990 г. Назарбаев стал председателем Верховного Совета Казахской ССР, а затем через пару месяцев парламент безальтернативно избрал его на вновь учрежденную должность президента.

Активно участвуя в политических мероприятиях, проводимых союзным руководством, Назарбаев, предвидевший скорый распад СССР, укреплял республиканскую государственность и собственное положение во властных структурах. В самый канун распада СССР — 1 декабря 1991 г. в Казахстане были проведены всеобщие президентские выборы, на которых Назарбаев как безальтернативный кандидат победил, набрав 98,78% голосов избирателей. 10 декабря страна получила новое название — Республика Казахстан. 16 декабря 1991 г. Верховный Совет принял конституционный закон о государственной независимости Казахстана.

Обретение независимости позволило политической элите Казахстана последовательно осуществить ряд реформ. В политической сфере постепенно стали создаваться механизмы жестко централизованной президентской власти, персонафицированной в конкретном лице — Нурсултане Назарбаеве. В экономической сфере переход на рыночные отношения сопровождался гигантским переломом собственности, широким допуском в страну капитала из Америки и Западной Европы, ярко выраженной ориентацией на экспорт сырьевых ресурсов, прежде всего нефти, природного газа, металлов. В социальной сфере реформы привели к существенному изменению национального состава населения республики. Получивший приоритетность в государственном строительстве титульный этнос постепенно потеснил из престижных сфер бизнеса и политики представителей других наций. Огромный масштаб приобрела эмиграция из Казахстана в основном русскоязычного населения, недовольного ущемлением своих гражданских и политических прав.

Особенностью развития Казахстана стало то, что в республике новые демократические движения так и не стали сколько-нибудь весомой политической силой. Такие партии некоторое время в начале 1990-х годов пытались активно апеллировать к общественности, организуя разного рода акции: митинги, демонстрации, голодовки, снос памятников советской эпохи. Но государственная бюрократия, быстро поменявшая свои прежние коммунистические идеалы на идеологию строительства национального государства, сплотилась вокруг фигуры нового главы государства ради огромных выгод, в том числе материального характера, открывшихся перед чиновниками в ходе объявленной приватизации. Назарбаев, покинувший ряды коммунистов, намеренно затягивал до весны 1994 г. официальную регистрацию этой партии, стремясь тем самым ослабить ее влияние в обществе. Одновременно в Казахстане делались попытки создать новую мощную политическую силу, полностью лояльную президенту и проводящую в жизнь его политику, подобно тому как ранее это делали активисты КПСС. Первым шагом в этом направлении стало формирование в феврале 1993 г. Союза народного единства Казахстана (СНЕК). Однако партийное строительство не было основным направлением в формировании новой структуры власти республики.

Таковым стало реформирование государственных институтов. 28 января 1993 г. в Казахстане была принята первая конституция независимого государства. Конституция явно обозначила приоритетность казахской нации. В преамбуле появилась формула о незыблемости казахской государственности. Сама Республика Казахстан определялась как форма государственности самоопределившейся казахской нации. Органы власти были построены по принципам президентской республики. Политическую ответственность правительство несло перед главой государства. Президент же возглавлял единую систему исполнительной власти.

Однако властная элита Казахстана лишь формально посредством нового текста Основного закона декларировала свое стремление к установлению конституционного порядка. На деле же в Казахстане четко обозначился разрыв между буквой закона и утилитарными интересами носителей властных прерогатив. Новая конституция реально действовала немногим более десяти месяцев.

Начало рыночных реформ в Казахстане привело к существенному ухудшению социально-экономических показателей. Такие изменения не могли не отразиться на остроте политической борьбы в обществе. Депутаты Верховного Совета Казахстана все чаще стали высказывать недовольство политикой Назарбаева. Когда в 1993 г. Назарбаев потребовал, по примеру Ельцина, от парламента наделить его дополнительными полномочиями, народные избранники демонстративно проигнорировали эту просьбу. Часть депутатов считала, что дополнительные полномочия нужны именно парламенту, для того чтобы более эффективно контролировать исполнительную власть. В Верховном Совете Казахстана активно начали обсуждаться сюжеты, связанные с коррупцией в высших эшелонах власти республики. Конфликт интересов становился все более принципиальным.

Президента Казахстана не устраивало наличие правовых ограничений в его деятельности. Путь к всевластию одного лица со всей очевидностью предполагал минимизацию властных полномочий других субъектов, а то и их полное устранение, хотя бы временное.

В ноябре 1993 г. президентское окружение инициировало кампанию по досрочному прекращению деятельности местных Советов народных депутатов под предлогом борьбы с доставшейся в наследство от советского режима практикой всевластия этих органов. Президент взял курс на разгон парламента и применил открытый административный нажим на депутатов с целью принудить последних к принятию желательного для главы государства решения о самороспуске Верховного Совета. В конце концов, такое решение, явно противоречащее нормам недавно принятой конституции, было принято. Деморализованный парламент без обсуждения проголосовал за принятие ряда новых законов. Апофеозом правового произвола главы государства стало принятие 10 декабря 1993 г. закона «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий». Данный закон, состоящий всего лишь из шести статей, подтверждал всевластие президента. Нормы закона полностью игнорировали принцип разделения властей и систему сдержек и противовесов. Президент получал своей властью формировать все значимые государственные структуры и расставлять на государственные должности

нужных ему людей. Глава государства одновременно получал и практически всю полноту полномочий по принятию законов. 13 декабря 1993 г. Верховный Совет Казахстана был распущен.

При отсутствии парламента организация новых выборов, назначенных на март 1994 г., была отдана на откуп исполнительной власти, что и привело к губительным последствиям. Наспех принятый Кодекс о выборах в Республике Казахстан содержал многочисленные изъяны, которые не могли не сказаться на свободном и демократическом характере выборов. Союз народного единства Казахстана, несмотря на многочисленные подтасовки на выборах, сумел заполучить лишь 18,6% мест в парламенте (33 мандата). В новом Верховном Совете начала формироваться парламентская оппозиция, относительно устойчивое ядро которой составляли примерно 60 депутатов. Консолидация оппозиции происходила не на партийно-фракционной основе, а на основе неприятия официального правительственного курса реформ.

1994 год был для Казахстана одним из самых тяжелых в экономическом отношении. В октябре 1994 г. Назарбаев даже был вынужден сменить главу правительства: вместо С. Терещенко был назначен А. Кажегельдин. Президент Казахстана в тот период пока еще не имел возможности реализовать свои планы по установлению тотального контроля над политическими процессами в республике. Это был период неустойчивого балансирования, когда казахстанское общество еще было способно мобилизовать необходимые силы для противодействия уже однозначно проявившимся авторитарным притязаниям главы государства.

В условиях президентской республики политические партии и движения все чаще стали возлагать основные свои надежды на достижение победы на очередных президентских выборах, которые должны были состояться в 1996 г. Вновь избранный Верховный Совет, как и его предшественник, также настаивал на усилении парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти. Назарбаеву не удалось заблокировать имеющимися в его распоряжении законными средствами эти инициативы: осенью 1994 г. депутаты проголосовали против четырех предложений президента. Этого Назарбаев не смог простить и задумал новый роспуск парламента. Сбравшись с силами и четко рассчитав наилучший момент для перехода в очередное наступление, Назарбаев предпринял весьма хитрый ход в начале весны 1995 г.

6 марта 1995 г. в Казахстане стало известно о принятии постановления Конституционного суда, который, ссылаясь на имевшие место в марте 1994 г. нарушения избирательного законодательства, вынес весьма спорный вердикт, интерпретированный как решение о нелегитимности парламента. Через несколько дней Назарбаев добился принятия еще одного вердикта Конституционного суда — определения от 11 марта 1995 г., и уже после этого в тот же день издал указ, явно противоречащий конституции, так как этим актом глава государства распустил Верховный Совет, хотя таким правом он не был наделен.

Одновременно было восстановлено действие закона от 10 декабря 1993 г. «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий». В результате президент

опять получал всю полноту как исполнительной, так и законодательной власти, но теперь уже без каких-либо ограничений по срокам и пределам возможных действий с его стороны в отношении конституции

Кризис марта 1995 г. был выгоден прежде всего самому Назарбаеву, так как позволил ему реализовать планы по укреплению собственной власти через устранение, пусть и временное, с политической арены своих оппонентов, а также через проведение конституционной реформы. Еще 1 марта 1995 г., непосредственно перед появлением упомянутых выше вердиктов Конституционного суда, президент Казахстана своим решением учредил новый орган — Ассамблею народов Казахстана. Из 260 делегатов этого «представительного органа» 40 были отобраны лично президентом, а остальных выбирали органы местной власти. Роль данной Ассамблеи сводилась к оправданию и поддержке действий главы государства, в частности его плана конституционных преобразований. Первым же ее решением стала принятая 24 марта 1995 г. резолюция о всенародном референдуме по продлению президентских полномочий Назарбаева до декабря 2000 г. Назарбаев явно спешил, поэтому такой референдум был проведен уже 29 апреля 1995 г. В голосовании приняли участие 91,21% внесенных в списки избирателей, из них, по официальным данным, за продление полномочий президента высказались 95,46%, против — 3,76%.

Устранив своих парламентских оппонентов, за период с марта по декабрь 1995 г. Назарбаев своими указами ввел в действие все наиболее важные акты, регламентирующие политическую и экономическую деятельность в Казахстане в том виде, как этого хотел сам президент. Как утверждал сам Назарбаев, за этот период он издал 134 указа, имеющих силу закона, и более 60 указов о ратификации международных договоров. Главным проектом президента стала новая, вторая по счету конституция независимого Казахстана.

Сколько-нибудь широкого, а тем более конструктивного обсуждения проекта новой конституции в Казахстане не было. Власть не нуждалась в развязывании дискуссии. Попытки высказывать любое иное мнение игнорировались. За короткий период с 30 июня по 30 июля 1995 г. было проведено лишь заимствованное из прошлой советской практики формальное «всенародное обсуждение» проекта.

Референдум по конституции состоялся 30 августа 1995 г. В голосовании приняли участие 58% избирателей, обладающих активным избирательным правом. За новую конституцию высказались 89,14%, против — 9,9% голосовавших.

Новая система правления в Казахстане, воплощенная в тексте очередной конституции, оказалась синтезом, комбинацией полупрезидентской, президентской и суперпрезидентской республик, с креном в сторону последней. Назарбаев достиг своей цели: центральное место в системе государственных органов Казахстана отныне стало принадлежать президенту, избираемому посредством прямых выборов при тайном голосовании на пятилетний срок. Глава государства получил право единолично, без участия парламента определять основные направления внутригосударственной и внешней политики, представлять Казахстан как внутри страны, так и на международной арене. Президент был выведен за рамки системы разделения властей и вознесен над ней: конституционная формулировка

обязывала его обеспечивать согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность всех органов власти перед народом.

Принцип разделения властей в конституции 1995 г. был нарушен формулировками многих норм, в частности явно авторитарными, исключительно большими полномочиями главы государства в области нормотворчества. Помимо права издавать обычные указы глава государства узурпировал часть прерогатив законодательной легислатуры. Новый Основной закон явно был рассчитан на то, чтобы устранить даже малейшую возможность вызова президенту со стороны любых иных субъектов конституционных правоотношений. Теперь глава государства мог в любой момент парализовать деятельность правительства, отправив его в отставку. Судейский корпус, равно как и должностные лица других ветвей власти, также был подчинен главе государства через систему назначений и финансово-экономического обеспечения этих должностных лиц и органов. Тем самым конституционная реформа была направлена на ослабление государственных институтов и политических организаций, независимых от президента.

На прошедших осенью 1995 г. парламентских выборах новая система уже показала свою эффективность. 36% мест в нижней палате парламента — Мажилисе — досталось преобразованной из СНЕКа в феврале 1995 г. Партии народного единства Казахстана, в то время как наиболее крупной оппозиционной политической партии — коммунистам досталось лишь два мандата.

Конституция 1995 г., таким образом, сформировала механизм авторитарной власти главы государства, сосредоточив в его руках огромные полномочия. Однако в условиях Казахстана вместо политических партий огромную роль стали играть традиционные клановые и новые олигархические группировки. Между ними шла отчаянная борьба за собственность и власть. В октябре 1997 г. представитель одной из таких группировок — премьер А. Кажегельдин пал жертвой закулисной борьбы — он был заменен на этом посту ставленником нефтегазовых структур Н. Балгимбаевым. Позднее Кажегельдин перешел в открытую оппозицию Назарбаеву, используя для этого финансовые средства, нажитые им в период проведения приватизации.

Огромные природные богатства Казахстана отчасти облегчили руководству республики проведение экономических реформ. На первых этапах приватизации многие промышленные объекты были переданы иностранным инвесторам по заниженной стоимости. Возможность извлекать сверхприбыли от бизнеса в Казахстане привлекла в республику огромные инвестиции, уходящие в основном в сырьевой сектор. При помощи иностранных компаний шло форсированное освоение углеводородных месторождений, в том числе в Прикаспии, успешно функционировали заводы черной и цветной металлургии. В бюджет Казахстана потекли сотни миллионов долларов. В октябре 1997 г. Назарбаев озвучил стратегическую программу «Казахстан-2030», содержащую перспективный план развития государства. По замыслу президента, Казахстан в недалеком будущем должен был превратиться в «центральноазиатского барса», т.е. в высокоразвитую региональную державу.

Экономические успехи Казахстана тем не менее не сопровождались адекватным движением к строительству демократического правового государства. Спустя всего три года после принятия конституции Назарбаев принял решение о внесении очередных изменений в ее текст, якобы направленных на дальнейшую демократизацию. Для этого 30 сентября 1998 г. Назарбаев обратился с посланием к народу Казахстана «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии». Это послание президент изложил на совместном заседании палат парламента. Назарбаев сформулировал ряд основных элементов политической реформы, направленной, как было отмечено, на демократизацию и либерализацию. Он предложил: упростить законодательство о выборах с таким расчетом, чтобы облегчить гражданам возможность принимать участие в политической борьбе; усилить роль партий в политической системе Казахстана; изменить конституционный порядок преемственности исполнения властных полномочий главы государства; усилить роль парламента; укрепить роль неправительственных организаций в строительстве гражданского общества; обеспечить высокопрофессиональный уровень работы и автономность судебной системы; поднять роль СМИ; улучшить отношение общества к женщине. За всем этим скрывался расчет реализовать задуманный план проведения досрочных выборов президента.

В итоге послушный воле президента парламента внес 19 поправок в конституцию. Впервые небольшую часть депутатов нижней палаты парламента (десять мандатов) граждане могли выбирать по партийным спискам. Значительная же часть изменений была посвящена упрочению института президентства, причем имелся в виду сам Назарбаев. Этому способствовало устранение верхнего возрастного предела для занятия должности президента, нижний предел при этом повышался с 35 до 40 лет. Вопреки сложившейся к тому времени практике передовых демократических стран срок полномочий президента в Казахстане был увеличен с пяти до семи лет.

Именно с учетом этого нового срока полномочий и были проведены президентские выборы. Отстранив далеко не правовыми методами ряд потенциальных конкурентов, с массовыми нарушениями, Назарбаев победил на выборах 10 января 1999 г. За его кандидатуру, по официальным данным, проголосовало 79,78%, за лидера коммунистов Серикболсына Абдильдина — 11,70, за генерала Гани Касымова — 4,61, за сенатора Энгельса Габбасова — 0,76% избирателей. Победа Назарбаева на президентских выборах являлась определенным рубежом в новейшей истории Казахстана — завершением становления новой независимой государственности. Политический режим сумел адаптироваться в новой системе координат, свойственной обществу переходного типа, и обрел определенную устойчивость.

Это подтвердили состоявшиеся осенью 1999 г. выборы в обе палаты парламента. В период подготовки к выборам, в октябре 1999 г., Назарбаев еще раз поменял состав правительства. На место ушедшего Балгимбаева был назначен кадровый дипломат К. Токаев. Выборы изобиловали нарушениями норм демократии и законодательства. К выборам в Мажилис оказались допущены десять

политических партий для голосования по партийным спискам. Против лидера Республиканской народной партии Казахстана (РНПК) А. Кажегельдина была применена дискриминационная норма законодательства, в результате чего эта партия вынуждена была отказаться от выставления своего партийного списка.

Нарушения, допущенные властью в ходе выборов, позволили создать такой же подконтрольный президенту парламент, как и в результате выборов конца 1995 г. Пропрезидентские партии и кандидаты, связанные с исполнительной властью, составляли в нем абсолютное большинство. Партия народного единства Казахстана к тому времени уже исчезла с политической арены республики. Фактически административным путем ее члены были влиты в ряды ее преемницы — партии «Отан» («Родина»), возникшей в январе 1999 г. на базе предвыборного штаба Назарбаева на президентских выборах. Председателем партии был избран сам Назарбаев, однако по формальным причинам этот пост был делегирован бывшему премьеру — С. Терещенко. «Отан» получил 24 места в нижней палате. 11 мест достались лояльной президенту Гражданской партии, образованной в ноябре 1998 г. Еще три места получила Аграрная партия, возникшая одновременно с «Отан». Оппозиция в парламенте не могла играть самостоятельной роли: компартия смогла добиться лишь трех мандатов, РНПК — одного мандата.

В результате Казахстан стал представлять из себя государство с четко выраженной авторитарной политической системой и одновременно относительно успешной трансформирующейся экономикой рыночного типа.

ТАДЖИКИСТАН

Таджикистан представляет собой страну, 93% территории которой покрыто горами. Природные условия и особенности исторического развития Таджикистана сказались на степени модернизации таджикского общества. Индустриализация в советскую эпоху загрнула республику в гораздо меньшей степени, чем это имело место в Казахстане и Узбекистане. Значительная часть таджикского населения продолжала жить в условиях традиционных и во многом патриархальных социальных представлений.

Хозяйственная политика, проводившаяся в республике в годы советской власти и связанная со строительством крупных гидроэлектростанций, а следовательно, с затоплением больших площадей и переселением на новые места жительства целых кишлаков и даже малых этнических групп, имела ряд отрицательных последствий. Большая часть населения Таджикистана была занята в сельском хозяйстве, тем не менее даже основные продукты питания завозились из других союзных республик. В то же время рождаемость в республике была одной из самых высоких в СССР.

На волне политических реформ в СССР в Таджикистане стали возникать новые политические объединения. В августе 1990 г. в Душанбе была учреждена Демократическая партия Таджикистана, программные установки которой в тот период представляли смесь общедемократических и исламских лозунгов. Либерализация общественной жизни в республике сопровождалась резким усилением

внимания к возрождению роли ислама. В декабре 1990 г. Верховный Совет принял закон о свободе совести и религиозных организациях, допускавший открытое распространение религиозных убеждений. За короткий период в республике было построено множество мечетей и других культовых сооружений, открылись десятки мусульманских школ.

Формально законодательство Таджикистана содержало запрет на создание и деятельность религиозных политических организаций. Однако действовавшая в то время в СССР Исламская партия возрождения в октябре 1990 г. создала свою таджикскую структуру — Исламскую партию возрождения Таджикистана (ИПВТ). Коммунистическая номенклатура республики пыталась противостоять не только становлению религиозных, но и других широких общественных демократических движений, видя в их деятельности угрозу потерять свои руководящие посты. Лидер коммунистов К. Махкамов в трудной ситуации осени 1991 г. растерял свое влияние. В Душанбе на разных площадях параллельно шли фактически бессрочные митинги противостоящих друг другу политических сил. Под давлением «улицы» Махкамов вынужден был уйти в отставку, а на его место 24 ноября главой государства был избран представитель влиятельного в Таджикистане ленинабадского (ходжентского) клана Р. Набиев, набравший 61,3% голосов и победивший кандидата от оппозиции памирца Д. Худоназарова, получившего 31,5% голосов. Набиев заключил с оппозицией соглашение, по которому власть брала обязательство не преследовать активистов оппозиции.

Исламская оппозиция ловко использовала промахи в политике республиканского руководства и, выдвигая популистские лозунги, сумела привлечь на свою сторону значительную часть населения, в основном из сельских районов. Ситуация осложнялась тем, что возникшие новые демократические организации, такие как Демократическая партия Таджикистана и движение «Растохез» («Возрождение»), в своей политической борьбе с властью во многом солидаризировались с исламской оппозицией. В Таджикистане зимой 1991–1992 гг. фактически сложился альянс исламо-демократической оппозиции.

Стремясь не допустить роста влияния оппозиции, в марте 1992 г. Набиев, опираясь на своих сторонников в депутатском корпусе Верховного Совета и столичного городского совета, дал указание арестовать одного из лидеров оппозиции, депутата парламента М. Икромова, с его ведома был также вынесен сомнительный приговор еще одному лидеру оппозиции из движения «Растохез» М. Миррахимову. Эти события вызвали активизацию деятельности оппозиции. В Верховном Совете публично стали звучать взаимные обвинения, которые были адресованы не просто политическим конкурентам, а различным этнорегиональным общностям Таджикистана.

На площади Шохидон в Душанбе начался затяжной многодневный митинг оппозиции, большинство участников которого составляли выходцы из Каратегина с Памира. Выдвигались требования отставки властей (главным образом главы Верховного Совета С. Кенджаева), принятия новой конституции и проведения многопартийных выборов. Но в оппозиции наиболее видными лидерами являлись Ходжи Акбар Тураджонзода, Давлат Усмон и др., придерживающиеся ис-

ламских взглядов. Немного позже был организован альтернативный митинг на площади Озоди, как позднее выяснилось, финансируемый за счет Ленинабадской области. Власти пытались лавировать, не имея реальной возможности силой подавить митинг исламо-демократической оппозиции. Одновременно ряд оппозиционных политиков стал выдвигать экстремистские лозунги, в том числе направленные на разжигание межнациональной розни.

В начале апреля депутаты областного Совета Горно-Бадахшанской АО объявили о преобразовании области в автономную республику в составе Таджикистана. В Верховном Совете Таджикистана ситуация накалялась день ото дня. На открытые угрозы поддерживающих Набиева депутатов оппозиция ответила выдвиганием ультимативных требований об отставке главы парламента и создании отрядов ополчения. 21 апреля парламент был захвачен. Однако президент назначил Кенджаева главой Комитета национальной безопасности. В столице начались эпизодические столкновения между сторонниками противоборствующих сил. Кенджаев вновь был избран руководителем Верховного Совета, а Набиев дал распоряжение о формировании собственных вооруженных частей («гвардии»), для чего участникам проправительственного митинга было роздано около 2 тыс. автоматов.

1 мая 1992 г. в Таджикистане было введено чрезвычайное положение, а в Душанбе — комендантский час. Произошли вооруженные столкновения, в результате которых оппозиции удалось завладеть легким стрелковым оружием и даже бронетехникой. Власти стали подтягивать в столицу своих сторонников из Куляба. Силы оппозиции также росли, и она добилась отставки ряда ключевых фигур — сторонников президента. Бои в столице сопровождались погромами в отдельных районах, а попытки предотвратить их со стороны командования 201-й дивизии вызвали агрессивную антирусскую пропаганду оппозиции, которая в открытую стала выдвигать исламские лозунги. 11 мая было сформировано коалиционное правительство национального примирения, где оппозиции досталось около трети постов.

Митинги в столице прекратились. Но в Кулябе вскоре началось формирование вооруженных отрядов проправительственных сил. Частью таких отрядов командовали криминальные авторитеты, которые использовали политическую дестабилизацию в собственных корыстных целях. Набиев выразил намерение перебраться в Ленинабадскую область на севере республики, откуда были силой изгнаны все сторонники оппозиции. Ленинабадцы не признали коалиционное правительство и отказались выполнять его решения. Гражданская война в Таджикистане стала реальностью. В Таджикистан из соседнего воюющего Афганистана стали проникать оружие и афганские боевики. Боевые действия охватили целый ряд районов Таджикистана. Они сопровождались грубыми нарушениями правил ведения войны с обеих сторон, казнями гражданского населения. Сотни тысяч людей вынуждены были бежать из своих жилищ в другие регионы республики и за ее пределы, в том числе в Афганистан.

В начале сентября, после захвата оппозицией президентского дворца в Душанбе, правительство было принуждено проголосовать за отставку Набиева.

7 сентября Набиев ушел в отставку и перебрался в Ходжент. И.о. главы государства стал А. Искандаров, а и.о. премьер-министра — крупный предприниматель из Ходжента А. Абдуллоджанов. В Ходжете была созвана специальная сессия Верховного Совета Таджикистана из депутатов кулябцев и ленинабадцев, составлявших 2/3 состава парламента. Сессия отменила институт президентства, утвердила отставку Набиева и избрала новое руководство парламента во главе с Э. Рахмоновым, который фактически стал главой государства. На посту премьер-министра остался А. Абдуллоджанов. Формально сессия была призвана примирить враждующие стороны. На деле произошло формирование Народного фронта — полигической силы, базирующейся на временном союзе двух северных региональных кланов республики — кулябского и ленинабадского. Из Узбекистана была оказана существенная помощь в виде поставок оружия.

Отряды Народного фронта 10 декабря 1992 г. с боями заняли Душанбе. Их победа сопровождалась жестокими внесудебными репрессиями по отношению к своим противникам: таджикам из Каратегина, представителям демократической интеллигенции. Политический лидер этой новой силы Эмомали Рахмонов, выходец из Куляба, делал ставку именно на жесткие меры, считая, что только при помощи их можно навести порядок в республике.

Захват столицы не привел к прекращению гражданской войны, наоборот, она вспыхнула с новой силой. Отряды Народного фронта встретили ожесточенное сопротивление на южном и северо-восточном направлениях. Естественно, обострилась и борьба за власть внутри самого Народного фронта: часть политических лидеров и полевых командиров были убиты при невыясненных обстоятельствах. Зажиточный ленинабадский клан настороженно относился к своим союзникам — кулябцам, представляющим бедный аграрный регион Таджикистана. Военные действия имели катастрофические последствия для социально-экономического положения республики, многие важнейшие объекты инфраструктуры и жизнедеятельности были разрушены. Преступность приобрела фактически неконтролируемый характер. Особенно быстро набирал силу наркобизнес.

Летом 1993 г. Рахмонов добился запрета деятельности всех политических организаций оппозиции. Одновременно он предпринял активные усилия по налаживанию отношений с государствами, заинтересованными в ликвидации военного конфликта, — прежде всего с Россией и Узбекистаном. Узбекистанская авиация принимала участие в бомбардировке отрядов оппозиции Таджикистана, российским военным также приходилось участвовать в боях, защищая важные объекты, например Нурекскую ГЭС. В июле 1993 г. на российскую погранзаставу на р. Пяндж было совершено нападение отряда боевиков, пришедшего со стороны Афганистана, погибли 24 пограничника.

Страны СНГ пыгались воздействовать на ситуацию дипломатическим путем, гуманитарной помощью и посылкой в Таджикистан своих миротворческих частей. При этом руководство Узбекистана, очевидно, преследовало и свои интересы. По крайней мере, не в последнюю очередь именно опираясь на помощь Ташкента, региональные кланы Ленинабадской области Таджикистана, населенной в значительной степени этническими узбеками, постепенно стали демонстриро-

вать Рахмонову свое нежелание полностью подчиняться его линии. Дело дошло до взрывов мостов, соединявших трассы Душанбе–Ходжент. Сессия Ленинабадского областного совета пыталась провести решение о создании здесь свободной экономической зоны. Высказывались и предложения о присоединении области к Узбекистану. Но решительные действия Рахмонова, пославшего в Ходжент вооруженный десант, сорвали эти планы. После этого премьер-министр А. Абдуллоджанов вынужден был уйти в отставку. Но ради сохранения коалиции новым премьером был назначен также ленинабадец — экономист А. Самадов. а спустя год этот пост занял ленинабадец Д. Каримов.

С 1994 г. при помощи посредников начались переговоры по внутритаджикскому мирному урегулированию. В 1995 г. была зарегистрирована оппозиционная Демократическая партия Таджикистана, занявшая к этому времени умеренные позиции. Наиболее сильной частью оппозиции продолжало оставаться Движение исламского возрождения Таджикистана, сформированное на основе Исламской партии возрождения в 1993 г. Одной из сторон в переговорном процессе выступала Объединенная таджикская оппозиция (ОТО), лидерами которой были Тураджонзода и Саид Абдулло Нури.

Рахмонов сумел усилить собственные позиции и устранить с политической арены своих конкурентов. Народный фронт потерял свою значимость и позднее был распущен. В таких условиях в Таджикистане была восстановлена должность президента. 6 ноября 1994 г. Рахмонов выиграл президентские выборы, набрав 58,7% голосов. Его соперник — Абдуллоджанов получил 40,7% голосов. Выборы сопровождались значительными нарушениями, и часть экспертов заявляла об их явной фальсификации. Одновременно с выборами был проведен референдум по новой конституции Таджикистана, за которую высказались 95,7% избирателей.

В феврале–марте 1995 г. прошли парламентские выборы. Большинство депутатов составляли выходцы из Куляба, бывшие боевики Народного фронта и коммунисты. Из 181 мандата 60 получили коммунисты, 5 — Народная партия Таджикистана, 2 — Партия народного единства и согласия, 1 мандат достался Партии экономического и политического возрождения.

Трудный процесс выздоровления длился не один год и привел наконец к заключению 27 июня 1997 г. в Москве Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане. Этот документ был подписан президентом Э. Рахмоновым и лидером Объединенной таджикской оппозиции С. Нури и завизирован специальным посланником генерального секретаря ООН Мерремом.

Само соглашение представляло собой набор протоколов, содержащих комплекс обязательств сторон по прекращению конфликта и ликвидации его последствий в республике. Среди прочих в них были обозначены и обязательства по созданию условий для демократического развития общества и проведению свободных выборов. Для реализации этих целей вскоре был принят Акт о взаимном прощении и Закон об амнистии. Публичные политики Таджикистана в основном стремились придерживаться достигнутых соглашений, не останавливаясь перед применением силы к тем полевым командирам, которые по разным причинам

отказывались подчиняться новым, единым для всех участников политического процесса правилам поведения. Так, силой был подавлен мятеж бригады М. Худойбердыева в Курган-Тюбе, нейтрализованы попытки сопротивления мирному урегулированию в Гармском и Тавильдаринском районах, уничтожена группа боевиков Р. Садилова, действовавшая в пригороде Душанбе.

Объединенная гаджикская оппозиция по условиям мирных соглашений добилась предоставления 30% мест в правительстве. Первый заместитель руководителя ОТО А. Тураджонзода указом президента Таджикистана в феврале 1998 г. был назначен первым вице-премьером республики. Параллельно шла работа по подготовке изменений в конституции страны и выработке закона о политических партиях.

Процесс налаживания отношений между властью и оппозицией тем не менее протекал достаточно болезненно. Сторонники Рахмонова зачастую отказывались выделять места в органах власти по квоте оппозиции, искусственно тормозился процесс репатриации бойцов оппозиции из Афганистана. Парламент то не утверждал кандидатуры отдельных министров-членов ОТО, то настаивал на законодательном запрете создания партий на религиозной основе. Последнее обстоятельство было весьма чувствительным ударом по оппозиции, сердцевину которой составляла партия Исламского возрождения Таджикистана. Время от времени случались и более серьезные эксцессы, например убийство военных наблюдателей ООН. ОТО, со своей стороны, намеренно долгое время тормозила роспуск своих вооруженных отрядов. Тем не менее сторонам удалось избежать новой лобовой конфронтации. В ноябре 1998 г. парламент Таджикистана принял компромиссный вариант закона о политических партиях. В следующем месяце ОТО завершила процесс возвращения своих вооруженных формирований из Афганистана. Но, хотя сроки реализации соглашения о национальном примирении к началу 1999 г. уже истекли, далеко не все намеченные этим документом мероприятия удалось к тому времени реализовать.

Проблема осложнялась тем, что в ноябре 1999 г. истек срок полномочий президента Рахмонова. Естественно, что с учетом этого обстоятельства власть и объединенная оппозиция сосредоточили свои усилия на подготовке к грядущим выборам. Причем ОТО настаивала на проведении прежде всего парламентских выборов, не без основания полагая, что после выборов главы государства и победы на них Рахмонова последний может воспользоваться этим для приостановки дальнейшего процесса интеграции оппозиции во властные структуры. Не один раз ОТО отказывалась от работы в Комиссии по национальному примирению, выдвигая те или иные условия и претензии к власти. Посредникам от ООН стоило немало труда улаживать эти разногласия.

В конце концов правительство Рахмонова пошло на уступки требованиям оппозиции. Бывший полевой командир Мирзо Зиеев был назначен министром по чрезвычайным ситуациям, представители ОТО вошли в местные органы власти и были включены в состав ЦИК республики. Со своей стороны, ОТО дала согласие на проведение сначала президентских выборов. Наконец, 3 августа 1999 г. ОТО заявила о роспуске своих боевых отрядов.

Обоюдный отказ от ставки на силовые методы для достижения политических целей привел к легализации деятельности политических партий и дал возможность проведения 26 сентября 1999 г. референдума по поправкам в конституцию. Вокруг выборов главы государства, однако, сложилась непростая ситуация. Из четырех выдвинутых различными политическими партиями кандидатов только кандидату от Народно-демократической партии удалось собрать требуемые законом для регистрации 145 тыс. подписей избирателей, этот норматив был достаточно высок для республики. Нетрудно догадаться, что этим кандидатом был действующий президент Э. Рахмонов. Представители же оппозиции заявляли о преднамеренно чинимых на местах препятствиях в сборе подписей их сторонникам. Не помогло даже то, что фамилию одного из оппозиционеров (от Исламской партии возрождения) — Давлата Усмона — потом все-таки (помимо его желания) включили в бюллетени, чтобы выборы не выглядели безальтернативными. В результате стало очевидно, что таджикская оппозиция явно проиграла этот раунд. 6 ноября 1999 г. Рахмонов вновь был избран главой государства.

Неудачей окончилась и попытка взять реванш на выборах в реформированный — уже двухпалатный — парламент, которые прошли в марте 2000 г. Из 63 мест в нижней палате парламента пропрезидентская Народно-демократическая партия получила 40 мест, Коммунистическая партия — 7, а Исламская партия возрождения — всего 2 места. Остальные места достались независимым кандидатам. Участвовавшим в выборах Демократической партии, Социалистической партии и Партии справедливости мест вообще не досталось. Что касается верхней палаты парламента, то бесперспективность надежд оппозиции на получение контроля над ней была предопределена уже самим способом ее формирования. Из 33 таджикских «сенаторов» 25 избирались областными, районными и столичными представительными органами республиканского подчинения, а еще 8 назначались самим президентом.

После избрания парламента была прекращена деятельность Комиссии по национальному примирению. В результате всего этого таджикская оппозиция потерпела явное фиаско при попытке своей политической легитимации. Как и во всей остальной Центральной Азии, властная бюрократия оказалась сильнее публичных политиков от оппозиции.

В экономическом отношении республика значительно отстает от других центральноазиатских государств. Рыночные реформы здесь начались значительно позднее. Ущерб от гражданской войны составил 7 млрд. долл. — это примерно 18 годовых бюджетов Таджикистана. Таджикский народ потерял в братоубийственной войне, по разным оценкам, от 60 тыс. до 150 тыс. жизней. Оживление в экономике началось с 1997 г. Стали расти объемы добычи золота, урожаи хлопка и зерновых, выплавка алюминия на заводе в г. Турсун-заде, выработка электроэнергии. Однако для преодоления последствий кризиса, по мнению таджикских и зарубежных экспертов, потребуется длительный период времени.

ТУРКМЕНИСТАН

Туркменистан — единственная из центральноазиатских республик, где прогрессивные экономические и политические реформы в процессе отказа от советского строя были минимизированы и трансформировались в уникальный для всего постсоветского пространства феномен государства вождистского, фюрерского типа.

Политическая элита и общественность Туркменистана не принимали активного участия в событиях периода «перестройки» конца 1980-х годов, происходивших на всем пространстве СССР. Первый секретарь коммунистической партии Туркменистана Сапармурад Ниязов не обладал большим весом и влиянием в Москве. Новых общественных организаций, обладавших влиянием, в Туркменистане так и не появилось. Республика продолжала жить по инерции.

Декларация о государственном суверенитете была принята 22 августа 1990 г. Копируя реформы М. Горбачева, в Туркменистане учреждается пост президента с явным расчетом, что занять его должен номенклатурный лидер коммунистов. Выборы первого президента состоялись 27 октября 1990 г. Они были безальтернативными, но в отличие от других центральноазиатских республик — всеобщими, поскольку степень контроля за населением в Туркменистане со стороны власти оставалась такой же тотальной, как и десятилетия назад. Голосование на избирательных участках было абсолютно формальной процедурой, имевшей мало общего с подлинно демократическим мероприятием. За кандидатуру Ниязова проголосовало 98,3% избирателей.

26 октября 1991 г. в республике был проведен референдум о независимости. За независимость проголосовало 94,07% избирателей. На следующий день Верховный Совет принял заранее подготовленный конституционный закон о независимости и основах государственного устройства Туркменистана. Парламент республики действовал в советском стиле: он молчаливо, без прений и дискуссий голосовал за решения, разработанные аппаратом главы государства. В ноябре 1991 г. Ниязов добился у Верховного Совета наделения его дополнительными полномочиями. В частности, он возглавил правительство, ликвидировав пост премьер-министра.

18 мая 1992 г. была принята новая конституция Туркменистана. В связи с принятием нового Основного закона Ниязов, стремясь продемонстрировать свою демократичность и поголовную народную поддержку, организовал новые досрочные выборы президента, которые и состоялись 21 июня 1992 г. На них, опять-таки в условиях безальтернативности, победил Ниязов, набрав 99,5% голосов.

Принятая конституция закрепляла во многом уникальную модель власти, созданную в Туркменистане, имевшую явный авторитарный характер. Президент наделялся большими полномочиями: возглавлял правительство, имел право распускать парламент (Меджлис), в любое время назначать и снимать с должностей лиц, занимающих посты не только в исполнительной, но даже и в судебной ветвях власти. Был создан не имеющий аналогов в государственном строительстве орган — Халк маслахаты (Народный совет). Формально он был призван служить

представительным органом. В его состав вошли: президент, депутаты Меджлиса, так называемые народные представители — избранные члены этого органа от районов страны, председатель Верховного суда, генеральный прокурор, председатель высшего хозяйственного суда, члены правительства, главы администраций областей республики (*ветаятов*) и мэры муниципальных советов городов и поселков. Тем самым в составе данного органа вместе оказывались лица как избранные населением, так и назначенные на свои должности президентом. Хотя очередные заседания Халк маслахаты по конституции должны проводиться не реже одного раза в год, этот орган формально решает ряд принципиально важных вопросов: целесообразность изменения конституции, проведения референдумов, ратификации и денонсации международных договоров, объявляет состояние войны, вырабатывает рекомендации по основным направлениям развития страны. На практике Халк маслахаты оказался удобной и красивой декорацией, позволяющей президенту Ниязову произвольно управлять Туркменистаном по собственному усмотрению.

Постепенно в Туркменистане стал насаждаться культ личности Ниязова. Его портреты и статуи заполнили улицы городов и поселков, страницы печатных изданий и даже денежные купюры, его выступления бесконечно цитировались в теле- и радиоэфире. Значительная часть объектов республики была названа в его честь. Ниязов получил титул «Туркменбаши» — предводитель туркмен. В начале 1993 г. был ликвидирован президиум Академии наук республики. Формальной причиной этого шага, как было заявлено, стало то, что власти не желали иметь в государстве иные должности президентов, кроме той, что занимал Ниязов. Попытки создания независимых от власти политических объединений жестко пресекались. Бывшая компартия республики еще в декабре 1991 г. была преобразована в Демократическую партию, не имевшую конкурентов в Туркменистане. Председателем партии стал Ниязов. Депутаты парламента, стремясь угодить Ниязову, в конце 1993 г. выступили с инициативой продлить срок его президентских полномочий еще на пять лет без выборов, проголосовав за такое решение в парламенте. В ответ на это Ниязов публично высказался за проведение нового референдума, который и состоялся 15 января 1994 г. На нем, как и следовало ожидать, 99,99% голосов было отдано за продление полномочий Ниязова до 2000 г.

11 декабря 1994 г. состоялись первые за период независимости парламентские выборы. Так же как и на прошлых, еще советских выборах в Верховный Совет в январе 1990 г., в Туркменистане все 100% избирателей отдали свои голоса за безальтернативных кандидатов единственной публичной политической силы — тогда блока коммунистов и беспартийных, а теперь Демократической партии. Новый Меджлис, состоящий теперь уже из 50 депутатов (в Верховном Совете их было 175), не играл никакой самостоятельной роли в политике, где все значимые вопросы решались президентом.

Руководство Туркменистана не стало активно внедрять рыночные реформы. Отдельные экономические преобразования проводились под жестким контролем государственных чиновников. Основная ставка делалась на привлечение инве-

стиций в газовый сектор республики. Обладая огромными запасами дешевого природного газа, Туркменистан рассчитывал за счет его экспорта пополнять государственный бюджет. Однако в первой половине 1990-х годов с экспортом голубого топлива из Туркменистана возникли серьезные сложности. Основной магистральный трубопровод, построенный в советское время, «Средняя Азия–Центр», шел через Узбекистан и Казахстан в Россию. Российское руководство не было заинтересовано в реэкспорте туркменского газа в Европу, так как планировало поставлять на этот рынок собственный газ, а также потому, что сталкивалось со сложностями в оплате поставляемого российского газа в другие страны СНГ. В результате Туркменистан вынужден был довольствоваться поставками своего газа в бывшие союзные республики СССР, которые в силу объективных причин не могли платить должную цену. Тем не менее руководство Туркменистана, получая доходы от продажи природного газа, сделало его поставки собственному населению с января 1993 г. бесплатными. Одновременно туркменские дипломаты стали вести переговоры о возможности строительства газопроводов по другим направлениям: в Китай, в Иран, через Афганистан в Пакистан и Индию, через Каспийское море в Турцию и Европу.

Однако эти проекты предполагали огромные инвестиции и поэтому не были реализованы. Удалось построить только трубопровод небольшой пропускной мощности от туркменского месторождения Корпердже в Прикаспии в иранский город Курт-куи. В результате добыча газа в Туркменистане упала более чем в два раза по сравнению с советским периодом. Тем не менее средств, получаемых от продажи газа, нефти и продуктов их переработки, правительству хватало для развертывания строительства многочисленных объектов инфраструктуры, главным образом автомобильных и железных дорог, промышленных предприятий, а также многочисленных административных зданий. Огромное строительство развернулось в столице республики — Ашхабаде: здесь возводились многочисленные памятники и дворцы. Населению же перепало немного: помимо бесплатного газа правительство разрешило бесплатное пользование электроэнергией (в пределах установленных лимитов) и организовало бесплатную раздачу муки.

Правительство Туркменистана сумело существенно увеличить урожай зерновых, поголовье скота (в республике традиционно специализировались на разведении каракулевых овец и лошадей ахалтекинской породы), неплохие доходы стала приносить текстильная промышленность, основанная на переработке туркменского хлопка.

В то же время в Туркменистане были установлены жесткие полицейские порядки, введена тотальная цензура в СМИ, разрешительный порядок выезда из страны в другие государства. Президент Ниязов являлся единственным в республике учредителем газет. Спутниковое и кабельное телевидение находились под запретом. Доступ в Интернет был существенно ограничен, в республике отсутствовали независимые провайдеры. Правительственными декретами были запрещены опера и балет, закрыты филармония и цирк. Ниязов периодически проводил чистки административных кадров, увольняя большое количество чиновников. Любое подозрение в нелояльности президенту грозило человеку и его родст-

венникам репрессиями. В немилость в разное время попали даже высшие должностные лица — министры иностранных дел Туркменистана А. Кулиев и Б. Шихмурадов.

12 декабря 1995 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию № 50/80А «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Власти в Ашхабаде постарались преподнести это как эпохальное, всемирно-историческое событие. В тексте резолюции Туркменистан был провозглашен нейтральным государством, т.е. ООН признала и поддержала провозглашение Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета. При этом резолюция содержала характерный для такого рода документов призыв к государствам-членам ООН уважать как этот статус страны, так и ее независимость и территориальную целостность.

По отношению к СНГ Ниязов всегда занимал позицию, характерную скорее для стороннего наблюдателя: более половины принимаемых документов в рамках этой организации Туркменистан просто не подписывал. Президент Туркменистана объяснял это следующим образом: «...на наш взгляд, отношения в рамках СНГ должны строиться на основе максимального учета позиций каждого государства, носить не жестко координирующий, а консультативный характер». Туркменистан отказался от участия в так называемом Ташкентском договоре — Договоре о коллективной безопасности стран Содружества Независимых Государств, который был подписан 15 мая 1992 г. всеми центральноазиатскими государствами. (Узбекистан вышел из этого договора позднее, отказавшись подписать протокол о его продлении на следующий срок.) Нейтральный статус Туркменистана, помимо прочего, служил дополнительной гарантией для Ниязова от вмешательства извне в проводимый им авторитарный курс.

С 1997 г. Туркменистан стал мишенью для серьезной критики со стороны международных организаций за нарушения прав человека и отсутствие демократических преобразований. Туркменское руководство отрицало справедливость этих упреков в свой адрес и настаивало на необходимости и обоснованности собственной, туркменской модели демократии. Одним из наиболее показательных примеров этой модели демократии стало принятие в декабре 1999 г. постановления Халк маслахаты «О полномочиях первого Президента Туркменистана Сапармурада Туркменбаши», по которому президент Ниязов получал исключительное право осуществлять полномочия главы государства без ограничения срока. Состоявшиеся в декабре 1999 г. очередные выборы в Меджлис уже не были альтернативными. Но к участию в них были допущены только лояльные президенту кандидаты. В результате 99,72% голосов было опять отдано за представителей Демократической партии и так называемых независимых кандидатов.

Глава 23

АФГАНИСТАН

Вторая мировая война крайне неблагоприятно отразилась на экономическом положении Афганистана. Хотя страна и не принимала участия в войне, зависимость ее экономики от мирового рынка остро ощущалась именно в эти годы, когда экономические связи с внешним рынком были нарушены. Особенно пострадало в годы войны крестьянство, основной производитель сельскохозяйственной продукции. Большой ущерб сельскому хозяйству был нанесен засухой 1943/44 г. и продовольственным кризисом 1944/45 г.

Политическая ситуация в Афганистане серьезно обострилась в 1944 и 1945 гг. в связи с вооруженными антиправительственными выступлениями отдельных пуштунских племен, недовольных налоговой политикой властей. Предпринимавшиеся правительством М. Хашим-хана усилия для вывода страны из кризисной ситуации не дали результатов.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

В 1946 г. к власти пришел новый кабинет во главе с Шах Махмуд-ханом, дядей короля Мухаммада Захир-шаха. Его программа была рассчитана на получение внешней экономической и финансовой помощи, в основном американской, с которой связывали планы развития основной отрасли экономики страны — сельского хозяйства. Ее предполагалось использовать при создании ирригационной системы на юге Афганистана, в бассейнах рек Гильменд и Аргандаб.

Со сменой кабинета появились новые веяния в общественно-политической жизни, в основе которых лежали декларации короля и нового премьера о демократии и реформах. Правительство выпустило из тюрем и вернуло из ссылки политических заключенных, осужденных еще в довоенный период. Некоторые из них заняли крупные посты в системе государственного управления. Были объявлены свободные выборы в парламент.

Основные требования оппозиционных сил, сформировавшихся в различные общественные движения, включали отмену экономических привилегий крупных монопольных торговых объединений, демократизацию, принятие новой конституции, предоставление более благоприятных возможностей для деятельности средней и мелкой буржуазии.

Первой в 1947 г. возникла политическая организация «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»). В ее рядах были представители мелкой буржуазии, чиновничества, интеллигенции, служители культа. Видными участниками движе-

ния явились чиновник Нур Мухаммад Тараки, возглавлявший его левое, радикальное крыло, историк Абдулхай Хабиби, поэты Абдуллах Бенава и Гуль Пача Ульфат. Большинство членов организации были пуштунами.

Одним из направлений борьбы оппозиционных кругов являлось требование свободы печати, осуществление которого давало возможность для легальной пропаганды оппозиционных идей. В январе 1951 г. правительство приняло новый закон о печати, который разрешал издание частных газет и журналов. Незадолго до этого начали складываться другие либерально-демократические оппозиционные группировки. Наиболее значительными из них были «Ватан» («Родина»), во главе с видным деятелем младоафганского движения историком Мир Гуламом Мухаммадом Губаром и «Нида-и хальк» («Глас народа»), руководитель — доктор Абдуллахман Махмуди. В 1951 г. они стали издавать в Кабуле свои собственные печатные органы.

К изданию своей газеты первой приступила группировка «Виш зальмиян» — в марте 1951 г. вышел номер ее газеты «Ангар» с программной статьей Н.М. Тараки. В ней содержались основные требования оппозиционных кругов: «хлеба, одежды, работы, равных возможностей для всех людей». Важнейшей задачей на пути преобразований считалось формирование «подлинно демократического правительства», которое «передало бы в руки народа свою судьбу». Реализацию этой задачи предполагалось осуществить в рамках конституционной монархии.

Основной формой политической борьбы либеральных демократов на рубеже 1940–1950-х годов стала их парламентская деятельность. В 1949 г. прошли относительно свободные выборы в парламент седьмого созыва, и в нижней палате образовалась группа депутатов от оппозиции, объединившихся в Национальный фронт. Центральным пунктом их выступлений явились обвинения в адрес правительства в нарушении конституционных положений. Наиболее острые дискуссии развернулись вокруг вопросов о принудительной покупке зерна у населения по ценам ниже рыночных и об использовании принудительного труда — *бегара*, в основном на строительных и дорожных работах. Значительная часть выступлений была посвящена критике деятельности американских компаний в Афганистане.

В целом деятельность депутатов оппозиции не принесла существенных изменений в систему государственного управления и экономическую структуру. В то же время их основные требования во многом определили главные направления политической борьбы различных общественных сил на последующем этапе.

В апреле 1950 г. возник Союз студентов Кабульского университета. Среди его активных членов был студент юридического факультета Бабрак Кармаль. Члены Союза использовали театральные подмостки, а также различные дискуссии для пропаганды своих взглядов. Их основные требования включали проведение реформ в социально-экономической и культурной областях, в сфере государственного управления, осуществление свободы слова и печати.

Некоторая часть интеллигенции в этот период оказалась вовлеченной в политическую деятельность в рамках организации, созданной в 1950 г. двоюродным братом короля, генералом Мухаммадом Даудом, так называемого Национального

клуба. Организация выступала с радикальных националистических позиций в поддержку движения зарубежных (т.е. пакистанских) пуштунов.

Деятельность оппозиционных группировок достигла наибольшей остроты в мае 1952 г. На выборах в парламент 8-го созыва, состоявшихся в апреле того года, в результате вмешательства властей в избирательную кампанию ни один из кандидатов оппозиции не получил депутатского мандата. Тогда лидеры оппозиционных группировок организовали в Кабуле массовую демонстрацию протеста против фальсификации результатов выборов. К участникам демонстрации присоединилось столичное студенчество.

Власти развернули широкое наступление на оппозиционное движение. Были закрыты частные газеты, оппозиционные группировки разгромлены, а их руководители арестованы и посажены в тюрьмы. Впрочем, судьбы лидеров оппозиции сложились по-разному. Так, Н.М. Тараки был отправлен в США на должность пресс-атташе афганского посольства. А. Хабиби незадолго до событий покинул Афганистан и в Пакистане стал издавать журнал «Азад Афганистан» («Свободный Афганистан»), выступая с критикой королевского режима. А. Бенава был выслан в Индию. М.Г.М. Губар был осужден на четыре года тюремного заключения, такому же наказанию подвергся и Б. Кармаль. Наибольший срок тюремного заключения, 9,5 лет, получил доктор А. Махмуди. В 1962 г., выйдя из тюрьмы, он умер от туберкулеза. Многие деятели оппозиции после выхода из заключения отошли от политики. Некоторые из оппозиционеров пошли на сотрудничество с режимом и в дальнейшем заняли важные посты в государственном аппарате.

В начале 1950-х годов Афганистан более интенсивно вовлекался в мировую политику. В поисках своей ниши в ней он вернулся к традиционной стратегии балансирования между великими державами — СССР и заменившими Великобританию США, стараясь не поступаться принципами нейтралитета.

При этом расклад сил в регионе оказался неблагоприятным для Афганистана. Если со стороны северного соседа (СССР) он мог рассчитывать на благожелательную позицию, то западный сосед (Иран) демонстрировал традиционно прохладное отношение, а на юго-востоке в 1947 г. появилось государство (Пакистан), связи с которым долгое время были неровными, зачастую враждебными.

В последние годы британского колониального господства в Индии Кабул предложил Лондону решить проблему самоопределения пуштунов, населявших пограничные с Афганистаном северо-западные районы. При этом афганцы заявили об отсутствии притязаний на эти территории, настаивая лишь на праве пуштунов самоопределиться и создать свое государство — Пуштунистан. После провозглашения Пакистана Кабул вступил в переговоры с его властями. Однако те проигнорировали требования, что послужило причиной возникновения острых противоречий между двумя странами.

Уже в 1947 г. на границе начались вооруженные столкновения, которые продолжались до 1949 г., угрожая перерасти в открытый конфликт. В 1949 г. Кабул заявил о непризнании «линии Дюранда» (навязанной британскими колонизато-

рами в 1893 г. линии разграничения между Афганистаном и британскими владениями в Индии) в качестве государственной границы с Пакистаном. Афганистан стал поддерживать движение зарубежных пуштунов за самоопределение. В 1949 г. в Кабуле собралась Лоя джирга (Великое собрание) для решения вопросов отношений с Пакистаном, которая одобрила политику всемерной поддержки пакистанских пуштунов и их требований о создании «свободного Пуштунистана».

В начале 1950-х годов в роли посредника выступали США. При этом стратегические цели Вашингтона и Лондона шли дальше пуштунской проблемы. Уговаривая Кабул отказаться от его требований к Пакистану, они пытались вовлечь Афганистан в планируемый ими военный блок. Однако Афганистан не выразил готовности присоединиться к стратегическим планам Запада в регионе.

Формировавшаяся в те годы концепция неприсоединения стран Азии и Африки к различным военным блокам показалась весьма привлекательной и для молодого поколения афганской элиты. Его предшественники считали, что назрела необходимость пересмотра старых ориентиров внешней политики, не угрожающего вместе с тем основам доброжелательности в отношениях с США и другими странами Запада.

В условиях обострившихся экономических неурядиц и общей внутривнутриполитической нестабильности правительство Шах Махмуд-хана в сентябре 1953 г. подало в отставку.

ОТКАТ К АВТОРИТАРИЗМУ

Пост премьер-министра был занят кузеном короля генералом М. Даудом, который и до этого занимал видные государственные посты (министра обороны, внутренних дел и др.). Программа его правительства была ориентирована на содействие развитию капиталистических отношений при расширяющемся участии государства в экономической деятельности. В ее основе лежала политика «руководимой экономики».

В начале 1950-х годов Афганистан продолжал испытывать серьезные экономические затруднения, что вынудило его вновь обратиться за помощью к США: в 1953 г. Кабул запросил кредит в 36 млн. долл. на ряд экономических проектов. Из Вашингтона было получено в 1954 г. лишь 18,5 млн. долл., причем исключительно на финансирование затянувшегося Гильмендского ирригационного проекта.

Очередная попытка Кабула просить у США экономическую и военную помощь, предпринятая в 1954 г. в условиях нового обострения афгано-пакистанских отношений, вновь натолкнулась на отказ. И тогда М. Дауд решил обратиться к Советскому Союзу. Москва живо откликнулась на инициативу Кабула, и в том же году было подписано советско-афганское соглашение о строительстве в Кабуле хлебокомбината и асфальтобетонного завода. Расширение связей с СССР имело тем большее значение для Афганистана, что складывавшаяся к середине 1950-х годов обстановка на Среднем Востоке наносила ущерб интересам страны: в 1954 г. между США и Пакистаном был подписан договор об оказании американской военной помощи последнему.

Активизация военно-политических усилий США, к которым присоединилась Великобритания, включала поддержку позиции официальных кругов Пакистана в вопросе о Пуштунистане, что вызвало болезненную реакцию Кабула. В 1954 г. правительство М. Дауда объявило о прекращении действия англо-афганского договора 1921 г. При этом Кабул вновь подтвердил свою готовность решать проблему Пуштунистана путем переговоров.

Год спустя, в 1955 г., Афганистан отказался вступить в только что созданный под эгидой США и при участии Великобритании Багдадский пакт (позже переименованный в СЕНТО после выхода из него Ирака) и принял участие в Бандунгской конференции неприсоединившихся государств Азии и Африки.

Поддерживаемый Западом Пакистан объявил об административных реформах, которые вели к ликвидации населенной пуштунами Северо-Западной пограничной провинции. После нападения толпы на здание пакистанского посольства в Кабуле Пакистан в мае 1955 г. закрыл все афганские консульства и торговые представительства, запретил транзит товаров в Афганистан через пакистанскую территорию. В ответ афганское правительство заявило о введении в стране чрезвычайного положения и начале всеобщей мобилизации.

В это трудное время Афганистан вновь обратился за помощью к Советскому Союзу, направив в мае 1955 г. делегацию в Москву. В июне того же года был подписан советско-афганский договор о транзите товаров через территорию обеих стран. И хотя Пакистан вскоре согласился снять ограничения на внешне-торговые операции Афганистана, отношения между двумя странами оставались напряженными. В ноябре 1955 г. в Кабуле состоялось заседание Лоя джирги, которая обсуждала вопрос о появлении в Пакистане новой административной единицы (Западный Пакистан) и последствиях этого события для зарубежных пуштунов. Джирга единогласно одобрила курс правительства в вопросе о Пуштунистане и потребовала от пакистанских властей предоставления пуштунам права на самоопределение.

В декабре 1955 г. в Кабул прибыла с визитом советская правительственная делегация во главе с председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным и первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым. В результате переговоров было принято решение о продлении на десять лет срока действия Договора 1931 г. о нейтралитете и взаимном ненападении. При этом советские руководители поддержали позицию Афганистана по вопросу Пуштунистана. Советский Союз предоставил Афганистану кредит в размере 100 млн. долл. на льготных условиях (2% годовых, срок погашения — 30 лет) на развитие экономики.

В 1956/57 г. началось осуществление первого пятилетнего плана. Его главными задачами было объявлено развитие сельского хозяйства, электроэнергетики, добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта и связи, а также просвещения и здравоохранения. План предусматривал рост валовой продукции за пятилетие на 18–20%, увеличение объема сельскохозяйственного производства на 16%, промышленного — на 74%. Общая сумма капиталовложений в первую пятилетку намечалась в объеме 10,6 млрд. афгани. Значительную часть ассигнований предполагалось покрыть за счет иностранной финансовой помощи,

около 70% которой (115 млн. долл.) было предоставлено в виде кредитов Советским Союзом.

Советская технико-экономическая помощь явилась важным вкладом в выполнение первой афганской пятилетки: при содействии СССР в стране началось строительство крупных экономических объектов, составивших основу государственного сектора, — гидроэлектростанции, автодороги, туннеля Саланг, ирригационного комплекса, а также проведение геолого-разведочных и проектно-изыскательских работ.

В 1956 г. было подписано советско-афганское соглашение о поставках вооружений Афганистану на сумму 32,4 млн. долл., благодаря чему Москва получила возможность непосредственно участвовать в подготовке афганских вооруженных сил. Уже в начале 1960-х годов в афганской армии появились советские технические советники, а в советских военных учебных заведениях — первые группы афганских курсантов.

Итоги выполнения первого пятилетнего плана по основным показателям оказались ниже плановых наметок. Среднегодовой темп прироста валового общественного продукта составил 1,5%. Но в эти годы был построен ряд крупных объектов в государственном секторе, в том числе инфраструктурного характера, что создавало предпосылки для ускорения развития экономики в последующий период.

Во второй половине 1950-х годов расширилась сеть начального, среднего и профессионального образования. Осуществление пятилетнего плана развития просвещения обеспечило быстрый рост числа учебных заведений и учащихся: если в 1955 г. во всех учебных заведениях училось 120,5 тыс. человек, то в 1961 г. — 235,3 тыс.

В рамках новой социальной политики были урезаны привилегии сепаратистски настроенной верхушки кочевых и полукочевых племен, которая вместе с ортодоксальным духовенством составляла скрытую оппозицию режиму. В 1959 г. власти отменили обязательное ношение женщинами чадры. Это способствовало включению женщин в сферу общественной и экономической активности.

В 1962 г. был принят второй план экономического и социального развития страны (1962–1967). Основной упор делался на развитие базовых отраслей экономики — горнодобывающей промышленности, энергетики, транспорта, сельского хозяйства. Общие ассигнования на реализацию плана составили 26,6 млрд. афгани, из них 18 млрд. за счет внешней помощи. И хотя второй пятилетний план был назван «планом индустриализации», большое значение, как и прежде, придавалось развитию сельского хозяйства.

Советский Союз вновь проявил готовность оказать существенную помощь Афганистану в выполнении пятилетнего плана. Подписанное в Москве в 1961 г. соглашение о техническом сотрудничестве предусматривало оказание советского содействия в проведении геолого-разведочных работ, изыскании и лобыче нефти и газа, создании предприятий химической промышленности, строительстве дорог, развитии сельского хозяйства и подготовке кадров.

Масштабная советская экономическая помощь Афганистану, поддержка его позиции по вопросу Пуштунистана и особенно военная помощь вызвали серьез-

ные опасения на Западе, полагавшем, что страна окончательно оказалась в советской зоне влияния. В условиях холодной войны США продолжали соперничество с СССР за влияние в Афганистане. Вашингтон проявил заинтересованность в более тесном экономическом и военном сотрудничестве с ним, разработал долгосрочные программы в области образования, помог в сооружении дорог с твердым покрытием, аэропортов, ирригационных сооружений.

Улучшившиеся афгано-американские отношения были закреплены взаимными визитами на высоком уровне. В июне 1959 г. США посетил М. Дауд. В том же году Кабул посетил с визитом американский президент Д. Эйзенхауэр, который на встрече с королем и премьер-министром подтвердил намерение продолжать оказывать технико-экономическую помощь Афганистану.

Однако во второй половине 1950-х годов связи с СССР получили еще большее развитие. М. Дауд трижды приезжал в Москву с визитами — в 1956, 1959 и 1961 гг. В 1957 и 1962 гг. Советский Союз посетил король Мухаммад Захир-шах. Во время первого визита Дауда Москва обещала предоставить Афганистану кредит в 15 млн. долл. на организацию поставок газа в советскую Среднюю Азию. В 1960 г. в Кабул приезжал Н.С. Хрущев. По некоторым данным, он обещал афганцам оплатить все расходы по второй пятилетке при условии, что они разрешат советским советникам работать во всех афганских министерствах. Король отказался принять это предложение.

Между тем режим М. Дауда к концу своего правления столкнулся с проблемами, нерешенность которых в конце концов привела к его отставке. Наиболее серьезная из них — отношения с Пакистаном. Будучи убежденным пуштунским националистом, М. Дауд занимал жесткую позицию политической и военной конфронтации с Пакистаном. И хотя конфликт 1955 г. между двумя странами был улажен с помощью США, Ирана и Египта, он не изменил своему курсу. Тем самым он нажил себе немало противников среди проамерикански настроенной части политической элиты Кабула, недовольной к тому же его сближением с Москвой.

В августе 1961 г. Пакистан заявил о закрытии своих консульств в Джалалабаде и Кандагаре и потребовал закрытия афганских консульств и торговых представительств на своей территории. В ответ Кабул заморозил свои дипломатические отношения с Пакистаном и закрыл границу. Это повлекло за собой быстрый рост объема и масштабов советско-афганских торговых и экономических связей, что не могло не вызвать беспокойства Вашингтона, опасавшегося дальнейшего втягивания Афганистана в орбиту советского влияния. США давно уже использовали тезис «угрозы с севера» в своих отношениях с Афганистаном, и на сей раз они увидели реальные, как им казалось, основания для своих опасений.

Становилось все более очевидным, что проблема Пуштунистана «перегрелась». Внутри правящей верхушки созрел консенсус относительно необходимости выработки приемлемого решения. В качестве первого шага на пути к нормализации отношений с соседом рассматривалось возобновление дипломатических связей и открытие границы. Это понимал и М. Дауд, согласившийся уйти в отставку и тем самым дать возможность пришедшему ему на смену правительству

разработать новый курс в отношении Пакистана. В мае 1963 г. король принял его отставку.

КОНСТИТУЦИЯ 1964 г. «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

В 1963 г. новое правительство возглавил Мухаммад Юсуф, бывший министр горных дел и промышленности в кабинете М. Дауда. Новый глава кабинета подтвердил сохранение прежнего курса в экономической политике, но с расширением содействия частным инициативам. Его экономический курс был сформулирован как «смешанная руководимая экономика».

В политической области правительство заявило о намерении внести определенные изменения в систему государственного управления, в частности разработать новую конституцию с целью расширения гражданских прав подданных, подготовки нового избирательного закона, создания политических партий.

Одновременно были предприняты усилия для нормализации афгано-пакистанских отношений: в мае 1963 г. при посредничестве иранского шаха возобновились афгано-пакистанские переговоры. В итоге были восстановлены дипломатические отношения, открылись консульства в обеих странах, и Афганистан получил право транзита своих товаров через территорию Пакистана.

Среди преобразований, проводившихся новым кабинетом, важнейшее место заняла конституционная реформа. Созванная в сентябре 1964 г. Лоя джирга утвердила новый Основной закон, который 1 октября 1964 г. был подписан королем и вступил в силу.

Конституция 1964 г. явилась важным шагом в развитии современных политических институтов в Афганистане. В ее преамбуле декларировалась цель — «установление политической, экономической и социальной демократии». Подтвердив, что в Афганистане сохраняется конституционно-монархический строй. Основной закон сохранил за королем верховные полномочия. В то же время конституция запретила членам королевской семьи занимать посты премьер-министра, министров, депутатов парламента, членов Верховного суда. Они не имели права создавать политические партии или состоять в них (ст. 24).

Конституция декларировала ряд гражданских свобод — неприкосновенность собственности и жилища, равенство подданных перед законом, свободу слова, печати, собраний, обязательное начальное образование. Официальной религией страны был провозглашен ислам ханифитского толка. Вместе с тем Основной закон ограничил влияние мусульманских богословов, особенно в области просвещения и судопроизводства, переданных под непосредственный контроль государства.

Важным новшеством в государственной жизни Афганистана явилось определенное расширение парламентаризма. Впервые было зафиксировано, что законодательная, исполнительная и судебная ветви власти отделены друг от друга и действуют независимо.

Конституция учреждала парламент из двух палат — Национального совета, депутаты которого избираются путем всеобщих, тайных и прямых выборов сроком на четыре года, и Совета старейшин, две трети членов которого также избираются, а остальные назначаются королем. Последний обладал правом распустить парламент, а его члены, в свою очередь, получили право выносить вотум недоверия правительству. Крупным достижением следует признать предоставление права на создание и деятельность политических партий (ст. 32).

Выборы в парламент состоялись в августе–сентябре 1965 г. В нижнюю палату парламента было избрано 216 депутатов. Большинство избранных депутатов представляли консервативные круги крупных землевладельцев, ортодоксального мусульманского духовенства, крупного торгового капитала.

24 октября 1965 г. правительство М. Юсуфа должно было получить вотум доверия в новом парламенте. Однако в этот день у здания парламента собрались тысячи студентов и учащихся лицеев, требуя разрешения присутствовать на заседании нижней палаты. Заседание было отложено до следующего дня.

25 октября под влиянием левых радикалов (Б. Кармала и его соратников) недовольные студенты вновь вышли на демонстрацию. Тогда власти бросили на разгон демонстрации полицию. В ходе столкновения пострадал ряд ее участников. В итоге, несмотря на полученный 26 октября вотум доверия, 29 октября кабинет М. Юсуфа подал в отставку.

Новое правительство сформировал Мухаммад Хашим Майвандваль, бывший посол Афганистана в США. Основное содержание программы нового кабинета, по заявлению его членов, сводилось к привлечению широких слоев населения к участию в политической деятельности. Новый премьер-министр подчеркивал намерение правительства серьезно заняться вопросами положения рабочих и мелких земледельцев, создать условия для свободной деятельности партий и СМИ. Основной курс экономической политики существенно не изменился. Вновь избранный парламент в соответствии с положениями ст. 32 конституции после долгих дискуссий утвердил законопроект о политических партиях.

В 1960-е годы продолжалось экономическое развитие страны в рамках первого (1956–1961) и второго (1962–1967) пятилетних планов. За этот период в стране появились новые отрасли промышленности — авторемонтная, горно-добывающая, химическая, цементная, домостроительная. Объем продукции, производимой на государственных предприятиях, за годы двух пятилеток вырос в 4,4 раза. Промышленное строительство сопровождалось подготовкой национальных кадров, большинство которых готовились на крупных стройках. Их общее число (в основном рабочих и техников) к 1967 г. составило 30 тыс. человек.

При содействии Советского Союза было построено значительное число объектов — автодорога Кушка–Герат–Кандагар протяженностью 680 км, автомагистраль Кабул–Шерхан, порт на р. Пяндж, ГЭС Наглу, Джалалабадский ирригационный комплекс, газопромыслы на севере страны и газопровод Афганистан–Средняя Азия, посредством которого был начат экспорт афганского газа в Советский Союз. Общая сумма советской помощи Афганистану к 1967 г. составила 600 млн. долл.

В 1960-е годы продолжалось технико-экономическое сотрудничество Афганистана и с США. Американская помощь оказывалась Афганистану в сельском хозяйстве, образовании, промышленности, энергетике, дорожном строительстве. Американцы построили за эти годы сеть автотрасс, международный аэропорт в Кандагаре, продолжили сооружение Гильмендского ирригационного комплекса, завершили строительство зданий Кабульского университета. К 1967 г. общая сумма американских грантов и кредитов Афганистану составила 350 млн. долл. Заметный вклад в развитие афганской экономики вложила ФРГ, преимущественно в промышленность и энергетику. Ее инвестиции в афганскую экономику к 1966 г. составили 54,4 млн. долл.

В 1967 г. был разработан третий пятилетний план социально-экономического развития Афганистана (1967–1972). В отличие от первых двух, где главное внимание уделялось созданию инфраструктуры, основной объем капиталовложений в третьей пятилетке направлялся на производительные отрасли — промышленность и сельское хозяйство. Большая часть инвестиций (более 70%) покрывалась за счет иностранной помощи. Всего на цели развития по третьему пятилетнему плану предполагалось ассигновать 33 млрд. афгани, из них 32,4% на промышленность, 29,4% на сельское хозяйство, 16,7% на просвещение и здравоохранение, 12,4% на транспорт и связь.

Между тем само правительство Майвандваля не внесло ничего принципиально нового ни в структуру и характер государственного управления, ни в экономическое развитие страны. Его практическая политика свелась к пустым декларациям.

После отставки Майвандваля в ноябре 1967 г. его преемником стал Нур Ахмад Эттемади, бывший министр иностранных дел. По сравнению с другими премьер-министрами периода «демократического эксперимента» он провел в своем кресле самый продолжительный срок — до мая 1971 г.

Время его правления оказалось нелегким и насыщенным бурными политическими событиями. Наиболее значимыми по остроте и масштабу были студенческие волнения. Толчком к активизации студенческого движения послужило введение в действие осенью 1968 г. Закона об университетах, который запрещал студентам и преподавателям заниматься политической деятельностью. В ответ в Кабуле прошли бурные демонстрации студентов, требовавших его отмены. После острых дебатов парламент отменил закон. Но студенческие волнения продолжались. Тогда власти закрыли Кабульский университет.

В отличие от Майвандваля Н.А. Эттемади расширил полномочия своих министров. Это не прибавило эффективности их работе. Тем не менее по истечении срока своих полномочий в 1969 г. Эттемади был вновь назначен премьер-министром. Именно в годы его правления обострились отношения между правительством и парламентом, что в конце концов привело к его отставке 16 мая 1971 г.

В июне 1971 г. новым премьер-министром стал д-р Абдул Захир. Он был секретарем Лоя джирги 1964 г., утвердившей конституцию. Новый глава кабинета

был из обоймы близких к королю «непотопляемых» технократов. Ему пришлось столкнуться с массой сложных проблем — усилением студенческой борьбы, на­растанием оппозиционного исламистского движения, наконец, с жесточайшей засухой 1971–1972 гг. Страна неумолимо втягивалась в общенациональный кризис, который разразился в начале 1970-х годов.

К концу правления А. Захира усилился конфликт между правительством и парламентом. В результате 5 декабря 1972 г. король принял его прошение об отставке. Очередным премьер-министром был назначен д-р Муса Шафик. Он оказался самым деятельным и энергичным из всех премьеров периода «демократического эксперимента». Король возлагал на него последние надежды по спасению своего режима.

Новому премьеру удалось сделать немало за короткий срок своего правления. Он добился согласия короля подписать законопроект о политических партиях, провинциальных советах и муниципалитетах, разработанный еще в 1967 г. Правительство также предполагало подготовить Закон о собраниях и демонстрациях, пересмотреть Закон о печати. Учитывая неэффективность работы парламента, кабинет М. Шафика предполагал перенести парламентские выборы с 1972 на 1974 г., с тем чтобы подготовить новый Закон о выборах.

Впрочем, многие важные начинания премьера не были реализованы: история отпустила ему всего полгода, чтобы вывести страну из кризиса. Несмотря на все его усилия, система была обречена. Причем, как это ни абсурдно звучит, его энергичная деятельность ускорила падение режима: укрепление существовавшей политической системы могло свести на нет шансы рвавшегося к власти М. Дауда и поддерживавших его левых сил.

В годы «демократического эксперимента» законодательная власть в стране осуществлялась парламентом. Выборы 1965 и 1969 гг. можно было назвать относительно свободными, особенно в сельской местности, где поголовно неграмотные избиратели голосовали в основном за своих ханов, маликов и духовных авторитетов или за тех, кого предлагала местная знать. Широко практиковался подкуп избирателей. Правительство и королевский двор нередко вмешивались в ход избирательной кампании. И хотя парламент по конституции был наделен широкими властными полномочиями, он оказался неспособен использовать их в полной мере: законодатели не имели достаточно высокого профессионального уровня, многие рассматривали свою должность как средство обогащения, особенно те, кто во время выборов использовал подкуп избирателей.

Постоянная конфронтация между парламентом и правительством снижала эффективность работы законодательной власти. Парадоксально, что парламент Афганистана в целом не только не способствовал продвижению демократических преобразований, но, наоборот, явился сильнейшим тормозом на пути их реализации.

Важную, хотя и неоднозначную роль в политических процессах 1960-х годов и в судьбе самого «демократического эксперимента» в Афганистане сыграли политические партии. К середине 1960-х годов появились первые идеологически оформленные политические течения, которые в последующем трансформирова-

лись в партии и группировки. Многие из них формировались под сильным влиянием внешних факторов. Так, партия афганских коммунистов — Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) — возникла под влиянием растущего авторитета СССР в мире и широкого распространения социалистических идей в развивающихся странах. Кроме того, ей оказывала идеологическую помощь партия иранских коммунистов «Туде». Афганская левоэкстремистская партия «Шоале-и джавид» («Вечное пламя») испытывала мощное влияние идей маоизма, а правоклерикальная «Мусульманская молодежь» много почерпнула из идейного арсенала международной исламистской организации «Брагья-мусульмане».

Первой на политическую арену вышла НДПА, созданная на базе нескольких кружков марксистского и социал-демократического толка. Ее учредительный съезд состоялся 1 января 1965 г. Среди делегатов развернулась острая дискуссия вокруг целей и задач создаваемой партии и ее названия. В тот же день был избран ЦК НДПА в составе семи человек. Генеральным секретарем стал Н.М. Тараки, а секретарем ЦК — Б. Кармаль.

Становление НДПА проходило весьма болезненно. С момента основания в ней появились идейные разногласия, в основном между двумя лидерами, по вопросам характера партии, ее тактики и стратегии, форм и методов борьбы. В ее рядах выделилось два крыла — умеренное и радикальное. Лидер радикалов Тараки пропагандировал создание партии пролетарского типа с упором на нелегальные формы борьбы, основу которой составляли бы трудящиеся. Либерально настроенный Кармаль предлагал создать партию общедемократического характера с участием интеллигенции, мелкой и средней буржуазии, чиновничества. При этом он поддерживал открытые, парламентские формы деятельности.

Разногласия между двумя лидерами переросли в конфликт, и в 1967 г. НДПА раскололась на две группировки — «Хальк» («Народ») во главе с Н.М. Тараки и «Парчам» («Знамя») под руководством Б. Кармалы. Каждая группировка обзавелась собственным ЦК и организационной структурой. При этом обе провозглашали одну цель — построение общества, «свободного от эксплуатации человека человеком».

Используя новый закон о печати, НДПА весной 1966 г. начала издавать свой печатный орган — газету «Хальк», в первом номере которой 11 апреля опубликовала свою программу. НДПА, говорилось в программе, выступает за создание национально-демократического правительства, опирающегося на «объединенный национальный фронт всех прогрессивных, демократических и патриотических сил».

Основу аграрной политики НДПА составляла ликвидация феодализма путем проведения демократической земельной реформы в интересах безземельных и малоземельных крестьян и при их непосредственном участии, уничтожения ростовщической задолженности, создания крестьянских кооперативов.

Власти выдвинули против газеты обвинения в нарушении конституционных положений, и в мае 1966 г. она была запрещена. Группировка «Парчам» в 1968 г. основала свой печатный орган — одноименную газету, которая конкретизировала и развивала основные положения программы НДПА.

Особые отношения у руководства НДПА складывались с Москвой. Большинство западных и афганских историков утверждают, что партия была под полным контролем ЦК КПСС. Лидеры НДПА, особенно парчамисты, были частыми гостями советской дипломатической миссии.

Впрочем, публичная деятельность афганских коммунистов не вызвала беспокойства у властей. Правда, они прибегали иногда к превентивным мерам: в 1969 г. были арестованы и посажены в тюрьму два члена ЦК группировки «Парчам» — Г.Д. Панджшири и С.М. Зерай. Однако о массовых репрессиях не могло быть и речи: режим демонстрировал стремление придерживаться демократических норм, провозглашенных в конституции. Тем не менее, пользуясь попустительством и даже слабостью властей, коммунисты шли на открытую конфронтацию со всеми другими политическими силами, в первую очередь с левозэкстремистами и правыми радикалами, разжигая общественное недовольство. Такие действия объективно подрывали и без того робкие и непоследовательные усилия режима по демократизации и либерализации общественно-политической жизни.

Расхождения внутри НДПА по идеологическим и национальным вопросам привели к появлению других организаций схожей политической ориентации. Так, выведенный из состава ЦК НДПА таджик Т. Бадахши создал организацию «Кружок ожидания», состоявшую преимущественно из таджиков, узбеков, хазарейцев и представителей других непустунских этносов. Они выступили за освобождение страны от политического господства пуштунов, объявили своей социальной базой крестьянство и провозгласили своим приоритетом вооруженные формы борьбы.

Свою партию попытался создать и премьер-министр М.Х. Майвандваль. Основные положения ее программы сводились к достижению «прогрессивно-демократических идеалов». Поэтому организация получила название Партия прогрессивной демократии. Цели, задачи, тактика борьбы, а также философия «прогрессивных демократов» были освещены в печатном органе партии — газете «Мосават» («Равенство»), которая начала издаваться в январе 1967 г. Однако партия не смогла стать политическим представителем какого-либо социального слоя и осталась немногочисленной группой лиц, поддерживавших ее лидера.

Во второй половине 1960-х годов громко заявила о себе левозэкстремистская группировка маоистского толка «Шоале-и джавид», организационно оформившаяся в 1968 г. Основными целями организации были объявлены борьба против американского империализма и «советского ревизионизма», поддержка международного национально-освободительного движения. Особую вражду ультралевые питали к НДПА в полном соответствии с тогдашним характером отношений между СССР и Китаем.

В самом начале своей деятельности левые экстремисты понесли ощутимые потери. В июне 1968 г., пытаясь возглавить забастовку рабочих авторемонтного завода «Джангалак», они устроили шумный митинг, который завершился открытой потасовкой. В столкновении с полицией были убиты несколько рабочих. Среди арестованных участников забастовки оказалось все руководство партии

(14 человек). Все они были брошены за решетку на длительные сроки. Их газета «Шоале-и джавид» была закрыта.

Однако ультралевые не прекратили борьбу. Они развернули активную работу среди студентов Кабульского университета и Политехнического института, где им удалось добиться довольно сильных позиций. Большинство ее членов представляли национальные меньшинства (в основном таджики и хазарейцы).

Непримиримыми противниками афганских левых и ультралевых выступали исламские радикалы, занявшие крайне правую часть политического спектра. В отличие от умеренно лояльного мусульманского ортодоксального духовенства новое политическое движение выступило в оппозиции режиму.

Первые кружки исламистов в Афганистане появились в 1965 г. на теологическом факультете Кабульского университета (фактический руководитель — декан факультета Гулам Мухаммад Ниязи) и в 1969 г. на инженерном факультете Кабульского политехнического института (лидер — студент Гульбедин Хекматяр). В 1969 г. оба кружка объединились в партию «Мусульманская молодежь». В числе ее основателей и руководителей были также профессор богословия Бурхануддин Раббани и студент Абдулрасул Саяф.

«Мусульманская молодежь» с самого начала заявила о себе как экстремистская организация студенчества. Руководство партии установило контакты с движением «Братьев-мусульман» в Египте и пакистанской «Джамаат-и ислами», положив в основу своей программы их идеи. Деятельность исламских фундаменталистов разворачивалась в двух направлениях — борьба против коммунистической идеологии и либеральной политики правительства. В мае 1970 г. клерикалы устроили шумные демонстрации в Кабуле и других городах, выступив с нападениями на НДПА и с критикой политики правительства.

Остальные партии в Афганистане занимали более умеренные позиции, как правило, не участвовали в публичных политических акциях и ограничивались рамками пропагандистско-парламентской деятельности. Среди них наиболее заметной была «Афган меллят» («Афганская нация»), или Социал-демократическая партия. Социал-демократы издавали газету под тем же названием, которая излагала основные идеи партийного руководства — создание «единого духа нации» на принципах пуштунского национализма.

Наконец, единственной партией, не скрывавшей своей лояльности к монархии, была Иттихад-и мелли (Национальный союз), известная также под именем «Вахдат-и мели» («Национальное единство»). Ее создал литератор, депутат парламента Халилулла Халили. В 1966 г. он был назначен послом в Саудовскую Аравию и отошел от партийной деятельности.

Таковы были основные политические партии в Афганистане. 1960-е годы завершались мощным подъемом социальной и политической борьбы, очертившей первые контуры общенационального кризиса. В эту борьбу вовлекались представители различных слоев трудового населения. Наиболее крупные выступления охватили страну в 1968 г. С апреля по август в Афганистане прошло более 40 забастовок трудящихся, в которых приняло участие около 30 тыс. человек.

В 1969 г. в активную политическую борьбу вновь включилось столичное студенчество — учащиеся Кабульского университета и открытого в 1968 г. Поли-

технического института. Борьба студентов на этом этапе отличалась большей организованностью. В августе 1971 г. был создан Союз студентов Кабульского университета и принят его устав.

Демократический характер некоторых статей конституции, появившиеся на их основе политические движения и в целом политика модернизации афганского общества не могли не оказать влияния на армию. Офицерский корпус стал пополняться выходцами из среднего класса. Получившие образование за границей афганские офицеры начинали осознавать ущербность существовавшей системы власти. Особенно это касалось выпускников советских вузов, которые наряду с военной подготовкой подвергались идеологической обработке, негласно изучая в СССР марксистско-ленинскую философию.

Важнейшим фактором, вызвавшим политическое брожение среди офицеров, стала деятельность бывшего премьер-министра М. Дауда. Выйдя в отставку в 1963 г., он не порвал связей с армией, где у него были сильные позиции. В конце 1960-х годов М. Дауд привлек на свою сторону молодых националистически настроенных офицеров, многие из которых обучались в Советском Союзе. Стремясь к захвату власти, генерал в начале 1970-х годов установил тесные контакты с группировкой «Парчам», в первую очередь с ее военным крылом. Так сложилась антимонархическая оппозиция во главе с М. Даудом.

РЕСПУБЛИКА М. ДАУДА. ВОЗВРАЩЕНИЕ К АВТОРИТАРИЗМУ

В ночь с 16 на 17 июля 1973 г. в стране произошел государственный переворот, который возглавил М. Дауд. Монархия была свергнута. Афганистан был объявлен республикой. Король, находившийся на лечении в Италии, отрекся от престола и признал себя гражданином республики.

На другой день после переворота М. Дауд выступил с обращением к народу. Он обвинил монархический режим в провале реформ и коррупции, обещая ввести «реальную и разумную демократию». Вслед за этим был сформирован новый орган законодательной власти — Центральный Комитет Республики, который возглавил сам Дауд. В его состав вошли наиболее активные деятели пришедшей к власти коалиции, в том числе два «парчамиста» и один «халькист».

19 июля 1973 г. ЦК Республики собрался на свое первое заседание, на котором М. Дауд был избран главой государства. В новом правительстве он занял посты премьер-министра, министра обороны и иностранных дел. В состав правительства вошли четыре офицера — сторонники НДПА. Остальные посты достались соратникам самого главы государства.

С самого начала новый глава государства показал себя жестким и властным правителем. Тремя его указами от 27 июля 1973 г. были заложены основы республиканского государственного строя: распущен парламент, упразднен Верховный суд — оплот высшего мусульманского духовенства, фактически приостановлено действие конституции 1964 г., запрещена деятельность всех политиче-

ских партий, включая НДПА, закрыты частные газеты, на всей территории страны введено военное положение.

23 августа 1973 г. глава государства выступил со своей программой, в которой поставил задачу реформирования общества на основе «участия всего народа в экономической, социальной и политической жизни страны». В экономике была поставлена цель усилить роль государственного сектора, поддерживать, направлять и контролировать частное предпринимательство, осуществить земельную реформу «в интересах большинства народа». В социальной области — улучшить условия труда, в том числе принять новый «прогрессивный и демократический» закон о труде, ввести всеобщее бесплатное начальное образование, содействовать «развитию прессы и демократических изданий», обеспечить равные права женщин.

В первые же месяцы после переворота правительство осуществило ряд важных мероприятий в социально-экономической сфере, касавшихся значительной части населения. Новый режим принял меры по стабилизации цен на товары первой необходимости. На государственных предприятиях и в учреждениях вводился 7,5-часовой рабочий день, устанавливалась оплата за внеурочный труд. Правительство увеличило вдвое минимальную заработную плату — с 450 до 900 афгани. Было узаконено право на оплачиваемый отпуск, на социальное страхование, увеличен пенсионный фонд. В этот же период были национализированы некоторые частные компании, обвиненные во взяточничестве, казнокрадстве, контрабанде, в их числе крупнейшая текстильная компания «Спигзар». Осенью 1973 г. был учрежден Банк промышленного развития. В 1974 г. все частные банки в стране были национализированы.

Вместо принятого ранее четвертого пятилетнего плана на 1973–1977 гг. правительство разработало новый, семилетний план, рассчитанный на 1976–1982 гг. Он включал более 200 социально-экономических проектов и предусматривал в первую очередь строительство крупных плотин, ГЭС, автодорог, механизацию сельского хозяйства, разработку полезных ископаемых.

6 августа 1975 г. был опубликован текст Закона о земельной реформе, который декларировал ограничение помещичьего землевладения 100 *джарибами* (20 га) поливных земель. Излишки предполагалось конфисковать, с последующей компенсацией помещикам, и передать крестьянам на условиях выкупа в распродажу.

В складывавшейся новой политической системе, которая замыкалась на «основателе республики», не нашлось места политическим партиям. Впрочем, несмотря на официальный запрет, они продолжали функционировать, хотя и снизили уровень политической активности, тем более что лишились публичной трибуны — парламента и прессы, возможности организовывать митинги и демонстрации. Прямую поддержку режим получил лишь от группировок «Парчам» и «Хальк», которые оказались непосредственно причастными к событиям. Другие партии заняли выжидательные позиции с разной степенью недоверия к республиканской власти, что было равнозначно оппозиции.

Радикальные партии правого и левого толка враждебно встретили провозглашение республики и соответствующую смену режима. В целом все они к 1975 г.

заняли антиправительственные позиции, считая М. Дауда и его правительство просоветским режимом.

Наиболее активно против республиканского режима выступили афганские исламисты, которые подверглись широкому преследованиям. Часть их лидеров эмигрировала в Пакистан. Среди них профессор Б. Раббани и Г. Хекматъяр. Последний весной 1972 г. был посажен на полтора года в тюрьму за участие в драке в университете, во время которой погиб студент из ультралевой группировки. После прихода к власти Дауда он был освобожден, но ему пришлось бежать, спасаясь от преследований со стороны нового режима. Пакистанское правительство З.А. Бхутто тепло встретило лидеров афганских исламских экстремистов, подержанных исламской фундаменталистской партией «Джамаат-и ислами».

В декабре 1973 г. в Кабуле была предпринята еще одна попытка государственного переворота, на сей раз организованная исламскими радикалами. Заговор был раскрыт, а его участники арестованы и преданы суду.

Неудача не обескуражила исламскую оппозицию. В июле 1975 г. в Панджшере и нескольких других районах, расположенных поблизости от границ с Пакистаном, вспыхнули вооруженные антиправительственные выступления, организованные членами группировки «Мусульманская молодежь». В числе руководителей мятежников были Г. Хекматъяр и Ахмад-шах Масуд, не завершивший учебу студент инженерного факультета Кабульского политехнического института. Исламских радикалов поддержали сторонники ультралевых. Власти были вынуждены использовать войска для подавления мятежа. Часть его руководителей, в том числе Г. Хекматъяр и А.Ш. Масуд, вновь бежали в Пакистан, другие были схвачены и отданы под суд.

В период республиканского правления заметное место в политической жизни Афганистана заняла НДПА, особенно группировка «Парчам», сторонники которой приняли активное участие в антимонархическом перевороте. После переворота группировка фактически легализовалась. Участвуя в структурах государственной власти, «парчамисты» пошли на прямое сотрудничество с режимом, отодвигая на второй план свою партийную принадлежность.

В совершенно иной ситуации после переворота оказалась группировка «Хальк». Она тоже поддержала новый, республиканский режим, но не получила от этого никаких политических дивидендов: М. Дауд отвергал всяческую возможность сотрудничества с марксистскими радикалами, относясь к ним крайне враждебно. И хотя «халькисты» постоянно подчеркивали свою лояльность режиму, они фактически остались в подполье.

Тем временем позиции самого главы государства значительно укрепились. Занимая ключевые посты в госаппарате и спекулируя на лозунгах демократии, он сумел получить довольно широкую поддержку. В этих условиях Дауд все меньше ощущал потребность в сотрудничестве с левыми. Под давлением усиливавшегося правого крыла режима он начал пересмотр своего политического курса, стремясь ослабить влияние левых в государственных структурах. В результате в 1974–1975 гг. были сняты со своих постов министры-«парчамисты» и отправлены на дипломатическую работу за рубеж. Их места занимали деятели консервативных взглядов, убежденные антикоммунисты, лично преданные Дауду.

Второй этап эволюции республиканского режима (1975–1977) характеризовался усилением тенденции его перерастания в военно-бюрократическую диктатуру, созданием государственно-правовых основ власти национальной буржуазии, окончательным распадом антимонархической оппозиции. Осенью 1975 г. был утвержден новый Закон о наказаниях, нацеленный на сдерживание политической активности в стране.

В ноябре 1975 г. глава государства объявил о введении в стране однопартийной системы. В конце того же года под его руководством началось формирование правящей Партии национальной революции (ПНР). Однако статус партии, цели и задачи ее деятельности были определены позднее, в принятых в 1977 г. новой афганской конституции и уставе партии.

В условиях растущей напряженности в стране в 1976 г. Дауд объявил о начале подготовки проекта новой конституции, которая могла бы придать легитимность его правлению. 21 января 1977 г. ее проект был опубликован в печати. 30 января 1977 г. была созвана Лоя джирга, на которой был утвержден новый Основной закон и М. Дауд был избран президентом страны на шестилетний срок.

Принятая конституция закрепила правовые основы республиканского строя, отразив новое соотношение политических сил в стране. Конституция формально провозгласила Афганистан «республиканским, демократическим, независимым, единым и неделимым государством» (ст. 20), в котором единственным носителем национального суверенитета является народ.

Высшая законодательная власть по конституции принадлежала президенту, который формировал правительство. Ему были предоставлены исключительно широкие полномочия: он обладал всей полнотой партийной власти; не парламент, а президент назначал министров и контролировал их деятельность, распускал парламент, назначал новые выборы, объявлял чрезвычайное положение (ст. 78). Правительство несло ответственность перед президентом, Центральным советом правящей партии и парламентом (ст. 94). Усиливая исполнительную власть за счет законодательной, М. Дауд учел негативный опыт деятельности королевского парламента, неспособного контролировать правительство и принимать простейшие решения.

Высшая законодательная власть по конституции реализуется однопалатным парламентом — Национальным советом, который, согласно ст. 48, «является выразителем воли народа и представляет всю нацию» и избирается прямым тайным голосованием сроком на четыре года. Очередные выборы в парламент были намечены на сентябрь 1979 г.

После принятия конституции президент М. Дауд отменил военное положение, сформировал новое правительство, куда вошли все прежние министры, кроме его заместителя, последнего остававшегося там из сторонников левых сил, М.Х. Шарка. После этого М. Дауд предпринял практические шаги по созданию Партии национальной революции, опубликовав 17 июля 1977 г. ее устав. Он содержал принципы вступления в партию, в частности, отмечалось, что член ПНР должен соблюдать верность «священной религии ислама, родине, республиканскому режиму и национальному вождю». К ноябрю 1977 г. был сформирован Централь-

ный совет ПНР, а к апрелю 1978 г. в партии насчитывалось около трех тысяч человек.

Во внешней политике режим начал дистанцироваться от Москвы и переориентировался на Иран, Египет и страны Персидского залива в надежде получить значительную финансовую помощь. В целом Дауд стремился найти равноудаленную от двух великих держав (СССР и США) позицию, балансировать между ними и их союзниками и использовать их соперничество на мировой арене в своих интересах.

В первые годы существования республики советско-афганские отношения развивались по восходящей линии: товарооборот между двумя странами увеличился в три раза; в марте 1974 г. было подписано новое торговое и платежное соглашение, предусматривавшее предоставление Афганистану режима наибольшего благоприятствования во внешней торговле; в декабре 1975 г. на очередной десятилетний период был продлен срок действия советско-афганского Договора 1931 г. о нейтралитете и взаимном ненападении.

Что касается Ирана, который, по мнению Москвы, начал при поддержке США вытеснять СССР из региона, то, по всей вероятности, ее опасения были преувеличены. Просто Дауду нужны были деньги, которые иранский шах, получавший в те годы большие суммы нефтедолларов, мог предоставить Кабулу. В середине 1970-х годов Кабул провел переговоры с Тегераном о планах своего экономического развития. Была достигнута договоренность о предоставлении Ираном кредита на сумму 2 млрд. долл. сроком на десять лет — почти столько же, сколько Афганистан получил за всю свою современную историю как от Запада, так и от СССР и стран социалистического лагеря. Когда М. Дауд в апреле 1975 г. опять посетил Тегеран, шах согласился выделить еще 400 млн. долл. Вскоре, однако, иллюзии стали рассеиваться. Иран не мог осуществить амбициозные планы шаха, и тот в конце концов был вынужден отступить. В результате Афганистану реально достались от Ирана небольшие суммы. В то же время помощь советского блока превосходила суммарную помощь других стран.

Однако в политической сфере не все было так гладко. Москва была явно раздражена давлением Дауда на левые круги и его расширявшимися связями с Ираном и консервативными арабскими режимами. Афганский президент, в свою очередь, был обеспокоен растущей политической активностью советских дипломатов и спецслужб в Кабуле в их попытках объединить группировки «Хальк» и «Парчам» и, как он полагал, подтолкнуть их к захвату власти.

Между тем политическая жизнь в Афганистане замерла: не выходили частные газеты, не функционировали открыто политические партии, до созыва парламента было еще далеко. не было ни профсоюзов, ни других общественных организаций.

В этих условиях обе группировки НДПА были вынуждены выработать новую тактику, учитывая, что возникла потенциальная угроза самому существованию партии. Все это время Москва оказывала на их руководство в стремлении заставить их объединиться. Лишь 3 июля 1977 г. произошло совместное заседание ЦК, результатом которого явилось формирование объединенных органов

партии — Политбюро и ЦК на паритетной основе. Генеральным секретарем вновь стал Н.М. Тараки, одним из трех секретарей ЦК — Б. Кармаль. На этом заседании было решено, что вся партия перейдет на нелегальное положение и начнет подготовку к ликвидации авторитарного режима. НДПА развернула пропагандистскую работу среди населения, особенно эффективную в армии и среди молодежи.

Непосредственным толчком к свержению режима Дауда послужило убийство одного из лидеров группировки «Парчам» Мир Акбара Хайбара 17 апреля 1978 г. Церемония его похорон 19 апреля превратилась в мощную политическую манифестацию. Ее возглавили лидеры НДПА, которые обвинили режим и поддерживавшие его США в убийстве видного марксиста. В ответ М. Дауд отдал приказ об аресте руководства партии, и 26 апреля семь ее руководителей, в том числе Н.М. Тараки и Б. Кармаль, были брошены за решетку.

АПРЕЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. НДПА У ВЛАСТИ

27 апреля 1978 г. офицеры-члены НДПА во главе своих подразделений начали штурм президентского дворца. Глава государства, его семья и часть министров были убиты. В тот же вечер были освобождены из тюрьмы руководители НДПА. Они выступили по радио, объявив о свержении режима Дауда. Власть перешла к Революционному совету (РС) во главе с Н.М. Тараки.

Было сформировано новое правительство. Премьер-министром стал Н.М. Тараки, его заместителем — Б. Кармаль. Остальные посты были поровну поделены между «халькистами» и «парчамистами». Афганистан получил новое официальное название — Демократическая Республика Афганистан (ДРА). Новое правительство сразу же получило широкое международное признание.

9 мая 1978 г. были опубликованы «Основные направления революционных задач правительства ДРА» — программа радикальных социально-экономических реформ: осуществление земельной реформы в интересах крестьян и при их участии, ликвидация всех видов угнетения и эксплуатации, демократизация общественной жизни, уничтожение национального гнета и дискриминации, провозглашение равноправия женщин, ликвидация неграмотности и безработицы. В области внешней политики ДРА провозгласила проведение политики неприсоединения, позитивного нейтралитета, поддержки национально-освободительных движений, упрочения отношений дружбы и сотрудничества со всеми соседями.

Важное место в реализации программы заняли мероприятия, проводившиеся в интересах крестьянства. Декрет № 6 РС (июль 1978 г.) декларировал ликвидацию задолженности крестьян ростовщикам и помещикам. Декретом № 7 (октябрь 1978 г.) было провозглашено равноправие мужчин и женщин. Положения Декрета предусматривали фактическую отмену калыма, запрещение насильственных и ранних браков и т.д. В ноябре 1978 г. был принят Декрет № 8 о земельной реформе, а в январе 1979 г. началось ее осуществление. В соответствии с Декретом излишки земли конфисковывались у крупных собственников и безвозмездно пе-

редавались крестьянам. В ходе первого этапа (январь-июль 1979 г.) землю получили 300 тыс. семей безземельных и малоземельных крестьян и кочевников.

Под руководством НДПА были созданы общественные организации молодежи, женщин и профсоюзы, которые должны были стать помощниками партии в выполнении революционных задач. Было открыто более 600 новых школ, курсы по ликвидации неграмотности.

Во внешней политике приоритетным направлением стало развитие дружественных связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. 5 декабря 1978 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который предусматривал также военное сотрудничество двух стран.

Однако при проведении важных реформ НДПА проявила излишний радикализм и неоправданную поспешность, незнание характера социальных отношений в деревне, она зачастую игнорировала национальную специфику и исторические традиции. При отсутствии четких социальных границ в обществе партия поставила нереальную задачу ликвидации эксплуататорских классов, т.е. по существу осуществления социалистической революции. Революционные реформаторы недооценили исключительно важную роль, которую играли ислам и мусульманское духовенство в духовной и общественной жизни населения. Поэтому навязываемые народу реформы оказались непонятыми и непринятыми и вызвали массовое сопротивление.

Так, освобождая крестьян от долговой кабалы, правительство не смогло создать альтернативные источники их кредитования. Декрет о браке серьезно ущемлял традиционное влияние духовенства в семейно-брачных отношениях и расценивался как нарушение вековых традиций. При проведении земельной реформы нарушались освященные исламом права частной собственности, так как изъятие ее у крупных собственников не сопровождалось компенсацией. Землю конфисковали не только у крупных, но зачастую и у средних и мелких собственников. Новых собственников земли не могли обеспечить водой, семенами, орудиями труда, удобрениями. При этом землю получила незначительная часть нуждающихся. Наконец, реформа проводилась сверху, без непосредственного участия самих крестьян. В результате под влиянием пропаганды мулл крестьянство не только не поддержало реформаторскую политику правительства, но и выступило против него, составив в последующем социальную базу антиправительственного движения.

Обстановка в стране на первом этапе революции резко обострилась также в результате усилившейся внутривластной борьбы. Поставив вне закона все политические партии после апрельского переворота 1978 г. и получив монополию на власть, НДПА не смогла выступить единой руководящей политической силой. Уже в июне 1978 г. в партии произошел раскол: власть захватили «халькисты». Лидеры группировки «Парчам» во главе с Б. Кармалем были сняты со своих постов и отправлены послами за границу. В августе того же года в Кабуле был раскрыт антиправительственный заговор «парчамистов». Были арестованы и приговорены к длительным срокам тюремного заключения несколько минист-

ров — соратников Б. Кармаля. Обвинения в организации заговора были адресованы непосредственно руководителям «Парчам», которые были оговорены на родину. Однако, опасаясь репрессий, они покинули свои посты и остались в эмиграции.

Вслед за этим «халькисты» развернули беспрецедентную кампанию гонений против членов и сторонников группировки «Парчам». Ее организатором стал ближайший сподвижник главы государства Хафизулла Амин. Всю осень 1978 г. шли повальные аресты «парчамистов». Кроме них репрессиям подверглись все несогласные с режимом, в первую очередь духовенство. Еще ранее, через несколько недель после переворота, были казнены некоторые видные деятели прошлых режимов — премьер-министры Муса Шафик и Нур Ахмад Эттемади. Осенью 1979 г. такой же участи подверглись лидеры некоторых леводемократических партий, в том числе Т.Бадахши.

Тем временем внутри захватившего власть халькистского руководства, в свою очередь, произошел раскол на базе соперничества в борьбе за высшие посты в государстве между «великим вождем саурской (апрельской. — *Авт.*) революции» Н.М. Тараки и его «верным учеником» Х. Амином. В марте 1979 г. последний занял пост «первого министра» и возглавил кабинет, в июле стал членом Политбюро ЦК и единственным заместителем председателя РС ДРА, а также фактическим министром обороны.

В сентябре 1979 г. в Кабуле произошел очередной государственный переворот, в результате которого власть узурпировала экстремистская группировка «халькистов» во главе с Х. Амином. 8 октября по его приказу был убит Н.М. Тараки. Было сформировано новое правительство, куда Х. Амин ввел своих родственников и соратников. В политике Х. Амина возобладали волонтаризм и левацкие перегибы, которые вели к формированию тоталитарного режима. В итоге его социальная база необычайно сузилась, а сама партия быстро превращалась в инструмент личной власти узурпатора, утрачивая роль и функции политической организации. В тоталитарной системе власти «карманной» правящей партии была уготована роль революционного фасада, а на первое место в организации власти выдвинулись репрессивные органы.

Резко ухудшилось и состояние вооруженных сил. Бесконечные перестановки в среде офицерского корпуса, репрессии, массовое дезертирство, падение морального духа среди солдат не только ослабили боеспособность армии, но и резко сократили ее численность — с 90 до 40 тыс. за три месяца правления Х. Амина.

Как уже говорилось, после свершения «саурской революции» все партии, кроме НДПА, были поставлены вне закона. Левоэкстремисты и левые националисты ушли в подполье и пополнили лагерь противников режима. Ядро сопротивления составили исламские политические партии. Две из них возникли в Пешаваре в 1976 г. в результате раскола партии «Мусульманская молодежь» — Исламская партия Афганистана (ИПА) во главе с Г. Хекматъяром и Исламское общество Афганистана (ИОА), которое возглавил Б. Раббани. В 1979 г. от ИПА откололась фракция во главе с Юнусом Халесом, образовавшим самостоятельную партию под тем же названием. Кроме этих фундаменталистских организа-

ций в Пешаваре появилось несколько более умеренных партий традиционалистского толка. Среди них — Национальный фронт спасения Афганистана во главе с С. Моджаддиди (февраль 1979 г.). 12 марта он издал *фетву* о начале джихада против правительства ДРА. Несколько ранее, в 1978 г., сформировались Национальный исламский фронт Афганистана под руководством главы суфийского религиозного ордена *кадирия* С.А. Гилани и Движение исламской революции Афганистана во главе с М.Н.Мухаммади.

Усилиями этих партий на пакистанской территории при поддержке местных властей были созданы лагеря и базы по подготовке вооруженных отрядов, которые затем перебрасывались в Афганистан для ведения боевых действий против Кабула. В последующем все эти партии были официально зарегистрированы пакистанскими властями и получили политическую, материальную и военную поддержку со стороны ряда стран региона (Пакистан, Саудовская Аравия, Египет) и Запада (США, Англия, ФРГ, Франция и др.). Штаб-квартиры этих партий находились в Пешаваре, где они издавали свои печатные органы.

К концу 1979 г. в стране развернулись крупномасштабные боевые действия, при этом *моджахеды* уже контролировали 18 из 26 провинций Афганистана. Критическая ситуация в стране вынудила руководителей ДРА неоднократно обращаться за военной помощью к Советскому Союзу. В ответ на эти просьбы и ссылаясь на Договор от 5 декабря 1978 г., а также на ст. 51 Устава ООН о праве государств на самооборону, 27 декабря 1979 г. СССР начал вооруженное вторжение в Афганистан. По заявлению Москвы, эта акция была предпринята «для оказания содействия афганскому народу в отражении внешней вооруженной агрессии». В тот же день части советского спецназа штурмовали резиденцию Х. Амина — дворец Тадж-бек. Глава государства в ходе штурма был убит.

Новым главой ДРА стал Б. Кармаль, прибывший в страну на советских танках. Ликвидация режима Х. Амина положила начало так называемому новому этапу апрельской революции, основными задачами которого были объявлены «создание подлинно демократического общества», восстановление законности, расширение демократических свобод, включая свободу создания прогрессивных патриотических организаций, решение проблем земельной реформы.

Состав новых органов ДРА был сформирован почти исключительно из членов НДПА. Причем вновь разгорелась борьба между «парчамистами» и «халькистами» за посты в высших органах власти. Б. Кармаль был «избран» генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Революционного совета и главой правительства. Большую часть постов в РС и правительстве получили «парчамисты». В состав нового правительства вошли также трое беспартийных.

Из тюрем были выпущены более десяти тысяч заключенных. Основные направления политики нового режима были изложены в принятых в апреле 1980 г. программных документах НДПА — «Тезисы ко второй годовщине Апрельской революции» и «Основные принципы ДРА» (временная конституция), которые провозгласили основные права и свободы, закрепили право частной собственности, гарантировали свободу вероисповедания и обеспечение прав верующих и духовенства. Власть трудящихся, говорилось в документах, опирается на ши-

рокий Национальный отечественный фронт, действующий под руководством НДПА, которая, в свою очередь, является руководящей и направляющей силой общества и государства.

Большое внимание уделялось расширению и укреплению рядов НДПА как руководящей силы общества. В марте 1982 г. в Кабуле состоялась общенациональная партийная конференция, на которой была принята «Программа действий НДПА», сформулировавшая основные задачи революционной власти на предстоящий период — достижение единства партии и подавление вооруженной оппозиции. Был пересмотрен подход к земельной реформе: от конфискации излишков земли освобождались лояльные режиму землевладельцы, вода была объявлена государственной собственностью.

Между тем внутривластная и экономическая ситуация в Афганистане продолжала осложняться. Раскол в партии не был преодолен, борьба между фракциями продолжалась. В страну приехали тысячи советских советников: они работали в партии, армии, госаппарате, общественных организациях, на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, СМИ. Советники осуществляли задачу «советизации» Афганистана: в экономической, политической и общественной жизни активно внедрялись нормы и институты советской модели развития. Ни одно значимое решение не принималось без санкции соответствующих советников, которые, по существу, заменили афганских должностных лиц. В области просвещения активно распространялась советская система преподавания. Среди учебных предметов преобладали основы марксизма-ленинизма, русский язык как иностранный заменил английский.

Москва предпринимала усилия для скорейшей интеграции кабульского режима в сферу своего международного контроля: Афганистан получил статус наблюдателя в экономической организации советского блока — Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и был включен в список стран «социалистической ориентации», фактически утратив право считаться нейтральным, неприсоединившимся государством.

Несмотря на увеличение советской помощи, усиливалась стагнация национальной экономики. Темпы проведения земельной реформы были резко замедлены — к 1984 г. землю получила лишь треть нуждавшихся. Из них 48% являлись только формальными собственниками земли и не обрабатывали ее вследствие нехватки техники, семян, удобрений, воды или из-за боязни посягнуть на чужую собственность, что осуждается исламом. Правда, в промышленной сфере на «новом этапе революции» был достигнут определенный рост производства, в основном за счет предприятий государственного и смешанного секторов.

С началом нового этапа апрельской революции возросли масштабы эмиграции афганцев за рубеж. Основная часть беженцев осела в соседних Пакистане и Иране. К концу 1980-х годов их численность превысила 5 млн. человек. Советское военное присутствие в Афганистане еще более дестабилизировало внутривластную ситуацию.

Вторжение советских войск в Афганистан вызвало серьезную озабоченность мирового сообщества. В январе 1980 г. участники очередной сессии Генеральной

Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов осудили советскую акцию и потребовали немедленного вывода войск с его территории. Роль ведущего спонсора афганской оппозиции взяли на себя США, которые сначала тайно, а затем все более открыто стали оказывать военную и финансовую помощь афганским мятежникам. В Афганистан с середины 1980-х годов устремились тысячи наемников и добровольцев из арабских и других мусульманских стран, которые выступили на стороне противников кабульского режима. Афганский конфликт приобрел международный характер.

Центром движения сопротивления оставались исламские оппозиционные партии, базировавшиеся в Пешаваре. В 1985 г. им удалось наконец объединиться в семипартийный Союз *моджахедов* Афганистана, в состав которого кроме шести уже упомянутых партий вошел созданный в 1982 г. Исламский союз за освобождение Афганистана во главе с просаудовским богословом Абдуррасулом Саяфом.

Оппозиция создала на большей, «освобожденной» части территории Афганистана свою военно-политическую структуру: органы местной власти, называемые эмиратами или исламскими комитетами, фронты и вооруженные формирования. Таким образом, на всей территории страны сложилась своеобразная система двоевластия: власть НДПА в провинциальных и других крупных городских центрах, оппозиции — в сельской местности.

В этих условиях Москва была вынуждена наращивать военную мощь своего «ограниченного контингента», численность которого в середине и конце 1980-х годов достигла 120 тыс. человек. Это вызывало соответствующую реакцию США и их союзников, методично расширявших масштабы военной и гуманитарной помощи афганской оппозиции. Однако ни одной из противостоящих в Афганистане сторон не удавалось добиться решающего перелома. Создалась тупиковая военно-политическая ситуация.

УРОЗИЯ РЕЖИМА НДПА И ЕГО ПАДЕНИЕ

Приход к власти в СССР М.С. Горбачева в 1985 г. внес значительные изменения в советскую политику в Афганистане и в ситуацию в нем самом. Наряду с расширением военных действий новое советское руководство стало разрабатывать пути политического выхода из афганского тупика как в международном плане, так и посредством изменения внутренней политики и политической системы ДРА.

В декабре 1985 г. Б. Кармаль выдвинул «Десять тезисов», которые означали крутой поворот в его политике. Основной смысл документа сводился к необходимости расширения политического и социального представительства в государственных органах, отказа НДПА от монополии на власть и поощрения частного капитала. В состав РС были введены беспартийные деятели.

Однако эти меры радикально не изменили характера государственного правления. Нежелание Б. Кармалю делиться властью в конце концов стоило ему всех постов. В апреле 1986 г. он отправился в Советский Союз «на лечение». А когда

вернулся через две недели. у НДПА был уже другой руководитель — бывший министр национальной безопасности, а в последнее время секретарь ЦК Наджибулла.

Новый генеральный секретарь сразу же занялся консолидацией своей власти: в июне 1986 г. на пленуме ЦК он расширил состав этого органа за счет своих сторонников, одновременно исключив ряд видных «кармалистов». В ноябре 1986 г. Наджибулла занял пост председателя РС, сместив Б. Кармалю.

Смена режима не ограничилась появлением нового лидера. Новая власть делала ставку на политический компромисс: в январе 1987 г. Наджибулла выдвинул программу национального примирения, предусматривавшую прекращение огня, приглашение оппозиции к диалогу и формирование коалиционного правительства. Однако осуществить этот курс не удалось: НДПА шла на незначительные уступки, оставляя себе ключевые позиции в предполагаемом коалиционном кабинете. Противники режима требовали немедленного вывода советских войск и отставки Наджибуллы. Диалога не получилось.

Тем не менее Наджибулла, стремясь придать своему правлению легитимность, в ноябре 1987 г. созвал Лоя джиргу, которая приняла новую конституцию и избрала его президентом страны, переименованной в Республику Афганистан. Конституция декларировала основные гражданские права и провозгласила ислам государственной религией. В документе был подтвержден новый политический курс — на национальное примирение.

В рамках этой политики президент Наджибулла пошел на либерализацию режима и в целом общественно-политической жизни страны. Летом 1987 г. в Афганистане была провозглашена многопартийная система, впрочем, весьма ограниченная: были легализованы политические организации леводемократического толка, которые вместе с НДПА образовали «блок леводемократических партий».

В апреле 1988 г. состоялись выборы в парламент на многопартийной основе. НДПА получила в Национальном совете (нижней палате) лишь 22,6% депутатских мест; другие легальные партии — в общей сложности 9%. Остальные места достались независимым кандидатам. Национальный фронт получил 15,4%. Всего были избраны в верхнюю палату 64 сенатора и 184 депутата нижней палаты.

В мае 1988 г. президент Наджибулла сформировал новое, «коалиционное» правительство, которое возглавил бывший вице-премьер республиканского правительства М. Дауда М.Х. Шарк, давно поддерживавший тесные связи с «парчамистами». Больше половины министерских постов досталось беспартийным, но НДПА сохранила за собой ключевые позиции в МВД, МГБ и МИД, а также два из четырех постов вице-президента. Часть постов в правительстве оказалась вакантной: они были оставлены для представителей оппозиции.

Однако многопартийность, провозглашенная президентом Наджибуллой, оказалась для режима упущенным шансом — ни один из деятелей оппозиции не вошел ни в парламент, ни в правительство. Тем не менее сам факт функционирования нескольких политических партий и появление выборных органов законодательной власти свидетельствовали о начавшейся эрозии авторитарной природы

режима, с одной стороны, и о его стремлении найти более широкую и представительную опору, придать ему более привлекательный и респектабельный облик — с другой.

Тем временем набирал силу мирный процесс урегулирования афганского конфликта. Многолетние усилия на этом пути СССР, США и спецпредставителя генерального секретаря ООН Д. Кордовеса увенчались успехом — 14 апреля 1988 г. были подписаны Женевские соглашения между кабульским режимом и Пакистаном. Гарантами их выполнения стали СССР и США. Причем лидеры афганской оппозиции не были допущены к переговорам. Соглашения предусматривали обязательства обеих сторон «уважать суверенитет друг друга и не вмешиваться во внутренние дела». Гаранты, со своей стороны, обязались «воздерживаться от любой формы вмешательства во внутренние дела Афганистана и Пакистана». В соответствии с Женевскими соглашениями 15 мая 1988 г. Советский Союз начал выводить свои войска из Афганистана, и 15 февраля 1989 г. вывод был завершен.

Он повлек за собой серьезное изменение ситуации в Афганистане. Оставшись один на один с оппозицией, Наджибулла был вынужден заняться консолидацией государственной власти, разьедаемой коррупцией, клановой и внутрипартийной борьбой, личными амбициями лидеров НДПА. 18 февраля 1989 г. в стране было введено чрезвычайное положение, в соответствии с которым полномочия парламента были переданы правительству, приостановлено действие ряда положений конституции, запрещены митинги, демонстрации и забастовки, созданы специальные суды вооруженных сил и безопасности. Все члены партии, включая женщин, прошли военную подготовку и получили оружие.

Афганская исламская оппозиция выступила с осуждением подписанных в Женеве соглашений, считая кабульский режим нелегитимным и не имеющим права представлять интересы страны, и объявила о продолжении вооруженной борьбы против правительства Наджибуллы до победного конца.

В апреле 1989 г. лидеры исламской оппозиции сформировали в Пешаваре «переходное правительство Афганистана» во главе с президентом С. Моджадди и премьер-министром А. Саяфом. Его формирование осуществлялось под прямым воздействием начальника межведомственной разведки Пакистана генерала Хамида Гуля и на субсидии Саудовской Аравии.

С целью создания нового имиджа правящей партии в июне 1990 г. в Кабуле состоялась национальная партконференция, на которой НДПА была переименована в партию «Ватан» («Отечество») и принят ее новый устав, содержавший формальный отказ партии от «руководящей роли».

Тем временем политическая ситуация в стране продолжала обостряться. 6 марта 1990 г. министр обороны генерал Шахнаваз Танай поднял вооруженный мятеж против президента, дворец которого был подвергнут бомбардировке. Вспыхнувшие в городе бои повлекли за собой многочисленные жертвы среди мирного населения. Однако мятеж в тот же день был подавлен. Генерал Танай и его ближайшие соратники бежали в Пакистан, где присоединились к Хекматъяру. Власти произвели массовые аресты.

В течение 1990–1991 гг. продолжалась эрозия кабульского режима, который скорее плыл по течению, нежели определял характер общественно-политических процессов в стране. Дальнейшую судьбу Кабула решило соглашение, подписанное в сентябре 1991 г. госсекретарем США Дж. Бейкером и министром иностранных дел СССР Б. Панкиным, о прекращении с 1 января 1992 г. поставок оружия конфликтующим сторонам в Афганистане.

Весной 1992 г. развал военно-государственной и партийной структуры кабульского режима принял необратимый характер. Армия оказалась расколотой между «халькистами» и «парчамистами» и в значительной мере деморализованной. Всё новые районы переходили под контроль оппозиции. Наджибулла стремительно терял своих союзников. Так, в марте 1992 г. объявил о разрыве с Кабулом и перешел на сторону моджахедов генерал А.Р. Дустом, командир узбекской дивизии. В Мазари-Шарифе он создал свою политическую организацию — Национальное исламское движение Афганистана (НИДА) и захватил контроль над рядом северных провинций. Влиятельные «халькисты» радикального толка открыто устанавливали контакты с Г. Хекматъяром, а в конце апреля президента Наджибуллу предали ближайшие друзья и соратники — «парчамисты».

РЕЖИМ МОДЖАХЕДОВ: ФРАГМЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ

28 апреля 1992 г. вооруженные отряды оппозиции (А.Р. Дустома и А.Ш. Масуда) без боя вошли в столицу. Президент Наджибулла пытался бежать, но был задержан в аэропорту людьми генерала Дустома и получил убежище в миссии ООН в Кабуле. Столица оказалась поделенной между четырьмя военно-политическими группировками *моджахедов*: северо-западная и центральная часть города вместе с президентским дворцом отошла к А.Ш. Масуду, в юго-западной разместились шиитская партия «Вахдат-и ислами» («Исламское единство»), созданная в 1990 г. на базе проиранских шиитских группировок во главе с А. Мазари, район столичного аэропорта был занят отрядами генерала А.Р. Дустома, в южных пригородах укрепился Г. Хекматъяр.

Афганистан был провозглашен Исламским Государством Афганистан. В первые же дни были сформированы новые высшие органы государственной власти — Совет джихада (законодательная власть), куда вошли лидеры крупнейших группировок моджахедов, и Руководящий совет (исполнительный орган). В соответствии с ранее достигнутой договоренностью на время переходного периода — 6 месяцев до всеобщих выборов — была установлена должность сменяемого президента. Первым главой государства был назначен лидер НФОА С. Моджаддиди. Через два месяца его сменил Б. Раббани.

В новом правительстве были представлены семь партий пешаварского альянса и две шиитские партии — «Вахдат-и ислами» и Партия исламского движения (создана весной 1979 г.). Премьер-министром был назначен соратник Хекматъяра А.С. Фарид. Однако это правительство обладало весьма ограниченным территориальным контролем. Каждая группировка имела в Кабуле свою зону контроля.

Формально была создана правительственная армия, и А.Ш. Масуд получил пост министра обороны, но на практике все партии сохранили свои вооруженные формирования. Большая часть провинций осталась под властью или находилась в зоне влияния местных полевых командиров.

Летом 1992 г. в Кабуле начались вооруженные столкновения между группировками за передел власти. Основная борьба развернулась между Б. Раббани и Г. Хекматъяром. Лидер ИПА начал обстреливать город ракетами из своей штаб-квартиры в Чарасьябе, в 20 км к югу от столицы. Одновременно в Кабуле вспыхнули бои между шиитами партии «Вахдат-и ислами» и отрядами Исламского союза за освобождение Афганистана А. Саяфа.

В этой ситуации Б. Раббани отказался передать власть следующему кандидату в президенты. В декабре 1992 г. он созвал в Кабуле так называемый Совет особо уполномоченных и компетентных, который избрал его президентом страны сроком на два года. Однако лидеры большинства группировок бойкотировали заседание Совета, поэтому продливший полномочия Б. Раббани оказался нелегитимным президентом. Это вызвало новый виток вооруженной борьбы.

Весной 1993 г. военно-политическая борьба обострилась еще более — сложились две противостоящие друг другу коалиции, в формировании которых не последнюю роль сыграл этнический фактор. В одной из них объединились узбек Дустом, таджик Масуд и лидер исмаилитов Надери. Эта коалиция поддерживала таджика Раббани и заявляла, что выражает интересы национальных меньшинств севера. Во вторую входили фундаменталисты-пуштуны Хекматъяр и Саяф. К ним примкнула шиитская партия «Вахдат-и ислами».

Одновременно с военными стычками предпринимались новые попытки сформировать органы центральной власти мирным путем. В апреле 1993 г. в Джалалабаде собрались руководители *моджахедов* (кроме Раббани и Халеса). Совещание приняло крайне драматичный характер и грозило при негативном исходе, т.е. в случае отказа его участников достичь согласия, привести к новой вспышке вооруженных столкновений. В итоге было подписано Джалалабадское соглашение, по которому основные партии (кроме НИДА Дустома) разделили посты в новом правительстве. В июне 1993 г. такое правительство было создано во главе с премьер-министром Г. Хекматъяром.

В условиях усилившейся борьбы различных военно-политических группировок в Афганистане нарастала фрагментация власти. Кроме центрального правительства, созданного на фракционной основе, в стране возникли региональные и локальные очаги власти, степень лояльности которых кабульскому режиму зависела от политических позиций и партийной принадлежности местных лидеров.

Часть северо-восточных провинций находилась под контролем А.Ш. Масуда. Эти территории были вполне лояльны Кабулу, но Масуд при этом пользовался самостоятельностью в вопросах управления территориями с центром в г. Талукан провинции Тахар.

Другой крупный очаг региональной власти появился в четырех северных провинциях (Кундуз, Джаузджан, Балх, Фарьяб) под контролем генерала Дустома с центром в г. Мазари-Шариф. Здесь он создал полноценную структуру государ-

ственных органов, не зависимую от Кабула. На этой территории возникли провинциальные и уездные советы. Исполнительную власть в провинциях осуществляли губернаторы, назначавшиеся Дустомом из числа лояльных ему лиц. Администрация Дустома обладала и международными связями, хотя и не была официально признана ни одним государством. А.Р. Дустом как глава фактически независимого территориально-государственного образования в 1992–1996 гг. посетил с визитами Москву, Тегеран, Ташкент, Ашхабад, Исламабад, Анкару и Эр-Рияд, где встречался с высокопоставленными государственными чиновниками.

Еще один региональный центр власти возник в провинции Герат на западе Афганистана, где влиятельный полевой командир Исмаил Хан создал свою администрацию. В отличие от Дустома он сохранил лояльность Кабулу, но, как и Масуд на северо-востоке, достиг известной степени независимости в управлении подконтрольными территориями (провинции Бадгис, Герат, Гур и Фарах). Исмаил-хан также пытался установить собственные международные связи, наезжая с визитами в соседние Иран, Туркмению и Узбекистан.

В остальных провинциях, подчинявшихся Кабулу лишь номинально, сложился широкий спектр различных форм местной власти. В ряде регионов правили отдельные полевые командиры, формально связанные с той или иной политической группировкой. Как правило, они носили титул *вали* (губернатор) или *амир* (эмир) и возглавляли Руководящий совет, формировавшийся из числа соратников местного лидера и влиятельных лиц провинции. Однако в большинстве провинций власть делили представители нескольких политических партий, формируя местную коалицию.

Таким образом, после прихода к власти в Кабуле *моджахедов* в результате победы «исламской революции» децентрализация власти, фактически начавшаяся уже в период правления Б. Кармаля и Наджибуллы, значительно возросла.

ИСЛАМСКИЙ ЭМИРАТ АФГАНИСТАН

В октябре 1994 г. на политической арене Афганистана появилась новая сила — *талибы*, это были афганские пуштуны — учащиеся пакистанских медресе. Сначала это была небольшая группа, сформированная в пакистанском городе Кветта. Перейдя на территорию Афганистана, она быстро обросла сторонниками и к середине 1995 г. захватила ряд южных провинций страны. Талибы выступили с лозунгом прекращения затянувшейся войны в стране, но при этом вооруженным путем, и создания «подлинно исламского государства». Их «крестным отцом» считается министр внутренних дел Пакистана генерал в отставке Насрулла Бабар, духовным наставником — пакистанская партия Джамиат-и улама-и ислам (Общество мусульманских богословов), а консультантом и спонсором (особенно после 1995 г.) — межведомственная разведка Пакистана.

К осени 1995 г. «семинаристы» были уже на дальних подступах к столице, разгромив основные силы Г. Хекматъяра к востоку от Кабула. К этому времени они успели захватить ключевую западную провинцию Герат, губернатор которой Исмаил-хан, не оказав им должного сопротивления, бежал в Мешхед. Они также

легко овладели Джалалабадом. Губернатор Нангархарской провинции Абдул Кадир фактически сдал талибам город и бежал за рубеж. Носители идей прекращения войны и объединения страны под эгидой пуштунов получали растущую поддержку от измученного войной населения, в первую очередь в зоне пуштунских племен. Правительственные войска оказали слабое сопротивление исламистам.

Талибы прочно обосновались в Кандагаре, создав там свою штаб-квартиру. Неспособность лидеров конфликтующих группировок *моджахедов* объединиться предрешила падение режима Б. Раббани. 27 октября 1996 г. вооруженные отряды исламистов практически без боя вошли в Кабул. Правительство спешно покинуло его накануне захвата талибами, выведя из столицы все армейские подразделения. Ставка правительства переместилась на север, в вотчину А.Ш. Масуда г. Талукан.

Взяв столицу, талибы бросили свои вооруженные отряды для захвата северных провинций. С боями против отступавших частей Масуда им удалось продвинуться до стратегического перевала Саланг на трассе Кабул-Термез, затем они были отброшены на юг, в окрестности столицы. Не сумев прорваться на север через Гиндукуш, они предприняли обходной маневр, пытаясь достичь северных провинций с запада. На севере талибы вступили в затяжные бои с войсками Дустома, объединившегося наконец с Хекматьяром и Масудом в антиталибскую коалицию.

Исламские радикалы, поставив под контроль большую часть территории Афганистана, начали создавать новые структуры власти. Во главе ее стал военный и духовный лидер талибов — мулла Мухаммад Омар, воевавший ранее в рядах моджахедов против советских войск. 3 апреля 1996 г. на собрании полутора тысяч мулл и других священнослужителей в Кандагаре он был провозглашен *амир аль-муменином* («повелителем правоверных»), а территория, подконтрольная талибам, — Исламским Эмиратом Афганистан.

Талибы отказались от идеи разработки и принятия конституции, утверждая, что в качестве таковой в новом государстве будет служить шариат — мусульманский свод законов. По существу, талибы создали два центра власти. Один в Кандагаре: сначала это были две *шуры* — Большая и Малая, затем Малая *шура* была распущена, а Большая преобразована в Высший руководящий совет исламского движения Афганистана во главе с самим муллой Омаром. Другой орган власти был сформирован в Кабуле — Совет министров, состоявший из 23 министерств и называвшийся Попечительским советом Исламского государства. Все высшие органы законодательной и исполнительной власти были укомплектованы лицами духовного звания, и вскоре стало очевидно, что в стране сложился тоталитарный военно-теократический режим.

Придя к власти, талибы развернули беспрецедентную по жестокости кампанию по насаждению «истинно исламских» порядков. В первые же дни они устроили зверскую расправу над бывшим президентом Наджибуллой, нарушив иммунитет миссии ООН в Кабуле. Указами эмира Омара были введены жесткие ограничения на общественную жизнь афганцев. Мужчинам было вменено в обязанность отрастить бороды, женщинам — надеть чадру, не выходить из дома без

сопровождения родственников. Они к тому же были лишены права работать и учиться. Женские школы были закрыты. Жесткая регламентация охватила также сферу быта и семейной жизни населения: было упразднено телевидение, запрету подверглись изобразительное искусство, современная музыка, фотографирование и видеосъемка. У людей изымались и уничтожались видеотехника и магнитофоны. За нарушение новых порядков были введены необычайно жестокие средневекового типа наказания: отсечение конечностей, побивание камнями, публичные казни и т.д.

Новая власть, по существу, содействовала расширению производства наркотиков, разрешив крестьянам сеять опиийный мак и превратив таким образом страну в один из мировых центров по изготовлению наркотических веществ и их контрабанды на мировые рынки, в том числе в Россию.

К осени 1998 г. талибам в ходе ожесточенных боев удалось захватить северные провинции, в том числе город Мазари-Шариф, вынудив Дустома покинуть страну, и в частности область Хазараджат, вытеснив оттуда вооруженные отряды лидера «Вахдат-и ислами» А.К. Халили. В сентябре 1998 г. они контролировали около 90% территории страны, оставив своим противникам небольшие анклав. Потерпевшие неудачу в ходе летней военной кампании талибов президент Б.Раббани и его премьер-министр Г. Хекматъяр также покинули страну, обосновавшись в Тегеране.

Несколько ранее на политическую судьбу талибов и самого Афганистана начинает влиять новый, весьма важный фактор — Усама бен Ладен, который появился в стране еще в 1996 г. и в последующем завязал тесные контакты с лидером талибов муллой Омаром. Ему построили солидную резиденцию в Кандагаре, и он сблизился с «повелителем правоверных», впоследствии выдал за него свою дочь.

За бен Ладеном в Афганистан потянулись боевики его организации «аль-Каида», а также сотни добровольцев и наемников из десятка мусульманских стран. Взрывы в американских посольствах в Кении и Танзании в июле 1998 г., в организации которых подозревались сподвижники бен Ладена, вызвали сдвиг в афганской политике США — от поддержки талибов к их неприятию. В ответ на отказ выдать им бен Ладена американцы в августе того года нанесли ракетные удары по его предполагаемым базам и лагерям в провинции Нангархар и округе Хост.

Бен Ладен тем временем создавал разветвленную сеть баз и тренировочных центров, где готовились кадры боевиков и террористов для его организации «аль-Каида», которые затем направлялись по его указанию во все «горячие точки» планеты (Кашмир, Боснию, Косово, Чечню), где «правоверные» сражались с «неверными». Талибов и организацию «аль-Каида» поддерживали и сотрудничали с ней различные экстремистские организации Пакистана, Центральной Азии (в частности, Исламское движение Узбекистана) и других стран и регионов.

В годы нахождения у власти происходила радикализация политики и практических действий талибов. В феврале 2000 г. они официально признали так называемую Чеченскую Республику Ичкерия и приняли в Кабуле ее посольство. Расширявшаяся поддержка талибами чеченских сепаратистов вынудила российское

руководство принимать соответствующие меры: в мае 2000 г. Москва заявила о возможности нанесения превентивных ракетных ударов по лагерям чеченских боевиков на территории Афганистана. ООН, в свою очередь, еще осенью 1999 г. приняла резолюцию с требованием выдачи бен Ладена и ввела санкции против талибов, предусматривавшие запрет на полеты афганской авиакомпании «Ариана» и замораживание активов талибов в зарубежных банках. Поскольку это требование не было выполнено, СБ ООН в декабре 2000 г. ввел военное эмбарго против исламистов, запрещавшее продажу им оружия и предусматривавшее другие ограничения.

Оказавшись в международной политической изоляции, талибы пошли на открытую конфронтацию с мировым сообществом: в марте 2001 г. они бросили ему вызов, взорвав крупнейшие в мире статуи Будды в Бамиане. Летом 2001 г. они развернули широкомасштабное наступление на севере страны, укрепив свои позиции в ранее занятом ими г. Талукан. 9 сентября люди бен Ладена организовали убийство лидера антиталибского альянса А.Ш. Масуда, гибель которого повлекла серьезные последствия для дальнейшей военно-политической борьбы в Афганистане.

* * *

Теракты 11 сентября 2001 г. в США перевернули новую страницу в истории Афганистана. В результате непродолжительной военной операции, в которой участвовали войска Северного альянса, США и их партнеров по международной антитеррористической коалиции, талибы потерпели поражение, и их военная, административная и идеологическая машина была сломлена, хотя остатки отрядов талибов продолжали оказывать сопротивление войскам стран НАТО и их афганских союзников. Исламский Эмират Афганистан, генерировавший международный терроризм и наркобизнес и широко практиковавший попрание прав человека, ушел в прошлое, став достоянием истории.

22 декабря 2001 г. в Кабуле начало функционировать новое, временное правительство Хамида Карзая, сформированное на коалиционной основе в начале декабря на конференции в Бонне. Помочь Афганистану восстановить разрушенную войной экономику и вернуть его на путь мирного строительства согласилось мировое сообщество, обещавшее выделить стране на эти цели 4,5 млрд. долл. сроком на пять лет. Начался новый этап в истории страны, этап возвращения к миру и мирному труду.

Глава 24

ПАКИСТАН

История Пакистана относительно коротка. В качестве самостоятельного независимого государства он появился 14 августа 1947 г. В ходе национально-освободительного движения народов Индостана мусульманское население региона постепенно консолидировалось в рамках борьбы за создание собственного государства. Партии Мусульманская лига, руководил которой выдающийся политический деятель *каид-и азам* (Великий лидер) Мухаммад Али Джинна, удалось, активно используя религиозные и эгалитаристские лозунги, добиться создания государства, «свободного от гнета чужеземцев и индусского большинства».

В государство Пакистан (букв. «Страна правоверных») вошли территории с преимущественно мусульманским населением: Западный Пенджаб, Синд, Белуджистан, Северо-Западная пограничная провинция — СЗПП (они образовали соответственно четыре провинции западной части Пакистана), а также Восточная Бенгалия и Силхетский округ Ассама, которые составили провинцию Восточная Бенгалия (Восточный Пакистан). Площадь нового государства равнялась 947,7 тыс. кв. км; население — ок. 76 млн. человек. Территория Западного Пакистана (т.е. нынешнего государства Пакистан) составляла 806 тыс. кв. км с населением в 34 млн. человек (ок. 45% всех жителей страны). Самой крупной этнической группой Западного Пакистана (60%) являлись пенджабцы.

История Пакистана делится на несколько этапов. В основу ее периодизации положен принцип смены государственно-политических форм и методов правления.

ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПАРЛАМЕНТСКИХ ИНСТИТУТОВ (1947–1958)

Пакистану досталось от прошлого тяжелое наследие: общая экономическая отсталость, низкая производительность труда, преобладание аграрного сектора с низшими формами производственных отношений, нехватка продуктов питания, низкий культурный и образовательный уровень населения. В первом полном финансовом году национальный доход в расчете на душу населения составил ничтожную сумму в 230 рупий (примерно 70 долл.).

В Пакистане оказались только восемь городов, население которых было более 100 тыс. человек. Из промышленных предприятий, отошедших к Пакистану (9,6% их общего числа в неразделенной Индии), значительную часть представляли собой небольшие кустарного типа заведения по первичной переработке сельско-

хозяйственного сырья. Основную часть промышленных товаров приходилось ввозить из-за границы.

Почти все население страны проживало в деревне, где господствовало крупное помещичье землевладение. В Западном Пакистане 6 тыс. лендлордов имели больше земли, чем 3,3 млн. крестьянских семей. Прямым наследием прошлого являлось существование *джагиров*, т.е. помещичьих владений, освобожденных от каких-либо налогов. Полуфеодальная аренда в сочетании с ростовщическими методами приносила крупным помещикам большие доходы, что делало их мало заинтересованными в развитии технической базы сельского хозяйства; задавленные нуждой крестьяне не имели для этого необходимых средств и возможностей. Большую опасность представляли эрозия, засоление и заболачивание почв. Урожайность продовольственных культур была очень низкой.

Крайне тяжелым было положение системы просвещения. В стране не хватало преподавателей, учебных пособий, соответствующего оборудования. Мало было высших и специальных учебных заведений, колледжей, школ всех ступеней. Лишь 7% жителей Пакистана были грамотными. На момент раздела в стране имелось два университета (в 1947 г. был открыт третий).

Помимо этих коренных проблем развития нового государства появились проблемы, связанные с разделом Индии. К ним прежде всего относились вопросы ликвидации ущерба, понесенного в результате кровавых индуско-мусульманских погромов, а также наплыва миллионов беженцев-мусульман (и связанные с этим вопросы их размещения и трудоустройства) и эмиграции в Индию таких же масс немусульман, что обусловило возникновение острого вопроса о собственности лиц, переселившихся из одной страны в другую. Сложными были вопросы окончательной демаркации границ двух государств; положения религиозных меньшинств, оставшихся в Индии и Пакистане; распределения вод пограничных рек и ирригационных систем; разделения общих авуаров и бывшей англо-индийской армии; государственной принадлежности множества княжеств.

Решение этих проблем затянулось на многие годы, осложняя и обостряя отношения между Пакистаном и Индией. Так или иначе они были в конце концов урегулированы, что, однако, не принесло ослабления напряженности во взаимоотношениях двух стран, поскольку длительная борьба вокруг спорных вопросов ожесточила обе стороны, а решение некоторых из них вызвало полное неприятие одной из сторон. К их числу относится проблема княжеств, и прежде всего Кашмира (по условиям раздела правители княжеств имели право сами принимать решение о вхождении в Индию, Индийский Союз или Пакистан с учетом географического положения княжества и интересов его населения, исходя из его религиозной принадлежности).

Судьба небольших княжеств была решена довольно быстро. Что же касается кашмирского вопроса, то он не решен до сих пор и является главным и самым острым раздражителем пакистано-индийских отношений. Кашмир — одно из крупнейших индийских княжеств (240 тыс. кв. км с населением на момент раздела 4,5 млн. человек), находившееся в непосредственной близости от территорий Китая, Индии, Пакистана, Афганистана и в то время СССР. Важное стратегиче-

ское положение. природные и экономические ресурсы, наличие на его территории многих рек, протекающих на остальной части Индостана, делали его «яблоком раздора» между Индией и Пакистаном. Но самым главным было, конечно, расхождение в идеологических подходах к решению этой проблемы. Для Пакистана включение в состав Индии этой, населенной преимущественно мусульманами, территории означало подрыв самой базы, на которой было создано это государство. Для Индии присоединение Кашмира к Пакистану нанесло бы серьезный удар по принципу секуляризма, который в Дели был объявлен основой государственного строительства.

Правитель Кашмира, индус по религии, склонялся к мысли о присоединении к Индии. Чтобы предотвратить такой ход событий, в октябре 1947 г. началось вторжение в Кашмир вооруженных отрядов, сформированных на пуштунских территориях Пакистана. В западной части княжества был образован Азад Кашмир (Свободный Кашмир), находящийся под полным контролем Пакистана. Махараджа княжества заявил о своем желании присоединиться к Индии и попросил у Дели помощи. 26 октября 1947 г. вступление Кашмира в Индийский Союз было оформлено официальным соглашением. Переброшенные по воздуху подразделения индийских войск остановили наступление пакистанских отрядов. Вооруженный конфликт в Кашмире длился больше года. В конце 1948 г. при посредничестве ООН между Пакистаном и Индией было достигнуто соглашение о прекращении военных действий с 1 января 1949 г. Тогда же была установлена линия прекращения огня, разделившая Кашмир на территории, контролируемые обоими государствами. У Пакистана кроме Азад Кашмира оказались северные территории, находившиеся под его прямым управлением. В целом под контролем Пакистана находились 40% территории княжества и около трети его населения.

Поскольку проблема оставалась нерешенной, Совет Безопасности принял резолюцию о необходимости проведения в Кашмире плебисцита. Обе противостоящие стороны согласились с этим; однако впоследствии, в связи с тем, что на территории княжества продолжали оставаться вооруженные силы обеих стран, Индия посчитала, что в таких условиях проведение плебисцита и особенно реализация его результатов невозможны. Отрицательную роль сыграл также отход Пакистана от начального нейтралистского курса, создание военно-политического союза с США и вступление его в военные блоки СЕАТО и Багдадский пакт (с 1959 г. — СЕНТО).

Отказавшись от проведения плебисцита, Индия взяла курс на экономическую и политическую интеграцию «своей части» Кашмира. Пакистан, естественно, не признал эти действия и продолжал настаивать на проведении плебисцита в качестве решения спора. Индия видела нерешенность кашмирской проблемы только в пребывании пакистанских войск и администрации на территории штата Джамму и Кашмир и требовала их отвода.

Как уже отмечалось, в первые годы существования Пакистана его внешняя политика в целом носила нейтралистский характер. Этот период был временем поиска союзников, которые обеспечили бы поддержку Пакистану в решении его сложных внутренних проблем и помощь на международной арене, прежде всего

в противостоянии с Индией и Афганистаном (последний протестовал против вхождения районов, населенных пуштунами, в состав Пакистана).

Правящие круги Пакистана посчитали, что наилучшим образом обеспечит их интересы союз с США. Вашингтон также отводил этому государству важную роль по укреплению своих позиций в азиатском регионе, рассматривал его как средство давления на Индию с ее политикой неприсоединения. К середине 1950-х годов был оформлен союз Пакистана с США. Америка стала главным источником внешней помощи, основным торговым партнером Пакистана. Ему предоставлялась также значительная военная помощь. Союз с США обусловил одностороннюю ориентацию Пакистана на западные державы, вхождение в созданные ими блоки СЕАТО (1954 г.) и Багдадский пакт. В этот период Пакистан был сторонником блоковой системы в международных отношениях и выступал против политики неприсоединения, называя ее «аморальной».

Внутриполитическая жизнь в Пакистане с самого начала отличалась большой нестабильностью и репрессивностью действий властей. Правящая элита была слаба и экономически, и политически. Она не имела большого опыта «цивилизованной» борьбы с оппонентами, практики политических компромиссов и маневра. Выход из возникающих сложностей она обычно искала на пути ужесточения внутреннего курса, усиления насильственных действий, широкого привлечения армии к контролю над ситуацией.

Тяжелым ударом для страны стали смерть в сентябре 1948 г. основателя Пакистана М.А. Джинны и убийство в октябре 1951 г. его преемника, первого премьер-министра — *каид-и миллат* (вождя нации) — Лиакат Али Хана. Пришедшие им на смену руководители оказались довольно слабыми, недостаточно готовыми к замене своих выдающихся предшественников и малоэффективными в управлении государством.

В течение почти всего «гражданско-демократического» периода не только не соблюдались, но даже не были провозглашены основные права граждан. Карательные органы постоянно использовали против оппозиции пресловутые акты «об охране общественной безопасности», которые позволяли арестовывать любого гражданина, включая и члена парламента. Политическая нестабильность в данный период была обусловлена неспособностью функционирования конституционно-парламентской системы, механически перенесенной в Пакистан, где еще не сложились для этого объективные и субъективные условия. Экономическая и социальная отсталость районов, составивших Пакистан, отсутствие среднего класса, наиболее заинтересованного в буржуазной демократии, традиционные представления в стране о власти и многие другие факторы не способствовали успеху парламентской демократии. Не следует забывать, что почти половину территории Пакистана занимали княжества. В этих заповедниках нищеты и бесправия население было лишено элементарных человеческих прав, в них не существовало никаких выборных органов власти, князья обладали абсолютной властью во внутренних делах своих владений.

В результате формально существовавшая парламентская система была крайне неэффективна и не способна хоть в какой-то мере реформировать и модернизировать общество, обеспечить развитие его основных сфер.

Позитивную роль в общественно-политическом процессе в Пакистане могла бы сыграть конституция, принятая в 1956 г. Она устанавливала и закрепляла фундаментальные принципы и формы буржуазно-демократической системы — всеобщие и прямые выборы, ответственность правительства перед парламентом, представительский характер полномочий президента и реальную власть премьер-министра, федеративное устройство государства с достаточно широкими правами автономий. Законы, несовместимые с основными правами человека, провозглашались в ней утратившими силу. Если бы такая конституция была введена в действие в начале существования государства, как это было в Индии, то, возможно, политические процессы в Пакистане пошли бы в ином направлении. Но конституция вступила в действие тогда, когда деградация провозглашенных ею норм и институтов зашла слишком далеко и что-либо изменить уже было невозможно. Дискредитация парламентской демократии продолжалась, что давало в руки ее противников довольно веские аргументы.

До принятия конституции Пакистан оставался на положении британского доминиона, вся его система управления основывалась на введенном еще в 1935 г. Законе об управлении Индией и Законе о независимости Индии, принятом парламентом Англии в 1947 г. В соответствии с последним, законотворческую работу и подготовку конституции нового государства выполняло Учредительное собрание. Его депутатами стали члены выбранного непрямым путем в июне 1946 г. Учредительного собрания Индии, представлявшие территории, вошедшие в состав Пакистана. Председателем собрания избрали М.А. Джинну, который был также генерал-губернатором доминиона и возглавлял его правительство. Подавляющее большинство депутатов Учредительного собрания были членами Мусульманской лиги или поддерживали ее. Оппозицию представляли небольшая группа от Национального конгресса Пакистана (выражавшего интересы индуистской общины) и несколько левых депутатов, порвавших с Мусульманской лигой.

В 1950-е годы в Пакистане возникло много политических партий. Часть их была создана деятелями, вышедшими из Мусульманской лиги. Группа бывших членов Лиги в 1950 г. образовала партию «Азад Пакистан» («Свободный Пакистан»), вставшую в ряды левой оппозиции. Значительный урон правящей партии нанес выход из ее состава большой группы видных политических деятелей, которые в 1956 г. создали Республиканскую партию. Результатом резкой активизации политической жизни в провинциях явилось появление здесь множества националистических и национально-демократических партий и организаций. В западной части страны — Врор пуштун (Братство пуштунов), Синд авами махаз (Народный фронт Синда), Балуч парти (Белуджская партия) и др. В Восточной Бенгалии начали действовать: Ганатантри дал (Демократическая партия), Кришак шрамик парти (Крестьянско-рабочая партия). Авами лиг (Народная лига), созданная в 1949 г. и несколько раз менявшая впоследствии свое название, и Национальная народная партия (образована в 1957 г.), хотя и являлись общенациональными организациями, все же основную базу для своей деятельности имели в восточной части страны. В рассматриваемый период активно действовала Коммунистиче-

ская партия Пакистана, основанная в 1948 г. (основные ее кадры составили мусульмане из числа членов Компартии Индии).

Правые силы создали ряд религиозно-общинных партий. Главной из них стала возникшая еще в 1941 г. в Индии по инициативе видного исламиста Абул Ала Маудуди организация Джамаат-и ислами (Исламское общество). В 1942 г. появилась организация клерикалов-традиционалистов — Джамиат-ул-улама-и ислам (Общество мусульманских богословов). Наконец, в 1948 г., уже в Пакистане, была создана партия Джамиат-ул-улама-и Пакистан (Общество пакистанских богословов), а в 1953 г. — Низам-и ислам (Исламский порядок).

Осложнение внутренней ситуации не вело к консолидации правящей верхушки, а, наоборот, ослабляло ее, усиливало расхождения, обостряя фракционную борьбу. Неуклонно теряла свои господствующие позиции Мусульманская лига. Уже в 1951 г. на выборах в Законодательное собрание Пенджаба за нее проголосовали только 52% избирателей. Следующие провинциальные выборы в СЗПП и Синде показали дальнейшее падение ее влияния. Наконец, на выборах в Восточном Пакистане в 1954 г. она потерпела сокрушительное поражение, завоевав всего лишь 10 депутатских мандатов из 309.

Мусульманская лига, чтобы удержать страну под своим контролем, пошла на широкие репрессивные меры. Пришедшее к власти в Восточной Бенгалии в результате выборов правительство, в котором преобладающие позиции занимала Народная лига, было разогнано, а в провинции ввели чрезвычайное положение (май 1954 г.). В октябре 1954 г. чрезвычайное положение было распространено на всю страну. Учредительное собрание было распущено, правительство сформировал генерал-губернатор. Все это сопровождалось массовыми арестами, введением цензуры и т.д. Одновременно для ослабления политического значения Восточного Пакистана правящие круги пошли на объединение всех субъектов федерации западной части страны в единую провинцию, которая стала называться Западный Пакистан.

В мае 1955 г. чрезвычайное положение было отменено, и в следующем месяце состоялись не прямые выборы нового Учредительного собрания (его депутаты избирались провинциальными законодательными собраниями). В этом высшем представительном органе страны Мусульманская лига получила всего 25 мест из 80. В последующие годы она или находилась у власти только в коалиции с другими партиями, или была отстранена от нее.

Образование нового Учредительного собрания и принятие конституции не остановили потока негативных политических событий. Переносились предусмотренные новой конституцией сроки проведения первых всеобщих выборов. Постоянно менялись правительства в центре и провинциях, часто вводилось чрезвычайное положение, непрерывно менялся партийный состав законодательных органов, создавались и рушились коалиции политических партий. Происходили террористические акты против политических лидеров. 9 мая 1958 г. был убит крупный политический деятель Пакистана, руководитель Республиканской партии Хан Сахиб.

В обстановке распухшей внутренней нестабильности и дискредитации существующей государственно-политической системы в Пакистане 8 октября 1958 г.

был осуществлен переворот и установлено военное положение. Главнокомандующий пакистанской армией генерал Мухаммад Айюб Хан (в октябре 1959 г. ему было присвоено звание фельдмаршала) стал главным военным администратором и вскоре президентом страны. Были распущены все законодательные собрания, запрещены политические партии, митинги и демонстрации, арестованы лидеры демократического и национального движений, отменена конституция.

Так завершился первый период существования Пакистана. Возможно, это был самый сложный, противоречивый и беспокойный отрезок пакистанской истории, что во многом объясняется трудностями вхождения этого реиона в фазу независимого существования. Разумеется, и за этот период были достигнуты определенные позитивные результаты в различных сферах жизнедеятельности пакистанского общества.

В целом ускорилось экономическое развитие страны, особенно промышленное. За десять лет объем промышленного производства вырос более чем в четыре раза. С 1955 г. Пакистан не только удовлетворял потребности внутреннего рынка в хлопчатобумажных изделиях, но и экспортировал их за границу. На р. Инд было сооружено несколько крупных гидроэнергетических объектов. Был создан довольно масштабный государственный сектор, что давало возможность более рационально использовать скудные финансовые ресурсы. В Пакистане увеличилось число городов, повышалась грамотность населения, росла численность учебных заведений. В 1947 г. был открыт Синдский университет, в 1950 г. — Пешаварский, в 1951 г. — Карачинский, а также ряд специализированных вузов. В 1957 г. была отменена курриальная система выборов в парламент.

ВОЕННЫЕ У ВЛАСТИ (1958–1971)

Переворот в октябре 1958 г. был проведен под лозунгами ликвидации недостатков, порожденных прежними правительствами, и превращения Пакистана в сильное, процветающее государство. Пороки прежних режимов отождествлялись с парламентской демократией. Тем самым оправдывались ее ликвидация и установление «сильной власти».

Новое руководство установило в стране жесткий репрессивный режим. Была запрещена деятельность политических партий, молодежных организаций, введена строгая цензура. Длительное тюремное заключение грозило участникам политических митингов и демонстраций, забастовок, оппозиционным деятелям. Были арестованы многие видные деятели демократического и национального движения, лидеры профсоюзных и крестьянских организаций, прогрессивные деятели культуры.

Правительство М. Айюб Хана, используя суровые меры военного положения, пошло на реформирование пакистанского общества, определенную его модернизацию. Первым и наиболее важным мероприятием, объявленным уже в январе 1959 г., была аграрная реформа. Ее целью было содействие развитию предпри-

нимательства в сельском хозяйстве, подъему этой отрасли экономики, ослабление недовольства миллионных масс крестьян.

Главное в аграрном законодательстве было ограничение помещичьего землевладения 500 акрами орошаемой и 1 тыс. акров неорошаемой земли. Излишки с выплатой компенсации изымались у помещиков и за выкуп распределялись среди крестьян, в первую очередь среди арендаторов. Закон разрешал помещикам оставлять дополнительные участки, если на них велось предпринимательское хозяйство (животноводческие фермы, конные заводы, выращивались технические культуры и т.д.). Реформа 1959 г. провозглашала ликвидацию системы *джагирдари* и запрещение принудительного труда крестьян — *бегара*. Помещикам запрещалось увеличивать ренту или долю арендаторов в государственных налогах и сгонять их с земли. Следует отметить также запрещение дробления земельных участков меньше установленного размера и обязательную консолидацию раздробленных помещичьих владений. Закон предусматривал помощь кредитами, оборудованием, удобрениями и пр. тем землевладельцам, которые применяли капиталистические методы ведения хозяйства. Поощрялось создание на пустующих государственных землях частных ферм.

Аграрная реформа 1959 г. даже по тем временам была довольно ограниченной. Она затрагивала верхушку земельной аристократии — примерно шесть тысяч крупнейших помещиков. У них изымалось 2,5 млн. акров, что составляло 5% всех земельных угодий Пакистана. Таким образом, не стоял вопрос и о существенном увеличении крестьянского земледелия. За счет помещичьей верхушки укреплялись позиции более широких кругов помещиков (так называемых средних помещиков), которых насчитывалось до 60 тыс. и многие из которых так или иначе были связаны с предпринимательской деятельностью. Важно, что из представителей именно этой части помещиков (в основном Пенджаба и СЗПП) набирался офицерский корпус вооруженных сил Пакистана. Некоторые стороны аграрного законодательства должны были привлечь на сторону правящего режима зажиточную верхушку крестьян. Главное, что эти законы в большей мере закрепляли ее права и предоставляли большие возможности для предпринимательской деятельности.

Реформа 1959 г. была направлена на некоторую модернизацию самой отсталой отрасли народного хозяйства. В связи с этим ставилась задача подъема технического уровня деревни, повышения урожайности основных культур, увеличения их общего сбора. В какой-то мере эти цели были достигнуты. Сколь бы ни были скромны аграрные реформы, но в совокупности с мерами по улучшению технической оснащенности сельского хозяйства, успехами в ирригационном строительстве, использованием высокоурожайных сортов семян («зеленая революция» — с 1967 г.), увеличением посевных площадей и т.д. они обеспечили с начала 1960-х годов медленный рост сельскохозяйственного производства, включая продовольственные культуры. К началу 1970-х годов Пакистан, ввозивший до этого времени значительное количество зерна, уже имел чистый излишек зерновых.

В феврале 1959 г. была провозглашена «новая промышленная политика», которая ставила целью расширение национального производства с помощью

частного капитала. Было создано специальное Бюро поощрения частных инвестиций, в том числе и иностранных, оно обеспечивало льготные условия для создания новых предприятий, приобретения оборудования, сырья и т.д. Государство предоставило частному капиталу широкое поле деятельности. В производственной сфере в исключительном ведении государства остались производство вооружения, атомная энергетика, транспорт и средства связи. Государство вкладывало свои средства в те отрасли, которые частный капитал по тем или иным соображениям не желал осваивать. Но после их создания в госсекторе происходила широкая передача их в частный сектор. В течение 1959 г. частным предпринимателям были проданы ряд цементных, сахарных и текстильных предприятий.

Власти активно привлекали иностранный капитал и создавали для него льготные условия. Было снято обязательное прежде условие участия пакистанского национального капитала в тех отраслях, куда иностранные инвесторы производят свои вложения. Иностранному капиталу были гарантированы свободный перевод прибылей, от двойного налогообложения освобождались американские, английские, японские и западногерманские инвесторы, а работающие на пакистанских предприятиях иностранные специалисты — от подоходного налога. Правительство Пакистана торжественно обещало не национализировать иностранные предприятия.

Основной цели промышленной политики — развитию национального производства — содействовали и изменения налоговой системы. Их основная задача сводилась к поощрению частных инвестиций (местных и иностранных).

Одновременно с промышленной и налоговой реформами были внесены изменения и в торговую политику в интересах развития местного производства и привлечения средств крупной пакистанской буржуазии из сферы оборота в материальное производство. В целях увеличения валютных запасов были приняты меры по расширению экспорта товаров. Для поощрения вывоза был снят контроль над экспортом почти всех товаров. Была сделана попытка уменьшения ввоза за счет развития импортзамещающих отраслей. В этих целях снижались импортные пошлины на промышленное сырье, идущее на производство готовой продукции, предназначенной для вывоза. Были приняты меры для повышения конкурентоспособности пакистанских товаров.

Особо нужно отметить, что власти предприняли большие усилия по привлечению иностранного капитала, особенно в производственную сферу. Ряд прямых и косвенных льгот понижали налог на прибыли этих компаний до уровня налога на доходы национальных компаний. На несколько лет освобождались от подоходного налога иностранные специалисты, были ослаблены существовавшие ранее ограничения по их найму.

В результате реформ и действий правительства М. Айюб Хана в Пакистане окрепли тенденции к более быстрому и разностороннему развитию экономики. Этому содействовали также отход от односторонней ориентации на западные державы, расширение сотрудничества с социалистическими странами и афроазиатскими государствами.

В 1949/50–1959/60 гг. среднегодовые темпы роста валового продукта составляли 2,5% и в незначительной степени превышали темпы роста населения; в целом доход на душу населения за этот период вырос всего на 2%. В 1959/60–1967/68 гг. валовой продукт ежегодно возрастал на 5,7%, подушевой доход за этот период увеличился на 26%.

Несмотря на успехи сельскохозяйственного производства, его доля в ВВП уменьшалась более быстрыми темпами, чем прежде, и составила в 1967/68 г. 46,1% (в 1959/60 г. — 53,2%). Снизился процент самодельного населения, занятого в сельском хозяйстве. Ускорился процесс урбанизации.

Особенно значительные сдвиги произошли в промышленности. Доля ВВП, создаваемого в этой сфере, увеличилась с 9,5% в 1959/60 г. до 12% в 1967/68 г. Высокими (ок. 13%) были и среднегодовые темпы роста промышленного производства. В экспорте росла доля готовых изделий, а в импорте за счет потребительских товаров на первое место вышли машины, оборудование, промышленное сырье. По темпам роста крупная промышленность значительно обгоняла мелкую, а тяжелая — легкую. В рассматриваемые годы началось развитие ключевых отраслей тяжелой промышленности (металлургия, машиностроение, химия), тогда как до этого происходил рост лишь вспомогательных отраслей тяжелой промышленности. В стране заработали нефтеперерабатывающие заводы, предприятия по производству химических удобрений, цемента, вторичного проката, авто- и тракторосборочные заводы, комплекс тяжелого машиностроения и т.д. Серьезное развитие получила горно-добывающая промышленность, увеличилось производство электроэнергии. В 1967 г. был сооружен крупный гидроэнергетический узел Мангла на р. Джелам (приток Инда).

Проведенные в 1960-е годы преобразования экономики Пакистана были, несомненно, положительным явлением в жизни страны. В то же время эти перемены носили ограниченный характер и не устранили полностью пережитков феодального и колониального прошлого, что затрудняло поступательный процесс, обостряло старые проблемы и создавало новые, наиболее значительная из которых — диспропорциональность и несбалансированность развития народного хозяйства страны. Причина этого была прежде всего в отставании сельскохозяйственного производства. Из всех преобразований, проведенных режимом М. Айюб Хана, модернизация в наименьшей степени затронула аграрные отношения в деревне.

Сложные и противоречивые процессы сопровождали в то же время и развитие промышленности, которое происходило в условиях сравнительной узости внутреннего рынка и зависимости от внешних источников поступлений важнейших элементов основного капитала. Темпы развития отдельных отраслей были крайне неравномерными. Довольно быстрое развитие некоторых отраслей тяжелой промышленности происходило при незначительном собственном производстве машинотехнического оборудования, в условиях нехватки металла, узкой топливно-энергетической базы. Подобное положение препятствовало не только созданию новых предприятий, но и полному использованию уже установленных мощностей.

В результате увеличения капиталовложений в экономику Восточного Пакистана ее развитие ускорилося. Однако по темпам роста ВВП Западный Пакистан обгонял восточную провинцию, что сделало нереальным решение главной задачи во взаимоотношениях двух частей страны — достижение их экономического паритета. Как и раньше, Восточный Пакистан за счет своего экспорта покрывал часть огромного внешнеторгового дефицита западной провинции. Такое положение вызывало растущее недовольство восточнопакистанского населения и было важной причиной событий 1971 г.

Относительно высокие темпы экономического развития Пакистана в 1960-е годы потребовали напряжения всех внутренних ресурсов, мобилизации дополнительных средств, что прежде всего нашло свое отражение в росте налогов. Важным обстоятельством являлся опережающий рост косвенных налогов. Что касается прямых налогов, то при общем росте частнокапиталистического предпринимательства поступления от них почти не увеличивались абсолютно, а относительно даже уменьшались. Иными словами, дело не только в том, что изменения жизненных условий основных масс населения не были значительными, а в том, что существовал серьезный разрыв между темпами роста экономики и их влиянием на материальное положение населения. Через некоторое время это привело к острым социальным потрясениям. Наибольшие выгоды от ускорившегося экономического развития страны извлекла крупная буржуазия, пользующаяся поддержкой государства, в частности в сфере налоговой политики. Даже в официальных документах отмечалось, что быстрое развитие экономики «сопровождается растущей концентрацией капитала и богатств и экономической мощи в руках относительно небольшого числа крупных предпринимателей». Так, в целом прогрессивное реформирование экономики Пакистана привело к обострению основных социальных противоречий между экономическим ростом и распределением его результатов.

Исходя из назревших потребностей общества, правительство М. Айюб Хана стремилось в какой-то степени преобразовать, «осовременить» важнейшие сферы идеологической и политической жизни страны. Особое внимание было обращено на систему народного образования и такую важную в условиях Пакистана область, как религия. Необходимо было расширять сферу образования, охватывая им возможно большее число людей, а также улучшать качество образовательного процесса, чтобы приблизить школу к практической жизни. В стране не хватало технических кадров, специалистов сельского хозяйства, медработников и др. Одновременно росла безработица среди людей с высшим гуманитарным образованием.

Так как государство было заинтересовано в духовном воспитании подрастающего поколения, его обучение и воспитание было проникнуто духом ислама. В средней школе ввели преподавание основ ислама как обязательный предмет. Изучение Корана стало обязательным для мусульманских детей, посещающих христианские миссионерские школы. Созданный в 1963 г. Совет по развитию образования одну из своих основных задач видел в «выработке у учащихся исламского взгляда».

В то же время некоторые основные программы — по снижению уровня неграмотности среди взрослого населения, расширению обучения женщин — проводились в жизнь крайне медленно. Принятые амбициозные планы введения всеобщего начального и среднего (восьмилетнего) образования остались на бумаге. Их выполнение упиралось как в недостаток государственного финансирования, так и в бедность общества, нищету подавляющей части жителей. Бедность зачастую не позволяла детям посещать школу (необходимость работы по домашнему хозяйству, отсутствие учебников, одежды, обуви и т.д.). Это обуславливало и острую проблему отсева учащихся.

Стремление переложить основные тяготы реформирования образовательной системы на самих трудящихся, провести в первую очередь те изменения, которые выгодны правящей верхушке, вызывало недовольство общественности, придерживавшейся левых взглядов. Одновременно деятельность властей подвергалась критике и справа, со стороны религиозно-общинных сил, которые были заинтересованы в неизменности положения во всех сферах внутренней жизни страны и усматривали угрозу своему положению в любой модернизации общества. Яростным атакам подверг планы реформирования А.А. Маудуди, требуя разработки «средств и путей создания подлинно исламской системы образования».

Важнейший вопрос политики военного режима — его отношение к исламу. Разумеется, власти в большой степени использовали религию для укрепления своего положения. Ее значение возрастало еще больше в условиях полиэтнического состава страны, к тому же состоявшей из двух отдельных частей. Поэтому ислам являлся главнейшим средством укрепления единства государства. Наконец, только ислам, по утверждению его идеологов, мог обеспечить равенство членов уммы, обеспечить их процветание, способствовать построению «процветающего государства для всех». Отметим, что рассматриваемые события происходили в условиях начавшегося кризиса общепакистанского национализма, неспособности государства обеспечить улучшение жизненных условий широких масс населения.

Военные власти предприняли меры по усилению роли ислама и контролю за ним со своей стороны. В 1960 г. ими создается Центральный институт научных исследований ислама, а в 1962 г. — Академия ислама для подготовки богословов и священнослужителей. Принятая в 1962 г. конституция содержала немало исламских положений: Пакистан объявлялся государством, основанным на исламских принципах социальной справедливости, ни один закон не должен противоречить исламу, пост главы государства может занимать только мусульманин и т.п. Военные власти многое сделали для усиления роли ислама, и это не было всего лишь уступкой религиозно-общинным силам (хотя и это имело место), а отвечало их стремлению — с помощью религии еще больше утвердить и освятить в сознании людей господство правящего блока.

В Пакистане с момента его возникновения (и задолго до этого) шла борьба между так называемыми традиционалистами и фундаменталистами, с одной стороны, и модернистами — с другой. Первые выступали за укрепление и восстановление «классических норм» ислама, выступали против нововведений, вред-

ных для религии. В противовес им «модернисты» стремились привести общество и его идеологию в большее соответствие с требованиями современности.

Лидеры военного режима довольно резко критиковали клерикалов, препятствующих прогрессу и превращающих «подлинно творческое», «динамичное» учение ислама в догму. М. Айюб Хан неоднократно отмечал, что ислам все больше отрывается от жизни и становится «безжизненным предметом, неспособным к развитию и ограниченным территорией мечетей и мавзолеев. В то время как человечество делает огромные успехи в науке, наша религия остается статичной». В то же время официальная пропаганда объявляла, что сам по себе ислам является «самой прогрессивной религией, способной идти в ногу со временем». Поэтому основная задача заключается в том, чтобы «возродить истинный дух ислама в свете современного прогресса и научных достижений».

Однако когда вопрос переходил в практическую плоскость, правительство действовало довольно нерешительно. Это объяснялось ожесточенным сопротивлением тех групп, которым модернизация была невыгодна с точки зрения их интересов, а главное — опасением ослабить и даже подорвать ту могучую объединяющую силу, которую представлял из себя ислам. Непоследовательность и нерешительность властей в отношении мер, направленных на «современивание» пакистанского общества, ярко проявились в его действиях по реформе политической системы и семейного права.

Вторая конституция Пакистана, принятая в 1962 г., носила более секулярный характер, чем другие пакистанские конституции. Большим достижением можно считать изменение названия государства — оно стало называться Республика Пакистан (слово «исламская» было опущено). Конституция провозгласила свободу вероисповедания. Была отбита атака исламистов, требовавших восстановления куриальной системы выборов. Созданный Совет исламской идеологии, имевший право давать заключения по вопросу соответствия любого законопроекта принципам ислама, по сути являлся консультативным органом при президенте, который назначал по своему усмотрению его членов. Его состав был представлен юристами, правоведами, историками и др., но богословы в него обычно не допускались.

В то же время конституция 1962 г. содержала немало положений, которые по существу делали ислам государственной религией. Как и в предшествующей конституции, провозглашался «суверенитет Аллаха над всей вселенной» и указывалось, что Пакистан основан на «исламских принципах социальной справедливости».

Наиболее острые столкновения между традиционалистами и модернистами шли вокруг Закона о семье и браке. Принятый в 1962 г., он формально запретил полигамию. Однако вопросы, связанные со вторым и последующими браками, были переданы в руки местных органов власти, которые не являлись юридическими органами. Вся обстановка, в которой работали местные органы власти в этой сфере, практически делала формальным провозглашенное законом запрещение многоженства. Также чисто формальным оказалось еще одно важное положение закона — о возбуждении женщиной развода. Нельзя не отметить, одна-

ко, что принятое законодательство имело прогрессивное значение с точки зрения защиты прав женщин.

После отмены военного режима в 1962 г. нападки коммуналистских сил, считавших, что конституция носит недостаточно исламский характер, резко усилились. Согласно первой поправке к конституции, принятой уже в 1963 г., восставлялось прежнее название государства — Исламская Республика Пакистан, а Совету исламской идеологии вменялось в обязанность изучить все существующие законы с точки зрения приведения их в соответствие с принципами ислама. Можно сказать, что период правления военных во главе с М. Айюб Ханом был в религиозном плане наиболее спокойным и умеренным. В дальнейшем, под влиянием внутренних и внешних факторов, исламизм различных фундаменталистских и традиционалистских сил перешел в широкое наступление.

Осуществленные при М. Айюб Хане изменения государственно-политической системы вызвали недовольство как слева, так и справа. Вместе с тем нельзя не отметить, что они носили системный характер. Руководители военного режима, особенно на первых порах его существования, были противниками парламентской демократии. Кстати, тогда это не вызывало большого недовольства на мировой арене. Государственные деятели, ученые, эксперты считали главным, чтобы система государственного управления соответствовала конкретным условиям страны и обеспечивала в ней порядок, стабильность и безопасность.

Для решения этих принципиальных задач власти провели некоторые предварительные реформы органов власти на местах. Несколько расширены были их экономические функции, предприняты меры по улучшению подготовки чиновничьих кадров. Реформирование государственной системы правительство начало с низших уровней власти. В условиях сильнейшего централизма эти органы практически не играли никакой роли, не решали сколько-нибудь важных вопросов. Подобное положение не соответствовало интересам правящей элиты, которую не устраивало отсутствие достаточной оперативности аппарата на местах и недовольство подобным положением широких слоев населения.

После довольно тщательной, но быстро проведенной подготовительной работы в октябре 1959 г. было объявлено о введении в стране системы «основ демократии». Она предусматривала формирование пяти ярусов органов самоуправления, соответствующих единицам административно-территориального деления: деревня, район, округ, область, провинция. Нижнее звено системы составили органы самоуправления в деревнях, поселках и группах деревень. Каждый из органов состоял из десяти избранных населением депутатов и представлял одну тысячу жителей. При приблизительно равном населении Западного и Восточного Пакистана в обеих провинциях было создано одинаковое число органов самоуправления (по 4 тыс.) и их членов (40 тыс. человек в каждой провинции). Последние образовали коллегию выборщиков для избрания президента, парламента и провинциальных законодательных собраний. Таким образом, прямые всеобщие выборы заменялись непрямыми выборами небольшой группы выборщиков. В высших органах самоуправления увеличивалось число избранных непрямым путем, а также чиновников различных департаментов и лиц, назначенных выше-

стоящими органами. Таким образом, вся система местного самоуправления находилась под контролем государственных чиновников и по сути дела являлась частью бюрократического аппарата. Срок полномочий всех звеньев системы устанавливался в пять лет.

Зимой 1959/60 г. состоялись выборы в органы низшего звена создававшейся системы «основ демократии». В выборах участвовали лица, достигшие 21 года. На их основе были сформированы органы управления на всех уровнях. 14 февраля 1960 г. были проведены выборы президента. М. Айюб Хан был единственным кандидатом на этот пост. За него проголосовало подавляющее большинство членов избирательной коллегии. В 1962 г. прошли выборы в Национальное собрание страны (парламент) и законодательные собрания провинций. Следует отметить, что власти придавали большое значение системе «основ демократии» и внимательно следили за ее деятельностью. В правительстве было создано специальное Министерство по делам местного самоуправления. Власти реагировали на все замечания в адрес функционирования схемы «основ демократии», в определенной степени корректировали ее. Так, в 1967 г. была увеличена численность нижнего звена системы (т.е. коллегии выборщиков высших представительных органов) — с 80 тыс. до 120 тыс. человек.

Вообще говоря, деятельность органов местного самоуправления заметно ожилилась, особенно с введением программ общественных работ. Большое внимание уделялось развитию сельского хозяйства, пропаганде передовых методов агрикультуры. Но особенно велика была политическая роль органов «основ демократии». Созданные режимом М. Айюб Хана, выражающие интересы тех слоев, которые составили социальную базу этого режима, эти органы превратились в опору правящей Мусульманской лиги после отмены военного режима. Структура партии соответствовала структуре системы «основ демократии». На всех уровнях между организациями Мусульманской лиги и органами «основ демократии» существовали тесные связи.

С начала 1960-х годов росло недовольство существованием военного режима. Оппозиция усиливалась и слева, и справа. Представители левых считали, что в условиях военного режима отсутствуют возможности для демократического выбора народа, ущемляются его основные права. Правые круги рассчитывали, что парламентские институты дадут им определенные возможности для выражения своих интересов на общегосударственном уровне. За отмену военного режима выступали крупные в прошлом политические деятели (М.М. Даултана, М.А. Хуро, М.А. Чоудхури), которые были отстранены военными от политической деятельности и всеми силами стремились вернуться к ней.

Да и сами военные начали подумывать о возвращении в казармы. Основные социально-экономические и политические задачи, которые стояли перед ними после взятия власти, были в основном выполнены. Хотя проводимое ими реформирование общества в целом носило положительный характер, но практическая отдача для населения была невелика. Недовольство различных социальных и национальных групп нарастало, и дальнейшее пребывание военных у власти привело бы к серьезной дискредитации самого режима и его руководителей.

Для отмены военного режима, собственно говоря, было все готово. Стабильность будущей системы была найдена в президентской форме правления с ничем не ограниченными правами главы государства. Основы этой системы уже действовали: косвенные выборы, схема «основ демократии», отсутствие политических партий и г.д. Оставалось лишь собрать все это в единую организационно-процессуальную систему и представить ее в виде Основного закона государства.

Был выбран наиболее недемократический путь создания конституции. Вместо всенародно избранного Учредительного собрания конституцию подготовила назначенная правительством в феврале 1960 г. комиссия в составе одиннадцати человек; ее текст был утвержден кабинетом министров в январе 1962 г., и 1 марта она была обнародована президентом М. Айюб Ханом. В действие конституция была введена 8 июня 1962 г., и одновременно с этим отменялось военное положение. М. Айюб Хан ушел с действительной военной службы и оставил пост главнокомандующего пакистанской армии.

Как уже отмечалось, новая конституция устанавливала в стране республику президентского типа. В руках президента была сосредоточена огромная исполнительная власть, главой которой он являлся, он обладал также законодательными, финансовыми и судебными полномочиями. Для помощи в осуществлении своих функций президент назначал по своему усмотрению членов кабинета министров. Поста премьер-министра не существовало, правительство возглавлял президент. Он же назначал и смещал губернаторов провинций, членов Верховного суда, генерального прокурора, послов. Он являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, назначал высших чинов в армии, в военно-морском флоте и военно-воздушных силах.

Значительными были чрезвычайные полномочия президента. Он мог объявить в стране чрезвычайное положение в случае угрозы войны, агрессии или внутренних беспорядков. В этом случае президент получал право издавать указы, имеющие силу закона, причем парламент не мог отменить такой указ. В период чрезвычайного положения президент мог приостановить действие основных прав граждан и судебный контроль над их осуществлением. Сроки существования чрезвычайного положения зависели от решения президента. Так, в сентябре 1965 г. в связи с вооруженным конфликтом с Индией М. Айюб Хан ввел чрезвычайное положение и отменил его лишь в феврале 1969 г.

При сильной централизации исполнительной власти были все-таки несколько расширены права автономии. Конституция 1962 г. определила сферу исключительной компетенции центра. Все остальные полномочия предоставлялись провинциям. В ведение провинций передавались железные дороги. Никакая поправка к конституции, если она затрагивала права какой-нибудь провинции, не могла быть внесена в парламент без предварительного ее одобрения законодательным собранием данной провинции. Главный город Восточного Пакистана — Дакка — объявлялся второй столицей государства. Государственными языками стали бенгальский и урду. Все эти положения говорят о том, что создатели конституции 1962 г. самым серьезным образом подходили к территориальному устройству

государства, особенно опасаясь неблагоприятного развития событий в Восточном Пакистане.

Отмена военного режима активизировала политическую деятельность в стране. Под широким напором оппозиции властям уже в июле 1962 г. пришлось разрешить деятельность политических партий. Возобновила свою деятельность Мусульманская лига, ставшая правящей партией (с декабря 1963 г. ее возглавил президент М. Айюб Хан). Мусульманскую лигу покинула значительная группировка, которая создала свою партию по тем же названием, но стала в оппозицию к правительству. Она объединяла старых политических деятелей, в чем-то ущемленных правящим режимом. Возобновили деятельность Народная лига, выражавшая интересы широких слоев населения Восточного Пакистана (в 1966 г. ее руководителем стал видный политический деятель Муджибур Рахман), и Национальная народная партия (ННП), выдвинувшая программу преобразований социалистического толка. На правом фланге наиболее сильные позиции имели организации Исламское общество и «Исламский порядок».

Новой звездой на политическом небосклоне стала созданная в 1967 г. Пакистанская народная партия (ПНП). Ее возглавил Зульфикар Али Бхутто, видный деятель режима Айюб Хана, занимавший одно время пост министра иностранных дел. После вынужденной отставки в 1966 г. он перешел на сторону оппозиции. Партия привлекала широкие массы популистскими лозунгами, провозглашая: «Ислам — наша вера, социализм — наша экономика, демократия — наша политика».

Несмотря на рост оппозиционных настроений и оживление политической деятельности, властями, казалось, была создана неприступная государственно-политическая крепость, рассчитанная на долгое существование. Такое мнение сложилось после удачно проведенной ими кампании по подготовке и проведению выборов в органы местного самоуправления, а также президента и высших законодательных органов в конце 1964 — начале 1965 г. В связи с выборами сложился крупный блок оппозиционных сил, состоявший как из левых, так и правых. Кандидатом от оппозиции на пост президента баллотировалась Фагима Джинна, сестра Мухаммада Али Джинны. Но за М. Айюб Хана проголосовало 64% членов избирательной коллегии, а за Ф. Джинну — лишь 35%. На выборах центрального парламента и законодательного собрания Западного Пакистана пропрезидентская Мусульманская лига получила абсолютное большинство мест, а в высшем законодательном органе Восточного Пакистана она добилась относительного большинства. Лига сформировала и центральное правительство, и оба провинциальных.

Причин последовавшего через четыре года краха системы власти было несколько. Прежде всего следует отметить, что результаты выборов при ограниченном электорате не показывали реального положения в стране и истинный расклад основных политических сил. Далее, чрезвычайно важно, что после политического безмолвия периода военного режима страна стала быстро наверстывать упущенное за предшествующие годы. В движение за демократические преобразования, улучшение жизненных условий включились самые широкие слои населения — рабочие, учащиеся, мелкая и средняя буржуазия, беднейшие крестья-

не, представители интеллигенции. Во главе оппозиционных сил стояли опытные политические лидеры, умело направлявшие удары по правительственному лагерю, используя его малейшие ошибки внутреннего и внешнего порядка.

Правительство попыталось навести порядок, как прежде, суровыми репрессиями. Но, во-первых, восстановление хоть и усеченной парламентской демократии серьезно затруднило использование этого метода. А во-вторых, как уже отмечалось, М. Айюб Хан ушел с поста командующего сухопутными силами, и это, как показали последующие события, было с его стороны большой ошибкой.

Наконец, крайне негативные последствия для Пакистана имел происшедший осенью 1965 г. пакистано-индийский вооруженный конфликт. В августе–сентябре вдоль всей линии прекращения огня в Кашмире шли ожесточенные бои при участии регулярных войск с обеих сторон. С начала сентября боевые действия развернулись в приграничных районах обоих государств. Одновременно происходили столкновения на границе между Восточным Пакистаном и Индией. В военных действиях участвовали крупные пехотные соединения, танки, артиллерия, авиация. Конфликт вызвал в Пакистане значительный рост военных расходов, сокращение ассигнований на экономические нужды, рост налогов. Резко сократилась экономическая помощь западных стран. Главный союзник — Вашингтон сразу же ввел эмбарго на экономические и военные поставки (оно было отменено только через десять лет). Все это привело к ухудшению экономического положения Пакистана и еще раз показало опасность односторонних связей. Именно с этого времени усилилась возникшая ранее тенденция на диверсификацию экономических, политических, дипломатических и прочих связей — с СССР, КНР, другими социалистическими и развивающимися странами. Важным шагом в этом направлении было принятие Индией и Пакистаном предложения главы советского правительства А.Н. Косыгина о проведении встречи в Ташкенте с целью нормализации отношений между ними. На переговорах в январе 1966 г. между руководителями Индии и Пакистана при участии А.Н. Косыгина стороны приняли Декларацию, в которой заявили о твердой решимости восстановить мирные отношения друг с другом.

Вооруженный конфликт с Индией имел для Пакистана не только негативные экономические и социальные последствия, он также резко активизировал внутривнутриполитическую борьбу в стране. Конфликт, его последствия и государственный курс в отношении Индии привели к серьезным противоречиям внутри правящего режима, ярким проявлением чего явился уход в оппозицию бывшего яркого его сторонника З.А. Бхутто. Его примеру последовали и некоторые другие ведущие деятели режима М. Айюб Хана. Под влиянием событий, связанных с конфликтом 1965 г. в Восточном Пакистане, усилилось движение за расширение прав провинции. Отражением этого явилось выдвижение Муджибуром Рахманом в феврале 1966 г. программы из шести пунктов, где основным требованием было предоставление Восточному Пакистану полной региональной автономии с оставлением в ведении центра только внешней политики, обороны и финансов. Проницательные наблюдатели отмечали, что «война 1965 г. катастрофически ослабила узы между Восточным и Западным Пакистаном». Без всяко-

го сомнения, можно сказать, что многие семена кризисов 1969 и 1971 гг. были посеяны именно конфликтом 1965 г.

Внутриполитическая обстановка в Пакистане резко обострилась в 1968 — начале 1969 г. С требованием восстановления парламентской системы правления выступали все политические партии. В Западном Пакистане настойчиво выдвигалось требование замены единой провинции четырьмя провинциями по лингвистическому принципу. Массовые демонстрации, митинги, забастовки охватили всю страну. Терявшее власть правительство металось от одной крайности к другой, от репрессий к уступкам, совершая при этом немало ошибок. Репрессии лишь усиливали ярость оппозиционеров. Уступки поощряли на выдвижение новых требований. Особое беспокойство правительству приносил З.А. Бхутто, бывший сподвижник президента. Молодой, энергичный, не лишенный политико-организаторских способностей, он поднимал недовольных, играя на националистических чувствах масс, на растущем исламском радикализме. (Пройдет примерно десять лет, и новый руководитель Пакистана З.А. Бхутто окажется точно в такой же безвыходной ситуации. Его попытки выйти из нее только ухудшали дело.)

В самый последний момент тяжело больной М. Айюб Хан попытался вырваться из заколдованного круга путем значительных уступок. В феврале 1969 г. было отменено чрезвычайное положение (введенное в связи с конфликтом 1965 г.). М. Айюб Хан заявил, что не будет выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах. Правительство объявило о решении установить в стране парламентскую систему и ввести всеобщие прямые выборы. В феврале–марте работала конференция «круглого стола», на которой велись переговоры правительства с оппозицией. Но все было напрасно. И 25 марта 1969 г. в условиях растущей политической нестабильности президент М. Айюб Хан сложил с себя все полномочия и передал власть руководству пакистанской армии во главе с ее командующим генералом Ага Мухаммадом Яхья Ханом.

В стране было введено военное положение, распущены законодательные органы и правительство. Генерал А.М. Яхья Хан возглавил военную администрацию, а затем принял на себя обязанности президента страны. Политические партии не были запрещены, но деятельность их ограничивалась. С установлением в марте 1969 г. военного режима перестала действовать вторая конституция страны.

Перед новым военным режимом стояла главная задача — сохранить единство Пакистана, предупредить отмежевание восточной провинции. С этой задачей режим не справился, хотя использовал для этого широкий спектр действий как репрессивного, так и либерально-демократического характера.

С одной стороны, были введены военные суды, запрещены митинги и демонстрации, суровые меры были приняты против деятельности, которая могла рассматриваться как направленная на ослабление связей между Восточным и Западным Пакистаном.

С другой стороны, чтобы привлечь на свою сторону народные массы, военная администрация снизила цены на пшеницу, установила минимум зарплаты для неквалифицированных рабочих, обещала увеличение жалования низшим категориям служащих, была отменена или отложена выплата части недоимок по нало-

гам с крестьян, низших служащих и других малообеспеченных слоев населения. Была объявлена широкая программа развития «Полосы племен». Большие реверансы были сделаны, естественно, в сторону Восточного Пакистана. Было обещано вдвое увеличить в армии число офицеров-уроженцев этой провинции, предоставить разного рода экономические льготы, расширить прием восточных пакистанцев на высокие должности в центральном аппарате. В правительстве, которое сформировал А.М. Яхья Хан в августе 1969 г., половину министерских постов получили представители Восточного Пакистана.

Правительство провело некоторые позитивные меры в области государственного управления. В 1970 г. был отменен указ об образовании единой провинции Западный Пакистан, который, как и прежде, стал представлять федерацию четырех провинций — Пенджаб, Синд, СЗПП, Белуджистан. В том же году была отменена система «основ демократии»; на местах восстанавливалось выборное самоуправление посредством всеобщих и прямых выборов.

В декабре 1970 г. впервые были проведены всеобщие прямые выборы парламента и законодательных собраний провинций. В Национальном собрании из 300 депутатских мест 162 были предоставлены Восточному Пакистану. На выборах победу одержала Народная лига, получившая 160 мест в Национальном собрании. На втором месте оказалась ЛНП, завоевавшая 81 депутатский мандат. Военный режим отказался перераспределить власть в соответствии с волеизъявлением народа и попытался решить проблему военным путем. Армия обрушилась на сторонников Народной лиги (деятельность которой была запрещена), на другие национально-демократические организации. Муджибур Рахман и ряд его соратников были брошены в тюрьму. По всей провинции происходили столкновения между войсками и отрядами повстанцев (*мукти бахини*). Массы беженцев устремились в Индию. В ответ на действия пакистанских военных властей 26 марта 1971 г. вместо провинции Восточный Пакистан была провозглашена независимая Народная Республика Бангладеш. Действия отрядов *мукти бахини* с индийской военной помощью привели к полной капитуляции пакистанских войск 16 декабря 1971 г. В декабре 1971 г. вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном распространился и на западный район, включая Кашмир, где действия пакистанских войск также были неудачны. 20 декабря 1971 г., в обстановке всеобщего недовольства в стране, генерал А.М. Яхья Хан, который завел страну в глубокий кризис, подал в отставку и передал обязанности президента и главы администрации по поддержанию в стране военного положения лидеру ЛНП Зульфикару Али Бхутто.

АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ З.А. БХУТТО (1971–1977)

Администрация З.А. Бхутто пришла к власти в очень сложной обстановке, после кризиса, который был самым острым из всех случившихся до этого.

После образования Бангладеш территория Пакистана сократилась на 15%, а население почти на 54%. Разрыв экономических связей, сложившихся за 24 го-

да пребывания в составе одного государства, военный конфликт с Индией, резкое уменьшение иностранной помощи поставили экономику страны в тяжелейшее положение. Почти прекратился рост ВВП, снизилось сельскохозяйственное и промышленное производство, развивалась инфляция, и быстро росли цены, особенно на товары первой необходимости.

Вся страна переживала глубокий кризис. Ее армия потерпела сокрушительное поражение от ненавистного противника, более 90 тыс. пакистанских военнослужащих и гражданских лиц оказались в индийском плену. Резко ухудшилось внешнеполитическое положение Пакистана.

Надо отдать должное З.А. Бхутто — он развил кипучую деятельность во всех сферах внутренней и внешней жизни государства. Уже в начале января 1972 г. был установлен государственный контроль (национализация без компенсации) над 31 крупным частным предприятием в ведущих отраслях обрабатывающей промышленности. В 1972 г. проведена национализация страховых компаний (по страхованию жизни) и всех крупных частных банков. В госсектор были взяты компании по торговле нефтепродуктами, а также крупнейшие судоходные компании. В 1973 г. была национализирована экспортная торговля хлопком. Государственное регулирование было установлено на торговлю сахаром, хлебом, а также на всю импортную торговлю.

Эти меры ослабили влияние крупного капитала на экономическое развитие страны, дали возможность правительству сосредоточить в своих руках значительные финансовые средства. В довольно короткие сроки новым властям удалось восстановить позиции Пакистана на внешних рынках.

Важным было решение правительства о новой аграрной реформе, согласно которой поголок землевладения был снижен с 500 акров орошаемой и 1000 акров неорошаемой земли до 150 и 300 акров соответственно. За отчуждаемые земли никакой компенсации владельцам не выплачивалось, а отобранные земли подлежали бесплатному распределению среди безземельных и малоземельных крестьян. Осуществление мер, предусмотренных реформой, было бы чувствительным ударом по традиционной земельной аристократии, но бюрократические преграды во многом выхолостили ее содержание.

Правительство объявило о проведении ряда социальных преобразований — было реформировано трудовое законодательство и значительно расширены права профсоюзов. Возросло социальное страхование, улучшилось медицинское обслуживание рабочих, правительство декретировало повышение минимума заработной платы в некоторых отраслях промышленности. Во всех государственных учебных заведениях с 1 октября 1972 г. обучение стало бесплатным. Была проведена национализация многих частных школ и колледжей. День 1 Мая объявили Национальным праздником труда.

В апреле 1972 г. было отменено военное положение. Были разрешены политические митинги и демонстрации, сняты запреты на деятельность ННП, чьи позиции были наиболее сильными в Северо-Западной пограничной провинции, и других партийных организаций. Были отменены привилегии и пенсии бывших князей.

З.А. Бхутто пытался проводить сбалансированную внешнюю политику. Пакистан вышел из СЕАТО (что стало естественным после потери восточной провинции), а также из Содружества наций (в «наказание» за поддержку, которую Великобритания оказала Индии в период войны 1971 г.). Бхутто активно участвовал в различных международных мероприятиях, расширял имеющиеся и устанавливал новые связи с лидерами различных государств. В марте 1972 г. состоялся визит З.А. Бхутто в СССР, в ходе которого был заключен целый ряд важных соглашений, в том числе о строительстве с советской помощью крупного металлургического завода в Карачи. Дальнейшему росту сотрудничества двух стран содействовал и визит Бхутто в СССР в 1974 г. Позитивным фактом стала нормализация отношений с Индией. Летом 1972 г. произошла встреча руководителей двух государств в Симле. Симлское соглашение содержало программу решения конкретных проблем: взаимный отвод войск, установление в Кашмире «линии контроля», которая возникла после окончания военных действий и заменила прежнюю линию прекращения огня, восстановление коммуникационных связей, сотрудничество в области науки и культуры и т.д. Одновременно соглашение в Симле определило перспективы отношений между Пакистаном и Индией на основе развития дружественных связей, установления прочного мира на субконтиненте, устранения противоречий мирным путем посредством двусторонних переговоров (последнее прежде всего относилось к кашмирской проблеме). В 1973 г. была проведена репатриация пакистанских военнопленных и интернированных гражданских лиц, находившихся на индийской территории. В феврале 1974 г. Пакистан объявил о признании Народной Республики Бангладеш.

В целом внутренняя и внешняя политика правительства З.А. Бхутто в рассматриваемый период была довольно результативна. В то же время обозначились и основные направления действий оппозиции, которые впоследствии привели режим к падению. Нормализация отношений с Индией и Симлское соглашение вызвали недовольство правых религиозно-общинных сил, возглавляемых организацией Джамаат-и ислами (Исламское общество). Под давлением фундаменталистов власти объявили секту *ахмадия* немусульманским меньшинством. В дальнейшем именно исламизм, подпитываемый из-за границы, стал наиболее опасным противником режима. Власти, особенно после отпадения восточной провинции, сурово преследовали «регионализм», куда относились этнические, национально-демократические, культурные движения в провинциях; антигосударственной была объявлена идея «о наличии в Пакистане более одной нации». Федеральное правительство получило право запрещать создание и деятельность политических партий, чьи цели признавались опасными для суверенитета и единства Пакистана.

14 августа 1973 г. вступила в силу новая, третья конституция Пакистана. Естественно, что ее подготовка активизировала политическую деятельность в стране и на этой основе — борьбу различных течений и направлений. Разногласия в основном шли по вопросам о характере республики (президентской или парламентской), о взаимоотношениях центра и провинций, социально-экономических отношениях и т.д. Конституция 1973 г. принципиально отличалась от прежних

двух процедурой ее разработки — первая конституция была выработана органом, сформированным в результате непрямых выборов. Конституция 1962 г. была «дарована» народу сверху, третья же конституция была создана Национальным собранием, избранным на основе всеобщих выборов по принципу «один человек — один голос». Памятуя о судьбе прошлых конституций, в третьей записано, что отмена или попытка отмены конституции «незаконными средствами» является государственной изменой. Таким путем ее создатели надеялись предупредить военный переворот. Однако этот шаг мало что дал на практике. В дальнейшем военные диктаторы, взяв власть, приостанавливали действие конституции, изменяли ее, вносили массу поправок.

Конституция 1973 г. закрепила основные социально-экономические и политические принципы деятельности ПНП и провозгласила возможность аналогичных шагов в будущем. Основной целью государственной политики было объявлено уничтожение всех форм эксплуатации и постепенное осуществление главной цели — «от каждого по способности, каждому по труду». Эти положения вызывали ожесточенное сопротивление правой оппозиции. Одновременно, в условиях роста исламизма, в Основном законе для уравнивания отмеченных социальных принципов были усилены религиозные положения. Впервые конституция страны провозгласила ислам государственной религией. Президентом и премьер-министром могли быть только мусульмане. Все законы страны должны соответствовать исламу. Созданный Совет исламской идеологии должен был обеспечить приведение всех существующих законов в соответствие с исламом. Любой законопроект должен был получить разрешительное заключение Совета.

С точки зрения государственного устройства Пакистан по-прежнему представлял федерацию, состоящую из четырех провинций, столичного округа Исламабад и расположенных на северо-западе, вдоль границы с Афганистаном районов племен, управляемых центром. Как и в прежних конституциях, в третьей в ст. 257 записано: «Когда народ княжества Джамму и Кашмир решит присоединиться к Пакистану, отношения между ним и этим княжеством будут определены в соответствии с пожеланиями народа княжества». Таким образом была подтверждена традиционная позиция Пакистана по кашмирскому вопросу и определено, что решение проблемы Кашмира повлечет за собой изменения конституции Пакистана.

Впервые в государственную систему страны была введена верхняя палата парламента — сенат, непосредственно выражающий интересы субъектов федерации. В сенате провинции представлены поровну. Распределение полномочий между центром и провинциями, в отличие от второй конституции, усилено в пользу субъектов федерации и практически повторяет схему, содержащуюся в конституции 1956 г. Также имеется список наиболее важных вопросов, составляющий сферу исключительной компетенции центра, и список совместной компетенции центра и провинций. В конституции 1973 г. отсутствует имевшийся в первом Основном законе перечень вопросов, находящихся в исключительной компетенции провинций. Вместо этого вопросы, не вошедшие в первый и второй список (так называемые остаточные полномочия), отнесены в ведение провинций.

Нижняя палата — Национальное собрание — имеет преимущества перед верхней. Законопроекты, касающиеся особо важных вопросов, вносятся только в нижнюю палату и после принятия передаются в сенат, который может лишь затормозить процесс прохождения билля, — отвергнутый сенатом проект при повторном одобрении его нижней палатой становится законом. Все остальные проекты вносятся в любую палату, и если одна из них отказывается принять его, то созывается совместное заседание обеих палат, где большинство присутствующих являются членами Национального собрания (237 депутатов против 87 сенаторов). Наконец, при принятии финансовых законопроектов верхняя палата полностью отстранена от процесса — финансовый билль принимается только нижней палатой. В целом можно отметить, что конституция создала механизм власти, в значительной степени обеспечивающий интересы провинций, что обусловлено было и объективными потребностями развития федерации, и самим опытом государства. В то же время конституция сохранила сильные позиции центра.

По конституции 1973 г. Пакистан — парламентская республика, основным признаком чего является ответственность правительства перед парламентом и избрание президента членами высших законодательных органов.

Формально президент обладает довольно широкими полномочиями. Он производит назначения на многие высшие государственные посты — губернаторов провинций, членов Верховного суда Пакистана и высших судов провинций, руководителей трех родов войск и др. Он созывает сессии обеих палат парламента, их совместные заседания, может прервать работу палат, досрочно распустить Национальное собрание.

В то же время конституция ограничила власть президента. Он потерял право назначать премьер-министра и членов кабинета, не является главнокомандующим вооруженными силами страны, не обладает правом отлагательного вето. Указы главы государства должны иметь подпись премьер-министра. В отличие от конституции 1956 г., в соответствии с нынешней, президент не является частью высшей законодательной власти. Эта власть полностью является прерогативой парламента страны. Но самое главное состоит в том, что согласно ст. 48 в осуществлении своих полномочий президент должен обязательно действовать по совету премьер-министра. Отметим, что подобной категоричности не было в конституции 1956 г.

Высшая исполнительная власть сосредоточена в руках правительства, премьер-министр является главой этой власти. Он избирается большинством голосов нижней палаты парламента, формирует правительство, назначая министров и государственных министров из членов парламента. Любой член правительства может быть уволен в отставку главой правительства. Кабинет министров несет коллективную ответственность перед Национальным собранием. Премьер-министр по должности возглавляет ряд государственных органов, прежде всего Национальный экономический совет — высший экономический орган страны.

Таким образом, по конституции 1973 г. вся полнота власти сосредоточена в руках главы правительства. Сделанная, собственно говоря, «под Бхутто», конституция, наделив его огромными полномочиями, в немалой степени содейство-

вала росту заложенных в характере этого незаурядного деятеля авторитарных тенденций. Этому содействовала и большая приверженность в тот период пакистанского лидера многим идеям Мао Цзэдуна (даже в быту он стремился походить на «великого кормчего» — так же одевался, носил кепку, требовал называть себя «председатель Бхутто» и т.д.). Особенно усердно он пытался воплотить в жизнь маоистский тезис «партия руководит винтовкой». Иными словами, помня прошлые события в стране, судьбы ее гражданских лидеров, он хотел подчинить армию своему руководству. Для этого энергичный, решительный и довольно молодой лидер (в момент прихода к власти ему было около 44 лет) предпринял различные меры законодательного, организационного и пропагандистского характера.

Как отмечалось выше, по конституции 1973 г. вооруженные силы были подчинены правительству, а на деле — его главе. Опытный политик, З.А. Бхутто стремился не привлекать армию к борьбе с демонстрациями, митингами и другими политическими выступлениями (насколько это позволяла обстановка). Сразу после прихода ПНП к власти из вооруженных сил были уволены 43 высших офицера, в благонадежности которых новый лидер страны сомневался. Были упразднены посты главнокомандующих родами вооруженных сил, место которых заняли начальники штабов трех родов войск, составившие Объединенный комитет начальников штабов во главе с председателем. Этот комитет представлял собой высший военный командный орган, в котором в определенной мере был нивелирован пост «главного военного» — руководителя армии. Высший государственно-политический орган по руководству вооруженными силами страны — министерство обороны — возглавил сам З.А. Бхутто.

Режим создал параллельные и независимые от армейского командования воензированные органы политического контроля и принуждения — Федеральную службу безопасности, полувоенные формирования для подавления внутренних беспорядков и Национальную гвардию, подчиненную руководству правящей партии. Опыт многих стран показал, что эти органы безопасности в критический для власти момент не могут противостоять регулярным воинским частям, в то же время их создание и деятельность вызывают негативную реакцию военных кругов. Именно так произошло и в Пакистане.

З.А. Бхутто внимательно следил за положением в армии и постоянно принимал необходимые, по его мнению, акции. Особое внимание он обращал на высшие командные посты, на которые назначались проверенные люди. В марте 1976 г. ключевой пост начальника штаба армии занял командующий корпусом генерал Мухаммад Зия-уль-Хак. Его назначили в обход семи генералов как наиболее благонадежного. Позднее З.А. Бхутто называл этот шаг «самой большой ошибкой в своей жизни».

Важно отметить, что в стране постепенно менялось реальное соотношение сил между гражданской властью и армией. Были восстановлены людской и технический потенциал вооруженных сил. Все пленные возвратились на родину. Горечь и разочарование, связанные с событиями 1971 г., постепенно утихли. Авторитет армии снова начал расти. Во время подготовки всеобщих выборов в 1977 г. в стране все сильнее звучали требования установления контроля армии

за их проведением. К тому же З.А. Бхутто не удалось устранить армию от решения внутривластных задач. В 1974 г. воинские части были направлены в Белуджистан для подавления антиправительственных выступлений и оставались там в последующие годы.

В целом позиции режима З.А. Бхутто слабели. Его бурная реформаторская деятельность вначале породила в народе энтузиазм и большие надежды. Однако, как известно, позитивные результаты экономических реформ положительно сказываются в социальной сфере довольно нескоро, а на первых порах имеют чаще негативные последствия. В стране росла безработица, расширялись районы трущоб. Политика национализации сдерживала увеличение внутренних и внешних капиталовложений. Это препятствовало промышленному росту (в 1975/76 г. он составил лишь 1,5%) и усложняло проблему занятости населения. Не следует забывать и об объективных трудностях — резком сокращении иностранной помощи, воздействии негативных явлений в экономике Запада, особенно энергетического кризиса. В начале 1970-х годов в Пакистане к тому же чуть ли не ежегодно происходили природные бедствия — засухи, наводнения и т.п.

Готовясь к выборам в парламент, З.А. Бхутто провел серию радикально-популистских мероприятий. В 1976 г. было национализировано несколько тысяч мелких предприятий по переработке сельхозпродукции (мельницы, рисоушки, хлопкоочистительные фабрики). В январе 1977 г. было объявлено о еще одной аграрной реформе, предусматривавшей дальнейшее снижение потолка землевладения. Кроме того, были повышены пенсии рабочим при потере трудоспособности. Объявленные меры носили сугубо пропагандистский характер и остались невыполненными. Что же касается национализации малых агропромышленных предприятий, то этим правительство вызвало широкое недовольство тысяч пострадавших от этих мер людей. Национализация к тому же привела к сбоям в снабжении и спаду производства муки, риса, хлопка-волокна.

Усиливался репрессивный характер правительственной политики. Для разгона демонстраций, митингов, стачек использовались вооруженная полиция и воинские подразделения. Подавлялась политическая оппозиция. Была запрещена деятельность ННП — основного противника властей слева.

Реальная обстановка вызывала у людей чувство обманутых надежд и огромное разочарование. Ситуацией умело воспользовалась оппозиция. В январе 1977 г. она объединилась организационно, создав антиправительственный блок из девяти партий — Пакистанский национальный альянс (ПНА). Хотя его основу составили правые религиозно-общинные партии, в него входили также и некоторые национально-демократические и левоцентристские партии. ПНА, таким образом, образовал довольно широкую базу для привлечения всех недовольных как справа, так и слева. Между тем сама ПНП рассорилась со своими политическими союзниками (например, с Всепакистанской мусульманской лигой во главе с А. Каюм Ханом). В партии усилились фракционные течения. Все кадровые вопросы, чистка рядов партии и прием новых членов находились под непосредственным контролем лидера. За все десять лет существования ПНП в ней ни разу не были проведены выборы руководящих партийных органов.

В марте 1977 г. в стране прошли всеобщие выборы. Победу на них одержала ПНП. Однако ПНА не признал итогов выборов и развернул широкую кампанию за отставку правительства. Власти пытались выйти из кризисного состояния путем сочетания уступок и репрессий. После начала массового антиправительственного движения З.А. Бхутто предложил провести в стране референдум по вопросу о доверии премьер-министру. Затем власти выступили с инициативой проведения повторных выборов в законодательные собрания провинций и в случае победы оппозиции обещали новые парламентские выборы. Одновременно правительство ужесточало свой внутренний курс. В апреле в самых крупных и беспокойных городах — Карачи, Лахоре и Хайдарабаде было введено военное положение.

Безуспешной была попытка ослабить фундаменталистов усилением собственной происламской кампании, принятием некоторых мер, таких как запрещение продажи алкоголя, азартных игр и т.д. Резкий антиамериканский демарш, к которому прибег Бхутто в конце апреля 1977 г., также не принес ему пользы. Противостояние правительства и оппозиции затягивалось. В обстановке растущей политической нестабильности и экономических трудностей к власти вновь пришли военные. 5 июля 1977 г. был совершен новый государственный переворот. В стране было введено военное положение, распущены выборные законодательные и исполнительные органы, приостановлено действие конституции. Вся власть сосредоточилась в руках начальника штаба армии генерала М. Зия-уль-Хака, ставшего главным военным администратором, а с сентября 1978 г. и президентом страны.

ВОЕННЫЙ РЕЖИМ ГЕНЕРАЛА М. ЗИЯ-УЛЬ-ХАКА (1977–1988)

Очередной выход военных на государственную арену произошел, как обычно, в условиях экономических неурядиц и острейшей политической нестабильности. В то же время это был своеобразный ответ консервативных, традиционалистских сил общества на попытки его модернизации, предпринятые правительством З.А. Бхутто. Правым удалось, умело используя недостатки и промахи правительства Бхутто, втянуть в борьбу с властями значительные массы трудящихся, общественности, некоторые демократические партии и организации.

Результатом переворота в июле 1977 г. явилось усиление позиций части крупной буржуазии, земельной аристократии, традиционалистов. В их интересах проводилась политика режима М. Зия-уль-Хака. Были отменены или заморожены реформы, объявленные прежним правительством, проводился курс на ограничение государственного сектора в экономике, денационализацию предприятий (правда, робкую и непоследовательную), развитие частного предпринимательства. Во всех сферах пакистанского общества усиленно проводилась политика исламизации.

Режим М. Зия-уль-Хака имел ряд существенных отличий от прежних военных правлений. Прежде всего следует отметить длительность третьего военного ре-

жима, обеспеченную умелым использованием генералом опыта предшественников, стремлением избежать их ошибок, отказом копировать их действия в совершенно иных условиях. Судьба генерала А.М. Яхья Хана напоминала о том, сколь опасно доводить конфронтацию с Индией до военных действий.

После переворота в 1977 г. политическая деятельность в стране была ограничена, но не запрещена, продолжали функционировать партии и общественные организации. Представители правых религиозно-общинных партий входили в состав правительства, а в реорганизованном 24 августа 1978 г. кабинете министров не было военных, кроме самого М. Зия-уль-Хака; кабинет, возглавляемый президентом, состоял из чиновников, крупных бизнесменов и членов Мусульманской лиги, организации Исламское общество, Общества мусульманских богословов, Пакистанской демократической партии. Только в конце 1979 г., когда позиции правительства достаточно укрепились и был физически устранен (казнен 4 апреля 1979 г.) самый опасный противник — З.А. Бхутто, власти запретили деятельность политических партий, что фактически касалось демократических партий и Пакистанской народной партии. Возглавившие ПНП вдова ее лидера Нусрат Бхутто и дочь Беназир годы военного режима провели либо за тюремной решеткой, под домашним арестом, либо в эмиграции. Для правых партий запрет носил довольно условный характер, и они по-прежнему оказывали режиму поддержку.

В период правления М. Зия-уль-Хака регулярно проводились выборы в органы местного самоуправления. Усиленно маневрировал режим и в других сферах. Содействуя развитию экономики, правительство пыталось посредством политики в области ценообразования и налогообложения несколько ослабить налоговое давление на широкие слои населения, не допустить слишком большого разрыва между ростом экономики и его результатами для трудящихся масс. В какой-то мере задачами социального характера было вызвано введение традиционных исламских налогов *закят* и *ушр* (главной причиной, конечно, были религиозные мотивы). Поступления от них шли на нужды наиболее обездоленной части населения и отчасти облегчали существование остро нуждающихся. *Закят* и *ушр* — это прямые налоги, введенные дополнительно к уже существующим. Они вели к определенным отчислениям средств имущих граждан на нужды инвалидов, вдов, сирот, нетрудоспособных и т.д. Разумеется, эта мера имела большой пропагандистский характер. Надо отметить, что правительство имело определенные возможности для социального маневрирования благодаря финансово-экономической помощи иностранных государств в тот период и значительным денежным переводам от массы пакистанцев, устремившихся на работу в страны Ближнего Востока.

Но самым важным направлением политики режима генерала М. Зия-уль-Хака, которая представляла собой искусное маневрирование в масштабах всего государства, была, без сомнения, исламизация практически всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества. Подчеркнем, что ни до, ни после этого подобного явления в Пакистане не было. Именно исламизация сыграла основную роль в том, что режим продержался так долго. М. Зия-уль-Хак умело использовал рост

исламистских настроений со второй половины 1970-х годов во всем мусульманском мире, включая и Пакистан, в котором к этому времени уже исчерпал себя общепакистанский национализм как идеология широких масс, надеявшихся на лучшую жизнь в «своем» государстве. Пакистанский национализм при Зия-уль-Хаке оказался в еще большей степени пропитан исламской идеологией. В стране по существу сложилась новая государственная идеология, весьма близкая исламу.

Руководители страны хорошо понимали, что широкие массы привлекают прежде всего эгалитаристские положения, содержащиеся в исламе. Поэтому целью своей политики власти объявили создание «подлинного исламского общества», общества «всеобщего равенства и благоденствия», свободного от недостатков и пороков современности. В практической и пропагандистской деятельности внимание обращалось на уменьшение разрыва между бедными и богатыми, создание «подлинно исламских органов власти», «очищение общества» от таких явлений, как употребление алкоголя, азартные игры, порнография и т.д., а также введение жестоких исламских наказаний за некоторые виды «безнравственных» и уголовных преступлений (супружеская неверность, воровство, мошенничество и т.д.).

В сфере государственного строительства «истинно исламским» был объявлен созданный в 1982 г. Маджлис-и-шура (Совещательное собрание), заменивший парламент. Его члены назначались президентом. В случае же восстановления выборного процесса избирательное право следовало предоставлять не всем, а только «настоящим», «правоверным» мусульманам. Военный режим восстановил раздельную систему выборов по религиозным общинам. Вооруженным силам была вменена в обязанность защита не только границ государства, но и его идеологии, т.е. ислама. Учрежденный в 1980 г. Федеральный шариатский суд определял соответствие действующих или принимаемых законов принципам ислама и решал уголовные дела, по которым применялись традиционные наказания.

Особенно большое внимание уделялось идеологической обработке вооруженных сил. Ислам был положен в основу воспитательной работы при обучении военнослужащих. В армии были введены те же запреты и ограничения, предусмотренные шариатом, что и во всей стране. Муллы в подразделениях были возведены в ранг религиозных учителей, а ислам включен в качестве основного предмета в программы обучения личного состава. Урду заменил в армии английский язык. Исламская идеология была положена в основу разработки военной политики. Вопросы военной стратегии увязывались с концепцией джихада. Глубоко изучалась мусульманская военная история. При наборе на военную службу и продвижении по карьерной лестнице в армии важную роль играло соблюдение военнослужащими религиозных правил и обычаев. Вот почему на рубеже XXI в. был так велик процент связанных с фундаментализмом представителей состава, особенно высшего ранга, начинавших службу при Зия-уль-Хаке. Поскольку военные полностью контролируют все, что связано с атомным оружием, отмеченный факт в какой-то мере объясняет существование связей пакистанских ядерщиков с некоторыми мусульманскими странами.

Огромное внимание уделялось проникновению ислама в духовную и культурную жизнь пакистанцев, в систему образования. Все учебники в школах и вузах были пересмотрены с точки зрения их соответствия исламу. В 1980 г. был открыт Исламский университет в столице. В течение 1983 и 1984 гг. к работе приступили около двенадцати тысяч школ при мечетях (*медресе*).

Росту исламизации в Пакистане и в его вооруженных силах содействовала постоянная конфронтация с Индией, союз с *моджахедами* Афганистана, поддержка экстремистов в Кашмире. Пакистанские спецслужбы и главная из них — Объединенная военная разведка (ОВР) — помогали появлению военизированных исламорадикальных организаций для подрывной деятельности в Кашмире и Афганистане. Среди этих террористических организаций следует назвать Пакистанскую Сипах-и сахаба-и Пакистан (Армию сподвижников Пророка), Харкат-уль-муджахеддин (Движение борцов за веру), Сипах-и Мухаммад (Армию Мухаммада) и др.

Большую роль для Пакистана в рассматриваемый период сыграли известные события в соседнем Афганистане. Исламабад полностью поддерживал моджахедов в их войне с правительством Кабула и советскими войсками. Пакистан тогда превратился в настоящее прифронтовое государство: на его территории находились штаб-квартиры основных полигических партий — противников Кабула, базы и лагеря по подготовке афганских боевиков, через Пакистан поступало для них оружие из США и других западных стран. Были практически сняты все введенные прежде ограничения на отношения с Пакистаном в связи с развитием там военной ядерной программы и нарушением прав человека. И хотя эти обстоятельства не утратили актуальности, с начала 1980-х годов Запад начал налаживать широкие финансово-экономические и военно-политические связи с Пакистаном. США дважды объявляли о предоставлении ему крупных займов на военно-экономические цели — в июне 1981 г. на сумму в 3,2 млрд. долл. и в марте 1986 г. — на 4,02 млрд. Большие средства шли из других западных стран, международных финансово-экономических организаций. Укреплялись связи Пакистана с богатыми мусульманскими странами Ближнего и Среднего Востока. В подобной обстановке Исламабаду удалось различными путями, в том числе через подставные фирмы, приобрести почти все необходимое для производства ядерного оружия.

Однако, несмотря на значительные размеры иностранной помощи, большие денежные поступления от пакистанцев, работавших в странах Персидского залива, благоприятные погодные условия и т.д., экономическое положение Пакистана оставалось тяжелым. Росли дефицитное финансирование, внешняя задолженность, инфляция и цены на товары первой необходимости. Внешний долг страны в 1982 г. составил 12 млрд. долл. Иностранная военная помощь не только не уменьшила собственные военные расходы Пакистана, но, наоборот, стимулировала их рост. Именно в период существования режима М. Зия-уль-Хака была проведена основная работа по созданию атомного оружия, начатая еще при З.А. Бхутто. Руководитель военных ядерных программ А. Кадир Хан отмечал, что в 1985 г. все было готово для проведения ядерного взрыва.

События в Афганистане вызвали большой поток беженцев, которые разместились главным образом на северо-западе Пакистана. Число иммигрантов превысило 3 млн. человек. В тесной связи с афганскими событиями в Пакистане возникла еще одна проблема — наркотики. Пакистан превратился в одного из основных участников международного наркобизнеса, а наркомания в самой стране приобрела опасные размеры.

Несколько лет Пакистан отказывался от всяких дипломатических контактов с Кабулом. Однако обстановка в стране и позиция ООН вынудили Исламабад начать в июне 1982 г. непрямые переговоры с правительством Афганистана. Переговоры проходили в Женеве при участии и посредничестве личного представителя генерального секретаря ООН. Завершились они в апреле 1988 г., когда обе стороны подписали соглашение, по которому взяли на себя обязательства «уважать суверенитет друг друга и не вмешиваться во внутренние дела друг друга». Гарантами этого и других Женевских соглашений выступили СССР и США. В соответствии с этими соглашениями Советский Союз 15 мая 1988 г. начал вывод своих войск из Афганистана и 15 февраля следующего года завершил его. Пакистан постоянно нарушал достигнутые соглашения и продолжал по-прежнему оказывать всестороннюю поддержку афганской оппозиции.

Длительное пребывание военных у власти вызывало недовольство различных групп населения. В оппозиции режиму находилась демократически настроенная общественность, требовавшая восстановления представительных органов управления. Недовольна была значительная часть политической элиты страны, отстраненная от государственной власти. В рядах оппозиции были многие профессиональные группы, права которых ущемлялись военным режимом. Активно выступали многочисленные и влиятельные в стране юристы, сфера деятельности которых была сужена работой военных судебных органов и исламизацией судопроизводства. В антиправительственном движении важную роль играли женские организации, поскольку политика военных властей, поддержанная фундаменталистами, была направлена на ограничение участия женщин в общественно-политической деятельности. Оппозиционное движение в стране протекало на фоне растущего недовольства условиями жизни широких слоев пакистанского населения.

В период правления военного режима М. Зия-уль-Хака в различных районах страны происходили выступления студентов, рабочих, служащих, представителей интеллигенции, религиозных и национальных меньшинств. Наиболее массовым по размаху и острым по форме было антиправительственное движение во второй половине 1983 г., основной базой которого был Синд, где режим М. Зия-уль-Хака вызывал наибольшую неприязнь. Против восставших были брошены вооруженная полиция и регулярные воинские части, нередко применялась авиация. «Наведение порядка», сопровождавшееся многочисленными жертвами, затянулось на многие месяцы и завершилось лишь в начале 1984 г. После этого власти сочли целесообразным начать медленную трансформацию открытой военной диктатуры в гражданский режим с представительными формами правления.

Начало преобразованию военного режима положил проведенный 19 декабря 1984 г. референдум об одобрении проведения политики исламизации. Как след-

ствие положительного результата, а иного и быть не могло, было объявлено «избрание» М. Зия-уль-Хака президентом на следующее пятилетие. В феврале 1985 г. состоялись выборы в Национальное собрание и законодательные собрания провинций; в марте был сформирован сенат. Все эти выборы проводились на непартийной основе, в условиях военного положения: власти контролировали избирательную кампанию на всех этапах ее подготовки и проведения. Оппозиционные организации бойкотировали выборы. Естественно, большинство членов законодательных органов было лояльно к режиму; из их числа были сформированы кабинеты министров в центре и в провинциях. Главой центрального правительства стал малоизвестный тогда политический деятель из Синда М.Х. Джунеджо. Депутаты правительственного большинства вступили в Мусульманскую лигу, которую он и возглавил. Правящей партии противостоял созданный еще в 1981 г. блок основных оппозиционных партий (решающую роль в нем играла ПНП) — Движение за восстановление демократии (ДВД). Основным его требованием были немедленная отмена военного режима и восстановление гражданского правления.

Готовясь к отмене военного положения, М. Зия-уль-Хак в течение 1985 г. провел через послушный ему парламент ряд поправок к конституции 1973 г., которые существенно расширили президентские полномочия. Особенно важной была 8-я поправка, которая передавала президенту основные полномочия, бывшие в руках премьер-министра, согласно первоначальному тексту Основного закона, и делала его таким образом первым лицом во властной иерархии. После этого 30 декабря 1985 г. военное положение было отменено. Президент Зия-уль-Хак при этом остался на действительной военной службе и сохранил пост начальника штаба армии. Впервые в истории Пакистана в условиях гражданского правления в руках одного человека оказалась сосредоточена высшая гражданская и военная власть.

Несмотря на принципиальную близость президента и главы правительства по основным государственным проблемам, между ними существовали и определенные расхождения по ряду вопросов. Наиболее существенными были различия в подходе к афганской проблеме. Президент и его окружение занимали более жесткую позицию, поддерживали наиболее экстремистские круги афганской оппозиции. Расхождения по этой проблеме усилились на завершающей стадии афгано-пакистанских переговоров в Женеве и в отношении выполнения достигнутых соглашений. 29 мая 1988 г. президент распустил законодательные органы и уволил в отставку центральное и провинциальные правительства, возложив на них ответственность за острые социально-экономические проблемы, рост коррупции, спекуляции, преступности. М. Зия-уль-Хак сам возглавил сформированное им новое правительство страны и назначил на 16 ноября всеобщие выборы на непартийной основе. В дальнейший ход событий вмешался трагический случай (по некоторым сведениям, тщательно подготовленный) — 17 августа 1988 г. президент вместе с группой высших военачальников и американским послом в Пакистане погиб в авиакатастрофе.

КОНСТИТУЦИОННО-ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ (1988–1999)

В течение рассматриваемого периода в Пакистане проводились выборы законодательных органов, формировались ответственные перед ними органы исполнительной власти. Усилилась роль судебной власти. Начала формироваться двухпартийная система. Частые политические кризисы решались в рамках конституции, законным путем, без насилия и кровопролития.

Однако и на этот раз попытка налаживания работы современного гражданского государственно-политического механизма оказалась неудачной. Благоприятных для этого процесса факторов оказалось явно недостаточно. Субъективно население страны, как и прежде, не было готово к восприятию демократических форм правления. Военные, пребывая у власти, буквально вытапывали хилые ростки парламентской демократии — во время их длительного правления в стране была резко ограничена политическая деятельность, бездействовали представительные органы власти, деформировался законотворческий процесс, теряли свое значение партии, укреплялась вера в правление «сильной руки». Беря на себя всю власть, военные препятствовали подготовке управленческих кадров из гражданских лиц. Целые поколения политических деятелей оказались отстраненными от участия в государственной деятельности.

В Пакистане не сложились принципы, нормы и традиции конституционно-парламентской системы. Не была отработана система разделения властей. Почти не действовала система сдержек и противовесов, и возникающие проблемы решались в пользу той ветви власти, которая в данный момент была сильнее. Неудачной оказалась попытка создания двухпартийной системы.

Весь период гражданского правления проходил в условиях постоянной политической нестабильности, острых правительственных кризисов, досрочных роспусков представительных органов и отставок кабинетов министров. Ни один состав парламента и правительства не проработал положенные по конституции пять лет. В условиях острой борьбы за власть претерпевали изменения личностные отношения — вчерашние друзья и единомышленники в борьбе за главенство становились врагами. Возрождение политической жизни сопровождалось нарастанием экономического кризиса, ухудшением положения многих групп населения, невиданным разгулом коррупции и спекуляции. В соответствии с международными критериями Пакистан занимал «почетное» место в тройке самых коррумпированных стран мира. Внутренние трудности страны дополнялись ростом числа кровавых столкновений на религиозной и этнической почве. Именно в 1990-е годы под эгидой фундаменталистских партий возникли основные военизированные экстремистские организации для борьбы с «неверными» в Кашмире и поддержки талибов в Афганистане. Вскоре их террористическая деятельность стала угрожать и самому Пакистану.

События в рассматриваемый период развивались следующим образом. В ноябре 1988 г. в Пакистане состоялись всеобщие выборы на партийной основе. Основная борьба развернулась между ПНП и Исламским демократическим аль-

янсом (ИДА) — блоком девяти партий, созданным в преддверии выборов; руководящей силой Альянса была Пакистанская мусульманская лига (ПМЛ), возглавляемая М.М. Навазом Шарифом. ИДА в целом выступал за продолжение политики прежнего режима.

Победу на выборах одержала ПНП. Она завоевала относительное большинство мест в Национальном собрании и, заручившись поддержкой нескольких небольших партий и части независимых депутатов, образовала правительство, которое возглавила Беназир Бхутто. В коалиции с местными политическими организациями ПНП сформировала правительства в Синде и СЗПП. 12 декабря 1988 г. председатель сената Гулам Исхак Хан был избран президентом страны.

Правительство Б. Бхутто сняло запрет с деятельности студенческих и профессиональных союзов, освободило политзаключенных, осужденных военными трибуналами в период военного режима, отменило чрезвычайное положение. Были предприняты попытки расширения сотрудничества с СССР, улучшения отношений с Индией. В декабре 1988 г. произошла встреча глав правительств обеих стран, в ходе которой было подписано несколько соглашений, в том числе о запрете нападения на ядерные объекты этих стран и об обмене списками таких объектов. В отношении афганской проблемы было объявлено о «преемственности курса Пакистана», в то же время подчеркивалась необходимость ее политического урегулирования.

Правительству Б. Бхутто приходилось действовать в крайне сложной обстановке. Существенное влияние на выработку и проведение государственного курса оказывала армия. Сильными были позиции президента и его окружения, выражавшего интересы бюрократической верхушки. Оппозиция всячески препятствовала проведению внутренней и внешней политики правительства. Противники Б. Бхутто неоднократно стремились вызвать правительственный кризис. Исламисты старались ввести *шариат* (исламское право) в качестве высшего закона в стране. Крайне напряженная обстановка сложилась в Синде, где международные разногласия приобрели характер ожесточенных кровопролитных столкновений. В конце мая 1990 г. армия была призвана восстановить в провинции «законность и порядок».

Вскоре после этого события противникам правительства удалось добиться его отстранения от власти. 6 августа 1990 г. президент объявил о роспуске Национального собрания, отставке премьер-министра и всего кабинета. Члены кабинета министров были обвинены в коррупции, нарушении конституции, злоупотреблении властью в политических целях и ради личных выгод, невнимании к задачам исламизации общества и т.д.

24 октября 1990 г. на досрочных парламентских выборах победу одержал ИДА. Его лидер, руководитель ПМЛ, стал премьер-министром страны. Пребывание Н. Шарифа на посту главы пакистанского правительства также было довольно коротким и было заполнено, как и у его предшественницы, упорным противостоянием с президентом и борьбой с оппозицией. С 1990 г. США прекратили военную и почти всякую экономическую помощь Пакистану как стране, осуществляющей военную ядерную программу (на основе поправки Пресслера к Закону

о предоставлении помощи иностранным государствам). Примеру США последовали и некоторые другие «доноры» Пакистана. Его экономическое положение начало ухудшаться; этот процесс был характерен для всего десятилетия. В начале 1990-х годов произошел подъем сепаратистского движения в Кашмире, принявший затяжной характер и отчетливую религиозную окраску. Так как это движение получало разностороннюю помощь со стороны Пакистана, то его отношения с Индией сильно ухудшились.

В период премьерства Н. Шарифа постоянно происходили его столкновения с президентом. Старейший и опытнейший государственный служащий, а затем и политический деятель, жесткий и твердый в своих устремлениях, уже «сбывший» одного премьер-министра, Г. Исхак Хан желал подчинить себе другого. Не сумев добиться этого, президент пошел по испытанному пути — в апреле 1993 г. он распустил парламент и уволил правительство. Как всегда в таких случаях, в соответствии с конституцией было создано временное правительство до всеобщих выборов, которое занялось текущей работой. Однако в июне Верховный суд объявил указ президента о роспуске парламента не соответствующим конституции и восстановил деятельность прежних органов власти, уволил временное правительство и отменил все его распоряжения. Это было настоящим потрясением для не готовой к подобным «демократическим акциям» политической системы Пакистана. Возникла опасность дезорганизации и хаоса в работе государственного механизма. Под давлением армейского командования одновременно ушли в отставку и президент, и правительство. Был образован временный кабинет министров из беспартийных «специалистов-технократов» и на октябрь назначены новые парламентские выборы.

Успеха на них добилась ПНП, которая получила наибольшее число мест в парламенте. Так как ее превосходство не было абсолютным, то ПНП пришлось создать коалиционное правительство с участием представителей ряда небольших партий и независимых депутатов. Пост премьер-министра вновь заняла Б. Бхутто. В ноябре был избран новый президент Пакистана, им стал выдвинутый на этот пост ПНП Ф. Легхари.

Слабым местом правящей партии были ее позиции в провинциях, лишь в Синде ПНП получила абсолютное большинство в законодательном собрании, в остальных провинциях преобладали ПМЛ и местные политические партии, оппозиционные ПНП.

Непрочные позиции правительства, сопротивление его противников, которых вскоре стал поддерживать президент, поскольку ПНП пыталась усилить власть кабинета министров за счет полномочий главы государства, — все это парализовало попытки правящей партии выполнить хоть какую-то часть своих предвыборных обещаний (борьба с коррупцией, уменьшение безработицы и т.д.). В середине 1990-х годов резко осложнилось положение в Синде, прежде всего в его крупнейших городах Карачи и Хайдарабаде. Созданная еще в 1982 г. партия Национальное движение мухаджиров (НДМ), выражающая интересы *мухаджиров* (говорящих в основном на языке урду переселенцев из Индии и их потомков), развернула борьбу за расширение прав этой группы населения, вплоть до выде-

ления из Синда региона Карачи и создания самостоятельной провинции. Положение ухудшилось, когда в НДМ произошел раскол и обе части прежде единой партии принялись уничтожать друг друга. Резко усилился терроризм. Армия неоднократно привлекалась к действиям по наведению порядка в Синде.

Трудным положением правительства воспользовалась оппозиция для отстранения его от власти. Антиправительственные силы опирались на поддержку президента. К концу своего правления «Несравненная» (так с урду переводится имя Беназир) перессорилась с руководством всех ветвей власти. В числе ее недоброжелателей, кроме президента, оказались высшая судебная инстанция и руководство вооруженных сил, которое было очень обеспокоено ростом социально-экономической и политической нестабильности в стране. 5 ноября 1996 г. президент отправил в отставку правительство своего бывшего союзника Б. Бхутто. На состоявшихся в феврале 1997 г. всеобщих выборах победу одержала ПМЛ, а ее лидер Н. Шариф опять возглавил пакистанское правительство.

Надо отметить, что ПМЛ получила в Национальном собрании почти две трети мест, а вместе с союзниками ее правительство имело поддержку примерно 90% членов палаты. ПНП потерпела сокрушительное поражение, получив менее девяти процентов депутатских мандатов. Была нарушена традиция, когда соперничающие между собой ПМЛ и ПНП побеждали с незначительным преимуществом. Другими словами, был прерван процесс создания двухпартийной системы.

ПМЛ обеспечила себе большинство и в сенате, ее сторонники были назначены губернаторами провинций. В самой густонаселенной и экономически развитой провинции Пенджаб кабинет министров возглавил Шахбаз Шариф — родной брат премьер-министра. В таких условиях правительство получило все возможности для проведения собственного курса, игнорируя слабую оппозицию.

Учитывая тяжелое экономическое положение страны, власти провели ряд мер с целью ее оздоровления. Ускорились приватизация убыточных государственных предприятий, была реорганизована налоговая система, предоставлены разного рода льготы промышленному производству. Был введен сельскохозяйственный налог, против которого всегда выступали крупные землевладельцы (Н. Шариф был первым в истории Пакистана премьер-министром, вышедшим из рядов выросшей и окрепшей за годы независимости финансово-промышленной буржуазии).

Против коррупции, контрабанды и терроризма были применены суровые меры. Однако действенность этой борьбы серьезно ослаблялась тем, что она использовалась для сведения личных счетов, расправы с конкурентами и политическими противниками. Одновременно на международной арене к Пакистану были применены экономические ограничения, а затем и жесткие всеобъемлющие репрессии в связи с проведенными им ядерными испытаниями в мае 1998 г. В результате экономическое положение Пакистана к концу столетия стало катастрофическим: снизились темпы развития народного хозяйства, до рекордно низкого уровня сократились золотовалютные резервы, максимально вырос внешний долг, росла инфляция и т.д.

Свои главные усилия правительство направило на укрепление собственных позиций, расширение полномочий за счет остальных ветвей власти. Уже в апреле 1997 г. кабинет министров добился отмены 8-й поправки к конституции. Ее заменила 13-я поправка, в соответствии с которой широкие права правительства, зафиксированные в первоначальном тексте конституции, возвращались от президента премьер-министру.

Затем Н. Шариф взялся «за обуздание» высшей судебной инстанции, которая в то время поддерживала президента. В августе произошло столкновение правительства и Верховного суда по поводу изменения состава последнего. Разразившийся острый политический кризис фактически парализовал деятельность высших органов власти. Кризис негативно сказался на общей ситуации в стране. Деловые круги были охвачены паникой, на биржах падал курс акций. Основная оппозиционная сила — ПНП использовала сложившуюся ситуацию, чтобы укрепить свои позиции. Подняли голову исламисты. Резко обострились криминогенная обстановка, терроризм на религиозной и этнической основах. В подобной ситуации армейское руководство активизировало усилия по стабилизации положения. В целом военные в этот период свою основную задачу видели в обеспечении политической устойчивости и в этих целях поддерживали правительство как основной фактор стабильности. Так же они поступили и теперь. Под их давлением 2 декабря 1997 г. в отставку ушел президент Ф. Легхари, а его место занял сенатор от ПМЛ М.Р. Тарар.

Таким образом, конфликт в конце 1990-х годов между основными ветвями власти завершился победой исполнительной власти. Помимо всех практических последствий это означало сдвиг в государственно-политической системе Пакистана — от президентской республики к парламентской с верховенством правительства и премьер-министра. Однако все эти изменения происходили в гражданском секторе власти, оставался еще один центр силы — армия с ее огромным политическим весом. «Головокружение от успехов» толкнуло Н. Шарифа на конфликт с руководством армией, в свою очередь, с неудовольствием наблюдавшим за процессом концентрации государственной власти в руках одного органа.

Возникшие противоречия между премьер-министром и начальником штаба армии Первезом Мушаррафом усилились в период инициированного Пакистаном вооруженного конфликта с Индией в Кашмире (район Каргила) в мае-июле 1999 г. В начале операции, когда пакистанцам неожиданным маневром удалось перейти линию контроля и занять часть индийской территории, правительство и военное командование оспаривали лавры победителей, когда же авантюра в конце концов завершилась поражением Пакистана, то обе стороны стали обвинять в этом друг друга. Противостояние правительства и армейского руководства достигло апогея в октябре 1999 г., когда премьер-министр попытался снять П. Мушаррафа с его должности. Однако поддержанный военными кругами генерал нанес контрудар — 12 октября он произвел переворот, отстранил от власти и арестовал Н. Шарифа. Действие конституции было приостановлено.

ВОЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ (1999-2002)

Чтобы ослабить негативную реакцию на такое непопулярное в конце XX в. действие, как свержение законного правительства и установление власти военных, последние сделали много, чтобы их правление отличалось от предшествующих военных режимов. Было введено не военное положение, а лишь чрезвычайное. На своем посту долгое время оставался президент, а генерал Мушарраф имел должность «главы исполнительной власти». Разумеется, все руководство страной было сосредоточено в его руках, а в июне 2001 г. М.Р. Тарар «передал» свои президентские полномочия Мушаррафу.

«Чрезвычайный» режим просуществовал ровно три года — такой срок ему определил, собравшись после переворота, Верховный суд. 10 октября 2002 г. в стране состоялись всеобщие выборы и были формально восстановлены конституционно-парламентские формы правления. Однако генерал П. Мушарраф сохранил президентский пост на том основании, что за него проголосовало большинство пакистанцев, принявших участие в референдуме в апреле 2002 г.

В период военного правления власти объявили о значительных экономических и административно-политических реформах. Огромное значение для всех сфер жизни страны имело резкое изменение внешнеполитического курса Пакистана после терактов 11 сентября 2001 г. в США. Исламабад отказался от помощи афганскому движению «Талибан», которое он до того всячески поддерживал, и принял участие в оказании содействия в разгроме талибов. Вашингтон снял санкции с Пакистана, введенные после произведенных им вслед за Индией подземных ядерных испытаний в мае 1998 г., и стал оказывать ему значительную финансово-экономическую помощь. Содействие извне, жесткие действия военных властей в отношении «своих» экстремистов сделали возможным заметное улучшение социального и экономического положения страны.

* * *

За годы независимого существования Пакистана его население выросло с 33,7 млн. до 147,7 млн. на конец XX в. Страна достигла определенных успехов в развитии экономики и культуры. Значительно возросла доля индустриального производства в структуре ВВП. Появились современные отрасли промышленности и экономики. Пакистан, в частности, добился успехов в космических исследованиях, атомной энергетике. Наконец, он первым из мусульманских стран обзавелся ядерным оружием и ракетными средствами его доставки. Сельское хозяйство в целом удовлетворяет потребности быстро растущего населения в продуктах питания. Во много раз увеличилось число школ всех типов, колледжей и университетов. Расширилась сеть медицинских учреждений, снизилась смертность.

Тем не менее Пакистан и в конце XX в. относился к сравнительно слабо развитым странам аграрно-индустриального типа. ВВП составлял примерно 70 млрд. долл. (по обменному курсу) при доходе на душу населения в 490 долл. За чертой бедности (менее 2 долл. в день по паритету покупательной способ-

ности) пребывало 85% населения, а в нищенском состоянии (менее 1 долл. в день) — 31%. Грамотность населения не достигала до 40%.

Основным политическим итогом развития Пакистана во второй половине XX в. является крайне медленное движение в сторону демократического парламентаризма. Длительные периоды прямого диктаторского правления военных и общая политическая роль вооруженных сил в жизни страны препятствовали возникновению и развитию элементов гражданского общества, созданию норм и традиций парламентаризма, росту квалифицированных кадров управленческого аппарата.

В течение всего периода своего существования Пакистан развивался в основном в рамках рыночных отношений. Однако он не избежал шакааний в сторону чрезмерного огосударствления экономики и поисков обреченных на неудачу путей. Подобные зигзаги и политические катаклизмы нанесли большой ущерб развитию экономики и во многом обусловили ее незавидное состояние на рубеже XX и XXI вв.

Глава 25

ИНДИЯ

После окончания Второй мировой войны правящие круги Великобритании пытались сохранить свои позиции в Индии, в которой развернулось мощное национально-освободительное движение. Колониальная администрация сделала ставку на обострение разногласий между двумя главными политическими силами — Индийским национальным конгрессом (далее — Конгресс, или ИНК) и Мусульманской лигой (далее — Лига). Лейбористское правительство во главе с Клементом Эттли в сентябре 1945 г. объявило о проведении выборов в центральное и провинциальные законодательные собрания Индии. В марте 1946 г. было также объявлено о решении предоставить Индии статус доминиона. На состоявшихся с ноября 1945 по апрель 1946 г. выборах в законодательные органы (в которых участвовало 13–15% населения и которые проходили на куриальной основе) Конгресс получил большинство мест по общей, или индусской, курии, а по мусульманской курии — в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП). Мусульманская лига получила большинство голосов по этой курии во всех провинциях, кроме СЗПП. В целом Конгресс получил почти вдвое больше мест, чем Мусульманская лига. Но выдвинутый последней лозунг создания Пакистана оказался привлекательным для большинства мусульман.

Мягкая позиция правых партий по отношению к колониальной администрации привела к тому, что на этих выборах они потерпели сокрушительное поражение. Так, «Хинду махасабха» («Великое собрание индусов») получила всего три места в провинциях и ни одного в центре. Выборы 1945–1946 гг. стали, по существу, прелюдией к разделу Индии.

В июне 1946 г. закончились выборы в Учредительное собрание (по одному депутату на миллион жителей), которому предстояло выработать конституцию Индии. Первая сессия этого органа состоялась в декабре 1946 г. В ней приняли участие только члены Конгресса, «Хинду махасабхи» и других, преимущественно индусских, партий. Мусульманская лига и князья бойкотировали собрание.

В августе 1946 г. было создано временное правительство Индии во главе с Джавахарлалом Неру, в состав которого помимо лидеров Конгресса — Валлабхаи Пателя, Абул Калам Азада, Асафа Али и др. вошли представители сикхов, христиан и парсов. Руководство Лиги отказалось участвовать в этом правительстве, заявив, что оно игнорирует интересы мусульман и поэтому они начнут борьбу за создание Пакистана. Лидер Мусульманской лиги Мухаммад Али Джинна расценил создание временного правительства как предательство англичан в отношении мусульман. 16 августа 1946 г. было объявлено Мусульманской лигой

днем начала борьбы за создание Пакистана. В Калькутте, других городах Бенгалии и Бихара начались индуско-мусульманские столкновения и погромы.

Съезд Конгресса (август 1946 г.) потребовал преобразования Индии в независимую суверенную республику. Вслед за этим в феврале 1947 г. премьер-министр Великобритании Эттли заявил, что англичане уйдут из Индии не позднее июня 1948 г. Неру приветствовал это решение, хотя и подчеркивал сложность ситуации в Индии. Конгресс склонялся к компромиссу с Мусульманской лигой. Однако Джинна заявил, что Мусульманская лига не уступит ни одного дюйма в своем требовании о создании Пакистана. Все это происходило на фоне жестоких религиозно-общинных столкновений между индусами и мусульманами в Панджабе, Бенгалии и других районах Индии.

БОРЬБА ПО ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕ ИНДИИ

Окончательная судьба Индии была связана с последним вице-королем этой страны Луисом Маунтбэттенем, который приступил к своим обязанностям 24 марта 1947 г.

Неру, Патель и другие деятели Конгресса настаивали на сохранении единой Индии. Со своей стороны, Мохандас Карамчанд Ганди, известный как Махатма (Великая душа), говорил о традиционной для англичан политике «Разделяй и властвуй», которая подогривала враждебность между мусульманами и индусами. Он предупреждал вице-короля о том, что ему придется «пожать» то, что преднамеренно «посеяли» его предшественники. Чтобы разрешить проблему сохранения единой Индии, Ганди предложил пригласить Джинну сформировать правительство из членов Мусульманской лиги. Однако план Ганди не встретил поддержки у руководства Конгресса, за исключением лидера конгрессистов в СЗПП Абдул Гаффар-хана. После этого Ганди уехал из Дели, не желая связывать себя с последующими событиями, которые привели к разделу страны. Но до отъезда он подписал заявление, осуждавшее жестокость и использование силы в политических целях. Джинна присоединился к этому заявлению.

Борьба за независимость Индии вступила в заключительную стадию. События начали развиваться по самому трагическому сценарию. Реально встал вопрос о разделе Бенгалии, Панджаба и Ассама. Джинну это не устроило. Его концепция Пакистана предполагала включение в него территорий Индии, в которых мусульмане составляли большинство, создание двух зон на Северо-Западе и Северо-Востоке в составе шести провинций — Синда, Белуджистана, Северо-Западной пограничной провинции, Панджаба, Бенгалии и Ассама.

В апреле 1947 г. в одной из бесед с Джинной Маунтбэттен дал понять, что к Пакистану отойдут Синд, СЗПП, половина Панджаба и часть Бенгалии. В те же дни министр внутренних дел временного правительства Индии Патель заявил Маунтбэттену, что обстановка в стране ухудшилась и даже началась гражданская война.

Обсуждение проблемы раздела Индии достигло критической точки. В стране усилились беспорядки и насилие, в которые были вовлечены сотни тысяч людей.

Обстановка становилась все более тревожной и взрывоопасной. Британское правительство прорабатывало различные варианты, исходя из складывавшейся ситуации в стране, с учетом мнения английских официальных лиц, находившихся непосредственно в Индии. Так, главнокомандующий войсками в Индии фельдмаршал Клод Окинлек, реагируя на требования Мусульманской лиги о включении всей Бенгалии в состав Пакистана, предупреждал правительство Великобритании, что «Хиндустан без Калькутты и контроля над Бенгальским заливом практически нереален».

В создавшейся ситуации руководство Конгресса вынуждено было дать согласие на раздел страны, но только при условии раздела Бенгалии и Пенджаба на мусульманские и немусульманские части. Это вызвало неоднозначную реакцию в Бенгалии. Часть местных конгрессистов под влиянием Ганди, выступавшего в принципе против раздела страны, заявляла о необходимости сохранить культурное и языковое единство этой провинции. Однако «Хинду махасабха» под руководством влиятельного политического деятеля Шьяма Прасада Мукерджи настойчиво вела дело к разделу Бенгалии на две почти равные части — индусскую и мусульманскую.

Из 60-миллионного населения Бенгалии в то время 33 млн. (55%) составляли мусульмане, 25 млн. (44%) — индусы, остальные — христиане, англоиндийцы и пр. На востоке провинции преобладали мусульмане, на западе — индусы. Конгресс требовал раздела Бенгалии (77,5 тыс. кв. миль¹) на Западную (34 тыс.) и Восточную (43,5 тыс.). Население первой составило бы 25 млн. человек, из них восемь млн. (30%) мусульман. Соответственно в Восточной Бенгалии — 33 млн. человек, из которых более 10 млн. (30%) составляли бы индусы.

Руководитель отделения Мусульманской лиги в Бенгалии и премьер ее правительства Шахид Хусейн Сухраварди возразил против предложенного Конгрессом плана раздела провинции, по которому к Индии отошла бы наиболее развитая ее часть, включая Калькутту, а к Пакистану — преимущественно сельские районы, а также Дакка и Читтагонг. 26 апреля 1947 г. Сухраварди предложил Маунтбэттену сохранить единую Бенгалию. Он выдвинул идею раздела Индии на три, а возможно, даже на четыре независимых государства: Хиндустан, Пакистан, Бангладеш и Союз княжеств.

Маунтбэттен согласился с таким предложением, заявив, что выступает за сохранение Бенгалии как единого экономического целого. В свою очередь, Джинна также полностью поддержал Сухраварди в этом вопросе. С благословения Маунтбэттена Сухраварди стал продвигать идею о независимой Бенгалии, где мусульманское большинство будет жить в гармонии с индусами. Он даже говорил о «великой» независимой Бенгалии, к которой можно было бы присоединить и некоторые дистрикты Бихара, чтобы она стала «частью мира и превзошла любую другую страну таких же размеров».

Чуть позже Маунтбэттен писал губернатору Бенгалии Ф. Барроузу, что его план оставляет дверь открытой для единой, но независимой Бенгалии, которая не принадлежала бы ни Пакистану, ни Индии.

¹ 1 кв. миль — ок. 2,5 кв. км.

Однако Конгресс усмотрел в идее независимой Бенгалии своеобразный маневр в пользу Мусульманской лиги. В случае ее реализации Мусульманская лига, используя мусульманское большинство в законодательном собрании провинции, добилась бы ее присоединения к Пакистану. Конгресс же, находившийся в меньшинстве, не смог бы предотвратить такой ход событий. Неру и другие лидеры Конгресса решительно выступили против создания единой независимой Бенгалии.

В результате Сухраварди был вынужден отказаться от этой идеи, но начал активно зондировать возможность передачи Калькутты Восточной Бенгалии или, если это окажется нереальным, превращения Калькутты с ее промышленными пригородами в свободную международную зону.

Настал решающий час для определения судьбы Бенгалии. За несколько дней до отъезда Маунтбэттена в Лондон, 18 мая 1947 г. для окончательного принятия решения по плану о разделе Индии Неру от имени руководства партии сообщил ему, что Конгресс решительно выступает против создания независимой Бенгалии. Кроме того, он дал интервью одной из газет, в котором заявил, что Конгресс согласится на сохранение единой Бенгалии только в том случае, если она останется в составе Индии. С учетом всего этого Комитет по делам Индии при кабинете министров Великобритании принял решение о разделе Бенгалии.

Не менее сложной была проблема Панджаба. Если в Бенгалии были две основные религиозные общины — мусульмане и индусы, то в Панджабе присутствовал еще и третий этноконфессиональный компонент — сикхи. При общем населении в 28,4 млн. человек на долю мусульман приходилось 16,2 млн., индусов — 8,2 млн., сикхов — 4 млн. Панджаб состоял из 29 округов, сгруппированных в пять областей. В двух западных областях — Мултани и Равалпинди мусульмане существенно преобладали — 9 млн. против 2 млн. немусульман. В округе Лахор было 4 млн. мусульман и 3 млн. индусов и сикхов. Ситуация осложнялась еще и тем, что в этом же округе находился г. Амритсар с сикхской святыней Золотым храмом. В двух остальных округах — Джалландаре и Амбале — преобладали индусы и сикхи (всего 7 млн.), а мусульман насчитывалось 3 млн.

Мусульманская лига настаивала на том, чтобы весь Панджаб отошел к Пакистану. Однако Конгресс склонялся к разделу Панджаба как единственному решению этой проблемы. Его позиция была в принципе поддержана лидерами сикхов. Сикхи оказались перед сложной дилеммой. С одной стороны, они не могли согласиться на присоединение к Пакистану, с другой — любой раздел был бы для них особенно губительным, поскольку они рассеяны по всей провинции. Поэтому среди сикхских лидеров были и такие, которые выступали за создание коалиционного правительства в провинции из представителей мусульман, индусов и сикхов. Однако эта идея не была осуществлена. Дискуссии о разделе Панджаба вызвали вспышки религиозно-общинной розни и насилия. Началась настоящая гражданская война, унесшая тысячи жизней.

Положение осложнялось тем, что в Панджабе находилось около одного миллиона недавно демобилизованных солдат из всех трех общин. Религиозная вражда могла перекинуться и на армию, в которой влияние английских офицеров зна-

чительно ослабло, поскольку солдаты хорошо понимали, что этим офицерам скоро придется покинуть Индию.

Но лидеры сикхов, как и индусов, в конечном счете потребовали раздела Панджаба. Рабочий комитет влиятельной сикхской партии «Широмани акали дал» в середине апреля 1947 г. в своей резолюции с удовлетворением отмечал, что индусы и сикхи Панджаба полностью согласились на раздел провинции.

Между тем Маунтбэттен долгое время не исключал возможности создания независимого Панджаба, как и в случае с Бенгалией. Однако для Мусульманской лиги Панджаб принципиально отличался от Бенгалии — без Бенгалии можно было создать жизнеспособный Пакистан, а без Панджаба или его части такая возможность была равна нулю. Для руководства Конгресса и сикхов создание независимого единого Панджаба с большинством мусульман означало бы поглощение его Пакистаном после ухода англичан из Индии.

В итоге план раздела Панджаба по принципу большинства той или иной общины предусмотрел отход 17 округов к мусульманам и 12 — к немусульманам. При этом сикхи оказались разделенными почти поровну.

Были немалые проблемы и с другими провинциями. Так, в Северо-Западной пограничной провинции, где мусульмане составляли абсолютное большинство (индусы и сикхи насчитывали всего 7% населения), Конгресс возглавлял правительство под руководством Сахиб-хана — брата упомянутого выше Абдул Гаффар-хана, известного как «пограничный Ганди». Мусульманская лига начала движение за свержение этого правительства при негласной поддержке английского губернатора провинции. Вице-король Маунтбэттен пришел к выводу о необходимости проведения референдума в СЗПП.

2 мая 1947 г. Маунтбэттен направил правительству Великобритании предварительный проект плана раздела Индии. 8 мая, еще до того, как вице-король получил ответ из Лондона, Ганди предпринял очередной шаг по спасению единства страны. В послании Маунтбэттену он призвал его отказаться от раздела, но этот демарш не имел последствий.

В это же время Патель обвинил англичан в том, что, «оставаясь нейтральными, но имея власть, они на деле подталкивают к гражданской войне». Он потребовал, чтобы вице-король немедленно передал власть временному правительству. По его мнению, это помогло бы «установить мир в течение недели», так как те, кто совершают акты насилия, делают это в условиях, когда нет сильной центральной власти. Без вмешательства третьей силы (т.е. англичан) Конгресс и Мусульманская лига безотлагательно разрешат свои разногласия.

Между тем предложенный Маунтбэттенем план был существенно изменен кабинетом министров Великобритании (10 мая 1947 г.). Теперь предполагалось поделить Индию на несколько частей вместо того, чтобы разрешить некоторым территориям отделиться от будущего Индийского союза, если они не желают в нем остаться.

Неру решительно выступил против такого замысла. Он заявил, что этот план угрожает Индии и будущим отношениям между Великобританией и Индией. По его мнению, Конгресс не может принять предложения, которые разрушат Индий-

ский союз, принять «теорию», по которой «провинции становятся независимыми государствами, преемниками предыдущей власти».

После консультаций с Неру, Пателем, Джинной и другим лидером Мусульманской лиги — Лиакат Али Ханом англичане были вынуждены пересмотреть свои предложения. Пока шла подготовка к окончательной выработке плана, который получил название по имени вице-короля, все заинтересованные стороны продолжали оказывать давление с тем, чтобы добиться наиболее выгодных для себя условий.

В Англии бывший премьер-министр У. Черчилль требовал статуса доминиона для «нескольких частей разделенной Индии». Он подчеркивал, что помимо Хиндустана и Пакистана на Индостанском субконтиненте должен существовать Союз княжеств.

В Индии Ганди продолжал выступать против раздела страны. «Задача британской власти, — писал он, — не изменять карту Индии. Все, что нужно сделать англичанам, — это уйти из Индии, по возможности соблюдая порядок, но в любом случае — уйти из Индии в срок или раньше, может быть, даже и в условиях хаоса».

Джинна, в свою очередь, вдруг потребовал создания коридора через весь Хиндустан для соединения западной и восточной частей Пакистана, а Сухраварди продолжал вести переговоры с советниками вице-короля о создании независимой Бенгалии.

Наконец настал решающий час. Вернувшись из Англии, Маунтбэттен представил план раздела Индии на совещании с индийскими лидерами, который ими был в принципе одобрен. 3 июня 1947 г. план Маунтбэттена был обнародован. Это было окончательное решение о разделе Индии на независимые доминионы — Индию (Индийский союз) и Пакистан.

На следующий день вице-король объявил 15 августа 1947 г. Днем независимости Индии. За остававшееся время предстояло сделать еще очень многое. На заседании Всеиндийского комитета Конгресса в середине июня прошло бурное обсуждение предстоящего раздела страны. Неру призвал конгрессистов поддержать план раздела: «Раздел лучше, чем убийство невинных граждан». Патель продолжил в том же духе, сказав, что вне зависимости от Конгресса «Пакистан уже реализуется в еще не разделенных Бенгалии и Панджабе. Поэтому лучше признать Пакистан, чем продолжать то разрушение, которое происходит в Индии».

О многочисленных жертвах насилия на религиозной почве говорил президент Конгресса Ачарья Крипалани. В принятом на заседании Комитета Конгресса постановлении было сказано, что план Маунтбэттена «приведет к отходу некоторых частей от Индии», но в существующих условиях он вынужден принять его. Вместе с тем Комитет «не может признать право какого-либо из княжеств заявить о независимости и изоляции от Индии. Это было бы отрицанием всей истории страны и целей, стоящих перед индийским народом в нас гоящее время».

На это Джинна ответил, что каждое индийское княжество является суверенным и может само решать — присоединяться к Хиндустану (т.е. Индийскому союзу) или Пакистану либо оставаться независимым.

Под руководством Пателя, отвечавшего во временном правительстве за дела княжеств, была проведена работа по вовлечению этих княжеств в Индию. Правители трех из них — Хайдарабада, Джунагарха, Дхамму и Кашмира — не согласились сразу присоединиться к Индийскому союзу, что осложнило ситуацию.

Одновременно было осуществлено предусмотренное планом Маунтбэттена законодательное оформление присоединения к Пакистану населенных преимущественно мусульманами частей Бенгалии, Панджаба, а также Синда, Белуджистана, СЗПП и округа Силхет в Ассаме.

Предстояла еще одна особенно сложная и опасная работа — демаркация границы между Индией и Пакистаном в Бенгалии и Панджабе. С этой целью была создана специальная комиссия во главе с английским юристом Сирилом Рэдклиффом, который ранее не бывал в Индии. Это, как считали некоторые, было его главным достоинством, поскольку он мог быть объективным при решении столь сложной проблемы. Рэдклиффу помогали две группы из четырех индийских судей в каждой из провинций, назначенных по партийной принадлежности. Окончательное решение возлагалось на Рэдклиффа. Пограничной комиссии предстояло провести демаркационную линию на территориях в 175 тыс. кв. миль, где проживало около 90 млн. человек, между районами, где в одних преобладали мусульмане, а в других — немусульмане. Окончательный срок завершения этой работы был установлен 15 августа 1947 г.

В Панджабе главную проблему представил крупнейший город Лахор, в котором проживало 600 тыс. мусульман и 500 тыс. индусов и сикхов. Вплоть до Дня независимости индусы и сикхи считали, что Лахор отойдет к Индии. Мусульмане, однако, полагали, что весь Лахорский округ будет передан Пакистану. По решению комиссии 38% территории Панджаба, вместе с Амритсаром, и 45% населения должны были отойти к Индии, остальная часть, включая Лахор, — к Пакистану. И хотя вплоть до 15 августа это решение считалось секретным, в Панджабе начались религиозно-общинные столкновения. Надежды на мирный переход населения, принадлежащего к меньшинствам, в районы, населенные их большинством, оказались несостоятельными. В конце июня вице-король и Совет по разделу страны создали пограничные силы из 55 тыс. человек с участием британских офицеров для обеспечения порядка при переселении людей из одного района в другой. Но и этих сил оказалось недостаточно, чтобы предотвратить жестокие столкновения между общинами, которые происходили в каждой деревне и каждом городе.

Еще более опасная ситуация складывалась в Калькутте, тем более что власти не имели возможности направить в Бенгалию крупные воинские соединения. Маунтбэттен фаталистически размышлял: «Если Калькутта будет охвачена пламенем, то ничего не поделаешь — она будет гореть».

9 августа в Калькутту приехал Ганди. Он планировал направиться далее в Ноакхали (Бенгалия), где ранее ему удалось остановить кровопролитное столкновение между мусульманами и индусами. Калькутта жила предчувствием трагедии. Мусульмане и индусы буквально уговорили Ганди остаться в городе, чтобы помочь предотвратить масштабные религиозно-общинные столкновения. Благодаря

огромному авторитету и влиянию ему удалось это сделать. 14 августа, накануне Дня независимости Индии, Ганди сделал следующее заявление: «С завтрашнего дня мы освободимся от гнета британского правления. Сегодня в полночь Индия будет разделена. Поэтому завтра будет днем радости и днем печали. Все это накладывает на нас огромный груз ответственности... Давайте позволим всем мусульманам, которые были вынуждены покинуть свои дома, вернуться обратно. Если два миллиона индусов и мусульман обнажат кинжалы друг против друга в Калькутте, с каким лицом я поеду в Ноакхали отстаивать там интересы индусов и мусульман? Если пламя общинной резни охватит всю страну, как сможет выжить наша только что родившаяся свобода?».

В то время как в Панджабе сотни тысяч людей были убиты в межобщинных столкновениях и миллионы покинули свои дома, чтобы спасти свою жизнь, Бенгалия и Калькутта избежали этой участи. Один из руководителей Конгресса — Чакраварти Раджагопалачари сказал тогда: «Ганди добился многого, но ничто не было столь замечательным, как его победа над злом в Калькутте». А Маунтбэттен написал Ганди: «В Панджабе, несмотря на присутствие 55 тыс. солдат, произошли огромные волнения. В Бенгалии армия состояла только из одного человека, и там не было волнений... Разрешите мне выразить восхищение этой армией».

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ

В ночь с 14 на 15 августа 1947 г. первый премьер-министр Индии Неру, выступая перед Учредительным собранием, заявил: «Много лет назад мы встретились с судьбой, теперь настало время выполнить наши обещания... Наше будущее будет непростым и нелегким... Служение Индии означает служение миллионам людей, которые страдают. Оно означает ликвидацию нищеты и невежества, болезней, неравенства возможностей... И поэтому мы должны работать, трудиться, много трудиться, чтобы воплотить наши мечты в действительность. Эти мечты нужны Индии и всему миру, так как все страны и народы сегодня настолько зависят друг от друга, что не могут даже представить свою жизнь в изоляции».

Начальный этап в развитии независимой Индии во многом был связан с деятельностью Конгресса в качестве правящей партии. Тогда он не имел себе альтернативы не только в центре, но и в регионах (штатах). Конгресс широко использовал свой авторитет, завоеванный в годы национально-освободительного движения во главе с Ганди и Неру. Поддержка широких масс и индийской буржуазии обеспечила ему главенствующую роль в политике того времени. Это и стало основной причиной того, что именно представители Конгресса возглавили правительство независимой Индии.

Конгресс при поддержке других политических партий и общественности обеспечил принятие конституции страны, которая провозгласила Индию суверенной демократической республикой, призванной обеспечить всем ее гражданам социальную, экономическую и политическую справедливость, свободу мыс-

ли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов, равенство положения и возможностей, способствовать укреплению среди всех граждан братства, обеспечивающего достоинство личности и единство нации. Конституция Республики Индия была утверждена Учредительным собранием 26 ноября 1949 г. и введена в действие 26 января 1950 г. Тогда же Учредительное собрание избрало одного из лидеров Конгресса — Раджендру Прасада президентом Республики. Одновременно был упразднен пост генерал-губернатора Индии, которая до этого времени имела статус британского доминиона.

На основе конституции правительство осуществило коренную реорганизацию всей системы федеративных отношений. В результате произошло четкое распределение полномочий между центром и штатами, были улажены многие спорные вопросы между отдельными штатами, которые были созданы на месте бывших провинций колониальной Индии и княжеств.

После прихода конгрессистского правительства к власти возник вопрос, насколько оно сможет на практике осуществить социалистические идеи, которых ранее придерживался Неру и некоторые руководители партии. Если в середине 1930-х годов Неру заявлял, что целью ИНК является «бесклассовое общество с равными для всех экономической справедливостью и возможностями», а все, что мешает этому, «должно быть устранено, мягко, если это возможно, или силой, если это необходимо», то под влиянием Ганди и издержек советского социализма он практически отошел от идеи использования силы. «Я очень далек от того, чтобы быть коммунистом, — писал Неру. — Мне не нравится догматизм и интерпретация работ Карла Маркса или любых других книг как священного писания, которое не может быть изменено. Мне не нравится регламентация и охота на еретиков, которые, похоже, являются особенностью современного коммунизма. Мне не нравится многое из того, что происходит в России, особенно чрезмерное использование силы в нормальных условиях».

Влиятельная группировка в Конгрессе во главе с министром внутренних дел Пателем решительно выступила против реализации социалистических идей. Неру был вынужден пойти на компромисс, что нашло выражение в принятой Конгрессом в 1948 г. резолюции по промышленной политике, суть которой состояла в «социализации вакуума». Это означало, что государственные предприятия должны создаваться в тех сферах, где частные предприятия не могут адекватно удовлетворять нужды страны. Таким образом, была заложена основа смешанной экономики, в которой частному сектору отводилась заметная роль, при стратегическом контроле со стороны государства.

Важной частью всего процесса экономического развития Индии стало планирование. При этом был использован опыт Советского Союза. Конгресс заявил, что будет осуществлять планирование главных направлений жизни страны, что базовые предприятия должны находиться в руках государства и под его контролем. Одновременно широкое поле деятельности оставалось для частного предпринимательства, которое вместе с тем должно было учитывать цели, выдвигаемые государством. Все это получило свое выражение в первом пятилетнем плане (1951–1956).

К участию в работе правительства Неру пригласил представителей разных политических взглядов и направлений. От правых группировок — Шьяма Прасада Мукерджи, от организации наиболее угнетенных слоев, т.е. неприкасаемых, — Бхимрао Амбедкара, который ранее возглавлял комиссию по выработке конституции Индии, и позже (в 1952 г.) от социалистов — Джайпракаша Нарайяна. Первые два согласились принять участие в работе кабинета министров. Нарайян, однако, отказался, заявив, что не заинтересован в этом, поскольку не уверен, что правительство предпримет все необходимые меры для продвижения к социализму. Он писал Неру о том, что Индии нужно создать новое общество без эксплуатации, с социальным и экономическим равенством, свободой и благополучием для всех и нужно достичь этих целей не в далеком будущем, а в возможно кратчайшие сроки. Нарайян также полагал, что последователи Ганди и социалисты должны работать вместе на благо простого народа. Он высоко оценил предложение Неру о его участии в работе правительства, назвав это «смелым шагом», поскольку Конгресс не нуждался в коалиции, располагая необходимым большинством в парламенте.

Тем не менее он направил Неру проект Программы-минимум по национальному возрождению. В ней он, в частности, предложил следующее: внести изменения в конституцию, чтобы расчистить путь для социальных преобразований; провести административные реформы, включая децентрализацию политической власти; осуществить перераспределение земли для устранения экономического неравенства и эксплуатации, отдавая при этом предпочтение сельскохозяйственным рабочим и безземельным крестьянам; ликвидировать все формы помещичьего землевладения; создать в деревнях в качестве обязательной меры кооперативные хозяйства; осуществить национализацию банков и страховых компаний, угольных шахт и т.д. Впоследствии эти идеи легли в основу программы возглавляемой Нарайяном Народно-социалистической партии.

ИЗОЛЯЦИЯ ПРАВЫХ СИЛ

Что касается правых сил, то их положение серьезно осложнилось после убийства Ганди 30 января 1948 г. Н. Годсе — одним из активистов правой религиозно-общинной организации индусов Раштрия сваямсевак сангх (Союз добровольных служителей нации — РСС). Правительство наложило запрет на деятельность РСС, арестовало его президента Мадхава Садашива Голвалкара и около 20 тыс. членов союза. Оно заявило, что декларируемые РСС цели по физическому, духовному и нравственному развитию индусов, воспитанию среди них чувства братства, любви и служения обществу расходятся с практической деятельностью этой организации. Более того, утверждалось, что деятельность РСС нанесла вред, так как связана с культом насилия, что привело ко многим жертвам. Последней из них стал Махатма Ганди.

8 февраля 1948 г. Голвалкар, находясь в тюрьме, заявил о роспуске РСС. Запрет на деятельность РСС был снят в июле 1949 г. В последующие годы РСС на-

чал активно наращивать влияние и к середине 1960-х годов он объединял около одного миллиона членов.

В апреле 1950 г. Ш.П. Мукерджи вышел из состава кабинета министров в знак протеста против подписания Неру и премьер-министром Пакистана Лиакат Али Ханом пакта, по которому обе стороны брали на себя обязательство защищать права меньшинств в обеих странах, а также содействовать возвращению беженцев к местам их прежнего проживания. В соответствии с пактом оба правительства заявляли об отсутствии у них экстерриториальных претензий к меньшинствам в обеих странах. Мукерджи не был согласен с этим. По его мнению, Индия не может быть безучастной, если нарушаются гражданские права индусов в Пакистане.

Уход из правительства развязал Мукерджи руки для создания в 1951 г. новой партии — Бхаратия джана сангх (Индийского народного союза, далее — Джана сангх, БДС), предтечами которой были религиозно-общинные организации индусов «Хинду махасабха» и РСС. Руководство РСС приняло непосредственное участие в создании БДС. После избрания Мукерджи президентом БДС он заявил о необходимости борьбы с «диктатурой» ИНК, которую возглавит именно Бхаратия джана сангх как главная оппозиционная партия.

Еще более жестко выступал президент РСС Голвалкар. Он утверждал, что Конгресс расколол страну на две части, а коммунисты поделят ее на десять частей. Целью РСС является соби́рание сил для сплочения страны от Кашмира до мыса Канья Кумари — самой южной точки Индии. Он подверг сомнению лояльность мусульман. В таком же духе высказывались и другие руководители РСС. Они заявляли, что только индусы являются истинными гражданами Индии, поскольку они с незапамятных времен унаследовали язык, историю и религию этой страны.

В октябре 1951 г. из правительства Неру вышел и лидер зарегистрированных каст (неприкасаемых) Амбедкар. Причиной его разрыва с Конгрессом стали разногласия по вопросу о подготовленном Амбедкаром законопроекте по секуляризации частного индусского права, что предусматривало предоставление права собственности женщинам. После этого Амбедкар сосредоточил свою деятельность на критике политики Конгресса в отношении зарегистрированных каст.

ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ 1952 г. ПОБЕДА КОНГРЕССА

На первых всеобщих выборах (одновременно в парламент и законодательные собрания всех штатов, которые проходили в конце 1951 — начале 1952 г.) Конгресс подтвердил свое право на руководство страной. Он победил не только в центре, но и во всех штатах. На выборах в Лок сабха (Народную, или нижнюю, палату парламента) Конгресс получил 45,5% голосов избирателей и 364 депутатских мандата из 480 (75,8%).

Главной силой оппозиции стала Коммунистическая партия (КПИ), получившая вместе с союзниками 8,9% голосов и 41 мандат в парламенте. Результаты

выборов 1952 г. принесли большое разочарование БДС — он получил всего 3,1% голосов избирателей и три места в парламенте. В соответствии с нормами, установленными Избирательной комиссией (минимум 3% голосов для признания в качестве общенациональной партии), Джана сангх с трудом преодолел этот барьер.

В число общенациональных партий вошли также Социалистическая партия и Кисан маздур праджа парти (Крестьянско-рабочая народная партия).

В своей избирательной кампании на первых парламентских выборах 1952 г. БДС выступил под лозунгом «единой страны, единой нации, единой культуры». Он заявлял, что недавний раздел Индии не решил ни одной из ее проблем, а наоборот, породил много новых. В то время как «идея теократического государства является чуждой для Индии, секуляризм представляет собой эвфемизм политики поощрения мусульман». Далее БДС достаточно туманно говорил о своей альтернативе теократии и секуляризму как некоем «среднем пути» между этими двумя идеологиями. Экономический блок программы БДС был обозначен лишь в самых общих чертах — поддержка земельных реформ, но так, чтобы «не оттолкнуть» помещиков. Что касается промышленной политики, то указывалось на необходимость развития государственного сектора, особенно в отраслях, связанных с обороной страны. Одновременно БДС декларировал своей целью поощрение частного предпринимательства. Особенно подчеркивалось значение индийской культуры и языка хинди. Образование рассматривалось как основа этой культуры. В области внешней политики содержалось требование полной интеграции Кашмира в состав Индийского союза.

Президент БДС Мукерджи попытался создать парламентский консервативный блок из партий, близких к БДС по идеологии и политике — «Хинду махасабхи», Ганатантра паришада (Демократический совет), Акали дал (Партия бессмертных), Джаркханд парти и некоторых других. Ему удалось собрать группу из 32 членов парламента, которая получила название Национальная демократическая партия (НДП). Однако НДП оказалась нежизнеспособным формированием, так как держалась только на авторитете Мукерджи и сразу распалась после его внезапной смерти в июне 1953 г.

В 1950–1960-е годы правительство настойчиво проводило политику привлечения на свою сторону широких слоев населения, выдвигая лозунги достижения социальной справедливости. Оно исходило из того, что без массовой поддержки, особенно деревни (80% населения страны), ни одна партия не могла рассчитывать на успех. В середине 1950-х годов Конгресс провозгласил своей целью построение «общества социалистического типа», а в начале 1960-х годов — «демократического социализма». Для реализации этих лозунгов была разработана концепция смешанной экономики, которая, с одной стороны, содержала элементы социального равноправия, а с другой — по своей сути была экономикой капиталистической.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ —
ГЛАВНЫЙ РЫЧАГ ПОДЪЕМА ЭКОНОМИКИ
в 1950–1960-е годы

Все основные программные документы правительства Индии 1950–1960-х годов подчеркивали важнейшую роль государства в строительстве национальной экономики. Пятилетние планы экономического развития (второй — 1956/57–1960/61 гг. и третий — 1961/62–1965/66 гг.) были нацелены на ускоренную индустриализацию страны. Политика государственного капитализма и создание государственного сектора стали решающим фактором экономического развития Индии в этот период.

К середине 1960-х годов в государственном секторе были созданы основные предприятия тяжелой индустрии — черной и цветной металлургии, нефтехимии, тяжелого машиностроения, производства строительных материалов и электроэнергетики. Общий объем промышленного производства в 1948–1964 гг. вырос в 2,5 раза.

Вместе с тем к 1960 г. доля государственного сектора в валовой промышленной продукции составляла всего 18%. Ограничивая деятельность частного капитала в отдельных отраслях экономики, государство одновременно обеспечивало заметное расширение частного предпринимательства, особенно крупного капитала. Так, с 1956 по 1966 г. 70 крупнейших корпораций получили более половины всей государственной помощи, выделенной частному сектору.

Индустриализация оказывала положительное влияние на ситуацию в сельском хозяйстве. Проведение аграрных реформ (хотя и ограниченных по своим масштабам и социально-экономической значимости) также способствовало капиталистическим преобразованиям в деревне. На 7,5 млн. акров увеличилась площадь обрабатываемых земель, строились оросительные сооружения, дороги, животноводческие и семеноводческие фермы и т.п. К 1965 г. валовая продукция сельского хозяйства выросла на 65%. Основной вектор аграрных реформ был направлен на удовлетворение интересов среднего и зажиточного крестьянства, против крупного помещичьего землевладения.

В результате проведения политики самообеспечения при помощи зарубежных стран, в том числе СССР, Индии в основном удалось избавиться от голода и массовых заболеваний.

Завершающаяся часть первого этапа политического развития Индии была отмечена важными событиями. В мае 1964 г. скоропостижно скончался Неру, стоявший у руля власти около 17 лет. Принявший руководство страной Лал Бахадур Шастри находился на посту премьер-министра всего полтора года до своей внезапной кончины в январе 1966 г. в Ташкенте. Там он и президент Пакистана М. Айюб Хан при посредничестве председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина подписали Ташкентскую декларацию, которая тогда положила конец вооруженному конфликту между Индией и Пакистаном.

ПРИХОД К ВЛАСТИ ИНДИРЫ ГАНДИ

В январе 1966 г. во главе страны встала Индира Ганди — дочь Дж. Неру. В этот период активно проявили себя начавшиеся ранее центробежные процессы. усилилась децентрализация власти. быстрыми темпами происходило социально-экономическое и политическое расслоение общества. Окрепшие зажиточные слои в деревне и городе требовали для себя большего участия во власти, используя для этого местные ресурсы в индийских штатах.

Власть правящего Конгресса начала размываться снизу, и он стал вести активную борьбу за сохранение своего влияния. С этой целью Конгресс принял программу, направленную на ликвидацию бедности, оживление промышленности, улучшение отношений между рабочими и предпринимателями и т.д.

Как и в колониальный период, Конгресс в первые два десятилетия независимости оставался партией, представлявшей интересы большинства населения, и получал от него мандат на управление страной. Он не был узкой профессиональной политической партией, а скорее широким политическим движением, которое выступало в защиту интересов различных социальных групп — от крупной и средней буржуазии до деревенских середняков, а также бедноты.

Однако социально-экономическое и политическое расслоение общества привело к расколу Конгресса во второй половине 1960-х годов: из него вышли группировки, поддерживавшие зажиточные слои крестьянства. Итогом этого стала существенная потеря партией политического влияния в целом ряде важных регионов страны. С этого времени Конгресс утратил монополию на повсеместную власть во всех штатах страны, но сохранил ее в центре.

В те же годы произошло ослабление левых сил после раскола в мировом коммунистическом движении (да и Конгресс своей левоцентристской политикой «забирал ветер из парусов» левых партий). В Индии стало расти влияние правых националистических и региональных партий и группировок, многие из которых использовали шовинистические лозунги. Вместе с тем оппозиционные партии как справа, так и слева, хотя и получали на выборах такое же и даже большее число голосов, чем Конгресс, в условиях мажоритарной парламентской системы не могли составить ему реальную политическую альтернативу, поскольку действовали разрозненно.

В этот же период были осуществлены первые мероприятия по реформированию индийской экономики, согласованные со Всемирным банком и другими международными финансовыми институтами. Они включали девальвацию рупии, снятие многих ограничений на импорт, промышленное дерегулирование. Все это должно было сопровождаться помощью со стороны международных финансовых организаций и развитых стран. Это был определенный отход от стратегии самообеспечения. Однако ожидаемый объем финансовых ресурсов не был получен. Более того, богатые страны резко снизили свой вклад в развитие Индии. США, в частности, отказались возобновить соглашение о поставке зерна в тот период, когда потребность в нем была особенно острой из-за двух кризисов неурожаев.

Тогда эксперименты с реформами не дали нужного результата. Поэтому политическое руководство Индии было вынуждено изменить курс с целью ослабить зависимость страны от иностранного капитала. На деле речь шла о возврате к прежней стратегии на самообеспечение. Вместе с тем девальвация рупии, рост цен на продовольствие и падение уровня жизни в этот период способствовали формированию в общественном сознании мнения, что правительство отходит от провозглашенных целей строительства общества социальной справедливости.

Тенденция потери Конгрессом влияния в массах подтвердилась и на внеочередных выборах в некоторых штатах. В партии стали говорить о поляризации левых и правых сил внутри Конгресса. Левые радикалы в партии требовали немедленного проведения национализации банков и других мероприятий, чтобы вернуть доверие масс.

КОНГРЕСС ТЕРЯЕТ ВЛИЯНИЕ

Рубежным событием стали парламентские выборы 1967 г., которые нанесли серьезный удар по позициям Конгресса. Его влияние в центре заметно ослабло. Конгресс смог получить всего 40,8% голосов на выборах в парламент (против 45% в 1962 г.) и 283 депутатских мандата из 520 (54,4%). Но главное — он утратил положение правящей партии в 9 из 17 крупных штатов. Непосредственной причиной такого поражения стал раскол в партийных организациях ряда штатов и усиление позиций как правых, так и левых сил. Монополия Конгресса на власть в стране была существенно подорвана. С этого времени ему приходилось вести борьбу и с правыми и с левыми партиями. Но не менее важным стал вопрос о сохранении единства самой партии. Оно начало подвергаться все большим испытаниям вследствие социально-экономического расслоения и политического размежевания в обществе, в том числе и в деревне — в результате «зеленой революции».

В стремлении укрепить свои позиции правительство под руководством премьер-министра И. Ганди в июле 1969 г. приняло программу, которая включала национализацию ряда крупных коммерческих банков и предприятий угольной промышленности, страхового дела, ликвидацию привилегий бывших правителей княжеств, введение ограничений на владение городской землей, реформу арендных отношений в деревне, мероприятия по ограничению власти монополий и концентрации экономической власти.

В обращении к нации в связи с национализацией банков И. Ганди напомнила, что решение о построении общества социалистического образца, принятое много лет назад, остается неизменным. Она подчеркнула, что контроль над банками как над «командными высотами экономики» является жизненно необходимым в такой бедной стране, как Индия. И. Ганди также заявила, что в последние годы Конгресс отошел от простого народа, поскольку провозглашенные им социалистические лозунги не были полностью реализованы. Вера народа в Конгресс и его правительство пошатнулась. Поэтому правительство должно предпринять необходимые шаги, чтобы восстановить доверие населения. Эти меры встретили противодействие со стороны консерваторов в Конгрессе.

БХАРАТИЯ ДЖАНА САНГХ БРОСАЕТ ВЫЗОВ КОНГРЕССУ

Политика правительства Конгресса встретила сопротивление не только консервативного крыла этой партии, но и правых сил, прежде всего Бхаратия джана сангха и партии «Сватантра» («Независимость»), созданной в 1959 г. под руководством Ч. Раджагопалачари и поддержанной бывшими князьями, крупными помещиками и некоторыми промышленниками. «Сватантра» смогла просуществовать всего около 12 лет, так как была во многом «верхушечной» партией, не пользовавшейся поддержкой низов. В свою очередь, БДС, имевший социальную опору в средних слоях общества (преимущественно городских), постепенно превращался в значительную силу.

Выборы 1967 г. существенно укрепили позиции БДС в парламенте — он получил 9,4% избирателей и провел 35 депутатов в нижнюю палату и стал третьей по числу депутатов партией в парламенте (после Конгресса и «Сватантры»). Наиболее заметными были достижения Джана сангха в штатах хиндиязычного пояса — Уттар Прадеше, Бихаре и Харьяне, где он вышел на вторые позиции после Конгресса и даже участвовал в составе местных коалиционных правительств. Джана сангху также удалось завоевать большинство мест в муниципальной корпорации Дели.

Таким образом, к концу 1960-х годов Джана сангх заявил о себе как о крупной политической силе, реально претендовавшей на власть, по крайней мере в нескольких штатах. Одновременно происходило ослабление позиций Конгресса, особенно в регионах. Для Джана сангха этот период закончился тем, что после убийства президента партии Диндаяла Упадхьяйи в феврале 1968 г. ее руководителем стал Атал Бихари Ваджпаи.

Период до парламентских выборов 1967 г. был отмечен активизацией деятельности БДС как во внутренней жизни, так и во внешней политике.росло и число его членов (с 75 тыс. в 1957 г. до 1300 тыс. в 1967 г.). Индийско-китайский вооруженный конфликт в 1962 г. и индийско-пакистанский — в 1965 г. были в полной мере использованы БДС для демонстрации своего патриотизма и укрепления политических позиций. Именно в это время Джана сангх потребовал от индийского правительства пойти на сближение с Западом и странами Юго-Восточной Азии, чтобы «отразить угрозу Китая». БДС также выступил против переговоров с Пакистаном по Кашмиру и осудил подписание в январе 1966 г. Ташкентской декларации между Индией и Пакистаном.

БДС обрушился с резкой критикой на правительство Конгресса, который за 20 лет «не справился» со стоящими перед страной задачами и «потерял доверие народа». Он обвинил Конгресс в коррупции и неэффективности, заявив, что «даже политическая независимость страны находится в опасности». С учетом угроз со стороны Китая и Пакистана БДС потребовал укрепления вооруженных сил Индии, в том числе создания ядерного оружия и ракет.

Джана сангх выступал против политики неприсоединения. По мнению этой партии, Индия должна проводить независимую внешнюю политику и заключать двусторонние союзы с разными странами, независимо от их принадлежности

к двум прогивостоящим блокам, возглавляемым СССР и США, на основе взаимности и учета интересов друг друга.

БДС выражал уверенность в конечном объединении Индии и Пакистана, заявлял, что будет добиваться включения Индии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Он утверждал, что правительство Конгресса слишком полагается на иностранную помощь.

В этот период Джана сангх не разделял ориентиров Конгресса на вовлечение страны в мировую политику, тем более в качестве лидера Движения неприсоединения. БДС проводил антисоветскую и антикитайскую политику. С начала 1960-х годов руководители БДС неоднократно посещали США с разными целями (Ваджпай, например, для наблюдения за ходом президентских выборов 1960 г.). Вместе с тем БДС критически следил за отношениями между США и Пакистаном.

БДС брал на себя обязательство провести «революционные перемены» в экономической политике, основой которых должна стать «самообеспечивающаяся, процветающая и эгалитарная» экономика. Вместо пятилетних планов предусматривалось ввести более долгосрочное индикативное планирование. БДС делал упор на *свадешти* (отечественном производстве), которому, как он заявлял, был нанесен ущерб «безответственной либеральной импортной политикой» Конгресса. Вместо либерализации, по мнению Джана сангха, должна проводиться «рационализация», хотя суть последней не объяснялась.

БДС также заявлял о решимости «индианизировать» шахты, другие предприятия, а также чайные, кофейные и джутовые плантации, находившиеся преимущественно в распоряжении иностранного капитала. Более того, он утверждал, что сведет к минимуму использование этого капитала.

Идеологические и политические задачи БДС в то время были ярче всего представлены в выступлениях одного из его руководителей — Ваджпай. Стратегия партии, говорил он, направлена на то, чтобы уменьшить влияние ИНК в центре и лишить его монопольной власти в штатах. Задача БДС состоит в перестройке Индии на основе индийской культуры, политической, социальной и экономической демократии, которые гарантируют равенство возможностей и свободу всем гражданам. Некоторые идеологии на Западе, по словам Ваджпай, были основаны на представлении о существовании внутреннего конфликта между личностью и обществом. Однако на деле такого конфликта нет. Личность является представителем неделимого общества, которое проявляет себя через нее. Личность — это главный инструмент общества и мера его достижений. Разрушение индивида приведет к потрясению общества. Развитие личности и развитие социума не противоречат друг другу.

По мнению Ваджпай, капиталистическая система экономики, которая признает «экономического человека» в качестве ее центрального субъекта, не может быть адекватной. Корыстное стремление получить наибольшую прибыль является движущей силой этой системы, а конкуренция — ее регулятором. Это не соответствует индийской философии. Социализм, говорил Ваджпай, возник как реакция на проблемы, созданные капитализмом. Цели социализма похвальны, но его результаты не принесли блага человечеству. Причина в том, что анализ общества

и личности, в соответствии с учением Маркса, в своей основе является материалистическим, а поэтому и неверным. Концепция конфликта классов не способствует постоянному сотрудничеству между гражданами. Капитализм и социализм расходятся в своей оценке значения частной собственности. Но оба ведут к централизации и монополизации. В результате человек, личность оказываются вне их внимания.

Индия нуждается в такой системе, продолжал Ваджпай, при которой ничто не должно препятствовать инициативе личности, но при этом не должен причиняться ущерб человеческим ценностям. Такая цель может быть достигнута с помощью децентрализованной экономики.

Западный мир достиг большого материального прогресса, но в духовной сфере, по мнению Ваджпай, ему не удалось добиться многого. Индия, со своей стороны, отстает в материальном развитии, и поэтому ее духовность превратилась в пустой звук. «Слабый не может реализовать свою духовность» — гласит санскритская мудрость. Не может быть духовного спасения без материального благополучия. Поэтому Индия должна стремиться к тому, чтобы быть сильной и материально обеспеченной, чтобы на этой основе укрепить здоровье нации, внести свой вклад в мировой прогресс, вместо того чтобы быть бременем для мирового сообщества.

ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЭКСТРЕМИСТЫ В ИНДИИ

В период, предшествовавший достижению Индией независимости, левые партии сумели стать заметной силой в политической жизни страны. Особое место среди них занимала Коммунистическая партия Индии. Однако в условиях, сложившихся после достижения Индией независимости, компартия, из-за преобладания в ее руководстве левосектантских и догматических взглядов, не смогла правильно оценить сложившуюся ситуацию. В 1947–1950 гг. она, как отмечалось впоследствии в документах КПИ, проводила «ошибочную линию авантюризма».

В начале 1950-х годов КПИ приняла решение участвовать в парламентских выборах и сотрудничать с демократическими, национально-патриотическими силами страны. Новый курс партии дал позитивные результаты уже на первых всеобщих выборах 1952 г., а затем и на выборах 1957 г., на которых она получила около 11 млн. голосов избирателей (9,9%) и стала главной оппозиционной партией в парламенте.

К этому же времени относится создание и деятельность леводемократического правительства во главе с коммунистами в штате Керала (1957–1959). Это правительство, несмотря на краткий срок пребывания у власти и ограниченные рамки конституции возможности, смогло осуществить ряд мероприятий в интересах социальных низов, наиболее значительные из них — в сфере аграрных отношений. После смещения леводемократического правительства в Керале центральным правительством ИНК в 1959 г. в компартии обострились разногласия по вопросу об отношении к индийской буржуазии и ее правительству. Предметом этих разногласий была тактика «единства и борьбы» в отношении ИНК, т.е. под-

держка компартией «прогрессивных мероприятий» конгрессистского правительства и борьба против тех его шагов, которые шли вразрез с интересами низших социальных групп. Совпавший по времени раскол в международном коммунистическом движении, а также обострение индийско-китайских отношений и широкое развитие индийско-советских связей усугубили внутривнутрипартийные разногласия, что привело к расколу КПИ в 1964 г. и образованию двух партий — Коммунистической партии Индии и Коммунистической партии Индии (марксистской) — КПИ(м).

Раскол нанес большой ущерб коммунистическому и леводемократическому движению Индии. Вместе с тем он был, как показало время, исторически неизбежен. Организационное оформление раскола в компартии получило свое идеологическое обоснование. Так, в новой программе КПИ выдвигалась идея «альтернативного, некапиталистического» развития Индии и «создания предпосылок для перехода страны на путь социализма». Для достижения этой цели ставилась задача создания правительства «национальной демократии». КПИ(м), в свою очередь, заявляла, что установление национальной демократии и развитие по некапиталистическому пути нереальны. Выдвигалась задача создания государства народной демократии на основе леводемократического фронта. В программах обеих партий были расхождения и по вопросам социально-классового характера индийского общества, и в оценке современного этапа развития страны. Было много и сходных черт, связанных, например, с требованиями конкретных социально-экономических преобразований.

КПИ(м), подчеркивая свою самобытность и самостоятельность, поначалу взяла резкий курс влево. Однако к концу 1960-х годов главным тормозом на пути к расширению ее влияния стал левый экстремизм. После создания в марте 1967 г. в Западной Бенгалии правительства с участием КПИ(м) левые экстремисты активизировали деятельность против руководства этой партии. Они заявили, что указанное правительство является «еще более вредным», чем конгрессистское, поскольку своими «уступками трудящимся» оно «отвлекает» их внимание от борьбы с «главным врагом — помещиками и буржуазией». Летом 1967 г. экстремисты возглавили движение беднейших крестьян и сельскохозяйственных рабочих на севере Западной Бенгалии в деревне Наксалбари (отсюда их название — «наксалиты»). Основное содержание этого движения состояло в насильственном захвате земель, принадлежавших помещикам и плантаторам.

По своей социально-экономической природе движение наксалитов было похоже на более ранние крестьянские движения в Западной Бенгалии и других штатах. Но по своей политической сути оно отличалось от них тем, что происходило во время пребывания у власти правительства с участием коммунистов и объективно было направлено против него.

Левые экстремисты выдвинули лозунги «народной войны» и «вооруженной революции». Они также говорили о необходимости захвата власти сначала в одном или нескольких сельских районах, а затем и в центре. На их деятельность оказала влияние китайская «культурная революция», лозунг Мао Цзэдуна «Винтовка рождает власть». Левые сектанты подвергали жесткой критике курс

КПИ(м) на участие в парламентской деятельности и леводемократических правительствах совместно с буржуазными партиями. Они заявляли, что парламент и законодательные собрания превратились в бесплодные «говорильни», рассчитанные на обман народа. Поэтому участие КПИ(м) в выборах и ее деятельность в составе правительств в штатах являются «высшей формой ревизионизма» и «парламентского крестинизма».

КПИ(м) начала решительную политическую и идеологическую борьбу с «левосектантским авантюристическим уклоном» в партии. Оказавшись в изоляции, «левые ультра» повели дело к расколу КПИ(м). В мае 1968 г. в Калькутте они создали Всеиндийский координационный комитет коммунистических революционеров, на базе которого в апреле 1969 г. была основана Коммунистическая партия (марксистско-ленинская), а в 1970 г. был проведен съезд этой партии. Однако это не означало объединения всех левых экстремистов в одну партию. В стране действовали многочисленные группировки, которые вели борьбу не только с КПИ(м) и другими партиями, но и между собой. Их призывы к «прямой» борьбе с помещиками и даже малоземельными крестьянами не получили массовой поддержки. Тем не менее радикальные лозунги наксалитов оказались хорошей приманкой для молодежи, особенно студенчества, которое принимало участие в «боевых» действиях — налетах на правительственные учреждения, учебные заведения, поджогах общественного транспорта, прибегало к тактике террора.

Впоследствии активность этих экстремистов существенно снизилась. Но и в конце XX в. в стране продолжали действовать их отдельные, разрозненные группировки (например, «Народная война»). Главная причина этого состоит в том, что не были ликвидированы социально-экономические корни экстремизма — нищета и обездоленность низших каст и племен, а также городского люмпен-пролетариата.

Вплоть до конца 1970-х годов КПИ и КПИ(м) находились в острой конфронтации друг с другом. Началу процесса сближения и политического сотрудничества во многом способствовала их совместная работа в парламенте страны, в коалиционных леводемократических правительствах в штатах Западная Бенгалия, Керала и Трипура, а также согласованные действия по защите прав трудящихся. Располагая устойчивой массовой поддержкой в нескольких штатах, обе компартии оказывали заметное воздействие на формирование политических процессов в стране. Коммунисты накопили большой опыт парламентской деятельности. Постоянно участвуя в работе парламента, они вместе с другими левыми партиями («Форвард блок», Революционная социалистическая партия) оказывали влияние на политику правительства.

РАСКОЛ В КОНГРЕССЕ

Противостояние внутри Конгресса между левоцентристскими и правыми силами привело к расколу партии в ноябре 1969 г. В соответствии с решением Избирательной комиссии партия во главе с Индирой Ганди получила название

«ИНК(И)» («И» означало Индира, что привело к своеобразной персонификации этой партии). А партия, возглавленная бывшим президентом единого Конгресса С. Ниджалишанной и бывшим министром финансов в конгрессистском правительстве Морарджи Десаи, — «Организация Конгресс», или «Конгресс (О)».

Левая оппозиция, за исключением Объединенной социалистической партии, выступила в поддержку И. Ганди. Правые партии — Джана сангх и «Сватантра» — поддержали Конгресс (О). Примечательным было выступление, посвященное этому событию, одного из лидеров Джана сангха — Балраджа Мадхока, который заявил, что раскол в Конгрессе — хорошая новость для страны. Если бы Конгресс действовал в соответствии с завещанием Махагмы Ганди, раскол произошел бы еще в 1948 г., что привело бы к созданию двух жизнеспособных партий. Одну из них возглавил бы Неру, другую — Валлабхаи Патель. Нынешний раскол, добавил Мадхок, послужит катализатором политической поляризации.

Лидеры Организации Конгресс обвиняли И. Ганди в том, что она склоняется к коммунизму. Она отвергала эти обвинения, заявив, что Неру придерживался политики «левее центра» и именно эту линию она намерена продолжать. В свою очередь, руководители Организации Конгресс утверждали, что будут придерживаться ранее заявленных единым Конгрессом социалистических целей. Однако на деле они оказались в одном лагере с Бхаратия джана сангхом, «Сватантрой», а также с Объединенной социалистической партией, стоявших на антиконгрессистских позициях.

Обострение политической борьбы привело к тому, что в декабре 1970 г. И. Ганди распустила парламент. Она заявила, что ее партии нужен новый мандат от народа, чтобы проводить социалистическую и секулярную политику, и выдвинула лозунг «Гариби хатао!» («Долой бедность!»).

На досрочных выборах в парламент в марте 1971 г. четыре партии — Организация Конгресс, «Сватантра», Джана сангх и ОСП — выступили единым альянсом под лозунгом «Индира хатао!» («Долой Индиру!»). Но ИНК под руководством И. Ганди одержал убедительную победу, получив 350 депутатских мандатов в парламенте из 515 (накануне выборов у партии было всего 220 мандатов). Провозглашенные ИНК(И) лозунги демократии, социализма и секуляризма обеспечили этой партии поддержку огромных масс бедноты, в том числе мусульман и индусских низших (зарегистрированных) каст.

Организация Конгресс потерпела поражение, завоевав всего лишь 16 мест в парламенте (ранее у нее было 65 мест). Эта тенденция подтвердилась и на выборах 1972 г. в законодательные собрания штатов. На них ИНК(И) получил более 70% мест в собраниях, в то время как Организация Конгресс — лишь 3% мест, Джана сангх — менее 4%, «Сватантра» — 0,6%, ОСП — 2%.

После выборов 1971 г. правительство И. Ганди приступило к осуществлению своей программы. Важнейшей ее частью было дальнейшее проведение аграрных реформ — снижение «потолка» землевладения в деревне (до 10–18 акров) и распределение излишков земель среди безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, поскольку земельные реформы 1950–1960-х годов не дали ощутимых результатов.

Принятие законов, направленных на осуществление этих мер, вызвало обострение политической ситуации в стране и внутри правящего Конгресса. Действия правительства натолкнулись на сопротивление крупных землевладельцев. Борьба в деревне отразилась на политической схватке между партиями. Некоторые радикально настроенные члены ИНК(И) говорили, что партия, по существу, не стремится к проведению преобразований в пользу деревенской бедноты, а своими социалистическими лозунгами вводит в заблуждение людей.

Помимо аграрной реформы острая борьба в стране и в ИНК(И) разгорелась вокруг вопросов, связанных с национализацией свыше 100 иностранных и индийских страховых компаний, ряда промышленных предприятий. В это время под контроль государства перешло около 100 текстильных фабрик, владельцы которых угрожали их закрытием, ссылаясь на убыточность. В качестве компромисса между государством и предпринимателями возникла идея создания «совместного» сектора в экономике. Речь шла об использовании финансовых возможностей государства для контроля за деятельностью монополий (через покупку их акций). Со своей стороны, крупные промышленники настаивали на реприватизации предприятий государственного сектора.

Получив в парламенте подавляющее большинство депутатских мандатов, правительство вплотную занялось разработкой программы ликвидации бедности как инструмента обеспечения социальной справедливости и экономического роста. Эта программа нашла свое выражение в пятом пятилетнем плане Индии (1974/75–1978/79), который, по мнению ряда экономистов, был новым словом в осуществлении индийских реформ. Планом предусматривался существенный рост сельскохозяйственного производства, повышение производительности малых и средних фермерских хозяйств, внедрение программ гарантированной занятости населения в сельской местности, развитие трудоемких малых производств в городах. Все это должно было сопровождаться улучшением образования, здравоохранения и продовольственного снабжения.

Однако на деле осуществление программы ликвидации бедности столкнулось с огромными трудностями, в том числе в связи с повторявшейся засухой в период 1972–1975 гг. Положение ухудшилось из-за войны с Пакистаном (1971 г.), которая привела к образованию Бангладеш, что сопровождалось наплывом миллионов беженцев в Индию. Затем последовал нефтяной кризис 1973–1974 гг. Все это оказало крайне негативное влияние на экономическую и политическую жизнь страны.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Во второй половине 1970-х годов процессы консолидации правой консервативной оппозиции, опиравшейся на крупных землевладельцев и отдельные группы городской буржуазии, заметно усилились. Оппозиция выдвинула лозунг «тотальной революции», что означало демократизацию политической жизни, борьбу против монополии ИНК(И) на власть и «авторитарных методов» правления И. Ганди, против коррупции в различных эшелонах власти и в обществе. Оппо-

зия сплотила значительную часть зажиточного крестьянства, средние городские слои, в том числе немало интеллигенции и студенчества.

Борьба на экономическом фронте сопровождалась не менее острым соперничеством в политической сфере. В 1975 г. на выборах в законодательное собрание Гуджарата ангаконгрессистской оппозиции удалось создать Джаната фронт (Народный фронт), объединивший Организацию Конгресс, Джана сангх, социалистов и ряд мелких партий. Одним из руководителей этого фронта стал Морарджи Десаи, а духовным лидером — Дж. Нарайян, который через 20 лет после ухода из политики вернулся к активной политической деятельности в качестве «лок нета» (народного вождя) под лозунгом борьбы с Конгрессом. В результате выборов ИНК(И) потерял власть в Гуджарате.

Эта неудача ИНК(И) совпала с решением Высокого суда в Аллахабаде по обвинению И. Ганди в нарушении ею правил проведения избирательной кампании 1971 г. в округе Рае-Барели (штат Уттар Прадеш), от которого она была избрана в парламент. Тогда она добилась победы над социалистом Радж Нарайяном. Судебный процесс занял четыре года.

В 1975 г. в критический момент для ИНК(И) и самой И. Ганди суд вынес решение — лишить ее депутатского мандата в парламенте и права занимать выборные должности в течение шести лет. И. Ганди опротестовала этот вердикт в Верховном суде Индии, который по существу отменил его. Оппозиция, однако, решила воспользоваться сложившейся ситуацией и начала массовую кампанию гражданского неповиновения, требуя отставки премьер-министра и характеризуя ее деятельность как «автократическую и деспотическую». К этому требованию оппозиции присоединились некоторые видные деятели ИНК(И). В ответ на это большая часть руководства партии, ее парламентской фракции, министров центрального правительства и конгрессистских главных министров в штатах выступила в поддержку И. Ганди.

26 июня 1975 г. И. Ганди ввела в стране чрезвычайное положение, которое было одобрено парламентом. Ряд руководителей оппозиционных партий был арестован, запрещена деятельность некоторых религиозно-общинных и левоэкстремистских организаций, ограничена свобода печати. Оппозиционные партии осудили репрессивные действия властей, в первую очередь аресты многих участников движения неповиновения.

1 июля 1975 г. правительство И. Ганди провозгласило «Программу из 20 пунктов», которая во многом была продолжением предыдущей социально-экономической политики. Наиболее важными среди предложенных мероприятий были снижение цен на продовольствие и другие жизненно важные товары, реализация на деле аграрной реформы — изъятие излишков земли сверх «потолка» землевладений, распределение их среди безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, освобождение сельской бедноты от кабальной задолженности и т.п. В программе также содержалось положение о целесообразности либерализации в сфере частного предпринимательства. Правительство заявило, что оно не намерено продолжать национализацию.

Для подкрепления своих позиций в народе правительство И. Ганди провело в 1976 г. в парламенте 42-ю поправку к конституции, в соответствии с которой

Индия объявлялась «суверенной социалистической секулярной демократической республикой».

Между тем, как и раньше, реализация новой программы натолкнулась на огромные трудности, связанные как с борьбой в деревне, так и с сопротивлением промышленников. Оппозиция во главе с Дж. Нарайяном призывала к решительной борьбе с режимом И. Ганди.

Возникли и политические трудности в самой правящей партии, связанные с усилением ее молодежного крыла во главе с Санджаем Ганди, младшим сыном премьер-министра. С. Ганди, не занимая никакого государственного поста, имел большое влияние в правительстве и административном аппарате, мог оказывать прямое воздействие на кадровую политику ИНК(И) и его правительства, снимать и устранять неугодных ему высших политиков и чиновников. И. Ганди поддерживала его.

С. Ганди выдвинул свою программу из пяти пунктов, обращенную в основном к молодежи. Согласно ей каждый молодой индеец должен был обучить грамоте одного неграмотного, бороться с неприкасаемостью, посадить одно дерево, отказаться от приданого за невестой и ограничить рождаемость двумя детьми на семью. Программа С. Ганди была признана руководством ИНК(И) в качестве официальной. Ее осуществление конгрессистскими властями, особенно в той части, которая касалась ограничения рождаемости, сопровождалось принуждением и насилием. По некоторым данным, было проведено более 10 млн. «добровольных» стерилизаций мужчин и женщин. Насилие также применялось при «очистке» городов от трущоб, в которых жили сотни тысяч людей. Это вызывало протесты населения, происходили столкновения с полицией, в результате чего было много жертв. Все это приводило к подрыву влияния позиций ИНК(И) в массах и усиливало разброд в самой партии.

ПОРАЖЕНИЕ ИНК(И) НА ВЫБОРАХ 1977 г.

В крайне сложной политической ситуации в январе 1977 г. правительство И. Ганди довольно неожиданно объявило о проведении выборов в парламент. Смягчение законов чрезвычайного положения в связи с предстоящими выборами изменило политическую ситуацию. Из тюрем были освобождены оппозиционные лидеры, принадлежавшие к разным политическим партиям. Оппозиция тотчас же начала объединяться на антиконгрессистской основе. По инициативе Нарайяна, выпущенного из тюрьмы несколько ранее в связи с тяжелой болезнью, была создана коалиционная Джаната парти (Народная партия). В ее состав вошли Организация Конгресс, Бхаратия джана сангх, Бхаратия лок дал (Индийская народная партия) и Социалистическая партия.

Джаната парти, несмотря на ее консервативный облик, подчеркивала важность борьбы за социально-экономические права простого народа, утверждала, что отстаивает идеи и ценности Махатмы Ганди и видит свою задачу в построении в Индии демократического и социалистического общества, опирающегося на наследие и традиции национально-освободительного движения. Джаната парти

осуждала пороки капитализма, элитарного потребительского общества. ИНК(И) обвинялся в неспособности реализовать законы о введении ограничений на размеры землевладений и наделить землей безземельных крестьян, особенно из *дадитов* (бывших неприкасаемых) и племен. Джаната парти обещала принять необходимые меры по решению этих проблем. В промышленной сфере ставилась задача бороться с ростом влияния монополий и концентрацией экономической власти. Таким образом, Джаната парти, по существу, «перехватывала» левоцентристские лозунги ИНК(И) в условиях, когда они оказались выхолощенными насильственной, авторитарной политикой, проводившейся группировкой Санджая Ганди.

Еще одним ударом по престижу ИНК(И) стал выход из него накануне выборов группы видных деятелей во главе со старейшим членом руководства партии Джагдживаном Рамом, которая объявила о создании новой партии — Конгресс за демократию, провозгласив в качестве своих целей демократию, социализм и секуляризм — против «диктатуры Индиры Ганди и ее сына Санджая».

На выборах 1977 г. блок Джанага парти — Конгресс за демократию одержал убедительную победу над ИНК(И). Лидером парламентской фракции Джаната парти был избран Морарджи Десаи, который и стал премьер-министром.

ИНК(И) во главе с И. Ганди впервые потерпел поражение и потерял власть в центре. Главными причинами этого были отход от левоцентристской социальной политики и использование насильственных, антидемократических, авторитарных методов управления.

Новый этап в политическом развитии Индии ознаменовался поиском иных путей развития. Однако коалиционное правительство Джаната парти, состоявшее из идеологически плохо совместимых политических группировок, оказалось обреченным на поражение.

Основную роль в правительстве Джаната парти играл Бхаратия джана сангх, который из всех участников коалиции располагал самой большой депутатской группой (100 мандатов) в парламенте и во многом навязывал свои решения партнерам в правительстве. Конфликт обострился после того, как другие члены коалиции обвинили БДС в так называемом двойном членстве — одновременно в этой партии и в индусской религиозно-общинной организации РСС, которая оказывала влияние на деятельность правительства.

Действительно, Бхаратия джана сангх представлял собой самую крупную часть Джаната парти, у которой не было значительных организационных возможностей и партийных кадров. А поскольку БДС обладал и тем и другим, то вполне естественно, что он находился в лучшем положении, чем его партнеры по коалиции. Однако были и более глубокие причины, которые в конечном счете привели к выходу БДС из Джаната парти и расколу последней. Социальная база Джаната парти состояла как из представителей высших каст, преимущественно крупных землевладельцев, так и низких — в основном малоземельных крестьян. Попытки лидеров отсталых крестьянских каст использовать пребывание у власти в составе Джаната парти для укрепления своих позиций путем введения в крупных штатах Уттар Прадеше и Бихаре квот для этих каст в государственных уч-

реждениях и учебных заведениях вызвали резкий протест высших каст, широко представленных в БДС. Именно в этом состояла главная суть противоречий внутри коалиционного блока Джаната парти.

Правительство пестрого блока оппозиционных партий, различных по своей идеологии и имевших разную социальную базу, не смогло проводить конструктивную политику. В 1979 г. коалиция Джаната парти распалась. В июле этого же года правительство во главе с Десаи ушло в отставку. Вместо него было создано новое правительство, которое возглавил лидер Бхаратия лок дал Чаран Сингх. Оно, однако, не смогло долго продержаться у власти без поддержки БДС и подало в отставку.

КОНГРЕСС СНОВА У ВЛАСТИ

После выборов в январе 1980 г. к власти вновь пришло правительство во главе с И. Ганди (впоследствии ИНК(И) вернулся к своему прежнему названию — «Индийский национальный конгресс», а лидеры Организации Конгресс растворились в других партиях). ИНК пытался возродить влияние в массах, используя те же социалистические идеи и лозунги. Но их реальное содержание существенно изменилось, поскольку изменились и политические условия.

Реагируя на новую ситуацию, в апреле 1980 г. на базе Бхаратии джана сангха была образована Бхаратия джаната парти (Индийская народная партия — БДП), что должно было символизировать ее определенное обновление, разрыв с прошлым, освобождение от клейма коммунизма.

Вместе с тем в стране возникли новые трудности, связанные с засухой 1979 г. и резким повышением цен на нефть на мировом рынке, что привело к росту расходов на импорт энергетических ресурсов. Для выхода из создавшегося положения правительство ИНК вступило в переговоры с Международным валютным фондом (МВФ) с целью получения крупного кредита. Были оговорены условия его предоставления: либерализация импорта, ослабление контроля над ценами, дерегулирование промышленного производства в отдельных отраслях, развитие экспорториентированной индустрии, сокращение расходов в государственном секторе экономики, снижение налогов и т.д. Согласованная с международными финансовыми организациями программа начала реализовываться в ноябре 1981 г. Однако еще до истечения срока, в мае 1984 г., ее выполнение было приостановлено, так как она не дала требуемого результата, а только привела к увеличению внешних долгов. К тому времени страна использовала 3,9 млрд. из предусмотренных программой МВФ 5 млрд. долл.

УСИЛЕНИЕ ПРОТИВОБОРСТВА МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И ШТАТАМИ

Очередной этап пребывания ИНК у власти характеризовался усилением политического противоборства в стране, особенно в связи с обострением отношений между правительством Конгресса в центре и правительствами в значительной части штатов, которые возглавлялись оппозиционными ему партиями.

Объективный ход событий вел к тому, что штаты, региональные партии и общественные движения неуклонно наращивали свое влияние. При этом их позиции не всегда и не во всем совпадали с линией центрального правительства, особенно в тех вопросах, которые касались управления на местах.

В 1970-1980-х годах ИНК уже не мог претендовать на повсеместное господство в Индии. Это наглядно проявилось, например, в крупнейшем южном штате Тамилнаду, где начиная с 1967 г. у власти непрерывно находились региональные партии, стоявшие на иных идейных и политических позициях, чем ИНК. То же самое наблюдалось и в Западной Бенгалии, где с 1977 г. штатом управляло правительство Левого фронта.

Список таких штатов, где в течение ряда лет власть принадлежала партиям, чьи политические установки не совпадали с позицией ИНК (и других правящих в центре сил), можно было бы продолжить. Принципиально важным является то, что в ходе развития независимой Индии, в том числе под влиянием Индийского национального конгресса, произошла реальная децентрализация экономической и политической власти, развились и окрепли региональные экономические и политические элиты, усилилось их собственное мироощущение. Все это вело к ослаблению влияния Конгресса.

В экстремальной форме проблема радикального расширения полномочий штатов прозвучала в начале 1980-х годов в лозунге о создании независимого государства Халистан вместо штата Панджаб. Однако конституция Индии не предусматривала право штатов на «самоопределение вплоть до отделения».

Тем не менее часть экстремистски настроенных сикхов настаивала на независимости штата. Центральное правительство увидело в этом угрозу единству Индии и пыталось решить проблему при помощи введения президентского правления в Панджабе. Но когда и этих мер не хватило, чтобы «усмирить» сепаратистов, против них была использована вооруженная сила. Армия провела в июне 1984 г. в Панджабе операцию «Голубая звезда», в ходе которой применялось тяжелое вооружение, включая танки. Они обстреляли сикхскую святыню Золотой храм, в котором укрывались сепаратисты. В результате операции погибли и мирные жители. Все это не только подорвало влияние Конгресса среди сикхов, но и отразилось на личной судьбе И. Ганди, которая, как премьер-министр, отвечала за действия армии. 31 октября 1984 г. Индира Ганди была убита во дворе своей резиденции ее охранником-сикхом.

Трагическая гибель И. Ганди вызвала волну симпатий в пользу ИНК, который одержал убедительную победу на внеочередных выборах, состоявшихся в конце 1984 г. Конгресс получил рекордные 49% голосов избирателей и 400 депутатских мандатов из 535 в нижней палате парламента. Правительство во главе с сыном И. Ганди — Радживом Ганди (1984-1989) также заявляло о своей приверженности социалистическим идеалам, социальной справедливости и равенству. Р. Ганди подчеркивал, что социализм является подлинно индийской идеологией, уходящей корнями в историю страны. Он провозгласил задачей правительства экономическое развитие на основе социальной справедливости при «ограничении игры рыночных сил и свободы частного корыстолюбия и жадности». Правитель-

ство ИНК вновь объявило в качестве своего главного приоритета «войну нищете» путем сокращения разрыва в доходах богатых и бедных и устранения социального и экономического неравенства.

Децентрализация власти объективно вела к дальнейшему ослаблению влияния Конгресса. В результате в 1989 г. его сменило коалиционное правительство Национального фронта во главе с Вишванатхом Пратапом Сингхом. Это правительство продержалось у власти всего около года (1989–1990), но сумело провести ряд мероприятий в интересах социальных низов, главным из которых было принятие части рекомендаций парламентской Комиссии по «отсталым классам» во главе с Б.П. Мандалом.

Конгрессу удалось отстранить Национальный фронт от власти. Его место заняло правительство меньшинства во главе с Чандра Шекхаром при поддержке со стороны ИНК (ноябрь 1990 — июнь 1991 г.). И наконец, в июне 1991 г. после парламентских выборов Конгресс вновь пришел к власти во главе с Нарасимхой Рао. Во время избирательной кампании 21 мая 1991 г. террористкой был убит Раджив Ганди. Заметно ослабленный (232 депутатских мандата в парламенте и 36,5% голосов избирателей), Конгресс с большим трудом, прибегая к сомнительным методам переманивания депутатов из других партий, буквально «сколотил» однопартийное большинство в 272 депутата в парламенте и продержался у власти весь срок его полномочий — 1991–1996 гг.

РЕФОРМЫ 1990-х годов

Под руководством премьер-министра Н. Рао конгрессистское правительство взяло курс на осуществление широких рыночных реформ. Они во многом стали продолжением стратегии развития, разработанной Неру и затем проводимой Индирой Ганди, которые ставили задачу превращения Индии в великую мировую державу. В качестве главного условия для этого выдвигалось требование быстрого экономического роста на основе модернизации, особенно в области науки, технологии и производительности труда. В свою очередь, экономический рост должен был сочетаться с обеспечением социальной справедливости.

В условиях Индии это означало предоставление большинству населения возможностей для улучшения жизни, устранение экономического неравенства между отдельными группами людей, вне зависимости от их религиозной или кастовой принадлежности, а также различий в социально-экономическом развитии отдельных регионов.

Не выполнив этих задач, невозможно было обеспечить стабильность в демократическом обществе, без чего в такой многоконфессиональной и полиэтнической стране, как Индия, нельзя было решить и все другие основные вопросы. Эта стратегия по большому счету оправдала себя. Она позволила, несмотря на масштабные изначальные трудности и проблемы, связанные прежде всего с бедностью населения, существенно продвинуться вперед в экономическом и социальном развитии.

Обосновывая необходимость реформ, правительство Н. Рао руководствовалось следующими соображениями: во-первых, они должны осуществляться по некоему среднему пути (между двумя «догмами» командной и рыночной экономик), во-вторых, государству надлежит проявлять заботу об основании «индийской социальной пирамиды», которую составляют огромные массы бедняков, в-третьих, в ходе реформ не должна быть утрачена индийская самобытность. Очень важный нюанс состоял и в том, что речь шла не о чисто рыночной экономике, а об экономике, «управляемой или ведомой рынком».

Проблема поиска и разработки «срединного» пути не была новой для Индии. В колониальный и постколониальный периоды модернизация общества сопровождалась столкновением с западными ценностями, а затем — их синтезом. Такой синтез был возможен лишь на основе органического восприятия традиционным обществом новых ценностей, когда они становились частью общественной жизни, вписывались в традиционную среду, не разрушая ее, а дополняя, усиливая тем лучшим, что было создано в процессе развития. Если же модернизация осуществлялась путем механического заимствования, переноса чужеродного опыта на местную социально-культурную почву, то неизбежно наступала реакция отторжения.

Еще в период британского колониального господства страна накопила огромный уникальный опыт взаимопроникновения ценностей индийского и западного обществ. В ходе длительного, временами весьма болезненного, а иногда даже насильственного процесса происходила их своеобразная взаимная притирка. На каждом этапе достигался новый баланс в области культуры, общественной жизни, науки, технологии, производства. Это был в основном эволюционный процесс, в нем выявлялись как сильные черты традиционного общества, так и его слабости, а также те ценности западной цивилизации, которые положительно воспринимались индийским общественным мнением. Общество чутко реагировало на характер и темпы такого развития. В нем сложилось понимание того, что стремление опередить, ускорить естественный ход модернизации могло привести к социальным взрывам и откатам.

Благодаря этому опыту индийская правящая элита достаточно хорошо представляла, в каких сферах должны происходить преобразования, насколько глубоко могут быть затронуты основы традиционного общества, каким может быть темп изменений. Взав курс на демократическое развитие страны после достижения ею независимости, она стремилась сохранить связь с обществом, с огромным массивом социальных низов. Политический класс не мог поступать иначе, ибо только это обеспечивало ему легитимность в общественном сознании и соответственно возможность оставаться у власти.

Традиция сохранения тесных связей с народом, с его историческими и цивилизационными корнями продолжала оставаться важной частью демократической политической культуры Индии. Конечно, и в ней происходили существенные изменения, связанные с расширением рыночных отношений, усилением индивидуализма. Однако традиционные, групповые, общинные ценности не утратили своего значения. Большинство видных политических деятелей Индии смогли

идентифицировать себя через массовое сознание, используя эти ценности. Но это, конечно, не означало, что они были всего лишь традиционалистами или что им были чужды новые веяния в сфере экономики, идеологии и политики. В силу исторически сложившихся связей индийской правящей элиты или по крайней мере значительной ее части с Западом она была открыта для влияния разных идей. Но никогда не заимствовала их слепо, а адаптировала к условиям своей страны.

Правительство ИНК осторожно нащупывало новые пути развития страны, тщательно оберегая то, что уже дало положительные результаты. Такой подход при проведении экономической реформы проявился, в частности, в том, что оно не отказалось от государственного планирования экономики. Сохранение этого института было одним из ответов на важнейший вопрос об участии государства в экономических, социальных и политических преобразованиях. Подчеркивалось, что государство не может снимать с себя ответственность за перемены, а планирование должно играть решающую роль в социально-экономическом развитии, особенно в сфере социальной инфраструктуры.

Имея немалый опыт деятельности в рамках рыночной экономики, хорошо зная ее преимущества и недостатки, правительство полагало, что рост и развитие в стране не могут происходить только на базе рыночных механизмов. Прежний опыт Индии указывал на определенные ограничения и издержки в их использовании. Он, в частности, свидетельствовал о том, что в вопросах, связанных с удовлетворением нужд сотен миллионов людей, живущих за чертой бедности, нельзя полностью полагаться на игру рыночных сил. Рынок не может обеспечить всеобщее образование, охрану здоровья, занятость всех людей, а также прожиточный минимум для бедноты, особенно деревенской.

С июля 1991 г. в Индии начала осуществляться программа стабилизации и структурных преобразований, предложенная и финансируемая Международным валютным фондом, Всемирным банком, Азиатским банком развития и отдельными странами, в том числе Японией. В соответствии с объявленной правительством Конгресса стратегией развития оно брало на себя обязательство осуществлять эффективные мероприятия в социальной области — повышение грамотности, улучшение начального образования, здравоохранения, благосостояния семьи, обеспечение населения питьевой водой, жилищем, создание новых рабочих мест. Имелось в виду усилить роль государства в тех сферах, где с помощью одних рыночных сил нельзя решить поставленные социальные и экономические задачи.

Однако недостаточно высокий экономический рост, а также сохраняющаяся безработица негативно сказались на реализации этой части программы. За это правительство было подвергнуто критике со стороны его оппонентов. Они признавали, что ему удалось преодолеть валютный кризис, увеличить резервы иностранной валюты, что экономика стала постепенно набирать темпы, выросло сельскохозяйственное производство. Но всего этого оказалось недостаточно для решения социальных проблем. Не была создана устойчивая основа для сокращения бедности.

Критики реформ заявляли, что «просачивания» результатов реформ в бедные слои не произошло. Потребление в деревне и городе в целом уменьшилось, в то время как среди богатых оно возросло. Некоторые из них утверждали, что происходит ускоренное отчуждение бедных от ориентированной на экономический рост глобальной экономики, сокращаются расходы на программы в социальных секторах (здравоохранение, начальное образование, уход за детьми и т.д.). Высказывались предложения «притормозить» реформы с тем, чтобы уже достигнутые результаты могли почувствовать и слабые слои общества. Но правительство было не в состоянии принимать такого рода решения. На него оказывали давление силы внутри и вне страны, считавшие, что Индия слишком медленно идет по пути реформ.

В 1990-е годы по существу весь корпоративный сектор, промышленники и их лоббисты выступали за решительную активизацию курса на либерализацию экономики и расширение внешнеэкономических связей. Под этим имелись в виду прежде всего освобождение промышленности от государственного лицензирования и постоянного контроля со стороны правительства и приватизация государственной собственности. Многие политики и деловые люди подчеркивали, что в такой либерализации особенно нуждались мелкий и средний бизнес и меньше — промышленные гиганты типа концернов Бирлы или Таты.

Однако политика либерализации оказалась не обеспеченной необходимыми мерами социальной защиты населения. Контроль государства над промышленностью был заметно ослаблен, возросли производство товаров и доходы компаний, но одновременно увеличились цены, инфляция, государственный долг и дефицит бюджета. Усилилась социальная напряженность, поскольку блага либерализации не дошли до широких масс населения.

Поэтому вновь возникла проблема: как сочетать либерализацию с интересами большинства населения. По сути речь шла о целях реформ, о том, во имя кого они будут осуществляться. Вопрос о характере реагирования населения на реформы рассматривался в общественных и политических кругах как один из важнейших. Наиболее распространенное мнение состояло в следующем: либерализация может оказать позитивное влияние на все слои общества только в том случае, если вместе с ростом эффективности производства она обеспечит социальную гармонию, не приведет к дальнейшему расслоению общества. А этого нельзя достичь без помощи государства.

РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ И МНОГОПАРТИЙНОЙ СТРУКТУРЫ

Развитие страны по пути политической демократии в условиях полиэтнического многоконфессионального общества с огромным разнообразием социально-экономических условий в разных регионах способствовало созданию многопартийной структуры и децентрализации власти, что было предусмотрено конституцией, которая разграничивает полномочия центра и штатов. По мере становления федеративного государства происходило усиление роли штатов. Их правительст-

ва и местные партии все более настойчиво ставили вопрос о расширении полномочий регионов.

Под давлением штатов правительство Конгресса было вынуждено в 1983 г. создать комиссию во главе с бывшим председателем Верховного суда Индии Р.С. Саркарией, рассмотревшую проблему отношений между центром и штатами и рекомендовавшую существенно расширить полномочия штатов. Центр, однако, не хотел передавать часть своих функций штатам, тем более что решить этот вопрос конституционным путем было крайне сложно — для принятия соответствующей поправки к основному закону требовалось согласие двух третей депутатов нижней палаты парламента. Таким образом, вопрос был «заморожен» правительством ИНК. Это отразилось на политической борьбе, на положении Конгресса на местах, привело к ослаблению его влияния.

Как уже отмечалось, сначала ИНК лишился монополии на повсеместную власть в стране. В дальнейшем этот процесс усилился и, начавшись снизу, дошел до центра.

Толчком к его ускоренному развитию послужили силовые меры, предпринятые правительством ИНК во время чрезвычайного положения в 1975 г. Политика «сильной руки» не сработала, а наоборот, способствовала тому, что к власти пришел оппозиционный ИНК блок Джаната парти. За этим снова последовал период однопартийного правления ИНК (1980–1989, 1991–1996).

За четыре десятилетия почти непрерывного пребывания ИНК у власти сложилась политическая система, в которой эта партия выступала как главная мобилизующая сила, как своеобразная широкая коалиция, включающая представителей разных групп населения, объединенных борьбой за построение независимой Индии под лозунгами демократии и секуляризма. Однако эти группы не были равноправными участниками при распределении результатов независимого развития страны. ИНК пытался сохранить это рыхлое единство, поскольку сознавал, что может потерять часть этой коалиции, а с ней и власть. По мере социально-экономического и политического развития каждой из этих групп, в том числе и отсталых слоев и классов, эта задача становилась все более сложной.

Своеобразная социальная коалиция, находившаяся под политическим патронажем Конгресса, стала постепенно распадаться на части. Этот процесс, начавшийся в середине 1960-х годов, получил бурное развитие во второй половине 1970-х и во многом завершился к середине 1990-х годов.

За годы пребывания у власти правительства Конгресса осуществили ряд крупных преобразований по укреплению политической и экономической самостоятельности страны, развитию демократии. Тем не менее Конгресс не смог удовлетворить интересы многих слоев населения, которые стали находить своих политических защитников в лице как левых, так и правых партий. Под напором этих партий социально-политическая база Конгресса начала размываться, и он стал терять влияние.

Состоявшиеся в мае 1996 г. выборы поставили точку в вопросе однопартийного правления Конгресса в стране, по крайней мере на ближайшие годы. ИНК смог получить всего 141 место в парламенте (из 543) и 28% голосов избирателей. Бха-

ратия джаната парти стала самой крупной партией в парламенте, имея в своем распоряжении 161 депутатский мандат и набрав 20,3% голосов избирателей. Однако, несмотря на новый статус ведущей партии в парламенте, БДП не смогла привлечь на свою сторону другие партии, за исключением близкой ей по духу индусской шовинистической «Шив сена» («Армия Шиваджи»). Она продолжала находиться в свособразной идеологической и политической изоляции. Как вспоминал об этом один из лидеров БДП — Л.К. Адвани, «никто не хотел даже приблизиться к БДП, несмотря на наше приглашение другим партиям войти в правительство». Поэтому правительство меньшинства, БДП — «Шив сена», во главе с А.Б. Ваджапай продержалось рекордно короткий срок — всего 13 дней (май–июнь 1996 г.), так как не смогло получить вотума доверия в парламенте.

Позже, в том же июне 1996 г., к власти пришло коалиционное правительство Объединенного фронта (ОФ) во главе с Деве Гаудой, состоявшее из 14 центристских и левых, преимущественно региональных, партий. Оно также не имело парламентского большинства. ИНК выступил в его поддержку, не входя в состав этого правительства. Главная цель такой стратегии Конгресса состояла в том, чтобы не допустить к власти основную оппозиционную ему силу — Бхаратия джаната парти. Правительство ОФ просуществовало всего десять месяцев (до апреля 1997 г.) и было вынуждено уйти в отставку, после того как ИНК отказал ему в поддержке. Однако почти сразу же оно вновь стало функционировать, но на этот раз во главе с премьер-министром И.К. Гуджралом. Менее чем через год после этого ИНК снова, исходя из своих политических соображений, отказал и этому правительству в поддержке. Парламент был распущен, и объявлены новые, внеочередные выборы.

БХАРАТИЯ ДЖАНАТА ПАРТИ ИДЕТ ВО ВЛАСТЬ

На выборах в парламент, состоявшихся в апреле 1998 г., БДП взяла курс на создание коалиции. Первоначально в нее входило около десятка партий из разных штатов и разной идеологической и политической направленности. В результате БДП и ее союзникам удалось получить в парламенте 250 депутатских мандатов (36,2% голосов избирателей) — существенно больше, чем у ИНК (141 мандат), но недостаточно, чтобы сформировать правительство. Почти месяц БДП проводила работу по привлечению на свою сторону других партий, группировок и отдельных депутатов. В конечном итоге в марте 1998 г. ей удалось добиться минимального большинства в парламенте и создать коалиционное правительство Национального демократического альянса (НДА), в которое вошли 18 партий.

Путь Бхаратия джаната парти к руководству Индией растянулся почти на полвека. Среди всех политических партий Индии БДП по праву считалась одной из самых массовых и дисциплинированных с широкой сетью тесно связанных с ней индусских религиозно-общинных организаций. Главной и ведущей из них является Раштрия сваямсевак сангх (Союз добровольных служителей нации), к которому примыкают созданные им «крылья». Все они вместе составляют

«Сангх паривар» («Семью союза»). Среди этих «крыльев» — Вишва хинду париад (Всемирный совет индусов — ВХП), Индийский рабочий союз — один из крупнейших профсоюзов страны, Всеиндийский студенческий совет, молодежная организация Баджранг дал (Отряд сильных), а также женские и другие организации. Позже вместо «Сангх паривар» стало чаще упоминаться название «Хиндутва паривар» — «Семья хиндутвы» (хиндутва — индусскость), но суть от этого не изменилась.

В свое время, будучи еще в оппозиции, БДП и ее предшественник БДС брали на себя обязательство провести «революционные перемены» в экономической политике, основой которых должна стать «самообеспечивающаяся, процветающая и эгалитарная» экономика. Вместо пятилетних планов предусматривалось ввести более долгосрочное индикативное планирование. Подчеркивалась важность развития отечественного производства. Партия заявляла и о своей приверженности идеям смешанной экономики.

После прихода БДП к власти идеология правящей группировки заметно изменилась. Такие понятия, как социализм, социальное равенство и справедливость, противоречили ее интересам. Поэтому основной акцент был сделан на национализме. По мнению лидеров БДП, успех партии на выборах 1998 г. был во многом связан с «Движением Айодхья» — массовым выступлением индусов в начале 1990-х годов, во главе которого стояли БДП, РСС, а также другие индусские религиозно-общинные организации. Это было движение за восстановление храма Рамы вместо построенной несколько веков назад на этом же месте мечети Бабура. При помощи этого движения, которое воплощает в себе культурный национализм, писал Ваджпай, они смогли высвободить подавленные ранее устремления миллионов индийцев и направить их националистический порыв на строительство их государства.

БДП считала, что успех партии был также связан с ее лозунгом «Справедливость — всем, льготы — никому!». Партия заявляла, что верит в создание общества, в котором каждый, вне зависимости от касты, религии или пола, получит место под солнцем, общества, где оптимизм, имеющиеся возможности и согласие придадут импульс строительству сильного и процветающего государства. Она утверждала, что дух национализма, вдохновлявший борцов за свободу, побуждая их идти на великие жертвы во имя Родины, хотели подавить при помощи консенсуса, достигнутого Неру в первые десятилетия независимости Индии. Но национализм нельзя убить привнесенными извне идеологиями или псевдоидеологиями.

Что имеется здесь в виду под словом «консенсус», точно не объяснялось. Но можно предположить, что под ним подразумевался, в частности, тот весьма высокий уровень социально-политического единства в обществе после достижения независимости, которое нашло свое выражение в конституции страны, провозгласившей запрещение дискриминации по мотивам религиозной, расовой, кастовой принадлежности, пола или места рождения, право на свободу религии.

Рост влияния БДП стал возможным и потому, что она использовала тактику предвыборных соглашений с большим числом политических партий. На выборах 1998 г. БДП и ИНК получили примерно по 25% голосов избирателей, в то время

как последний раньше набирал до 49% голосов. Это означало, что обе партии не могли сформировать правительство без сотрудничества с другими политическими силами. Не случайно, что сразу же после получения вотума доверия в парламенте премьер-министр Ваджпай заявил, что программа правительства является результатом коллективных решений всех партий коалиции, что логично вытекает из реальности многообразной плюралистической политики Индии.

Само появление БДП во власти вызвало волну критики со стороны оппозиции. Она выразила обеспокоенность тем, что тесные связи БДП с РСС и другими членами «Семьи хиндутвы» могут привести к размыванию идей секуляризма в политике и общественной жизни страны. Руководство БДП решительно опровергало такие обвинения.

ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА

БДП и ее союзники по Национальному демократическому альянсу заявляли, что начатый Конгрессом в 1991 г. процесс реформ будет продолжен, но сами «реформы подвергнутся реформированию». Особенностью такого процесса должен стать «сильный акцент» на использование национальных ресурсов — *свадешии*. Реформы будут пересмотрены таким образом, чтобы «экономический рост измерялся категориями растущего числа рабочих мест и ликвидацией безработицы». Развитию надлежит иметь «человеческое лицо». Как говорили лидеры БДП, *свадешии* означает: «Индийцы должны быть уверены в том, что построят современную и процветающую Индию своим упорным трудом с максимальным использованием ресурсов, которые имеются у нее». *Свадешии* в конечном итоге означает разумный уровень качества жизни для всех граждан. «Индия будет построена индийцами», — было сказано в программе.

Лидеры БДП подчеркивали, что Индия располагает богатыми природными ресурсами, подготовленными техническими кадрами, крупными достижениями в науке и технологии. Но это не означало, что правительство будет проводить политику изоляционизма, а Индия превратится в своеобразный остров или запретит приток новых идей, новых технологий и иностранных инвестиций.

Программа правительства во главе с БДП предусматривала направление иностранных инвестиций в ключевые отрасли хозяйства, особенно в инфраструктуру и энергетику, а не в легкую и пищевую отрасли промышленности или в средства массовой информации. В программе был заложен определенный уровень протекционизма. Правительство исходило из того, что индийской промышленности потребуются время и всесторонняя помощь, чтобы подготовиться к вызовам глобализации. Тем более что совсем недавно местные предприниматели действовали в рамках защищенного рынка. Поэтому было бы несправедливо внезапно бросить их в конкурентную борьбу с теми, кто находился в более выгодном положении. Нужны равные стартовые условия. Особенно надежной защиты и помощи государства требовали мелкое производство и сельское хозяйство.

Руководители БДП выступали против «наводнения» индийского рынка такими товарами, которые создавали «иллюзию процветания», а на деле отвечали интересам очень узкого круга людей. Они также отрицательно высказывались о безудержном потребительстве богатых индийцев, которые игнорировали нужды 75% населения, живущего в деревнях.

Правительство во главе с БДП ратовало за освобождение экономики от государственного контроля. Вместе с тем оно считало, что в развивающемся обществе государство должно играть важную роль в социальной сфере — здравоохранении, образовании, жилищном строительстве, обеспечении населения продовольствием и питьевой водой. Была поставлена задача обеспечить продовольственную безопасность страны, подготовить Национальную хартию социальной справедливости на принципах социальной гармонии и т.п. Правительство также декларировало, что будет с «равным уважением относиться ко всем религиям на основе равенства для всех», уделять внимание вопросам развития меньшинств (речь шла, таким образом, и о мусульманах).

Коалиционное правительство считало своим высшим приоритетом вопросы обороны и безопасности для сохранения суверенитета и территориальной целостности страны. Оно заявляло, что Индия всегда выступала за мир без ядерного оружия, и поэтому требовало осуществления программы ядерного разоружения во всем мире с указанием конкретных сроков ее реализации. Вместе с тем ставилась задача пересмотреть ядерную политику Индии с учетом меняющейся обстановки в мире (об этом см. ниже).

Программные заявления НДА не могли быть полностью реализованы, так как в апреле 1999 г. один из крупных партнеров по коалиции заявил о выходе из ее состава. Правительство потеряло большинство в парламенте и при голосовании вотума доверия лишилось права на власть, недобрав всего одного голоса. С другой стороны, попытки ИНК получить большинство также не увенчались успехом. Началась подготовка к еще одним внеочередным парламентским выборам.

КУРС БДП НА БОЛЕЕ ШИРОКУЮ КОАЛИЦИЮ

За несколько недель до того, как БДП не получила вотума доверия в парламенте, в Лакхнау состоялось заседание национального исполкома РСС, в котором участвовали представители всех его «крыльев». Обсуждались вопросы, связанные с обращением индусов в другие религии, особенно в христианство, с политикой либерализации, ориентированной на экономику Запада, что, по мнению РСС, подрывает возможности местных производителей, и, наконец, вопрос о возобновлении массовых движений индусов за строительство храма бога Рамы в Айодхье.

Хотя БДП исключила из программы правительства пункт о строительстве этого храма, чтобы не вызывать возражения секуляристских партий из коалиции НДА, РСС продолжал настаивать на этом, а также на выполнении программы хиндутвы по созданию индусской нации. Более радикально настроенные шови-

нистические лидеры РСС, в том числе те, кто проводили работу среди племен, объявили о своих планах по возврату христиан в лоно индуизма. Радикалы, недовольные умеренными взглядами и действиями премьер-министра Ваджпаи, даже обсуждали вопрос о смещении его с этого поста и назначении вместо него более решительного и приверженного идеалам хиндутвы лидера.

Несмотря на это давление, руководство БДП не пошло по пути полной самоизоляции от других социальных групп и конфессий. Более того, оно поставило задачу формирования широкой коалиции, которая обеспечила бы достижение устойчивого большинства в парламенте. Так была заложена основа более широкого Национального демократического альянса. Его предвыборный манифест был документом весьма расплывчатым, сглаживающим идеологические и политические разногласия между его участниками.

Вместе с тем среди лозунгов, выдвинутых НДА на выборах, был, например, такой — запретить лицам иностранного происхождения занимать высшие посты в законодательных, исполнительных и судебных органах страны. Его цель — подорвать позиции председателя ИНК Сони Ганди (итальянки по происхождению) и ее партии на выборах.

Из всех зарегистрировавшихся на выборах 1999 г. 175 партий в парламент прошло 39. Самые крупные — Бхаратия джаната парти и Индийский национальный конгресс получили соответственно 182 и 112 депутатских мандатов. Четыре партии завоевали от 20 до 30 мест, еще пять партий — от 10 до 15, три партии — семь-восемь мест, остальные провели от одного до пяти депутатов в парламент. Всего пять депутатов были избраны как независимые.

БДП вместе с союзниками по Национальному демократическому альянсу, состоявшему из 24 партий, завоевала большинство в нижней палате — 297 мест. Таким образом, НДА получил право на формирование правительства. Уже через десять дней после выборов новый кабинет министров во главе с бывшим премьер-министром и лидером БДП Ваджпаи приступил к работе.

Политические итоги выборов не были однозначными, как это может показаться при первом рассмотрении. Хотя, по сравнению с предыдущей правящей коалицией, Национальный демократический альянс увеличил свое представительство в парламенте почти на 50 депутатских мандатов, доля избирателей, проголосовавших за него, даже несколько сократилась (на 1,5%). Сама БДП не смогла усилить свое влияние в Народной палате, получив всего лишь на одно место больше, чем в 1998 г. При этом она потеряла около 2% голосов избирателей (25,6% в 1998 г. и 23,7% в 1999 г.).

Но особенно трудное для БДП положение сложилось в крупнейшем штате Уттар Прадеш (население около 160 млн.). По сравнению с 60 депутатскими мандатами в 1998 г., на выборах 1999 г. в парламент в этом штате она получила всего 29. Это было жестоким поражением БДП, тем более что в начале 1990-х годов она смогла привлечь на свою сторону голоса подавляющего большинства населения в штате в результате организованного ею движения за строительство индуССкого храма бога Рамы в Айодхье на месте разрушенной мечети Бабура.

Определенное снижение уровня общинной риторики со стороны БДП на выборах 1999 г. с целью сохранить единство союзников по коалиции, среди кото-

рых было немало секуляристских партий, способствовало эрозии традиционного электората БДП, поддерживающего религиозно-общинные лозунги. В Уттар Прадеше борьба внутри местной организации БДП вокруг этих лозунгов, а также низкий уровень компетентности возглавляемого ею правительства штата привели к потере голосов на выборах.

После возвращения к власти в центре в 1999 г. Национальный демократический альянс во главе с БДП объявил о проведении экономических реформ «второго поколения». Была сформулирована задача «более быстрого роста, обеспечивающего занятость и справедливость». Правительство НДА, как и многие его предшественники, заявило, что бедность должна уйти в прошлое, как это произошло с рабством и колониализмом. В течение пяти лет Индия должна полностью освободиться от голода и его угрозы. Последнее заявление, конечно, было не только многообещающим и привлекательным, но и чрезвычайно ответственным. Очевидно, что за столь короткий срок решить проблемы сотен миллионов индийцев, живущих за чертой бедности, — задача архитрудная. Для этого требуется концентрация огромных ресурсов, усилий и политической воли.

Правительство вновь подтвердило свою приверженность защите отечественной промышленности. В руководстве БДП и примыкающих к ней организаций шла борьба по вопросу о путях дальнейшего развития страны, в частности по проблемам провозглашенной партией защиты отечественной о производства и на деле осуществляемой либерализации и глобализации экономики. Предлагалось также реализовать такие социально-политические мероприятия, предложенные еще предыдущим правительством НДА, как принятие поправки к конституции о предоставлении 33-процентной квоты мест для женщин в нижней палате парламента и законодательных собраниях штатов, создание специальной организации для борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти и отмыванием незаконно полученных денег, а также образование трех новых штатов — Уттаранчал, Джаркханд и Чаттисгарх. Некоторые из этих планов, включая создание новых штатов, были выполнены. Вопрос о квотах для женщин по-прежнему оставался предметом дискуссии в партиях и парламенте.

Предусмотренная программой конституционная поправка, обеспечивающая продление системы резервирования (квотирования) мест в нижней палате и в законодательных собраниях штатов для зарегистрированных каст и племен еще на десять лет с 2000 г., в первые же дни деятельности правительства НДА была представлена в парламент и принята им единогласно.

КОНГРЕСС ПРОДОЛЖАЕТ ТЕРЯТЬ ВЛИЯНИЕ

Усиление позиций БДП и НДА происходило на фоне ослабления влияния Индийского национального конгресса. Третье подряд поражение ИНК на парламентских выборах (1996, 1998 и 1999 гг.) было для него и самым тяжелым. ИНК получил рекордно низкое число депутатских мандатов в Народной палате, потеряв надежду на формирование не только однопартийного правительства, но даже и коалиции с его участием. Эта неудача Конгресса не была случайной. В течение

последних трех десятилетий складывалась устойчивая тенденция к утрате им влияния, которая приняла критический характер в 1990-е годы.

Одновременно происходил рост популярности БДП как главного политического оппонента ИНК. В отличие от Конгресса БДП в последние годы демонстрировала умение приспосабливаться к меняющимся условиям, использовала крупные тактические ошибки ИНК. После того как в апреле 1999 г. БДП и оставшиеся с ней союзники потеряли большинство в нижней палате, Соня Ганди заявила, что ее партия в состоянии сформировать правительство в парламенте того же созыва. ИНК начал переговоры с рядом партий. Одна из них, Самаджвади парти (Социалистическая партия), располагавшая 30 депутатскими мандатами, была готова поддержать правительство во главе с ИНК при условии ее участия в правительственной коалиции. ИНК же предлагал, чтобы эта партия поддержала правительство извне, т.е. не входя в его состав. Такое предложение не устроило руководство Самаджвади парти во главе с Мулямом Сингхом Ядавом, который раньше уже был министром обороны в правительстве Объединенного фронта. В конечном итоге ИНК был вынужден признать, что не располагает необходимым большинством в парламенте. Все это привело к тому, что в стране были объявлены новые парламентские выборы, которых не желала ни одна партия.

В отличие от БДП, сделавшей ставку на опытного и широко известного политического деятеля Ваджпай и заранее объявившей, что он займет пост премьер-министра в случае победы НДА на выборах, руководство ИНК так и не смогло представить избирателям своего кандидата в премьер-министры. Вполне очевидно, что Соня Ганди уступала Ваджпай по всем аспектам политической борьбы, кроме одного — она была членом семьи Ганди-Неру. Это и был тот главный аргумент, используя который ее окружение надеялось привести ИНК к победе. Конгресс делал акцент на сохранение династичности в его руководстве. Сонию Ганди представляли прежде всего как вдову убитого премьер-министра Раджива Ганди, невестку также погибшей Индиры Ганди. Этой же цели служило и участие в предвыборной гонке вместе с Соней Ганди ее взрослых детей. В то же время БДП подчеркивала в ходе избирательной кампании представительный характер возглавляемой ею коалиции.

Одним из главных результатов выборов 1999 г. было не только формирование БДП и ее союзниками политического альянса, но и попытка создания нового социального блока. Эти выборы можно рассматривать в качестве важного этапа в процессе, который сопровождался продвижением БДП к власти. В ходе этого процесса сама БДП сделала шаг, который должен был изменить облик этой партии как преимущественно опирающейся на горожан из высших каст, в сторону более широкой социальной базы — зажиточного и среднего крестьянства. Неспособность в одиночку прийти к власти вынудила БДП сотрудничать с региональными партиями, многие из которых представляли средние и даже низшие социальные/кастовые слои, группы и религиозные меньшинства.

Вместе с тем нельзя сказать, что БДП не предпринимала самостоятельных попыток получить голоса отсталых слоев населения и религиозных меньшинств. Она делала это, используя в качестве предвыборного механизма возможности

Национального демократического альянса. Так, она заявляла, что если НДА придет к власти, то его правительство примет соответствующую поправку к конституции страны, которая обеспечит справедливость в отношении меньшинств, *далитов* и других бедняков, и проложит путь к их активному участию в развитии страны. Это предлагалось в качестве приоритетного направления в программе НДА.

Тем не менее результаты выборов 1999 г. свидетельствовали, что БДП пользовалась влиянием в основном среди высших и богатых слоев населения, в то время как ее союзники по коалиции — в средних слоях.

Партийно-политические предпочтения электората в зависимости от других социальных факторов также представляли определенный интерес. Так, просматривалась тенденция голосования за БДП более образованной части населения. В свою очередь, ИНК пользовался влиянием среди избирателей, имеющих средний уровень образования, и меньшей поддержкой у остальных. Приблизительно так же обстояло дело и у левых партий.

Еще один важный момент — распределение голосов избирателей среди партий в городах и сельской местности. Со времени своего создания Бхаратия джана сангх, а затем его преемник БДП пользовались большей поддержкой среди горожан, чем среди деревенских жителей. Эта модель электорального поведения существенно изменилась в последние годы, в том числе и на выборах 1999 г. БДП заметно упрочила свою социальную базу в деревне, где проживает около трех четвертей населения. На выборах 1999 г. она получила 73% всех завоеванных ею голосов именно в сельской местности. Это лишь немногим меньше, чем у ИНК. По существу, можно говорить о том, что фактор урбанизации не влиял на позиции БДП среди электората.

ИНК в этом отношении оказался на прямо противоположных позициях. Если два-три десятилетия назад он пользовался самым большим влиянием в деревне, то к концу 1990-х годов оно заметно ослабло. Это в определенной мере связано с тем, что некоторые региональные партии, в том числе левые, усилили свои позиции в деревне, одновременно утратив поддержку горожан (например, в Западной Бенгалии).

В Индии возрастной фактор не играл сколько-нибудь заметной роли при определении избирателями политических предпочтений. Однако политический взлет БДП в последние годы привнес заметные изменения. На выборах 1999 г. БДП получила среди молодежи на 4% больше голосов, чем у людей старшего возраста. В свою очередь, ИНК несколько утратил влияние среди молодого поколения. На выборах 1996 г. число поданных за него голосов молодежи было всего на 2,5% больше, чем число голосов пожилых людей, а на последних выборах этот разрыв почти полностью исчез. Очевидно, что молодежь больше, чем другие возрастные группы, стремилась к переменам. Впрочем, и в прошлом БДП пользовалась относительно большим влиянием среди молодежи, а ИНК — среди людей среднего возраста. Левые партии также имели несколько меньшую поддержку у молодежи.

Еще одна существенная особенность в поведении индийского электората: традиционно женщины отдавали ИНК на 5–6% голосов больше, чем мужчины.

Среди факторов, которые способствовали высокому уровню влияния ИНК среди этой части избирателей, были конгрессистские программы по улучшению положения женщин и то, что в течение 18 лет партию возглавляла Индира Ганди. Потеря политических позиций ИНК в 1990-е годы привела к заметному оттоку от него женщин. Однако в конце 1990-х годов ИНК вновь начал усиливать позиции среди них. В 1999 г. за него голосовало на 5% больше женщин, чем мужчин.

В то же время влияние БДП среди женщин было много слабее, чем среди мужчин. На выборах 1998 г. за нее голосовало на 4,7% меньше женщин, чем мужчин, а на выборах 1999 г. этот разрыв еще больше увеличился. Среди причин можно назвать определенную патриархальность идеологических воззрений БДП и примыкающих к ней организаций.

В целом результаты выборов 1999 г. свидетельствовали о крупных изменениях в жизни индийского общества. За десятилетия пребывания ИНК у власти с 1947 г. был создан средний класс (в конце XX в., по разным оценкам, он составляет 200-250 млн. человек). Рост благосостояния этой части населения — торговцев, чиновников, учителей, студентов, зажиточного крестьянства — сопровождался повышением их культурных запросов. Большинство из них ориентировалось на традиционные индийские, а точнее, индуские культурно-религиозные ценности. Усилению позиций БДП способствовало размывание идей социально-политического развития, являвшихся частью концепции демократического социализма, социальной справедливости и секуляризма, связанной с Конгрессом. Это во многом определялось ростом влияния окрепшего среднего класса и крупной буржуазии.

Принятие в 1990 г. правительством Национального фронта во главе с премьер-министром В.П. Сингхом рекомендаций комиссии Б.П. Мандала по улучшению положения «отсталых классов» граждан (квотирование мест в государственных учебных заведениях, учреждениях и на предприятиях) вызвало недовольство со стороны зажиточных слоев, представленных в основном высшими кастами. БДП и стоящие за ней индуские религиозно-общинные организации активно использовали это недовольство. Для этой цели была реанимирована долго прозябавшая втуне идея строительства храма бога Рамы в Айодхье, что, как отмечалось ранее, принесло крупные дивиденды БДП и усилило ее влияние среди индусов. В целом *хиндутва*, как одна из форм религиозного фундаментализма, охватила значительную часть высших и средних слоев общества, включая бизнес, бюрократию и интеллигенцию. В то же время часть средних слоев, большинство отсталых, малоимущих и неимущих групп населения остались вне влияния идеологии *хиндутвы*. Произошло также дальнейшее отчуждение от БДП мусульман.

Приход БДП к власти возвестил начало новой эпохи в политической истории современной Индии. Усиление ее влияния связано не только с использованием этой партией традиционных инструментов воздействия на массы, но и с тем, что она умело приспособилась к происходящим в обществе и мире переменам, сочетая старые и современные методы партийно-политической борьбы с учетом специфики индийского общества.

Национальный демократический альянс под руководством БДП не представлял собой достаточно прочную и устойчивую структуру, а скорее был результатом партийно-политической борьбы за власть. Социально-политические группировки, объединившиеся под политическим патронажем БДП, испытывали серьезные трудности в отношениях друг с другом. Не в последнюю очередь будущее БДП определялось действиями оппозиции, главным образом Индийского национального конгресса, который сохранял большое влияние, особенно в штатах. Оппозиции удалось объединиться, и соотношение политических сил в стране изменилось не в пользу БДП и НДА.

ИНДИЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

После распада СССР в Индии развернулась дискуссия о судьбах социализма, об актуальности идей социальной справедливости. При этом нужно учесть, что индийцы давно разглядели и осудили такие пороки советской модели социализма, как диктаторское подавление прав и свобод человека, репрессии, отсутствие демократических политических институтов и т.д. Неру писал в 1930-е годы, что социализм и марксизм стали символом стремления к социальной справедливости и пользовались огромным влиянием в массах. Человечеству, полагал он, нужна вера в «достойный идеал» для того, чтобы сделать жизнь осмысленной и сплотить всех вместе, нужно «чувство цели», выходящее за пределы материальных потребностей ежедневной жизни. Однако, оценивая достижения советской власти, Неру уже в 1939 г. отмечал, что в практике советского социализма обозначилась тенденция к созданию своих собственных догм. «Коммунисты стали метафизиками нынешней эпохи», — отмечал он.

Подобные высказывания многих крупных индийских политических, общественных и культурных деятелей задолго до разоблачения культа личности Сталина свидетельствуют о несогласии и неприятии ими пороков советского социализма и стремлении избежать их. Дебаты по вопросам социальной справедливости и равенства, остро актуальные для Индии и вчера и сегодня, по существу, шли и идут в рамках демократического развития страны и неприемлемости диктатуры. В своей политической практике, государственном и общественном строительстве эта страна использовала также методы, основанные на некоторых традиционных особенностях индийского общества.

Дистанцирование индийских лидеров от советской модели социализма было вполне очевидным. Оно касалось всех сторон общественно-политической и экономической жизни. Сами лозунги и программы доминирующей партии — Индийского национального конгресса о путях развития страны убедительно свидетельствуют об этом. Главным в них была приверженность Индии принципам демократического развития при сохранении разных форм собственности, и прежде всего частной собственности на землю.

Индийский социализм не привел к переделу собственности или к ее экспроприации, как это было в СССР. Он, скорее, использовал государственный сектор экономики для ее роста, чтобы обеспечить подъем всего общества и его наиболее

слабых слоев. Индийская общественная и политическая элита всегда уделяла много внимания сохранению социальной стабильности в обществе, тем более что опыт политических и социальных потрясений в первой половине XX в., особенно раздел Индии в 1947 г. и сопутствующие ему события, был ярко запечатлен в национальной памяти.

Именно этой стабильности и отвечал лозунг социальной справедливости. Его реализация в конкретных программах (ликвидация нищеты, неграмотности, распределение земель среди бедноты и т.д.) не только способствовала известному подъему низов и давала им надежду на лучшее будущее, но и помогала созданию определенной социальной и политической устойчивости общества. В этом смысле идеи социальной справедливости и равноправия в Индии безусловно сыграли положительную роль. Однако это не означало, что в Индии не было альтернативных идей развития. Справа их выдвигали партии и силы, которые выступали за более решительное создание институтов и механизмов частного предпринимательства, за отказ от лозунгов и программ, ориентированных на достижение социальной справедливости. Левые силы, напротив, требовали резко усилить акцент на социальном равноправии, распределительной справедливости.

Принципиальное отличие индийского опыта общественного развития от российского революционного опыта 1917 и 1991 гг. состоит в том, что он был прежде всего эволюционным и демократическим. Индия вела поиски на основе собственных исторических традиций. Индийцы брали лучшее у других (например, демократическое устройство) и осторожно, не форсируя, встраивали это лучшее в свою систему ценностей, придавая ему национальное своеобразие. При этом они постоянно реагировали на сигналы снизу, на то, как воспринимает общество новые элементы социального устройства, не отторгает ли оно их. Далекое не все получалось гладко и спокойно, да и не могло получиться, если принять во внимание масштабы страны и огромный объем сложнейших проблем, стоявших перед ней во время перехода из феодально-колониального состояния в иное качество, связанное с достижением независимости и строительством современного демократического государства.

В основе индийской модели развития лежали жизненные реалии и приспособленный к ним комплекс идей демократии и социальной справедливости. Эти идеи не были прямым заимствованием из опыта европейских социалистов или Советского Союза. И чем больше страна продвигалась по пути независимого развития, тем больше эти идеи реформировались в своеобразный сплав индийского социализма, национализма и западного либерализма. Сам Неру считал социализм во многом развитием политических принципов либерализма.

Политические партии и группы, выдвигавшие социалистическую идею в своих программах, рассчитывали на привлечение на свою сторону огромных масс социальных низов. Благодаря приверженности этой идее и определенной реализации на практике идеалов социального равенства Индийский национальный конгресс смог в течение четырех десятилетий после достижения независимости страны почти безраздельно господствовать на политической арене. Важнейшей особенностью конгрессистского социализма было несогласие с теорией классов-

вой борьбы. Он также отвергал возможность конфискации частной собственности как противоречащей принципам ненасилия (хотя по этому вопросу в партии шла острая дискуссия), отрицал любую диктатуру, утверждал использование демократических методов и решение проблем мирными средствами, эволюционным путем.

На сложную идеологическую и политическую борьбу вокруг идеи о путях развития Индии оказывали влияние разные силы. Прежде всего, силы внутри страны — конгрессисты, конгресс-социалисты, коммунисты, другие партии социалистического толка, а также партии и группы, которым была чужда идея социализма. Существовало и мощное внешнее влияние — опыт социалистической революции в России, достижения и жертвы советского строительства в СССР, успехи и кризисы капиталистического мира, колониализм и империализм. Под воздействием этих сил, а также менявшихся условий в стране и мире эволюционировала и сама социалистическая идея.

Для Индии эта идея выражалась в социальной справедливости и равенстве, на основе которых, как говорил Неру, можно «покончить с нищетой, массовой безработицей, деградацией и угнетением индийского народа». Отвечая на вопрос, каким образом социализм утвердится в Индии, он заявлял, что его страна «вырабатывает свои собственные методы и может приспособить эту идею к гению народа». Неру подчеркивал необходимость установления социализма мирным путем, без насилия и диктатуры, на основе демократии. Эти поиски привели его к концепции «среднего пути», которая нашла свое выражение в теории и практике смешанной экономики. Неру полагал, что в такой слаборазвитой стране, как Индия, нельзя добиться прогресса без государственного сектора и контроля над частным сектором в наиболее важных сферах.

Позже И. Ганди заявляла, что национальное движение в Индии связано с определенной целью, а не с какой-либо доктриной. Этой целью является модернизация общества без утраты индийской индивидуальности; развитие и интеграция промышленности и сельского хозяйства с современной наукой и технологией; подъем масс и ликвидация архаичной, иерархической системы с ее дискриминацией и эксплуатацией. В экономической области Индия не могла полагаться только на частные предприятия и игру рыночных сил, а должна установить социальный контроль над ключевыми отраслями экономики и осуществить экономическое планирование, которое отвечало бы уровню достигнутого развития, его целям и задачам. Индийский социализм не был готовой идеологией, а представлял собой гибкую концепцию.

В индийском контексте это означало, что государство должно взять на себя обязательство ликвидировать нищету, инициировать шаги по увеличению производства, модернизировать экономику путем создания государственных предприятий в ключевых отраслях, уменьшить неравенство, в том числе историческое, между различными классами и регионами, обуздать рост монополий. Социализм в Индии предполагал определенные ограничения на право частной собственности, но не его отмену. И только там, где право собственности вступало в конфликт с общественной целью, преимущество должно быть у последней.

В годы пребывания И. Ганди у власти концепция смешанной экономики получила свое дальнейшее развитие. Сутью смешанной экономики была необходимость уходить от экстремальных проявлений идеологий, капиталистической или какой-либо другой. Смешанная экономика представляла собой третью альтернативу, при которой общественная собственность и контроль распространялись на жизненно важные сферы экономики, но при этом сохранялся свободный рынок. При этом достижение социальных целей не являлось антитезой существованию частного сектора. И. Ганди считала, что нерегулируемое экономическое развитие могло бы привести к концентрации богатства и доходов в одних руках. Поэтому государство должно управлять национальными ресурсами. Касаясь аграрных реформ как главного направления деятельности государства, она исходила из того, что их осуществление должно прежде всего решить проблемы бедности и социальной справедливости в деревне. Для этого требовалась выработка своеобразного «Нового курса» в деревне, чтобы покончить с нищетой. Выступая за социальную справедливость и равенство, И. Ганди подчеркивала, что она против «распределения бедности», что сначала надо производить и только затем распределять.

Проведение некоторых мероприятий, предусматривавших социальную защищенность малоимущих слоев, продолжалось и при правительствах Раджива Ганди и Нарасимхи Рао.

Вряд ли можно говорить о какой-то единой индийской концепции социализма. Ее толкования широко варьируются в зависимости от партийной принадлежности тех, кто выступает с лозунгами социальной справедливости, равноправия, защиты интересов социальных низов. Важно отметить при этом несколько существенных моментов. Первый — эти лозунги падают на благодатную почву в стране, где около трети населения живет на грани или за гранью бедности. Второй — индийский социализм (мы используем этот термин только для обозначения круга идей, так или иначе имеющих отношение к этому направлению общественной мысли, а не реальной политики в стране) тесно увязывался с демократией, с ненасильственными методами борьбы за преобразование общества (исключение составляли сравнительно малочисленные левозкстремистские группировки). Третий — идеи социальной справедливости учитывали исторический опыт и традиции страны, хотя и не без влияния извне. И четвертый, очень существенный, — это развитие носило эволюционный характер.

Немалое значение имела деятельность возглавляемых коммунистами леводемократических правительств в ряде штатов. В Керале они находились у власти в общей сложности более 20 лет, в Западной Бенгалии — более 25 лет, в Трипуре — более 10 лет. Действуя в основном в русле общедемократических мероприятий, провозглашенных индийским правительством в центре, правительства этих штатов, созданные на массовой социально-классовой базе, сосредоточили свое главное внимание на улучшении положения широких слоев населения. Используя органы местного самоуправления, они смогли в определенной мере изменить расстановку социально-политических сил в пользу бедноты. В процессе конструктивной работы индийские левые смогли прийти до деревенских низов.

Деятельность леводемократических коалиционных правительств существенно расширила участие обеих компартий в национальной жизни страны, дала им возможность более полноценно проявить свой независимый общественно-политический потенциал в рамках конституции страны.

Крах КПСС и всей политической системы в бывшем СССР вызвал острую реакцию со стороны индийских левых партий. Анализируя причины этих событий, руководство компартии Индии заявило, что созданная в Советском Союзе административно-командная система привела к отчуждению трудящихся от средств производства и продуктов их труда, а слияние функций партии и государства способствовало тому, что «меньшинство и даже отдельные личности осуществляли диктатуру над большинством». В период перестройки не были созданы условия для демократического обновления и очищения КПСС. Все это привело к потере доверия к партии в массах. А августовский путч 1991 г. довершил этот процесс.

Вместе с тем представители коммунистических и других левых партий Индии считали, что крах государственного коммунизма в СССР не означает конец социализма. Они полагали, что обновленный социализм, свободный от тоталитаризма, а также от моральной ущербности капитализма, в состоянии создать общество, свободное как от оков бюрократического государства, так и жестокого духа потребительства. Они признавали, что крушение КПСС подвергло эрозии привлекательность коммунистических лозунгов. Но в конечном итоге успех любого политического движения, заявляли они, решающим образом зависит от внутренних условий каждой конкретной страны. В связи с этим индийские коммунисты напоминали, что после раскола в мировом коммунистическом движении, вызванного разногласиями между КПСС и компартией Китая, они не стали искать совета вовне, а повернулись лицом к проблемам своей страны.

Социализм, по мнению представителей индийских левых и левоцентристских партий, продолжает оставаться альтернативой капитализму, поскольку последний не в состоянии решить ряд принципиальных проблем, в том числе проблему социальной защиты низов. Несмотря на то что в последние годы эти проблемы во многом смягчены, в том числе и в наиболее развитых капиталистических странах, они тем не менее продолжают реально существовать. И если социализм потерпел крах в СССР, то это не означало, что он не возродится в будущем в иных формах, прежде всего в развивающихся странах.

Левые партии Индии переживали непростой период адаптации к изменившимся в конце XX в. условиям как в стране, так и за рубежом. От того, какие ответы на эти вызовы времени найдут индийские левые, во многом зависит судьба их движения.

Характерно, что все другие крупные национальные партии Индии, не говоря уже о левых, в той или иной форме выдвигали идеи социальной справедливости и равенства. Интересна в этом контексте позиция Бхаратия джаната парти, стоявшей на правом фланге индийской политики. Она выступала с лозунгом «Справедливость для всех», призывала оказать помощь социальным низам, чтобы они могли участвовать в процессе развития на основе равенства. Отрицая социализм

как систему управления, БДП тем не менее не отказывалась от некоторых социалистических идей. Это нашло выражение и в том, что она даже не декларировала своей целью изменение конституции, в которой Индия провозглашалась социалистической, секулярной, демократической республикой.

Значение идей социальной справедливости в политической жизни Индии весьма наглядно проявилось в судьбе партии «Сватантра», которая создавалась в конце 1950-х годов как партия предпринимателей, чуждая принципам социального равноправия. Она не встретила поддержки у индийских избирателей и через несколько лет прекратила свое существование.

Индийский опыт смешанной экономики при регулирующей деятельности государства свидетельствовал о том, что государство не препятствовало развитию капиталистических отношений. Созданные им предприятия государственного сектора не были социалистическими, а являлись частью системы государственного капитализма. Вместе с тем проводимая государством политика социальной справедливости и равенства, с одной стороны, обеспечивала определенную защиту интересов наиболее бедных слоев населения, а с другой — в какой-то степени снимала острую в отношениях между богатыми и бедными, способствовала предотвращению социальных взрывов, способных расколоть общество. А если учесть, что решение всех этих сложнейших задач осуществлялось демократическими методами, то этот опыт, затрагивающий миллиард человек, представлял немалый интерес для теории и практики общественного развития.

Однако некоторые специалисты утверждали, что относительно низкие темпы развития Индии за годы независимости были связаны с тем, что, стремясь воплотить принципы социальной справедливости в жизнь, государство сдерживало модернизацию страны. Проблема не так проста. Проводя такую политику, Индия обеспечила пусть замедленный, но достаточно устойчивый рост благосостояния народа, развитие всего общества и избежала крупных социальных потрясений, которые вполне были возможны в условиях обездоленности огромных масс населения. У индийского государства просто не было иного выбора: слишком велики были масштабы и острота этих проблем, чтобы стоять в стороне от них и ждать, пока они разрешатся «естественным способом» при помощи игры рыночных сил.

Выбрав определенную модель развития, духовная и политическая элита Индии никогда не прекращала дальнейших поисков путей решения как доставшихся от прошлого проблем, так и новых вызовов времени. Главным в этих поисках была не приверженность какой-то идеологии, а способность общества и правительства на базе той или иной модели решить их.

Возможно, наилучшим образом этот подход был сформулирован Неру: «Если мы в конечном итоге не решим базовых проблем обеспечения населения продовольствием, одеждой, жилищем и т.п., то совершенно неважно, как мы будем называть себя — капиталистами, социалистами, коммунистами или еще кем-то. Если мы не выполним эту задачу, то будем сметены, а вместо нас придет кто-то другой».

ИТОГИ РАЗВИТИЯ ИНДИИ К КОНЦУ XX в.

Созданная за полвека независимости Индии смешанная экономика с крупным государственным сектором способствовала формированию относительно развитой инфраструктуры, а также заметному продвижению по пути решения социальных вопросов. Важной частью деятельности государства стали аграрные реформы, в ходе которых произошло определенное перераспределение земель на основе частного владения и аренды в пользу тех крестьян, которые совсем не имели земли или располагали небольшими участками. Индии удалось создать основные отрасли современной промышленности, достичь высокой степени экономической самостоятельности, подготовить квалифицированные кадры ученых, специалистов, инженеров, рабочих. В городе и деревне возник достаточно крепкий средний класс, который стал оказывать растущее влияние на политический и экономический курс страны. Расширились торгово-экономические, научно-технические связи Индии со многими странами и регионами мира.

По оценке Всемирного банка, используемая Индией модель экономического развития в период, предшествовавший либерализации начала 90-х годов, была достаточно успешной. Это нашло выражение не только в ликвидации угрозы голода и снижении уровня бедности, но и в создании диверсифицированной индустриальной базы, относительно крупного и развитого финансового сектора. В предреформенной Индии удавалось сохранять инфляцию на низком уровне, не допускать невыплат по иностранным долгам. Несмотря на высокую степень государственного регулирования, частный сектор стал важной частью экономики. Эти успехи, несмотря на их относительность, были достигнуты в условиях очень сложного общества, разделенного по этническому, лингвистическому, религиозному и кастовому признакам. И все это осуществлялось демократически избранными правительствами.

За десятилетие (1980–1990) темпы развития Индии заметно ускорились, ежегодный рост ВВП составил в среднем 5,8%. К началу 1990-х годов в Индии была создана весьма стабильная политическая и экономическая система. Не без труда, но достаточно успешно она амортизировала толчки и удары, порой очень жесткие и болезненные, в разных сферах общественной, политической и экономической жизни. Эта система опиралась на такие базовые ценности, как демократия, политический плюрализм, смешанная экономика, социальная справедливость. При этом идеологические ориентиры этой системы ценностей были весьма размытыми, а иногда внешне даже противоречивыми. Но, может быть, именно в этих нечетких идеалах и была сила Индии, которая синтезировала в них как свои традиции, так и определенные достижения современного развития человечества.

Вместе с тем в конце 1980-х годов стали появляться и негативные тенденции, которые выразились в антиэкспортном торговом режиме, жестком протекционизме национальной промышленности, сокращении государственных накоплений, росте финансового дефицита. Эти и другие трудности привели к увеличению внешнего долга Индии с 23 млрд. долл. в 1980/81 г. (12% ВВП) до

82 млрд. долл. в 1990/91 г. (24% ВВП), а расходов по его обслуживанию за этот же период — с 10 до 30% текущих доходов.

Все это сопровождалось неблагоприятными внешними факторами, одним из которых был очередной нефтяной кризис, последовавший за войной в Персидском заливе в начале 1991 г. В итоге в Индии разразился острый финансовый кризис. Имевшиеся к середине 1991 г. валютные резервы в 1 млрд. долл. были в состоянии покрыть только двухнедельный импорт товаров. Международные коммерческие банки отказывались предоставлять Индии новые кредиты, началось бегство капитала из страны, которая могла получать кредиты только в обмен на золото. Ситуация осложнялась из-за нехватки товаров первой необходимости, роста инфляции (до 16% в год). К тому же конец 1980-х — начало 1990-х годов были отмечены определенной политической нестабильностью, связанной с частыми сменами правительства.

Преобразования в Индии в 1990-х годах продолжали и развивали то лучшее, что было завоевано раньше, а не проходили под лозунгом отказа от прошлого. По-прежнему правительство делало главную ставку на внутренние ресурсы страны. Вместе с тем наблюдался отход от прежней социальной политики, от понимания того, что такая политика является не менее важным элементом преобразований, чем сами рыночные реформы, что экономический рост сам по себе не может обеспечить стабильного развития общества. В итоге реформы не привели к радикальному улучшению положения большинства народа.

Тем не менее за полвека независимого развития Индия проделала большую работу по преобразованию колониальной социально-экономической структуры в государственно-капиталистическую на основе смешанной экономики, содержащей важные элементы социальной защиты населения. Это обеспечило эволюционное, поэтапное развитие, без взрывов и потрясений в стране с крайней социально-экономической отсталостью, огромной безработицей и нищетой большей части населения.

В последнее десятилетие XX в. быстрыми темпами развивались наукоемкие отрасли, особенно программное обеспечение, производство которого в 2000 г. составляло 6 млрд. долл., при этом большая его часть экспортировалась. К 2008 г. планировалось увеличить экспорт программного обеспечения до 50 млрд. долл. ежегодно.

Модернизация производства, ускорение темпов экономического роста способствовали повышению жизненного уровня населения страны. С 1951 по 1996 г. доход на душу населения увеличился более чем в 2,5 раза, уровень грамотности с 1951 по 2001 г. вырос с 18,3 до 65,2%. Ожидаемая продолжительность жизни с 1951 по 1996 г. увеличилась с 32,1 до 62,4 года. За этот же период произошло заметное снижение рождаемости — с 39,9 до 27,4 и смертности с 27,4 до 8,9 (на 1 тыс. чел.). Только с 1973 по 2001 г. доля населения за чертой бедности сократилась, по некоторым данным, с 54,9 до 26,1%.

При этом в отдельных штатах показатели человеческого развития во многом приблизились к среднеевропейским. Так, в Керале ожидаемая продолжительность жизни составила более 73 лет (2001 г.), грамотность — более 90%

(2001 г.), рождаемость — 13 чел. (на 1 тыс. чел., 1996 г.), смертность — 6,2 чел. (на 1 тыс. чел., 1996 г.). Таким образом, в самой Индии были целые регионы, на которые могли ориентироваться и равняться другие штаты.

И тем не менее масштабные социальные проблемы во многом продолжали сдерживать поступательное развитие Индии. В абсолютных цифрах число бедных составляло к концу XX в. более 250 млн. человек, неграмотных — почти 1/3 населения. Проблема ликвидации бедности и улучшения условий жизни выдвигалась государством на первый план. В качестве главной задачи девятый пятилетний план (1997/98–2001/02) ставил обеспечение экономического роста в условиях справедливости и равенства.

СВЯЗИ С ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРОЙ

Особое внимание Индия уделяла укреплению связей с 20-миллионной индийской диаспорой в разных странах мира. Самая крупная и динамичная индийская диаспора была сосредоточена в США. В конце XX в. она насчитывала до 2 млн. человек. Среди них — врачи и юристы, университетские преподаватели, программисты, бизнесмены, связанные как с высокими технологиями, так и с более «земным» бизнесом — торговлей, финансами, содержанием гостиниц, мотелей, ресторанов, аптек и т.п. В целом индийская община сумела утвердить себя как трудолюбивая, законопослушная, благополучная, зажиточная часть американского общества, пользующаяся заметным авторитетом среди представителей разных этносов и культур.

Первая большая волна индийских иммигрантов прибыла в Америку в середине 1960-х годов. Тогда в США выявилась острая нехватка врачей, так как многие из них были призваны обслуживать огромный контингент американских военнослужащих во Вьетнаме. Власти США в поисках медиков обратили свой взор на Индию, которая была широко известна квалифицированными врачами, завоевавшими авторитет во многих странах, в первую очередь в Великобритании. К тому же они знали английский язык. За индийскими врачами последовали представители других профессий и специальностей, преимущественно люди с высшим образованием, многие из которых имели ученые степени и звания. Вторая крупная волна индийской иммиграции в США была связана с развитием информационных технологий, программного обеспечения для компьютеров. Ее пик пришелся на 1990-е годы.

Наибольшего успеха американские индийцы добились в информационных технологиях. Созданные ими компании в этом секторе оценивались более чем в 300 млрд. долл. Только в Силиконовой долине в Калифорнии насчитывалось более тысячи индийских миллионеров. Большинство из них было занято информационным бизнесом. Деятельность преуспевающих индийцев в Америке не ограничивалась только информационными технологиями. Среди них были крупные менеджеры, банкиры, брокеры, главы фирм.

Успехи индийских иммигрантов в США прямо связаны с достижениями самой Индии в области высшего образования, в том числе в математике, науко-

емких высоких технологиях. Индийцы-иммигранты использовали этот потенциал, подключая к работе в своих компаниях инженеров, живущих в Индии.

Развитие высоких технологий в Индии сопровождалось созданием многочисленных фирм, преуспевающих на этом поприще. Своя индийская «Силиконовая долина» появилась в Бангалоре, штат Карнатака. Успехи Индии в этой области нашли выражение в том, что в конце 1990-х годов 140 из 500 крупнейших компаний мира использовали индийское программное обеспечение.

Вместе с тем большинство американских индийцев были заняты обычными делами, нужными каждой стране и каждому городу. Они присутствовали во многих сферах американской деловой и общественной жизни. И тем не менее сохранились специфические области приложения их труда и таланта. Во многом они связаны с традиционными занятиями их семей в самой Индии. Так, приверженцы учения Махавиры джайны принесли на свою новую родину изготовление и торговлю ювелирными изделиями — одно из традиционных занятий, которыми они славились в течение многих веков. Высокий профессионализм в этом бизнесе позволял им успешно конкурировать с другими предпринимателями.

Склонность индийцев к занятиям юриспруденцией помогала им достаточно свободно ориентироваться в американском законодательстве. А сами индийцы в США охотнее прибегали к услугам именно своих соотечественников — адвокатов, без которых в этой стране не ступишь и шагу. Особенным успехом пользовались индийские юристы, специализирующиеся на вопросах, связанных с иммиграцией.

Одна из сфер, в которой американские индийцы успели проявить себя как умелые бизнесмены, — обслуживание мотелей и небольших гостиниц. Многие из мотелей в ряде районов страны принадлежали индийцам, которые нередко управляли ими на основе своеобразного «семейного подряда». Не прибегая к наемному труду, большая семья, в состав которой входят не только родители, но и несколько женатых сыновей с женами и детьми, полностью обеспечивала обслуживание клиентов и поддержание порядка в мотеле или гостинице. Все работали, не считаясь со временем и выходными днями, но зато весь доход шел в общую семейную копилку и активно использовался для расширения бизнеса.

В условиях гетерогенного американского общества с его огромным многообразием, каждая составная часть которого так или иначе гордилась своим историческим прошлым, совершенно нормальным было подчеркивание духовной или семейно-родственной связи с исторической родиной. Это касалось всех — британцев, ирландцев, немцев, китайцев, русских (под которыми понимались все выходцы из СССР и России) и др.

Индийцы не были исключением, тем более что за их спиной тысячелетняя, огромная и многообразная культура и цивилизация. Обращение индийских иммигрантов к своим корням выглядело вполне естественным и логичным и в условиях сегодняшней Америки не вызывало недоуменных вопросов.

Постоянная связь с исторической родиной индийской диаспоры поддерживалась и большим интересом к Америке со стороны индийских бизнесменов, общественных и культурных деятелей, а также политиков. Они использовали контак-

ты с индийскими американцами для развития деловых, культурных и политических отношений с США. Ежегодно индийские американцы переводили миллиарды долларов в Индию. Индийская диаспора была важным инструментом укрепления связей между двумя странами. Индийские общины в Америке достаточно успешно лоббировали свои интересы, а в более широком плане — интересы Индии как на местах, так и в национальном масштабе.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В первые годы независимости внешняя политика Индии формировалась под большим влиянием внутренних факторов. Они были связаны с решением масштабных задач строительства независимой страны, в первую очередь ликвидации массовой бедности и неграмотности, создания промышленной и аграрной инфраструктуры, обеспечивающей поступательное развитие Индии. Во внешней сфере это были поиски и определение достойного места страны в мире после окончания Второй мировой войны и крушения мировой системы колониализма, что обеспечило бы Индии благоприятные внешние условия для устойчивого стабильного развития. В итоге первое правительство во главе с Неру выработало принципиально новую концепцию позитивного нейтралитета, фундаментом которой стало неприсоединение Индии к двум противостоящим мировым блокам, возглавляемым СССР и США. Это была активная, далекая от изоляционизма политика, суть которой состояла в поддержке национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, в защите интересов стран «третьего мира».

Проводя этот «курс Неру», Индия динамично выступала за прекращение войн и конфликтов в Корее, Индокитае, против создания военных блоков и баз, пребывания иностранных войск на территориях других государств. Все это создавало определенные сложности в отношениях с западными странами, в том числе с США. Тем более что начиная с середины 1950-х годов Индия взяла курс на проведение масштабного сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами, включая КНР.

Важной вехой на этом пути стало подписание в 1954 г. индийско-китайского соглашения по Тибету, в преамбуле которого были изложены пять принципов мирного сосуществования — *панча шила*. Однако бегство из Тибета далай-ламы и его сторонников в Индию в 1959 г. вызвало серьезные осложнения в отношениях между Индией и Китаем. В октябре 1962 г. начались крупные военные столкновения на индийско-китайской границе.

Ситуация еще более усугубилась после начала «великой культурной революции» в Китае, которая сопровождалась ростом антииндийских настроений. Положение осложнилось из-за сближения КНР с Пакистаном, что затруднило достижение индийско-пакистанского соглашения по Кашмиру.

С конца 1950-х годов стало активно развиваться масштабное торгово-экономическое, техническое, военное и культурное сотрудничество между Индией и Советским Союзом. Важным шагом в этом направлении было подписание

9 августа 1971 г. Договора о мире, дружбе и сотрудничестве. Это оказало сдерживающее воздействие как на Китай, так и на Пакистан.

Во время индийско-пакистанского вооруженного конфликта в декабре 1971 г. Китай воздержался от военного вмешательства в него. Тогда же в Бенгальский залив был направлен отряд кораблей 7-го флота США во главе с авианосцем «Энтерпрайз» для демонстрации силы в поддержку Пакистана. Однако на этом участие Америки в этих событиях и ограничилось.

Поражение Пакистана в конфликте 1971 г. и образование суверенного государства Бангладеш коренным образом изменили ситуацию в Южной Азии в пользу Индии. В июле 1972 г. на переговорах в Симле (Индия) между И. Ганди и президентом Пакистана З.А. Бхутто было достигнуто соглашение, в соответствии с которым в основном был урегулирован круг вопросов, связанных с вооруженным конфликтом, — демаркация линии контроля в Кашмире, отвод войск и т.д. Было также решено, что все проблемы между обеими странами должны решаться путем мирных переговоров на двусторонней основе без вмешательства других держав².

Пропакистанская позиция США во время военного конфликта между Индией и Пакистаном привела к ухудшению индийско-американских отношений. В 1960–1970-х годах Индия осуждала политику США во Вьетнаме, действия Израиля против арабских государств.

В 1974 г. Индия провела испытание ядерного устройства, что фактически было вызвано испытанием ядерного оружия Китаем в 1964 г. Индия рассматривала свою безопасность с учетом военного потенциала и ядерных арсеналов Китая, а также военной мощи Пакистана и его ядерных возможностей. Руководство Индии заявляло, что оно преследует мирные цели, и подтвердило свою приверженность всеобщему разоружению, в том числе ядерному.

Вместе с тем Индия отказалась присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который вступил в действие в 1970 г. Она считала его дискриминационным. Этот договор был подписан 62 государствами, включая три ядерных — США, СССР и Великобританию. Две ядерные державы — Китай и Франция тогда не подписали его (они сделали это в 1990-х годах). Пакистан также отказался присоединиться к договору.

Позже Индия неоднократно выступала с инициативами по всеобщему разоружению. В 1982 г. она выдвинула конкретную программу действий в этой области. А в 1988 г. выступила с всеобъемлющей программой разоружения, включая уничтожение всех видов ядерного оружия до 2010 г. Несколько раньше, в 1986 г., Индия и СССР выступили с совместной Делийской декларацией о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, в которой предлагалось произвести полное уничтожение ядерных арсеналов до конца XX в., полное запрещение испытаний ядерного оружия, запрещение химического оружия и его запасов, снижение уровня обычных вооруженных сил.

В 1995 г. в связи с истечением срока ДНЯО была проведена конференция по его пересмотру и продлению. На ней было принято соглашение о бессрочном

² Подробнее об этом см. гл. 24 «Пакистан» в настоящем издании.

и безусловном продлении договора. В соответствии с ним пять великих держав продолжали сохранять ядерное оружие, а остальные страны брали на себя обязательство не создавать его. Договор одобрили 176 государств, а 12 стран отказались присоединиться к нему. Среди них — Индия, Пакистан и Израиль.

В 1996 г. Индия отказалась подписать и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, считая, что он навеки закрепляет монополию пяти держав на обладание этим оружием, является дискриминационным и неравноправным по отношению ко всем странам, за исключением ядерных держав. Индия также заявляла, что она должна сохранять возможность ядерного выбора с учетом как своей безопасности, так и неспособности ядерных держав положить конец наращиванию ядерных вооружений.

В мае 1998 г. Индия провела серию ядерных испытаний. Вслед за ней ядерные испытания провел и Пакистан. Индия заявила, что отсутствие крупных шагов по глобальному ядерному разоружению требует защиты ее стратегических интересов и надежного ядерного сдерживания. Вместе с тем она объявила, что не нанесет первой ядерного удара, не использует ядерное оружие против государств, не обладающих таким оружием или не находящихся в союзе с ядерными державами.

Индийцы считали, что национальная безопасность страны в мире, насыщенном ядерным оружием, может быть обеспечена двумя путями — всеобщим разоружением или реализацией принципа равной и легитимной безопасности для всех. Индийские руководители отмечали также, что «моралистический подход и самоограничение» в ядерной политике не принесли заметных дивидендов. Разоружение оказалось нереалистичной политикой. Индия подчеркивала, что ядерными испытаниями в мае 1998 г. она не нарушила ни одного своего международного обязательства, поскольку не подписывала Договоры о нераспространении ядерного оружия и о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Традиционная ориентация Индии на Советский Союз, ее участие в качестве лидера в движении неприсоединения в прошлом влияли на ее отношения с Америкой. После распада СССР Индия в течение нескольких лет оставалась как бы в стороне от главных событий в мире. В конце XX в. произошел определенный прорыв в отношениях между Индией и США. За время пребывания администрации Билла Клинтона у власти разносторонние связи между двумя странами развивались достаточно высокими темпами. В течение многих лет Америка была основным торговым партнером Индии. Не хватало более тесного взаимодействия в политической сфере. Новая расстановка сил на международной арене способствовала тому, что Индия стала динамично расширять связи с США. Однако Индия и США придерживались разных подходов к таким важным проблемам, как единоличное лидерство США и стремление Индии к созданию многополюсного мира.

Признавая важность глобализации, главным двигателем которой являлась Америка, Индия вместе с тем полагала, что блага глобализации распространяются неравномерно между странами и народами и предстоит еще немало сделать, чтобы добиться справедливости в этом вопросе. По ее мнению, глобализация должна представлять собой осторожную, тщательно выверенную, поэтапную ин-

теграцию экономик разных стран. Индия считала особенно важной свою приверженность фундаментальному принципу «единства в многообразии», который касался как культуры и религий отдельных народов, так и их общественных и политических взглядов. Мир должен принять мультикультурализм и уважение к многообразию как образу жизни. Отсюда — требование терпимости к мнению других людей, стран и народов, ненавязывание им своих рецептов и мнений.

Сближение Индии и США происходило непросто. Тем не менее общий вектор индийско-американских отношений был положительным, направленным на их дальнейшее расширение и углубление.

Принципиально важными для азиатской безопасности были индийско-китайские отношения. После вооруженного конфликта 1962 г. они претерпели огромные позитивные изменения. С обеих сторон предпринимались усилия по нормализации индийско-китайских связей. Обе страны вели содержательный диалог по вопросам безопасности, торгово-экономического и культурного сотрудничества. Происходил интенсивный обмен визитами государственных и политических деятелей Индии и Китая. Во время поездки президента Индии К.Р. Нараянана в КНР в 2000 г. он заявил, что Индия и Китай могут стать самыми влиятельными мировыми державами, если будут сотрудничать на региональном и глобальном уровнях.

Существовало сходство позиций обеих стран по таким вопросам, как создание многополюсного мира, укрепление роли ООН в международных делах. Вместе с тем в индийско-китайских отношениях оставалось еще немало проблем. Среди них — нерешенная пограничная проблема, военное сотрудничество между Китаем и Пакистаном.

Как и Китай, Индия стремилась достичь статуса великой державы, обладающей к тому же ядерным оружием. Как и Китай, она шла к этому постепенно. «торопилась не спеша».

Отношения между Индией и Россией (СССР) многие годы характеризовались глубоким политическим, торгово-экономическим, научно-техническим, военным и культурным сотрудничеством. Во все времена это были отношения равноправных, уважающих друг друга государств и народов.

После распада СССР, а также в результате более десятилетия продолжавшегося кризиса в России, падения ее авторитета и влияния в мире ситуация существенно изменилась, что отразилось и на индийско-российских отношениях. Внешнеполитическая ориентация России в первой половине 1990-х годов преимущественно на Запад, в том числе США, привела к заметной утрате ее влияния на Востоке. В этих условиях восстановление полномасштабных российско-индийских отношений оказалось непростым делом, поскольку Индия динамично расширяла свои связи с другими странами Запада и Востока. Последние успешно заполнили ниши в торгово-экономическом и техническом сотрудничестве с Индией, освободившиеся в результате фактического ухода России из многих сфер сотрудничества с этой страной, за исключением военной, которая также ощутимо сузилась.

И тем не менее Индия и Россия сохраняли к концу XX в. крупный потенциал взаимодействия в вопросах обеспечения безопасности, борьбы с мировым терро-

ризмом, создания многополюсного мира. Оставалось немало возможностей для расширения торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Главный вопрос состоял в том, чтобы объявленное стратегическое партнерство между Индией и Россией наполнилось таким содержанием, которое отвечало бы интересам обеих стран.

Сходные позиции Индии, России и Китая по ряду крупных международных проблем, в первую очередь по вопросу о будущем мировом устройстве, создавали объективную основу для сотрудничества трех держав. Вместе с тем формирование какого-то «треугольника» или «блока» трех стран вряд ли было возможно, учитывая характер двусторонних отношений в «треугольнике» Дели–Москва–Пекин, как и то, что каждая из этих стран проводила свою независимую внешнюю политику, в которой их позиции не всегда совпадали.

Индия придавала большое значение проблемам региональной безопасности, сотрудничеству с государствами Южной Азии. Одним из приоритетов индийской внешней политики было укрепление отношений с соседними государствами. Мир и безопасность в окружающем Индию регионе могут быть достигнуты в результате взаимовыгодного сотрудничества и создания климата долговременного доверия и взаимного уважения законных интересов каждой страны.

Индия проводила активную политику «Лицом к Востоку» с целью углубления отношений с АСЕАН, развивала экономическое сотрудничество со странами, входящими в организацию БИМСТ (Бирма, Индия, Малайзия, Сингапур, Таиланд), а также с Камбоджей, обоими корейскими государствами.

Особое значение придавалось партнерству с Японией, а с 1990-х годов — со странами Европейского Союза и Центральной Азии.

В конце XX в. Индия столкнулась с губительными проявлениями международного терроризма. Она считала, что проблемы терроризма, его связи с идеологией экстремизма представляли один из самых серьезных вызовов для всех государств. Индия неизменно поддерживала действия России в Чечне, а Россия осуждала трансграничный терроризм в штате Джамму и Кашмир и в других районах Индии. Как и Россия, Индия выступала против двойных стандартов в отношении к терроризму. Не может быть хороших и плохих террористов. Все они представляли угрозу для жизни и безопасности людей.

Индия придавала большое значение деятельности ООН, которая, как она считала, далеко не всегда выполняла возложенную на нее миссию. По мнению Индии, Совет Безопасности ООН должен был более реально отражать многообразие нынешнего мира. Отсюда необходимость реформирования СБ ООН с включением в него большего числа развивающихся стран в качестве постоянных и непостоянных членов. Индия настойчиво заявляла о своем праве быть постоянным членом СБ ООН.

Говоря о внешней политике Индии в первой половине XX в., нужно отметить следующее. Во-первых, при всех обстоятельствах она основывала свою внешнюю политику на защите национальных интересов. Во-вторых, модифицируя свой внешнеполитический курс в соответствии с требованиями времени, она не становилась на путь отказа от прошлого. Ее курс в конце XX в. был продолжени-

ем и развитием внешней политики предыдущих десятилетий. И в-третьих, Индия проводила свою внешнюю политику и защищала свою безопасность в условиях демократии. Можно также сказать, что внешняя политика Индии была, по существу, консенсусной, т.е. пользующейся поддержкой большинства общества.

Новая структура власти и влияния в мире в конце XX в. вынуждала Индию, как, впрочем, и другие страны, приспосабливаться к новым условиям, новому соотношению сил, чтобы обеспечить укрепление позиций страны на международной арене. Этот был поиск достойного места, соответствующего потенциалу страны с населением в 1 млрд. человек.

Индийская внешняя политика характеризовалась прагматизмом, реалистичной оценкой происходящих в мире событий, широким охватом основных экономических и политических проблем, стоящих перед мировым сообществом. Индия наращивала свое региональное и глобальное влияние, готовилась к прорыву в экономическом развитии. Она может стать важным фактором в стратегическом соотношении сил в Азии и мире в XXI в.

* * *

За полвека независимого развития Индия достигла такого уровня, который позволил ей претендовать на статус великой державы. Хотя у Индии еще оставались крупные нерешенные проблемы, такие, как бедность и неграмотность значительной части населения, она уверенно наращивала свой экономический и научно-технический потенциал, особенно в сфере высоких технологий. На этой основе росло ее региональное и глобальное влияние. С учетом людских и интеллектуальных ресурсов, а также достаточно быстро прогрессирующей экономики Индия превратилась в один из мощных центров силы и крупнейших мировых рынков.

БАНГЛАДЕШ

Обретение независимости. К концу 1960-х годов в Восточном Пакистане, на месте которого возникла Народная Республика Бангладеш, все большую популярность набирала созданная в 1949 г. партия Авами лиг (Народная лига). Среди бенгальского населения провинции нарастало недовольство своим социально-экономическим положением, а также засильем западнопакистанских бизнесменов и чиновников почти во всех сферах деятельности. В 1966 г. лидер партии Авами лиг Шейх Муджибур Рахман выдвинул «Программу из шести пунктов» с требованиями широкой региональной автономии для Восточного Пакистана. Пакистанский президент М. Айюб Хан отверг эти требования. На состоявшихся после его отставки при новом президенте генерале А.М. Яхья-хане выборах в Национальное собрание (парламент) Пакистана в декабре 1970 г. победила Авами лиг. Победа на выборах давала М. Рахману возможность стать премьер-министром Пакистана, а его партии — сформировать правительство. На первую неделю марта 1971 г. было назначено первое заседание вновь избранного парламента, которое должно было состояться в столице Восточного Пакистана — Дакке. Но лидер победившей на выборах в Западном Пакистане Пакистанской народной партии З.А. Бхутто заявил, что парламентарии от его партии не поедут в Дакку. А.М. Яхья-хан отложил созыв сессии на неопределенное время. В знак протеста против этого лидер Авами лиг 7 марта 1971 г. призвал население Восточного Пакистана к всеобщей забастовке и к проведению кампании гражданского неповиновения.

Обстановка в провинции накалилась. Указания военной администрации и государственных органов демонстративно игнорировались населением. Началось создание вооруженных отрядов Авами лиг и их стычки с войсками. За несколько недель количество западнопакистанских войск в Восточной Бенгалии возросло с 25 тыс. до 60 тыс. человек.

Вечером 25 марта А.М. Яхья-хан после безуспешных переговоров в Дакке вернулся в пакистанскую столицу Исламабад и отдал войскам приказ применить силу. В Дакке началась резня. Жестокие нападения со стороны пакистанских военных подверглись Даккский университет и район проживания индусов. Проводились массовые аресты, облавы, повальные обыски. В ночь с 25 на 26 марта 1971 г. М. Рахман был схвачен и отправлен в Западный Пакистан в тюрьму. Партия Авами лиг была запрещена, часть ее руководителей арестована. В Восточном Пакистане было введено военное положение. В Дакке, Читтагонге и других крупных центрах провинции вспыхнули уличные бои. 26 марта 1971 г. представителями восставших по радио была провозглашена независимость Бангладеш.

Вооруженное сопротивление пакистанским войскам было спонтанным и разрозненным. Среди множества создаваемых мелких партизанских групп и отрядов наиболее сильными были отряды, сформированные военным комитетом Авами лиг во главе с полковником М.А.Г. Османи. Со временем их стали называть Мукти бахини (Армия освобождения).

В апреле 1971 г. в деревушке Баддьянаттала (тогда же переименованной в Муджибнагар) на границе с Индией оставшиеся на свободе руководители и депутаты Авами лиг приняли Декларацию независимости Народной Республики Бангладеш и образовали временное правительство во главе с генеральным секретарем Авами лиг Т. Ахмедом. Арестованного М. Рахмана заочно избрали президентом страны и главнокомандующим вооруженными силами республики. Само правительство обосновалось в Калькутте и готовилось к длительной борьбе за независимость. К июню 1971 г. сопротивление отрядов повстанцев Восточного Пакистана было подавлено, а сами партизаны вытеснены в Индию, которая оказывала моральную и материальную поддержку Мукти бахини, снабжала их оружием и снаряжением, организовала для них специальные тренировочные лагеря на своей территории. С помощью Индии бенгальские партизаны смогли перегруппировать свои силы, и к октябрю 1971 г. снова разгорелись бои.

Из-за репрессий пакистанской армии постоянно увеличивалось число беженцев (в основном индусов), которые хлынули в Западную Бенгалию, Ассам и Трипуру. По разным оценкам, на территории Индии к декабрю 1971 г. оказались 7–10 млн. бенгальских беженцев. Проблема беженцев использовалась индийским руководством для создания негативного имиджа Пакистана в глазах международного сообщества. Между Индией и Пакистаном развернулась пропагандистская война. Проводивший жесткий курс губернатор провинции генерал Тиккахан был заменен более сдержанным генерал-лейтенантом А.А.К. Ниязи.

В конце ноября 1971 г. участились пограничные столкновения между Индией и Пакистаном, а 3 декабря, используя как предлог бомбежку пакистанскими самолетами нескольких аэродромов, индийская армия начала широкомасштабное наступление в Восточном Пакистане, одновременно ведя военные действия вдоль границы с Западным Пакистаном, в частности в Кашмире. Не вступая на востоке в затяжные бои с пакистанскими силами, индийская армия быстро продвигалась к Дакке и вышла к ней 14 декабря, а 16 декабря 1971 г. командующий пакистанскими силами в провинции А.А.К. Ниязи капитулировал вместе с войсками. На следующий день прекратились и боевые действия на западном направлении. Индийские войска оставались на территории Бангладеш до марта 1972 г., чтобы закрепить победу, переправить пленных пакистанцев на территорию Индии, а также содействовать стабильности нового правительства.

Развитие политической ситуации после достижения независимости. 10 января 1972 г. в Бангладеш (через Лондон) вернулся Муджибур Рахман, освобожденный из пакистанской тюрьмы. Своим первым указом он ввел в стране парламентскую форму правления, подтвердил запрет на деятельность партий, сотрудничавших с пакистанской армией, и сформировал Учредительное собрание (в составе депутатов Национального собрания Пакистана, избранных от Вос-

точной Бенгалии в 1970 г., и Провинциального собрания Восточного Пакистана). Затем он отказался от президентского поста, предложив избрать президентом вице-канцлера Даккского университета А.С. Чоудхури, который после своего избрания поручил ему сформировать новый кабинет министров. В него вошли 23 представителя Авами лиг, включая всех министров временного правительства. В стране развернулась кампания по поиску и наказанию сотрудничавших с пакистанскими властями коллаборационистов, а также оппонентов нового режима.

Для руководства страны первоочередной задачей было восстановление разрушенной войной экономики. К началу 1972 г. правительство установило контроль государства над предприятиями так называемой брошенной собственности, владельцы которых бежали в Западный Пакистан. В марте 1972 г. было принято решение о национализации частных банков и страховых компаний (за исключением иностранных), предприятий джутовой, хлопчатобумажной, сахарной и ряда других отраслей промышленности, большей части водного транспорта и внешней торговли. В феврале 1972 г. было объявлено о проведении аграрной реформы. «Потолок» земельного владения на одну семью устанавливался в 100 бигхов (33,5 акра) вместо существовавших до этого 300 бигхов. Правительство также приняло решение освободить от уплаты налогов крестьянские хозяйства, имевшие земельные наделы до 25 бигхов (8,3 акра), что затронуло 92% хозяйств. Хотя в Бангладеш почти не было крупных землевладельцев (51% землевладельцев имел участки до 2,5 акров земли, 45 — до 125 акров и 4% — свыше 125 акров), возникли трудности с реализацией аграрной реформы. Причем сельское хозяйство являлось главной отраслью экономики Бангладеш. По данным переписи 1974 г., 91% населения проживал в сельской местности и свыше 80% было занято в аграрном секторе, где создавалось 55,4% валового национального продукта страны, тогда как на промышленность приходилось только 3,7% ВНП.

4 ноября 1972 г. Учредительное собрание единодушно приняло новую конституцию Народной Республики Бангладеш. Главой унитарного государства являлся президент, но свои полномочия он мог осуществлять только по рекомендации премьер-министра, который фактически обладал всей полнотой исполнительной власти. Конституция Бангладеш предусматривала три формы собственности: государственную, кооперативную и частную. Основным законом устанавливал многопартийную систему с предоставлением избирательного права всем гражданам, достигшим 18 лет, за исключением обвиненных в коллаборационизме. Законодательной властью наделялся однопалатный парламент — Национальное собрание из 300 депутатов, избираемых в ходе прямых и тайных выборов сроком на пять лет. Дополнительно 15 мест резервировалось за женщинами, которых избирал парламент. Конституция включила в себя и идеологическую концепцию, которой придерживался Муджибур Рахман и которая получила название «муджибизм». Она сводилась к весьма размытым четырем принципам государственной политики: бенгальский национализм, социализм, демократия и секуляризм. Конституция была введена в действие в декабре 1972 г., а в марте 1973 г. состоялись первые всеобщие парламентские выборы. На них победила Авами лиг, заручившись поддержкой 73% голосов участвовавших в голосовании изби-

рателей и получив 292 депутатских мандата из 300, остальные места достались независимым кандидатам и левозкстремистским организациям. Лидер победившей партии Шейх Муджибур Рахман возглавил правительство страны.

Однако внутривнутриполитическая и экономическая ситуация в Бангладеш ухудшалась. В стране не хватало товаров первой необходимости, постоянно росли цены и уровень инфляции, в Авами лиг и в армии усилилась фракционная борьба, развернулось открытое соперничество за посты и должности, процветала коррупция, при недостатке квалифицированных и компетентных кадров увеличилось число безработных. На этом фоне активизировалась деятельность левозкстремистских группировок. Власти были вынуждены считаться с бывшими партизанскими полевыми командирами. Ухудшилась криминальная ситуация в связи с наличием на руках у населения большого количества оружия, не сланного после достижения независимости. Участились политические убийства, грабежи и другие уголовные преступления. Не дала позитивного эффекта и амнистия коллаборационистов в ноябре 1973 г. Было освобождено около 33 тыс. человек, в основном руководители и активисты Мусульманской лиги, «Джамаат-и ислами» и других религиозных партий и организаций, но сами партии оставались под запретом. Экономические трудности усугубило катастрофическое наводнение, которое летом 1974 г. затронуло 17 из 19 дистриктов страны. В результате сельскому хозяйству был нанесен огромный ущерб, ряд районов охватил голод. К ноябрю 1974 г. от голодной смерти погибли 27,5 тыс. человек.

Чтобы справиться с ситуацией, руководство страны пошло по пути ограничения демократии. В конце декабря 1974 г. в Бангладеш было введено чрезвычайное положение, в результате чего М. Рахман получил неограниченные полномочия на неопределенный период. Было приостановлено действие всех статей конституции, касающихся прав и свобод граждан. Обеспечение законности и правопорядка было передано в руки армии. Деятельность политических партий временно запрещалась. В условиях действия чрезвычайного положения 25 января 1975 г. (по предложению М. Рахмана) парламент Бангладеш принял 4-ю поправку к конституции, утвердившую переход к президентской форме правления и предоставившую президенту право ввести в стране однопартийную систему. Президентом был избран М. Рахман, который получил фактически диктаторские полномочия. Своим декретом в феврале 1975 г. он распустил все 14 легально существовавших политических партий и объявил о создании новой и единственной партии — Бангладеш кришок сромик авами лиг (Крестьянско-рабочей народной лиги Бангладеш, БАКСАЛ). Данная реформа политической системы Бангладеш, так называемая вторая революция, закрепила переход от парламентской демократии к авторитаризму и единоличной диктатуре.

Внутривнутриполитическое развитие Бангладеш негативно сказалось и на положении вооруженных сил страны. После провозглашения независимости многие участники Мукти бахини были включены в состав создаваемой бангладешской армии. В их среде оставались сильными партизанские настроения, не было сплоченности и единства. Наиболее радикальные из них принадлежали к возникшей в октябре 1972 г. в результате раскола в руководимых Авами лиг студенческих

и профсоюзных организациях Национальной социалистической партии (НСП) и ее вооруженному крылу — Ассоциации революционных солдат. Сторонники НСП занимали левозкстремистские позиции и выступали за продолжение «революционной классовой борьбы», рассматривая движение за независимость как неоконченное, пока у власти находится «буржуазное» правительство Авами лиг.

Большую категорию военнослужащих составляли репатрианты. В результате войны за независимость Бангладеш Индия захватила около 93 тыс. пакистанских военнопленных и гражданских интернированных лиц, Народная Республика Бангладеш удерживала 195 пакистанцев (главным образом военных), а Пакистан интернировал 28 тыс. бенгальских военнослужащих пакистанской армии, находившихся в Западном Пакистане. По соглашениям, достигнутым между Бангладеш, Индией и Пакистаном в августе 1973 г. и апреле 1974 г., освобождение и репатриация всех категорий пленных были завершены к 30 апрелю 1975 г. Вернувшихся из Пакистана репатриантов включили в бангладешскую армию, в которой преобладали «борцы за независимость».

С первых дней независимости в стране существовали Джатийо роккхи бахни (Национальные охранные войска). Их численность равнялась 25 тыс. человек, тогда как в армию, личный состав которой достиг 55 тыс. (1975 г.), набор был практически прекращен. Эти войска со временем все больше превращались в параллельную армии структуру, подчиненную лично М. Рахману. Естественно, это не могло не вызывать нареканий со стороны кадровых военных, в среде которых усиливалось недовольство.

Период военных переворотов и авторитарного правления. 15 августа 1975 г. группа офицеров среднего звена (под руководством майоров), большинство из которых были репатрианты, осуществила государственный переворот. Заговорщики застрелили М. Рахмана и членов его семьи (кроме находившихся за границей двух дочерей), арестовали ряд министров его правительства и передали власть в стране К. Муштаку Ахмеду, бывшему министру торговли, который стал президентом страны. Однако его роль в новом режиме была номинальной. Советником по обороне стал бывший командующий Мукти бахни М.А.Г. Османи. Новые власти объявили, что парламентская демократия будет восстановлена к февралю 1977 г., распустили БАКСАЛ, упразднили Национальные охранные войска. Через несколько дней после переворота было введено военное положение, президент стал главным военным администратором. На пост начальника штаба сухопутных войск (армии) он назначил генерал-майора Зияу Рахмана.

Несмотря на экономическую и политическую нестабильность в последние годы режима М. Рахмана, действия «майоров» вызывали сильное возмущение среди его приверженцев, особенно бывших участников борьбы за освобождение. Один из них, бригадный генерал Халед Мушарраф, 3 ноября 1975 г. совершил новый государственный переворот. Опасаясь «шумуджибистской реставрации», группа заговорщиков-«майоров» убила бывших министров правительства Муджибура Рахмана — Т. Ахмеда, С.Н. Ислама и др., содержавшихся в даккской тюрьме. После их убийства Халед Мушарраф вынудил К. Муштака Ахмеда вме-

сте со своим правительством подать в отставку и передать пост президента главному судье Верховного суда А.С.М. Сайему.

Зачинщиков августовского переворота отправили в изгнание в Ливию. Зияур Рахман был снят с поста начальника штаба армии и помещен под домашний арест. Однако он успел обратиться за помощью к отставному подполковнику Абу Тахеру, своему бывшему товарищу по борьбе за независимость. Вскоре после второго переворота почти полностью развалилась дисциплина среди военных. На улицах начались столкновения соперничающих армейских группировок. В этой обстановке Абу Тахеру с помощью Ассоциации революционных солдат удалось поднять войска Даккского гарнизона и совершить контрпереворот («солдатскую революцию»), в ходе которого 7 ноября был убит Х. Мушарраф. Зияур Рахман был освобожден из-под ареста и восстановлен на посту начальника штаба армии.

Лидеры Ассоциации потребовали от него принятия так называемой «Программы из 12 пунктов» (создания бесклассовой армии, отбора офицеров из числа солдат и т.п.). З. Рахман, естественно, не мог выполнить эти требования и принял жесткие меры по восстановлению правопорядка в стране и дисциплины в армии. По его рекомендации президент А.С.М. Сайем распустил парламент и подтвердил действие военного положения в стране. Для руководства страной был создан Военно-административный совет. 16 ноября 1975 г. был опубликован указ президента, вводивший тяжкие наказания (вплоть до смертной казни) за ведение политической деятельности в вооруженных силах. По приказу Военно-административного совета были арестованы 19 руководителей Национальной социалистической партии и Ассоциации революционных солдат, включая Абу Тахера (в 1976 г. его повесили). К началу декабря 1975 г. деятельность Ассоциации была почти полностью подавлена, в армии удалось восстановить подобие единства и вернуть солдат в казармы.

Новое руководство Бангладеш предприняло ряд мер для восстановления многопартийной системы. В мае 1976 г. был отменен запрет на деятельность партий религиозного толка, а в июле того же года принято постановление о политических партиях, которым регламентировалась их деятельность. В ноябре 1976 г. в стране легально действовала уже 21 партия. Наиболее влиятельным членом Военно-административного совета был З. Рахман, которому 29 ноября 1976 г. указом президента были переданы полномочия главного военного администратора. В отличие от Муджибура Рахмана Зияур Рахман не ставил в худшие условия гражданских чиновников, не участвовавших в борьбе за независимость. Он также пытался объединить вооруженные силы, продвигая по службе репатриантов в соответствии с их квалификацией, к недовольству некоторых высокопоставленных военных из числа «борцов за независимость». З. Рахман искусно избавлялся от проблемных офицеров, посылая их на дипломатическую работу за рубеж.

Укрепив свои позиции в армии, 21 апреля 1977 г. Зияур Рахман занял место А.С.М. Сайема, который ушел в отставку с поста президента по причине «плохого здоровья». Для легитимизации своей власти З. Рахман провел в мае 1977 г. референдум по вопросу о доверии населения ему как президенту страны и его

политике. По официальным данным, в референдуме приняло участие 88,5% избирателей, из которых 98,9% ответили утвердительно.

Необходимо отметить, что, будучи одним из героев войны за независимость, З. Рахман действительно пользовался большой популярностью среди населения Бангладеш. Он тратил большую часть времени в поездках по стране, выступая с «политикой надежды», призывая бангладешцев усерднее работать и больше производить. В конце апреля 1977 г. им была обнародована «Программа из 19 пунктов». Основное внимание в ней было сосредоточено на необходимости подъема бангладешского производства, особенно зерна и другого продовольствия, а также развития сельских районов. Генералу-президенту удалось восстановить общественный порядок. Специальные гражданские и военные трибуналы сурово обходились с множеством профессиональных преступников, контрабандистов и партизанскими бандами. З. Рахман предпринял попытку изменить военный характер своего правительства путем передачи гражданским чиновникам большинства министерских портфелей. В июне 1977 г. он назначил вице-президентом судью Высшего суда Абдус Саттара.

В конце сентября 1977 г. вспыхнул бунт армейского батальона в г. Богра. Хотя он был быстро подавлен, вскоре в Дакке произошел второй мятеж. Мятежники безуспешно атаковали резиденцию З. Рахмана, захватили на короткое время радио Дакки, убили нескольких офицеров. Восстание инспирировалось маоистской по идеологии НСП. После нескольких дней боев, в которых погибло около 200 солдат, верные правительству войска подавили мятеж. За участие в восстании свыше 1100 человек было казнено. З. Рахман уволил руководителей военной и гражданской разведки, расформировал мятежные подразделения, запретил НСП, сделал перестановки среди старшего командного состава. В частности, начальник общей части штаба сухопутных войск М.А. Манзур был переведен в Читтагонг на должность командира 24-й пехотной дивизии.

В феврале 1978 г. З. Рахман объявил о создании Националистической демократической партии (НДП) для содействия выполнению «Программы из 19 пунктов». Идеологическую основу политического курса партии составили бангладешский национализм, демократия, социальная и экономическая справедливость. Однако главной задачей новой партии стала поддержка кандидатуры З. Рахмана на предстоящих президентских выборах.

В апреле 1978 г. З. Рахман издал указ, по которому, находясь на действительной военной службе, нельзя было баллотироваться на президентских выборах, и вышел в отставку с поста начальника штаба армии. На эту должность им был назначен генерал-майор Х.М. Эршад. Президентские выборы состоялись в июне 1978 г. За пост президента боролись девять претендентов. В условиях сохранявшегося в стране военного положения победил на выборах З. Рахман, поддержанный Националистическим фронтом в составе НДП и пяти других партий. Он получил 77% голосов участвовавших в голосовании избирателей. Его основным соперником — кандидат Объединенного демократического фронта М.А.Г. Османи набрал 22%. В сентябре 1978 г. Националистический фронт был распущен, а составляющие его партии слились в Националистическую партию Бангладеш (НПБ). Председателем партии стал З. Рахман.

В феврале 1979 г. в Бангладеш были проведены вторые в истории страны парламентские выборы. Они принесли победу НПБ, которая завоевала 207 из 300 мест в Национальном собрании (набрав около 41% голосов), Авами лиг получила 39 депутатских мандатов (25%), коалиционный блок Мусульманской лиги и Исламской демократической лиги — 20 (около 10%). После победы своей партии на выборах З. Рахман отменил военное положение и сформировал гражданский кабинет министров, в основном из технократов и отставных высших офицеров.

Несмотря на процесс придания власти в стране гражданского облика и стремление создать в лице НПБ политическую опору своему режиму, З. Рахман по-прежнему сохранял тесные связи с армией, которая при нем находилась в привилегированном положении. К началу 1980-х годов в вооруженных силах постепенно большинство стали составлять кадровые военные, а не недисциплинированные революционные «борцы за независимость» (по некоторым оценкам, их к тому времени оставалось еще 20%). Однако их мятежный дух не был изжит окончательно и время от времени воплощался в попытках военного переворота. Одна из них стоила жизни Зияу Рахману.

Недовольный своим переводом в Читтагонг, который рассматривался им как понижение по службе, М.А. Манзур вместе с группой офицеров-заговорщиков 30 мая 1981 г. убили прибывшего в Читтагонг З. Рахмана, захватили местную радиостанцию и призвали войска по всей стране поддержать военный переворот. Манзур объявил о формировании «Революционного совета», заявил об увольнении старших офицеров с их постов в Дакке, роспуске парламента и прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и мире с Индией 1972 г. Он надеялся на поддержку «борцов за независимость». Однако военное командование в Дакке выступило на стороне законного преемника З. Рахмана А. Саттара. Верные правительству армейские подразделения были стянуты к Читтагонгу и в течение 48 часов подавили мятеж. Сам М.А. Манзур был убит. За соучастие в заговоре судили 31 офицера, 12 из которых были казнены.

Временно исполняющим обязанности президента Бангладеш (как предусматривалось конституцией) и председателем НПБ стал вице-президент А. Саттар. 15 ноября 1981 г. в стране были проведены внеочередные президентские выборы, на которых он победил как кандидат от НПБ. Однако после выборов 1981 г. начальник штаба армии генерал Х.М. Эршад потребовал от него предоставить военным конституционную роль в управлении страной. Президент под давлением согласился учредить Совет национальной безопасности с участием начальников штабов трех видов вооруженных сил. Но попытка А. Саттара ограничить влияние военных и освободить нескольких высших офицеров от обязанностей в правительстве спровоцировала немедленную реакцию военных. 24 марта 1982 г. армия совершила бескровный государственный переворот. Президент был отстранен от должности, в стране введено военное положение, кабинет министров и парламент распущены, действие конституции приостановлено, политическая деятельность запрещена. Вся полнота власти перешла к главному военному администратору генерал-лейтенанту Х.М. Эршаду. В октябре 1982 г. он провозгласил себя

премьер-министром, а в декабре 1983 г. — президентом страны и руководителем ряда министерств.

Как и Зияур Рахман, для легитимизации своего режима Эршад провел 21 марта 1985 г. референдум по вопросу: «Поддерживаете ли вы политику президента и хотите ли, чтобы он продолжал руководить администрацией, пока по результатам выборов не будет сформировано гражданское правительство?» По официальным данным, в референдуме приняло участие более 34 млн. человек, из которых около 94% ответили положительно. Оппозиция организовала всеобщую забастовку в день референдума и заявила о фальсификации его результатов.

Следуя проторенными путями, Х.М. Эршад стремился создать собственную партию в качестве политической опоры режима. В 1983 г. была сформирована проправительственная Джана дал (Народная партия), а в августе 1985 г. на базе этой партии и еще четырех организаций возник Национальный фронт, который затем был преобразован в Джатийо парти (Национальную партию).

В марте 1986 г., уступая давлению со стороны оппозиции, Х.М. Эршад принял шаги по ослаблению ограничений военного положения. Он сместил военных командиров с ключевых гражданских постов, упразднил ряд должностей, введенных в связи с военным положением, и свыше 150 военных судов. Это частично удовлетворило требования оппозиции, и партийный альянс, возглавляемый Авами лиг (председателем которой в 1981 г. стала дочь Муджибура Рахмана Хасина Вазед), согласился участвовать в парламентских выборах. Однако блок партий во главе с НПБ (с 1984 г. руководимой вдовой Зияура Рахмана Халедой Зия) бойкотировал их. При поддержке правительства и армии на состоявшихся в мае 1986 г. выборах в Национальное собрание победила Национальная партия.

Получив контроль над парламентом, Х.М. Эршад стал готовиться к президентским выборам. В августе 1986 г. он ушел в отставку с поста начальника штаба армии, но остался главным военным администратором и главнокомандующим вооруженными силами. Затем он официально вступил в Национальную партию, был избран ее председателем и стал кандидатом на пост президента страны от этой партии. Оппозиция делала все, чтобы заблокировать эти акции. Левые партии и альянсы, руководимые Авами лиг, НПБ и Мусульманской лигой, бойкотировали выборы, организуя демонстрации протеста. Однако противодействие оппозиции не помешало провести президентские выборы в октябре 1986 г., на которых Х.М. Эршад легко победил одиннадцать других кандидатов, по официальным данным, получив 22 млн. (84%) голосов избирателей.

10 ноября 1986 г. Х.М. Эршад созвал заседание парламента, чтобы рассмотреть 7-ю поправку к конституции, которая бы легитимизировала его приход к власти в 1982 г., а также одобрила все последующие действия администрации после введения ею военного положения. Оппозиция снова вышла на улицы в знак протеста и провела всеобщую забастовку. Депутаты от Авами лиг бойкотировали это заседание и организовали «параллельный парламента» на ступеньках здания Национального собрания. Внутри парламента 223 присутствовавших на заседании депутата единодушно проголосовали за 7-ю поправку, и несколько часов спустя Х.М. Эршад выступил с обращением к стране, в котором

заявил об отмене военного положения и полном восстановлении действия конституции.

После выборов и перехода к формально гражданскому правлению в рядах оппозиции усилилось замешательство. Президент воспользовался им, чтобы провести через парламент ряд мер по дальнейшей консолидации режима. Самым спорным из них стал законопроект о советах дистриктов, который предусматривал участие в их работе военных. Оппозиция рассматривала его как попытку привлечь вооруженные силы к управлению страной на постоянной основе и сплотилась вокруг идеи его неприятия. Тем не менее в июле 1987 г. парламентское большинство, состоявшее из членов Национальной партии, приняло данный закон. Это вызвало забастовки, массовые демонстрации и столкновения с полицией. Оппозиция призвала Х.М. Эршада уйти в отставку и провести новые парламентские выборы.

10–12 ноября 1987 г. объединенная оппозиция организовала «осаду Дакки», во время которой на улицы столицы вышли тысячи ее сторонников. Правительство только через неделю с помощью сил безопасности смогло восстановить свой контроль над Даккой, а 27 ноября 1987 г. Х.М. Эршад объявил в стране чрезвычайное положение. В декабре он распустил парламент (который не собирался с июля) и назначил на начало марта 1988 г. новые парламентские выборы. Для их обеспечения были задействованы многочисленные подразделения полиции и военизированных формирований, были закрыты школы и на два дня объявлен государственный праздник. Партийные коалиции Авами лиг и НПБ, а также альянс левых партий и Мусульманская лига бойкотировали выборы. В результате Национальная партия получила 251 место, НСП — 21 место, другие малые партии и независимые — 28 мест. В апреле 1988 г. новый парламент начал свою работу, а чрезвычайное положение было отменено.

В ноябре 1990 г. к выступлениям против режима Х.М. Эршада присоединились студенческие организации, лидеры которых предупредили оппозицию, что если она не объединится, то они сами возглавят движение за отставку генерала-президента. Объединенные силы оппозиционных партий, студенчества и городской интеллигенции развернули беспрецедентную кампанию гражданского неповиновения. В ночь на 27 ноября Х.М. Эршад объявил чрезвычайное положение в стране, однако это не смогло остановить народное недовольство, которое угрожало перебраться на военные казармы, главную базу режима. Руководство вооруженных сил заняло нейтральную позицию, предупредив тем самым отставку Х.М. Эршада.

Переход к демократической модели политической системы. Отставка президента Эршада в конце 1990 г. открыла новую эпоху в политическом развитии страны. Армия отказалась от прямого участия в управлении страной и до конца десятилетия оказывала лишь косвенное влияние на режим власти. Политическая система приобрела демократические черты (регулярное проведение всеобщих выборов в условиях отсутствия военного или чрезвычайного положения).

В феврале 1991 г. созданное на переходный период временное правительство на непартийной основе организовало проведение парламентских выборов. Побе-

ду на них одержала Националистическая партия Бангладеш. За нее проголосовал 31% принявших участие в выборах избирателей, что обеспечило партии 140 (из 300) мест в Национальном собрании. Второе место (28% голосов) заняла Авами лиг, получившая 88 мест в парламенте, еще 11 мест досталось ее союзникам по альянсу. Национальная партия заняла третье место (12% голосов, 35 мест). За ней следовала союзник НПБ Мусульманская лига с 6% голосов и 18 депутатскими мандатами. По итогам выборов НПБ сформировала правительство, а ее лидер Халеда Зия стала премьер-министром.

По ее инициативе в августе 1991 г. парламент принял 12-ю поправку к конституции, узаконившую смену президентской формы правления на парламентскую республику. В соответствии с данной поправкой президент снова становился церемониальной фигурой с представительскими функциями, а всю полноту исполнительной власти получал премьер-министр, которым назначался лидер партии, победившей на парламентских выборах. Эта поправка была одобрена на общенациональном референдуме 15 сентября 1991 г., когда за нее проголосовали 18,1 млн. человек и только 3,3 млн. — против.

Придя к власти, правительство Халеды Зия уволило 20 старших офицеров — генералов и бригадных генералов, которых подозревали в симпатиях к Х.М. Эршаду. Его самого арестовали и отдали под суд, возбудив несколько дел по обвинениям в коррупции и злоупотреблении властью. Специальный трибунал признал его виновным и приговорил к длительному тюремному заключению.

Основной оппозиционной партией в стране стала Авами лиг. Ее лидер Хасина Вазед, опротестовав как сфальсифицированные результаты двух туров промежуточных выборов, в марте 1994 г. покинула парламент с группой депутатов своей партии и развернула борьбу за отстранение Халеды Зия от власти. После двухлетних волнений, организованных Х. Вазед и ее сторонниками, оппозиция бойкотировала следующие парламентские выборы в феврале 1996 г. Хотя в день выборов на многие участки избиратели вообще не пришли, было объявлено, что победила НПБ, которой досталось 272 места. Оппозиция не признала итогов выборов, называя их «фарсом», и начала кампанию протеста. Лидер Авами лиг настаивала на проведении новых, свободных и честных, выборов под контролем созданного для этой цели нейтрального временного правительства. Дело приняло угрожающий размах после 20 марта 1996 г., когда к протестующим присоединился мэр Дакки М. Ханиф, который возглавлял городскую организацию Авами лиг. Забастовки и кампания несотрудничества сделали страну совершенно неуправляемой.

Правительству Халеды Зия пришлось уступить и уйти в отставку. В конституцию была внесена поправка, предусматривающая создание в будущем на период выборов непартийного временного правительства. Новые выборы состоялись в июне. На них победила Авами лиг, набравшая 37% голосов и завоевавшая 146 мест из 300. За НПБ проголосовали 34% принявших участие в голосовании избирателей, что обеспечило партии 116 депутатских мандатов. Национальная партия получила 32 места (12% голосов), Мусульманская лига — 3 места (9% голосов). По результатам выборов было сформировано правительство из членов

Авами лиг, которая вступила в коалицию с Национальной партией, имеющей третью по численности фракцию в парламенте. Хотя последняя утверждала, что ее поддержка Авами лиг ничем не была обусловлена, многие полагали, что взамен было обещано освобождение Х.М. Эршада, который 9 января 1997 г. был выпущен из тюрьмы под поручительство пятерых членов Верховного суда.

В октябре 2001 г. в стране состоялись очередные всеобщие парламентские выборы. Победу на них одержал альянс Националистической партии Бангладеш, Мусульманской лиги и Исламик ойккьо джот (Исламского объединенного блока). Большинство мест в парламенте — 193 из 300 завоевала НПБ (41% голосов), а ее лидер Халеда Зия вновь стала премьер-министром. Авами лиг получила 40% голосов, но только 62 депутатских мандата.

Хотя начиная с 1991 г. в стране прослеживается тенденция к созданию политической системы, при которой у власти друг друга сменяют коалиции, сформировавшиеся вокруг двух основных политических партий — Авами лиг и Националистической партии Бангладеш, парламентская демократия в стране остается весьма слабой. За каждым выборами в Национальное собрание следовали утверждения со стороны проигравшей партии об их фальсификации, запугивании избирателей и других злоупотреблениях. Проигравшие организовывали уличные протесты, нередко выливавшиеся в насилие, бойкотировали работу парламента. Недоверие к политическим оппонентам вызвало к жизни институт временного правительства на непартийной основе. Тем не менее на фоне предыдущих лет 1990-е годы отличались относительной стабильностью гражданской администрации и демократическим фасадом власти.

Усиление роли ислама. Необходимо отметить, что еще одной тенденцией, которая прослеживалась в развитии Бангладеш в XX в., была исламизация. Во время движения за независимость секуляризм и бенгальский национализм противопоставлялись исламу, чтобы отмежеваться от Западного Пакистана. Однако после отделения Бангладеш пришлось постепенно вернуть ислам в качестве главного фактора национальной идентичности, отличающего бангладешцев от бенгальцев-индусов индийского штата Западная Бенгалия. Принцип секуляризма начал затухать еще при М. Рахмане, который в 1974 г. в Лахоре принимал участие в работе саммита Организации «Исламская Конференция». С приходом к власти военных режимов после переворотов 1975 г. мусульманская религия стала использоваться как противовес секулярности Авами лиг.

Зияур Рахман вообще отказался от секуляризма как одного из принципов государственной идеологии. В 1977 г. он своим указом внес в конституцию страны поправки, заменившие «секуляризм» «абсолютной верностью и верой во всемогущего Аллаха», «социализм» — «социальной справедливостью», а «бенгальский национализм» — «бангладешским национализмом». В преамбулу основного закона была включена фраза на арабском языке: «Во имя Аллаха, всемилостивейшего, милосердного», а в ст. 25 был добавлен пункт 2, в соответствии с которым государство будет прилагать усилия для «консолидации, сохранения и укрепления братских отношений среди мусульманских стран, основанных на исламской солидарности». Ранее З. Рахман отменил запрет, наложенный правительством

М. Рахмана на пять религиозных партий. Он также аннулировал закон о преследовании коллаборационистов и ввел в регулярную практику чтение стихов Корана на собраниях своей Националистической партии Бангладеш. Численность мусульманских богословов и служителей культа в стране увеличилась со 148 тыс. (1975 г.) до 239 тыс. (1979 г.). Если в 1975 г. существовало 1830 медресе, то в 1978 г. их число возросло до 2386, а численность обучающихся приблизилась к полумиллиону.

Еще дальше по пути исламизации пошел Х.М. Эршад, который в 1988 г. добился, чтобы парламент Бангладеш принял 8-ю поправку к конституции, провозглашающую ислам государственной религией страны. Смещение Эршада в декабре 1990 г. не привело к возврату к секуляризму. Наоборот, в 1990-е годы происходила дальнейшая консолидация исламистских сил. На парламентских выборах в 1991 г. победил, как уже отмечалось, альянс во главе с НПБ, в который входила религиозная партия Мусульманская лига.

С исламизацией в Бангладеш тесно связана проблема роста религиозного экстремизма. За исключением короткого периода правления М. Рахмана, в стране время от времени происходили нападения на представителей религиозных меньшинств. Обычно это выражалось в осквернении храмов и изображений божеств, поджогах домов, грабежах и похищениях людей. Больше других страдали представители индусской общины. Широкий размах имели погромы индусов, инициированные Мусульманской лигой в декабре 1992 г. в Читтагонге, которые затем перекинулись на Дакку и другие части страны. Поводом к ним стало разрушение индусскими фанатиками мечети Бабура в Айодхье в Индии. По подсчетам Совета индусского, буддистского и христианского единства, во время погромов погибли 15 человек и несколько сотен были ранены, 2400 женщин подверглись групповым изнасилованиям. Частично или полностью было разрушено более 28 тыс. домов, 3500 храмов и религиозных учреждений.

Спасаясь от происходивших в стране гонений и притеснений, представители индусской общины покидали Бангладеш, в результате чего их удельный вес, по некоторым данным, к концу 1990-х годов уменьшился до 9%, в то время как в 1974 г. равнялся 13,5%.

В основе вражды к индусам, помимо религиозной нетерпимости, имелась также политическая и экономическая подоплека. Во-первых, индусы в Бангладеш, как правило, рассматривались в качестве сторонников секуляристской Авами лиг. Поэтому уменьшение их численности означало сокращение «банка голосов» Авами лиг, в чем была заинтересована коалиция во главе с НПБ. Во-вторых, вытеснение индусов из страны использовалось, чтобы завладеть их землями. В колониальный период в Восточной Бенгалии большинство землевладельцев (*заминдаров*) были индусы, а крестьяне, как правило, — мусульмане. В конце 1960-х годов из 2237 крупных поместий в Восточном Пакистане, размеры которых превышали установленный «потолок» в 125 акров, только 358 принадлежали мусульманам. Основная же их часть была сосредоточена в руках *заминдаров*-индусов. После получения независимости по Закону о брошенной собственности разрешалось перераспределять землю лиц, бежавших из страны.

Но не только религиозные меньшинства становились жертвами насилия со стороны экстремистов. Объектами нападений были также журналисты, ученые, политики. В 1993 г. бангладешской писательнице Таслиме Насрин пришлось бежать во Францию из-за угроз со стороны исламских фундаменталистов, гнев которых был вызван ее критическими замечаниями по поводу религии. В стране участились убийства представителей интеллигенции по религиозным мотивам, совершались взрывы в местах проведения массовых мероприятий. В июле 2000 г. была сорвана попытка покушения на премьер-министра Хасину Вазед, когда полиция обнаружила взрывчатку недалеко от возвышения, с которого планировалось ее выступление на митинге. По подозрению в причастности к покушению были задержаны несколько активистов Исламик чхатро шибир — студенческого крыла Мусульманской лиги, а также членов малоизвестной тогда группировки Харкат-уль-джихад аль-ислами, которая возникла в 1992 г. и выступает за установление исламского правления в Бангладеш.

Вооруженное движение племен Горного Читтагонга. Еще одной проблемой, с которой столкнулось правительство Бангладеш с первых лет независимости, стало автономистское движение племен в дистрикте Читтагонгский горный район (ЧГР). В отличие от остальной части страны, населенной почти исключительно бенгальцами, в этом дистрикте компактно проживает более десятка племен тибето-бирманского происхождения. По данным переписи населения в 1974 г., из 392 тыс. представителей племен в ЧГР 65% составляли чакма, около 24 — марма, 7 — трипура и около 4% — все остальные. Именно чакма и марма, как наиболее многочисленные племена, преобладали в движении за автономию. Оно было вызвано рядом причин, но главной из них был наплыв бенгальских поселенцев с равнин. При незначительном приросте населения племен численность бенгальцев на протяжении двух десятилетий возросла более чем в пять раз.

С увеличением количества бенгальских поселенцев в ЧГР связана проблема вытеснения племен с их земель и разрушение их традиционного уклада жизни. Племена общинно владели большими долями земли и использовали подсечно-огневой способ земледелия — *джхум*. Во время британского правления земле-владение племен было защищено Предписанием о ЧГР 1900 г., которым запрещалось заселение дистрикта народами, не принадлежащими к племенам. Особый статус Горного Читтагонга был отменен еще пакистанским правительством в январе 1964 г. С этого времени и началась активная миграция в ЧГР жителей равнин и вытеснение племен с плодородных земель. В начале 1960-х годов положение племен ухудшилось после завершения сооружения при содействии США Каптайской плотины гидроэнергетического комплекса на р. Карнафули. Сооружение плотины привело к образованию озера площадью 625 кв. км, около 40% пахотных земель ЧГР было затоплено, и свыше 90 тыс. человек — представителей племен лишились крова.

В 1966 г. в дистрикте возникла политическая группа Ассоциация борьбы за благосостояние народа ЧГР, которая боролась за права племен. Разногласия по вопросу о методах борьбы привели к расколу в Ассоциации. Постепенно руководство организации сосредоточилось в руках сторонников вооруженной борьбы,

а приверженцы мирного движения покинули ее ряды. В 1972 г. Ассоциация была распущена и на ее основе был создан Комитет народной солидарности Горного Читтагонга (КНСГЧ). Его возглавили депутат парламента М.Н. Ларма и его брат, школьный учитель Дж.Б. Ларма. КНСГЧ объединил свои усилия со Студенческой ассоциацией ЧГР.

В феврале 1972 г. на встрече с главой государства М. Рахманом делегация КНСГЧ выдвинула требования предоставления Горному Читтагонгу широкой автономии, однако они были отвергнуты.

Поскольку введенная в действие в декабре 1972 г. конституция Бангладеш фактически подтверждала отмену особого статуса ЧГР, то в начале 1973 г. КНСГЧ начал формировать свои боевые отряды — Шанти бахини (Армия мира), «главнокомандующим» которых был назначен Дж.Б. Ларма. Встревожившись сложившимся в ЧГР положением, правительство М. Рахмана в конце 1973 г. издало указ (который, правда, так и остался только на бумаге) о выселении из ЧГР бенгальских поселенцев, занявших там после независимости земли без специального разрешения. Более того, выступая в 1974 г. на массовом митинге в маленьком городке Бетбуния в ЧГР, Муджибур Рахман заявил, что население племен Горного Читтагонга составляет группу национального меньшинства в Бангладеш. М.Н. Ларма и его сторонники с удовлетворением восприняли это заявление и потребовали, чтобы положение о национальном меньшинстве было включено в конституцию Бангладеш. Однако надежды на это были сорваны убийством М. Рахмана в августе 1975 г., и отряды Шанти бахини перешли к вооруженной борьбе. Нападения боевиков на поселенцев и полицию вынудили правительство страны в 1976 г. ввести войска в дистрикт. В том же году был арестован Дж.Б. Ларма. После его ареста командование Шанти бахини принял П.К. Чакма, который стремился к отделению ЧГР от Бангладеш при внешней поддержке.

В начале 1980-х годов в движении произошел раскол между сторонниками занимавшего сепаратистские позиции П.К. Чакмы и боровшегося за автономию М.Н. Лармы, который назначил вместо него на пост «главнокомандующего» Шанти бахини своего выпущенного из тюрьмы брата Дж.Б. Ларму. В ноябре 1983 г. боевики П.К. Чакмы напали на лагерь М.Н. Лармы, в результате чего он и восемь его сторонников были убиты. В течение 1984–1985 гг. между фракциями Дж.Б. Лармы и П.К. Чакмы происходили вооруженные столкновения. Одновременно к концу апреля 1984 г. по амнистии (объявленной режимом Х.М. Эршада в 1983 г.) властям сдались почти 900 членов КНСГЧ и Шанти бахини, а 29 апреля 1985 г. сложили оружие более 200 членов группировки П.К. Чакмы.

Убийство М.Н. Лармы и внутрифракционная вражда привели к относительно затишью в антиправительственной деятельности Шанти бахини в 1984–1985 гг. Но уже в начале 1986 г. повстанцы смогли перегруппировать свои силы и активизировали нападения на бенгальских поселенцев, полицию и армейские патрули. В отместку 29 апреля 1986 г. бангладешская армия начала карательную операцию против повстанцев. Спасаясь от репрессий военных, около 50 тыс. чакма в том году бежали в соседний индийский штат Трипуру. В 1980-е годы власти Бангладеш неоднократно заявляли, что Индия поддерживает мятежников

из Шанти бахини, предоставляя им оружие, места для военной подготовки и базы, поскольку последние укрывались в лагерях беженцев-чакма на территории Трипуры. Естественно, Индия отвергала все подобные обвинения.

Наряду с силовыми мерами по подавлению мятежников правительство Бангладеш предприняло шаги по расширению автономии племен. В 1989 г. были созданы отдельные возглавляемые представителями племен советы местного самоуправления для трех горных дистриктов — Кхаграчари, Рангамати и Бандарбан (на которые был разделен ЧГР в 1984 г.).

С 1992 г. Шанти бахини объявила об одностороннем прекращении огня, которое продолжалось до июня 1997 г. В основном оно соблюдалось все это время, хотя иногда и происходили отдельные мелкие стычки между боевиками и войсками. После прихода к власти правительства Х. Вазед в 1996 г. Бангладеш и Индия договорились не сотрудничать с повстанческими группировками друг друга. После этого политическими средствами удалось урегулировать проблему мятежа чакма. В его ходе за 20 лет, по разным оценкам, погибли от 9 тыс. до 25 тыс. человек.

2 декабря 1997 г. в Дакке между правительством Бангладеш и президентом КНСГЧ Дж.Б. Лармой было подписано мирное соглашение о Читтагонгском горном районе, которое предоставило расширенную автономию представителям племен. Соглашением предусматривалась всеобщая амнистия мятежникам, их реабилитация и выделение финансовой помощи в обмен на сдачу оружия, а также создание Министерства по делам ЧГР и нового органа автономии — Регионального совета ЧГР, большинство членов которого и председатель должны быть представителями племен.

Особенности внешней политики. Специфическое географическое положение Народной Республики Бангладеш во многом определяет и ее внешнюю политику. Страна с трех сторон окружена территорией Индии, длина границы с которой равна 4096 км. Лишь на крайнем юго-востоке Бангладеш граничит с Мьянмой на участке протяженностью в 283 км, а с юга омывается водами Бенгальского залива, береговая линия которого составляет 580 км. Такое положение Бангладеш, а также историческая, культурная и этническая близость к бенгальцам индийского штата Западная Бенгалия определяют гипертрофированное опасение бангладешцев в отношении сохранения суверенитета своей страны. Именно с этим связано то, что, хотя Индия и была первым государством, которое 6 декабря 1971 г. официально признало Бангладеш, в индийско-бангладешских отношениях продолжает существовать ряд проблем, сдерживающих их развитие. Основными из них являются незаконная миграция (из Бангладеш в Индию), пограничные и торговые споры, наличие большого количества микроскопических анклавов на территории друг друга, раздел вод Ганга и других общих рек, а также деятельность сепаратистских и экстремистских группировок, которая осуществляется с сопредельной территории. Короткий период весьма тесных и теплых контактов закончился со смертью М. Рахмана. Затем длительное время отношения между двумя странами оставались весьма сдержанными, и только вторая половина 1990-х годов отмечена значительным их улучшением. В декабре 1996 г.

правительство Авами лиг заключило соглашение с Индией о разделе вод Ганга сроком действия на 30 лет. В июне 1999 г. было открыто первое прямое автобусное сообщение между Даккой и Калькуттой. Правда, и во время потепления отношений достаточно обычными были инциденты с обстрелами переходящих границу мигрантов.

Советский Союз в числе первых установил дипломатические отношения с Народной Республикой Бангладеш 25 января 1972 г. За этим последовал короткий период интенсивного развития отношений между двумя странами. В марте 1972 г. премьер-министр Бангладеш М. Рахман посетил с визитом Москву. В том же году был подписан целый ряд соглашений: об оказании Бангладеш безвозмездной помощи в восстановлении нормальных условий навигации в морских портах (в соответствии с которым советские специалисты расчистили от мин и затонувших кораблей Читтагонгский морской порт); об экономическом и техническом сотрудничестве; о культурном и научном сотрудничестве; торговое соглашение, предоставлявшее сторонам режим наибольшего благоприятствования в торговле. Однако после военного переворота 1975 г. контакты между двумя странами практически прекратились. Только в 1990-е годы отношения между Бангладеш и Россией несколько оживились. Возобновилась практика обмена визитами на высоком уровне. В 1999 г. было заключено российско-бангладешское межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве.

До февраля 1974 г. официальных связей у Бангладеш с Пакистаном не было. Затем стороны установили дипломатические отношения. Ситуация в сфере двусторонних контактов изменилась после военных переворотов 1975 г. На следующий день после убийства М. Рахмана премьер-министр Пакистана З.А. Бхутто заявил, что его страна признает новый режим в Бангладеш, и предложил ему в качестве дара 50 тыс. т риса. С тех пор до середины 1990-х годов происходило постепенное улучшение пакистано-бангладешских отношений. После прихода к власти в Бангладеш правительства Авами лиг на фоне улучшения отношений с Индией началось их ухудшение с Пакистаном. Критической точкой эта тенденция достигла в 2000 г., когда пакистанский руководитель генерал П. Мушарраф отменил свой визит в Бангладеш.

Партию Авами лиг обычно рассматривают как ориентирующуюся более на Индию, тогда как НПБ считают пропакистанской партией. Но это, скорее, является отражением тактики их действий, а не партийной идеологии. В то же время особое место во внешней политике всех правительств Бангладеш занимает КНР. Поддерживавший Пакистан во время войны за независимость 1971 г. Китай, используя свое право вето, длительное время препятствовал приему Бангладеш в ООН. Только признание Бангладеш Пакистаном изменило позицию Китая, и 17 сентября 1974 г. страна стала членом ООН. В августе следующего года Бангладеш была официально признана и КНР. Нормализация отношений с Пакистаном позволила Бангладеш развивать тесное сотрудничество с Китаем, распространившееся и на военную сферу. По стратегическим соображениям Китай был заинтересован в распространении своего влияния на Бангладеш и ослаблении индийских позиций в этой стране. С 1980-х годов КНР превратилась в основного

поставщика вооружений и военного снаряжения для Бангладеш, армия которой оснащена преимущественно китайскими боевыми самолетами, патрульными катерами и танками. Многие политические силы и большинство представителей военных воспринимают Китай как сдерживающий фактор против любых агрессивных устремлений со стороны Индии, принимая во внимание, что лишь 90 км индийской территории отделяют Бангладеш от китайского Тибета.

Уже правительство М. Рахмана попыталось нормализовать отношения с США. После установления в мае 1972 г. дипломатических отношений между Бангладеш и США последние постепенно превратились в крупного «донора» экономической помощи. За неполные тридцать лет объем американской помощи Бангладеш продовольствием, а также в реализации различных проектов развития составил 4200 млн. долл. После осуществления ядерных испытаний Индией и Пакистаном в 1998 г. возросло стратегическое значение Бангладеш для США. Обнаружение в Бангладеш месторождений природного газа также повысило привлекательность этой страны для инвесторов. США являются самым большим импортером главной статьи бангладешского экспорта — готовой одежды. В марте 2000 г. Б. Клинтон стал первым президентом США, посетившим Бангладеш в рамках своего турне по Южной Азии. В ходе визита он объявил о выделении Бангладеш продовольственной помощи на сумму в 97 млн. долл., а также 8,6 млн. — на сокращение использования детского труда.

Страна весьма активно выступает за экономическое сотрудничество на региональном уровне. По инициативе Бангладеш в 1985 г. возникла Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), объединяющая Бангладеш, Бутан, Индию, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланку. В рамках СААРК обсуждалась идея создания зоны свободной торговли в Южной Азии к 2005 г.

На протяжении всего своего независимого развития Бангладеш сильно зависела и зависит от иностранной помощи. Только в 1999/2000 г. иностранная помощь стране составила 1575 млн. долл. Кроме США основными «донорами» Бангладеш являются Япония, Канада, Германия, Великобритания, Саудовская Аравия, Нидерланды, а также международные финансовые организации. По данным Всемирного банка, внешний долг Бангладеш в конце 1998 г. превысил 16 млрд. долл.

Бангладеш продолжает оставаться в числе наименее экономически развитых стран мира. Годовой доход на душу населения с середины 1970-х годов вырос с немногим более 60 долл. до 361 долл. (в 1999 г.). Быстрыми темпами растет население страны, которое в 2001 г. достигло 129,2 млн. человек. В 1999 г. более 57% работающего населения было занято в сельском хозяйстве, около 10 — в промышленности и 25% — в сфере услуг. Темпы роста валового внутреннего продукта во второй половине 1990-х годов составляли свыше 5% в год, и экономическое положение несколько улучшилось.

Глава 27

НЕПАЛ И БУТАН

НЕПАЛ

Королевство Непал официально не участвовало во Второй мировой войне. Однако непальцы принимали активное участие в боевых действиях в составе гуркхских частей британской армии. В 1939–1945 гг. свыше 200 тыс. гуркхов сражались в Северной и Восточной Африке, Италии, Греции, на Ближнем Востоке, в Бирме или несли гарнизонную службу в Индии. По официальным данным, 24 тыс. из них погибли. Несколько непальцев были награждены высшими военными наградами Великобритании. Опыт ветеранов-гуркхов сыграл большую роль в формировании идеологии непальского демократического движения, активизация которого наметилась после достижения Индией независимости.

За годы войны и в первые послевоенные годы внутри страны произошли некоторые социально-экономические сдвиги. Потребности военного времени подтолкнули развитие непальской промышленности, которое началось еще в предвоенный период. Были построены две джутовые фабрики, сахарный и фанерный заводы, увеличилось производство технических сельскохозяйственных культур, постепенно росла товарность сельскохозяйственного производства.

Большинство предприятий было сконцентрировано в восточных тераях, вблизи границы с Индией. Большая часть предприятий принадлежала индийскому капиталу. Большинство промышленных рабочих являлись выходцами из Северной Индии. Непальская буржуазия в этот период была представлена средними и мелкими торговцами, владельцами ремесленных мастерских и мануфактур.

В январе 1947 г. на конференции в Калькутте представителей непальской иммиграции была образована политическая партия, получившая название Непальский национальный конгресс (с 1950 г. — Непальский конгресс, ННК/НК). Руководителем партии стал Бишешвар Прасад Коирала. Лидеры новой партии, стоявшие на либерально-демократических позициях, имели тесные связи с индийскими социалистами и Индийским национальным конгрессом. Однако либерализм лидеров ННК/НК был во многом поверхностным и имитационным в силу их принадлежности к феодальной верхушке. В будущем глубокие социальные различия помешали установлению реального сотрудничества между индийскими и непальскими единомышленниками.

ННК возглавил движение против режима Рана¹, которое велось в форме *сатьяграхи* — кампании гражданского неповиновения, а также забастовок рабо-

¹ Об основании и истории государства Непал и режиме семейства Рана см.: История Востока Т. IV, кн. 1, с. 181–193, 433–439 и кн. 2, с. 381–385.

чих и студенческих демонстраций. Движение проходило под лозунгом возвращения королю его прерогатив. Подъем движения против Рана, находившего поддержку в Индии, заставил премьер-министра Падму Шамшера (Шамшеры — одна из ветвей семейства Рана) маневрировать. В мае 1948 г. П. Шамшер был смещен наиболее консервативной группировкой внутри Рана, премьер-министром был провозглашен Мохан Шамшер. Непальский конгресс был запрещен. Внутриполитическая ситуация в Непале зашла в тупик.

В конце 1940-х годов позиция Индии превратилась в решающий фактор развития внутриполитической ситуации в Непале. Индийская сторона в своих отношениях с Непалом руководствовалась прежде всего соображениями безопасности. Образование в 1949 г. КНР и последовавшее за этим обещание Пекина «освободить Тибет» побудили Дели к более активным действиям на непальском направлении. Летом 1950 г. между Индией и Непалом был заключен договор О мире и дружбе. Договор, как и «сопроводительное письмо» (текст письма был опубликован только в 1960 г.), предусматривал эффективные меры в случае угрозы безопасности сторон. По условиям договора, Непал становился сферой индийского влияния. Однако индийская сторона не могла полностью положиться на правительство Рана, находившееся в состоянии перманентного кризиса. Индийское руководство было заинтересовано, чтобы развитие ситуации в Непале пошло по пути постепенных умеренных реформ, результатом которых должно было быть создание конституционной монархии, формирование внешнеполитического курса, ориентированного на Индию.

Осенью 1950 г. в связи с активизацией в Непале левых сил руководство НК взяло курс на насильственное свержение правящего режима. На территории Индии была сформирована Освободительная армия. Она вступила на территорию Непала и освободила несколько населенных пунктов. В г. Биргандж было создано временное правительство. В ноябре 1950 г. король Трибхуван (правил с 1911 г.), опасаясь ареста, бежал в Индию вместе с семейством на двух самолетах индийских ВВС. Рана объявили о низложении Трибхувана и провозглашении королем его внука, трехлетнего Гьянендры (он стал королем в 2001 г.). Индийская сторона потребовала возвращения Трибхувана на престол.

Открытый конфликт между королем и Рана привел к изоляции последних. Король стал единственным знаменем пестрого движения против всемогущего семейства. Крестьянство, интеллигенция, слои, связанные с нарождающейся промышленностью, торговцы, ремесленники, часть землевладельцев и аристократии (включая некоторых представителей Рана) были заинтересованы в ликвидации власти небольшой группы феодальных автократов.

Твердая позиция Индии и успехи повстанцев, поддерживаемых выступлениями в городах, заставили Рана пойти на уступки. На переговорах в Дели между королем, представителями Рана и НК была достигнута договоренность о прекращении огня и возвращении короля в Непал. 18 февраля 1951 г., через несколько дней после торжественного возвращения в Катманду, король обнародовал прокламацию, которая отменяла институт наследственных премьер-министров. Обнародование королевской прокламации ознаменовало конец господства Рана

и возвращение Непала к традиционной монархической системе, приспособленной к условиям, сложившимся в Южной Азии в послевоенный период.

Переходный период (1951–1959). Мохан Шамшер сохранил за собой пост премьер-министра Временного коалиционного правительства, состоящего из представителей Рана и НК, но теперь он уже был не наследственным, а назначенным главой кабинета. Осенью 1951 г. Рана лишились всех государственных постов.

После ликвидации режима Рана в стране появилось множество политических партий (в 1952 г. их число достигло сорока). Партии строились в основном на личных, клановых, кастовых, земляческих или этнических связях, иногда строителем партии выступал лидер, обладавший финансовыми средствами или харизматическими чертами. В условиях отсутствия социальной основы для формирования полноценной идеологии и политической линии деятельность непальских партий вырождалась в беспринципную борьбу лидеров группировок, руководствовавшихся корыстными интересами.

Король умело играл на межпартийных противоречиях. Королевская власть стремилась не допустить усиления сил, находившихся на крайних правом и левом флангах. В начале 1950-х годов в условиях политической нестабильности по обвинению в мятеже были запрещены правая проранистская группировка Гуркха дал (Партия гуркхов) и Коммунистическая партия Непала (запрет на деятельность КПН был снят в 1956 г.).

После ухода Рана с политической сцены НК превратился в основного политического соперника королевского двора. Сторонники короля и конгрессисты были едины в необходимости проведения реформ «сверху». Основное расхождение в подходе к реформам было связано с вопросом о темпах и методах преобразований. Наиболее консервативные силы, сгруппировавшиеся вокруг трона, стремились при проведении реформ сохранить феодальную собственность на землю и руководящие позиции в государственном аппарате. Конгрессисты, выражавшие интересы части помещиков, некоторой части крестьянства, торгово-промышленных кругов и переходных городских слоев, стремились к более динамичным преобразованиям, которые открыли бы путь к формированию парламентской монархии и развитию капиталистических отношений.

Формируя кабинеты в 1951–1958 гг., король Трибхуван, а после его смерти в 1955 г. и его сын король Махендра стремились не допустить к руководству страной НК, самую влиятельную партию страны. Поэтому формирование кабинетов поручалось слабым и зависимым от королевской власти партиям.

Осенью 1951 г. формирование правительства было поручено М.П. Коирале, брату и сопернику Б.П. Коиралы, в 1953 г. он возглавил новый кабинет уже как лидер новой Непальской демократической партии (НДП), в 1954 г. было создано коалиционное правительство в составе НДП, Непальского народного собрания (ННС) и групп, отколовшихся от НК. В 1956 г. правительство возглавил лидер Непальского народного собрания Т.П. Ачарья, неожиданно перешедший из оппозиции на сторону короля, а в 1957 г. — К.И. Синх, деятель, склонный прибегать к авантюрам. Он создал собственную Объединенную демократическую партию. Коалиционный кабинет 1958 г., составленный из представителей НК, ННС, пра-

вой партии Гуркха паришад (Совет гуркхов) и ННС, не имел премьер-министра. В 1952, 1954 и 1957 гг. вводилось «прямое правление» короля.

Ни одно из перечисленных правительств не могло осуществить какие-либо серьезные реформы. Лишь правительство Т.П. Ачарьи предприняло некоторые шаги по реформированию судебной системы и подготовке аграрной реформы, был разработан первый пятилетний план на 1956/57–1960/61 гг. Король стремился лично объявлять о наиболее важных реформах.

Середина 1950-х годов стала важным рубежом в развитии внешнеполитических связей. Страна стала членом ООН. Непал объявил, что будет придерживаться нейтралитета и политики мирного сосуществования в отношениях с соседями и другими странами. В 1956 г. Непал установил дипломатические отношения с Советским Союзом. Между двумя странами начался обмен правительственными делегациями. В конце 1950-х годов были заключены первые советско-непальские соглашения о сотрудничестве в различных областях. В 1956 г. было подписано несколько договоров с КНР. Во второй половине 1950-х годов Непал установил дипломатические отношения с Египтом, Пакистаном, Цейлоном, ФРГ, Японией и рядом других стран. Уникальные памятники природы и культуры Непала, именовавшегося до 1951 г. «страной за семью печатями», привлекали все возрастающее количество исследователей и туристов. Команды альпинистов из разных стран стремились покорить гималайские пики. В 1953 г. Эдмунд Хиллари и Норгей Тенсинг покорили высочайшую вершину планеты Эверест.

Бурные и противоречивые процессы демократизации общественной жизни Непала оказали влияние на развитие науки, литературы и искусства. В 1950-е годы оживилась издательская деятельность. Постоянно росло количество периодических изданий. На страницах научных, литературных и общественно-политических журналов шли оживленные дискуссии по различным вопросам.

12 февраля 1958 г. была обнародована новая конституция Непала. Королю предоставлялись широкие полномочия — частично или полностью приостанавливать действие любой статьи конституции. Она подтверждала основные права и свободы граждан. Предусматривалось создание парламента, состоящего из двух палат. Выборы в палату представителей (109 членов) должны были проходить на основании всеобщего избирательного права. Половина из 36 членов верхней палаты избиралась палатой представителей, а половина назначалась королем.

Первые парламентские выборы. Правительство НК. Первые в истории Непала всеобщие парламентские выборы, которые постоянно откладывались начиная с 1951 г., проводились в феврале–апреле 1959 г. В выборах участвовало одиннадцать партий и независимые кандидаты. Наибольшее число голосов (37,2%) и мест в парламенте (73) получил НК, выступавший под лозунгом достижения социалистических целей посредством институтов парламентской монархии. Гуркха паришад получила 17,3% голосов (19 мест), ОДП — 9,9% (5), КПН — 7,2% (4). Многие партийные лидеры потерпели поражение. Б.П. Коирала как председатель победившей партии был назначен премьер-министром.

Важным достижением правительства НК стало принятие парламентом аграрного законодательства, которое предусматривало постепенную ликвидацию сис-

темы *бирта*, земельные излишки национализировались за частичную компенсацию. Ряд мероприятий правительства были направлены на облегчение положения арендаторов. Правительству удалось увеличить доходы государства (во многом за счет роста налогов). Было увеличено финансирование пятилетнего плана, в его реализации обозначились первые достижения. Правительство НК стимулировало иностранные и частные инвестиции в непальскую экономику.

При проведении реформ правительство Б.П. Коиралы допустило ряд ошибок, в частности, увеличение налогов ударило по интересам крестьянства и средних городских слоев, усилился сгон арендаторов с земли. Начиная со второй половины 1960 г. в стране участились антиправительственные выступления. Ослабление позиций правительства НК отразилось в поражении этой партии на муниципальных и дополнительных выборах в парламент, которые принесли успех Гуркха паришад.

Некоторые партии, прежде выступавшие вместе с НК против «прямого правления», объединились с целью борьбы против правительства НК. В рядах партии и правительства периодически возникали раздоры, вызванные разногласиями на идеологической (с вернувшимся в партию М.П. Коиралой) и личной (с министром иностранных дел Тулси Гири) почве.

Король Махендра в своих выступлениях давал ясно понять, что он не одобряет курс Б.П. Коиралы на «забвение традиций... и недоучет особенностей истории и географического положения страны», что, по его мнению, угрожало суверенитету и стабильности Непала. За подобными высказываниями скрывалось все более обострявшееся противостояние между модернистами (сторонниками НК) и консерваторами, в основном группировавшимися вокруг королевского секретариата. Идеологической основой антиконгрессизма стал симбиоз религиозного фундаментализма и национализма.

Вторая половина 1960 г. характеризовалась поляризацией и перегруппировкой политических сил. НК, используя борьбу с коррупцией и кампанию по реорганизации, пытался взять под контроль административный аппарат, полицию и армию. Нарастающая напряженность подтолкнула короля к решительным действиям.

Утром 15 декабря 1960 г. войска по его приказу заняли стратегические пункты столицы, были арестованы министры-конгрессисты во главе с Б.П. Коиралой, руководство НК и других партий (всего около 600 человек). Несколько сот активистов различных партий бежали в Индию. В королевской прокламации, опубликованной в день переворота, говорилось, что король, воспользовавшись своим конституционным правом, устанавливает «режим прямого правления», кабинет министров и обе палаты парламента распускаются, партийная деятельность запрещается, приостанавливается действие ряда статей конституции. В прокламации отмечалось, что действия короля носили вынужденный характер и были вызваны нестабильностью, возникшей по вине правительства.

Переворот не встретил какого-либо сопротивления. Его успех объясняется рядом причин: кризисом либерально-демократической модели политического устройства, вызванным ее несоответствием уровню развития и традициям не-

пальского общества; слабостью и формальностью институтов парламентской демократии; господством в обществе монархических представлений; разочарованием в результатах демократических реформ 1950-х годов и, как следствие, усилением консервативных настроений в различных общественных слоях; недовольством правительством НК; поддержкой переворота армией и полицией. Среди зарубежных правительств лишь индийское выразило свое негативное отношение к перевороту.

Система панчаятов. Изменения в политическом устройстве Непала были закреплены в конституции 1962 г., провозгласившей создание в Непале «беспартийной панчаятской демократии». Конституция предусматривала создание четырехступенчатой системы *панчаятов* различных уровней — на местном (деревня, город), на уровне дистрикта и зоны и на высшем — Национального панчаята, игравшего роль парламента. Конституция не предусматривала создание партий, политических организаций и профсоюзов. Их роль играли всенепальские «классовые организации»: крестьянская, рабочая, женщин и т.д. Выборы в панчаяты среднего и высшего уровня носили непрямой и ступенчатый характер. Выборы большей части 125 членов Национального панчаята осуществлялись выборщиками от панчаятов и «классовых организаций» зонального уровня, 16 членов назначались королем. Король являлся главой государства, он руководил всеми ветвями власти. Конституция могла быть изменена и дополнена королевскими прокламациями. Король назначал членов кабинета и премьер-министров. Этот пост по очереди занимали Т. Гири (1962–1965), С.Б. Тхапа (1965–1969), К.Н. Биста (1969–1970). Король лично возглавлял правительство в 1970–1971 гг. Его сменил К.Н. Биста, которого в 1973 г. заменил Н.П. Риджал. Роль правительств периода «панчаятской демократии» сводилась к оформлению королевских решений. Согласно конституции король являлся источником всей власти — исполнительной, законодательной и судебной. Непальский абсолютизм стал национальным вариантом «третьего пути».

Идеологи панчаятской системы подчеркивали, что такой вариант демократии призван противостоять западной многопартийной модели, непригодной для Непала и других стран Востока, а также однопартийности социалистических стран, ведущей к диктатуре. Панчаяты были призваны обеспечить классовую координацию, которая должна была способствовать построению в Непале общества без эксплуатации. В официальных документах подчеркивалось, что система панчаятов является развитием исконно непальских общинных традиций управления и самоуправления. В конституции 1962 г. Непал именовался «индуистским королевством».

Установление «панчаятской демократии» стало определенным шагом назад по сравнению с демократическими достижениями 1950-х годов. Однако откат и сопутствовавший ему застой не были полным возвращением к периоду правления Рааи. В стране продолжалось социально-экономическое и культурное развитие.

Насущные потребности развития страны диктовали необходимость проведения социально-экономических реформ, которые во многом были продолжением реформ, начатых конгрессиетским правительством. В 1964 г. Национальный

панчаят принял новый свод законов, который запрещал ряд архаичных порядков: привилегии феодальной элиты, принудительный труд, кастовое неравенство, ранние браки; провозглашалось равенство всех граждан. Аграрное законодательство 1963–1964 гг. устанавливало максимум земельного владения, излишки подлежали изъятию с выплатой компенсации для дальнейшего распределения среди крестьян. Реализация аграрного законодательства растянулась на многие годы, прежде всего из-за сопротивления землевладельцев и коррумпированных чиновников. В результате в период «панчаятской демократии» не была решена коренная проблема непальского сельского хозяйства — ликвидация крупного помещичьего землевладения, не произошло заметных сдвигов в развитии производительных сил в сельском хозяйстве. Однако реформа приостановила процесс концентрации земли в руках помещиков, уменьшила масштабы эксплуатации крестьян докапиталистическими методами.

Ведущая роль в развитии экономики отводилась госсектору и государственным институтам, таким, как Национальный банк и Государственная корпорация промышленного развития. Принимались меры по стимулированию кустарного и мелкокапиталистического производства. В 1962 г. был принят трехлетний план развития. Позже планирование стало осуществляться на основе пятилетних планов. Однако экономические планы постоянно не выполнялись. В 1960–1970-х годах правительство уделяло растущее внимание развитию дорожного строительства и гидроэнергетики.

В первые годы существования системы панчаятов политика королевского правительства не вызывала серьезных протестов. В 1961–1962 гг. руководство НК, находившееся в эмиграции, пыталось организовать вооруженную борьбу против правительства, используя в качестве базы индийскую территорию. Действия конгрессистских отрядов не оказали влияния на внутривнутриполитическую ситуацию, но вызвали напряженность в непало-индийских отношениях. В 1971 г. левая организация Объединенный центр, находившаяся под влиянием индийских наксалитов, организовала вооруженное выступление крестьян-арендаторов в восточных тераях. Выступление было быстро подавлено властями, население, крестьянство не поддержало НК и другие радикальные элементы.

С целью обновления панчаятской идеологии в 1967 г. по инициативе короля Махендры Национальный панчаят принял амбициозную программу «Лицом к деревне». Проводя новую кампанию, королевская власть стремилась укрепить свои позиции в деревне и противопоставить ее городам, где сохранялось влияние партий и усиливались антипанчаятские тенденции. В середине 1970-х годов король Бирендра, занявший трон после смерти отца в 1972 г., придал кампании конституционный статус. Структуры, созданные для проведения кампании, превратились фактически в королевскую партию.

Экономическая жизнь Непала в 1970-х годах характеризовалась некоторым ростом промышленного производства и товарности сельского хозяйства. Активно шло дорожное строительство, развивался воздушный транспорт. Туризм и альпинизм превратились в важные источники поступления иностранной валюты. Однако экономическая активность ограничивалась центральными и восточ-

ными тераями и долиной Катманду. В период с 1965 по 1985 г. среднегодовой рост ВВП в сельском хозяйстве составлял 1,6%, в промышленности — 4,4%. В середине 1970-х годов упор был сделан на поддержку среднего и мелкого предпринимательства, а также на привлечение иностранного капитала. Индустриализация страны протекала медленно и сложно. В 1965 г. доля промышленности в ВВП составляла 11%, а в 1980-х годах только 12%. Национальное предпринимательство страдало от конкуренции со стороны Индии. В 1960–1980-х годах значительно вырос торговый и бюджетный дефицит, а внешний долг в середине 1980-х годов достиг приблизительно 30% ВВП. Иностранная финансовая и техническая помощь стала важным фактором экономического развития Непала. Основными донорами были Индия, Китай, США, СССР, Англия и Япония. 80% помощи шло на строительство дорог, энергетику, программы образования и здравоохранения, обучения специалистов администрации и сельского хозяйства. Роль иностранной помощи в обрабатывающей промышленности была невелика. С помощью Советского Союза были построены несколько промышленных объектов: ГЭС Панаути (2,4 МВт) и участок автотрассы «Восток–Запад» (120 км). Непал начал закупать советские вертолеты, хорошо зарекомендовавшие себя в горных условиях. Ежегодно десятки непальских студентов получали образование в СССР.

Несмотря на некоторый экономический рост, материальное положение большинства населения оставалось тяжелым, что привело к росту недовольства. Во второй половине 1970-х годов панчаятская система уже не могла обеспечить стабильность и экономическое развитие непальского общества. Ряд деятелей панчаятов стремились реформировать систему и не допустить социального взрыва. Так, либерал Т. Гири, вновь назначенный премьером в декабре 1975 г., пытался провести некоторые реформы, но в 1977 г. был обвинен в коррупции и ушел в отставку. Пост премьера занял более консервативный К.Н. Биста.

Кризис системы панчаятов в 1979–1989 гг. Резкое обострение кризиса произошло в апреле 1979 г. Демонстрация, организованная в столице студентами, закончилась столкновением с полицией и послужила толчком к началу массового антиправительственного движения. Участились протесты и в деревне. Правительство К.Н. Бисты подало в отставку.

Учитывая размах выступлений, охвативших 37 из 75 округов страны, король объявил о проведении референдума, на котором непальцам предлагалось выбрать между сохранением панчаятской системы (при условии ее реформирования) и введением в стране многопартийной системы. Идя на референдум, правящие круги Непала осознавали необходимость постепенного введения в Непале институтов конституционной монархии, к этому их подталкивали США и Индия. Бирендра объявил, что независимо от итогов референдума в Непале появятся всеобщее избирательное право и правительство, ответственное перед законодательным органом.

Референдум состоялся 2 мая 1980 г. Из 4,8 млн. голосовавших (66,9% зарегистрированных избирателей) 55% предпочли панчаятскую систему. Результаты референдума придали панчаятской системе формальные признаки легитимности.

Некоторые лидеры оппозиции пошли на сотрудничество с королем. Это проявилось в одобрении руководством НК концепции «национального примирения», выдвинутой Б.П. Коиралой. В качестве ответного шага кампания «Лицом к деревне» была прекращена, а ее структуры ликвидированы.

В соответствии с третьей поправкой к конституции в мае 1981 г. состоялись первые прямые выборы в Национальный панчаят. Кандидатом мог стать только член одной из шести классовых организаций. Несмотря на бойкот со стороны некоторых лидеров политических партий, что обеспечило победу панчаятистов, эти выборы, как и вторые выборы 1986 г., а также выборы в местные панчаяты 1982 и 1987 гг. продемонстрировали растущее влияние политических партий.

Кабинеты 1980-х годов, возглавлявшиеся умеренным С.Б. Тхапой и сменившими его консерваторами Л.Б. Чандом и М.М. Синхом, не играли самостоятельной роли в политической и экономической жизни страны. Реальная власть находилась в руках окружения короля.

Королевская власть периодически демонстрировала решимость сохранить слабеющую систему панчаятов. Для этого усиливалась цензура, государственные учреждения освобождались от приверженцев либеральных и левых взглядов.

Панчаятское правительство стремилось компенсировать внутривнутриполитические трудности укреплением внешнеполитических позиций страны. Непал в целом успешно пытался ослабить политическую и экономическую зависимость от Индии. Расширились связи с Китаем, Бангладеш, Японией, странами Европы, Советским Союзом (в 1976 г. Бирендра посетил СССР с официальным визитом), а также с международными организациями. В 1985 г. Непал стал одним из учредителей Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Штаб-квартира этой организации разместилась в Катманду. Придерживаясь традиционной непальской политики балансирования между Индией и Китаем, в 1975 г. Бирендра объявил Непал «зоной мира». Китай, США и ряд других стран приветствовали этот шаг. Индия отнеслась к непальской «зоне мира» негативно, поскольку это ставило под сомнение положения договора 1950 г.

Во второй половине 1980-х годов наметился процесс консолидации и активизации антипанчаятских сил, чему способствовали пересмотр КПН своей позиции по отношению к многопартийности и парламентаризму, а также усиление в НК центристов и левых после смерти Б.П. Коиралы в 1982 г.

Переход Непала к демократии. В 1989 г. сложились благоприятные условия для активизации оппозиции. Политическая нестабильность усугублялась ухудшающейся экономической ситуацией, которая во многом стала следствием резкого обострения индийско-непальских экономических отношений. В марте 1989 г. истек срок договора о торговле и транзите между Индией и Непалом. Из-за разногласий по вопросу о пошлинах договор не был продлен. Противоречия по поводу договора наложились на недовольство Индии приобретенным Непалом оружием у Китая и положением индийских граждан в Непале. Индия отменила льготные экспортные и импортные пошлины при торговле с Непалом и закрыла 13 из 15 пропускных пунктов на границе. В стране стал ощущаться растущий дефицит горячего и товаров первой необходимости. По мере ухудшения экономического

положения недовольство населения, направленное первоначально против Индии, стало приобретать антиправительственный характер.

В феврале 1990 г. НК и Объединенный левый фронт (ОЛФ), включавший семь коммунистических партий и групп, создали Народное движение, которое развернуло активную кампанию за установление в стране парламентской демократии. Демонстрации и *бандхи* (вариант кампании гражданского неповиновения) приобретали общенациональный характер. Кульминацией антипанчатского движения стало шествие к королевскому дворцу 6 апреля 1990 г., в котором приняли участие до 200 тыс. человек. В результате столкновений демонстрантов с полицией, преградившей им путь к дворцу, погибло около 50 человек. Жертвы подхлестнули волну недовольства.

Осознав невозможность подавить протесты силой, король пошел на уступки, он снял запрет на деятельность политических партий, было объявлено о роспуске панчатских структур, включая Национальный панчат. 19 апреля было создано временное коалиционное правительство из представителей НК и ОЛФ. Его возглавил исполнявший обязанности председателя НК Кришна Прасад Бхаттарай. Это стало финалом панчатского периода в истории Непала. Индия, США и другие крупные демократические государства приветствовали политические изменения в Непале.

В конституции, обнародованной в ноябре 1990 г., Непал объявлялся конституционной монархией. Конституция декларировала основные права и свободы граждан. Контроль за их соблюдением ложился на Верховный суд. Высшим законодательным органом объявлялся парламент, состоящий из двух палат: палаты представителей и национальной палаты (сената). Палата представителей (205 членов) избирается путем всеобщих выборов. По конституции 1990 г. 60 членов Национальной палаты избираются палатой представителей, а некоторая часть ее членов назначается королем. Исполнительная власть принадлежит королю и Совету министров, который формируется партией, победившей на выборах. Король осуществляет свои полномочия в рамках конституции и признается высшей государственной инстанцией, символом национального единства страны. Он является главнокомандующим, и ему предоставлено право вводить чрезвычайное положение сроком до трех месяцев.

В целом конституция 1990 г. соответствовала формуле «власть народу, уважение королю», но являла собой особый тип конституционной монархии, при которой власть короля носит отнюдь не номинальный характер. Характерно, что такой неконституционный орган, как королевский секретариат, сохранил большое влияние на принятие государственных решений.

С введением конституции, однако, активизировалась деятельность прежде запрещенных и новых партий. Наиболее влиятельными стали НК и КПН (Объединенная марксистско-ленинская, ОМЛ), образованная на базе ОЛФ. Выразительницей интересов торгово-промышленных кругов тераев стала Непальская партия благонамерения (НПБ), по многим позициям близкая к НК. На правом политическом фланге возникли две Национально-демократические партии, возглавляемые соперничавшими между собой панчатскими экс-премьерами — Л.Б. Чандом

и С.Б. Тхапой. Крайне левые группировки объединились в Объединенный народный фронт (ОНФ).

На парламентских выборах 12 мая 1991 г. большинство мест в парламенте (110) получил НК, КПН (ОМЛ) получила 69 мест. Небольшое количество голосов получили ОНФ, НПБ и обе НДП. После выборов 1991 г. в стране сложились три центра политических сил: НК, КПН (ОМЛ) и королевский двор, который не проявлял политической активности, но сохранял влияние в силовых структурах.

Генеральный секретарь НК Гирирадж Прасад Коирала (брат покойного Б.П. Коиралы) был назначен премьер-министром. Мероприятия правительства НК, в частности курс на приватизацию и введение льготного налогообложения, способствовали росту промышленного производства, однако не было предпринято никаких серьезных шагов, направленных на структурные изменения в сельском хозяйстве.

Правительство Г.П. Коиралы пользовалось международной поддержкой. Наиболее тесные отношения были установлены с Индией. Однако заключенное с ней соглашение по использованию водохранилища Танакупур на р. Махакали не было ратифицировано парламентом и превратилось в одну из главных внутриполитических проблем. Другой важной внешнеполитической проблемой стал вопрос о положении бутанских беженцев, спасавшихся на исторической родине, в Непале, от притеснений бутанских властей; к концу 1990-х годов их численность достигла 100 тыс.

В конце 1993 г. в связи с ухудшением экономического положения и ростом цен в стране наметился рост антиправительственных выступлений. Г.П. Коирале пришлось вести и внутрипартийную борьбу. Это привело в июле 1994 г. к отставке правительства НК, после чего Непал вступил в полосу все возрастающей политической нестабильности.

По итогам внеочередных парламентских выборов 1994 г. КПН (ОМЛ), получившая большинство (88 мест против 83 у НК), сформировала однопартийное правительство во главе Манмоханом Адхикари. Превращение КПН (ОМЛ) в правящую партию привело к ее дальнейшему сдвигу в сторону социал-демократии. В декабре 1994 г. правительство обнародовало программу «Обустрой свою деревню своими силами», направленную на децентрализацию финансирования программ развития аграрного сектора. Иницилируя эту программу, КПН (ОМЛ) стремилась укрепить свое влияние среди крестьянства. Теперь местные органы власти («комитеты развития») могли распоряжаться средствами без вмешательства центра.

Правительство М. Адхикари оказалось не готово решить насущные проблемы страны, в частности реформировать старый государственный аппарат. В сентябре 1995 г. после вынесения палатой представителей вето недоверия в связи с обвинением в коррупции правительство КПН (ОМЛ) ушло в отставку.

Вплоть до лета 1999 г., когда в результате парламентских выборов было сформировано правительство конгрессистского большинства, смена кабинетов происходила каждые шесть-восемь месяцев. Многие кабинеты были коалиционными, на посту премьер-министра побывали представители трех различных пар-

тий. Ни одно из правительств не имело ни программы, ни возможности вывода страны из политического тупика.

В феврале 1996 г. организации КПН (маоистская), созданная в 1994 г. из нескольких левацких групп, и ОНФ инициировали вооруженное выступление, названное ими «народной войной». Вооруженная борьба началась в шести дистриктах Западного и Центрального Непала. В 1998 г. она охватила уже половину из 75 округов (дистриктов) страны. Руководителями организаций маоистов стали Бабурам Бхаттарай и Пушпа Камал Дахал (Прачанда). Идеологической основой маоистского движения был объявлен «путь Прачанды» — «творческое развитие марксизма-ленинизма-маоизма в условиях современного Непала». Значительная часть крестьянства отсталых горных районов поддержала маоистов.

Формирование однопартийного кабинета НК в 1999 г., который возглавил К.П. Бхаттарай, а позже Г.П. Коирала, на непродолжительное время стабилизировало ситуацию в стране. Однако правительство не смогло продвинуться в решении основных проблем страны, среди которых самой острой стала борьба с вооруженными маоистами. На рубеже третьего тысячелетия Непал по-прежнему оставался одной из самых слаборазвитых стран мира. 90% населения занималось сельским хозяйством, в экономике по-прежнему доминировали архаичные уклады. Годовой доход на душу населения составлял около 200 долл. США, почти половина населения жила ниже официальной черты бедности. На пути экономического и социального развития по-прежнему стояли феодально-консервативные барьеры.

В конце 2000 г. правительство объявило о резком повышении цен на горючесмазочные материалы, что стало поводом для уличных выступлений, во главе которых стояли левые партии. В начале 2001 г. забастовки и демонстрации участились. Все чаще выступления проходили под лозунгом отставки Г.П. Коиралы. Внутри правящей партии активизировалась группа К.П. Бхаттарая — Ш.Б. Деубы, выражавшая несогласие с линией правительства НК. С начала 2001 г. оппозиция практически парализовала работу парламента. Ослабление правительства происходило на фоне активизации вооруженных выступлений маоистов. В качестве условия начала мирных переговоров маоисты требовали отставки Г.П. Коиралы. К середине 2001 г. обстановка в стране накалилась. В мае почти ежедневно происходили забастовки и демонстрации, перераставшие в уличные беспорядки. 27–29 мая по инициативе шести левых партий была проведена всеобщая забастовка, полностью парализовавшая жизнь страны. Бастовавшие требовали отставки правительства. В этой обстановке глава государства — король Бирендра демонстративно отстранился от участия в политике.

Вечером 1 июня 2001 г. во дворце Нараянхити произошла кровавая драма. По официальной версии, наследный принц Дипендра под воздействием алкоголя и наркотиков расстрелял своих родителей — короля Бирендру, королеву Айшварью и других членов королевской семьи (всего погибло 11 человек), а потом покончил с собой.

В соответствии с Законом о престолонаследии королем был провозглашен младший брат Бирендры принц Гьянендра. Гибель конституционного монарха,

пользовавшегося большим уважением и игравшего важную роль в обществе, стала крупным испытанием для политической системы Непала. Важную роль в стабилизации обстановки сыграли законодательные и судебные органы, действовавшие строго в рамках конституции. В конце июля новый король принял отставку Г.П. Коиралы. Премьером был назначен Ш.Б. Деуба, который договорился с руководителями маоистов о прекращении огня и начале мирных переговоров. В дальнейшем, однако, эти договоренности были сорваны, а число жертв, связанных с действиями маоистов, достигло 6–8 тыс. Действия маоистов отрицательно сказались на деловой активности, и в первую очередь на туристическом бизнесе. Одновременно возросли расходы на правоохранительные структуры, численность которых была доведена до 50 тыс. человек.

Подводя итог, отметим, что после окончания Второй мировой войны под воздействием внешних факторов перед Непалом открылась возможность коренного реформирования архаичных феодальных порядков. Правящие круги пытались осуществить преобразования традиционных структур, используя различные методы, но терпели одну неудачу за другой. Печальным результатом развития страны во второй половине XX в. служит сохранение глубокой экономической отсталости и политического хаоса. Близорукая и в полной мере самоубийственная политика непальских верхов ставит под удар само существование монархии и перспективы позитивной эволюции общества.

БУТАН

Независимое государство Бутан было образовано в начале XVII в. Политическое устройство страны напоминало ламаистскую теократию Тибета. Верховный правитель-воплощенец *шабдрунг* считался главой государства и господствующей ламаистской секты друкпа (подразделение секты каргьюпа). Светские феодалы и главы монастырей-крепостей (*дзонгов*) обладали большой самостоятельностью. В 1907 г. в стране была установлена власть наследственных правителей из династии Вангчук, чему способствовала британская колониальная администрация Индии, рассматривавшая Бутан, как и Непал и Сикким, в качестве буферных государств на северо-восточной границе своих владений. В 1910 г. был подписан англо-бутанский договор, который закреплял полуколониальное положение страны.

В 1949 г. правительство независимой Индии, пользуясь отсталостью и изолированностью Бутана, заключило с королем Джигме Вангчуком (1926–1952) Договор о дружбе, по условиям которого Индия обещала не вмешиваться во внутренние дела королевства, но Бутан обязывался следовать советам Дели во внешней политике. Ежегодные индийские субсидии королю составили 500 тыс. рупий. Бутану возвращался район Девангири, отторгнутый англичанами в XIX в.

Во многом под влиянием Индии в период правления короля Джигме Дорджи Вангчука (1952–1972) процесс формирования централизованных структур королевства принял более динамичный характер. Было отменено рабство, около пяти тысяч рабов получили свободу, при помощи индийских военных инструкторов

была сформирована регулярная армия, при короле был создан консультативный орган — Цонгду (Национальная ассамблея) с частично избираемым составом, г. Тхимпху стал первой постоянной столицей страны. В 1958 г., после визита Дж. Неру в Бутан, были заключены первые индо-бутанские экономические соглашения. Началось строительство гидроэлектростанции и дороги из Центрального Бутана до индийской границы. С 1961 г. при технической и финансовой помощи Индии Бутан приступил к реализации пятилетних планов.

Королевские преобразования, и прежде всего земельная реформа, натолкнулись на сопротивление крупных феодалов и части ламаистского духовенства. Убийство заговорщиками в 1964 г. премьер-министра, представителя знатного рода Дорджи, привело к серьезному политическому кризису, преодоленному только в 1966 г.

Однако курс на реформы «сверху» остался неизменным. Король создал Консультативный совет, обладавший некоторыми административными полномочиями. В конце 1960-х годов земельная рента, получаемая монастырями, была заменена государственным содержанием. Количество монастырей и монахов было ограничено.

Король Джигме Синье Вангчук, правящий с 1972 г., продолжил реформы, направленные на постепенное формирование институтов конституционной монархии. Был сформирован совет министров, члены которого в 1990-х годах стали назначаться Национальной ассамблеей, а премьер-министр избирался на ротационной основе. Постепенно росли полномочия Национальной ассамблеи и Консультативного совета.

В 1971 г. в качестве независимого государства Бутан был принят в ООН, затем стал членом движения неприсоединения, СААРК и других международных организаций. В условиях отсутствия дипломатических отношений Бутан пошел на прямые переговоры с КНР по демаркации границы. Были установлены дипломатические отношения со всеми странами Южной Азии.

В 1970–1980-х годах благодаря зарубежной помощи был достигнут значительный прогресс в развитии энергетики, транспорта и связи. Мощность гидро- и теплоэлектростанций (400 МВт) позволяет экспортировать электроэнергию в Индию. Значительными источниками дохода стали туризм и выпуск почтовых марок. Были введены бесплатное школьное образование и здравоохранение, уровень грамотности достиг 40%. Однако Бутан оставался вплоть до конца XX в. отсталой страной, основная часть населения жила в традиционных условиях. Деятельность партий и профсоюзов была запрещена.

Большинство населения (около 70%) составляют друкпа — народ тибетского происхождения. Непальцы (около 25% населения) населяют дуары — южную, равнинную часть Бутана. Здесь же живут выходцы из Индии, а в центральной части — тибетские беженцы. Официальным языком считается *дзонгке* — диалект тибетского языка.

Резервы трансформирования традиционных структур консервативно-бюрократическими методами были исчерпаны в середине 1980-х годов. Замедление и откат реформ отразился в принятии ряда законов о сохранении окружающей

среды, бутанской культуры и нравственных устоев, укреплении законности и пресечении незаконной иммиграции.

Объективно эти нововведения были направлены против непальцев, которых бутанские правители привлекали для освоения дуаров с начала XX в. вплоть до 1959 г. Динамичные и трудолюбивые непальцы составляют основную часть населения, занятого в рыночном секторе экономики. В своем большинстве они поддерживают либерально-демократическую альтернативу развития страны. Партия Бутанский национальный конгресс, требовавшая установления парламентской монархии, состоявшая в основном из непальцев, была запрещена в 1953 г. Непальцы оказали поддержку движению за установление многопартийности, начавшемуся в 1990 г. под руководством Народной партии Бутана. Движение за демократические преобразования с самого начала носило этнический оттенок. Это привело к росту напряженности между индуистами непальцами и буддистами друкпа.

В сентябре 1990 г. на юге Бутана произошли столкновения непальских демонстрантов с полицией, приведшие к значительным человеческим жертвам. Они послужили толчком к исходу непальцев из Бутана сначала в Индию, а потом в Непал. В конце 1990-х годов количество бутанских беженцев, оказавшихся в лагерях на территории Непала, достигло 100 тыс., что еще больше обострило внутривнутриполитическую ситуацию в Непале. Длительные переговоры между Непалом и Бутаном, а также деятельность представителей ООН и других международных организаций не дали результатов в решении основного вопроса — возвращения беженцев в Бутан. Призывы Непала к Индии помочь в решении проблемы остались без ответа.

Рост политической напряженности в восточногогималайском регионе в 1990-х годах отрицательно сказался на внутривнутриполитической ситуации в Бутане. Это проявилось в участившихся случаях нарушения индо-бутанской границы отрядами экстремистских группировок и попытках создания ими на территории Южного Бутана баз для террористической деятельности.

ШРИ-ЛАНКА (ЦЕЙЛОН)

По окончании Второй мировой войны в 1945 г. была образована комиссия Соулбери для разработки основ нового законодательства, и в 1946 г. была принята конституция Соулбери. Главой государства объявлялся генерал-губернатор, назначаемый английским правительством сроком на четыре года и обладающий правом законодательного вето. В его ведении оставались все вопросы внутренней и внешней политики. Государственный совет был заменен двухпалатным парламентом, состоящим из верхней палаты (сената) и нижней (палаты представителей). Конституция Соулбери не передавала прав на самостоятельное управление цейлонцам, а лишь содержала обещание предоставления статуса доминиона. Накануне выборов 1947 г. произошли изменения в партийно-политической системе Цейлона. Цейлонский национальный конгресс (ЦНК) раскололся, и из него выделилась Объединенная национальная партия (ОНП), возглавляемая Д.С. Сенанаяке. ОНП представляла интересы цейлонских промышленников и землевладельцев, выступавших за поощрение частного предпринимательства, свободный доступ в экономику страны иностранного капитала, и ориентировалась на тесное сотрудничество как с бывшей метрополией, так и с другими капиталистическими странами.

Усиление борьбы национальных сил на Цейлоне и в соседней Британской Индии ускорило принятие «Акта о независимости Цейлона». Он вступил в силу 4 февраля 1948 г. Страна стала независимым и самоуправляющимся доминионом в рамках Британского содружества наций. Конституцию доминиона Цейлон, построенную по «вестминстерской» парламентарной модели, составили конституция 1946 г. и «Акт о независимости Цейлона», исключавший из первой положения, противоречащие статусу доминиона. Договор «Об обороне и внешних сношениях», подписанный между Цейлоном и Англией в 1947 г., оставался в силе. Согласно договору вооруженные силы Цейлона оставались под контролем английского главнокомандующего, сохранялось присутствие английских военных сил, военно-морской базы в Тринкомали и военно-воздушной в Катунаяке. Первым премьер-министром независимого Цейлона стал один из наиболее известных политических деятелей страны Д.С. Сенанаяке, лидер правящей партии — ОНП. Пребывание ОНП у власти продолжалось до 1956 г.

В конце 1940-х — первой половине 1950-х годов произошла перегруппировка партийно-политических сил страны, возник целый ряд новых партий. В 1949 г. из Всецейлонского тамильского конгресса (ВТК), основанного Г.Г. Поннамбалом, выделилась Федеральная партия во главе с С. Челванаягамом, недовольная сотрудничеством ВТК с ОНП. Борьбу с ВТК вел и Цейлонский индийский кон-

гресс, однако между тамильскими партиями не возникло единства. Федеральная партия предусматривала превращение Цейлона из унитарного в федеративное государство, в котором провинции с преобладанием тамильского населения образуют один или несколько тамильских автономных районов, тамильскому и сингальскому языкам будет предоставлен равный статус официальных языков страны, выходцы из Индии, проживающие на Цейлоне, получают гражданские и избирательные права, прекратится колонизация сингалами Северной и Восточной провинций, заселенных преимущественно тамилами.

В 1951 г. произошел раскол в рядах ОНП. Из нее вышли сторонники лидера нижней палаты парламента, министра здравоохранения и местного управления Соломона Бандаранаике, образовавшие Партию Свободы (ПС), которая выступила со следующей программой: создание независимой республики, отмена договора об обороне, вывод английских вооруженных сил с Цейлона и возвращение ему военных баз, развитие сотрудничества со всеми странами, включая государства социалистического лагеря, национализация важнейших отраслей экономики, проведение аграрной реформы, развитие государственного сектора и введение планового начала. Бандаранаике выступил с популярными, особенно в средних городских слоях и среди сельского населения, лозунгами защиты буддизма и национальной культуры сингалов, провозглашения сингали единственным государственным языком страны. Идеологическая платформа новой партии представляла собой синтез «демократического социализма» и «буддийского национализма», в котором демократический социализм интерпретировался как некий средний путь, не являющийся ни «капиталистической демократией», ни «тоталитарным социализмом». Социальной опорой Партии Свободы стали городские и сельские средние слои, интеллигенция, представители средних слоев буддийского духовенства.

В 1951 г. произошел раскол в Социалистической партии — Ланка самасамаджа пакшая (ЛССП): из нее выделилась Выплавакари Ланка самасамаджа пакшая (ВЛССП) — Революционная социалистическая партия Цейлона, блокировавшаяся с коммунистами на последующих выборах. ЛССП, ВЛССП и КПЦ были существенной силой ланкийского общества, а Объединенные фронты, создаваемые на выборах левыми партиями, оказывали реальное влияние на расклад партийно-политических сил.

Парламентские выборы 1952 г. вновь принесли победу ОНП, однако к середине 1950-х годов политическая ситуация в стране изменилась. Внутриправительственный кризис привел к тому, что Д.Ш. Сенанаяке, сын умершего в 1952 г. Д.С. Сенанаяке, покинул пост премьер-министра и лидера партии и было образовано правительство ОНП во главе с лидером правого крыла в ОНП Дж. Котелавалой, консервативная политика которого была крайне непопулярна среди населения. Одновременно произошла консолидация оппозиционных ОНП политических сил страны вокруг Партии Свободы, создавшей Махаджана эксат перамуна (Объединенный народный фронт), поддержанный ВЛССП и рядом просингальских националистических организаций, таких, как Синхата бхаша перамуна (Сингальский языковой фронт), Эксат бхиккху перамуна (Объединенный фронт

бхиккху) и Всецейлонский буддийский конгресс, привлеченных буддийскими лозунгами Партии Свободы. Буддийская община (*сангха*) Цейлона была реальной общественной силой, оказывавшей заметное влияние на политическую жизнь страны и формирование массового общественного сознания. Возникновение политических партий буддийского духовенства вне структуры сангхи способствовало как дальнейшей политизации бхиккху, так и растущему использованию буддийских лозунгов в политических программах самых различных партий Цейлона — начиная с правоконсервативных и кончая леворадикальными.

При различиях в подходе к решению социально-экономических проблем (приоритетное развитие частного сектора при ориентации на мировой капиталистический рынок у ОНП или преимущественное развитие государственного сектора, национализация иностранного и крупного местного капитала у Партии Свободы) обе партии на всем протяжении независимого развития брали на вооружение буддийские доктрины и демонстрировали преимущественную ориентацию на сингальскую часть населения, имея тесную связь с буддийской сангхой и возводя предоставление буддизму привилегированного положения в стране в ранг государственной политики. Буддизм использовался не только националистическими партиями. Многие члены ЛССП и КПЦ являлись сторонниками «буддийско-марксистского синкретизма» и поддерживались радикальным крылом сангхи.

Парламентские выборы 1956 г. стали поворотным моментом в истории независимого Цейлона. Победу одержала Партия Свободы, заключившая соглашение о несоперничестве на выборах с ЛССП и КПЦ и действовавшая в составе Объединенного народного фронта. Премьер-министром стал ее лидер Соломон Бандаранаике, а в состав правительства впервые вошел представитель одной из социалистических партий — ВЛССП.

В стране возникла система двух альтернативных политических группировок, попеременно сменяющих друг друга у власти. Последующее политическое развитие пошло по пути противоборства этих двух основных партий, вокруг которых группировались остальные политические силы, представленные сингальскими и тамильскими националистическими организациями, а также левыми партиями.

Растущая волна «сингальского национализма», образование новых просингальски настроенных партий, решение правительства придать сингальскому языку государственный статус, наряду с дискуссией о введении в конституцию статьи, оговаривающей особое положение буддийской религии в стране, привели к созданию взрывоопасной ситуации в северных и северо-восточных районах страны, где проживала основная часть тамильского населения, преимущественно исповедующего индуизм. Федеральная партия, объявившая борьбу за автономию тамильских провинций и предоставление тамильскому языку статуса второго государственного языка, вступила в открытую конфронтацию с правительством и призвала население к *сатьяграхе*. С 1958 г. национальный и языковой вопросы становятся наиболее острыми проблемами, от решения которых зависит вся последующая судьба страны. Просингальский крен правительств, наряду с объективными сложностями, связанными с поиском путей решения проблем граждан-

ства индийских тамиллов, государственного языка, административного устройства Северной и Восточной тамильских провинций, приводили к периодическому нарастанию напряженности между сингальской и тамильской общинами и складыванию затяжной конфликтной ситуации, то и дело выходящей из-под контроля государственных властей. Активизация тамильских националистов, с одной стороны, и сингальских — с другой, держала страну в состоянии напряжения, вылившись в конечном итоге в открытую гражданскую войну (с 1983 г.).

В условиях действия жесткого чрезвычайного положения правительство приостановило выполнение намеченной программы прогрессивных социально-экономических мероприятий, что привело к разрыву с левыми партиями — ВЛССП, ЛССП и КПЦ, ставшими в оппозицию к С. Бандаранаике. В обстановке правительственного кризиса премьер-министр Соломон Бандаранаике был убит буддийским монахом, принадлежавшим к правоконсервативным просингальским националистическим кругам, недовольным как программными установками Партии Свободы в целом, так и нерешительными, с их точки зрения, действиями в отношении решения тамильского вопроса. К власти на время пришло правое крыло Партии Свободы во главе с В. Даханаяке, не сумевшим, однако, удержаться на посту премьер-министра.

Мартовские выборы 1960 г. принесли победу ОНП, но не обеспечили ей прочного большинства в парламенте. Разразившийся парламентский и правительственный кризис привел к отставке правительства ОНП и назначению новых выборов. Они состоялись в июле 1960 г. и вновь вернули к власти правительство единого фронта во главе с Партией Свободы и в блоке с ЛССП и КПЦ. Премьер-министром стала вдова С. Бандаранаике — Сирмаво. Ее правительство продолжило курс Партии Свободы на преимущественное развитие государственного сектора, национализацию иностранных нефтяных монополий и страховых компаний, создание государственной нефтяной корпорации, проведение в жизнь «Закона о землях под рисом», реформу школьного образования, ликвидацию Цейлонской гражданской службы и укрепление цейлонской государственности. Кампания по назначению на ключевые позиции в государственном аппарате, вооруженных силах и полиции сингалов-буддистов не только вызвала очередное обострение сингало-тамильских отношений, но и спровоцировало антиправительственный заговор высшего офицерства, преимущественно католиков по вероисповеданию (следует отметить, что католицизм был распространен и среди значительной части тамиллов Цейлона; лидер Федеральной партии Челванаягам был католиком). Страна вернулась в состояние чрезвычайного положения.

1 января 1964 г. сингальский язык был провозглашен единственным государственным языком во всех районах Цейлона, что было объявлено «днем траура» в тамильских провинциях. Федеральная партия объявила вооруженные силы, находящиеся на северо-востоке острова, оккупационной армией и призвала к борьбе за создание самостоятельного государства тамиллов на полуострове Джафна.

В том же году в Партии Свободы произошел раскол. Из нее вышла группа правых, осуждавших блокирование с ЛССП и КПЦ, и образовала оппозиционную Цейлонскую социалистическую партию свободы (ЦСПС) во главе с Ч.П. де

Силвой, которая объединилась с ранее покинувшей Партию Свободы Цейлонской демократической партией во главе с В. Даханаяке. Раскол коснулся и коалиционных левых сил: из ЛССП выделилась группа Э. Самараккоди, образовавшая «Революционное крыло ЛССП», а из КПЦ — группа Санмугатхасана-Кумарасири, представлявшая собой левацко-сектантские силы, недовольные сотрудничеством с буржуазно-националистической партией. Единый фронт демократических сил оказался подорванным.

В период с 1965 по 1970 г. у власти вновь находилась ОНП во главе с Д. Сенанаяке, одержавшая победу на парламентских выборах 1965 г. и традиционно проводившая курс альтернативный курсу Партии Свободы. В эти годы был восстановлен Объединенный фронт в составе Партии Свободы, ЛССП и КПЦ, принявших общую предвыборную программу.

Пришедшая к власти в результате выборов Партия Свободы во главе с Сиричаво Бандаранайке приступила к осуществлению кардинальных преобразований в экономической и социальной жизни страны: был принят закон об аграрной реформе, национализированы плантации, принадлежавшие иностранному местному капиталу, а также горно-добывающая промышленность, созданы государственная торговая корпорация, Совет по делам печати, установивший контроль государства над частными газетными издательствами, предприняты меры по повышению уровня жизни населения. Цейлон стал инициатором создания «зоны мира» в Индийском океане, был избран председателем движения неприсоединения.

Пришедшее к власти правительство столкнулось с конфронтацией как со стороны правоконсервативных сил, так и со стороны левацких экстремистских группировок, увлеченных маоистскими и троцкистскими идеями. В апреле 1971 г. в стране вспыхнул антиправительственный мятеж под руководством организации, носившей название Джатика вимукти перамуна (Национально-освободительный фронт), с грудом подавленный правительственными войсками.

Главным событием начала 1970-х годов стало провозглашение Цейлона 22 мая 1972 г. республикой Шри-Ланка. С 1970 г. специально созванная Учредительная ассамблея разрабатывала текст новой конституции. В преамбуле к конституции указывалось, что Шри-Ланка является «суверенной, свободной и независимой республикой, цель которой — достижение социалистической демократии». Конституция запрещала дискриминацию граждан по признакам «национальной принадлежности, религии, касты или пола», однако подчеркивала роль буддизма как религии сингальского большинства. В конституции утверждалась унитарная форма государства (в противовес требованию федеративности тамилскими партиями). Основным законом 1972 г. упразднял Сенат и провозглашал высшим органом государственной власти однопалатную Национальную ассамблею, заменившую парламент английского образца. Депутатами ассамблеи становились члены бывшего парламента до следующих выборов. Новые выборы должны были проводиться через пять лет после принятия новой конституции, т.е. в 1977 г. (таким образом, правительство получало два дополнительных года пребывания у власти). Исполнительная власть осуществлялась через президента (им стал

представитель кандийской знати У. Гопаллава) и кабинет министров под председательством премьер-министра (С. Бандаранаике). Республиканская конституция 1972 г., устанавливавшая парламентскую форму правления, была шагом вперед в развитии суверенитета и демократических свобод по сравнению с предыдущей конституцией доминиона Цейлон.

Однако ряд политических сил страны по разным причинам оказался недовольным ее положениями. Так, просингалские националистические круги, включая часть представителей буддийской *сангхи*, пытались добиться введения статей, гарантирующих особые привилегии для сингалов-буддистов, прежде всего эксклюзивного права занимать высшие посты в государстве: президента, премьер-министра, главнокомандующего вооруженными силами и полицией, а также создания специального министерства по религиозным делам, возглавляемого сингалом-буддистом.

Тамильская сторона, в свою очередь, считала, что ее права недостаточно отражены в конституции: игнорировались два основных требования тамильского населения — признание *тамил* вторым государственным языком страны и установление принципа федеративного государственного устройства, предполагавшего автономию тамильских регионов.

В мае 1972 г. был создан Тамильский объединенный фронт освобождения (ТОФО) во главе с видным тамильским политическим деятелем С. Челванаягамом, состоящий из Федеральной партии, Всецейлонского тамильского конгресса, Конгресса рабочих Цейлона, Тамильского фронта освобождения и ряда других более мелких тамильских организаций. ТОФО выступил с требованиями включения в конституцию пункта о предоставлении тамильскому языку равного статуса с сингалским, признания секуляристского характера государства и обеспечения равенства всех религий, децентрализации государства на федеративной основе, предоставления всем проживающим в стране лицам, говорящим на тамильском языке, гарантии полных гражданских прав при устранении различий в категориях гражданства.

Основным методом борьбы ТОФО провозглашалось гражданское неповиновение — *сатьяграха*. Однако в тамильском движении существовали и террористические группы, такие, как «Тигры освобождения Тамил илама» (ТОТИ), ряды которых пополнялись в основном за счет безработной тамильской молодежи, разuverившейся в возможностях политического диалога. Усиливавшаяся деятельность тамильских экстремистов создавала напряженность в стране. Возрастала и активность националистических просингалских партий — Сингалского языкового фронта, Объединенного фронта бхиккху и др.

Разгоревшаяся внутрипартийная борьба, сложности в отношениях с союзными левыми силами, обострение межобщинной розни наряду с объективными трудностями по претворению в жизнь социально-экономической программы ослабили позиции Партии Свободы Шри-Ланки (ПСШЛ) накануне выборов. Находившаяся в оппозиции ОНП, напротив, консолидировалась и разработала так называемый новый курс на основах принципов «демократического социализма» и «истинного неприсоединения».

В результате блокирования ПСШЛ с другими партиями в 1956–1977 гг. ОНП преимущественно находилась в оппозиции, несмотря на то что на всех выборах, кроме 1956 г., она получала больше голосов, чем любая другая партия. Так, в 1970 г. благодаря блоку с левыми партиями ПСШЛ получила 60,3% депутатских мандатов, набрав лишь 36,9% голосов, в то время как ОНП, набрав на 1% голосов больше, чем ПСШЛ, получила 11,3% мест в парламенте. При такой расстановке политических сил парламентская система становилась невыгодной для сторонников ОНП.

Одержав победу на выборах 1977 г., ОНП во главе с Дж. Р. Джаявардене, выдвинувшимся на позиции лидерства в своей партии в 1970-е годы, изменила конституцию и ввела в 1978 г. президентское правление.

Конституция Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка 1978 г. провозгласила отказ от парламентаризма и создание государственного механизма, основанного на личной власти главы государства — президента. Президент является главой государства, главой исполнительной власти и правительства, а также главнокомандующим вооруженными силами. Он избирается всеобщим голосованием на шесть лет (при действии запрета на переизбрание президента более чем на два срока) и в течение срока своих полномочий несменяем и независим от законодательного органа — однопалатного парламента. Наделяя президента самыми широкими полномочиями и формально провозглашая его ответственность перед законодательными органами, конституция фактически узаконивала подчиненную роль парламента и превращение правительства из самостоятельного органа в составной элемент механизма президентской власти. Конституция не предусматривала поста вице-президента. Концентрация политической власти в руках одного лица усиливалась еще и тем, что действующий президент являлся лидером правящей партии.

До 1978 г. в стране действовала мажоритарная избирательная система относительного большинства, способствовавшая складыванию поляризованной коалиционной системы. С 1978 г. была введена пропорциональная избирательная система, согласно которой для получения представительства от конкретного округа в парламентских или местных органах партия должна была получить минимум 12,5% голосов в этом округе. Формирование избирательных фронтов не допускалось. Новая система предполагала участие в выборах только признанных политических партий или организованных политических групп независимых кандидатов, объединенных в единый список. Участие независимых отдельных кандидатов не допускалось. Введя в текст понятие «признанные» и «непризнанные» политические партии и установив для членов парламента от политических партий особый правовой статус, конституция 1978 г. институализировала политические партии, что отсутствовало в предыдущих конституциях 1946 и 1972 гг.

Президентская форма правления, по мнению лидеров ОНП, в большей степени, чем парламентарная, отвечала сложившейся в стране ситуации. Курс, избранный партией, был направлен на денационализацию предприятий государственного сектора, расширение сферы деятельности частного капитала, в том числе и иностранного. Правительством была учреждена специальная «зона поощрения

капиталовложений», или «зона свободной торговли», призванная способствовать привлечению в страну иностранных инвесторов. Государство отменило контроль над ценами и импортом, ввело «колеблющийся» курс ланкийской рупии. Был подписан ряд соглашений о широком финансировании ланкийской экономики Международным банком реконструкции и развития, Международным валютным фондом, иностранными монополиями. По объему иностранных инвестиций Шри-Ланка заняла первое место среди государств Южной Азии в расчете на душу населения. Продолжая в целом проводить традиционную для Шри-Ланки внешнюю политику, основанную на принципах неприсоединения, ОНП активизировала сотрудничество с США, Великобританией, Японией и другими капиталистическими странами (в отличие от ПСШЛ, уделявшей большое внимание развитию отношений с социалистическими государствами, прежде всего с СССР и КНР).

В период правления ОНП произошло новое резкое обострение религиозно-общинных и межнациональных противоречий в связи с истечением в 1981 г. сроков соглашения о предоставлении ланкийского гражданства проживающим на острове иммигрантам-тамилам из Южной Индии. Обязавшаяся предоставить гражданство 400 тыс. индийских тамиллов, ланкийская сторона выполнила соглашение менее чем наполовину и объявила о решении принудительно репатриировать оставшуюся часть в Индию в связи со сложным экономическим положением и безработицей. Нерешенность проблемы не имеющих ланкийского гражданства индийских тамиллов наряду с невыполнением требований ланкийских тамиллов взорвали до предела накаленную ситуацию. Несмотря на то что противостояние между тамилами и сингалами имеет глубокие исторические корни, до 1956 г. оно не принимало формы военной конфронтации. Со второй половины 1950-х и до начала 1980-х годов имели место периодически возникавшие конфликтные ситуации, заканчивавшиеся нередко кровопролитием, но они носили локальный характер и представляли собой спорадические выплески накапливавшегося взаимного неприятия. В 1983 г. этнический конфликт вступил в наиболее острую и серьезную фазу и разросся до размеров гражданской войны, будоражащей всю страну, парализовавшей хозяйственную жизнь целого ряда районов и унесшей значительное число человеческих жизней.

Тамильская сторона добилась уступок: тамильский язык был объявлен национальным языком Шри-Ланки, были расширены права провинциальных органов власти, на ряд крупных государственных постов назначены тамилы, оставшиеся без гражданства индийские тамилы получили его. Однако события носили необратимый характер: требование создания независимого тамильского государства в северных и северо-восточных областях Шри-Ланки отстаивала большая часть тамильского населения. Террористические акции ТОТИ сменялись массированными наступлениями подразделений ланкийской регулярной армии на тамильские повстанческие отряды, в ходе которых гибло мирное гражданское население. Ни серия мирных переговоров при посредничестве Индии в столице Бутана Тхимпху между руководством правящей ОНП и лидером ТОТИ Веллупиллаи Прабхакараном (1985 г.), ни подписание «Соглашения Коломбо» о вводе индийских сил по поддержанию мира в Шри-Ланку (1987 г.) и пребывание их на

острове вплоть до принятия решения об их поэтапном выводе, завершеном в марте 1990 г., не смогли урегулировать конфликт.

Гражданская война привела к приостановке нормального демократического процесса в стране. Проведение курса на жесткое «государственное единство» в полиэтническом обществе, раздираемом противоречиями, породило идеологию и практику централизованной, авторитарной диктаторской власти президента Дж. Р. Джаявардене. парламентские выборы, которые должны были состояться в 1985 г., были отложены (по результатам референдума) до 1989 г.

Президентские выборы 1988 г. привели к власти видного деятеля ОНП Ранасинха Премадасу, сменившего Дж. Р. Джаявардене в роли лидера партии. Он предложил новый политический курс для урегулирования сингало-тамилского конфликта: изменить отношение к ТОТИ, т.е. рассматривать ее как полноправную политическую партию Шри-Ланки; вступить в прямые переговоры между центральной администрацией и «Тиграми» без участия индийской стороны.

Парламентские выборы 1989 г. принесли победу ОНП. Главная оппозиционная партия ПСШЛ бойкотировала предвыборную кампанию, участие в которой, по ее мнению, могло дискредитировать партию, поскольку выборы проводились в условиях попрания национального суверенитета — на острове находился индийский военный контингент по поддержанию мира, введенный по инициативе президента Дж. Р. Джаявардене для урегулирования тамило-сингальских разногласий. Новый президент Р. Премадаса, известный в ОНП как решительный политик, проводил жесткую линию в отношении как тамилских, так и сингальских экстремистов. Он подавил воинствующие сингальские шовинистические силы — возникшее в 1987 г. на юге страны так называемое движение сингальских мстителей, — предоставив чрезвычайные полномочия силам безопасности, которые физически уничтожили его участников с помощью боевиков из «эскадронов смерти».

Р. Премадаса стремился наладить переговорный процесс с руководством ТОТИ и пошел на создание единой Северо-Восточной провинции, понимая, что эта группировка пользуется влиянием на полуострове Джафна и в прилегающих округах и без ее участия невозможно установить прочный мир на северо-востоке. Ускорив эвакуацию из Шри-Ланки индийских миротворческих сил, президент, отказавшись от посредничества третьей стороны, подписал с «Тиграми» соглашение о прекращении огня, соблюдавшееся на протяжении 14 месяцев. Несмотря на возобновление военных действий между армией и отрядами ТОТИ, Р. Премадаса пытался сохранить шанс на мирный исход. Этим объясняется тот факт, что он не последовал примеру Индии, запретившей деятельность ТОТИ на своей территории после убийства Раджива Ганди.

В мае 1993 г. он сам стал жертвой тамилских экстремистов, погибнув в результате взрыва бомбы террориста-смертника. После гибели Р. Премадасы главный судья Верховного суда привел к присяге в качестве исполняющего обязанности президента премьер-министра Д. Б. Виджетунге, а через несколько дней депутаты парламента, действуя в соответствии с конституцией, избрали его также новым главой государства. Виджетунге оставался у власти до истечения срока правления своего предшественника (до конца 1994 г.).

С утрагой признанного сильного лидера ОНП стала проигрывать. На парламентских выборах 1994 г. победу одержала ПСШЛ. Во главе страны стала Чандрика Кумаратунге, дочь Соломона и Сиримаво Бандарананке. (Сама Сиримаво занимала пост премьер-министра в правительстве ПСШЛ вплоть до августа 2000 г., а в октябре 2000 г. скончалась во время предвыборной кампании.) Президентские выборы конца 1999 г. подтвердили пребывание Ч. Кумаратунге у власти на посту президента, а парламентские выборы 2000 г. принесли победу правящей коалиции Народный альянс, руководимой Партией Свободы. В октябре 2001 г. Ч. Кумаратунге, не дожидаясь вотума недоверия, расформировала парламент и назначила новые досрочные выборы на декабрь 2001 г. В результате победы ОНП премьер-министром Шри-Ланки стал представитель оппозиционной Народному альянсу партии — Ранил Викремасингхе.

К настоящему времени внутривластные курсы ПСШЛ и ОНП мало отличаются друг от друга: общая стратегия обеих партий связана с программами либерализации экономики. Основные разногласия между двумя ведущими партиями страны связаны с различными предлагаемыми путями выхода из сингалотамильского кризиса, вовлекшего Шри-Ланку в гражданскую войну. Переговорный процесс с тамильской стороной при посредничестве нейтральной миротворческой силы (ею стала Норвегия) являлся основной стратегической линией Народного альянса. Первый раунд переговоров в Таиланде увенчался успехом. В феврале 2002 г. вступило в силу Соглашение о взаимном прекращении огня между правительственными войсками Шри-Ланки и формированиями тамильской сепаратистской организации «Тигры освобождения Тамил илама». Договоренность носила бессрочный характер и четко очерчивала условия прекращения боевых действий, а также террористических актов со стороны ТОТИ в отношении военных и гражданских объектов. В сентябре 2002 г. начался второй раунд переговоров о мирном урегулировании вооруженного межэтнического конфликта на Шри-Ланке при посредничестве Норвегии. Однако в апреле 2003 г. переговоры были прерваны по инициативе «Тигров», а норвежский представитель отозван.

Национальный вопрос, связанный с многолетней конфронтацией сингалской и тамильской общин на острове, является наиболее острой проблемой, от решения которой зависит дальнейшая судьба страны. Поиски путей выхода из затянувшейся кризисной ситуации определяли политическую жизнь Шри-Ланки последних двух десятилетий XX в., заметно влияли на внутреннее положение в южноазиатском регионе в целом, где проблема сохранения целостности и неделимости государственных образований, тесно связанная с проблемами региональной безопасности, давно стала предметом острых дискуссий между руководителями стран, входящих в Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Проблемы гражданства индийских тамилы, государственного языка, административного устройства Северо-Восточной тамильской провинции являлись причинами периодического нарастания напряженности между сингалской и тамильской общинами. Активизация тамильских националистов, с одной стороны, и сингалских — с другой, держала страну в состоянии

напряжения. Посредничество Индии в серии мирных переговоров, равно как и ввод индийских сил по поддержанию мира в Шри-Ланку, не смогли урегулировать конфликт. Гражданская война способствовала развитию в стране террористических организаций, создавших атмосферу произвола и насилия. «Тигры освобождения Тамил илама» давно уже перестали представлять из себя базирующуюся в джунглях Шри-Ланки армию боевиков, превратившись в международную корпорацию, объединяющую воедино ресурсы многочисленной тамильской диаспоры во всем мире и контролирующей различные сферы коммерческой деятельности, включая торговлю оружием и наркотиками и другие сомнительные операции на азиатском «черном рынке». Из-за рубежа идут средства на войну, для сбора которых на Западе появились легальные тамильские организации (Всемирная ассоциация тамилы, Всемирное тамильское движение и др.). Немалый доход приносит ТОТИ и подпольная система переправки нелегальных иммигрантов из Шри-Ланки в страны Запада. В 1991 г. жертвой тамильских террористов стал бывший премьер-министр Индии Раджив Ганди, пытавшийся способствовать урегулированию конфликта, в 1993 г. в результате взрыва бомбы террориста-самоубийцы погиб президент Шри-Ланки Р. Премадаса, президент страны Ч. Кумаратунге была ранена в ходе президентских выборов 1999 г.; ряд других политических деятелей страны, включая членов кабинета, были убиты в результате террористических актов экстремистов. Колоссальный экономический ущерб и разрушения, десятки тысяч человеческих жизней стали платой за непрерывающуюся террористическую деятельность тамильских и сингалских экстремистских группировок за время 20-летней гражданской войны. С начала конфликта несколько сотен тысяч тамилы покинули остров: около 100 тыс. осели в лагерях беженцев на территории Южной Индии, более 200 тыс. нашли прибежище в различных странах Европы и Азии. Альтернативой переговорному процессу между правительством и тамильскими силами сопротивления и нахождению политического компромисса между сторонами может быть только дальнейшая эскалация конфликта и полное разрушение экономической и политической стабильности.

Резкое обострение этнических противоречий делает проблему религиозной политики государства злободневной и актуальной, ставя вопрос о возможности стабилизации ситуации в поликонфессиональном государстве в условиях сохранения пробуддийской ориентации правительственных верхов. Религиозный фактор играет значительную роль в сингало-тамильском противостоянии, имеющем многие измерения – социально-экономическое, политическое, этническое. Религиозная политика правительств независимой Шри-Ланки занимает здесь особое место. Буддийские формы идеологии играют основополагающую роль в формировании современных политических доктрин и программ ведущих политических партий самой различной ориентации, начиная от секуляристских объединений до коммуналистских просингалских группировок, разжигающих сингало-тамильский этнический конфликт.

Население Шри-Ланки отличает сложный этнический и конфессиональный состав. Отношения между различными группами носят неоднозначный характер.

однако основной конфликт внутри ланкийского общества пролегает по линии сингалы–тамилы, т.е. между этническим большинством и крупнейшим в стране этническим меньшинством. Сингалы (74%) разделяются на равнинных и кандийских (горных), тамилы (18%) — на ланкийских (потомки мигрантов с субконтинента в доколониальный период) и индийских (плантационные рабочие, завезенные на остров англичанами в XIX в.). Значительную роль в сингало-тамильских отношениях играют мавры-мусульмане (7%) — потомки мигрантов с Ближнего Востока и из Индии. Большинство сингалов (92%) исповедуют буддизм тхеравады, тамилы (84%) — индуизм (преимущественно шиваитского толка). Сингальская община более гомогенна по религиозной характеристике, и сингальский национализм неизменно отождествлялся с буддийским национализмом и концепцией, провозглашающей тождество понятий «синхала двипа» («остров сингалов») и «буддха двипа» («остров буддизма»); сингалы-христиане традиционно играли в своей общине меньшую роль, чем их собратья по вере у тамилы. Внутри тамильской общины статус как христианской, особенно католической, как и мусульманской ее части, в совокупности составляющих 16%, всегда был высок. Тамильский национализм развивался прежде всего как этнонационализм, сосредоточивающий внимание на вопросах формирования понятия «тамильская нация» и создания самостоятельной государственности на этнической основе (лозунг образования независимого государства Тамил илам на территории Джафны в северных районах Шри-Ланки). Индуизм тамилы редко противопоставлялся буддизму сингалов в официальных выступлениях тамильских лидеров, некоторые из которых (например, С. Челванаягам) были представителями христианизированной части тамильской общины. Приходилось считаться и с тем, что помимо тамилы-мусульман на территории Восточной провинции проживают мусульмане-мавры, составляющие 32% ее населения, которые хотя и говорят на тамильском языке, но относят себя к самостоятельной этнической группе. После начала гражданской войны в 1983 г. был образован Мусульманский конгресс Шри-Ланки, занявший в межэтническом конфликте проправительственную (т.е. про-сингальскую) позицию, что позволило мусульманам северо-востока укрепить свои позиции в ланкийском обществе.

Подчеркиваемые различия между тамилами и сингалами проводились также на основе поиска «дравидийской идентичности» (ср. с поисками «буддийской идентичности» у сингалов) по линии противостояния дравиды арии в контексте спора о том, чьи предки явились первыми насельниками на острове. Тамильские националистические организации заимствовали опыт политических деклараций своих собратьев на субконтиненте — лидеров партий Дравида кажагам (Дравидийская партия) и Дравида муннетра кажагам (Прогрессивная партия дравидов), — считавших главным для Индии противостояние арийского Севера и дравидийского Юга и боровшихся за образование государства Дравидистан. Разница состояла в том, что в условиях Шри-Ланки соотношение сторон было развернуто в противоположном географическом направлении: дравидийский Север — арийский Юг, а конечной целью провозглашалось образование независимого государства Тамил илам на территории ланкийской Джафны. Исторический прецедент

был найден: на севере острова с XIII в. действительно существовало тамильское государство Джафна. Являясь доминирующей политической силой на острове вплоть до начала XVI в., оно не было, однако, самостоятельным и находилось сначала под контролем южноиндийской державы Пандьев вплоть до ее распада в начале XIV в., затем признало сюзеренитет над собой империи Виджаянагар и ее права на ежегодный сбор дани.

В то же время индуизм использовался как средство консолидации индульской части тамильской общины, среди которой были популярны лозунги «возрождения индуизма». Индульской символикой окрашена деятельность экстремистов ТОТИ. Прямое противопоставление буддизма и индуизма бесперспективно на Ланке в силу традиции религиозного синкретизма и глубокого взаимопроникновения обеих религий. Буддийский пантеон включает в себя всех индуистских божеств, в то время как индусы в равной степени почитают Будду и *бодхисаттв*. Развивая «дравидийскую гему», тамильские националисты обращаются к тем пластам в шиваизме, которые связаны с древнейшими протодравидийскими верованиями, основанными на архаическом культе плодородия с его почитанием богини-матери, опирающимися на шактизм и распространенными задолго до появления индоариев. В ланкийском индуизме насчитывается 15 эпитетов и 9 *шакти* Шивы, почитается его воинственный сын — бог войны Муруган (Сканда/Карттикейя, Катарагама). распространены экстатические шактистские культы, например тамильской богини войны Коттравей, ипостаси Кали (Дурги), матери Муругана. Культ Шивы — Кали культивируется у тамил-дравидов прежде всего в силу его доарийских корней на территории Южной Азии. Именно эта образность служит идейной подпиткой для членов тамильских экстремистских группировок, строящих свою деятельность на практике террора. Шактизм, по мнению ряда исследователей, лежит в основе феномена «женского терроризма», широко распространенного среди индульской части тамильской общины. Религиозный фактор, таким образом, проявляется в сингало-тамильском конфликте в целом по-разному у двух сторон: у сингалов — эксплицитно на уровне всей общины, у тамил-лов — имплицитно на уровне всего тамильского сообщества и эксплицитно среди тамил-индусов.

Идеи единой ланкийской нации и секулярной государственности не находят поддержки большинства в Шри-Ланке. Буддизм стал основой и символом национального возрождения после завоевания страной независимости в 1948 г., когда бывшая колония Цейлон стала самоуправляющимся доминионом в рамках Британского содружества наций, и обретения в 1972 г. статуса суверенной республики Шри-Ланка. Конституция 1972 г., провозгласившая парламентскую республику, закрепила особое положение буддийской религии в ланкийском обществе. Ныне действующая конституция 1978 г., изменившая парламентскую форму правления на президентскую, еще более укрепила позиции буддизма, введя формулировку «Буддийская Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка». Буддийские формы идеологии играют основополагающую роль в формировании современных политических доктрин и программ ведущих политических партий самой различной ориентации, начиная от светских секулярных

националистических объединений до коммуналистских просингалских группировок, разжигающих сингало-тамилский этнический конфликт. Буддийские доктрины оказывают влияние не только на буржуазных политических деятелей, но в той или иной мере используются и представителями левых партий страны: Социалистической партии и Коммунистической партии Шри-Ланки (КПШЛ). Буддийскими идеалами оправдывали свои действия и участники левотроцкистских экстремистских групп, пытавшихся осуществить государственный переворот в 1971 г. На всем протяжении независимого развития буддийские монахи были влиятельной политической силой, а буддийские доктрины брались на вооружение обеими ведущими политическими партиями, попеременно сменявшими друг друга у власти, — Партией Свободы Шри-Ланки и Объединенной национальной партией. В различной степени и разными путями обе партии постоянно демонстрировали свою тесную связь с буддийской *сангхой*. Буддизм составлял неотъемлемую часть концепции сингальского национализма в интерпретации как ПСШЛ, так и ОНП, а буддийская терминология и символика широко использовались в правительственных программах построения общества демократического социализма, в программах ускоренной капиталистической модернизации. Борьба за предоставление сингальскому языку статуса государственного тесно смыкалась с движением за предоставление буддизму привилегированного положения.

После завоевания страной независимости была возрождена практика сопровождения важных государственных мероприятий религиозными буддийскими церемониями и освящения вступления в должность президента, премьер-министра и высших государственных чиновников представителями буддийской общины. При всех трудностях исполнения ланкийского бюджета значительные государственные средства неизменно отпускаются на проведение религиозных церемоний и многочисленных ежегодных буддийских праздников и шествий, сооружение статуй Будды и храмов, издание пропагандистской буддийской литературы и поддержание в должном порядке шестнадцати священных мест поклонения буддистов. В 1956 г. страна торжественно и пышно отметила 2500-летие достижения Буддой паринирваны, что стало отправной точкой для дальнейшего усиления государственного буддизма и мощным стимулом для деятельности многочисленных буддийских общественных организаций, развернувших в стране движение «Сарводая шрамадана», связанное с идеями духовного пробуждения и возрождения нации и безвозмездного труда на благо общества. В настоящее время в Шри-Ланке существует значительное число активно действующих буддийских организаций, объединяющих деятельность монахов и мирян.

Буддийская *сангха* Шри-Ланки организационно не едина. В настоящее время исторически сложившееся деление *сангхи* на три основные секты-*никаи* (Сиам-никая, Амарapura-никая, Раманья-никая) и более чем на 20 подсект по-прежнему сохраняется. Общая численность монахов на острове превышает 20 тыс. Наиболее влиятельной является Сиам-никая, в которую входят около 65% бхиккху. Традиционно наибольшее влияние Сиам-никая сохраняет в Центральной провинции, особенно в районе Канди. Секты Амарapura и Раманья преобладают в прибрежной зоне и составляют соответственно 20 и 15% представителей общи-

ны. Буддийская *сангха* оказывает огромное влияние на политическую, социально-экономическую и культурную жизнь ланкийского общества.

Как и в колониальный период, наиболее активное участие в общественно-политической деятельности принимают Амарapura и Раманья. Верхушка Сиамникаи, традиционно заявлявшая о том, что она стоит вне политики, в последнее время стала также активно вмешиваться в политическую жизнь страны. В периоды предвыборных кампаний и парламентских выборов отдельные группы монахов прямо или косвенно поддерживают различные партии. лидеры которых используют влияние духовенства на избирателей. Так, обычно националистические лозунги руководства Партии Свободы больше импонировали буддийским монахам из сект Амарapura и Раманья, тогда как представители высшей прослойки буддийского духовенства, принадлежащего Сиамникае, чаще склонялись к поддержке более умеренной Объединенной национальной партии. При этом подобная расстановка не является неизменной и отражает лишь общую тенденцию. Дифференциация буддийского духовенства внутри *сангхи* обусловлена также непосредственным членством буддийских монахов в политических партиях самого различного идейного спектра и созданием политических партий бхиккху вне структуры *сангхи*. Наиболее многочисленным и влиятельным среди последних является основанный во второй половине 1950-х годов Объединенный фронт бхиккху. Поддержавший на парламентских выборах 1956 г. Объединенный фронт Партии Свободы, социалистической и коммунистической партий, он в 1959 г. оказался причастным к убийству лидера Партии Свободы Соломона Бандаранайке, а в последнее десятилетие зарекомендовал себя как просингалльская экстремистская группировка, разжигающая антитамильские настроения среди населения юго-западных и южных районов острова, где проживает большинство сингалов.

Дальнейшее развитие буддийской *сангхи* понимается ее представителями по-разному. Одни утверждают, что в задачи буддийской общины входит реставрация методов управления, существовавших до британской колонизации. Другие являются сторонниками «буддийско-марксистского синкретизма», т.е. доктрины соединения буддизма и марксистского социализма. Третьи поддерживают программы капиталистической модернизации.

Наиболее приемлемыми для основной части монашества стали программные установки Партии Свободы, облекшей идеи государственного капитализма в форму «демократического социализма», построение которого предполагалось осуществить под лозунгами «буддийского возрождения» и «буддийского национализма». Представители националистически ориентированных слоев — интеллигенция, студенчество, городской средний класс — приняли активное участие в движении за возрождение буддийских ценностей и оттеснение от управления государством вестернизированной и христианизированной прослойки ланкийского общества, «по наследству» получившей власть от британских колонизаторов.

В 1989 г. было создано отдельное Министерство по делам буддизма, субсидируемое особой статьей бюджета, а в 1991 г. учрежден консультативный со-

вет по делам развития буддизма при президенте. Политика покровительства буддизму со стороны государства призвана, по мнению ведущих политических деятелей страны, цементировать ланкийское общество и прививать высокие моральные ценности. Но где та грань, до которой деятельность государства в защиту какой-либо религии не будет ущемлять интересы других? Этот вопрос, безусловно, один из важнейших для поликонфессионального и полиэтнического населения страны, в которой острые межэтнические противоречия сингальской и тамильской общин переросли в военные столкновения, а затем и в гражданскую войну, не утихающую по сей день. Сингало-тамильский конфликт разросся в последние годы до масштабов национальной катастрофы, обернувшись изнурительными, многолетними, пожирающими небогатый бюджет боевыми действиями, ведущимися с небольшими перерывами на севере и северо-востоке страны. Резкое обострение этнических противоречий делает проблему религиозной политики государства злободневной и актуальной, ставя под вопрос возможность стабилизации ситуации в поликонфессиональном государстве в условиях сохранения пробуддийской ориентации правительственных верхов.

Важнейшей линией дифференциации буддийского духовенства Шри-Ланки является отношение к сингало-тамильскому этническому конфликту, находящемуся в стадии вооруженного противостояния сторон. В то время как главы всех трех *никай* официально заявили о своем стремлении выступить в качестве миротворческой силы в урегулировании сложившейся ситуации, внутри общины оказалось немало приверженцев идеи сингало-буддийской национально-религиозной общности как основы ланкийской государственности, выступающих под лозунгом «Остров дхаммы — земля сингалов». Причем в наибольшей степени приверженными идеям сингальского национализма оказались именно общественно активные монахи, участники движения «Сарводая шрамадана». Буддийские монахи отрицают свою роль в разжигании просингальских, пробуддийских настроений в ланкийском обществе, заявляя, что их преданность и служение сингалам-буддистам нельзя трактовать как ненависть к другим конфессиям и их неприятие. Однако многие рядовые *бхиккху* тяготеют к лидерам просингальских экстремистских партий и группировок, таких, как Сингальский языковой фронт, Бауддха джатика балавегая (Буддийская национальная сила), Синчала вимукти перамуна (Сингальский фронт освобождения).

Представители *сангхи* по-разному трактуют буддизм: одни рассмагивают его как мировую религию, провозглашая идеи независимости буддистов от национальных факторов и границ расселения отдельных этносов; другие развивают концепцию сингало-буддийского национализма, низводя буддизм до положения региональной национальной религии, и ставят знак равенства между этносом и конфессией (концепция «синчала двипа = дхамма двипа»). Первые пытаются использовать его для расширения связей с монашескими общинами других стран, распространения буддизма за пределами Ланки, прежде всего па территории Юго-Восточной Азии, налаживания отношений с представителями других кон-

фессий на Цейлоне (индуистами, мусульманами, христианами), а также для выведения буддизма за пределы его традиционного распространения — в страны Европы и Америки. Вторые стали создателями теории «буддийского национализма», в крайнем своем проявлении провозглашающей истинными гражданами Ланки лишь сингалов-буддистов.

За годы независимого развития Шри-Ланка прошла через несколько этапов формирования полигической системы. Первый этап (1947–1956) характеризовался безусловным доминированием в политической жизни страны Объединенной национальной партии. Этот период был отмечен относительным спокойствием в развитии сингало-тамилских отношений. Второй этап (1956–1977) стал временем создания политической альтернативы в лице Партии Свободы, находившейся у власти все эти годы, кроме периода с 1965 по 1970 г. Усиление сингалского национализма, с одной стороны, и тамильского федерализма — с другой, привело к установлению этнически конфликтной ситуации в стране. Третий этап (1977–1994) связан с возвращением к власти на длительный период ОНП, переходом тамилских организаций на позиции сепаратизма и трансформацией этнического конфликта в затяжную гражданскую войну.

Партийно-политическая система Шри-Ланки образована двумя крупными и устойчивыми политическими организациями — ОНП и ПСШЛ, попеременно сменяющими друг друга у власти, рядом просингалских и протамилских организаций националистического толка и леворадикальными партиями, основными из которых являются ЛССП и КПШЛ, играющие заметную роль в политическом процессе.

Несмотря на частое введение чрезвычайного положения и усиление авторитарных методов управления в связи с остротой этноконфессиональной ситуации, в Шри-Ланке сохраняется гражданское правление.

За годы независимости в стране трижды менялась конституция: первая (1946 г.) представляла собой конституцию доминиона Цейлон, вторая (1972 г.) узаконила республиканский статус и новое название страны — Шри-Ланка (обе провозглашали парламентскую форму правления), третья (1978 г.) установила президентскую форму правления и изменила мажоритарную избирательную систему на пропорциональное представительство.

Шри-Ланка имеет долгую историю политических, экономических и культурных контактов, равно как и противоречий и напряженности, с другими странами региона. Политические деятели Шри-Ланки всегда пристально следили за событиями в Индии и сопредельных странах и во многом заимствовали политический опыт индийских и других южноазиатских лидеров и общественно-политических движений, однако отстаивали право на свой собственный путь развития, провозглашали свои государственные и национальные ценности, подчеркивая самостоятельность избираемых политических курсов и экономических стратегий развития.

Внутреннее положение, уровень социально-экономического развития, характер складывавшейся партийной системы, отношения с британской стороной на-

кануне получения независимого статуса отличались в Шри-Ланке большой спецификой и во многом не совпадали с ситуацией в центральных областях Индостана. Роль партии, приведшей страну к независимости, подобно ИНК, выпала на долю организации, сформированной в 1946 г., всего за два года до получения страной независимости, и получившей наименование Объединенная национальная партия. Цейлон получил статус доминиона вскоре после Индии — 4 февраля 1948 г., однако республикой страна стала гораздо позже: Индия обрела республиканский статус в 1950 г., Цейлон же был провозглашен республикой Шри-Ланка лишь в 1972 г. В первые годы после получения независимости внутриполитические курсы ИНК в Индии и ОНП на Цейлоне были различны, равно как и ориентация в общемировой системе координат, возникшей после окончания Второй мировой войны и начала крушения колониальной системы. Правительство ОНП оказалось прозападно ориентированным и в отличие от Конгресса, проводившего «курс Неру», делало упор на экономическую политику, связанную с развитием свободной рыночной экономики, не подлежащей контролю со стороны государства.

С начала 1950-х годов, во времена безальтернативного пребывания у власти ИНК в Индии, цейлонское общество создало политическую систему, основанную на периодической смене у власти двух основных политических партий — ОНП и Партии Свободы. Идеологическая система новой партии представляла собой синтез «демократического социализма» и «буддийского национализма». Система двухпартийного преобладания в многопартийной политической структуре стала отличительной чертой развития цейлонского общества и привела к формированию специфической коалиционной политики, существенно отличающейся от индийской модели: более мелкие политические партии либо группировались на основе приверженности курсу ОНП, либо блокировались вокруг Партии Свободы. Еще одна разновидность коалиционности была связана с объединительным движением внутри тамильских политических кругов, часть которых выступала за автономию провинций с преобладанием тамильского населения, а часть — под сепаратистскими лозунгами.

В современном политическом развитии Шри-Ланки выделяются этапы, связанные с последовательной сменой у власти ОНП и ПСШЛ: 1948–1956 гг. — ОНП (премьер-министры: Д.С. Сенанаяке, 1948–1952; Д.Ш. Сенанаяке, 1952–1953; Д. Котелавала, 1953–1956); 1956–1965 гг. — ПС (премьер-министры: Соломон Бандаранаике, 1956–1959; Сиримаво Бандаранаике, 1960–1965); 1965–1970 гг. — ОНП (премьер-министр Д. Сенанаяке); 1970–1977 гг. — ПС (премьер-министр Сиримаво Бандаранаике); 1977–1994 — ОНП (премьер-министр, затем президент Дж. Джаявардене, 1977–1988; президенты: Р. Премадаса, 1988–1993; Д. Виджетунге, 1993–1994); с 1994 по 2001 г. — Народный альянс во главе с ПС (премьер-министр, затем президент Чандрика Кумаратунге). Подобная схема сильно отличается от индийской, где ИНК потерял монополию на власть лишь в 1977 г. Когда Партия Свободы впервые пришла к власти в 1956 г. с программой, схожей с конгрессистской времен «курса Неру» и ставящей своей основной целью создание государственно контролируемой экономики с жесткой системой плани-

рования путем проведения аграрной реформы, развития сотрудничества со всеми странами, включая государства социалистического лагеря, ее стали сравнивать с правящей партией на субконтиненте. Однако Партия Свободы привнесла в свою политическую стратегию «буддийские мотивы» и в конечном итоге привела страну к принятию конституции в 1972 г., которая провозгласила Шри-Ланку «буддийской республикой», в отличие от секуляристской Индии. «Буддийская стратегия» лидеров ПСШЛ — Соломона Бандаранаике, а затем и Сиримаво Бандаранаике положила конец сравнениям с Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди, ассоциирующимся со светским политическим мировоззрением.

Тенденция к созданию коалиций оказалась гораздо сильнее в политической жизни Индии, чем Шри-Ланки. В то время как коалиционность с наибольшей силой начала проявляться в Индии на рубеже 1970-1980-х годов и позже, интерес политических кругов Шри-Ланки к формированию широких объединений ослабевает. Создание самых мощных межпартийных блоков в этой стране относится ко второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов, времени формирования и эффективного пребывания у власти Объединенного народного фронта в составе Партии Свободы, коммунистов и социалистов. Принятие новой президентской конституции 1978 г. после прихода к власти ОНП заметно ослабило позиции сторонников коалиционной политики: формирование предвыборных фронтов было запрещено, так же как и участие независимых кандидатов, что привело к увеличению числа голосующих за две ведущие политические партии. Лишь со второй половины 1990-х годов в Шри-Ланке возродилось стремление к созданию коалиционных объединений типа правящего Народного альянса.

Экономическая политика, проводимая правительством Народного альянса, была направлена на либерализацию экономики и создание благоприятных условий для прихода иностранного капитала. Объявление в 1991 г. всей территории страны зоной свободного предпринимательства и неуклонное следование этому курсу привели к значительному росту иностранных инвестиций и экономической помощи западных держав — США, Великобритании, Германии. Велика в этом и роль Индии, Японии, стран Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Основное значение по-прежнему имеет сельское хозяйство, где создается свыше 1/3 стоимости национального продукта (в промышленности — около 1/8). Плантационное хозяйство, сложившееся в колониальную эпоху, по-прежнему составляет основу современной экономики страны. Оно специализируется на производстве основных экспортных культур: чая, каучука, продуктов кокосовой пальмы. По сбору чая Шри-Ланка уступает лишь Индии и Китаю. Правительство Шри-Ланки проводит программу модернизации и интенсификации рисоводства. Оно ставит задачу в ближайшие годы увеличить сбор риса и отказаться от его импорта, однако продолжает зависеть от поставок из Индии и стран Юго-Восточной Азии. Экономика страны традиционно базируется на экспорте сельскохозяйственной продукции и туризме, однако последнее десятилетие XX в. было отмечено и развитием компьютерных технологий. Экономика Шри-Ланки оказалась в целом резистентной к азиатскому экономическому кризису конца 1990-х годов.

Извечная закономерность: зависимость роста экономических показателей от колебаний мирового уровня цен на чайную продукцию была сломлена. Приватизация в начале 1990-х годов ранее национализированных чайных плантаций привела к укреплению позиций ланкийских производителей чая. Ситуация улучшилась и по отношению к другим традиционным видам сельскохозяйственной продукции (специи, каучук, продукты кокосовой пальмы). Для промышленности Шри-Ланки характерно преобладание множества мелких, в том числе кустарных предприятий; отдельные крупные предприятия были созданы главным образом в государственном секторе. Имеются рисоочистительные, сахарные и другие предприятия пищевой промышленности, а также предприятия текстильной, обувной и некоторых других отраслей легкой промышленности. Шри-Ланка является поставщиком на внешний рынок высококачественного графита, рутила, циркона, драгоценных камней. Производство по обработке этих минералов не налажено в полной мере, и они экспортируются в развитые страны в виде сырья. Распространены старинные традиционные ремесла (кузнечное, гончарное, ткацкое). Ланкийские правительства сделали выбор в сторону развития рыночно- и экспортно-ориентированной экономики, отличительной чертой которой является расширение туристического бизнеса и сферы услуг, в которых занято 45% самодеятельного населения (в сельском хозяйстве — 38%, в промышленности — 17%). Около 800 тыс. ланкийцев работают за рубежом, в основном в странах Ближнего Востока.

На международной арене Шри-Ланка придерживается прагматического курса. Она является членом Содружества, возглавляемого Великобританией, с 1948 г., ООН — с 1955 г., движения неприсоединения — с 1961 г., Ассоциации регионального сотрудничества в Южной Азии — с 1985 г. Возглавляет Спецкомитет ООН по Индийскому океану. В Коломбо располагается секретариат Организации сотрудничества в области морехозяйственной деятельности в Индийском океане (ИОМАК).

Российско-ланкийские отношения носят традиционно дружественный характер. С 1887 по 1918 г. в Коломбо действовало консульство России. Дипломатические отношения с СССР были установлены в феврале 1957 г. В феврале 1958 г. было подписано соглашение между СССР и Цейлоном об экономическом и техническом сотрудничестве, а также торговое и платежное соглашения. СССР предоставил Цейлону долгосрочный кредит для оплаты работ по проектированию ряда промышленных объектов. Дипломатические отношения были заключены на десятилетие позже, чем с Индией. Это было обусловлено действием Договора об обороне и внешних сношениях с Великобританией, согласно которому на Цейлоне сохранялись военно-воздушные и военно-морские базы бывшей метрополии. Приход к власти прозападно ориентированной ОНП не способствовал активизации отношений с СССР. Пику в развитии отношений между СССР/Россией и Цейлоном/Шри-Ланкой приходятся на годы пребывания у власти альянсов, возглавляемых ПСШЛ. Развитию российско-ланкийского взаимопонимания и сотрудничества благоприятствует поддержание политического диалога в рамках ООН и ее специализированных учреждений. В 2001 г. на 56-й сессии ГА ООН

Шри-Ланка приветствовала инициативы России, направленные на создание под эгидой ООН глобальной системы противодействия международному терроризму, выступила за скорейшее принятие конвенции о борьбе с ядерным терроризмом. 30 января 2004 г. было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве между Российской Федерацией и Шри-Ланкой. Положительные сдвиги наметились в области политических, торгово-экономических и культурных связей.

МЬЯНМА (БИРМА)¹

Время с середины 1945 г., т.е. с фактического освобождения Бирмы от японских оккупантов, по 1947 г. — канун независимости, было последним и решающим этапом борьбы бирманского народа за свободу.

Как и другим азиатским колониям, Бирме в этой борьбе объективно способствовали новые международные условия, возникшие в результате великой победы антифашистской коалиции над германским фашизмом и японским милитаризмом и всеобщего распространения в мире духа свободы. Косвенно на положение в Бирме оказало влияние мощное развитие освободительного движения в соседней Индии, положившее конец английскому владычеству. То же самое должно было вот-вот произойти и в Бирме. Непосредственные посылы к такому решению шли, конечно, из самой Бирмы, также охваченной освободительным движением, угрожавшим перерасти в антианглийское вооруженное выступление силами созданных за годы японской оккупации бирманской армии и партизанских отрядов.

В лице вышедшей из антияпонского подполья Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС) в стране существовал широкий и популярный единый антиколониальный фронт, решительно выступавший за независимость от Англии. В мае 1945 г. АЛНС заявила, что в ней насчитывается 200 тыс. членов. Возглавлял АЛНС Аун Сан — национальный лидер, которому доверяло большинство народа, в том числе большая часть национальных меньшинств. Под руководством АЛНС в стране с осени 1945 г. почти непрерывно проходили антиколониальные акции. В конце 1946 г. Аун Сан выступил с прямым требованием предоставить Бирме независимость в течение года. Английское лейбористское правительство было вынуждено пойти на серьезные уступки. В результате лондонских переговоров в январе 1947 г. было подписано Соглашение Аун Сан — Эттли. Главные его пункты: всеобщие выборы (по конституции 1935 г.) в Учредительное собрание, которое должно было принять конституцию независимой Бирмы и решить вопрос, останется ли она при этом в составе Британского содружества наций или выйдет из него; проведение конференции малых народов Бирмы по вопросу об их статусе в независимой Бирме; превращение Исполнительного совета при английском губернаторе в переходное правительство.

Это был мирный эволюционный путь бирманской освободительной революции и продвижения к независимости. Он был обеспечен отчасти правильной так-

¹ В июне 1989 г. официальное название страны — Бирма — было заменено бирманским военным правительством, и страна стала называться «Мьянма» в соответствии со звучанием на бирманском языке. В зависимости от контекста автор употребляет оба эти названия.

тикой борьбы АЛНС за свободу, отчасти рациональной умеренной позицией лейбористского руководства Англии и, возможно, склонностью английского колониализма избирать по возможности правовые, договорные формы взаимоотношений со своими колониями, являя, как сказать, «колониализм с юридическим лицом» (в отличие, скажем, от Голландии и Франции).

На прошедшей в Бирме в феврале 1947 г. Панлонской конференции большинство народов страны высказались в пользу сохранения государственного единства страны с учетом своей автономии.

Выборы в Учредительное собрание в апреле 1947 г. дали решающий перевес сторонникам АЛНС, что фактически решило вопрос о независимом статусе будущей Бирмы. Спикером Учредительного собрания был избран Такин Ну (У Ну) — один из ближайших сподвижников Аун Сана по антиколониальной борьбе с 1930-х годов. Учредительное собрание приняло конституцию будущего независимого государства, названного Бирманский Союз. В октябре того же года был подписан соответствующий англо-бирманский договор о независимом статусе Бирмы.

Последний этап перед получением независимости был омрачен рядом негативных и даже трагических событий. Во-первых, в конце 1946 г. произошел первый раскол в АЛНС, в основном из-за левацкой, гегемонистской и максималистской позиции компартии Бирмы, в связи с чем она была исключена из АЛНС и стала мешать осуществлению курса Лиги. Во-вторых, усилился сепаратизм одной группы из числа малых этносов страны — каренов, баптистская верхушка которых была политически связана с правыми имперскими элементами Англии. И в-третьих, 19 июля 1947 г. в Рангуне произошло беспрецедентное политическое убийство, в результате которого погибли ведущие члены Исполнительного совета — переходного правительства Бирмы — во главе с Аун Саном. Оно было совершено группой бывшего довоенного премьер-министра колониального правительства У Со, равшегося к власти и связанного с правыми английскими военными кругами.

После гибели Аун Сана вице-председателем Исполнительного совета стал вице-президент АЛНС и спикер Учредительного собрания У Ну. Он стал премьер-министром де-факто и одновременно президентом АЛНС, заняв, таким образом, посты погибшего Аун Сана.

Независимость Бирмы была провозглашена 4 января 1948 г., тогда же была введена конституция независимого Бирманского Союза, Учредительное собрание ратифицировало англо-бирманский договор о независимости наряду с соглашениями об обороне и финансах. Первым премьер-министром был избран президент АЛНС У Ну.

Конституция предусматривала создание двухпалатного парламента. Приоритет имела палата депутатов — она избирала премьер-министра и утверждала бюджет. В национально-структурном отношении многоэтничный Бирманский Союз состоял из собственно Бирмы (бирманской в основном по составу), которая не выделялась в отдельную структурную единицу, и вновь созданных автономных «союзных государств» (или штатов), населенных в большинстве малыми народами.

Провозглашалась политика мира и международного сотрудничества со всеми нациями при опоре на ООН, развившаяся позже в политику «позитивного нейтралитета» — основу внешней политики независимой Бирмы на всех ее этапах. Ее опорой стали также пять принципов мирного сосуществования, принятых Бандунгской конференцией 1955 г., одним из активных инициаторов которой был У Ну.

В целом эту конституцию можно назвать парламентской, демократической и гражданской, заложившей основу новой бирманской государственности, которой ранее не существовало. Характерно, что в этой гражданской конституции ничего не говорилось об армии, хотя в новых условиях бирманская армия стала главной силовой опорой государства. К моменту получения независимости армия насчитывала 13 пехотных батальонов и 2 полка, из них 6 батальонов и 1 полк были чисто бирманскими по составу, а остальные были набраны из каренов, кацинов и чинов.

Выступая в декабре 1947 г. на втором конгрессе АЛНС, У Ну сказал о послевоенной Бирме: «Наша страна сейчас выглядит чуть лучше, чем развалины и пожарище». Были почти полностью разрушены нефтяная и горно-рудная отрасли промышленности, уничтожены средства транспорта, резко упало сельскохозяйственное производство, особенно продовольственного риса. Также резко сократился экспорт — главный источник иностранной валюты (до Второй мировой войны Бирма была «чемпионом» по экспорту риса — 3,2 млн. т в год).

Вместе с тем в экономике Бирмы в 1950-е годы развивались некоторые обнадеживающие процессы. Темпы ее экономического роста в 1951–1960 гг. ООН оценивала на уровне 5,4% в год, что было неплохо, если вспомнить, что в 1939–1960 гг. они составляли 0,5%, а в 1939–1948 гг. выражались в отрицательной величине — -3,6%.

С 1948 г. в Бирме приступили к формированию обширного государственного сектора экономики. Он создавался за счет монополии государства на землю, недра, большую часть экспортной торговли (рис, древесина), а также в результате национализации или приобретения акций иностранных компаний и создания смешанных фирм.

Наиболее серьезные изменения затронули аграрную сферу. Здесь были приняты закон 1948 г., а затем уточняющие его законы 1953–1954 гг. о национализации земли с изъятием у крупных землевладельцев земель сверх установленного максимума (50 акров по рисовым землям) и с распределением их среди безземельных и малоземельных крестьян. Хотя в конце 1950-х годов вся программа в связи с «дефектами исполнения» была приостановлена, тем не менее старая система земельных отношений была подорвана войной и законами 1950-х годов о национализации.

Руководящей политической силой страны по-прежнему была АЛНС и входившая в нее Социалистическая партия. Президентом АЛНС все десятилетие был У Ну, он же, за исключением нескольких месяцев, был и премьер-министром. Его ближайшими коллегами и соратниками были лидеры соцпартии — У Ба Свэ и У Чжо Ньейн.

Большинством массовых организаций Лиги руководили социалисты. Лига включала в себя разнородную демократическую публику и лишь отдельных представителей буржуазных кругов. Наиболее характерным для Лиги было то, что многие ее члены ориентировались на социализм в разных его видах, в том числе социал-демократический, либеральный и близкий к марксистскому или советскому варианту. Последний становился все более привлекательным в связи с политическими симпатиями к СССР.

До конца 1946 г. в состав АЛНС входила и Коммунистическая партия Бирмы (КПБ), имевшая большое влияние. В начале 1946 г. в компартии произошел раскол по вопросу о способах — мирных или вооруженных — борьбы за независимость. От КПБ откололось меньшинство во главе с Такином Со, стоявшее за бескомпромиссную вооруженную борьбу. Оно оформилось в левосектантскую Компартию красного флага. Большинство осталось в КПБ (известной в литературе как Компартия белого флага). Ее лидером стал Такин Тан Тун. Но на пути мирной борьбы КПБ оставалась недолго. В ней тоже быстро усиливались левацкие радикальные настроения с претензией на руководство всем освободительным движением в стране и с резкой критикой АЛНС и Аун Сана за «соглашательство». В результате обострения отношений КПБ была в конце 1946 г. исключена из АЛНС, что навсегда их поссорило. Основные нападки КПБ на АЛНС в конце 1947 — начале 1948 г. были связаны с англо-бирманскими соглашениями о независимости Бирмы («сговор с империализмом», «независимость — фальшивка» и т.п.). Но это было лишь предлогом для начала кампании по подрыву власти АЛНС с целью занять ее место: КПБ переходила от легальных методов в политике к тактике вооруженной борьбы, направленной с 1948 г. непосредственно против первого независимого правительствa Бирмы.

Все эти действия происходили не спонтанно, а осуществлялись под воздействием новой сталинско-ждановской линии в международном коммунистическом движении, перешедшем в 1947 г. к тактике «боевого революционного натиска» на все позиции империализма и его «приспешников». Эта новая линия была сформулирована в работе и документах Совещания Коминформа в Польше в конце сентября 1947 г. О новой ориентации Коминформа бирманские коммунисты узнали из контактов в декабре 1947 — феврале 1948 г. с индийскими коммунистами, уже менявшими старое руководство своей партии и переходившими к осуществлению наступательной тактики.

Видную роль в политике Бирмы играла Народная добровольческая организация (НДО), но после гибели Аун Сана, своего руководителя, она оказалась на перепутье. Вскоре после начала восстания коммунистов и под их влиянием 60% ее состава перешли на их сторону. Позже НДО вышла из подполья по амнистии (1958 г.) и образовала Партию народных товарищей, заявившую о своей марксистско-ленинской ориентации.

Наиболее организованной и лучше всего вооруженной правой оппозиционной силой были каренские сепаратисты. Ими руководили соответственно политическая и военная организации — Каренский национальный союз и Каренская национальная организация обороны. Лидеры этих организаций были преимущест-

венно христиане-баптисты и ориентированы на Англию, в консервативных кругах которой они находили моральную и материальную поддержку. Многие карены были недовольны вхождением в Бирманский Союз и добивались от Англии, а затем от бирманских властей создания на юго-востоке и юге страны отдельного, независимого от Бирмы, каренского государства, т.е. раскола Бирмы.

Полномасштабное каренское восстание началось в январе 1949 г. Ему открыло путь восстание, поднятое КПБ и сыгравшее провокационную роль «поднятого шлагбаума». Дружбы между этими главными повстанческими группировками не было, но ряд операций они проводили согласованно или совместно.

К легальным оппозиционным группам относилась левая Рабочая партия, создавшая Национальный объединенный фронт (НОФ). К потенциальным оппозиционным группам и слоям относились студенчество и часть буддийских монахов.

Гражданская война в виде более или менее широкого повстанческого движения в Бирме/Мьянме — это феномен всего периода независимости страны с конца 1940-х годов и почти до начала XXI в.

Бирманский военный историк У Ба Таи писал, что искрой, разжевшей гражданскую войну, было «предательское» восстание коммунистов. После него последовали ряд других, и через год в стране действовала уже сеть повстанческих группировок, насчитывавших всего более 30 тыс. вооруженных и организованных борцов, включая значительное число армейских дезертиров-мятежников. Повстанческие силы захватили контроль почти на $\frac{2}{3}$ территории страны (У Ну говорил даже о 90%). В результате мятежа армия потеряла 42% личного состава и 45% вооружений.

Коммунистическое восстание началось 28 марта 1948 г., когда, опасаясь угрожающего удара со стороны полиции, руководство КПБ ушло ночью из Рангунa в джунгли к северу от города, на заранее подготовленные базы, чтобы организовать и возглавить широкое вооруженное восстание против правительства и раздуть его до общеповстанческих масштабов. В 1948 г. КПБ, по правительственным данным, поддерживали не менее 25 тыс. активных сторонников и сочувствующих. Полностью вооруженных коммунистов было поначалу свыше 5 тыс., не считая армейских и других дезертиров, примкнувших к ним.

27 июня 1948 г. началось восстание большинства НДО. В июле-августе того же года произошли мятежи в армии и полиции. В январе 1949 г., как уже отмечалось, началось широкомасштабное восстание каренских частей в армии и полиции. В огне восстания оказались обширные районы Южной (нижней), Центральной и Юго-Восточной Бирмы.

Самыми «черными месяцами» для правительства премьер-министр У Ну назвал февраль, март и апрель 1949 г., когда восставшие карены фактически осадили Рангун.

В критические месяцы и недели 1949 г. армия все же смогла с помощью верных качинских, чинских и шанских частей выстоять и даже начать гасить преимущественно раздробленные повстанческие силы. С лета 1949 г. правительство стало получать английское оружие, которое закупила для себя Индия, но по договоренности с Бирмой и Англией перенаправила Бирме.

Правительство, возглавляемое У Ну, выстояло в 1949 г. Оттеснение и разгром повстанцев, главным образом из КПБ, продолжались в 1950 г. и особенно в 1951–1953 гг., когда был сломан «становой хребет» мятежников. К концу 1954 г. число сдавшихся властям повстанцев превысило 23 тыс. человек (из них — 4,5 тыс. коммунистов). В 1955 г. погери среди гражданских лиц составили 22 тыс. человек, среди военных и гражданских государственных служащих — около 5,7 тыс. человек. Разрушение различной собственности было оценено в 4,7 млрд. *джа* (около 1 млрд. долл. — сумма, сравнимая с годовым валовым продуктом страны). Однако отдельные очаги разных восстаний и их сельские базы сохранились на десятилетия.

Дополнительный негативный фактор, связанный с внешними силами, возник в конце 1949 — начале 1950 г., когда в Бирму через границу с Китаем вторглись остатки гоминьдановских войск, разгромленных Народно-освободительной армией Кипая (провозглашенная 1 октября 1949 г. Китайская Народная Республика была сразу же признана Бирмой). Гоминьдановцы свободно пересекли недемаркированную северо-восточную границу Бирмы с Китаем и оккупировали весь восточный угол Бирмы, начав с княжества народности ва и создав центр в шанском княжестве Кентунг. Как интервенты, они стали хозяйничать в этой окраине Бирмы, пытаясь время от времени вторгнуться на китайскую территорию, но регулярно терпели поражения, несмотря на дипломатическую и военную помощь США, заинтересованных в подрыве нового Китая. Интервенция гоминьдановцев продолжалась несколько лет. Бирма обратилась с жалобой в ООН, интервенция была осуждена, и начался гягучий процесс вывода гоминьдановцев из Бирмы. Часть их, однако, осталась и осела на окраинной территории Северо-Восточной Бирмы, смешалась с местным китаизированным населением и занялась наркобизнесом (этот район входит в знаменитый наркотиками «золотой треугольник»).

В 1951–1952 гг. в Бирме впервые проводились парламентские выборы согласно конституции 1947 г. Правящая коалиция АЛНС и соцпартии подтвердила свое превосходство, получив 60% голосов и около 200 мест из 250 (с союзниками). Оппозиция — этнические партии, левые и независимые — выиграла 33 места.

Вторые парламентские выборы состоялись в апреле 1956 г. уже в условиях спада повстанческого движения. Снова решающее большинство в палате депутатов обеспечила правящая коалиция АЛНС и соцпартия (с союзниками 173 места из 239). Созданный к этому времени левый Национальный объединенный фронт завоевал 48 мест, другие оппозиционные группы и умеренные — 20.

Из этих данных видно, что у коалиции АЛНС и соцпартия появилась значительная и организованная оппозиция. Это был шаг вперед в развитии многопартийной парламентской системы.

Но избирательная кампания 1956 г. выявила внутренние противоречия в правящем лагере, приглушавшиеся ранее условиями гражданской войны. Речь шла о разногласиях и противоречиях между У Ну, главой Лиги и правительства, и социалистами. Вокруг У Ну–Тина формировалась одна фракция Лиги, вокруг социалистов У Ба Свэ и У Чжо Ньейна — другая. Нарастали также противоречия между правительством У Ну и армией, которая с каждым годом набирала силу

и превращалась в отдельного и грозного игрока на политическом поле страны. К тому же приближалась десятая годовщина ратификации конституции 1947 г., принятой 4 января 1948 г. Это предусматривало возможность постановки вопроса о статусе автономий — Шанской и Кая, которая была оговорена в конституции и в принципе допускалась ею. В атмосфере запахло духом сепаратизма.

Противоречия в правящем лагере и взаимные претензии оппонентов весной 1958 г. привели к угрозе раскола в верхах. Генсек соцпартии У Ба Свэ поставил в парламенте вопрос о доверии правительству У Ну. Голосование состоялось 9 июня. Оно дало перевес У Ну в восемь голосов (127 против 119). Тем самым У Ну остался премьером, а его фракция — правящей (до поры до времени).

Далее события развивались с ошеломляющей быстротой и в неожиданном направлении. В июне 1958 г. фракция Свэ–Ньейна сместила У Ну с поста президента АЛНС и поставила на его место У Ба Свэ. Новая АЛНС стала называться «Стабильной», или «Настоящей». (В дальнейшем она вернулась к первоначальному названию — АЛНС.) А в июле фракция Ну–Тина изгнала фракцию Свэ–Ньейна из АЛНС и приняла название «Чистой АЛНС».

Раскол прошел мирно, но оказался бесповоротным. Основные его причины состояли, во-первых, в борьбе и соперничестве за власть и посты; во-вторых, в личностном факторе, в накопленной усталости и раздражении лидеров Бирмы от 10–12-летнего совместного каждодневного руководства страной при одном и том же раскладе сил. У Ну был старше других, он приобрел харизму, вел себя с коллегами нередко свысока, мог не считаться с мнениями других и при этом проявлял организационную слабость, отстраненность от дел, объясняемую буддийским мировоззрением. Требовалась «кадровая встряска» или «элитная революция». Так и получилось.

Амнистия вызвала большое беспокойство в армии («мятежник сегодня получает амнистию, а завтра он опять уйдет в джунгли!?»). Атмосфера в стране все более накалялась. Если считать армию, получалось противостояние трех сторон. В августе 1958 г. У Ну объявил, что регулярная сессия парламента, посвященная бюджету, отменяется, он будет принят на основе президентского декрета, а парламент («расколотый») будет распущен. Это было выражением глубокого политического кризиса в стране. Тогда же средства информации стали сообщать о приближении к Рангуну и к другим местам армейских и полицейских частей. Пошли разговоры о возможности переворота в стране.

26 сентября 1958 г. наступила развязка. У Ну выступил по радио и заявил, что намечавшиеся на ноябрь всеобщие выборы из-за «внешних условий и событий» (следствие раскола правившей АЛНС) не могут быть проведены как «свободные и честные». Поэтому он договорился с генералом Не Вином, главнокомандующим бирманской армией, о том, что тот займет пост премьер-министра во временно создаваемом правительстве, задача которого будет заключаться в создании необходимых условий для проведения «справедливых и честных» выборов в парламент.

Правительство Не Вина было тогда создано юридически в рамках конституции и формально являлось вполне парламентским. Но к гражданским министрам

были приставлены полторы сотни военных советников, т.е. армия получила возможность направлять и контролировать работу правительства.

Можно ли считать все это «переворотом»? У Ну в своих мемуарах называет его «первым государственным переворотом» (вторым стал «главный переворот» 1962 г.). Однако надо признать, это был весьма своеобразный переворот — по мирной договоренности сторон, но с пистолетом в кармане у получающего власть.

Первое правительство генерала Не Вина (1958–1960) было временным по статусу, но период его правления явился подготовительным этапом к постоянному вмешательству армии в руководство страной.

Не Вин обещал защищать конституцию, демократию и подготовить страну к парламентским выборам, указав на угрозу нового вооруженного выступления левых сил и каренов. Он высказался за необходимость укрепления ослабленной государственной власти, внедрения дисциплины, ведения борьбы с «экономическими повстанцами», «спекулянтами» и за снижение цен на товары народного потребления.

Он заявил также, что будет против массовой амнистии повстанцам и прямых переговоров с ними. К началу правления Не Вина в стране насчитывалось 9 тыс. различных повстанцев (у КПБ — свыше 3 тыс., у каренов — 3,7 тыс.). За 14 месяцев правления Не Вина число повстанцев сократилось на 6 тыс. человек.

Помимо наведения порядка в административной сфере и сдерживания роста цен правительство Не Вина осуществило две крупные меры особого государственного значения. Первая состояла в отмене (за компенсацию) в апреле 1959 г. наследственных феодальных привилегий князей из шанов и кая, что означало введение демократических выборов в палату национальностей. Второй стало подписание в Пекине в январе 1960 г. соглашения с Китаем о демаркации границы между двумя странами и бирманско-китайского договора о дружбе и взаимном ненападении. Таким образом, началось предварительное урегулирование давнишнего, еще с британских времен спорного пограничного вопроса (договор о границе был подписан У Ну позже).

В целом насильственные действия правительства Не Вина в отношении общественных сил (студентов, монахов, торговцев), настроенных к армии оппозиционно, несмотря на некоторые его административные, экономические и политические достижения, вызвали в стране широкое недовольство.

Основной итог деятельности этого правительства подвели парламентские выборы в феврале 1960 г., наглядно показавшие неприятие общественностью военного режима и его союзников.

Главными участниками выборов были обе фракции бывшей АЛНС. Одна из них — «Стабильная АЛНС» — поддерживала политику временного правительства, другая — «Чистая АЛНС» — осуждала. Третьей значительной силой на выборах был левый НОФ. Решительную победу по голосам одержала «Чистая АЛНС» во главе с У Ну: ее поддержали 3,5 млн. избирателей (53%); «Стабильную АЛНС», возглавлявшуюся У Ба Свэ и У Чжо Ньейном, — 2 млн. (менее 30%); НОФ же практически утратил свой вес в парламенте, получив лишь

360 тыс. голосов (против 1,17 млн. в 1956 г.). Партия У Ну получила 159 мест в парламенте (из 250), а с союзниками — свыше $\frac{2}{3}$. «Стабильной АЛНС» достался всего 41 мандат, причем ее лидеры У Ба Свэ и У Чжо Ньейн не набрали необходимого количества голосов и не попали в парламент.

Выборы 1960 г. можно считать историческими — это были последние в XX в. выборы в Бирме при парламентской системе. Они были триумфом «Чистой АЛНС» и лично У Ну, ставших главными выразителями гражданских и демократических предпочтений избирателей (в противовес армии и ее союзнику — «Стабильной АЛНС»).

Придя к власти в апреле 1960 г., партия У Ну стала называть себя Союзной партией. «Стабильная» же АЛНС после этого стала называть себя просто АЛНС, считая себя преемницей прежней единой АЛНС, что было не совсем обоснованно.

Несмотря на громкую победу на выборах 1960 г., ситуация для правительства У Ну и для страны в целом в последующие 18 месяцев (перед вторым государственным переворотом) стала развиваться в неблагоприятном направлении. Правильно принятая установка на развитие и улучшение демократической системы сама по себе не решала практических проблем государства и правящей партии. Объективные трудности сочетались с субъективными. Идеализм некоторых взглядов У Ну столкнулся с суровой реальностью. В ситуации жестких противоречий У Ну иногда предлагал выход в виде следования буддийскому принципу «всеобщей любви» (*метта*).

В стране возникали отдельные, но связанные между собой острые ситуации, или кризисы: ухудшение экономического положения; конституционный кризис, связанный с проблемой федерализма и опасениями по поводу угрозы распада страны; кризис из-за разрастания повстанческого движения ряда малых народов страны; обострение межрелигиозных отношений из-за объявления буддизма государственной религией; фракционная борьба внутри самой правящей партии между группировками «традиционалистов» *такитов* и «модернистов» *у-бо* (борьба, подогретая намерением У Ну уйти от власти в партии, а затем и в государстве); и, наконец, нараставший кризис в отношениях между армией и гражданским правительством У Ну, что непосредственно, хотя и на базе других факторов, привело к перевороту.

В ночь на 2 марта 1962 г. военные перешли к прямым действиям. Они устроили государственный переворот с установлением над страной прямого контроля армии. Гражданскому, демократически избранному правительству Бирмы пришел конец. У Ну и другие деятели правительства были надолго арестованы вместе с князьями из шанов и кая, заподозренных в реальных или придуманных намерениях выйти со своими княжествами из состава Бирмы («заговор феодалов»). Закончился и 14-летний период многопартийного парламентаризма в стране (по крайней мере — в XX в.).

К утру, пока жители спали, дело было сделано. Главнокомандующий генерал Не Вин в своем радиообращении информировал граждан о том, что «вооруженные силы взяли на себя ответственность и задачу обеспечения безопасности страны в связи с крайне ухудшившимися условиями в Союзе».

Власть в стране взял Революционный совет — организация высших офицеров вооруженных сил во главе с Не Вином. Все 17 членов первоначального Ревсовета были бригадными генералами или полковниками. Все они стали министрами созданного сразу же правительства (только МИД возглавляло гражданское лицо).

Ревсовет был объявлен средоточием всех ветвей власти. Его председатель — глава государства и правительства — тоже наделялся всеми законодательными, исполнительными и судебными полномочиями, т.е. имел неограниченную власть.

Ревсовет распустил парламент, приостановил действие конституции 1947 г., ликвидировал существовавшие в автономиях прежние госссоветы и заменил их новыми во главе с военными. Была создана также специальная система «комитетов управления и безопасности».

Сразу же в день переворота военные власти опубликовали декларацию о внешней политике страны, стержнем которой был «позитивный нейтралитет».

Основным программным документом Ревсовета стала политическая декларация «Бирманский путь к социализму», ставшая принципиальной базой всех революционных реформ в Бирме. Она была принята 30 апреля 1962 г. командованием вооруженных сил. Декларация отвергала экономические системы эксплуатации человека человеком, предусматривала национализацию всех жизненно важных средств производства и объявляла государственную собственность на них основой социалистической экономики с допуском кооперативной и в «разумных пределах» — частной. Опорой социалистического демократического государства должны быть главным образом крестьяне и рабочие. Отрицалась система парламентской демократии.

В июле 1962 г. был объявлен план создания руководящей политической силы, получившей название Партии бирманской социалистической программы (ПБСП).

В начале 1963 г. ПБСП издала документ под названием «Философия ПБСП. Система взаимоотношений человека и окружающей его среды». В нем была сформирована философская платформа партии: буддийское отношение к принципиальным вопросам бытия и буддийская диалектика (три мира в природе, равноценность материи и сознания), сочетающиеся с положениями марксизма, исторического материализма (социально-экономические формации, соотношение производительных сил и производственных отношений и др.).

В 1964 г. был принят Закон о защите национальной солидарности, по которому распускались все политические партии, кроме ПБСП. Это было важным толчком к формированию совершенно новой однопартийной военно-тоталитарной политической структуры.

Сразу же основное внимание было уделено строительству правящей ПБСП, затем новых «массовых и классовых» организаций — Рабочей, Крестьянской, Молодежной организации «Ланзин» (соответственно РОБ, КОБ, МОЛ). («Ланзин» — от краткого бирманского наименования ПБСП «Путь».) Оформление ПБСП произошло на ее I-м съезде в 1971 г. Всего с 1971 по 1988 г. состоялось пять очередных и пять чрезвычайных съездов. В члены ПБСП сначала принимали только военных, а со временем — и гражданских лиц. По мере выхода ряда военных высшего и среднего звена в отставку (в их числе были сам генерал Не

Вин, Сан Ю и др.) шел процесс «огражданствления» партии. Доля военных в ЦК ПБСП сократилась за 1970-е годы с 71 до 23%, но военные или бывшие военные кадры оставались ведущей силой как в партии, так и в государстве.

К началу 1980-х годов партийно-общественная структура Бирмы стала представлять собой широко разветвленную сеть организаций, охватывающую большинство активного населения страны. Членов ПБСП (с сочувствующими) было 1,5 млн., членов РОБ — 1,6 млн., КОБ — 7,6 млн., МОЛ — 1,2 млн. Иначе говоря, в Бирме была создана мощная социально-политическая сверхструктура тоталитарного типа, призванная под руководством ПБСП строить бирманский социализм. Однако вся эта сверхструктура, кроме партийной верхушки, была рыхлой и пассивной, миллионы людей значились членами этих организаций лишь на бумаге.

С 1962 г. и до начала 1970-х годов Ревсовет провел крупнейшую национализацию всей сферы хозяйства и услуг. Были национализированы все иностранные и национальные частные банки, внешняя торговля, страховые компании, рудники, транспортные агентства, многие предприятия обрабатывающей промышленности, газеты, кинотеатры, школы и т.д. Была объявлена госмонополия на торговлю важнейшими видами потребительских товаров и услуг. Была подтверждена госсобственность на землю. Кроме банков под национализацию попали известные западные компании («Бирма Ойл», «Сгил Бразерс» и др.). То же произошло со многими фирмами и предприятиями, принадлежавшими индийской, пакистанской и, в меньшей мере, китайской буржуазии. В результате из Бирмы начался отток иммигрантского населения, в основном азиатского. В 1963–1966 гг., например, из страны эмигрировало свыше 177 тыс. человек, в большинстве (примерно 153 тыс.) — выходцев из Индии.

По данным декабря 1973 г., в стране было национализировано 15,5 тыс. различных предприятий и учреждений (в том числе 12 тыс. торговых). За период 1961–1971 гг. доля госсектора в валовом продукте увеличилась с 29 до 40%. В середине 1960-х годов, в период «плотной» национализации, удельный вес госсектора поднимался в общем ВВП до 50–53%, в торговле — до 90–94%. Динамика роста ВВП на такой основе была «рваной» и упала в 1963–1967 гг. до минусовых показателей. Только во второй половине 1970-х годов, после принятия военным руководством корректирующих мер, показатели прироста валового продукта поднялись до 5–6% в год. Кризисные явления в Бирме в 1960-х — начале 1970-х годов усугублялись ее возросшей изоляцией от мировой экономики и тенденциями к автаркии.

Положительные перемены в экономике Бирмы стали появляться лишь после смягчения крайностей экономического курса (решения 1-го съезда ПБСП в 1971 г.): подготовлен план долгосрочного (20-летнего) экономического развития (с 1974 г.); сельское хозяйство было объявлено приоритетной задачей; был взят курс на мобилизацию всех производительных сил страны, в том числе и частного сектора. В 1976 г. был создан международный консорциум помощи Бирме, она стала ежегодно получать от него немалые финансовые средства. И все же экономику страны можно было охарактеризовать как слабую, склонную к кризисам.

Но, несмотря на это, некоторые ее отрасли и направления показали заметное продвижение вперед. Был достигнут значительный успех в сельском хозяйстве: производство риса с 7–8 млн. т до войны за 1960–1970-е годы выросло к началу 1980-х до 14 млн. т (с помощью методов «зеленой революции»). Был начат перевод госпредприятий на хозрасчет, сделаны шаги в сторону расширения частного сектора, приоткрыты двери для иностранной помощи.

Серьезным нововведением был закон об отмене арендной платы крестьян землевладельцам (1965 г.). Произошли положительные перемены в социальной сфере (большой рост числа школ, университетов и колледжей, в 1984 г. было покончено с неграмотностью в 223 из 314 районов страны, выросло число больниц и докторов в сельской местности).

Весь период после военного переворота 1962 г. можно разделить на две части: прямого армейского правления (1962–1973) и «конституционной диктатуры» (1974–1988)², когда военная власть надела гражданский «конституционный» костюм, сквозь который были ясно видны ее военные доспехи.

Государственное и юридическое оформление эти перемены получили в конституции 1974 г., по которой Бирма стала называться Социалистическая Республика Бирманский Союз. Формально вводились гражданские институты власти: пост президента — главы Государственного совета, однопартийный парламент (Народное собрание), правительство, избираемое парламентом. При всем этом конституция установила четкую однопартийную политическую систему и утвердила руководящую роль ПБСП.

Новая конституция ввела унитарные формы госорганизации. Автономия штатов была отвергнута, как и сама идея федерации. Государство было разбито на 14 юридически полностью равноправных областей (фактически одинаково бесправных в плане какой бы то ни было автономии). Из них семь были собственно бирманские и семь — национальные области, т.е. было провозглашено количественное административное равенство национального большинства и основных национальных меньшинств.

Самым главным «секретом» социалистической конституции Бирмы 1974 г. было полное замалчивание места и роли армии в новом Основном законе, хотя именно она на деле составляла костяк всех государственных структур и была мотором всего государственного и общественного развития страны.

Но население не возликовало по поводу введения «военного социализма». Революционный совет, а затем армия в конституционный период стали регулярно сталкиваться с теми или иными оппозиционными силами.

В марте 1962 г. военное правительство вело активные боевые действия против повстанческих сил шанов, КПБ, каренов и качинов (т.е. «старых» и «новых» повстанцев). В начале июня того же года произошли крупные студенческие волнения в Рангунском университете как ответ на введение властями новых жестких дисциплинарных правил. Армия стала стрелять в студентов. 16 из них были уби-

² Термин «конституционная диктатура» был введен американским бирманистом Дж. Сильверстейном.

ты, 42 ранены и 21 арестован. Эти студенческие беспорядки были частично спровоцированы подстрекателями от подпольной компартии, которая квалифицировала новые власти как «в основе своей антикоммунистическую военную диктатуру».

Летом 1963 г. под предлогом предотвращения угрозы внутреннему миру Ревсовет провел аресты некоторых лиц, но при этом были освобождены из тюрем У Ну, У Ба Свэ и др. (всего около 400 чел.).

В 1963 г. Ревсовет сделал необычные для военных шаги. В апреле он издал указ о всеобщей амнистии, а в июне предложил всем повстанцам начать прямые переговоры о восстановлении мира в стране. Предложение о переговорах при условии гарантированной безопасности было принято всеми повстанцами. Для участия в них в Рангун прибыли представители 12 организаций, в том числе так называемые пекинцы — бирманские коммунисты, бежавшие в Китай проходить там идеологическое воспитание в духе маоизма. Переговоры начались летом и завершились почти полным провалом в ноябре — только одна группа из числа каренских повстанцев «Котулей» достигла договоренности с Ревсоветом. Компартия в составе «трехпартийного фронта» выдвинула условием достижения соглашения с Ревсоветом сохранение своих вооруженных сил и контроля над «своими» районами, что было совершенно неприемлемо для военных властей: столкнулись две военно-диктаторские организации, чьи идеология и методы были весьма близки друг другу, с 1948 г. ставшие заклятыми врагами.

После срыва мирных переговоров с правительством возросла повстанческая активность компартии, действовавшей в союзе с рядом этнических групп. В руководстве КПБ резко усилилось экстремистское направление, оно снова провозгласило курс на захват власти вооруженным путем, что вызвало со стороны Ревсовета усиленные меры военного подавления. К концу 1960-х годов правительственные войска разгромили силы КПБ на юге и в центре страны, где издавна были их базы, и те перебрались в северо-восточные окраины Бирмы, вдоль границы с Китаем, где при его поддержке (в том числе и оружием) попытались создать новые «освобожденные районы», населенные в основном этническими меньшинствами — ва и др.

В 1966 г. в Китае развернулась «культурная революция». В Рангуне маоистские агенты спровоцировали антибирманские выступления местных китайских школьников. Произошли бирмано-китайские столкновения, приведшие к жертвам и ухудшению бирмано-китайских межгосударственных отношений.

В самой КПБ также началась «культурная революция», инспирированная китайскими маоистами. Она продолжалась в 1968–1969 гг., ее целью была полная «маоизация» и подчинение КПБ, расправа с инакомыслящими — так называемыми ревизионистами, выступавшими за умеренный курс. В результате бирманские коммунисты под напором китайских инструкторов казнили ветеранов партии, членов Политбюро и ЦК. Сам Такин Тан Тун, глава КПБ, был в сентябре 1968 г. застрелен то ли собственным охранником, то ли правительственным агентом.

В 1968 г. армией был захвачен ряд членов ЦК Партии красного флага, а в ноябре 1970 г. сдался и его глава — Такин Со, зачинщик левацкого «террористиче-

ского» уклона в комдвижении Бирмы, принесшего столько бед стране (позже он в этом раскаялся).

Бирманскому военному режиму противостояла не только левая, но и правая (или правонационалистическая) оппозиция. Правые, окопавшиеся в Таиланде (в Партии парламентской демократии), были недовольны экономической политикой властей и политическими репрессиями. Недовольство накапливалось и в кругах интеллигенции, студенчества. Но особую опасность власти видели в начавшихся выступлениях рабочих, служащих и молодежи, протестовавших против экономических тягот и «железной пяты» диктатуры.

Так, в мае июне 1974 г. в ряде городов Верхней Бирмы, а затем и в Рангуне произошли крупные забастовки и волнения рабочих (43 тыс. участников на 126 предприятиях). Войска вновь стреляли по бастующим (22 убитых, 60 раненых, сотни арестованных). В декабре 1974 г. в Рангуне вспыхнули волнения в связи с похоронами У Тана, бывшего генерального секретаря ООН и давнишнего друга У Ну. Затем в 1975 и 1976 гг. произошли новые антиправительственные выступления студентов и буддийских монахов. В июне 1976 г. было заявлено о раскрытии антиправительственного заговора группы военных («заговор капитанов»), в котором обвинялся генерал Тин У.

Усиление антиправительственных настроений и действий вынудило власти принять ряд экстраординарных политических, экономических и пропагандистских мер. В мае 1980 г. они организовали первый всебирманский буддийский собор как знак уважения к монашеству и одновременно как меру усиления контроля над ним. Тогда же Не Вин издал указ о 90-дневной всеобщей амнистии, распростиравшейся главным образом на политических противников режима. (Под амнистию попал и У Ну, проживавший в Индии после разрыва с Партией парламентской демократии.)

В целом политическая обстановка в 1960-х — середине 1980-х годов была неспокойной. Однако состоявшийся в августе 1985 г. V съезд ПБСП проявил озабоченность только по поводу положения в экономике страны.

Парадоксально, но почти в то же время (в сентябре 1985 г.) состоялся и III съезд компартии Бирмы в «освобожденных районах» на севере страны. В отличие от ПБСП, регулярно проводившей свои съезды, у коммунистов III съезд произошел через 40 лет после предыдущего (1945 г.). Достоинно внимания, что этот съезд, отметив слабость компартии и учитывая свертывание помощи от Китая, возвестил о смене тактики «стратегического наступления» на тактику «стратегической обороны».

Характерно, что ни та ни другая партии, которые через три-четыре года просто перестанут существовать, не почувствовали в тот момент нависшей над ними смертельной угрозы.

Время после V съезда ПБСП можно определить как период обострения общего кризиса, вылившегося в народное восстание против диктатуры армии и ПБСП.

1986 год начался с важного заявления замгенсека ПБСП, содержавшего панические нотки о неблагоприятном положении в экономике страны (падение ВВП). Рос внешний долг, он тогда оценивался в 3 млрд. долл. с нормой обслуживания

в 55–60% (в 6 раз больше, чем давал экспорт). (В начале 1987 г. норма обслуживания внешнего долга поднялась до 90%.) Это был финансовый кризис, и случился он в год, юбилейный для режима Не Вина (25 лет), но праздновать в сущности было нечего.

В 1987 г. произошли три важных события.

Во-первых, в августе Не Вин сделал беспрецедентное политическое заявление, в котором раскритиковал систему, созданную самой военно-политической элитой, и даже допустил возможность конституционных изменений в стране. Принципиальное направление мысли бирманского лидера, в частности выраженное на пленуме ЦК ПБСП, было ясным — речь шла о необходимости реформ в стране.

Кажется несомненным, что в 1987 г. руководство Бирмы имело в виду нечто вроде перестройки, аналогичной той, что шла в СССР, кроме того, влияние на него оказывали также демократические антидиктаторские движения в соседних с Бирмой странах ЮВА, особенно на Филиппинах (свержение диктатуры Ф. Маркоса).

Вторым важным событием 1987 г. было постановление Совета министров от 1 сентября, отменявшее госконтроль над девятью сельскохозяйственными культурами, включая рис. Теперь любой гражданин мог свободно продавать, покупать, хранить и перевозить данную продукцию. При этом он обязывался выплачивать налоги с нее натурой (обеспечивая ухудшавшийся продовольственный баланс страны).

Третьим важным событием 1987 г. была денежная реформа 5 сентября — замена купюр прежней номинации в 25, 35 и 75 джа на новые — в 45 и 90 джа. Реформа задумывалась с целью борьбы со спекулятивным капиталом частного рынка и ослабления инфляции, но она не предусматривала компенсацию и жестоко ударила по всему населению. Демонетизация была воспринята населением как ограбление народа и явилась неожиданно мощным катализатором антиправительственных настроений в стране. Именно после объявления о демонетизации в сентябре того же года прошли крупные протестные выступления студентов двух ведущих вузов с несколькими тысячами участников — прелюдия к более мощным проявлениям студенческой революции и политическому пробуждению разных слоев общества.

Экономические трудности Бирмы дошли до того, что она (по совету Японии) обратилась в ООН за получением статуса «наименее развитой страны» и в декабре 1987 г. решением Генеральной Ассамблеи получила его и соответственно право пользоваться некоторыми финансовыми и иными льготами.

1988 год стал годом демократической революции в Бирме, хотя и не завершившейся.

Новые студенческие беспорядки произошли в марте 1988 г. Ссора, разгоревшаяся около одного из уличных кафе Рангуна, в которой приняла участие большая группа студентов, привела к драке, поджогу автомобиля и вмешательству полиции. Один юноша был убит выстрелом из огнестрельного оружия, по видимому полицейским. Большая группа студентов была втиснута в полицей-

ский фургон и отвезена в тюрьму. Дверь фургона была плотно задраена, и, когда по прошествии некоторого времени ее открыли, оказалось, что более 40 студентов погибли от удушья. Под нажимом общественности было проведено расследование, и власти были вынуждены признать свою вину. Это трагическое событие имело далеко идущие политические последствия и вскоре привело к кризису власти в стране.

Новый всплеск студенческих волнений произошел в июне 1988 г. Он начался с требования освобождения арестованных товарищей и восстановления их в университете и колледжах. Марш студентов-демонстрантов к центру Рангуна собрал до пяти тысяч участников. Отряды полиции (спецназа — *лонхтейн*) были снова брошены на подавление демонстрантов. На этот раз жертвы были и с той и с другой стороны.

Нараставшее политическое напряжение вкупе с усилившимися экономическими трудностями вынудило власти срочно созвать съезд ПБСП. Ход и решения этого чрезвычайного съезда были полностью неожиданными. Во-первых, Не Вин заявил о своей отставке с поста председателя партии. Он объяснил это частично тем, что чувствовал свою «косвенную ответственность» за трагические события марта и июня того года. Заявление Не Вина об отставке потрясло Бирму. Во-вторых, что поразило народ и иностранных наблюдателей еще больше, Не Вин предложил провести общенациональный референдум по вопросу о том, должна ли в стране сохраняться однопартийная система. Съезд принял отставку Не Вина и президента страны Сан Ю, но не принял предложение Не Вина о референдуме — беспрецедентный случай неповиновения вождю и показатель распада старой власти в Бирме. Преемником председателя ПБСП и президента Бирмы был избран старый «невиновец», реакционер, руководитель подавления студенческих волнений 1962 и 1988 гг. — генерал Сейн Лвин.

Съезд ускорил ход событий. Теперь люди знали о том, что власти наверху обсуждали, хотя бы теоретически, вопрос о введении многопартийной системы, т.е. возможность демократического варианта развития страны, — и это им нравилось. В то же время его решения об отказе от референдума и избрании Сейн Лвина вызвали негодование.

В течение нескольких недель, с конца июля до середины сентября 1988 г., в стране разыгрывалась многоактная социально-политическая драма. Ее «героем» была демократия, нашедшая своих выразителей сначала в лице студентов, а затем в широких и разнообразных слоях населения, в том числе и на улице. «Злодеем» же была правящая военно-бюрократическая верхушка армии и ПБСП, действовавшая под началом Не Вина. Массы же были и участниками, и зрителями.

Антиправительственные демонстрации становились с каждым днем все многочисленнее. В них втягивались, кроме студентов и школьников, буддийские монахи, интеллигенция, служащие, фабричные рабочие, торговцы, пригородные крестьяне, городские люмпены. В августе 1988 г. в них участвовали сотни тысяч, возможно, миллион человек. Процессии и митинги стали практически непрерывными и перекинулись из Рангуна в другие города.

Чтобы сбить массовый подъем антиправительственного движения, глава Бирмы генерал Сейн Лвин 3 августа 1988 г. ввел в Рангуне и пригородах военное положение. Уже и солдаты, а не только полиция, стали стрелять в демонстрантов, на улицах пролилась кровь. Но это не остановило оппозицию. Она приняла решение о начале 8 августа всеобщей забастовки (сочетание четырех восьмерок — 8.8.88 — считалось астрологами благоприятным предзнаменованием).

За первые два дня забастовки от рук военных погибло не менее 100 человек, арестовано было — 1500. На третий день было убито трое демонстрантов, трое полицейских якобы были обезглавлены разъяренной толпой. Несомненно, возросла взаимная жестокость сторон. 10 августа армия расстреляла митинг у Рангунского главного госпиталя, среди погибших были и медсестры. На четвертый день борьба охватила некоторые пригороды Рануна, где, по сообщениям, стали строить баррикады.

По существу, в Рангуне происходило народное восстание, совершалась демократическая революция.

12 августа генерал Сейн Лвин был удален в отставку, ко всеобщей радости участников движения. Вопреки официальному заявлению, что за прошедшие дни было убито лишь 100 человек, бирманские врачи сообщали иностранным дипломатам, что в одном Рангуне за это время насчитывалось около трех тысяч убитых.

На состоявшемся 19 августа пленуме ЦК ПБСП и заседании Народного собрания председателем партии и президентом страны был избран Маун Маун, адвокат и писатель по профессии, один из немногих крупных гражданских деятелей режима Не Вина, не чуждый некоторым либерально-демократическим «слабостям». Ему было 63 года. Он обещал создать комиссию, чтобы изучить положение народа во всех областях жизни и в течение шести недель выработать соответствующие рекомендации, и высказался также за референдум по вопросу партийной системы в Бирме.

Эти обещания и минимальные уступки власти вызвали разочарование у бастующих, которые настаивали на немедленных мерах по введению демократии. Студенческая же оппозиция выдвинула программу из 15 пунктов, главным из которых было требование о создании беспартийного временного правительства с целью проведения всеобщих выборов. Было решено также продолжать демонстрации. В этой накаленной обстановке 24 августа правительство Маун Мауна было вынуждено отменить военное положение в Рангуне.

В тот же день произошло потенциально знаменательное событие — со своей первой публичной речью на демократическом митинге выступила 43-летняя Аун Сан Су Чжи, дочь Аун Сана, всеми признанного национального героя Бирмы. Она вернулась на родину после долгого проживания за границей, чтобы ухаживать за тяжело больной матерью, вдовой Аун Сана¹. 26 августа Су Чжи, как ее

¹ Аун Сан Су Чжи родилась 19 июня 1945 г. Она со своей матерью, которая в 1948 г. стала лослом Бирмы, жила в Индии. Начальное образование получила в этой стране, затем училась и работала в Англии и США, вышла замуж за английского востоковеда-тибетолога Майкла Ариса, стала матерью двух мальчиков. Работала в секретариате ООН в Нью-Йорке и в государстве Бутан. После возвращения в Бирму с семьей жила в Оксфорде.

зовут в Бирме, вновь выступила с публичной речью на 500-тысячном митинге (самом большом до тех пор) у главной пагоды Рангуна и Бирмы — Швэдагоун. Это уже можно было назвать решительным шагом в политику на стороне демократии, причем с горячностью и решительностью, присущими ее отцу, на которого она была и внешне очень похожа. Появление Аун Сан Су Чжи на политической сцене Бирмы можно считать перстом судьбы, которая вернула ее на родину в нужный час и сделала ведущей фигурой в борьбе народа за демократию.

Тем временем оппозиционное движение делалось все более массовым и радикальным. Брожение охватило и некоторых военных (например, отставного генерала Тин У, бывшего начштаба армии). 85 офицеров бирманской армии призвали вооруженные силы страны поддержать требование оппозиции о введении многопартийной системы. Появились утверждения, что все военнослужащие ниже чина полковника поддерживают оппозицию.

Как объяснить этот широкий демократический подъем в Бирме в политико-психологическом плане? По-видимому, здесь сыграл свою роль фактор долгой (накопленной годами, десятилетиями) усталости от несвободы, которая в какой-то момент под влиянием обстоятельств делается невыносимой и прорывается в резком душевном подъеме и бурной активизации борьбы людей против этой несвободы. Так, во всяком случае, это случилось.

К концу августа – началу сентября 1988 г. в Бирме, с одной стороны, наблюдался громадный подъем политической активности демократических сил, хотя и организационно разрозненных, а с другой — царило замешательство и происходил распад структур власти и администрации, но не в армии. В то же время в центре и на периферии росли анархия, беспорядки, дезорганизация работы органов управления, промышленных предприятий, средств транспорта. Все это имело место на фоне разгула преступности и вообще вандализма со стороны распоясавшихся люмпенизированных и криминальных элементов. Развязанная оппозицией 8 сентября новая всеобщая забастовка только обострила эту ситуацию.

Особо важными политическими событиями первой декады сентября были чрезвычайный (последний в истории!) съезд ПБСБ под началом Маун Мауна и сессия (гоже последняя) тогдашнего Народного собрания. Съезд ПБСП пошел навстречу оппозиции весьма далеко: дал согласие на проведение многопартийных выборов без референдума. Обращаясь к делегатам, депутатам и народу Бирмы. Маун Маун почти в слезах заявил: «Простите нас за ошибки, которые мы совершили, пусть история нас рассудит, ПБСП за 26 лет своего правления потеряла доверие народа». Народное же собрание одобрило план проведения всеобщих выборов, открытых для всех партий. Они должны были состояться в течение трех месяцев (затем этот срок был продлен). Парламент внес поправку в конституцию 1974 г., сняв положение об однопартийном характере политической системы страны. Реакция оппозиции была противоречивой: некоторые (Аун Сан Су Чжи, Тин У) были склонны к компромиссу, принимались за создание партий. У Ну проявлял двойственность. Лидеры же самой активной студенческой оппозиции призвали к роспуску правительства, ПБСП и созданию временного правительства. Это обострило положение и затрудняло выход из него. Не следовало

забывать, что кроме оппозиции и правительства Маун Мауна была еще армия, которая долгие годы жестко контролировала положение в стране, а в августе–сентябре 1988 г. особенно внимательно следила за поведением оппозиции, опасаясь прямой угрозы отстранения военных от власти.

Роковыми для дальнейшего развития демократического движения были события 15 и 17 сентября 1988 г., когда толпы антиправительственно настроенных демонстрантов-активистов штурмовали сначала Министерство национальной обороны — «святая святых» армии, затем Министерство торговли. При атаке на это министерство его армейская охрана с позором покинула пост. Этому военачальники уже не могли стерпеть.

На следующий день, 18 сентября, после ночных совещаний генералитета было принято решение о прямом взятии власти армией. После предварительного ввода войск в Рангун министр обороны Со Маун выступил по радио и заявил (как это было и 2 марта 1962 г.), что бирманская армия «ввиду общего ухудшения положения в стране в интересах благосостояния народа взяла на себя ответственность государственных органов» для проведения неотложных мер. Новая власть олицетворялась созданным армией Государственным советом по восстановлению законности и порядка, возглавляемым председателем генералом Со Мауном. Среди мер, названных им, были обеспечение законности и порядка, мира и спокойствия в стране, обеспечение работы транспорта, улучшение снабжения населения продовольствием, поддержка частного сектора и кооперативов, и наконец, проведение в стране многопартийных демократических выборов, когда вышеназванные меры будут выполнены.

Предыдущее высшее руководство страны было без шума смещено, и о нем сразу же забыли. Новая высшая власть — Госсовет — состояла из 19 человек (18 генералов). Его главой был назначен генерал Со Маун, который в середине 1980-х годов был также начальником штаба армии.

С самого начала переворота было ясно, что устанавливалась прямая и жесткая военная диктатура. «Наведение порядка» требовало подавления демократического восстания, и это не могло обойтись без кровопролития.

В заявлении Со Мауна — концентрированной программе действий на ближайшее время — содержались два момента, которые звучали как обещание политических и экономических реформ (многопартийные демократические выборы и помощь частному сектору и кооперативам). Иными словами, новая власть должна была, хотя бы на словах, учесть требование оппозиции о реформах в сторону демократии и ослаблении государственного экономического гнета. Но теперь уже эти предполагаемые реформы могли исходить не от гражданского конституционного по форме правительства, а от новой военной хунты, ожесточенной народными выступлениями за демократию и свободу.

Новые военные власти сразу же внесли изменение в государственную структуру Бирмы. Основные статьи конституции 1974 г. были отменены, вместе с социалистическим курсом. Стране было возвращено название Бирманский Союз. Все прежние органы власти были распущены. За новыми переменами стояли люди, воспитанные Не Вином, более того, многочисленные аналитики событий

в Бирме считают, что Не Вин сохранил закулисную роль лидера и при новом раскладе.

Почему же так получилось, что в 1988 г. власть в Бирме в третий раз подряд полностью оказалась в руках армии? С конца 1940-х годов, а особенно в 1950–1960-е годы, при том что социальная ниша национальной бирманской буржуазии оставалась сравнительно незаполненной в силу недоразвития последней, в стране постепенно сформировался и выдвинулся наверх разветвленный военный социальный класс. При этом он становился все более многочисленным и к 1990-м годам насчитывал до 300 тыс. человек, а потом и более. Происходила прямая и косвенная милитаризация общества, всей страны. В этой господствующей позиции военно-социальный класс, особенно его высший слой, чувствовал себя весьма комфортно и не желал ее терять. Но его бессрочное господство вело к вредоносным общественным последствиям (как, например, разрушительное «вымывание», ослабление гражданских сил). Отсюда заговоры и борьба за власть в 1960–1970-е годы, отсюда и гражданский демократический протестный взрыв 1988 г.

Армия уже не как орган власти в Бирме, а как сама власть стала прямо и открыто преследовать и физически уничтожать оппозицию, наиболее активную в среде студенчества. Наводя «законность и порядок» в Рангуне и других местах, она сеяла жестокость и произвол, как бы мстя оппозиции за доставленные ей, власти, неприятности. В людей безнаказанно стреляли, избивали их, сотнями арестовывали и гноили в тюрьмах. Поэтому общественность встретила в штыки приход к власти новой военной хунты.

За один первый день ее властвования было убито и ранено 50 человек, по другим данным, 100–200. За несколько первых дней, по дипломатическим источникам, убитых насчитывалось уже до тысячи человек. Тысячи участников антиправительственных акций были арестованы. Сотни, а затем тысячи бежали к границе с Таиландом для эмиграции в эту страну или для присоединения к местным этническим повстанцам, боровшимся с военным режимом. Часть политических беженцев устремилась в Индию. Ряд иностранных государств, помимо США и Индии, выразил тогда свое беспокойство положением в Бирме, в том числе Англия, Австралия и, в первое время, СССР.

Когда число убитых демонстрантов достигло нескольких сотен, лидеры оппозиции отменили дальнейшие антиправительственные выступления. Хотя вскоре удалось достигнуть относительного покоя в стране, армия продолжала преследования и «чистку» активной оппозиции, систематически нарушала права человека и гражданина, став постоянным объектом критики и осуждения со стороны международных и национальных правозащитных организаций.

Вся политическая структура Бирмы после переворота 1988 г. состояла из четырех элементов: сама хунта как средоточие абсолютной военной власти; демократическая оппозиция, начавшая организовываться и сплачиваться уже в 1988 г.; освободительное или автономистское движение и группировки на национальных окраинах страны; наконец, компартия Бирмы.

С весны 1989 г. число этих основных внутренних структур сократилось до трех ввиду политического и организационного краха компартии. Этот крах про-

изошел в условиях разросшегося конфликта между руководством КПБ — бирманцами — и рядовой массой местных малых этнических групп, которые составляли «живую силу» военной организации КПБ (из племен или народностей ва, коканов, качинов северо-востока Бирмы). Эти базовые элементы партии и ее армии выступили против руководства КПБ в апреле 1989 г., и вся организация КПБ распалась как карточный домик, а ее руководители во главе с Такином Ба Тейн Тином бежали в Китай.

Своим партийно-политическим органом военная хунта пыталась объявить Партию национального единства (ПНЕ), сколоченную из обломков дискредитированной и фактически распавшейся Партии бирманской социалистической программы. Но из этого ничего серьезного не получилось. У хунты было больше оснований рассчитывать на положительный эффект своих обещаний начать реформы рыночного типа и особенно провести свободные выборы в стране.

Новый режим отказался от социалистических идей и перешел на позиции национализма. Главными лозунгами хунты в пропаганде стали единство нации, патриотизм, самобытность, верховная роль армии как спасителя и гаранта бирманской нации. Потом добавился тезис о модернизации и создании современного государства. Официальное переименование Бирмы в Мьянму в 1989 г. также имело националистический подтекст.

Политическая оппозиция хунте была представлена прежде всего Национальной лигой за демократию (НЛД). Она была создана 26 сентября и зарегистрирована 30 сентября 1988 г. В окончательном составе ее руководящей тройки были Тин У, позже Аун Швэ, Аун Сан Су Чжи, которая была избрана генеральным секретарем партии.

Энергичная и образованная Су Чжи стала главным «мотором» партии, дочь Аун Сана вообще была харизматической фигурой. Именно такая личность способствовала привлечению в НЛД сотен тысяч и миллионов сторонников. В 1989 г., до новой попытки разгромить оппозицию, численность зарегистрированных членов НЛД составляла три миллиона человек.

Политической целью НЛД стал переход страны от военной диктатуры к демократии при помощи мирных, ненасильственных, демократических средств. (Собственно, именно за мирные способы борьбы за демократию Аун Сан Су Чжи в 1991 г. была присуждена Нобелевская премия мира.) Главные методы, на которых настаивает НЛД, включают политический диалог с властью, национальное примирение, выработку демократическими способами демократической альтернативы военному режиму при сохранении полного уважения к армии и ее заслугам в борьбе за независимость.

Требование политического диалога НЛД с властью стало выдвигаться особенно настойчиво после освобождения Су Чжи из-под домашнего ареста, который был наложен на нее военным режимом первоначально в 1989–1995 гг. в целях ограничения ее политической деятельности и влияния на массы. В экономике НЛД выступала за углубление рыночных реформ.

К политической оппозиции относится также Демократический альянс, нелегальная организация, созданная совместно бирманскими эмигрантами в Таиланде

и представителями борющихся против хунты малых этнических групп. Альянс создал так называемое Национальное правительство Бирманского Союза в изгнании, но эта инициатива заглохла.

Что касается групп малых народностей Бирмы, то следует отметить, что в 1990-е годы в их повстанческих движениях произошли значительные перемены. Так, в связи с крахом компартии Бирмы ряд из них утратили внешнюю поддержку (из Китая через КПБ) и стали выдыхаться под ударами возросшей силы бирманской армии. Большинство их согласилось на переговоры с правительством и прекращение вооруженных действий в ответ на некоторые уступки властей в вопросах местной автономии.

С конца 1988 г. началась массовая регистрация новых политических партий. Разрешение на их создание было важной начальной уступкой военных властей. Создание этих партий, в названиях которых, как правило, использованы такие термины, как «демократия», «национальность», «единство» (и никогда «социализм»), — реакция на 26-летний режим правления ПБСП. К парламентским выборам (май 1990 г.) в Мьянме/Бирме было зарегистрировано 235 партий. Большинство их представляло собой небольшие политические, или «вождистские» группы без сколько-нибудь значительного влияния.

Уже в ноябре 1988 г. новый Госсовет объявил о важных экономических реформах, имевших рыночный характер. Реформы по либерализации рынка были насущной задачей всей страны, для преодоления последствий прошедших волнений и предыдущего застоя. Речь шла о децентрализации контроля, снятии ряда запретов с деятельности частного сектора, о провозглашении политики «открытых дверей» с разрешением прямых иностранных капиталовложений и создания смешанных компаний. В сельском хозяйстве было подтверждено разрешение крестьянам свободно возделывать культуры и свободно распоряжаться ими.

В результате после длительного периода упадка и разрухи в Бирме в 1990-е годы началось экономическое оживление (с ростом ВВП 5–7%, а иногда и выше). Но абсолютный объем ВВП в Бирме к 2000-м годам был все-таки примерно в 20 раз ниже, чем в соседнем Таиланде. В душевом измерении ВВП Мьянмы Бирмы был самым низким в ЮВА.

Тем не менее можно утверждать, что в конце XX в. в Бирме усилилась экономическая динамика, чего нельзя сказать в целом о политике.

После долгих колебаний военная хунта решила на проведение выборов в Народное собрание уже по новой многопартийной системе. Они состоялись 27 мая 1990 г. В них участвовало 93 партии. Выборы прошли, как ни странно, на удивление спокойно, честно и справедливо. Результаты их ошеломили всех, особенно хунту. На выборах победила главная партия демократической оппозиции — Национальная лига за демократию. Она получила 392 из 485 парламентских мест, или более 80%. А Партия национального единства — детище хунты и последыш ПБСП — только десять мест. Это был полный провал партии хунты и грандиозный конфуз для нее, он войдет в историю как феноменальный случай просчета или бездарности военных руководителей страны. Примечательно, что такие успехи были достигнуты оппозицией на фоне новой волны репрессий против нее.

Что было делать: признавать поражение власти и передавать ее победителю? Ничего подобного не произошло. Спыхватившись и придя в себя, хунта приняла решение не признавать результаты выборов, назвав их выборами в Учредительное собрание, предназначенное для выработки новой конституции, по которой якобы и пройдут «настоящие» парламентские выборы. Решение не признавать результаты выборов 1990 г. легло мрачной тенью на все отношения оппозиции и хунты, постоянно подрывая их. Для оппозиции это было и остается «украденной у нее победой», с чем ей трудно было смириться даже и многие годы спустя. Для военной хунты это не только постоянное напоминание о ее скандальном политическом провале и незабываемом унижении перед всей страной, но и стимул, возбуждающий мстительное желание разрушить НЛД и ее организационные структуры, держать членов ее руководства на привязи или в тюрьме. Политические же результаты выборов с новой силой выявили нелегитимный характер всего режима хунты.

Такое положение оставалось на протяжении всех 1990-х годов: не было ни конституции, ни выборов (новых). Созванная по указке хунты Национальная конвенция (конференция) для выработки новой конституции годами обсуждала ее проект без видимых результатов, но с принятием главной установки — принципа о «ведущей роли армии в политической жизни будущего государства».

Отдельно следует сказать и о внешней политике Бирмы/Мьянмы в период 1948–2000 гг., ее принципах и направлениях. Эта политика может быть охарактеризована цепочкой однородных или близких друг другу терминов: нейтралитет, позитивный нейтралитет, активный нейтралитет, политика неприсоединения к мировым силовым центрам, равноудаленности от них и невмешательства в мировые противоречия и конфликты, политика опоры на принципы ООН на основе пяти принципов мирного сосуществования.

Первоначально бирманский нейтралитет в конце 1940-х — начале 1950-х годов имел некоторый крен в сторону Запада, особенно в период размаха антиправительственного восстания компартии. В первой половине 1950-х годов после смерти И.В. Сталина начали развиваться советско-бирманские отношения. СССР стал участвовать в строительстве ряда экономических объектов в Бирме в 1950–1960-е годы. Произошел обмен дружескими визитами лидеров двух стран (У Ну, Н.С. Хрущев).

В военно-социалистический период Бирма была идеологически довольно близка социалистическому лагерю и СССР («социалистическая ориентация»). Но это не привело к близким и тесным отношениям. Нежелание сблизиться с «сильными мира сего» пронизывало весь внешнеполитический курс Бирмы и его философию. Она по-буддийски продолжает занимать некое «срединное положение».

Отношения Бирмы/Мьянмы и России в период независимости развивались не всегда ровно, но без конфликтов. Хотя во внешней политике России эти отношения не занимали большого места, однако в целом их можно считать примерными. Особенно следует подчеркнуть традиционную теплоту чувств простых бирманцев к России, которая всегда занимала (в отличие от некоторых стран Запада)

антиколониальные и благожелательные в отношении Бирмы позиции и была еще с XIX в. на ее стороне в борьбе за независимость, против иностранных завоевателей.

К рубежу XX–XXI вв., после ряда лет пассивности из-за сложностей во внутреннем положении в обеих странах, отношения России и Мьянмы/Бирмы несколько оживились. В России учится довольно много бирманских студентов. Экономические связи пока слабые, но принципиальных препятствий для их развития не существует.

В военно-социалистический период 1962–1988 гг. Бирма в своем нейтралитете ударила не только в изоляционизм, но и в нечто вроде автаркии, что усилило ее экономическое, технологическое и образовательное отставание на многие годы. Такая линия лишь отчасти компенсировалась связями с дружественным бирманской хунте Китаем и некоторыми странами АСЕАН, куда Мьянма/Бирма вступила после долгих колебаний в 1997 г. Эти усилившиеся региональные и межрегиональные связи несколько ослабили ее изоляционизм и автаркический крен. Но, к сожалению, на смену последним пришел другой отрицательный фактор — все усиливавшаяся в 1990-е годы политика экономических и дипломатических бойкотов со стороны части Запада, особенно активная у США.

В целом с приходом к власти новой военной хунты Мьянма/Бирма в своей внешней политике все более определенно начала поворачиваться лицом к Азии.

* * *

Независимая Мьянма/Бирма прошла в 1948–2000 гг. через три периода. Первый (1948 — начало 1962 г.) был периодом парламентской демократии. Второй — период военно-социалистического эксперимента (начало 1962–1988 г.). Третий, начавшийся в конце 1988 г. и рассмотренный в этой главе до 2000 г., является периодом новой военной внеконституционной хунты с худшими чертами политического тоталитаризма. Он еще не закончился. Мьянма/Бирма в ее современной истории — это пока «страна, потерпевшая неудачу», или, точнее, страна, которая еще не «нашла свой путь». При этом путь к прогрессу для нее не закрыт, но он в принципе связан с преодолением непомерно разросшейся милитаризации власти в стране и с выращиванием той или иной формы гражданской конституционной демократии. Этот процесс, по существу, уже начался, хотя он и идет медленно и неровно. И первым шагом в этом направлении должно явиться принятие гражданской конституции, учитывающей как общие основы демократии, так и национальные условия и воплощающей в себе некое сочетание западных и восточных институтов и понятий.

К началу Второй мировой войны Таиланд оставался единственной в Юго-Восточной Азии страной, сохранившей политический суверенитет. Однако в экономическом отношении он характеризовался аграрно-сырьевой структурой экспорта, замедленными темпами роста ВВП, неразвитой инфраструктурой, экстенсивно развивающимся при сохранении большой роли традиционных натуральных отношений сельскохозяйственным производством.

Перелом в ходе Второй мировой войны и победа союзников на тихоокеанском фронте военных действий сопровождалась ростом патриотических антияпонских настроений в обществе и объединением противников диктатора Пхивуна Сонгкхрама в движении «Свободные тайцы» («Сери тхай»). Организационно это движение оформилось еще в 1943 г. Его возглавляли бывший руководитель Народной партии, занимавший важнейшие министерские посты вплоть до 1938 г., — Приди Паномионг и пользовавшийся большим политическим влиянием в стране, близкий монархическим кругам посол Таиланда в США Сени Прамот.

На протяжении сравнительно короткого периода, с августа 1944 по январь 1946 г., наполненного очень важными для страны событиями, связанными с капитуляцией и выводом японских войск из Таиланда и временным присутствием на его территории английских вооруженных отрядов, сменилось три премьер-министра.

К началу 1946 г. обнаружилось признаки объединения и консолидации всех враждебных Приди Паномионгу сил под руководством освобожденного из тюрьмы Пхивуна Сонгкхрама, где он находился по принятому в 1945 г. закону о наказании военных преступников. Возрождающуюся военно-бюрократическую элиту поддерживали также выходцы из самых различных слоев таиландского общества, которые прежде всего опасались распространения в Таиланде леворадикальных революционных взглядов.

Наиболее острая политическая борьба разгорелась непосредственно накануне парламентских выборов в январе 1946 г. Победу на них одержали сторонники Приди Паномионга. Они составили большинство в избранной Ассамблее народных представителей и правительстве. В марте 1946 г., после короткого функционирования переходного правительства, возглавляемого Куангом Апхайвонгом, премьер-министром стал Приди Паномионг. С этого времени борьба внутри Ассамблеи и вне ее еще более обострилась. Однако массовой поддержки ни одна из враждующих группировок не имела.

В отличие от большинства других азиатских стран в Таиланде не сложилось массового национально-освободительного движения, опиравшегося на местные

либерально настроенные буржуазные слои общества. Набирающая силу местная буржуазия в эти годы была в основном представлена крайне непопулярными в обществе китайскими иммигрантами. Последние преобладали и среди городских промышленных рабочих, примерная численность которых к концу войны составляла не менее 200 тыс. человек. Политические интересы проживающих в Таиланде китайских иммигрантов в основном были связаны с революционными событиями в Китае. В 1942 г. образовалась Таиландская коммунистическая партия (ТКП). Ее руководство осуществлялось отдельными китайским и тайским Исполнительными комитетами. Коммунисты активно участвовали в антияпонской борьбе и развернувшимся в послевоенные годы забастовочном движении. Политические события в это время происходили преимущественно в городах, и прежде всего в столичной метрополии Бангкока, и почти не затрагивали сельские районы, в которых проживало более 90% населения страны.

Период деятельности Приди Паномионга как главы правительства (март–август 1946 г.), а затем сменившего его адмирала Тхамронга Наватсавата (август 1946 — ноябрь 1947 г.) стал временем наиболее острого и решительного противоборства различных политических сил.

Новая конституция Таиланда была принята в мае 1946 г. Она закрепляла избираемость нижней палаты и предусматривала впоследствии возможность избрания сената. Кроме того, она запрещала участие в деятельности парламента и правительства лиц, находящихся на постоянной государственной службе, и, таким образом, ограничивала политическую деятельность гражданской и военной бюрократии.

В 1946 г. был отменен антикоммунистический закон, принятый в 1933 г. В стране практически создавалась новая политическая ситуация. Формировались политические партии. Наиболее крупная из них — Кооперативная партия (Сахачип) — впоследствии была преобразована в более широкую организацию — Конституционный фронт, победивший на выборах 1946 г. Правое крыло противников восстановления диктаторского режима создало Демократическую партию (Прачатхипат). Значительно активизировалась деятельность леворадикальных сил. Свободно функционировала Таиландская коммунистическая партия, особенно ее китайское крыло. В декабре 1946 г. были восстановлены дипломатические отношения Таиланда с СССР.

Опасения распространения в Таиланде революционных идей явились определенным стимулом для объединения всех враждебных Приди Паномионгу сил и консолидации военно-бюрократических группировок во главе с Пхибуном Сонгкхрамом. Наступление на нарастающее в стране демократическое движение началось с открытой травли самого Приди Паномионга. В прессе была развернута клеветническая кампания, обвинявшая Приди в причастности к убийству при неизвестных обстоятельствах вернувшегося в Бангкок молодого короля Ананды Махидона. В результате Приди Паномионг вынужден был покинуть страну.

8 ноября 1947 г. сформированная Пхибуном Сонгкхрамом военная группировка совершила переворот и отстранила от власти гражданское правительство Тхамронга Наватсавата. В качестве переходной фигуры военные назначили пре-

мьером вполне гражданского лидера Куанга Апхайвонга, а отстранив его от власти 8 апреля 1948 г., Пхибун Сонгкхрам сам стал премьер-министром.

Подавив сопротивление верных Приди Паномионгу демократических сил, 29 декабря 1951 г. военная группировка совершила новый, так называемый тихий переворот, который сопровождался ликвидацией гражданского правительства, отменой конституции, роспуском парламента и запрещением политических партий. Было восстановлено действие антикоммунистического закона, и начались массовые аресты среди бывших сторонников Приди Паномионга и оппозиционного режиму лидеров северо-восточных провинций.

Следует отметить, что открытый переход к диктатуре Пхибун Сонгкхрам совершил в конце 1951 г., т.е. тогда, когда он в полной мере мог рассчитывать на американскую помощь, которую Таиланд стал регулярно получать после подписания в сентябре 1950 г. соглашений с США об экономическом и военном сотрудничестве. Именно в это время проявилась особая заинтересованность США в поддержке и укреплении позиций борющихся за власть тайландских военных лидеров в противовес национально-революционным движениям Индокитая.

В 1955 г., возвратившись из поездки в Европу и США, Пхибун Сонгкхрам выступил с заявлением о легализации политических партий, обеспечении свободы слова, отмене гласной цензуры и о намерении провести выборы в парламент в 1957 г. Образованные в эти годы политические партии активно выступали на выборах и, как правило, обеспечивали победу военной группировки Пхибуна.

Допущенная Пхибуном Сонгкхрамом либерализация режима вызвала обострение политической борьбы. При этом наиболее сильной реальной оппозиционной силой, выступающей за сохранение и развитие парламентских институтов, являлась образованная еще в 1946 г. Демократическая партия. Что касается большинства леворадикальных партий, образовавших в январе 1957 г. единую организацию под названием Объединенный социалистический фронт, то они, как правило, представляли собой весьма малочисленные, аморфные и организационно не оформленные группы и на протяжении 1950-х годов не представляли реальной угрозы сторонникам диктатуры.

26 февраля 1957 г. были проведены выборы в парламент. Противники либерализации в лице военной группировки министра обороны Сарита Тханарата совершили новый переворот. В результате группа Пхибуна потерпела поражение, и он вынужден был покинуть страну, а в Таиланде был установлен диктаторский режим, который со сравнительно короткими перерывами в 1967–1971 и 1973–1976 гг. просуществовал вплоть до конца 1980-х годов.

Парламент был распущен, приостановлено действие конституции, запрещена деятельность политических партий. По окончании переходного периода 20 октября 1958 г. Сарит Тханарат сам возглавил сформированное им правительство.

1960-е — начало 1970-х годов были сложным и весьма напряженным периодом в истории Таиланда. Политическая ситуация в стране во многом определялась американским присутствием. Тайландские вооруженные силы непосредственно участвовали в военных действиях в Лаосе и во Вьетнаме. На территории страны размещались американские войска, строились американские военные ба-

зы, аэродромы, глубоководные порты и стратегические дороги. В то же время США сыграли большую роль в разработке стратегии развития и во многом способствовали капиталистической модернизации экономики Таиланда. При этом они всемерно поддерживали установившийся в Таиланде режим военной диктатуры и пришедшие к власти военные группировки вместе с выдвигаемыми ими программами развития («пхаттхана»).

Пришедшие к власти военные группировки, и прежде всего сам Сарит Тханарат, всячески старались использовать традиционные особенности тайской политической культуры. Им удалось установить контакты с королем Пхумпхоном Адудьядетом и членами королевской семьи. В своих публичных выступлениях Сарит Тханарат всячески подчеркивал историческую роль короля как символа духовного здоровья нации. Поощрялись разрабатываемые по инициативе короля благотворительные проекты, касающиеся улучшения условий жизни сельского населения. Возрождалась и многие буддийские традиции, реформировались структура и руководство *сангхи*.

Находившиеся у власти военные группировки постоянно совершенствовали формы воздействия на общество, вырабатывали свои собственные методы руководства в различных экономических и социальных сферах деятельности и, несмотря на существование достаточно жесткого военного режима, довольно гибко учитывали весьма противоречивые реалии экономической и политической жизни страны. Это позволило им даже в условиях развернувшегося в 1960-х годах, инспирированного ТКП и поддерживаемого китайским руководством повстанческого движения, которое в период его наибольшей активности затрагивало более 400 деревень в 35 из 72 провинций (преимущественно в северных и северо-восточных районах), сохранить политическую стабильность и обеспечить достаточно устойчивые формы развития капиталистического хозяйства и рыночных отношений.

Принятая правительством стратегия развития предусматривала совершенствование государственной деятельности в области экономики и одновременно всемерное расширение частного сектора и развитие капитализма. Уже на протяжении 1960-х годов произошли серьезные позитивные сдвиги в темпах и уровне развития национальной экономики.

Все это способствовало постепенным изменениям в политической жизни страны. В буржуазной и особенно интеллектуальной среде росло недовольство сохранением военно-бюрократического режима, репрессивным стилем руководства, ограничениями прессы, отсутствием конституции и парламентских институтов. Оппозиционные настроения в обществе вызывала и односторонняя проамериканская внешнеполитическая ориентация правительства и его неспособность справиться с набирающим силу повстанческим движением.

Процесс капиталистической модернизации затрагивал и социальную сферу, способствовал росту городов, повышению уровня и качества образования, формированию национальной буржуазии, современных средних слоев, увеличению количества квалифицированных специалистов, служащих, интеллигенции, росту численности проживающей в городах учащейся молодежи и студенчества.

Разросшаяся и укрепившая свои экономические позиции буржуазия претендовала на более активное участие в политической жизни и выступала против ограничений своей предпринимательской деятельности, связанных с монополизацией экономики и жесткой регламентацией бизнеса, неизбежной в условиях господствующей в стране военно-бюрократической системы. В конце 1960-х — начале 1970-х годов недовольство политикой правительства проявилось в самых различных слоях общества.

Однако наиболее упорный и острый характер оно носило в деловых кругах, в среде интеллигенции и студенчества. Установленный в стране военно-диктаторский режим в это время начал вызывать определенные опасения короля и близких ему аристократических кругов.

Стремясь снизить накал антиправительственных страстей и несколько сгладить политические противоречия и напряженность в обществе, премьер-министр Тханом Киттикачон выступил с заявлением о возобновлении работы Комитета по разработке конституции.

Предложенный им проект, как и все предшествующие конституции 1930-1950-х годов, существенно ограничивал деятельность нижней палаты, избираемой населением, и предусматривал большие полномочия назначаемого сената. Его глава должен был осуществлять руководящие функции в отношении всего парламента и играть решающую роль в процессе выбора премьер-министра, которому предоставлялись весьма широкие полномочия. Принятая в 1968 г. конституция предусматривала проведение всеобщих выборов, легализовала деятельность политических партий, которые должны были, однако, проходить сложную процедуру регистрации. Одновременно создавалась проправительственная Партия объединенного тайского народа (ПОТН). Благодаря коррупции, покупке и подтасовке голосов и активному воздействию на составляющих большинство избирателей сельских жителей правящая партия получила наибольшее число мест в парламенте на выборах 1969 г.

Избранный парламент стал ареной острого политического противостояния между выросшей буржуазией и военно-бюрократическими кругами. Опасаясь роста недовольства в обществе и возможности публичных антиправительственных выступлений, возглавляемая Тханомом Киттикачоном группа в ноябре 1971 г. совершила новый военный переворот, отменила действующую конституцию и распустила парламент.

Однако восстановление военно-бюрократического режима вызвало еще большее брожение и недовольство в обществе. В условиях цензуры и применения репрессивных мер со стороны армии и полиции тайландские университеты и научные центры стали единственным местом проведения политических дискуссий и выражения недовольства деятельностью руководства. Антиправительственные выступления особенно активизировались после поражения американских войск во Вьетнаме, заключения Парижских соглашений 1973 г. и установления мира в Индокитае.

В тайландских традиционных элитарных интеллектуальных и буржуазных кругах всегда были сильны «антииностранные» настроения. В определенной сте-

пени политический консерватизм бюрократии и склонность к диктаторским режимам военной верхушки были связаны с отторжением западных форм демократии. Не случайно поэтому студенческое движение начала 1970-х годов началось с выдвижения антиамериканских и антияпонских лозунгов, а затем уже последовали требования ликвидации диктатуры и установления демократических парламентских норм полигической жизни.

В мае -июне 1973 г. в Бангкоке прошли массовые, небывалые по числу участников демонстрации и столкновения с войсками студентов под руководством созданного в 1972 г. Национального студенческого центра Таиланда (НСЦТ). Выдвигавшиеся студентами демократические требования находили самую широкую поддержку в обществе. Правительство Тханом Киттикачона вынуждено было заявить об отставке, а три руководителя военной хунты — Тханом Киттикачон, Прапхат Чарусатхиен и Наронг Киттикачон по приказу короля покинули страну.

Таким образом, король Пхумипхон Адульдет практически активно включился в политическую борьбу и взял на себя ответственность за дальнейшее развитие событий. В своем обращении к народу по радио и телевидению он заявил о назначении нового гражданского правительства, которое возглавил ректор Тхаммасатского университета известный юрист и политический деятель Санья Тхаммасак. Одновременно по рекомендации короля был назначен коллегиальный орган — Национальный конвент в составе 2,5 тыс. человек, избравший 299 членов Ассамблеи народных представителей, которая должна была разработать и принять новую конституцию. В составе Ассамблеи преобладали гражданские чиновники, профессионалы и бизнесмены. Специальный комитет из ученых-юристов разработал проект новой конституции, а Ассамблея дополнила и утвердила его. В конечном счете она в основном восстановила положения конституции, принятой в 1946 г. при правительстве Приди Паномионга (избираемость нижней палаты и назначение королем сената, запрет участвовать в работе парламента находящимся на государственной службе гражданским и военным чиновникам). Половина членов правительства должна была избираться из состава парламента. Сформированная на основании выборов, проведенных в январе 1975 г., Ассамблея включила 35% бизнесменов, 30% профессионалов и всего 12% бывших чиновников и военных. Остальные 23% депутатов представляли другие, весьма неопределенные по своему социальному положению группы.

Находившиеся у власти гражданские правительства Саньи Тхаммасака (октябрь 1973 — май 1974 г.), Сени Прамота (февраль—март 1975 г.), Кыкриты Прамота (март 1975 — январь 1976 г.), Сени Прамота (апрель—октябрь 1976 г.) опирались на наиболее влиятельные либерально-демократические партии, которые представляли интересы различных категорий преимущественно крупного тайского и китайско-таиландского бизнеса, интеллектуалов, близких к королю аристократических кругов, а также некоторых бывших военных лидеров. Все большие опасения в этой среде вызывали действия леворадикальных студенческих группировок, сотрудничавших с коммунистами.

Между тем даже после бегства из страны руководителей военной хунты могущество военно-бюрократических группировок в эти годы сломлено не было. Под их руководством в стране были созданы враждебные гражданским правительствам и демократически настроенному студенчеству организации «Красные быки», «Сельские скауты» и др. Организованные студентами демонстрации против тайного возвращения в страну бывшего диктатора Тханома Киттикачона послужили поводом для открытой расправы со студентами.

С октября 1976 г. территория Тхаммасатского университета была окружена подразделениями полиции. Однако решающий удар по студентам был нанесен специально привезенными в Бангкок отрядами «Сельских скаутов». В столкновениях с полицией погибло 46 студентов, 180 были ранены. Более 3 тыс. студентов было арестовано. Кровавые события в Тхаммасате послужили поводом для нового военного переворота. Власть оказалась в руках созданного военными Национального совета административных реформ.

Объединение Вьетнама, победа национально-революционных сил Лаоса и создание ЛНДР, революционные события в Камбодже, по мнению тайландских военно-бюрократических лидеров, создавали реальную опасность распространения коммунизма в Таиланде, особенно в условиях существования на его территории руководимых ТКП отрядов вооруженных повстанцев.

Так называемый демократический эксперимент в Таиланде 1973–1976 гг. закончился поражением либерально-демократического движения. Основными причинами этого поражения были: отсутствие опыта политической борьбы и массового буржуазно-демократического движения, слабость зарождавшейся партийной системы, консерватизм бюрократии и политическая пассивность сельского населения страны. Однако, несмотря на все это, события этих лет сыграли и определенную позитивную роль в борьбе тайландской общественности против военной диктатуры за создание представительных институтов и проведение социально-экономических преобразований в интересах широких слоев населения в городских и сельских районах страны.

Прежде всего, именно в период деятельности гражданских правительств была разработана и принята аграрная реформа, а также вступило в действие новое трудовое законодательство. Последнее предусматривало установление минимального уровня оплаты труда, право рабочих на заключение коллективных договоров, легализацию деятельности профсоюзов и введение определенных норм охраны труда и социального обеспечения рабочих.

Да и сам факт развертывания широкого демократического движения массовых выступлений студенчества, интеллигенции, активизации забастовочной борьбы рабочих и участия в антидиктаторском движении представителей тайландского бизнеса создавал определенный прецедент и, несомненно, оказывал влияние на весь последующий ход политической истории Таиланда. И, что самое главное, он безусловно оказал определенное влияние на самих военных лидеров и военно-бюрократические слои тайландского общества и способствовал появлению в рядах военного руководства более либерально настроенных лидеров, признающих возможность существования парламентских институтов и отдельных элементов демократии под контролем вооруженных сил.

После сравнительно короткого пребывания у власти правительства во главе с Тханином Кравичиеном — крайне реакционным лидером, противником любых преобразований демократического толка, агрессивным настроенным в отношении революционных патриотических режимов, установленных в соседних странах Индокитая, — в результате военного переворота и перегруппировки в рядах вооруженных сил, сопровождавшихся появлением новых военных лидеров, создается правительство во главе с генералом Криангсак Чамананом. По своим политическим убеждениям и отношению к происходящим в стране событиям Криангсак Чаманан был близок к новой группировке военных, выделявшихся своими более либеральными взглядами на политическое развитие страны. Они считали, что развернувшееся в сельских районах повстанческое движение можно ликвидировать не военной силой, а путем проведения широких социальных реформ и преобразований в интересах всего таиландского общества, и прежде всего крестьянства.

Была объявлена амнистия участникам леворадикальных движений, легализирована деятельность политических партий, принята новая конституция и проведены выборы в парламент. Осуществлялись социальные проекты по борьбе с бедностью и оказанию помощи сельскому населению. В выборах, состоявшихся в апреле 1979 г., приняли участие 37 политических партий. Определенным показателем политических перемен стал успех Партии социального действия, руководимой Кыкритом Прамотом и игравшей важную роль в период «демократического эксперимента» 1973–1976 гг. Она получила 83 из 301 места в парламенте. Однако сам Криангсак Чаманан не получил большой поддержки на выборах и 28 февраля 1980 г. ушел в отставку. Премьером был назначен генерал Прем Тинсуланон, также известный своими либеральными взглядами и прагматическим подходом к возможности ликвидации повстанческого движения. Его кандидатуру поддержали военные и наиболее влиятельные в стране политические партии.

Прем Тинсуланон оказался достаточно гибким политическим деятелем, способным преодолеть препятствия, связанные с фракционной борьбой в руководстве вооруженных сил, сумевшим получить поддержку представителей таиландского бизнеса и других слоев таиландского общества и заслужившим доверие короля.

Правительству удалось мирным путем практически ликвидировать повстанческое движение. Этому способствовали не только объявленная в 1982 г. широкая амнистия участникам вооруженных выступлений под руководством ТКП, которая позволила выйти из подполья и приобщиться к трудовой деятельности многочисленным группам бывших повстанцев, но и мероприятия правительства по улучшению социально-экономического положения и условий жизни населения периферийных сельских районов. Определенный успех этой осуществленной правительством программы борьбы с повстанческим движением свидетельствует о том, что оно было инспирировано главным образом извне и затрагивало в основном население наиболее отсталых, удаленных от Бангкока районов, а не носило действительно массового и организованного характера.

Разрешение проблемы повстанцев стало возможным благодаря сохранению социальной стабильности в таиландской деревне. Разорение и обезземеливание части крестьян в результате коммерциализации аграрного сектора происходило в эти годы при одновременном расширении обрабатываемого земельного фонда и росте крестьянской собственности на землю.

1980-е годы стали периодом бурного развития капиталистического хозяйства, ускорения темпов экономического прогресса и структурной перестройки рабочей силы. Укреплялись позиции крупного столичного бизнеса, экономическая модернизация все больше охватывала периферийные сельские районы. К концу деятельности правительства Према Тинсуланона влиятельные бизнесмены и технократы составляли 60% членов кабинета и 40% парламентариев. Однако военные лидеры по-прежнему играли роль политических арбитров, а действующие в стране бюрократические структуры препятствовали удовлетворению растущих политических амбиций бизнесменов и технократов.

Отсюда напряженная борьба и внутри военно-бюрократических группировок, и в составе кабинета, в парламенте и в близких правительству политических кругах. На протяжении 1970-1980-х годов постепенно формировались слои общества, которые больше всего выиграли от процесса капиталистической модернизации экономики и проявляли интерес к происходящим в стране политическим событиям. Это наиболее активные, задействованные в современных отраслях капиталистического производства и сфере услуг слои местной тайской и китайско-тайской буржуазии и так называемый средний класс, включающий определенные группы предпринимателей и различные категории высокооплачиваемых служащих, лиц свободных профессий и интеллигенции. Эти группы преимущественно городского населения являлись главной силой, заинтересованной в установлении новых политических порядков и утверждении либерально-демократических норм общественной жизни.

В 1978-1980-х годах Таиланд переживал своеобразный переходный период, когда военно-бюрократическая элита постепенно теряла свои позиции и вынуждена была допускать существование определенных элементов парламентских институтов, деятельность политических партий и других организаций, а новые либерально-демократические силы еще окончательно не утвердились. По мнению таиландских и западных политологов, в 1980-х годах в Таиланде утвердился своеобразный «квазидемократический» режим.

На выборах 1988 г. победила одна из крупнейших политических партий — Национальная партия (Чат тхай), в основном представляющая провинциальных политиков и бизнесменов. Ее лидер Чатчай Чунхаван стал первым в истории Таиланда премьер-министром, получившим свой пост в результате победы возглавляемой им партии на выборах в парламент.

Правительство Чатчая Чунхавана (1988-1991) пыталось несколько сократить всевластие военно-бюрократической элиты, больше опираться на сохраняющиеся парламентские институты, а главное — обеспечить необходимую в условиях нарастающего экономического бума политическую стабильность.

Если правительство Према Тинсуланона в основном опиралось на входивших в его состав технократов, то Чатчай Чунхаван для утверждения своей власти ис-

пользовал различные группировки крупного бизнеса, имеющие свои собственные корпоративные олигархические интересы. Сам состав входивших в правительство лидеров был весьма неоднороден. Среди них были и выходцы из весьма консервативной бюрократической среды, и представители крупного бизнеса, и технократы, и провинциальные бизнесмены и политики. Последние были весьма далеки от осознания общенациональных политических интересов и проявляли активность только тогда, когда дело касалось решения местных региональных проблем и получения личной экономической выгоды.

Политическая борьба в столице практически не затрагивала широкие слои сельского населения. Социальная психология крестьянства определялась преимущественно традиционными принципами восприятия мира и чисто религиозными буддийскими представлениями о жизни.

На политические настроения крестьян решающее воздействие оказывало их традиционное почитание монархии и вполне толерантное отношение к местным чиновникам. Пассивной оставалась и наиболее многочисленная часть неизмеримо выросшей в эти годы армии наемного труда и входившая в ее состав категория городских рабочих. К началу 1990-х годов общая численность городских наемных работников составляла более 3 млн. человек, около 30% из них были заняты на государственных и 70% — на частных предприятиях.

Более 60% городских рабочих сосредоточилось в Бангкоке. На формировании общественного сознания многочисленных групп городских наемных рабочих отрицательно сказывались фрагментарность их использования на мелких предприятиях, большая доля рабочих-мигрантов, прибывающих из сельских районов, а также увеличившаяся к концу 1980-х годов нелегальная трудовая иммиграция из соседних стран Индокитая. Принятие нового трудового законодательства в 1975 г., создание трудовой администрации и разработка достаточно гибких форм разрешения трудовых споров — все это позволило правительствам в конце 1970-х — 1980-х годах довести до минимума забастовочное движение. Годовое число забастовок за период с 1973 до начала 1990-х годов сократилось с 500 до 20, а число их участников — с 200 тыс. до 5 тыс. человек.

При этом сохранялась активность развернувшегося в стране профсоюзного движения. Число действующих профсоюзов в эти годы в частном секторе увеличилось с 83 до 645, а в государственном — с 200 до 5 тыс., а общее число их членов возросло с 50 тыс. до 336 тыс. человек. Профсоюзное движение расширялось, несмотря на то что каждый военный переворот сопровождался определенными репрессивными мерами против различных форм организованного рабочего движения. В 1980-х годах большую роль в росте политической активности населения в городах и сельских районах играли различные неправительственные организации. Инициаторами их создания нередко выступали отдельные университеты, различные научные центры и общественные организации.

К началу 1990-х годов обнаружилась дальнейшая поляризация политических сил. С одной стороны, укреплялись позиции сторонников демократических перемен, с другой — происходило объединение противников развития либерально-демократических тенденций в обществе. Еще сохранялась сила и влияние воен-

ных лидеров, группировавшихся в особой корпоративной среде, в которой преобладали выпускники военных академий, занимавшие ведущие позиции в силовых структурах армии и полиции.

Именно в этой среде созрела идея организации нового военного переворота, отстранения от власти гражданских лидеров и восстановления режима военной диктатуры. При этом многие из сторонников военной диктатуры допускали определенную либерализацию хозяйственного механизма, необходимую в условиях наступающего экономического бума, однако были решительно против любых демократических преобразований в политической сфере. Однако социальная и политическая ситуация в стране к началу 1990-х годов существенно изменилась по сравнению с 1970-ми годами. В это время уже появились новые либерально настроенные политические силы, которые оказались в состоянии противостоять восстановлению авторитарных форм политической власти.

Политическая борьба в Таиланде происходила в условиях благоприятно сложившейся международной обстановки как в масштабах всего мирового сообщества, так и непосредственно в регионе Юго-Восточной Азии. Она характеризовалась прекращением холодной войны и острого противостояния мировых держав, деидеологизацией всей сферы международной политики и широким распространением в мире демократических идей. Индокитай в это время постепенно начал превращаться из зоны войн и острых политических конфликтов в район укрепления мира, безопасности и различных форм международного экономического и политического сотрудничества.

Переворот, совершенный военной хунтой во главе с генералом Сучиндой Крапраюном в феврале 1991 г., произошел в обстановке наступившего в стране видимого политического равновесия и значительных позитивных перемен в экономической сфере. Он вызвал острое противостояние в обществе, которое вылилось в вооруженные столкновения на улицах Бангкока 18–19 мая 1992 г., а затем начался новый этап политического развития страны, когда судьбы демократии решались на проведенных в марте и сентябре 1992 г. выборах в парламент. Они в конечном счете привели к победе наиболее стойко боровшейся против восстановления военной диктатуры Демократической партии во главе с Чуаном Ликпхаем.

Совершившие переворот военные лидеры первоначально действовали весьма осторожно. Глава военной хунты генерал Сучинда Крапраюн заявлял о намерении бороться против коррумпированных гражданских чиновников, восстановить в перспективе представительные институты власти и проводить достаточно либеральную экономическую политику. Он даже выдвинул на должность премьер-министра крупного бизнесмена и технократа Ананду Паньярачуна, который впоследствии проявил себя как вполне либерально настроенный политик и стал одним из составителей демократической конституции 1997 г.

Либеральные заявления военных лидеров и достаточно прагматичная деятельность правительства привели к тому, что военный переворот сразу не вызвал особого противодействия в обществе. Оно нарастало по мере того, как обнаруживались истинные антидемократические цели организаторов переворота. Они

проявились в принятой в 1991 г. конституции и в целом ряде специальных постановлений правительства, существенно ограничивающих полномочия парламента и ущемлявших права избирателей, разрешив не избираемому политику занимать пост премьер-министра. Регулировалась деятельность профсоюзов (на государственных предприятиях они вообще запрещались). Накладывались запреты на функционирование политических партий, создавались возможности давления на прессу и электронные СМИ. Особое недовольство в обществе вызвало назначение в апреле 1992 г. на пост премьер-министра главы хунты Сучинды Крапраюна вместо Ананды Паньярачуна, пытавшегося несколько ограничить репрессивные мероприятия военных лидеров.

Кульминационным моментом политического противостояния стали майские события 1992 г. в Бангкоке, когда в демонстрациях протеста приняло участие свыше 500 тыс. человек. В числе вышедших на улицы столицы были представители деловых кругов и среднего класса, в том числе бизнесмены, высокооплачиваемые служащие торгово-финансовой сферы, специалисты, преподаватели и студенты столичных вузов, функционеры неправительственных организаций, активисты различных неортодоксальных религиозных течений.

Беспорядки на улицах Бангкока и начавшиеся 18–19 мая 1992 г. столкновения демонстрантов с полицией и войсками были прекращены благодаря вмешательству короля Пхумипхона Адульядета. Сучинда Крапраюн 25 мая 1992 г. был вынужден подать в отставку. Военное руководство заявило о внесении требуемых демократами поправок в конституцию 1991 г. и аннулировании некоторых постановлений правительства, носивших антидемократический характер. Острая политическая борьба летом и осенью 1992 г. привела к победе демократов на сентябрьских выборах в парламент. Чуан Ликпхай и возглавляемая им Демократическая партия получили поддержку короля и деловых кругов. Важную роль в победе этой партии сыграло то обстоятельство, что при своей явной антидиктаторской направленности ее лидеры были далеки от столь непопулярного в Таиланде левого радикализма и достаточно консервативны, чтобы не вызывать острого противодействия со стороны сохранявших свое влияние бюрократических кругов.

Участие короля в разрешении конфликта еще раз продемонстрировало обществу степень политического влияния монарха и роль монархии в целом как важнейшего элемента традиционной политической культуры Таиланда. Король Пхумипхон Адульядет выступил как реально действующий политик. Это еще больше укрепило его авторитет и влияние в обществе.

Военные лидеры, проиграв на выборах в сентябре 1992 г., вынуждены были смириться со сложившейся ситуацией и не пошли по пути усиления репрессивного давления на общество. Это позволило правительству Чуана Ликпхая восстановить политическую стабильность, обеспечить нормальное функционирование несколько реформированного государственного аппарата и оставаться у власти на протяжении 1992–1995 гг. В эти годы предпринимались меры по либерализации финансово-кредитной системы. Сохранялись позиции государственного сектора и предоставлялись различные льготы как национальному, так и иностран-

ному капиталу. Однако в политической сфере все усилия правительства направлялись на сохранение стабильности, необходимой для обеспечения высоких темпов экономического роста. Чуану Ликпхаю удалось сохранить довольно консервативный характер деятельности правительства, не допустить проявлений крайнего радикализма и левого экстремизма и ограничить свою деятельность легитимными конституционными рамками, которые утвердились после сентябрьских выборов 1992 г.

Важным направлением деятельности правительства стала разработка аграрной реформы. Она была принята в 1994 г., оказалась малоэффективной и не смогла существенно сократить размеры арендованной крестьянами земли. Рост крестьянской собственности происходил в эти годы, как и раньше, за счет освоения крестьянами лесных массивов, принадлежащих государственному Колонизационному земельному фонду. Появившиеся в конце 1994 г. публикации в прессе о злоупотреблениях чиновников, допущенных при проведении аграрной реформы в южных провинциях, послужили поводом для специального обсуждения в парламенте и в конечном счете послужили причиной отставки правительства Чуана Ликпхая в июле 1995 г.

Обострение политической борьбы в 1995–1996 гг. во многом было связано с усилением влияния провинциальных лидеров, получивших возможность играть определенную роль в парламенте и участвовать в деятельности правительства. Наиболее влиятельные в стране партии, в свою очередь, укрепили свои позиции в различных районах страны. Так, демократы доминировали на юге, Национальная партия — в центральном районе, партия «Новой надежды» (Кхуам Ванг Май) имела широкую поддержку на северо-востоке страны.

В обстановке ожесточенной межпартийной борьбы, распространения коррупции и прямого подкупа голосов проходили выборы в парламент в июле 1995 г. Они обеспечили победу Национальной партии и ее тогдашнему лидеру Банхану Синлапа-аче — крупному бизнесмену, известному политику, в основном отражавшему интересы провинциального бизнеса. Банхан Синлапа-ача оставался премьером всего несколько месяцев — с июля по ноябрь 1996 г. Новое правительство было сформировано главой партии «Новая надежда», авторитетным политиком из числа либерально настроенных военных лидеров — Чувалитом Йонгчайютом, также выдвинутым провинциальной элитой и ориентировавшимся прежде всего на деловые круги северо-восточных провинций.

1996–1997 годы оказались весьма сложными в экономической и политической жизни Таиланда. В эти годы обнаружились серьезные негативные тенденции в экономике и произошел небывалый по своим тяжелым последствиям финансовый кризис 1997 г., когда необходимость сохранения стабильности и оздоровления политической системы стала ощущаться особенно сильно.

Неэффективность и консерватизм политики находившихся у власти правительств и распространение коррупции не только в политике, но и в экономической сфере вызывали недовольство и критику со стороны либерально настроенных политических деятелей и поддерживавших их общественных организаций. Недовольство вызывала не только коррупция, но и неспособность правительства

отстаивать общие национальные экономические интересы в период разразившегося летом 1997 г. кризиса, а также затягивание принятия новой конституции, проект которой был разработан еще в 1996 г. Все это стало причиной падения правительства Чувалита Йонгчайюта.

В ноябре 1997 г. на очередных парламентских выборах вновь победила Демократическая партия и правительство вновь возглавил Чуан Ликпхай. Его деятельность началась практически одновременно с принятием новой конституции.

27 сентября 1997 г. конституция была принята парламентом, а 11 октября своей подписью ее утвердил король. Новая конституция кардинально отличалась от 15 предыдущих. В ней закреплялись права и свободы граждан и расширялись возможности их участия в политическом процессе. Устанавливался принцип избираемости не только нижней палаты, но и сената. Более контролируемой становилась деятельность политиков и государственных чиновников. Впервые в конституцию была внесена статья о том, что сами избиратели могли требовать снятия с постов высших должностных лиц, если их действия противоречат закону. Для этого было необходимо собрать 50 тыс. подписей.

Несомненным завоеванием таиландской демократии стало применение различных антикоррупционных мер, ограничение предпринимательских аппетитов депутатов и членов правительства. Конституция затрагивала все основные проблемы сложившейся к тому времени системы политической власти. При этом неизменно оставался традиционный институт королевской власти с ее устоявшимися формами воздействия на общество.

Определенной гарантией против организации новых военных переворотов стало положение конституции, позволяющее гражданам мирными средствами противостоять неконституционным попыткам захвата власти.

Политические процессы, связанные с реализацией основных положений конституции 1997 г., стали основным содержанием деятельности правительства Чуана Ликпхая. Принятие конституции было только частью проводимой в Таиланде политической реформы. В 1997–1998 гг. началась реформа бюрократической системы, постепенно сокращалось число находившихся на государственной службе чиновников, принимались меры по увеличению уровня оплаты служащих и пополнению их числа за счет более квалифицированных и профессионально подготовленных работников.

Все это происходило в непростой экономической ситуации, в условиях преодоления последствий поразившего страну финансового кризиса и резкого ухудшения социально-экономического положения многочисленных групп населения, особенно в столице и крупных провинциальных городах.

Правительство сотрудничало с различными международными организациями (ООН, МВФ, Азиатским банком развития), которые оказывали помощь в преодолении последствий поразившего экономику Таиланда финансового кризиса. Все это позволило Чуану Ликпхаю сохранять авторитет правительства, обеспечивать политическую стабильность, добиваться ликвидации негативных последствий кризиса и разрабатывать новые социально-экономические проекты.

Однако к концу 1990-х годов отношение к возглавляемому им правительству в обществе стало постепенно меняться. Оно все чаще подвергалось резкой критике со стороны деловых кругов и различных общественных организаций. Дело в том, что к этому времени обнаружилось серьезные изменения, которые произошли на протяжении второй половины 1990-х годов в экономике и социально-политической жизни тайландского общества. Прежде всего значительно изменилась в это время политическая роль представителей крупного, преимущественно столичного бизнеса и тесно связанной с ними современной технократической элиты. Укрепив свои позиции в период экономического бума и использовав в полной мере происходившую в 1990-х годах либерализацию финансовой системы, крупнейшие капиталистические монополии и представляющие их организационные структуры постепенно освобождались от влияния бюрократии и военных группировок и к концу 1990-х годов играли уже вполне самостоятельную роль в политической жизни страны. Именно от них в основном исходила критика правительства Чуана Ликпхая за его излишнюю, по мнению ведущих тайландских экономистов, уступчивость в отношении антикризисных рекомендаций МВФ. Именно из этой среды в конце 1990-х годов выделился наиболее влиятельный лидер китайского происхождения — один из крупнейших монополистов-предпринимателей, владелец корпорации телекоммуникационных связей Таиланда — Таксин Чиннават.

Возглавляемая им партия «Тхай рак Тхай» (в переводе это означает «Тайцы любят Таиланд») за короткий срок стала очень многочисленной не только за счет вступления в нее новых членов, но и в результате притока функционеров из других партий. К июлю 1999 г. в ней насчитывалось более 1 млн. человек. В январских выборах 2001 г. принимали участие 37 из зарегистрированных к этому времени 60 партий.

Заявления сторонников Таксина Чиннавата о его намерении поощрять деятельность национальных компаний и не допускать бесконтрольного использования иностранного капитала обеспечили партии поддержку деловых кругов. Немалую роль в ходе избирательной кампании сыграли популистские обещания, обращенные непосредственно к крестьянскому населению страны. Они включали объявление трехлетнего моратория на выплату крестьянских долгов, предоставление каждой из 80 тыс. деревень субсидий в размере 1 млн. бат и улучшение медицинского обслуживания.

Проведенные в январе 2001 г. выборы в парламент обеспечили решающую победу партии «Тхай рак Тхай», которая получила 262 из 500 депутатских мест и сумела сформировать коалиционное правительство во главе с Таксином Чиннаватом.

Ему удалось преодолеть трудности усилившейся после выборов фракционной борьбы, сохранить представительные институты и политическую стабильность, добиться ускорения роста ВВП, ликвидации негативных тенденций в экономике, связанных с разразившимся в 1997 г. финансовым кризисом.

Экономические и социальные реалии современного Таиланда подтверждают необратимость позитивных сдвигов в экономике и социальной сфере, происшед-

ших на протяжении 1980–1990-х годов в условиях роста общественной активности и расширения участия в политических процессах широких слоев населения.

Значительно укрепились международные позиции Таиланда, возросла его роль в мировом сообществе, в рамках АСЕАН и в соседних странах Индокитая. Расширилась его деятельность в организациях, созданных по программам совершенствования экономики, природных и людских ресурсов стран Индокитая и развития там товарного производства и рыночной экономики.

Глава 31

КАМБОДЖА

Точкой отсчета послевоенной истории Камбоджи можно считать октябрь 1945 г., когда после разгрома Японии французские войска и администрация вновь вернулись на территорию страны. Политическое положение того времени характеризовалось тем, что формальная власть принадлежала молодому королю Нородому Сиануку, вступившему на престол еще в октябре 1941 г. в возрасте 18 лет, а реальная находилась в руках правительства во главе с лидером прояпонской партии в национальном движении — Сон Нгок Тханем. Националисты, связанные с японской администрацией в Камбодже, заставили короля объявить о расторжении всех договоров, заключенных с Францией, и провозгласить независимость страны. Накануне возвращения французов они сформировали свое правительство, которое заявило о готовности «защищать независимость страны до конца». Однако серьезной общественной поддержки действия националистов так и не получили, поэтому после появления французских войск основные деятели правительства во главе с премьер-министром вынуждены были спасаться бегством в Таиланд.

Такое развитие событий оказалось на руку молодому королю и окружавшим его чиновникам, которые взяли на себя основное бремя переговоров о будущем статусе страны. В 1946 г. новое правительство, подчинявшееся непосредственно королю, подписало с правительством Франции так называемый Модус вивенди — временное соглашение, предусматривавшее сохранение за французской администрацией контроля над ключевыми сферами жизни государства.

В 1947 г. переговоры о новом статусе Камбоджи и о предоставлении руководству страны более широких полномочий были продолжены. Основным предметом этих переговоров стали требования королевских властей и сформированного кхмерского королевского правительства о расширении прав и автономии Камбоджи в рамках Французского Союза. В мае 1947 г. при согласии французской администрации была принята конституция, в соответствии с которой Камбоджа была объявлена конституционной монархией. Предусматривалось формирование на основе свободных выборов высшего представительного органа — Национального собрания, а также функционирование политических партий. В декабре 1947 г. на территориях, контролировавшихся французскими войсками, прошли первые в истории страны выборы в Национальное собрание.

Параллельно с этими политическими переменами в Камбодже стало все шире развиваться и партизанское антифранцузское движение. Первоначально во главе него стояли бывшие члены прояпонского правительства Сон Нгок Тханя, образовавшие организацию «Кхмер иссарак» («Свободный кхмер»). Однако тон

в «Кхмер иссараке» они задавали недолго. После ряда поражений власть в ней захватили националисты уже не правого, а левого толка, установившие самые тесные связи с вьетнамскими коммунистами. За короткое время именно они и превратились не только в ближайших союзников, но и в военно-финансовых покровителей новых лидеров «Кхмер иссарака».

С 1946 г. в ряде районов, особенно на западе и северо-востоке страны, развернулись активные боевые действия, в ходе которых «Кхмер иссарака» сумела поставить под свой контроль по меньшей мере 1/3 часть всей камбоджийской территории. Боевые действия происходили в основном в сельской местности и носили разрушительный характер. В результате за относительно короткий период времени (1941–1950) объем сельскохозяйственного производства уменьшился в Камбодже на 20–30%.

Ухудшение жизни большинства крестьян усугублялось еще и введенной в 1947 г. системой реквизиции сельскохозяйственной продукции для нужд французского экспедиционного корпуса в Индокитае. Не менее жестоким ударом по камбоджийской экономике стала политика искусственного снижения курса индокитайского пиастра по отношению к французскому франку, что вызвало резкое падение цен на сельскохозяйственное сырье из Индокитая. Соответственно и доходы от экспорта риса и других культур заметно снизились, ибо тысячи тонн сельскохозяйственной продукции из Камбоджи отправлялись на экспорт фактически за бесценок.

Все это вызывало сильное недовольство кхмерского короля и правительства, которые все более решительно и настойчиво требовали предоставления стране полной независимости. В 1953 г., испытывая все возрастающее давление как со стороны партизан, так и со стороны короля Нородона Сианука, французское правительство согласилось предоставить Камбодже независимость. В октябре 1953 г. было подписано франко-камбоджийское соглашение о передаче королю верховной власти в Камбодже. 9 ноября того же года в Пномпене состоялась церемония прекращения деятельности французской администрации. Вслед за этим страна погрузилась в новый виток военных действий — на сей раз они развернулись между королевским правительством в Пномпене и формированиями «Кхмер иссарака».

Боевые действия развивались неблагоприятно для боевых отрядов «Кхмер иссарака», которые в условиях, когда поддерживавшие их северовьетнамские части были оттянуты в район Дьенбьенфу, где разворачивались события, определявшие исход всей индокитайской войны, принуждены были оставить значительные территории, находившиеся под их контролем. Однако полного поражения они не потерпели, поэтому военные действия в стране завершились только после подписания Женевских мирных соглашений 1954 г., в соответствии с которыми кхмерские коммунисты должны были разоружиться и получить право свободно участвовать в политической жизни.

Однако гарантии безопасности кхмерским коммунистам, которые королевское правительство обязалось обеспечить в соответствии с Женевскими соглашениями, по большей части остались на бумаге. Коммунистов стали рассматри-

вать как очевидных врагов нового режима, обвиняли в сотрудничестве с вьетнамскими коммунистами. Они подвергались арестам, репрессиям и преследованиям. В связи с этим более трех тысяч наиболее активных сторонников «Кхмер иссарака», членов созданной в 1951 г. Народно-революционной партии Камбоджи, были вынуждены эмигрировать в Северный Вьетнам.

Оставшиеся в Камбодже коммунисты перешли на нелегальное положение, сумели сохранить свою политическую организацию и оставались очень опасным для правительства в Пномпене противником. Их лозунги уравнительности, антиурбанизма, ликвидации ростовщиков и перекупщиков не могли не вызвать к ним симпатий со стороны наиболее обездоленных слоев кхмерского сельского населения. Другое дело, что в начале 1950-х годов эти слои (беднейшие и безземельные крестьяне) оставались еще сравнительно немногочисленными, политически инертными и слабо реагировали на призывы коммунистов к участию в вооруженной борьбе.

Целый ряд факторов в это время во многом определял динамику развития сложившейся политической системы. Наиболее существенным было то, что в стране, с одной стороны, постепенно ускорялся процесс социальной дифференциации в деревне, а с другой — быстро возрастали различия в уровнях жизни в городах и в сельской местности. Быстрый рост населения приводил к тому, что крестьянские земельные наделы мельчали и уже не могли прокормить семьи. Разорявшиеся люди либо уходили в города, где пополняли наиболее бедные и пауперизированные социальные слои, либо превращались в арендаторов и батраков в деревне. Тем самым потенциальная база социального протеста все время увеличивалась. Другой фактор, определявший развитие политической системы, состоял в том, что новая власть столкнулась с постепенным распространением в стране альтернативной идеологической доктрины и деятельностью кхмерских коммунистов, подрывавшей основы политической организации и экономического механизма функционирования камбоджийского общества.

В этих условиях Сианук и стоявшие за ним представители правящей элиты попытались существенно модернизировать политическую систему и социальную доктрину правящего режима. В марте 1955 г. король объявил об отречении от престола в пользу своего отца Нородома Суримарита. Одновременно Сианук приступил к созданию общенациональной политической организации Народно-социалистическое сообщество Камбоджи (Сангкум Реастр Нийюм, сокращенно — Сангкум), выступившего с программой построения в стране «королевского буддийского социализма», рассматривавшегося в качестве альтернативы коммунистам. Очень быстро Сангкум во главе с Сиануком превратился в ведущую политическую силу, получившую на всеобщих выборах в Национальное собрание в 1955 г. 83% голосов. Сам Сианук стал премьер-министром, а несколько позже, в 1960 г., Национальное собрание вынесло решение о назначении его главой государства. В стране фактически установился режим его личной власти, политика которого во многом зависела от симпатий и антипатий первого лица.

Смысл провозглашения Сиануком доктрины «кхмерского буддийского социализма» как фундамента внутренней и внешней политики Камбоджи состоял

в том, чтобы создать привлекательную для простых камбоджийцев идеологию, которая в таком чувствительном для кхмерского крестьянина пункте, как возможность достижения всеобщего равенства, не уступала бы марксизму.

Одно из ключевых экономических предложений состояло в вытеснении из деревни ростовщического капитала. Сама по себе эта идея и планы создания кредитной и снабженческо-сбытовой кооперации представлялись привлекательными, но в конкретных условиях Камбоджи были малореальны хотя бы уже по чисто экономическим причинам. У государства не было средств, чтобы как-то заменить ростовщический капитал в деревне, ибо в это время только ростовщический кредит (без товарных поставок) оценивался примерно в 750 млн. — 1 млрд. *риелей*, что составляло 18–20% стоимости валовой продукции сельского хозяйства страны. Что касается государства, то оно через сеть созданных в 1956 г. кредитных и снабженческо-сбытовых кооперативов смогло предоставить крестьянам сумму в десять раз меньшую, порядка 100 млн. *риелей*, что составляло лишь около 10% всего сельскохозяйственного кредита.

На взаимоотношения правительства с ростовщическим капиталом и связанной с ним так называемой компрадорской буржуазией следует остановиться особо, так как эти отношения формировали ядро сложившейся социально-политической системы. Ведь в Камбодже после обретения независимости реально существовало два центра власти: политическая — в руках короля и правительства и экономическая — в руках компрадорской буржуазии и ростовщического капитала. С самого начала отношения между этими двумя центрами силы развивались сложно и неоднозначно. Компрадоры стремились сохранить свою независимость в сферах экономики и внешней торговли, правительство, наоборот, пыталось в максимальной степени подчинить себе ростовщический капитал и получить в свое распоряжение оставшийся как бы бесхозным после ухода французов товарный продукт, «изымавшийся ростовщиками из крестьянского хозяйства методами внеэкономического принуждения».

Попытки экономической борьбы с ростовщиками, соревнование государственного и ростовщического капиталов в сфере сельскохозяйственного кредита успеха правительству не принесли, поэтому, не имея возможности подчинить себе или вытеснить ростовщический капитал экономическими средствами, камбоджийское руководство прибегло к политическому давлению, политике запретов и экономических репрессий, чтобы добиться своей цели.

В ноябре 1963 г. Национальное собрание приняло декрет о реформе банковской и внешнеторговой системы. Эта реформа предусматривала закрытие с 1 января 1964 г. всех частных коммерческих банков, которые были особенно тесно связаны с компрадорами и ростовщиками. Таким путем правительство стремилось подорвать их финансовые операции, перекрыть каналы, по которым денежные средства переводились за пределы страны. При этом не учитывалось, что это были еще и основные каналы денежного обращения и связи Камбоджи с внешним миром.

Все экспортно-импортные функции упраздненных частных фирм были переданы национальной внешнеторговой компании «Сосьете насьональ д'экспортасьон э импортасьон» (сокращенно — «Сонэксим»). Однако попытка за счет созда-

ния одной подконтрольной государству внешнеторговой компании, обладавшей монополией на экспорт и импорт, поставить операции ростовщического капитала под свой контроль правительству не удалось. Единственным «достижением» стало лишь существенное ограничение кредита, предоставлявшегося камбоджийскому крестьянству.

В результате реформы множество китайских оптовых фирм, финансировавших ростовщические операции деревенских лавок, лишились кредитной поддержки и их финансовые возможности существенно снизились. Получилось, что от этой реформы пострадали не только компраторские круги и кигаийский капитал, не менее серьезный ущерб понесло и сельское хозяйство страны, которое лишилось десятков миллионов риелей ежегодного кредита.

Потери сельского хозяйства были еще больше, ибо в результате другой политико-пропагандистской кампании, развернутой в рамках реализации доктрины «кхмерского буддийского социализма», страна отказалась от получения всех видов помощи от США. Заявляя, что США пытаются использовать Камбоджу в своих целях в их борьбе против коммунистических сил на севере и юге Вьетнама. Сианук пошел на этот решительный, но абсолютно неразумный и неподготовленный шаг, предпринятый без серьезного учета сложившихся реалий.

Значение же американской помощи для независимой Камбоджи было очень велико. Американцы фактически содержали вооруженные силы страны, кроме того, только с 1951 по 1961 г. с их помощью проводились ирригационные работы на площади в 70 тыс. га. Общая же помощь США за 1955–1961 гг. составляла почти 300 млн. долл.

Резкое сокращение иностранных инвестиций не могло не отразиться крайне негативно на экономическом развитии страны. Уже в 1965 г. производство риса упало на 1,8%, а в 1966 г. сократилось еще на 4%, и, несмотря на некоторый подъем в последующие два года, очевидно, что как раз с середины 1960-х годов, т.е. времени, когда стали сказываться последствия «решительных» шагов и кардинальных реформ 1963 г., кхмерская деревня вступает в период стагнации. Социальная напряженность начинает быстро возрастать, а в 1967 г. уже в разных районах страны начинают вспыхивать крестьянские волнения и восстания. Социальная нестабильность немедленно отразилась на стабильности политической системы. Контролировавшееся Сиануком общенациональное движение Сангкум становилось все менее дееспособным из-за раздиравших его внутренних противоречий. «Буддийский социализм» из-за коррупции и неспособности властей добиться решения наиболее актуальных социальных и экономических проблем фактически исчерпал себя как государственная доктрина, и внутри Сангкума оформилось крыло сторонников сближения с Западом, прежде всего — с США. В противовес ему образовалось и другое крыло, выступавшее за то, чтобы страна ориентировалась в своей внутренней и внешней политике на страны социализма, особенно на Вьетнам и Китай. Было еще и крыло так называемых нейтраллистов, продолжавших поддерживать главу государства.

Так что борьба с ростовщическим капиталом и «решительный» ангиамериканизм самым негативным образом повлияли на политическую стабильность

в стране. И без того крайне невысокий уровень жизни большинства сельского населения еще более ухудшился, а в кхмерской армии, которая почти полностью содержалась на американские деньги, резко увеличилось количество недовольных среди кадровых офицеров.

В это же время Сианук вел опасную внешнеполитическую игру, которая вызвала серьезное недовольство в обществе. Дело в том, что в условиях все более расширявшегося американского участия в боевых действиях в Южном Вьетнаме он фактически отошел от им же провозглашенных принципов нейтралитета и неучастия Камбоджи в этой войне. В 1965 г. Сианук заключил соглашение с северовьетнамским руководством о возможности переброски военной техники для северовьетнамских войск, действовавших в Южном Вьетнаме, через камбоджийский порт Сиануквилль. Тогда же было достигнуто и соглашение о предоставлении северовьетнамским коммунистам части камбоджийской территории на северо-востоке для прокладки там транспортных путей, известных как «тропа Хо Ши Мина». Немедленно в камбоджийских провинциях Ратанакири и Мондолкири появились вьетнамские военные базы, на камбоджийскую территорию стали падать бомбы американской авиации, а эти районы оказались фактически недоступными для кхмерской юрисдикции.

Таким образом, целый ряд внутри- и внешнеполитических шагов, предпринятых руководством страны в середине 1960-х годов, фактически привел к политическому расколу и социальному взрыву, к подрыву внутренней стабильности государства.

Обострение социально-экономического кризиса в Камбодже, коррупция, отчуждение большинства народа от власти предоставили кхмерским коммунистам в середине 1960-х годов исторический шанс вновь выйти на авансцену камбоджийской политики. Рост влияния коммунистов в это время стал настолько заметен, что на совещании по экономическим вопросам в Пномпене в мае 1966 г. Сианук заявил, что «если мы будем не в состоянии разрешить экономические трудности, то возникнет перспектива прихода коммунизма». По всей видимости, к этому времени глава государства был уже хорошо осведомлен о переменах, происходивших в загнанной глубоко в подполье кхмерской компартии. Пришедшие в начале 1960-х годов к власти в партии молодые радикалы в лице Пол Пота, Иенг Сари и целой группы их бывших друзей по учебе во Франции в начале 1950-х годов сумели заметно активизировать деятельность коммунистов, а главное, придать партийной борьбе очевидную цель — организовать народное восстание и свергнуть существующий режим. Их главный лозунг состоял в том, что кхмерские коммунисты должны действовать максимально независимо, исходя в первую очередь из своих собственных целей. Такой подход резко менял политику коммунистов, ибо долгое время в своей борьбе они вынуждены были учитывать «теплые» отношения Сианука с «северовьетнамскими и китайскими братьями», которых вполне удовлетворял очевидный антиамериканизм и внешнеполитическая левизна правившего в Пномпене режима. Находясь на вторых ролях, кхмерские коммунисты не могли рассчитывать на серьезную поддержку ни внутри страны, ни за ее пределами. Отказ от следования в русле политики

«старших братьев», о чем провозгласили молодые радикалы, позволил компартии резко активизировать свои действия.

В марте 1967 г. руководство Кампучийской компартии — ККП (так стала называться партия коммунистов после партийного съезда, состоявшегося в подполье в 1960 г.) во главе с Пол Потом провело расширенное совещание Постоянного бюро ЦК, на котором было заявлено, что коммунисты завоевали абсолютное превосходство по сравнению с правящими классами, что национально-демократическое движение находится на подъеме и вступило в этап непосредственной революции. На базе подобных оценок компартия приняла решение развернуть гражданскую войну против режима Сианука.

Первым опытом реализации новой стратегии компартии стало потрясшее Камбоджу в апреле 1967 г. крестьянское восстание в районе Самлаут в провинции Баттамбанг. Этот район, ставший на долгие годы одним из главных оплотов коммунистов, представлял собой идеальное место для начала антиправительственной борьбы. Крестьянские хозяйства располагались здесь на чрезвычайно бедных песчаных землях и в условиях практически полного отсутствия удобрений и пестицидов, слабого развития ирригации собирали низкие даже по камбоджийским меркам урожаи. Нищета, бесправие и отсутствие средств к существованию — все это толкало людей на борьбу с режимом.

Восстание в Самлауте, окончившееся поражением восставших, так и не подвигло власти на серьезные попытки провести аграрную реформу и устранить причины, приведшие крестьян к выступлению. Правящий режим лишь усилил репрессии против левонастроенной интеллигенции в городах, открыто сочувствовавшей восставшим, ввел запрет на свободу печати, усилил тайную войну против подпольных коммунистических групп и ячеек. В сельской местности политика также была заметно ужесточена: в деревнях запретили выборы деревенских старост, многих из них сместили, заменив назначенными сверху «надежными» людьми.

В это же время устанавливаются и тесные связи «красных кхмеров» (так с конца 1960-х годов стали называть группировку кхмерских коммунистов) с их китайскими единомышленниками, которые во второй половине 1960-х годов попытались разжечь «революционную войну» во многих странах Юго-Восточной Азии. То была эпоха так называемой хунвэйбиновской дипломатии, когда для расширения влияния КНР в регионе ставка была сделана на вооруженное свержение правительств в странах ЮВА. Отношения китайского руководства с Сиануком обострились до предела, а кхмерские радикалы, занявшие к этому времени ключевые посты в верхушке ККП, превратились в ближайших идеологических и политических союзников Пекина.

В условиях растущей нестабильности и углубляющейся гражданской войны в марте 1970 г. в Камбодже произошел военный переворот. Сианук был отстранен от власти, и она перешла в руки военных во главе с главнокомандующим — генералом Лон Нолом, которые немедленно установили тесные связи с американским командованием в Южном Вьетнаме и попытались развернуть наступление на основные партизанские районы на северо-востоке страны, где находились и кхмерские партизаны, и тыловые базы северовьетнамских войск.

В союзе с армейской верхушкой против Сианука выступила и большая часть политической элиты страны, неудовлетворенная малоэффективным экономическим и военно-политическим курсом бывшего главы государства, его непомерным авторитаризмом и амбициями. Заговорщики захватили власть в Пномпене практически бескровно, однако вскоре выяснилось, что социальная база нового режима — средние городские слои, бюрократическая и компрадорская буржуазия — явно недостаточна для стабильного контроля над ситуацией в стране. Вторжение на территорию Камбоджи американских и южновьетнамских войск и особенно резкое расширение бомбовых ударов американской авиации, от которых гибли тысячи людей и разрушалась экономика кхмерской деревни, вызывали массовый протест большинства крестьян. Широкие крестьянские выступления, направленные против заговорщиков, провозгласивших в 1970 г. Камбоджу Кхмерской республикой, продемонстрировали внутреннюю слабость нового режима, который за короткое время лишился серьезной поддержки большинства сельского населения.

Решение Сианука повести борьбу против Лон Нола, принятое им в Пекине (во время переворота главы государства в стране не было; уже после своего отстранения от власти он прибыл из Москвы, где был с официальным визитом, в Пекин), предоставило кхмерским коммунистам новый исторический шанс, который они не упустили. Поддержав бывшего главу государства и войдя в мае 1970 г. в созданный им Национальный единый фронт Камбоджи (НЕФК), прикрываясь его именем, они смогли привлечь в свои военные отряды тысячи крестьян, существенно усилив тем самым армию.

Боевые действия в стране в это время развивались не в пользу пномпеньского режима. Попытки изгнать вьетнамские базы с камбоджийского северо-востока закончились тем, что северовьетнамские войска и части коммунистов, которые теперь выступали как формально подчинявшаяся Сиануку Армия национального освобождения Камбоджи (АНОК), в ходе контрнаступления заняли значительную часть территории страны на севере и северо-востоке. Все попытки войск Лон Нола в ходе военных действий 1971–1972 гг. одержать победу к успеху не привели.

В 1973 г., когда после заключения Парижских мирных соглашений по Вьетнаму (январь 1973 г.) северовьетнамские части начали покидать Камбоджу, отряды коммунистов оказались уже достаточно сильны, чтобы самостоятельно продолжать военные операции против войск пномпеньского правительства.

В это же время кхмерские коммунисты приступили и к первым радикальным экспериментам по обобществлению в экономике и в социальной сфере, которые после их победы и взятия Пномпеня в апреле 1975 г. были распространены ими на всю страну.

Замысел первого, наиболее радикального и поразившего весь мир шага — насильственного выселения в сельскую местность миллионов людей из городов — обсуждался «красными кхмерами» задолго до их прихода к власти. При обсуждении плана выселения людей из Пномпеня лидеры «красных кхмеров» оперировали несколькими вполне понятными и разделяемыми большинством в ЦК ККП

доводами. Они утверждали, что «необходимо нейтрализовать имевшуюся в городе политическую и военную оппозицию. Если мы оставим людей в городе, то, несмотря на нашу победу, враги быстро поднимут голову и будут действовать против нас. В случае выселения их в сельскую местность во вновь организованных кооперативах они попадут под наш контроль».

Другой довод, выдвигавшийся радикалами, состоял в том, что победившие «красные кхмеры» просто не в состоянии прокормить такое количество людей, проживавших в Пномпене. Поэтому тезис о том, что «необходимо каждого заставить продуктивно работать», а для этого нужно переместить людей из города в деревню, в той ситуации выглядел абсолютно верным. Не менее существенным было и то, что практически всему коммунистическому руководству Камбоджи был присущ так называемый «антигородской синдром» — уверенность в том, что города и особенно столица Пномпень ничего полезного для народа не производят, а лишь выкачивают из всей страны жизненные соки для содержания правящей антинациональной элиты.

Нельзя не сказать и о том, что взятая «красными кхмерами» на вооружение бесговарная модель развития экономики страны, в которой не было места ни деньгам, ни торговле, ни даже самому простому обмену, не оставляла «городам-рынкам» никакого места в будущей Камбодже. Города и горожане не вписывались в конструируемые по этой модели социально-политические структуры, следовательно должны были исчезнуть. Они и исчезли. Поэтому демонстративный поджог ряда пномпеньских рынков, сжигание денег, подрыв и последующее разрушение здания Национального банка Камбоджи могут восприниматься как ритуальные действия. «Красные кхмеры», вероятно, стремились показать всем решимость уничтожить до конца всё, даже уже не угрожавшие им символы старой системы, продемонстрировать полный разрыв новой Камбоджи с прошлым.

К середине 1976 г. социально-экономические и политические структуры Камбоджи были перестроены в соответствии с логикой бестоварной экономики. Это дало возможность правящему режиму полностью аккумулировать национальные богатства, свободно ими распоряжаться, контролировать и при необходимости ограничивать внутреннее погребление в стране. Если к этому добавить, что значительные массы людей, перемещенных в сельскую местность, были организованы для интенсивного и практически бесплатного труда, то становится очевидным, что страна подошла к реализации в это время нового всеобъемлющего замысла ее правителей — этапу «большого скачка», под которым понималось резкое ускорение развития производства и производительных сил.

К разработке конкретного плана «большого скачка» «красные кхмеры» приступили еще осенью 1975 г. Основные его ориентиры, сформулированные в так называемом четырехлетнем плане, были рассчитаны таким образом, что за период 1977–1980 гг. предполагалось удвоить производство сельскохозяйственной продукции.

Расчеты, положенные в обоснование экономических показателей плана, были просты и примитивны: «за 100 тыс. т *падди* мы получим 20 млн. долл. Если у нас

будет 500 тыс. т, то будет уже 100 млн. долл. Чтобы получить капитал, мы, таким образом, должны в максимальной степени увеличить рисопроизводство».

Уже из этих выкладок становится очевидным, что сельское хозяйство рассматривалось «красными кхмерами» не столько как источник для увеличения внутреннего потребления, сколько как источник валютных поступлений. Поэтому объем экспорта риса приобретал в глазах правящей группы особое, самодовлеющее значение. В этом экспортном фетишизме и состоял парадокс социально-экономического эксперимента: отменив деньги, рынки и торговлю, закрыв страну для любых связей с другими государствами, «красные кхмеры» оказались в кабальной зависимости от мирового рынка продовольствия, а доллар фактически сменил при всех расчетах национальную денежную единицу. Погоня за долларами за счет максимального увеличения экспорта в ущерб внутреннему потреблению стала буквально проклятием Камбоджи того времени.

Стремление получить максимальное количество риса без учета реальных возможностей страны привело к тому, что базовые показатели плана оказались сильно завышенными. В нем планировалось с гектара пашни, занятой под рис, получить 3 т зерна, а с гектара, используемого дважды в год — в сезон дождей и в сухой сезон, — 6 т. Насколько реальными были такие показатели, можно судить по тому, что даже в предреволюционные годы 3 т риса с 1 га получали лишь с площадей специальных агротехнических станций. В среднем же по стране собирали не больше 1–1,1 т риса с гектара.

Таким образом, основная цель плана — получить три тонны риса с гектара — означала на деле удвоение урожайности по сравнению с обычной на той же самой примитивной агротехнической базе. Эта задача, даже при максимальном использовании дешевой рабочей силы и широкой ирригации, была абсолютно нереальной. Однако этот нереальный показатель стал главным мериллом работы партийных комитетов всех уровней, а от выполнения спущенных сверху планов стала зависеть судьба тысяч функционеров на местах.

Экономические неудачи, связанные с невыполнением основных показателей четырехлетнего плана, а также подозрения в связях с вьетнамскими коммунистами и в организации заговора против верхушки режима стали удобным поводом для широких репрессий внутри ККП, которые охватили все уровни партийной иерархии.

Репрессии в стране сопровождались агрессивной антивьетнамской политикой, когда вожди «красных кхмеров» с 1977 г. фактически развязали пограничный конфликт с Вьетнамом. В конечном итоге боевые действия закончились вьетнамским вторжением в Камбоджу и свержением режима «красных кхмеров». 7 января 1979 г. пал Пномпень, «красные кхмеры» бежали, а вместо их режима был сформирован новый во главе с Народно-революционным советом Кампучии (НРСК). Лидером нового режима был провозглашен Хенг Самрин — бывший командир дивизии «красных кхмеров», перешедший на территорию Вьетнама в 1978 г. 10 января 1979 г. было объявлено о создании Народной Республики Кампучия (НРК), руководство которой в лице НРСК заявило о том, что оно будет строить в стране «настоящий социализм», а во внешней политике будет

самым тесным образом опираться на Вьетнам, СССР и другие социалистические страны.

Политическое ядро нового режима составляли главным образом кхмерские коммунисты, тесно связанные с Ханоем, которые в январе 1979 г. восстановили Народно-революционную партию Кампучии (НРПК) как «ведущую и направляющую силу всего камбоджийского народа». Таким образом, в стране и после свержения Пол Пота был установлен однопартийный режим, выступавший за продолжение движения страны по социалистическому пути.

Политика руководства НРПК в период нахождения у власти (1979–1991) прошла в своем развитии несколько этапов. На первом (1979–1985), когда у власти находились наиболее ортодоксально-коммунистически настроенные лидеры — Пен Сован (до 1981 г.) и Хенг Самрин, предпринимались попытки выстроить в стране некоторые основные элементы нового строя. Были восстановлены кооперативы в сельской местности, в городах созданы группы трудовой взаимопомощи ремесленников, а также сделаны попытки создать действенный механизм коллективного землевладения и уравнительного распределения в деревне. Все эти меры оказались малоуспешными, они только затормозили восстановление национальной экономики, и уже в 1984 г. над страной вновь нависла угроза голода.

В связи с таким развитием событий в руководстве НРСК и НРПК произошли существенные перемены. Сторонники радикально уравнительного курса оказались отодвинуты от власти. Более прагматически мыслящие политики вышли на первый план, обозначив тем самым новый этап в развитии НРК. На этом втором этапе (1985–1991) определяющее влияние на выработку внутренней и внешней политики стал оказывать занявший пост премьер-министра Хун Сен. При нем режим постепенно перешел к совершенно иной политике, предусматривавшей все более широкое внедрение рыночных отношений, прав частной собственности, создание политических гарантий для частного бизнеса. Все это делалось в первую очередь для того, чтобы повысить популярность Народно-революционной партии в условиях все более ожесточенной гражданской войны. Несомненным представляется и то, что определенное влияние на политику Хун Сена оказывали перемены во Вьетнаме, особенно после 1986 г., связанные с провозглашением «политики обновления» («дой мой»), и, конечно, общие перемены в социалистическом лагере, связанные с провозглашением политики перестройки в СССР. И Вьетнам, и СССР были главными союзниками и спонсорами НРПК и НРК, и, естественно, все перемены в их внутри- и внешнеполитическом курсе отражались самым непосредственным образом на политике камбоджийских властей.

Нельзя не отметить, что общеполитическое положение в стране на протяжении всех 1980-х годов оставалось крайне нестабильным. Дело в том, что в ответ на приход к власти провьетнамского режима в НРК в 1979 г. его политические противники в лице сторонников Сианука, а также бывшего премьер-министра Сон Санна и остатков «красных кхмеров» объединились в единый фронт. Получив широкую поддержку на Западе и от Китая, оппозиционные силы, несмотря

на присутствие в Камбодже вьетнамских войск, сумели развязать в стране затяжную гражданскую войну, в которой ни одна из сторон не смогла добиться решающей победы.

Существенные сдвиги в политической ситуации в стране стали происходить на рубеже 1980–1990-х годов, когда под влиянием глобальных перемен на международной арене, связанных с прекращением холодной войны и провозглашением в СССР нового политического мышления, стал меняться внешнеполитический курс Вьетнама. Руководство СРВ стремилось теперь восстановить отношения со странами Запада и с Китаем и поэтому стало проявлять готовность к поиску возможного компромисса между воюющими камбоджийскими сторонами. После первых консультаций стало ясно, что основой такого компромисса должен стать отказ от авторитарной модели правления Народно-революционной партии, проведение выборов и введение в стране демократической системы организации власти.

Первый практический шаг в направлении мирного решения камбоджийского конфликта был сделан в октябре 1987 г., когда под непосредственным давлением СРВ и СССР правительство Народной Республики Кампучия выступило с программой политического урегулирования камбоджийской проблемы на основе политики национального примирения. Провозглашение такой политики и последовавшая вслед за этим встреча лидера Народно-революционной партии Кампучии Хун Сена и Нородома Сианука — главы оппозиционных сил, которая состоялась во Франции в декабре 1987 г., дали начало длительному процессу поиска взаимного компромисса всех противоборствующих в Камбодже сторон. Вслед за этой встречей начался сложный процесс поиска конкретных форм организации мирного процесса, и по соглашению всех участвующих в переговорах сторон было принято предложение, выдвинутое странами АСЕАН, о том, чтобы на роль главного арбитра и медиатора была предложена Организация Объединенных Наций.

Важной предпосылкой успеха мирных переговоров коммунистов и оппозиции стало то, что этот процесс сопровождался серьезной эволюцией политических взглядов НРПК. Находившиеся у руководства партии прагматики стремились учитывать меняющуюся реальность, когда единственная правящая партия вынуждена была поделиться властью с оппозицией и согласиться на установление в стране многопартийной и плюралистической системы. Уже через год после полного вывода вьетнамских войск из страны в сентябре 1990 г. было объявлено о преобразовании Народно-революционной партии в Народную партию Камбоджи (НПК). Из конституции была изъята статья о руководящей роли НПК и преамбула, где говорилось о строительстве коммунизма и социализма в стране как о главной цели национального развития. Вслед за этим новая политическая программа НПК, принятая на съезде партии в 1991 г., уже не содержала какие-либо упоминания о строительстве социализма, партия заявила о своей приверженности принципам рыночно-ориентированной экономики и либеральной демократии. Даже партийные атрибуты, связанные с коммунистической идеологией, вроде серпа и молота, были отменены.

Процесс мирного урегулирования приобрел практические очертания в сентябре 1990 г., когда после встречи в Джакарте лидеров всех противоборствующих в Камбодже группировок была достигнута договоренность об одобрении плана мирного урегулирования, подготовленного под эгидой ООН. Этот план был одобрен всеми противоборствующими сторонами, в том числе и «красными кхмерами». В это же время был образован и Высший национальный совет Камбоджи, который до проведения выборов и установления в стране демократического строя должен был выполнять роль высшего органа власти в стране. В совет на равных основаниях вошли представители как правительства, так и оппозиции. Возглавил его принц Нородом Сианук, он вновь, как и в 1960-е годы, превратился в ключевую политическую фигуру.

В рамках плана мирного урегулирования ООН вся практическая власть в стране в 1991–1992 гг. была передана временному органу ООН в Камбодже (ЮНТАК), главой которого был назначен японский дипломат Ясуси Акаси. Административная и военная структуры под эгидой ООН в Камбодже должны были создать политическую обстановку, способствующую проведению честных выборов и формированию на их основе нового легитимного правительства. ЮНТАК должна была также контролировать процесс разоружения всех группировок, организовать возвращение беженцев, а также поддерживать порядок и безопасность в стране.

Установление нового политического режима и фактическое отстранение НПК от власти оказалось недостаточной мерой, чтобы сильно поколебать позиции бывших коммунистов. Дело было в том, что, с одной стороны, сказалась огромная работа по смене политического имиджа и по завоеванию поддержки со стороны тысяч камбоджийцев, проведенная партийным руководством в период 1987–1990 гг., еще до отстранения от власти. С другой стороны, чиновники ООН прекрасно понимали, что структуры НПК на местах, в частности камбоджийская армия, находившаяся под ее контролем, оставались единственным реальным противовесом вооруженным отрядам «красных кхмеров» и объективно выступали союзниками ЮНТАК, особенно когда стало все более очевидным стремление «красных кхмеров» всячески препятствовать реализации военных и политических программ ооновской администрации.

Особые отношения руководства ЮНТАК и НПК усиливались еще и тем, что НПК была готова принять практически все пункты ооновского плана, в то время как «красные кхмеры» стали все более активно выступать как против ЮНТАК, так и против своих бывших союзников по кхмерской оппозиции. Боевики «красных кхмеров» нападали на ооновских чиновников, руководители этой группировки отказывались разоружать свои части, угрожали новым витком гражданской войны. В таких условиях в рамках Высшего национального совета стало постепенно меняться соотношение сил. Прозападные фракции во главе с Сиануком стали все более склоняться к союзу и соглашению с НПК в противовес непредсказуемым и опасным «красным кхмерам». Более того, в условиях нестабильности и неопределенности относительно действий «красных кхмеров» ЮНТАК вынуждена была сохранить и правительственные войска НПК в качестве противовеса вооруженным силам этой группировки.

На всеобщих выборах, состоявшихся в стране в мае 1993 г., победу одержали сторонники Сианука во главе с его сыном, принцем Раннаритом, завоевавшие больше 45% голосов. Они получили значительную поддержку и в городе, и в деревне. Особенно много голосов отдали за них в Пномпене. В то же время большой неожиданностью стало успешное в целом выступление бывшей правящей партии — НПК, за которую проголосовали чуть меньше 40% избирателей. Бывшие коммунисты сумели позиционировать себя как ответственная и сплоченная политическая сила, выступающая главным гарантом против нового передела собственности в пользу вернувшихся эмигрантов. Много голосов бывшие коммунисты получили и в сельской местности, где активно действовали их партийные организации.

Важным элементом в успехе НПК стала поддержка бывшими коммунистами процесса возвращения страны к монархической системе правления. В 1993 г. практически единогласным решением депутатов Национального собрания страна была объявлена конституционной монархией, а королем был вновь провозглашен Народом Сианук.

Политическая напряженность, возникшая после выборов, когда на власть претендовали как роялисты (сторонники Сианука), так и бывшие коммунисты, была успешно разрешена после сложных переговоров лидеров победивших партий. По предложению короля, ставшего главным гарантом стабильности в стране, было образовано правительство с равным представительством обеих партий. Первым премьер-министром стал Раннарит, вторым и тоже премьер-министром — Хун Сен, во всех ключевых министерствах появилось по два министра от каждой партии.

Все эти политические события стали завершающими для беспрецедентной по своему размаху и длительности миротворческой операции ООН в Камбодже. На цели камбоджийского урегулирования и примирения международная организация потратила около 2 млрд. долл., и нельзя не признать, что миротворчество в Камбодже стало одним из наиболее успешных примеров такого рода деятельности в мире.

Постепенный вывод ооновских структур и войск из Камбоджи не означал прекращения международного участия в ее делах. В рамках программы международной экономической помощи в Камбоджу на протяжении всех 1990-х годов продолжали поступать значительные средства (до 1 млрд. долл. в год), которые направлялись на восстановление разрушенной в ходе непрерывных войн экономики.

Не менее важным стало и то, что значительная международная помощь превратилась в важный рычаг влияния на внутренние политические процессы в Камбодже, ибо политическая конструкция с двумя фактически конкурирующими друг с другом премьер-министрами оказалась очень непрочной.

Сторонники Пол Пота, отказавшись принять участие в выборах 1993 г., фактически сами загнали себя на периферию камбоджийской политики. Попытки организовать наступление и свергнуть легитимное правительство военным путем к успеху не привели. Дело было в том, что помощь со стороны Китая, долгое

время способствовавшая сохранению военного потенциала «красных кхмеров», по существу прекратилась. Полпотовские отряды, брошенные своими покровителями, уже не могли рассчитывать на серьезные военные успехи. К тому же большая часть боевиков устала годами находиться в джунглях и была готова принять амнистию, объявленную им коалиционным правительством.

Что касается руководителей движения, то к середине 1990-х годов они уже давно разочаровались в марксистских лозунгах и занимались уже не столько «революционной войной», сколько контрабандной торговлей в районах таиландско-камбоджийской границы, находившихся под их контролем. Большая их часть стремилась окончить войну, но таким образом, чтобы сохранить контроль над контрабандным бизнесом, приносившим им неплохие доходы. Все это коалиционное правительство готово было им гарантировать, что позволило сформировать фундамент разоружения и фактической ликвидации всего движения «красных кхмеров».

Пол Пот отчаянно пытался сохранить единство движения и контроль над ним, однако после убийства по его приказу одного из его приближенных — военного министра Сон Сена, заподозренного в переговорах с правительством, он был арестован своими же соратниками, выступавшими за прекращение борьбы. Многолетний лидер кхмерских коммунистов был судим своими бывшими единомышленниками, заключен в тюрьму и умер в заточении в апреле 1998 г. Другие же лидеры «красных кхмеров» — Иенг Сари, а несколько позже и Нуон Чеа, — занимавшие соответственно третье и второе место в их иерархии, перешли вместе со своими сподвижниками на сторону правительства.

При этом выявился интересный факт: стабильность коалиционного правительства напрямую зависела от опасности, исходившей от «красных кхмеров». Пока они были сильны, коалиция сторонников Сианука и НПК успешно функционировала, но как только началось массовое дезертирство из рядов полпотовцев, правительственная коалиция стала давать все более глубокие трещины.

Кризис в правящей элите наступил в июле 1997 г., когда Хун Сен, обвинив Раннарита в нелегальном ввозе оружия, а главное, в тайном сговоре с «красными кхмерами», объявил о смещении принца с поста первого премьер-министра. В ходе двухдневных боев армия НПК легко разбила отряды, подчиненные Раннариту.

Однако установить полный контроль над положением в стране НПК вновь не удалось, ибо под давлением основных доноров Камбоджи — Японии, США, стран АСЕАН — Хун Сен вынужден был согласиться с проведением всеобщих выборов с участием в них смещенного Раннарита и его сторонников. Таким образом, международные посредники сумели вновь стабилизировать ситуацию.

Всеобщие выборы, состоявшиеся в июле 1998 г., принесли на сей раз победу НПК, получившей более 40% голосов. Сторонники Раннарита получили чуть больше 30%. Такой исход политической борьбы не был неожиданным, ибо НПК продолжала доминировать во властных структурах, а все остальные партии, среди которых, кроме сторонников Раннарита, определенной популярностью, особенно среди средних городских слоев, пользовалась так называемая Сам Райнси

парти (Партия Сама Райнси — радикально-либерального прозападного лидера, выступавшего против коррупции в аппарате управления и фактического сговора бывших коммунистов и Раннарита), сильно уступали ей и в численности, и в финансовых возможностях.

После выборов в стране, хотя и было вновь сформировано коалиционное правительство НПК и сторонников Раннарита, власть оказалась практически полностью сконцентрирована в руках НПК.

В декабре 1998 г. на сторону правительства перешла последняя группа лидеров «красных кхмеров», что стало знаковым для страны событием. После долгих лет внутренней нестабильности, смены политических режимов, гражданских войн Камбоджа вновь сумела вернуться к традиционной форме государственного устройства, к достаточно стабильному и устойчивому внутривнутриполитическому положению и экономическому развитию.

Глава 32

ЛАОС

В Лаосе, как и в других странах Индокитая, эпоха перемен наступила в марте 1945 г., после захвата японцами власти. Французский колониальный аппарат был отстранен от управления страной и заменен японской военной администрацией. В таких условиях 8 апреля 1945 г. король Сисаванг Вонг под давлением японцев провозгласил независимость Лаоса. Это был чисто формальный акт, ибо в реальности мало что изменилось — место французского верховного резидента при королевском дворе занял японский верховный советник, который и решал все государственные дела.

Против власти японцев выступили разнородные организации националистического толка, которые в это время объединились в движение «Лао итсала» («Свободный Лаос»). Они требовали немедленной и реальной независимости, введения в стране демократических форм правления. К «Лао Итсала» примкнули и лаосские коммунисты, тесно связанные с Компартией Индокитая. Однако в отличие от Вьетнама, где коммунисты и создавали, и с первых дней возглавляли и контролировали массовую антиколониальную организацию единый национальный фронт Вьетминь, в Лаосе движение «Лао итсала» коммунисты не контролировали, хотя и занимали в нем влиятельные посты. Так, например, один из будущих главных лидеров Лаосской Народно-Демократической Республики принц Суфанувонг занимал в правительстве «Лао итсала» пост министра иностранных дел. По своему социальному составу, политическим требованиям и идейной направленности «Лао итсала» было скорее похоже на единые антиимпериалистические и антиколониальные фронты в других странах ЮВА, в деятельности которых коммунисты активно участвовали совместно с левыми националистами, традиционалистами, республиканцами — словом, со всеми, кто выступал против возвращения стран региона к прежнему довоенному колониальному статусу.

После капитуляции Японии и разоружения японских войск «Лао итсала» превратилось в доминирующую на политической сцене Лаоса организацию, которая возражала против возвращения французской администрации в страну. 12 октября 1945 г. было сформировано временное правительство Лаоса во главе с принцем Кхаммао (губернатором Вьентьяна), где деятели «Лао итсала» играли главную роль. В тот же день это правительство провозгласило независимость единого Лаоса, получившего название Патхет Лао (Страна Лао). Несколько позже, 20 октября, временная палата народных представителей проголосовала за низложение короля Сисаванг Вонга, который вскоре вместе со всей своей семьей был заключен под домашний арест, а позже отречен от престола.

Однако власть «Лао итсала» продержалась недолго, ибо в начале 1946 г. в Лаос вернулись французские войска, которые разгромили отряды Патхет Лао и восстановили в Лаосе монархию. Вслед за этим французы постарались укрепить свою власть и перетянуть политически активные слои населения Лаоса на свою сторону, а также внести раскол в ряды ушедшего в подполье движения «Лао итсала». Они добились возвращения в состав Лаоса земель, отторгнутых Таиландом в 1941 г. во время франко-тайской войны, в 1949 г. подписали с королевским правительством франко-лаосскую конвенцию, по которой формально признавалась независимость Лаоса. Однако право решать вопросы обороны, внешней политики, финансов и торговли оставалось за Францией. Наконец в октябре 1953 г. был подписан новый договор. Лаос «признавался полностью независимым и суверенным», но Франция осуществляла командование лаосской королевской армией и руководила военными операциями.

Все эти действия королевского правительства и французской администрации привели к тому, что внутри «Лао итсала» произошел раскол. Он был связан также и с тем, что коммунисты внутри этого движения оказывали неприкрытое давление на некоммунистические фракции, требовали отказа от любых переговоров с представителями королевского правительства и усиления партизанской войны. После раскола единого фронта коммунисты, тесно связанные с вьетнамцами, отошли к границам Северного Вьетнама, где в это время появились первые так называемые революционные базы, с возникновения которых, собственно, и началась война сопротивления. Националистически настроенное крыло «Лао итсала», большинство членов которого в 1946 г. нашли убежище в Таиланде у правительства Приди Паномионга, в октябре 1949 г. пошло на соглашение с королем Сисаванг Вонгом и королевским правительством.

В ответ лаосские коммунисты приняли решение об образовании новой политической организации — «Нео Лао итсала», которая с момента своего появления в 1950 г. находилась уже под их полным контролем. Вполне вероятно, что «Нео Лао итсала» разделила бы судьбу таких же организаций коммунистической направленности, которые в большинстве других стран ЮВА в процессе длительной вооруженной борьбы оттеснялись войсками центрального правительства в труднодоступные районы и постепенно сходили с политической арены. В Лаосе это, однако, не произошло в силу того, что ядро вооруженных отрядов коммунистов составили так называемые вьетнамские добровольцы — регулярные вьетнамские части, которые не только освободили значительные районы страны и поставили их под власть коммунистов, но и мобилизовали тысячи лаосцев, проживавших там, в вооруженные отряды «Нео Лао итсала».

Таким образом, в период 1952–1953 гг. в Лаосе война все больше эволюционировала из национально-освободительной в войну гражданскую, в которой, с одной стороны, выступали лаосские коммунисты, объединенные в «Нео Лао итсала», а с другой — антикоммунистические силы, группировавшиеся вокруг королевского правительства Вьентьяна. При этом самую активную роль во внутрिलाосской борьбе стали играть внешние по отношению к Лаосу силы. С одной стороны, действовал Северный Вьетнам и стоявшие за его спиной СССР и КНР, с другой —

все более активную роль в поддержке некоммунистического правительства играли США. Все это предопределило раскол страны на две части, который был фактически узаконен решениями Женевской мирной конференции по Индокитаю в 1954 г. В отношении Лаоса в документах этой конференции говорилось, что контролируемые коммунистами боевые части должны были в течение 120 дней после подписания соглашения сгруппироваться в восточных провинциях Пхонгсали и Самнеа, примыкавших с Северному Вьетнаму. Соответственно и власть центрального правительства во Вьентьяне и его вооруженных сил на эти территории уже не распространялась. Они оставались под контролем «Нео Лао итсала».

Таким образом, в результате первой индокитайской войны (1946–1954) Лаос фактически превратился в разделенную страну, при этом линии внутреннего противостояния лаосских политических сил стали пограничными линиями противостояния великих держав в начавшейся холодной войне. В этом заключалась внутренняя непрочность мира в регионе, установленного в Женеве, и в этом лежали предпосылки для нового витка вооруженного противостояния.

В отличие от Вьетнама, где мирный период в отношениях между коммунистическим Севером и антикоммунистическим Югом продлился почти пять лет (1954–1959), в Лаосе мирной передышки практически не было, и уже вскоре после окончания Женевской мирной конференции на территории страны начались бои, которые обозначили начало нового периода конфликта в Лаосе. Этот период, продолжавшийся почти до 1973 г., можно охарактеризовать как вялотекущую гражданскую войну, когда интенсивные столкновения сменялись временным миром и компромиссом, а потом вновь разгоралась война. Причина этого заключалась в том, что Лаос в планах противоборствующих в Индокитае сторон занимал особое место. Для войск Северного Вьетнама эта страна была важной операционной базой, непосредственно примыкавшей к территории ДРВ, через которую к тому же проходили важнейшие сухопутные коммуникации, связывавшие север и юг Вьетнама. Соответственно для США контроль над ситуацией в Лаосе позволял, во-первых, создать прямые угрозы безопасности для Северного Вьетнама и отвлекать тем самым силы северовьетнамской армии от южновьетнамских фронтов и, во-вторых, перерезать транспортные коммуникации, проходившие через Лаос, что помешало бы усилению коммунистов в и без того беспокойных северо-восточных районах Таиланда. Все эти факторы предопределили длительность и напряженность борьбы за контроль над положением в Лаосе.

Уже в начале 1955 г., стремясь не допустить раскола страны, королевское правительство при поддержке американцев начало военные действия против боевых отрядов лаосских коммунистов, которые к этому времени объединились в Народную (после 1972 г. Народно-революционную) партию Лаоса (НРПЛ). Возглавил ее давно и тесно связанный с вьетнамскими коммунистами Кейсон Фомвихан. Несколько позже, в январе 1956 г., «Нео Лао итсала» была реорганизована в Патриотический фронт Лаоса (ПФЛ), председателем которого стал принц Суфанувонг. При этом вплоть до августа 1975 г. официально о руководящей роли Народно-революционной партии ничего не говорилось, ибо она находилась на нелегальном положении, являясь руководящим ядром ПФЛ.

Боевые действия, развернувшиеся в 1955 г., успеха войскам королевского правительства не принесли. Отряды лаосских коммунистов и базировавшиеся в Самнеа и Пхонгсали части северовьетнамских войск отбили все попытки поставить эти провинции под контроль Вьентьяна. В результате боев обе стороны согласились на заключение временного перемирия, а несколько позже коммунисты и королевское правительство заключили так называемые Вьентьянские соглашения, предусматривавшие прекращение огня и участие представителей ПФЛ в национальном правительстве. Это правительство национального единства в некотором роде являлось последним для страны шансом избежать длительной и кровавой войны. Возглавлял его принц Суванна Фума, который поддерживал одинаково теплые отношения как с коммунистами, так и с проамериканскими силами. В стране даже появилась довольно мощная третья сила — группировка так называемых нейтраллистов, выступавших за нейтрализацию Лаоса и неучастие страны в любых военных действиях.

Однако внутренний мир продержался недолго. Ни одна из сторон доверия друг к другу не испытывала, тем более что американцы, которые все более активно действовали в стране, требовали немедленного исключения коммунистов из национального правительства. При их поддержке часть наиболее проамерикански настроенных военных совершила переворот. Большая группа руководителей коммунистов, действовавших легально, подверглась аресту. Те же, кто действовал нелегально, немедленно отступили в джунгли, где возобновили вооруженную борьбу. В ходе нового витка военных действий коммунисты, действуя в союзе с нейтралистами во главе со свергнутым премьером — принцем Суванна Фумой, добились существенных успехов и в 1961 г. контролировали уже 2/3 территории Лаоса.

В этих условиях в стране была сделана очередная попытка остановить гражданскую войну. Все участники лаосского конфликта согласились на проведение мирной конференции по урегулированию в Лаосе. Она прошла в Женеве в мае-июне 1962 г. По ее итогам вновь было сформировано коалиционное правительство национального единства с участием коммунистов и было объявлено, что вооруженная борьба в Лаосе прекращена.

Но военное противостояние на этом не закончилось. Ситуация в регионе обострялась, война на юге Вьетнама становилась все более ожесточенной, вмешательство США в дела Индокитая — все более активным. Взаимное недоверие лаосских фракций, подогреваемое их покровителями во Вьетнаме и в США, привело к тому, что второе правительство национального единства раскололось, нейтраллисты на сей раз оказались на стороне проамериканских сил. Что касается коммунистов, то они после удаления своих представителей из правительства сосредоточились на своих традиционных базах и вновь перешли к военным действиям. Уже в мае 1964 г. американская авиация начала бомбардировки районов, находившихся под контролем коммунистов, оправдывая эти действия тем, что там находились транспортные коммуникации и тыловые базы северовьетнамских войск.

Таким образом, Лаос, в отличие от Вьетнама и Камбоджи, практически не знал мирной передышки в середине 1950-х годов, и для него начало второй ин-

докитайской войны (1964–1975) стало не более чем продолжением первой. Боевые действия в Лаосе на протяжении новой войны велись с переменным успехом и зависели в основном от ситуации на главных фронтах этой войны во Вьетнаме и в Камбодже. Основной ударной силой лаосских коммунистов, штаб которых располагался в провинции Самнеа близ вьетнамской границы, оставались войска северовьетнамских добровольцев (по разным оценкам, их численность колебалась в пределах 20–45 тыс. человек), ударной же силой войск правящего режима выступали боевые отряды национальных меньшинств, и прежде всего хмонгов (мео) во главе с тесно связанным с США генералом Ванг Пао. Американцы с помощью авиации, сбросившей на Лаос в общей сложности почти 2 млн. т бомб, и своих союзников пытались перерезать «тропу Хо Ши Мина» — стратегические коммуникации, связывавшие Северный Вьетнам с Южным. Именно по этой «тропе» шел основной поток военных грузов и подкреплений из Ханоя северовьетнамским частям в Камбодже и в Южном Вьетнаме. Вьетнамцы, в свою очередь, стремились всячески обезопасить эти перевозки, размещая там дополнительные войска. В целом боевые действия велись в изолированных районах на юге и востоке страны вдали от главных политико-культурных центров — Вьентьяна и Луангпранганга.

Зависимость положения на лаосском фронте от событий во Вьетнаме стала особенно очевидной после заключения в январе 1973 г. Парижских мирных соглашений по Вьетнаму. В соответствии с ними начался вывод американских войск из Южного Вьетнама. Тогда же стало понятно, что коммунисты одерживают победу во второй индокитайской войне. В связи с этим и в Лаосе стали происходить события, обозначившие окончательный перелом ситуации в стране в пользу коммунистов. В октябре 1972 г. по инициативе ПФЛ начались переговоры с вьентьянским правительством, которые завершились в 1973 г. подписанием соглашения о «восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе». Военные действия были прекращены, и с апреля 1974 г. страной управляли Временное правительство национального единства и Национальный политический коалиционный Совет, созданный на паритетном представительстве противостоящих сторон. Во Временное правительство вошли представители коммунистов, при этом каждая из сторон получила по одному посту заместителя премьер-министра и по шесть министерских постов. Создание Временного коалиционного правительства позволило вооруженным отрядам коммунистов на законных основаниях вступить в главные города страны — Вьентьян и Луангпранганг, которые практически бескровно перешли под их контроль. Вся страна оказалась под контролем коммунистов несколько позже, уже после того, как Компартия Вьетнама объединила в мае 1975 г. под своей властью весь Вьетнам, а кхмерские коммунисты во главе с Пол Потом в апреле того же года заняли Пномпень.

В Лаосе в отличие от соседних стран коммунистам не пришлось начинать новый виток вооруженной борьбы для прихода к власти. Для этой цели они использовали вполне демократические процедуры. Летом 1975 г. путем жесткого контроля над всеобщими выборами они добились прогнозируемого успеха и сумели заменить все местные органы власти народно-революционными комитетами во

главе со своими ставленниками. Одновременно с этим была уничтожена оппозиция, распущены все партии и организации, не входившие в ПФЛ. Вслед за этим в октябре 1975 г., после окончательной расчистки политического поля, была официально легализована и Народно-революционная партия как революционный авангард лаосского народа.

Итак, в августе 1975 г. коммунисты организовали в стране практически бескровный переворот и взяли власть в свои руки. Старая администрация повсюду была распущена, а вместо нее к власти пришли народно-революционные комитеты во главе с коммунистами. Судьба многострадальной лаосской монархии тоже оказалась предрешена. В начале декабря 1975 г. состоялся Национальный конгресс народных представителей, который единогласно заявил о полном завершении народно-демократической революции и установлении в стране строя народной демократии во главе с НРПЛ. Участники конгресса приняли добровольное отречение лаосского короля, упразднили монархию и объявили об учреждении Лаосской Народно-Демократической Республики (ЛНДР). Президентом республики был назначен «красный принц» Суфанувонг, он же стал и председателем созданного Верховного народного собрания. Премьер-министром был назначен генеральный секретарь НРПЛ Кейсон Фомвихан, который провозгласил курс на построение в Лаосе материально-технической базы социализма.

Противники коммунистов, истощенные многолетней войной, деморализованные поражением своих южновьетнамских союзников и уходом американцев из Индокитая, сопротивления коммунистам не оказали и, как только те приступили к социалистическим преобразованиям в сфере экономики и политики, стали большими группами переходить в соседний Таиланд, благо для этого требовалось лишь просто пересечь р. Меконг выше или ниже Вьентьяна. По некоторым оценкам, в это время и несколько позже Лаос покинуло примерно 300 тыс. человек, т.е. почти 10% всего населения.

Политическое и социально-экономическое развитие Лаоса после установления в стране власти НРПЛ в 1975 г. на протяжении длительного периода времени находилось на крайне низком уровне, близком к стагнации. Причины этого состояли как в сложном и тяжелом наследии, которое получили новые власти в стране, где боевые действия продолжались с небольшими перерывами почти 30 лет, так и в особенностях социально-экономического курса правящей партии, который был направлен не столько на экономический рост, сколько на обобществление и огосударствление всех сфер экономики, на подчинение любых хозяйствующих структур новым органам власти, на ограничение частной собственности и запрет частной торговли и бизнеса.

Конфискационные меры в отношении собственности мелких и средних предпринимателей, запрет на занятие коммерцией (включая частную торговлю, ремесло, кустарные промыслы), введение государственной трудовой повинности в виде безвозмездных отработок на общественных объектах вызвали развал и без того ослабленной экономики. Практически весь экономически активный слой населения оказался в Таиланде, при этом приток национального частного и иностранного капитала для развития экономики был надолго заморожен. Что касает-

ся помощи со стороны СССР и Вьетнама, на которую очень рассчитывали новые власти, то масштабы этой помощи были явно недостаточны, чтобы решить вопрос ускорения экономического роста.

Развитие главного для страны аграрного сектора экономики также шло очень медленно, ибо в созданных кооперативах у крестьян отсутствовали реальные стимулы к наращиванию производства. В ответ на ограничительные и запретительные меры властей в сфере экономики большого размаха достигла контрабанда, когда сельскохозяйственная продукция из Лаоса незаконно шла в соседний Таиланд в обмен на потребительские товары.

Политическая обстановка, несмотря на присутствие в стране вплоть до конца 1980-х годов частей вьетнамской армии, также оставалась нестабильной. Внутренняя оппозиция была полностью подавлена, однако попытки поставить под контроль властей племена хмонгов (мео) вызвали затяжную войну в горных джунглях, на которую шли и без того небольшие средства государственного бюджета.

В результате действия всех этих факторов и в процессе социалистических преобразований экономика Лаоса не только не росла, но и продолжала деградировать. Страна оставалась одной из наиболее отсталых аграрных окраин, где в большинстве районов господствовала система натурального хозяйства, а сбор риса во многих районах едва обеспечивал прожиточный минимум для крестьянских семей. В сельском хозяйстве было занято 85% населения, которые формально считались кооперированными крестьянами, но на деле продолжали вести свое хозяйство традиционным образом. На сельскую экономику приходилось примерно 85% ВВП, при этом доля промышленности в ВВП была в эти годы даже ниже, чем во время военных действий. Более того, по подушевому обеспечению населения продовольствием индекс потребительских цен в несколько раз превышал показатели 1960-х — начала 1970-х годов. По классификации ООН, Лаос прочно обосновался среди 25 самых слаборазвитых и бедных стран в мире.

Единственным источником реальных накоплений был контроль над контрабандной торговлей, дававшей значительную прибыль ее участникам, среди которых все более важную роль стали постепенно играть чиновники партийного и государственного аппарата.

Тупиковая ситуация, в которой оказался Лаос с его амбициозной программой построения материально-технической базы социализма, была отличительной чертой экономики его главного союзника и покровителя — Вьетнама. Поэтому, когда во Вьетнаме была провозглашена в 1986 г. политика обновления (*дой мой*). Лаос также предпринял некоторые шаги в сторону рыночной экономики. Руководство НРПЛ вслед за «старшим братом» немедленно осудило «перегибы в экономической политике» и основной упор в переменах в сфере экономики сделало на развитие частного предпринимательства, как в промышленности, так и в торговле. Что касается сельской местности, то там неэффективные производственные кооперативы были распущены и крестьяне получили возможность самостоятельного ведения хозяйства.

В рамках новой экономической политики тоталитарный и репрессивный характер власти, характерный для лаосских коммунистов в период после 1975 г., когда они стремились контролировать жизнь буквально каждой крестьянской семьи, постепенно сменился жестким авторитаризмом. В новой системе координат идеологические принципы начали выступать в роли мало что значащих клише, а всеобъемлющий контроль над жизнью простых людей стал для правящей элиты все более второстепенным делом. Власть стала сосредоточиваться на прагматичных, а не на идеологических целях, и это привело к самым неожиданным последствиям. В ходе реформ сменился партийный идеал — вместо близкого к народу бедно одетого и живущего в скромных условиях партийного работника на первый план выдвинулся образ авторитетного и состоятельного человека, который богат, влиятелен, но готов заботиться о народе. Одновременно с этим в партийных органах резко вырос уровень коррупции, ибо в условиях рыночной экономики и частного предпринимательства чиновничья и партийная должность превратилась в источник не только обогащения, но и первоначального накопления. Наконец, внутри партии стали появляться недовольные своим положением, причем они не молчали, а бросали вызов партийному руководству. Особенно острым вопросом, по которому разгорелась подспудная партийная дискуссия, стал вопрос о конституции ЛНДР. С 1975 по 1991 г. ее всё никак не могли принять, и, когда наконец ее основные положения были вынесены на внутривнутрипартийное обсуждение, выяснилось, что группа влиятельных функционеров готова оппонировать руководству партии по вопросу закрепления в конституции руководящей и направляющей роли НРПЛ. Один из этих оппозиционеров — заместитель министра по делам науки и техники ЛНДР Тхонгсук Сасанги обвинил своих коллег и соратников в создании «коммунистической монархии», возглавляемой «династией политбюро партии». Бунт партийных либералов, рассчитывавших подняться к власти на волне критики партийных верхов, к успеху не привел. Они все были сняты со своих постов, оказались под судом, где один из оппозиционеров умер, а другие получили по 14 лет тюремного заключения. Что касается конституции, принятой в ноябре 1991 г., то в ней было четко сказано о руководящей и направляющей роли партии — авангарда лаосского народа.

Нельзя не сказать, что партийный аппарат показал в это время жесткость в борьбе не только с либералами, но и с проявлениями коррупции, особенно когда партийные чиновники отказывались от покровительства центра. Так, например, стоило бывшему министру иностранных дел ЛНДР и руководителю столичной партийной организации, самой крупной в партии, Сисавату Кеобункхану заявить об особой и самостоятельной роли партийцев Вьентьяна в распределении финансовых ресурсов в стране, как он был снят со всех постов и обвинен в пособничестве тайским генералам, которые якобы тайно вкладывали деньги в лаосскую экономику.

Так в условиях поворота от социалистической к капиталистической экономике партийный аппарат и руководство НРПЛ проявили жесткость и показали всем своим оппонентам, что никакого либерализма и всяких там оппозиций они не потерпят. Даже смерть «вечного» руководителя НРПЛ Кейсона Фомвихана

в 1992 г. ничего не изменила в политической линии НРПЛ. Сменивший его Кхамтай Сипхандон, который на чрезвычайном съезде, состоявшемся в ноябре 1992 г., был избран председателем ЦК НРПЛ, в 1993 г. стал премьер-министром, а потом и президентом ЛНДР, оказался еще более жестким политиком, противником любых оппозиций и демократий. Опирался он на партийный и на армейский аппарат, ибо начальником Генерального штаба лаосской армии он был много лет. Армия при нем превратилась в мощную хозяйственную структуру, на откуп которой были отданы большинство лесных концессий.

Жесткий и прагматичный курс партийного руководства сплотил лаосскую элиту, и она без серьезных осложнений прошла опасный период смены моделей экономического развития. Под руководством многоопытных «борцов за народное дело» НРПЛ проделала весь путь, от партии тоталитарной и коммунистической к партии авторитарной, выступающей за либеральную открытую экономику. Только слабость внутренней оппозиции позволила коммунистам сохранить практически без каких-либо изменений всю полноту власти и проводить курс на «твердое, но дозированное проведение реформ», чтобы, как отмечалось в одном из партийных документов, «не ухудшить психологический климат и политическую стабильность в стране». Смысл «твердого, но дозированного проведения реформ» состоял в том, что партийная верхушка фактически превратила либеральное реформирование и приватизацию в предмет обогащения, когда партийные лидеры из неформальных распорядителей собственности превратились в реальных собственников.

Там, где возможные реформы могли подорвать стабильность, или, иначе говоря, угрожали власти НРПЛ, о них даже не упоминали. Плюрализм, многопартийность — все, что могло поколебать незыблемость существующей власти, объявлялось не соответствующим лаосским традициям и реалиям. Реверанс в сторону либеральных свобод в партийных документах этого периода был сделан только в том, что правящий режим объявил себя уже не строителем коммунизма, а защитником демократии, которую он понимал исключительно как «обеспечение прав и интересов граждан и их общественной и личной безопасности».

Реальные и значимые перемены затронули только экономику, когда в 1988–1989 гг. в стране был принят пакет законов о ее либерализации. Смысл новых законов состоял в том, чтобы создать благоприятные условия для инвестиций как для национального, так и для иностранного капитала. Реорганизации подверглась финансово-банковская система, существенно были снижены налоги на вложенный капитал, уменьшены таможенные платежи. Правительство заявило о введении специальных гарантий от национализации. Все эти меры позволили остановить деградацию экономики и несколько улучшить экономическое положение. Внутренний национальный продукт в 1990-х годах возрастал ежегодно на 6–8%, а прирост индекса потребительских цен сократился почти в десять раз. Существенно, особенно в городах, вырос и уровень жизни населения. Немаловажным было и то, что новые законы формировали и новую экономическую реальность, которая открывала возможность формирования общей для всех стран ЮВА экономической модели.

В то же время выход страны на мировые товарные и финансовые рынки усилил ее зависимость от зарубежной помощи, лишней раз подчеркнул узость внутренних источников накопления и налогооблагаемой базы. Слабость и непрочность позитивных перемен в лаосской экономике стала особенно очевидна во время финансово-экономического кризиса, который охватил многие страны Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг. В эти годы на фоне оттока иностранных, и прежде всего тайских, инвестиций в Лаосе резко упало промышленное и сельскохозяйственное производство, обесценилась лаосская валюта. Только жесткий партийный прессинг против всех недовольных и несогласных предотвратил серьезный социально-политический конфликт. Бомбы, которые взрывали в это время во Вьентьяне неизвестные террористы, так и не заставили партийное руководство НРПЛ ослабить пресс своей жесткой власти.

Сегодня Лаос остается одной из беднейших стран планеты. В некотором смысле это «серая зона» в быстро растущей и меняющейся Юго-Восточной Азии. Даже вступление в АСЕАН мало изменило ситуацию внутри и вокруг Лаоса. Страна все так же зависит от получения иностранной помощи, без которой говорить об устойчивом развитии просто не приходится. Общество все так же разделено на относительно богатые равнинные районы, где обитают господствующие лао-лумы, и бедные и беднейшие районы, где проживают мон-кхмерские народы и хмонги и где натуральное хозяйство остается основным жизненным укладом населения. Общая периферийность усиливается сегодня тем, что в геополитическом смысле Лаос практически полностью потерял свое бывшее стратегическое значение одного из узловых центров индокитайских войн. В то же время очевидно, что по мере усиления интеграционных связей Китая и стран ЮВА Лаос станет важным элементом транзитного коридора от китайской провинции Юньнань к берегам Сиамского залива. По крайней мере, в случае реализации крупного регионального проекта «Большой Меконг» такая перспектива может стать реальной.

Глава 33

ВЬЕТНАМ

ВЬЕТНАМ В 1945–1954 гг.

В августе 1945 г. во Вьетнаме победила национальная народно-демократическая революция (Августовская), которая привела к установлению в стране демократического строя. Созданная в 1930 г., Коммунистическая партия Индокитая в течение 15 лет вела народ к этой победе. До августа 1945 г. революция во Вьетнаме прошла несколько этапов. Главными из них были борьба за создание советов в провинциях Нгеан и Хатинь в 1930–1931 гг. под лозунгами «национальная независимость» и «земля тем, кто ее обрабатывает», а также движение за создание Демократического фронта Индокитая (1936–1939).

В годы Второй мировой войны, когда Вьетнам был оккупирован Японией, острое национально-освободительной борьбы было направлено как против Японии, так и против Франции, которая не сдавала своих позиций в Индокитае. В 1941 г. по инициативе компартии был образован широкий единый национальный фронт Вьетнама — Вьетминь, объединивший разные слои борцов за независимость страны.

13 августа 1945 г. II партийная конференция в Танчао приняла решение о начале всеобщего вооруженного восстания, а 16 августа собрался Вьетнамский конгресс народных представителей, который утвердил решение о восстании и избрал Комитет национального освобождения Вьетнама с функциями Временного правительства во главе с Хо Ши Мином.

Победы Советской Армии и союзников над немецким фашизмом и милитаристской Японией объективно создали обстановку, когда стало возможным успешное качественное изменение в длительном процессе вьетнамской революции — победа революционной власти во всей стране.

19 августа восстание победило в Ханое, 23 августа — в Хюэ, а 25 августа был освобожден Сайгон. Победа в этих трех больших городах означала решающий успех Августовской революции.

Декларация независимости, с которой президент Хо Ши Мин обратился к народу 2 сентября 1945 г., возвестила всему миру о рождении Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Перед народной властью встали огромные задачи по сохранению и закреплению завоеванной независимости, сохранению единства страны и построению нового государства. Среди задач, выдвинутых Временным правительством Хо Ши Мина уже 3 сентября 1945 г. в качестве программы революции, на первый план выдвигались меры по ликвидации тяжёлого колониального наследия Франции и пятилетней оккупации страны милитаристской Японией.

В числе первоочередных были названы увеличение производства, борьба с голодом, а также реализация права народа на демократию в форме всеобщих выборов.

Большое внимание уделялось развитию культуры, просвещения, здравоохранения и в особенности ликвидации неграмотности. К концу 1946 г. более двух миллионов человек научились читать и писать. Было принято решение об организации всеобщих выборов в Национальное собрание, которые прошли 6 января 1946 г.

9 ноября 1946 г. Национальное собрание приняло первую конституцию ДРВ, провозгласившую демократические права народа, равноправие мужчин и женщин, а также равноправие всех национальностей. Конституция утверждала единство страны от Севера до Юга, а также право вьетнамского народа быть ее хозяином.

Принципиальным событием этого периода было создание Национального союза народа Вьетнама (Льенвьет), социальная база которого была более значительной, чем у его предшественника — фронта Вьетминь. За полгода до этого в ноябре 1945 г. компартия объявила о своем «добровольном роспуске». На самом деле она временно ушла в подполье, откуда продолжала руководить народом, укрепляла и расширяла свои ряды. Этот тактический шаг был продиктован необходимостью расширения национальной базы новой власти. Он также лишил ее противников возможности использовать в их борьбе антикоммунизм.

Международный фон после 1945 г. складывался крайне неблагоприятно для ДРВ.

Специфика начального периода народно-демократического строя во Вьетнаме определялась тем, что этот строй существовал в условиях многонациональной оккупации: южная часть страны до 16-й параллели была оккупирована английскими войсками, к которым вскоре присоединились и французские силы. Северную половину Вьетнама наводняли чанкайшистские войска.

Такая ситуация сложилась в соответствии с решениями Потсдамской конференции 1945 г., по которым США и Великобритания должны были осуществлять разоружение японских войск, причем территория от 8-й до 16-й параллели была в ведении англичан, а севернее 16-й параллели — американцев. Однако США перепоручили задачу разоружения японцев Чан Кайши, войска которого заняли Северный Вьетнам и по существу стали опорой контрреволюции, стремившейся ликвидировать народно-демократическое государство.

На юге страны, где уже 6 сентября 1945 г. в соответствии с Потсдамскими договоренностями в Сайгоне высадилась первая группа английских солдат, английское командование заявило, что не признает правительство ДРВ и местные органы власти, и потребовало разоружения подразделений Освободительной армии Вьетнама. Более того, Великобритания помогла возвращению в Южный Вьетнам частей французского экспедиционного корпуса, которые в ночь с 22 на 23 сентября обрушили удары на органы народной власти в Сайгоне. На севере Франция при попустительстве Чан Кайши, который захватил значительную часть Северного Вьетнама, включая Ханой, направила из китайской провинции Юньнань свои войска и захватила вьетнамскую провинцию Лайтяу. Англия, желая поме-

шать США расширить влияние в ЮВА и удержать оставшиеся колонии, помогала Франции в ее попытках вернуть Вьетнам, Камбоджу и Лаос. Впервые в истории на земле Вьетнама оказалось одновременно так много оккупантов.

В итоге Вьетнам и в целом Индокитай стали местом сосредоточения и подчас столкновения интересов западных держав. Вьетнамская революция должна была противостоять сразу нескольким мощным противникам, оказавшись в чрезвычайно сложных геополитических условиях.

Понимая, что в «освободительной борьбе необходимо искать любых союзников, будь то союзники временные, колеблющиеся или союзники на определенных условиях», руководство ДРВ какое-то время в 1945 г. прагматично делало ставку на США, как возможного союзника в национально-освободительной борьбе, тем более что США, признав суверенитет Франции над Индокитаем, продолжали делать благодушные заявления о праве народов колоний на самоопределение. Поэтому одной из ранних дипломатических инициатив Хо Ши Мина было обращение к США с просьбой поддержать независимость Вьетнама.

Однако очень скоро администрация президента Трумэна отказалась от прежней антиколониальной риторики Ф. Рузвельта и перешла к активному противодействию «революционному очагу в ЮВА», о чем писал государственный секретарь Дж. Маршалл: «Мы в то же время не теряем из вида, что Хо Ши Мин имеет прямые связи с коммунистами, и вполне очевидно, что мы не заинтересованы в том, чтобы администрация колониальной империи была заменена философией и организацией, руководимой Кремлем».

Новая американская доктрина сдерживания коммунистического влияния в мире связывала успехи Вьетмина во Вьетнаме с начальным этапом холодной войны в Юго-Восточной Азии.

В феврале 1946 г. Франция и Китай с согласия США подписали в Чунцине соглашение, согласно которому Франция до 31 марта 1946 г. должна была заменить китайские войска в Северном Индокитае. Это соглашение давало возможность французам, уже закрепившимся на Юге, оккупировать Северный Вьетнам. Китай получал многочисленные привилегии во Вьетнаме, в том числе право свободного провоза товаров через Северный Вьетнам в Южный Китай. «свободную зону» в Хайфоне и широкие права для китайцев, проживающих во Вьетнаме.

Соглашение между Чан Кайши и Францией от 28 февраля 1946 г. поставило ДРВ в очень сложное положение. Чтобы решить главную проблему в первые месяцы существования ДРВ — сохранение революционной власти, — было принято решение добиться мира с Францией, пойти на уступки, пойти компромисс, выиграть время для решительной борьбы с колонизаторами. В итоге 6 марта 1946 г. правительство ДРВ в Ханое подписало предварительное соглашение с Францией, в соответствии с которым Франция признавала Демократическую Республику Вьетнам свободным государством со своей армией, парламентом, финансами. ДРВ признавала военное присутствие Франции (15 тыс. солдат) вместо армии Чан Кайши сроком на пять лет при условии ежегодного вывоза из страны определенной части этого контингента. В отношении статуса Южного Вьетнама (Кохинхины, или Намбо) было решено провести референдум для определения

его будущего. По сути дела, речь шла о сохранении единства страны, на чем настаивал Хо Ши Мин и его соратники.

Этот компромиссный политический шаг, на который пошла молодая вьетнамская власть, был вызван прежде всего неблагоприятной международной обстановкой, когда США, Китай и Великобритания были на стороне Франции. Называя соглашение «заключением мира во имя продвижения вперед», ДРВ пошла на это, чтобы сбросить силы, получить передышку для консолидации завоеванных позиций — одним словом, лучше подготовиться к новой революционной фазе борьбы. Франция между тем была уверена, что у молодого вьетнамского государства не хватило ни материальных, ни военных средств, чтобы противостоять ее военной мощи.

Ставя целью для начала отделить юг страны (Намбо) от остальной территории, французы сколотили марионеточное правительство «Автономной республики Кохинхины» (Намки), осуществляли военное и политическое давление на ДРВ. Ведущиеся на этом фоне франко-вьетнамские переговоры в Далате (апрель–май 1946 г.) не могли дать никаких позитивных результатов, кроме фиксации разных подходов сторон.

Вьетнамская сторона отстаивала государственный суверенитет и территориальную целостность, а Франция вела дело к восстановлению колониальной системы в Индокитае.

Руководители ДРВ продолжали искать пути предотвратить или отсрочить вооруженную конфронтацию. В сентябре 1946 г. в предместье Парижа Фонтенбло между Францией и ДРВ было подписано еще одно соглашение — о временном *modus vivendi*. Переговоры с французами продолжались вплоть до декабря 1946 г., когда стало окончательно ясно, что Франция не уйдет из Вьетнама без войны. Расценив все уступки народной власти как проявление слабости, Франция продолжала курс на войну. 20 ноября 1946 г. французы обстреляли и оккупировали Хайфон и Лангшон; тысячи французских солдат высадились в Дананге.

Затем они предъявили ультиматум с требованием разоружить отряды самообороны в Ханое, отказавшись вести всякие дальнейшие переговоры с вьетнамской стороной. Потеряли силу все вьетнамско-французские соглашения, подписанные с марта по сентябрь 1946 г., и страна вновь оказалась перед выбором: согласиться с ультиматумом Франции и вернуться в колониальное прошлое или бороться и отстаивать свою независимость и свободу.

Никак не изменило положение обращение в декабре 1946 г. Хо Ши Мина и зам. министра иностранных дел Хоанг Минь Зяма к США с просьбой поддержать Вьетнам в его стремлении сохранить независимость. 18 и 19 декабря 1946 г. в Ванфуке (пров. Хадонг) под председательством Хо Ши Мина состоялось расширенное заседание Постоянного бюро ЦК партии, которое приняло решение развернуть по всей стране войну сопротивления и определило основные направления борьбы.

20 декабря президент Хо Ши Мин призвал всю страну к войне сопротивления, и с этого момента кончилось время компромиссов и уступок, началась суровая война, в ходе которой не ставилась задача удержания какой-либо территории,

а делалась ставка на истребление живой силы противника. Затяжной партизанский характер определялся общей стратегической установкой на всенародную, всестороннюю, длительную войну при опоре на собственные силы.

Длительная война сопротивления вьетнамского народа прошла через три этапа: обороны, активного сопротивления и всеобщего конгрнагупления. Основной ее силой были различные формы воинских формирований трех категорий: регулярная армия, местные войска, отряды народных ополченцев и партизан. При этом основные отряды вьетнамских войск ушли из городов и провинциальных центров, осуществляя установку на сохранение действующей армии для ведения длительной войны сопротивления.

Повсюду население, следуя тактике «заброшенный сад, пустой дом», уходило в джунгли, уничтожая объекты, которые могли оказаться в руках противника, создавались сражающиеся деревни. Между тем острие военных замыслов французского командования было направлено на основную базу сопротивления вьетнамского народа, расположенную на севере — в джунглях и горах Вьетбака. Туда было направлено 12 тыс. солдат экспедиционного корпуса, в том числе три авиадесанта, выброшенные в октябре 1947 г. Вначале успех сопутствовал оккупантам, но уже очень скоро армия ДРВ показала, что она в состоянии не только противостоять противнику, но и брать инициативу в свои руки, и после сражения во Вьетбаке военная обстановка постепенно стала изменяться в пользу вьетнамцев.

Война стала приобретать затяжной характер. На этом этапе Франция стремилась «воевать против вьетнамцев руками самих же вьетнамцев». После поражения во Вьетбаке французы изменили стратегию. С 1948 г. они отказались от расширения оккупированных районов, прекратили наступление на Бакбо и перешли к укреплению Намбо, созданию там марионеточной администрации, наращиванию численности ее армии, осуществляя политику «питать войну войной, использовать вьетнамцев для борьбы против вьетнамцев», пытались получить помощь от США. Особую ставку французы делали на свергнутого в 1945 г. императора Бао Дая, в котором видели харизматическую личность, способную объединить против Хо Ши Мина не только различные националистические и прозападные группировки вьетнамской буржуазии и помещиков, но и определенную часть крестьянства, традиционно отождествлявшего монарха с образом «отца нации».

В марте 1949 г. после длительных переговоров было заключено соглашение между Бао Даем и президентом Франции В. Ориолем о признании «независимости Вьетнама в рамках Французского союза». 21 января 1950 г. Национальное собрание Франции одобрило соглашение Ориоль–Бао Дай о создании Государства Вьетнам, которому к 1950 г. удалось сколотить армию в 122 тыс. человек. Однако именно в этот период наметился постепенный переход сил сопротивления к овладению оперативно-тактической инициативой.

В начале 1950-х годов как итог многих лет войны сопротивления стала очевидной международная поддержка борьбы вьетнамского народа, значительно вырос авторитет ДРВ в мире. В ответ на обращение президента Хо Ши Мина о готовности установить дипломатические отношения со всеми государствами на

основе равноправия и взаимного уважения КНР, СССР, другие социалистические страны заявили об установлении отношений с ДРВ.

Уже в сентябре 1950 г. было принято решение о начале широкой военной операции в районе вьетнамо-китайской границы с целью прорыва блокады и открытия коридора для непосредственной связи с КНР, откуда должна была идти жизненно важная помощь от социалистических стран, прежде всего из самого Китая.

Как бы в ответ в феврале 1950 г. США и Англия признали правительство Бао Дая во Вьетнаме, а в мае 1950 г. Вашингтон выделил 10 млн. долл. на оказание помощи Франции в ее военных действиях в Индокитае. В сентябре 1950 г. США подписали с Францией и «присоединившимися государствами» Индокитая договор об «американском участии в обороне Индокитая», согласно которому США могли оказывать помощь Бао Даю непосредственно.

Изменения в международной обстановке в пользу ДРВ и ее очевидные успехи на фронтах сопротивления сказались и на деятельности компартии, которая с ноября 1945 г. находилась на положении нелегального руководителя в течение пяти с лишним лет. Начиная со II съезда (февраль 1951 г.) Коммунистическая партия Индокитая, переименованная в Партию трудящихся Вьетнама (ПТВ), вновь стала действовать легально как официальный, признанный лидер вьетнамского народа.

В марте 1951 г. произошло слияние фронтов Вьетминя и Льенвьета в единую общенародную организацию — Фронт Льенвьет, объединившую более 10 млн. человек.

Между тем, обеспокоенные успехами ДРВ на фронтах войны и ростом ее авторитета в мире, США с 1950 г. начали прямое вмешательство в индокитайскую войну на стороне Франции. К 1953 г. американское участие в войне было настолько велико, что назначенный в мае 1953 г. глава французского командования в Индокитае французский генерал Наварр разработал план разгрома вооруженных сил ДРВ в течение 18 месяцев, рассчитанный исключительно на все возрастающую материально-техническую помощь со стороны США. Однако предусмотренный «планом Наварра» разгром вьетнамского сопротивления закончился полной неудачей. В ходе операции под Дьенбьенфу в мае 1954 г. Вьетнамская народная армия одержала историческую победу над Францией, завершившую девятилетнюю войну сопротивления против французских колонизаторов. Женевское совещание, открывшееся в апреле 1954 г. для рассмотрения наряду с вопросом о мирном урегулировании в Корее вопроса о прекращении войны в Индокитае, уже 8 мая, ровно через сутки после падения Дьенбьенфу, приступило к обсуждению проблемы восстановления мира в Индокитае. В ночь с 20 на 21 июля были подписаны соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже и принята заключительная декларация Женевского совещания.

Соглашения по Вьетнаму предусматривали в течение 300 дней произвести перегруппировку и отведение сил воюющих армий в две зоны страны — северную и южную, разграниченные 17-й параллелью в качестве демаркационной линии, но ни в коем случае не в качестве государственной границы. Не позднее июля

1956 г. предусматривалось проведение всеобщих и свободных выборов, которые должны были привести к формированию единого правительства Вьетнама. До воссоединения страны обе ее зоны не должны были вступать ни в какой военный блок, допускать создание иностранных военных баз на своей территории, ввод нового военного персонала и ввоз вооружений. Таким образом, после девяти лет войны Франция была вынуждена признать полный крах ее попытки вновь завоевать Вьетнам.

Женевские соглашения были крупной победой вьетнамского национально-освободительного движения.

Впервые в истории международное совещание с участием великих держав признало коренные национальные права Вьетнама на независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность. Вместе с тем результаты Женевских соглашений оказались не адекватны военным победам ДРВ над Францией, не все требования вьетнамской стороны были удовлетворены. Однако опыт Женевы оказался чрезвычайно полезным в последующей борьбе уже с новым противником — США, и уроки Женевы были учтены вьетнамской стороной в ходе дипломатической борьбы во время войны с США, в частности в ходе успешного для ДРВ Парижского совещания 1973 г., ставшего прологом окончательной победы ДРВ в 1975 г.

БОРЬБА ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ И ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ СТРАНЫ (1954–1975)

В соответствии с Женевскими соглашениями 1954 г. страна была разделена демаркационной линией по 17-й параллели. На севере была провозглашена независимость ДРВ, и там начались социалистические преобразования. В южной части страны, названной Республикой Вьетнам, был взят курс на капиталистический путь развития при значительной финансовой помощи США и других западных стран.

1954–1955 годы стали временем острого франко-американского соперничества за влияние в этой части Вьетнама. В этой борьбе Франция опиралась на буддийские круги, часть католиков, профранцузскую интеллигенцию, императора Бао Дая и помещиков. Опорой США стала южновьетнамская буржуазия, интересы которой выражал Нго Динь Зьем, получивший в июле 1954 г. пост премьер-министра.

Между США и Францией была достигнута договоренность о выводе французских войск из Вьетнама, при этом США взяли на себя ответственность за сохранение юга страны в сфере западного влияния. Более того, США — с согласия французского правительства — сделали ставку на укрепление Южного Вьетнама как бастиона борьбы против коммунизма в Индокитае, превращение его в политическую и военную базу для установления своего господства в ЮВА. В 1954 г. в Южном Вьетнаме был создан проамериканский неоколониалистский режим.

С 1955 г. США стали оказывать регулярную помощь Южному Вьетнаму. Многочисленные американские советники довольно быстро сосредоточили в своих руках руководство практически всей деятельностью сайгонского режима — от подготовки конституции и обучения армии и полиции до разработки учебных программ для школ и высших учебных заведений.

В 1955 г., после проведения в Южном Вьетнаме референдума, упразднившего монархию, Нго Динь Зьем стал президентом Республики Вьетнам, установив в ней диктаторский режим, следствием чего стал глубокий социальный конфликт: между католиками, захватившими ключевые посты в правительстве и в администрации городов, и буддийским населением в сельской местности, а также — одновременно — между коммунистами и правительственными силами.

Правительство Нго Динь Зьема отказалось соблюдать Женевские соглашения и сорвало проведение в 1956 г. общевьетнамских выборов. А уже с 1959 г. в Южном Вьетнаме, прежде всего в сельских районах, началась вооруженная антиправительственная борьба коммунистических и других патриотических групп, пользовавшихся поддержкой ДРВ.

СТРОИТЕЛЬСТВО ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА В СЕВЕРНОМ ВЬЕТНАМЕ (1954–1965)

После восстановления мира ПТВ в своих программных документах сформулировала конкретные задачи дальнейшего развития ДРВ на 1954–1958 гг., в том числе переход к социалистической революции, минуя стадию капиталистического развития, и продолжение курса на мирное объединение страны в духе Женевских соглашений. В мае 1955 г. была завершена перегруппировка вооруженных сил ДРВ к северу от 17-й параллели.

Основным препятствием для дальнейшего развития ДРВ была отсталая экономика, тяжелое состояние которой усугубилось многолетней разрушительной войной. Особенно острой была ситуация в сельском хозяйстве. Во вновь освобожденных районах более 1 млн. человек жили на грани голода. Большинство промышленных предприятий не работало, а доля современной промышленности в 1954 г. составляла лишь 1,5% валового национального продукта. Тем не менее многие задачи восстановления экономики на севере страны были решены уже в 1956–1957 гг.: валовая продукция промышленности и сельского хозяйства приблизилась к уровню 1939 г.

В завершающий этап вступила аграрная реформа: намечалось при опоре на бедняков и батраков, в единстве с середняками, в союзе с кулаками постепенно и дифференцированно ликвидировать феодальную собственность на землю. К концу 1956 г. на всей территории Северного Вьетнама (за исключением горных районов) реформа была практически завершена. В ходе аграрной реформы у помещиков было изъято свыше 800 тыс. га земли, которые потом были бесплатно переданы в пользование более 2 млн. крестьянских семей, а сами помещики как класс были в основном ликвидированы.

Несмотря на серьезные ошибки, допущенные в ходе ее реализации, аграрная реформа дала существенный толчок развитию сельского хозяйства ДРВ. За годы ее осуществления площади обрабатываемых земель в стране увеличились на 24%, урожайность — на 36%, производство продовольствия на душу населения — на 43%.

В целом экономика ДРВ оставалась многоукладной, ее основную часть составляло единоличное хозяйство крестьян и ремесленников, мелких торговцев и предпринимателей. В этих условиях был выдвинут курс на проведение в стране глубоких социалистических преобразований, конкретизированный в трехлетнем плане развития и преобразования экономики и культуры (1958-1960). В 1959 г. в качестве основных задач развития страны были определены кооперирование сельского хозяйства и преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли.

К концу 1960 г. в основном были завершены преобразования в деревнях Северного Вьетнама. Около 86% крестьянских хозяйств (владеющих 68% общей земельной площади) были объединены в сельскохозяйственные кооперативы. Также была проведена кооперация среди кустарей, ремесленников и мелких торговцев: около 87% ремесленников и более 45% мелких торговцев вступили в разного рода кооперативы.

Частнокапиталистические предприятия были национализированы или преобразованы в государственно-частные. Был создан государственный сектор экономики, включающий промышленность, внешнюю и внутреннюю торговлю, сельское и лесное хозяйство. Появились новые для Вьетнама отрасли промышленности (металлургическая, машиностроительная и др.), в основном были восстановлены разрушенные во время войны железные дороги и гидротехнические сооружения.

Большую помощь в восстановлении экономики и строительстве нового общества ДРВ получала от СССР и других социалистических стран. В 1955 г. правительство СССР выделило 400 млн. рублей в качестве помощи для восстановления экономики ДРВ, тогда же было подписано и первое торговое соглашение между двумя странами. Всего в 1955–1959 гг. при содействии СССР в ДРВ были построены и введены в эксплуатацию 45 промышленных предприятий и объектов, в том числе и первенец вьетнамского машиностроения — Ханойский механический завод.

Хотя к концу 1960 г. в ДРВ насчитывалось более тысячи предприятий, доля современной промышленности не превышала 17%. В целом ДРВ продолжала оставаться отсталой аграрной страной.

К концу выполнения трехлетнего плана в ДРВ была ликвидирована неграмотность среди большинства населения. Более чем в четыре раза выросло число учащихся в общеобразовательных школах страны по сравнению с колониальным периодом. Изменения, происшедшие в ДРВ после 1954 г., были закреплены в новой конституции страны, принятой Национальным собранием 31 декабря 1959 г. А уже в мае 1960 г. состоялись выборы в Национальное собрание очередного созыва. На его сессии, состоявшейся в июле 1960 г., президентом был вновь избран Хо Ши Мин.

В сентябре 1960 г. состоялся III съезд Партии трудящихся Вьетнама, который определил основные политические задачи, наметил генеральную линию экономического развития ДРВ и главные цели первого пятилетнего плана (1960–1965), направленного на построение материально-технической базы социализма.

По оценке съезда, после восстановления мира в 1954 г. вьетнамская революция вступила в новый этап: на Севере начался переходный период к социализму, а на Юге продолжала разворачиваться «национальная народно-демократическая революция». В соответствии с этой оценкой в резолюции съезда были сформулированы следующие две задачи: осуществление социалистической революции в ДРВ и освобождение Южного Вьетнама от американского господства и объединение страны.

Съезд решил обеспечивать преимущественное развитие тяжелой индустрии и наряду с этим большие усилия направлять на развитие сельского хозяйства и легкой промышленности. В 1961–1964 гг. проводилась кампания по завершению социалистических преобразований, усовершенствованию организации и управления деятельностью социалистических предприятий, в первую очередь кооперативов высшего типа, доля которых к концу пятилетки составила 80%.

Максимальное использование внутренних резервов и помощи социалистических стран позволило за короткое время создать в ДРВ ряд новых отраслей тяжелой промышленности, коренным образом переоснастить и расширить имевшиеся ранее. Были введены в строй новые электростанции, заново создана химическая промышленность, восстановлена и технически перевооружена горно-добывающая промышленность. Началось строительство таких крупных промышленных объектов, как металлургический комбинат в Тхайнгуене и ГЭС в Тхакба. Также строились предприятия местной промышленности, на которых применялся главным образом полумеханизированный и ручной труд. В сельском хозяйстве основные усилия были сосредоточены на решении продовольственной проблемы, расширении производства продовольственных культур и развитии животноводства.

За десять лет мирного строительства (1954–1964) доля промышленного производства в народном хозяйстве выросла с 17 до 53%, насчитывалось около 1 тыс. крупных предприятий, в том числе 217 относительно крупных. Объем промышленного производства в 1964 г. превысил уровень 1954 г. более чем в восемь раз, а объем сельскохозяйственной продукции — на 60%. К этому времени ДРВ уже обеспечивала себя основными продуктами питания и на 90% удовлетворяла свои нужды в товарах широкого потребления.

ПРОАМЕРИКАНСКИЙ МАРИОНЕТОЧНЫЙ РЕЖИМ И ВОЙНА В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ (1959–1965)

В конце 1959 г. национально-освободительные силы Южного Вьетнама перешли к наступательным действиям. В освобожденных зонах стали создаваться комитеты народного самоуправления, беднейшим слоям крестьян передавались земли, конфискованные у наиболее реакционных помещиков.

20 декабря 1960 г. в провинции Бенче на конгрессе патристических сил Южного Вьетнама был образован Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ). Его цель — объединение всех слоев населения южновьетнамского общества, всех национальностей и этнических групп, политических партий, религиозных организаций и общин в совместной борьбе против американских агрессоров и их марионеток, за достижение независимости, мира и нейтралитета, переход к мирному объединению Вьетнама. Председателем Президиума ЦК НФОЮВ был избран сайгонский адвокат Нгуен Хыу Тхо, фактически руководящей и направляющей силой Фронта была ПТВ. В феврале 1961 г. была создана Армия освобождения Южного Вьетнама (АОЮВ). Помимо регулярных частей и подразделений в освобожденных районах создавались территориальные войска, в местах, контролируемых сайгонской армией, действовали партизанские отряды, в деревнях освобожденных районов формировались отряды самообороны.

С образованием НФОЮВ реально сложился единый политический блок вьетнамского народа на севере и на юге страны, противостоящий альянсу США и южновьетнамского режима и объединенный общей целью — воссоединением Вьетнама на демократических независимых началах.

В соответствии с провозглашенной в 1961 г. политикой «новых рубежей» в США была разработана программа «умиротворения» Южного Вьетнама, которая предусматривала расширение карательных операций против сил национального освобождения, осуществление некоторых ограниченных социально-экономических реформ. В апреле 1961 г. США и Республика Вьетнам подписали Договор о дружбе и экономических отношениях, предоставивший широкие возможности для проникновения в Южный Вьетнам. Позднее был подписан еще один совместный документ — декларация, позволившая южновьетнамскому режиму получать военную помощь от американцев и фактически положившая начало «особой войне» США во Вьетнаме.

В соответствии с принятым планом Стейли Тэйлора, предусматривавшим «умиротворение» Южного Вьетнама к концу 1962 г., роль ударной силы при проведении военных действий отводилась сайгонской марионеточной армии под командованием американских советников и при участии спецвойск США. Численность американских советников в Южном Вьетнаме в 1962 г. составила более 6 тыс. человек, а в 1963 г. — уже 18 тыс.

Одной из главных задач плана Стейли–Тэйлора (и соответственно программы «особой войны») было создание в Южном Вьетнаме «стратегических деревень», призванных решить одновременно три следующие задачи: в качестве опорных пунктов противостоять действиям народных вооруженных сил сопротивления, способствовать укреплению позиций марионеточной власти на местах, содействовать проведению некоторых реформ с целью привлечения крестьянства на сторону сайгонского правительства. Предполагалось к концу 1962 г. организовать более 16 тыс. «стратегических деревень», на что было затрачено 40 млн. долл. Создание этих деревень сопровождалось проведением карательных операций с насильственным переселением жителей.

Силы АОЮВ и население Южного Вьетнама оказали решительное сопротивление практике создания «стратегических деревень». В результате их активных действий к середине 1962 г. сайгонское правительство было вынуждено втрое сократить эту программу, а к ноябрю 1962 г. американское военно-политическое руководство признало ее провал.

В 1963–1964 гг. войска АОЮВ провели ряд успешных операций в дельте Меконга и на Центральном плато, и к лету 1964 г. они контролировали более двух третей территории Южного Вьетнама, где проживало около половины населения страны.

В южновьетнамском обществе ширилось недовольство диктатурой Нго Динь Зьема и его семейного клана. В мае 1963 г. разразился так называемый буддийский кризис, который был порожден многолетней дискриминацией буддийской церкви (представляющей большинство населения Южного Вьетнама) со стороны католического клана Нго Динь Зьема. 8 мая 1963 г. власти расстреляли многотысячную демонстрацию буддистов в Хюэ, провели массовые аресты. Протестом против этих акций правительства стали самоожжение буддистов, массовые голодовки.

1 ноября 1963 г. в результате переворота, совершенного группой южновьетнамских офицеров (находившихся в тесном контакте с ЦРУ и посольством США в Сайгоне), были убиты Нго Динь Зьем и его брат, а вся законодательная и исполнительная власть перешла к группе генералов во главе с Зыонг Ван Минем.

С ростом авторитета НФОЮВ в его ряды вступали представители все более широких слоев сельского населения Южного Вьетнама. В январе 1965 г. состоялся второй съезд НФОЮВ, председателем которого вновь был избран Нгуен Хыу Тхо, генеральным секретарем — архитектор Хюинь Тан Фат. На съезде были намечены новые задачи военного, политического и дипломатического наступления на противника. В 1965 г. уже десятки стран, международных и национальных организаций заявили о поддержке деятельности НФОЮВ и его программных документов.

ДРВ — ФОРПОСТ БОРЬБЫ ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ, ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ВЬЕТНАМА (1965–1968)

В июле–августе 1964 г. корабли 7-го флота США неоднократно вторгались в территориальные воды ДРВ, результатом чего стал так называемый Тонкинский инцидент, за которым последовали бомбардировки американскими самолетами военных и промышленных объектов, населенных пунктов на побережье ДРВ. Принятая американским конгрессом «Тонкинская резолюция» предоставляла президенту США право неограниченного использования американских вооруженных сил в качестве «мер воздействия» во Вьетнаме для «ответных ударов».

Планами американских военных стратегов предусматривалось изолировать АОЮВ от ДРВ, Лаоса, Камбоджи и создать условия для ее разгрома, начать против ДРВ воздушную войну, нанести массированные воздушные удары по объектам в Южном Вьетнаме, по освобожденным районам Лаоса, а силами 7-го флота

США блокировать побережье Вьетнама и воспрепятствовать переброске морем войск и средств из ДРВ в Южный Вьетнам.

С февраля 1965 г. началась необъявленная война США против ДРВ. С середины 1966 г., когда объектами атак американской авиации стали крупнейшие города страны Ханой и Хайфон, воздушная война США охватила всю территорию ДРВ.

Нападениям авиации США подвергались не только военные объекты и системы коммуникаций, но и промышленные предприятия, сельскохозяйственные кооперативы, ирригационные сооружения, населенные пункты. Всего за всю войну (1964–1973) над территорией ДРВ было совершено свыше 2 млн. самолетов-вылетов, сброшено 7,7 млн. т бомб, разрушены многие предприятия и все электростанции, выведены из севооборота сотни тысяч гектаров земли, убиты десятки тысяч голов крупного рогатого скота и т.д.

На пленумах ЦК ПТВ (март, декабрь 1965 г.) были намечены конкретные мероприятия по отражению агрессии США как на севере, так и на юге страны, выдвинут курс на мобилизацию всех сил и ресурсов ДРВ, введение новых методов управления народным хозяйством в соответствии с условиями военного времени и с целью его полного перевода на обслуживание нужд фронта.

В сжатые сроки ДРВ превратилась в действенный военный механизм, объединяющий фронт и тыл. Перед жителями страны была поставлена задача: осуществлять производство и вести борьбу против вражеской агрессии на Севере, а также одновременно помогать революции на Юге.

Были приняты меры для увеличения и укрепления оборонного потенциала. Благодаря помощи СССР и других социалистических стран Вьетнамская народная армия была в кратчайшие сроки оснащена самыми современными видами оружия и техники. В 1965 г. там были созданы новые рода войск — воздушные и ракетные, по всей стране организовывались отряды самообороны.

Для сохранения экономического потенциала ДРВ из городов были эвакуированы и рассредоточены в сельских и горных районах, в джунглях промышленные объекты, учреждения, вузы, школы, люди. Эвакуированные предприятия и учреждения ускоренными темпами налаживали свою деятельность в местах рассредоточения. Был взят курс на то, чтобы каждая северовьетнамская провинция в экономическом плане превратилась в автономное самообеспечивающееся подразделение, способное функционировать в условиях длительной разрушительной войны.

Народное хозяйство по-прежнему оставалось аграрным с преобладанием мелкотоварного производства, поэтому преимущественное развитие в ДРВ в этот период получила местная экономика. Основное внимание в ее структуре, как и в масштабах всего народного хозяйства, уделялось сельскохозяйственному производству. Несмотря на воздушную войну, был продолжен курс на всемерное развитие промышленности, и прежде всего на усиленное развитие местной промышленности с упором на создание мелких предприятий. ДРВ с первых дней войны принимала необходимые меры для поисков мирных путей решения вьетнамского вопроса, чтобы найти выход из конфликта путем переговоров с амери-

канской стороной, до сведения которой были доведены четкие и обоснованные условия таких переговоров — безоговорочное прекращение всех актов войны со стороны США против ДРВ.

31 марта 1968 г. в Вашингтоне было объявлено о прекращении бомбардировок территории ДРВ к северу от 20-й параллели и о готовности американской стороны начать дипломатические встречи с представителями ДРВ.

ДРВ НА ЭТАПЕ БОРЬБЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА (1969–1972)

3 сентября 1969 г. скончался президент ДРВ Хо Ши Мин. 23 сентября 1969 г. на сессии Национального собрания новым президентом страны был избран ветеран партии Тон Дык Тханг.

Основные усилия в этот период были направлены на восстановление экономики, особое внимание уделялось сельскому хозяйству. Значительными темпами шли восстановительные работы, в первую очередь восстанавливались транспортные коммуникации. Началось возвращение из эвакуации ряда предприятий и учреждений, хотя большинство крупных предприятий по-прежнему было рассредоточено. Восстанавливались и строились заново важнейшие предприятия, имевшие также и оборонное значение (энергетические, по производству строительных материалов и г.д.). Так, возобновили добычу карьеры Хонгайского бассейна, был восстановлен Хайфонский цементный завод, снова дали ток многие разрушенные в 1965–1968 гг. электростанции. В мае 1971 г. была пущена первая очередь самой крупной в ДРВ ГЭС Тхакба, строившейся с помощью СССР.

ПТВ и правительство ДРВ, воспользовавшись мирной передышкой, выдвинули задачу быстрого восстановления и развития народного хозяйства при одновременном укреплении обороноспособности страны и оказании всемерной помощи борьбе населения Южного Вьетнама.

За три года (1969–1971) трудящиеся ДРВ восстановили большинство промышленных предприятий. Быстрыми темпами росло производство угля, электроэнергии, строительных материалов, продукции машиностроения. Нормализовалась работа транспорта, улучшилось снабжение товарами народного потребления. В сельском хозяйстве продолжалась борьба за повышение производительности труда и развитие животноводства. В 1971 г. было произведено 5 млн. т риса, что превысило среднегодовой уровень в предыдущие годы.

Важное значение для активизации борьбы против американской агрессии на Индокитайском полуострове имело в этот период усиление боевого союза народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Прошедший в начале апреля 1972 г. XX пленум ЦК ПТВ дал высокую оценку боевой солидарности народов Индокитая в их совместной борьбе против общего врага, подчеркнул необходимость еще более тесного взаимодействия для окончательного срыва военных планов США.

В апреле–мае 1969 г. силы АОЮВ осуществили новое наступление по всей территории Южного Вьетнама, в ходе которого под контроль НФОЮВ перешли

некоторые районные и провинциальные центры и даже пригороды крупных городов. Всего под контролем южновьетнамских патриотов в 1969 г. находилось $\frac{4}{5}$ территории Юга с населением 11 млн. человек. В июне 1969 г. на конгрессе представителей Южного Вьетнама было провозглашено создание Республики Южный Вьетнам (РЮВ). Было сформировано Временное революционное правительство (ВРП) во главе с Хюинь Тан Фатом.

Выдвинутая США программа «вьетнамизации» войны предусматривала сокращение непосредственного американского присутствия во Вьетнаме и значительное укрепление сайгонского режима, который должен был взять на себя бремя военных действий. Кроме того, военные действия должны были распространиться и на другие страны Индокитая.

Начатое в марте 1972 г. наступление сил АОЮВ нанесло удар по программе «вьетнамизации». Для оказания помощи сайгонским войскам США использовали свою тактическую и стратегическую авиацию, при этом применялись самые эффективные и варварские способы разрушения и уничтожения. Особенно жестокими были налеты на Хайфон и Ханой 16 апреля 1972 г.

Решительный отпор Северного Вьетнама вынудил США сесть за стол переговоров. Силой оружия США попытались оказать давление на ДРВ: 12 дней и ночей подряд, с 18 по 30 декабря 1972 г., американская авиация бомбила Ханой, Хайфон и другие города ДРВ, обрушив на них за это время около 100 тыс. т взрывчатки. Погибли сотни мирных жителей, десятки тысяч человек остались без крова. Однако вьетнамская сторона отказалась выполнять условия США. И 30 декабря 1972 г. президент США Р. Никсон вынужден был отдать приказ о прекращении налетов на территорию ДРВ севернее 20-й параллели, а 15 января 1973 г. Белый дом заявил о полном прекращении бомбардировок и всех военных действий против ДРВ.

Под давлением международного общественного мнения США были вынуждены возобновить переговоры. 27 января 1973 г. в Париже представители ДРВ, США, ВРП РЮВ и сайгонская администрация подписали соглашение, в соответствии с которым США согласились признать и уважать независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама и обязались прекратить вооруженную агрессию против ДРВ, вывести в двухмесячный срок все вооруженные силы, военный персонал, а также войска союзников из Южного Вьетнама и воздерживаться в будущем от какого-либо вмешательства во внутренние дела Вьетнама.

ДРВ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ (1973–1975)

Однако США и сайгонские власти стали саботировать Парижское соглашение, что привело к резкому ухудшению положения в Южном Вьетнаме. В свою очередь, это вынудило патриотические силы принять ответные меры и присту-

пить к разработке новых стратегических и тактических планов окончательного освобождения страны и ее воссоединения.

XXI пленум ЦК ПТВ (июль 1973 г.) в качестве первоочередной задачи для революционных сил на юге страны назвал «завершение национально-демократической революции» при ведении борьбы на политическом, военном и дипломатическом фронтах. Причем к победе революции на Юге, подчеркивалось в партийных документах, приведет только вооруженная борьба, поэтому необходимо твердо придерживаться стратегии наступления. На следующем, XXII пленуме ЦК ПТВ (конец 1973 г.) в качестве основной стратегической задачи переходного периода от мелкого к крупному социалистическому производству, минуя этап капиталистического развития, была провозглашена социалистическая индустриализация. Более конкретные задачи перед трудящимися ДРВ были выдвинуты в государственном плане восстановления и развития народного хозяйства на 1974–1975 гг., в том числе дальнейшее укрепление и развитие социалистических производственных отношений как в государственном, так и в кооперативном секторах и др.

План 1974 г. был выполнен по основным показателям. Были восстановлены главные транспортные коммуникации, значительная часть разрушенных промышленных объектов. Почти все эвакуированные предприятия возвратились на места довоенного расположения. Положительные сдвиги произошли и в сельском хозяйстве, было продолжено освоение новых экономических районов. В 1975 г. в ДРВ насчитывалось более 1,3 тыс. государственных промышленных предприятий. С помощью СССР и других социалистических стран были построены ГЭС Тхакба, ТЭС Уонгби и Ниньбинь и др.

Сложившаяся в годы войны административно-снабжение система хозяйствования ДРВ вступала в противоречие с требованиями мирного строительства. Для решения этих проблем ПТВ и правительство страны приняли ряд постановлений, направленных на совершенствование системы централизованного управления и планирования; особое внимание придавалось разработке краткосрочных (годовых) планов. Значительно расширились права отраслевых министерств, в промышленности упрощалась организационная структура управления, ликвидировались изжившие себя административные органы. По мере восстановления хозяйственных отношений предприятия получали новые полномочия в производственно-хозяйственной деятельности, расширялась их финансовая самостоятельность.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

После вывода американских войск из Южного Вьетнама в Сайгоне под видом «гражданских лиц» оставалось свыше 10 тыс. американских военных советников. Военная помощь США сайгонскому режиму в 1974–1975 гг. составила более 4 млрд. долл. Сайгонская армия регулярно проводила так называемые операции умиротворения, ее военно-воздушные силы систематически бомбардировали районы в зоне контроля правительства РЮВ.

К концу 1974 г. положение дел в Южном Вьетнаме стало меняться. Сайгонский режим поразил глубокий политический и экономический кризис. Ширились оппозиционные выступления населения (буддистов, католиков, молодежи и др.) с требованием устранить от власти правительство Нгуен Ван Тхиеу. Падал моральный дух марионеточной армии, росло дезертирство из ее рядов. В такой ситуации соотношение сил все больше склонялось в пользу патриотов. На расширенном совещании политбюро ПТВ и высшего военного руководства страны, проходившем с 18 декабря 1974 по 8 января 1975 г., было принято решение о возможности начать генеральное наступление и свергнуть сайгонский режим.

В ДРВ была развернута крупномасштабная кампания по мобилизации всех сил и резервов для последнего, решающего сражения. За первые месяцы 1975 г. в ряды Народной армии Вьетнама вступило больше людей, чем за весь 1974 г. Была налажена бесперебойная работа коммуникаций, массовая переброска на Юг войск и боеприпасов.

Генеральное наступление началось в марте 1975 г. с операции в Тэингуене (1–20 марта), в результате которой армия сайгонского режима была расчленена на две части, освобождено восемь провинций, противник потерял около 120 тыс. человек и большое количество военной техники.

Следующая крупная операция (21–29 марта) проводилась в северных провинциях Южного Вьетнама с целью освободить Хюэ и Дананг, не допустить переброски крупных сил из этого района для обороны Сайгона. 19 марта был освобожден г. Куангчи, 25 марта штурмом взят г. Хюэ, а 28 марта — г. Дананг. В ходе операций были освобождены пять провинций, разгромлена 100-тысячная группировка противника, большинство солдат и офицеров которой попали в плен.

В конце марта 1975 г. командование армии Республики Южного Вьетнама сосредоточило все оставшиеся силы для обороны Сайгона. Для их разгрома и освобождения города народно-патриотические вооруженные силы осуществили операцию «Хо Ши Мин» (9 апреля — 1 мая). С 9 по 21 апреля были освобождены прибрежные провинции северо-восточнее Сайгона. 26 апреля патриотические силы подошли вплотную к Сайгону. К этому времени заявил о своей отставке южновьетнамский президент Нгуен Ван Тхиеу. 29 апреля город был окружен, а 30 апреля был взят одновременным штурмом с пяти направлений и во взаимодействии с его восставшим населением. К 11 часам утра 30 апреля власть в Сайгоне перешла в руки военно-патриотического комитета. С начала мая ВРП РЮВ установило полный контроль над всей территорией Южного Вьетнама. Завершил свое 30-летнее существование проамериканский марионеточный режим в Сайгоне.

Освобождение Южного Вьетнама знаменовало собой успешное окончание войны сопротивления вьетнамского народа американской агрессии, завершило процесс национальной народно-демократической революции в южной части страны, создав наиболее благоприятные перспективы для скорейшего объединения Вьетнама.

ВЬЕТНАМ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ (1975–1985)

С освобождением южной части страны от господства проамериканского режима открывается новый этап новейшей истории Вьетнама, ставший периодом развития единого независимого государства, ориентированного на строительство социалистического общества.

Новые органы власти на Юге – сначала это были военно-административные комитеты, а затем их постепенно заменили выборные народно-революционные комитеты — развернули борьбу с попытками саботажа и сопротивления со стороны сторонников старого режима, а также с последствиями неоколониального господства — нищетой, безработицей, невежеством, бандитизмом, проституцией. Для уменьшения безработицы стали применяться энергичные меры, чтобы вернуть к земле бывших солдат марионеточной армии, происходивших из крестьян, а также тех, кто в годы войны бежал из деревни в города. Для ликвидации неграмотности среди взрослых организовывались ликбезы и вечерние курсы. Для перевоспитания деклассированных элементов (проституток, наркоманов, уголовников), привития им навыков общественно полезного труда были созданы так называемые школы новой жизни. Сразу же после установления новой власти на Юге подавляющее большинство служащих сайгонской армии и старого административного аппарата, членов буржуазных партий было направлено на «курсы по перевоспитанию». Впоследствии большинство лиц, прошедших перевоспитание, стали равноправными гражданами Вьетнама.

За год было осуществлено административное объединение страны в единое государство. 25 апреля 1976 г. состоялись выборы в Национальное собрание Вьетнама. В них приняло участие 98% избирателей. Всего было избрано 492 депутата (249 от Севера и 243 от Юга). Первая сессия избранного Национального собрания, проходившая в Ханое с 25 июня по 3 июля 1976 г., утвердила государственное воссоединение страны. 2 июля 1976 г. была провозглашена Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ). Столицей единого государства стал Ханой, а Сайгон был переименован в Хошимин. Была создана комиссия по выработке конституции, а до ее принятия в качестве Основного закона страны действовала конституция ДРВ 1959 г. Президентом страны был избран Тон Дык Тханг, а главой правительства назначен Фам Ван Донг.

Вопрос о путях социально-экономического развития страны после объединения был центральным в работе IV съезда вьетнамских коммунистов, проходившего в Ханое в декабре 1976 г. Съезд наметил осуществить переход от мелкого производства к крупному социалистическому в течение 20 лет, за этот срок построить материально-техническую базу социализма. Центральной задачей всего переходного периода была названа социалистическая индустриализация. Практически были отброшены задачи восстановительного периода и сразу же заданы нереально высокие темпы, более присущие начальной стадии социалистического строительства.

Для внутривнутрипартийной жизни IV съезд стал особой вехой. На нем было принято решение о переименовании ПТВ в Коммунистическую партию Вьетнама

(КПВ). Съезд принял Устав партии, избрал руководящие органы. Генеральным секретарем ЦК КПВ был избран Ле Зуан.

После воссоединения Вьетнам начал укреплять свои позиции на международной арене. В 1977 г. он стал членом Организации Объединенных Наций. Однако в системе международных отношений тех лет уже существовало определенное противостояние военных блоков и политических союзов, и Вьетнаму ничего не оставалось, как примкнуть к одному из полюсов мировой политики, исходя из избранной КПВ генеральной линии. Поэтому прежде всего укреплялись связи СРВ с СССР, странами социалистического содружества, движением неприсоединения. В 1978 г. Вьетнам стал членом Совета экономической взаимопомощи. 3 ноября 1978 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, который стал фундаментом для развития тесных политических отношений, углубления всестороннего сотрудничества между двумя странами. Статья 6 Договора предусматривала принятие соответствующих эффективных мер «в случае, если одна из договаривающихся сторон явится объектом нападения».

Аналогичные договоры о дружбе и сотрудничестве СРВ подписала также с ГДР (1977 г.), Болгарией и Монголией (1979 г.), Чехословакией (1980 г.), Кубой (1982 г.), Венгрией (1984 г.).

В то же время во второй половине 1970-х годов отношения Вьетнама с соседями — Китаем и Камбоджей — характеризовались острой конфронтацией, вылившейся в вооруженные конфликты.

Пришедшая в апреле 1975 г. к власти в Камбодже маоистская группировка Пол Пота и Иенг Сари с первых дней пребывания у власти заняла враждебную Вьетнаму позицию и заявила о территориальных притязаниях к соседнему государству. На заседании Постоянного комитета ЦК полпотовской партии 20 мая 1975 г. Вьетнам был позиционирован как «враг номер один» Камбоджи. Тогда же, в мае 1975 г. войска «красных кхмеров» пытались захватить острова Фукуок и Тхочу в Сиамском заливе. В апреле 1977 г. Демократическая Кампучия перешла к открытой военной конфронтации с СРВ, вторгшись в приграничные районы Вьетнама.

Используя свое законное право на самооборону, Вьетнам нанес удар по территории соседнего государства. В декабре 1978 г. части Вьетнамской народной армии вошли в Камбоджу и помогли камбоджийским патриотам, объединившимся вокруг Единого фронта национального спасения Кампучии, сокрушить режим Пол Пота — Иенг Сари. 10 января 1979 г. была провозглашена Народная Республика Кампучия. Значительные контингенты вьетнамской армии оказались на несколько лет размещенными на территории соседней страны, противодействуя реставрации режима геноцида и агрессии. Впоследствии Вашингтон и Пекин, а также их союзники, в целях изоляции Вьетнама на мировой арене использовали факт присутствия в Камбодже ограниченного контингента вьетнамских войск (до 1989 г.).

Возникновение в результате объединения сильного, независимого вьетнамского государства рассматривалось пекинскими лидерами в то время как сущест-

венное препятствие на пути осуществления их геополитических планов. Поэтому Китай с конца 1970-х годов переходит к проведению откровенно враждебной СРВ политики, и уже в начале 1978 г. Пекин сфабриковал проблему «преследуемых хуацяо». Мероприятия вьетнамского правительства, направленные на ограничение частнокапиталистической торговли в стране, выдавались всему миру как дискриминация лиц китайской национальности, проживающих во Вьетнаме. Среди тех, кого затронул принятый в марте 1978 г. указ о переводе капиталов из частной торговли в промышленность, действительно было много хуацяо. Но это объяснялось прежде всего тем, что основную массу торговцев, особенно в Южном Вьетнаме, составляли китайцы. Тем не менее пекинские лидеры развязали широкую кампанию за возвращение лиц китайской национальности в Китай. За короткое время из СРВ выехало 170 тыс. человек.

17 февраля 1979 г. 11 армейских корпусов и несколько дивизий Китая (всего 600 тыс. чел.) при поддержке 600 танков и бронемашин, 700 самолетов вторглись в пределы СРВ. Агрессивной акции пекинского руководства предшествовала морально-психологическая обработка китайского населения и тщательная подготовка в дипломатической области. Они хотели заставить общественное мнение в Китае и других странах поверить, что Пекин осуществляет «контрнаступление в целях обороны». Сама же военная операция была спланирована как скоротечная с целью демонстрации силы, а также подрыва экономического и военного потенциала СРВ.

В течение двух с лишним недель китайские части продвигались в глубь Вьетнама. Был захвачен ряд приграничных уездов Вьетнама, провинциальные центры, города Лангшон, Лаокай, Каобанг.

Во Вьетнаме была объявлена всеобщая мобилизация. Упорное сопротивление агрессору оказали дислоцированные на северной границе части армии. С осуждением агрессивных действий китайского руководства выступили миролюбивые силы планеты. Решительную поддержку Вьетнаму оказал Советский Союз. 18 февраля 1979 г. Советское правительство выступило с заявлением, в котором потребовало прекращения агрессии и незамедлительного вывода китайских войск с территории СРВ. Вьетнаму сразу же была оказана помощь, в срочном порядке туда были направлены военная техника, продовольствие, медикаменты, стройматериалы.

5 марта 1979 г. Пекин объявил об отводе своих войск и согласии сесть с Ханоем за стол переговоров. Почти две недели тянулся отход китайских войск. За тридцать дней боев китайская армия потеряла во Вьетнаме свыше 60 тыс. солдат, около 300 танков и бронемашин. Общий ущерб, который нанесло вторжение Пекина вьетнамской экономике, был оценен в 1 млрд. долл.

Приграничные войны были не единственной причиной трудностей социально-экономического развития во второй половине 1970-х годов. В южных районах к 1979 г. завершилась кампания по обобществлению средств производства, частные предприятия были преобразованы в государственные и кооперативные (было создано более 600 производственных кооперативов). На Севере была восстановлена большая часть объектов, пострадавших в годы войны. В то же время недос-

татки в области управления, недооценка существовавших проблем и переоценка своих сил, медленный отказ от привычек военного времени привели к тому, что в 1976–1979 гг. замедлились темпы экономического развития, материальное положение населения не улучшалось. Производство продовольствия в эти годы топталось на месте, а в 1978 г. даже снизилось. После денежной реформы 1978 г., которая ввела единые денежные знаки на всей территории СРВ, бешеными темпами стала расти инфляция. К концу десятилетия страна оказалась в состоянии социально-экономического кризиса.

Созванный в августе 1979 г. VI пленум ЦК КПВ, проанализировав положение в стране, сделал вывод, что имели место волонтаризм и некоторое забегание вперед. Считая, что в прежние годы недооценивались возможности мелкого производства в обеспечении населения продовольствием и предметами первой необходимости, пленум принял постановление «О развитии производства товаров широкого потребления и увеличении выпуска продукции местной промышленности».

Важным шагом явилось введение в 1981 г. системы оплаты труда по конечным результатам. На селе земельные участки стали закрепляться за производственными бригадами и звеньями, а также отдельными семьями. В январе 1981 г. Секретариат ЦК КПВ издал директиву № 100, которая призывала применять на селе семейный подряд, что, по сути, открывало путь к единоличному землепользованию.

Еще один шаг в деле пересмотра стратегии социально-экономического развития Компартия Вьетнама сделала на своем V съезде (март 1982 г.), на котором была признана необходимость существования в течение определенного времени нескольких экономических укладов.

18 декабря 1980 г. была принята третья в истории независимого Вьетнама конституция. Она была в значительной степени следствием увлечения вьетнамских руководителей советским опытом (к тому же ее создателей консультировали правоведы из СССР). В Основном законе было записано, что «Социалистическая Республика Вьетнам есть государство диктатуры пролетариата»; закреплена руководящая роль КПВ во вьетнамском обществе (ст. 4), подчеркнута, что первоочередной задачей вьетнамской дипломатии является развитие отношений дружбы и сотрудничества с СССР.

На основе новой конституции в 1981 г. прошли выборы в Национальное собрание СРВ, на первой сессии которого был избран новый орган, своего рода коллективный президент страны — Государственный совет. Его председателем стал Чыонг Тинь.

В первой половине 1980-х годов были сделаны важнейшие шаги для укрепления фундамента вьетнамской экономики. И сделаны они были благодаря содействию Советского Союза. В 1981–1985 гг. совместные с советскими специалистами работы велись на более чем 100 объектах. Среди них такие, как предприятие по добыче нефти и газа «Вьетсовпетро», гидроузел Хоабинь, ГЭС Чиан. В 1980-е годы на вьетнамских промышленных предприятиях, построенных с советской помощью, производилось 76% всех станков и 35% всей электроэнергии страны.

ВЬЕТНАМ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РЕФОРМ (1986–1990)

Конец первого послевоенного десятилетия (1975–1985) пришелся на начало процесса перестройки в Советском Союзе и социалистических странах Восточной Европы, что создало благоприятные условия для действий реформаторов в СРВ. Этому же способствовал и субъективный фактор — летом 1986 г. скончался Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан, его место занял Чыонг Тинь, а в декабре того же года на высший партийный пост был избран Нгуен Ван Линь, известный в бытность свою секретарем парткома г. Хошимина либеральным подходом к частному предпринимательству.

Новый шаг в сторону реформирования вьетнамского общества был сделан на VI съезде КПВ (декабрь 1986 г.), на котором увидела свет идея всестороннего «обновления». Суть этого стратегического курса КПВ, как она выкристаллизовалась в ходе последующих мероприятий, может быть сведена к следующему: допущение развития всех социально-экономических укладов, в том числе частного, поощрение личной инициативы, ослабление механизма централизованного управления народным хозяйством, а также политика «открытых дверей» во внешне-экономических связях.

На самом же VI съезде идея «обновления» была предварительно сформулирована как необходимость освобождения производительных сил, использования всех национальных богатств и международной помощи в интересах развития страны. Одновременно съезд подтвердил продолжение генеральной линии партии на строительство социализма.

Идея «обновления» (по-вьетнамски *дой мой*) развивалась на последующих пленумах ЦК КПВ и оформлялась в постановлениях правительства. В марте 1989 г. на VI пленуме ЦК КПВ был сделан важный вывод о том, что развитие многоукладного товарного хозяйства является долговременной стратегической линией переходного к социализму периода. Реформы получили существенный импульс. В 1988–1989 гг. стали приниматься решения, имеющие силу закона, которые положили начало реформам, близким по набору мер к традиционным рецептам Международного валютного фонда.

В апреле 1988 г. было опубликовано Постановление ЦК КПВ об обновлении механизма управления в сельском хозяйстве, которое предусматривало перевод сельскохозяйственных кооперативов на принципы самоокупаемости и хозрасчета, предоставление им права самостоятельно планировать производство с учетом потребностей рынка, всемерное стимулирование семейной экономики. Семья признавалась самостоятельной хозяйственной единицей. Она получала в пользование участок земли, который мог передаваться по наследству или сдаваться в аренду, но без права продажи. Практически это привело к тому, что в сельском хозяйстве в рамках формально сохраняемых кооперативов стало развиваться арендное или подрядное землепользование.

В начале 1989 г. были проведены мероприятия по реформированию сферы финансов и торговли. Была в основном ликвидирована двухуровневая система

цен (свободные рыночные и утверждаемые централизованным порядком). В компетенции государства оставалось ценообразование очень ограниченного круга товаров первой необходимости и материально-технических ресурсов (электроэнергия, нефтепродукты и т.п.). Все остальные цены, как и обменный курс *донга* на свободно конвертируемую валюту, стали определяться рынком.

В декабре 1987 г. был принят Закон об иностранных инвестициях, открывший Вьетнам зарубежному капиталу. Он дал возможность создавать предприятия как смешанного типа, где зарубежный капитал должен составлять не менее 30% общей суммы, так и целиком иностранного происхождения. За первые пять лет после принятия Закона иностранные инвесторы вложили во вьетнамскую экономику 5 млрд. долл. США. Среди вкладчиков в начале 1990-х годов лидировали бизнесмены из Тайваня, Японии, Сингапура.

Перевод экономики на рыночные рельсы сопровождался структурными сдвигами, трансформацией отношений форм собственности. Частник легализовался в торговле, как розничной, так и оптовой, в мелкой и кустарной промышленности, активно внедрялся в банковско-кредитную систему, приняв вместе с государством участие в образовании акционерных банков. К 1991 г. численность мелких собственников во Вьетнаме составляла уже 13–15% трудоспособного населения, или 1,8 млн. человек, стала возрождаться национальная буржуазия.

В сложном положении в результате первых мероприятий реформаторов оказались государственные предприятия. Многие из них столкнулись с угрозой закрытия из-за нехватки денежных фондов и заговаривания готовой продукцией вследствие жесткой конкуренции со стороны предприятий другой формы собственности и зарубежных товаров, наводнивших страну после либерализации экспортно-импортных операций. В 1989–1991 гг. 800 тыс. рабочих и служащих государственного сектора потеряли свои рабочие места.

В первые пять лет «обновления» (1986–1991) удалось добиться определенных результатов. Была решена продовольственная проблема, и Вьетнам из страны, ввозившей продовольствие на протяжении всей послевоенной истории, превратился в третьего в мире экспортера риса (1,5 млн. т в 1989 г.), начал удовлетворяться спрос населения на товары повседневного спроса, снизилась инфляция (с 700% в 1986 г. до 67% в 1990 г.). Но как признавали вьетнамские эксперты, из состояния социально-экономического кризиса Вьетнам тогда еще не вышел.

Политическая сфера вьетнамской жизни второй половины 1980-х годов отличалась меньшим динамизмом, но и в ней происходили определенные сдвиги.

В апреле 1987 г. состоялись выборы в Национальное собрание СРВ восьмого созыва и местные органы власти. На первой сессии Национального собрания, состоявшейся в июне того же года, были сформированы высшие органы государства. Председателем Госсовета был избран Во Ти Конг. Председателем Совета министров был назначен Фам Хунг (после его смерти в июне 1988 г. главой правительства стал До Мый). Сессия высказалась за повышение роли Национального собрания как законодательного органа, за создание целостной правовой основы вьетнамского общества.

Внимательно следя за политическими и идеологическими процессами в социалистическом содружестве, Компартия Вьетнама извлекла собственные выво-

ды. Она сделала упор на совершенствование однопартийной системы и внутреннее самоочищение. В 1987 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПВ о проведении аттестации лиц, занимающих ключевые посты в партийных комитетах.

Своеобразным ответом на действия оппозиционных коммунистам партий в Восточной Европе было объявление о самороспуске Демократической и Социалистической партий Вьетнама в 1988 г.

Духу времени соответствовала развернувшаяся в 1987–1989 гг. в среде вьетнамской интеллигенции и перешедшая на страницы печати общественно-политическая дискуссия. Она выявила стремление части деятелей культуры и науки добиться большей свободы творчества и расширения демократии. Брожение умов было столь серьезным, а ответы на вызов времени столь различными, что вопросы идейно-политической линии обсуждались на трех пленумах ЦК КПВ — VI (март 1989 г.), VII (август 1989 г.) и VIII (март 1990 г.). В конце концов верх взяли те идеологи КПВ, которые считали, что плюрализм неминуемо приведет к отказу от социалистической перспективы, породит анархию и хаос.

Некоторые перемены происходили и во внешней политике Вьетнама. После окончательного вывода частей Вьетнамской народной армии из Камбоджи (сентябрь 1989 г.) начала ослабевать международная изоляция СРВ. Летом 1990 г. официальные представители и США, и КНР заявили о своем намерении вступить в переговоры с правительством СРВ о нормализации двусторонних отношений. Вьетнамская дипломатия делала настойчивые шаги по налаживанию связей со странами-членами АСЕАН.

Но основными внешнеполитическими партнерами СРВ во второй половине 1980-х годов оставались Советский Союз и страны социалистического содружества, контакты с которыми активно поддерживались по всем линиям.

ВЬЕТНАМ НА ПУТЯХ ВСЕСТОРОННЕГО ОБНОВЛЕНИЯ (1991–2004)

Драматические события 1991 г. — распад Советского Союза, роспуск КПСС — оказали весьма существенное влияние на экономическую и политическую жизнь Вьетнама. В одночасье эта страна лишилась главного донора и партнера — до 1991 г. Вьетнам получал из Советского Союза почти 100% общего объема ввозимых нефтепродуктов, свыше 70% удобрений, более 80% стального проката, машин, оборудования. Прекратилось выполнение большинства кооперационных проектов, в том числе касающихся использования вьетнамской рабочей силы на советской территории. Пришедшее вместе с Б.Н. Ельциным к власти новое политическое руководство придерживалось, особенно на первых порах, той точки зрения, что отношения с Вьетнамом — «ненужное бремя», от которого надо поскорее избавляться. На практике это привело к сокращению объемов торгово-экономических связей и снижению уровня политических контактов в первые три года существования новой России.

Вьетнамское руководство довольно быстро сориентировалось в создавшейся ситуации. В области внешних связей была провозглашена линия на развитие равноправных, дружеских отношений со всеми государствами. В то же время перед вьетнамским обществом, и прежде всего административными органами СРВ, была поставлена задача противодействовать направляемой извне, враждебной социализму политике «мирной трансформации», опасность которой возрас- тала по мере расширения международных контактов граждан Вьетнама.

Нахождению новых рынков и замещению места СССР во внешней торговле СРВ способствовало предоставление права прямого выхода за рубеж отдельным министерствам, предприятиям, провинциям.

В идеологической сфере крах социалистических режимов в СССР и странах Восточной Европы вызвал передвижение в сторону национал-коммунизма и прагматизма. Почитание первых (мифических) правителей страны — королей Хунгов стало приобретать черты государственного культа. В партийной пропаганде больший акцент стал делаться на «идеи Хо Ши Мина».

«Открытие дверей» Вьетнама приветствовали страны Запада, которые в предшествующий период с трудом могли конкурировать с Советским Союзом, а теперь устремились в образовавшийся вакуум. Примером того может служить решение американского правительства уже в конце 1992 г. разрешить американским компаниям, несмотря на сохраняющееся эмбарго, открывать свои офисы в СРВ. В 1993 г. группа стран-доноров во главе с Францией и Японией предоставила Вьетнаму помощь на сумму 55 млн. долл. и кредит на 85 млн. долл.

Этот процесс затронул не только сферу экономики. Заметным после 1991 г. стало присутствие западных специалистов в сфере науки, культуры, подготовки кадров, в том числе для госаппарата. Именно в 1990-е годы открыли во Вьетнаме свои культурные центры Франция, Великобритания, Германия.

Но в общем плане главной задачей КПВ на 1990-е годы была реализация выработанной ранее политики всестороннего «обновления». Определенной вехой на этом пути был VII съезд КПВ (июнь 1991 г.), на котором произошла замена лидера партии, им стал До Мьой.

Очередной партийный съезд со всей определенностью подтвердил необходимость развития рыночной экономики при сохранении социалистического ориентира общего движения страны. Это нашло свое отражение в принятых на съезде документах, в том числе партийной программе, уставе и «Стратегии социально-экономической стабилизации и развития в 1991–2000 гг.», а также в конституции 1992 г., в которой признавались многоукладность экономики, право на частную собственность, давались гарантии от национализации иностранным инвесторам.

По новой конституции главой государства является председатель (президент) СРВ. Им с сентября 1992 г. стал Ле Дык Ань (генерал, командовавший вьетнамскими войсками в Камбодже), а вице-президентом — извесная участница борьбы за освобождение Южного Вьетнама Нгуен Тхи Бинь. Председателем Национального собрания тогда же был избран Нонг Дык Мань, премьер-министром назначен Во Ван Кист.

Развитию Вьетнама в новых рыночных условиях способствовали также принятые законы о земле (1993 г.) и о труде (1994 г.). Закон о земле давал право

вьетнамскому гражданину распоряжаться полученным от государства наделом (земля по конституции является собственностью государства) следующим образом. Он может его обменивать, закладывать, сдавать в аренду, передавать по наследству, дарить. Право на пользование землей предоставлялось на 20 лет тому, кто выращивает рис, и на 50 лет на участках под технические культуры.

Перемены в организации землепользования имели своим следствием положительное решение извечной для Вьетнама проблемы гарантированного обеспечения населения продовольствием. Ежегодно в 1990-е годы прирост урожая составлял 1,2 млн. т. Вьетнам прочно занял одно из первых мест среди мировых экспортеров риса.

Точно выбранный правящей партией стратегический курс, соответствующая правовая база, обновленное руководство, расширение и диверсификация международных связей, политическая стабильность обусловили позитивные результаты социально-экономического развития Вьетнама в первой половине 1990-х годов. Впервые за годы правления коммунистов в этой стране были выполнены показатели пятилетнего плана: ежегодные темпы прироста ВВП составили в 1990–1995 гг. 8,2 %, промышленной продукции — 13%, сельскохозяйственной — 4,5%, уровень инфляции снизился до 12,7% в 1995 г. Обменный курс донга на доллар в это пятилетие почти не изменился. Общий объем капиталовложений, включая внутренние и внешние источники, составил в 1995 г. 27,4% ВВП (в 1990 г. — 15,8%). В народном хозяйстве Вьетнама появились внутренние источники накопления. «Стагнация в производстве и хаос в обращении преодолены» — такой вывод был сделан на VIII съезде КПВ летом 1996 г.

VIII съезд констатировал, что выработка и реализация политики «обновления» в прошедшие годы были в основе своей правильными и в русле движения страны к социализму. Проанализировав успехи и просчеты последнего десятилетия, руководство КПВ сделало вывод о необходимости и возможности поднять Вьетнам на новую стадию развития. Была выдвинута задача индустриализации и модернизации страны, что предполагает превращение Вьетнама к 2020 г. в промышленно развитую страну с современной материальной базой.

Во второй половине 1990-х годов большое внимание стало уделяться развитию сельского хозяйства, реконструкции промышленности, совершенствованию налоговой системы. На государственных предприятиях проводилась кампания акционирования, и к 2000 г. около 500 бывших заводов и фабрик государственного подчинения сменили форму собственности. В результате во многих случаях выросли как прибыли самого предприятия, так и доходы каждого работника.

Экономическое развитие во второй половине 1990-х годов было осложнено известным финансовым кризисом, потрясшим многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, и целой чередой стихийных бедствий, обрушившихся на ряд районов Вьетнама в 1997–1998 гг. Темпы роста экономики начали снижаться и упали в 1999 г. до 4,8% (в 1995 г. они составляли 9,54%). Резко сократились объемы иностранных капиталовложений. Свернули свою деятельность некоторые филиалы фирм Южной Кореи и стран АСЕАН. Но благодаря государственному регулированию последствия этих негативных факторов были для Вьетнама

невелики — уже в 2000 г. ВВП СРВ вырос на 6,7% по сравнению с предыдущим годом.

И хотя задания пятилетнего плана 1996–2000 гг. не были выполнены, социально-экономическое развитие этих лет было отмечено заметными шагами вперед. В среднем темпы роста ВВП в эти годы составляли 7% (в 2003 г. этот показатель равнялся 7,4%). Экспорт ежегодно возрастал на 21%, а импорт на 13,3%. Дефицит внешнеторгового баланса уменьшился с 49,6% в 1995 г. до 6,3% в 2000 г.

Развитие экономики в 1990-е годы шло параллельно с изменениями в социальной сфере. Уровень жизни большинства граждан за годы обновления вырос, а жизненные условия улучшились. Число бедных семей сократилось с 20% от общего числа в 1995 г. до 10% в 2000 г. Уровень потребления на душу населения вырос за этот период с 2,6 млн. донгов до 4,3 млн. донгов (1 долл. США = 15 000 донгов). Все это было следствием целенаправленной социальной политики вьетнамского государства.

Большую роль в социально-экономическом развитии СРВ в 1990-е годы играл иностранный капитал. С 1986 г. КПВ неуклонно проводила линию на привлечение извне средств во вьетнамскую экономику. Эти средства притекали в двух основных формах — как официальная помощь государств и международных организаций (часто в виде безвозмездных кредитов) и как прямые инвестиции. К 2000 г. прямые зарубежные инвестиции во вьетнамскую экономику достигли 24,6 млрд. долл., 44% этой суммы составляли капиталовложения из стран ЕС, США, Японии. На предприятиях с иностранным капиталом работало 350 тыс. человек, они производили 34% стоимости всей промышленной продукции и более 12% ВВП. Помощь по официальной линии тоже была существенной, достигнув в 2001 г. 1 750 млн. долл. США. В целях привлечения капиталов из-за рубежа вьетнамское государство в течение 1990-х годов несколько раз вносило изменения в Закон об иностранных инвестициях, все более либерализуя условия деятельности зарубежных вкладчиков.

Во второй половине 1990-х годов появилось на свет такое новое явление, как вывоз вьетнамского капитала за рубеж. К 2001 г. было зарегистрировано более 40 инвестиционных проектов вьетнамских бизнесменов, реализуемых в 12 странах.

Знаковым событием экономической жизни Вьетнама стало открытие в г. Хошимине в июле 2000 г. первой в стране фондовой биржи.

Вхождение вьетнамского общества в рынок не могло не иметь и отрицательных последствий. Усилилось социальное расслоение. В некоторых уездах доходы богачей превосходят заработки их бедных односельчан в десятки раз. На этой почве вновь стали произрастать такие пороки, как наркомания и проституция. Настоящим бичом вьетнамского общества стала коррупция, которая достигла самых высоких этажей власти и, несмотря на то что КПВ устами своих лидеров заявляла о решимости бороться с этим злом, не была искоренена. Коррупционность государственных чиновников стала в 1990-е годы одним из лейтмотивов критики режима со стороны его оппонентов.

Во второй половине 1997 г. произошла смена лиц на высших постах партии и государства: Генеральным секретарем ЦК КПВ стал бывший начальник Главпура армии Ле Кха Фиеу, президентом СРВ — Чан Дык Лыонг, премьер-министром — Фан Ван Кхай. На IX съезде КПВ (апрель 2001 г.) Генеральным секретарем ЦК КПВ был избран Нонг Дык Мань, а место председателя Национального собрания занял Нгуен Ван Ан. В ходе кадровых перестановок руководство страны омолодилось, в нем стало больше людей с солидной профессиональной подготовкой и опытом, в том числе выпускников советских вузов. Эти политики сохраняли верность основополагающим установкам прошлых лет и вели страну по ранее выбранному пути.

В декабре 2001 г. на сессии Национального собрания СРВ были приняты поправки к конституции 1992 г., которые уточнили в юридическом плане итоги и перспективы социально-экономического развития Вьетнама. Заново отредактированная ст. 16 конституции гласила, что «целью экономической политики государства является осуществление лозунга „богатый народ — сильная страна“, все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей народа на основе развития всех производственных возможностей, потенциалов всех экономических укладов: государственного, коллективного, индивидуального, мелко-собственнического, частнокапиталистического, государственно-капиталистического, с участием иностранного капитала в разнообразных формах; ускорение строительства материально-технической базы, расширение экономического и научно-технического сотрудничества и обменов с мировым рынком».

Международное положение вьетнамского государства в 1990-е годы характеризовалось нормализацией отношений с бывшими противниками, расширением связей с различными странами, укреплением авторитета на мировой арене, что содействовало внутреннему развитию страны.

В феврале 1993 г. Ханой посетил первый после 1975 г., года окончания индокитайской войны, западный лидер — президент Франции Ф. Миттеран. Франция стала одним из самых активных партнеров Вьетнама и с успехом провела в 1997 г. в Ханое франкофонскую встречу на высшем уровне.

В 1994 г. США отменили эмбарго на экономические связи с Вьетнамом, а в 1995 г. президент Б. Клинтон объявил о полной нормализации отношений с Вьетнамом. Затем связи с США стали развиваться по нарастающей, хотя в обеих странах есть силы, противящиеся этому. В 1996 г. в Ханой был назначен первый посол США послевоенного времени (им стал бывший военнопленный летчик Д. Петерсон), летом 1997 г. СРВ посетила госсекретарь М. Олбрайт, которая открыла генконсульство США в Хошимине на месте бывшего американского посольства при сайгонском режиме, а в ноябре 2000 г. Вьетнам посетил с официальным визитом президент Б. Клинтон. Незадолго до его визита между двумя сторонами было подписано торговое соглашение, которое облегчало проникновение вьетнамских товаров (текстиль, обувь, сельхоз- и морепродукты) на американский рынок, так как снимало многие ограничения прежних лет, значительно уменьшало пошлины на вьетнамские товары, хотя уже тогда (в 2000 г.) товарооборот между двумя странами составил 1,2 млрд. долл.

Торговое соглашение было ратифицировано осенью 2001 г., и экономические связи между двумя странами стали развиваться еще более высокими темпами — в 2003 г. вьетнамо-американский товарооборот составил 4,5 млрд. долл.

Быстрыми темпами шло улучшение отношений с Китаем. После долгих лет конфронтации в ноябре 1991 г. официальные представители двух стран объявили о нормализации отношений. В ноябре 1993 г. Китай посетил президент СРВ Ле Дык Ань (это был первый визит главы вьетнамского государства начиная с 1955 г.). Через год Вьетнам посетил председатель КНР Цзян Цзэминь.

Начались двусторонние переговоры по спорным пограничным проблемам. Наиболее успешно они шли по поводу сухопутной границы и разграничения в Тонкинском заливе (Бакбо). Стороны подписали Соглашение о сухопутной границе, Соглашение о разграничении акватории, специальных экономических зон и континентального шельфа в Тонкинском заливе и Соглашение о совместном рыбном промысле в Тонкинском заливе. По вопросам принадлежности островов Парасельских и Спратли Вьетнам и Китай придерживались жесткой линии на защиту собственных прав на эти территории, но на практике стремились сохранить статус-кво, при котором государственная принадлежность каждого острова определялась присутствием на нем военнослужащих той или иной страны.

В декабре 2000 г. Китай посетил президент Чан Дык Льюнг и была подписана Совместная декларация о всестороннем сотрудничестве между двумя странами в новом веке. В конце 2001 г. в КНР тепло принимали нового Генерального секретаря ЦК КПВ Нонг Дык Маня. К тому времени вьетнамо-китайские отношения отличались высоким уровнем взаимодействия по всем направлениям, в том числе в области идеологии, партийного строительства, экономических реформ. Товарооборот между двумя странами достиг в 2000 г. внушительной цифры 2,4 млрд. долл., 40% иностранных туристов, посещавших Вьетнам, были гражданами КНР.

Одновременно вьетнамское руководство стремилось восстановить свои прежние связи с государствами, образовавшимися на просторах бывшего Советского Союза, и прежде всего с Российской Федерацией, Украиной, Беларусью, Узбекистаном.

В 1994 г. во время визита в Россию премьер-министра Во Ван Киета был подписан Договор об основных принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, который, заменив собой Договор о дружбе и сотрудничестве 1978 г., стал основой отношений двух стран в новых условиях. Переговоры осенью 2000 г. в Москве премьер-министров двух стран ознаменовались решением одного из самых сложных вопросов российско-вьетнамских отношений постсоветского времени — вьетнамского долга России. Большая часть (80%) долга была списана по правилам Парижского клуба, остаток предполагалось погасить товарами в течение следующих 23 лет.

Вершиной политического взаимодействия двух стран в рассматриваемый период был визит во Вьетнам 28 февраля — 2 марта 2001 г. президента РФ В.В. Путина. В ходе него была подписана Декларация о стратегическом партнерстве, которая отразила заинтересованность двух стран в сотрудничестве во многих важных сферах на новом уровне и в соответствии с накопленным потенциалом.

Руководители обоих государств неоднократно, начиная с середины 1990-х годов, декларировали свою заинтересованность в развитии всесторонних связей, тем не менее торговый оборот в последнее десятилетие не смог подняться выше 700 млн. долл.

Как эффективно оценивалось обеими сторонами военно-техническое сотрудничество, хотя Крсмль принял решение о выводе российского контингента из Пункта материально-технического обеспечения Камрань с 1 января 2002 г. (операция была завершена в мае 2002 г.). Вслед за этим МИД СРВ официально заявил, что Камрань впредь не будет предоставляться иностранным государствам для использования в военных целях.

Однако самым важным событием международной жизни 1990-х годов вьетнамские политологи считают вступление СРВ в ряды Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в июле 1995 г. С этого времени связи с этой группой стран стали приоритетом вьетнамской дипломатии.

Вступление СРВ в АСЕАН имело большое значение для этой страны с точки зрения выхода из международной изоляции, вовлечения ее в процессы глобализации. Солидный демографический и военный потенциал СРВ обеспечивает ей важное место в АСЕАН. В 2000 г. Вьетнам был председателем Постоянного комитета АСЕАН.

Социально-экономические и идейно-политические перемены послевоенного Вьетнама, политика «открытых дверей» начиная с 1990-х годов наложили отпечаток на культурную жизнь страны. На новом этапе во всех видах литературы и искусства появились новые течения, жанры, формы, например абстракционизм в живописи, поп и рок в музыке, символизм и сюрреализм в поэзии. На первых порах вхождения в рыночную экономику заметными были коммерциализация, наплыв образцов культуры буржуазных стран. Однако руководство страны противопоставило этим тенденциям поддержку своих наиболее ярких и талантливых художников. Правительство и творческие союзы Вьетнама с середины 1990-х годов ввели в регулярную практику присуждение премий лучшим деятелям литературы и искусства. Государственные субсидии стали получать кинематограф, ансамбли народной и классической музыки.

* * *

Вьетнамское государство вступило в новый век и новое тысячелетие, имея обширные международные связи, динамично развивающуюся экономику с разными формами собственности на средства производства, внутренне спаянную многонациональную общность населения. Такое состояние общества вьетнамские теоретики называли в конце 1990-х годов «рыночной экономикой социалистической ориентации». Для правящей КПВ цель развития страны видится в превращении ее в ближайшем будущем в современное индустриальное государство. Процесс индустриализации прогнозируется, как более короткий по времени, чем в других странах. При этом руководство страны полагает, что Вьетнам продолжит движение к социализму, минуя капиталистический строй, но воспринимая и используя все ценное, что было создано в капиталистических странах, особенно в области науки и техники.

Глава 34 МАЛАЙЗИЯ

МАЛАЙЯ

В начале сентября 1945 г. в Малайе высадились английские войска и была создана действовавшая до 31 марта 1946 г. британская военная администрация, взявшаяся за восстановление довоенных порядков.

Страна после японской оккупации находилась в тяжелом экономическом положении. Сильно пострадала оловодобывающая промышленность, осложнилась продовольственная проблема. В Малайе ощущался резкий недостаток текстильных товаров, свирепствовали эпидемии. Британская администрация же в первую очередь занялась восстановлением тех отраслей хозяйства, в которых хозяйничали английские монополии, т.е. производством каучука и оловодобычей.

Согласно реформе, начавшейся 1 апреля 1946 г., девять малайских султанатов вместе с двумя селтльментами (Пинанг и Малакка) образовывали колонию короны Малайский Союз с центром в Куала-Лумпуре. Сингапур становился отдельной колонией. Вводилось гражданство Малайского Союза. Урезались все права и привилегии малайских султанов и малайской знати.

Осенью 1945 г. началось антиколониальное движение в Малайе и Сингапуре. Главной силой этого движения стала Коммунистическая партия Малайи (КПМ), которая укрепила свое влияние за годы войны и вышла из подполья. В Малайе стали восстанавливаться профсоюзы, подавляющее большинство которых шло за КПМ. В феврале 1946 г. была создана Всемалайская федерация профсоюзов. Под влиянием Компартии находился ряд молодежных и женских организаций.

В первые послевоенные месяцы появилось левое мелкобуржуазное национальное движение: возникли Малайский демократический союз (МДС), который опирался главным образом на китайскую буржуазию и интеллигенцию, и Малайская национальная партия (МНП), действовавшая в среде малайских городских буржуазных и интеллектуальных кругов. Лидеры МНП, прежде всего ее первый президент — доктор Бурхануддин ал-Хелми, ратовали за создание Великой Индонезии, в которую должна была бы войти и Малайя.

Реакцией малайской аристократии и чиновничества на ущемление их интересов некоторыми положениями реформы 1946 г. стало появление в марте 1946 г. еще одной политической силы — Объединенной малайской национальной организации (ОМНО), лидером которой стал Онн бин Джафар. Получив поддержку малайского крестьянства, шедшего за своими традиционными руководителями — аристократией, деревенскими и волостными старостами, мусульманскими судьями и богословами, ОМНО стала массовой политической партией, выра-

жавшей под прикрытием борьбы за права малайцев как национально-общинной группы интересы феодально-буржуазных малайских кругов и чиновничества. С первых дней своего существования ОМНО начала борьбу за пересмотр реформы управления Малайей. В стране нарастало и демократическое движение. В декабре 1946 г. произошло объединение ряда партий и организаций во Всемалайский совет объединенных действий (ВСОД) во главе с МДС. МНП создала дружную коалицию, Пусат Тенага Райят (ПУТЕРА, или Центр народных сил), куда вошли левые малайские националистические организации. ВСОД и ПУТЕРА наладили совместные действия и с лета 1947 г. выступали единым фронтом, делая упор на межнациональное сотрудничество.

Столкнувшись с оппозицией малайской элиты, за которой пошла масса малайского населения, английское правительство отменило реформу 1946 г. и разработало проект создания Малайской Федерации.

Султанам и знати вернули их привилегии, но реальная власть сосредоточивалась в руках английского верховного комиссара. Правила гражданства были изменены таким образом, что возможности его получения для немалайского населения резко сузились¹.

1 февраля 1948 г. английские власти провозгласили создание Малайской Федерации. Антиимпериалистическое движение в Малайе оказалось недостаточно сильным, чтобы заставить колонизаторов пойти на уступки. Главная причина слабости этого движения заключалась в том, что политическое развитие страны в послевоенный период пошло по пути создания национально-общинных коммуналистских партий.

К лету 1948 г. резко обострились отношения между колониальными властями и КПМ. Обеспечив после создания Малайской Федерации поддержку малайской элиты, англичане усилили репрессии против КПМ и профсоюзов. КПМ же взяла курс на вооруженную борьбу, придавая политический характер забастовкам и организуя нападения на каучуковые плантации. 18 июня власти ввели чрезвычайное положение, стремясь упредить действия компартии. 24 июня чрезвычайное положение было распространено на Сингапур, а в июле прекратили существование МНП и МДС, многие члены которых были арестованы. КПМ была объявлена вне закона.

Компартия вывела свои основные кадры из городов в джунгли и там, опираясь на поселения, созданные китайцами в годы войны, развернула партизанскую борьбу.

Для борьбы с партизанами были переброшены воинские подразделения из различных частей Британской империи. Всего против партизан (4–5 тыс. человек в конце 1940-х и около 8 тыс. — в начале 1950-х годов) действовало 40 тыс. солдат регулярных войск, около 60 тыс. полицейских и 250 тыс. служащих внутренней охраны.

Умело действуя в джунглях, партизаны наносили противнику неожиданные удары, предпринимая на первых порах даже наступательные операции крупного

¹ В конце 1950 г. насчитывалось 2,5 млн. малайцев, имевших права федерального гражданства, в то время как эти права получили лишь 500 тыс. китайцев.

масштаба. Из партизанских отрядов была создана Освободительная армия народов Малайи, которой помогала гражданская организация, куда входили в основном китайские скваттеры. В первые годы англичане чувствовали себя в безопасности лишь в городах, где находились сильные гарнизоны.

К середине 1950-х годов колонизаторам удалось существенно ослабить силы Освободительной армии. Главной слабостью КПП и партизанского движения было то, что по национальному составу они были китайскими и вовлечь другие этносы в антиколониальную борьбу коммунистам не удалось. В 1951–1953 гг. англичане произвели переселение полумиллиона китайских скваттеров в так называемые новые деревни, которые были обнесены колючей проволокой и находились под контролем полиции и внутренней охраны. Это лишило партизан массовой опоры в сельской местности и создало для них серьезные продовольственные трудности.

Вооруженная борьба отозвалась политическими переменами в Федерации и оказала значительное влияние на движение страны к независимости. В этих условиях малайские феодально-бюрократические круги и китайская и индийская буржуазия стремились использовать ситуацию для того, чтобы упрочить свое влияние на массы и заставить власти пойти на уступки имущим слоям малайского общества.

27 февраля 1949 г. возникла Китайская ассоциация Малайи (КАМ). Ее руководителем стал крупный предприниматель Тань Чэнлок.

Активизация китайской буржуазии повлияла на ОМНО. Онн бин Джафар выдвинул идею превращения ОМНО в партию, куда бы был открыт доступ и немалайцам. Планы Онн бин Джафара потерпели полный крах: его не поддержала собственная партия, в которой господствовали коммуналистские взгляды. В июле 1951 г. Онн бин Джафар вышел из ОМНО, а в сентябре основал новую, некоммуналистскую партию — Партию независимости Малайи (ПНМ).

Новым президентом ОМНО стал брат султана Кедаха Тунку Абдул Рахман, юрист по образованию, в лице которого ОМНО получила умного, волевого и гибкого лидера. ПНМ же не смогла добиться массовой поддержки: слишком откровенной была ее ориентация на колониальные власти, и, кроме того, в политической жизни Малайи, к этому времени далеко зашедшей по пути коммунизма, для такой партии не нашлось места.

Это со всей очевидностью продемонстрировали муниципальные выборы в феврале 1952 г. Накануне выборов ОМНО и КАМ заключили соглашение, выступив единым фронтом против ПНМ. В результате коалиция ОМНО-КАМ выиграла выборы с огромным перевесом. Хотя выборы 1952 г. никакого реального значения сами по себе не имели (речь шла о нескольких местах в не обладающих никакой властью муниципальных советах), они оказали серьезное воздействие на внутривнутриполитическую жизнь страны и расстановку политических сил.

Англичане все больше заигрывали с буржуазно-феодальными партиями, идя на дальнейшие уступки имущим слоям, чтобы заручиться их помощью в борьбе с коммунистами и сохранить свои позиции в стране. С другой стороны, представители элит различных национальностей стремились использовать затруднения

английских властей, добиваясь получения все больших политических и экономических прав.

В октябре 1954 г. к коалиции ОМНО–КАМ присоединился Индийский конгресс Малайи (ИКМ), представлявший интересы крупной и частично средней индийской буржуазии. Присоединение ИКМ к коалиции, получившей название Альянса, означало окончательное оформление блока феодально-буржуазной малайской верхушки и чиновничества с буржуазией (преимущественно крупной и средней) китайского и индийского происхождения.

Появились и оппозиционные политические партии, существование которых вначале даже поощрялось властями. Видевшими в них одно из средств раскола националистов.

В июне 1952 г. была создана Панмалайская рабочая партия (ПРП). Программа ПРП предусматривала достижение независимости, борьбу за «демократический социализм», обобществление некоторых отраслей производства, отмену чрезвычайного положения и за амнистию партизанам. Опиралась она на китайских и индийских рабочих и мелкую буржуазию западных районов Малайи.

В середине 1950-х годов возродилось и малайское национальное движение радикального толка, что привело к появлению в 1955–1956 гг. двух политических партий: Народной партии во главе с Ахмадом Бустаманом и Панмалайской исламской партии (ПМИП), лидером которой стал доктор Бурхануддин.

Мелкобуржуазная Народная партия была близка к ПРП, тогда как ПМИП, опираясь на мусульманское духовенство и крестьянство, наряду с требованиями, направленными на улучшение положения трудящихся, ликвидацию колониальной зависимости страны и отмену чрезвычайного положения, настаивала на исключительных правах малайцев, создании исламского государства и т.п.

Выборы в июне 1955 г. принесли успех Альянсу: из 52 избираемых членов Законодательного совета Малайской Федерации от него был избран 51. Одно место завоевала ПМИП. После выборов, опираясь на большинство в Законодательном совете, лидер Альянса Тунку Абдул Рахман сформировал правительство, в котором стал главным министром.

Абдул Рахман сделал шаг, снижавший ему большую популярность: он пошел на переговоры с Компартией. 28–29 декабря 1955 г. в горной деревушке Балинг, неподалеку от малайско-тайландской границы, главный министр Малайской Федерации Тунку Абдул Рахман, главный министр Сингапура Дэвид Маршалл и председатель КАМ Тань Чэнлок встретились с делегацией Компартии и Освободительной армии народов Малайи, возглавляемой генеральным секретарем КПМ Чинь Пэном. К этому времени партизанское движение и КПМ находились в сложном положении. Компартия после 1948 г. утратила связи с городами, а после переселения скваттеров в «новые деревни» потеряла опору и в сельской местности. Будучи по национальному составу китайской, КПМ не смогла завоевать популярность в малайском крестьянстве. Сказались и общая усталость партизан и огромный численный перевес лучше вооруженной и располагавшей современной техникой английской армии.

Переговоры в Балинге кончились неудачей. Лидеры Малайи и Сингапура соглашались только на амнистию участникам вооруженной борьбы, тогда как ру-

ководство КПМ настаивало на легализации Компартии и разрешении ее членам заниматься политической деятельностью.

Сразу же после выборов Абдул Рахман и возглавляемый им Альянс потребовали от англичан дальнейших уступок и ускорения передачи власти. С 18 января по 8 февраля 1956 г. в Лондоне проходили переговоры между малайской делегацией во главе с Абдул Рахманом и английским правительством, в ходе которых англичане пошли на дальнейшие уступки. В 1956–1957 гг. Конституционная комиссия, составленная из представителей стран Британского содружества под председательством лорда Рейда, разработала конституцию независимой Малайи.

Основные ее положения были следующими. Малайская Федерация становилась конституционной монархией во главе с верховным правителем (*янг дитертуан агонгом*), избираемым на пять лет султанами из своей среды. Конференция султанов избирала также заместителя верховного правителя. Федеральным парламентом состоял из сената (*деван негара*) и палаты представителей (*деван ракьят*). Палата представителей принимала все бюджетные законопроекты и имела право принять во втором чтении любой закон, даже если он был отвергнут сенатом. Федеральное правительство возглавлялось премьер-министром — лидером партии большинства в палате представителей.

Страна состояла из 11 штатов (9 султанатов и бывшие селтльменты Пинанг и Малакка), каждый из которых возглавлялся правителем-султаном или губернатором, назначаемым верховным правителем. В штатах создавались Законодательные ассамблеи и Государственные советы, формируемые главными министрами — лидерами партий, получивших большинство в Законодательных ассамблеях. Были расширены возможности получения гражданства для немалайского населения страны. Малайский язык становился государственным, а английский язык также сохранял права официального языка в течение десяти лет. Ислам провозглашался государственной религией, но гарантировалась свобода и для других верований. Резервировались специальные права малайцев в отношении владения землей, государственной службы, получения образования, причем верховный правитель был ответствен за охрану специальных прав малайского населения.

31 августа 1957 г. на стадионе «Мердека» в Куала-Лумпуре была провозглашена независимость Малайской Федерации.

В первые годы существования свободной Малайи на ее внутреннем и внешнеполитическом положении явственно сказывались последствия колониальной зависимости. Господствующие позиции в экономике страны занимал иностранный, главным образом английский, капитал. В Малайе по-прежнему находились войска Англии и ее союзников. Англичане сохраняли серьезные позиции в государственном аппарате нового государства. В сентябре 1957 г. правительство Абдул Рахмана заключило с Англией Договор об обороне и взаимной помощи.

Придя к власти, правительство Альянса начало проводить политику, направленную на привлечение иностранного капитала и создание ему условий для беспрепятственной деятельности. В первые годы правительство почти не вмешивалось в экономическую жизнь страны и предпринимало сравнительно незначительные усилия для поощрения деятельности местного капитала. По-прежнему

тяжелым оставалось положение рабочего класса, страдавшего от безработицы, колебаний цен на олово и каучук на мировом рынке, и крестьянства, жившего в условиях малоземелья и помещичье-кулацкой кабалы.

Крупнейшей и наиболее влиятельной политической силой Малайской Федерации оставался Альянс, коалиция трех партий — ОМНО, КАМ, ИКМ, в октябре 1957 г. слившихся в одну — Союзную, где каждая из трех партий тем не менее сохраняла самостоятельную организацию. Решающую роль в Союзной партии играла ОМНО. В Союзной партии существовали достаточно серьезные разногласия, особенно между ОМНО и КАМ. Суть их сводилась к стремлению китайской буржуазии, занимавшей ведущие экономические позиции по сравнению с малайской, добиться расширения своего политического влияния; ОМНО стремилась сохранить свое главенствующее положение и добиться экономических уступок в пользу малайской элиты и буржуазии.

Оппозиция, борющаяся с Союзной партией на выборах 1959 г., была неоднородной и отражала две основные тенденции: усиление коммуналистских настроений в политической жизни страны и рост левой оппозиции, выступавшей с критикой политики Альянса.

Соперником Альянса, выступившим с позиций малайского коммунизма, была Панмалайская исламская партия, президентом которой в 1956 г. стал Бурхануддин ал-Хелми, проделавший сложный путь от одного из лидеров демократической оппозиции в 1945–1947 гг. до поборника лозунга «Малайя принадлежит малайцам». Опорой ПМИП стали султанаты восточного побережья Келантан и Тренггану с преобладающим малайским крестьянским населением, находившимся под влиянием религиозной идеологии. Левая оппозиция на выборах 1959 г. была представлена Рабочей партией Малайи и Народной партией Малайи, объединившимися в день провозглашения независимости в Народный социалистический фронт Малайи (НСФМ).

На выборах в августе 1959 г. Альянс утратил часть своих позиций. Если в 1955 г. он собрал 81,7% голосов, то на парламентских выборах 1959 г. — лишь 51,5%. В этом отразилось как изменение численности и состава избирателей (в 1959 г. число граждан было в два раза больше, чем в 1955 г., причем малайцы составляли не 80–90% избирателей, а лишь 56,8%), так и недовольство внешней и внутренней политикой Альянса, особенно сохранением односторонней внешнеполитической ориентации и продолжавшимися преследованиями оппозиционных сил.

Альянс сумел удержать большинство в парламенте, получив 74 места из 104. ПМИП досталось 13 мест в парламенте и удалось добиться большинства в государственных советах Келантана и Тренггану. НСФМ получил 8 мест в парламенте и 16 — в государственных советах, подтвердив свое влияние в западных, наиболее развитых районах страны.

Наиболее заметной тенденцией в экономическом развитии страны после выборов 1959 г. стал курс на самостоятельную экономическую политику, имевший целью ускорение темпов индустриализации и структурное преобразование хозяйства. Стержнем в решении этих задач стало развитие национального частного

предпринимательства. Малайское правительство продолжало курс на привлечение иностранного капитала. С рядом стран были подписаны соглашения об освобождении иностранных компаний от дополнительного налогообложения и выплате компенсаций в случае национализации или конфискации их имущества. Все эти мероприятия в сочетании с подготовкой первого плана экономического развития и началом некоторых преобразований в деревне (развитие кооперативного движения, освоение целинных земель и предоставление земли безземельным крестьянам) укрепили позиции Союзной партии.

31 июля 1960 г. было объявлено об окончании периода чрезвычайного положения. Стоявшее на позициях антикоммунизма правительство сразу после выборов 1959 г. заявило, что мира с коммунистами быть не может. В 1958–1960 гг. были разгромлены основные партизанские базы, кроме находящихся вблизи тайландской границы. Численность партизан к 1960 г., по подсчетам малайского правительства, сократилась до 700 человек.

При отмене чрезвычайного положения была принята поправка к ст. 149 конституции, согласно которой парламент имел право издавать законы против «подрывной деятельности и в целях сохранения общественной безопасности», даже если они нарушали гражданские права. Немедленно был принят Закон о внутренней безопасности, дававший правительству право заключать граждан в тюрьму без суда и следствия на срок до двух лет и объявлять любую отрасль хозяйства «имеющей особое значение» для государства, т.е. запрещать забастовки.

27 мая 1961 г. Абдул Рахман выдвинул идею создания Федерации Малайзии, которая включила бы в свой состав Малайскую Федерацию, Сингапур, Саравак, Сабах и Бруней.

Руководители Малайи рассчитывали путем создания федерации, включающей Сингапур с его портом мирового значения, укрепить экономическое положение страны и образовать сильное государство в Юго-Восточной Азии, в котором бы они занимали руководящее положение. Идти на объединение только с Сингапуром руководители Малайи не хотели. Буржуазия Малайи опасалась конкуренции со стороны более сильной сингапурской буржуазии, кроме того, объединение с Сингапуром, где преобладало китайское население, грозило изменить численное соотношение малайцев и китайцев в пользу последних. Включение же в федерацию территорий Калимантана (Северного Борнео) с их малайским и даякским населением (часть последнего исповедовала к тому же ислам) несколько уравновешивало этот баланс.

В Малайе идею объединения поддержала Союзная партия. Съезд ОМНО — крупнейшей силы Союзной партии, проходивший в августе 1962 г., одобрил создание Малайзии и принял резолюцию о присвоении Абдул Рахману титула «Отец Малайзии». Против создания Малайзии выступила оппозиция — НСФМ и ПМИП. Англия оказала поддержку планам создания Малайзии, надеясь сохранить свои позиции в Юго-Восточной Азии.

В мае–июле 1962 г. в Лондоне состоялись переговоры между Абдул Рахманом и английским премьером Г. Макмилланом. Результатом переговоров было решение провозгласить Малайзию 31 августа 1963 г. и создать Межправительствен-

ный комитет для окончательной разработки условий вступления в нее Саравака и Сабаха.

8 июля 1963 г. представители Англии, Малайской Федерации, Сингапура, Саравака и Сабаха подписали в Лондоне соглашение о создании 31 августа 1963 г. Федерации Малайзии.

Основные принципы объединения были следующими. В основу конституции нового государства была положена конституция Малайской Федерации, Федерация Малайзии состояла из 12 штатов, но штаты Сингапур, Саравак и Сабах обладали значительно большей автономией, чем девять штатов, составлявших Малайскую Федерацию. Правитель государства — *янг дипертуан негара* — избирался из числа малайских султанов. Нижняя палата парламента (палата представителей) состояла из 159 депутатов: 104 — от Малайи, 24 — от Саравака, 16 — от Сабаха и 15 — от Сингапура. В верхней палате (сенате) каждый штат имел двух представителей, но, кроме того, Саравак и Сабах назначали дополнительных членов сената. Государственным языком провозглашался малайский, на Северном Калимантане наряду с ним продолжал оставаться официальным языком и английский. Права, предусмотренные для малайцев, распространялись и на коренное население Саравака и Сабаха. В экономической сфере Саравак и Сабах сохраняли контроль над большей частью своих доходов и получали финансовую помощь федерального правительства.

Планы создания Малайзии привели к усилению напряженности в Юго-Восточной Азии. Летом 1962 г. президент Филиппин Д. Макапагал предъявил официальные претензии на Сабах, ссылаясь на то, что султан Сулу в 1878 г. не продал Сабах Компании Британского Северного Борнео, а лишь отдал его в аренду. Еще более серьезное положение создалось в 1963 г., когда против планов создания Малайзии выступила Индонезия.

С конца 1962 г. Индонезия начала оказывать помощь повстанческому антималайзийскому движению на Северном Калимантане, лидеры которого нашли поддержку и на Филиппинах. Индонезия и Филиппины заявили, что они согласятся с созданием Малайзии только в случае, если ООН подтвердит поддержку создания Малайзии населением Северного Калимантана. В ответ Абдул Рахман подчеркнул, что Малайзия в любом случае будет создана 31 августа 1963 г.

Это вызвало недовольство Индонезии и Филиппин, и Абдул Рахман на манильском совещании глав трех правительств (30 июля — 5 августа) согласился на проведение опроса в Сараваке и Сабахе комиссией ООН до провозглашения Малайзии. Комиссия ООН, работавшая в Сараваке и Сабахе с 26 августа по 5 сентября 1963 г., пришла к выводу, что большинство населения поддерживает Малайзию. Индонезия и Филиппины не признали выводов комиссии.

16 сентября в Куала-Лумпуре состоялось провозглашение нового государства — Федерации Малайзия. На следующий день после создания Малайзии произошли нападение на индонезийское посольство в Куала-Лумпуре и разгром малайского и английского посольств в Джакарте. Дипломатические отношения Малайзии с Индонезией и Филиппинами были прерваны. В такой обстановке начала свое существование Федерация Малайзия.

СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН

Вторая мировая война привела к зарождению национально-освободительного движения на Калимантане (Северном Борнео), хотя оно из-за отсталости, сохранения родоплеменных отношений во внутренней части острова, отсутствия значительного городского населения развивалось замедленными темпами и проявилось лишь в конце 1950-х — начале 1960-х годов.

В июле 1946 г. Саравак и Сабах стали колониями короны. Для их послевоенного развития характерно медленное восстановление экономики, сохранявшей довоенные черты: слабое развитие промышленности, существование подсечно-огневой системы земледелия, низкий уровень агротехники.

По-прежнему решающие позиции занимал английский капитал. В его руках находилась инфраструктура, торговля, банки, крупные плантации каучука, какао, кокосовой пальмы, абаки, лесоразработки в Сабахе и добыча нефти в Сараваке. После войны ускорился процесс развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве, что привело к увеличению прослойки мелкобуржуазных элементов среди кигайского населения на побережье и среди крестьян-aborиенов во внутренних районах. Выросла и местная буржуазия, преимущественно китайская по происхождению, которая занималась торговлей, выращиванием экспортных культур, владела небольшими предприятиями обрабатывающей и добывающей промышленности, ресторанами, гостиницами и т.д.

Политическое развитие Северного Калимантана также происходило замедленными темпами. Даже обычные для английских колоний Законодательный и Исполнительный советы возникли в Сабахе в 1950 г., а в Сараваке — в 1957 г. В 1956 г. в Законодательном совете Сабаха появились не должностные члены, среди которых важную роль играл издатель первой в Сабахе газеты «Норс Борнео Ньюс энд Кадазан Таймс» Дональд Стефенс, кадазан по происхождению.

В 1959 г. в Сараваке возникла первая политическая партия — Объединенная народная партия Саравака (ОНПС), генеральным секретарем которой стал юрист Стефен К.Т. Йон. Партия опиралась в основном на мелкобуржуазные слои китайского (в меньшей степени ибанского) населения. Она выступала за самоуправление Саравака и объединение всех территорий Северного Калимантана.

Несколько быстрее в послевоенные годы шло политическое развитие Брунея, где в 1956 г. возникла Народная партия, возглавленная шейхом Азахари. Основную массу ее членов составляли малайцы, она была связана с левыми индонезийскими партиями, а также с такими малайскими политическими деятелями, как Ахмад Бустаман и Бурхануддин. Партия выступила за создание парламентской конституционной монархии во главе с султаном Брунея, объединяющей все территории Северного Калимантана.

В Сараваке против создания Малайзии выступила самая влиятельная политическая партия — ОНПС. Другие партии, возникшие в 1961–1962 гг., поддержали идею образования Федерации. В 1963 г. возник Объединенный фронт, переименованный затем в Союзную партию Саравака, опиравшуюся на даяков и зажиточные слои китайского населения. В июне 1963 г. в Сараваке прошли выборы

в советы дистриктов. Союзная партия получила 138 мест (в основном в даякских районах), ОНПС — 116. Администрация расценила выборы как выражение поддержки проекту создания Малайзии.

В Сабахе, как и в Сараваке, борьба вокруг плана создания Малайзии способствовала значительной активизации политической жизни. Достаточно сказать, что если до выступления Абдул Рахмана в Сабахе не было ни одной политической партии, то к концу 1961 г. их насчитывалось уже пять. Осенью 1962 г. все они слились в Союзную партию Сабаха, которая в декабре 1962 г. одержала внушительную победу на выборах в советы дистриктов (104 места из 119).

К драматическим событиям привела борьба вокруг проекта создания Малайзии в Брунее. Здесь в сентябре 1962 г. состоялись выборы в советы дистриктов, на которых возглавляемая Азахари Народная партия одержала победу. Это дало ей все 16 избираемых мест в Законодательном совете. Тем не менее большинство в совете (17 из 33) принадлежало назначенным султаном членам, и поэтому предложения Нарочной партии о конституционных реформах и создании независимого государства Северный Калимантан до образования Малайзии были отвергнуты. 8 декабря 1962 г. в Брунее вспыхнуло восстание, руководимое Народной партией. Была создана Тентара Насиональ Калимантан Утара (Национальная армия Северного Калимантана), которая атаковала полицейские участки. Султан Омар Али Сайфуддин-шах бежал из своей столицы.

Восстание перекинулось на соседние территории Саравака и Сабаха. Оправившись от первого неожиданного удара, англичане перебросили по воздуху и морю войска из Сингапура и через несколько дней подавили восстание. 20 декабря султан распустил Законодательный совет. Начались массовые аресты и преследования членов Народной партии. В Малайе и Сингапуре в начале 1963 г. были произведены аресты политических и профсоюзных деятелей, выступивших в поддержку Народной партии Брунея. Репрессии последовали и в Сараваке против членов ОНПС.

Малайско-брунейские переговоры кончились неудачей (султан Брунея был напуган недавним восстанием и не соглашался на то отчисление доходов от нефти в федеральный бюджет, на котором настаивала Малайя), и Бруней в Федерацию не вошел.

МАЛАЙЗИЯ

Западная Малайзия (Малайя и Сингапур) относилась к наиболее развитым районам Юго-Восточной Азии. Восточная (Саравак и Сабах) — к наименее развитым.

Важной чертой малайзийской экономики стала ее огромная зависимость от состояния мировой торговли, от колебаний цен на мировом рынке. Экономика Малайзии, носившая ярко выраженную экспортную направленность, базировалась на трех китах: сельском хозяйстве, горной промышленности и торговле.

Узким местом экономики страны являлась деревня, в которой продолжали сохраняться феодальные и дофеодальные формы эксплуатации крестьянства. На

Северном Борнео земельная проблема остро не стояла, поскольку население там не было таким значительным, как в Малайе, и сохранялось общинно-родовое пользование землей.

Правительство Малайзии взяло курс на создание благоприятных условий для развития местной буржуазии с одновременным активным привлечением иностранного капитала. В деревне оно пыталось смягчить остроту аграрных отношений, приступив к выполнению программы сельскохозяйственного развития. Одновременно в первые годы существования Малайзии предпринимались усилия по более интенсивному развитию Восточной Малайзии.

Стержнем планов в Малайе являлась программа сельскохозяйственного развития. Промышленное же развитие финансировалось местным частным и иностранным капиталом, которому предоставлялись различные льготы. Правительство поощряло создание смешанных предприятий (с участием местного и иностранного капитала), давало льготы иностранным компаниям. В результате приток иностранного капитала в Малайзию в 1963–1965 гг. увеличился.

За первые годы своего существования Малайзия добилась явных экономических успехов. Так, уже в 1964 г. валовой продукт увеличился на 7% по сравнению с 1963 г. В середине 1965 г. в стране действовало более 250 новых предприятий. Возросло производство каучука, олова и риса. Тем не менее множество экономических проблем, в первую очередь таких, как диверсификация экономики, растущая безработица, аграрный вопрос, на путях привлечения иностранного и местного частного капитала без попыток серьезных реформ в социальной сфере оставались нерешенными. Помимо общих причин в 1963–1965 гг. действовали и другие факторы, осложнявшие положение в Федерации, из которых важнейшими были взаимоотношения с Индонезией и малайско-сингапурские противоречия.

Создание Малайзии способствовало дальнейшей поляризации политических сил в ее различных частях. К старой борьбе партий в каждой из составных частей нового государства добавилось теперь соперничество между крупнейшими политическими силами Малайи и Сингапура.

Для политической жизни Северного Борнео было характерно стремление консервативных сил консолидироваться, опираясь на поддержку Объединенной малайской национальной организации. В Сараваке ОМНО стремилась опереться на малайское население, а в Сабахе, где малайцев было мало, — на мусульманскую часть местных народностей. Позиции левых сил в Сараваке после неудачного восстания в Брунее и начала политики противостояния Малайзии, проводимой Индонезией, ослабли.

Центральным событием внутривнутриполитической жизни Малайзии в 1964 г. стали парламентские выборы в самой крупной части Федерации — Малайе. Оппозиция правящей Союзной партии была, как и раньше, представлена двумя основными политическими силами — Народным социалистическим фронтом и Панмалайской исламской партией. Обе партии выступили на выборах с программой ликвидации Малайзии. Их объединяло также отрицательное отношение к внешней политике Малайзии и проиндонезийские симпатии.

Выборы 25 апреля 1964 г. принесли успех партии Абдул Рахмана. Союзная партия получила 89 из 104 мест, предназначенных для Малайи в федеральном парламенте (57% голосов). Она также получила большинство в законодательных собраниях десяти штатов из одиннадцати. ПМИП провела девять депутатов в парламент Малайзии (7% голосов) и сохранила большинство в Законодательном собрании штата Келантан. Социалистический фронт потерпел на выборах поражение, получив лишь два места в парламенте. Апрельские выборы 1964 г. укрепили положение Союзной партии и свидетельствовали об ослаблении левых сил в Малайе, немалую роль в котором сыграла поддержка многими из их лидеров индонезийской «политики конфронтации».

В 1965 г. резко обострились отношения между правящими кругами Малайи и Сингапуром. Причины, которые привели к этому обострению, были многообразны и существовали фактически с момента создания Федерации, охватывая сложный комплекс экономических, национальных и политических проблем. Главными спорными вопросами в экономике стали географическое размещение промышленности, проблема общего рынка, распределение доходов Сингапура. Еще более острыми стали политические противоречия, к которым присоединялась национальная проблема. Партия народного действия, выдвинувшая программу «демократического социализма» и «малайзийской Малайзии», стала естественным соперником консервативной Союзной партии.

С весны 1965 г. малайско-сингапурские противоречия вступили в решающую стадию. В этих условиях Абдул Рахман и его правительство пошли на крайние меры. 7 августа руководители Малайзии и Сингапура подписали соглашение о выходе Сингапура из Федерации.

После выхода Сингапура из Федерации те проблемы внутривнутриполитического развития, которые стояли перед страной, отнюдь не оказались решенными или их острота — смягченной, как надеялись малайзийские руководители. Именно в эти годы обострились этнонациональные противоречия. Компромисс между китайской буржуазией и малайской феодально-бюрократически-буржуазной элитой, нашедший свое выражение в конституции 1957 г. (и в повторившей ее конституции 1963 г.) и заключавшийся в предоставлении китайцам возможности беспрепятственного занятия бизнесом в обмен на юридическое закрепление особых прав малайцев в землепользовании, государственной службе и т.д., во второй половине 1960-х годов перестал удовлетворять обе национальные общины.

Хотя правительству Союзной партии удалось достичь определенных успехов в развитии экономики, общая социально-экономическая структура Малайзии не изменилась, равно как сохранились острые проблемы занятости населения, нехватки земли, бедности крестьянских и городских низов, диспаритета в области экономики между национальными общинами.

В обстановке обострения классово-социальных и этнических противоречий в Западной Малайзии появились новые оппозиционные партии, в частности Партия демократического действия (ПДД). Ее идеологией стала теория «демократического социализма», близкая идеологии социал-демократии Западной Европы. ПДД получила поддержку части пролетариата, мелкой буржуазии и интеллиген-

ции китайского происхождения. Другая новая партия — Геракан ракьят Малайсия (Движение народа Малайзии) — была создана бывшими лидерами (умеренными) Рабочей партии и видными представителями малайзийской интеллигенции.

В ходе предвыборной кампании 1969 г. ОМНО сосредоточила огонь критики не против левой оппозиции, представлявшей в массе немалайское население, а против ПМИП, в которой она видела своего основного конкурента в борьбе за влияние на малайское крестьянство. Союзная партия шла к выборам, уверенная в сокрушительной победе над силами оппозиции. Тем сильнее было разочарование и растерянность правящей коалиции, когда были подсчитаны результаты голосования 10 мая 1969 г. в федеральный парламент и в парламенты штатов в Западной Малайзии.

Хотя Союзная партия получила 66 мест из 104 и сохранила большинство в парламенте, за нее было подано менее половины голосов (49,1%), и число ее депутатов уменьшилось по сравнению не только с 1964 г. (89), но даже с 1959 г. (74). Оппозиционные партии получили 38 мест в федеральном парламенте.

Выборы продемонстрировали глубокое недовольство, существовавшее в стране. Несмотря на то что оппозиционные партии не могли предложить ясной программы межнациональной консолидации и разрешения экономических проблем, их критика существующего положения привлекла к ним массу населения.

13 мая 1969 г. в Куала-Лумпуре начались межнациональные столкновения, поводом к началу которых была организация сторонниками ПДД и Геракана демонстрации по поводу успеха на выборах. Националистически настроенная малайская молодежь напала на демонстрантов, а затем столкновения охватили весь город. В течение считанных дней волна кровавых стычек, насилия, поджогов, убийств охватила всю Малайю. Столкновения продолжались до конца июля, порядок в стране удалось восстановить лишь после массового использования полиции и воинских частей. По заниженным данным, было убито около 200 человек (видимо, 500–600), ранено 440, арестовано более 9 тыс. и отдано под суд около 5,5 тыс. человек. Основную массу убитых и раненых составили китайцы.

14 мая в Малайе было объявлено чрезвычайное положение, 15 мая был создан Национальный оперативный совет во главе с заместителем премьера и министром обороны Абдул Разаком. Деятельность политических партий была запрещена, выборы в Сараваке и Сабахе отложены.

31 августа 1970 г. верховный правитель Абдул Халим Муазам-шах в традиционной речи по поводу Дня независимости провозгласил государственную доктрину рукунегара (основы государства), ставшую идеологической основой Федерации. В ее основу были положены пять принципов: 1) вера в Аллаха и веротерпимость (хотя ислам признавался государственной религией); 2) преданность монарху и стране; 3) уважение конституции; 4) соблюдение законов; 5) правильное поведение и соблюдение моральных норм. В Рукунегара говорилось, что самая неотложная задача — создание единой государственной общности людей, живущих на земле Малайзии, создание единой малайзийской нации, которая объединит всех жителей страны независимо от национальности и вероисповедания.

В сентябре 1970 г. ушел в отставку Абдул Рахман, премьер-министром стал Абдул Разак, его соратник и правая рука, считавшийся в правительственных кругах человеком, настроенным более «промалайски», чем старый лидер ОМНО.

В феврале 1971 г. парламент принял закон о поправках к конституции, согласно которому запрещалось (включая членов парламента и законодательных советов штатов) обсуждать вопросы, относящиеся к гражданству и особым правам малайцев и аборигенов Восточной Малайзии.

Стремясь ослабить межнациональную и внутривластную напряженность и смягчить социальные противоречия, правительство Абдул Разака (а после его смерти в январе 1976 г. — Хуссейна Онна) предприняло ряд мероприятий во внутривластной, экономической и внешнеполитической областях.

Вскоре после прихода к власти Абдул Разак выдвинул идею сотрудничества всех легальных политических партий страны в рамках Национального фронта. Большинство лидеров оппозиционных партий, как вследствие личных интересов, так и понимая бесперспективность борьбы с Альянсом без обострения межнациональных противоречий, одобрительно отнеслось к этой идее. В августе 1974 г. состоялись парламентские выборы, на которых Национальный фронт получил 136 мест из 154. Оппозиция не смогла добиться успеха на выборах.

Было сформировано правительство, куда вошли не только члены Союзной партии, но и лидеры бывших оппозиционных партий.

Политические мероприятия были дополнены социально-экономическими. В основу их была положена провозглашенная в июле 1969 г. «Новая экономическая политика», призванная, по мысли ее авторов, достичь две главные цели: ликвидировать бедность в стране и устранить неравенство между национальными общинами.

Претерпела определенные изменения и внешняя политика Малайзии. Хотя страна сохраняла тесные связи с Западом, в ее внешней политике усилились тенденции развития дружественных отношений со всеми странами, включая социалистические, и поддержки процесса международной разрядки. Активно действовала Малайзия в региональной организации АСЕАН, чему способствовало прекращение малайзийско-индонезийского, а затем и малайзийско-филиппинского конфликтов. В апреле 1967 г. Малайзия установила дипломатические отношения с СССР, затем в конце 1960-х и в 1970-х годах они были установлены с европейскими социалистическими странами и Вьетнамом. В 1975 г. Малайзия обменялась посольствами с КНР.

В сентябре-октябре 1972 г. премьер-министр Абдул Разак посетил СССР, где были подписаны соглашения об экономическом, техническом, культурном и научном сотрудничестве между двумя странами. Советский Союз стал одним из главных покупателей малайзийского каучука. В сентябре 1979 г. Советский Союз посетил премьер-министр Малайзии Хуссейн Онн. В подписанном в Москве совместном советско-малайзийском коммюнике стороны «подтвердили намерение и дальше идти по пути укрепления добрых отношений и расширения взаимовыгодного сотрудничества в экономической, научно-технической и других областях на благо народов обеих стран».

16 июня 1981 г. премьером Малайзии стал Махатхир Мохамад, до этого являвшийся заместителем Хусейна Онна, ушедшего в отставку после операции на сердце.

В отличие от своих аристократических предшественников он не принадлежал к малайской аристократии². Махатхир Мохамад продолжил политику создания «нового общества» и «нового государства», начатую Абдул Рахманом, которого он подвергал столь резкой критике. Основным инструментом в решении поставленной задачи новый премьер избрал экономическую политику, должную предотвратить социальные конфликты и содействовать консолидации общества. Разъясняя мотивы, которыми он руководствовался, Махатхир Мохамад указывал на то, что «главной целью правительства стало проведение смелого эксперимента в социально-экономическом строительстве, направленного на сокращение имущественного неравенства между расами». Основная цель заключалась в стремлении создать условия для ускоренного формирования малайского среднего класса, который по своим масштабам и соотношению к общей численности общин несоизмеримо отставал от китайского и индийского. В провозглашенном Махатхиром Мохамадом в начале 1980-х годов призыве «Равняйся на Восток» отразилось его стремление к достижению «экономического чуда», схожего с тем, что было достигнуто в Японии, Южной Корее и на Тайване.

Возглавляемое Махатхиром Мохамадом правительство приступило к индустриализации. Была реорганизована система образования. Приоритетным в ней стало не столько преподавание общеобразовательных, сколько специальных дисциплин; значительно возросло количество высших учебных заведений. К концу 1990-х годов в Малайзии их насчитывалось более 200, готовящих десятки тысяч современных специалистов, по сравнению с пятью подобными учреждениями, в которых обучалось 17 тыс. студентов в начале 1970-х годов.

В отношении капиталовложений ставка была сделана на привлечение иностранного капитала. В основном это были американские и японские компании.

² Махатхир бин Мохамад родился 20 декабря 1925 г. в Алор Сетаре, административном центре штата Кедах. Хотя его мать и происходила из знатного малайского рода, отец был школьным учителем, выходцем из Южной Индии. Не было у будущего премьера и традиционного для малайской правящей элиты полученного в Англии юридического образования. Окончив медицинский колледж в Сингапуре, Махатхир Мохамад занимался врачебной практикой в Алор Сетаре. В ОМНО он вступил сразу после ее образования в 1946 г., в 1964 г. был избран членом парламента. На выборах 1969 г. Махатхир Мохамад утратил место в парламенте и был затем исключен из партии за письмо премьер-министру Абдул Рахману с обвинениями в предательстве интересов малайской общины. После межэтнических столкновений 1969 г. Махатхир Мохамад выпустил имевшую широкий резонанс и запрещенную в Малайзии книгу «Малайская дилемма», в которой резко критиковалось руководство страны. В 1970 г., после вступления в должность премьер-министра Абдул Разака, Махатхир Мохамад был восстановлен в ОМНО. В 1973 г. он стал сенатором, на выборах 1974 г. вновь избран членом парламента и получил пост министра образования. В 1976 г. премьер-министр Хусейн Онна назначил Махатхира Мохамада своим заместителем, сохранив за ним пост министра образования. В 1978 г. в результате перестановок в правительстве Махатхир Мохамад был назначен на должность министра торговли и промышленности, в 1975 г. избран одним из трех вице-председателей ОМНО, в 1978 г. — первым заместителем председателя ОМНО. С 1981 года Махатхир Мохамад — бессменный председатель ОМНО и лидер правящей партийной коалиции Национальный фронт (НФ). На посту премьер-министра находился до 31 октября 2003 г.

Прямые иностранные инвестиции в Малайзии были на тот период в числе самых активных в мире. А ведь всего лишь четверть века назад Малайзия являлась не более чем основным мировым поставщиком натурального каучука, пальмового масла и олова. За короткий срок страна совершила гигантский скачок из слабо-развитости в мир высоких технологий, развитой промышленности и современных коммуникационных систем. Сохранив роль мирового лидера в поставке названных сырьевых товаров, Малайзия превратилась в один из ведущих центров производства радиоэлектроники, компьютерных компонентов и разработки новейших технологий. С середины 1980-х годов четвертая часть всей бытовой электроники мира стала производиться в Малайзии.

Эти преобразования коснулись социальной сферы. За период с 1988 по 1996 г. среднегодовые темпы прироста ВВП составили 8%, доход на душу населения возрос с 2474 долл. в 1991 г. до 5 тыс. в первой половине 1997 г. Отмечался быстрый рост расходов на социальные нужды. Так, в 1979 г. они составляли 19,66%, а в 1996 г. — 25,1% государственных расходов. При этом расходы на образование составляли 70% всех социальных расходов, или 20% всех текущих расходов бюджета.

Периоду правления Махатхира Мохамеда свойственно строительство помпезных сооружений: две 88-этажные башни ультрасовременного офиса нефтяной компании «Петронас», занимавшие в то время место в книге рекордов «Гиннеса» как самые высокие в мире офисные здания, телевизионная башня в Куала-Лумпуре — гремя по высоте после башен Торонто и Москвы. Впечатляющим явилось создание 14-километрового моста, соединяющего остров Пинанг, на котором сконцентрирована электронная индустрия, с материком. Особый интерес представляет осуществление международного проекта «Мультимедийный суперкоридор». Это огромная мультимедийная зона шириной 15 км, протянувшаяся на 50 км. Вся территория пронизана сетью высокоскоростной оптоволоконной связи для обеспечения прямого сообщения «суперкоридора» со странами АСЕАН, Европы, Америки и Японией. В этом нашло отражение давнее стремление премьера создать малайзийское подобие калифорнийской Силиконовой долины. В границах «коридора» расположилась новая административная столица государства — Путрачжая. Город задуман как футуристический город-сад, федеральный электронный правительственный центр.

Однако главная цель «новой экономической политики», связанная с доведением доли малайского капитала в экономике до 30%, не была достигнута. К концу пребывания Махатхира Мохамеда у власти она составляла лишь 19%. Премьер требовал большей самоотдачи от малайцев, к подъему жизненного уровня которых он стремился. Его удручали малайский фатализм и пассивность, неспособность полностью избавиться от неумения понять цену деньгам и времени. Он призывал соплеменников-малайцев уйти от иждивенчества и привычки ожидать подачек от государства, упрекая их в глупости и лени, как это было в июне 2001 г. на общенациональном съезде ОМНО. Если малайские бизнесмены и предприниматели и население в целом не одумаются, предупреждал Махатхир Мохамед, «глобализация задушит нас, и малайцы как нация исчезнут с карты мира...

Надо всемерно отстаивать свои интересы перед внешней опасностью – глобализацией и попытками вмешиваться во внутренние дела... Сотрудничая с Западом, нельзя полагаться на западные державы. Те, кто на это рассчитывает, — „идиоты в квадрате“, поскольку они легко превратятся в марионеток Запада», — предостерегал глава правительства.

Не принадлежа к аристократии, Махатхир Мохамад в целях повышения эффективности работы государственной машины пошел на урезание конституционных прав и привилегий султанов. Он также добился того, что неприкосновенность султанов не распространялась более на членов их семей, часто открыто ею злоупотреблявших. Этим Махатхир Мохамад снискал авторитет среди основных малайских этнических групп. Махатхир Мохамад умело маневрировал и непосредственно в мусульманской среде. В 1982 г. он совершил хадж в Мекку, что способствовало росту его популярности среди мусульман.

Теоретической основой построения полиэтничного общества явилась стратегия национальной политики, предложенная Махатхиром Мохамадом под общим названием «Концепция-2020». В ее основу заложена ориентация малайзийской нации на «азиатские ценности» как наиболее приемлемые и отвечающие чаяниям всех национальных групп Малайзии, что явилось логическим продолжением прозвучавшего ранее призыва «Равняйся на Восток». Провозглашая этот курс, премьер неизбежно выходил за рамки своей страны. Избранная им роль идеолога азиатского национализма требовала своего продолжения на асеановском уровне, где Махатхир Мохамад стал проводником тех настроений, которые связаны с преимущественной интеграцией на региональном уровне. В борьбе с гегемонизмом США и других «белых» тихоокеанских стран Махатхир Мохамад еще в декабре 1990 г. выдвинул предложение о создании экономической группировки государств Юго-Восточной и Восточной Азии. Целью создания восточно-азиатской экономической группировки, в которую помимо всех стран ЮВА вошли бы также Япония, Китай, Тайвань, Гонконг и Южная Корея, было не только укрепление регионального сотрудничества, но и формирование единой позиции в отношениях с западными государствами.

«Концепция-2020», являясь существенным шагом вперед по сравнению с предшествующими официальными доктринами малайзийского руководства по вопросам национальной политики, в условиях кризисных 1997–1998 гг. и обострения социальных проблем в стране стала и средством удержания власти. Реализация этой политики вела к декларированию курса «опоры на собственные силы», поиску «внешнего врага», коими были избраны Международный валютный фонд, предприниматель Дж. Сорос и международный сионизм. Широко известны резкие заявления малайзийского премьера в их адрес с обвинениями в провоцировании финансового кризиса. На фоне других стран АСЕАН Малайзия продемонстрировала собственный вариант выхода из кризиса, что имело широкий резонанс в мировой прессе.

Отказавшись от помощи МВФ и действуя частично вопреки его рекомендациям, руководство страны ввело жесткую регламентацию ряда направлений экономической жизни. Был отменен плавающий и введен фиксированный курс нацио-

нальной валюты, принят пакет чрезвычайных мер по валютному регулированию, запрещена деятельность инвестиционных компаний, виновных, по мнению властей, в финансовых спекуляциях.

В конечном счете Малайзия справилась с последствиями кризиса более успешно, нежели другие страны АСЕАН. Во многом этому способствовало особое экономическое положение Малайзии. Ее внешний долг на тот период был низким, составляя к концу 1999 г. 47% стоимости экспорта. Для сравнения: у Таиланда этот показатель достиг 111%, у Индонезии — 260%. При этом следует учитывать также существенные золотовалютные резервы Малайзии, составлявшие в сентябре 1998 г. 21 млрд. долл. В силу изложенного Малайзия не испытывала столь острой нужды в валютных поступлениях извне, как Таиланд, Индонезия и ряд других стран, охваченных кризисом. Демарш Махатхира Мохамеда в отношении МВФ, где главенствующие позиции занимают американцы, явился по существу искусно продуманной игрой, направленной на усиление популярности премьера на волне националистических настроений. Иначе говоря, в данном случае еще раз оправдался тезис, бытовавший в то время в дипломатических кругах ЮВА, о том, что Малайзия, явно не заинтересованная в осложнении отношений с США, скорее «играет» в антиамериканизм в расчете на внутреннее потребление, потворствуя чувствам мусульман.

При неоспоримых успехах, достигнутых Махатхиром Мохамедом на поприще главного администратора страны, его правление не было безоблачным. Серьезным испытанием явилось для него, в частности, дело Анвара Ибрагима, молодого вице-премьера, которого общественная молва сделала вероятным преемником Махатхира Мохамеда задолго до того, как об этом заговорил сам премьер. Возникшее между ними на этой почве противостояние вылилось в судебный процесс над Анваром Ибрагимом. И хотя обвинительная сторона процесса была весьма спорной, он был осужден на длительный срок тюремного заключения за коррупцию и гомосексуализм, что в стране, где ислам признан государственной религией, является гяжким преступлением.

С осени 1998 г. малайзийская оппозиция и Запад развернули широкую кампанию, обвиняя Махатхира Мохамеда в том, что, опасаясь утраты своего поста, он «погубил своего оцаренного политического наследника». Звучали требования, чтобы он, подобно другому политическому долгожителю Юго-Восточной Азии, президенту Индонезии Сухарто, добровольно оставил свой высший пост в правительстве и ОМНО. В столице прокатились волны уличных «молодежных бунтов», вылившихся в погромы и насилия. Эта кампания, развернувшаяся незадолго до парламентских выборов 1999 г., весьма осложнила ситуацию для ОМНО и в особенности для ее бессменного лидера. Правящая коалиция НФ хотя и победила, но оппозиционная Исламская партия (ПАС) получила рекордное для себя число мандатов — 27 (14%) и помимо штата Келантан также стала контролировать ситуацию еще в одном штате — Тренггану. Все годы своего существования ОМНО была наиболее привлекательной партией для малайской молодежи, которая за нее голосовала, видела в ней поддержку в своих карьерных устремлениях. На выборах 1999 г. значительные слои молодежи предпочли ПАС. В нее также

ушло много бывших сторонников ОМНО из числа квалифицированных малайцев — интеллигенция, инженеры-нефтяники, врачи; 70% их представителей проголосовали за оппозицию. Драматичность ситуации заключалась в том, что Махатхир Мохамад, отдавший много сил на «малайзацию» экономики, заключающуюся прежде всего в формировании малайского среднего класса, не получил от него поддержки в трудную минуту. Весьма примечательно, что на этих выборах победу премьер одержал благодаря избирателям-китайцам. На фоне рвущейся к власти оппозиционной партии исламистского толка это еще раз явилось доказательством актуальности его политики на создание консолидированного полиэтнического общества.

Свой политический потенциал Махатхир Мохамад восстановил несколько позже в ситуации, вновь связанной с подъемом исламистских настроений в регионе и непосредственно в Малайзии после трагических событий в США 11 сентября 2001 г. и начала американцами антитеррористической кампании. История с появлением исламских радикалов в Малайзии — факт неоспоримый. Ясно и то, что на тот момент угрозу безопасности страны они не представляли. Но правительство Махатхира Мохамада оказалось крайне заинтересовано в наличии на политической арене неких экстремистов, что дало в руки властей пропагандистский инструмент в борьбе с исламской оппозицией. Сын духовного лидера ПАС Ника Азиза, по слухам, возглавлял радикальную исламскую организацию Бригада моджахедов Малайзии, которую власти обвинили в экстремизме и терроризме. Вместе с сыном одного из руководителей ПАС за решетку были отправлены еще с десятком исламистов, и ПАС оказалась дискредитирована. Арестам на основе Закона о внутренней безопасности наряду с подозреваемыми террористами подверглись политические оппоненты премьера. Выступая с решительным осуждением исламского экстремизма, Махатхир Мохамад привлек на свою сторону не только умеренных мусульман, но и представителей других этнических групп и конфессий. В результате ему удалось консолидировать свою политическую базу, подорванную в ходе парламентских выборов 1999 г.

В последние годы правления Махатхира Мохамада стало очевидно, что исчерпала себя разработанная им схема участия в международном разделении труда, на которой успешно длительные годы строилась экономическая стратегия страны. В новой международной экономической ситуации Китай отвлек на себя основной поток прямых иностранных капиталовложений. В середине 1990-х годов в Малайзии они составляли 5–7 млрд. долл. в год, в начале текущего столетия — менее 1 млрд. долл. Хотя экономика Малайзии и продолжала держаться на плаву, даже в ближайшем окружении премьера стали высказываться мнения о том, что «любая экономическая структура не может существовать вечно и со временем требует пересмотра». При очевидной склонности к пересмотру стратегии развития недавнего прошлого, основанной на главенствующей роли иностранного капитала, разочарованности в последствиях его деятельности начали делаться ставки на собственные ресурсы и резервы, наметился возврат к тезису опоры на собственные силы, подразумевая под этим возможности не только страны, но и региона. Не случайно новая стратегия экономического развития

страны, к внедрению которой готовились приступить малайзийские экономисты, носила название не «малайзийской», а «восточноазиатской экономической модели». Это, в свою очередь, явилось доказательством того, насколько глубокий след оставил Махатхир Мохамад в мироощущении граждан своей страны. Видимо, осознание этого наводило его на мысль проводить в дальнейшем стратегию «уйти, чтобы остаться», претендуя на роль «Отца нации», схожую с той, какую играл в Китае Дэн Сяопин в последние годы своей жизни. Утвердив за собой репутацию трибуна мусульманского мира, Махатхир Мохамад активизировался на международном уровне.

С таким наследием к обязанностям премьер-министра Малайзии приступил вице-премьер в правительстве Махатхира Мохамата Абдулла Ахмад Бадави.

Глава 35

СИНГАПУР

5 сентября 1945 г. английские войска высадились на острове. 12 сентября был подписан акт о капитуляции японского гарнизона. 1 апреля 1946 г. Сингапур был объявлен колонией короны. Но англичане вернулись уже в другой Сингапур. Как и в Малайе, в послевоенном Сингапуре чрезвычайно возросло влияние Коммунистической партии Малайзии (КПМ), которая сыграла большую роль в организации антияпонского сопротивления, а теперь требовала предоставить независимость объединенным Малайе и Сингапуру. По призыву КПМ и созданной в феврале 1946 г. Сингапурской федерации профсоюзов на острове прошли многотысячные забастовки. Английская администрация ответила арестами коммунистов и демократических деятелей. Действие закона о чрезвычайном положении, введенного в Малайе в июне 1948 г., было распространено и на Сингапур, где за КПМ шла значительная часть рабочих и учащейся молодежи.

Местной буржуазии, проводившей политику тесного сотрудничества с колонизаторами, не удалось стать ведущей силой в борьбе за независимость. На первый план вышли мелкая буржуазия и европейски образованная интеллигенция. Их превращение в ведущую силу было обусловлено не только политической несостоятельностью сингапурской буржуазии и запретом КПМ, но и особенностями социальной структуры Сингапура. Преобладание пролетарских и мелкобуржуазных слоев, отсутствие крестьянства существенно отличало Сингапур от Малайи.

Английские власти разрешили в начале 1950-х годов создание новых партий и профсоюзов. Профсоюзы стали массовой базой для образованных мелкобуржуазной интеллигенцией новых политических партий: Трудового фронта, Рабочей, Либерально-социалистической и др. В 1951 г. возник Сингапурский конгресс профсоюзов.

В ноябре 1954 г. была создана Партия народного действия (ПНД). В ее рядах объединились представители социал-реформистской интеллигенции, возглавляемые выпускником Кембриджского университета, адвокатом и юрисконсульт-ом профсоюзных объединений Ли Куан Ю¹, и левые (среди них и коммунисты)

¹ Ли Куан Ю родился 16 сентября 1923 г. в состоятельной китайской семье, проживавшей в Сингапуре. Он получил общее образование в английских учебных заведениях Сингапура. Начало его учебы в колледже совпало с годами японской оккупации Сингапура. Жестокость оккупационных властей, особенно в отношении китайского населения, сделала его и все его поколение убежденными борцами за освобождение Малайи и Сингапура от иностранного владычества. После войны Ли Куан Ю продолжил образование в Англии, где с отличием закончил юридический факультет Кембриджского университета. Вернувшись в Сингапур в 1950 г., благодаря своим незаурядным способностям, а также влиятельным связям в кругах местной элиты он быстро за-

во главе с профсоюзным деятелем Лим Цин Сяном. ПНД провозгласила главными целями достижение независимости Малайской федерации, в состав которой должен был войти и Сингапур, и создание «свободной, демократической социалистической Малайи».

В 1955 г. в Сингапуре была принята конституция, разработанная комиссией во главе с английским дипломатом Джорджем Рэнделом.

В качестве первой меры английская администрация предоставила колонии ограниченное самоуправление. В апреле 1955 г. состоялись выборы в Законодательный совет. Победу одержала образованная в 1951 г. партия Трудовой фронт. Лидер партии Дэвид Маршалл стал старшим министром.

В апреле 1956 г. в Лондоне начались англо-сингапурские переговоры о предоставлении самоуправления Сингапуру, которые проходили с перерывами в 1956–1959 гг. После закончившегося безрезультатно первого тура переговоров в знак протеста ушел в отставку Дэвид Маршалл. Правительство возглавил Лим Ю Хок, представитель правого крыла Трудового фронта.

25 июля 1958 г. английские власти приняли решение о предоставлении Сингапуру статуса «самоуправляющегося государства» в рамках Британского содружества наций. В соответствии с принятой в 1958 г. конституцией управление внутренними делами Сингапура предоставлялось местному правительству, ответственному перед избравшимся на основе всеобщего избирательного права парламентом, главой государства (*янг дипертван негара*) должен был быть сингапурец малайского происхождения. Прерогативой Англии оставались вопросы обороны и внешней политики. На острове сохранялась британская военно-морская база.

Внутриполитическая жизнь Сингапура конца 1950-х годов была отмечена дальнейшей поляризацией политических сил. Ухудшение экономического положения, проколониальная политика правительства Лим Ю Хока, преследование левых сил подорвали позиции Трудового фронта. ПНД, напротив, в эти годы приобретала все большую популярность. В декабре 1957 г. она победила на муниципальных выборах и один из членов левой фракции — Он Энгунь стал мэром города. Но начавшиеся аресты позволили умеренным восстановить свое влияние. ПНД победила и на всеобщих выборах 1959 г., получив в парламенте 43 места из 51.

3 июня 1959 г. Сингапур был официально провозглашен «самоуправляющимся государством» под опекой Англии. Главой государства в соответствии с конституцией 1958 г. стал малаец Инче Юсоф бин Исхак, премьер-министром — Ли Куан Ю.

Правительству Ли Куан Ю пришлось столкнуться с рядом крайне острых проблем.

В целях структурной перестройки народного хозяйства был разработан Первый план развития (1961–1965). Падение роли Сингапура как реэкспортного

воевал репутацию талантливого и энергичного адвоката, а вскоре стал одним из самых активных участников и организаторов борьбы за независимость Сингапура.

центра региона заставило переориентироваться на промышленное развитие. Индустриализацию предполагалось проводить капиталистическими методами, предусматривалось широкое привлечение частнопредпринимательского капитала, как местного, так и особенно иностранного.

На внутривнутриполитическую жизнь Сингапура глубокое влияние оказал план создания Федерации Малайзия. Это предложение нашло поддержку и у лидеров ПНД, надеявшихся через объединение с Федерацией получить полную независимость, ускорить решение внутренних экономических проблем, а также заручиться поддержкой федерального правительства в обострившейся борьбе с левыми силами.

В августе 1961 г. между Ли Куан Ю и Абдул Рахманом было достигнуто соглашение, которое предусматривало получение Сингапуром независимости через объединение с Малайской Федерацией в составе Малайзии. Группировка Лим Цин Сяна заявила о своем несогласии с условиями договора. Борьба между умеренными и левыми привела к расколу ПНД и образованию в августе 1961 г. на базе левой фракции новой партии — Социалистического фронта (СФ). Реформистское руководство ПНД, располагая в парламенте большинством в один голос, сумело победить на референдуме по условиям вступления Сингапура в Федерацию Малайзия (1 сентября 1962 г.).

Перенос даты провозглашения Федерации Малайзии на 16 сентября 1963 г. был использован Ли Куан Ю для того, чтобы 31 августа в одностороннем порядке провозгласить независимость Сингапура.

Вхождение Сингапура в состав Федерации Малайзия не принесло тех экономических и политических результатов, на которые надеялись сингапурское руководство и местная буржуазия.

Сингапурская буржуазия проявляла недовольство дискриминационной политикой центрального правительства, стремившегося замедлить промышленный рост Сингапура и привлечь капиталы для развития промышленности в самой Малайзии.

Призывы ПНД к ликвидации привилегий малайской феодально-буржуазной верхушки и созданию «демократической малайзийской Малайзии», граждане которой независимо от этнической принадлежности имели бы равные права, шли вразрез с планами малайзийского руководства обеспечить политическое господство малайцам. Решение ПНД принять участие в федеральных выборах в августе 1964 г. усугубило противоречия.

Под влиянием малайской правонационалистической пропаганды чрезвычайно обострилась проблема межэтнических отношений. В июле и сентябре 1964 г. в Сингапуре произошли кровавые малайско-китайские столкновения. В создавшихся условиях правительство Малайзии пошло на разрыв союза с Сингапуром. 7 августа 1965 г. Абдул Рахман и Ли Куан Ю подписали соглашение о выходе Сингапура из состава Федерации.

9 августа 1965 г. одновременно в Сингапуре и Куала-Лумпуре было официально объявлено о создании нового суверенного независимого государства — Республики Сингапур. 22 декабря 1965 г. сингапурский парламент принял конституцию.

Согласно конституции Сингапур — республика парламентского типа. Глава государства — президент, избираемый парламентом сроком на четыре года. Однако функции президента носят представительский характер, поскольку все конституционные полномочия фактически передавались премьер-министру — лидеру победившей партии и его кабинету, ответственным перед однопалатным парламентом (прежний Законодательный совет), который избирался сроком на пять лет прямым всеобщим голосованием. Сингапур провозглашался многонациональным государством, все его граждане имели равные права независимо от этноконфессиональной принадлежности и социального статуса. Государственным языком был признан малайский, английский, китайский и тамильский были утверждены в качестве официальных языков. Сингапур провозглашался светским государством, но гарантировалась свобода вероисповедания.

Пытаясь преодолеть трудности самостоятельного экономического и политического развития, Ли Куан Ю и его соратники приложили большие усилия для консолидации общества вокруг осуществления программы преобразований и укрепления массовой базы режима, претворявшихся в жизнь под лозунгом «национального выживания».

Магистральным путем обеспечения экономической независимости стало следование концепциям «экономического интернационализма» и «глобального города», в соответствии с которыми Сингапуру с его специфическим экономическим положением города-государства было необходимо прочно войти в систему мирохозяйственных связей и утвердиться на мировом рынке. Началась коренная реконструкция экономики и переход от импортзамещающего производства к новейшим наукоемким производственным отраслям, ориентированным на экспорт. В отсутствие собственной сырьевой базы основная ставка была сделана на человеческий ресурс, предприимчивость, социальную дисциплину, образование. В финансировании промышленного развития страны основную роль по-прежнему играл частный капитал — местный и особенно иностранный. Иностранный производственный сектор стал основой таких современных отраслей, как электронная, нефтеперерабатывающая, химическая. В результате принятых мер уже за первые три года независимости среднегодовые темпы экономического роста увеличились с 6,5 до 14,3%.

Положение островного государства повлекло за собой выработку динамичного и прагматичного внешнеполитического курса, проводившегося под лозунгом «позитивного нейтралитета». Правительство Сингапура заявило, что в своей деятельности на международной арене оно будет придерживаться трех основных принципов: интересов экономического развития государства; обеспечения внутренней и внешней безопасности; неприсоединения к блокам.

Следуя поставленным задачам, Сингапур в сентябре 1965 г. вступил в ООН в качестве 117-го ее члена, месяц спустя стал 23-м государством-членом Британского содружества наций, а в августе 1967 г. явился одним из основателей Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), вступил в движение неприсоединения, стал членом многих других международных организаций. Поддержание курса «позитивного нейтралитета» нашло отражение в установлении дипломати-

ческих отношений с разными странами мира, в том числе с Советским Союзом (июнь 1968 г.) и другими социалистическими странами.

Внутренняя политика правительства была направлена на установление всестороннего контроля над обществом, проведение жесткой политики в отношении оппозиции, особенно левой. В 1966 и 1968 гг. были приняты законы, фактически лишившие трудящихся права на забастовку.

Осуществление подобного курса стало возможным в значительной мере благодаря установкам Социалистического фронта, избравшего под влиянием маоистской агитации левозкстремистскую тактику. Сохранение на острове британской военно-морской базы дало повод руководству СФ объявить независимость Сингапура фикцией, а саму республику неокOLONиальным государством. В октябре 1966 г. СФ отозвал из парламента пятерых своих депутатов и объявил о начале внепарламентской борьбы, вылившейся в забастовки, уличные беспорядки, разжигание шовинистических настроений среди китайского населения. В целях сохранения в стране стабильности власти вынуждены были принять жесткие меры в отношении партии и связанных с ней профсоюзов и молодежных организаций. Отказ СФ от работы в парламенте фактически освободил для ПНД арену конституционной политической борьбы и принес ей новую победу на дополнительных выборах 7 марта 1967 г., в результате которых ее депутаты заняли 49 мест из 51.

Накануне всеобщих выборов 1968 г. ПНД еще более укрепила свои позиции, достигнув позитивных результатов в решении чрезвычайно важной для страны проблемы, связанной с неожиданным намерением Англии, в рамках осуществления вывода британских войск «к востоку от Суэца», закрыть на острове свою военно-морскую базу. Вывод английского военного контингента не только чрезвычайно ослаблял обороноспособность молодого государства, только приступившего к созданию собственных вооруженных сил, но и угрожал резким падением доходов и безработицей. Средства, выделяемые Англией на содержание базы, составляли более 20% национального дохода Сингапура, в ее обслуживании было занято 40 тыс. местных жителей.

13 апреля 1968 г. состоялись первые в истории независимого Сингапура всеобщие выборы. ПНД, получив 86,7% голосов, заняла в парламенте все 58 мест (число избирательных округов перед выборами увеличилось с 51 до 58). Ни одна из оппозиционных партий, кроме Рабочей партии, получившей 3,9% голосов, участия в выборах не принимала.

После выборов 1968 г. в стране установилась система «доминантной партии» с характерными для данной политической модели централизацией власти и авторитарными методами управления как в масштабах государства, так и в самой ПНД.

Монопольные позиции в парламенте ПНД удалось удержать и на последующих выборах 1972, 1976 и 1980 гг., в которых уже принимала участие и оппозиция (в том числе и СФ), собрав 26,7; 23 и 22% голосов соответственно. Неоднократные попытки ряда оппозиционных партий (СФ, Объединенный народный фронт, Национальный союз малайцев Сингапура, Рабочая партия, Сингапурская

партия справедливости, Демократическая партия и др.) объединенными усилиями противостоять ПНД успеха не имели. Выдвинутые оппозицией программы в основном сводились к критике наиболее одиозных сторон авторитарного режима и общим призывам к восстановлению свободы и демократии. Они не смогли составить альтернативу масштабным планам и реальным достижениям правящей партии.

Результаты выборов отразили общую направленность политического процесса в 1970-е годы, главной тенденцией которого было становление строго централизованной, авторитарной системы власти, опиравшейся, при сохранении партийного плюрализма, на занимающую доминирующие позиции ПНД, сильную и жесткую исполнительную власть.

Большую роль сыграла приверженность основной массы населения ($\frac{3}{4}$ которого составляли этнические китайцы) многим нормам и установлениям конфуцианской социально-культурной традиции, тяготеющей к авторитарной власти, сильному лидеру и патронату государства над личностью.

Переход к режиму жесткой авторитарной власти облегчался отсутствием серьезной оппозиции. Постоянные напоминания о сохраняющейся «коммунистической угрозе» в условиях действия закона о внутренней безопасности, позволявшего задерживать граждан на неопределенный срок без судебных санкций, оставались эффективным средством борьбы с любой оппозицией.

Сама ПНД с момента ее прихода к власти в 1959 г. фактически превратилась в синоним государства, произошло сращивание партийного и государственного аппаратов. Была установлена строгая цензура прессы, радио и телевидение полностью находились в ведении государства. ПНД ограничила возможности для усиления позиций любой другой партии, монополизировав стратегически важную основу политической деятельности — профдвижение. На фоне экономического роста, отсутствия проблем занятости, улучшения условий жизни народа сингапурскому руководству удалось перевести отношения конфронтации начала 1960-х годов в русло сотрудничества в рамках трехстороннего союза — правительство-предприниматели-профсоюзы.

Действенным механизмом политического контроля над широкими массами населения стало создание таких общественных организаций, как гражданские консультативные комитеты, общественные центры, комитеты жильцов. Они стали важными каналами мобилизации населения, направленной на поддержание правительственного курса, и своего рода противовесом находящейся под патронатом представителей крупного китайского бизнеса широкой сети китайских ассоциаций.

С середины 1970-х годов государственно-капиталистический сектор становится активным участником в развитии сферы материального производства.росло число государственных и смешанных компаний (с привлечением как местного, так и иностранного капитала) в судостроительной и судоремонтной промышленности, в нефтехимической, электронной и электротехнической отраслях, государство стало основным инвестором строительства жилья. Но, как неоднократно подчеркивали сингапурские реформаторы, государственное вмешательство

в экономическую сферу не означало стремления заменить им местное частное предпринимательство. Учитывая, что доля местного капитала в обрабатывающей промышленности была невелика (8–10%) ввиду его традиционной ориентации на торгово-посредническую деятельность, государство фактически взяло на себя функции местной буржуазии как в осуществлении планов индустриализации, так и в качестве партнера иностранного капитала. Успешное функционирование госпредприятий дало в руки правительства экономические рычаги, позволявшие установить определенные границы влияния на него крупного бизнеса и расширить самостоятельность правящей элиты. Буржуазия, являясь экономически доминирующим классом сингапурского общества, публичной властью не владела, хотя, безусловно, отдельные представители банковских кругов, крупного бизнеса допускались в высшие эшелоны власти. В целом рычаги управления были сосредоточены в руках мелкобуржуазной, в основном европейски образованной интеллигенции: профессиональных политиков, технократов, верхушки гражданской бюрократии, сочетавших в своей деятельности создание оптимальных условий для укрепления позиций местной буржуазии с удовлетворением насущных потребностей широких масс населения.

Объединяющей фигурой внутри правящей группировки был Ли Куан Ю. Тот факт, что членов ЦИК ПНД, руководителей профсоюзного центра и высших государственных должностных лиц республики фактически назначал премьер-министр, вызвал чрезвычайное усиление личной власти Ли Куан Ю. В конечном счете его взгляды стали определять весь политический курс государства. Но при всей амбициозности и явной склонности к авторитарным методам руководства рационализм и дальновидность Ли Куан Ю как политика, умение достигать разумного компромисса в принятии решений укрепляли монолитность правящей элиты.

Важно подчеркнуть, что авторитарная политическая система институцировалась при сохранении форм и механизмов западной парламентской демократии: формирования представительных органов власти на основе регулярных всеобщих выборов, допущения, хотя и в жестко контролируемых рамках, партийного плюрализма. Смешанная форма режима, сумевшего добиться массового признания не только силой и устрашением противников, но и реальными достижениями в экономике, в решении острых социальных проблем, превратилась в действенный инструмент реформирования общества.

Расширению социальной опоры режима способствовала и декларированная руководством страны приверженность идеалам «многонационального, демократического и социалистического общества». В своей политической практике оно сумело учесть характерную для 1960-х годов специфику настроений местного общества: широкое распространение социалистических идей среди китайской части населения, воодушевленного победой освободительной революции в Китае, дискредитацию капитализма в глазах народных масс; утрату актуальности антиколониальных лозунгов в условиях независимости, созвучность некоторых принципов социализма особенностям местной политической культуры — сохраняющимися в обществе традициям коллективизма и солидарности.

Сохранение демократического фасада не меняло авторитарный по сути характер политического режима. Но именно авторитарная власть сумела обеспечить политическую стабильность и создать оптимальные условия для гигантского рывка из тяжелейшей ситуации 1960-х годов в период бурного экономического расцвета 1970-х годов, заставившего мир заговорить о «сингапурском экономическом чуде».

Сингапурские прагматики с наибольшей пользой для страны использовали выгодное стратегическое географическое положение Сингапура и благоприятную мировую экономическую конъюнктуру тех лет. Ориентация на ведущие страны Запада, рациональное сочетание ресурсов развитого мира — знаний, технологий, капитала с особенностями этнокультурного фактора (выработанные под воздействием конфуцианской этики дисциплинированность, предприимчивость, грудолобие, престиж образования) не только придали самобытный облик модели развития города-государства, но и внесли значительный вклад в реализацию общей стратегии развития.

Несмотря на малые размеры территории, продолжалось новое промышленное строительство. Помимо Джуронга, где к концу 1977 г. уже функционировало 795 индустриальных предприятий, на которых трудилось 65 тыс. человек, за счет освоения проблемных земель в те годы на острове было создано еще 17 малых промышленных зон, в частности, в Каланг Басине, Кранджи, Сембаване, Телок-Бланга и др.

В результате значительно расширилась индустриальная база Сингапура, а промышленность стала наиболее динамично развивающейся отраслью хозяйства. К концу 1970-х годов ее доля в ВВП страны составила 29,7% по сравнению с 11,9% в 1960 г.

Сингапур, за которым прочно закрепилась репутация «нового индустриального государства», стал одним из крупнейших среди развивающихся стран экспортером промышленной продукции, крупнейшим в регионе производителем электронной техники, третьим в мире центром (после Хьюстона и Роттердама) по переработке и торговле нефтепродуктами.

Расширение масштабов деятельности ТНК, избравших Сингапур в качестве своей экспортной базы, усилило его значение как международного финансово-банковского центра. С 1968 г. в Сингапуре стал действовать рынок «азиатских долларов» — один из крупнейших в Азии, да и во всем мире, свободных денежных рынков ссудного капитала. С 1969 г. здесь начал функционировать также крупнейший в ЮВА и на Дальнем Востоке рынок золота, имеющий тесные связи с Лондоном через английские банки.

Качественные изменения в 1970-е годы претерпели все сингапурские службы транспорта и связи. В итоге Сингапур стал обладателем одной из самых совершенных в ЮВА и на Дальнем Востоке телекоммуникационных служб. Неуклонно возрастал грузооборот сингапурского порта — второго в мире после роттердамского. В 1981 г. был открыт новый международный аэропорт в Чанги, признанный по всем стандартам одним из лучших аэропортов мира. Бурными темпами развивалась туристическая индустрия, доходы от которой в 1977 г. составили 6,2% ВВП.

В 1979 г. в связи с неустойчивой конъюнктурой на мировом рынке и вытекающей отсюда опасностью для сингапурской экономики, а также растущей конкуренцией со стороны других развивающихся азиатских государств и территорий (Южной Кореи, Тайваня, Гонконга) правительство заявило о начале «второй промышленной революции». Она подразумевала коренную реконструкцию сингапурской экономики и переход от развития исчерпавших себя экстенсивных форм организации производства к новейшим наукоемким отраслям.

За эти годы произошли коренные преобразования в социальной сфере. Экономическая модернизация осуществлялась не в ущерб ей, а параллельно с ее качественным улучшением. Чтобы сгладить крайности рыночной экономики, правительство Ли Куан Ю начало перераспределять национальный доход, субсидируя такие социально значимые сферы деятельности, как здравоохранение, образование, строительство жилья, доступного для большинства населения. К концу 1970-х годов 64% сингапурцев проживали в приобретенных или арендуемых у государства квартирах. Реформа в сфере образования была нацелена на увеличение числа интегрированных (многоэтнических) школ с обязательным изучением двух языков — английского и родного. В связи с растущими потребностями экономики в квалифицированной рабочей силе расширилась сеть профессионально-технических учебных заведений. Была демократизирована высшая школа. Поскольку высшее образование было платным, правительство учредило госстипендии для поддержки одаренных и способных молодых людей, особенно из малообеспеченных семей. Ежегодно за государственный счет лучшие выпускники вузов отправлялись на учебу в ведущие университеты мира.

Начавшийся в эти годы экономический бум позволил значительно увеличить число рабочих мест в промышленности и связанных с ней областях инфраструктуры. Уровень безработицы снизился с 5,9% в 1965 г. до 3,9% в 1978 г. Вместе с ростом экономики ежегодно росла заработная плата. В 1979 г. по доходу на душу населения (6,1 тыс. ам. долл.) Сингапур занял третье место в Азии (после Японии и Брунея). Была разработана единая система пенсионного обеспечения, представленная Центральным сберегательным фондом. Его средства формируются за счет ежемесячных взносов наемных работников и предпринимателей. Все это объективно способствовало повышению качества и уровня жизни большинства населения. Активизировала свою деятельность и местная буржуазия, получавшая широкую поддержку государства. В результате правящая ПНД сумела вовлечь в орбиту своего влияния различные социальные слои и группы: местную буржуазию, основную массу городских средних слоев и рабочего класса.

Внешнеполитическая доктрина Сингапура в 1970-е годы претерпела некоторые изменения ввиду возникновения принципиально новой политической ситуации в регионе, связанной, в частности, с крахом «вьетнамской» политики Вашингтона и набиравшей темпы разрядкой международной напряженности, включавшей в себя невоенные компоненты политики: дипломатию и экономическое сотрудничество. Не случайно в начале 1970-х годов Сингапур поддержал предложение Малайзии о превращении ЮВА в «зону мира, свободы и нейтралитета». Впрочем, это не помешало Сингапуру в 1974 г. стать участником АНЗЮС — пя-

тисторонного соглашения военно-политического характера, другими участниками которого являлись Англия, Малайзия, Австралия и Новая Зеландия. Радикальные изменения в Индокитае придали ускорение интеграционным процессам в АСЕАН и оказали решающее влияние на региональную политику Сингапура, которая с середины 1970-х годов заняла ведущее место во внешнеполитической деятельности его правящих кругов.

В середине 1980-х годов Сингапур столкнулся с целым рядом проблем кризисного характера. Экономический спад в США и Западной Европе и, как следствие, усиление протекционизма и ограничительной практики болезненно сказались на промышленном экспорте (а следовательно, и самой промышленности) Сингапура. В поисках выхода из кризисного состояния экономики правительство Сингапура основную ставку сделало на активизацию деятельности частного сектора. Местному и иностранному капиталу были предоставлены дополнительные налоговые льготы, резко сократились принудительные вклады работодателей в созданный и контролируемый правительством Фонд социального страхования. Одновременно была заморожена заработная плата и сокращены расходы на социальные нужды. В результате принятых жестких мер в 1988 г. основные кризисные явления были преодолены.

В политической жизни самым болезненным для руководства ПНД событием оказалась победа на дополнительных выборах 1981 г. лидера оппозиционной Рабочей партии Дж. Джеятратнама. Расценив его победу как серьезный признак растущего в обществе недовольства ПНД, правящие круги предприняли упреждающий маневр. По представлению Ли Куан Ю 26 июня 1984 г. парламент Сингапура принял поправку к конституции. Теперь присутствие в парламенте ограниченного числа членов оппозиции было гарантировано. В результате состоявшихся 22 декабря 1984 г. всеобщих выборов в парламент помимо сохранившего за собой депутатское место председателя Рабочей партии Дж. Джеятратнама вторым депутатом от оппозиции стал лидер Демократической партии Чиам Си Тон. Итоги голосования показали, что большинство сингапурцев по-прежнему поддерживают ПНД, завоевавшую 77 из 79 мест в парламенте. Вместе с тем наметилась тенденция к уменьшению числа сторонников партии, получившей 62,9% голосов по сравнению с 75,5% в 1980 г. Более 37% избирателей, отдавших голоса за кандидатов оппозиции, продемонстрировали свое несогласие как с жесткой политикой лидеров ПНД, так и с конкретными ее проявлениями.

После выборов, в соответствии с проводимой с 1972 г. политикой самообновления, на руководящие посты в партии и государственном аппарате стали назначаться способные и образованные молодые люди, главным образом из среды технократов. Среди них был и ставший членом парламента от ПНД старший сын премьер-министра 32-летний бригадный генерал Ли Сянь Лун. Уже занимавший два крупных поста — государственного министра обороны, торговли и промышленности и главы широко разрекламированной комиссии по поиску путей выхода Сингапура из экономического спада 1984–1985 гг., Ли Сянь Лун стал членом ЦИКА и лидером молодежного крыла ПНД. В новом кабинете из «старой гвардии», кроме самого Ли Куан Ю, остались только вице-премьер С. Раджаратнам

и министр юстиции Э.У. Беркер. Первым заместителем премьер-министра и министром обороны был назначен Го Чок Тон, лидер «второго эшелона» политических руководителей. Но появление молодой группы лидеров не означало коренных перемен в политической жизни. Более того, новые руководители, отобранные и подготовленные Ли Куан Ю, в целом продолжили полигику своего старшего наставника, особенно в отношении оппозиции и методов борьбы с ней.

Все эти мероприятия стали своего рода прелюдией к очередным всеобщим выборам. На состоявшихся 3 сентября 1988 г. выборах ПНД завоевала 80 из 81 места в парламенте, получив 64,6% голосов. Единственным депутатом от оппозиции вновь стал Чиа Си Тон. Сразу после выборов Ли Куан Ю заявил, что через два года Го Чок Тон сменит его на посту главы кабинета. В целом в кризисных ситуациях 1980-х годов взвешенная, рациональная политика сингапурского руководства сумела обеспечить стране новый экономический подъем и сохранить политическую стабильность. Вместе с тем политические лидеры не могли не учитывать объективные изменения, происходившие в сингапурском обществе в 1980-е годы, которое отличалось от общества предшествующего периода всеобъемлющей и безоговорочной власти ПНД.

В 1980-е годы новая обстановка в мире (усиление протекционизма в международной торговле) и в регионе (усиление нестабильности в Индокитае) диктовала необходимость модификации некоторых принципов и смещение акцентов во внешней политике. В эти годы сотрудничество со странами членами АСЕАН было поставлено во главу угла внешнеполитического курса Сингапура. Впрочем, это не означало, что Сингапур рассчитывал в целях обеспечения национальных интересов только на региональные контакты. Напротив, он стал еще активнее проводить политику, направленную на поддержание заинтересованности ведущих капиталистических держав в своем существовании, развиваясь как центр обслуживания ТНК.

В 1990 г. под лозунгом «Один народ, одна нация, один Сингапур» страна праздновала 25-летие своей независимости. За четверть века суверенитета сингапурскому руководству удалось достичь существенных успехов в создании полиэтнического государства (при том что китайцы составляют 77% его населения) на основе равенства китайского, малайского и тамильского этносов. В политической практике фактически утвердилась концепция «меритократического общества», где действует принцип продвижения на руководящие посты наиболее талантливых и квалифицированных людей независимо от их этноконфессиональной принадлежности и социального статуса. Устранение роли этнического фактора в движении человеческих ресурсов создавало условия для достижения определенного экономического и политического равновесия между различными общинами, что позволило руководству страны объединить все этнические группы в созидательном труде и таким образом ограничить причины потенциальных межэтнических конфликтов. Все эти годы правительство Ли Куан Ю, проводя политику сохранения этнокультурной гетерогенности в отношении всего общества, утверждало альтернативный проект сближения различных этнических групп на базе английского языка и надэтнической городской культуры. Все эти

факторы стали залогом успешного осуществления государственной политики «сингапуризации» общества.

28 ноября 1990 г. Ли Куан Ю заявил о своей добровольной отставке (ему было тогда 67 лет). Как и было объявлено в 1988 г., премьер-министром стал Го Чок Тон (род. 20.05.1941), его первый заместитель. Сам Ли Куан Ю оставался в правительстве в должности старшего министра, взяв на себя роль, которая по терминам конфуцианства определяется как учитель и наставник².

Новый премьер назначил своими заместителями Ли Сянь Луна и Он Тэн Чеона, являвшегося также генеральным секретарем Национального конгресса профсоюзов Сингапура (НКПС). В ряду приоритетных направлений деятельности правительства Го Чок Тон назвал: обеспечение благоприятных условий для дальнейшего экономического роста как главного фактора сохранения политической стабильности, совершенствование системы образования, проведение курса на создание более открытого общества, укрепление сингапурской идентичности.

4 января 1991 г. парламент Сингапура принял государственную доктрину под названием «Коллективные ценности» (The Shared Values)³. Она появилась в Сингапуре тогда, когда ключевую проблему экономического и политического выживания заменила проблема культурного выживания, укрепления социальной целостности общества, его духовного единства, выработки нравственных норм и критериев государственного регулирования.

В основу официальной идеологии были положены следующие принципы: приоритет интересов общества над интересами личности, семья — главная ячейка общества; консенсус, а не конфронтация; социальная гармония и веротерпимость. Все эти универсальные, с точки зрения разработчиков доктрины, не имеющие явной этнической родословной морально-ценностные установки позволяли использовать их как общую систему ценностей, символизирующую собой «азиатский путь к процветанию». Эта доктрина должна была придать новый импульс интеграции социума и идентификации граждан, т.е. привести к созданию «сингапурского Сингапура».

После официального вступления в должность премьер-министра Го Чок Тон провел досрочные (за два года) всеобщие выборы, с тем чтобы заручиться народным мандатом и легитимизировать свою власть. На состоявшихся в августе 1991 г. выборах ПНД получила всего 61% голосов, но все же сохранила 77 из 81 места в парламенте. Оппозиционные Демократическая и Рабочая партии получили четыре места, тогда как после выборов 1988 г. там был только один оппо-

² Ли Куан Ю стал одним из самых ярких и успешных политиков Азиатско-Тихоокеанского региона второй половины XX в. Он — лидер харизматического типа, ревностный сторонник конфуцианских ценностей, склонный к авторитарным методам управления. За три десятилетия его «недемократического», но разумно прагматичного руководства Сингапур превратился в один из самых высокоразвитых центров Юго-Восточной Азии и совершил стремительный прорыв из «третьего» мира в «первый».

³ До этого момента официальной идеологической доктрины, подобной индонезийской панча сита или малайзийской рукунегара, в Сингапуре не было. Ее отсутствие фактически подменила совокупность идей и лозунгов (прагматизм, эффективность, трудолюбие, социальная дисциплина и т.д.), получившая название «Философия государственного управления».

зиционный представитель. Результат выборов был расценен руководством страны как удар по правящей ПНД. Но это отнюдь не свидетельствовало о назревании кризиса власти. ПНД продолжала пользоваться поддержкой синопурцев.

В августе 1993 г. состоялись первые в истории независимого Сингапура всеобщие выборы президента. На этот пост был избран заместитель премьер-министра Он Тэн Чеон — член руководства ПНД и с 1983 г. вплоть до своего избрания генеральный секретарь НКПС. По конституции президент наделялся правом вето при назначении высокопоставленных государственных чиновников и осуществления контроля за расходом золотовалютных резервов.

В экономической сфере правительство Го Чок Тона продолжило политику адаптации хозяйственного комплекса страны к глобальным процессам. Упор был сделан на ускорение создания в Сингапуре собственных конкурентоспособных на мировом уровне наукоемких отраслей, активное внедрение автоматизации и роботизации, а также развитие на приоритетной основе сектора услуг (банковских, консультационных, проектных, туристических и г.д.). Учитывая грядущие международные тенденции развития в XXI в., когда основной парадигмой прогресса будет обладание не столько материальными, сколько интеллектуальными ресурсами, осуществление программ развития человеческих ресурсов стало важным фактором экономического роста. С этой целью совершенствовались базовое образование с упором на естественные науки и математику, овладение английским и родным языками, вводились программы «творческая школа», «непрерывное обучение», подготовки и переквалификации кадров, улучшения системы здравоохранения и т.д.

В начале 1990-х годов, когда процесс индустриализации в границах города-государства достиг своего предела, важным направлением в контексте осуществления экономической стратегии стал переход Сингапура к политике регионализации экономики путем кредитных инвестиций в экономику соседних стран: строились выпускающие экспортную продукцию индустриальные парки в Китае, Индонезии, Вьетнаме, Таиланде, Мьянме, приобреталась недвижимость в регионе АТР, создавалась новая опора («внешнее крыло») сингапурской экономики — так называемые треугольники развития. Первым опытным образцом стал «треугольник» в составе малайзийского штата Джохор и индонезийской провинции архипелага Риау.

К середине 1990-х годов Сингапур добился столь впечатляющих социально-экономических успехов, что в январе 1996 г. решением Организации экономического сотрудничества и развития был включен в группу развитых капиталистических государств.

Сохранявшиеся в стране политическая стабильность и экономическое процветание принесли ПНД новую победу на всеобщих выборах в январе 1997 г. Она уступила раздробленной и слабой оппозиции в лице Рабочей партии и Народной партии Сингапура лишь 2 из 83 депутатских мест.

Руководство ПНД вскоре на практике еще раз доказало, что у него достаточно опыта, компетентности и необходимых ресурсов, чтобы решать встающие перед страной проблемы. Тот факт, что в Сингапуре раньше, чем в других государствах

региона, началась реструктуризация национального хозяйства в соответствии с требованиями глобализирующейся экономики, позволил правительству Го Чок Тона, рационально используя накопленный мощный экономический потенциал, с наименьшими издержками для страны преодолеть последствия азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. В 2000 г. экономический рост составил уже 9,9% по сравнению с 1,5% в 1998 г.

Имея прочную массовую базу, правящая элита, однако, не могла не учитывать того очевидного факта, что в Сингапуре конца XX в. возникли объективные условия, требующие развития и утверждения более либеральных порядков. Главные из них — это кардинальные сдвиги в социальной структуре общества. Укрепила свои позиции местная буржуазия, возник достаточно многочисленный многонациональный средний слой — основа гражданского общества, сформировалась новая генерация фабрично-заводских рабочих, с высоким уровнем образования, а адаптировавшихся к требованиям индустриальной, урбанистической среды. На фоне экономического процветания, беспрецедентного образовательного бума (уровень грамотности — 93%), широкого доступа к информации, в том числе и через Интернет, усиливались требования сингапурцев о расширении политического пространства, об отходе от сверхрегулируемого общества. С приходом к власти Го Чок Тона, который 3 декабря 1992 г. по предложению Ли Куан Ю был избран генеральным секретарем ПНД, изменился стиль руководства. Стала менее жесткой цензура, была разрешена мягкая сатира на политических лидеров, некогда кригика в адрес правительства. Отвечая на вызовы общества, существующая система создавала механизмы консультаций и дискуссий, стали обсуждаться проблемы гражданского общества, проводились опросы общественного мнения о деятельности правительства. Даже контролируемые властями средства массовой информации публиковали целые колонки на тему о свободе слова. За большую открытость, внимание к нуждам простых людей, которое стало проявлять правительство, сингапурцы назвали Го Чок Тона «народным премьером».

Дозированные политические нововведения, которые осуществляло правительство Го Чок Тона, впрочем, не означали коренных преобразований укоренившейся системы власти. Авторитарные порядки все еще весьма действенны в стране. В частности, оставались в силе ограничения на распространение иностранной прессы, продолжались преследования лидеров оппозиции. Несмотря на то что к июню 1990 г. все политзаключенные были освобождены из тюрьмы, Го Чок Тон оставил в силе действие закона о внутренней безопасности. Живучесть данной тенденции наиболее ярко проявилась в способе решения конфликта между президентом Он Тэн Чеоном и правительством по поводу вновь введенных ограничений президентских обязанностей. По истечении срока полномочий Он Тен Чеона в августе 1999 г. на пост президента Сингапура без выборов был назначен 75-летний кадровый дипломат С.Ф. Натан. Его кандидатура была поддержана старшим министром Ли Куан Ю, в ближайший круг соратников которого он вошел еще в начале 1960-х годов.

Во внешней политике Сингапур продолжал следовать курсу, направленному на обеспечение экономических интересов страны. Город-государство всегда ста-

вил своей целью установление взаимовыгодных партнерских отношений с ведущими западными странами, в первую очередь с США. Однако к концу 1990-х годов единство стран АСЕАН обрело преобладающее значение.

История Сингапура второй половины XX в. — это история уникального и успешного опыта трансформации бывшей английской горговой фактории, не имевшей исторической базы государственности, в одно из самых преуспевающих государств мира. За годы независимости (1965–2000) Сингапур, не имея никаких природных богатств, сумел войти в группу промышленно развитых стран, став одним из крупнейших центров таких передовых отраслей производства, как нефтеперерабатывающая (третий в мире), электронная и электротехническая, приборостроение, судостроение и судоремонт. Можно сказать, что город-государство Сингапур уже вступил в постиндустриальную эру, взяв курс на укрепление роли науки в развитии экономических отношений.

Современный Сингапур представляет собой глобальный центр производственной и деловой активности. Как крупнейший международный финансово-банковский центр он занимает четвертое место после Лондона, Нью-Йорка и Токио по объему операций с валютой. Порт Сингапура — второй в мире после Роттердама по размерам грузооборота, объем внешней торговли страны в 2001 г. составил около 240 млрд. син. долл., здесь действует пять тысяч иностранных компаний, в том числе три тысячи филиалов ТНК. Сингапур — одна из наименее коррумпированных стран в мире (пятое место); по уровню конкурентоспособности город-государство к 2001 г. вышел на второе место после США.

Среди многих факторов как внешних, так и внутренних, внесших свой существенный вклад в экономический расцвет Сингапура, особое место занимает политико-экономическая модель, сложившаяся там за годы независимости. Эта далеко не совершенная, но демонстрирующая свою эффективность система представляет собой сложное соединение идей социал-реформизма в политике, свободного рынка в экономике (при организующей роли государства в экономическом базисе, в системе политической надстройки, в социальной и идеологической сфере), модернизированного конфуцианства и авторитарно-бюрократического начала, пронизывающего все поры общественного организма. Высокая степень персонализации в политике, обуславливающая единоличное политическое лидерство, функционирование доминантной партии (ПНД), ее полная институционализация в государстве путем слияния государственного и партийного аппаратов, собственная партократия, цензура, ограничения деятельности оппозиции — все это свидетельствует о том, что авторитарные начала пока остаются характерной чертой социально-политической системы Сингапура. Этот высокоразвитый индустриальный центр ЮВА, с современным, по многим параметрам аналогичным западному буржуазным обществом, отнюдь не стал оазисом расцвета демократии. Дисциплина и порядок в азиатском обществе важнее демократии, которая должна развиваться постепенно, твердо убеждены сингапурские лидеры. Стремительный экономический рост островного города-государства и был обусловлен рациональным сочетанием социальных традиций азиатского общества с достижениями западной цивилизации. Современный Сингапур — это «город-

космополит», своего рода межцивилизационный центр, где сосуществуют системы ценностей Востока и Запада. Но несмотря на всю значимость Сингапура как глобального центра, на его достижения и успехи, в окружении своих соседей-гигантов он — всего лишь крошечная точка на карте региона, страна, чрезвычайно подверженная влиянию внешнего фактора. Для нового руководства проблема выживания будет столь же актуальна, сколь и в период создания этого независимого государства.

Глава 36

БРУНЕЙ

В 1945 г. по окончании Второй мировой войны Бруней вновь стал британским протекторатом. Но размах национально-освободительного движения, охватившего ЮВА в те годы, заставил англичан, стремившихся сохранить в своих руках нефтяные месторождения Брунея, пойти на некоторые уступки брунейским правящим кругам.

В 1950 г. на престол вступил султан Омар Али Сайфуддин III. Новому султану удалось добиться от «Бруней Шелл Петролеум Ко» — монопольного хозяина огромных запасов нефти маленькой страны — увеличения брунейской доли в нефтяных доходах, а в 1962 г. и их равного распределения. За счет полученных средств в Брунее началось восстановление разрушенного войной хозяйства. По инициативе султана была проведена административная реформа, начались социально-политические преобразования. В частности, при нем была введена действующая и поныне система бесплатного медицинского обслуживания и обязательного школьного обучения (для мальчиков и девочек); государственного пенсионного обеспечения для определенных категорий наемных работников (в первую очередь для государственных служащих).

В конце 1950-х — начале 1960-х годов в Брунее под влиянием освободительной борьбы в странах ЮВА зарождается антиколониальное движение, подъем которого был связан с деятельностью возникшей в 1956 г. Народной партии Брунея (НПБ). Ее возглавлял шейх Азахари, участник вооруженной борьбы индонезийского народа против голландских колонизаторов в конце 1940-х годов. Призывы партии к введению в Брунее самоуправления с последующим предоставлением полной независимости снискали НПБ признание и поддержку среди различных социальных слоев.

В 1959 г. была принята первая конституция, в соответствии с которой в сохранявшем полукolonиальный статус Брунее и при существующей гам вековой традиции деспотической монархии вводилась представительная система государственного управления. В августе 1962 г. в Брунее состоялись первые выборы в Законодательный совет, на которых НПБ одержала внушительную победу. Однако законные требования НПБ допустить ее к управлению страной встретили яростное сопротивление английских и местных брунейских властей, обвинивших партию в распространении коммунистической угрозы на всей территории Северного Калимантана. В ответ на начавшиеся репрессии НПБ подняла вооруженное восстание, требуя создания единого независимого государства Калимантан Утара (Северный Калимантан) в составе Брунея, Саравака и Сабаха. К началу 1963 г. восстание было подавлено, НПБ запрещена, а в султанате введено чрезвычайное

положение. После подавления восстания политическая активность брунейского общества пошла на спад. В создавшихся условиях султан и его окружение прочно заняли лидирующие позиции в общественно-политической жизни страны. Тем не менее они не могли не учитывать того очевидного факта, что в общественном сознании идея независимости не утратила своей актуальности.

В 1967 г. султан Омар Али Сайфуддин, после неудачных попыток добиться от англичан большей самостоятельности в управлении султанатом, отрекся от престола, провозгласив своего сына Хассанала Болкиаха очередным монархом Брунея.

В 1968 г. в Лондоне начались многолетние англо-брунейские переговоры о предоставлении Брунею независимости, которые с перерывами продолжались до 1979 г. Столь длительный переговорный процесс в определенном смысле отвечал интересам обеих сторон. Англия пыталась найти такую форму взаимоотношений с Брунеем, которая позволила бы ей сохранить свой политический и экономический контроль в этой богатой нефтью стране. В свою очередь, правящая феодальная верхушка Брунея затягивала переговоры, опасаясь остаться без поддержки англичан в случае нарастания социальной напряженности, что угрожало бы ее сословным привилегиям, доходам и самому существующему режиму.

В январе 1979 г. султан Брунея Хассанал Болкиах и представитель правительства Великобритании подписали договор, согласно которому 1 января 1984 г. Бруней становился независимым государством, приняв на себя ответственность за свою оборону и внешнюю политику, до того момента находившихся в ведении Англии.

1 января 1984 г. султан Х. Болкиах объявил о рождении суверенного государства Бруней Даруссалам, что в переводе с малайского означает «Государство Бруней — обитель мира». Бруней был провозглашен как «малайское исламское государство» (султанат). По типу государственности Бруней — абсолютная монархия, и при этом обладает конституцией и парламентом. В соответствии с оставшейся в силе конституцией 1959 г. султан (титул передается по наследству) является верховным носителем законодательной и исполнительной власти, а также высшим религиозным лидером (халифом) мусульман Брунея. С августа 1968 г. правящим монархом являлся 29-й представитель царствующей более шести столетий династии Болкиахов — Хассанал Болкиах Муизаддин Ваддаулах.

Члены парламента, или меджлиса (количество мест не определено), как и правительства, назначаются султаном. Согласно конституции земля и недра являются собственностью государства. Вся территория Брунея делится на четыре административных округа: Бруней-Муара (столичный регион), Тутонг, Белаит, составляющие западный анклав (где проживает 90% населения), и Тембуронг, расположенный в восточном анклаве. От западной части страны его отделяет малайзийский штат Саравак.

Официальным языком был объявлен малайский, государственной религией — ислам суннитского толка, который исповедуют 67,2% населения.

В качестве политико-идеологической основы султаната была принята концепция «Малаю ислам берайя» — «Малайская исламская монархия», которая определяла Бруней как государство, основанное на ценностях малайской культуры, законах ислама и системе монархической власти.

В области внешней политики был взят курс на установление добрососедских отношений с другими странами на основе соблюдения принципов взаимного уважения, независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. Бруней действовал в этой области сравнительно быстро. С 1984 г. Бруней — член ООН и АСЕАН, Содружества наций, становится членом Организации «Исламская конференция» (ОИК), МВФ, МБРР, ВТО, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и др. 1 октября 1991 г. Бруней установил дипломатические отношения с СССР, которые были подтверждены для России в апреле 1992 г.

В сформированном 1 января 1984 г. правительстве султан взял на себя обязанности премьера, министра финансов и внутренних дел, его отец стал министром обороны; братья — Мохаммед и Джеффри заняли посты министра иностранных дел и министра культуры соответственно. Другие министерские посты были розданы лицам из ближайшего окружения. Власть в стране по-прежнему оставалась в руках правящей династии и близкой к ней малайской аристократии, которая традиционно занимала особое положение в государственно-бюрократической системе султаната. В эту группу вошли также представители немногочисленной прослойки местных крупных предпринимателей и высокопоставленных чиновников.

Главными проблемами внутри страны для брунейского правительства стали диверсификация экономики, сохранение стабильности и мира в политике.

В отличие от многих других развивающихся стран Бруней пришел к независимости, имея достаточно прочную экономическую основу. Исключительно благодаря углеводородным ресурсам¹ это небольшое государство, площадью 5765 кв. км с населением в 210–215 тыс. человек (1984 г.), в начале 1980-х годов вышло на второе место в Азии (после Японии) по доходам на душу населения — 20 тыс. ам. долл. В рамках осуществления государственной программы сбережения невозобновляемых природных ресурсов в 1985 г. был дан старт долгосрочному (на 20 лет) проекту радикальной перестройки хозяйственной структуры Брунея. Разработанные для его осуществления пятилетние планы экономического развития (1986–1990, 1991–1995, 1996–2000, 2001–2005) предусматривали создание благоприятных условий для привлечения местных и иностранных инвесторов, увеличение государственных капиталовложений в формирование современной инфраструктуры, создание «стратегической ниши» для формирования «нефтяного» сектора на основе развития сферы финансовых услуг и экологического туризма.

Несмотря на сложность диверсификации экономики, особенно для страны экспортера нефти, Брунею удалось достичь определенных результатов в ее про-

¹ По добыче нефти Бруней занимает третье место в ЮВА (после Индонезии и Малайзии), а по добыче газа — четвертое место в мире.

ведении. Так, к 2000 г. доля нефтяного сектора в структуре ВВП составила 59,5% по сравнению с 83,7% в 1980 г. Тем не менее нефтегазовая отрасль продолжает приносить более 90% поступлений от экспорта. Это постоянный источник пополнения казны и финансовая опора правящей династии.

Доля обрабатывающей промышленности в ВВП страны невелика. Важнейшие предприятия: нефтеперерабатывающий завод в Сериа, принадлежащий «Бруней Шелл Петролеум», один из крупнейших в мире завод по сжижению газа «Бруней ЛНДжи» в Лумуте, крупный целлюлозно-бумажный завод, предприятия по производству минеральных удобрений, строительных материалов. Имеются мелкие текстильные предприятия, отдельные заводы электронной промышленности. В целях развития местного предпринимательства осуществляются государственные программы поддержки мелкого и среднего бизнеса.

Сельское хозяйство развито слабо. В структуре ВВП в 2001 г. доля аграрного сектора составляла 3,0%, в нем было занято 2% экономически активного населения. Бруней импортирует более 80% продовольствия, в частности, за счет импорта практически полностью удовлетворяются потребности в рисе и $\frac{2}{3}$ потребностей в продукции животноводства.

Как и во многих других развивающихся странах, в Брунее ключевую роль в развитии экономики играет государство.

Брунейскому правительству принадлежит половина акционерного капитала в компании «Бруней Шелл Петролеум» (совместное предприятие с англо-голландской ТНК «Ройал Датч Шелл»), на которую приходится основной объем добычи нефти и газа; она является равноправным партнером в совместном с «Шелл» и японской «Мицубиси Корпорэйшн» предприятии «Бруней ЛНДжи» — крупнейшем в мире производителе сжиженного природного газа. В 2001 г. была создана государственная компания «Бруней Нэшенал Петролеум» («Петролеум Бруней») с целью обеспечить интересы правительства и внедрить новую систему контроля за эксплуатацией месторождений нефти и газа на условиях раздела продукции. Госсектор играет ведущую роль в ряде областей инфраструктуры (воздушный и морской транспорт, коммуникации, связь, энергетика и др.). Государство является владельцем пяти местных промышленных предприятий и сельскохозяйственных комплексов, в частности животноводческого ранчо в Австралии, площадью в 5868 кв. км, которая превышает территорию Брунея. Брунейскому правительству принадлежат крупные финансовые и гостиничные предприятия за рубежом. Правда, границы между государственной и личной собственностью султана и его семейства весьма нечеткие. Можно сказать, что вся эта страна — в первую очередь семейный бизнес. Члены правящей династии представляют брунейскую сторону во всех совместных с иностранным капиталом предприятиях, не говоря уже о разбросанной по всему миру собственности и счетах в швейцарских и иных банках. Какое-то время султан Хассанал Болкиах считался самым богатым человеком в мире. Он является владельцем самой крупной монаршей резиденции — дворца Нурул Иман, площадь которого больше территории Ватикана. Скаляное убранство внутренних помещений, крытые чистым золотом купола дворца и мечетей, равно как и золотой блеск ворот парадного въез-

да в резиденцию и фонарных столбов в дворцовом парке, буквально ошеломляют. Ему принадлежит сеть первоклассных отелей в Лондоне, Париже, США, крупнейшая коллекция «Роллс-Ройсов» и гоночных автомобилей.

Иностранный капитал направляется главным образом в наиболее рентабельную для него нефте- и газовую промышленность и не проявляет интереса к другим отраслям экономики. В Брунее создан весьма благоприятный инвестиционный климат: низкие налоги на производственную деятельность, отсутствие налогов на экспортные операции и доходы частных лиц. Общий объем иностранных инвестиций в 2001 г. составил 250 млн. ам. долл. Однако широкому притоку иностранного капитала и осуществлению планов ускоренной диверсификации экономики препятствуют ограниченность внутреннего рынка, малочисленность населения и необходимость импорта рабочей силы. Из 157 тыс. экономически активного населения (2006 г.) 60 тыс. составляли рабочие-мигранты. Стремясь уменьшить зависимость экономики от них, правительство осуществляет политику «брунеизации», согласно которой граждане Брунея имеют преимущество перед иностранцами при приеме на работу в различных секторах экономики, в первую очередь в нефтяной и газовой промышленности. Но осуществление этого курса встречает определенные трудности, связанные не только с малочисленностью собственных трудовых ресурсов. Проблема состоит в том, что брунейцы традиционно предпочитают государственную службу с ее гарантированно высокими окладами и льготами. В этой сфере занято более 30% местной рабочей силы.

По сравнению с активизацией экономической деятельности в полигическом отношении жизнь в Брунее развивалась в ином русле. Некоторые перестановки в составе правительства, имевшие место после 1984 г., существовавшую практику не меняли, все ключевые посты в нем занимали представители монаршего семейства. Политическая деятельность не поощрялась и фактически отсутствовала. Со времени первых и последних выборов в 1962 г. в стране действует закон о внутренней безопасности, дающий право властям задерживать подозреваемых на неопределенный срок без суда и следствия. Созданная в 1985 г. Народно-демократическая партия Брунея (НДПБ) за призывы к проведению политических реформ в 1988 г. была распущена, а ее лидеры арестованы. Единственная выжившая Брунейская партия национальной солидарности (БПНС), отколовшаяся от НДПБ в 1986 г., выступала за более тесное сотрудничество с правительством и заметной общественной роли не играла.

Начавшаяся экономическая модернизация и все большая открытость Брунея миру стали рассматриваться руководством страны как потенциальная угроза его моральным, религиозным, культурным традициям и устоям власти.

В обстановке политического застоя главным инструментом политики становится государственная идеология «Мелайю ислам берайя». С конца 1980-х годов власть начала энергично проводить курс на исламизацию государственной политики и брунейского общества в целом, на превращение Брунея в «образцовое исламское государство». Были увеличены бюджетные расходы на строительство мечетей, исламских учебных заведений, поддержку системы религиозного обра-

зования; в стране были введены запреты на разведение свиней, ввоз алкогольных напитков, празднование Рождества. С открытием в 1993 г. Исламского банка Бруней принципы ислама (как известно, ислам запрещает брать процент по кредитам, вместо него банк участвует в получении дивидендов) все шире стали внедряться в финансовую деятельность.

Ограничив общественную жизнь в стране рамками государственной идеологии, брунейское руководство пошло на некоторое ослабление политических запретов. Были освобождены все политзаключенные, а в 1996 г. разрешение вернуться из эмиграции получили бывшие участники восстания 1962 г. В феврале 1995 г. БПНС провела свой первый за десять лет съезд, на котором ее председатель Латиф Абдул Чучу заявил о приверженности партии монархии и государственной идеологии. В мае 2001 г. легальный статус получила еще одна политическая организация — Партия единства Брунея. Но необходимость действовать в рамках государственной доктрины при действующем законе о внутренней безопасности, с одной стороны, а с другой — высокие стандарты жизни брунейцев оставляют мало шансов на возникновение в стране сколько-нибудь радикального оппозиционного движения. Партии малочисленные, неэффективные и не оказывают влияния на политику правительства. Гражданским служащим запрещено заниматься политической деятельностью. Большинство образованных брунейцев предпочитают сотрудничать с правительством. Отсюда и слабость партийного руководства, отсутствие четких и привлекательных программ. Семья султана установила контроль почти над всеми печатными СМИ. Свободные СМИ осуществляют политическую и религиозную самоцензуру под угрозой трехлетнего тюремного заключения за публикацию «ложных новостей».

Правящие круги считают, что брунейское общество не достигло того уровня политической зрелости, когда оно способно руководствоваться национальными интересами, а не демагогическими идеями. Более того, сам Хассанал Болкиах полагает, что существующая система достаточно демократична, поскольку обеспечивает своим гражданам прямой и открытый доступ к руководству страны. Очевидно, имеется в виду тот факт, что султан старается никогда не терять личной связи практически со всеми жителями своего государства, дабы завоевать себе поддержку не только в качестве традиционного правителя, но и политического лидера — «народного султана». Справедливости ради следует сказать, что султан Хассанал Болкиах искренне почитаем и любим народом. Как и его отца Омара Али Сайфуддина, нынешнего султана считают архитектором современного Брунея, который привел страну к независимости и обеспечил своему народу достойную жизнь.

В 1996 г. был учрежден комитет во главе с братом султана принцем Мохаммедом, в задачу которого входило приведение конституции 1959 г. в соответствие с новым статусом Брунея как независимого государства. Однако результаты работы комиссии в тот период широкой огласки не получили. Азиатский финансовый кризис, а также нерешенность многих проблем экономической модернизации, расточительность младшего брата султана принца Джеффри, занимавшего пост министра финансов с 1986 по 1997 г., которая нанесла существенный

урон экономике страны, по-видимому, заставили правительство проявить осторожность и повременить с внесением поправок в конституцию.

Политика изменений вообще осуществляется постепенно и осторожно. Султан Х. Болкиах считает, что на фоне радикального изменения экономической ситуации и, как следствие, демографических и социальных сдвигов быстрые политические преобразования чреваты усилением социальной напряженности и подорвом существующей формы правления.

Главенство монархии было вновь подтверждено в августе 1998 г., когда наследником трона был провозглашен старший сын султана аль-Махтади Биллах². В своих выступлениях будущий монарх, говоря о важности образования, овладения современными технологиями как о главных условиях ускорения модернизационного процесса, особое внимание уделяет при этом необходимости следования национальным традициям и религиозным ценностям ислама как основы сохранения самобытности страны и укрепления ее единства.

Собственно говоря, сохранению и укреплению феодально-деспотической системы власти в Брунее не в последнюю очередь способствуют именно глубоко укоренившаяся в патриархальном обществе традиция уважения верховной власти, религиозность малайского населения, как и высокое качество жизни, которое «нефтяная монархия» обеспечила своим немногочисленным подданным. Годовой доход среднего брунейца значительно превышает аналогичный показатель во многих соседних и тоже небедных странах. Огромные нефтяные прибыли позволяют правящей элите выделять значительные суммы на удовлетворение специальных потребностей. В Брунее нет подоходного налога, введена система бесплатного медицинского обслуживания и образования, включая возможность его получения за рубежом, предоставляются значительные субсидии для покупки квартиры или строительства дома, на приобретение машины. Однако эти привилегии распространяются только на подданных султана, т.е. на полноправных граждан, которые составляют 65–70% всего населения. С серьезными проблемами сталкивается китайское население. Согласно официальной статистике, к 2001 г. в Брунее насчитывалось 37 тыс. китайцев (11,1% населения). По-видимому, их численность значительно больше, поскольку основная масса (9 из 10) — это лица без гражданства, а значит, они не только лишены тех социальных гарантий, которые имеют малайцы, но им почти невозможно приобрести в собственность землю. Одной из причин отсутствия политического желания предоставить китайцам гражданство, как это сделали соседние Малайзия и Индонезия, является стремление правящих кругов не допустить превращения китайской общины во влиятельную политическую силу и создать в Брунее «100-процентное исламское государство». Это, в свою очередь, послужило толчком к снижению китайской иммиграции и оттоку китайского населения из Брунея. Китайцы, занимая доминирующее положение в частном секторе экономики (им принадлежит большинство магазинов и предприятий сферы обслуживания, у них достаточно сильные

² Наследный принц учился в Брунее, в 1995 г. поступил в Оксфордский центр изучения ислама, затем закончил дипломатический колледж при Оксфордском университете, где изучал внешнюю политику, международное право, внешнюю торговлю и финансы.

позиции в строительстве, нефтяной и газовой промышленности), в политике играют незначительную роль. Представители туземного населения, если они не исповедуют ислам, также остаются на обочине общественной жизни.

Бруней конца XX в. — страна, где бок о бок сосуществовали и взаимодействовали традиционный мир и современность. Традиционный пласт — это анахроничная система деспотической власти, сильнейшее влияние ислама на общественно-политическую и повседневную жизнь людей, традиционно-патриархальные стереотипы мышления и феодальные пережитки в общественных отношениях, сохранение родоплеменного строя во внутренних районах страны. А рядом — растущие города, оснащенные новейшей технологией нефтегазовые комплексы, широко распространившиеся в последние годы внешние черты западного образа жизни. И тут же на этом фоне, в самом центре столицы страны Бандар-Сери-Бегаван (его для краткости часто именуют БСБ), словно соединяя мир прошлого и настоящего, сохраняется обширная «водная деревня» — Кампонг Аер, растянувшаяся по мелководью р. Тутонг ряды своих однотипных деревянных прямоугольных домиков на сваях, сохранивших свой первозданный, не измененный веками вид. Сегодня в них проживает почти половина жителей столицы (30 тыс. человек). Обитатели домов на сваях — люди не бедные и живут в достатке, что подтверждают стоящие у домов катера и дорогие автомашины на суше. Они знакомы со многими достижениями века информатики, просто они не хотят расставаться со старым укладом жизни. «Брунейская Венеция», как часто называют «водную деревню», — живое свидетельство того, что фактор традиционности сохраняет сильнейшую формационную значимость. И все же современный Бруней — это не прежний, затерянный на краю человеческой цивилизации мир. Высокий уровень жизни позволяет брунейцам много путешествовать, число новых подключений к Интернету увеличивается, как и во всем мире, в геометрической прогрессии. Уровень грамотности населения — 91,6%. Все больше брунейцев получают высшее образование в государственном университете Бруней Даруссалам. Специалистов с высшим и частично средним образованием, офицерский состав вооруженных сил за государственный счет готовят также в зарубежных университетах и учебных заведениях.

Бруней конца XX — начала XXI в. все глубже погружается в реалии современного мира, чему в немалой степени способствует политика его правящих кругов. Сам султан Х. Болкиах стал активно участвовать в мировой политике, выступая сторонником поисков компромиссных решений в спорных вопросах путем переговоров и сотрудничества. Благодаря конструктивной позиции султана Бруней стал играть заметную роль во внешнеполитической деятельности АСЕАН в регионе и на международной арене. В частности, после событий 11 сентября 2001 г. Бруней вместе с другими странами-членами Ассоциации выступил против терроризма. В самом султанате деятельность любых мусульманских организаций, когорая, с точки зрения властей, противоречит «истинному исламу», а значит, угрожает национальной безопасности, жестко пресекается.

Вместе с тем наблюдается диверсификация внешних связей Брунея, который на протяжении почти целого столетия ориентировался исключительно на Вели-

кобританию. И хотя английские компании до сих пор занимают доминирующие позиции в экономике страны, все более заметную роль в ней начинают играть американские, японские, французские и другие компании, закладывая тем самым базу для политического сотрудничества.

Бруней все чаще становится местом проведения международных и региональных форумов. В стране регулярно проводятся конференции и встречи политических руководителей и представителей деловых кругов асеановских государств. В 1999 г. в султанате прошли игры стран ЮВА. В 2001 г. в рамках давно уже существующей концепции развития экологического туризма началась кампания «Посетите Бруней». Развитие туризма означает пробуждение к жизни массы смежных отраслей и создание новых рабочих мест.

Руководство страны прилагает немалые усилия к тому, чтобы Бруней стал активным участником международных экономических отношений. Запущены планы создания в БСБ офшорного финансового центра, в деятельности которого упор будет сделан на исламскую специфику. Главной целью учрежденного в 2001 г. Исламского банка развития было привлечение финансового и банковского капитала из умеренно-консервативных мусульманских стран, таких, как Малайзия, Индонезия, арабские государства Ближнего Востока, и создание в перспективе международного исламского денежного рынка. Кроме того, банк будет оказывать содействие развитию местного мелкого и среднего бизнеса.

Наконец, принято решение сделать конкурентоспособной в условиях глобализирующейся экономики саму нефтегазовую отрасль. В связи с этим запланировано создание девяти промышленных зон. В первую очередь там будут развиваться нефтепереработка, портовое хозяйство, химия и прочее производство. Осуществление поставленных планов, как и все большая открытость Брунея миру, бесспорно, вызовут глубокие изменения, и не только в экономике. Социальные ценности брунейского общества испытывают на себе перемены, которые несет глобализация и новый век. И Бруней вынужден приспосабливаться к этим переменам.

ИНДОНЕЗИЯ И ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР

ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР

В феврале 1942 г. Восточный Тимор заняли японские войска. После окончания Второй мировой войны колония вернулась под власть Португалии. В соответствии с поправкой 1951 г. к конституции Португалии Восточный Тимор и другие владения получили статус «заморских территорий». Методы управления и положение коренного населения не изменились, но на Восточный Тимор более не распространялась программа деколонизации ООН. Полноправное португальское гражданство получали европейцы и тиморцы со статусом «цивилизованных» или «ассимилированных» при условии владения португальским языком, христианского вероисповедания, получения достаточного дохода, уплаты налогов, исполнения воинской обязанности, благонадежности, «португальского» образа жизни. В 1950 г. при численности населения 436 500 этот статус имели около 7500 жителей: 1541 коренной тиморец, 568 белых, 2022 метиса, 3128 китайцев, 48 индийцев, 110 арабов, 54 африканца.

Основой экономики в 1950-х годах было экспорториентированное сельское хозяйство: вывоз кофе (80% экспорта), каучука (8%), копры (7%). Внешнеторговый баланс был хронически пассивным. Доход на душу населения к концу 1960-х годов составлял 122 долл. в год.

Подъем освободительного движения на Восточном Тиморе и в других колониях вынудил режим Салазара в Португалии провести ряд реформ. Новый избирательный закон установил высокий имущественный и возрастной ценз. Коренное население получило португальское гражданство. На Восточном Тиморе был учрежден Законодательный совет из 14 членов. Трое — директор гражданской администрации, казначей и генеральный судья — назначались из Лиссабона, а одиннадцать избирались: трое депутатов представляли всех грамотных жителей территории, шесть — административные учреждения, один — католических священнослужителей и школьных учителей, один — граждан, плативших налоги более 1000 эскудо (34 ам. долл.) в год.

Усовершенствована была система образования. К 1973 г. в школах обучалось 60 200 человек (49% детей школьного возраста). Имелись одна средняя школа (250 учеников), 15 четырехлетних школ и 378 двухлетних пунктов обучения. Многие учебные заведения действовали под попечительством католических миссий. К 1973 г. до трети населения были католиками, около 1% — мусульманами. Большинство коренных жителей (тетумы, мамбаи и др.) придерживались автохтонных верований.

После Апрельской революции 1974 г. новое правительство Португалии предоставило равные права всем гражданам, разрешило создание политических партий. На Восточном Тиморе возникло несколько организаций, важнейшими из которых были:

1. Демократический союз Тимора (УДТ) выступал за постепенную подготовку к независимости при сохранении в переходный период ответственности Португалии за ход этого процесса и поддержании в дальнейшем привилегированных отношений с бывшей метрополией.

2. Революционный фронт за независимость Восточного Тимора (ФРЕТИЛИН) имел наибольшее влияние, требуя немедленной независимости, радикальных социальных и экономических преобразований. Идеологически Фронт был близок к левым движениям в бывших португальских колониях в Африке – Мозамбике и Анголе. Умеренное крыло Фрегилин допускало, что по достижении независимости внешние сношения, оборона и другие ключевые сферы будут координироваться с Индонезией.

3. Народно-демократическая ассоциация Тимора (АПОДЕТИ), исходя из этнической общности населения восточной и западной части острова, выступала за присоединение к Индонезии, которой принадлежит Западный Тимор.

Португальское правительство, будучи не в состоянии влиять на события, заняло колеблющуюся позицию. Это поощряло проиндонезийские элементы на Восточном Тиморе и побудило Джакарту поддерживать своих сторонников, включая посылку войск в приграничные районы. Напряженность в отношениях между политическими силами на Восточном Тиморе вылилась в мятеж, поднятый УДТ 11 августа 1975 г. и подавленный военными формированиями ФРЕТИЛИН.

28 ноября лидер ФРЕТИЛИН Ф. Амарал провозгласил создание независимой Демократической Республики Восточный Тимор. Правительство Португалии не признало новое государство, оговорившись, что не согласно на включение Восточного Тимора в состав третьих стран. Через два дня лидеры УДТ, Аподети и некоторых малых партий выступили в г. Балибо близ границы с Западным Тимором с декларацией о присоединении к Индонезии.

Находившиеся в Джакарте в конце 1975 г. президент США Дж. Форд и госсекретарь Г. Киссинджер заявили президенту Сухарто, что Соединенные Штаты приветствовали бы присоединение Восточного Тимора к Индонезии, дабы эта территория не стала «советским плацдармом» в Юго-Восточной Азии. В ночь на 7 декабря индонезийские войска вторглись на Восточный Тимор. Подразделения ФРЕТИЛИН отступили в горы, сохранив контроль над значительной частью территории. Совет Безопасности ООН выразил сожаление в связи с интервенцией, подтвердив право народа Восточного Тимора на самоопределение. ООН сохраняла эту позицию и позже, но ее осуждение интервенции было вялым: большинство стран не хотело осложнять отношения с Джакартой.

В мае 1976 г. временное правительство Восточного Тимора обратилось к Индонезии с просьбой о присоединении. 17 июля Восточный Тимор стал 27-й провинцией республики. Власти Индонезии пытались вписать аннексию Восточного

Тимора в контекст деколонизации, но этот подход был бесплоден по следующим причинам: 1) индонезийские войска пришли на Восточный Тимор не как освободители от иностранной власти, а как чужеземная сила, вмешавшаяся во внутренний конфликт; 2) на Восточный Тимор пришла армия, привыкшая не ограничивать себя в методах подавления оппозиции и всего за семь-восемь лет до этого уничтожившая не менее, а, скорее всего, более 500 тыс. соотечественников. Сопротивление ФРЕТИЛИН вызвало у не имевших подлинного боевого опыта индонезийских военных ожесточение, и они срывали его на мирном населении; 3) на первый план выступили расовые, этнические и религиозные различия, в частности дихотомия «христиане — мусульмане».

Правительство Индонезии провозгласило на Восточном Тиморе, как и во всей стране, приоритет политики экономического роста, подчинив ей остальные сферы бытия. В планах развития в качестве главных направлений для Восточного Тимора были определены сельское хозяйство, коммуникации, здравоохранение, образование, вовлечение населения в активную экономическую деятельность, рост уровня жизни, активизация связей с другими регионами, создание рабочих мест, совершенствование госаппарата.

Экономический курс в целом был эффективным. Темпы развития на Восточном Тиморе в отдельные годы почти в полтора раза превышали средние по стране. Душевой доход в 1983–1992 гг. рос на 7,1% в год против 5% по Индонезии и к 1988 г. достиг 200 долл. С 1976 по 1990 г. площадь под рисом выросла с 8000 до 22 400 га, а урожайность — в три раза, под кукурузой — с 12 600 до 34 800 га, урожайность — почти втрое.

Число начальных школ в 1976–1991 гг. выросло с 47 до 559, учеников — с 1350 до 95 850, средних школ первой ступени — с 2 до 94, учеников — с 315 до 31 482, второй ступени — с 2 до 47, учеников — с 64 до 19 665. В 1986 г. в столице Восточного Тимора Дили открылся университет, в который было принято 500 студентов, через год — еще 300. Существенными были сдвиги в здравоохранении. В сфере занятости изменения в сравнении с колониальным периодом были минимальными. В 1990 г. 83,5% населения были заняты в сельском хозяйстве, 9,1 — в торговле, 2,9 — в сфере услуг, 2,6 — в обрабатывающей промышленности, 1% в строительстве.

Правительство не всегда предвидело социальные и политические последствия развития. Выпускники средней и высшей школы с трудом находили работу в родных местах и тем более в других районах Индонезии. В то же время на Восточный Тимор с Явы и других островов были переселены до 100 тыс. человек — педагоги, врачи, чиновники, торговцы, квалифицированные рабочие, крестьяне. Отличавшиеся в этническом и религиозном отношениях от коренных тиморцев, переселенцы заняли ключевые позиции в технической сфере, связи, электроэнергетике, контролировали 75% деловой активности. Поэтому большинство тиморцев не воспринимали успехи программ развития как свои собственные. Деколонизации не произошло, ибо не расширялось самостоятельное участие этноса в судьбах своей территории. Политические просчеты наложились на царившие в Индонезии коррупцию и произвол. Семья Сухарто контролировала выращива-

ние сахарного тростника и кофе, лесоразработки, нефтедобычу на 40% территории Восточного Тимора.

Индонезийские власти не раз объявляли о разгроме ФРЕТИЛИН, но сопротивление продолжалось. Репрессии против партизан еще более ожесточали население. В городах активизировалась политизированная молодежь. Расстрел демонстрации тиморцев 12 ноября 1991 г. (не менее 50 человек было убито и 91 ранен) вызвал осуждение в мире. Официально Джакарта признала, что войска превысили допустимые пределы, но главнокомандующий Три Сутрисно заявил, что расстрелы будут продолжаться. Отношение мировой общественности к борьбе тиморцев отразилось в присуждении в 1996 г. Нобелевской премии мира епископу Восточного Тимора Карлушу Бело и диссиденту-эмигранту Жозе Рамушу Орте.

Время от времени представители Джакарты и ФРЕТИЛИН вступали в переговоры, но их позиции оказывались непримиримыми, и боевые действия продолжались. По некоторым данным, после 1975 г. погибло от 100 до 200 тыс. тиморцев (при населении около 800 тыс.).

Падение репрессивного режима в Индонезии в мае 1998 г. значительно усилило позиции ФРЕТИЛИН. Президент Б.Ю. Хабиби 27 января 1999 г. предложил народу Восточного Тимора выбор: расширенная автономия в составе Индонезии или полная независимость. Несмотря на трагизм предыдущих событий, смена режима в Джакарте могла способствовать сохранению Восточного Тимора в составе Индонезии. Многие лидеры сопротивления были склонны к компромиссу. Во всеобщих выборах в июне 1999 г. на Восточном Тиморе участвовали 94% избирателей, из них более половины поддержали Организацию функциональных групп (партию власти прежнего режима). Но действия армейской элиты, которая, не полагаясь на политические методы, сформировала отряды так называемой милиции и начала террор против сторонников независимости, толкнули многих колеблющихся в ряды оппозиции. Опрос 30 августа 1999 г. при участии 98% электората дал 78% голосов в пользу отделения от Индонезии.

После этого террор еще более ужесточился. 7 сентября в провинции было введено военное положение, а 12 сентября Б. Хабиби дал согласие на ввод войск ООН на Восточный Тимор. 26 октября 1999 г. Совет Безопасности ООН учредил Временную администрацию ООН на Восточном Тиморе. По инициативе ООН и Всемирного банка в декабре 1999 г. в Токио был основан Клуб стран-доноров для восстановления Восточного Тимора с первоначальным капиталом 520 млн. долл.

Миротворческие войска с трудом противостояли милиции, базировавшейся в западной части Тимора. В июле 2000 г. было создано переходное правительство, пять членов которого были тиморцами, а четыре — представителями ООН с последующей заменой местными жителями.

На выборах в Учредительное собрание 30 августа 2001 г. 55 мест из 88 получил ФРЕТИЛИН, еще 6 — близкая к Фронту Тиморская социал-демократическая ассоциация. По конституции, принятой в феврале 2002 г., государство Восточный Тимор является парламентской республикой во главе с президентом с огра-

ниченными полномочиями. Официальные языки — португальский и тетум, рабочие — английский и индонезийский.

14 апреля 2002 г. президентом был избран лидер национального движения Шанана Гужмао. В ночь с 19 на 20 мая была провозглашена независимость Восточного Тимора. 20 мая Российская Федерация признала новое государство.

РЕСПУБЛИКА ИНДОНЕЗИЯ

17 августа 1945 г. в Джакарте была провозглашена независимость Республики Индонезия. Днем позже Комитет по подготовке независимости принял конституцию, призванную стать платформой объединения многочисленных этносов, политических течений и конфессий. Она рассматривалась как временная, подлежащая совершенствованию по мере развития событий. Сравнительно детально были прописаны prerogatives властных органов при перевесе в пользу исполнительной ветви во главе с президентом. Им стал признанный лидер национально-освободительного движения Сукарно. Пост вице-президента занял видный деятель борьбы за независимость Мохамад Хатта. В преамбулу конституции вошли принципы *панча сила* — вера в единого Бога, справедливая и цивилизованная гуманность, единство Индонезии, демократия на основе консультаций между народными представителями и социальная справедливость. Основные функции в социально-экономической сфере отводились государству (ст. 33): экономика страны создается совместными усилиями на общественной основе; важные для государства и жизни народа отрасли производства находятся в руках государства; земля, вода и природные богатства, находящиеся в них, принадлежат государству и максимально используются для поднятия благосостояния страны.

С высадкой в Индонезии 29 сентября 1945 г. британских и голландских войск началась четырехлетняя антиколониальная война индонезийского народа. В ее ходе выявился ряд важных общественно-политических процессов:

1. Углубление и радикализация антиколониальных настроений, рост активности политических сил страны, не всегда вмещавшейся в рамки конституции. Возросла роль Центрального национального исполнительного комитета (индонезийское сокращение — КНИП), созданного на базе Комитета по подготовке независимости. Он фактически стал парламентом, назначая и смещая правительство. В ноябре 1945 г. была введена многопартийная система.

2. Преобладание антикапиталистических настроений в массах, в сознании которых капитализм тесно связывался с империализмом и воспринимался как явление враждебное и иноземное.

3. Рост на волне антиколониального подъема влияния левого крыла освободительного движения. В сентябре 1948 г. в Мадииуне (Восточная Ява) произошло вооруженное столкновение между правительственными войсками и частями, находившимися под влиянием коммунистов и подлежавшими расформированию по решению правительства в рамках «программы рационализации армии». Переоценив степень массовой поддержки политических и социальных целей Компар-

тии Индонезии (КПИ), ее лидеры призвали народ к восстанию, но оно было подавлено, что существенно изменило расстановку сил в пользу правого крыла национального движения.

4. В ходе антиколониальной войны индонезийская армия, формировавшаяся как партизанская, прочно усвоила традицию своей автономности, в том числе и политической, по отношению к гражданской власти. Офицерский корпус видел в вооруженных силах самостоятельный институт, призванный участвовать в руководстве страной наряду с партиями, а фактически стоять над ними. Армия считала себя общенациональной силой, тогда как партии воплощали раскол нации. Эта концепция получит позже название «двойной функции» вооруженных сил и сыграет важную и неоднозначную роль в истории Индонезии.

По условиям соглашения с Нидерландами от 1949 г. республика стала федеративным государством Соединенные Штаты Индонезии. Но федерализм в тех условиях оказался неэффективным, способствуя активизации в ряде мест сепаратистских элементов. Ответной реакцией было усиление центристских настроений, что привело к возрождению унитарной Республики Индонезия в середине 1950 г. В свете последующего опыта провал федеративного эксперимента не был только победой идеи национального единства. Не удалось найти оптимальную стратегию развития территорий вне Явы. Вызванные этим деформации не раз вели к политическим кризисам.

Принятая 18 августа 1950 г. конституция установила ответственность кабинета перед парламентом, существенно урезав полномочия президента. Шире трактовалась проблема прав и свобод, гражданам гарантировалась свобода убеждений, вероисповеданий и передвижений, неприкосновенность личности и жилища. Предусматривалось уважение обычного права (*адата*). Закреплялось право коллективной и частной собственности, но последняя не могла использоваться в ущерб интересам общества. В целом эта конституция при наличии политической воли элиты в стране, где лишь 6% населения были грамотными, могла стать правовой основой постепенной модернизации политической культуры и в перспективе — создания эффективной представительной системы.

Экономическое положение после японской оккупации и четырехлетней войны было тяжелым. К 1949 г. в сравнении с 1940 г. производство сахара сократилось в семь раз, каучука — на 40%, пальмового масла — в два раза, кофе — почти в три раза, нефти — на 20%, олова — на 25%, угля — втрое. Обрабатывающая промышленность работала на 50–60% мощности. Упали валютные поступления от экспорта сырья. Рост мировых цен на него в ходе корейской войны сменился спадом с началом мирных переговоров, что подтвердило уязвимость индонезийской экономики. Трудность была в том, что отчетливо выраженный переход к капиталистическому развитию не нашел бы поддержки общества. Население верило, что, как обещали национальные лидеры, независимость станет «золотым мостом» ко всеобщему братству, где не будет эксплуатации.

Парламентская система пробуксовывала. Лишь немногие лидеры видели парламент структурообразующим элементом государства. На деле он стал ареной межпартийной борьбы, а практическая политика осуществлялась коррумпиро-

ванной бюрократией. Поэтому все чаще звучали призывы установить более авторитарную власть. 17 октября 1952 г. командование армии предложило Сукарно упразднить парламент и самому возглавить правительство или поручить это вице-президенту. Сукарно отклонил предложение, не желая зависеть от военных, но этот эпизод продемонстрировал притязания армии на особую политическую роль.

Республике предстояло найти место в мире, раскол которого на два лагеря стал к 1949 г. реальностью, и упрочить свой статус полноправного субъекта международного общения. Индонезия избегала тесных формальных отношений с великими державами, дабы не оказаться в положении младшего партнера. В то же время образованные индонезийцы были связаны скорее с европейской культурой и ее ценностями. СССР и страны Восточной Европы, поддержавшие антиколониальную борьбу Индонезии, не воспринимались как стратегические союзники по идеологическим причинам и вследствие их ограниченных экономических возможностей.

В обществе велика была инерция антиимпериалистической революции. Политика кабинетов во главе с лидерами мусульманской партии Машуми в 1950–1952 гг., направленная на ограничение прав трудящихся, запрещение левых организаций, присоединение к эмбарго на торговлю с КНР, подписание Сан-Францисского мирного договора с Японией (парламент отказался его ратифицировать), присоединение к договору о взаимном обеспечении безопасности с США, была отвергнута широкими кругами общественности и привела к отставке соответствующих правительств.

Пришедший к власти в 1952 г. кабинет во главе с представителем умеренного крыла Национальной партии Индонезии (НПИ) Вилопо отказался от антикоммунистической риторики предшественников, от наиболее непопулярных соглашений с Голландией, национализировал ряд горно-рудных предприятий. Этот кабинет испытал самые гяжелые последствия прекращения «корейского бума» и падения мировых цен на сырье.

Через год правительство Вилопо ушло в отставку, после того как войска расстреляли крестьян-скваттеров на Северной Суматре, захвативших земли голландских плантаций. В стране обозначились два полюса: на левом организационно и политически возрождавшаяся Компартия Индонезии, на крайне правом — исламистские круги, выступавшие за превращение Индонезии в мусульманское государство (*дар-уль-ислам*) и прибегавшие в этих целях к вооруженной борьбе. Это течение не имело массовой поддержки, но ликвидировать исламистские группировки удалось лишь в начале 1960-х годов.

Сформированный в августе 1953 г. коалиционный кабинет во главе с лидером Национальной партии А. Састроамиджой ограничил деятельность иностранного капитала, проводил протекционистскую политику по отношению к национальному предпринимательству. Отвечая настроениям в обществе, эти меры не были частью обоснованной экономической стратегии. Они не дали радикальных сдвигов в производстве, не улучшили структуру экономики и пошли на пользу лишь государственной бюрократии.

Активизировалась внешняя политика Индонезии. В 1953 г. правительство реализовало соглашение 1950 г. об обмене послами с СССР, установило дипломатические отношения с КНР и Индией. Индонезия была одним из главных архитекторов конференции стран Азии и Африки в Бандунге (Западная Ява), где были приняты десять принципов мирного сосуществования государств с различными политическими системами. Индонезия обрела роль одной из ведущих держав Азии. В 1956 г. Сукарно нанес визиты в США, СССР и Китай, значительно упрочив свой престиж в стране и на международной арене. Стремление Сукарно ввести страну в мировое сообщество в качестве равноправного партнера вызывало неприятие прежде всего в США. Американские лидеры фактически не признавали за новыми странами права на поиск путей вне политики и идеологии, предлагавшихся Вашингтоном. В этом смысле они не преодолели комплекс, от которого советская дипломатия начала избавляться в 1953 г. или даже несколько ранее. Своей непримиримостью Вашингтон отталкивал лидеров, подобных Сукарно, чьи антиамериканские настроения в то время были сравнительно поверхностными.

Но одновременно в Индонезии проявилась тенденция к не всегда правомерному вниманию к внешней политике в ущерб решению внутренних проблем. Застой в экономике вел к политической дестабилизации, начавшейся в 1955 г. Детонатором стал демарш высшего офицерства, недовольного верховенством гражданской власти над армией. В июле 1955 г. кабинет А. Састроамиджойо ушел в отставку из-за несогласия военных с кадровыми назначениями в командовании вооруженных сил. Гражданская элита проявила неспособность контролировать ситуацию в армии и в стране.

Первые в истории Индонезии парламентские выборы 29 сентября 1955 г. подтвердили поляризацию сил и «полевение» политической ситуации. Четыре партии получили наибольшее число голосов: Национальная партия (22,3%), реформаторская правомусульманская партия Машуми (20,9%), традиционалистский Союз мусульманских богословов «Нахдатул Улама» — НУ (18,4%) и компартия (16,4%). Это соотношение сохранилось через три месяца на выборах в Учредительное собрание, призванное выработать новую конституцию. Партийно-политическая, территориально-этническая и социокультурная разграничительные линии опасно совпали, поскольку сторонники НПИ, НУ и КПИ были сосредоточены главным образом в районах расселения яванского этноса, а Машуми и некоторые менее влиятельные партии получили поддержку преимущественно на Суматре и других островах вне Явы. Это было особенно опасно в условиях слабости центральной власти.

Второй кабинет А. Састроамиджойо, сформированный в марте 1956 г. после кратковременного пребывания у власти правительства во главе с лидером Машуми Б. Харахапом, не добился существенных результатов во внутренней политике и экономике. Правительство отказалось выплачивать почти полуторамиллиардный долг Голландии, еще более ограничило деятельность иностранных монополий, но эти меры были скорее политическими, не способствуя реальному росту экономики.

Активизировались действия исламских фундаменталистов, усилились центробежные тенденции в регионах вне Явы. Армия продолжала требовать создания внепарламентского правительства, при этом более радикальная (и менее влиятельная) часть офицерства готова была пойти на разрыв с центральной властью. Большинство офицерского корпуса во главе с начальником штаба армии генерал-майором А.Х. Насутионом стояло на унитаристских позициях. В декабре 1956 г. против центра выступили командующие военными округами на Суматре, в марте 1957 г. — на Сулавеси. Сепаратисты создали свое правительство при финансовой и военной помощи США и Великобритании.

Эти акции по сути своей были антинациональными: распад Индонезии лишь усугубил бы трудности, переживаемые страной. Но сепаратизм подпитывался неравномерностью экономического развития Индонезии, хотя представление окраин о том, что Ява паразитирует за их счет, ни тогда, ни позже не было вполне справедливым. Глубинная причина трудностей была в отсутствии стратегии развития, преодоления колониального наследия, неравномерности в распределении национального богатства и производительных сил, извращениях в кадровой политике. Важно, однако, что большинство военнослужащих и населения внешних островов не поддержало мятежников.

Сукарно и генералитет, исходя в каждом случае из своих интересов, интерпретировали мятежи в пользу отказа от парламентаризма и введения «направляемой демократии», как ее назвал президент. 7 февраля 1957 г. он предложил отказаться от «импортированной с Запада» парламентской системы. Суть реформы заключалась в сужении функций выборных органов в пользу исполнительной власти во главе с президентом и фактическом ограничении политического участия граждан, партий, общественных организаций. Отчасти это была реакция на «полевение» масс, подтвердившееся летом 1957 г. на выборах в местные органы власти: КПИ вышла на первое место, получив на 25% больше голосов, чем на выборах в парламент в 1955 г., в ущерб остальным партиям. При сохранении парламентской системы компартия, самая организованная и сплоченная политическая сила, могла претендовать на формирование кабинета.

Большинство партий, включая левые, спокойно приняли предложение Сукарно. Они получали передышку и надеялись использовать ее для накопления сил. Коммунисты, очевидно, понимали, что победа на выборах не гарантирует им преимущества в случае решительного противостояния с оппонентами с их кумулятивным большинством (плюс армия).

Президента поддержало командование армии, видя в его концепции путь к усилению собственной роли. По сути, Сукарно был сторонником «просвещенного авторитаризма» (хотя не употреблял этого термина), полагая, что патриархальное правление исконно и навечно присуще индонезийскому обществу. Его идеалом была индонезийская сельская община. В представительной демократии он видел не этап развития общечеловеческой цивилизации, а тупиковое ответвление этого развития, ведущее к капитализму и империализму. Одно время Сукарно вынашивал идею полной ликвидации многопартийной системы, считая, что она противоречит идее национального единства. Непосредственной целью

«направляемой демократии» было преодоление кризиса в стране, но она имела отрицательные последствия для развития политической культуры в целом: была еще более подорвана вера в принцип представительного правления, разделения ветвей власти, замедлился процесс превращения граждан в ответственных субъектов политики.

В марте 1957 г. правительство А. Састроамиджойо, не в силах справиться с кризисом и не получая достаточной поддержки от Сукарно, ушло в отставку. Президент ввел военное положение и назначил внепарламентский кабинет во главе с беспартийным деятелем Джуанда Картавиджаем.

Новое правительство ужесточило позицию по проблеме Западного Ириана (западная часть острова Новая Гвинея), удерживавшегося Голландией вопреки соглашениям 1949 г. о передаче суверенитета Республике. В декабре 1957 г. началось взятие голландских предприятий и плантаций под контроль рабочих организаций. Вскоре реальная власть над этой собственностью перешла в руки военной администрации. Возник слой бюрократической буржуазии из числа многочисленных офицеров и чиновников, использовавших свои посты на бывших иностранных предприятиях для личного обогащения. Этот процесс оказал важное влияние на дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие Индонезии, став источником первоначального накопления для новой буржуазии, активно прибегавшей на первых порах к антикапиталистической и антиимпериалистической риторике «направляемой демократии».

Избранное в 1955 г. Учредительное собрание не пришло к согласию о конституционном устройстве. Сторонники исламского государства были в меньшинстве, но не получило достаточной поддержки и предложение Сукарно вернуться к конституции 1945 г. 5 июля 1959 г. президент распустил Учредительное собрание и все-таки ввел в действие первоначальный Основной закон страны. 5 марта 1960 г. он распустил избранный в 1955 г. парламент и в середине того же года сформировал «парламент сотрудничества» из представителей политических партий и «функциональных групп», а в августе — высший орган государственной власти — Временный народный консультативный конгресс (слово «временный» отражало тот факт, что Конгресс был создан без выборов).

Сукарно считал, что государство и общество должны основываться на сотрудничестве трех главных политических и идеологических течений — националистического (НАСИоналис), религиозного (Агама) и коммунистического (КОМунис). Эта концепция, сокращенно Насаком, предполагала, что в обществе нет противоречивых интересов, а есть лишь различные взгляды на единый интерес, и их можно привести к консенсусу под руководством главы государства. Президент обязал все партии придерживаться в своей деятельности конституции, идеологии и политического курса государства.

В экономике страны продолжался глубокий застой. Проблема наполнения политической независимости реальным содержанием не решалась, и подходы к ее решению не просматривались.

Таблица 1

Структура занятости в 1961 г. в сравнении с 1930 г.,
%

Отрасли хозяйства	1930 г.	1961 г.
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	73,9	73,3
Горно-добывающая промышленность	0,9	0,3
Обрабатывающая промышленность	11,5	5,8
Строительство	—	1,8
Торговля, банковское и страховое дело	6,7	6,8
Транспорт, связь, складское хозяйство	1,6	2,2
Услуги	5,4	9,8

Таблица 2

Показатели экономического развития Индонезии в 1951–1959 гг.

Доля в ВВП (%)	1951–1952 гг.	1958–1959 гг.
Сельское хозяйство	56	58
Обрабатывающая промышленность	9	8
Горно-добывающая промышленность	2	3
Прочие отрасли	33	31
Производство в % к уровню 1938 г.		
Экспортные культуры (плантационные)		
включая каучук	67	70
кроме каучука	37	48
каучук	150	134
Добывающая промышленность		
нефть	111	232
олово	121	82
бокситы	201	149
каменный уголь	63	42

Основные партии видели признаки кризиса, но молчаливо полагали, что он может быть преодолен лишь после того, как они получат доминирующие позиции в стране. Отсутствие у Сукарно собственной партии вселяло надежду в руководителей наиболее могущественных группировок. каковыми являлись армия и КПИ, использовать его популярность в своих интересах. Сукарно же противоречия между армией и коммунистами позволяли упрочить свои позиции в качестве фактора политического равновесия.

«Направляемая демократия» мыслилась Сукарно как нечто совершенное, вобравшее в себя все национальные и мировые человеческие ценности. В ней не были заложены возможности саморегулирования, она не предусматривала социальных и культурных изменений и адаптации к этим изменениям. Происходила сакрализация власти, государственной идеологии, конституции.

Сукарно и его окружение опасались, что выработка и осуществление конкретной программы экономического развития обнажит и углубит социальные противоречия, таящиеся вследствие неразвитости индонезийского общества, разрушит миф о его гомогенности. Отсюда поиски цели, способной стать стержнем

национального единства. Такой целью стало осуществление суверенитета Республики над Западным Ирианом. Правовая и моральная позиции Индонезии в этом конфликте были достаточно сильными. Западноирианская кампания, антиимпериалистическая по своей направленности, вписывалась в планы и президента с его ближайшим окружением, и двух основных политических сил — армии и Компартии Индонезии.

С помощью СССР, за счет кредитов и с широким использованием советских специалистов в начале 1960-х годов произошла научно-техническая революция в вооруженных силах, которые были переоснащены современным оружием. Резко возрос уровень военной и технической подготовки среднего и младшего офицерского состава. Западноирианская кампания дала армии повод продолжить процесс модернизации, упрочить позиции в административном аппарате и экономических структурах. Что касается КПИ, то, полагая, что партия по определению является наиболее последовательной антиимпериалистической силой, ее лидеры видели в этой кампании путь к упрочению влияния коммунистов. Поэтому руководство партии поддерживало военную помощь СССР Индонезии.

Позиция Нидерландов была бесперспективной еще и потому, что Советский Союз был готов оказать Индонезии прямую поддержку в случае начала боевых действий по освобождению Западного Ириана. В распоряжение Сукарно были направлены подводные лодки и самолеты с советскими экипажами, готовыми участвовать в боевых действиях. Под нажимом администрации США, не желавшей унижения союзника по НАТО в случае вероятного военного поражения, правительство Нидерландов 15 августа 1962 г. согласилось передать Индонезии Западный Ириан (официально воссоединение произошло 1 мая 1963 г.).

Но уже обозначились очертания нового конфликта в регионе в связи с планами объединения бывших британских колоний — Малайи, Сингапура, Сабаха, Саравака и Брунея в рамках Федерации Малайзии. 20 января 1963 г. министр иностранных дел Субандрио объявил, что Индонезия переходит к политике противостояния по отношению к Малайе как сообщнице неокOLONиализма и империализма, проводящей враждебный курс по отношению к Индонезии. Еще раньше министр обороны генерал А.Х. Насутион заявил, что конфронтация направлена против Великобритании как авангарда империализма и будет осуществляться в физическом, экономическом и политическом измерениях. Армия активно выступала за «противостояние», сулившее ей прямые выгоды. Не менее активно поддержали Сукарно левые силы.

Антималайзийская кампания резко осложнила отношения Индонезии с Западом. Но она не нашла понимания и у СССР и его союзников ввиду очевидной бесперспективности и опасности выхода событий из-под контроля. Сдержанность Москвы вызвала раздражение не только у официальной Джакарты, но и у лидеров КПИ. Сместились акценты в концепции «новых нарождающихся сил», сформулированной Сукарно в 1961 г. и объединявшей в этой категории все антиимпериалистические государства и движения: президент все настойчивее выдвигал на первый план страны «третьего мира», среди которых роль лидера он отводил Индонезии, все чаще осуждал политику мирного сосуществования. Его

естественным союзником стало руководство Китая в контексте тогдашних китайско-советских противоречий. Сближение с Пекином (Сукарно провозгласил существование «оси Джакарта–Пекин») подрывало престиж президента в стране ввиду непопулярности зажиточной местной китайской общины у коренного населения. В январе 1965 г. КНР активно поддержала решение Сукарно о выходе Индонезии из Организации Объединенных Наций.

Когда 16 сентября 1963 г. Малайзия была создана (Бруней не вошел в нее, а Сингапур годом позже покинул федерацию), антималайзийская кампания стала фокусом политической жизни в Индонезии. Армия начала диверсионные действия на территории федерации.

Сосредоточение усилий нации на борьбе против Малайзии отнюдь не смягчало внутренние проблемы, включая острейшую из них — аграрную. В 1963 г. в стране было 12,1 млн. земельных собственников с участками не менее 0,1 га с общей площадью обрабатываемой земли 12,7 млн. га. По приблизительным подсчетам, на долю землевладельцев с участками более 5 га (2,3% хозяйств) приходилось 19,6% обрабатываемой земли, а собственники участков от 0,1 до 0,5 га (44,9% хозяйств) владели лишь 20% земли. Около 60% крестьян были издольщиками, отдавая землевладельцу до 70% валового урожая. Закон 1960 г. о разделе урожая ограничил арендную плату половиной сбора на орошаемых и третью на суходольных землях, за вычетом собственных затрат крестьянина. Размеры землевладения зависели от плотности населения в соответствующем районе и качества земли. Эти положения лишь отчасти могли смягчить нехватку земли, в особенности на перенаселенной Яве. Но и они встретили ожесточенное сопротивление деревенской элиты, тесно связанной с мусульманскими кругами. Требуя последовательного осуществления аграрной реформы, Компартия Индонезии вызвала непримиримую вражду этих кругов, ставших, как и некоторые другие партии, союзниками армии в борьбе против коммунистов. Не желая обострять отношения с мусульманскими организациями и ситуацию в сельской местности, правительство фактически заморозило реформу, а односторонние действия крестьян по переделу земли подавлялись войсками и полицией. Это усугубляло кризисные явления, порожденные ухудшением экономического положения в связи с расходами на кампанию против Малайзии. В 1964 г. большинство государственных предприятий использовало менее 50%, а в начале 1965 г. менее 30% производственных мощностей. Производство риса в 1961–1964 гг. упало с 13,5 до 12,9 млн. т в год при росте населения за те же годы на 6–7%. Нестабильность ситуации побудила окружение Сукарно провести в 1963 г. через Временный народный консультативный конгресс решение присвоить ему статус пожизненного президента.

Летом 1965 г. президенту сообщили о существовании в высшем армейском командовании заговора с целью его свержения и изменения политического курса страны. В ночь на 1 октября 1965 г. войска президентской охраны и некоторых частей армии под руководством Революционного совета арестовали и расстреляли шестерых генералов сухопутных войск, обвинив их в заговоре против президента. Сукарно не осудил эти действия, но и не солидаризировался с ними. Это

позволило командованию армии объявить эту акцию попыткой государственного переворота со стороны компартии и развернуть массовый террор против левых организаций, в ходе которого погибло, по разным источникам, от 500 тыс. до 2 млн. человек, еще не менее 1,5 млн. прошли через тюрьмы и концлагеря. На деле руководство КПИ, осведомленное в общих чертах о планах выступления, самостоятельного участия в нем не принимало и все действия Ревсовета осуществлялись только военнослужащими. После гибели главкома сухопутных войск генерала А. Яни в ночь на 1 октября армию возглавил командующий стратегическим резервом генерал-майор Сухарто.

Разгромив левое движение, генералитет использовал недовольство населения, прежде всего учащейся молодежи, для давления на президента с целью отстранения его от власти. 11 марта 1966 г. Сукарно наделил чрезвычайными полномочиями генерала Сухарто, ставшего фактическим главой исполнительной власти, а в марте 1967 г. — исполняющим обязанности президента после того, как Временный народный консультативный конгресс лишил Сукарно его полномочий. В марте 1968 г. Сухарто был назначен президентом.

Политическое поражение Сукарно было обусловлено прежде всего его переоценкой значения социальной и культурной самобытности своего народа, тем, что он видел в отсталости межличностных и производственных отношений основу для особого пути развития. Армия, выставив в качестве передового отряда учащуюся молодежь, фарисейски использовала против президента лозунги демократии и законности. Он лишился реальной поддержки масс, хотя и сохранил значительную часть харизмы.

Государственный переворот 1965–1967 гг. осуществил блок, основой которого была армия как авангард новой буржуазии, сформировавшейся в недрах «направляемой демократии», в союзе с коррумпированной бюрократией, крупными и средними землевладельцами, напуганными аграрной реформой, и сравнительно малочисленной прослойкой интеллигенции, близоруко связывавшей со свержением Сукарно надежды на либерализацию политического режима. Общность их интересов окончилась со смещением президента и разгромом левых. Если мусульмане и интеллигенция хотели усиления роли представительных органов для достижения через них своих политических целей, то армия стремилась к взятию всей полноты власти. Военных в целом устраивала «направляемая демократия» при условии передачи армии лидерства и концентрации всей политической инициативы в руках исполнительной власти под контролем вооруженных сил. В военно-бюрократическом режиме, получившем название «новый порядок», роль офицерского корпуса армии была близка к положению правящей партии. Ее теоретическим обоснованием стала концепция «двойной функции» вооруженных сил, по которой армия является не только орудием обороны государства, но и самостоятельным политическим институтом.

В 1966 г. в 12 из 24 провинций губернаторами были генералы, а в 1973 г. их было уже 23. Военные возглавляли 185 из 256 районов. В 16 невоенных министерствах на постах генеральных секретарей было 11 генералов. В 1980 г. из 62 послов Индонезии за рубежом 28 были генералами. В начале 1980-х годов на

особо важных гражданских постах было до 20 тыс. военнослужащих, среди министров — 19 генералов, среди ректоров университетов и деканов факультетов — 14. Военным без участия в выборах отводилось 20% мест в парламенте.

В 1973–1975 гг. была реформирована партийная система. Число партий сократилось до трех, включая партию власти — Организацию функциональных групп (Голкар). Двумя другими стали Партия единства и развития, куда вошли четыре мусульманские партии, и Демократическая партия Индонезии, объединившая три светские и две христианские партии (католическую и протестантскую). Все партии должны были придерживаться принципов «панча сила» и конституции, оберегать национальное единство. Толкование «панча сила» и соответствия политической деятельности национальным интересам правящая армия фактически оставляла за собой. В соответствии с доктриной «дрейфующих масс» население, в особенности сельское, изолировалось от любого политического влияния, кроме исходящего от правительства. В 1983 г. Народный консультативный конгресс запретил партиям придерживаться любой идеологии, кроме «панча сила». Возникшая политическая система получила официальное название «демократия панча сила».

В этих условиях ислам, религия почти 90% индонезийцев, стал естественным прибежищем недовольных социальным неравенством, произволом власти, притеснением чуждых культурных ценностей, засильем иностранных монополий. «Новый порядок» видел в мусульманском движении главную после разгрома КПИ оппозиционную силу, располагавшую мощными организационными и пропагандистскими возможностями. Уже в 1970-х годах имели место террористические акты, организованные экстремистскими исламистскими элементами.

«Новый порядок» управлял страной, преимущественно аграрной не только экономически, но и по жизненной ориентации населения, по характеру человеческих отношений. Капиталистическая модернизация как главная цель новой власти, перевод отношений между людьми на рыночную основу не находили поддержки в массовом сознании, воспитанном на идеалах эгалитарного патернализма. В этих условиях необходимое условие успеха — сильная власть, способная придать импульс развитию, сосредоточить усилия нации на нужном направлении, определить способы достижения цели. В этом смысле армия имела два преимущества — некоторый опыт экономической деятельности и высокую степень организации и дисциплины. Но эти атрибуты были органически связаны с культом силы, неуважением к личности, неспособностью к диалогу, чувством мессианской исключительности, мешающим адаптации к меняющимся условиям, развитию участия населения в политической жизни страны. Провозглашенный властью приоритет стабильности во имя процветания, оправданный в определенных условиях и на исторически ограниченный период, превратился в апологию произвола.

Одним из столпов экономической политики «нового порядка» стало привлечение иностранных инвестиций и кредитов. Зарубежным владельцам возвращалась ранее отчужденная собственность. Закон об иностранных капиталовложениях от 1 января 1967 г. открыл для зарубежных инвесторов почти все отрасли экономики, кроме судоходства и портовых сооружений, энергетики, телесвязи,

транспорта, водоснабжения, средств массовой информации и оборонной промышленности. Вложения в горно-добывающую отрасль допускались совместно с правительством Индонезии. Льготы инвесторам зависели от значения вложений для увеличения валютных поступлений, создания импортзамещающих производств и рабочих мест, прибыльности, района, где вкладывался капитал, степени риска. С 1967 по 2002 г. правительство выдало лицензии на вложение 269,1 млрд. долл., в том числе (млрд. долл.) в обрабатывающую промышленность 167,4, энергетику, газо- и водоснабжение — 18,5, горно-добывающую промышленность — 10,1, сельское и лесное хозяйство, рыболовство — 9,1, торговлю, гостиничное дело — 22,6. транспорт — 18,2. Наиболее крупными инвесторами стали Япония (38,5), Великобритания (29,4), Сингапур (23,8), Гонконг (16,4), Тайвань (14,4), Австралия (11,7), США (11,0), Южная Корея (10,9).

В 1966 г. страны-кредиторы создали консорциум, получивший позже название Межправительственной группы по Индонезии. Его участники согласились отсрочить платежи по индонезийским долгам и оказывать финансовую помощь правительству Сухарто. Объем помощи согласовывался на ежегодных сессиях консорциума и зависел от финансовой и экономической политики правительства. В это же время правительство восстановило прерванное Сукарно членство Индонезии в Международном валютном фонде.

Второе направление экономической политики — расширение вывоза для увеличения валютных доходов, увязка объема импорта с суммой экспортной выручки, стимулирование производства экспортной продукции.

Был взят курс на постепенную приватизацию неэффективных государственных предприятий.

Экономический рост обозначился уже в конце 1960-х годов, и его темпы до 1996 г. достигали в некоторые годы 7–8%. Рост промышленного производства существенно обгонял развитие сельского хозяйства. К 2002 г. в объеме всеобщего валового продукта на обрабатывающую промышленность приходилось 25%, на сельское хозяйство — 17,5%, горно-добывающую промышленность — 13,2% (в том числе нефте- и газодобычу — 8,2%), торговлю и туризм — 16,1%, строительство — 5,7%. Характерным показателем стали изменения состава экспорта. Если до начала 1980-х годов основой экспортных доходов были поступления от нефти и газа, то уже в 1987 г. они составили менее 50%, а в 1997 г. — несколько более 20%. По официальным данным, число людей, живущих за чертой бедности, снизилось с 70 млн. (60%) в 1970 г. до 22,5 млн. (11,3%) в 1996 г. Существенных успехов достигли образование и здравоохранение.

Вместе с тем неуклонно углублялось имущественное расслоение, наибольшая часть прироста доходов присваивалась самыми состоятельными слоями.

Предприниматели из числа этнических китайцев, обладая гораздо большим стартовым капиталом, опытом и международными связями, чем коренные индонезийцы, оказались на гребне волны экономического развития. Они вовлекали в свою деятельность военных и гражданских чиновников, обеспечивая себе мощное прикрытие. Растущее социальное неравенство накладывалось на этноконфессиональные различия. Правительство пыталось ограничить проявления проти-

воречий между кигаической общиной и коренным населением, сводя эти меры в основном к этнической ассимиляции китайцев, что не могло решить проблему. Военная и гражданская бюрократия была заинтересована в сохранении некоторого уровня расовой напряженности и зависимости китайцев от защиты властей.

Менялась социальная структура общества. По оценке индонезийского политолога Ювоно Сударсоно, в 1996 г. к среднему классу (по местным критериям) относилось около 15,5 млн. человек, т.е. примерно 8% населения страны. Формировался этот слой в значительной мере за счет роста числа частных предпринимателей и лиц «свободных профессий». Произвол и коррупция военной и гражданской бюрократии неизбежно порождали у них оппозиционные настроения. Но демократический потенциал среднего класса ограничивался тем, что в условиях поляризации общественного богатства и роста социальной напряженности он видел во власти свою защиту от озлобления низов. Кроме того, этот слой в значительной своей части формировался за счет выходцев из военной среды и китайской диаспоры, зависевших от благорасположения власти. Однако уже в 1980-х годах в Индонезии усиливаются голоса в пользу большей открытости политической системы, расширения гражданских прав населения, ограничения роли армии, самостоятельности законодательной и судебной ветвей власти.

Параллельно развивался противоположный процесс — тяга низов к насилию как средству выражения социального недовольства и разрешения этноконфессиональных противоречий, переплставшихся с имущественным неравенством. Происходили кровавые антикитайские погромы, поджоги торговых кварталов, христианских церквей и мечетей, особенно там, где (как, например, на Молуккских островах) переселенцы-мусульмане с Явы вытесняли коренных жителей из сфер деятельности, в которых они работали. Межэтнические конфликты происходили и в других районах, куда направлялась миграция яванцев.

Обезземеливание крестьян, сосредоточение экономического развития преимущественно в городах вели к усилению миграции. Сезонные рабочие возвращались из города с нетрадиционными представлениями об отношениях в обществе, о роли инициативы и самостоятельности, о жизненных стандартах. Крестьяне были недовольны тем, что принятый при Сукарно закон об аграрной реформе практически не выполнялся и все больше земель отчуждалось под промышленные или туристические проекты. Оставшиеся в городе составляли значительный слой люмпенов-маргиналов, вырванных из привычной социальной среды, а потому представлявших легко воспламеняемый человеческий материал для массовых выступлений.

Обострялись противоречия между Явой и остальными островами, все громче звучали упреки, что Ява, где сосредоточено 60% населения страны, обирает более богатые природными ресурсами территории. Недовольство вызывала кадровая политика центральной власти, подбиравшей высших чинов местных администраций по признаку личной преданности Сухарто. Близкие к семье президента дельцы пользовались привилегиями при получении кредитов и лицензий. Власть открыто обвиняли в «яванизации» страны, хотя, как видно из статистики, по жизненному уровню населения Ява (кроме Джакарты) мало отличалась от других

районов. Авторитаризм, в течение десятилетий оправдывавшийся сохранением политической стабильности во имя экономического развития и единства страны, стал фактором усиления центробежных тенденций.

Рост реформаторских настроений побудил власть в той или иной форме реагировать на них. Высказывания в пользу политических реформ зазвучали на самом высоком уровне. Но на деле «новый порядок» оказался неспособным модернизировать политическую систему в соответствии с социальными изменениями, которые вызвала его собственная экономическая политика. Последние в истории режима выборы в парламент в 1997 г. прошли под столь же жестким контролем исполнительной власти, как и все предыдущие. Партия власти Голкар получила 325 мест из 425, оспаривавшихся на выборах (еще 75 мандатов были отданы армии), Партия единства и развития завоевала 89 мест, а Демократическая партия, в которой в 1996 г. при вмешательстве правительства произошла смена руководства — лишь 11. Вместо избранной на предыдущем съезде лидером ДПИ дочери первого президента Мегавати Сукарнопутри партии был навязан лояльный властям деятель Сурьяди. Сухарто и его окружение были в какой-то мере загнипнотизированы итогами выборов 1997 г., ошибочно расценив их как реальное свидетельство доверия народа к режиму или по меньшей мере эффективности своего контроля над ситуацией.

Во внешней политике в рамках программы «новый порядок» была сделана попытка соединить глубокую экономическую зависимость от Запада, авторитаризм во внутренней политике, яростный антикоммунизм в идеологии и политической практике с национализмом развивающейся нации, гегемонизмом, традиционным для Индонезии, стремлением к равноудаленности от двух противостоящих друг другу военно-политических блоков. Правящая элита считала сближение с Западом необходимым, но видела его пределы, понимая, что Запад не считает Индонезию равноправным партнером с собственными национальными целями и интересами. Индонезия сохранила членство в движении неприсоединения, где новые лидеры заняли позиции «справа центра».

Руководство страны, осуществляя программу «новый порядок», стремилось доказать предсказуемость своей внешней политики. Как писал в 1968 г. министр иностранных дел Адам Малик, он видел своей задачей «возвратить утраченное доверие не обещаниями, а доказательствами того, что Индонезия является надежным партнером как в политических, так и в экономических вопросах». В 1966 г. была прекращена ангималайзийская кампания, которая перестала быть нужной пришедшей к власти армии. 8 августа 1967 г. Индонезия вместе с Малайзией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами подписала декларацию о создании Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) с целью «совместных начинаний для ускорения экономического и культурного развития и социального прогресса», а также для содействия региональному миру и стабильности «путем уважения к справедливости и правопорядку в этом районе». Довольно скоро обозначилось негласное доминирование Индонезии в этой организации, хотя Джакарта всячески избегала подозрений в региональном гегемонизме. В сентябре 1966 г. страна восстановила членство в ООН.

В этот период резко ухудшились отношения с Китаем. Великодержавная и одновременно ультрареволюционная политика тогдашнего маоистского руководства КНР наложила на антикоммунизм режима «новый порядок», а близость позиций компартий Индонезии и Китая в начале 1960-х годов послужила искомым поводом для враждебности.

Западные страны в 1970–1980-х годах видели в Индонезии в первую очередь оплот борьбы прогив коммунизма в Юго-Восточной Азии, закрывая глаза на авторитаризм режима и его кровавые расправы с оппонентами. Но даже в худшие годы репрессий Индонезия сохраняла отношения с КНДР, Демократической Республикой Вьетнам и не установила связей с Сайгоном. Со временем Джакарта стала склоняться к определенному уровню политического взаимодействия с ДРВ, что было связано с ухудшением вьетнамско-китайских отношений.

При подстрекательстве американской администрации Индонезия в 1975–1976 гг. оккупировала и присоединила территорию бывшей португальской колонии Восточный Тимор, что было крупнейшей ошибкой внешней политики страны. Большинство тиморцев не приняло этого акта. Возник очаг вооруженной борьбы, закончившейся уже после падения «нового порядка» поражением Индонезии. Неспособность правящей армии решить проблему Восточного Тимора способствовала дискредитации вооруженных сил и режима в целом.

В середине 1980-х годов во внешней политике Индонезии наметилась тенденция к более отчетливой диверсификации международных связей. С 1986 г. начинается постепенное восстановление отношений с КНР. В 1989 г. Сухарто нанес официальный визит в СССР, где проявлял подчеркнутое дружелюбие.

Прекращение существования одного из двух военно-политических блоков с распадом Советского Союза в определенном смысле ослабило внешнеполитический потенциал Индонезии, которая лишилась возможности маневрировать между двумя центрами силы в условиях биполярного мира. В стране росло недовольство давлением Запада, активно использовавшего с этой целью проблему прав человека. Раздражение Вашингтона вызвала попытка Джакарты вслед за Малайзией нарушить монополию Запада в оснащении вооруженных сил Индонезии: в 1997 г. было заключено соглашение о поставках авиационной военной техники из России на сумму около 1 млрд. долл. (в то время сделка не была осуществлена из-за начавшегося финансово-экономического кризиса).

При несомненных экономических успехах были у страны и серьезные слабости. Важнейшей из них был стремительный рост внешней задолженности, в том числе и краткосрочной. В 1995 г. внешний долг достиг 101,8 млрд. долл., а к 1998 г. он возрос до 133 млрд., из которых $\frac{2}{3}$ подлежали погашению в течение 12 месяцев. Немало уязвимых мест имела банковская система, страдавшая, в частности, от коррупции и фаворитизма, разьедавших власть.

Финансово-экономический кризис, поразивший страны Юго-Восточной Азии с середины 1997 г., отразился на Индонезии более болезненно, чем на всех ее соседях. Экономический рост, составивший 8% в 1996 г., упал до 4,9% в 1997 г. и сменился спадом 13,7% в 1998 г. Как писала одна джакартская газета, «кризис уходит корнями в коррупцию, закулисные сделки на высшем уровне, непотизм и фаворитизм, со временем подточившие основы нашей экономики». Иначе го-

вора, кризис был усугублен политическим фактором: отсутствием общественного доверия к власти. Катастрофически падал курс национальной валюты (рупии), что вело к резкому снижению жизненного уровня населения, особенно городских жителей. Началось бегство капиталов из страны.

Авторитаризм обернулся самой уязвимой стороной: ни одна политическая сила не хотела делить с режимом ответственность за происходящее. С середины 1997 г. в обществе все более открыто обсуждалась целесообразность смены президента. Но Сухарто вновь согласился на выдвижение своей кандидатуры, а Конгресс в марте 1998 г. в седьмой раз избрал 77-летнего генерала главой государства.

Отмена кабинетом в апреле 1998 г. по требованию Международного валютного фонда субсидий на электроэнергию и энергоносители вызвала скачок цен и антиправительственные выступления в городах (деревня от кризиса сгладилась меньше, а в ряде случаев выигрывала от удорожания импорта и роста денежных доходов от экспорта некоторых сельскохозяйственных культур). Демонстранты требовали отставки президента, беднота громилась горговые центры и банки, принадлежавшие этническим китайцам и членам семьи Сухарто. Армия и полиция вели себя в целом нейтрально, пока не возникла угроза, что лидерство в антисухартовском движении захватят мусульманские организации. После того как генералитет отказал ему в поддержке, Сухарто 21 мая 1998 г. ушел в отставку, передав свой пост вице-президенту Б.Ю. Хабиби.

Развитие политической культуры индонезийского общества в течение более 30 лет тормозилось авторитаризмом и культом государственного насилия. Огромный заряд социального возмущения и месть накопился в недрах общества. По крайней мере частично этим объяснялась осторожность нового президента в подходе к осуществлению необходимых реформ. Prestиж власти, ее эффективность были катастрофически подорваны, и Хабиби должен был с этим считаться, понимая в то же время, что без радикальных политических реформ страна не выйдет из кризиса. Но он был выдвиженцем Сухарто, и многолетняя близость к бывшему президенту априори лишала его доверия общества.

В оппозицию Б.Ю. Хабиби встали крупнейшие мусульманские организации «Нахдатул Улама» во главе с А. Вахидом и «Мухаммадия», возглавлявшаяся А. Раисом, а также Демократическая партия Индонезии, борющаяся — ДПИ(б), лидером которой была М. Сукарнопутри. Был снят запрет на создание новых партий, освобождены политические заключенные, на 7 июня 1999 г. назначены парламентские выборы. Был принят закон, по которому регионы получили право оставлять себе 15% доходов от экспорта нефти, 30 — от натурального газа, 80 — от других полезных ископаемых и леса, 20% суммы собранного подоходного налога и не менее четверти других федеральных налогов. Одновременно была перераспределена ответственность за финансирование социальной сферы. Жизнь показала, однако, что местная элита была не готова к этой реформе, и наряду с несомненными положительными результатами она дала «децентрализацию коррупции».

На выборах 7 июня оспаривалось 462 мандата, еще 38 мест выделялось для депутатов от вооруженных сил, квота которых была сокращена по сравнению с выборами 1997 г. и подлежала полной ликвидации с 2004 г. Почти треть голо-

сов (153) получила ДПП(б), примерно столько же в сумме мусульманские партии. Из них лишь немногие выступали в ходе кампании с позиций исламизма. Около четверти избирателей поддержали Голкар.

Б.Ю. Хабиби был вынужден провести на Восточном Тиморе, где после отставки Сухарто положение еще более обострилось, референдум о будущем территории. Этот единственно возможный в той ситуации шаг навлек на президента кригику оппозиции и недовольство армии. На референдуме 30 августа 1999 г. 78% взрослых тиморцев проголосовали за независимость.

Сессия Народного консультативного конгресса в октябре 1999 г. избрала президентом страны Аб туррахмана Вахида, лидера Партии народного возрождения и организации «Нахдагул Улама». Вице-президентом стала М. Сукарнопутри. Избрание А. Вахида, полуслепого человека, еще не оправившегося после инсультов, чья партия получила лишь 10% голосов на выборах, было результатом сговора с целью не допустить к власти М. Сукарнопутри, за которой стояла наиболее радикальная часть электората. Только массовые насильственные выступления населения Явы и Бали заставили конгресс назначить ее на второй по важности пост в государстве.

А. Вахид был известен как деятель национального масштаба, способный поднаться над этническими, идейными и религиозными различиями. Он первым заявил о необходимости реабилитировать жертвы террора 1965–1968 гг. и пересмотреть официальную версию событий того времени в интересах национального примирения, он извинился перед жертвами террора на Восточном Тиморе и антикитайских погромов в мае 1998 г., он, будучи одним из самых авторитетных мусульманских богословов, был убежденным противником превращения Индонезии в исламское государство. В период его президентства были приняты меры против военачальников, виновных в нарушениях прав человека в предыдущие годы, в том числе в Аче и на Восточном Тиморе, усилен контроль гражданской власти над армией, отменены некоторые дискриминационные меры против этнических кигайцев.

Но став президентом, он не смог совместить свои положительные качества с положением главы государства. Идеологическая терпимость и широта взглядов уживались в нем с непредсказуемостью, авторитарностью, мессианством. Это делало его уязвимым для критики со стороны оппозиции во главе со спикером Конгресса Амином Раисом. Президента обвиняли в тех проблемах, которые на деле были наследием режима «новый порядок»: игнорирование религиозных конфликтов в Аче, где сепаратистское движение продолжалось в течение десятилетий, на Калимантане, на Западном Ириане, процветание коррупции, фаворитизм, огромная внешняя задолженность, низкий уровень правопорядка, нарушения прав человека и т.д. На деле обвинения прежде всего отражали интриги внутри правящей элиты, ее недостаточную готовность к демократизации политической системы и к модернизации методов управления государством. Конгресс и парламент, значительно расширив свои прерогативы после падения режима «новый порядок», сосредоточились на борьбе между собой и с президентом, поминутно вмешиваясь в деятельность исполнительной власти, а партийные лидеры погрязли в спорах из-за постов в кабинете и других органах власти.

В начале 2001 г. оппозиция во главе с А. Раисом начала решительное наступление против президента, используя обвинение в коррупции (впоследствии не подтвердившееся) и угрожая А. Вахиду импичментом. Президент обратился за помощью к армии с целью ввести военное положение, но получил отказ. 23 июля 2001 г. Конгресс сместил А. Вахида с поста главы государства. Это место заняла М. Сукарнопутри, которая к тому времени убедила военных и Голкар, что не намерена мстить за унижения, которым руководители «нового порядка» подвергли ее отца в 1960-х годах и ее саму тридцатью годами позже. Вице-президентом стал лидер Партии единства и развития Хамзах Хаз, что было компенсацией умеренным мусульманам за смещение А. Вахида. Сближение М. Сукарнопутри с Голкаром и военными вызвало недовольство в рядах ее собственной партии, где были сильны радикальные настроения. Мусульманская община страны сравнительно спокойно восприняла отставку А. Вахида.

Мегавати Сукарнопутри получила тяжелое наследие. Внешний долг достиг 140 млрд. долл. Число безработных и занятых неполную неделю равнялось 40 млн. человек (45% рабочей силы). Более 10% населения страны имели месячный доход около 3 долл. После 1997 г. из страны утекало в среднем 10 млрд. долл. в год. Рост экономики в 2001 г. составил 3,6%, что не поглощало даже прирост рабочей силы. Помимо последствий кризиса на Индонезии тяжело сказался экономический спад в США, Японии и Сингапуре, на которые в основном ориентирован индонезийский экспорт.

Социально-экономические противоречия, не находя разрешения в рамках государственных институтов, часто приобретали форму этнической и религиозной розни. Устранение армии как доминирующей надэтнической и надконфессиональной силы, необходимое и целесообразное само по себе, не компенсировалось созданием альтернативных структур. В стране не обозначилось политического движения или организации, способной самостоятельно или во взаимодействии с другими обеспечить эффективное руководство государством. В результате исламизм обретал политическую перспективу как альтернатива светской власти.

Изменения, которые вносили в конституцию с 1999 г. с целью предотвратить возвращение к авторитаризму, существенно ограничили полномочия исполнительной власти, усилили законодательную и контрольную роль парламента и конгресса, детально трактовали права и свободы граждан. В соответствии с ними президент и вице-президент впоследствии стали избираться прямым голосованием, причем не более чем на два пятилетних срока.

Мусульманское движение было разделено на две примерно равные части — традиционалистскую во главе с Союзом мусульманских богословов («Нахдатул Улама») и модернистскую, основой которой является просветительская организация «Мухаммадья». Каждая из них заявляет, что пользуется поддержкой около 35 млн. человек. Но после 1998 г. внутри «Нахдатул Улама» и «Мухаммадья» возникло около 40 политических партий, что свидетельствовало об отсутствии в этих организациях организационного и идейного единства, несмотря на религиозную общность. Однако лидеры обоих течений выступали против исламского экстремизма.

Глава 38

ФИЛИППИНЫ

В постколониальной истории Филиппин могут быть выделены четыре этапа: 1945–1954 гг. — деколонизация, филиппинский вариант; 1954–1965 гг. — формирование и постепенное саморазрушение послевоенной филиппинской модели элитарной демократии; 1965–1986 гг. — становление, стабилизация и крушение авторитарного режима; с февраля 1986 г. (хронологическая веха — так называемая революция «Власть народа») — период поставторитарного развития, редемократизации и модернизации в современных глобальных и региональных условиях.

Итак, процесс деколонизации на Филиппинах начался уже в 1945 г., сразу же после изгнания из страны японских оккупантов в обстановке всенародного патриотического подъема. Однако всеобщее ликование по поводу вступления на Архипелаг армии вторжения США под командованием пользовавшегося широкой популярностью на Филиппинах генерала Дугласа Макартура¹ быстро сменилось разочарованием в деятельности американцев по подготовке предоставления своей колонии независимости. На мировоззрение, поведение, эмоции филиппинцев влияло существенное изменение морально-психологического климата в стране, произошедшее с прекращением японской оккупации. При всей тяжести пережитых Филиппинами едва ли не самых жестоких и кровавых в их истории форм колониального угнетения та легкость, с какой Япония овладела огромными территориями Восточной и Юго-Восточной Азии, подорвала в глазах жителей островов (как и других народов региона) престиж западных держав, символизируя победу Востока над Западом. Впервые у филиппинцев, подвергавшихся продолжительной вестернизации, возникло ощущение азиатской идентичности, принадлежности к миру Азии, что неизбежно вело к росту антиимпериалистических настроений, подъему национализма и стремлению к полному и быстрому освобождению от колониальной зависимости.

С первых шагов деколонизации американцы старались восстановить господствующие позиции довоенной местной верхушки (землевладельческая элита, из

¹ Вся военная карьера Д. Макартура была связана с Филиппинами, начиная от службы здесь в качестве младшего лейтенанта до генерала, ближайшего советника и друга первого президента — филиппинца М. Кесона в годы Автономии (1935–1941), ответственного за создание национальной армии. Молниеносное нападение и оккупацию Филиппин Японией (уже в начале 1942 г.) Д. Макартур воспринимал и как удар по собственному самолюбию и амбициям. Его слова: «Я вернусь», сказанные при вынужденном бегстве в Австралию, и «Я вернулся» — едва американская армия вторжения весной 1945 г. вступила на Архипелаг, стали своего рода клише в литературе о тихоокеанском театре военных действий во время Второй мировой войны.

среды которых формировались «экономические империи», зависимые от американского рынка, и политические кланы и династии). США готовились передать суверенную власть над Филиппинами именно этой наиболее консервативной части общества. По этому понятно и поведение Д. Макартура, стоявшего у истоков деколонизации. Он полностью игнорировал требования, исходившие от бывших участников Сопротивления (не только левых, но и либералов из среды творческой и научной интеллигенции, студенчества, части элитарных кругов и бизнесменов), о широкой демократизации и проведении радикальных экономических реформ. По отношению же к левому флангу политических сил он демонстрировал открытую нетерпимость. Руководимая компартией организация Хукбалахап (Народная антияпонская армия) была распущена, а хуки (бойцы-партизаны) объявлены подрывными элементами. В конце концов, из среды «старой олигархии»² американцы выбрали кандидатуру на пост первого президента независимых Филиппин. Это был Мануэль Рохас (1946–1948), политик довоенной генерации, выходец из землевладельческой элиты, человек крайне реакционных взглядов (в 1930-х годах откровенно профашистских), в период оккупации известный коллаборационист, не скрывавший своих тесных контактов с японцами. Иными словами, политическая фигура, малопривлекательная во всех отношениях для широких слоев филиппинцев. Массовое общественное движение на Филиппинах за немедленное предоставление полной политической и экономической независимости вынуждало американцев принимать быстрые решения. В тогдашней ситуации М. Рохас, казалось, отвечал требованиям США: убежденный антикоммунист, легко сменивший прояпонскую ориентацию на проамериканскую, сильный лидер, способный сдерживать нагиск левой оппозиции. Соперником М. Рохаса на выборах 1946 г. был Серхио Осменья, вице-президент в автономном правительстве М. Кесона (вместе они возглавляли в США в годы войны филиппинское правительство в изгнании), выходец из влиятельного политического клана «осменьястов». С 1920-х годов он вел непрерывную борьбу с М. Кесоном за первое место в государстве, но безуспешно, поскольку не мог преодолеть истине уникального феномена массовой популярности М. Кесона. Если бы не смерть М. Кесона в августе 1944 г. в эмиграции, вопрос о первом президенте независимых Филиппин, по всей видимости, был бы решен в его пользу. Осменья же расценивался американцами как лидер бесперспективный, не способный к проявлению сильной политической воли. И Осменья, и Рохас входили в руководство одной и той же политической партии — Партии националистов (ПН) — монопольного лидера в политике с момента ее образования в 1907 г. при формальной многопартийности. Незадолго до выборов 1946 г. Осменья вступил в избирательный блок с Демократическим альянсом — одной из самых крупных общественных организаций либерального толка, но крайне рыхлой и пестрой по

² Понятие «старая олигархия» утвердилось в филиппинской политической лексике и литературе по Филиппинам как синоним блока богатейших династий землевладельческой элиты, крупного капитала («старая» довоенная торгово-посредническая, финансовая и промышленная буржуазия, формировавшаяся из той же землевладельческой верхушки), верхнего слоя бюрократии и собственно политиков.

составу. В ответ Рохас с правоконсервативной частью членов ПН вышел из партии, образовав собственную Либеральную партию (ЛП). Так было положено начало двухпартийной системе, продержавшейся до установления на Филиппинах авторитарного режима. Даже при внушительной поддержке США (моральной и материальной) М. Рохас на апрельских выборах 1946 г. сумел одержать победу над соперником с ничтожным перевесом голосов. Филиппинцы голосовали не за непопулярного Осменью, а против Рохаса, фаворита США, демонстрируя тем самым антиамериканские, антиимпериалистические чувства и настроения.

Ряд двусторонних американо-филиппинских соглашений, подписанных до и сразу после официального предоставления независимости 4 июля 1946 г., касавшихся торговых отношений (режим беспошлинной торговли между двумя странами), сохранения военного присутствия США на Филиппинах (в том числе крупнейших в ЮВА баз-анклавов), а также американская «опека» в области внешней политики страны ущемляли суверенитет Филиппин.

Система партнерских «особых отношений» между бывшими метрополией и колонией неизбежно предполагала зависимость Филиппин в определенных областях от «старшего партнера», что особенно проявлялось в одностороннем проамериканизме филиппинской внешней политики, официальной антикоммунистической идеологии, сохранении на первых порах колониальной структуры хозяйства. Но нельзя при этом игнорировать выгоды, извлекавшиеся «младшим партнером» из системы «особых отношений», и прежде всего в области обороны и безопасности. В течение всего периода холодной войны в международном масштабе и «горячих войн» по соседству в Индокитае (1950 — сер. 1970-х годов) Филиппины находились под надежным американским «щитом безопасности». Не говоря уже об обильных вливаниях американской помощи для восстановления разрушенного войной хозяйства. Но в отношении последнего нельзя не отметить, что результативности этого процесса (как, к примеру, в Японии) мешала глубоко укоренившаяся в традиционном филиппинском обществе система прочных корруппированных связей в треугольнике «бюрократия–бизнес–политика» — своего рода «бездонный колодезь», поглощавший большую часть поступающей из США помощи и кредитов, препятствуя хотя бы минимальному сокращению разрыва между богатством узкой социальной верхушки и бедностью подавляющего большинства населения. И все же переход к независимому существованию способствовал серьезным социальным переменам. Уже на рубеже 1940–1950-х годов на Филиппинах появился быстро растущий слой нового послевоенного поколения национальной буржуазии. В отличие от довоенных экономических магнатов, вышедших, как правило, из землевладельческой элиты и плотно привязанных к американскому рынку, новые бизнесмены, не будучи столь зависимы от американского капитала и почти не имея корней в лендлордизме, ориентировались на внутренний рынок, были заинтересованы в индустриализации и модернизации экономической системы в целом с тем, чтобы покончить со старой колониальной структурой хозяйства.

Наконец, общественно-политический аспект деколонизации. В первые послевоенные годы обращают на себя внимание чрезвычайно высокий уровень поли-

тизации и крайняя раздробленность филиппинского общества в идейно-политическом отношении, в частности — по вопросу о выборе пути развития. В расколе послевоенного общества на первом плане была и проблема коллаборационизма, к которому в той или иной степени было причастно большинство филиппинцев. Общественная дискуссия по этой проблеме не могла иметь однозначного ответа (как и в других странах ЮВА, переживших японскую агрессию и оккупацию). Наряду с откровенными предателями, участвовавшими вместе с оккупантами в разграблении национальных ресурсов, существовал многочисленный слой националистически настроенных филиппинцев (из среды политиков, бизнесменов, интеллигенции), на первых порах вполне искренне поверивших в паназиатскую пропаганду японцев и рассчитывавших с помощью Японии избавиться от американского колониализма, обретя утраченную азиатскую идентичность. Президентский указ 1948 г., даровавший амнистию всем политическим коллаборационистам, никоим образом не решал эту проблему, отголоски которой еще долго тревожили общественное мнение. Двумя важнейшими полюсами политического и идеологического антагонизма были антиамериканизм и проамериканизм, парадоксальным образом тесно переплетенные друг с другом. В первые послевоенные годы среди филиппинцев преобладали антиамериканские настроения. Но и проамериканизм как сложившийся еще в колониальный период социокультурный феномен был свойствен не только элите, но и массам. Он породил у филиппинцев особый поведенческий стереотип повышенных ожиданий (и в известной степени иждивенчество) от взаимодействия со «старшим партнером», подкрепленный традиционными представлениями об «обязательствах» американцев перед своими бывшими подопечными. Этот стереотип начал складываться именно в первые годы независимого существования Филиппин.

Политизация филиппинцев росла на фоне нерешаемых социальных проблем, не преодоленной послевоенной хозяйственной разрухи. Если ко всему этому добавить факт свободного хождения в стране всякого рода оружия (японского, американского), толкавшего к «легкому» решению любых проблем путем насилия, то становится очевидным, что уровень социально-политической напряженности неуклонно приближался к взрывоопасному. Детонатором крупнейшего в истории послевоенных Филиппин социального взрыва, поставившего общество на грань крупномасштабной гражданской войны, оказалась филиппинская компартия (КПФ). На Филиппинах, как и в других странах ЮВА, подъем в первые послевоенные годы левого и ультралевого движения испытывал сильное влияние господствовавших в международном комдвижении сталинистских установок, которые ориентировали освободившиеся от уз колониализма народы на вооруженную борьбу с едва возникшими национальными правительствами. На Филиппинах установка на «революционную» борьбу вылилась в кровопролитный затяжной социальный конфликт 1948–1953 гг.

В 1948 г. внезапно умер М. Рохас. Президентский пост до очередных выборов 1949 г. занял вице-президент Э. Кирино, бесцветный, но весьма амбициозный политик, реакционер, как и его предшественник. Выборы 1949 г., на которых Э. Кирино добился победы, в филиппинской истории считаются самыми «грязными»,

судя по размаху коррупции и насилия. КПФ, используя свою тогдашнюю популярность у левых сил, рассчитывая на кризисную ситуацию в стране, безоговорочно подчиняясь установкам международного комдвижения, встала на путь организации вооруженного, революционного восстания с целью захвата власти. Опираясь лозунгами классовой борьбы с призывами к установлению диктатуры пролетариата, коммунисты вовсе не брали в расчет малочисленность и несформированность городского рабочего класса. Исторически левый радикализм на Филиппинах имел социально-культурную почву в лице самого многочисленного (80% населения), самого обездоленного и отсталого пласта общества — филиппинского крестьянства. Поэтому коммунисты рассматривали крестьян как «горючий материал» грядущей пролетарской революции. Не случайно, что восстание охватило провинции Центрального Лусона с наиболее высоким уровнем лендлордизма и помещичьего абсентеизма, архаичными и тяжелыми формами аренды и одновременно с глубокой эрозией традиционных патриархальных вертикальных связей между землевладельцами и крестьянами. Последнее, по мысли КПФ, должно было облегчить внедрение в крестьянские массы коммунистических идей. Но и на Лусоне сохранялась прочная традиционалистская основа — сложная система традиционных горизонтальных связей между крестьянами, не готовыми к восприятию коммунистической пропаганды. Поэтому восстание на Лусоне не могло не приобрести формы крестьянской войны. В массовом сознании крестьян, в идеологии восстания идеи классовой борьбы носили чисто абстрактный характер, преобладало же типично крестьянское бунтарство со стихийной тягой к разрушению, утопически-максималистские идеи и цели.

Контакты повстанцев, действовавших во внутренних горных районах Лусона, с манильскими руководителями КПФ были крайне слабыми. Во главе восстания на его начальном победоносном этапе стоял Луис Тарук, харизматический лидер, популярный в крестьянской среде. К началу восстания он входил в руководство КПФ, затем через какое-то время покинул компартию, был обвинен коммунистами в предательстве, действительно сдался правительственным войскам, затем стал одним из организаторов легального крестьянского движения и, в конце концов, вообще ушел из политики. Ядром повстанческих вооруженных сил были профессионально подготовленные, дисциплинированные, хорошо вооруженные *хуки*, прошедшие школу партизанской войны против японцев в рядах Хукбалахап. Большинство же повстанческих отрядов, в основном из крестьян-издольщиков и батраков, были плохо вооружены и действовали методами стихийной крестьянской герильи. 1949 — первая половина 1950 г. были периодом подъема восстания.

С 1950 г. Хукбалахап приняла новое название — Армия освобождения страны (АОС), подчеркивая тем самым классовую направленность борьбы. В АОС сражалось до 10 тыс. бойцов, она пополнялась за счет местной крестьянской бедноты. В филиппинских верхах царил паника. После победы коммунистов в Китае и Вьетнаме в Маниле открыто заговорили о приближении гражданской войны. Причины действительно впечатляющих военных успехов АОС (в начале 1950 г. АОС действовала в большинстве провинций Лусона, пытаясь прорваться к Би-

сайским о-вам) коренились в слабости администрации, полностью потерявшей авторитет и доверие филиппинцев, коррумпированности и непрофессионализме генералитета, деморализации офицеров и солдат, многие из которых открыто сочувствовали повстанцам. Поэтому регулярная военно-техническая помощь США, работа американских разведчиков и советников не приносили ожидаемых результатов. Чтобы остановить опасное разрастание вооруженного конфликта, необходимо было принятие срочных мер по поднятию морального духа, дисциплины, боеспособности армии и проведение кардинальных изменений в государственной политике в целом. Реализовал эти задачи Рамон Магсайсай, конгрессмен от ЛП, занявший в начале 1950 г. пост министра обороны в правительстве Э. Кирино. В годы войны Магсайсай командовал партизанским подразделением, профессионально разбирался в военных вопросах. Его первая акция на посту министра обороны — кадровая чистка в высшем эшелоне военных. Отправленных в отставку коррумпированных генералов он заменял выходцами из среднего звена офицерского корпуса, преданными ему лично. Уже эта акция способствовала оздоровлению атмосферы в армии. Его авторитет как военного лидера вырос после ряда побед над АОС, позволивших перейти к очистке от повстанцев Центрального Лусона. При этом он умело и эффективно использовал американскую военно-техническую помощь, на что были неспособны его предшественники. Политически его позиции окрепли в результате организованного им ареста в Маниле фактически в полном составе Политбюро КПФ и более сотни партийных функционеров. Тем самым были прерваны и без того минимальные связи повстанцев с центром. Наряду с силовыми методами Магсайсай использовал и иные средства, в том числе пропагандистские, практику инфильтрации в ряды *хуков* своих агентов, которые изнутри вели работу по разложению АОС. Его главными козырями стали обещания провести аграрные преобразования с целью облегчения положения издольщиков и реально осуществленные меры по амнистированию и предоставлению земельных участков повстанцам, сложившим оружие.

Кроме того, Магсайсай возобновил (после американцев) программу переселения безземельных крестьян из перенаселенных районов Лусона на слабозаселенный юг с правом занятия там земельных угодий. Хотя переселено было совсем небольшое количество семей, но эта мера дала сильный демонстрационный эффект, способствовала отказу от вооруженной борьбы многих крестьян. В итоге в 1953 г. восстание было разгромлено. В движениях социального протеста последовал более чем десятилетний спад, усилился антикоммунизм в идеологии и политике.

На наш взгляд, для американцев Магсайсай явился своего рода «счастливой находкой», компенсацией за ошибочную и дорого обошедшуюся ориентацию на старую, утратившую авторитет филиппинскую политическую элиту. Американцы расчистили Магсайсаю, не имевшему корней в традиционных политических кланах, путь к вершинам власти. Магсайсаю удалось создать новый тип лидера — харизматика и популиста, но одновременно прагматика и реформатора, дальновидного политика, осознавшего необходимость кардинальных перемен в экономической и политической системах общества в интересах филиппинцев.

Подобно М. Кесону, Р. Магсайсай, не скрывая своего проамериканизма и антикоммунизма, привлек к себе самые широкие слои филиппинцев. Его главная опора — средний класс, растущий слой национальных предпринимателей (их он всячески поддерживал и поощрял) и многомиллионное крестьянство, ожидавшее перемен в аграрной политике. Обещания реформ, прежде всего в экономической и социальной сферах, легли в основу предвыборной программы Р. Магсайсай, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента на выборах 1953 г. Предвыборную кампанию Р. Магсайсай провел под популистскими лозунгами «таоизма» — сформулированной им идеи приближения политиков к рядовым филиппинцам — *тао*, внимания в первую очередь к их интересам и нуждам. На выборах он одержал более чем внушительную победу над рискнувшим баллотироваться на второй срок Э. Кирино.

С его победой на выборах Филиппины вступили во второй этап независимого развития. Р. Магсайсай (1954–1957) не пробыл на своем посту отведенный конституцией четырехлетний срок — он погиб в 1957 г. в авиакатастрофе. Но в годы его лидерства наметились новые направления в государственной политике, которые получали отражение в деятельности последующих администраций, поскольку были связаны с основными потребностями развития. Еще маломощная, но быстро набиравшая силы новая национальная буржуазия свою идеологию «экономического национализма» превратила в стимул ломки колониальной структуры экономики и способ давления на правительство в пользу реформирования экономической системы.

Показательно, что К. Гарсия (1957–1961), сменивший Р. Магсайсай на посту президента, консерватор, политик традиционного толка, тем не менее провозгласил официальный курс под лозунгом «Филиппинцы прежде всего» («*Pilipino Muna*») — таково было название националистического движения новой буржуазии (его самые известные и яркие лидеры и идеологи К. Ректо и Х. Лаурель), направленное едва ли не в первую очередь на ограничение в стране американского бизнеса и зависимых от него довоенных «экономических империй» (введение импортного и валютного контроля и ряд других мер, затрагивающих непосредственно интересы американского капитала на Филиппинах). Благодаря принятым филиппинским конгрессом законам бизнесмены-филиппинцы получили возможность вкладывать капиталы в производственную сферу, в том числе в зарождающиеся отрасли обрабатывающей промышленности, не опасаясь конкуренции со стороны американских монополий, импортирующих товары потребительского спроса.

Таким образом, начало индустриализации на Филиппинах обрело форму импортзамещающей модели. Она сыграла свою положительную роль в развитии национальной экономики, способствуя ускорению темпов экономического роста, повышению технического уровня экономики. Но к концу 1960-х годов модель импортзамещения исчерпала себя, демонстрируя неспособность в долгосрочной перспективе содействовать расширению внутреннего рынка, главным образом из-за низкой платежеспособности большинства населения. На внешнем же рынке она была неконкурентоспособной, превратившись из ускорителя экономического

роста в фактор его сдерживания. В то же время становилось все более заметным отставание Филиппин в темпах роста от наиболее продвинутых соседних стран ЮВА, где в условиях авторитарной государственности утвердились модели экспортноориентированной экономики.

Кроме того, на Филиппинах самым отсталым, не поддающимся реформированию, оставался аграрный сектор. Все попытки властей (в частности, президентов Магсайся и Макапагала, 1961–1965) провести через конгресс закон об аграрной реформе, нацеленной на капитализацию сельской экономики, блокировались мощной землевладельческой элитой, представители которой преобладали в парламенте. Обладание крупной земельной собственностью (еще с испанских времен и особенно при американцах) давало в руки землевладельцев почти неограниченную власть на местах и открывало путь в большую политику. Сказывалась и специфика американского колониализма. Город был объектом «демократического эксперимента». Здесь действительно следует говорить о внедрении демократических ценностей, институтов, порядков, серьезных сдвигах в укреплении рыночной экономики, формировании среднего класса и элементов гражданского общества. Но все эти новации не затрагивали аграрную периферию. Американцы сознательно придерживались дуализма в колониальной политике, поощряя лендлордизм (оплот традиционализма и консерватизма в филиппинском обществе), заботясь о социальной опоре режима и стабильности колониального государства. Землевладельческая элита уже при американцах, используя свою экономическую мощь, начала прибирать к рукам партии, избирательную систему, прочие структуры насаждавшейся «колониальной демократии».

В постколониальное время, когда Филиппины лишились прямой политической опеки США, несоответствие внешнего демократизма политической системы и ее внутреннего содержания становилось все более очевидным. Впервые это несоответствие уже в начале 1960-х годов было глубоко исследовано в ставших классическими трудах американского политолога К. Ландэ. Та либерально-демократическая модель, которая утвердилась на Филиппинах, представляла собой разновидность так называемой олигархической демократии, когда реальная власть в государстве при формальном сохранении атрибутов представительной системы концентрировалась в руках узкой, социально замкнутой правящей элиты — «старой олигархии».

В то же время на Филиппинах, как ни в одной из других стран ЮВА, правящая элита была чрезвычайно сильно разобщена по кланово-региональному признаку: межклановые конфликты напоминали феодальные междоусобицы. «Генетические» черты филиппинской правящей элиты: клановость, фракционность, социальная замкнутость, оппортунизм, неспособность к сильному демократическому руководству — обуславливали низкую эффективность политической власти, способствуя хаотичности политического процесса. В частности, это наглядно проявлялось в действиях партийно-парламентской системы, обладавшей внешними чертами демократизма, а на деле служившей инструментом перераспределения власти между соперничающими политическими кланами. Две сменявшие друг друга у власти партии, ПН и ЛП, не допускали образования «третьей» пар-

тии, способной выдержать конкуренцию с ними. Будучи партиями традиционного типа (объединения по принципу «лидер — последователи»), ПН и ЛП выступали фактически с идентичными программами, отличаясь друг от друга лишь преимущественной поддержкой электората «своих» регионов. ПН традиционно доминировала в тагальских районах Южного Лусона и на о-в Себу, ЛП — в северных провинциях Лусона (Илокос и др.). Аморфность партийных образований, отсутствие партийной дисциплины породили практику свободных переходов из одной партии в другую, в основном претендентов на высшие выборные посты, если смена партии была им выгодна тактически, с точки зрения расширения голосующего за них электората. Соответственно, они «уводили» с собой в «новую» партию и большинство своих последователей. Например, переход к моменту выборов президентов Магсайсая и Маркоса из ЛП в ПН (в 1953 и 1965 гг.). Правящая элита реализовывала свои властные амбиции преимущественно через конгресс, превратившийся в арену межклановой борьбы, источник коррупции, лоббирования местными элитами «своих» депутатов. Попытки упорядочить политический процесс, снизить накал межфракционной борьбы исходили от президентов, возглавлявших исполнительную власть. Но поскольку президенты, как правило, были выходцами из тех же самых политических династий и кланов, они обычно проигрывали в противоборстве с законодателями (классический пример — блокирование олигархами законопроектов об аграрной реформе).

К середине 1960-х годов нежизнеспособность политической системы осознавалась в самых разных слоях филиппинского общества. К назревавшему политическому кризису прибавились неопределенность в экономике, вызванная отходом от политики импортзамещения и поисками новой эффективной модели развития. В социальной сфере возрастали неравномерность в распределении доходов, углубление разрыва между полюсами богатства и нищеты. Концентрация власти в руках олигархической верхушки при слабости государства, не способного защитить интересы широких слоев общества, неизбежно вела к вспышкам оппозиционных настроений, появлению движений социального протеста.

В городах, прежде всего в столичном мегаполисе, в пестром спектре оппозиционных сил усилился левый фланг — радикально-националистическое движение и легализовавшаяся компартия, в составе которой активную роль стали играть экстремистские элементы, последователи маоистских идей. Либеральная оппозиция была представлена разрозненными и слабыми группировками и организациями, из которых наиболее авторитетным было Христианское социальное движение во главе с Р. Манглапусом, создавшим некий филиппинский вариант теории христианского социализма. С распространением дестабилизационных тенденций среди филиппинцев стали появляться и активные сторонники сильного лидерства и сильной государственной власти, способных навести порядок и консолидировать общество. Один из авторов кембриджской истории ЮВА определяет реорганизацию системы власти в этатистском направлении как «*maximum government*».

Наиболее целостное выражение идеи авторитарно-этатистского толка получили во взглядах двух крупных политических деятелей, представлявших полити-

ческий истеблишмент, сенаторов Ф. Маркоса и Б. Акино, соперников в борьбе за президентское кресло, а затем и непримиримых врагов. Суть их программ: централизация власти в руках президента как единственное средство интеграции общества и мобилизации масс; приоритет модернизаторских преобразований в экономике, в первую очередь — ликвидация лендлордизма и проведение аграрной реформы. Их личное соперничество закончилось победой прагматичного и волевого Ф. Маркоса, снискавшего уже в середине 1960-х годов массовую популярность среди филиппинцев. Б. Акино с его склонностью к излишне эмоциональной риторике и, главное, сближением в поисках поддержки с некоторыми левыми и ультралевыми группировками оттолкнул от себя многих потенциальных сторонников. Ф. Маркос, напротив, выиграл, обозначая все левое движение как «коммунистическое» и указывая в публичных выступлениях на реальность «коммунистической угрозы».

В деятельности первой администрации Ф. Маркоса можно выделить два важных достижения. В экономической области — это начало перехода к модели экспорториентации, продемонстрировавшей впечатляющие результаты в развитии экономик соседних стран ЮВА. В сфере внешней политики — вступление в региональную организацию АСЕАН (1967), положившее начало усилению азиатского направления во внешнеполитической деятельности государства.

Но остановить дестабилизационные процессы первой администрации Ф. Маркоса не удалось. Более того, к концу 1960-х годов на Филиппинах все явственней обнаруживались черты структурного кризиса. Одной из его главных составляющих была резкая активизация левоэкстремистских сил. В 1968 г. от КПФ откололась ультрарадикальная группа, образовав Компартию идей Мао Цзэдуна (в наши дни известна просто как КПФ) во главе с Х.М. Сисоном. Тогда же был сформирован ее боевой отряд — Новая народная армия (ННА), в основном из крестьян, студентов, остатков скрывавшихся в горах *хуков*, которая повела вооруженную борьбу в глубинных районах Архипелага. Серьезная обстановка сложилась в южных, населенных мусульманами (составляют 5–7% от численности всего населения) районах страны, где в конце 1960-х годов возникло вооруженное сепаратистское движение. Его лидерами стали молодые выходцы из местной элиты, получавшие образование в зарубежных религиозных исламских центрах (Саудовская Аравия, Ливия и др.). Один из них, Нур Мисуари, основал в 1968 г. первую крупную организацию Фронт национального освобождения моро (ФНОМ) с программой выхода мусульманского юга из состава унитарного государства и образования на южных островах независимой исламской республики (Bangsa Moro).

Мусульманский экстремизм на Филиппинах имеет глубокие исторические корни³. Стихийные вспышки насилия, кровавые столкновения между вооружен-

³ «Проблема моро» (*моро* — собирательное название филиппинцев-мусульман, от исп. «мавр», обитающих на южных островах Минданао, Сулу, Басилан, Глосан) возникла на рубеже XVI–XVII вв., в период испанской колониальной экспансии, когда испанцы не смогли завоевать южные мусульманские султанаты. В XVI–XVII вв. шли непрерывные «войны моро»: военные экспедиции испанцев с целью захвата южных островов и пиратские нападения мусульман на прибрежные рай-

ными группировками моро и местными христианами фактически не прекращались в период деколонизации и складывания национальной государственности. Но с конца 1960-х годов мусульманское движение вступило в качественно новую организационную и идеологическую фазу. Сепаратистский характер движения во многом провоцировался проводимой властями политикой жесткого государственного унитаризма, не преодоленной политической и социально-экономической дискриминацией мусульманского меньшинства, хозяйственной отсталостью мусульманской периферии сравнительно с христианским центром, особо болезненной проблемой переселения христиан на южные острова, где они занимали земли, которые мусульмане исконно считали своими. Кроме того, для двух основных конфессиональных общин характерна полная культурная отчужденность. У филиппинцев-мусульман, ориентированных на ценности ислама, не было (и нет) самоощущения принадлежности к единому филиппинскому сообществу. Никким образом нельзя игнорировать и чисто цивилизационный фактор.

Тем не менее, несмотря на углубление кризисной ситуации, большинство филиппинцев не утратили доверия к Ф. Маркосу, считая его тем сильным лидером, который способен оздоровить обстановку в стране. На президентских выборах 1969 г. Ф. Маркос вновь одержал победу (это единственный в истории постколониальных Филиппин президент, избранный на второй срок). Именно во время второго президентства Ф. Маркос сделал первые реальные шаги по воплощению своего грандиозного проекта переустройства политической и экономической системы. Накануне выборов 1969 г. он сформулировал ряд положений по «новой политической идеологии» для Филиппин, недвусмысленно ставя под сомнение перспективность либерально-демократических принципов организации филиппинского общества. По его мнению, они рождают политический хаос, коррупцию и, наконец, парализуют действие государственного механизма. Предвыборная кампания проходила под популистскими лозунгами «рис и дороги» и содержала резкую критику социальной несправедливости. Была высказана мысль о необходимости «революции сверху», по инициативе правительства, для борьбы с «нищетой и социальной несправедливостью» во избежание насильственной («якобинской») революции снизу в результате социального взрыва.

Переход к авторитарной государственности в условиях острой кризисной ситуации в экономике, когда происходили саморазрушение модели «олигархической демократии» и массовый подъем пестрой, в том числе экстремистской, оппозиции, был, очевидно, единственно реальным вариантом выхода из кризиса и ориентации общества на ускоренную капиталистическую модернизацию.

Примерно за год до окончания своего второго президентского срока Ф. Маркос в сентябре 1972 г. ввел в стране военное положение, что следует считать, по видимому, отправной точкой полуторадесятилетнего этапа авторитаризма на Филиппинах. Вводя военное положение и ссылаясь при этом на действующую конституцию 1935 г., Ф. Маркос следующим образом распределил «угрозы»

опы испанской колонии под религиозным лозунгом «войны креста и полумесяца». «Неверными» моро считали не только колонизаторов, но и обращенных в католичество жителей центральных и северных провинций колонии.

безопасности и стабильности: «коммунистическая опасность» — увеличивающиеся масштабы вооруженной борьбы ННА, руководимой Компартией идей Мао; «правая» угроза со стороны всемогущих олигархических кланов — важнейший дестабилизирующий фактор, толкающий общество на грань гражданской войны; боевые операции мусульманских сепаратистов на юге страны под руководством ФНОМ — угроза унитарному устройству и территориальной целостности государства.

Ф. Маркос опирался на новых бизнесменов, технократов и армию (с введения военного положения, собственно, началась ее политизация), но и большинство рядовых филиппинцев с энтузиазмом поддержали президента. Первыми мерами Ф. Маркоса были роспуск полностью обанкротившегося в глазах населения парламента, запрещение партий, а также акция чрезвычайной важности — ликвидация частных армий олигархов с конфискацией около 500 тыс. единиц оружия, находившихся в частных руках. Вслед за этими первыми акциями последовали репрессии в отношении ряда представителей политической элиты, олигархов, чиновников, арестованных по обвинению в подрывной деятельности. Одной из первых жертв стал Б. Акино, который, находясь в заключении, пересмотрел свои прежние взгляды и постепенно выдвинулся в самого крупного лидера антимаркосовской антиавторитарной оппозиции. В ответ на репрессии возник поток эмигрантов из разных слоев общества, недовольных переменами у себя на родине, направлявшихся в основном в США, где возникли центры антимаркосовской оппозиции и налаживались контакты с теми американскими конгрессменами, которые негативно воспринимали политику Ф. Маркоса. По оценкам западных авторов, филиппинская эмиграция в США за весь период авторитарного режима на Филиппинах достигла почти 300 тыс. человек.

Главной национальной целью Ф. Маркос провозгласил строительство «нового общества» в противовес «старому обществу», которое, утратив способность к жизнедеятельности, обречено на уход с исторической сцены. К моменту введения военного положения у Ф. Маркоса уже была разработана концепция «нового общества», которая, если говорить о ней кратко, содержала элементы современных экономических учений, теорию «революции сверху» (она же «революция из центра»), а также националистические и популистские идеи. Ф. Маркос прибегал также к понятию «демократическая революция», фактически возведенному в ранг официальной государственной идеологии. Ее суть — стремление представить процесс капиталистической трансформации как возрождение «истинно национальных традиций» («барангайная демократия»⁴), исконно филиппинских форм организации общества. Все эти идеи были изложены Ф. Маркосом в многочисленных трудах и публичных выступлениях. Он во многом повторял (и заимствовал) опыт стран-партнеров по АСЕАН (Малайзии, Сингапура, Индонезии).

Сразу же после введения военного положения на Филиппинах началось осуществление новой экономической политики, разработанной группой технократов и ученых-экономистов, возглавленной президентом. Смена курса в эко-

⁴ *Барангаи*, или *балангаи* — сельские общины на Филиппинах в доколониальное время.

номике предполагала заметное повышение роли государства в управлении хозяйством, создание 11 промышленных комплексов для перехода к этапу «избирательной модернизации». Модель экспорториентации была избрана для перестройки структуры промышленности и номенклатуры экспорта-импорта.

Новая концепция развития, ориентированного «вовне», изменила прежние правила роста и определила перспективы дальнейшего пути развития экономики (в начале 1970-х годов темпы экономического роста достигли 6,2% сравнительно с почти нулевыми показателями в разгар кризиса на рубеже 1970-х годов). Все эти перемены начала 1970-х годов создавали впечатление, что Филиппины вошли в русло динамичного развития, как и другие государства ЮВА — филиппинские партнеры по АСЕАН, к этому времени уже добившиеся весомых результатов в экономической модернизации. Недаром в то время Ф. Маркоса сравнивали ни больше ни меньше как с Ли Куан Ю, лидером Сингапура — наиболее процветающего государства региона. Но очень скоро стало ясно, что «формула успеха» асеановских стран — сильная государственная власть, экономический рост, социальный порядок, дисциплина — не срабатывает на Филиппинах. Достаточно глубокая демократическая и конституционная традиция в филиппинской политической культуре мешала реализации в полном объеме этатистских тенденций и прочному закреплению авторитарной государственности. Авторитарная государственность в филиппинских условиях не обрела функции стимулятора и гаранта экономической модернизации. Напротив, по мере утверждения системы авторитарно-бюрократического правления усиливалась тормозящая роль государства в области экономики. Уже с середины 1970-х годов начался экономический спад, перешедший в стагнацию и затем острый кризис на рубеже 1980-х годов. Все это было связано, в частности, и с тем, что Ф. Маркос сумел потеснить лишь политические позиции «старой олигархии», но так и не смог сломить ее экономического могущества — старые магнаты лишь на время ушли в тень, исподволь саботируя реформаторские начинания администрации. Обнаружилась и редкая устойчивость традиционного поведения филиппинской правящей элиты. Новая элита из нуворишей и окружения Ф. Маркоса полностью повторяла поведенческие стереотипы прежней олигархической верхушки: фракционность, политическую недалекость, предпочтительность групповых и личных интересов и целей, коррумпированные связи между бюрократией, бизнесом и политиками. Все это тормозило продолжение политики реформ.

Именно в конце 1970-х годов появился термин «капитализм *крони*» (или кронизм, от англ. *crony* — близкий друг), т.е. дружков и фаворитов президента и его жены — И. Маркос, присваивавших государственные средства и погрязших в коррупции. Прагматики-технократы, инициаторы форсированной экономической модернизации, утратили политический вес, уступив позиции «старой» бюрократии. Опорой президентской власти все более становилась армия, причем высшие командные посты занимали выходцы из провинции Илокос — «малой родины» Ф. Маркоса (в литературе часто употребляется термин — «илоконизация армии»), во главе с начальником генштаба генералом Ф. Вером. Им противостояли так называемые вестпойнтцы, получившие высшее военное образование в США.

Существовала стойкая неприязнь между Ф. Вером и его заместителем «вест-пойнтцем» генералом Ф. Рамосом (в будущем — президентом Филиппин).

Политизация армии зашла довольно далеко — с низших до высших постов военные выполняли отнюдь невоенные функции (в бизнесе, административном управлении и г.п.). Здесь Ф. Маркос явно пытался использовать индонезийский опыт, хотя это, конечно, несопоставимо с реалиями тогдашнего жесткого военно-бюрократического режима в Индонезии. Режим личной власти на Филиппинах Ф. Маркос определял как «конституционный авторитаризм». Филиппинский авторитарный режим относился к смягченным, «либеральным» разновидностям авторитаризма. На Филиппинах допускалась первоначально полулегальная, а с середины 1970-х годов вполне легальная деятельность демократической антиавторитарной оппозиции центристского толка (с громадным же размахом нелегального левого экстремизма государство просто было не в состоянии справиться).

По мере появления кризисных явлений в экономике (конец 1970-х годов) и роста разочарования в проводимом курсе реформ Ф. Маркос вынужден был пойти на либерализацию режима. В январе 1981 г. было отменено военное положение, на чем настаивала и оппозиция, и часть правящей элиты, обеспокоенная укреплением «династии Маркосов» и в будущем возможным переходом власти в руки Имелды Маркос (президент в это время уже страдал от тяжелого заболевания почек)⁵. С отменой военного положения в урезанном виде были восстановлены демократические свободы. Следующими шагами («поэтапной либерализации») были разрешение деятельности партий, общественных организаций и выборы в парламент (май 1984 г.). Но все эти меры носили декоративный характер. Им предшествовали общенациональные референдумы, проводившиеся под контролем правительства, оставившие Маркосу всю полную власть и единоначалие в принятии политических решений. Фасадная либерализация не спасла режим, а лишь приблизила его крах.

Ф. Маркос не смог преодолеть в себе раздвоенности между традиционализмом и новаторством. Не сумев реализовать свои действительно обширные планы модернизаторских реформ, он постепенно вернулся к привычному образу и поведению традиционного политика (*трапо*), занятого личным обогащением и взращиванием под своим покровительством разбухшей коррумпированной верхушки («новая олигархия»). Соответственно, массовая популярность Ф. Маркоса сменилась недовольством большинства филиппинцев его единоличной властью.

Роль катализатора в агонии режима сыграло убийство лидера демократической оппозиции и самого опасного противника Ф. Маркоса — Б. Акино. Выпущенный из тюрьмы, он в 1980 г. уехал в США (для лечения), где занимался консолидацией эмигрантской антимаркосовской оппозиции. Летом 1983 г. он решил вернуться на родину для участия в парламентских выборах 1984 г. и был застре-

⁵ И. Маркос, занимавшая пост мэра Большой Манилы, была одним из самых одиозных персонажей режима: непомерно властолюбивая, глупая, поощрявшая фаворитизм и коррупцию в своем окружении, обладавшая патологической страстью к роскоши и личному обогащению за счет государственной казны, она внесла немалый «вклад» в разжигание неважности своих соотечественников к диктаторскому правлению президента.

лен в манильском аэропорту, едва спустившись с трапа самолета. Филиппинцы моментально связали это громкое политическое убийство с именем Ф. Маркоса. Это трагическое событие имело последствия буквально во всех сферах жизни общества. В экономике — перевод (в беспрецедентных масштабах) капиталов за границу, падение курса песо с 6 до 20 за 1 долл. Последовала и новая волна эмиграции, главным образом в США (в целом же во всем мире филиппинская диаспора в это время достигла 1,5 млн. человек). В политике — резкий подъем стихийных антимаркосовских выступлений (многотысячные демонстрации, марши протеста и г.д.) с участием практически всех слоев населения, в том числе левых радикалов, под лозунгом «долой диктатуру США-Маркоса» (они обвиняли последнего в тесных связях с тогдашним президентом США Р. Рейганом). Только разобщенность оппозиционных сил спасла созданное Ф. Маркосом Движение за новое общество от поражения на парламентских выборах в мае 1984 г., после которых сразу же начался новый цикл подъема оппозиционного движения, который продолжался и в 1985 г.

В этой обстановке Ф. Маркос объявил о внеочередных выборах президента в феврале 1986 г., рассчитывая с их помощью ослабить оппозицию, не дав ей достаточного времени для подготовки избирательной кампании. Но он допустил серьезный промах, недооценив глубины политического кризиса. Внезапность объявления даты выборов (в конце 1985 г.), напротив, заставила оппозицию перейти к консолидации своих рядов. Стало очевидно, что выдвижение более чем одного кандидата от оппозиции автомагически обеспечивало победу Ф. Маркосу. После ожесточенных дискуссий оппозиция выдвинула единого кандидата на пост президента — вдову Б. Акино Корасон Акино. Решающую роль в выдвижении именно этой кандидатуры сыграл тогдашний глава католической иерархии на Филиппинах кардинал Х. Син (в стране, где свыше 80% — католики, инициатива Х. Сина не могла не встретить массовой поддержки).

Что касается США, то в американской политической элите не было единства в отношении к событиям на Филиппинах. Р. Рейган и администрация в целом почти до последнего поддерживали Ф. Маркоса, а в нижней палате конгресса США действовало сильное антимаркосовское лобби. Государственный департамент, спецслужбы и часть конгрессменов, внимательно отслеживая развитие событий на Филиппинах, после выборов 7 февраля 1986 г. стали открыто поддерживать К. Акино и ее сторонников. Февральские выборы между тем не внесли ясности в обстановку: и Ф. Маркос, и К. Акино объявили себя победителями, взаимно обвиняя друг друга в фальсификации выборной процедуры. Исход политической борьбы был решен лишь после перехода 22 февраля 1986 г. на сторону К. Акино министра обороны Х. Энриле и генерала Ф. Рамоса, которые со своими войсками заняли столичные лагеря — Агинальдо и Краме. Попытка Ф. Маркоса бросить против мятежных генералов преданные ему войска была сорвана вмешательством церкви. На всем протяжении многокилометровой магистрали Эпифанио де лос Сантос, заполненной тысячами демонстрантов (отсюда одно из названий событий 22-25 февраля — «революция ЭДСА», по аббревиатуре названия улицы), связывающей центр Манилы с окраинами, где расположены военные

лагеря, служители церкви выходили навстречу солдатам, удерживая их от кровопролития.

25 февраля 1986 г. в Кэмп-Краме К. Акино была провозглашена седьмым президентом Филиппин. Аналогичная церемония произошла в Малаканьяне, где президентом был объявлен Ф. Маркос. Но эта акция уже не имела смысла. Администрация Р. Рейгана признала победу К. Акино, по его указанию Ф. Маркос с семьей были вывезены на Гавайи.

События 22–25 февраля 1986 г. вошли в историю Филиппин как революция «Власть народа» (по названию партийной коалиции, созданной К. Акино). Она носила ненасильственный, бескровный характер. В противовес маркосовскому «новому обществу» годы президентства К. Акино были названы «новой демократией», символизируя переход к редемократизации. Ее реальный позитивный итог — конституционно-правовое оформление нового режима.

В феврале 1987 г. на общенациональном референдуме была ратифицирована новая конституция-87, базирующаяся на демократической концепции прав человека, гражданских свобод, защиты их законом, верховенства закона, легитимности политической власти и т.д. На Филиппинах сохранилась президентская форма правления, причем срок пребывания на посту президента был увеличен с четырех до шести лет. Одновременно в текст Основного закона была включена серия статей по ограничению властных полномочий президента, в первую очередь лишение его права переизбираться на второй срок (дабы не повторялся «прецедент Маркоса»).

В остальном же правительство К. Акино оказалось бессильным в преодолении тяжелого наследия маркосовского режима (затяжной экономической кризис и не снижающийся уровень социального напряжения) и реализации собственных программ по стабилизации и оздоровлению обстановки. В области экономики правительство К. Акино с помощью команды технократов пыталось осуществить ряд реформ по переходу к либеральной экономической политике, сокращению роли государства в экономике, развитию рыночных отношений (программа 1987–1992 гг.). Делались попытки по реанимации и проведению «выборочной» аграрной реформы, но ассигнования на нее прекратились уже к концу 1987 г. Кризисные явления в топливно-энергетической области к началу 1990-х годов стали распространяться и на другие отрасли хозяйства. Провал экономических проектов объяснялся не только недостатком опыта и дефицитом политической воли у президента и правительства, но в значительной мере самим характером редемократизации, вернувшей традиционные ценности и стереотипы поведения, неадекватные потребностям современного общественного развития.

По сути, на Филиппинах сложился ухудшенный вариант политической системы, функционировавшей до 1972 г. Действовал ряд устойчивых негативных факторов, мешавших политической и экономической стабилизации: размежевание в правящей элите (наскоро объединенный блок антимаркосовских сил, придя к власти, тут же стал распадаться, возобновив прежние межфракционные и межличностные конфликты); возвращение к активной деятельности традиционных политических кланов (Лаурелей, Лопесов, семейства китайских метисов Кохуан-

гко, из которого вышла К. Акино), тесно связанных со «старыми» экономическими монополиями, в свое время потесненными Ф. Маркосом. Отсутствие единства было свойственно всем компонентам политической системы (начиная с важнейших институтов — армии и церкви), в рамках которых противоборствовали сторонники и противники нового режима. К этому следует добавить несформированность многопартийной системы, состоявшей из непрочных коалиций и блоков.

Все вместе взятое усиливало хаотичность политического процесса. Администрация потерпела поражение и в попытке обуздать «вечное зло» — коррупцию и мздоимство. Наконец, в течение всего первого поставторитарного этапа активно действовала экстремистская оппозиция разных толков: левые повстанцы, руководимые ННА в христианских районах (во второй половине 1980-х годов их число доходило до 30 тыс. человек), сепаратисты-мусульмане продолжали вооруженную борьбу на юге страны; возникло и новое явление — вооруженная оппозиция в среднем эшелоне военных (Движение за реформу армии), которая предприняла семь попыток переворотов с целью устранения от власти К. Акино, обвинявшейся путчистами в неспособности управлять государством.

К. Акино удавалось подавлять мятежи, опираясь на лояльный генералитет во главе с Ф. Рамосом и моральную поддержку США. Проамериканизм правящих верхов, особенно К. Акино, служил источником общественного недовольства, левые радикалы даже поменяли прежнюю формулу «диктатура США–Маркоса» на «диктатура США–Акино». В действительности же к началу 1990-х годов «особые отношения» претерпели сильные изменения. С окончанием холодной войны и распадом СССР США заметно снизили интерес и уровень своего присутствия в ЮВА. Поэтому решение филиппинского сената (1991 г.), где преобладали националисты, о ликвидации баз-анклавов США на Филиппинах было вполне спокойно встречено американцами (в 1992 г. с территории Архипелага были выведены самые крупные базы — авиационная в Кларк-филд и военно-морская в Субик-бэй).

События 1986 г. вызвали к жизни термин «феномен Акино», первой в истории страны женщины-президента. В массовом сознании филиппинцев (во многом благодаря усилиям церкви) укоренился некий идеализированный образ мученицы, жертвы диктатуры, носительницы мессианского предназначения «спасения нации и демократии» (в духе католичества и традиций местной социокультуры). Кроме того, будучи женой одного из самых ярких и деятельных лидеров, она не могла не приобщиться к искусству «большой политики». Она умело использовала личную харизму, обращение к популистской, а на первых порах и левонационалистической риторике, поддерживала имидж идеальной филиппинки — добродетельной, скромной, ревностной католички, хранительницы семейного очага. Неудачи в экономической политике, безрезультатность попыток перемирия с левыми повстанцами и мусульманскими сепаратистами, замешанность в коррупции ее родственников привели к заметному падению рейтинга президента. И все же К. Акино довольно успешно вела собственную политическую игру, удержавшись у власти в отведенные конституцией сроки. С помощью маневрирования ей уда-

валось сохранять баланс сил: президент-верхушка армий-церковь, что сдерживало политическую дестабилизацию, не давая ей перерасти в кризис власти. Во всяком случае, ей удалось обеспечить демократическую смену власти в результате президентских выборов, проведенных согласно конституции в мае 1992 г.

Проблема стабилизации была ключевой на втором поставторитарном этапе. Его хронологический рубеж — вступление на президентский пост 30 июня 1992 г. восьмого президента Филиппин Ф. Рамоса, победившего на майских выборах (его кандидатуру поддерживала К. Акино).

Ф. Рамос — интеллеktуал и прагматик, нарушивший привычные стандарты филиппинских политиков столь высокого ранга. По своему происхождению он не был связан с традиционными политическими кланами, впервые в истории Филиппин во главе государства оказался профессиональный военный, генерал, входивший в высшее руководство вооруженных сил при Ф. Маркосе и К. Акино. Кроме того, это первый президент-протестант в католической стране. Как тип лидера Ф. Рамос продолжил немногочисленный список «сильных президентов» — М. Кесона, Р. Магсайсая, Ф. Маркоса. С его приходом к власти маятник филиппинской политики качнулся в сторону централизации и усиления государственной власти. Девиз его предвыборной кампании — работающая демократия с сильной демократической властью, способной консолидировать общество. Это не была обычная пропагандистская риторика. При Ф. Рамосе обозначились новые тенденции развития — к усилению власти президента, реформированию и ускоренной модернизации экономики как основы стабилизации, но в отличие от близкого по существу эксперимента Ф. Маркоса без деформации демократических институтов и правопорядка, без ущемления гражданских прав.

В программе «трех модернизаций» (1994) — экономической, социальной, политической — первое место заняла экономика. За 1992–1996 гг. Филиппины совершили прорыв из многолетней экономической разрухи к экономической стабилизации. Динамика экономического роста изменилась от нулевых показателей рубежа 1990-х годов до 6,5% роста ВВП и 7,3% ВВП в 1996 г. В основу модернизации экономики была положена одобренная МВФ программа либерализации экономической политики, включавшая целый комплекс мер: разгосударствление, приватизацию, поощрение частного предпринимательства, создание специальных экономических зон, обеспечение благоприятного климата для иностранных инвестиций, расширение участия Филиппин в системе международного разделения труда. К концу 1990-х годов Филиппины реально могли войти в число новых индустриализирующихся стран. Как известно, азиатский кризис 1997–1998 гг., поразивший все страны ЮВА, негативно сказался и на экономическом положении Филиппин. Но грамотная экономическая политика Ф. Рамоса (вместе с рядом объективных обстоятельств) помогла несколько самортизировать последствия кризиса сравнительно с ситуацией в остальных странах АСЕАН.

Социальную базу правительства Ф. Рамоса составляли технократы, представители значительной части предпринимательских и финансовых кругов, среднего класса, иными словами все те элементы общества, которые были вовлечены в процесс модернизации и получили выгоду от оживления рыночной экономики.

В ходе политической стабилизации положительные сдвиги произошли в сдерживании экстремистской оппозиции: были частично нейтрализованы, частично привлечены на сторону правительства военные оппозиционеры; сокращены масштабы левоповстанческого движения, в частности благодаря легализации КПФ и широкой амнистии участников вооруженной борьбы. Третий компонент экстремистской оппозиции — мусульманский сепаратизм — тоже в какой-то степени был ослаблен. В сентябре 1996 г. произошло без преувеличения историческое событие — подписание (в результате сложных многоэтапных переговоров с сепаратистами) в Маниле при посредничестве Индонезии мирного договора между администрацией Ф. Рамоса и наиболее крупной сепаратистской организацией ФНОМ. Впервые была принята вполне реалистическая программа развития Юга и создана автономия (в ряде провинций о-вов Минданао и Сулу) во главе с лидером — мусульманином Нур Мисуари. Разумеется, замирение не было полным и прочным — оставался еще ряд сепаратистских организаций и групп, продолжавших вооруженную борьбу.

Труднее всего шел процесс реформирования политической системы, где действуют устойчивые стереотипы традиционной политической культуры. Однако и здесь с помощью сложных маневров Ф. Рамосу удалось привлечь на свою сторону часть оппозиционных партий. Первые шаги по консолидации политической элиты вокруг президентской программы реформ дали свои результаты в мае 1995 г. на промежуточных выборах в конгресс, где проправительственная коалиция из трех партийных блоков одержала блестящую победу. Последние годы президентства Ф. Рамоса (примерно с конца 1996 г.) были омрачены вспышкой острой политической борьбы, связанной с проблемой смены власти. Сторонники Ф. Рамоса, заинтересованные в продолжении курса реформ, создали широкое общественное движение за его переизбрание на второй срок. Были собраны необходимые 5 млн. подписей под петицией в конгресс, который должен был санкционировать проведение плебисцита о принятии соответствующей поправки к конституции. Эта инициатива была отрицательно встречена в обеих палатах конгресса. Но и многие рядовые филиппинцы опасались возврата к диктатуре (тем более что президентский пост вновь должен был перейти к генералу и бывшему соратнику Ф. Маркоса). В 1997 г. в Маниле прокатилась волна массовых демонстраций против принятия конституционной поправки. Примечательно, что организаторами и руководителями «парламента улиц» были кардинал Х. Син (явно недовольный возвышением в политике лидера-протестанта) и экс-президент К. Акино, хотя ее связывали дружеские узы с Ф. Рамосом, в свое время лично возглавлявшим все операции по подавлению антиакиновских пугчей. Формально К. Акино защищала незыблемость конституционных законов. 21 сентября 1997 г. состоялся самый многолюдный марш протеста, приуроченный к 25-й годовщине введения Ф. Маркосом военного положения. Оценив реальную расстановку общественных сил, складывавшуюся не в пользу Ф. Рамоса, он в очередной раз проявил гибкость и прагматизм, использовав акцию протеста для публичного замирения с оппозицией. Выйдя к митингующим, он заявил о своем окончательном решении не баллотироваться на второй срок и передать власть законным путем тому, кто будет избран президентом в мае 1998 г.

В мае 1998 г. президентом был избран Дж. Эхерсито Эстрада (вице-президент в администрации Ф. Рамоса), в прошлом популярный киноактер (Эстрада — его экранный псевдоним), создавший в кино образ некоего филиппинского Робин Гуда, борца за справедливость и защитника «маленького человека». В отличие от Ф. Рамоса это политик традиционного типа, харизматик и популист, всячески поддерживающий образ «человека масс» (его второй псевдоним — Эрап, по-португальски нечто вроде «свой парень»). Он не был новичком в политике, пройдя лет за двадцать путь от мэра маленького городка до второго человека в государстве. Основной электорат Эстрады — маргиналы, люмпенская среда, городские низы, жители трущоб. Его поддерживали промаркосовские круги, часть бизнесменов и депутатов конгресса. Он одержал легкую победу на выборах в мае 1998 г. (из 30 млн. избирателей за него было отдано 10,7 млн. голосов, за его соперника — 4,3 млн.), хотя и выступил с крайне невнятной программой, в которой преобладали популистские и националистические лозунги и одновременно заявления о намерении продолжать реформаторский курс своего предшественника.

С приходом к власти девятого президента довольно быстро стали оправдываться пессимистические прогнозы его противников (не только прорамосовские круги, но и большинство бизнес-элиты, технократов, интеллигенции, руководства католической церкви⁶) о свертывании курса на модернизацию, упадке экономики, втягивании общества в новый виток дестабилизации. Был взят курс на жесткое подавление экстремистской оппозиции, что естественно привело к всплеску левоповстанчества в христианских районах, насилия и кровопролития на мусульманском Юге.

Но Дж. Эстраде было не суждено провести в президентском кресле отведенное конституцией шестилетие. В 1999 — начале 2000 г. он был уличен в крупномасштабной коррупции, казнокрадстве, темных махинациях, наносящих ущерб экономике. Однако затянувшаяся процедура импичмента Дж. Эстрады (2000 г.) в конгрессе, где у него было немало сторонников, протекала вяло и вообще грозила сойти на нет. Тогда инициативу отрешения президента от власти вновь взял на себя «парламент улиц». В массовых выступлениях в Маниле участвовали те элементы столичного населения, которые наиболее страдали от популизма, некомпетентности и нечистоплотности в делах и политике главы государства (выходцы из среднего класса, бизнеса, клерикальных кругов, многочисленные неправительственные организации гражданского общества, интеллигенция и т.п.). Но парадокс заключается в том, что революция, «Власть народа № 2» оказалась лишь фарсовым повторением событий 1986 г., поскольку в данном случае речь шла о свержении хотя и несостоятельного, но демократически избранного, причем большинством голосов соотечественников, верховного политического лидера. Тем самым была грубо нарушена конституция⁷. Вмешательство «парламен-

⁶ Католические прелаты оценивали его президентство не иначе как «бедствие для страны».

⁷ Дж. Эстраду на посту президента (до очередных президентских выборов) сменил его вице-президент, дочь пятого президента независимых Филиппин. — Глория Макапагал Арройо, вторая

та улиц» в политический процесс в такой стране, как Филиппины, где существует глубокий дисбаланс во взаимодействии современного и традиционного внутри политической системы, при чрезвычайно высокой степени персонализации политики и несформированности партийных структур современного типа, может привести к политическому хаосу, вызывает сомнение в жизнеспособности филиппинского варианта либеральной демократии.

Таким образом, в XXI столетие Филиппины вступили с обширным комплексом нерешенных проблем, в обстановке дестабилизации, обострения противостояния «власть—оппозиция», превращаясь в один из очагов насилия и нестабильности в регионе Юго-Восточной Азии.

в истории страны женщина-политик, достигшая вершины власти. В отличие от Дж. Эстрады Г. Арройо являлась лидером-реформатором, получившим превосходное экономическое образование. Заняв президентский пост, она оказалась в центре основного направления политической борьбы — между популизмом и курсом на продолжение реформ и модернизации. На выборах 2004 г. Г. Арройо одержала трудную победу, завоевав законное право на шестилетнее президентство.

Об образовании КНР было объявлено 1 октября 1949 г. Появление КНР, безусловно, важное событие в новейшей истории Китая. В то же время трудно даже сказать, что именно в недавней истории китайской нации имело наибольшее значение: это событие или «культурная революция». Мао Цзэдун говорил, что в своей жизни он совершил два главных дела — изгнал Чан Кайши на Тайвань и зажег огонь «культурной революции». И то и другое «дело», каждое по-своему, сказалось на жизни сотен миллионов китайцев.

«Культурная революция» была начата Мао Цзэдуном в 1966 г., однако и история КНР до «культурной революции» может рассматриваться как время борьбы между двумя направлениями в политике, а также как время подготовки «культурной революции». О ее окончании было объявлено в 1977 г., т.е. после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Тогда и началась другая эпоха, когда одни стремились «продолжать дело» и «развивать идеи» Мао Цзэдуна, а другие искали альтернативный путь развития.

В XX в., особенно в последние его десятилетия, ускорился процесс вовлечения китайцев в общемировую жизнь. Многие правила прошлого стали отмирать. Все большее значение приобрели процессы глобализации в экономической и политической жизни, общечеловеческие ценности. Не отрицая значения традиционных представлений и правил, хотелось бы только подчеркнуть, что, оценивая эти явления, необходимо принимать во внимание в совокупности и старое, традиционное, и новое, современное, не ограничиваясь чем-либо одним и не считая, например, что только старое (традиции, а также то, что именуют «спецификой», или своеобразием Китая) — это главное, что объясняло жизнь Китая в конце XX в. Скорее наоборот, современное, общечеловеческое все больше преобладало; старое хотя и осгавалось, но его необходимо учивать лишь во вторую очередь.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Во второй половине 1940-х годов по Китаю прокатилась гражданская война между войсками Коммунистической партии Китая (КПК) и армией гоминьдановской Китайской Республики. В результате военная победа была одержана КПК, а государственная машина Китайской Республики на континенте оказалась разрушена. Ей приходилось долгое время функционировать фактически в условиях военного времени, что накладывало свои ограничения и на экономическую, и на

политическую жизнь в стране, не давая возможности сосредоточиться на решении проблем налаживания работы рыночной экономики и перехода к демократии, которые Китайская Республика так и не смогла решить. Она не смогла справиться с коррупцией. Не успела и не смогла провести необходимые преобразования в деревне. Не сумела осуществить демократические преобразования и привлечь на свою сторону интеллигенцию.

На ситуации сказались и то, что страна никак не могла оправиться сначала от полутора десятков лет раздробленности и войн, последовавших за антимонархической революцией 1911 г., а затем от пятнадцатилетней войны против японской агрессии и ту же последовавшей за ней гражданской войны. Войны длились почти сорок лет и почти непрерывно: с 1911 по 1949 г. Народ жаждал мира, экономических преобразований и демократических свобод. Все это было обещано Мао Цзэдуном. Он одержал победу в войне над партией Гоминьдан и ее государством. Благодаря тому, что составлявшие подавляющее большинство населения страны крестьяне и традиционно играющий важную роль во внутривнутриполитической жизни Китая слой образованных людей, или интеллигенции, поверили его обещаниям.

На момент создания Китайской Народной Республики еще не весь континентальный Китай находился под властью КПК. В октябре 1949 г. части Народно-освободительной армии Китая (НОАК) вступили в г. Гуанчжоу на юге Китая, затем с помощью советской транспортной авиации — в Синьцзян на северо-западе; в ноябре — в г. Чунцин на юго-западе, а осенью 1950 г. — в Тибет.

После образования КНР сотни миллионов людей перестали жить в стране, руководимой партией Гоминьдан, которая официально руководствовалась идеями революционера и демократа Сунь Ятсена. Они перестали жить при авторитарном режиме в условиях господства частной собственности и оказались в положении жителей другого государства, где властью обладала Коммунистическая партия Китая, руководствующаяся марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна. Население континентального Китая попало в условия перехода от авторитарного к тоталитарному режиму и господству общественной, т.е. государственной, собственности.

Большинство государств, в том числе США, страны Западной Европы, не признали КНР. Китайская Республика, а не Китайская Народная Республика, оставалась постоянным членом Совета Безопасности ООН. Иными словами, Пекин оказался в международной изоляции. Советский Союз и другие социалистические страны признали КНР, стали единственными дружественными ей государствами, вместе с которыми она и составляла «лагерь социализма».

Установив контроль над континентальным Китаем, Мао Цзэдун и его партия закрепились у власти, подавляя сопротивление тех, кого КПК считала «контрреволюционерами». К концу 1951 г. в ходе кампании борьбы с ними было расстреляно 2 млн. человек. Репрессии носили массовый характер, создавая в стране обстановку страха.

Власти КНР занимались не только репрессиями, им приходилось решать и другие задачи. Предстояло восстанавливать разрушенное войной хозяйство

страны, и в первую очередь выполнять обещания, обеспечившие партии поддержку крестьянства. 28 июня 1950 г. был принят закон о земельной реформе, в соответствии с которым отменялась помещичья собственность на землю. Она передавалась в частную собственность малоземельным и безземельным крестьянам по количеству едоков.

Переход земли в частную собственность способствовал быстрому восстановлению сельского хозяйства, а вслед за этим и всей экономики страны. В Китайской Республике наиболее развитая часть крупной промышленности, современный транспорт, кредитно-банковская система, внешняя торговля и др. находились в руках государства. Иными словами, еще до образования КНР часть крупного национального капитала была национализирована, иностранный капитал экспроприирован. Власти КНР просто «приняли» в свое ведение или управление собственность правительства КР.

В первые годы существования КНР в ней развивались рыночные отношения. Именно рыночный механизм позволил восстановить и развивать производство. Наряду с государственной существовала и частнокапиталистическая промышленность. Проводилась политика, благоприятствующая развитию частного капитала. К концу 1951 г. была фактически восстановлена легкая промышленность. Почти все частные предприятия отличались рентабельностью.

Однако в конце 1951 — начале 1952 г. власти КНР развернули массовую кампанию борьбы против буржуазии. Это было наступление на ее политические и экономические позиции, на частный капитал. Частные предприятия превращались в смешанные государственно-частные. Все это обернулось сокращением производства, уменьшением товарооборота, ростом безработицы, появлением дефицита на некоторые товары и т.п.

К 1953 г. выявилась неспособность пореформенного сельского хозяйства, несмотря на его быстрое восстановление, обеспечить страну в достаточной степени продовольствием и сырьем. Альтернативные Мао Цзэдуну силы в руководстве КПК видели решение проблем в сельском хозяйстве в развитии рыночных отношений, и в частности в налаживании связей между деревней и городом. Но Мао Цзэдун навязывал другой путь, который называл «социализмом». Во исполнение его воли в октябре 1953 г. в КНР была введена хлебная монополия. Частным лицам было запрещено торговать зерном. В городах вводилась карточная система. Вскоре она распространилась на все основные предметы потребления.

Государство в 1954 и 1955 гг. стало изымать у крестьян в виде налога и закупок почти третью часть выращенных зерновых. Деревня оставалась на полуголодном пайке. При этом зерно закупалось государством по цене, как правило, ниже его себестоимости.

Введение хлебной монополии стало поворотным пунктом в социально-экономическом развитии КНР. Мао Цзэдун резко повернул Китай, развивавшийся до того в русле естественных рыночных (хотя и ограниченных) процессов, на путь командно-административного функционирования экономики и сделал это в исторически кратчайшие сроки.

Став правящей партией, Коммунистическая партия Китая нуждалась в увеличении своей численности. За два с небольшим года, к весне 1953 г., партия уве-

личила свой состав с 4,5 млн. до 6,1 млн. членов. Одновременно из партии было «вычищено» примерно 10% ее состава. Не было сделано ни одного шага в сторону демократизации внутрипартийной жизни; не был проведен съезд партии, хотя это предусматривалось ее уставом. Насажение культа личности Мао Цзэдуна и пропаганда его идей стали основным направлением идейно-политической деятельности КПК, особенно по отношению к интеллигенции. Начинала складываться система идеологического контроля и политического манипулирования.

Создавая «свое» государство, Мао Цзэдун предпочел бы выступать на мировой арене в качестве «центра силы», который имеет возможность играть то одной, то другой каргой в отношениях с СССР и США. Однако Вашингтон не доверял ему. Объективные обстоятельства и интересы Китая, а также альтернативные силы внутри КПК вынудили Мао Цзэдуна пойти на сближение с СССР и подписать в феврале 1950 г. в Москве Договор дружбы, союза и взаимной помощи с СССР. Таким образом, была заложена политическая и юридическая основа для развития двусторонних отношений, а на мировой арене СССР и КНР предстали как союзники. Советский Союз был единственным источником помощи и поддержки для КНР. Москва при этом исходила из совпадения коренных интересов двух государств. Между тем в представлениях Пекина превалировали мысли о возрождении центрального положения Китая в мире, способности китайской нации ассимилировать другие.

В первой половине 1950-х годов международная изоляция КНР усилилась, особенно после начала корейской войны. В июне 1950 г. по инициативе руководителя КНДР Ким Ир Сена армия Северной Кореи начала наступление с целью присоединения к КНДР юга Корейского полуострова. Пекин поддержал инициативу Ким Ир Сена. Когда же армия КНДР стала терпеть поражения, ему пришлось направить в Северную Корею свои войска, состоявшие из «китайских народных добровольцев». В этой войне непосредственно столкнулись силы КНР и КНДР, с одной стороны, и вооруженные силы Южной Кореи, США и их союзников, формально выступавших под флагом ООН, с другой стороны. В корейской войне, которая продолжалась до 1953 г., погибло около миллиона китайцев, не говоря уже о миллионах корейцев.

20 сентября 1954 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) была принята конституция КНР. В отличие от документа, определявшего основы политики еще до образования КНР, т.е. от «Общей программы Народной политической консультативной конференции», которая давала гарантии частной собственности, конституция КНР объявляла «священной и неприкосновенной» лишь общественную собственность.

Механизм управления страной продолжал носить тоталитарный характер и бесценно находился в руках КПК, а точнее, во власти Мао Цзэдуна, который, занимая посты Председателя Военного совета ЦК КПК, Председателя ЦК КПК и Председателя КНР, безраздельно руководил вооруженными силами, партией и государством.

Первый пятилетний план (1953–1957) стал воплощением генеральной линии партии на индустриализацию страны и постепенные социалистические преобра-

зования несоциалистических форм хозяйствования. Несмотря на неоспоримое лидерство Мао Цзэдуна, пятилетний план, как и генеральная линия партии, был компромиссом между позициями двух групп в руководстве КПК, выступавших за различные пути развития страны. Одним из них был путь строительства, другим — путь «революции и борьбы». За строительство ратовали первый заместитель Председателя ЦК КПК Лю Шаоци и его единомышленники, за «революцию и борьбу» — Мао Цзэдун и его соратники.

В 1953 г. последний одержал победу над своими идейно-политическими противниками, после чего последовала цепь расправ с ними. В 1954 г. сначала политически, а затем и физически погубили одного из членов руководства КПК Гао Гана, обвиненного, в частности, в «связях с границей», т.е. с СССР. Во второй половине 1955 г. было начато общекитайское движение против «контрреволюционеров», иными словами, за искоренение всех сомневавшихся в правильности общепринятого курса.

В то же время сторонникам иной, альтернативной линии в 1955 г. удалось, идя навстречу объективным интересам крестьянства, провести решение об «упорядочении» кооперативов. В результате 200 тыс. поспешно и насильственно созданных сельских кооперативов было распущено.

В том же 1955 г. Мао Цзэдун развернул проагандистскую кампанию в поддержку форсированных преобразований в деревне. Именно в ходе этой кампании он стал утверждать, что «...можно осуществить строительство социализма, не оглядываясь на Советский Союз». К началу 1956 г. ему удалось навязать партийно-государственному аппарату мысль о необходимости и возможности форсированного и даже «скачкообразного» решения задач модернизации Китая. т.е. вывода страны на современный уровень, прежде всего в военной области, а также в промышленности, в сельском хозяйстве, науке и технике, в сфере образования.

К концу 1956 г. было создано 756 тыс. производственных кооперативов, охвативших более 96% крестьянских хозяйств страны, причем в кооперативы высшего типа было объединено около 88% дворов. Это была политическая победа Мао Цзэдуна. Крестьян, с одной стороны, заманивали в кооперативы, давая невыполнимые обещания, а с другой — зачастую действовали с помощью огкровенного насилия.

Одновременно с кооперированием сельского хозяйства шел процесс ускорения социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли. В 1955 г. государство поставило под свой контроль около 80% мелких и средних предприятий. Почти все крупные промышленные предприятия превращались в смешанные государственно-частные.

К лету 1956 г. процесс искоренения частного предпринимательства был завершен. Не сумев победить частного предпринимателя в конкурентной борьбе, государство и государственный сектор силовыми методами поглотили его. В масштабах всей страны произошли, таким образом, радикальные социально-экономические перемены — ликвидирована частная собственность и резко ограничены рыночные отношения.

Политическая власть в КНР подразумевала возможность распоряжаться практически всей собственностью в стране. Создавалась система, при которой людьми в Китае правила «власть власти», т.е. каждый человек был во власти правящей партии, ее вождя. Люди зависели от собственности, которая одновременно была и властью. «Власть власти» и «власть собственности» были объединены в КНР при правлении Мао Цзэдуна.

В эти годы в стране перемены и в политике, и в экономике осуществлялись параллельно. Преобразования, проводившиеся Мао Цзэдуном, имели две составляющие: одна — отказ от частной собственности и рыночных отношений, другая — отказ от демократии. Вместо рыночных отношений и демократии были навязаны государственная собственность и тоталитарный политический строй.

Одновременно с преобразованием собственности Мао Цзэдун и его сторонники попытались резко ускорить промышленное строительство и увеличить промышленное производство. В 1956 г. в определенной мере этого удалось добиться. В то же время тогда же выявились некоторые негативные последствия попытки осуществить «скачок» в индустриализации страны — обострились диспропорции в экономике, выявилась нехватка сырья и энергоносителей и т.д. На следующий год пришлось запланировать весьма умеренные показатели. Не получился «скачок» в 1956 г. и в сельском хозяйстве, хотя удалось не допустить снижения уровня сельскохозяйственного производства.

Последствиями радикальных и очень быстрых экономических преобразований явился рост социальной напряженности в обществе. С 15 по 27 сентября 1956 г. проходила первая сессия VIII съезда КПК. В решениях съезда поддерживался тезис Мао Цзэдуна о том, что «пролетарско-социалистическая» революция в Китае «в основном уже завершена», а также одобрялись все его социальные эксперименты.

Однако под влиянием критики культа личности И.В. Сталина в СССР, а также отражая настроения внутри самого Китая, на съезде из устава было вычеркнуто положение о том, что «идеи Мао Цзэдуна» являются идейной основой партии. В уставе была также подчеркнута необходимость продолжать борьбу против «выпячивания личности, против ее прославления». Утверждая это, выступивший на съезде Дэн Сяопин добавил, что главную роль в борьбе с культом личности в КПК играет Мао Цзэдун.

В резолюции по отчетному докладу Лю Шаоци было дано определение главного противоречия китайского общества как «противоречия между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами». Это можно было рассматривать как призыв выдвинуть на первый план задачу развития производительных сил, что являлось компромиссом. Мао Цзэдун был недоволен и начал подготовку к коренному пересмотру политики партии.

В ноябре 1956 г. в КПК была развернута кампания под лозунгом «упорядочения стиля», которая по своей сути явилась борьбой со всеми теми в партии и вне ее, кто сомневался в правильности политической линии Мао Цзэдуна. В феврале 1957 г. он подчеркнул, что необходимо перенести центр тяжести работы КПК с экономического фронта на идеологический.

В апреле того же года кадровым работникам партии было предписано периодически работать физически вместе с рабочими и крестьянами. Это было первое обращение Мао Цзэдуна к простым рабочим и крестьянам через голову партийной номенклатуры. Он стремился представить себя в роли вождя, который всегда с народом в его борьбе против бюрократии.

Еще в 1956 г. Мао Цзэдун призвал провести кампанию под лозунгом «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все научные школы». С 8 мая по 7 июня 1957 г. этот курс стал осуществляться на практике. В соответствии с ним формально всем предоставлялась полная свобода слова, в китайском обществе разрешался идейно-политический плюрализм. Позднее оказалось, что «это было сделано для того, чтобы... ядовитые травы могли разрастись пышно-пышно, и народ увидел бы это и содрогнулся».

Натравливанию «простого народа» на интеллигенцию был дан ход сразу же после окончания краткосрочной «оттепели». В масштабах всей страны развернулась борьба «против правых». Это была массовая расправа над людьми без суда и следствия. В результате было репрессировано пять с половиной миллионов человек, многие из них оказались в «лагерях трудового перевоспитания». К числу «правых элементов» были отнесены и родственники репрессированных.

В сентябре–октябре 1957 г. на пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун навязал партии идею о том, что главным противоречием в КНР является противоречие между буржуазией и пролетариатом. Так возрождалась концепция перманентной революции и продолжающегося обострения классово-борьбы. Речь шла о подготовке «великого скачка» в социально-экономическом развитии страны.

В скобках заметим, что Мао Цзэдун намеренно называл свои массовые политические кампании «великими». Даже ставший практически официальным его титул включал в себя то же определение: «великий вождь».

Чтобы начать новый эксперимент, вождь потребовал резко увеличить урожайность и эффективность сельскохозяйственного производства, привлечь огромные массы населения к ирригационному строительству, предложил развернуть создание малых сталеплавильных заводов, т.е., по сути дела, кустарных деревенских плавильных или доменных печей, с целью резкого увеличения производства стали. Большое значение он придавал уничтожению силами населения по всей стране крыс, воробьев, мух и комаров.

В ноябре 1957 г. Мао Цзэдун выступил в Москве на международном совещании коммунистических и рабочих партий. При этом он, в частности, заявил, что если в случае мировой ядерной войны «...половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен, и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет, даже больше чем на половину».

В то время главные внешнеполитические идеи Мао Цзэдуна сводились к тому, что в мировом коммунистическом движении следует иметь одного вождя и что необходимо исходить из неизбежности мировой войны. Именно по этим вопросам его позиции разошлись с точкой зрения советского руководителя Н.С. Хрущева.

Повторим, что внутри страны Мао Цзэдун твердо взял курс на осуществление «великого скачка» в развитии Китая. Мысли о таком «скачке» вызревали у него давно. Для того чтобы лучше разобраться в них, необходимо бросить взгляд в прошлое.

Сразу после образования КНР Мао Цзэдун был, очевидно, вынужден считать-ся с объективно сложившейся ситуацией и необходимостью проявить умеренность. Он делал публичные заявления о намерениях в качестве ближайшей цели за 15 лет осуществить индустриализацию страны и преобразования в области сельского хозяйства, промышленности и торговли. Что же касается превращения КНР из страны «новой демократии» в «могучее социалистическое индустриальное государство», то на это должно было потребоваться 50 лет. Ближайший помощник Мао Цзэдуна, глава правительства КНР Чжоу Эньлай, очевидно хорошо зная настроения своего вождя, публично утверждал, что индустриализация Китая — это проблема, которую можно решить за 10–20 лет, и так как добиться этого в более короткие сроки невозможно, то необходимо продвигаться вперед «стабильно, уверенно, шаг за шагом».

Однако Мао Цзэдун часто пользовался приемом, который приносил ему известные политические выгоды: он выдвигал лозунги, которые успокаивали людей, притупляли бдительность его коллег, занимавших разумные умеренные позиции, а затем неожиданно предпринимал действия совершенно иного характера. Начиная со второй половины 1955 г., когда по его инициативе развернулась кампания критики темпов кооперирования сельского хозяйства, стали раздаваться требования значительно ускорить продвижение вперед по всем направлениям, беспрерывно критиковать консервативные взгляды. Обобщив опыт СССР и стремясь его обогнать, Мао Цзэдун выдвинул новую «генеральную линию», утверждая, что Китай способен при движении к социализму делать «больше и лучше», чем в Советском Союзе. При этом его курс предполагал «приложение усилий с целью двигаться вверх по течению», т.е. преодолевать сопротивление инерционных сил как на международной арене, так и внутри Китая, а именно со стороны части руководителей КПК и партийной бюрократии. При этом снова пропагандировалась мысль о его единстве с простым народом в борьбе против «партбюрократов».

Из-за нетерпения и торопливости Мао Цзэдуна первоначально задуманные преобразования оказались скомканными, осуществленными слишком быстро и слишком грубо. Следует еще раз подчеркнуть, что в руководстве ЦК КПК не существовало единства мнений относительно курса на ускорение темпов экономического строительства.

В начале 1956 г. Чжоу Эньлай, который всегда стремился ставить вопрос таким образом, чтобы он и соответствовал настроениям Мао Цзэдуна и в случае необходимости можно было дать задний ход, чтобы исправлять огрехи при слишком стремительных темпах преобразований в стране, говорил о том, что не следует совершать ошибки, заключающиеся как в «консерватизме» и «правом уклоне», так и в «слепом ускоренном движении вперед».

В 1957 г. наблюдался здоровый рост экономики. Национальный доход возрастал, дефицит бюджета удалось ликвидировать. Это произошло потому, что и до

первой сессии VIII съезда КПК, состоявшейся, как выше упоминалось, в сентябре 1956 г., и после него первый заместитель Председателя КНР Лю Шаоци, глава правительства Чжоу Эньлай, а также главные руководители работы в сфере экономического строительства Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь стремились преодолеть стремление «бездумно ускорять» темпы роста. На самой же сессии был выработан соответствовавший реалиям курса экономического развития, должное внимание в нем придавалось сбалансированности роста, урезыванию объемов капитального строительства.

Однако Мао Цзэдун считал, что в связи с тем, что темпы экономического роста в 1957 г. были ниже темпов 1956 г., возникло то, что он называл «седлообразным развитием». Поэтому он счел ошибкой выступления против «слепой погони за темпами роста» и утверждал, что такие выступления следует рассматривать как попытку «правых уклонистов» использовать малейший шанс, «пролезть в щели», связать проблемы экономики и политики. Он говорил, что кое-кто пытается поднять «неправедный ветер», чтобы порывами этого ветра «сдуть» его курс на строительство социализма по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее».

Начиная с пленума ЦК КПК, состоявшегося в октябре 1957 г., развернулась бесконечная критика «консервативных взглядов» и «правого уклона». По сути дела, тем самым отрицалась линия, определенная первой сессией VIII съезда КПК. На ряде состоявшихся в 1958 г. совещаний ЦК КПК была проведена полномасштабная теоретическая и идеологическая подготовка к «великому скачку». При этом на одном из них критиковали Чжоу Эньлая и Чэнь Юня, упрекая их в ошибочных выступлениях против «слепого ускорения темпов» развития экономики. Чжоу Эньлай был этим очень обеспокоен и попытался как можно скорее доказать, что он готов каяться в своих ошибках и следовать курсом Мао Цзэдуна.

В мае 1958 г. состоялась вторая сессия VIII съезда КПК, на которой были приняты новые показатели очередной пятилетки. В области промышленности они были повышены вдвое или более, а в области сельского хозяйства — на 20–50% и больше по сравнению с показателями, принятыми на первой сессии того же съезда партии. Так, планировалось выплавить стали 30 млн. т вместо 12 млн. т, добыть угля 400 млн. т вместо 200 млн., собрать зерна 350 млн. вместо 250 млн. т.

В результате в партии в целом, от ЦК до первичных организаций, сформировался общепринятый взгляд: после завершения социалистической революции в области строительства лучше быть левым, чем правым, дозволяется выступать с критикой только правых, консервативных взглядов и не дозволяется выступать против левых взглядов, в частности против ускорения темпов развития; и вообще, темпы — это суть генеральной линии партии, а ускорение, под которым подразумевалось в первую очередь развитие более быстрое, чем в СССР, — главная цель, основное содержание политики в области строительства социализма.

С этого времени под лозунгом «За три года упорной борьбы в основном изменить отсталый облик страны» мобилизовали все население страны на эту борьбу. В качестве теории ускорения экономического роста были приняты установки

на то, чтобы «выкорчевать теорию пассивного сбалансированного развития» и «угверить теорию активного сбалансированного развития». Конкретные методы и приоритеты развития ускоренными темпами содержались в следующих призывах и установках: «Сталь — вот наша программа», «Высоко вздымайте знамена трех наших маршалов» (имелись в виду сталь, уголь, зерно), «Нам прокладывают путь два наших командира авангарда» (транспорт и энергетика), «В широких масштабах разворачивать массовые движения», «Пусть повсеместно расцветают цветы достижений наших небольших коллективов».

В августе 1958 г. на совещании ЦК партии в Бэйдайхэ — курортном городке, месте летнего отдыха членов ЦК КПК на Желтом море, было выдвинуто требование в два раза увеличить показатели пятилетки, которые лишь три месяца тому назад уже увеличили на столько же.

Надо отметить, что в решениях второй сессии VIII съезда КПК появляется упоминание о курсе «трех красных знамен», т.е. новая «генеральная линия», «великий скачок» и «народные коммуны». Последним термином, появившимся тогда же, обозначалась «универсальная» форма социальной организации, китайская форма коммунизма. Ее планировалось распространить как на сельскую местность, так и на города.

После того как в начале августа 1958 г. Мао Цзэдун при посещении провинций Хэнань и Шаньдун сказал газетчикам, что «народные коммуны — это дело хорошее», Китай мгновенно превратился в страну народных коммун. Потребовался всего лишь месяц, чтобы в коммуны вошло 100% крестьянских дворов. К концу 1958 г. они были созданы по всей стране — ранее существовавшие 740 тыс. кооперативов были превращены в 26 тыс. коммун, объединивших 120 млн. крестьянских дворов, причем в каждую коммуну входило в среднем около 20 тыс. человек. Коммуны становились низовыми местными административными органами.

Народные коммуны — это продукт «великого скачка», его организационная форма, а также метод так называемого преобразования прежних производственных отношений с целью высвобождения производительных сил. В КПК официально считалось, что потенциал народных коммун огромен. Такая форма организации, в которой были объединены и политическая и социальная составляющие, представляла собой ту «плавильную печь», где «сплавлялись» вместе рабочие, крестьяне, торговцы, учащиеся, солдаты. Не случайно, что в решении совещания в Бэйдайхэ отмечалось: «Осуществление коммунизма в нашей стране — уже не представляет собой некое отдаленное дело».

Предполагалось, что в коммунах должно проводиться равноправное или уравнилельное распределение, должен воцариться быт, при котором не будет никаких различий в материальном положении людей. Партия осуждала систему выплаты заработной платы, считая ее ошибкой, отступлением, уступкой буржуазии. Эта кампания вызвала бум в стране. В деревнях стали в массовом порядке создавать столовые, осуществлять мероприятия по организации общественного питания под лозунгом «Ешь и не плати». Считалось также, что вслед за селом следует создавать коммуны и в городах.

Начиная с июня 1958 г. в провинции Хунань заговорили о рекордных сборах пшеницы, утверждали, что с одного гектара снимали сначала более 15 т зерна, а затем и более 50 т. Вслед за ней другие провинции, как тогда говорили, тоже стали «запускать свои искусственные спутники земли», т.е. устанавливать свои рекорды. В провинции Хубэй заговорили о сборе с одного гектара многих десятков тонн риса. В печати появились сообщения, что целые провинции добились таких рекордных урожаев.

Вслед за тем стали говорить и писать о рекордах выплавки чугуна и стали. Сначала объявили, что в одном из уездов за один день выплавляли 1 тыс. т чугуна, затем появились сообщения о 4 тыс. т. Потом рекорд вырос до 20 тыс. и даже 87 тыс. т. Рапортовали о том, что в одном из уездов за три месяца «упорных сражений» в основном справились сразу и с наводнениями, и с засухой. В другом месте за полгода осуществили ирригацию целой провинции. Где-то за 40 дней озеленили весь уезд. Появились сообщения о том, что создание в КНР экспериментального ядерного реактора означало, что страна уже вступила в эпоху ядерной энергетики. Одним словом, во всем проявлялся «великий скачок».

Появление лозунга «трех красных знамен» было порождено идеями Мао Цзэдуна, стремлением к тому, чтобы как можно быстрее добиться результатов, изменить бедный и отсталый облик Китая. При этом великий вождь полагал, что бедность способствует переменам в сфере идеологии, разрыву с консерватизмом и застою, а бедность и «состояние чистого листа белой бумаги» — это как раз и есть движущие силы «великого скачка».

Людям в Китае навязывались взгляды, которые, в частности, состояли в утверждении, что на протяжении 28 лет, т.е. с момента создания КПК в 1921 г. и до образования КНР в 1949 г., Мао Цзэдун, возглавляя партию, и народ всей страны, «одерживал победы в ходе революции, и это поистине было труднейшим из трудных дел». Причем самым непростым была необходимость вести борьбу против «ошибочного руководства со стороны Коминтерна и Сталина». Таким образом в массовое сознание внедрялось противопоставление Китая Советскому Союзу. Кроме того, подчеркивалось, что за все эти долгие 28 лет страна пережила бесчисленные трудности и зигзаги, но Мао Цзэдун «никогда не недооценивал врага, всегда, с начала и до конца, делал все предельно скромно и осмотрительно».

Впоследствии, после его смерти, объясняя возникновение обстановки «всеобщего энтузиазма» в Китае во времена «великого скачка» и «народных коммун», а также стремясь оправдать политику, которую тогда проводило руководство КПК, в КНР утверждали, что разнообразные субъективные и объективные обстоятельства и их изменения привели к тому, что Мао Цзэдун «начал терять скромность и осмотрительность». Новое руководство признавало, что его индивидуальные самоуправные действия день ото дня множились, что он заблуждался, полагая, что «бедность» Китая, а также то, что он называет «состоянием чистого листа белой бумаги», уже не являются трудностями. Напротив, он стал считать, что именно благодаря этому «можно легко и прекрасно рисовать самые новые и самые красивые картины».

В результате, писали впоследствии, в КНР того времени стали преувеличивать объективные возможности и способности человека, стали полагать, что достаточно лишь того, чтобы во главе угла стояла политика, политическая воля и политические решения, и тогда можно будет не считаться с закономерностями экономического развития.

Именно тогда, как утверждали позже, стали переносить на мирную жизнь опыт, присущий периоду революционных войн, и дело дошло до того, что методы классовой борьбы, использовавшиеся при Мао Цзэдуэ, такие, как широкое и открытое высказывание мнений или вмешательство масс в профессиональную работу, появление воззваний, написанных крупными иероглифами (*дацзыбао*), широкие дискуссии, применялись непосредственно при экономическом строительстве.

В КНР после смерти Мао Цзэдуэ пытались оправдывать его политику также тем, что не он стал разносчиком болезни нетерпения, «когда хочется, чтобы революция скорее одержала победу». Утверждалось, что эти настроения находили свое выражение в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, которым казалось, что революционный кризис в Европе уже на пороге. Подчеркивалось, что В.И. Ленин тем более полагал, что капитализм уже находится в своей последней стадии, а во времена военного коммунизма в России думали, что возможен прямой переход к коммунизму.

В 1957 г. в связи с запуском в СССР искусственного спутника земли газета «Жэньминь жибао» писала, что за последние дни «изменился облик всего мира». Именно вскоре после этого события Мао Цзэдуэ выдвинул лозунг, призывая за 15 лет догнать и перегнать Англию. Он стремился тогда соревноваться и с капиталистическими странами, и с Советским Союзом. В то время он говорил: «А не можем ли мы избежать тех zig zagов, тех извилистых путей, которыми шел Советский Союз, не можем ли мы двигаться быстрее, чем СССР, не можем ли мы добиться лучшего качества, чем СССР? Нам следует осуществить такую возможность».

Казалось, что Мао Цзэдуэ в тот период времени как будто не обращал внимания на объективные условия, а полагался только на свои желания. Организационной формой «великого скачка» стали «народные коммуны». Сама мысль о них вызрела у него на протяжении длительного времени. В молодости он писал о желании создать «новую деревню», где существовали бы и «новая семья», и «новая школа», и «новое общество». Он, очевидно, находился под влиянием идей и представлений китайского мыслителя и реформатора конца XIX в. Кан Ювэя. Еще до создания КПК Мао Цзэдуэ писал о желательности создания принадлежащих всему обществу учебных заведений, заводов, театров, больниц.

При обсуждении в Бэйдайхэ вопроса о «народных коммунах» председатель ЦК КПК говорил, что необходимо осуществить «мечту о социализме». При этом речь шла не о безобидной утопии, а о программе, во имя осуществления которой на карту была поставлена жизнь миллионов людей.

В 1958 г. в китайской печати было объявлено об огромных достижениях в области сельского хозяйства: собранный урожай якобы достиг почти 300 млн. т,

однако в действительности было собрано намного меньше, около 100 млн. т зерна. В середине декабря того же года стала ощущаться нехватка продовольствия. К весне следующего возник острый дефицит продуктов питания: овощей, рыбы, масла и даже чая. Три последующих года (1959–1961) стали периодом великого голода, вызванного политикой Мао Цзэдуна. Страна вступила в полосу глубокого кризиса, что не могло не вызвать обострения политической борьбы в руководстве КПК.

В ноябре–декабре 1958 г. на пленуме ЦК КПК, с одной стороны, подтвердили правильность политики создания «народных коммун», а с другой — завуалированно констатировали ошибочность принятого политического курса. На пленуме прозвучало заявление о том, что «перескочить через этап социализма нельзя». Мао Цзэдуну пришлось даже высказать просьбу не избирать его на очередной срок председателем КНР. Вслед за тем на состоявшейся сессии ВСНП на этот пост избрали Лю Шаоци.

Таким образом, Мао Цзэдун был вынужден «отойти на вторую линию», оставшись Председателем ЦК КПК. На «первой линии» оказались Лю Шаоци и другие люди, которым пришлось вытаскивать страну из «экономической трясины».

Накануне и во время проведенного летом 1959 г. в Лушане пленума ЦК КПК на закрытом заседании партийного руководства курсу Мао Цзэдуна было смело и прямо противопоставлено иное мнение. Член политбюро ЦК КПК, министр обороны КНР Пэн Дэхуай предстал в качестве «маршала правды». Он выразил несогласие с политикой мобилизации всей страны на осуществление кустарной выплавки чугуна и стали, указал на вредную поспешность при проведении «коммунизации», критиковал отступление от принципа коллективности руководства, поставил вопрос об ответственности всех руководителей партии, «включая товарища Мао Цзэдуна», за ситуацию, сложившуюся в стране. Пэн Дэхуай изложил свои взгляды в личном письме председателю ЦК КПК, датированном 14 июля 1959 г. Тот представил это как «антипартийное выступление», как «заговор военного клуба». Оказывая нажим на руководителей партии, Мао Цзэдун заявил, что даже если армия не пойдет за ним, он «уйдет в горы... в деревню» и снова создаст «свою Красную армию».

Члены высшего руководящего органа партии поддержали Мао Цзэдуна. Пэн Дэхуай и еще трех человек на пленуме ЦК КПК осудили как участников «антипартийного блока» и сместили с постов. Так председатель Мао показал всем, что он сохранил высшую власть и над вооруженными силами, и над партией, и над страной. Культ его личности был раздут еще больше.

Тем временем обстановка в стране продолжала ухудшаться. В 1960 г. урожай зерновых оказался ниже сборов 1954 г. Урожай хлопка и масличных культур сократились почти в два раза. Резко уменьшилось поголовье свиней и крупного рогатого скота. В стране свирепствовал голод.

Во время «великого скачка» Мао Цзэдун проводил политику массового переселения ханьцев — этнических китайцев, составляющих большинство населения страны, в районы компактного проживания национальных меньшинств. Там ме-

стные кары заменялись ханыдами. Угнетение китайцами национальных меньшинств усилилось. Это вызвало протест.

Весной 1959 г. вооруженное восстание под лозунгами независимости началось в Тибете. При подавлении этого выступления были убиты десятки тысяч людей. Около 80 тыс. тибетцев, включая духовного вождя буддистов Далай-ламу, бежали за пределы КНР, главным образом в Индию. В 1961 г. около 60 тыс. жителей Синьцзяна перешли границу с СССР и остались на советской стороне.

В годы «великого скачка» политика Пекина периодически приводила к обострению ситуации вдоль границ. В августе 1958 г. был начат обстрел островов в Тайваньском проливе, которые были частью Тайваня. Это было сделано без предварительных консультаций с СССР, с которым КНР была связана договором о дружбе, союзе и взаимной помощи. США ввели в пролив корабли своего 7-го флота. Действия Пекина привели к усилению международной напряженности. Осенью 1959 г. начался пограничный спор с Индией, через три года в 1962 г. он привел к пограничной китайско-индийской войне.

Составной частью политики Мао Цзэдуна, направленной на противопоставление КНР Советскому Союзу, было планомерное вытеснение советских специалистов из Китая. Для них были созданы невыносимые условия, им не давали работать, хотя они оказывали неоценимую помощь. В результате летом 1960 г. Москва была вынуждена принять решение об отзыве своих специалистов из КНР. С того же года начались регулярные нарушения советско-китайской границы с китайской стороны.

В январе 1961 г. состоялся пленум ЦК КПК, на котором было принято решение сосредоточить силы на ликвидации последствий «великого скачка». Этот курс был назван «урегулированием». Было принято решение о снижении темпов экономического развития.

Несмотря на очевидный провал политики «скачка», Мао Цзэдун продолжал настаивать на принципиальной правильности этого курса. При этом он возлагал ответственность за его неудачу на «врагов» и «вредителей» внутри партии. С начала 1960-х годов стал очевидным раскол в партии между теми, кто занимался восстановлением экономики страны, и теми, кто стремился выдвинуть на первый план проведение очередных идеологических и политических массовых кампаний.

Столкновение между сторонниками этих разных взглядов приобрело почти открытый характер на созванном в начале 1962 г. совещании руководящих работников КПК, в котором приняли участие семь тысяч функционеров партии. На этом совещании Лю Шаоци практически открыто критиковал политику «трех красных знамен». Он подчеркнул, что «великий скачок» совершен поспешно и в результате теперь в течение десяти лет придется заниматься урегулированием положения в экономике. Лю Шаоци назвал «битву за сталь» «мыльным пузырем», призвал отказаться от ликвидации рыночных отношений, помимо государственной торговли восстановить коллективную и частную на сельских рынках. Реагируя на такую критику, Мао Цзэдун, с одной стороны, признавал, что несет ответственность за допущенные ошибки, но одновременно настаивал, что в принципе курс «трех красных знамен» является правильным.

В 1962 г. выправление положения в экономике продолжалось. Вместо «народной коммуны» основной производственной единицей в деревне стала «производственная бригада» из 10–30 дворов. Крестьяне вновь получили приусадебные участки, им вернули личное имущество, было разрешено держать свиней, открылись «свободные» сельские и городские рынки. Началось медленное восстановление системы материальной заинтересованности.

Обострение политической борьбы в руководстве КПК отражало и размежевание в обществе. Экономисты подвергали сомнению тезис Мао Цзэдуна «политика — командная сила». Творческая интеллигенция призывала «писать правду». Широкую известность приобрела пьеса У Ханя «Разжалование Хай Жуя» о сановнике времен династии Мин, который не побоялся критиковать самого императора и был за это разжалован. В Китае люди воспринимали это как намек на протест Пэн Дэхуая.

Осенью 1962 г. Мао Цзэдун нанес удар по инакомыслящим. Он призвал «никогда не забывать о классовой борьбе» и развернуть борьбу в партии «против классово чуждых элементов». Выступил он и против предложений о реабилитации кадровых работников, подвергшихся опале во время «великого скачка».

Инициированная им кампания борьбы за «воспитание в духе социализма» началась весной 1963 г. и продолжалась вплоть до осени 1965 г., когда ее сменила первая предварительная и подготовительная стадия «культурной революции». Воспитательная кампания сопровождалась жестокими репрессиями, в результате которых не только в той или иной мере пострадали, но и погибли многие партийные работники. Вся идеологическая работа в партии при этом проводилась в условиях, когда никто не мог открыто критиковать председателя Мао и его идеи.

Между тем все это время Мао Цзэдун готовил еще более широкое наступление, т.е. «культурную революцию». В декабре 1964 г. он заявил, что необходимо усилить классовую борьбу, направив ее прежде всего против «группировки, стоящей у власти». В итоговом документе совещания в ЦК КПК, на котором он выступил, отмечалось: «Центр тяжести нынешнего движения — борьба против тех облеченных властью, которые находятся в рядах партии и идут по капиталистическому пути. Среди этих облеченных властью и идущих по капиталистическому пути одни выступают на сцене, другие же действуют за кулисами». Это была подготовка к бескомпромиссной борьбе против Лю Шаоци и всех тех, кого можно было обвинить в отступлении от маоцзэдуновских «идей».

К середине 1960-х годов благодаря усилиям Лю Шаоци и многих других руководителей партии, разделявших его подход к решению сложных проблем в экономике, последствия «великого скачка» были в основном преодолены. Китай подошел к уровню 1957 г. по показателям как сельскохозяйственного, так и промышленного производства. В 1963 и 1964 гг. сельскохозяйственное производство ежегодно росло на 10%, а темпы роста промышленного производства составляли почти 20%.

Однако не вся экономическая сфера находилась в руках Лю Шаоци и близких ему по взглядам политиков. Мао Цзэдун продолжал попытки создавать предприятия как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, соответствующие его

идеям. В области сельского хозяйства пропагандировался опыт большой производственной бригады Дачжай в провинции Шаньси. В области промышленности — опыт создания и работы нефтепромыслов в Дацине в провинции Хэйлуцзян. Суть «опыта Дачжая и Дацина» заключалась в создании экономических структур, сочетающих в себе элементы как сельскохозяйственного, так и промышленного производства, ориентированных на почти полное самообеспечение. При этом вся прибыль должна была передаваться государству.

В 1965 г. Мао Цзэдун тайно приготовился к началу открытой борьбы против тех, в ком он видел противников своего курса и своих идей. В 1960-е годы культ его личности был незыблем, а верховная власть над вооруженными силами и в сфере идеологии никем не оспаривалась. Ему предстояло преодолеть своего рода «технические сложности». Для этого он сколотил внутри партии группу ближайших помощников для разработки планов начала и проведения планировавшейся «культурной революции».

Прорыв решено было начать с провокационной критики в печати упоминавшейся исторической драмы «Разжалование Хай Жуя» и ее автора У Ханя, который в то время был заместителем первого секретаря горкома КПК Пекина Пэн Чжэня, также выступавшего за курс Лю Шаоши в сфере экономики и призывавшего к развитию демократии. В ноябре 1965 г. статья на эту тему появилась в печати. Тогда же Мао Цзэдун обвинил в «попытке узурпировать власть в армии, в выступлении прогив партии» начальника генерального штаба НОАК Ло Жуйцина, другого приверженца умеренных взглядов.

Призыв к началу «культурной революции» впервые прозвучал 18 апреля 1966 г. со страниц главной армейской газеты. 7 мая в письме министру обороны маршалу Линь Бяо Мао Цзэдун изложил свою социально-экономическую программу, реализация которой должна была стать одной из целей «культурной революции». Суть ее сводилась к созданию по всей стране замкнутых аграрно-промышленных общин, что являлось продолжением его замыслов периода «великого скачка» и отчасти было реализовано в «опыте Дацина и Дачжая». Новым элементом этой программы являлась та роль, которую предстояло играть в жизни общества армии, призванной стать образцом, превратиться в «великую школу идей Мао Цзэдуна».

В мае 1966 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК было объявлено о начале открытой борьбы против «стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути». Со своих постов были сняты партийный и административный руководитель Пекина Пэн Чжэнь и др. Вскоре после этого заседания была создана «группа по делам культурной революции» ЦК КПК. Эта группа стала частью «штаба» по руководству разворачивавшейся кампанией. В его состав вошли два главных помощника председателя ЦК КПК: по партийно-государственному аппарату — Чжоу Эньлай и по органам сыска и репрессий — Кан Шэн, а также министр обороны Линь Бяо, супруга Мао Цзэдуна Цзян Цин, пропагандист его «идей» Чэнь Бода и др.

В мае 1966 г. с началом жаркого лета вся обычная жизнь в Пекине пошла кувырком. Это проявилось прежде всего в том, что пекинские вузы мгновенно ста-

ли похожи на растревоженные улы. Занятия в университетах и школах прекратились, как оказалось, на десять лет, причем за эти годы более 160 млн. человек остались неграмотными или недоучками.

Начались нескончаемые митинги, появилась масса обличительных листовок, *дацзыбао* (заявлений о своей политической позиции, написанных от руки крупными иероглифами), малоформатных газет. Учащиеся стали громить сначала ректораты и парткомы своих вузов, а затем партийные и государственные учреждения.

Под лозунгом «Сжечь всю старую литературу!» развернулась кампания за уничтожение всех книг, изданных до «культурной революции». На улицах Пекина и других городов возникали многочисленные временные пункты приема книг из домашних библиотек. Иметь книги дома стало опасно для жизни, и население в «добровольно-принудительном» порядке приносило и привозило на тележках и на рикшах всю печатную продукцию, имевшуюся в доме, сдавало ее и получало взамен квитанции о сдаче книг. В вузах горели костры из книг. Одновременно уничтожались произведения искусства, предметы старины, разбивались на куски надгробия знаменитых людей.

Одним словом, уничтожению подлежало все «старье». От него следовало отречься. В *дацзыбао* можно было прочесть требование поменять местами значения красного и зеленого цвета светофоров на городских перекрестках. Красный цвет, «цвет революции», предлагалось считать разрешающим движение, а зеленый видеть запрещающим сигналом.

Китай вообще предлагалось сделать красным в прямом и переносном смысле этого слова. Был брошен клич: «Даешь красный океан!» И люди наперебой бросились красить ограды и стены своих домов сплошь в красный цвет. Мао Цзэдуна именовали «самым-самым красным солнцем»; отряды юнцов, выполнявших его призывы и указания, получили название «красной стражи» или «красной гвардии» — по-китайски *хунвэйбин*.

В Китае, где ранее чтили старость, пожилые люди, в первую очередь грамотные и образованные, в мгновение ока стали презируемым классом. Ведь всякое знание виделось присущим лишь «нечисти», которую надо было «вымести», смести с лица земли. Считалось, что культурные старые люди — это та самая «нечисть», в душе которой таится «вредное старье». Молодежь действовала в соответствии с призывом: «Добраться до души!» Юнцы гоняли стариков по улицам, стегая их ремнями с большими и тяжелыми металлическими бляхами.

Во дворах музеев, театров, библиотек, да и в других местах образованных и прежде уважаемых людей заставляли заниматься тяжелым и никчемным физическим трудом, перетаскивать камни с места на место, ставили коленями на кирпич или заставляли стоять с камнями на голове. Стало известно, что в знак протеста против издевательств покончил с собой писатель с мировым именем Лао Шэ. Прокатилась волна самоубийств.

Это было время, когда никто в КНР не мог чувствовать себя в безопасности. Любого человека могли избить, подвергнуть издевательствам, лишиться свободы или убить. Обыски без санкции прокуратуры в частных домах, избияния людей стали повальными.

Все это осуществлялось руками житейски неопытных молодых людей. Но буквально за их спинами стояли чиновники из властных структур. Органы безопасности, армия действовали, выполняя планы Мао Цзэдуна. Вместо прежней структуры партийной и государственной власти он ввел в действие новый механизм: прежний отдел пропаганды ЦК КПК был заменен новым органом — «группой по делам культурной революции»; организационная и кадровая работа в партии была передана Чжоу Эньлаю; органы политического сыска и внутри партии и в стране в целом осуществляли планы уничтожения всех тех, в ком Мао Цзэдун видел своих политических противников. Именно они доводили до отрядов молодежи материалы из архивов ЦК КПК, на основании которых и появлялись обвинения в адрес людей и в Пекине, и по всей стране. Они же составляли списки, руководствуясь которыми молодые люди — члены «массовых революционных организаций» проводили обыски, аресты, творили расправу.

«Культурная революция» — это одна из самых страшных катастроф в истории человечества в XX в. По официальным данным, во время этого бедствия пострадали, т.е. либо погибли, либо были в той или иной степени изувечены, репрессированы, более 100 млн. человек.

В ходе «культурной революции» Мао Цзэдун представлял себя в качестве «новой власти», а Лю Шаоци и тех, кто выправлял последствия ошибок периода «великого скачка» и «народных коммун», в качестве «старой власти», «обуржуазившихся» и «обюрократившихся» чиновников, которые наносят вред всем людям в Китае. Председатель Мао называл свою «культурную революцию» «пролетарской» потому, что он хотел заставить массы людей в Китае поверить, что он поднимает их, «неимущих», т.е. «пролетариат», на новую «великую революцию» против «новой буржуазии», которой стала партийная номенклатура в КНР за 17 лет мирной жизни.

Мао Цзэдун умело использовал недовольство, которое вполне естественно и закономерно накопилось у населения страны за годы управления страной Коммунистической партией Китая во главе с ним самим, обратив это недовольство против тех, кто действительно стремился изменить положение к лучшему. При этом в качестве главного борца против всего того, чем были недовольны люди, он представил себя.

Еще одной из страниц периода «культурной революции» была подготовка к войне против СССР. Проявлением этой политики было заранее спланированное убийство безоружных советских погранпредставителей на острове Даманском и начало серии вооруженных нападений на советские пограничные части в 1969 г. Кроме того, внутри страны заблаговременно очищался тыл от «национальных предателей», т.е. от людей, которых обвиняли в том, что они хорошо относились к Советскому Союзу. Их называли «советскими шпионами», была организована «охота на ведьм».

Мао Цзэдун обращал ненависть подраставших поколений против многих иностранцев, проводились акции против целого ряда посольств. Погромщики врывались в здания посольств Индонезии и Монголии. Было сожжено здание диппредставительства Великобритании.

Часто бушевали страсти у посольства СССР, проводились массовые митинги. Были попытки перелезть через стену, чтобы бесчинствовать на территории посольства. Сотрудники посольства могли остановить и продержат несколько часов в окружении возбужденной толпы. Жены и дети работников советского посольства вынуждены были покинуть страну. На аэродроме их встречала толпа бесновавшихся молодых «революционеров»; их толкали, пинали, всячески оскорбляли. Всех улетающих насильно заставляли нагибаться и проходить в таком положении под портретом «великого вождя».

Демонстрация Мао Цзэдуном вражды к СССР была в числе причин, побудивших США пересмотреть свои отношения с КНР. В 1970 г. начались первые секретные контакты представителей Пекина и Вашингтона, а в 1971 г. помощник президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер тайно посетил Пекин. Там было решено, что президент США Р. Никсон совершит визит в КНР в 1972 г. В результате этого визита стороны установили межгосударственные отношения.

В 1970 г. на пленуме ЦК КПК проявились противоречия между Мао Цзэдуном и Линь Бяо. Последний считал, что он должен занять пост председателя КНР, который стал вакантным в связи с гибелью в 1969 г. Лю Шаоци, доведенного до мучительной смерти в заключении. Линь Бяо не был также согласен с курсом на подготовку войны против СССР, а также с тем, чтобы формально «уравнять» отношения с Советским Союзом с характером взаимоотношений с США.

Мао Цзэдун собрался устранить Линь Бяо, настраивая против него других военачальников. Узнав об этом в сентябре 1971 г., в безвыходной ситуации Линь Бяо вынужден был вылететь в направлении СССР, но его самолет разбился на территории Монголии.

После его гибели Мао Цзэдун стал продвигать на высокие посты выдвиженцев «культурной революции». В составе Политбюро ЦК КПК на X съезде партии в 1973 г. появился Хуа Гофэн, который еще в 1962 г. выступил против позиции Лю Шаоци. Разруха в стране заставила председателя ЦК КПК поставить во главе правительства вместо тяжело заболевшего Чжоу Эньлая Дэн Сяопина, которого он на время «культурной революции» как бы перевел на «запасной путь». Дэн Сяопин не подвергался репрессиям в ходе «культурной революции». Мао Цзэдун особенно ценил, что он полностью разделял его взгляды на СССР как на «военного врага».

В 1975 г. была принята новая конституция КНР. В ней было закреплено существование «народных коммун», а также новых органов власти — «революционных комитетов», которые заменили прежние органы административной власти на местах — «народные комитеты».

В конце 1975 г. после болезни умер Кан Шэн. В январе 1976 г. от рака скончался Чжоу Эньлай. Мао Цзэдун лишился обоих главных помощников. После смерти последнего протест населения, по сути дела направленный против политического режима, установленного в стране, и против тяжелого материального положения, прорвался в форме массовых манифестаций, формально связанных с днем поминовения усопших 4 апреля 1976 г. Демонстранты славили имя Чжоу

Энъяла, что позволяло им проявлять свое недовольство существовавшей властью. Эти выступления грозили перерасти в требования политических перемен в стране. Мао Цзэдун считал, что это представляет собой угрозу и государству, и партии, и его собственному положению и власти. Демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине были жестоко подавлены. В стране и в партии начались новые массовые чистки. Тогда Мао Цзэдун выдвинул на пост своего преемника Хуа Гофэна, назначив его главой правительства. Дэн Сяопин был снова отведен на «запасной путь», т.е. снят с руководящих постов, но не исключен из партии и не репрессирован.

В мае 1976 г. Мао Цзэдун серьезно заболел. В этот момент активную роль начал играть председатель постоянного комитета ВСНП маршал Чжу Дэ. Однако он был слишком стар, дни его были сочтены, он скончался в июле 1976 г.

Наконец, череда смертей прежних руководителей КПК достигла кульминации. 9 сентября 1976 г. умер Мао Цзэдун. Окончилась продолжавшаяся 27 лет эпоха его правления в Китае. И дело было не только в его физической смерти, но и в том, что без него не могли существовать в неизменном виде созданные при нем политическая и экономическая структуры. И теоретические основы режима, и его практическая внутренняя и внешняя политика потерпели фиаско, завели страну в тупик. Конец системы был неизбежен.

В конце правления Мао Цзэдуна страна находилась в состоянии глубокого экономического кризиса. На протяжении 20 лет, с 1958 по 1978 г., доля национального дохода, приходившегося в среднем на одного человека, по существу не увеличивалась. В начале 1950-х годов по уровню экономического развития КНР почти не отличалась от Южной Кореи, Сянган (Гонконга) и Тайваня или же этот уровень был даже несколько выше. В конце 1950-х они по уровню развития уже начали обгонять КНР. Спустя 20 лет она уже намного отставала от них.

В конце периода «культурной революции» и промышленное и сельскохозяйственное производство переживало серьезные трудности. В сфере индустрии наблюдались аномальные явления: тяжелая промышленность находилась в состоянии «самоциркуляции». Иными словами, в ходе индустриального развития слепо расширяли тяжелую промышленность, устроили погоню за количеством стали, нефти, автомобилей и некоторых других видов продукции, что привело к тому, что сфера промышленности не служила потребностям рынка, а была поставлена на службу росту производства, увеличению валовых показателей. Таким образом, развитие тяжелой промышленности было оторвано от требований планомерного и пропорционального сбалансированного развития экономики. Так сформировалось то, что в Китае называли «флюсом самоциркуляции». Имела место серьезная нехватка продукции легкой промышленности.

Ситуация в области сельского хозяйства была еще более ужасающей. В 1978 г. материальный уровень жизни деревенского населения в двух третях районов страны был ниже, чем в начале 1950-х годов, а в одной трети он опустился ниже уровня 1930-х годов. В 1978 г. среднегодовой доход 800 млн. крестьян страны составлял всего 76 юаней; в том числе 200 млн. крестьян имели доход ниже

50 юаней в год; на душу населения в год приходилось менее 150 кг грубого, т.е. необмолоченного зерна. Крестьяне жили впроголодь, им нечего было надеть, царила нищета.

ТАЙВАНЬ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

В это время на Тайване экономическая ситуация была совсем иной. На Тайване и прилегающих к нему островах существовала так называемая Китайская Республика. К 1949 г. там проживало 6 млн. человек; из континентального Китая после победы КПК на остров перебрались около 2 млн. человек; то были по большей части люди состоятельные, а также военные и интеллигенция. Пеккин планировал перенос военных действий из континентального Китая на остров Тайвань.

Тайваньские власти под руководством Чан Кайши ввели чрезвычайное положение, объяснявшееся необходимостью защиты от возможного нападения. Проанализировав причины своего поражения, Чан Кайши пошел по пути перестройки правящей партии Гоминьдан Китая, развернул борьбу против коррупции и бюрократизма. Партию начали обновлять не за счет чиновничества, а за счет молодых интеллигентов, рабочих и крестьян. Был инициирован процесс «тайванизации» местных организаций Гоминьдана. В армии были введены политотделы и политработники. Предпринимались меры с целью вернуть поддержку частных владельцев как в городе, так и в деревне, решался аграрный вопрос, стимулировалось частное предпринимательство.

Начало реформы в деревне было положено в 1949 г. ограничением размера арендной платы. В 1953 г. власти провели принудительный выкуп сдававшейся в аренду земли. В результате этих мероприятий почти 90% крестьян стали собственниками, в то время как до реформы две трети из них были арендаторами.

Благодаря этому тайваньская деревня сумела накормить быстро растущее население острова и направить излишки на экспорт. Успехи обновленного сельского хозяйства стали надежным фундаментом социально-экономического развития Тайваня. В конце 1950-х годов власти на Тайване осуществили приватизацию государственной собственности и создали систему юридических и экономических мер, поощрявших частные капиталовложения в промышленность.

Важную вспомогательную роль в экономических преобразованиях на Тайване сыграла помощь США. С 1951 по 1965 г. США предоставили Китайской Республике военную помощь в объеме примерно 2,5 млрд. долл. и экономическую — немногим меньше 1,5 млрд. долл. Большое значение имела стратегия американской помощи, которая исходила из признания необходимости сохранения правительственного контроля над инфраструктурой и немногими отраслями промышленности при стимулировании частного национального и иностранного предпринимательства в остальных хозяйственных сферах.

В середине 1950-х годов на Тайване перемены в экономической политике происходили ускоренными темпами. На рубеже 1960-х годов иностранные инвесторы получили существенные льготы. Иностранным банкам разрешили открывать свои представительства. В 1965 г. частному капиталу были предоставлены

новые льготы. Для иностранных инвесторов учреждались специальные «зоны экспортного производства», и во второй половине десятилетия приток иностранных капиталов заметно увеличился.

Сильная авторитарная власть и стабильное политическое положение способствовали проведению активной государственной экономической политики. К концу 1960-х годов внутренний рынок был полностью насыщен, промышленность переориентировалась на экспорт. Среднедушевой доход вырос со 137 долл. в 1951 г. до 466 долл. в 1973 г.

При этом разрыв в уровне доходов между богатыми и бедными сокращался. Быстрый рост производства и торговли вывел Тайвань на уровень наиболее быстро развивающихся стран Дальнего Востока. Именно в это время заговорили о «тайваньском экономическом чуде», причислили Тайвань к новым индустриальным странам, включили его — наряду с Корейской Республикой, Гонконгом и Сингапуром — «в четверку драконов».

К середине 1970-х годов существенно изменилась социально-экономическая ситуация на Тайване в результате того, что власти инициировали быстрое развитие частной собственности и частного предпринимательства, пошли по пути приватизации, активно поддерживали мелкого и крупного собственника. Начался процесс отделения власти от собственности, хотя государственное регулирование и государственная собственность продолжали играть в экономической жизни решающую роль.

Одновременно власть на Тайване оставалась в руках одной партии, страной правил один президент — Чан Кайши. Но сумев создать «тайваньское экономическое чудо», он тем самым способствовал складыванию определенных предпосылок для эволюции политического режима в сторону многопартийности и демократии.

КНР В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

После смерти Мао Цзэдуна формально руководство партией и государством было сосредоточено в руках Хуа Гофэна, который возглавлял и Военный совет ЦК КПК, и ЦК КПК, и КНР. Практически же делами партии ведал заместитель председателя ЦК КПК Ван Хунвэнь. Важную роль играла вдова Мао Цзэдуна Цзян Цин, а также фактический руководитель правительства Чжан Чуньяо.

Но ни у кого из них не было реальной власти над вооруженными силами. Ею обладал заместитель председателя Военного совета ЦК КПК маршал Е Цзяньин. Такое двоевластие не могло продолжаться долгое время. Между двумя группами руководителей — прежними, представителем которых выступил тогда маршал Е Цзяньин, и новыми, выдвиженцами «культурной революции», главной фигурой среди которых была Цзян Цин, — в борьбе за власть существовали непримиримые противоречия.

Последние планировали отстранение многих старых руководителей от власти, а также массовые репрессии в стране. Однако их опередили. 6 октября 1976 г. в соответствии с планом, разработанным и осуществленным Е Цзяньином при

согласии Хуа Гофэна, были арестованы и изолированы Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь и идеолог Яо Вэньюань. Их окрестили «четверкой» и лишили всех партийных и государственных постов.

После отстранения от власти «четверки» формально высшим руководителем оставался Хуа Гофэн, занимая посты председателя Военного совета ЦК КПК, председателя ЦК КПК, председателя КНР и премьера Государственного совета КНР. Он был намерен ни в чем не отступать от курса, определенного Мао Цзэдуном. Предпринимались попытки создать культ личности Хуа Гофэна, его стали называть «мудрым вождем».

Причина, по которой он оставался у власти, состояла, в частности, в том, что к тому времени две трети членов КПК, 20 млн. человек, составляли люди, вступившие в партию во время «культурной революции». На Хуа Гофэна смотрели как на представителя всех выдвиженцев того периода.

Но и старые руководители обладали силой и большими возможностями. Они не растеряли прежние связи и не утратили влияние на «своих людей» в аппарате. Уцелели в огне репрессий и принялись активно действовать два человека, занимавшие высокие посты еще до «культурной революции». Это Чнь Юнь, который был в свое время одним из заместителей председателя ЦК КПК и остался самым старшим по положению в партийной иерархии, и Дэн Сяопин, бывший генеральный секретарь ЦК КПК (т.е. по положению и старшинству он уступал Чнь Юню). Старые функционеры настойчиво требовали пересмотреть кадровые решения периода «культурной революции» и возразить им «доброе имя» и прежнее положение в руководящих органах КПК.

Весной 1977 г. от Хуа Гофэна потребовали подвергнуть критике «культурную революцию», реабилитировать репрессированных во время «десятилетней смуты», как стали ее именовать. В марте 1977 г. Чнь Юнь выступил за возвращение Дэн Сяопина к активной деятельности.

В августе 1977 г. на пленуме ЦК партии Дэн Сяопина восстановили на постах, которые он занимал до отстранения весной 1976 г.: заместителя председателя ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета КНР, начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая.

Таким образом, параллельно развивались два процесса: с одной стороны, продолжалось проведение политики, начатой во время «культурной революции»; с другой стороны, началось возвращение к политической деятельности так или иначе ущемленных или действительно пострадавших в те годы деятелей.

В августе 1977 г. состоялся XI съезд КПК. Выступая на этом съезде, Хуа Гофэн повторил лозунги периода «культурной революции», включая призыв строить социализм по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее». Он настаивал на внедрении «опыта Дачина и Дачжая», обещал и впредь проводить кампании по типу «культурной революции».

Но это было по преимуществу словесное подтверждение лозунгов революционного периода. На деле имела место ожесточенная борьба внутри партии за перераспределение постов. Выдвиженцы «культурной революции» хотели сохранить их, а старые функционеры — вернуть.

На очередной сессии ВСНП в феврале–марте 1978 г. Хуа Гофэн предложил план «четырёх модернизаций», т.е. вывода на современный мировой уровень промышленности, сельского хозяйства, науки и армии. План предполагалось осуществить за счет западных кредитов, интенсивного импорта современных технологий и оборудования из промышленно развитых стран.

Однако попытки добиться молниеносного ускорения темпов экономического развития, предпринимавшиеся после смерти Мао Цзэдуна и не предусматривавшие сколько-нибудь радикального изменения самой экономической политики, не могли не закончиться провалом. При Хуа Гофэне страна лишь еще ближе подошла к грани экономического краха. Провал очередной попытки осуществления «великого скачка» лишний раз убеждал в том, что без глубоких и всесторонних реформ решение экономических и других проблем Китая невозможно.

Весной 1978 г. в печати была начата кампания под лозунгом «практика — вот единственный критерий истины». Она была направлена против Хуа Гофэна, других выдвинутых «культурной революции» и, по сути дела, против курса Мао Цзэдуна. Важную роль в организации этой кампании сыграл Ху Яобан. До «культурной революции» он занимал пост первого секретаря Коммунистического союза молодежи Китая, во время ее проведения был репрессирован.

Весной 1978 г. Ху Яобан, будучи руководителем Высшей партийной школы ЦК КПК, подготовил к публикации статьи, положившие начало новой кампании. Призыв, скрытый в них, был понятен: на существование имеет право лишь та политика, которая обеспечивает экономическую эффективность.

Это была своего рода подготовка к решительной схватке с выдвинутыми «культурной революции». В декабре 1978 г. состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, который ознаменовался победой над ними. Пленум постановил прекратить политические кампании. По сути дела, речь шла об отказе от курса на перманентную революцию, на продолжение и обострение классовой борьбы внутри страны и о переходе от «революции» к строительству, к сосредоточению усилий на решении проблем экономического характера. На пленуме были сняты обвинения с «маршала правды» Пэн Дэхуая. В составе руководства КПК прочно заняли свои места главные фигуры постмаоцзэдуновского Китая — Ху Яобан, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин.

Проблемы экономической стратегии в решениях пленума были затронуты лишь отчасти. Главным было отрицание «опыта Дачжая», что означало отказ от ставки на формы социальной организации в деревне, подобные «народным коммунам». Была подвергнута критике политика Хуа Гофэна, направленная на осуществление нового «великого скачка».

В июне–июле 1979 г. состоялась очередная сессия ВСНП, на которой было принято решение о проведении в течение трех лет (1979–1981) политики «урегулирования» в экономике страны. За счет сокращения капиталовложений в тяжелую промышленность предполагалось ускорить развитие легкой, особенно текстильной, промышленности. Была принята программа конверсии военной промышленности, с тем чтобы обеспечить массовый выпуск товаров длительного пользования — велосипедов, часов, холодильников, стиральных машин, телеви-

зоров. Приоритетной сферой стало и сельское хозяйство: были существенно повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию; машиностроение было во многом ориентировано на производство сельскохозяйственного инвентаря, оборудования для ирригационных систем и т.п.

Успешное осуществление этой политики привело к значительному росту товарной массы, в корне изменило положение на потребительском рынке. За три года резко снизился товарный дефицит, начался процесс оздоровления денежного обращения. Быстро стал увеличиваться экспорт потребительских товаров. Существенно выросла доля фонда потребления в национальном доходе, была прервана тенденция снижения жизненного уровня населения, и начался его рост, в том числе и в деревне. Экономические и социальные последствия «урегулирования» создавали благоприятные условия для политических перемен в стране, прежде всего для изменений в составе руководства.

Впрочем, уже в сентябре 1979 г. на очередном пленуме ЦК КПК была безоговорочно осуждена «культурная революция». Заместитель председателя ЦК КПК, председатель Постоянного комитета ВСНП маршал Е Цзяньин в докладе по случаю 30-й годовщины образования КНР, утвержденном на пленуме, дал оценку «культурной революции», которая отражала отношение к ней в глубине души всех мыслящих и чувствующих людей Китая. «Культурная революция» была в этом докладе расценена как «потрясающее, чудовищное бедствие», в ходе которого насаждалась «диктатура насковзь прогнившего и самого мрачного фашизма с примесью феодализма».

В дальнейшем Ху Яобан отмечал, что в «культурной революции» не было ничего положительного. Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, лично не пострадавшие во время «культурной революции» и, очевидно, благодарные Мао Цзэду за это, а также разделявшие ряд его идей, никогда не осуждали «культурную революцию» так, как это делали Е Цзяньин и Ху Яобан. В январе-феврале 1980 г. на пленуме ЦК КПК был восстановлен пост генерального секретаря ЦК КПК. На этот пост был избран Ху Яобан. Фактически с этого времени Хуа Гофэн утратил положение единственного высшего руководителя партии.

В августе 1980 г. Хуа Гофэну пришлось уйти с поста премьера Госсовета КНР. На это пост был назначен Чжао Цзяян, известный смелыми реформами в самой многонаселенной (100 млн. человек) провинции Китая Сычуани. Он также отличался последовательным и глубоким отрицанием «культурной революции» и курса Мао Цзэдуна. Наконец, в 1981 г. на очередном пленуме ЦК КПК председателем ЦК КПК был избран Ху Яобан. В дальнейшем, когда пост председателя был упразднен, он остался генеральным секретарем ЦК КПК.

Таким образом, с 1980 по 1987 г., на протяжении первых семи-восьми лет реформ в Китае, официальным высшим руководителем КПК был Ху Яобан. Это не было лишь формальное положение. Именно он был «мотором» при продвижении по пути демократизации в партии и в стране, а также при осуществлении всех экономических реформ рыночного характера, прежде всего в китайской деревне. Однако Ху Яобану всегда приходилось учитывать мнение Чэнь Юня и Дэн Сяопина. Эти «два старца» находились «на второй линии», но без их согласия

было невозможно сделать ни одного существенного шага в управлении партией и государством. Такова была сложная структура управления делами в КНР в 1980-х годах.

Необходимо также подчеркнуть, что пост председателя ЦК КПК был упразднен далеко не случайно. Дело в том, что занимающий этот пост по традиции был одновременно и председателем Военного совета ЦК КПК.

Главная ветвь власти в КНР — это власть над вооруженными силами, а она сосредоточена в руках председателя Военного совета ЦК КПК. Армия в Китае практически являлась не только армией государства, но прежде всего армией правящей партии и находилась под ее «абсолютной властью».

В 1981 г. пост председателя Военного совета, позволявший сосредоточить в своих руках реальную высшую власть в стране, занял Дэн Сяопин. Даже не будучи членом ЦК КПК, а всего лишь рядовым членом партии, он продолжал занимать этот пост вплоть до осени 1989 г. На практике это означало, что именно ему принадлежала верховная власть.

Осенью 1980 — зимой 1981 г. состоялся судебный процесс над «четверкой». Это было политическое осуждение «культурной революции». На суде Цзян Цин заявила, что во время «культурной революции» она выполняла волю Мао Цзэдуна. Цзян Цин и другие были приговорены к смертной казни с отсрочкой приведения приговора в исполнение на два года, затем смертная казнь была заменена пожизненным заключением.

В 1981 г. на пленуме ЦК КПК было принято «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». Документ получился компромиссным. В нем нашли свое отражение и отношение к Мао Цзэдуну тех, кто пострадал в период его правления, особенно в ходе «культурной революции», кто видел ошибочность и преступность его курса, и позиция тех, кто был тесно связан с ним, кто разделял в той или иной мере его взгляды. В этом «Решении» Мао Цзэдуну ставилась в заслугу победа, в результате которой и была образована КНР. В документе отмечались и его «ошибки», начиная с «великого скачка», говорилось и о жесточайших репрессиях. Общая оценка Мао Цзэдуна была такой, на которой настояли Дэн Сяопин и Чэнь Юнь, а именно: «...его заслуги занимают главное, а ошибки второстепенное место». Дэн Сяопин говорил, что портрет Мао Цзэдуна будет «вечно висеть» на главной площади столицы КНР.

В Китае в то время многие понимали половинчатость и ущербность такой оценки политики Мао Цзэдуна. Гласное и публичное признание его «ошибок» явилось следствием непреодолимого давления настроений подавляющего большинства населения страны, в том числе и членов партии. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что номенклатура КПК подвергалась жестоким репрессиям во время его правления. К концу 1982 г. было возвращено доброе имя примерно трем миллионам кадровых работников партии. Ведущую роль при осуществлении массовой реабилитации и возвращении людям их доброго имени сыграл Ху Яобан. Он внес предложение о пересмотре более 100 тыс. несправедливых «дел», по которым проходили более 100 млн. человек.

Противоречивым было не только отношение к самому Мао Цзэдуну, но и к его идеологии, его внутренней, прежде всего экономической, и внешней по-

литике. Самые крупные и решительные изменения происходили в сфере экономики. Большинству было очевидно, что здесь маоцзэдуновский курс завел страну в тупик.

В то же время в ходе всего процесса реформ в Китае никогда не прекращалась борьба вокруг вопроса о том, что должно быть главным в экономике — рынок или план. В 1982 г. Чэнь Юнь выдвинул тезис о том, что главной должна стать плановая экономика. В противовес ему в 1985 г. Чжао Цзыян выступил с утверждением, что главное — осуществление реформ. без них у Китая нет выхода, он может добиться расцвета и могущества, только успешно осуществляя реформы. Разногласия в руководстве партии и страной, остатки веры в плановую экономику препятствовали последовательному осуществлению реформ.

Для большинства в то же время было совершенно очевидно, что необходимо полностью отказаться от курса Мао Цзэдуна по отношению к тому, что в Китае называют «тремя сельскими проблемами»: к селу, крестьянам и сельскому хозяйству. Предстояло отказаться не только от «народных коммун», но и от преобладания в сельской местности коллективных хозяйств.

Существовало и понимание того, что необходимо изменить идеологию, которой руководствовалась партия и которую она внедряла в умы жителей страны. Не было, однако, ни ясного представления о том, что именно делать, ни согласия в среде тех, кто определял эту политику. Одни считали необходимым фактически отказаться от «идей» Мао Цзэдуна и шли даже дальше, другие выступали за то, чтобы «поблажки» «буржуазной либерализации» носили незначительный и временный характер.

Наконец, в области внутренней политики также не было единства во взглядах. Одни члены руководства считали политические реформы необходимыми, а другие стремились сохранить созданный режим управления в неприкосновенности; при этом речь шла и о месте и роли правящей политической партии, т.е. КПК. Вставал вопрос об изменении фактически однопартийной системы, о многопартийности. Одни были готовы, во всяком случае, начать продвижение по этому пути, другие резко возражали против любых существенных изменений.

Одним словом, в партии, да и в стране в целом после смерти Мао Цзэдуна начались процессы, в ходе развития которых обсуждались и в практическом, и в теоретическом плане две главные проблемы применительно к ситуации внутри страны: вопрос о рынке, о рыночной экономике и вопрос о демократии, о демократизации политической жизни в стране.

Вставал и вопрос о переменах во внешнеполитическом курсе. Под давлением исторического опыта и реальной ситуации в стране как бы сам собой уходил на задний план весь заряд борьбы на мировой арене за социализм, коммунизм, интернационализм, классовую и национально-освободительную борьбу в мировых масштабах. Было очевидно, что придется сосредоточиться на внутренних делах, на решении собственных проблем Китая, причем это потребует многих десятилетий, если не столетий. Вся внешняя политика при этом должна была быть подчинена решению экономических задач. Поэтому на мировой арене требовалось занять позиции, позволяющие обеспечивать не только национальную безопасность

и мир, но и создание у всех партнеров Китая уверенности, что он не будет агрессивен, не будет осуществлять или готовиться осуществить свои намерения восстановить страну в ее прежних границах, вернуть «утраченные территории», а следовательно, не будет угрожать военным давлением или войной соседним странам

Более того, вставала задача наладить нормальные мирные отношения со всеми государствами, включая, а точнее, даже прежде всего США и их союзников — индустриально развитые страны. Мао Цзэдун начал это делать, но на основе общей с Вашингтоном враждебности к СССР. Очень важно было найти пути перехода от политики замкнутости, самоизоляции Китая от внешнего мира к его выходу во внешний мир, к «открытию дверей в мир».

В целом в сфере внешней политики речь шла прежде всего о необходимости подходить к проблемам войны и мира иначе, чем раньше. Здесь в КПК существовали разные мнения. Были люди, в первую очередь такие, как Ху Яобан и Чжао Цзыян, которые выступали за полный отказ от идеи Мао Цзэдуна о неизбежности не просто мировой, но мировой термоядерной войны; это означало и пересмотр взгляда на отношения с Советским Союзом, и отказ от состояния конфронтации с ним. Были и те, кто ухитрялся принимать и в этой области половинчатые решения.

При всем этом в первые годы после смерти Мао Цзэдуна инерция продолжения его внешнеполитического курса сохранялась. Более того, именно в силу того, что внешнюю политику в весьма значительной степени определял Дэн Сяопин, сохранялось и даже усугублялось враждебное отношение к СССР. Он, впрочем, обосновывал такую враждебность тем, что именно благодаря продолжению прежнего курса удается извлечь прямые экономические выгоды для Китая в его отношениях с США.

В 1978 г. было объявлено об установлении дипломатических отношений между КНР и США (на практике они были установлены в 1979 г.). С того времени стали быстро развиваться политические, экономические и иные связи между двумя государствами. Началось взаимное зондирование возможностей военного сотрудничества. В январе–феврале 1979 г. Дэн Сяопин совершил визит в США. В итоговом коммюнике стороны провозгласили совместную оппозицию «гегемонизму третьих стран». Дэн Сяопин открыто призвал к созданию единого фронта борьбы против СССР, считая, что в него должны были войти КНР, США, Япония, государства Западной Европы.

Осуществляя прежнюю внешнюю политику, Пекин продолжал поддерживать власть «красных кхмеров» и их «вождя» Пол Пота в Камбодже, чье правление обернулось, как известно, убийством миллионов камбоджийцев. Помощь Вьетнама ангиполпотовским силам Пекин использовал как предлог для давления на Ханой. В феврале–марте 1979 г. Дэн Сяопин решил «преподать ему урок». Вооруженные силы КНР вторглись в северную часть Вьетнама, но, встретив упорное сопротивление и понеся потери, вынуждены были ретироваться. фактически признав свое военно-политическое поражение.

Все же главным вопросом в годы, последовавшие за смертью Мао Цзэдуна, стало определение экономической политики. Ситуация требовала не тактиче-

ских, а стратегических изменений. Экономическое развитие в рамках тоталитарного режима вело в никуда, в тупик, обрекало на отсталость.

Движение Китая в сторону экономических преобразований началось с сельского хозяйства. Причем это произошло стихийно, т.е. не по воле и не по решению КПК. Именно крестьяне при правлении Мао Цзэдуна пострадали больше всех остальных слоев китайского общества; именно их материальные интересы были в наибольшей степени ущемлены системой, созданной в соответствии с его идеями и политикой. Поэтому появление стихийного протеста крестьян после его смерти было неизбежным. Они ощутили ослабление режима, созданной им системы страха.

В декабре 1978 г. крестьяне большой производственной бригады в провинции Аньхой, спасаясь от голодной смерти, приняли решение о разделе земли своей бригады по дворам. Этот метод получил название «закрепления производственных заданий за крестьянскими дворами», так как имелось в виду, что по контракту крестьянскому двору передавался определенный участок земли, причем в следующем году часть собранного крестьянином зерна сдавалась государству, а остальным он распоряжался сам.

Крестьяне номинально не претендовали на приватизацию земли, на изменение формы земельной собственности — они хотели лишь изменить порядок землепользования, оставаясь, по сути дела, арендаторами казенной земли. Так фактически рождался подворный подряд, вскоре изменивший облик китайской деревни, да и всей страны в целом.

Традиционное мышление китайских крестьян стихийно изобрело то, что, с одной стороны, позволяло властям «сохранить лицо», ибо не требовало от них формально вводить частную собственность на землю; с другой стороны, было полным отрицанием прежней системы. По сути дела, коллективное хозяйство и коллективная собственность в китайской деревне исчезали и заменялись порядком, при котором каждый крестьянин, его семья фактически отбирали свой участок у государства, у «народной коммуны» или большой производственной бригады и брали его в свое распоряжение. Крестьяне соглашались договориться с государством относительно налогов и продажи части произведенной ими продукции, но тем самым отрицалась социалистическая идея обобществления труда и хозяйства в деревне.

Это был первый и самый важный пересмотр идей и политики Мао Цзэдуна. Важно еще раз подчеркнуть, что, идя к власти, он пытался представить себя выразителем интересов крестьянства, но, придя к ней, лишил крестьян земли и собственности, и в конце концов превратился в их главного врага. Причем они первыми отвергли его теорию и практику.

Стихийные действия спасавшихся от голода крестьян первоначально не встретили поддержки в Пекине, прежде всего у отвечавших за экономическую политику Чэнь Юня и Ли Сяньняня. Таким образом, переход участков земли в пользование крестьянских семей не был начат и даже не был поддержан руководителями ЦК КПК, он совершился практически вопреки официальному курсу компартии.

В конце 1979 г. в решении пленума ЦК КПК по вопросам сельского хозяйства отмечалось, что можно осуществлять подсчет выплат при совместном производстве нескольких крестьянских дворов по контракту, что надо повышать цены на сельскохозяйственную продукцию, однако «не разрешается закреплять производственные задания за крестьянскими дворами и делить поля для работы в одиночку». Таким образом, инициатива крестьян из провинции Аньхой не была поддержана.

Однако их эксперимент принес эффект: в первый же год была устранена угроза голода. В провинции Аньхой в июне 1979 г. первый секретарь провинциального комитета КПК Вань Ли побывал в упомянутой деревне и поддержал своих крестьян. В провинции Сычуань первый секретарь провинциального комитета КПК Чжао Цзыян ратовал за осуществление такого же курса в Сычуани и других провинциях. Так Вань Ли и Чжао Цзыян стали теми провинциальными руководителями, которые первыми поддержали изменение системы.

Крестьянский прорыв показал эффективность частных форм производства, важность частной инициативы, огромное значение рыночных отношений для стимулирования производства. Ситуация напоминала ту, что существовала в начале 1960-х годов при руководстве Лю Шаоци и в то же время была принципиально иной. Речь шла уже не только о методах восстановления хозяйства, но и о глубоких идеологических и социальных переменах. Стихийно возникшая в среде крестьян эффективная форма спасения от голода и налаживания сельскохозяйственного производства открывала возможность для тех в руководстве страны, кто нащупывал пути изменения ситуации, искал и выдвигал новые механизмы развития всех отраслей хозяйства в рамках естественного, рыночного, основанного на личной инициативе подхода.

Неогъемлемой частью новой экономической политики была и идея «открытости» Китая для остального мира. В принципе почти всем было очевидно, что оставлять страну в ее прежней ситуации самоизоляции невозможно. Одни руководители выступали за «открытие дверей» и из Китая, и в Китай. Другие предпочитали «открывать двери» из Китая, оставляя двери в Китай закрытыми для иностранцев и их идеологии.

В 1982 г. на XII съезде КПК были зафиксированы принципиальные изменения во внешней политике страны. Идея неизбежности мировой термоядерной войны и необходимости подготовки к такой войне была отвергнута. Провозглашалось, что внешняя политика призвана служить модернизации Китая.

В 1984 г. тогдашний глава правительства КНР Чжао Цзыян заявил, что «продолжительная напряженность и конфронтация в китайско-советских отношениях не отвечают интересам народов двух стран и интересам мира и безопасности во всем мире. Мы за нормализацию отношений с Советским Союзом на основе пяти принципов мирного сосуществования».

Через пять лет, в 1989 г., состоялся визит руководителя СССР и КПСС М.С. Горбачева в КНР, во время которого было объявлено о нормализации межгосударственных отношений. Кстати, в ходе беседы с М.С. Горбачевым в Пекине 16 мая 1989 г. Дэн Сяопин выдвинул задачу «закрыть прошлое и открыть буду-

щее». Примечательным надо при этом считать следующее его высказывание: «Царская Россия с помощью неравноправных договоров захватила территорию Китая, превышающую 1,5 млн. кв. км. Мы всегда требовали, чтобы Советский Союз признал, что договоры, подписанные царской Россией с цинской династией, являются неравноправными, и что по этим договорам царская Россия отторгла территорию у Китая». Иными словами, Дэн Сяопин подтвердил позицию, занятую Мао Цзэдуном еще в 1964 г.

Надо полагать, что позиция Ху Яобана, Чжао Цзыяна и ряда других руководителей, пользовавшаяся, в частности, поддержкой Чэнь Юня, заставила Дэн Сяопина согласиться с объявлением о нормализации китайско-советских отношений. Вместе с тем он оставил в качестве постоянно нависающей над ними угрозы требование признать, что договоры о границе являются «неравноправными», а следовательно, сохраняется тезис о российском «территориальном долге» Китаю.

В 1980-х годах в КНР произошли большие изменения в деревне. Успех преобразований не только стимулировал проведение глубоких реформ в экономике в целом, но и создал продовольственный, сырьевой, финансовый, социальный базис для политики реформ. Новая организация сельскохозяйственного производства получила название «системы производственной ответственности». К 1982 г. этап экспериментов, в ходе которых были опробованы разные методы, завершился преимущественным утверждением системы «доведения производственных заданий до отдельного двора». Разумеется, это было невозможно без раздела земли «народных коммун» между дворами. Суть «производственной ответственности» состояла в том, что крестьянский двор, получив землю (в ряде случаев те же участки, что принадлежали ему прежде, до коллективизации), заключал контракт с руководством производственной бригады, представлявшим интересы государства. Контракт не ограничивал крестьян определенными формами хозяйственного использования земли, но предусматривал лишь уплату государству сельскохозяйственного налога и продажу государству части урожая. Все излишки, остававшиеся в крестьянском дворе, могли использоваться в зависимости от желаний крестьян и рыночной конъюнктуры. При этом были значительно повышены закупочные цены, и они были тем выше, чем больше сверхплановой продукции сдавалось государству.

Первоначально срок контракта был непродолжительным, но впоследствии, поняв, что это ограничивало инициативу крестьян, власти приняли соответствующие решения, и земля перешла, по сути дела, в наследственное владение или пользование крестьянских дворов. Наряду с этим были разрешены наем батраков, свободные закупки сельскохозяйственной техники (ко второй половине 1980-х годов уже две трети тракторного парка находились в руках индивидуальных хозяйств). Проведенная реформа была не чем иным, как шагом в направлении создания ориентированного на рынок крестьянского хозяйства, ведущегося на арендованной у государства земле.

Главным достижением этой радикальной для КНР земельной реформы было создание возможностей для проявления хозяйственной инициативы и предпри-

имчивости. Результаты не замедлили сказаться. Начался рост урожайности, что привело к стабильному увеличению сельскохозяйственного производства в целом. За четыре года, с 1980 по 1984 г., производство сельскохозяйственных культур выросло почти на 90 млн. т, увеличившись до 407 млн. т.

Разрешение продавать значительную часть произведенного крестьянами продукта на свободных рынках в качестве следующего вполне логичного шага было следствием смягчения государственного контроля над индивидуальным, а по сути дела частным предпринимательством. Наряду с государственным сектором в промышленной сфере и торговле стали складываться и новые частные структуры в области сначала мелкого, а затем и среднего предпринимательства в деревне и городе. К концу 1980-х годов вне непосредственного государственного централизованного контроля работали уже около половины занятых в промышленности. Иными словами, они трудились на предприятиях, принадлежащих частному сектору экономики. Благодаря новым позитивным процессам во второй половине 1980-х годов было создано примерно 70 млн. новых рабочих мест. Более чем вдвое выросли и доходы горожан. Ежегодный прирост промышленного производства в среднем превышал 10%.

В бурном росте производства, который инициаторы китайских реформ стремились соединить с рывком в технической модернизации хозяйства, важную роль сыграл и приток иностранных инвестиций и технологий. С целью стимулирования этих процессов стали образовываться «специальные экономические зоны» (СЭЗ), где создавались льготные условия для иностранного капитала.

Наиболее крупной из них стала зона Шэньчжэнь. Используя иностранную технику и технологию при эксплуатации дешевого труда китайских рабочих, в СЭЗ были построены сначала современные предприятия легкой промышленности, затем электроники, продукция которых предназначалась для экспорта. Валютная выручка использовалась для дальнейшей закупки за рубежом оборудования, материалов и технологических новинок.

Главную выгоду от всего этого получали иностранные деловые люди, большую часть которых составляли этнические китайцы, прежде всего жители Тайваня, Сянгана, а также Южной Кореи. Обогащались и чиновники соответствующих государственных структур и партийные функционеры.

По вопросу о создании СЭЗ в руководстве Китая существовали разногласия. Дэн Сяопин, Ху Яобан, Чжао Цзыян с самого начала занимали активную позицию в этом вопросе и поддерживали их создание. Чэнь Юнь, напротив, никогда не скрывал своего предвзятого отношения к специальным зонам; он — единственный руководитель Китая высокого ранга, который никогда не посещал эти зоны с «инспекционными поездками».

С наиболее сложными вопросами в КНР столкнулись при решении проблем государственного сектора экономики. В октябре 1984 г. на очередном пленуме ЦК КПК было принято решение о всесторонних экономических реформах в городе, т.е. о необходимости распространить реформу на госсектор. Суть реформы сводилась к сокращению сферы непосредственного государственного управления предприятиями и, как следствие этого, директивного планирования. Цель

этого курса заключалась в достижении максимально полного хозяйственного расчета в деятельности предприятий при сохранении государственной собственности.

Предприятия получили значительную экономическую свободу, что предусматривало право распоряжаться имеющимися фондами (при неприкосновенности основных фондов), определять численность занятых, размеры оплаты труда и материального стимулирования, даже устанавливать цены на производимую продукцию. Это сопровождалось переходом управленческих функций от парткомов, в которых главную роль играл секретарь парторганизации, в руки директорского корпуса. Постепенно начался и процесс акционирования государственных предприятий. Все это сталкивалось с почти непреодолимыми трудностями. Повышение производительности труда вело к появлению безработных, а это создавало новые социальные и экономические проблемы.

Проведение в жизнь программы реформ привело к существенному повышению общеэкономических показателей. За 1980-е годы средний душевой доход вырос в два раза, увеличившись с 250 до 500 долл. (в постоянных ценах), хотя при этом КНР продолжала оставаться одной из наиболее бедных стран мира. Бесспорные достижения в экономическом развитии сопровождались появлением новых проблем. После периода быстрого роста развитие сельскохозяйственного производства во второй половине 1980-х годов замедлилось. Это произошло в значительной степени из-за исчерпанности действия такого фактора, как хозяйственная инициатива. Свободный, по сравнению с минувшими временами, труд на себя, на своем земельном участке, пусть не на собственном, но полученном в длительное пользование, на некоторое время стимулировал крестьян. Однако очень скоро они ощутили, что пределы роста их благосостояния ограничены. Они также стали задумываться над тем, не отберут ли у них и землю, и собственность.

Надо сказать, что китайская деревня в первой половине 1980-х годов стала преобразоваться, из одноэтажной она становилась двух- и трехэтажной. Крестьяне стремились вкладывать деньги в строительство новых домов, которые, как они полагали, у них могут отнять в последнюю очередь. В то же время они перестали смотреть на землю как на постоянный и вечный источник существования и обретения достатка. Главная причина состояла в том, что не был решен вопрос о собственности на землю. После 1984 г. темпы роста сельскохозяйственного производства начали снижаться.

Между тем попытки государства уйти от директивных отношений с сельским производителем, предоставив ему право самому решать вопрос, продавать ли зерно государству или использовать механизмы рынка, могли закончиться массовым отказом крестьянства от производства зерновых. Это, в свою очередь, ставило под угрозу главное достижение реформ — самообеспечение продовольствием. В результате экономическая политика властей в области сельского хозяйства представляла собой циклический процесс, сопровождавшийся то усилением, то ослаблением давления властей на деревню. Власти никак не могли выравнивать уровень жизни в городе и в деревне, они бросались из крайности в крайность, то «подкармливая» город, то поддерживая деревню. В конце 1980-х годов

иногда возникал дефицит продовольствия, что вызывало необходимость закупок зерна за рубежом.

Весьма существенной оставалась и проблема преобразований в государственном секторе экономики. Реформы второй половины 1980-х годов не смогли сделать этот сектор экономически эффективным. Осуществленные преобразования, направленные на предоставление государственным предприятиям более ощутимой экономической свободы, стимулировали развитие производства, но взаимодействие с рынком показало, что значительная их часть убыточна (в начале 1990-х годов их доля достигла примерно 40%, а задолженность превысила 10% ВВП).

Опыт проведения реформы государственного сектора продемонстрировал, что экономически эффективное решение его проблем возможно только на основе проведения широкой приватизации, но это было политически неприемлемым для руководства КПК. В результате им была выдвинута концепция «двухколейного развития экономики», предполагающая создание условий для роста частнохозяйственных отношений при одновременном сохранении преобладающих позиций за государственным сектором.

Успешное в целом проведение экономических реформ в 1980-х годах, расширение рыночных отношений, деколлективизация сельского хозяйства, образование довольно значительного и экономически влиятельного частнохозяйственного сектора имели своим следствием фундаментальное изменение характера китайского общества. КНР уже перестала быть в полном смысле тоталитарным государством, экономическая жизнь в стране в существенной мере была «отпущена на свободу», высвобождена из-под всеобъемлющего партийно-государственного контроля. Эти процессы способствовали появлению ростков гражданского общества, что проявлялось в стремлении еще больше высвободиться из жестких «объятий» партии-государства.

Надо иметь в виду, что демократия и демократическое движение возникли в условиях раздвоенности руководства правящей партии. Одна его часть, прежде всего официальный глава, генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян и руководитель парламента, председатель Постоянного комитета ВСНП Вань Ли, выступала за движение по пути демократизации жизни в стране.

Другая часть руководства состояла из тех, кто находился в основном «за bambukовым занавесом», за кулисами, и претендовал на роль «режиссеров». В первую очередь это были два самых старших по положению в традиционной партийной иерархии политических деятеля — Дэн Сяопин и Чэнь Юнь. Они считали необходимым сохранять однопартийную систему. С их точки зрения, допустимо было говорить лишь о «совершенствовании демократии». Это означало, что демократия в КПК и в КНР существует и можно ставить вопрос лишь о некоторых дополнительных ее улучшениях. Они, конечно же, никак не могли согласиться с такими предложениями, как, например, переход к системе, при которой выдвижение кандидатов на выборах внутри партии и в стране должно стать индивидуальным и тайным.

В такой ситуации раздвоенности руководства демократическое движение неизбежно должно было прийти к столкновению со значительной частью структур власти. Упомянувшиеся выше события апреля 1976 г. на площади Тяньаньмэнь можно рассматривать как первое проявление массовых требований демократизации политической и общественной жизни. Вторым этапом демократического движения стало появление в Пекине, в самом центре города, «стены демократии». Она появилась в 1978 г. и стала символом надежд на установление демократии.

В своих дацзыбао, которые жители Пекина и других районов страны наклеивали на деревянные щиты, они требовали разрешить наиболее неотложные экономические проблемы, гарантировать права человека, ввести демократические институты. На протяжении некоторого времени власти допускали и даже вроде бы поощряли это движение. Вероятно, тогда не только демократически настроенное крыло в руководстве КПК, но и другая его часть считали это полезным, так как оно помогало бороться против остатков влияния тех, кто хотел бы следовать старым курсом без каких-либо изменений. Однако затем демократический настрой, проявлявшийся на «стене демократии», пришел в противоречие с настроениями и воззрениями того же Дэн Сяопина.

На «стене демократии» появилась ставшая широко известной дацзыбао с требованием «пятой модернизации». Ее автор считал, что предусмотренных властями «четырёх модернизаций» (обороны, промышленности, сельского хозяйства и науки) недостаточно. Согласно его мысли, они вообще оказывались бесполезными и не отвечавшими интересам народа Китая, если не было самого главного — демократии, демократизации всей политической и общественной жизни. Эту демократизацию он и назвал «пятой модернизацией».

В такой постановке вопроса Дэн Сяопин и другие близкие к нему политики увидели угрозу своей власти и устойчивости положения КПК в обществе. Поэтому «стена демократии» была запрещена и выдвинут тезис о необходимости сохранять верность «четырем основным принципам»: социалистическому пути, диктатуре пролетариата, руководящей роли КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна. На политическом процессе, состоявшемся в октябре 1979 г., наиболее видные участники спонтанно возникшего демократического движения были осуждены на длительные сроки тюремного заключения. Автор дацзыбао с требованием «пятой модернизации» провел после этого 18 лет в тюрьмах и лагерях.

Следующим этапом в развитии демократического движения стали студенческие демонстрации в конце 1986 г., поддержанные населением крупных городских центров. Непосредственные причины, которые привели к его возникновению, связаны с курсом на поддержку деревни и ростом цен в городах. От инфляции пострадали в первую очередь экономически наименее защищенные слои населения, к которым принадлежали студенты. Кроме того, они остро реагировали на рост коррупции в среде партийно-государственного аппарата, стремившегося использовать реформы для личного обогащения.

Призывы участников протестного движения свидетельствовали о том, что для них реформы неотделимы от развития демократических институтов. Это стало

ясно уже после первых демонстраций, состоявшихся в декабре 1986 г. в провинции Аньхой. Около пяти тысяч демонстрантов сплотились под лозунгом «Без демократии нет реформ». Вскоре демонстрациями были охвачены Ухань, специальная экономическая зона Шэньчжэнь, Шанхай. Нельзя сказать, что прямые призывы к немедленному введению демократических норм жизни всюду доминировали, однако можно утверждать, что именно они были квинтэссенцией развернувшегося общественного движения. Наряду с лозунгами, призывавшими покончить с бюрократией и коррупцией, были выдвинуты призывы к демократизации выборов, увеличению представительства интеллигенции и студенчества в органах власти. Появились и лозунги, которые восхваляли Сунь Ятсена. В Шанхае демонстрации, первоначально носившие мирный характер, вскоре переросли в схватки с полицией. В конце декабря движение перекинулось на Тяньцзинь и Пекин.

Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан и его единомышленники понимали необходимость последовательного продвижения одновременно по двум дорогам: продолжать экономические и начинать политические преобразования. Однако Дэн Сяопин и Чэнь Юнь были против всего того, что могло, с их точки зрения, поколебать власть КПК над Китаем, разрушить КНР. В середине января 1987 г. Ху Яобан получил удар из-за угла — его внезапно обвинили в покровительстве «буржуазной либерализации» и сняли с поста генерального секретаря ЦК КПК.

Вместе с тем ни Дэн Сяопин, ни Чэнь Юнь, ни их сторонники не были способны руководить продвижением страны по тому пути, на который она вступила. Поэтому вместо Ху Яобана на пост генерального секретаря ЦК КПК пришлось назначить Чжао Цзяяна, который также был сторонником рынка и демократии, сторонником реформ и продолжал на практике проводить соответствующий курс.

В сентябре 1987 г. состоялся XIII съезд КПК. На этом съезде Чжао Цзяян предложил программу дальнейших экономических реформ и модернизации страны.

В это же время Дэн Сяопин ввел в политический лексикон термин *сяокан шуйтин*, что может быть истолковано как «уровень начального достатка» или «уровень жизни средней зажиточности». Он понимал, что идеологические штампы прежних времен изживали себя, становились неприемлемы для большинства китайцев. Создавалась идеологическая пустота, которую требовалось заполнить. Предложенный им гермин не был марксистским, мог восприниматься как традиционно китайский, как берущий свое начало в трудах древних китайских мыслителей. Стремлением Дэн Сяопина, как можно думать, было вписаться в процессы открытого для внешнего мира экономического роста на основе идеологии, «приправленной» китайской спецификой. Он пытался мобилизовать население на выполнение поставленных экономических задач и при этом хотел, чтобы оно оставалось в рамках все той же политической системы и в рамках той же по сути идеологии, которая только скрывалась под новым термином *сяокан шуйтин*.

После XIII съезда КПК Чжао Цзяян, хотя и стал генеральным секретарем ЦК КПК, обладал лишь номинальной властью. Он уже не имел права принимать

экономические решения, которым пользовался, будучи премьером Госсовета КНР. Не имел он также власти в области расстановки кадров, чем мог бы пользоваться генеральный секретарь. В это время главные решения при назначении на посты принимали Чэнь Юнь и группа по кадровым вопросам, составленная из восьми «старейших руководителей партий».

На XIII съезде партии Чжао Цзыян проводил мысль о необходимости политических реформ, утверждая, что экономическим реформам должен сопутствовать процесс создания «социалистической политической демократии» (причем именно создания с самого начала, а не просто «совершенствования» якобы уже имевшейся «социалистической демократии»). Были намечены такие меры, как разграничение функций партийного и административно-хозяйственного руководства, перестройка управленческого аппарата с целью преодоления бюрократизма, а также изменение кадровой системы. Под руководством Чжао Цзыяна разрабатывались планы либерализации механизмов формирования представительных органов власти.

В период после окончания XIII съезда КПК в руководящих кругах страны наблюдался разброд мнений и настроений. Вырабатывались различные планы, но до их осуществления дело не доходило. Повторим, что, с одной стороны, был генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян, поддерживавшие его члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ху Цили и, в меньшей степени, Цяо Ши; с другой стороны — тоже члены Политбюро Яо Илин и глава правительства (Госсовета КНР) Ли Пэн, за спинами которых стоял Дэн Сяопин.

Отстранение Ху Яобана не испугало молодежь и демократически настроенную интеллигенцию. Бурление продолжалось, обсуждались варианты решения политических вопросов, возможности демократических преобразований. Сдержать это движение в этой ситуации не было никакой возможности. Существовал разрыв между демократически настроенными массами, прежде всего городского населения, и номенклатурой, а также значительной частью руководства КПК.

В этой обстановке вновь вспыхнуло студенческое движение, центром которого на этот раз стала столица. Непосредственным импульсом к началу студенческих демонстраций послужила смерть Ху Яобана. Причиной его смерти скорее всего стали переживания в связи с дискуссией в руководящих кругах по вопросу о реформах демократического характера. В апреле 1989 г. в Пекине начались массовые демонстрации под лозунгами демократизации политической жизни, борьбы против коррупции. В демонстрациях принимали участие сотни тысяч студентов, в том числе приехавшие из других регионов страны.

Чжао Цзыян полагал, что с демонстрантами можно вести диалог. Он предлагал принять меры, создающие «прозрачность», позволяющие обществу знать, в частности, каково имущественное положение чиновников, поставить их под контроль общества. На заседании высшего руководства КПК в доме Дэн Сяопина Чжао Цзыян голосовал против применения вооруженных сил с целью подавления мирных демонстраций безоружных людей. Ли Пэн и Яо Илин голосовали за применение армии против демонстрантов. Дэн Сяопин поддержал их. Остальные двое членов руководства, Ху Цили и Цяо Ши, колебались и воздержались от уча-

ствия в голосовании. Так, фактически двумя голосами против одного в присутствии и при нажиме со стороны Дэн Сяопина было принято решение о введении в Пекине чрезвычайного положения.

В город были введены воинские части и танки. В ночь с 3 на 4 июня 1989 г. части Народно-освободительной армии Китая по приказу главы правительства КНР Ли Пэна и с благословения своего верховного главнокомандующего Дэн Сяопина подавили демонстрации на главной площади Пекина Тяньаньмэнь, применив оружие и пустив в ход бронетехнику. В результате имелись многочисленные человеческие жертвы. Тысячи людей были брошены в тюрьмы, а некоторые казнены.

В конце июня 1989 г. на пленуме ЦК КПК Чжао Цзяна сняли с поста генерального секретаря ЦК КПК, а затем вместе с группой сторонников исключили из партии. Кровавое подавление выступлений на площади Тяньаньмэнь и фактический разгром демократического движения, устранение из руководства действительных «моторов» реформ, сторонников рыночной экономики и демократизации, надолго сняли вопрос о проведении политических реформ. Эти трагические события также задержали углубление и расширение экономических преобразований.

Генеральным секретарем ЦК КПК на июньском пленуме 1989 г. стал руководитель партийной организации Шанхая Цзян Цзэминь. Дэн Сяопину не удалось поставить на это место своего протеже Ли Пэна, который был скомпрометирован ролью «пекинского палача», наиболее активного сторонника подавления студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь. Чэнь Юнь и Дэн Сяопин нашли компромиссный вариант, выдвинув на роль первого лидера партии и государства Цзян Цзэминя, которому в 1986 г. удалось, не используя армию, а только лишь опираясь на «рабочие дружины», подавить с особой жестокостью студенческое движение в Шанхае.

Очередной пленум ЦК КПК в поябре 1989 г. высказался за продолжение политики «урегулирования», принятой руководством КПК еще в 1988 г. Ее необходимость вызвали резкое увеличение инфляции, рост дефицита госбюджета, возвращение в ряде местностей к снабжению по «карточкам» и другие явления. На пленуме было принято решение «О дальнейшем урегулировании, упорядочении и углублении реформ». Этот курс предлагалось проводить в жизнь до 1992 г. Главная цель этой политики состояла в том, чтобы снять возникшую социальную напряженность, причем прежде всего в городе. Руководство было обеспокоено тогда более всего состоянием дел в городах. Поэтому на некоторое время оно как бы «забыло о деревне» и было намерено за счет деревни «подкормить» город, повысить доходы горожан, доказать им, что КПК способна улучшить их материальное положение и обеспечить в стране стабильность. Все это делалось под пропагандистским лозунгом того времени — «Стабильность — превыше всего».

После событий 1989 г. руководители КПК предприняли попытки оживить концепцию «обострения классово-борьбы», стремились возродить «дух Яньани», призывали снова следовать «опыту Дацина и Дачжая». Однако попытка

контрнаступления с целью возродить идеологию времен Мао Цзэдуна успеха в массах не имела.

В годы, последовавшие за тяньаньмэньскими событиями, продолжала сохраняться система «двух старцев». Чэнь Юнь и Дэн Сяопин продолжали оставаться теми «режиссерами», которые из-за кулис руководили действиями на политической сцене. При этом между ними были странные отношения. Чэнь Юнь практически не выходил из дома. Один раз в год к нему в Шанхай приезжал Дэн Сяопин, и они согласовывали главные решения в политике. Таким образом, формально Дэн Сяопину приходилось относиться к Чэнь Юню как к старшему по положению. Однако в реальной жизни именно Дэн Сяопин вышел тогда на место самого известного руководителя в стране. Он проявлял довольно большую активность.

В 1992 г., полагая, что самые острые последствия событий 1989 г., преодолены, а ситуация требовала принятия срочных решений для разрешения целого ряда экономических проблем. Дэн Сяопин совершил демонстрационную поездку по южным районам страны и высказался за активизацию экономических реформ.

Осенью 1992 г. на XIV съезде КПК был провозглашен курс на строительство «социалистической рыночной экономики». Так была определена официальная для партии социально-экономическая цель реформ. В ходе экономических преобразований сначала говорили о «плановой экономике с элементами рыночного регулирования», затем о «сочетании плана и рынка» и, наконец, пришли к концепции «социалистической рыночной экономики».

Переизбранный на съезде генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь оказался в роли политика, которому пришлось искать основания для утверждения в умах такой противоречивой формулы, как «социалистическая рыночная экономика». Здесь можно упомянуть о том, что классики марксизма и Мао Цзэдун стояли на той точке зрения, что социализм не может быть рыночным, что он несовместим с рынком. Цзян Цзэминю пришлось, под давлением внутренних проблем Китая, соглашаться с целым рядом предложений, касавшихся тех или иных рыночных преобразований, и самому выдвигать такого рода предложения, и всегда оказываться в положении того, кто должен делать те или иные шаги по пути, теоретически не совместимому с социализмом, находить «социалистические прикрытия», некую «социалистическую облатку» для «капиталистических пилуль».

В конце 1993 г. член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, вице-премьер Чжу Жунцзи объявил о введении в действие комплекса новых экономических реформ, которые были призваны осуществить продвижение по пути строительства «социалистической рыночной экономики». В его рамках предусматривались совершенствование банковской системы, а также изменения в налоговой системе, нацеленные на уменьшение различий в экономическом положении бедных и богатых регионов.

Пойдя на осуществление продвижения по капиталистическому пути под «социалистической вывеской», руководителям Китая удалось установить известную стабильность в обществе. Они добились повышения жизненного уровня город-

ского населения, правда, в ущерб кресгьянству, из которого выжимали соки, чтобы «накормить» городских жителей. Кроме того, стабилизации положения удалось добиться и благодаря тому, что были выделены ряд районов, прежде всего на морском побережье, в Восточном и Южном Китае, ряд городов, в первую очередь Шанхай и Гуанчжоу, где с помощью различных методов поддерживали более высокий жизненный уровень, чем в остальном Китае.

В первой половине 1990-х годов Китай вышел на первое место в мире по общему объему производства в таких отраслях, как сбор зерна, добыча угля, производство цемента, хлопка, мяса, телевизоров. Значительные результаты были достигнуты и во внешнеэкономической деятельности. В середине десятилетия объемом внешней торговли Китая составил около 200 млрд. долл. Иностранные вложения в экономику страны превысили 1000 млрд. долл. Правда, при этом совокупные вложения из США, Японии и Европы, будучи примерно равными по объему, составляли около 20–30% этой суммы. Остальные 70–80% были инвестициями зарубежных китайских предпринимателей, которые особенно жестоко эксплуатировали дешевый труд китайских рабочих.

В сентябре 1997 г., уже после смерти Дэн Сяопина в феврале того же года, состоялся XV съезд Компартии Китая. Он поставил задачу дать новый импульс реформе государственных предприятий на путях их акционирования при сохранении за государством контроля над общеэкономическими процессами, а за госсектором — доминирующих позиций в ключевых отраслях. Решениями съезда предусматривались меры по увеличению доли негосударственных форм собственности в народном хозяйстве, по либерализации внешней торговли и улучшению условий для зарубежных инвестиций.

В марте 1998 г. первая сессия ВСНП девятого созыва сформировала новое руководство страны на пятилетний срок. Укрепились позиции генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя. Он был перизбран на посты председателя КНР, а также председателя Военного совета ЦК партии. Заместителем председателя КНР на сессии ВСНП избрали Ху Цзиньтао, который выдвигался на роль преемника руководителя партии и главы государства. Председателем правительства еще в 1997 г. вместо Ли Пэна стал Чжу Жунцзи.

В 1990-е годы Пекин активно укреплял отношения с США и странами Запада, которые несколько пострадали после подавления выступлений на площади Тяньаньмэнь. Важнейшим раздражителем в китайско-американских взаимосвязях оставалась проблема Тайваня, приведшая к их обострению в 1996 г. Вслед за тем последовало заметное потепление, ознаменованное визитом председателя КНР Цзян Цзэминя в США осенью 1997 г. и ответным посещением Китая президентом США У. Клинтонем летом 1998 г.

Развивались отношения между КНР и преемницей СССР Россией. Уже к середине десятилетия они приобрели характер партнерства. Председатель КНР Цзян Цзэминь трижды, в 1994, 1997 и 1998 гг., приезжал в Россию. Китай столько же раз посетил президент РФ Б.Н. Ельцин. В 1994 г. в официальных документах отношения стали характеризоваться как «конструктивное партнерство», а в 1996 г. стороны высказались за установление отношений стратегического

партнерства, обращенных в XXI век. За двусторонним саммитом в том году последовала встреча в Шанхае руководителей пяти государств — КНР, Российской Федерации, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Она положила начало деятельности «Шанхайской пятерки», которая позднее была преобразована в Шанхайскую организацию сотрудничества, куда также вступил Узбекистан.

В конце XX в. был решен ряд пограничных вопросов. Соглашениями 1991 и 1994 гг. определялось прохождение линии границы на ее большей части. 14 октября 2004 г. было подписано дополнительное соглашение, определявшее границу на всем ее протяжении.

К концу XX в. общеэкономические показатели Китая выросли весьма значительно. Доход на душу населения увеличился до 840 долл. по сравнению с 500 долл. в конце 1980-х годов. Доля сельского хозяйства в структуре валового внутреннего продукта к 2000 г. уменьшилась до 16%, а удельный вес индустриальных секторов повысился до 49%. Малая доля сектора услуг (34%) говорила о недостаточной сбалансированности экономического роста. Быстрыми темпами в 1990-х годах рос не только национальный доход, но и объем внешней торговли. Особенно внушительным этот рост стал после возвращения в состав КНР Сянган в 1997 г. (В 1999 г. в состав КНР был возвращен Аомынь, или Макао.) В конце века стоимость внешней торговли континентального Китая приблизилась к 500 млрд. долл. При этом на Сянган приходилось более 400 млрд. из общего оборота. В сентябре 2001 г. КНР была принята во Всемирную торговую организацию.

* * *

Все время после «культурной революции» можно подразделить на два периода: реформы 1980-х годов и реформы 1990-х. Между этими двумя периодами есть нечто общее. Очевидно, что в условиях ограничений, накладываемых самой политической системой, экономические реформы могли быть в обоих случаях только частичными. Между периодами имеются и различия. В 1980-х годах больше внимания уделялось идеологии; экономические реформы сопровождались политическими переменами. В среде интеллигенции было больше понимания целей экономической реформы, вместе с тем у работников партийно-государственного аппарата, а также среди рабочих эти задачи не обязательно находили одобрение.

В обществе имелись силы, сопротивлявшиеся приданию экономике рыночного характера. Фракция сторонников преобразований, а ее главными представителями в 1980-е годы были, как уже упоминалось, генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, глава правительства Чжао Цзыян и глава парламента Вань Ли, была вынуждена считаться с силами, которые сдерживали реформы. В то же время реформаторы не в полной мере ощущали, что в ситуации, когда экономические и политические преобразования частичны и плохо сбалансированы, возникают и приобретают широкий характер явления разложения. Их причиной было то, что в КНР обычно именуют словом «маркетизация» (от англ. «market» — рынок).

В период реформ и формально, и по существу в Китае сохранялся прежний характер политической власти. Компартия продолжала занимать руководящее

положение. Однако в реальной жизни и, возможно, при сознательном попустительстве со стороны руководства партии и государства хозяйственные рычаги все больше переходили в руки «новых китайцев» — тех, кто стали хозяевами приватизированной собственности. Чиновники, т.е. функционеры партийно-государственного аппарата, видели в своих властных полномочиях товар, который они обменивали на экономические привилегии и прямые материальные выгоды. Иначе говоря, происходил обмен по формуле: «власть на деньги».

Это и называли в КНР процессом маркетизации применительно к деятельности китайских чиновников. В связи с этим начали говорить о том, что чиновники на всех уровнях как бы «сдают в аренду» свои властные полномочия, т.е. используют их, предоставляя предпринимателям для того, чтобы те получали известные материальные выгоды, «отстегивая» при этом некую часть чиновникам.

Эти явления особенно усилились на более позднем этапе реформ (в 1990-е годы), они повлекли за собой на системном уровне широкое распространение взяточничества и самого разнообразного разложения. К концу десятилетия обнаружилось, что происходит широкий процесс обмена власти на деньги и, таким образом, как считают критики, зло увеличилось, ибо одновременно существовали и «власть власти», и «власть денег». Деньги, т.е. богатые люди, осуществляли свое господство через органы власти, в сговоре с ними на системном уровне.

В 1990-х годах, однако, не были со всей ясностью определены цели проведения экономических реформ. В результате сложилась ситуация, когда в сфере идеологии «не допускались дискуссии», а центральные власти, то ли сознательно, то ли неосознанно, позволили властям на разных уровнях, а также самим предприятиям «осуществлять маркетизацию по своему желанию», или произвольно создавать рынок, «брать столько полномочий, сколько они хотели». В результате допустили, что и предприятия, и производственные единицы разных уровней, и правительственные учреждения использовали принадлежащие им привилегии, чтобы «создавать для себя возможности получения доходов».

Как отмечалось выше, в первой половине 1990-х годов на передний план была выдвинута в качестве главенствующей мысль о стабильности. По этой причине был ослаблен контроль и за источниками получения доходов в городах, и за социальной сферой. Интеллигенция и рабочие в тот период были удовлетворены быстрым ростом доходов и социального обеспечения. Вместе с тем чиновники получили возможность обогащаться, согласившись с процессом «произвольной маркетизации».

Однако следует заметить, что на протяжении последних 20 лет минувшего века эффективность ограниченной, частичной и весьма своеобразной экономической реформы была недостаточна для того, чтобы поддерживать достаточно высокий уровень доходов населения и его социального обеспечения, хотя бы в городах. При этом надо иметь в виду, что относительному успеху преобразований способствовали три фактора, три составляющие государственной политики, на перманентное действие которых нельзя рассчитывать.

Во-первых, государство пустило в ход финансовые возможности, находившиеся в его руках, накопленные и до начала, и в первый период реформ (бюд-

жетные доходы, банковские займы и ссуды и др.). Все это было использовано с целью удовлетворения потребностей главным образом городской части общества. Во-вторых, государство использовало финансовые средства и доходы, которые давала ему система производства, снабжения и сбыта в деревне, с той целью, чтобы все это перевести для использования в городах. И наконец, в-третьих, оно привлекло в больших масштабах иностранный капитал, главным образом из Сянган и с Тайваня. При этом в 1980-х годах две первые составляющие политики использовали меньше, чем в дальнейшем. Что же касается третьей, то она появилась только в 1990-х годах. Расцвет городской экономики в последнее десятилетие XX в. в очень большой степени связан с использованием в полном объеме всех трех направлений госполитики.

Во второй половине 1990-х годов ресурсы, которые можно было перераспределить и которые существовали благодаря двум первым факторам, были уже в основном исчерпаны. Доля финансовых доходов (прибыли) в национальной экономике упала до нижней отметки, а сумма «мертвых» счетов в банках достигла устрашающих размеров. К тому же постепенно начал проявляться застой в экономике деревни. Одновременно также закончился период увеличения притока инвестиций из Сянган и с Тайваня.

Казалось, что источники расцвета городской экономики иссякли. Больше не было сил, благодаря которым ранее удавалось уменьшить финансовое бремя и избежать кризиса банковской системы. В этой ситуации началось вынужденное снижение дотаций в отрасли городского хозяйства, а также уменьшение выплат, обеспечивающих благосостояние городских жителей; стала все более явно выявляться «усталость» экономики.

Впрочем, к концу десятилетия острота этих явлений несколько спала. Среднегодовые темпы роста ВВП за период с 1990 по 2000 г. превысили 10%. Но из всего этого не следует, что наблюдавшиеся тревожные симптомы являются случайными.

Нужно подчеркнуть, что к концу 1990-х годов социальная структура в КНР претерпела существенные изменения. При нехватке условий для справедливой конкуренции и распространении коррупции сложился слой людей, которые, используя власть, обрели богатство и роскошь, иначе говоря, слой тех, кто получил главные выгоды. Появился очень небольшой класс людей со средними доходами, который в значительной степени находил опору в политической власти. Большинство населения страны (крестьяне; «внутренние мигранты», т.е. крестьяне, которые перебрались в города в поисках работы; а также основная масса городского населения) составили люди с низкими доходами и материальным уровнем жизни. Еще ниже их находилась крайне бедная часть жителей, которой приходилось очень трудно. Неопровержимым фактом, таким образом, стала сильная поляризация общества.

В конце XX в. в КНР остро стояла проблема образования. Процент неграмотного населения, согласно официальным данным, снизился с 30 до 7%. Даже если это и так, хотя многое заставляет в том усомниться, повышение уровня грамотности не решает проблемы целиком. Известно, что система базового образования

в деревне на протяжении длительного времени сталкивалась со значительными трудностями. Деги крестьян и других малоимущих слоев населения не имели возможности получать полноценное образование. Качество преподавания в государственных вузах оставалось далеким от идеала, нельзя было считать удовлетворительным и положение в широкой сети городских общеобразовательных учреждений. Учителя средних школ получали низкую зарплату, да и ее зачастую с задержками.

Существенные проблемы возникали и на стадии распределения специалистов с высшим образованием. Масштабы набора в вузы входили в противоречие с сужением возможностей для выпускников найти работу. Многие молодые люди стремились уехать из КНР учиться за границу.

Помимо проблем образования, которые в какой-то мере отразили положение в обществе в целом, у Китая к концу столетия накопилась и масса других проблем. К числу наиболее острых нужно отнести экологическую. Рост «грязных» видов производства, резкое увеличение автомобильного транспорта сказались на состоянии окружающей среды, особенно в крупнейших городах и промышленных центрах. Другая сторона экологических проблем состояла в эрозии почв, превращении пахотных земель в пустыни. Сохранение среды обитания стало громадной задачей, требующей самого серьезного внимания.

На рубеже двух веков в КНР никто открыто не выступал против демократии. Более того, упор делался на управлении страной на основе законов, в интересах народа и с учетом прав человека. Однако при этом постоянно звучали речи, в которых ударение делалось на том, что условия для политических реформ еще не созрели, что существуют присущие Китаю «местные условия и специфика».

После изменений, произошедших в России и в Восточной Европе, в КНР появилась «концепция азиатских ценностей», которая также искажала ситуацию и препятствовала осуществлению политических реформ. На протяжении почти двух тысяч лет китайская культура была самодостаточной. Около двухсот лет назад Китай столкнулся с необходимостью решать вопрос о вхождении в более широкое сообщество наций. Любопытно вспомнить, что еще в конце XIX столетия китайцы «выставляли за дверь» такие понятия, как свобода и демократия, отрекались от них, по большей части основываясь на традиционной системе азиатского государства.

Правда, в начале XX в. в Китае стали воспринимать такие понятия, как демократия и наука. Появились даже общепринятые выражения: «госпожа Дэ» («госпожа Демократия») и «госпожа Сай» («госпожа Наука», от англ. «science»). К концу века Китай добился некоторых бесспорных достижений в сфере экономических реформ. Китайцы в определенной степени восстановили и гордость, и уверенность в себе. Однако именно это и стало одним из новых факторов, препятствующих политическим реформам.

Некоторые китайские ученые утверждают, что китайцы, продолжая «лелеять свои увечья и хранить свои недостатки», будут противопоставлять «концепцию азиатских ценностей» свободе и демократии, отвергать преобразования системы власти и управления государством. Представляется, однако, что в этом случае

Китай не сможет в полной мере вписаться ни в экономическую, ни в общественно-политическую систему современного мира.

Тезис о необходимости в первую очередь поддерживать в стране стабильность представлялся многим людям в Китае убедительным. Видимо, это связано с коллективной памятью, которую люди вынесли из «культурной революции». Но делать из этого вывод, что участие людей в политике ведет к смуте и бунту, означает отказ от борьбы за демократическую систему.

В конце XX в. в экономике КНР были явно заметны признаки поворота к лучшему. Однако многие китайские экономисты полагали, что ситуация не внушает оптимизма. Они связывали недостаточность роста экономики с двумя главными причинами. Во-первых, с уменьшением инвестиций в промышленные предприятия всех форм собственности. Во-вторых, с углублением застоя в экономике китайского села.

Китайские ученые, проводившие исследования в деревне, указывали на следующие серьезные проблемы. Прежде всего доходность растениеводства снизилась почти до нуля. Иными словами, крестьянам в ряде провинций и районов стало казаться, что лучше не обрабатывать землю, чем обрабатывать. Затем в связи с сокращением числа поселковых (сельских) промышленных предприятий снизились возможности крестьян зарабатывать деньги на стороне. И наконец, большим бременем для них оказалось содержание низовых органов власти.

Общий вывод сводился к тому, что в конце века разрыв между уровнем жизни в городе и деревне достиг очень значительных величин и продолжал увеличиваться. Некоторые китайские экономисты характеризовали возникшую ситуацию, прибегая к метафоре: «одно государство — два строя», один в городе, другой в деревне. Для иллюстрации этого положения приводились такие данные: в самом процветающем городе — Шанхае средний годовой доход на одного человека достигал 4–5 тыс. долл., а для более чем половины китайских крестьян он находился на уровне одного доллара в день, или менее 400 долл. в год. При этом крестьянство составляло большинство жителей, в сельской местности проживало более 60% населения, а в сельском хозяйстве было занято свыше половины всей рабочей силы.

По мнению многих специалистов, сложившаяся в КНР структура доходов и расходов населения не способна бесконечно долго поддерживать ускоренный рост экономики. Некоторые полагали, что расширять экспорт до бесконечности тоже нельзя. Поддерживать капиталовложения во второй половине 1990-х годов приходилось за счет выпуска все новых и новых займов и непрерывного увеличения налогов. Последние возрастали в год на 15% и больше. Соответственно снижались возможности предприятий в сфере капиталовложений. В 2000 г. прибыль государственных предприятий несколько увеличилась, однако, как полагают, это было следствием роста мировых цен на нефть. Кроме того, росту прибылей предприятий помогало преобразование долговых обязательств в акции. Это позволяло предприятиям приостановить платежи по банковским процентам.

В КНР конца века высказывались различные мнения относительно роли иностранного капитала. Часть экспертов считала, что приток иностранных инвести-

ций при всем их значении не может быть основным источником развития такого громадного государства, как Китай. Вступление во Всемирную торговую организацию, конечно, может сыграть определенную стимулирующую роль, но внешняя конкуренция — это только внешний фактор, а развитие экономики переходного периода определяется прежде всего внутренними факторами, которые во многом зависят от политических условий, способствующих реформам, от поддержки общества и деятельности различных групп, руководствующихся своими интересами.

Если попытаться подвести общие социальные итоги экономических реформ в КНР за последние двенадцать пять лет, то становится очевидной тенденция к абсолютному сокращению численности той части населения, которая выиграла в результате этих реформ. Хотя большинство населения Китая стало жить лучше, чем до реформ, однако этого ни в коей мере не достаточно для того, чтобы поддерживать у людей веру в реформы.

Нужно отметить, что в стране есть широкие социальные слои, интересы которых в ходе реформ в той или иной степени серьезно пострадали. Первым из них являются крестьяне. Начиная с середины 1980-х годов их положение стало постепенно ухудшаться, их уже нельзя было причислить к тем, кто был в безусловном выигрыше от реформ. В последние годы XX в. административные органы на местах все более усиливали контроль над ними и увеличивали поборы, т.е. фактически занимались прямым ограблением тружеников. Встал вопрос о целесообразности сохранения органов административного управления на уровне волостей и поселков.

Второй из таких слоев — служащие и рабочие некоторых государственных и находящихся в коллективной собственности предприятий. По мере того как в результате конкурентной борьбы многочисленные государственные и поселковые (коллективные) предприятия разорялись, их служащие и рабочие, ранее находившиеся на полном или частичном социальном обеспечении, потеряли его, превратившись в группу населения с крайне низкими доходами и почти полным отсутствием каких-либо социальных гарантий и льгот.

Третий из таких слоев образуют некоторые пенсионеры. Ранее существовала система прикрепления к определенной организации или предприятию, которое выступало гарантом социального обеспечения и работающих, и ушедших на пенсию людей. Однако, по мере того как многие предприятия закрывались, материальное обеспечение ушедших на пенсию оказывалось под вопросом.

В то же время существуют три категории людей, которые несомненно выиграли от реформ. К первой из них относятся те крестьяне, которые стали квалифицированными рабочими, техническими специалистами, а главное те, кто создали свои частные предприятия, ориентированные на рынок, и те, кто в сфере промышленности и торговли занялись индивидуальной деятельностью. Второй из таких категорий является часть населения, которая присвоила себе право распоряжаться административной властью. К третьей категории относятся немногие люди, которые сумели использовать игру на разнице цен (плановых и рыночных) и воспользовались «капитализацией ресурсов». Они составили слой «стремительно разбогатевших».

Поддержка реформ в целом имела тенденцию к снижению. Тот факт, что среди выигравших от них царил бум потребления, усиливал у проигравших чувство, что их ограбили. В их среде надеялись, что дальнейшие реформы будут включать в себя новое перераспределение благ, а также создание системы минимального социального обеспечения и помощи нуждающимся.

Среди тех, кто остался в выигрыше от реформ, не все были удовлетворены паузой в их осуществлении, в частности, недостаточно решительным преобразованием органов административного управления на местах. Только те, кто выиграл от реформ благодаря использованию в личных целях находящихся в их руках административных ресурсов, и те, кто «стремительно разбогател», находясь вне власти, но «взаимодействуя» с ее представителями, поддерживали концепцию, по которой дальнейшее движение вперед не предполагало каких-либо серьезных изменений в политико-административной системе.

В последние десятилетия XX в. имя Мао Цзэдуна отошло на второй план. Его почитание уже не навязывают сверху, хотя при случае власти демонстрируют такое отношение. Однако образ «председателя Мао» коренится в глубинах китайского общества, почитание его больше свойственно нижним слоям. Там живет некий миф о нем, привязанность и теплые чувства к нему.

ТАЙВАНЬ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

«Экономическое чудо» на Тайване, созданное трудами его жителей в третьей четверти XX в., в дальнейшем формировало предпосылки не только качественно нового витка экономического роста и развития, но и назревших глубоких политических перемен.

По мере своего индустриального развития Тайвань все больше втягивался в международное разделение труда и становился частью мирового рынка. Во многом именно эта «открытость», отвечавшая, кстати, традиционному «островному» менталитету тайваньцев, стимулировала экономическое развитие Тайваня.

Однако в то же время включенность в мирохозяйственные связи ставила тайваньскую экономику в зависимость от всех перепадов мировой экономики. Так, разразившийся в 1973 г. нефтяной кризис больно ударил по экономике Тайваня, полностью зависящей от импорта нефти, привел к сокращению спроса на тайваньские товары на мировом рынке и сокращению экспорта. Но благодаря уму, труду и инициативе тайваньцев, а также благодаря правильной политике властей стране удалось найти выход из положения и преодолеть кризис. Решающую роль в этом сыграло сотрудничество государства с частными предпринимателями.

В 1974 г., незадолго до кончины Чан Кайши, была выдвинута программа строительства десяти крупных объектов энергетики, транспорта, тяжелой промышленности (атомная электростанция, железные и шоссейные дороги, металлургия и т.д.). Эта программа была выполнена к концу 1970-х годов, что помогло тайваньской экономике минимизировать кризисные потери и сохранить высокие темпы накопления капитала, промышленного производства и экспорта.

Реализация этой и последующих программ свидетельствовала о складывании на Тайване эффективной системы «смешанной экономики», в которой государст-

венное и частное предпринимательство не только конкурировали, но и сотрудничали. В течение всей последней четверти XX в. развитие тайваньской экономики продолжалось уже на новом качественном уровне. Среднегодовые темпы роста были весьма высоки (почти 10%) и, что очень важно, стабильны.

Несмотря на все сложности конкуренции на мировом рынке, Тайвань продолжал расширять свой экспорт, на который к началу 1990-х годов приходилось более половины ВВП (в 1952 г. — только 10%). Возрастал и импорт, в том числе и потребительских товаров в связи с быстрым ростом покупательной способности тайваньского населения.

Все благоприятнее становился на Тайване инвестиционный климат, который постоянно привлекал иностранный капитал. В 1990 г. размер прямых внешних капиталовложений приближался к 10 млрд. долл. Три четверти средств приходилось на зарубежных китайцев, *хуацяо*.

Стабильный экономический рост, постоянное превышение экспорта над импортом привели к созданию на Тайване огромных валютных резервов: в начале 1990-х годов они колебались около цифры 80 млрд. долл., а в начале 2000-х превысили 150 млрд. долл. Тайвань начал активный экспорт капитала, а его внешне-торговый оборот в 2000 г. приблизился к 300 млрд. долл.

Интегральным показателем экономического развития Тайваня являлось увеличение душевого размера ВВП более чем до 10 тыс. долл. в 1992 г., что уже фиксировало выход Тайваня на уровень развитых индустриальных стран. В 2001 г. национальный доход превысил 15 тыс. долл.

При этом существенно, что социальная направленность экономической политики в духе заветов Сунь Ятсена позволила избежать усиления социальной дифференциации. Более того, если в 1953 г. соотношение между среднедушевым доходом верхних и нижних 20% населения составляло 15:1, то к началу 1990-х годов оно сократилось до 4:1.

Рост благосостояния, повышение уровня образованности населения, расширение слоя высококвалифицированных рабочих и служащих, развитие частного предпринимательства создали условия для возникновения элементов гражданского общества. Союзнические и дружественные отношения с США и странами Западной Европы, а также с Японией, логика собственного социально-экономического развития подталкивали правившую с 1949 г. на Тайване партию Гоминьдан к политическим реформам, к либерализации политической жизни вслед за преобразованиями в либеральном духе жизни экономической.

Необходимость такой трансформации становилась все очевиднее в 1970-х годах, особенно после смерти Чан Кайши в 1975 г. С 1975 по 1978 г. президентом на острове был Янь Цзягань — бывший вице-президентом при Чан Кайши. В 1978 г. президентом Тайваня был избран сын Чан Кайши Цзян Цзинго. В течение десяти лет его пребывания на этом посту на острове начались крупные реформы. Цзян Цзинго терпимо относился к оппозиционным силам. В 1986 г. на Тайване появилась Партия демократии и прогресса (ПДП). Главным в ее программе было то, что она провозглашала курс на независимость, т.е. на существование отдельного от КНР самостоятельного государства тайваньцев.

Начало процессу демократизации политической жизни положила отмена в июле 1987 г. чрезвычайного положения. ПДП стала легальной политической организацией, а ее политический вес можно оценить при сопоставлении с успехами других политических партий, которые во множестве возникли после отмены чрезвычайного положения на острове. Участвуя в выборах на многопартийной основе, ПДП сумела стать реальной политической оппозицией партии Гоминьдан. Так, на парламентских выборах в декабре 1992 г. она получила 31% голосов, разделив мандаты с Гоминьданом. Последнему из 161 места досталось 96, ПДП — 50, а остальные — независимым депутатам.

Однако двухпартийная система тогда не сложилась. Уже в августе 1993 г. группа авторитетных деятелей Гоминьдана образовала Новую партию (НП). В идеологическом плане НП противостояла ПДП. Основной ее состав, потомки выходцев из континентального Китая, отнюдь не стремился к созданию самостоятельного и отдельного государства на Тайване, а, наоборот, выдвигал идею воссоединения с Китаем в будущем. Партия Гоминьдан Китая на протяжении 1990-х годов оставалась у власти, постепенно утрачивая политическую монополию.

Обновление внутривнутрипартийной жизни Гоминьдана начиналось по инициативе ее лидера и президента Цзян Цзинго. Он положил начало омоложению аппарата партии, привлекая в нее коренных тайваньцев. Среди его выдвиженцев был тайванец Ли Дэнхой, ставший мэром столичного города Тайбэя, а с 1984 г. вице-президентом. После смерти Цзян Цзинго Ли Дэнхой возглавил Гоминьдан, продолжая развивать сложившиеся традиции.

В 1993 г. XIV конгресс правящей партии ввел избрание руководства партии путем тайного голосования, а в программных документах партия стала определяться не как «революционная», а как «демократическая». Вслед за этим и выборы президента в 1996 г. были проведены путем прямого голосования. Большинство избирателей отдали голоса за Ли Дэнхоя. В 2000 г. президентом Тайваня был избран кандидат от Партии демократии и прогресса Чэнь Шуйбянь.

Для Тайваня на всем протяжении его истории в XX в. исключительно важна была проблема взаимоотношений с Китайской Народной Республикой, которая считала его одной из своих провинций. С середины 1980-х годов в Пекине придерживались формулы «одно государство — две системы». С ее помощью там стремились заставить тайваньцев согласиться войти в состав КНР.

Партия Гоминьдан отклонила эту формулу. На своем XII конгрессе в 1981 г. она предложила объединение «на основе трех народных принципов Сунь Ятсена», сводящихся к единству, власти и благосостоянию нации. Открытым, впрочем, оставался вопрос о том, что понимается под «нацией», но важно, что Гоминьдан при этом снял лозунг «контрнаступление на материк».

Существенное воздействие на состояние отношений между КНР и Тайванем оказывала позиция США. После установления дипломатических отношений с КНР в 1979 г. Вашингтон заявил о разрыве дипотношений с «Китайской Республикой на Тайване». США постановили (специальным актом конгресса), что, считая Тайвань независимой политической реальностью, они признают, что есть лишь один Китай, а Тайвань — его часть. Во время визита в КНР в 1998 г. прези-

дент Б. Клинтон заявил, что США твердо придерживаются политики одного Китая, не поддерживают «независимость» Тайваня и его вступление в какую-либо международную организацию, членами которой могут быть только суверенные государства.

Россия придерживается своей позиции в вопросе о КНР и Тайване. В соответствии с изданным в 1992 г. указом президента РФ Б.Н. Ельцина об отношениях с Тайванем Россия признала, что существует только один Китай и правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Ввиду того, что Тайвань есть неотъемлемая часть Китая, отмечалось в указе, Российская Федерация не поддерживает с ним официальных межгосударственных отношений, но развивает экономические, научно-технические, культурные и другие неофициальные связи.

* * *

Половина века — хотя и очень небольшой срок в истории любой нации, но он бывает важен. Представляется, что таким периодом была вторая половина XX столетия. Общая численность китайцев за последние 50 лет прошлого столетия удвоилась и достигла 1300 млн. человек. Количественно китайская нация оказалась настолько велика, что имела, думается, возможность не беспокоиться в связи с внешними угрозами. События второй половины XX в. продемонстрировали, что проблемы для нее могли породиться только изнутри, но не извне.

Китай, кстати, прожил этот период в основном в условиях мира. Войны в Корее и во Вьетнаме существенно не сказались на внутреннем положении. В то же время политика Мао Цзэдуна периода «великого скачка» и «великой культурной революции» обернулась гибелью миллионов китайцев.

Территория Китая оказалась вполне достаточной для проживания ее населения. Китайцы не проявляли желания переселяться и уезжать из родных мест. Если же такого рода тенденции и возникали, то это было следствием искусственных, политических факторов.

Менталитет китайской нации к концу столетия оставался в значительной степени традиционным. Китайцы в основном не осознавали себя как неотъемлемую часть человечества, как один из разнообразных и равноправных элементов человечества. Более того, в их среде преобладали настроения, связанные с исторической памятью об обидах; при этом речь, в частности, заходила о «территориальных долгах» других наций.

Культура Китая представляла собой на рубеже прошлого и нынешнего веков смесь традиционных и демократических, националистических и интернациональных элементов. На рубеже XXI в. перед Китаем, как представляется, стояли две первостепенные задачи — это развитие демократии и подъем жизненного уровня китайского крестьянства, борьба с нищетой в глубинных районах.

Мир, равноправие, самостоятельность, цивилизованность — современные принципы существования наций и их общения между собой. Твердое следование этим принципам — основа сосуществования Китая с другими нациями на Земле, путь к прочному его вхождению в сообщество наций нашей планеты.

Глава 40

МОНГОЛИЯ

Окончание Второй мировой войны и события 1945 г. имеют особое значение в истории Монголии. 9 августа советское правительство, в соответствии с решениями Ялтинской конференции, объявило войну Японии. Непосредственное участие в этой войне приняла Монгольская Народная Республика (МНР). Решение об этом было вызвано следующими причинами.

Во-первых, сложились благоприятные условия для окончательного решения вопроса о признании ее в качестве независимого, суверенного государства, поскольку такой международный статус, провозглашенный МНР в 1921 г., был оспорен Китаем, продолжавшим считать Внешнюю Монголию (МНР) частью своей территории.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. советское правительство добились от глав союзных государств, США и Великобритании, согласия на сохранение существующего status quo Внешней Монголии (т.е. независимого государства) в качестве одного из условий объявления Советским Союзом войны Японии.

14 августа того же года при подготовке к подписанию СССР и Китаем Договора о дружбе и союзе предварительно состоялся обмен нотами между внешнеполитическими ведомствами сторон по вопросу о государственной независимости МНР, в которых стороны обязались признать независимость Монголии после проведения там плебисцита.

Во-вторых, к тому времени Монголия уже на протяжении многих лет находилась в конфронтационных отношениях с Японией, проводившей агрессивную политику в Азии.

В-третьих, связанная с СССР союзническими договоренностями, МНР считала своим долгом вступить в войну, доказав, таким образом, свою солидарность с Советским Союзом и «стремление внести свой вклад в дело Объединенных Наций».

В-четвертых, у монгольского руководства оставались надежды на объединение МНР и Внутренней Монголии (Китай) в единое государство.

10 августа 1945 г. Монгольская Народная Республика вслед за Советским Союзом объявила войну Японии. Примечательно, что Монголия, которую Китай считал в то время частью своей территории, воевала в составе не Народно-освободительной армии Китая, а советской Красной армии. Этот факт еще раз подчеркивает, что Монголия считала себя независимым от Китая государством¹. Командовал монгольскими войсками маршал Х. Чойбалсан.

¹ В 1944 г., т.е. незадолго до окончания Второй мировой войны. И.В. Сталин отклонил осторожный зондаж монгольских руководителей о возможности Монголии присоединиться к СССР в качестве одной из советских республик.

В первую неделю войны части Красной армии и армии МНР освободили г. Долоннор и ряд других китайских городов и деревень, оккупированных японскими войсками. 20 августа они освободили г. Жэхэ, 21 августа — г. Калган, а 23 августа японские войска прекратили сопротивление.

20 октября 1945 г. в МНР по требованию националистического (гоминьдановского) правительства состоялась всенародный референдум. Результаты его были однозначны — монгольский народ высказался за сохранение государственной независимости МНР. 5 января 1946 г. правительство Китайской Республики признало независимость МНР в ее существующих границах. Отныне независимость Монголии была признана не только Советским Союзом, но и Китаем. 13 февраля 1946 г. между МНР и Китайской Республикой были установлены дипломатические отношения. Независимость МНР признали США и Великобритания. Затем, 6 октября 1949 г., почти сразу же после образования Китайской Народной Республики, МНР и КНР установили между собой дипломатические отношения.

Таким образом, окончание Второй мировой войны и юридическое оформление международного статуса Монголии, активное участие ее вооруженных сил в разгроме Квантунской армии — все это привело к расширению внешних связей МНР, открыло перспективу вступления в Организацию Объединенных Наций. 27 февраля 1946 г. состоялось подписание нового Договора между СССР и МНР о дружбе и взаимопомощи сроком на десять лет с возможностью пролонгации его на последующее десятилетие. Если укрепление МНР в качестве суверенного государства лежало в русле внешнеполитических интересов Москвы, то Улан-Батору, в свою очередь, требовались поддержка Советского Союза на международной арене, в охране государственных границ и экономическая помощь.

Советско-монгольский договор 1946 г., как и протокол 1936 г., носили союзнический характер. Новый договор содержал четкую оценку политической ситуации на Дальнем Востоке, возникшей после Второй мировой войны. Правительства СССР и МНР обязались в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всевозможную помощь, в том числе военную.

Осознание Монголией себя государством, получившим международное признание, сыграло огромную роль в укреплении монополии Монгольской народно-революционной партии (МНРП) на политическую власть. Пользуясь поддержкой коммунистических и рабочих партий сотрудничающих с ней стран, МНРП стала решительнее и глубже вторгаться в экономическую и культурную жизнь страны. единолично принимать все основополагающие, практически государственные решения и претворять их в жизнь при помощи разветвленной сети первичных партийных организаций, центральных и местных государственных органов власти. Восстановлена была практика созыва партийных съездов и народных хуралов, прерванная было в период 1940–1947 гг. Одновременно складывались предпосылки для концентрации властных высших функций в руках одного политического лидера и его малочисленного окружения.

В декабре 1947 г. собрался XI съезд МНРП. Он подвел итоги деятельности партии за более чем семилетний период, прошедший после X съезда, и утвердил

первый детально разработанный пятилетний план развития народного хозяйства и культуры на 1948–1952 гг.

Начиная с этого момента вся последующая история народного хозяйства МНР вплоть до конца 1980-х годов развивалась в соответствии с заложенной в конце 1940-х — начале 1950-х годов административно-командной моделью управления национальной экономикой. Каждый очередной съезд МНРП принимал директивы по планам развития народного хозяйства и культуры страны сроком на пять лет (исключением стал только один трехлетний план на 1958–1960 гг.) и передавал их на утверждение Великому народному хуралу (ВНХ). В общей сложности в Монголии было реализовано таким образом восемь плановых пятилеток. Планы были несовершенны и выполнялись далеко не полностью, особенно в сфере кочевого животноводства, которое оказалось неподвластным плановому регулированию в силу высокой зависимости от природных условий и несовершенства самих планов. Плановые задания завышались, при разработке показателей в расчет принимались в первую очередь полигические соображения. Так, предполагалось, что поголовье скота в МНР, насчитывавшего в то время от 22 до 26 млн. голов, может достичь 100 млн. (установка Сталина), затем — 50 млн. голов (совет Сталина и установка Чойбалсана) и, наконец, 31 млн. (задача первого пятилетнего плана). Но даже более умеренное задание, предусмотренное директивами XII съезда МНРП (1953 г., вторая пятилетка), довести рост поголовья скота до 27,5 млн., увеличив его на 20% от уровня 1952 г., оказалось невыполнимым. Успешнее развивались другие народно-хозяйственные секторы — промышленность, строительство, транспорт и связь, так как именно туда направлялась в первую очередь основная экономическая помощь СССР. Но прирост и в этих секторах происходил преимущественно за счет экстенсивного развития, т.е. строительства и ввода в эксплуатацию новых производственных объектов. Экономические же показатели в целом (себестоимость продукции, ее качество и т.п.) отставали.

Государственное строительство того периода официально ориентировалось на развитие в стране политической демократии. В феврале 1949 г. был созван XI Великий народный хурал, который внес поправки в действующую конституцию МНР, согласно которым Малый народный хурал был распущен, а Великий стал государственным законодательным органом. Внесены были также изменения в избирательную систему. Выборы стали всеобщими (ранее участие в них было ограничено), равными (до того — не вполне равные), прямыми (ранее — многостепенные) и тайными (до того — открытые). На основе новой избирательной системы в июне 1951 г. прошли выборы в Великий народный хурал. Однако выборы в то время не были демократическими, так как кандидаты в депутаты назначались Центральным комитетом партии по их деловым качествам. Фактически граждане голосовали за назначенцев, кандидатурам которых не было альтернативы. Вновь избранный ВНХ состоял из 295 депутатов. Председателем его Президиума был избран бывший председатель Малого хурала Г. Бумцэнд, Совет министров возглавил Х. Чойбалсан.

В 1953 г. на третьем пленуме ЦК МНРП были подведены итоги выполнения заданий первой пятилетки. Показатели экономического развития выросли, но

были далеки от официальных плановых заданий. Но были и немалые достижения. Общее поголовье скота в стране увеличилось на 8,7%, было создано несколько новых государственных хозяйств. В пригородах столицы стали работать три новые государственные молочные фермы. Ежегодный среднегодовой темп роста промышленного производства составил 9,8% (вместо 19,4% по плану). Особенно выделялся рост капиталовложений в аграрный сектор, объем которых в 1952 г. превышал уровень 1947 г. в десять раз. При содействии СССР была сооружена и вступила в строй ширококолейная железная дорога от Улан-Батора до пограничного пункта Наушки, были модернизированы и расширены несколько предприятий перерабатывающей промышленности, телефонизированы и радиофицированы многие населенные пункты. В 1949 г. состоялось подписание ряда двусторонних межправительственных соглашений, в том числе об учреждении крупных советско-монгольских акционерных предприятий — общества «Сов-монголметалл», «Уланбаторская железная дорога». В 1952 г. МНР и КНР достигли договоренности о строительстве железной дороги от Улан-Батора до монгольско-китайской границы — на территории МНР, и до китайско-монгольской границы — на территории КНР. В июле 1954 г. в Улан-Баторе с официальным визитом побывал Чжоу Эньлай.

Большим успехом в сфере культурного строительства в годы первой пятилетки был резко возросший уровень грамотности населения. Составлявший в 1946 г. только 36%, он поднялся до 99% в 1953 г. Усилению влияния СССР на формирование и развитие образования и просвещения в МНР способствовал переход Монголии со старого монгольского письменного языка (уйгурское письмо) на кириллицу. Начиная с 1 июля 1950 г. все государственное делопроизводство было переведено на новую письменность.

26 января 1952 г. скончался премьер-министр МНР маршал Х. Чойбалсан, находившийся на лечении в Москве. В 1953 г. умер И.В. Сталин. С этими двумя событиями многие историки связывают окончание культа личности Чойбалсана и начало кратковременного потепления политического климата в Монголии.

В июле 1954 г. прошла очередная сессия ВНХ второго созыва, избравшая Председателем Президиума ВНХ Ж. Самбу. Сессия образовала правительство во главе с Ю. Цеденбалом. Вслед за сессией собрался XII съезд МНРП (ноябрь 1954 г.), он внес изменения и дополнения в устав партии, утвердил директивы развития народного хозяйства и культуры МНР на 1953–1957 гг. (вторая пятилетка). Планировалось довести поголовье скота в стране до 27,5 млн., увеличив его на 20,7% по сравнению с 1952 г. Съезд потребовал от государства широкой поддержки аратских хозяйств и их производственных объединений, подчеркнул также огромное значение индустриализации «в деле продвижения страны по пути социализма», определив ежегодный темп роста промышленной продукции в 7,8%.

Продвижение к заданным целям происходило в осложнившейся международной обстановке, вызванной разногласиями между СССР и Китаем после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.). МНРП одобрила доклад Н.С. Хрущева и решения XX съезда по вопросу о культе личности Сталина, в Китае же эти события вы-

звали обратную реакцию. Для МНР новая ситуация грозила опасностью быть вовлеченной в битву «двух гигантов». Действительно, многое положительное из того, что достигли МНР и КНР в ходе сотрудничества, стало уграчиваться. Страну покинули китайские рабочие (около 10 тыс. человек), помогавшие монголам строить ряд промышленных объектов, закрылись управления кадрами китайских рабочих, созданные при монгольском правительстве и при посольстве КНР в Улан-Баторе.

В этих условиях монгольское руководство считало необходимым укрепить в стране позиции социализма, сделав сердцевиной своей внутренней политики ускорение процесса формирования общественной (социалистической) собственности в ее основных формах — государственной и кооперативной. Такая политика вполне отвечала марксистско-ленинскому учению о социализме, практическое осуществление которого Монголия видела на примере других социалистических стран. Кроме того, первые попытки продолжить обобществление части хозяйств путем создания аратских производственных объединений (АПО), предпринятые в начале 1940-х годов, считались удачными. За пять лет, с 1948 по 1952 г. число АПО в стране выросло на 52,7%, количество членов — на 100%, численность обобществленного скота — в шесть раз. Путем кооперирования монгольское руководство стремилось решить следующие экономические проблемы: обеспечить подъем животноводства и на этой основе увеличить выход товарной продукции отрасли, улучшив, таким образом, снабжение городов продовольствием, сырьем — перерабатывающую промышленность, повысить управляемость развитием сельского хозяйства и экспортный потенциал страны.

Процесс быстрого, фактически массового форсированного кооперирования аратских хозяйств развернулся в годы реализации директив по трехлетнему народно-хозяйственному плану (1958–1960) и проходил под руководством партийных организаций. Созванный в марте 1958 г. XIII съезд МНРП поставил задачу — завершить кооперирование основной массы аратских хозяйств в течение ближайших трех лет. Инициированное сверху, массовое кооперирование аратских хозяйств завершилось в 1959 г., когда 200 тыс. мелких индивидуальных (частных) хозяйств оказались состоящими в 389 крупных сельскохозяйственных объединениях (СХО, как стали называться затем АПО), которые вместе с госхозами образовали социалистический сектор в сельском хозяйстве. Таким образом, в Монголии возникла однородная по сути форма собственности — общественная в двух видах: государственная (промышленность, торговля, транспорт и связь) и кооперативная. В дальнейшем кооперативная собственность стала постепенно приобретать черты государственной. Особенностью монгольской коллективизации было оставление в личной собственности члена СХО значительной части скота. Фактически это было признанием невозможности обеспечить существование арата только за счет общественного производства.

В годы трехлетки произошло еще одно важное событие в экономической жизни страны — в МНР завершилось формирование при помощи СССР земледелия в качестве самостоятельной отрасли, способной обеспечить население мукой собственного производства.

Начиная с 1960 г. МНР начала сотрудничать с отдельными частными фирмами Японии и Великобритании. Создавались предпосылки к установлению торговых связей с фирмами США, Австрии, Швеции, ФРГ, Италии, Бельгии. В 1960 г. по решению ЦК МНРП и Совета министров МНР при Министерстве внешней торговли была создана Торговая палата и организован внешнеторговый арбитраж.

Изменения происходили и в характере власти в МНР, она становилась все более авторитарной. После Второй мировой войны в странах социализма выросла роль коммунистических партий и стали складываться режимы, при которых власть оказывалась в руках одного, главного политического лидера, занимающего одновременно два высших поста — первого секретаря ЦК партии и председателя Совета министров. Монголия не была исключением. На втором пленуме ЦК МНРП в ноябре 1958 г. Ю. Цеденбал, председатель Совета министров МНР, был избран первым секретарем ЦК МНРП.

Итак, к началу 1960-х годов во внутреннем и внешнем положении МНР произошли фундаментальные изменения. Наметился рост экономического потенциала, выросла численность населения. С установлением социалистических производственных отношений во всех сферах народного хозяйства возникла экономическая база для дальнейшего формирования авторитарного режима. Моноукладная экономика облегчила последующее применение на практике административно-командных методов управления народным хозяйством. Но внешнеполитическое положение страны укрепилось.

Все эти важнейшие достижения, равно как и представления руководства о дальнейшем пути развития страны, в обобщенной форме были закреплены в конституции Монгольской Народной Республики, утвержденной первой сессией ВНХ IV созыва 6 июля 1960 г.

Новая конституция пришла на смену прежней, действовавшей с 1940 г. В преамбуле была сформулирована стратегическая цель МНР — «завершить социалистическое строительство и построить в дальнейшем коммунистическое общество». Монгольская народно-революционная партия объявлялась «направляющей и руководящей силой государства и общества МНР».

В конституции 1960 г. была определена социальная природа монгольского государства: «Монгольская Народная Республика является социалистическим государством рабочих, кооперированных аратов (животноводов) и земледельцев и трудовой интеллигенции, основанным на союзе рабочего класса и кооперированного аратства». Политической основой государства были признаны народные хуралы (собрания) всех степеней.

В качестве экономической основы страны конституция назвала всенародную собственность на средства производства. Конституция 1960 г. носила двойственный характер. С одной стороны, она объективно оценила действительно немалые успехи страны, достигнутые по многим направлениям жизнедеятельности монгольского общества, а с другой — содержание ее было идеологизировано, т.е. экономические стимулы развития подменялись идеологическими установками и мобилизационными лозунгами.

С момента принятия новой конституции страна вступила в новый, сравнительно длительный этап своей истории, определяемый как этап социалистического строительства. В рамках этого этапа выделяются три периода. Первый период (1961–1984) охватывает время существования МНР в условиях авторитарной политической системы, часто называемой в литературе «эрой Цеденбала»; второй отрезок времени (1985–1989) выделяется обострением внутренних противоречий и зарождением демократического движения. Третий период (1990–2000) связан с такими событиями, как свершение либерально-демократической революции и смена модели социально-экономического развития.

Монополия партии на власть привела к появлению в каждой из стран социализма авторитарного лидера в лице ее высшего руководителя. В Монголии таким лидером стал Ю. Цеденбал. Укрепление диктаторских функций МНРП вкупе с властью авторитарного лидера было обусловлено рядом внешних и внутренних факторов. Первые были связаны с меняющейся международной обстановкой, влиянием примеров политических режимов в других странах социалистической системы, вторые — с единой для всех них социалистической идеологией как условием успешного развития по пути прогресса. Ужесточение политического режима сама МНРП связывала с тем, что Китай не оставлял надежд на возвращение Монголии в свой состав. Во время пребывания советской делегации в Пекине (по поводу празднования 5-й годовщины провозглашения КНР) Мао Цзэдун предложил Хрущеву и Булганину «согласовать» вопрос о присоединении МНР к Китаю. Ответ был дан однозначный — судьба Монгольской Народной Республики должна решаться не в Пекине или Москве, а в Улан-Баторе. Это был чрезвычайно редкий в международной практике инцидент, когда одно социалистическое государство (Китай) предприняло конкретные шаги к поглощению другого социалистического государства (МНР), официально им признанное. С учетом этого факта Монголия продолжала предпринимать более энергичные шаги для вступления в ООН, стремясь укрепить с таким грузом завоеванный международный статус суверенного государства.

Вопрос о членстве в ООН монгольское правительство поднимало регулярно (в 1946, 1948, 1955 и 1957 гг.), но просьба отклонялась под различными предложениями до тех пор, пока под давлением советской дипломатии Совет Безопасности не утвердил резолюцию, рекомендующую Генеральной Ассамблее принять МНР в ряды ООН. 27 октября 1961 г. стало датой официального вступления Монголии в самую влиятельную в мире международную структуру. Это событие повысило авторитет Монголии на мировой арене, напоминало Китаю о ее независимости.

Другим важным событием в международной жизни МНР стало ее вступление в Совет экономической взаимопомощи, состоявшееся 7 июля 1962 г. Монголия подписала договоры о сотрудничестве со всеми странами-членами СЭВ. Благодаря членству в этой организации она стала пользоваться торгово-экономическими преференциями, предусмотренными уставом Совета для слаборазвитых стран. Установка СЭВ на выравнивание уровней развития ее членов открывала перед МНР перспективу получать существенную помощь от этой организации, стать активным участником процесса социалистической экономической интеграции.

ции, реализации Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции (1971). Но одновременно свертывались экономические связи Монголии с Китаем. Сократился товарооборот между двумя странами. В течение 1960–1964 гг. ежегодные китайские поставки в МНР пшеницы уменьшились с 3350 до 200 т, пшеница — с 4560 до 100 т, хлопчатобумажных тканей — с 19,6 млн. до 1,1 млн. м. К советско-китайским и монгольско-китайским границам начали стягиваться китайские войска.

15 января 1966 г. СССР и МНР заключили между собой сменявший договор 1946 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи сроком на 20 лет с правом его автоматического продления на следующие 10 лет. Ввиду обострившейся обстановки на Дальнем Востоке большое значение имело положение нового договора о том, что стороны «будут совместно предпринимать все необходимые меры, включая военные, в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран». В соответствии с Договором 1966 г., на территорию МНР по просьбе ее правительства в том же году вошли советские войска, которые были выведены только в 1989 г. Таким образом, СССР защищал не только интересы собственной безопасности, но и своего союзника.

В такой обстановке в МНР произошло новое ужесточение политического режима, так как монгольское руководство, занявшее сторону Советского Союза в конфликте с Китаем, считало необходимым укреплять внутривнутриполитическую стабильность таким путем. Любая критика политики партии, высшего руководства объявлялась отступлением от марксизма-ленинизма. Авторитарный политический режим в Монголии был тесно связан с именем Ю. Цеденбала, в руках которого концентрировалась неограниченная власть.

Однако недовольство подобным порядком стало проявляться в среде политической элиты и творческой интеллигенции. Их отдельные представители пытались высказывать свои взгляды на историю страны и происходящие в ней перемены с точки зрения, не совпадающей с официальной позицией. В адрес МНРП звучали упреки в слабом руководстве экономикой, в проведении несамостоятельной политики на международной арене, забвении важных традиций страны и т.п. Примеров тому было много. Участью критиков становились смещение их с занимаемых должностей и высылка в провинцию. Дело не кончалось тюремным заключением и другими жесткими репрессиями наподобие тех, которые применялись в 1930-х годах, но все-таки это тоже были ломавшие судьбы людей репрессии.

МНРП, направляемая главой государства, управляла всеми государственными делами, в ее фактическом подчинении находились все органы власти, от их низших ступеней до высших. Она руководила общественными организациями — профсоюзами, Монгольским революционным союзом молодежи, творческими союзами и другими общественными организациями. Численность членов партии продолжала расти. В середине 1961 г. в ее рядах насчитывалось 43,9 тыс. членов и кандидатов в члены МНРП, в то время как все население страны, включая несовершеннолетних и лиц престарелого возраста, составляло 936,9 тыс. человек

(1960). В 1966 г. в МНРП состояло уже 48,5 тыс. членов и кандидатов в члены партии.

Дальнейшее развитие Монголии — вплоть до отправления в отставку Ю. Цеденбала (август 1984 г.) и быстрого нарастания предпосылок политического и социально-экономического кризиса — продолжалось в рамках устоявшегося авторитарного режима и диктатуры МНРП. Особенно много усилий прилагалось для партийного обеспечения хозяйственного строительства, идейно-политического воспитания населения. В 1966 г. на XV съезде партии была принята новая программа МНРП. В этой четвертой по счету программе со времени создания Монгольской народно-революционной партии были отражены теоретические представления ее руководителей о сущности некапиталистического пути развития, определены задачи и стратегия развития МНР на весь период завершения строительства социализма. Если в 1940 г. X съезд МНРП заявил, что МНР прочно стала на некапиталистический путь развития, то на XV съезде было сказано, что страна уже «совершила исторический переход от феодализма к социализму». Это было явное «забегание вперед», продиктованное желанием «идти в ногу» с другими, более развитыми странами социализма.

Однако, несмотря на то что задачи экономического строительства на съезде и в Программе были максимально политизированы, само их конкретное содержание (развитие материально-технической базы промышленности, повышение уровня механизации труда, постепенное внедрение автоматизации в производственные процессы и т.п.) свидетельствовало — МНР в сфере экономики решала те же проблемы, с которыми сталкивались слаборазвитые суверенные страны, независимо от характера их политического строя. Страна продолжала развиваться, используя те возможности, которыми она для этого располагала. В третьей пятилетке (1961–1965) национальный доход МНР вырос на 30%, валовая продукция сельского хозяйства — на 20%, промышленного производства — на 60%; основные фонды народного хозяйства увеличились на 80%.

В следующее, четвертое плановое пятилетие (1966–1970) Монголия столкнулась с понижением темпов роста национального дохода до 21%, а основных фондов — до 50%, хотя промышленность росла примерно теми же темпами, что и в третьей пятилетке. При росте капиталовложений в развитие сельского хозяйства поголовье скота в стране сократилось с 23,8 млн. в 1965 г. до 22,6 млн. голов в 1970 г. Это свидетельствовало о низкой эффективности общественного производства, слабой защите кочевого хозяйства от стихии природы, неудовлетворительном использовании основных фондов, снижении роли моральных стимулов для роста производительности труда. Именно поэтому МНРП на своем XVI съезде (июнь 1971 г.) выдвинула новый теоретический тезис о том, что для полной победы социализма потребуются длительный отрезок времени, состоящий из нескольких этапов.

Тем не менее контрольные цифры очередной, пятой пятилетки (1971–1975) предусматривали высокие темпы экономического роста. Их достижение было рассчитано на финансовую, материальную и техническую помощь СССР и других стран-членов СЭВ. 28 декабря 1970 г. Советский Союз и Монголия заключи-

ли между собой Соглашение об экономическом сотрудничестве на 1971–1975 гг. СССР принял на себя обязательство предоставить МНР кредит в сумме 570 млн. рублей из расчета 2% годовых. Затем в 1973 г. были подписаны советско-монгольские межправительственные соглашения о создании совместного горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт» на базе крупного медно-молибденового месторождения. На реализацию этого проекта Советский Союз выделил Монголии кредит на льготных условиях. Последняя очередь этого предприятия вошла в строй в 1981 г. С этого времени его продукция стала обеспечивать до 40% монгольского экспорта. Проводя политику индустриализации, МНР пользовалась помощью и других стран членов СЭВ. При их содействии в стране были построены Дарханский овчинно-шубный комбинат (совместно с Болгарией), биокомбинат под Улан-Батором и швейная фабрика (с Венгрией), Уланбаторская обувная фабрика (с Чехословакией), ковровый комбинат в Эрдэнэте (с ГДР) и ряд других важных промышленных объектов.

Партия продолжала держать в своих руках управление народным хозяйством. Ее очередные съезды — XVII (1976) и XVIII (1981) утвердили соответственно директивы шестого и седьмого планов развития народного хозяйства и культуры, а XIX съезд (1986) — восьмой и последний в истории МНР пятилетний план. Итоги их выполнения показали рост монгольской внешней торговли с социалистическими странами, которым принадлежало 96,6% во внешнеторговом обороте МНР, в том числе Советскому Союзу — 81,8%. На долю развитых капиталистических стран приходилось только 3,3%.

В целом экономика и культура МНР в рассматриваемый период развивались относительно высокими темпами, но все-таки они были недостаточными для решения поставленных задач. В годы последних пятилеток строились и вступали в эксплуатацию крупные объекты народно-хозяйственного значения, в том числе горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», угледобывающее предприятие «Батанур»; расширены Шарынгольский угольный разрез, две столичные электростанции, горно-добывающее предприятие «Бор Ундур», Хутульский цементный комбинат и др. В начальный период эксплуатации прибыли от производственной деятельности этих предприятий были незначительны. К тому же финансирование строительства производилось главным образом за счет внешних, преимущественно советских, займов и кредитов. Если в середине 1970-х годов задолженность МНР Советскому Союзу составляла около 2,2 млрд. рублей, то в 1989 г. монгольский долг возрос до 9,7 млрд. переводных рублей. К тому же в сфере торговли двух стран повышение цен на товары советского производства опережало рост цен на монгольские товары. При этом МНР не отрицала народно-хозяйственное значение советской помощи. Тем не менее факт растущей задолженности оказал негативное влияние на развитие монгольской экономики.

К середине 1980-х годов в монгольском обществе проявились признаки застоя. Сказывались недостатки централизованного планирования. Слабее действовали моральные стимулы роста производства, падал жизненный уровень населения. Назревало недовольство отсутствием реальных демократических свобод, зажимом критики, тотальным вмешательством партийных органов во все сфе-

ры жизнедеятельности страны и государства. Все это, вместе взятое, стало предопределять необходимость проведения в МНР радикальных политических и экономических реформ.

Незадолго до освобождения (фактически — смещения) Ю. Цеденбала со всех высших постов в 1984 г. монгольский лидер практически оказался в политической изоляции, из малочисленного круга сторонников монгольского лидера были вытеснены наиболее преданные ему соратники, в авторитарном механизме Монголии стали возникать сбои, вызванные присущими самому этому режиму противоречиями. На руководящие должности назначались люди по признаку землячества, для элиты существовала система льгот (специальные магазины, поликлиники и т.д.). Ю. Цеденбал так и не подготовил себе смену из числа молодых политиков. Ухудшение дел в стране некоторые политические деятели закономерно начали связывать с ослаблением авторитета и власти лидера. По их инициативе в августе 1984 г. внеочередной VIII пленум ЦК МНРП освободил Ю. Цеденбала от всех его высоких должностей и избрал Жамбына Батмунха, председателя Совета министров МНР с 1974 г., Генеральным секретарем ЦК МНРП.

Смена власти в МНР по времени почти совпала с началом политики перестройки в Советском Союзе. «Новое мышление» М.С. Горбачева, идеи перестройки, способствуя нарастанию перемен в СССР, оказали большое влияние на руководство МНР. Ж. Батмунх неоднократно встречался с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым и не раз высказывал поддержку идеям перестройки советского общества.

В мае 1986 г. собрался XIX съезд МНРП. Монгольская общественность ожидала от него принятия решительных действий по обновлению жизни страны. Но работа съезда прошла в традиционном ключе: были подведены итоги выполнения заданий VII пятилетки (1981–1985), намечены планы на следующее, VIII пятилетие (1986–1991), отмечались некоторые недостатки, но рекомендации по их ликвидации, как обычно, носили общий характер, хотя на XIII съезде монгольских профсоюзов (1987) Ж. Батмунх твердо заявил: «Перестройка — это тот путь, на который мы ориентируемся».

Новое монгольское руководство пришло к власти, когда в стране обнаружались первые серьезные признаки неблагополучия буквально во всех отраслях экономики и общественной жизни. Особенно напряженным становилось положение в сфере народного благосостояния. Средний доход членов сельскохозяйственных объединений, например, в течение многих лет был в полтора раза ниже среднего заработка рабочего или служащего. Размер пенсии по старости оставался незначительным, не уменьшалась острота жилищной проблемы.

К тому же надежды на то, что СССР, а также СЭВ по-прежнему будут считать Монголию страной, требующей их постоянной помощи, пошатнулись. В августе 1986 г. главы двух государств подписали Долгосрочную программу развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и МНР на период до 2000 г., но реализация ее была неэффективной. Советская сторона проигнорировала просьбу руководства МНР о строительстве металлургического завода малой мощности, о повышении цен на продукцию, поступающую в СССР

из Монголии по импорту. Монгольское общество не было удовлетворено низким уровнем демократии, в том числе государственной цензурой на прессу, вмешательством партии во все вопросы политического, экономического и культурного строительства. Критический настрой подогревала память о репрессиях монгольских граждан по политическим и религиозным мотивам 1930-х годов, о культе личности, о фактах недавних притеснений монгольских ученых и политических деятелей. Кроме того, развитию критических выступлений способствовало и более широкое знакомство монголов с внешним миром через развитие межпарламентских связей, расширение географии дипломатических отношений.

Монгольское руководство предприняло было попытку выправить неблагоприятную ситуацию, прежде всего посредством разработки, по примеру Советского Союза, целевой Программы развития сельского хозяйства и улучшения снабжения населения продовольствием, однако реализация программы оказалась безуспешной. Мало того, во второй половине 1980-х годов в стране обострилась продовольственная проблема. Пытаясь выявить причины отставания экономики, партия (решения V и VII пленумов ЦК МНРП 1989 г.) ссылалась на отсутствие в народном хозяйстве отраслей, определяющих научно-технический прогресс, в том числе производства черных и цветных металлов, машиностроения, электроники, химии.

В целом к началу 1990-х годов МНР в экономическом плане оставалась страной с неразвитым внутренним рынком, с ограниченными возможностями для активного участия в мировом и региональном разделении труда. Интегральным показателем слабости была структура источников формирования валового национального дохода и, соответственно, государственного бюджета страны. Так, 40% годового государственного бюджета МНР формировалось за счет кредитов и помощи Советского Союза. Государство пыталось оживить производство, разрабатывая законодательство, стимулирующее развитие трудовой инициативы в сфере промышленности. В 1988 г. был принят Закон МНР о государственном предприятии, согласно которому совместные предприятия получили право самостоятельно разрабатывать производственные планы. Начиная с 1989 г. им же было разрешено распоряжаться частью валютной выручки для приобретения на внешнем рынке машин, оборудования, запасных частей и других товаров производственно-технического назначения.

Однако в целом остановить при помощи отдельных мероприятий надвигающийся экономический кризис не удалось: в 1992 г. производство ВВП составляло только 67,7% от уровня 1989 г. Возник дефицит продуктов питания в городах, непродовольственных товаров повседневного спроса — повсеместно. Дезинтеграция СССР, разрыв большинства экономических связей с Россией и другими странами-членами СЭВ сыграли в этом процессе негативную роль.

Вышеперечисленные и многие другие причины сформировали предпосылки к зарождению кризиса власти в МНР, когда демократизация всех сторон ее жизни стала настоящей общественной потребностью. Ее выразителями в конце 1989 г. выступили новые партии и движения, оппозиционные режиму. Деятельность этих политических сил носила мирный характер, они действовали в кон-

ституционных рамках, не призывая к насилию, восстанию, свержению и т.п. Но их деятельность привела к свершению мирной демократической революции (либерально-демократическая) в марте 1990 г.

10 декабря 1989 г. в Улан-Баторе на приуроченном к Международному дню прав человека митинге было объявлено об официальном создании Монгольского демократического союза (МДС).

МДС потребовал от высшего монгольского руководства принять закон о партиях, закон о печати, изъять из текста действующей конституции пункт о руководящей роли МНРП в обществе, твердо соблюдать права граждан. Союз настаивал на обновлении системы выборов депутатов в ВНХ и его досрочном созыве, а также на ликвидации системы специального снабжения для партийных и государственных руководителей. В круг требований входили также реабилитация репрессированных по политическим мотивам граждан, признание принудительного характера массового кооперирования аратов, вины за последствия антирелигиозной политики 1930-х годов, ошибочности одобрения известных событий в Венгрии в 1956 г. и в 1968 г. — в Чехословакии и т.п. В критике деятельности МНРП важное место занимал вопрос о перестройке экономических основ государства.

18 февраля 1990 г. состоялся первый съезд Демократического союза. К тому моменту ряд требований МДС был уже частично удовлетворен: отменена система специального снабжения, предприняты меры к установлению контактов с демократическими силами, разработан проект нового закона о выборах в Великий народный хурал. Но МНРП оставалась у власти, обстановка в стране не улучшалась. Съезд призвал правительство и ЦК МНРП к уходу в отставку. На съезде состоялось также создание Монгольской демократической партии (МДП). Пик революционных событий, имевших судьбоносное значение, пришелся на первую половину марта 1990 г. В них участвовали, помимо МДС и МДП, Монгольская социал-демократическая партия, Новый прогрессивный союз и Союз монгольских студентов.

4 марта в Улан-Баторе на площади перед Домом правительства прошел массовый митинг (примерно 90 тыс. чел.), организованный Демократическим союзом. Но его требования, обращенные к руководству МНРП, не были удовлетворены. В ответ на это десять членов Главного координационного совета МДС объявили голодовку, требуя ухода в отставку политбюро ЦК МНРП в полном составе. Утром 9 марта политбюро ЦК МНРП единогласно вынесло решение о своей отставке. VIII пленум ЦК МНРП (12–14 марта) отставку политбюро принял.

Так в Монголии произошла революция, которая по своим целям и задачам носила либерально-демократический характер. Она открыла путь к созданию новых рыночных отношений, либерализации внешней торговли, дала простор новым предпринимательским элементам. Она отменила порядок выборов в органы власти, когда депутаты фактически не избирались, а назначались, сводя всю, казалось бы, демократическую процедуру выборов к простой формальности. На том же VIII пленуме на должность нового генерального секретаря ЦК МНРП был избран кадровый партийный работник Г. Очирбат. В итоге политический кризис

был в основном преодолен: МНРП отказалась от конституционных гарантий на ведущую и направляющую роль в государстве и обществе, были приняты Закон о политических партиях и решение о проведении досрочных выборов в ВНХ и местные органы власти. На VIII сессии ВНХ 11-го созыва (21–23 августа 1990 г.) Ж. Батмунх оставил пост председателя президиума ВНХ. Эту должность занял П. Очирбат, на посту премьер-министра Ж. Батмунха сменил Ш. Гунгаадорж.

Революция привела страну к отказу от строительства социализма и, соответственно, к смене модели политического и социально-экономического развития, направив его на путь строительства гуманного, гражданского демократического общества с рыночной экономикой.

Однако МНРП отнюдь не сошла с политической арены, а приступила к обновлению характера своей деятельности, организационных основ, стиля работы и пр. Это нашло отражение в решениях первого чрезвычайного съезда партии (февраль 1991 г.), а также в материалах всех последующих съездов МНРП — XX (1991), XXI (1992), XXII (1997) и ряда пленумов. На чрезвычайном съезде партия признала многие свои ошибки и просчеты, в том числе промедление с разработкой концепции и темпами перестройки, декларативность идей обновления политической системы, выжидательную позицию партийных и государственных кадров по отношению к возникающим в обществе новым явлениям. Съезд призвал «решительно отказаться от устаревшей экономической теории, отсталых методов практической деятельности, перестроить сверхцентрализованную экономику, сдерживающую творческую инициативу личности, трудовых коллективов». В связи с этим был поставлен вопрос о необходимости перехода к экономике, базирующейся на плюрализме форм собственности.

Последовавший за чрезвычайным съездом V пленум ЦК МНРП принял концепцию обновления МНРП и постановил выработать новую программу и устав партии, реабилитировал исключенных из партии крупных политических и государственных деятелей МНР на III пленуме ЦК (1959) — Д. Дамбу и Л. Цэнда — на V пленуме ЦК (1963). МНРП оставалась одной из влиятельных политических сил в стране, превратилась в разновидность социал-демократической партии. В ее новой программе стояла задача — «вести активную борьбу за создание новой демократической структуры государства, последовательное развитие строя народного самоуправления и надежную законодательную гарантию прав человека».

В августе 1990 г. в стране состоялись выборы в Великий народный хурал XII созыва, его первая сессия открылась 3 сентября того же года. В ее работе участвовали 422 делегата. Причем представители МНРП заняли 61,7% мест, МДП — 24,3, Монгольской партии национального прогресса (МПНП) — 5,9, Монгольской социал-демократической партии (МСДП) — 5,5, Партии зеленых — 1,22%. Один мандат принадлежал делегату от Монгольской партии свободного труда. Сессия избрала первого в истории Монголии президента, которым стал делегат от МНРП Пунсалмаагийн Очирбат. Он возглавил созданную сессией специальную комиссию по разработке концепции и проекта новой конституции. Принятая 13 января 1992 г. на второй сессии ВНХ XII созыва консти-

туция Монголии главной целью страны провозгласила строительство гуманного гражданского демократического общества, соблюдение прав и свобод человека и формирование правового государства. С этого момента Монгольская Народная Республика стала именоваться иначе — Монголия.

Новая конституция установила, что «вся власть в Монголии принадлежит народу» (ст. 3). Реализация этого основополагающего конституционного принципа осуществляется выборными институтами. Конституция утвердила в Монголии парламентское правление во главе с президентом как символом верховной власти в стране. Конституция закрепила принцип разделения властей в законодательном порядке, установив формы их взаимодействия. По конституции структуру власти образуют: Великий государственный хурал (однопалатный постоянно действующий парламент), Президент Монголии, правительство Монголии и судебная власть. Согласно ей избранное большинство формирует правительство.

Нововведением в структуре судебной системы стало создание конституционного суда, независимость которого гарантирована конституцией и другими законами.

Принятие в 1992 г. новой конституции — системообразующее мероприятие в организации жизни монгольского общества на демократических началах. Развитие политической демократии в Монголии было поддержано новым законом о политических партиях от 28 апреля 1996 г. Закон предписывал партиям руководствоваться такими принципами, как гласность и уважение требований конституции и других законов Монголии; соблюдать принципы гуманности, демократии и справедливости.

Роль новых партий в общественно-политической жизни страны стала определяться прежде всего итогами их участия в парламентских и президентских выборах. Демократы, собрав коалицию, проиграли на выборах 1992 г. в Великий государственный хурал, уступив власть в стране Монгольской народно-революционной партии, представившей парламентское большинство. Но на президентских выборах 1993 г. победу одержал кандидат от Демократического союза (коалиция Монгольской национал-демократической партии и МСДП) Н. Очирбат, отказавшийся от членства в МНРП. Затем та же коалиция выиграла парламентские выборы 1996 г. Правительство Монголии возглавил М. Энхсайхан. Но в 1998 г. на смену ему пришло правительство Ц. Элбэгдоржа, бывшего главы парламентского большинства коалиции, а с декабря того же года премьер-министром стал Ж. Наранцацрал, бывший мэр г. Улан-Батор.

В 1997 г. МНРП на XXII съезде решила обновить методы работы в условиях борьбы с оппозицией за власть. Особое внимание она стала обращать на деятельность на местах, более последовательно отстаивать интересы населения. В результате свободных демократических выборов в Великий государственный хурал 2 июля 2000 г. она одержала победу, завоевав подавляющее большинство избирательских голосов — из 76 мест в парламенте ей стали принадлежать 72. Лидер МНРП Н. Энхбаяр стал премьер-министром. Позиции партии укрепились в государственных органах всех уровней. Президентские выборы 20 мая 2001 г. выиграл Н. Багабанди. Все эти события пришлись на конец XX — начало XXI в.

и, естественно, отразили как итоги ушедшего столетия, так и зарождавшиеся новые тенденции и перспективы развития Монголии.

Демократические процессы в сфере монгольской экономики определялись рыночными реформами, которые были сосредоточены на решении таких проблем, как создание многообразия форм собственности, приватизация предприятий кооперативной и государственной собственности.

В начале 1990-х годов в стране была проведена массовая приватизация скота и частично — государственных предприятий, что создало предпосылки для развития мелкого и среднего бизнеса. В 1993 г. частный сектор монгольской экономики произвел 60% ее ВВП. Наметился рост поголовья приватизированного скота, перешедшего почти целиком в частные руки. Если в 1990 г. в стране насчитывалось 25,8 млн. голов скота, то в 1995 г. — 28,5 млн., а в 1999 г. — 33,5 млн. голов.

Процесс приватизации был поддержан монетарной политикой государства. Начались формирование новой банковской системы, реформирование налоговой политики. С 1992 г. Центральный банк страны (Монголбанк) прекратил финансирование дефицита государственного бюджета и предоставление целевых централизованных кредитов отраслям народного хозяйства. В 1998 г. он стал первым банком, где иностранные инвесторы и внешнеторговые агентства начали получать информацию о бизнесе любого уровня.

Стабилизация монгольской экономики наметилась в 1994–1995 гг., когда заработали рыночные механизмы. Начался рост производства продукции животноводства, оживился промышленный сектор, поддержанный иностранными инвестициями. В относительно сжатые сроки была урегулирована проблема высокой динамики инфляции.

Мировое сообщество в лице Международного валютного фонда, Всемирного банка и других международных финансовых организаций оказало значительную финансовую поддержку монгольским реформам. При активном участии этих организаций с 1991 по 2003 г. было проведено десять совещаний стран-доноров Монголии. За этот период донорская помощь (52% — безвозмездная помощь, 48% — льготные кредиты) составила 2,4 млрд. долл. США. Собственные усилия, помощь международных организаций содействовали экономическому развитию Монголии, в первую очередь в сфере материального производства (промышленность, инфраструктура).

В 2000 г. промышленность произвела 23,2% ВВП, а выпуск валовой продукции индустриальных отраслей возрос (в ценах 1995 г.) на 2,4% по сравнению с предшествующим годом. Оживилось производство в горно-рудной и электроэнергетической отраслях промышленности. В целом же, по официальным оценкам, в экономике к началу 2000-х годов возникли положительные тенденции, наметилась стабильность.

Вместе с тем в структуре экономики существенных сдвигов не произошло. Основными источниками роста традиционно оставались горно-рудная промышленность (производство медной концентрата), добыча золота, инфраструктура (выработка электроэнергии и тепла, коммуникации и транспорт). Рост животно-

водческой продукции продолжал колебаться в зависимости от погодных условий, снизился выход продукции растениеводства, медленно рос внешнеторговый оборот.

Значительно сократившийся государственный сектор по-прежнему оставался хотя и не монопольным, но весьма значимым сектором национальной экономики. В этом секторе были оставлены предприятия отраслей, где решаются стратегические задачи — оборона, фундаментальная наука, капиталоемкие производства, отдельные отрасли инфраструктуры.

Импульсивно развивалось сельское хозяйство. поголовье скота выросло, но технология его защиты от неблагоприятных явлений природы осталась без изменений. Суровая зима 1992/93 г. разорила около 2 тыс. аратских хозяйств. В зимние месяцы 1999/2000, 2000/01 и 2002/03 гг. в нескольких монгольских аймаках произошел массовый падеж скота, вызвавший обнищание тысяч аратских хозяйств. В итоге численность скота, превысившая было в 1999 г. 33,5 млн. голов, сократилась в 2000 г. до 32,2 млн. и до 26,5 млн. — в 2001 г. Это привело к уменьшению производства животноводческой продукции примерно на 16% (2000 г.). Поэтому правительство сочло необходимым в первую очередь принять меры по защите отрасли от стихийных бедствий. 13 марта 2001 г. оно утвердило Национальную программу помощи в защите скота от засухи и зимней бескормицы, приняло также решение о создании Фонда защиты скота. Когда резко упало производство зерна и страна стала зависеть от импорта пшеницы, чтобы выправить положение, правительство приняло решение об освобождении от налога на добавочную стоимость импорта семенной пшеницы, предназначавшейся для засева зяби, под которую осенью 2001 г. было распахано около 300 тыс. гектаров земли.

Особенностью и результатом переходного периода в социальном аспекте стало имущественное расслоение. Массовая приватизация скота, развитие частного предпринимательства коренным образом изменили имущественный и, соответственно, социальный статус большинства экономически активного населения. Однако в отличие от горожан, получивших ваучеры на право получения определенной части практически неделимого имущества (фабрика, завод, магазин и т.п.), монгольский арат становился самостоятельным собственником имущества вполне конкретного (скот, инвентарь и пр.). При этом значительное поголовье скота оказалось в собственности тех аратов, чьи семьи были многочисленнее, а возможности лучше и эффективнее развивать хозяйство обрели семьи, в составе которых было больше трудоспособных членов. Поэтому с момента завершения приватизации началось социальное расслоение сельского населения по размеру хозяйств.

В целом же переход Монголии к демократии и рынку сопровождался обострением социальных проблем — ростом безработицы и бедности, упадком школьного образования, ухудшением системы медицинского обслуживания и т.д.

К началу XXI в. Монголии не удалось преодолеть высокий порог бедности. Примерно 36% ее населения бедны, а бедным можно считать того, кто живет на один доллар и даже менее в день.

Процесс демократизации затронул культурное строительство. Обновление его содержания потребовало новых подходов к системе народного образования и науки, сочетания достижений научно-технического прогресса с восстановлением многих старых традиций, в том числе религии. Был намечен возврат к употреблению старой монгольской письменности и переводу на нее всего делопроизводства. В обществе началась переоценка исторического прошлого, особенно тех его фрагментов, которые могли бы способствовать укреплению единства нации, государственности и росту авторитета Монголии на мировой арене. К ним, безусловно, относится возвышение личности Чингисхана. 17 мая 1992 г. в Монголии прошли широкие торжества, посвященные 830-летию со дня рождения Чингисхана — основателя монгольского государства, для проведения которых была создана специальная правительственная комиссия.

В культурной жизни Монголии началось также возрождение религиозной традиции, характерное для большинства бывших социалистических стран, где недавно доминировало атеистическое мировоззрение.

Новая обстановка в стране предопределила поиск замены марксистской идеологии иной идеологической парадигмой. В феврале 1991 г. МНРП приняла решение об использовании в теоретическом арсенале партии учения индийского буддийского философа Нагарджуны, что было вполне объяснимо особенностями переживаемого момента. Вскоре идеологический поиск на этом направлении прекратился, имя Нагарджуны больше не упоминается в официальных документах этой партии. Идеологией этой и других партий становятся демократические ценности, чаще всего западного образца.

Одной из приоритетных задач культурного строительства в ее самом широком аспекте стала реформа системы образования. Кризис образовательной системы был связан с нехваткой учителей, оттоком учащихся из школ. Переломным моментом в политике образования считается 1994 год, когда хурал утвердил основы государственной политики в сфере образования и принял Закон об образовании. Наряду с государственными учебными заведениями появились коммерческие институты и академии. Государство стало оказывать поддержку студентам, организуя отправку их на учебу за рубеж, в Китай, Японию, Россию, Соединенные Штаты, Южную Корею, Германию.

Демократизация изменила внешнюю политику Монголии, она сделала ее многовекторной и прагматичной. Дезинтеграция СССР ускорила формирование новой структуры системы международных связей Монголии, которой требовалась материальная и моральная поддержка мирового сообщества, его опыт демократических преобразований.

Новая внешнеполитическая доктрина монгольского государства включала следующие базовые элементы: использование внешнего фактора для продвижения реформ; открытость внешней политики и ее многовекторность; соблюдение принципа равноправия и взаимной выгоды в отношениях со всеми странами, сотрудничество с международными организациями; запрет на размещение на своей территории иностранных военных баз и вооруженных сил и др.

Укрепление дружественных добрососедских отношений с Россией и Китаем было признано приоритетом внешней политики страны. Одновременно Монго-

лия взяла курс на укрепление сотрудничества с США, Японией, Германией и другими влиятельными государствами, в том числе с Индией и Турцией.

Началось формирование российско-монгольских торгово-экономических отношений в соответствии с новыми рыночными требованиями и нормами мировой торговли, хотя в них в начале 1990-х годов возникла пауза. Ситуация стала заметно меняться в лучшую сторону после заключения Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г., подписанного во время официального визита в Москву первого монгольского президента П. Очирбата.

Улучшение экономической ситуации в России, переговоры на высшем уровне в Улан-Баторе в ноябре 2000 г. (визит президента В.В. Путина) создали новые стимулы и открыли благоприятные перспективы дальнейшего улучшения российско-монгольских отношений.

Основные направления дальнейшего российско-монгольского, равно как и монгольско-российского сотрудничества были отражены в Улан-Баторской декларации, которую президенты Российской Федерации и Монголии подписали 14 ноября 2000 г. В этом документе был очерчен широкий круг вопросов двусторонних отношений и представляющих взаимный интерес международных проблем.

В ходе визита были заключены межправительственные соглашения, в том числе о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии. На основе достигнутых соглашений Российско-монгольская межправительственная комиссия (МПК) выработала проект Меморандума о сотрудничестве между Советом Сибирского федерального округа, Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение» и монгольской частью Российско-монгольской МПК. В меморандуме предусматривалось, что стороны в пределах своей компетенции будут создавать друг другу условия взаимного благоприятствования, поощрять прямые связи между хозяйственными субъектами.

Важным достижением монгольской внешней политики и дипломатии стала нормализация отношений с Китаем. Предпосылкой для урегулирования монголо-китайских отношений стал вывод советских войск с территории МНР — событие, которое по времени совпало с началом политических перемен в Монголии. Китай в целом вполне позитивно отнесся к демократическим реформам в этой стране. Новая открытая внешняя политика Улан-Батора обеспечила КНР возможность значительно упрочить свои позиции в Монголии, бросив, таким образом, определенный вызов России. Монгольско-китайским договором о дружественных отношениях и сотрудничестве, подписанным в Улан-Баторе от 29 апреля 1994 г., было установлено, что стороны «развивают добрососедские отношения двух стран на основе принципов взаимного уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности друг друга, ненападения и невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды».

Новые отношения Монголии с Китайской Народной Республикой стали важным фактором поддержания стабильной обстановки в Северо-Восточной Азии.

Политические отношения, развивающиеся с учетом взаимных интересов, способствовали росту торгового оборота этих стран.

Китай превратился в самого крупного зарубежного инвестора Монголии, на территории которой в 2001 г. работали 553 предприятия с суммарными китайскими инвестициями 103,75 млн. долл.

Повысилось и значение Японии во внешней политике и экономике Монголии. На Страну восходящего солнца приходилась треть совокупной иностранной помощи и кредитов, предоставляемых Монголии мировым сообществом. За период до 2000 г. льготные кредиты Японии составили 30 млрд. иен, безвозмездная помощь — 50 млрд., техническая помощь — 16,5 млрд. иен. Успешно развивались контакты двух стран в области внешней политики. Монголия поддерживала стремление Японии стать постоянным членом СБ ООН. Укреплению монгольско-японских связей способствовало сотрудничество в гуманитарной сфере.

Монголия успешно сотрудничает с Республикой Корея. В течение 1990–2003 гг. южнокорейские инвестиции в монгольскую экономику составили 80,9 млн. долл. В структуре монгольского импорта в начале 2000-х годов ей принадлежало 12,5%, экспорта — 4,3%.

Высокими темпами развивались монгольские политические связи с Соединенными Штатами Америки, которые Монголия считает своим «третьим соседом». В январе 1991 г. президент Монголии П. Очирбат посетил США по приглашению президента США Дж. Буша, а в марте 1991 г. конгресс Соединенных Штатов сделал официальное заявление о поддержке им позиции американского правительства по развитию сотрудничества с Монголией в политической, экономической, научной и культурной областях. В 1992 г. внешнеторговый оборот между Монголией и США составил 6,2 млн. долл., в 2000 г. — 110,1 млн.

В 1999 г. американский конгресс вынес решение о предоставлении Монголии условий обычной торговли, а в 2001 г. — о распространении на нее системы торговых преференций (GSP). Начиная с 1990 г. США оказывают стране безвозмездную помощь в целях поддержки экономической политики, развития энергетики и приобретения продовольствия. Только в 2000–2001 гг. стране было передано на эти цели 11,7 млн. долл. Разумеется, такая политика США служит Вашингтону не только средством поддержания в Монголии демократии и соблюдения прав человека, интересы Америки здесь гораздо шире и связаны с ее политикой в Восточной Азии в целом.

Сотрудничество между Монголией и странами Европейского союза также имело тенденцию к расширению. Товарооборот между ними за период 1992–2000 гг. составлял в среднем около 20 млн. долл. в год.

Политические и экономические связи со странами Восточной и Центральной Европы, которые существенно сузились в начале 1990-х годов, значительно оживились к концу уходящего десятилетия. Это свидетельствует о преодолении Монголией известного «синдрома социализма» в отношениях с бывшими партнерами по социалистическому блоку, с одной стороны, и о стабилизации социально-экономической ситуации в этих государствах, об общности целей движения к демократии и рыночной экономике — с другой.

Представители Монголии принимают участие в работе региональных форумов АСЕАН (АРФ), а также АТЭС и ШОС. В 1997 г. страна была принята в ВТО, в 2000 г. она стала ассоциированным членом Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС).

Таким образом, в течение десятилетия, которым завершилось XX столетие, Монголия заметно преуспела в реализации новой модели социально-экономического развития, основными чертами которой стало создание новых демократических институтов, переход к рыночной экономике, утверждение новой государственности. За это время страна существенно продвинулась вперед: приняла демократическую конституцию, превратилась в парламентскую республику, ее законы нацелены на защиту демократии, да и само понятие демократии стало более определенным и повседневным, выйдя из сферы теоретических положений, а ее формы стали наполняться реальным содержанием. В области культуры произошли важные перемены в сторону повышения роли старых традиций в жизни монгольского общества, произошла коммерциализация ряда направлений культурного строительства. Международная жизнь Монголии на рубеже XX и XXI вв. строилась на новых, общепринятых нормах и правилах международного сотрудничества.

Глава 41

КОРЕЯ

СИТУАЦИЯ В КОРЕЕ ПО ОКОНЧАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В соответствии с обязательствами, данными на Ялтинской конференции лидеров антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания) в феврале 1945 г., Советский Союз 9 августа 1945 г. объявил войну Японии и начал боевые действия против японской Квантунской армии в Маньчжурии и Корее. Советские сухопутные войска прорвали мощную оборону японцев вдоль советско-маньчжурской границы. Одновременно корабли Тихоокеанского флота нанесли удары по японскому флоту у берегов Кореи. На севере Корейского полуострова был высажен советский десант морской пехоты. 25 августа 1945 г. Советская Армия завершила разоружение японских сил на территории Северной Кореи. Ранее, 15 августа командование квантунской армии объявило о прекращении боевых действий и капитуляции. Таким образом, Корея была полностью освобождена от японского колониального господства. Именно Советская Армия принесла освобождение корейскому народу. Войска других государств в освобождении Кореи участия не принимали.

На Ялтинской конференции лидеров антигитлеровской коалиции Ф. Рузвельт официально предложил после разгрома Японии установить над Кореей опеку. США считали, что опека над Кореей должна быть установлена с участием Вашингтона, Лондона, Москвы и режима Чан Кайши. По мнению американского президента, страны-опекуны должны были помогать корейцам управлять своей страной в течение 30–40 лет.

В принципе СССР не возражал против установления опеки, но на более краткий период времени, имея в виду, что этот срок необходимо использовать для оказания помощи корейскому народу в достижении национальной независимости.

В соответствии с потсдамскими договоренностями (июль 1945 г.) было установлено, что разграничительной линией между советскими и американскими войсками в Корее будет 38-я параллель, к северу и югу от которой обе стороны должны провести пленение и разоружение японских сил. Фактически же на Севере и Юге начался процесс формирования двух корейских государств, ориентированных соответственно на СССР и США.

Советское военное командование на севере Кореи приступило к ликвидации последствий японского колониального господства в политической и экономической жизни, уничтожению колониального аппарата.

В директиве И.В.Сталина от 20 сентября 1945 г. давалось указание командованию 25-й армии не препятствовать созданию в Северной Корее антияпонских демократических партий и организаций, защищать частную и общественную собственность корейских граждан, не препятствовать исполнению религиозных обрядов, не трогать храмы и другие религиозные учреждения.

Для налаживания нормальной жизни населения было сформировано Управление советской гражданской администрации. Его аппарат состоял из специалистов различных отраслей народного хозяйства, культуры, здравоохранения. Задача состояла в том, чтобы как можно скорее восстановить полнокровную экономическую жизнь.

Сразу после освобождения на Севере Кореи стали создаваться органы местного самоуправления — народные комитеты. Советское командование оказывало им поддержку и направляло их деятельность. К концу 1945 г. в народных комитетах работало свыше 10 тыс. человек. Для координации деятельности народных комитетов было учреждено Административное бюро пяти провинций, а также десять департаментов, которые руководили основными отраслями экономики, просвещением и здравоохранением. Председателем бюро стал один из лидеров националистов Чо Ман Сик.

На первых порах в народных комитетах Северной Кореи доминировали националисты, однако советская гражданская администрация сделала все необходимое, чтобы левые вытеснили националистов и заняли лидирующие позиции в новых органах власти.

В феврале 1946 г. при ведущей роли компартии был создан Временный народный комитет Северной Кореи, который возглавил Ким Ир Сен, руководитель одного из партизанских отрядов, сражавшихся против японцев главным образом в Северо-Восточном Китае.

Под руководством компартии и народных комитетов в 1946 г. на Севере был принят ряд законов (о земельной реформе, национализации промышленности, транспорта, связи и банков), которые положили начало формированию экономической базы нового режима. В результате земельной реформы было конфисковано 1325 тыс. *чонбо*. Более 700 тыс. крестьян стали владельцами земельных участков. Национализация промышленных объектов (свыше 1 тыс.) привела к созданию госсектора, охватившего около 80% промышленного производства.

В 1946–1947 гг. были в основном восстановлены промышленные предприятия, шахты, налажена торговля, заработала система здравоохранения и просвещения. В частности, были восстановлены более 40 предприятий тяжелой промышленности, 79 угольных шахт. Возобновили работу предприятия текстильной, рыбной, бумажной промышленности.

Наряду с организационным укреплением компартии (в 1946 г. она объединилась с Новой народной партией и стала называться Трудовой партией Кореи) создавались общественные организации — Союз демократической молодежи, Союз демократических женщин, профсоюзы, Крестьянский союз. Сформировалась также Демократическая партия Кореи, которую на первых порах возглавлял Чо Ман Сик. Затем он был заменен соратником Ким Ир Сена по партизанской

борьбе Цой Ен Геном. Тесно сотрудничала с ТПК религиозная организация — Партия молодых друзей Чхондогё (Учение небесного пути). В августе 1946 г. политические партии и общественные организации Северной Кореи объединились в Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ). Это объединение произошло по инициативе коммунистов и нашло полную поддержку со стороны советского военного командования. ЕДНФ действовал не только на Севере, но и имел в 1946–1947 гг. достаточно серьезные позиции на юге Кореи.

Из советских архивных материалов известно, что сразу после освобождения Кореи Советский Союз не собирался создавать на Севере структуры, аналогичные советским. В директиве И.В. Сталина от 20 сентября 1945 г. содержится указание не вводить в Северной Корее советских порядков, содействовать установлению там буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических организаций. На первых этапах сотрудничество с националистическими кругами Севера, в частности с Чо Ман Сиком, имело позитивный результат. Однако нарастание противоречий внутри политических сил Кореи по вопросам дальнейшего развития страны, усиление конфронтации с США побудило СССР сделать ставку на Ким Ир Сена и компартию и начать активный процесс формирования на Севере просоветского режима.

После высадки 9 сентября 1945 г. войск США на юге Корейского полуострова была создана американская военная администрация. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур издал приказ о переходе всей административной власти в Южной Корее в его руки.

С другой стороны, на Юге также формировались народные комитеты. В сентябре 1945 г. в Сеуле состоялась конференция представителей народных комитетов Южной Кореи. Была одобрена программа создания единого корейского государства. В различных районах Южной Кореи состоялись массовые выступления населения в поддержку этой программы. Под эгидой коммунистов был создан Центральный народный комитет Южной Кореи. Активно действовала компартия во главе с Пак Хен Еном. Всего же на Юге насчитывалось около 200 политических партий и общественных организаций.

Американское командование предприняло жесткие меры против действовавших на Юге левых партий и организаций, народных комитетов. Провозглашенная до высадки американских войск левыми Народная Республика не была признана военной администрацией, как, впрочем, и возвратившееся из Китая временное правительство во главе с Ким Гу. Военное командование США не допустило участия коммунистов в созданных под его эгидой Учредительном собрании (председатель — Ли Сын Ман), законодательной палате (председатель — Ким Гю Сик) и гражданской администрации (глава — Ан Дже Хон).

При военной администрации были учреждены департаменты, руководившие различными отраслями хозяйства, а также обороной, военной полицией и безопасностью. Был усилен контроль американцев за органами юстиции, прокуратуры и судопроизводством. На главных железнодорожных станциях размещены полицейские посты.

Американские военные власти произвели реорганизацию местного управления. Наряду с аппаратом южнокорейской администрации на местах из числа аме-

риканских офицеров были назначены военные губернаторы провинций, мэры городов, начальники уездов. Созданы также отделы информации, функции которых состояли в сборе сведений о политических настроениях населения, учете и регистрации политических партий и общественных организаций.

Таким образом, на юге Корейского полуострова при активном участии США формировались структуры власти, призванные впоследствии стать опорой режима, который ориентировался бы на Соединенные Штаты.

ОБРАЗОВАНИЕ ДВУХ КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ — РК И КНДР

В соответствии с ялтинскими договоренностями в Москве с 16 по 26 декабря 1945 г. проходило совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на котором в числе других проблем обсуждался вопрос о Корее. Между сторонами развернулась острая дипломатическая борьба. США предложили, чтобы Корея прошла два этапа иностранного управления: на первом — создание объединенной военной администрации США и СССР; на втором — образование четырехстороннего (США, СССР, Китай, Великобритания) административного органа для установления опеки. Срок опеки устанавливался в пять лет, но мог быть продлен еще на столько же.

Советский Союз выступил за образование общекорейского Временного правительства в целях восстановления Кореи как независимого государства. СССР рассматривал учреждение временной опеки как средство помощи корейцам в создании единого правительства. Согласно советскому проекту, условия опеки должны быть выработаны с обязательным участием корейского правительства, и она должна осуществляться также с участием временного корейского правительства и его органов, а не иностранными органами. Срок опеки — до пяти лет, его продление исключалось.

После острой дипломатической борьбы министрам иностранных дел СССР, США и Великобритании удалось выработать согласованные решения:

— в целях восстановления Кореи как независимого государства создается Временное корейское демократическое правительство;

— для оказания содействия образованию Временного корейского правительства создается совместная комиссия из представителей командования американских войск в Южной Корее и советских войск в Северной Корее;

— совместной комиссии поручается с участием Временного корейского правительства разработать меры помощи и содействия (опеки) политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа. Предложения совместной комиссии передаются на рассмотрение правительств США, СССР, Великобритании и Китая для выработки соглашения об опеке четырех держав в отношении Кореи на срок до пяти лет;

— для рассмотрения срочных вопросов созвать в двухнедельный срок совещание представителей американского и советского командования в Корее.

На Севере отношение населения к решениям московского совещания было в целом благожелательным. Попытки лидера националистов Чо Ман Сика выступить против опеки закончились неудачей.

Вопрос об опеке вызвал в Южной Корее острые дебаты. Коммунисты во главе с Пак Хен Еном и близкие к ним националисты, возглавляемые Е Ун Хеном, поддержали этот шаг. Правые группировки во главе с Ли Сын Маном и Ким Гу категорически отвергли ее и требовали незамедлительного предоставления независимости. В Сеуле и других городах Южной Кореи состоялись массовые выступления против установления опеки.

Вопрос об опеке углубил и без того серьезные противоречия, которые существовали между левыми силами, контролировавшими Северную Корею, и правыми, доминировавшими на Юге. Примечательно, что США, инициаторы введения опеки, почувствовав неприятие этой идеи среди корейского населения, не проявляли настойчивости в ее реализации, вели достаточно тонкую игру вокруг этого. Советское командование, левые силы на Севере и Юге, наоборот, были весьма активны в продвижении этой идеи, что вызывало резко отрицательную реакцию южнокорейцев. Этим воспользовались деятели правого толка, чтобы подорвать влияние левых на Юге, укрепить негативное отношение населения Южной Кореи к Советскому Союзу.

Созданная на Московском совещании Совместная советско-американская комиссия по Корее также не смогла добиться реализации договоренностей о создании Временного корейского правительства. В сентябре 1947 г. советская делегация в Совместной комиссии внесла предложение об одновременном выводе из Кореи войск СССР и США и предоставлении корейцам права самим решать свои проблемы. Американская сторона отвергла это предложение.

К концу 1947 г. СССР и США не удалось прийти к компромиссу по вопросу о создании Временного корейского правительства, которое привело бы страну к независимости. В силу острых идеологических и политических разногласий СССР и США не смогли договориться об условиях объединения Кореи и фактически взяли курс на создание на Корейском полуострове режимов-антиподов, что в конце концов привело к росту недоверия, враждебности и жесткому противостоянию между Северной и Южной Кореей. В результате американцы решили форсировать создание сепаратного правительства в Сеуле. По инициативе США Генеральная Ассамблея ООН в 1947 г. начала обсуждение корейского вопроса. В ходе дискуссии представитель СССР вновь выдвинул предложение об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск. Имея большинство в ООН, Соединенные Штаты добились отклонения советского предложения. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о создании Временной комиссии ООН по Корее, которой было поручено контролировать проведение выборов в обеих зонах Кореи и создание корейского правительства.

В Южной Корее решение о проведении выборов в Национальное собрание было воспринято неоднозначно. Если ориентировавшиеся на США политические силы поддержали эту идею, то многие организации другой направленности выступили против сепаратных выборов. В различных районах Южной Кореи были организованы массовые выступления.

Политические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи в апреле 1948 г. провели в Пхеньяне совещание, в ходе которого решение ООН о выборах было подвергнуто резкому осуждению. На совещании было принято обращение к правительствам СССР и США с требованием одновременно вывести свои войска с Севера и Юга и дать корейскому народу возможность самому провести всеобщие выборы и создать демократическое правительство, которое провозгласило бы образование независимого корейского государства.

Вслед за этим совещанием 30 апреля 1948 г. в Пхеньяне состоялась встреча руководителей основных политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи (более 40). В этой встрече приняли участие Ким Ир Сен, Ким Ду Бон, Пак Хен Ен, а также такие видные южнокорейские деятели правого толка, как Ким Гу, Ким Гю Сик и др. Представители Севера и Юга высказались за немедленный одновременный вывод всех иностранных войск с Корейского полуострова и заявили, что они не признают результаты сепаратных выборов и не поддержат правительство, которое будет создано после выборов.

Тем не менее выборы на Юге состоялись 10 мая 1948 г. Комиссия ООН по Корее признала их законными. 15 августа 1948 г. было провозглашено образование Республики Корея. Президентом РК стал Ли Сын Ман. США и другие западные страны установили с РК дипломатические отношения.

В ответ на создание сепаратного правительства на Юге политические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи в конце июня — начале июля 1948 г. провели в Пхеньяне совещание, которое не признало результаты выборов в Южной Корее и приняло решение провести на севере и юге Корейского полуострова выборы в единый законодательный орган страны — Верховное народное собрание (ВНС). По итогам состоявшихся 25 августа 1948 г. выборов оно было сформировано. Его первая сессия, проходившая со 2 по 8 сентября, провозгласила образование Корейской Народно-Демократической Республики и приняла конституцию. Председателем Президиума ВНС стал Ким Ду Бон, председателем кабинета министров — Ким Ир Сен.

Советский Союз первым признал КНДР и установил с ней дипломатические отношения (12 октября 1948 г.). Затем и другие социалистические страны установили дипломатические связи с КНДР.

Таким образом, на Корейском полуострове было создано два самостоятельных корейских государства. С этого периода началась еще более жесткая конфронтация между двумя Кореями, вылившаяся в конце концов в кровопролитную трехлетнюю войну 1950–1953 гг.

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА 1950–1953 гг.

Раскол Корейского полуострова на две части и создание двух государств с противоположными социально-политическими и экономическими системами усилили конфронтацию между Севером и Югом Кореи. Советский Союз и Соединенные Штаты всемерно способствовали укреплению соответственно северо-корейского и южнокорейского режимов.

В 1948 г. США и РК подписали соглашение об американской помощи в создании южнокорейской армии. На Юге были сформированы вооруженные силы численностью 300 тыс. человек. Сеул получил от США более 500 млн. долл. военно-экономической помощи. В рядах южнокорейской армии находилось около 2,5 тыс. американских военных советников.

Южнокорейский лидер Ли Сын Ман неоднократно выступал с воинственными заявлениями, призывая к скорейшему вторжению на Север.

Северокорейское руководство во главе с Ким Ир Сенем также форсировало военные приготовления. После вывода из КНДР частей Советской армии (октябрь 1948 г.) практически все вооружение и боевая техника были оставлены Корейской народной армии (КНА). Советские военные инструкторы и советники оказывали помощь в формировании КНА.

В конце 1949 — начале 1950 г. обстановка в районе 38-й параллели, разделявшей Корейский полуостров на Север и Юг, резко обострилась. Вооруженные столкновения приобретали все более ожесточенный характер.

Из рассекреченных советских архивных документов можно составить четкое представление о том, как шла подготовка к развязыванию военных действий на Корейском полуострове. Северокорейское руководство и лично Ким Ир Сен последовательно убеждали И.В. Сталина дать добро на «освобождение» Южной Кореи. Советский лидер какое-то время (до января 1950 г.) колебался, однако затем изменил свою позицию. При этом И.В. Сталин настаивал на том, чтобы и Китай поддержал идею военного решения проблемы объединения Кореи. Во время визита Ким Ир Сена в Пекин в мае 1950 г. Мао Цзэдун одобрил замыслы северокорейских руководителей и пообещал китайскую поддержку. Изменение отношения И.В. Сталина к объединению Кореи военным путем было, очевидно, связано с двумя факторами: победой китайской революции и созданием в СССР атомной бомбы. Эти факторы, судя по всему, заставили И.В. Сталина прийти к ошибочному мнению, что у Ким Ир Сена есть шансы военными средствами объединить Корею.

Нанеся 25 июня 1950 г. мощный удар по формированиям южнокорейской армии (войска США покинули Юг в июне 1949 г.), северокорейские вооруженные силы в течение трех дней овладели Сеулом и в сентябре подошли к Пусану, где столкнулись с хорошо укрепленным оборонительным плацдармом. Северокорейцы не смогли взять его с ходу.

Начало военного конфликта вызвало негативную реакцию в мире. 25 июня 1950 г., т.е. в день начала войны, по требованию США (в отсутствие представителя СССР, что также является дипломатическим просчетом Москвы) собрался Совет Безопасности ООН, который принял резолюцию, обвинявшую КНДР в нарушении мира и призывавшую к немедленному прекращению военных действий.

27 июня 1950 г. СБ ООН принял вторую резолюцию, рекомендовавшую государствам членам Объединенных Наций поддержать южнокорейское правительство в его действиях по отражению вооруженного нападения.

На совещаниях, проведенных президентом США с военным командованием в конце июня 1950 г., было принято решение направить в Корею американские войска.

7 июля 1950 г. СБ ООН одобрил резолюцию о направлении вооруженных сил ООН в распоряжение объединенного командования ООН в Корею. В войне на стороне Южной Кореи принимали участие воинские контингенты из 16 государств.

В сентябре 1950 г. был высажен 50-тысячный военный контингент США в районе Инчхона и освобожден Сеул. Северокорейская армия была практически разгромлена. К концу октября войска ООН вышли к границе КНДР с Китаем. После довольно сложных переговоров Москве удалось убедить китайское руководство вмешаться в корейский конфликт и не допустить полного разгрома КНДР и потери ею независимости.

25 октября 1950 г. отряды китайских «народных добровольцев» вступили на Север, нанеся жестокое поражение американским войскам. К началу 1951 г. фронт стабилизировался в районе 38-й параллели. В середине 1951 г. начались мирные переговоры, продолжавшиеся два года и завершившиеся подписанием 27 июля 1953 г. Соглашения о перемирии в Корею. Правительство Ли Сын Мана отказалось подписать соглашение (свою подпись поставили представители КНА и китайских «добровольцев», с одной стороны, и представители командования войск ООН — с другой).

В ходе корейской войны в правящих кругах США неоднократно обсуждали вопрос о возможности применения ядерного оружия. Американские генералы настойчиво убеждали президентов Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра пойти на использование ядерного арсенала против северокорейско-китайских войск, однако президенты не поддались давлению военных.

Соглашение о перемирии создало международно-правовой механизм для прекращения военных действий до окончательного мирного урегулирования. Документом предусматривался созыв международной конференции по мирному урегулированию корейского вопроса.

Война принесла огромные страдания населению Северной и Южной Кореи. Потери корейцев — около 4 млн. человек (убитые, раненые, пропавшие без вести). Материальный ущерб Южной Кореи составил 4 млрд. долл.: было разрушено 43% промышленных объектов, 41% электростанций, 50% шахт, 30% жилых домов.

Большие материальные потери понесла и КНДР. Было разрушено около 9 тыс. промышленных предприятий, 600 тыс. жилых домов, 28 тыс. культурно-просветительских учреждений. Общий ущерб оценивался в более чем 400 млрд. вон.

Помимо чисто материальных и людских потерь корейская война оказала долгосрочное негативное влияние на общую обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Она привела к формированию системы военных блоков, провоцировавших новые конфликты в регионе, росту агрессивных устремлений в политике США и их союзников.

ЖЕНЕВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1954 г.

После достаточно острой дипломатической борьбы удалось добиться реализации одного из пунктов Соглашения о перемирии, который предусматривал созыв политической конференции по вопросам послевоенного устройства Кореи.

В конце апреля 1954 г. в Женеве открылось совещание на уровне министров иностранных дел, в котором приняли участие делегации СССР, КНР, США, Великобритании, Франции, КНДР и РК, а также 12 других государств–участников корейской войны на стороне войск ООН. На первом же заседании делегация КНДР внесла предложение «О мерах по восстановлению национального единства Кореи и проведению свободных общекорейских выборов». Эти предложения включали организацию выборов в Национальное собрание, образование единого правительства, вывод всех иностранных войск с территории Кореи (на Севере находились китайские «добровольцы», на Юге — американские войска), гарантии мирного развития Кореи.

Со своей стороны, южнокорейская делегация выступила с программой объединения Кореи, включавшей: проведение на всей территории Кореи выборов под наблюдением ООН, образование межкорейской комиссии для разработки избирательного закона, созыв парламента, вывод китайских войск за один месяц до выборов, а также вывод войск ООН, но после того как созданное правительство установит полный контроль над всей территорией Кореи, гарантии ООН территориальной целостности и независимости Кореи.

Состоявшиеся острые дискуссии по двум проектам выявили их полное взаимное неприятие как корейскими сторонами, так и поддерживавшими их государствами. США, Южная Корея, другие западные страны настаивали на том, чтобы контроль за выборами в Корею осуществлялся ООН. СССР, КНР и КНДР предлагали создать комиссию по контролю за выборами из нейтральных государств.

Северокорейская делегация в ходе совещания внесла новые предложения: вывод из Кореи всех иностранных войск, сокращение до 100 тыс. человек численности вооруженных сил КНДР и РК, признание несовместимыми с целями мирного объединения Кореи соглашений с другими государствами, содержащих военные обязательства той или иной части Кореи (в 1953 г. РК и США заключили договор о взаимной обороне; КНДР не имела союзных договоров с СССР и КНР), образование общекорейского комитета по установлению и развитию связей между Севером и Югом Кореи, гарантии со стороны государств–участников Женевского совещания мирного развития и объединения Кореи. Однако и эти предложения не были приняты США, РК и их союзниками.

Переговоры по корейскому вопросу в Женеве завершились безрезультатно. Ни одна из сторон не была готова идти на компромисс. Международная обстановка также не способствовала мирному разрешению корейской проблемы. Холодная война в мире была в самом разгаре. Между Советским Союзом и США продолжалась, а периодически и усиливалась полигическая конфронтация. Все это не могло способствовать поиску мирных путей урегулирования «горячих точек», одной из которых оставался Корейский полуостров.

КНДР В 1953–2000 гг.

После окончания корейской войны КНДР приступила к восстановлению народного хозяйства. Пленум ЦК Трудовой партии Кореи (август 1953 г.) одобрил трехлетний план (1953–1956) экономического развития, в ходе выполнения кото-

рого при помощи СССР, Китая, других социалистических государств было восстановлено около 240 и построено 80 новых промышленных объектов.

Социалистические страны оказали КНДР безвозмездную помощь в сумме 800 млн. руб. (в ценах 1953 г.) в том числе СССР — 292,5 млн., КНР — 258,4 млн., ГДР — 122,7 млн., Польша — 81,5 млн., Чехословакия — 25,4 млн., Румыния — 5,6 млн., Венгрия — 5,6 млн., Болгария — 4,5 млн. руб.

Завершив восстановительный период, правительство КНДР разработало пятилетний план развития народного хозяйства (1956–1961). По плану к концу пятилетки валовая промышленная продукция должна была возрасти в 2,6 раза. В промышленности были намечены важные структурные преобразования. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в этот период составляли 36,6%, что, как было объявлено, обеспечило досрочное (к 1960 г.) выполнение пятилетки.

В 1958 г. было завершено кооперирование крестьянских хозяйств. В 1960 г. Север опережал Южную Корею по всем основным экономическим показателям. Выполнив пятилетний план, руководство ТПК заявило о планах превращения КНДР в индустриально-аграрное государство.

Посчитав, что на народном энтузиазме и при советской экономической помощи можно и далее столь же форсированно развивать экономику, руководство КНДР и лично Ким Ир Сен приняли новую программу ускоренного экономического развития. IV съезд ТПК (сентябрь 1961 г.) одобрил семилетний план (1961–1967). Была поставлена задача создания «самостоятельной национальной экономики» путем преимущественного развития тяжелой индустрии. По плану объем промышленного производства должен был возрасти в 3,3 раза, национальный доход — в 2,7 раза.

В этот же период в КНДР появляются так называемые красные письма ЦК ТПК с призывами начать всенародное движение за форсированное строительство социализма — «движение *чхонлима*», «движение от станка станок» и др.

На рубеже 1950–1960-х годов Ким Ир Сен объявил о том, что Трудовая партия Кореи отныне руководствуется идеологией «*чучхе*» («независимость»), которую он интерпретировал как дальнейшее развитие марксизма-ленинизма применительно к условиям КНДР. Одновременно провозглашается курс «опоры на собственные силы» («*чарек кансен*») — «независимость в политике, самостоятельность — в экономике, самооборона — в защите страны».

В середине 1950-х годов в руководстве КНДР обостряется борьба за власть. Ряд деятелей просоветской группировки (лидеры — Хогай, Пак Чхан Ок) в правящей элите выступили против насаждения культа личности Ким Ира Сена, за укрепление демократических начал в деятельности партии, в поддержку решений XX съезда КПСС. Со стороны «партизанской» группировки (ее возглавлял Ким Ир Сен) «советская фракция» подверглась жесткой критике за попытки внедрить в партийные ряды «буржуазную» идеологию. За отстранение Ким Ира Сена выступила также «прокитайская фракция» (лидер — Цой Чан Ик). На пленуме ЦК ТПК (август 1956 г.) Ким Ир Сен был подвергнут критике за культ личности, во-

люнтаризм, за создание в стране полицейского режима. Пак Чхан Ок и Цой Чан Ик пытались склонить участников пленума проголосовать за недоверие Ким Ир Сэну, однако «партизанской» фракции удалось одержать победу. Ким Ир Сэна поддержала большая часть правящей элиты и армия. Это и решило исход борьбы в его пользу. Многие члены «прокитайской» группировки бежали в Китай. Ряд деятелей из «просоветской» и «прокитайской» фракций были репрессированы.

Внутренняя борьба в северокорейском руководстве в конце 1950-х — начале 1960-х годов сопровождалась критикой политики и практических действий КПСС, свертыванием экономических и военных связей с Советским Союзом. В 1962 г. Ким Ир Сэн, недовольный отказом Н.С. Хрущева предоставить КНДР безвозмездную военную помощь, объявляет курс на параллельное экономическое и оборонное строительство. В этот период усиливается конфронтация с Южной Кореей. Руководство страны пролонгирует выполнение народно-хозяйственного плана до 1970 г. V съезд ТПК (ноябрь 1970 г.) констатирует тот факт, что КНДР превратилась в индустриально-аграрное государство.

В 1970 г. был принят шестилетний план (1971–1976), главная задача которого — дальнейшее укрепление материально-технической базы социализма. Рост промышленной продукции планировалось увеличить в 2,2 раза, в том числе предметов широкого потребления — в 2 раза, среднегодовые темпы прироста должны были составить 10,3%; к 1976 г. национальный доход на душу населения должен был вырасти до 900 вон против 500 в 1966 г. Эти показатели в 1977 г. были объявлены выполненными.

В 1970-е годы происходит выдвижение старшего сына Ким Ир Сэна от первого брака Ким Чен Ира в качестве официального преемника отца.

Изменения в экономической и общественно-политической жизни северокорейского общества, произошедшие после 1948 г., были отражены в новой конституции 1972 г. В Основном законе КНДР нашли юридическое закрепление сформулированные Ким Ир Сэном особенности внутренней и внешней политики. Идеи «чучхе» объявлены государственной идеологией, за ТПК закреплена руководящая роль в обществе. Принципам самостоятельности, независимости придан высший юридический статус.

Кардинальные изменения были осуществлены в структуре высших и местных органов власти. Введен пост президента КНДР, на который был избран Ким Ир Сэн. Центральный народный комитет (ЦНК) объявлен «высшим руководящим органом». Фактически он сочетал в себе функции главы государства, Госсовета и правительства. Работой ЦНК руководил президент страны.

В 1978–1984 гг. в КНДР осуществлялся второй семилетний план экономического развития. В течение этих лет в экономике страны усилились межотраслевые диспропорции, продолжали нарастать экономические трудности. Сделав развитие тяжелой индустрии приоритетом экономической политики, руководство КНДР не уделяло должного внимания повышению жизненного уровня населения. В стране продолжалось нормированное снабжение населения продуктами питания и товарами широкого спроса. Ставка была вновь сделана на энтузиазм

народных масс. Усилилась пропаганда лозунгов «опоры на собственные силы», «тэанской системы работы», «духа и метода Чхонсанри» и др.¹

Семилетний план 1978–1984 гг. не был выполнен, его осуществление было решено продлить на два года. 1985–1986 годы были объявлены периодом «нормализации» экономики. Руководство страны попыталось ввести некоторые изменения в действовавший с начала 1960-х годов хозяйственный механизм. Основная идея реформы — внедрение хозрасчета в работу промышленных и сельскохозяйственных предприятий. При этом подчеркивалось, что «тэанская система» и «метод Чхонсанри» остаются незыблемыми элементами хозяйственного механизма.

В октябре 1980 г. состоялся VI съезд ТПК, на котором была выдвинута программа «Десяти экономических высот». Эти «высоты» стали заданиями третьего семилетнего плана (1987–1993). Однако и она не была выполнена. Об этом было заявлено на декабрьском (1993 г.) пленуме ЦК ТПК. Главными причинами невыполнения назывались осложнение международной обстановки, разрушение социалистического рынка, отвлечение значительных средств на оборону.

Новому руководству КНДР во главе с Ким Чен Иром не удалось затормозить темпы экономического кризиса. Главная причина состояла в том, что в КНДР сложилась недееспособная административно-командная система хозяйствования. Ее отличительные черты — приоритет военно-политических интересов над социальными запросами населения, «опора на собственные силы», всеохватывающее директивное планирование, ограничение материальных стимулов организации производства.

В условиях кризисной ситуации в экономике была предпринята попытка привлечь в страну иностранный капитал. С этой целью в 1993 г. был принят ряд законов — об иностранных инвестициях, иностранном предпринимательстве, а также закон о свободных экономических зонах (СЭЗ). Такая зона создана в районе Раджин-Сонбон (север КНДР на границе с Китаем), однако реально деятельность СЭЗ не дала тех результатов, на которые рассчитывали в Пхеньяне.

Советская помощь, конечно же, не могла решить всех проблем КНДР. После распада СССР и социалистического лагеря Северная Корея лишилась серьезной экономической и политической поддержки. Установление бывшими соцстранами дипломатических отношений с Южной Кореей, объединение Германии были болезненно восприняты в КНДР. Основные усилия Пхеньяна в тот период концентрировались на том, чтобы приспособиться к изменившейся международной обстановке, не допустить крушения режима и выжить. В июле 1994 г. умер Ким Ир Сен. Правящая элита объединилась вокруг Ким Чен Ира, который стал Председателем Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР и Генеральным

¹ В 1961 г. Ким Ир Сен посетил Тэанский электромеханический завод, после чего было объявлено о создании этой системы. Согласно ей партком становился главным управляющим производством. «Дух и метод Чхонсанри» также был создан Ким Ир Сеном. В 1960 г. он несколько дней пробыл в селе Чхонсан, после чего дал указания о том, как вести сельское хозяйство. Основным смыслом «метода» — руководители должны «идти в массы», показывать пример энтузиазма и мобилизовать людей на выполнение производственных планов.

секретарем ТПК, а также Верховным главнокомандующим Корейской народной армией.

В стране была развернута интенсивная пропагандистская кампания, призванная поднять авторитет Ким Чен Ира до кимирсеновского уровня. В Северной Корее слагаются легенды о его рождении, детских и юношеских годах жизни, публикуются романы, создаются произведения искусства, восхваляющие различные стороны его характера, публичной деятельности.

После прекращения экономической помощи со стороны России, других бывших социалистических стран, свертывания торгово-экономических связей с ними, а также ряда неурожайных лет и крупных стихийных бедствий ситуация в народном хозяйстве КНДР во второй половине 1990-х годов стала крайне сложной. Ощущалась острая нехватка электроэнергии, топлива, большинства видов сырья. Около 80% промышленных предприятий практически бездействовало. Функционировал только военно-промышленный комплекс, в который направлялось до 50% средств госбюджета. Из-за стихийных бедствий, отсутствия химических удобрений и топлива сельское хозяйство испытывало серьезные трудности. В стране ежегодно ощущался дефицит продовольствия. Особенно тяжелый период выпал на 1995–1997 гг., когда население КНДР голодало. По южнокорейским данным, в середине 1990-х годов в КНДР умерло от голода более 1 млн. человек. Ежедневная норма выдачи продуктов питания составляла 100–200 граммов. Международные гуманитарные поставки продовольствия помогли стране выжить, однако не решили продовольственную проблему. В 1996–2000 гг. Северная Корея получала ежегодно по 1 млн. т продовольствия в виде гуманитарной помощи.

Темпы падения производства промышленной продукции в 1992–2000 гг. составили около 80%. ВВП сократился до 8 млрд. долл. (в 1990 г. — 22 млрд.).

В условиях жесткого экономического кризиса и неспособности режима найти пути выхода из него северокорейская политическая элита сделала ставку на усиление пропаганды корейского национализма («корейская нация лучше всех»), идеологии «чучхе». Первейшим долгом всех корейцев объявлены защита ценой собственной жизни «идей, политики, здоровья и авторитета полководца Ким Чен Ира».

Велась также интенсивная разработка постулата о строительстве «могущественной державы». При этом указывалось, что в области идеологии, политики и обороны уже построена могущественная держава. Осталось «достроить» лишь экономическую составляющую.

Наряду с интенсивной индоктринацией населения в этот период был провозглашен стратегический курс на «приоритет армии». Укрепление обороноспособности объявлено «важнейшим» из всех государственных дел. В 1990-е годы КНА насчитывала в своих рядах более 1 млн. человек, 3600 танков, 1600 самолетов, более 400 кораблей. Кроме того, в стране сформированы красная гвардия (1,5 млн. чел.) и 700-тысячная молодежная гвардия.

Стратегическая линия на «приоритет винтовки» нашла свое высшее юридическое закрепление в поправках к конституции КНДР, принятых в 1998 г. В частности, повышен статус и расширены функции Государственного комитета обо-

роны, в ведение которого переданы «важнейшие политические, военные и экономические вопросы».

Северокорейский военный истеблишмент получил широкое представительство в Верховном народном собрании. Укрепились позиции военных и в партийных органах.

Это усиление сопровождалось снижением роли ТПК и ее органов, партии было поручено сосредоточить внимание на идеологической работе. Более 20 лет не созывался партийный форум (последний VI съезд ТПК состоялся в октябре 1980 г.).

В период 1990-х — начала 2000-х годов ситуация на Корейском полуострове резко обострилась из-за появления в Северной Корее военной ядерной программы. Присоединившись в декабре 1985 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), КНДР затягивала заключение с МАГАТЭ соглашения о гарантиях. В районе г. Нёнбёна (80 км к северу от Пхеньяна) продолжалось строительство ядерных объектов, которые вызывали подозрения в том, что КНДР ведет работы по созданию собственного ядерного оружия. Северная Корея успешно развивает военно-прикладную программу в ядерной сфере, располагая сырьем, вполне достаточным для развития ядерной энергетики. Запасы урановых месторождений оцениваются в 25 млн. т руды.

Отказавшись допустить международных экспертов на «подозрительные» объекты, правительство КНДР 12 марта 1993 г. заявило о решении выйти из ДНЯО. Свои действия в Пхеньяне объяснили «ядерной угрозой» со стороны США.

Начались длительные переговоры между Пхеньяном и Вашингтоном, завершившиеся подписанием в октябре 1994 г. рамочного соглашения, основу которого составила договоренность о прекращении КНДР своей ядерной программы и обязательство США поставить на Север легководные реакторы. Одновременно КНДР объявила о приостановке вступления в силу ее решения о выходе из ДНЯО.

Последующие контакты Северной Кореи и США привели к подписанию Соглашения о создании Организации содействия развитию энергетики Корейского полуострова (КЕДО), на которую возложена задача реализации проекта сооружения легководных реакторов. Стоимость проекта оценивается в 3,6 млрд. долл., причем более 50% затрат взяла на себя Южная Корея. Однако на конец 2000 г. практические работы по сооружению легководных реакторов еще не начинались.

В Пхеньяне все чаще заявляли, что затягивание сроков сооружения АЭС (по рамочному соглашению 1994 г., строительство станции должно было быть завершено в 2003 г.) вынудит КНДР возобновить свою ядерную программу, так как срыв запланированных сроков «наносит серьезный ущерб народному хозяйству страны».

Еще одним фактором, дестабилизировавшим обстановку на Корейском полуострове 1990-е годы, стала ракетная программа КНДР. В Северной Корее имеется собственная ракетная промышленность, создающая образцы, которые могут быть использованы в качестве средств доставки химического, а после доработки — и ядерного оружия.

По оценкам международных экспертов, в Северной Корее разрабатываются программы по созданию химического оружия, имеется соответствующая промышленная база. КНДР, как утверждается, обладает запасами отравляющих веществ, она не подписала международную конвенцию по химическому оружию. Пхеньян проводит также прикладные военно-биологические исследования. Официально Северная Корея отрицает наличие у нее химического оружия.

С начала 1980-х годов Северная Корея ведет разработки баллистических ракет. В 1993 г. КНДР создала первые образцы баллистических ракет с радиусом действия до 1000 км («Нодон-1»). Разрабатывается также новый тип ракет — «Нодон-2» (радиус действия до 2000 км). По некоторым зарубежным данным, в Пхеньяне есть планы увеличить дальность полета ракет до 6000 км.

В последние месяцы пребывания у власти Б. Клинтона КНДР и США были близки к нахождению компромисса по ракетной проблеме. Однако избрание президентом США Дж. Буша-младшего, его воинственные заявления в адрес КНДР, северокорейского режима и лично Ким Чен Ира привели к приостановке диалога и возобновлению жесткой пропагандистской войны между Пхеньяном и Вашингтоном.

Северокорейское руководство под нажимом мирового общественного мнения наложило мораторий на новые испытания баллистических ракет, что несколько разрядило обстановку, но не сняло эту проблему с повестки дня в отношениях КНДР и США.

Внешняя политика КНДР в 1960–2000 гг. в целом была глубоко идеологизированной. Однако в определенные периоды были допущены резкие повороты от бескомпромиссной борьбы с «международным империализмом» до активных контактов с США.

В 1990-х годах внешнеполитический курс КНДР стал более прагматичным и гибким, хотя его идеологизированная основа сохранялась. Пхеньян сделал ставку на развитие переговорного процесса с США. Во времена президентства Б. Клинтона между КНДР и США состоялись двусторонние контакты на достаточно высоком уровне. В 2000 г. Вашингтон посетил первый заместитель председателя Государственного комитета обороны КНДР вице-маршал КНА Чо Мен Рок, а Пхеньян — госсекретарь США М. Олбрайт. В северокорейско-американских отношениях появился определенный прогресс. США предоставили КНДР продовольственную помощь в объеме 1 млн. т, обеспечивали ежегодные поставки по линии КЕДО — 500 тыс. т топлива.

Приход в Белый дом администрации Дж. Буша-младшего привел к приостановке политического диалога между КНДР и США. Ужесточение линии Вашингтона в отношении КНДР вызвало крайне негативную реакцию в Северной Корее. Пхеньян резко реагировал на антисеверокорейские заявления американских официальных лиц.

Во второй половине 1990-х годов КНДР расширила политические контакты с зарубежными странами. К 2000 г. количество государств, с которыми КНДР установила дипотношения, превысило 150. В 1991 г. Северная Корея стала членом ООН. Расширились связи КНДР с Евросоюзом. Пхеньян нормализовал отношения почти со всеми государствами Западной Европы.

Отношения между КНДР и Японией в 1990-е годы оставались враждебными. Северная Корея требовала от японского правительства извинений за колониальное прошлое, выплату компенсаций (20 млрд. долл.) и возвращение культурных реликвий, вывезенных из Кореи в годы японского колониального господства. Со своей стороны, японцы выдвигали Пхеньяну свои контрпретензии — требовали прекращения ракетно-ядерных программ КНДР, возвращения похищенных северо-корейскими спецслужбами японских граждан.

В декабре 1999 г. Пхеньян посетила японская делегация во главе с бывшим премьер-министром Т. Мураямой. Была достигнута договоренность о возобновлении северо-корейско-японских переговоров с целью нормализации отношений. Однако состоявшиеся контакты не принесли ощутимых результатов. Тем не менее правительство Японии оказало в 2000 г. гуманитарную помощь КНДР (500 тыс. т продовольствия).

На протяжении последних 50 лет северо-корейско-китайские отношения переживали взлеты и падения, однако в КНДР помнят, что китайские добровольцы отстаивали независимость Северной Кореи в годы корейской войны 1950–1953 гг. и рассматривают Китай в качестве «мощного» тыла на случай осложнения обстановки на Корейском полуострове и угрозы со стороны США и Южной Кореи. В 1961 г. Пхеньян и Пекин подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который продолжает действовать и по сей день, хотя в Китае военная статья этого документа трактуется с точки зрения недопущения автоматического втягивания КНР в возможный военный конфликт на полуострове. Период охлаждения северо-корейско-китайских отношений, вызванного нормализацией отношений между Пекином и Сеулом в 1992 г., завершился. КНДР возобновила контакты с Китаем на высшем уровне (Ким Чен Ир дважды посетил Китай — в 1999 и 2000 гг.; в 2001 г. в КНДР с официальным визитом побывал Председатель КНР Цзян Цзэминь).

Китай остается важным донором Северной Кореи. Ежегодно Пекин предоставляет Пхеньяну гуманитарную помощь продовольствием, осуществляет поставки нефтепродуктов. Объем товарооборота между КНДР и КНР в 2000 г. составил 400 млн. долл. Во время визита в Пхеньян в 2001 г. Цзян Цзэминь объявил о безвозмездном предоставлении КНДР 200 тыс. т продовольствия и 30 тыс. т дизельного топлива. Северо-корейская задолженность Китаю составляет 4,5 млрд. долл. (2000 г.).

Китайская сторона на разных уровнях пытается подтолкнуть северных корейцев к проведению экономических реформ, убедить их на собственном примере в целесообразности реформирования существующей в КНДР директивной экономической системы.

Со стороны Китая оказывается активная поддержка КНДР в вопросах межкорейских отношений. Пекин приветствовал мирный диалог между Севером и Югом, выразил солидарность с итогами первой встречи лидеров КНДР и РК в Пхеньяне в июне 2000 г. Пекин поддерживает расширение внешнеполитических связей КНДР, нормализацию ее отношений с Европейским союзом. Китай выступает за нормализацию связей КНДР с США и Японией.

К началу XXI в. КНДР и КНР подошли с достаточно прочным багажом двусторонних отношений. Сложное экономическое положение КНДР, военно-политическое давление на нее со стороны США и их союзников побуждают Северную Корею опираться на Китай, видя в нем мощного стратегического союзника.

Советско-северокорейские отношения на протяжении 1980–1990-х годов развивались неровно. Руководство ТПК и лично Ким Ир Сен, сделав ставку на утверждение в начале 1960-х годов политики опоры на собственные силы, свертывание связей с СССР, в конце концов осознали бесперспективность этой линии и вновь «повернулись лицом» к Советскому Союзу. В 1984 и 1986 гг. состоялись визиты Ким Ир Сена в Москву. Был заключен ряд экономических соглашений. Советская сторона оказала военную помощь Северной Корее. Однако нормализация советско-южнокорейских отношений в сентябре 1990 г. привела к очередному охлаждению в отношениях КНДР и СССР. Пхеньян обвинил Москву в нарушении обещания не признавать Сеул, в фактическом отказе от союзного договора 1961 г., в попытках изолировать КНДР, закрепить раскол Кореи, подорвать стремление корейского народа к объединению, в подрыве социалистического строя в КНДР.

После распада СССР российско-северокорейские отношения развивались также достаточно сложно. В Северной Корее не могли смириться с широким развитием связей между РФ и РК, с позицией Москвы по ядерной проблеме КНДР, с резким свертыванием политических и экономических связей России с КНДР. Прекратил действовать союзный договор 1961 г.

Во второй половине 1990-х годов новое северокорейское руководство во главе с Ким Чен Иром под влиянием объективных факторов (острый экономический кризис внутри страны, усилившееся давление на Пхеньян со стороны США, Японии, РК, стран Западной Европы из-за северокорейской ядерной и ракетной программ) вынуждено было искать пути адаптации к существующим реалиям. В феврале 2000 г. в Пхеньяне был подписан новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и КНДР. Впервые в истории российско-северокорейских отношений в июле 2000 г. КНДР посетил Президент Российской Федерации В.В. Путин. В августе 2001 г. руководитель КНДР Ким Чен Ир нанес ответный визит в Москву. Подписание Пхеньянской и Московской политических деклараций стало крупным событием в двусторонних отношениях. В них фиксируются принципы этих отношений, близость подходов обеих стран к актуальным проблемам мирового развития (многополярность мироустройства, поддержка Договора по ПРО 1972 г., неприятие планов США по созданию национальной системы противоракетной обороны и др.). Особенно важно, что в этих документах северокорейская сторона официально заявила о сугубо мирной направленности своей ракетной программы. Встречи высших руководителей России и КНДР, подписанные документы способствовали развитию российско-северокорейских отношений, укреплению стабильности на Корейском полуострове, во всей Северо-Восточной Азии.

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ в 1948–2000 гг.

Первая республика. После провозглашения южнокорейского государства правительство Ли Сын Мана провело ряд жестких мероприятий по подавлению оппозиционных сил и установило авторитарное правление. В ноябре 1948 г. был принят закон о национальной безопасности, который широко использовался против всех, кто выступал с критикой режима. В стране была установлена жесткая система проверки всех учреждений, включая армию и полицию, учебные заведения. К 1950 г. в тюрьмах РК находилось более 60 тыс. заключенных, в том числе 60 членов парламента.

США оказали РК крупную экономическую помощь, в результате которой стало налаживаться производство, стабилизировалась финансовая система. В 1950 г. была проведена земельная реформа, образованы фермерские хозяйства. Доля арендаторов уменьшилась с 49% до 7. Появились первые финансово-промышленные корпорации.

После окончания корейской войны социально-экономическая ситуация в РК была крайне тяжелой. Правительство США предоставило Южной Корее крупные займы (так называемые займы развития), а также 1,5 млрд. долл. в виде субсидий. Однако администрации Ли Сын Мана не удалось стабилизировать социально-политическую обстановку в стране. Материальное положение населения продолжало ухудшаться. В 1958 г. число безработных и частично безработных составило почти 4,5 млн. человек (около 37% работоспособного населения). Авторитарные методы правления, подавление всякого инакомыслия накаляли политическую обстановку в РК. В стране ширились выступления студенчества, интеллигенции и других слоев против правящего режима. Демонстрации протеста, забастовки жестоко подавлялись полицией и армией.

Очередные президентские выборы в марте 1960 г. (Ли Сын Ман баллотировался уже в третий раз) послужили поводом к народному восстанию. Студенческие демонстрации в Масане, Сеуле и других городах с требованием «Долой Ли Сын Мана!» власти попытались подавить с помощью полиции и армии. Однако военные отказались стрелять в безоружных людей. Восстание набирало силу, в нем участвовало почти 500 тыс. человек. В ходе восстания около 2 тыс. человек было убито, более 6 тыс. ранено. Ли Сын Ман под давлением восставшего народа и парламента ушел в отставку и покинул страну.

Вторая республика берет отсчет с 1 октября 1960 г., когда вступил в должность президента лидер Демократической партии Юн Бо Сон.

Переходное правительство Хо Чжона не произвело существенных перемен в жизни страны. Оно ограничилось наказанием некоторых полицейских чиновников, виновных в расстрелах демонстрантов и фальсификации выборов. Требования расследовать преступления прежнего режима остались без внимания, что породило популярную в то время фразу — «украли революцию».

В 1961 г. в правящей партии произошел раскол, от нее отделилась Новая демократическая партия (Синминдан), ставшая оппозиционной. Президент Юн Бо Сон остался в прежней партии, тогда как премьер-министр Чан Мен оказался в новой.

Таким образом, после 12-летнего правления «твердой руки» наступила пора политического хаоса, активизировалось движение за установление контактов с Северной Кореей, что вызывало тревогу у правящей элиты. Решение сократить армию и военные расходы оказалось роковым для новых властей.

Военный переворот. Третья и Четвертая республики. 16 мая 1961 г. военная хунта во главе с генералом Пак Чжон Хи совершила государственный переворот. В стране было введено военное положение. Правительственные учреждения были взяты под контроль армии, распущены парламент и политические партии, запрещены митинги, демонстрации, закрыт ряд газет и журналов, введена цензура.

Высший совет национальной реконструкции, состоявший из 32 военных чинов и наделенный законодательной и исполнительной властью, взял курс на искоренение коррупции, создание самостоятельной экономики и объединение нации, а также обещал передать власть гражданскому правительству после выполнения задач «революции».

Военный переворот 1961 г. положил начало 30-летнему периоду правления генералов. Все они приходили к власти с помощью силы, не обращая внимания на конституцию, демократические институты. В административных органах преобладали офицеры, военные трибуналы заменяли гражданское судопроизводство. Политическая жизнь в стране находилась под жестким контролем созданного в июне 1961 г. полковником Ким Чжон Пхилем Центрального разведывательного управления. Были опубликованы списки 4 тыс. политических деятелей (левых, центристов и консерваторов), которым запрещалось заниматься политикой в течение шести лет.

В феврале 1962 г. Ким Чжон Пхиль создал Демократическую республиканскую партию (Минчжу конхвадан), которая лишь формально считалась правящей, но фактически ей отводилась роль популяризатора политики военных властей. В октябре 1962 г. Пак Чжон Хи вышел в отставку с военной службы и был избран президентом РК. В декабре вступила в силу новая конституция, ознаменовавшая начало Третьей республики.

Пак Чжон Хи еще дважды переизбирался президентом РК на выборах в 1967 и 1971 гг. Его 18-летнее правление ознаменовалось большими переменами в жизни страны и населения. Главным его достижением было то, что впоследствии получило название «корейского экономического чуда». В наследство режиму досталась слабая и отсталая экономика. Более 50% бюджета страны и 70% ее военных расходов обеспечивалось за счет экономической помощи США. Южнокорейская элита не могла примириться с тем, что Северная Корея опережала Южную практически по всем параметрам экономического развития.

Администрация Пак Чжон Хи взяла на вооружение экспортно-ориентированную экономическую модель развития, ввела практику пятилетнего планирования экономики, предоставила финансовые льготы и государственные кредиты предприятиям, работавшим на экспорт. К концу 1970 г. образовалось 15 крупных финансово-промышленных групп, пользовавшихся поддержкой правительства. Возросла роль мелкого и среднего бизнеса, технократов и интеллектуалов в ад-

министрации. Среднегодовой прирост в экономике составил 9,2%. ВВП на душу населения вырос с 87 долл. в 1962 г. до 1503 долл. в 1980 г. Темпы роста экспорта за тот же период составили 32,8%. Развернутое по инициативе президента в 1971 г. движение «за новую деревню» изменило условия жизни и эффективность труда крестьян. Послереформенное крестьянство при поддержке властей постепенно выходило из состояния нищеты. К 1971 г. южнокорейский бюджет перестал зависеть от американской экономической помощи.

За время своего правления Пак Чжон Хи прошел путь от военного диктатора до создателя «демократии корейского образца». Он не приветствовал участие политических партий и широких масс населения в решении общенациональных проблем. В соответствии с принятым в июле 1961 г. «антикоммунистическим законом» запрещались дискуссии или какие-либо акции в поддержку объединения Севера и Юга Кореи. Нарушители закона карались смертной казнью или тюремным заключением на срок от 5 до 15 лет. За годы военного режима было наказано более 20 тыс. человек, в том числе лидеры правых и националистических партий, ученые, редакторы газет, преподаватели университетов, деятели культуры.

В октябре 1972 г. президент принял решение сконцентрировать в своих руках все рычаги власти и все ресурсы РК в целях обеспечения политической стабильности, превосходства в экономическом соревновании с КНДР и вывода экономики страны на уровень развитых государств мира. Снова были распущены парламент и политические партии, изменена конституция. Национальное собрание было заменено Национальной конференцией за объединение, состоявшей из 2359 независимых депутатов, одна треть которых назначалась президентом страны.

Новая конституция, названная «конституцией Юсин» («Обновление»), была одобрена на референдуме и символизировала начало Четвертой республики. Фактически она узаконила диктатуру президента и возможность продления срока его власти на неограниченный период времени. Идеологической основой обновления стали идеи «чучхесон» («субъективность»), предполагающие приоритет национальных интересов.

Во внешней политике Пак Чжон Хи удалось добиться положительных результатов. В июне 1965 г. были нормализованы отношения РК с Японией, что стимулировало дальнейшую модернизацию южнокорейской экономики. В 1965–1973 гг. Южная Корея послала свой воинский контингент на войну во Вьетнаме на стороне США, где свыше 3 тыс. корейцев погибло (всего через войну прошло 350 тыс. южнокорейцев).

Трудным испытанием для режима Пак Чжон Хи явилось принятое в 1969 г. решение США о сокращении своего военного присутствия в Азии (доктрина Никсона). В Южной Корее это восприняли как признак ослабления американской экономической и военной гегемонии, от которой во многом зависели безопасность и процветание Южной Кореи. Последовавший за этим вывод из Южной Кореи одной из двух расквартированных там пехотных дивизий США (20 тыс. солдат) подтвердил опасения Сеула.

Пак Чжон Хи имел репутацию последовательного националиста и довольно строптивного генерала, который не всегда принимал во внимание интересы своего американского союзника. По его инициативе в конце 1970-х годов в Южной Корее была предпринята попытка создания ядерного оружия. Американцам потребовалось немало усилий, чтобы остановить ядерные амбиции Сеула.

В годы президентства Пак Чжон Хи произошли крупные изменения в межкорейских отношениях. После первых конфиденциальных контактов между Севером и Югом Кореи в 1961 г., которые не дали практических результатов, в 1971 г. состоялись переговоры на уровне представителей обществ Красного Креста, а в мае 1972 г. — политические контакты. Итогом переговоров явилось Совместное заявление от 4 июля, в котором стороны зафиксировали стремление добиваться объединения страны мирным путем.

В период правления Пак Чжон Хи были установлены первые неофициальные контакты между СССР и РК на уровне представителей общественности.

Автократический и репрессивный режим Пак Чжон Хи все более вступал в противоречие с ростом экономического потенциала страны. Благосостояние граждан, гарантия их прав и свобод не соответствовали уровню экономического развития республики. Трудовые конфликты и забастовки рабочих стали обыденным явлением. Арест в 1979 г. лидеров оппозиции Ким Дэ Чжуна и Юн Бо Сона, лишение Ким Ен Сама депутатского мандата обострили политическую ситуацию. Разразился парламентский кризис, в регионах начались массовые демонстрации.

В октябре 1979 г. Пак Чжон Хи ввел в стране военное положение. 26 октября 1979 г. президент был убит директором ЦРУ Южной Кореи Ким Чэ Гю. Премьер-министр Цой Гю Ха приступил к временному исполнению обязанностей президента. Вскоре Национальная конференция за объединение избрала его президентом.

Пятая республика. Уход диктатора Пак Чжон Хи способствовал развитию политической активности в стране, породил надежды на восстановление справедливости в обществе. Однако военные во главе с генералом Чон Ду Хваном совершили переворот. В мае 1980 г. жители г. Кванчжу вышли на улицу, чтобы выразить протест против военной диктатуры. Их выступление было подавлено силами воинских частей, что привело к многочисленным жертвам.

В условиях нарастания серьезного политического кризиса коллегия выборщиков 27 августа 1980 г. избрала Чон Ду Хвана президентом страны. В октябре он обнародовал измененную конституцию, согласно которой президент мог быть избран на один семилетний срок. Начался процесс воссоздания политических партий. После отмены военного положения в январе 1981 г. появилась возможность для легализации политической жизни. В апреле приступило к работе Национальное собрание.

Как ожидалось, Чон Ду Хван сохранил тот же диктаторский режим власти, который существовал при Пак Чжон Хи. Поэтому обстановка в стране оставалась довольно напряженной. Оппозиция требовала введения системы прямых выборов президента.

Шестая республика. Отставной генерал Ро Дэ У в 1988 г. стал президентом РК. Была принята новая редакция конституции, согласно которой президент избирался путем прямых выборов.

Став главой государства, Ро Дэ У сделал ставку на сотрудничество с оппозиционными силами и принял практически все их требования. Население приветствовало отмену ряда недемократических законов, освобождение политзаключенных, начало расследования преступлений прежних властей, прекращение вмешательства правительства в деятельность СМИ.

На выборах в Национальное собрание в апреле 1988 г. большинство мест получила правящая Демократическая партия справедливости, за ней следовала Партия за мир и демократию Ким Дэ Чжуна, далее — Демократическая партия за объединение Ким Ен Сама и Новодемократическая республиканская партия Ким Чжон Пхиля. В январе 1990 г. правящая партия объединилась с партиями Ким Ен Сама и Ким Чжон Пхиля, образовав Либерально-демократическую, с 1991 г. — Демократическую партию.

В годы правления администрации Ро Дэ У РК достигла заметного прогресса. Курс президента на примирение и консолидацию в обществе способствовал развитию экономики и росту благосостояния населения. В лучшую сторону изменился имидж РК на международной арене. Впервые в своей истории Южная Корея стала хозяйкой летних Олимпийских игр 1988 г.

Позитивные результаты принесла так называемая северная полигника Ро Дэ У, реализация которой дала возможность нормализовать отношения с СССР и Китаем, вступить в ООН, провести серию встреч между Севером и Югом Кореи на уровне премьер-министров. Ро Дэ У был первым президентом РК, который в декабре 1990 г. посетил СССР и подписал Декларацию об общих принципах отношений между двумя странами. Ориентируясь преимущественно на внешнеполитический курс США, Ро Дэ У стремился строить отношения с соседними государствами на основе интересов своей страны.

Избранный в декабре 1992 г., Ким Ен Сам стал первым после военного переворота 1961 г. гражданским президентом. Будучи на протяжении многих лет одним из лидеров оппозиции, он пришел к власти благодаря поддержке правящей партии.

Ким Ен Сам оказался в ситуации, когда основные перемены демократического характера были осуществлены прежней администрацией. Поэтому он сосредоточил усилия на оздоровлении общества, борьбе с коррупцией. Во внешней политике он избрал курс на глобализацию связей РК, а также на улучшение отношений с Северной Кореей.

Во время правления администрации Ким Ен Сама происходила дальнейшая демократизация общественной жизни.

Борьба с коррупцией приобрела небывало широкий размах. В тюрьмах оказались «неприкасаемые» в прошлом министры обороны и начальники штабов родов войск, высшие чины полиции, банкиры. Кульминацией кампании по восстановлению законности стал суд над двумя бывшими президентами страны Чон Ду Хваном и Ро Дэ У, приговоренными к тюремному заключению за причастность к подавлению демонстраций в Кванчжу. Антикоррупционные реформы Ким Ен

Сама получили название «спокойной революции», но они дорого обошлись самому президенту, члены семьи которого оказались замешанными в финансовых махинациях.

Власти, однако, упустили момент, когда экономика исчерпала резервы развития и стала пробуксовывать. Попытки сохранить темпы за счет новых инвестиций оказались неэффективными, а на глубокое реформирование экономики власти не решились. К концу правления администрации Ким Ен Сама кризисные тенденции в экономике неотвратимо нарастали.

Во внешней политике Ким Ен Сам продолжал ориентироваться на США, выдвигая в качестве приоритетной задачи глобализацию. Проявилась тенденция к игнорированию интересов России и к замедлению темпов развития торгово-экономических связей с РФ.

У администрации Ким Ен Сама были планы радикального улучшения отношений с Северной Кореей, но она не смогла их реализовать, допустив ряд тактических просчетов: возобновила проведение совместных с США военных маневров, неадекватно реагировала на смерть президента КНДР Ким Ир Сена повышением боеготовности южнокорейской армии. Намечавшаяся на осень 1994 г. встреча Ким Ен Сама и Ким Ир Сена не состоялась, а в межкорейском диалоге наступила длительная пауза.

На президентских выборах в декабре 1997 г. победу впервые одержал известный борец за демократию, лидер оппозиции Ким Дэ Чжун, который вступил в должность президента 25 февраля 1998 г.

Правление администрации Ким Дэ Чжуна совпало с началом финансового кризиса в ряде стран Азии, который стал для РК тяжелым испытанием. Для погашения долгов и предотвращения банкротства стране потребовались самоотверженные усилия всего населения, а также свыше 50 млрд. долл., которые предоставил МВФ и другие международные организации.

Кризис и его последствия в значительной мере предопределили главные направления деятельности администрации Ким Дэ Чжуна. Ситуация осложнялась еще тем, что большинство мест в парламенте оказалось у оппозиционной Партии великой страны (Ханнарадан). Тем не менее администрации Ким Дэ Чжуна удалось консолидировать общественные силы и выйти из состояния кризиса. Были проведены реформы, оздоровившие экономику.

Определенным достижением администрации во внешней политике следует признать реализацию политики «солнечного тепла» в отношении Северной Кореи, в результате которой 15 июня 2000 г. состоялась первая после раскола Кореи встреча лидеров Севера и Юга.

* * *

Трагически сложилась судьба Кореи в XX в. В начале века страна подверглась колониальному порабощению со стороны Японии. Получив в 1945 г. свободу в результате разгрома японского милитаризма Советской Армией, Корея не смогла продолжить развитие как единое государство. Соперничество двух полярных мировых политических систем не позволило создать единую Корею. Кровопро-

литный военный конфликт 1950–1953 гг. закрепил ситуацию «двух Корей», которые развивались по противоположным экономическим и политическим направлениям. Более полувека два корейских государства остро конфронтировали друг с другом, не раз ставя обстановку на полуострове на грань нового военного конфликта. В XXI в. две Кореи вошли с различным политическим и экономическим потенциалом. Республика Корея, преодолев экономический кризис 1997–1998 гг., идет по пути совершенствования рыночной экономики и дальнейшей демократизации общественной жизни. Корейская Народно-Демократическая Республика продолжает курс на строительство «социализма корейского образца», пытается найти пути выживания существующей политической системы.

ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Проблема восстановления единства корейской нации остается весьма актуальной задачей как для КНДР, так и для РК. На протяжении 60 лет Пхеньян и Сеул неоднократно выдвигали предложения по объединению Кореи, однако в большинстве случаев эти инициативы имели скорее пропагандистский характер, нежели были реальной базой для продуктивного диалога.

До корейской войны ни Пхеньян, ни Сеул серьезно не рассматривали возможность мирного урегулирования обстановки на полуострове и создания единого государства. Попытки СССР и США решить проблему единства Кореи в рамках советско-американской комиссии в 1946–1947 гг. на основе организации международной опеки над Кореей окончились неудачей.

После окончания корейского конфликта 1950–1953 гг. очередная попытка урегулировать ситуацию на Корейском полуострове, добиться объединения Севера и Юга Кореи была предпринята в 1954 г. на Женевском совещании министров иностранных дел СССР, КНР, США, Франции, Великобритании и ряда других государств. Она также не имела успеха.

В 1960 г. правительство КНДР выступило с инициативой создания конфедерации Севера и Юга в качестве переходного этапа к мирному объединению страны. В Республике Корея, где в это время произошла смена власти — свержение диктаторского режима Ли Сын Мана, — состоялись массовые выступления населения в поддержку мирного объединения Юга и Севера, однако режим Чан Мена и США отвергли саму идею единства двух Корей.

В августе 1961 г., спустя три месяца после военного переворота в Южной Корее, военные власти РК предложили КНДР провести обмен мнениями по объединению страны, но сторонам не удалось договориться ни по одному из вопросов. Переговоры прекратились.

В условиях разрядки международной напряженности в начале 1970-х годов Северная и Южная Корея демонстрировали намерение оздоровить обстановку на полуострове, приступить к мирному диалогу. 4 июля 1972 г. было подписано Совместное заявление Севера и Юга, в котором излагались три принципа объединения Кореи. Оно должно было быть самостоятельным, мирным и произойти на основе национальной консолидации. Это был первый межкорейский политический документ, зафиксировавший намерение сторон продвигаться к мирному

объединению двух Корей. Дальше намерений дело, однако, не пошло. В 1975 г. диалог был прерван. Обстановка на полуострове резко обострилась. В 1976 г. в демилитаризованной зоне произошел серьезный инцидент: северокорейцы убили двух американских военнослужащих. США готовились осуществить «акцию возмездия», и только личные извинения Ким Ир Сена не позволили разразиться новому конфликту.

В 1980 г. на VI съезде Трудовой партии Ким Ир Сен выступил с Программой создания Демократической Конфедеративной Республики Корё (ДКРК). Политический курс ДКРК должен был быть сфокусирован на следующих моментах: ДКРК как неприсоединившееся государство проводит независимую, самостоятельную политику, не участвует в военно-политических союзах; объединенная Корея обеспечивает экономическое сотрудничество между Севером и Югом на основе существования различных экономических систем.

В Южной Корее с подозрительностью отнеслись к инициативе КНДР о создании конфедерации, усмотрев в ней попытку Пхеньяна добиться единства Кореи под властью КНДР.

Администрация Чон Ду Хвана, со своей стороны, в 1982 г. выступила с идеей национального примирения, предложив разработать конституцию единой Кореи, организовать встречи высших руководителей РК и КНДР, учредить миссии связи в Пхеньяне и Сеуле. РК настаивала также на вступлении в ООН. Северокорейская сторона, в свою очередь, отвергла южнокорейские предложения, продолжала настаивать на создании конфедерации Севера и Юга.

В 1983 г. межкорейские отношения вновь резко обострились. Поводом послужило покушение на президента Чон Ду Хвана во время его официального визита в Бирму. Тогда погибло около 20 высших чиновников южнокорейского правительства. Власти Бирмы и РК возложили ответственность за этот инцидент на северокорейские спецслужбы. Бирма разорвала дипломатические отношения с КНДР.

В ноябре 1984 г. межкорейский диалог возобновился. В сентябре 1984 г. КНДР оказала материальную помощь РК, пострадавшей от сильного наводнения. Эта акция стала прелюдией к переговорам по экономическим вопросам, на которых был согласован ряд организационных вопросов, в том числе создание Совместного комитета экономического сотрудничества и пяти подкомитетов по конкретным направлениям сотрудничества. Однако реализация согласованных мероприятий не состоялась.

Были продолжены также контакты в гуманитарной области. Результативный итог этих контактов пришелся на сентябрь 1985 г., когда в Сеуле и Пхеньяне произошла первая с момента раскола Кореи встреча разлученных семей и родственников. Раздел Кореи на два государства, война 1950–1953 гг. разлучили более 10 млн. человек.

Конструктивную роль в межкорейских отношениях в конце 1980-х годов сыграла южнокорейская администрация и лично президент Ро Дэ У. 7 июля 1988 г. он выступил со специальной декларацией, в которой предложил КНДР начать межкорейский обмен по различным направлениям, прекратить противоборство

на международной арене, признать место друг друга в международном сообществе, развивать сотрудничество в интересах всего корейского народа. Во внешнеполитической сфере предлагалось начать сотрудничество РК с КНДР в целях улучшения ее отношений с союзниками Южной Кореи, включая США и Японию, и одновременно улучшения отношений РК с СССР, Китаем и другими социалистическими странами.

Следующей важной акцией со стороны Сеула стала идея создания «корейского сообщества» в качестве промежуточного этапа на пути объединения Кореи. Ро Дэ У предложил создать Совет глав двух корейских государств, Совет министров с участием премьеров Юга и Севера и десяти министров с каждой стороны, который должен заняться решением проблемы разделенных семей. Кроме того, предусматривалось создание Совета представителей из 100 членов парламента (поровну от Юга и Севера) для разработки конституции объединенной Кореи. Глава южнокорейского государства предложил также создать в демилитаризованной зоне «зону мира». Новая южнокорейская инициатива, безусловно, содержала позитивные моменты и способствовала спаду напряженности в отношениях между двумя корейскими государствами.

Конец 1980-х — начало 1990-х годов отмечены кардинальными геополитическими изменениями вокруг Корейского полуострова. Нормализация отношений между СССР, другими социалистическими странами и Республикой Корея, дезинтеграция Советского Союза оказали существенное влияние на оба корейских государства, в особенности на КНДР, которая лишилась в лице СССР важнейшего политического союзника и экономического донора. Позиции КНДР в регионе заметно ослабли. Пхеньян и Сеул возобновили диалог на высоком уровне — на уровне премьер-министров. Итогом встреч глав правительств стало подписание в 1991 г. двух важных документов — Соглашения о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах и Декларации о безъядерном статусе Корейского полуострова. Соглашение юридически оформляет КНДР и РК в качестве двух самостоятельных корейских государств. Пхеньян и Сеул обязались уважать существующие на Севере и Юге социально-экономические и политические системы, не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не предпринимать враждебных действий в отношении друг друга. Эти положения призваны устранить юридическую неопределенность между КНДР и РК, их претензии на представительство всей Кореи (каждая корейская сторона считала себя единственным законным государством на Корейском полуострове, соответствующие положения содержатся в конституциях КНДР и РК).

Важный пункт Соглашения о примирении — отказ от применения силы. Обязательство сторон воздерживаться от силовых акций создавало правовую основу для укрепления стабильности и нормализации ситуации на полуострове.

Декларация о денуклеаризации Корейского полуострова зафиксировала общие подходы Севера и Юга к решению ядерных проблем. В 1992 г. стороны сформировали Совместный комитет ядерного контроля. Однако как сама Декларация, так и Совместный комитет, к сожалению, оказались нежизнеспособными и не смогли внести вклад в разрешение ядерного кризиса на полуострове.

В апреле 1993 г. президент КНДР Ким Ир Сен выдвинул Программу консолидации Севера и Юга, отражавшую более гибкий подход Пхеньяна к строительству отношений с Южной Кореей. Содержание программы сводится к созданию конфедеративного нейтрального государства при сохранении на Севере и Юге существующих систем и правительств. Единое государство — неприсоединившееся и нейтральное.

Кимирсеновская программа консолидации отразила новую геополитическую обстановку, сложившуюся вокруг КНДР в начале 1990-х годов, и предложила более гибкую схему сближения двух корейских государств.

В ответ на северокорейскую инициативу президент РК Ким Ен Сам в мае 1993 г. сформулировал свой вариант объединения Кореи. Он выдвинул трехфазовую концепцию объединения Юга и Севера. Первая фаза — примирение, сотрудничество, преодоление враждебности, обеспечение мер доверия. Вторая фаза — создание корейского сообщества. Третья фаза — создание единого корейского государства, разработка конституции единой Кореи, проведение выборов, формирование единого парламента и единого правительства.

Ким Ен Сам выдвинул также «три руководящих принципа объединения» — приоритет демократического национального консенсуса над другими способами принятия решений, сосуществование и сопроцветание по мере ослабления конфронтации между Югом и Севером, обеспечение всем корейцам равного жизненного уровня и гарантий социального благосостояния.

Если сопоставить объединительные концепции Ким Ир Сена и Ким Ен Сама, то заметна определенная степень совпадений в подходах корейских сторон к поиску средств и способов объединения страны.

Между Пхеньяном и Сеулом была достигнута договоренность о том, что руководители КНДР и РК Ким Ир Сен и Ким Ен Сам в 1994 г. проведут личную встречу и обсудят проблему корейского единства. Однако встреча не состоялась из-за кончины Ким Ир Сена 8 июля 1994 г. Между Севером и Югом вновь усилилось напряжение, разразилась пропагандистская война. Официальный Сеул не выразил соболезнования по поводу кончины Ким Ир Сена, привел в состояние повышенной готовности свои вооруженные силы, что вызвало резкое раздражение в Пхеньяне. Межкорейский диалог оказался сорванным.

Приход в Голубой дом (резиденция президента РК) в Сеуле в 1988 г. Ким Дэ Чжун кардинально изменил южнокорейский подход к отношениям с Северной Кореей. В марте 2000 г. в Берлине Ким Дэ Чжун обнародовал так называемую Берлинскую декларацию, в которой изложил политику Сеула в отношении КНДР. Главный элемент нового курса — «отделение политики от экономики». Ближайшая задача, подчеркнул Ким Дэ Чжун, «не объединение Кореи, а прекращение состояния конфронтации и холодной войны, установление прочного мира на полуострове». В целях обсуждения насущных проблем было предложено начать диалог на межправительственном уровне. Ким Дэ Чжун особо подчеркнул, что РК не собирается поглощать Северную Корею. Программа, изложенная южнокорейским президентом, выглядела достаточно гибкой, конструктивной и реалистичной.

тичной. Она получила название «политики солнечного тепла» или «политики вовлечения» КНДР в диалог и сотрудничество.

Важным итогом «политики солнечного тепла» стали встреча лидеров двух Корей — Ким Дэ Чжуна и Ким Чен Ира в Пхеньяне в июне 2000 г. и подписание Совместной декларации Севера и Юга. Документ содержал намерения добиваться объединения Кореи самостоятельно, мирным путем, признавая при этом сходство между предложением Севера о конфедерации и предложением Юга о сообществе. Стороны также решили развивать экономическое сотрудничество, связи и контакты в области культуры, спорта, здравоохранения. Север и Юг договорились осуществить обмен группами разлученных родственников 15 августа (день освобождения Кореи от японских захватчиков) и решать другие гуманитарные проблемы.

Важно, что обе стороны подчеркнули мирный характер эвентуального объединения Кореи. Включение в Декларацию пункта о схожести северокорейского проекта создания конфедеративного государства и южнокорейской идеи строительства корейского сообщества продемонстрировало намерение обеих корейских сторон искать и находить компромиссы по весьма острому вопросу о форме будущего единого государства. Однако следует признать, что в Сеуле и в Пхеньяне это положение документа толкуется по-разному. В КНДР считают, что конфедерация — это единое государство с двумя самостоятельными правительствами, двумя различными политическими и экономическими системами. В Южной Корее корейское сообщество толкуется как этап на пути к полному единству страны.

После межкорейского саммита и подписания Совместной декларации диалог между Пхеньяном и Сеулом заметно активизировался. Состоялись переговоры по политическим, экономическим, военным и другим вопросам. Наиболее продуктивными были переговоры об экономическом сотрудничестве. Стороны взяли за осуществление Кымгансанского туристического проекта, начали реализовывать проект создания технопарка в районе г. Кэсон. Заметно выросла межкорейская торговля.

Республика Корея оказывает КНДР существенную гуманитарную помощь, осуществляет поставки продовольствия, химических удобрений. За годы реализации «солнечной политики» правительство РК предоставило КНДР помощь на 500 млн. долл.

Активизировались гуманитарные контакты между Югом и Севером. Состоялись встречи разлученных родственников. Возросло количество контактов между общественными организациями, учеными, спортсменами.

Состоялись также контакты по военной линии, наиболее чувствительной проблеме межкорейских отношений. Военные эксперты двух сторон выработали договоренности об обеспечении безопасности в районе соединения железных дорог Севера и Юга, о процедуре передвижения гражданских лиц в демилитаризованной зоне в ходе строительных работ по соединению железных дорог Севера и Юга.

Однако в целом проблема военной разрядки на Корейском полуострове стоит достаточно остро. Значительную долю напряжения создает неурегулированность северокорейского ядерного вопроса.

ОТ КАПИТУЛЯЦИИ ДО СОЗДАНИЯ
САН-ФРАНЦИССКОЙ МИРНОЙ СИСТЕМЫ
(1945–1955)

С окончанием Второй мировой войны в Японии начался период оккупации, закончившийся в апреле 1952 г. Это было время чрезвычайно важных перемен. Своеобразие оккупационного периода (6 лет и 8 месяцев) состояло в том, что верховная власть в стране находилась в руках Штаба оккупационных войск США, который действовал фактически единолично, несмотря на создание международных структур (Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии; место пребывания соответственно — Вашингтон и Токио). Руководство страной США осуществляли, что чрезвычайно важно, руками японского правительства. Бюрократия, бывшая одним из столпов довоенной административной системы, практически оказалась нетронутой и являлась важным элементом преемственности. Оставаясь в системе управления, она получила возможность в определенной степени выхолащивать директивы оккупационных властей. Поэтому проводимая в стране политика не вызывала серьезного недовольства населения.

Для Японии рассматриваемый период был одновременно и трудным и результативным. Последствия войны — хозяйственная разруха, крушение господствовавшей прежде агрессивной националистической идеологии — ввергли народ в полосу лишений, полуголодного существования, духовной растерянности. Но в то же время были проведены системные реформы, заложившие основы последующего процветания.

Соединенные Штаты, связанные Потсдамской декларацией союзных держав (от 26 июня 1945 г.), взяли курс на демилитаризацию и демократизацию страны. Японский народ, практически не знавший до того времени, что такое демократия, начал активно приобщаться к ней. Де-юре демократия была введена конституцией 1889 г., де-факто она в полном объеме привнесена в страну именно в первые послевоенные годы в определенном смысле «силовыми методами». Такими же методами проводилась и большая часть всех послевоенных реформ. Нормативная часть процесса демократизации (директивы, законы и т.п.) определялась в основном Штабом войск США, хотя некоторое влияние имели Дальневосточная комиссия и Союзный совет, в которых активно сотрудничал Советский Союз.

В период оккупации политика Соединенных Штатов в отношении Японии прошла два этапа. На первом этапе (1945–1948) они хотели уничтожить своего соперника и конкурента на Дальнем Востоке, а на втором (1948–1952), после

создания КНР, а затем войны в Корее, они решили превратить Японию в подконтрольного себе союзника, т.е. начался так называемый обратный курс. Эта политика привела в конечном счете к созданию японо-американского военного союза. Принятие пакета законов и постановлений, касающихся фактического возрождения японской армии и вопросов обеспечения безопасности страны с помощью США, завершилось созданием Сан-Францисской мирной системы.

В эти годы наблюдался подъем рабочего и крестьянского движения, возрождение распущенных до войны политических партий. Большим влиянием пользовались, в частности, Социалистическая и Коммунистическая партии, которые сыграли чрезвычайно важную роль в создании профсоюзов. Эти организации наемных работников, построенные по принципу «на каждом предприятии — свой профсоюз» (система так называемых пофирменных профсоюзов, в которые входят все работники данной компании), на долгие годы стали главной социальной опорой оппозиционных партий. Подавляемая долгие годы военно-полицейским режимом политическая активность масс вырвалась наружу.

В течение рассматриваемого периода Япония встала на путь превращения в демократическую страну, обладая одной из самых прогрессивных конституций (1947 г.) с ее уникальной статьей 9: «Японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Очень важной была идеологическая перестройка, которая происходила в умах многих людей.

Послевоенные реформы. Отличительной и очень важной чертой этих реформ была их комплексность, т.е. практически одновременное осуществление в сжатые сроки во всех сферах жизнедеятельности общества — экономической, социальной, политической, культурной. Наиболее полное отражение политический и социальный аспекты реформ нашли в конституции, провозгласившей суверенную власть народа, все права и свободы, принцип разделения властей и другие свойственные демократической форме правления постулаты. При этом в соответствии с многовековой традицией был сохранен институт императорской власти: «Император является символом государства и единства народа» (ст. 1).

После принятия конституции вносились поправки в существовавшее законодательство. Особенно серьезно было реформировано конституционное право. В частности, закон о парламенте утверждал верховенство парламента, приоритет палаты представителей, самостоятельность палат и пр. Пересмотренный закон о выборах в палату представителей допускал женщин к управлению государством. Важнейшим шагом японских законодателей было создание не существовавшего в довоенный период института — выборного местного самоуправления. Одновременно были внесены изменения в гражданский кодекс (в частности, теперь основой семейной системы признавалась нуклеарная семья) и юридическую систему.

Успеху реформ в значительной степени способствовали определенные предпосылки предвоенного развития страны, прерванного милитаризацией и войной, а также созданная вокруг них международная атмосфера и поддержка со стороны

простых японцев. Они без особых колебаний приняли курс правительства на демократизацию и экономическое возрождение, большинство трудящихся мирилось с подчас исключительно жесткими мерами, тяжелым бременем ложившимся на их плечи. Достаточно вспомнить «движение за сбережения в интересах спасения страны», когда речь шла о сбережениях рядовых японцев, помещаемых в почтово-сберегательные кассы под сравнительно низкие проценты. Подобное отношение народа к государственной политике во многом объясняется социопсихологическими особенностями японцев, их восприятием власти, основанным на конфуцианских духовных ценностях.

В немалой степени проведение реформ было успешным благодаря позиции, занятой американской оккупационной администрацией. Поражение в войне вызывало необходимость серьезных изменений в обществе, но японское правительство вряд ли смогло бы осуществить реформы в сжатые сроки. Оккупационные же власти не только пресекали попытки консервативных сил придать реформам менее радикальный характер, но и сдерживали революционные устремления масс, не давая им выйти за определенные рамки. Это обеспечивало политическую стабильность, необходимую для поступательного развития страны. Хотя роль американской оккупационной администрации в послевоенном становлении и развитии японской экономики достаточно велика, результативное проведение реформ стало возможным прежде всего благодаря усилиям народа.

Реформы в социально-экономической сфере осуществлялись по нескольким основным направлениям. В соответствии с директивой американской оккупационной администрации о роспуске *дзайбацу* — финансово-промышленных объединений (октябрь 1945 г.) парламент принял в 1947 г. два закона, составивших основу антимонопольного законодательства: о запрещении частных монополий, обеспечении честных и справедливых сделок и о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи. Согласно этому законодательству были распущены головные держательские компании, а их акции были изъяты и пущены в открытую продажу. Кроме того, ограничивалась межкорпоративная собственность. Наиболее крупные компании ведущих концернов были разделены, а те из них, что впоследствии были восстановлены, уже не имели прежней власти, их организация стала более гибкой, а связи — подвижными. Жесткая конкурентная борьба положительно повлияла на накопление капитала и рост производительности труда.

Велико значение послевоенной земельной реформы, завершившейся в основном к 1949 г. В результате было ликвидировано помещичье землевладение и преобладающим стало частное мелкокрестьянское хозяйство на собственной земле. Укреплению хозяйств крестьян-собственников способствовала сельскохозяйственная кооперация, созданная на демократических началах по закону 1947 г. В короткий срок она стала неотъемлемой частью жизни деревни, охватив все аспекты личной и производственной деятельности сельского населения. Земельная реформа благотворно повлияла на народное хозяйство в целом. Она способствовала расширению внутреннего рынка благодаря росту производственного и личного потребления сельских тружеников, а также решению проблемы рабо-

чей силы для быстро развивающихся промышленности и сферы услуг. Так в краткие сроки был создан слой мелких и средних собственников.

Решительных преобразований требовала сфера финансов и денежного обращения, от которой во многом зависела экономическая стабилизация в стране. Восстановление народного хозяйства после войны проходило в условиях строгого государственного контроля (система государственных лицензий, фиксирование цен и заработной платы, рacionamento торговли, регулирование деятельности кредитных институтов и т.д.), но темпы роста были незначительными. Наибольшую угрозу составляла высокая инфляция, для ее преодоления по указанию американской администрации была принята Программа экономической стабилизации (1948 г.).

Эта программа известна в истории страны как «Линия Должа» и «Налоговая реформа Шоупа» (названы так по именам американских экспертов). По рекомендации Д. Должа сбалансированность бюджета достигалась на основе резкого сокращения всех видов государственных субсидий и ликвидации компенсационных выплат. В результате промышленность была поставлена под контроль рынка. Налоговая реформа вводила прогрессивное налогообложение личных доходов (при сокращении максимальной ставки), снижение необлагаемого минимума, а также налогов на имущество, юридических лиц и прибыль. Была введена система резервных фондов, не подлежащих налогообложению, и значительно сокращено налоговое бремя в сельском хозяйстве. Уже в 1949/50 фин. г. денежная эмиссия была фактически прекращена, бюджет стал бездефицитным, снизился средний уровень потребительских цен, упали цены «черного рынка», выросла заработная плата. Проведенная в начале 1950-х годов по рекомендации К. Шоупа переоценка основных фондов увеличила сумму амортизационных отчислений и способствовала накоплению капитала. Процесс ломки системы контроля и субсидирования был весьма болезненным, однако эта «шоковая терапия» принесла свои плоды в деле восстановления экономики, завершившегося к 1955 г.

В Японии в послевоенный период, так же как и в мейдзийский, как ни в одной другой стране, важную роль в модернизации экономики сыграло образование, но и оно требовало коренной перестройки. В соответствии с законом о школьном обучении и основным законом об образовании (1947 г.) срок обязательного и бесплатного обучения был увеличен с шести до девяти лет; в каждой префектуре были созданы государственные университеты; в дальнейшем проявилась тенденция приспособлять систему образования к общим задачам социально-экономического развития, повышать профессиональный уровень рабочих. Высокий образовательный ценз японцев играет существенную роль в успехах экономики страны и по сей день.

В стране всегда придавалось немаловажное значение взаимоотношениям труда и капитала, а потому целая группа реформ касалась именно сферы труда и социального обеспечения. В соответствии с принятыми в 1946–1947 гг. законами впервые был установлен 8-часовой рабочий день и 6-дневный оплачиваемый отпуск. Нанимателям предписывалось оплачивать сверхурочную работу, обеспечивать охрану труда и производственное обучение. Рабочие, хотя и с ограниче-

ниями, получили права на создание профсоюзов, ведение коллективных переговоров, организацию забастовок. Многие вопросы не были решены, но уже эти нововведения положительно сказались на росте производительности труда, совершенствовании производства, увеличении личных сбережений, что, в свою очередь, опять-таки содействовало повышению нормы накопления и экономического росту. В то же время шло наступление на радикально настроенные организации трудящихся. С этой целью по инициативе оккупационной администрации в 1950 г. была создана крупнейшая национальная профсоюзная организация — Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё), объединивший около половины организованных наемных работников. Но достаточно быстро он превратился в центр именно радикального профсоюзного движения, сыгравшего большую роль в достижении японскими трудящимися высокого жизненного уровня.

Политическая ситуация в стране. После объявления о капитуляции 15 августа 1945 г., но до официального подписания акта 2 сентября 1945 г. впервые было создано правительство во главе с членом императорской фамилии принцем Хигасикуни Нарухико. Это было сделано для того, чтобы использовать авторитет императорского дома при безболезненном проведении всего комплекса мероприятий, связанных с поражением. Однако это был малоэффективный шаг, и уже в первых числах октября 1945 г. император единолично (в нарушение традиции) назначил главой правительства представителя старой бюрократии атлантистской ориентации Сидэха Кидзюро. Он и его ближайший сподвижник Ёсида Сигэру (министр иностранных дел в его кабинете) во время войны не занимали высоких постов в административных органах и находились в оппозиции внешнеполитическому агрессивному курсу японской военщины.

Буквально сразу после окончания войны восстанавливается весь спектр политических партий. Получила возможность легального существования Коммунистическая партия Японии (КПЯ). Вышли из тюрьмы или возвратились из вынужденной эмиграции ее лидеры. Из разнородных социал-демократических групп всех оттенков возродилась Социалистическая партия Японии (СПЯ). Особой поддержкой оккупационных властей пользовались появившиеся вновь прежние консервативные партии — Либеральная партия, возглавляемая сначала Хатояма Итиро (1946 г.), а затем С. Ёсида (этот политик сыграл чрезвычайно важную роль в становлении послевоенной Японии, пять раз возглавляя кабинет в 1946, 1948, 1949, 1952 и 1953 гг.), Прогрессивная, Японская кооперативная (позже переименованная в кооперативно-демократическую). Консервативные партии отражали интересы отдельных групп финансового капитала, а радикальные — различных социальных слоев населения. Поэтому между партиями как первого, так и второго типа не было и не могло быть никаких согласованных действий, о чем свидетельствовали несколько первых послевоенных выборов в парламент.

Самые первые выборы в палату представителей парламента состоялись в апреле 1946 г. и принесли успех Либеральной партии, а ее лидер С. Ёсида сформировал свой первый кабинет. Обострение социально-экономической ситуации, в частности запрещение оккупационными властями всеобщей стачки в феврале 1947 г., свидетельствовало о неустойчивости правительства и привело к очеред-

ным выборам в соответствии с новой конституцией. Впервые в истории Японии значительное число мандатов получили партии социал-демократической ориентации. Из-за отказа Либеральной партии войти в состав правительства коалиционный кабинет возглавил социалист Катаяма Тэцу. Оккупационные власти в принципе не возражали против его кандидатуры, видя в нем буфер, выдвинутый вперед против нарастающего рабочего и крестьянского движения. Однако эти надежды не оправдались, и через девять месяцев это правительство ушло в отставку. Новый коалиционный кабинет, возглавляемый лидером Демократической партии Асида Хитоси, просуществовал еще меньше. Этими двумя правительствами на многие десятилетия (до 1993 г.) закрылась эпоха коалиционных кабинетов. Последующая череда парламентских выборов демонстрировала борьбу различных консервативных партий за контроль над финансовыми потоками, но начавшая динамично развиваться экономика настоятельно требовала сплочения всех консервативных сил, что и привело к созданию в 1955 г. единой Либерально-демократической партии (ЛДП).

Одновременно возобновилась деятельность объединений крупного бизнеса. Достаточно упомянуть Федерацию экономических организаций (Кэйданрэн, 1946 г.) или Федерацию предпринимательских организаций Японии (Никкэйрэн, 1948 г.).

С помощью директивы Штаба оккупационных войск от 4 января 1946 г. была проведена чистка государственных учреждений и политических организаций от лиц с милитаристским прошлым, причем из слоя высшей бюрократии. В результате все послевоенные демократические преобразования проводились прежними бюрократами, но так называемого второго ряда. Достаточно упомянуть нескольких японских премьеров 1950–1960-х годов: Ёсида Сигэру до войны занимал пост заместителя министра иностранных дел, Киси Нобусукэ (премьер-министр в 1957–1960 гг.) — министра торговли и промышленности, Икэда Хаято (премьер-министр в 1960–1964 гг.) — начальника главного налогового управления, Сато Эйсаку (премьер-министр в 1964–1972 гг.) — начальника управления по надзору за железными дорогами. Таким образом, представители этой плеяды государственных деятелей были не только политиками, но и профессионалами-управленцами, опыта которых так не хватало последующим руководителям страны. С полным правом можно сказать, что в послевоенные годы бюрократия не только выжила, но и эффективно руководила нацией, четко определяя во взаимодействии с политиками национальные приоритеты.

В мае 1946 г. в Токио проходил Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Перед судом трибунала предстало 28 человек, в том числе четыре бывших премьер-министра, три министра иностранных дел, три бюрократа из администрации военного времени и группа высших военных. Обвинение первоначально содержало 55 статей, но до приговора удержалось только 10, от остальных обвинению пришлось отказаться. В трибунале заседали судьи из 11 стран. Смертные приговоры (повешение) были вынесены простым большинством голосов судей 7 подсудимым, пожизненное заключение — 16. В отличие от Нюрнбергского трибунала здесь не судили представителей финансовых кругов и никто не был оправдан.

Формирование Сан-Францисской мирной системы. В годы оккупации внешнюю политику Японии фактически определяли США, что в немалой степени ограничило в дальнейшем формат ее международных отношений рамками двустороннего партнерства.

Позиция Штатов в отношении Японии в целом соответствовала их стратегии на Дальнем Востоке, направленной на установление здесь единоличного контроля за источниками сырья и рынками сбыта. До 1948 г. эту позицию формировали политики и поддерживающие их финансовые круги — давние конкуренты Японии, а потому выступавшие за ослабление соперника и достаточно быструю демократизацию. Затем этим занялась тесно связанная с довоенных времен с *дзай-бацу* часть американского истеблишмента, видевшая в Японии базу для осуществления политики США в Азиатском регионе. Расхождения между ними были чисто тактическими, поскольку и те и другие признавали право определять линию в отношении Японии лишь за США.

Достаточно быстро США признали за Японией важную роль стабилизатора ситуации на Дальнем Востоке, что было беспрецедентным решением в отношении побежденной страны вскоре после ее безоговорочной капитуляции. Уже в 1948 г. Япония провела первую внешнеполитическую акцию, присоединившись к Международному союзу электросвязи — специализированному учреждению ООН. Постепенно, несмотря на оккупацию, она начинает принимать участие в международных договорах, японцы — частные и официальные лица — выезжают за границу, участвуют в международных встречах, что также было беспрецедентным в практике международных отношений. В связи с ростом внешнеэкономических связей по согласованию с американской оккупационной администрацией в 1950 г. принимается закон об учреждении японских представительств за рубежом.

С восстановлением экономики, упорядочением политической системы, укреплением демократии встал вопрос о том, что оккупация изжила себя, и на повестку дня вышла проблема подписания мирного договора. Но была и еще немаловажная причина — заинтересованность США в его скорейшем подписании. Таким путем они стремились заставить Японию активнее участвовать в своей стратегии в Азии, ослабить в стране народное движение за вывод оккупационных войск, добиться согласия японского правительства на сохранение военных баз на территории страны. Война в Корее (1950- 1953) форсировала заключение мирного договора, ибо Япония становилась важной военной базой США, превращаясь в верного союзника Запада, а потому нужно было юридически оформить право на размещение здесь их войск. Япония активно поддержала корейскую войну, которая велась под флагом ООН, но оговорила ограничение своего участия в ней рамками, выгодными для оживления экономики. Как известно, военные заказы США сыграли немаловажную роль в последующем бурном экономическом росте Японии.

Соединенные Штаты, главный инициатор мирного договора, приложили максимум усилий, чтобы свести на нет возможность участия в его подготовке Советского Союза. Первоначально они даже предлагали Японии подписать двусторон-

ние договора со всеми странами, с которыми она находилась в состоянии войны. Но затем пошли на созыв международной конференции, которая бы просто простамповала подготовленный практически единолично США документ, хотя и имеющий форму коллективно согласованного. Мирная конференция состоялась в Сан-Франциско 4-8 сентября 1951 г. В ней участвовали 52 страны, включая Японию, но не были приглашены представители КНДР, МНР, ДРВ и, главное, Китая — ни КНР, ни Тайваня, однако под давлением США мирный договор с Тайванем был подписан уже в апреле 1952 г., что и явилось одним из камней преткновения между СССР и США. Индия и Бирма отказались от участия в конференции из-за отсутствия китайского представителя.

Это была беспрецедентная международная конференция, на которой не предусматривалось обсуждение основного документа или внесение каких-либо поправок. Договор был подписан Японией и представителями 48 стран-участниц конференции, большинство из которых фактически не участвовали в войне. Не поставили свои подписи СССР, Польша и Чехословакия. Одновременно был подписан двусторонний договор безопасности между Японией и США.

Сан-Францисский мирный договор содержал положения, определяющие территорию Японии (признавалась независимость Кореи, провозглашался отказ от прав на Тайвань и Пескадорские острова и от «всех особых прав и интересов в Китае»). Страна принимала на себя обязательство следовать в международных отношениях Уставу ООН. Договор открывал возможность развивать полноценные разносторонние отношения с большинством стран мира, но при этом оставалось много сложностей в отношениях с ближайшими соседями — СССР, КНР и КНДР, которые, как известно, были полностью отстранены от процесса подготовки и заключения этого договора.

Договор, и это важно, оставил нерешенной проблему территориального размежевания между Японией и СССР. В пункте «С» ст. 2 записано: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающие к нему острова, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.» Особенность этого положения состояла в том, что в договоре не было указано, в чью пользу Япония отказывалась от «всех прав, правооснований и претензий». Отсутствие подписи под договором Советского Союза не давало ему возможности в дальнейшем ссылаться на него. В то же время за США признавалось «право осуществлять всю административную, законодательную и судебную власть» над рядом японских территорий, включая острова Рюкю и Бонин (ст. 3). Ратификацией Сан-Францисского мирного договора завершалась оккупация Японии, и она вступала в международное сообщество как полноправный его член.

В преамбуле подписанного договора безопасности между Японией и США говорилось: «Япония желает, чтобы в качестве временного мероприятия по ее обороне США содержали свои вооруженные силы в Японии и вблизи ее для предотвращения вооруженного нападения». Специально заключенное Административное соглашение, в котором конкретно толковались положения договора безопасности, определяло правила размещения войск США на территории страны.

Кроме того, договором безопасности предусматривалось, «что сама Япония будет все в большей мере принимать на себя ответственность за собственную оборону». Тем самым открывалась возможность для создания ее вооруженных сил.

С начала 1950 г. курс на «демилитаризацию» и «полное и долговременное разоружение» сменился официальным признанием «права на самооборону», а в конце 1952 г. — утверждением права на обладание «военными силами без потенциала для ведения войны». В соответствии с этим курсом в июне 1950 г. директивой Штаба оккупационных войск создаются полицейский резервный корпус (75 тыс. чел., в 1952 г. увеличен до 118 тыс., в 1954 г. — до 152 тыс.) и корпус морской полиции. В августе 1955 г. они были соответственно переименованы в корпус национальной безопасности и морские силы безопасности. Для управления этими военными силами создается Управление национальной безопасности. В июле 1954 г. принимается закон о создании сил самообороны на базе ВВС и ВМС и о переименовании вышеупомянутого управления в Управление национальной обороны.

В том же году было подписано соглашение о помощи в обеспечении взаимной обороны между Японией и США, которое давало возможность последним держать под контролем использование Японией предоставляемой ей «помощи», т.е. следить за строительством ее вооруженных сил. Ратификацией в 1954 г. Договора о дружбе, торговле и мореплавании завершилось создание Сан-Францисской системы японо-американских отношений. Став независимой страной, Япония в проведении внешней политики долгие десятилетия ориентировалась строго на США. Можно без преувеличения сказать, что военно-политический союз, сложившийся на базе договора безопасности, на протяжении всей второй половины XX в. во многом определял внешнеполитический курс страны.

ПЕРИОД ВЫСОКИХ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (1955- 1973)

Этот период хронологически определяется достаточно точно высокими темпами роста не только в области экономики, что естественно, но и политики, как внутренней так и внешней, ибо происходившие в это время процессы в обществе имели вполне определенный характер. Развитие экономики, названное средствами массовой информации «экономическим чудом», превратило Японию из страны среднего уровня развития в высокоиндустриальную, с одной из крупнейших в мире экономик. Не меньшим феноменом было и политическое развитие, ибо созданная в этот период своеобразная политическая система (единоличная власть ЛДП в условиях многопартийности, так называемая система 1955 г.) демонстрировала на протяжении десятилетий завидную стабильность.

Вступив в начале рассматриваемого периода в систему международных отношений, Япония к концу его заняла в ней достаточно прочное положение. Именно в это время сформировалось основное направление ее внешней политики, известное как «экономическая дипломатия», творцом которой по праву считается С. Ёсида. В соответствии с этой внешнеполитической стратегией Япония

превращается в мировую державу не с помощью агрессии, как это было в конце XIX — начале XX в., а с помощью демократии и всемерного развития внешне-экономических связей. Можно сказать, что дипломатия, как ни в одной другой стране мира, содействовала экономическому развитию Японии. Именно дипломатия обеспечила ее длительное бесконфликтное развитие.

На пути к превращению в экономическую супердержаву. Как уже упоминалось, к 1955 г. в Японии был полностью восстановлен уровень довоенного развития (по отдельным отраслям он был достигнут еще в 1951 г.), в том числе и размер национального дохода в расчете на душу населения. Среднегодовые темпы прироста валового национального продукта (ВНП) никогда за это время не опускались ниже 5% (в среднем 9,8%) и в дальнейшем были достаточно стабильны, составляя соответственно по пятилетиям, начиная с 1955 г.: 7,6%, 11,7, 10,4, 4,9 и в 1970–1973 гг. — 9,3%.

В данный период существенно изменилась отраслевая структура промышленного и сельскохозяйственного производства. На передний план вышла тяжелая и химическая промышленность. В общем объеме производства их доля поднялась с 51% в 1955 г. до 75% в 1975 г. Промышленность приобрела качественно новые черты: появились новые виды современных производств, особенно в электронной и нефтехимической промышленности. В частности, во второй половине 1950-х годов началось производство тракторов, копировальных машин, кондиционеров, пылесосов, телевизоров, электронно-вычислительных машин, новых видов синтетических волокон — полистерола, полиэтилена и синтетического каучука. В первой половине 1960-х годов к ним добавился выпуск алюминиевых оконных переплетов (что оказало большое влияние на строительную индустрию и изменило облик городов), настольных электрокалькуляторов, телевизоров с цветным изображением, двуокиси этилена, уретанового пенопласта и полипропилена.

В 1960-е годы по темпам роста промышленности Япония обогнала наиболее развитые страны: объем промышленного производства за 1960–1970 гг. вырос на 270%, в то время как во Франции — на 79, в ФРГ — на 74, в США — на 54 и в Англии — на 31%. В конце десятилетия Япония вышла на второе место в капиталистическом мире после США по этому показателю и по объему ВНП.

Япония заняла ведущее место по производству ряда важных видов промышленной продукции, например судов, кино- и фотоаппаратов, химических волокон, электронной аппаратуры, автомобилей, серной кислоты, искусственного шелка, а также по выплавке стали и производству электроэнергии. Но продолжала отставать в таких отраслях, как атомная энергетика, большие вычислительные машины, высококачественные пластики, крупные многоцелевые металлообрабатывающие станки, сверхзвуковые самолеты. Структура ее народного хозяйства по основным характеристикам сравнивалась со структурой экономик других высокоразвитых стран.

Серьезные изменения произошли и в сельском хозяйстве. Именно с 1955 г. отмечаются высокие урожаи риса. С конца 1950-х — начала 1960-х годов начинается индустриализация сельского хозяйства, превращение его постепенно

в современную отрасль. Немаловажную роль в этом процессе сыграл Основной сельскохозяйственный закон (1961 г.), который предусматривал изменение структуры сельского хозяйства в целом. Темпы роста капиталовложений в основной капитал в неизменных ценах составляли 11,45%. За 1960–1973 гг. производительность труда здесь выросла почти в 2,5 раза при среднегодовых темпах прироста 7,1%. Однако уровень развития сельского хозяйства был еще очень низок как в сравнении с промышленностью, так и в сравнении с этой отраслью других развитых стран. Хотя рост производства был незначительным, тем не менее его отраслевая структура стала более сбалансированной: доля животноводства выросла с 10,1% в 1955 г. до 24,1% в 1973 г. при одновременном снижении удельного веса земледельческих отраслей и шелководства. Заметно повысились доходы крестьянских хозяйств. Большой вклад в развитие отрасли внесла протекционистская политика государства, которое оказывало ей финансовую поддержку и ограничивало импорт более дешевой продукции.

Важную роль в развитии экономики сыграл «План удвоения национального дохода» (1961–1970 гг., известный по имени премьер-министра Х. Икэда как «План Икэда»). Он содержал контрольные цифры по ряду экономических показателей, а также некоторые прогнозы в социальной сфере. План предусматривал модернизацию сельского хозяйства, а также средней и мелкой промышленности, развитие отсталых районов, рационализацию экономики, усиление конкурентоспособности Японии на мировом рынке. Авторы этой программы сумели правильно оценить потенциальные возможности экономики страны, предсказать высокие темпы ее развития на ближайшие годы. Основные параметры плана были перевыполнены.

В основе высоких темпов экономического роста, помимо социопсихологических особенностей населения, лежали макро- и микроэкономические факторы: высокая норма накопления и соответственно исключительно высокий прирост капиталовложений; целенаправленное государственное регулирование, в частности дифференцированное и прогрессивное налогообложение, выгодный валютный курс, поощрительные правительственные субсидии, строгий контроль над внешней торговлей; экспортная ориентация ряда отраслей промышленности, незначительная доля военных расходов (никогда не превышающая 1% ВВП, хотя законодательно и не оформленная); низкий в сравнении с другими развитыми странами уровень заработной платы; внедрение достижений научно-технического прогресса (НТП); благоприятные условия для импорта передовых технологий; широкие возможности для ввоза по сравнительно низким ценам сырья и материалов; всеобщая грамотность населения; использование исторически сложившихся традиций (отношение к труду, например) и т.п.

В этот период норма накопления, т.е. отношение суммы инвестиций в основной капитал к ВВП, в 1,5–2 раза превышала аналогичный показатель в других развитых странах и держалась в 1955–1965 гг. на уровне 26,1%, а в 1966–1973 гг. — 35,5%. Рост нормы накопления обеспечивал высокие темпы прироста инвестиций, которые составили в среднем за год в 1955–1971 гг. около 16% (в неизменных ценах). Источниками финансирования были увеличение нерас-

пределенной прибыли, средства государственного бюджета, внешние кредиты и особенно личные сбережения, доля которых в совокупных сбережениях в Японии была основной: они составляли в 1955 г. 39%, в 1965 г. — 57, в 1970 г. — 48%. Как уже упоминалось, доля сбережений в личном располагаемом доходе японцев по ряду причин (склонность к бережливости, неприхотливость, низкий уровень социального обеспечения, незначительные размеры доходов, которые сложно непосредственно вкладывать в производство и более надежно держать в сберегательных кассах, и т.п.) была намного выше, чем в других странах: в 1960–1976 гг. она составляла в Японии 20,3% (в США — 6,5, в Англии — 6,8, Франции — 15,1, Италии — 16,4%).

Причем эти крупные капиталовложения использовались весьма эффективно. В 1965–1970 гг. предельный коэффициент капиталоемкости (отношение прироста основного капитала к приросту продукции) составил в среднем в год 2,8 (в США — 5,2, ФРГ — 5,5), т.е. был примерно в два раза ниже, чем в других странах. Значительно повысилась и производительность труда в промышленности, снизились издержки производства. Темпы прироста производительности труда за 1961–1973 гг. составили в среднем за год около 9%. Они были выше этого показателя в других развитых странах и намного обгоняли рост трудовых доходов населения, что обеспечивало низкий уровень затрат труда на единицу продукции. Хотя сравнительно незначительное повышение доходов несколько сдерживало рост внутреннего рынка, все же он расширялся в связи с увеличением численности населения, процессом урбанизации и ростом производительного потребления. Важным фактором продвижения Японии на внешних рынках была высокая конкурентоспособность японских товаров. Она определялась их сравнительной дешевизной — следствием низких издержек — и высоким качеством, а в 1960-е годы — уже заниженным курсом национальной валюты, иены.

Немаловажную роль в быстром развитии страны сыграла ее предпринимательская структура, состоящая из горизонтальных и вертикальных объединений. Первые — это крупные корпорации (например, Мицубиси, Сумитомо) с головными банками и универсальными торговыми компаниями, связанные между собой перекрестным владением акциями. Вторые — так называемые *кэйрэцу* — представляют собой объединения крупных фирм в той или иной отрасли промышленности со средними и мелкими в единые группы, связанные субподрядными отношениями, а также путем владения акциями, предоставления технологий, командирования персонала, оказания финансовой помощи и других услуг. Последнюю структуру можно считать специфически японской. Графически ее можно изобразить в виде треугольника, на вершине которого находится головная компания, а средние и мелкие фирмы размещаются на ниже расположенных уровнях; наибольшее их число оказывается в основании треугольника. Эта система приносит экономическую выгоду всем участникам, хотя, конечно, в большей степени она работает в интересах головных компаний, ибо в период неблагоприятной конъюнктуры основные тяготы ложатся на субподрядные предприятия. Особые отношения для поставщиков и сбытовиков в рамках *кэйрэцу* подчас затмевают такие важнейшие показатели, как эффективность, цена и продукция.

Другими словами, эти связи можно в известной мере определить как нерыночные. Экономическим успехам содействовали также институты, свойственные именно японской модели управления. К ним относятся система пожизненного найма, оплаты труда в соответствии с выслугой лет, методы административного контроля, высокая степень регламентации государством хозяйственной деятельности, государственный протекционизм в отношении ряда секторов экономики.

Следует заметить, что развитие экономики страны происходило в этот период в основном за счет экстенсивных факторов роста. При этом сложилась энерго- и материалоемкая структура производства в промышленности, значительно увеличилось число занятых. Однако большие экономические успехи, практическое отсутствие безработицы, достижение положительного сальдо платежного баланса не могли перекрыть отрицательного воздействия ряда старых и возникших новых проблем. В их числе надо назвать загрязнение окружающей среды, в том числе — из-за непомерно развитых материалопроизводящих отраслей — нехватку воды, рост розничных цен, архаичные формы заработной платы, отставание инфраструктуры, недостаточную численность молодой рабочей силы, сохранение большого удельного веса трудоемких производств в легкой промышленности и т.д.

Все эти проблемы потребовали перестройки японской промышленности, перехода к новому типу развития, при котором на первый план выходят интенсивные факторы роста. В стране начали разрабатывать соответствующие программы. Но предполагаемый эволюционный переход к новой модели роста был прерван изменением условий воспроизводства, а именно повышением официального курса иены в 1971 г. и переходом к так называемому плавающему курсу, резким увеличением в конце 1973 г. цен на сырье и материалы, особенно на нефть. «Нефтяной шок» привел к экономическому кризису 1974–1975 гг., который захватил весь мир, но именно в Японии он был самым глубоким и продолжительным. Это был конец периода высоких темпов роста, после которого начался новый этап.

Рассмотренный выше процесс развития промышленности и сельского хозяйства привел к крупным сдвигам в структуре занятости населения. Значительно сократилась доля занятых в первичном секторе (в 1955–1975 гг. с 43 до 14%), выросла во вторичном и третичном. Характерной чертой этого периода было уменьшение занятости на мелких предприятиях за счет ее увеличения на крупных и особенно на средних. Кроме того, упала доля трудоспособной части населения в общей его численности в связи с увеличением продолжительности жизни и продлением срока получения образования молодежью, поскольку все большее число выпускников школ продолжали обучение в высших учебных заведениях.

Спецификой Японии в эти годы был крайне низкий уровень безработицы, непродолжительный срок поиска работы у потерявших ее. Состав безработных постоянно менялся, что фактически не создавало ни политических, ни экономических проблем. Более того, компании были заинтересованы в закреплении за собой рабочей силы, которую в значительной степени они сами и готовили.

Рынок труда в стране состоял из двух основных сегментов. С одной стороны, имелся своеобразный закрытый рынок труда, который складывался из «внутрен-

них рынков» отдельных компаний, поскольку крупные фирмы использовали систему пожизненного найма основной группы работников. С другой стороны, существовало значительное количество периферийной рабочей силы, стихийного рынка с присущей ему текучестью. Отсюда черпали рабочую силу мелкие и средние предприятия. Это так называемый внешний рынок. Оба сегмента были тесно связаны друг с другом, причем закрытый рынок существовал во многом благодаря внешнему.

Характер рынка труда способствовал и формированию достаточно специфических трудовых отношений. Они базировались на уже упомянутых системах пожизненного найма, «оплаты по старшинству» и пофирменных профсоюзов. Каждый компонент рынка выполнял свою функцию. В частности, пофирменные профсоюзы координировали сильные и слабые стороны внутреннего рынка, ибо основная часть их членов — работники крупных предприятий.

В основу партнерства в трудовых отношениях в Японии легла теория «общего пирога», суть которой сводится к тому, что отношения между трудом и капиталом не ограничиваются лишь его разделом (дележом прибыли), а распространяются и на усилия по увеличению самого «пирога». Это служит базой для сотрудничества предпринимателей и работников, преимущественно организованных. В рассматриваемый период особенно широкое распространение получили теории «участия» трудящихся в управлении и «приспособления к трудностям экономики», которые способствовали интеграции профсоюзов в государственно-корпоративную систему.

Строившиеся на такой основе трудовые отношения имели в целом довольно сбалансированный характер. Они же способствовали появлению уникальной формы ежегодных коллективных переговоров между предпринимателями и профсоюзами о повышении заработной платы, которым предшествовали всемирно известные «весенние наступления» японских трудящихся. В ряде случаев, когда предприниматели слишком упорно противостояли требованиям трудящихся именно в период высоких темпов экономического роста, переговоры выливались в острые конфликтные ситуации с широким применением забастовочной борьбы.

Усложнение политической карты страны. Быстрый рост японской экономики, широкое внедрение достижений НТП, изменение структуры занятости и пр. привели к глубоким социальным сдвигам в обществе, что нашло отражение в политической жизни страны, к усложнению ее политической карты.

При создании «системы 1955 г.» на одном полюсе сосредоточились все консервативные партии в лице ЛДП, а на другом — все социал-демократические в лице Социалистической партии. Коммунистическая партия, только оправлявшаяся от последствий проведения левоавантюристического курса, была не в счет. Разнородность объединившихся консервативных сил (Либеральная партия, Демократическая партия и Партия реформ и прогресса) предопределила фракционную структуру ЛДП. С самого начала фракции вели упорную борьбу за лидерство внутри этой партии и соответственно за власть в стране, поскольку по традиции председатель правящей партии становился премьер-министром, в то время как идеологические или доктринальные разногласия практически не имели зна-

чения. Достижение альянса соперничавших фракций, соблюдение баланса сил были залогом успеха в борьбе за высший пост. В определенной степени межфракционную борьбу можно уподобить межпартийной (но только, конечно, в среде консервативно ориентированных партий). Фракции сменяют друг друга, и, казалось бы, власть демократическим путем переходит от одной группировки к другой. Но на деле все решается закулисными договоренностями между фракциями об очередном выдвижении их лидеров на пост председателя партии и премьер-министра. В связи с таким механизмом выбора определен и весьма короткий срок этих полномочий — два года. Если бы срок этот был более продолжительным, кандидатам фракций пришлось бы ждать своей очереди слишком долго. Правда, двухлетний срок не всегда выдерживался, на что были особые причины. Например, Н. Киси избирался два срока подряд (1957–1960), поскольку в это время в стране пересматривался японо-американский договор безопасности, вызвавший бурные события. Абсолютным долгожителем на политическом олимпе был Э. Сато, который возглавлял партию и кабинет четыре срока (1964–1972) в период достижения Японией огромных экономических успехов.

СПЯ на многие годы стала оппозиционной партией номер один, получив на первых после слияния левых и правых социалистов выборах в палату представителей парламента в 1958 г. 166 мандатов (35,5% от общего числа) против 287 (61,5%) ЛДП. Первоначальный успех СПЯ был связан с послевоенной демократизацией общества. Однако в период высоких темпов экономического роста партия не сумела адаптировать свою политику к серьезным переменам, произошедшим в сознании и образе жизни людей, что вело к постоянному сокращению ее социальной базы.

Соотношение рейтингов правящей и оппозиционных партий долгое время отражало реальную картину общества, в котором ЛДП представляла государственные интересы и интересы всего народа, а оппозиционные — кроме Социалистической — интересы отдельных небольших групп населения.

С конца 1950-х годов на политическую арену выходят сравнительно небольшие партии центристской ориентации, так называемые партии среднего пути. К этому времени относится формирование многопартийной системы, начало которой положил выход из СПЯ части ее членов, создавших в 1961 г. Партию демократического социализма (ПДС). Позже СПЯ покинули еще несколько небольших групп, создавших малочисленные, не игравшие большой роли партии. В 1964 г. появляется Партия чистой политики (Комэйто), созданная религиозной организацией Общество установления ценностей (Сока гаккай) для представления ее интересов в выборных органах власти.

Усложнение политической карты было вызвано изменениями социально-экономических условий в стране (в первую очередь появлением новых городских слоев, чьи интересы уже не отражала ЛДП), усилением реформистских тенденций в профсоюзном движении, что вело к его структурной перестройке. Появившиеся новые оппозиционные партии постепенно расширяли свое присутствие в представительных органах власти, тесня прежде всего СПЯ (на всеобщих выборах в 1969 г. она потеряла 50 мандатов). Одновременно «прогрессивные» силы

(партии и общественные организации левой ориентации) упрочили свои позиции в органах местного самоуправления. В первой половине 1970-х годов их поддерживала примерно одна треть электората, или 34 млн. человек. В частности, губернаторами шести префектур, в том числе таких значимых, как Токио, Осака, Киото, стали члены оппозиционных партий. Многие посты мэров в городах индустриальной зоны тихоокеанского побережья также заняли их представители.

Диверсификация национальных интересов, усложнение социальной структуры общества и возникновение гражданских движений в начале 1970-х годов (движения в защиту окружающей среды, потребителей) впервые заставили правящую элиту задуматься о коррекции своих действий. Знаковым явлением было получение КПЯ на всеобщих выборах 1972 г. 39 мест в палате представителей, что позволило ей стать третьей по представительству парламентской партией, пропустив вперед лишь либерал-демократов и социалистов. Однако оппозиционные партии действовали разрозненно, что давало возможность ЛДП сохранять свою власть и влияние, несмотря на некоторое сокращение ее электората.

Укрепление позиций Японии на внешнеполитической арене. После заключения Сан-Францисского мирного договора Япония стала активно внедряться в систему международных отношений. Вступление в ООН она считала одной из главных своих задач, но очень скоро поняла, что без поддержки СССР решить ее невозможно. Это обстоятельство и заинтересованность части финансово-промышленных кругов Японии в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом послужили одной из причин восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией в 1956 г. В принципе обе стороны согласились на формулу К. Аденауэра — «восстановление дипломатических отношений без подписания мирного договора». Совместная Декларация СССР и Японии 1956 г. представляла собой компромиссный документ. Для Японии она открывала путь в ООН и обеспечивала восстановление японо-советских дипломатических отношений в полном объеме. В то время возвращение страны в мировое сообщество было для нее важнее территориального спора с СССР, и она подписала Декларацию без конкретного упоминания о том, что последующие переговоры о мирном договоре будут включать какие-либо территориальные вопросы, кроме островов Хабомаи и Шикотан. Одновременно министры иностранных дел обеих стран обменялись письмами, в которых было зафиксировано японское требование — при заключении мирного договора вернуться к территориальной проблеме. Считая Декларацию и эти письма единым документом, японская сторона по-своему начала интерпретировать проблему территориального размежевания между двумя странами. Советская же сторона, напротив, считала, что Декларация решила все проблемы и по содержанию равноценна международному договору.

Практически одновременно с подписанием Декларации 1956 г. Япония была принята в ООН, а в 1957 г. в первый раз стала непостоянным членом ее Совета Безопасности. В это же время были продекларированы три принципа внешней политики страны: приверженность Уставу ООН, сотрудничество со странами «свободного мира» и укрепление позиций Японии как азиатской страны. Основной ее внешнеполитической деятельностью становится так называемая экономиче-

ская дипломатия, т.е. обеспечение условий для проникновения в мировое экономическое пространство. Внешняя политика Японии, несмотря на некоторую эволюцию, была неизменна и предсказуема на протяжении всей второй половины XX в. Она основывалась на стратегической ориентации на США и общегосударственной задаче обеспечения рынков для успешно развивающейся экономики. С конца 1950-х годов Япония также неизменно придерживалась трех неядерных принципов: не производить, не хранить, не ввозить ядерного оружия.

По мере наращивания экономического потенциала и вхождения страны в международную политику рамки японо-американского договора безопасности, имевшего в принципе неравноправный характер, становились тесными для Японии. В результате тяжелых и затяжных переговоров в январе 1960 г. был подписан новый договор о взаимном сотрудничестве и безопасности (сроком на десять лет), в котором обе стороны становились фактически равноправными партнерами. В соответствии с ним Япония по-прежнему предоставляла США базы на своей территории и активно включалась в американскую глобальную стратегию. США брали на себя обязательства по обороне страны, и в механизм двусторонних отношений вмонтировались «предварительные консультации», что давало Японии право быть в курсе действий США на их базах на территории своей страны. Однако за всю историю существования этого договора не было ни одного случая подобных консультаций, что расценивается японской стороной как наличие полного согласия между союзниками.

Отношение к пересмотру, подписанию и ратификации договора безопасности служило водоразделом для политических сил и базой для невиданного в истории страны сплочения народных масс. Против него были все оппозиционные партии, профсоюзы, студенческие организации. На протяжении месяцев борьба шла по нарастающей. Волны протеста вовлекали в свою орбиту миллионы людей, происходили постоянные столкновения демонстрантов с полицией. Несмотря на это, договор был ратифицирован 20 мая 1960 г. практически насильно, только депутатами от ЛДП (при том что 30 либерал-демократов тоже не голосовали). Противодействие было столь велико, что был отменен государственный визит президента США Д. Эйзенхауэра в Японию, что является беспрецедентным в практике международных отношений.

Переговоры Японии о восстановлении дипломатических отношений с Республикой Корея были более длительными, чем с Советским Союзом. При этом Япония пошла на серьезные уступки. Прежде всего она согласилась на форму договора, а не совместной декларации, хотя предварительно не были решены все спорные вопросы, в частности территориальные. Но и Южная Корея пошла на встречу — главным образом в области рыболовства. Ввиду сокращения экономической помощи США в начале 1960-х годов Сеул искал новые финансовые источники. Основной договор был подписан в 1965 г., и Япония признала право Южной Кореи выступать от имени всего корейского народа, т.е. ее правительство считалось единственным законным. Но главные уступки были сделаны Японией в сфере экономики. Она шла на них ради проникновения в экономику Южной Кореи. Вклад Японии — основа южнокорейского «экономического чуда».

Но и Япония приобрела здесь надежный рынок сбыта для своих товаров и дешевую рабочую силу для филиалов своих компаний. США, со своей стороны, приветствовали заключение этого договора, ибо были заинтересованы в развитии Республики Корея в экономическом, политическом и военном отношениях.

Неучастие КНР в Сан-Францисской мирной конференции на 20 лет отодвинуло восстановление дипломатических отношений между Японией и Китаем, хотя между ними и налаживалось экономическое, культурное и другое сотрудничество на неправительственном уровне при содействии частных фирм. Подписываемые в то время торговые соглашения предусматривали проведение ярмарок, учреждение торговых представительств и предоставление дипломатических привилегий их сотрудникам. Но в конце 1950-х годов этот процесс был прерван проведением проамериканской и протайваньской политики правительством Н. Киси. Однако в целом японо-китайские отношения были примером прагматизма на международной арене, когда внешнеэкономические интересы берут верх над политическими и идеологическими соображениями. Уже в первой половине 1960-х годов шаг за шагом начинают развиваться двусторонние торговые отношения на основе «дружественных» фирм.

Нормализация дипломатических отношений между Японией и Китаем была зафиксирована в межправительственном совместном коммюнике, подписанном в сентябре 1972 г. во время визита японского премьера Танака Какуэй в Пекин. На этот шаг Японию подвигнул визит Р. Никсона в том же году в Китай, когда были установлены американо-китайские межгосударственные отношения. Переговоры проходили достаточно сложно, ибо они затрагивали такие спорные вопросы, как признание КНР единственным законным представителем Китая, а Тайваня неотъемлемой частью ее территории, а также нелегитимности японо-тайваньского договора 1952 г. По первому вопросу договоренность была достигнута достаточно быстро. По двум другим шли ожесточенные дискуссии. В коммюнике было записано, что правительство Китая признает Тайвань неотъемлемой частью своей территории, а правительство Японии с полным пониманием и уважением относится к этой его позиции, что идет в русле Потсдамской декларации (где условием капитуляции Японии признано требование Каирской декларации 1943 г. о возвращении Китаю всех захваченных Японией территорий). Двадцатилетнее существование японо-тайваньского договора было оценено в коммюнике как «ненормальное состояние» отношений, которое прекращается с момента подписания данного коммюнике. Вследствие этого японская сторона заявила, что японо-тайваньский договор утратил силу, и с этого времени отношения Японии с Тайванем осуществлялись на неправительственной основе. В коммюнике Япония выразила раскаяние за деяния прошлого, которое стало своего рода шаблоном для покаяния перед другими странами, а КНР «в интересах дружбы» отказалась от репараций.

В целом развитие Японии в период высоких темпов экономического роста сыграло исключительно важную роль в послевоенной истории страны. Именно в это время она превратилась в одно из ведущих государств мира и был заложен фундамент ее последующего развития.

ГОДЫ СТРУКТУРНЫХ КРИЗИСОВ И ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ НИХ (1974–1990)

Изменение условий воспроизводства в начале 1970-х годов, и прежде всего экономический и структурный кризисы, показало, что возможности дальнейшего роста экономики, особенно промышленности, при применении экстенсивной модели подошли к конечной черте, что назрела настоятельная необходимость включать факторы интенсивного развития. На повестку дня встала структурная перестройка промышленности, необходимость снижения уровня энерго- и материалоёмкости, необходимость усиленного внедрения наукоемких производств. Эти задачи на протяжении рассматриваемого периода были успешно решены.

В первой половине 1970-х годов Япония была официально признана одной из ведущих индустриальных демократий и полноправным членом западного сообщества. Такой статус был зафиксирован ее участием в Совещании руководителей государств и правительств семи промышленно развитых стран (так называемая семерка), учрежденном в 1975 г. Этот эксклюзивный орган был создан для выработки согласованных экономических и политических решений с учетом интересов каждого участника в условиях взаимозависимости их экономик. Его появление было вызвано тенденциями к политическим переменам на международной арене, определенными изменениями в расстановке сил в связи с выходом Японии и Западной Европы на передовые рубежи и разразившимся затем экономическим кризисом.

На фоне в целом стабильной ситуации в стране с середины 1970-х годов обнаружились кризисные явления внутри ЛДП, внешним проявлением чего были скандалы, вызванные коррупцией в высшем эшелоне власти. Несмотря на определенный рост протестного голосования, население в целом было вполне довольно достаточно высоким уровнем жизни, привержено демократическим принципам и доверяло правящей партии больше, чем другим, связывая только с ней все успехи в стране и стабильность в обществе. Таким путем электорат побуждал либерал-демократов серьезно заняться решением внутривнутриполитических и внутрипартийных проблем.

В связи с превращением Японии во вторую экономическую супердержаву мира правящая элита предпринимала шаги по усилению своей политической роли на международной арене при сохранении прежней ориентации на США.

Смена модели экономического роста. Основные направления нового развития экономики были определены еще в 1971 г. в докладе совещательного комитета при министерстве внешней торговли и промышленности. Они предусматривали ориентацию на наукоемкие отрасли, в частности — производство электронно-вычислительной техники, технологии сложной сборки, индустрию информации и пр. Однако плавный переход к новой структуре был прерван кризисами начала 1970-х годов, от которых в наибольшей степени пострадали такие развитые отрасли, как черная и цветная металлургия, химическая промышленность, нефтепереработка, целлюлозно-бумажная промышленность. Именно в них был

отмечен очень высокий уровень снижения производства, банкротств и увольнений.

1970-е и начало 1980-х годов прошли в японской экономике под знаком политики экономии ресурсов. Речь шла об экономии всех видов ресурсов — сырьевых, материальных, энергетических, трудовых, капиталов с целью снижения издержек производства и повышения уровня конкурентоспособности продукции. Этой политике придерживалось абсолютное большинство компаний во всех отраслях промышленности (в том числе растущих), а также население в повседневной жизни. Результаты такой политики были весьма впечатляющими. При росте производства в добывающей и обрабатывающей промышленности с середины 1970-х до середины 1980-х годов примерно на 70% потребление энергии выросло только на 16%, а сырья и материалов сократилось почти на 17%. При этом удельные энерго- и материалоемкость (частные от деления индекса потребления энергии, сырья и материалов на индекс промышленного производства) за тот же период снизились соответственно на 31 и 52%.

Изменение отраслевой структуры производства происходило во многом благодаря усилиям в этом направлении государства: в 1978 и 1983 гг. были приняты две пятилетние программы утилизации производственных мощностей в депрессивных отраслях промышленности. В частности, по первой программе было утилизировано свыше 30% мощностей в алюминиевой промышленности и судостроении, 56 — в производстве хлопчатобумажной пряжи, 20 — в производстве нейлона, 45% — мочевины. По второй программе утилизировано 36% производства этилена и мочевины, 15 — вискозы, 20% — аммиака. После повышения курса иены в 1985 г., отрицательно сказавшегося на конкурентоспособности продукции экспортно-ориентированных отраслей, было проведено дополнительное сокращение мощностей, например, в судостроении, нефтехимии, доменном производстве. Одновременно со скрапированием основного капитала в «структурно больших» отраслях проводилось их техническое перевооружение и переориентация на выпуск продукции на основе новых технологий.

Весьма динамично в этот период развивались наукоемкие отрасли с высокой долей добавленной стоимости: производство интегральных схем, промышленных роботов, ЭВМ, станков с числовым программным управлением (ЧПУ), аэрокосмической техники, оборудования для атомных электростанций, автоматических линий и пр. В целом темпы роста таких производств были на порядок выше, чем в среднем по промышленности. Объем указанной продукции вырос с середины 1960-х до середины 1980-х годов в десятки раз. В середине 1980-х годов Япония производила примерно $\frac{2}{3}$ мирового выпуска роботов, около половины станков с ЧПУ, примерно $\frac{3}{4}$ сверхбольших интегральных схем, около 90% видеомagneтофонов.

В результате вышеуказанных процессов значительно изменилась отраслевая структура обрабатывающей промышленности: в общем объеме промышленного производства с 1975 по 1983 г. почти в два раза сократились доли пищевой промышленности, нефте- и углеобработки, черной и цветной металлургии; более чем в два раза — строительно-керамической, а текстильной — с 4,7 до 3,2%. В го

же время доля электромашиностроения возросла с 9,2 до 25,8%, точного машиностроения — с 1,7 до 2,7% и в целом продукции тяжелой промышленности (за счет машиностроительного комплекса) — с 62 до 74%.

Вместе с тем меры, принимавшиеся Японией в связи со структурной перестройкой и экономией ресурсов, не могли не сказаться на уровне занятости. Численность рабочей силы сократилась весьма значительно, прежде всего из-за скрапирования мощностей в «структурно больных» отраслях, но также и в связи с внедрением трудосберегающих технологий. Увольнения в этот период коснулись не только временных (что происходило сразу после кризиса 1974–1975 гг.), но и постоянно занятых рабочих, что увеличило безработицу.

Для смягчения негативных последствий кризиса и структурной перестройки в стране была расширена система страхования по безработице (1974 г.), которая распространялась не только на постоянных работников крупных предприятий, как это было раньше. Кроме того, в 1977 г. была создана служба стабилизации занятости. Государство начало выдавать субсидии сокращающим объем производства предприятиям, многих рабочих увольняли временно с сохранением заработной платы, других отправляли в длительные отпуска, увольняющимся выдавали пособия. В целом за этот период заработная плата все же продолжала расти, хотя и очень медленно. Предприниматели пошли на сохранение рабочих мест при согласии профсоюзов на замораживание заработной платы. Это было проявлением основной черты сложившихся японских трудовых отношений: ориентации на предприятие, на сотрудничество партнеров ради достижения главной цели — повышения производительности.

Отношения на производстве строились не на противостоянии, а на совмещении интересов, что составляет суть неопатернализма. Японские предприниматели в отношении лиц наемного труда проводили политику с опорой на человеческий фактор. В результате предприятие было для работников тем местом, где они объединены общими целями и интересами и где ощущают себя членами одной общности (во многом такое ощущение воспитано на конфуцианском догмате сыновней почтительности, которая трансформировалась в лояльность). Предприятие, став «домом» для работника, фактически охватывало весь его жизненный цикл — от свадьбы до похорон через систему своего социального обеспечения. Все это позволяло сохранять благоприятный социальный климат в компании и в стране, гарантировало социальную стабильность в обществе. Новое в трудовых отношениях, что постепенно пробивало себе дорогу, например признание индивидуальных интересов работников, вводилось весьма осторожно и аккуратно.

Мероприятия правительства по проведению структурной перестройки промышленности в условиях снижения объема собираемых налогов из-за замедления темпов экономического роста и активного использования практики дефицитного бюджетного финансирования привели к серьезному росту государственного долга, углублению кризиса государственных финансов в целом, снижению возможностей капиталонакопления. В связи с этим в начале 1980-х годов на повестку дня встал вопрос о проведении административно-финансовой реформы.

Главными ее направлениями были ограничение государственных расходов (реорганизация системы субсидий, перестройка и сокращение административного аппарата), отмена или смягчение бюрократического контроля и регламентаций (в сфере создания новых предприятий, контроля над иностранной валютой, банковского дела), реорганизация системы общественного предпринимательства (упразднение табачной монополии, проведение денационализации государственных железных дорог, телефонно-телеграфной корпорации и пр.). Иными словами, в условиях перехода к новой интенсивной модели роста, а также возросшей финансовой, технической и организационной мощи частного капитала речь шла об ограничении рамок государственного регулирования экономики и об использовании во все больших масштабах рыночных механизмов.

Темпы экономического роста в этот период были значительно ниже, чем в предыдущий, но экономика развивалась достаточно стабильно. Основным фактором ее развития стал научно-технический прогресс. По оценкам японских ученых, вклад НТП в обеспечение экономического роста во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х годов составил 70%, а в отдельные годы поднимался до 80–90%. Причем важным элементом в этом процессе являлось усиление роли собственных научно-технических разработок (расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы — НИОКР в этот период выросли более чем втрое). Вместе с тем Япония продолжала оставаться крупнейшим покупателем лицензий среди развитых стран. НТП был одной из главных составляющих роста производительности труда. В обрабатывающей промышленности, например, индекс производительности вырос с 54,4 в 1975 г. до 127,6 в 1989 г., в сельском хозяйстве — с 69,1 до 104,7 (1985 г.=100).

Рост производства в сельском хозяйстве был незначителен (прежде всего в связи с сокращением обрабатываемых площадей и оттоком молодой рабочей силы). Он не поспевал за увеличением численности населения, и уровень самообеспеченности продовольствием значительно снизился. В структуре производства выделялся рост интенсивных подотраслей — промышленного птицеводства, свиноводства и садоводства закрытого грунта. Именно здесь наблюдалось усиление процесса концентрации производства в крупных хозяйственных единицах и быстрый рост производительности труда. В то же время в целом в условиях сравнительно небольших размеров хозяйств, особенно в земледельческих отраслях (где площадь обрабатываемой земли в 70% хозяйств не достигала 1 га), выросли издержки.

Эти обстоятельства негативно сказывались на конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и препятствовали либерализации ее импорта, чего усиленно добивались внешнеторговые партнеры Японии. Под влиянием последних, а также в связи с бюджетным дефицитом аграрная политика с начала 1980-х годов претерпела серьезные изменения: государственные закупочные цены на продукцию отрасли сначала были заморожены, а затем и снижены, был проведен ряд мероприятий, направленных на внедрение рыночных механизмов в функционирование отрасли; в конце 1980-х годов правительство согласилось и на дальнейшую либерализацию импорта сельскохозяйственной продукции, ко-

торая была фактически приостановлена в 1973 г. Политика по переводу сельского хозяйства на рельсы рыночной экономики была продолжена на следующем этапе, и в конце 1990-х годов все количественные ограничения на ввоз сельскохозяйственной продукции были сняты.

Переход к новой модели развития привел к изменению отраслевой структуры народного хозяйства страны в целом: в валовом национальном продукте уменьшилась доля первичных отраслей, выросла доля обрабатывающей промышленности и особенно сферы услуг. За рассматриваемый период в валовом внутреннем продукте (ВВП) резко сократилась доля сельского хозяйства, в меньшей степени строительства, а доля финансов, страхования, недвижимости и сферы услуг в целом выросла. Соответственно изменилась и структура занятости: доля первичных отраслей снизилась более чем в два раза, а третичных повысилась почти на четверть.

В целом во второй половине 1970-х и в 1980-е годы, несмотря на структурные кризисы, «нефтяные шоки» (правда, второй «нефтяной шок», т.е. повышение цен на нефть в 1979–1980 гг., оказал незначительное влияние на японскую экономику, ибо уже сказались меры по сокращению удельных расходов на ресурсы), повышение курса иены по отношению к доллару в 1985 г. и некоторые другие неблагоприятные условия, экономика страны динамично развивалась. Более того, она умело адаптировалась к новым условиям воспроизводства и заметно укрепила свои позиции в мире. Доля Японии в общем объеме промышленного производства развитых стран повысилась за 1975–1989 гг. с 13 до 18%, а в экспорте — с 8 до 13%. ВВП Японии составил половину этого показателя США, а по доходу на душу населения Япония вышла на одно из первых мест в мире.

Небывалая внешнеэкономическая экспансия позволяла японским компаниям буквально скупать по всему миру, в первую очередь в США, фирмы (например, «Бриджгоун»), недвижимость (Рокфеллер-центр или «Коламбия пикчерз»), произведения искусства (в частности, картину Ван Гога «Подсолнухи» за рекордную цену в 37 млн. долл.), ценные бумаги. Стремительный рост курса иены в совокупности с многократным увеличением стоимости активов вследствие повышения котировки ценных бумаг и цен на недвижимость в одночасье сделали японцев вдвое богаче. Они начали приобретать больше всех в мире золота, платины, драгоценностей, престижных автомобилей и других предметов роскоши.

С середины 1980-х годов Япония стала крупнейшим мировым кредитором и заняла первое место в мире по размерам золотовалютных резервов. Именно в это время она вошла в период оживления и подъема, самый длительный в послевоенной истории. Экономический рост сопровождался повышением жизненного уровня населения, отсутствием социальных конфликтов, устойчивостью политической системы. Стабильность стала ключевым понятием общества.

Перемены приоритетов во внешнеполитической деятельности. Участие Японии в «семерке» было, пожалуй, ее первой масштабной возможностью активно подключиться к механизму выработки и принятия решений по вопросам глобальной стратегии. С участием в «совещаниях семи» Япония обрела шанс продемонстрировать всему миру, что ее политические лидеры становятся все бо-

лее активными в процессе принятия решений по важнейшим стратегическим проблемам западного мира. Для страны, которая не была постоянным членом СБ ООН, не входила ни в НАТО, ни в ЕЭС, участие в саммитах «семерки» давало уникальный шанс использовать свое влияние как одной из ведущих промышленно развитых стран на ход мировых процессов, а также в определенной степени удовлетворить ее амбициозные притязания представлять интересы стран АТР, укрепляя тем самым свои собственные позиции как азиатского лидера.

Начиная с первого же саммита Япония по многим вопросам в принципе поддерживала политику США несмотря на то, что всемерно подчеркивала свое стремление считаться с интересами не только развитых, но и развивающихся стран. При этом она старалась не допустить создания единого фронта своих партнеров против нее и добиваться ослабления их натиска на ее позиции, используя противоречия между ними.

Если в 1970-е годы основной задачей японской дипломатии было обеспечение экономических интересов страны и укрепление ее внешнеторговых позиций, то к началу 1980-х большее значение стало придаваться повышению политического статуса страны в решении глобальных проблем. Другими словами, сотрудничество Японии в «семерке» по времени совпало с наметившейся тенденцией перехода от преимущественно «экономической дипломатии» во внешней политике к диверсифицированной. Во многом это была адекватная реакция на набиравший силу процесс глобализации. В официальном издании японского МИДа за 1981 г. отмечалось: «Изменения на мировой арене гребуют, чтобы Япония самостоятельно и активно участвовала в формировании и укреплении международных отношений. Роль, которую должна сыграть наша дипломатия, становится важной в условиях возросшей за последние годы динамичности и нестабильности международной обстановки в политической, военной и экономической сферах».

В соответствии с намеченным курсом Япония усилила внимание во внешней политике к Азиатско-Тихоокеанскому региону. В 1978 г. был подписан японо-китайский договор о мире и дружбе. Ему предшествовали напряженные переговоры по целому ряду вопросов, и прежде всего о так называемом гегемонизме. При подписании коммюнике 1972 г. этот вопрос не вызывал особых разногласий и было просто записано: «Нормализация отношений между Японией и КНР не направлена против какой-либо гретьей страны. Ни одно из двух государств не должно добиваться гегемонии в АТР, и каждая выступает против попыток любой страны и группы стран установить такую гегемонию».

При подготовке договора Китай требовал, чтобы Япония четко поддержала его антисоветскую линию. Однако, проводя политику «равной удаленности», она не хотела обострять отношения с СССР, поскольку прекрасно понимала, что пункт о гегемонизме направлен именно против него. И вновь было найдено компромиссное решение, повторена вышеуказанная формула коммюнике и добавлено, что «настоящий договор не будет влиять на позиции каждой из договаривающихся сторон в отношениях с третьими странами». Тем самым Япония хотела показать в первую очередь Советскому Союзу, что договор касается только двух стран и не направлен против кого-либо. Это было ответом СССР на его об-

винение Японии в сговоре с КНР. Тем не менее в 1979 г. Советский Союз разместил на Южных Курилах в дополнение к пограничным войскам части регулярной армии, что осложнило японо-советские отношения.

Именно в этот период отношения со странами АТР становятся приоритетными не только в экономике, но и во внешней политике Японии (до сих пор они, в частности страны АСЕАН, находились на периферии ее интересов). Это нашло отражение в так называемой доктрине Фукуда (Фукуда Такэо, премьер-министр в 1976–1978 гг.). В своем обращении к странам ЮВА он заявил, что Япония никогда вновь не станет военной державой, призвал к чистосердечному доверию и пониманию во всех сферах, заверил страны АСЕАН в своей поддержке, наметил такую же политику в отношении стран Индокитая.

Последующие премьеры неоднократно озвучивали примерно те же положения, но активизация политики Японии на этом направлении связана с именем Накасонэ Ясухиро (премьер-министр в 1982–1986 гг.), который призвал перейти от деклараций к конкретным делам. Суть его политики состояла в том, что Японии через решение экономических проблем и проблем безопасности необходимо перейти к наращиванию политического влияния. При этом и Япония, и страны АСЕАН полагались на присутствие в регионе США. С этого времени Япония стала принимать самое активное участие во встречах, совещаниях, саммитах, конференциях стран этого региона.

Окончательно внешнеполитический курс Японии в отношении стран АТР был сформулирован в «трех принципах Такэсита» (Такэсита Нобору — премьер-министр в 1987–1989 гг.): уважать взгляды стран АСЕАН, поддерживать и развивать систему свободной торговли, развивать в регионе многосторонние прочные связи. Его лозунг — «Думать вместе и двигаться вместе». Так Япония стремилась создать свой новый имидж в глазах азиатских народов.

Истоки политических коллизий 1990-х годов. Заложенная с начала создания ЛДП фракционная структура неминуемо вела к ее окостенению, несменяемости лидеров, препятствовала притоку молодого поколения политиков, другими словами, лишала партию способности к саморазвитию. Этот дисфункциональный потенциал особенно возрос с созданием суперфракции Танака-Такэсита, которая фактически монополизировала власть внутри ЛДП. К концу 1970-х годов борьба между лидерами фракций сменилась фактической борьбой за поддержку руководителя этой фракции, который стал могущественным теневым лидером.

Это был чрезвычайно важный период для формирования будущей правящей политической элиты, ибо большинство активно действовавших впоследствии политиков в рядах не только ЛДП, но и оппозиционных партий были выходцами из этой суперфракции. Возглавил ее единственный из японских премьер-министров, не имевший высшего образования, — К. Танака. Несмотря на короткий срок официального пребывания у власти (1972–1974), он оказал чрезвычайно большое влияние на процесс складывания правящей элиты и на всю внутривнутриполитическую жизнь страны. При нем была создана своего рода двойственная структура власти: ЛДП в стране и суперфракции в партии. Вынужденный уйти в отставку из-за скандала, связанного с получением взятки от американской компании «Локхид»,

он пережил арест в 1976 г. Выйдя из тюрьмы под залог, Танака прошел через длительное судебное разбирательство, закончившееся приговором к четырем годам тюремного заключения в 1983 г. Тем не менее он продолжал практически возглавлять фракцию, хотя формально и покинул партию. На выборах в палату представителей парламента в 1986 г., уже после вынесения приговора, который был обжалован в высшей судебной инстанции и никак не вступал в силу, К. Танака в своем «родовом» округе получил в два раза больше голосов, чем ближайший соперник из семи претендентов. Даже после отставки он регулировал назначения премьер-министров. В частности, Я. Накасонэ получил этот пост во многом благодаря его поддержке.

В 1985 г. К. Танака был устранен из руководства суперфракции не оппонентами, реформаторами или интеллектуалами, а ближайшими соратниками. Они использовали типичный для японской политической культуры прием — создали внутри фракции Общество творческой политики якобы для изучения положения дел в своих рядах. Это был своеобразный механизм для вербовки союзников. В июле 1987 г. они официально объявили о создании новой суперфракции, к которой присоединились 115 человек. Итак, хотя К. Танака ушел с политической арены, созданная им машина продолжала работать.

Несмотря на серьезные кризисные явления в ЛДП и некоторое ослабление в связи с этим ее позиций, ни одна из оппозиционных партий не могла соперничать с ней в борьбе за власть, ибо оппозиция никогда не предлагала позитивных, конструктивных действий, а лишь все подвергала критике. Либерал-демократы внимательно следили за маневрами оппозиции и заигрывали с центристскими партиями, вселяя в них надежды на возможность формирования консервативно-центристского правительства, тем более что центризм этих партий все больше сближался с неоконсерватизмом ЛДП. Однако убедительная победа последней в 1986 г. на двойных выборах, т.е. одновременно состоявшихся в палату представителей и палату советников, на которых ЛДП получила соответственно 300 и 137 мест (предельно высокий показатель), окончательно рассеяла иллюзии оппозиционных партий относительно возможности коалиции с какой-либо частью консерваторов.

Таким образом, в формате «системы 1955 г.» постепенно изменилось соотношение сил не только между основными партиями (ЛДП, СПЯ), но и между ними и вновь появившимися. Если на всеобщих выборах 1958 г. основные партии в совокупности получили 91% голосов избирателей, то в 1986 г. — только 66,6%.

Новая суперфракция функционировала до 1992 г., хотя кризис правящей элиты обозначился с отставкой в 1989 г. кабинета Н. Такэсита, поражением ЛДП на выборах в палату советников в том же году и последовавшей затем не свойственной японской политической системе чехардой премьер-министров (за один 1989 г. сменилось три главы правительства). В связи с грандиозным скандалом, связанным с подкупом значительного числа политиков и высших государственных чиновников фирмой «Рикруто», Н. Такэсита на посту премьер-министра на несколько месяцев в 1989 г. сменил Уно Сосукэ. Он не был замешан в скандалах, связанных с коррупцией, но пострадал от скандала, имевшего отношение к его

моральному облику. ЛДП нужна была передышка, и премьером стал сравнительно мало известный, но имевший имидж «чистого» политика Кайфу Тосики (премьер-министр в 1989–1991 гг.), который связал свою судьбу с проведением назревшей политической реформы.

РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ (1990–2000)

До начала 1990-х годов Япония демонстрировала удивительные адаптационные возможности своей экономики, которые позволяли ей находить выходы из, казалось бы, неразрешимых ситуаций. На протяжении последних сорока лет она накопила огромное количество государственного и частного богатства. С каждым годом рос жизненный уровень населения, о чем свидетельствует тот факт, что свыше 90% японцев стали относить себя к среднему классу.

Одновременно в стране и за рубежом ожидалось еще большее, фактически безграничное процветание экономики в 1990-е годы. Считалось, что XXI век будет «веком Японии». Но надежды не оправдались. Более того, страна пережила серьезный кризис и вошла в период затяжной рецессии. Причины сложного положения в рассматриваемый период обнаружились уже на предшествующих этапах — некоторые параметры ее структуры и особенности хозяйственного уклада перестали соответствовать требованиям открытой экономики.

Перед Японией встала необходимость выработать новую модель развития, т.е. требовалось создать систему, которая могла бы поддерживать зрелую экономику, хотя и динамичную, но отягощенную таким фактором, как старение населения. Патерналистская система с регулирующей ролью государства, которая создала индустриальную базу страны, уже не подходила для эры высоких технологий.

В 1990-е годы Япония начала коренное реформирование практически всех сфер жизнедеятельности общества, и в связи с этим в мире заговорили о новом, «третьем» открытии, или о новой «реставрации» по типу реставрации Мэйдзи. «Вторым» открытием считаются послевоенные системные реформы в условиях общей демократизации общества.

Как высокоразвитая страна, Япония должна была сама предложить миру лучшую модель развития, задействовав все свои не востребованные ранее, находящиеся в латентном состоянии силы. Нужна была новая социально-экономическая концепция, поскольку ни японская патерналистская система при руководящей роли государства, ни безусловное заимствование американской разновидности капитализма не соответствовали новым требованиям бурного развития информационных технологий.

Реформы были заявлены, но продвигались вперед вяло. Мощная основа японского народного хозяйства вплоть до конца XX в. предотвращала угрожающее положение, в котором оказались более уязвимые экономики индустриализирующихся азиатских стран. В принципе в Японии этот же фактор позволял откладывать в долгий ящик давно назревшие реформы. Политическая элита не спешила

с принятием непопулярных экономических мер, поскольку от старта реформ до их успешной отдачи лежит обычно достаточно длительный и непростой путь.

В 1990-е годы Япония столкнулась с особой природой вызовов, на которые она должна была дать ответы. Являясь одной из немногих промышленно развитых азиатских стран, она пережила наряду со специфическими проблемами кризиса в Азии в 1997–1998 гг. и структурный кризис, свойственный всем развитым экономикам.

Десятилетие экономической депрессии и пути выхода из нее. Предпринимательская структура, методы управления трудом и система государственного регулирования, сложившиеся в предыдущие периоды, весьма эффективно действовали, пока Япония развивалась по так называемой догоняющей модели. Она использовала готовые схемы других промышленно развитых стран, имеющиеся передовые технологии, доказавшие свою эффективность экономические институты. Все это осуществлялось при активном участии государства, которое определяло приоритеты, разрабатывало программы, формулировало концепции развития.

В то же время сосредоточение усилий на развитии экспортно-ориентированных отраслей при сохранении протекционистской политики в сфере внутреннего рынка, т.е. преднамеренное ограничение конкуренции, привело к снижению общего уровня производительности, углубило отраслевые диспропорции, вызвало разрыв между ценами внутреннего и мирового рынка. Таким образом, то, что в свое время было двигателем ускоренного развития, в условиях зрелой экономики и интернационализации всей хозяйственной жизни стало тормозом. Эта система уже не могла обеспечить эффективное распределение капитала, труда, земли и технологий, поскольку в развитой и открытой экономике правительство не может определять все нужные направления развития хозяйства в целом. И Япония медленно, но верно начала переход от широкого государственного контроля к свободному рынку.

Ключевым моментом для всей японской экономики стал крах в 1989 г. так называемого мыльного пузыря (термин ведет происхождение от скандала, разразившегося в Англии в XVIII в. вокруг спекуляций с акциями «South Sea Company») — специфического механизма экономического роста на основе повышения цен на акции и землю, оторванного от их реальной доходности. Другими словами, спекулятивный характер экономического бума абсолютно не был связан с деятельностью реального сектора экономики. Создавшаяся огромная денежная масса от спекулятивных сделок при изменении условий спроса отчасти хлынула на рынок товаров и услуг, и цены на них рухнули. Иначе говоря, и излишние размеры платежных средств «растаяли», и «мыльный пузырь» лопнул. Общая стоимость акционерного капитала упала за 1990–1992 гг. на 60%, а общее падение цен на землю составило 15–20%.

Больше всего пострадали японские банки, которые внезапно обнаружили, что предоставлявшиеся ими без серьезной проработки кредиты своим промышленным компаниям привели к образованию огромных сумм «плохих» долгов (сумма безнадежных долгов, включая обязательства перед региональными банками

и кредитными кооперативами, составила на август 2000 г. свыше 80 трлн. иен). В результате в стране начался беспрецедентный кризис банковской системы, приведший к краху одного из крупных общенациональных банков, «Хоккайдо такусёку», а затем — четвертой по величине компании по операциям с именными бумагами, «Ямайти», и резкому снижению рейтингов других банков.

На протяжении 1990-х годов наблюдалось два спада конъюнктуры — в 1992–1993 гг. с замедлением темпа роста ВВП и абсолютным падением промышленного производства и в 1997–1998 гг. с абсолютным падением обоих показателей. Динамика роста ВВП в первый период поддерживалась временным снижением налогов, увеличением расходов на общественные работы (традиционные для Японии способы поддержания конъюнктуры) и экспортом, а во второй — только экспортом. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1991–1996 гг. держались на уровне 1,8%. В 1999 и 2000 гг. они составили 0,8 и 1,5%.

В период 1992–1999 гг. правительство разработало девять крупномасштабных программ стимулирования экономики (на общую сумму 1,2 трлн. долл.). Эти колоссальные расходы привели к значительному бюджетному дефициту (в отношении к ВВП он составлял в 1990–1999 гг. 1,4–7,8%) и большому государственному долгу, который ложился тяжелым бременем на экономику (в 1990 г. — 56% ВВП, в 1999 г. — 96,5%).

Правительство понимало, что в обществе назрела потребность полномасштабной реформы всей управленческой структуры (административного аппарата, государственных финансов, системы общественного предпринимательства, полномочий органов власти, механизма взаимоотношений государства и бизнеса). При этом в экономической сфере оно пыталось совместить продолжение либеральных реформ (прежде всего процесса дерегулирования, который начался еще в 1980-е годы) с антикризисным управлением путем расширения государственного участия в экономике. Однако главным направлением реформирования являлась финансовая сфера с упором на слияние банков и промышленная — с консолидацией предприятий.

Реформа в финансовой сфере опиралась на опыт Великобритании, где в середине 1980-х годов были проведены мероприятия, получившие название «большой взрыв». В Японии подобные мероприятия должны были не только оздоровить фондовую биржу (что было целью в Англии) и ликвидировать некоторые препятствия на пути проникновения иностранного капитала, но и изменить функционирование всех японских финансовых рынков, включая банковскую сферу. До реформы большая часть огромных финансовых средств размещалась в банковском секторе или системе почтовых сбережений. Затем под низкие проценты при жестком правительственном регулировании они выдавались в качестве займов государственным предприятиям или компаниям-фаворитам.

Реформирование финансовой системы началось в 1998 г. Правительство поставило целью сделать ее более транспарентной и доступной, ослабив контроль над страховым делом и операциями с ценными бумагами, предоставляя скидки по налогам для корпораций и ограничив регуляторские полномочия Министерства финансов, создав для этого комиссию по финансовой реконструкции,

финансовое контрольное управление и пр. Реформу планировалось завершить в 2001 г.

Правительство активно занималось проблемой ликвидации «плохих» долгов, приняв пакет мер по их списанию, и финансовой поддержки банков, включая финансирование их капитальной базы. Одни банки были национализированы, другие закрыты, третьим предлагалось объединиться в обмен на получение государственных средств. Число крупных банков сократилось с 21 до 15, предполагалось, что затем их останется только 10. Одновременно проводилось дерегулирование финансовой сферы, направленное на открытие финансовых рынков, на поощрение инноваций, ликвидацию препятствий для деятельности иностранных компаний и введение новых финансовых продуктов.

Такая политика привела к росту прямых иностранных инвестиций, рекордно высокий приток которых был достигнут в 2000/01 фин. г., составив 3125 млрд. иен (около 26 млрд. долл.). Например, в финансовой сфере под контроль инвестиционной компании «Меррил Линч» попала значительная часть сети брокерских отделений инвестиционного банка «Ямаити», а малоизвестная американская финансовая структура «Риплвуд» начала подчинять себе Японский банк долгосрочного кредитования — один из крупнейших в стране. Иностранные брокеры захватили почти 40% рыночной доли на Токийской фондовой бирже, а американская фирма «Голдман Сакс» за три года стала в Японии шестой по величине компанией по управлению взаимными фондами.

Иностранные компании скупали также акции японских корпораций, что ранее считалось недопустимым. Но в связи с резким падением прибыльности японские фирмы, в свою очередь, вынуждены были обращаться к иностранным инвесторам. Последние приобрели большое количество акций японских фирм, действующих на Токийской фондовой бирже. Так, например, французская компания «Рено» приобрела 36,8% акций корпорации «Ниссан», «Даймлер-Крайслер» — 43% акций «Мицубиси моторс», «Бритиш телеком» совместно с американской «ЭйТи энд Ти» — 30% акций «Джапан телеком».

Другими словами, вторая экономика в мире впервые в значительных масштабах открылась для зарубежных инвесторов. Однако и в конце 1990-х годов осуществление прямых иностранных инвестиций по-прежнему сталкивалось в Японии со многими трудностями, в частности, с различиями в культурных традициях и менталитете. На 1998 г. совокупный объем иностранных инвестиций составил менее 1% ВВП Японии (в США этот показатель в десять раз больше).

При этом филиалы иностранных фирм в Японии обеспечивали новые рабочие места (например, американские компании предоставили работу примерно 400 тыс. человек). Прибыль на вложенный капитал и размер выплачиваемых дивидендов у них был также значительно (примерно в три раза) выше. Кроме того, они импортировали в два раза больше товаров и услуг, чем экспортировали; на их долю приходилось в конце XX в. 14% японского импорта. Это было особенно важно ввиду несбалансированности внешнеторгового оборота Японии.

В условиях рецессии многие промышленные компании во второй половине 1990-х годов терпели убытки из-за избыточных мощностей и нанимаемой рабо-

чей силы, а также неоплаченных кредитов (в 1999 г. оказалась убыточной даже такая крупная машиностроительная фирма, как «Мицубиси дзюкогё»). Убыточность была связана также с растущей стоимостью капитала, низкими прибылями, усилением глобальной конкуренции и революцией в сфере информационных технологий. Поэтому компании стремились провести реструктуризацию путем консолидации и слияний. В целях повышения эффективности они добровольно снижали административные расходы, осуществляли кадровые перемещения, снижали заработную плату управленческого аппарата, т.е. сокращали расходы, концентрируя внимание на наиболее прибыльных аспектах деятельности, уходя из неприбыльных видов бизнеса. Получение прибыли выдвинулось на первый план. Это приводило к нарушению прежних принципов группирования и сокращению практики перекрестного владения акциями.

В процессе реструктуризации промышленности встал вопрос о мелких и средних предприятиях, которые играли в Японии конца века особую роль, составляя 99% общего числа предприятий и поглощая почти 89% рабочей силы. Многие из них образовывали нижние слои вертикальных объединений *кэйрэцу*, и при реструктуризации и сокращении производства в головной компании их положение резко ухудшалось из-за уменьшения объемов заказов (субподрядных работ), снижения цен и пр. За 1990-е годы закрылось примерно 35% таких предприятий (катастрофическое число банкротств заставило правительство в 1998 и 1999 гг. разработать меры по гарантии предоставления кредитов мелким и средним предприятиям). Многие компании были вынуждены отказываться от традиционного предпочтения ведения дел на основе партнерства в рамках объединений и заботиться больше о ценах и конкурентоспособности товаров, чем о своих обязательствах перед другими членами группы.

В то же время, несмотря на весьма серьезные трудности и вялые, а в отдельные годы и отрицательные, показатели экономического роста, Япония продолжала оставаться одной из наиболее развитых стран современного мира, имея достаточный потенциал и немалые возможности для выхода из создавшейся ситуации.

ВВП Японии в номинальном выражении в 1998 г. составлял 4,9 трлн. иен. По размерам же национального дохода на душу населения (33,7 тыс. долл.) она занимала одно из первых мест в мире, значительно превысив соответствующий показатель таких стран, как Германия, Швеция или Великобритания.

Япония оставалась крупнейшим мировым кредитором. В 1998 г. японские прямые зарубежные инвестиции составили 5,2 трлн. иен, а чистые внешние активы, которые в 1990-е годы постоянно росли (исключение – 1994 год, хотя в долларовом выражении падения не было), оценивались в 133 трлн. иен. С середины 1989 г. Япония прочно удерживала первое место среди развитых стран по размерам официальной помощи развитию. По расходам на НИОКР (по официальному валютному курсу) она занимала в конце 1990-х годов второе место в мире после США, намного опережая следующую за ней Германию.

Япония является одним из крупнейших экспортеров и импортеров в мире после США и Германии. В 2000 г. на нее приходилось 7,5% общего объема ми-

рового экспорта и 5,7% — импорта. Уровень конкурентоспособности японской продукции еще достаточно высок, хотя в мировом рейтинге по этому показателю она переместилась с 14-го в 1999 г. на 21-е место в 2000 г. В течение рассматриваемого периода страна имела активный торговый баланс, который в отдельные годы достигал 14 трлн. иен (107 млрд. долл.). За ней осталось также и первое место в мире по золотовалютным резервам, которые на конец 2000 г. превысили 360 млрд. долл. В Японии сохранялась высокая норма личных сбережений (хотя это и не всегда положительно влияет на экономику в условиях недостатка потребительского спроса): частные финансовые активы населения в 1997 г. оценивались в 1230 млрд. иен, или 9,7 млрд. долл. В то же время в стране сохранялся низкий уровень налогообложения (самый низкий среди развитых стран: поступления от налогов составляли лишь 29% ВВП против 42% в странах ЕС).

Можно также добавить, что огромный государственный долг Японии в сопоставлении с ВВП на самом деле незначительно больше, чем в других развитых странах. Так как его надо подсчитывать исходя из цифр чистого государственного долга, т.е. за вычетом из суммарных долговых обязательств всех активов государственного сектора, ибо половина государственных ценных бумаг находилась в фондах, являющихся собственностью правительства. Кроме того, лишь 10% ценных бумаг японского правительства находилась в руках иностранцев (в США, например, 40%). Учитывая менталитет японцев, правительство не очень беспокоилось, что жители все сразу внезапно предъявят их к оплате (как это могут сделать иностранцы). И еще один штрих. Самым большим должником Японии являются США в виде накопленных японскими инвесторами облигаций их государственного займа. Продажа хотя бы половины этих облигаций, имеющих в портфелях японских финансовых институтов, позволила бы раз и навсегда покончить с «плохими» долгами. Япония, конечно, никогда не поступила бы так (ибо это привело бы к резкому снижению курса доллара и соответственно краху ее собственных финансовых рынков), но при этом она вполне могла отвергать вмешательство в ее внутренние дела как со стороны США, так и международных финансовых институтов.

И наконец, нельзя не отметить, что в Японии в течение многих лет продолжал оставаться сравнительно низкий уровень безработицы, хотя в годы рецессии он поднялся весьма значительно: в 1997 г., например, этот показатель составил 3,4% против 4,9 в США, 5,7 — в Англии, 11,4 — в Германии и соответственно 12,3 и 12,5% в Италии и Франции. В 2001 г. уровень безработицы перешагнул пятипроцентный барьер, что было прямым следствием проводимой реструктуризации промышленности. Последняя не может также не повлечь за собой серьезные изменения в трудовых отношениях, стабильный и мирный характер которых руководители крупного бизнеса на протяжении десятилетий признавали доминантой развития экономики. Система трудовых отношений, основанная на консенсусе и компромиссе, обладает высокой адаптивной способностью. И неудивительно, что в этой стране в течение 1990–1999 гг. в результате забастовок ежегодно терялось максимум лишь три рабочих дня, в то время как в Швеции — 50, США — 40, Англии — 29 и Германии — 12 дней.

Базисная триада развития и регулирования трудовых отношений, сложившаяся в период высоких темпов роста, продолжала действовать и в 1990-е годы, но при этом постоянно шел процесс трансформации и модернизации этих отношений в целом и их отдельных компонентов.

В условиях неблагоприятной конъюнктуры особенно остро проявлялись негативные стороны системы пожизненного найма. Она поставила работника в слишком большую зависимость от предприятия, что во все большей степени становится неприемлемым для молодежи, стремящейся получить возможность менять место работы.

Фирмам, в свою очередь, нередко было экономически невыгодно сохранять прежние отношения со своими работниками. Кроме того, для динамичного развития хозяйства сейчас настоятельно требовалось перемещение работников из неконкурентных отраслей и секторов в новые, быстро растущие. В современных условиях уже невозможно приспособляться к переменам в экономике традиционными методами, не увольняя наемных работников, а перемещая их в рамках одной компании, снижая заработную плату, ожидая выхода их на пенсию по достижении предельного возраста работы для данного предприятия или по возрасту вообще (как это было, например, во время структурной перестройки в 1970–1980-е годы). В конце XX в. большинство фирм даже поощряли наемных работников к тому, чтобы они раньше уходили на пенсию. Компании, как правило, строили свои планы реструктуризации с расчетом на досрочный уход работников на пенсию и замораживание заработной платы, но не прибегали к массовым увольнениям по американскому образцу.

В 1990-е годы рынок труда в Японии, как и в других развитых странах, начал сталкиваться с трудностями из-за сокращения рождаемости и быстрого старения населения. Правда, по классификации, используемой экспертами ООН, японское общество еще не было самым старым среди развитых стран, но скорость процесса выделяла Японию из их числа: только с 1995 по 1998 г. доля лиц старших возрастов выросла с 14,3 до 16,2%. И перспективы в этом направлении далеко не утешительные. По прогнозам, к 2015 г. доля лиц старше 65 лет возрастет до 25,2%, а к 2050 г. — до 32,3%.

Правительство и предприниматели принимали меры, чтобы адаптировать систему занятости к такой демографической ситуации и сформировать общество наемных работников «без возраста». При найме приоритет решено было отдавать индивидуальным достоинствам претендента без различия возраста, пола и прочих условий. Пристальное внимание к проблеме старения населения обусловлено и тем, что она влечет за собой серьезные социально-экономические последствия, являясь в целом тормозом экономического развития, увеличивая бремя социальных расходов и вызывая необходимость изменения менталитета, прежде всего молодой о поколения, на которое как раз и падет основная социальная нагрузка.

Предвидя нехватку в будущем рабочей силы, правительство приняло законодательные меры, чтобы привлекать на работу в Японию иностранных специалистов, делая их пребывание в стране достаточно комфортным. По расчетам специалистов ООН, Японии придется принять к середине XXI в. свыше 33 млн. ино-

странцев (включая членов их семей). На рубеже веков их численность составляла примерно 1,2% от общего числа жителей (нелегалы, конечно, не включены).

Затянувшаяся экономическая депрессия в 1990-е годы не очень сильно сказалась на уровне и качестве жизни населения, т.е. на его повседневной жизни. Хотя в этот период, в отличие от предыдущего, замедлился рост реальных доходов населения (заработная плата почти не росла, а в некоторые годы даже снижалась), в целом по объему и структуре расходов на приобретение товаров и услуг Япония находилась на уровне большинства развитых стран, а по степени распространения электронной и электробытовой техники занимала одно из первых мест в мире. Особо надо отметить структуру питания японцев, которое признано в Европе и США здоровым и правильным. Кроме того, в Японии был достаточно высок уровень медицинского обслуживания, наблюдалось сравнительно хорошее состояние окружающей среды. Страну отличал низкий уровень преступности (Токио считался самым безопасным среди крупных городов мира) и высокая раскрываемость преступлений, особенно тяжких (в 1998 г. было раскрыто 98,5% убийств). Другими словами, условия жизни японцев комфортабельны. Зримым тому доказательством являлась самая высокая среди развитых стран продолжительность жизни — в 1998 г. 84 года для женщин и 77 — для мужчин.

Опыт предыдущего развития Японии дает возможность предположить, что и в XXI в. в условиях глобализации национальные особенности будут продолжать играть важную роль в успехе или неуспехе ее социально-экономического развития. Как ни одной другой азиатской стране Японии присуща этническая, религиозная, культурная и социальная однородность, что вкупе с удаленным географическим положением обеспечивает определенную степень национальной сплоченности. Когда речь заходит о национальных интересах, а конкретно — о кардинальных реформах, то возможно достаточно быстро установить консенсус, который поможет переломить ситуацию последнего десятилетия XX в. Однако, поскольку решение структурных проблем требует значительного времени, можно полагать, что позитивные результаты реструктуризации будут достигнуты не так быстро.

Выравнивание экономического и политического потенциалов. Окончание холодной войны, прекращение острой межсистемной конфронтации в мире, сдвиги в геополитическом раскладе сил, появление новых проблем и угроз на глобальном и региональных уровнях заставили Японию начать пересмотр стратегических и тактических задач во внешней политике, активизировать усилия по их претворению в жизнь. Распад СССР и крах коммунистической идеологии создали предпосылки для эволюции всей послевоенной системы безопасности, так как она базировалась на советско-американской конфронтации. Непосредственно на японо-американский альянс завершение периода холодной войны прямого воздействия не оказало, но изменение послевоенной системы международных отношений не могли не сказаться на внешней политике страны. Оставаясь в рамках союза со своим главным стратегическим партнером, Япония начала активизировать практически все направления внешнеполитической деятельности.

Определяя приоритеты на 1990-е годы, МИД страны выдвинул на первый план программу расширения международного сотрудничества с упором на уве-

личение экономической помощи, активное участие в деятельности ООН, в том числе в миротворческих операциях, расширение культурного обмена, решение экологических проблем, поддержание международной торговли. И только затем, в порядке их значимости, перечислялись географические направления внешней политики — США, Западная Европа, Азия, СССР, Китай. Япония не только расширяла свои глобальные позиции, но и искала пути более глубокого проникновения в мировое экономическое пространство. Другими словами, происходила определенная глобализация внешней политики.

Однако агрессия Ирака против Кувейта в 1990 г. бросила вызов всему новому мировому порядку, неотъемлемой частью которого провозглашала себя Япония. Война в Персидском заливе (февраль 1991 г.) оказала серьезное влияние на изменение внешней политики страны, прежде всего в отношении обороны и безопасности, а также затронула и внутриполитические проблемы. Встал вопрос о необходимости приведения ст. 9 конституции в некоторое соответствие с потребностью участия во внешнеполитических акциях по наказанию агрессора, а также о степени подчиненности внешнеполитического курса Японии в области обороны и безопасности международно-политическому курсу США. Надлежало также решить вопрос о степени согласованности политики Японии и стран АСЕАН.

Участие Японии в акциях мирового содружества против Ирака вкратце сводилось к дилемме: деньги или люди и деньги. Иначе говоря, должна ли страна оказывать только финансовую и техническую помощь в проведении операции «Буря в пустыне» или личный состав японской армии — Сил самообороны — должен принять непосредственное участие в боевых действиях. Япония не располагала законодательной базой для прямого и непосредственного участия своей армии в миротворческих операциях ООН. Поэтому правительство Японии сосредоточилось на оказании финансовой поддержки странам Персидского залива, понесшим материальный ущерб, и многонациональным вооруженным силам антииракской коалиции. Всего Япония выделила 13 млрд. долл., из них только 2 млрд. пошло на помощь арабским странам, а остальные — многонациональным силам.

Несмотря на это, США и страны Запада негативно отнеслись к позиции Японии, обвинив ее в том, что она снова решила «отсидеться», «откупиться» от решения общих проблем. Сильнее зазвучали такие характеристики страны, как «экономическое животное», «политический карлик с большим кошельком» и т.п. Позицию Японии не без иронии в зарубежной прессе оценивали формулой «Слишком мало, слишком поздно». О ней говорили как о странной политической аномалии: «экономическая сверхдержава без соответствующей военной политики и политического руководства».

Без преувеличения можно сказать, что война в Персидском заливе стала определенным переломным моментом в послевоенной истории Японии. Она заставила правящую элиту кардинально переосмыслить политическую роль страны на международной арене, задуматься о повышении своей значимости для решения общих мировых проблем. События выявили прежде всего разность подхода к ним внутри Японии (наличие достаточно сильной оппозиции политике прави-

тельства в отношении поддержки мирового сообщества) и вне ее. За рубежом пацифизм Японии называли проявлением безответственности и попыткой оправдать свое бездействие. Изоляционистская позиция страны нанесла несомненный ущерб ее международному престижу и поставила под сомнение дееспособность внешней политики.

В частности, японский министр иностранных дел не был приглашен после окончания боевых действий на мирную конференцию по Ближнему Востоку в Мадриде. Наиболее открыто выразил свое недовольство позицией Японии сам Кувейт. Правительство этой страны закупило целую рекламную полосу в «Нью-Йорк таймс», чтобы выразить благодарность всем, кто принимал участие в ее освобождении, не включив в список только Японию.

Позиция Японии во время войны в Персидском заливе вновь подтвердила зависимость ее оборонной политики от военной политики США. Можно с уверенностью сказать, что она не слишком опасалась за судьбу нефтеносной зоны, понимая, что нежелательного исхода США просто не допустят. Другими словами, Токио вновь вручил защиту своих национальных интересов главному стратегическому партнеру, а основное внимание в это время было направлено на страны АСЕАН, ибо ее собственный внешнеполитический курс, как и раньше, был спроецирован на АТР. В условиях смягчения конфронтации между двумя сверхдержавами на рубеже 1980–1990-х годов, потепления отношений между Китаем и Вьетнамом создались возможности, в частности, для поисков нугей и способов урегулирования конфликта в Камбодже. Политические инициативы Японии в этом направлении явились, по сути, первой серьезной попыткой опрокинуть бытующее на мировой арене мнение о ней как об «экономическом гиганте, но политическом карлике». Безусловно, главным рычагом японской дипломатии в Камбодже была финансовая помощь.

Для повышения политической роли в АТР у Японии был мощный экономический и финансовый базис. Она являлась крупнейшим торговым партнером стран АСЕАН в целом и по отдельности. Следует отметить особенность ее экономического проникновения в страны региона. Японские инвестиции направлялись прежде всего на создание базы для завершения производства продукции, которая затем шла на японский рынок или рынок третьих стран, не составляя, таким образом, конкуренции местному бизнесу. Такое положение устраивало как Японию, так и страны АСЕАН.

Токио постоянно подчеркивал, что его военная политика направлена на самооборону и не выходит за пределы военного сотрудничества с Вашингтоном, а точнее — участия в региональной политике последнего. При этом обе стороны признавали безусловную значимость своего военного присутствия в АТР. Однако по мере постепенного уменьшения американского военного присутствия в Азии Японии приходилось брать на себя некоторые прежние функции и обязанности Соединенных Штатов. Она с удовольствием выступала здесь в роли миротворца, стремясь изгладить из памяти азиатских народов тяжелые воспоминания периода Второй мировой войны. В 1993 г. премьер-министр М. Хосокава начал серию извинений перед народами региона за действия Японии в 1920–1940-е годы, на-

звав их «агрессивной войной», что вызвало недвусмысленное недовольство консерваторов, считавших, что вопрос давно закрыт.

Во внешнеэкономическом и внешнеполитическом курсах применительно к странам АСЕАН Япония в основном придерживалась принципа «отделения политики от экономики». Модернизация экономики этих стран была по существу невозможна без экономической помощи Японии, и она ее предоставляла. Впрочем, экономическая кризисная ситуация в Азии в 1997–1998 гг. потребовала от Японии адекватной реакции, но та не смогла предложить азиатским странам пути оживления их экономик.

Одной из внешнеэкономических инициатив считалась предложенная в 1997 г. «евразийская дипломатия» Хасимото Рютаро (премьер-министр в 1996–1998 гг.). В ней были четко обозначены новые направления — японо-российское, японо-китайское и Япония — страны «шелкового пути», т.е. Центральной Азии.

Японо-российское направление в рамках отношений США–КНР–Япония–Россия было к тому времени наименее разработано. Японская сторона предложила развивать его на основе трех принципов: «доверие», «взаимные интересы», «долгосрочные перспективы». Главным камнем преткновения в отношениях с Россией являлась нерешенная проблема территориального размежевания, или, как ее называют японцы, «проблема северных территорий» (речь идет о четырех островах Южно-Курильской гряды — Кунашире, Итуруп, Шикотане, Хабомаи, которые Япония считает своей территорией, потерянной после поражения во Второй мировой войне), и заключение мирного договора. Безусловно, отсутствие мирного договора между Японией и Россией, дипломатические отношения между которыми с 1956 г. развивались с переменным успехом, но явно не худшим образом, явление ненормальное. Все это время договор не был заключен из-за того, что японская сторона жестко увязывала этот вопрос с решением «территориальной проблемы», а советская сторона долгие годы просто не признавала существования такой проблемы.

Прорыв в территориальном вопросе Япония связывала с первым в истории японо-советских отношений визитом в 1991 г. высшего должностного лица СССР — президента М.С. Горбачева. Япония рассчитывала на «подарок» с его стороны — решение о передаче хотя бы части требуемых территорий, однако эти надежды не сбылись. Первым шагом конструктивного подхода в японо-российских отношениях можно считать Токийскую декларацию 1993 г., подписание которой явилось результатом визита президента РФ Б.Н. Ельцина в Японию. Этот документ реанимировал и выводил на новый качественный уровень двусторонние отношения по многим показателям. Было выражено общее понимание необходимости преодоления тяжелого наследия прошлого, признано необходимым продолжать переговоры с целью заключения мирного договора.

До середины 1990-х годов японский истеблишмент был глубоко убежден в том, что в развитии двусторонних отношений заинтересована прежде всего Россия, которая ради «японских денег» (будь то инвестиции, технологии или гуманитарная помощь) может пойти на серьезные односторонние территориальные уступки. Р. Хасимото был первым из высшего японского руководства, кто сумел

более реалистично оценить ситуацию и понять, что договор должен представлять взаимовыгодный обмен, а не одностороннюю уступку. Завершением неоднократных продуктивных переговоров между лидерами двух стран явилась Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией (1998 г.).

Продвижением к поставленной цели, т.е. к установлению отношений партнерства, можно считать официальный визит президента В.В. Путина в Японию в сентябре 2000 г. Во время визита обсуждались проблемы стратегического сотрудничества в мировых делах, развития двусторонних торгово-экономических отношений, заключение мирного договора, и по каждой из них был достигнут определенный прогресс. Что касается первой проблемы, то впервые обе страны подписали Совместное заявление о взаимодействии в международных делах. При этом были не только зафиксированы совпадающие или близкие позиции, но и выражена поддержка в вопросах, представляющих взаимный интерес. Например, Япония признала важность интеграции России во Всемирную торговую организацию (ВТО) и выразила готовность сотрудничать в деле продвижения вопроса об ее участии в переговорном механизме Азия Европа. Россия четко высказалась в поддержку кандидатуры Японии в постоянные члены СБ ООН, что соответствует одной из важнейших стратегических целей японской дипломатии. Итогом визита явилось и подписание программы углубленного сотрудничества в торгово-экономической области между двумя странами.

В конце 1990-х годов, несомненно, возростала роль китайского фактора во внешней политике страны. КНР наряду с США, Европой и Японией превратилась в глобальный стратегический рынок, на котором транснациональные компании могут быстро получать прибыль. Для Японии Китай стал вторым по значению после США торговым партнером, а она заняла первое место среди его торговых партнеров. Однако Китай все еще остается для Японии развивающейся страной, хотя именно торгово-экономические отношения были стабилизирующим фактором во всем комплексе двусторонних отношений, в которых имелись элементы напряженности.

Стержнем японской внешней политики оставались японо-американские отношения, несмотря на то что в первой половине 1990-х годов двусторонние переговоры между ними по вопросам внешней политики зашли в тупик. Однако в дальнейшем благодаря отсутствию неразрешимых проблем напряженность удалось снять. Оба государства оказались связаны тесными узами как в области политики, так и безопасности и чрезвычайно взаимозависимы в сфере экономики.

По итогам визита президента США Б. Клинтона в Токио в 1996 г. была подписана Совместная японо-американская декларация безопасности, которая не только подтвердила важную роль двустороннего военного союза для безопасности самой Японии, но и подчеркнула роль стратегического партнерства Японии и США для мира и безопасности в АТР. Более того, этим документом были заложены основы для будущего, совершенно нового по своему наполнению, двустороннего сотрудничества в сфере безопасности. В соответствии с ним в сентябре 1997 г. были опубликованы «Основные направления военного партнерства

и сотрудничества США и Японии», которые заменили аналогичный документ 1978 г. Признавая все прежние договоренности, т.е. основы Сан-Францисской системы, главной целью сотрудничества была обозначена результативная и быстрая координация действий сторон в случае возникновения критической ситуации. Япония выразила готовность предоставлять материально-техническое обеспечение для коллективных усилий в области обороны за пределами ее границ. Ранее японское участие ограничивалось только ее собственной территорией. Безусловно, это позволило бы Японии играть более равноправную роль в японо-американском военном союзе.

В 1990-е годы руководство страны исходило из того, что ключевыми понятиями в XXI в. станут «глобализация», «региональная интеграция» и «национализм» (который является реакцией на два первых процесса). Оно следующим образом определяло цели внешней политики. Во-первых, неизменными останутся японо-американские отношения и по-прежнему будет отдаваться предпочтение двусторонним мероприятиям в области обороны, которые рассматриваются как основное средство сдерживания разного рода вызовов. Во-вторых, признавая связь Китая с внешним миром средством обеспечения стабильности в Азии, Япония будет углублять взаимозависимые отношения с этой страной. В-третьих, признавая большой потенциал российско-японских отношений и схожесть точек зрения и анализа многих проблем, отмечается возможность на этой основе отдавать приоритет проблемам, представляющим взаимный интерес. В-четвертых, считая отсутствие дипломатических отношений с КНДР реликтом холодной войны, Япония будет стремиться их наладить и тем самым закрыть все послевоенные проблемы. В-пятых, базовой основой дипломатии является усиление и расширение партнерства со всеми странами и регионами, а также признание помощи зарубежным странам стратегией собственной безопасности Японии. И все это должно реализовываться в форме самого активного участия в разрешении возникающих глобальных проблем.

Преодоление кризисных явлений в политической элите. Пожалуй, ни один период послевоенной истории Японии не был так насыщен серьезными переменами во внутривнутриполитической жизни, как 1990-е годы. Однако у власти по-прежнему оставалась консервативно ориентированная политическая элита. Поддержка Либерально-демократической партии основной массой населения способствовала обеспечению стабильности в обществе, а неизменные симпатии бизнеса — политическое доминирование. ЛДП выступала гарантом действенности законодательной системы и определенной согласованности в отношениях между парламентом, партиями, бюрократией.

На период, когда у власти находился лидер одной из крупнейших фракций Миядзава Киити (1991–1993), пришелся пик кризиса правящей элиты, связанный с грандиозным коррупционным скандалом вокруг транспортной компании «Сагава Кюбин» (1992 г.). Арест влиятельного в политическом мире Канэмару Син, вице-председателя ЛДП, непосредственно участвовавшего в назначении премьерами Т. Кайфу и К. Миядзава, сразу поставил вопрос о новом руководителе крупнейшей фракции. В результате сложной борьбы она раскололась на две соперни-

чающие группировки: одна во главе с Одзава Итиро (ближайшим сподвижником К. Танака) и другая — с Обути Кэйдзо (премьер-министр в 1998–1999 гг.). Последствия этого события имели чрезвычайный характер: ушло в прошлое доминирование одной суперфракции. Образовавшиеся новые фракции для выдвижения своих лидеров на ключевые посты должны были вновь вступать в затяжные изнурительные переговоры.

Фракция И. Одзава посчитала вотум недоверия кабинету К. Миядзава в 1993 г., вызванный неспособностью правительства решить вопрос о пакете законопроектов, касающихся политической реформы, удобным моментом для реализации идеи создания новой консервативной партии. Покинув ряды ЛДП, 44 депутата парламента создали Партию обновления. Ранее то же сделали еще десять человек из разных фракций и организовали партию под названием «Инициатива» (по-японски — Сакигакэ). Появление этих партий сократило представительство ЛДП в нижней палате парламента до 222 человек, что лишило ее большинства, которое она не сумела восстановить и на последовавших за роспуском этой палаты всеобщих выборах 1993 г., добавив лишь один мандат. Сложилась ситуация, когда практически впервые установилось относительно долгое правление коалиционного правительства. Первоначально в него вошли представители семи партий, т.е. всех существовавших, кроме КПЯ и неожиданно оказавшейся в оппозиции ЛДП. Подобное «многоглавое» содружество скоро обнаружило свою нежизнеспособность, и была создана новая коалиция, которая включала непримиримых ранее противников — ЛДП и Социал-демократическую партию Японии (СДПЯ, бывшая СПЯ), а также партию Сакигакэ.

За три года сменилось четыре коалиционных правительства. Первые два — кабинеты М. Хосокава (1993–1994) и Хата Цutomу (1994), находившиеся под фактическим контролем И. Одзава (все трое в прошлом влиятельные политики и функционеры ЛДП), оказались неустойчивыми без участия либерал-демократов. В итоге появилась казавшаяся ранее немислимой коалиция ЛДП и СДПЯ. Первый кабинет по новой схеме возглавил бывший в то время председателем СДПЯ Мураяма Томоити (1994–1996), а затем его сменил Р. Хасимото. Ради участия в правительстве социалисты пожертвовали всеми своими принципами, что в итоге привело их партию к сокрушительному поражению на последующих выборах в парламента.

Новые коалиционные правительства во главе с ЛДП в отличие от предшественников продемонстрировали пример открытой, готовой к компромиссам политики и сумели достигнуть определенной стабильности. Р. Хасимото в полной мере показал свои способности решать сложные вопросы (например, о судьбе военных баз США на Окинаве), в то время как предыдущие кабинеты откладывали это на будущее. Но слишком разные позиции участников требовали реформирования правительства, и ЛДП начала активно готовиться к всеобщим выборам по новой избирательной системе. Согласно ей наряду с 300 одномандатными округами вводилось пропорциональное представительство по партийным спискам в 11 региональных блоках (200 мандатов в 2000 г. сокращены до 180). Целью этой реформы было повышение значимости политических партий, перенесение

центра тяжести в избирательных кампаниях с отдельных кандидатов на партии в целом, привлечение внимания электората к партийным программам. В целом эта система благоприятствовала крупным партиям, практически не оставляя места малым.

Перегруппировка сил на политической арене привела к созданию в 1994 г. второй по величине после ЛДП общенациональной консервативной оппозиционной Партии новых рубежей (ПНР). В нее вошли четыре партии и девять парламентских групп. Оказавшись нежизнеспособным, объединение в 1998 г. самораспустилось. В результате роспуска ПНР появилась масса различных организаций, самой значимой из которых стала Либеральная партия (ЛП) И. Одава.

Этой ситуацией воспользовалась созданная накануне всеобщих выборов 1996 г. Демократическая партия. Сенсацией это не стало, так как нечто подобное ожидалось. Инициаторами ее создания выступили братья Хатояма — Юкио и Куню, принадлежащие едва ли не к самому старому политическому клану либеральной ориентации. Организаторы новой партии поставили целью оформить широкий альянс «неоконсервативных и либеральных сил». Костяк новой партии составили «диссиденты» из ЛДП и выходцы из СДПЯ. Она рассматривала себя как партию городского населения, а опора на горожан — верный путь для политической партии, которая рассчитывала на длительную перспективу и стремилась действовать в соответствии со сложившейся социально-экономической ситуацией. Демократическая партия предложила создать парламентский блок. В новом объединении сразу же обозначились серьезные противоречия по вопросу о его характере, возможности превращения в партию, будущих союзниках и партнерах. Несмотря на все противоречия, в апреле 1998 г. появилась обновленная Демократическая партия Японии (ДПЯ), ставшая самой большой оппозиционной силой в стране. Слабым местом у новой партии было отсутствие единой хорошо проработанной программы.

Популярность партии в конце 1990-х годов свидетельствовала не о широкой ее поддержке, а о временном ослаблении позиций ЛДП из-за политических просчетов. Отдавая голоса оппозиции, избиратели твердо знали, что она не придет к власти и даже не составит серьезной конкуренции ЛДП. Таким протестным голосованием электорат побуждал либерал-демократов заняться решением внутриполитических и внутрипартийных проблем.

ЛДП, преодолев потерю власти в 1993 г., вновь единолично овладела ею в 1996 г. Но это не было возвратом к прежнему положению вещей. Не обладая устойчивым большинством в палате представителей парламента, она была вынуждена действовать с оглядкой на разнородную оппозицию. Кроме того, усилилась фрагментарность внутри правящей партии. Часть влиятельных политиков ЛДП не была против достижения согласия с бывшими «диссидентами». Другие же политики через межфракционные объединения создали новые фракции. Однако анализ межфракционной структуры ЛДП дает возможность говорить о том, что центристские силы в партии в тот период и в дальнейшем преобладали над центробежными. Межфракционный баланс по-прежнему играл главную роль при выдвижении и избрании председателя партии и соответственно

премьер-министра. Однако зависимость самостоятельных действий партийных лидеров от фракционной принадлежности заметно уменьшилась. При этом ЛДП оставалась ядром всей политической жизни страны.

Начиная с 1999 г. либерал-демократы не без серьезных трений формировали коалиционные правительства сначала с Либеральной партией И. Одзава, затем с присоединившейся к ним так называемой Новой Комэйто, а в дальнейшем с Комэйто и Консервативной партией, которая появилась в апреле 2000 г. в результате раскола Либеральной партии, покинувшей правительственную коалицию.

В конце 90-х годов XX в. и в начале XXI в. внимание всех премьер-министров было сосредоточено на программе административной реформы. Она предусматривала разностороннее дерегулирование, определенную децентрализацию, реорганизацию правительственных органов и совершенствование методов их деятельности, продолжение приватизации и упорядочение государственных предприятий. Предполагалось прежде всего повысить роль закона в административной деятельности (соответственно отказаться от практики «административного руководства» и отделить процесс выработки политики от ее практического осуществления). К 2010 г. планируется сократить государственный аппарат на 25%. Одной из главных целей реформы было расширение функций премьер-министра в части проявления законодательной инициативы, что снизило бы значимость бюрократии в формировании политики и повысило бы роль политиков. Еще одна важная черта реформы — использование в государственном аппарате методов и стиля работы частного сектора, а также привлечение предпринимателей в качестве советников по вопросам экономики и финансов.

Появление ДПЯ означало, что основным соперником ЛДП становится не оппозиционная консервативная партия, а центристская, располагающая определенными шансами стать достойным соперником правящей ЛДП. У обеих партий — ЛДП и ДПЯ — определилось поле для маневра. Это сотрудничество с Комэйто, второй по численности оппозиционной партией в стране. Комэйто постоянно настаивала на независимом статусе и старалась не акцентировать внимания на партнерстве с либерал-демократами.

Коммунистическая партия Японии традиционно находилась в полной изоляции на политической арене, но прочно занимала свою нишу, обладая хорошо организованным электоратом. После всеобщих выборов 1996 г. она была заметной оппозиционной партией и предпринимала серьезные попытки по «смягчению» своего имиджа в глазах избирателей.

В итоге отметим, что в Японии сложилась и эффективно действовала устойчивая политическая система, основанная на демократических выборах, четком разделении ветвей власти. Это обеспечивало поступательное развитие страны на базе рыночной экономики при сохранении достаточно серьезных элементов государственного регулирования. Движение Японии по пути совершенствования институтов государственного управления, осуществление экономических реформ в целом предопределяли стабильность и предсказуемость общего направления развития страны на достаточно долгую перспективу.

Все же следует отметить, что в самом конце XX в. внутривластная ситуация характеризовалась некоторой неустойчивостью, вызванной недовольством части населения вялым экономическим ростом, коррупционными скандалами, альянсом ЛДП с Комэйто, за которой стоит неоднозначно принимаемая в обществе буддийская организация Сока гаккай, а также выступлением молодых членов правящей партии против засилья «стариков». Много нареканий вызывали не всегда продуманные высказывания и действия премьер-министра Мори Ёсиро (2000-2001). Дело дошло до открытого выступления против него со стороны влиятельных политиков ЛДП и вынесения на этом фоне оппозицией дважды вотума недоверия кабинету министров, который был преодолен с большим трудом. Но это не сняло проблемы отставки премьер-министра, и на внеочередном съезде ЛДП в конце апреля 2001 г. был избран новый председатель партии Коидзуми Дзюнъитиро, ставший соответственно премьер-министром.

Новый премьер был достаточно молод (род. в 1942 г.), окончил престижный университет Кэйо, получив хорошее экономическое образование. В 30 лет впервые был избран в палату представителей парламента и с тех пор переизбирался десять раз. На протяжении своей политической карьеры занимал многие высокие посты в партии и правительстве. Д. Коидзуми имел вполне заслуженную репутацию реформатора и человека, склонного к неординарным решениям. Он пользовался поддержкой не только молодых либерал-демократов, но и значительной части населения, живущего ожиданием перемен. На его репутацию возлагались надежды ЛДП на летних выборах в палату советников парламента 2001 г. И они оправдались. Либерал-демократы получили большинство в палате советников. Их успехи на выборах 2000 г. (в палату представителей) и 2001 г. рассматривались как мандат избирателей на проведение правительством, по словам Д. Коидзуми, «структурных реформ без священных коров».

Подводя итог беспокойным 1990-м годам, когда все-таки состоялась широкая политическая реформа, достаточно активно проводились административные преобразования и четко обозначился курс на структурные реформы, можно утверждать, что правящая элита сумела преодолеть многие кризисные явления и, взяв курс на создание правительственных коалиций, обеспечила жизнедеятельность всего общества.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

В период оккупации культурная жизнь страны характеризовалась прежде всего знакомством населения с западными ценностями и образом жизни (конечно, в основном американскими), стремительным усвоением технических и культурных достижений Запада. Все неазиатское представлялось новым, прогрессивным, в то время как национальное, традиционное — реакционным и устаревшим. Как и в середине XIX в., настал период наибольшего распространения иностранного влияния, и доминирующей в формировании взаимовосприятия в целом стала формула «Учитель-ученик».

В эти годы именно США воспринимались японцами как страна с высоким уровнем культуры, демократическими идеалами и свободами, которой надо подражать, у которой надо учиться. Вначале речь шла лишь о наглядно-примитивной пропаганде американского образа жизни. Ведь впервые широкие слои населения вступили в непосредственный контакт с носителями западной цивилизации. А затем воздействие переходило уже на более высокий уровень — заимствование опыта в области образования, средств массовой информации, индустрии развлечений.

Однако постепенно, по мере возрождения страны и достижения ею экономических успехов магия американского образа жизни и культуры начинала блекнуть, имидж «страны грез» тускнеть. И наоборот, появлялся «здоровый национализм», происходило возрождение традиционных ценностей (которые, кстати сказать, во многом содействовали созданию «экономического чуда»), а иностранные адаптировались к японским реалиям, как это было в далеком прошлом во время распространения в Японии китайской культуры или в середине XIX в. — западной. Таким образом, начался равноправный обмен культурными достижениями.

Крушение националистической идеологии, идеологии милитаризма, отказ от таких категорий, как божественное происхождение императора и его культ, уникальность японской нации и ее культуры, расчистили дорогу для формирования новых мировоззренческих установок. Первое время японцам, воспитанным в условиях традиционных семейных и квазисемейных отношений, было достаточно сложно адаптироваться к ним. Но постепенно главной ценностью в обществе становились принципы демократии.

Устойчивое падение престижа традиционных ценностей среди представителей практически всех поколений наблюдалось первые два-три десятилетия. Приоритетными стали такие цели, как «жить по собственному желанию», «обогащаться». Это отражало внедрение в общественное сознание идей индивидуализма и потребительского общества. Таким образом, жизненные принципы, базировавшиеся на общине, институте *изэ* (большой японской семьи, включающей и все боковые линии), конфуцианских нормах морали, постепенно отступали. В ходе этого процесса наметились существенные изменения некоторых черт национального характера японцев, их поведенческих характеристик, что особенно было свойственно послевоенным поколениям.

Наиболее наглядно происходил отход от желания соответствовать группе в сторону утверждения индивидуальных жизненных принципов. «Группизм» — характерная черта национальной социокультурной традиции. Каждый японец на протяжении своей жизни является членом различных групп — семьи, церковной общины, школы, университета, предприятия, неформальных организаций. В основе групповой системы лежит принцип общности, всеобщего согласия. Отношения между группами строятся по принципу внутренний-внешний, но это не предполагает враждебности, а лишь определяет принадлежность к той или иной группе.

Отходу от группового сознания во многом способствовал распад самой малочисленной группы — традиционной семьи *изэ* и утверждение нуклеарной (что

было записано в новом гражданском кодексе). Этот процесс затронул и сельское население, наиболее консервативную часть общества. Более того, если в первые десятилетия XX в. в подавляющем числе семей совместно проживали несколько поколений, то в 1990-е годы доля семей, в которых совместно проживали дети и родители, снизилась до одной трети, а тех, где было три поколения, — до 11%.

Приверженность к групповой ориентации постепенно размывалась и на предприятии — втором после семьи важном месте реализации социальных связей японцев, где работники объединены общими целями и ощущают себя членами одной общности. В свое время именно компания заменила работникам в известной мере семью *из*, ибо они были связаны с ней в течение всего жизненного цикла через систему внутрифирменного социального обеспечения и отвечали новой группе лояльностью и усердным трудом. Именно эти «трудоголики», которые руководствовались формулой «Жить, чтобы работать», в значительной мере обеспечили Японии высокие темпы роста и грандиозные экономические успехи. Но и здесь как со стороны наемных работников, так и со стороны администрации индивидуальным качествам человека стали придавать все большее значение.

Согласно опросам общественного мнения, молодежь все более отдавала предпочтение правам индивидуума и уважению личного мнения, особенно это относится к выпускникам колледжей и университетов. Большинство из них предпочитали иметь возможность смены работы и считали привлекательным статус работника, когда учитываются личные заслуги. Одновременно выросла доля тех, кто среди жизненных предпочтений называют досуг и руководствуются формулой «Работать, чтобы жить».

Однако это не означает, что в стране изменилась приверженность отечественным нормам поведения, например забота о родителях, проявление чувства благодарности. Как и прежде, в ценностных ориентациях японского общества важное место занимало образование, уровень которого в стране был весьма высок. Достаточно сказать, что в конце XX в. почти 100% детей оканчивали среднюю школу второй ступени и свыше трети получали высшее образование. По-прежнему сохранялся высокий уровень ориентации на труд, имеющей глубокие исторические корни. В ее основе лежит самоценность труда, даже если он не ведет к материальному благополучию, и долг перед обществом.

Как показывают результаты проведенных в конце XX в. опросов, большинство населения (примерно 70%) полагало, что порядок в обществе, т.е. существующая корпоративная структура, важнее свободы и прав человека. Надо сказать, что в Японии права человека в западном понимании не придавалось большого значения, но, конечно, отношение к этой проблеме, как и ко многим другим, варьировалось в зависимости от возраста. Хотя дети воспитывались главным образом уже в нуклеарных семьях, им объясняли традиционные принципы и нормы поведения в группе и вне ее. Важную роль в становлении личности продолжало играть моральное воспитание в школе, которое прививало ученикам определенную систему ценностей, принципы равновесия и гармонии, группового сознания, уважительного отношения к труду, соблюдения установленных в обществе норм и законов.

Отношение японцев к религии было неоднозначно. Большинство из них признавали ее делом сугубо личным, интимным, а потому зачастую считали вопросы о своей принадлежности к той или иной конфессии неэтичными. Отделение религии от государства, зафиксированное в конституции 1947 г., не искоренило религиозного сознания населения. Государственный *синто* был запрещен, но народный продолжал существовать как духовная ценность, ибо вся история страны так или иначе связана с этой национальной религией. *Синто* — ядро всей культуры, лежит в основе всех видов искусств и дает возможность каждому японцу осознать свою идентичность. В стране, как и прежде, *синто* мирно сосуществовал с буддизмом. Они поделили между собой жизненный цикл человека: рождение и жизнь шли по канонам *синто*, а похороны — буддизма. Во многих случаях вера японцев базировалась просто на обычаях и традициях. Даже те, кто считали себя неверующими, привычно исполняли различные религиозные обряды во время свадеб, похорон, национальных праздников.

Реализация традиционных духовных ценностей «в одном пакете» с заимствованными способствовала формированию личности японца, проникнутой идеей конформизма и гармонии. На это была нацелена и концепция формирования «желательного образа человека» (1960-е годы), в которой акцентировалось внимание на патриотизме и единстве нации. С этой же целью возрождался в эти годы и старый праздник Дня основания империи, связанный с днем восшествия на престол легендарного основателя императорской династии в 660 г. до н.э. Он стал называться Днем основания государства. С 1980-х годов идеологическое наступление национализма велось и путем «ненавязчивого» возвращения традиционных ритуалов (поднятие национального флага, исполнение гимна), официально не признававшихся до 1999 г. Все это подспудно содействовало воспитанию лояльности к императору и государственным структурам вообще. В целом происходило приспособление японизма с его этноцентризмом к условиям высококоразвитого массового общества.

* * *

Япония — пример того, как ценности техногенной цивилизации вписывались в координаты традиционных; как на пути к техногенной цивилизации традиционное общество преодолело присущие ему замедленные темпы развития; как оно приспособилось к внедрению инноваций и изменениям в социальных отношениях и культурной традиции. В Японии все процессы — переход от традиционного общества к индустриальному и последнего к информационному — проходили достаточно спокойно, открывая путь к формированию нового типа культурного развития, которое осуществляется через внедрение информационных и коммуникационных технологий.

В XXI в. японская техногенная культура вступила с концепцией строительства всевозможных информационных и высокофункциональных городов, телепортов, торговых и курортных комплексов, крупных транспортных объектов, высокотехнологичных «парков», «садов», «экополисов». Подобное строительство является во многом заимствованным и по сути своей интернациональным. Но что

важно, особенно для азиатских стран, так это органичное сочетание суперсовременности с традиционными, подчас консервативными, социокультурными нормами.

При формировании техногенной культуры японцы не отказывались от своих основных художественных и мировоззренческих критериев. Такие принципы, как единство функциональной целесообразности и эстетическая образность, связь утилитаризма и красоты, нашли наиболее яркое проявление в культивируемом в Японии современном дизайне.

Выступая за повышение своего статуса в мировой политике, Япония не упускала из виду сферу культуры. Особенно активно она начала действовать в 1990-е годы. Страна стала членом Научно-исследовательского центра по сохранению и восстановлению культурных памятников, который является межправительственным органом. По линии Министерства иностранных дел Япония приняла активное участие в работе ЮНЕСКО, в Фонде по сохранению культурных памятников. В 1992 г. она присоединилась к Соглашению о сохранении культурных памятников мирового значения. Для реализации поставленных целей был создан комитет, который подготовил реестр мировых культурных ценностей и учредил денежный фонд. В этот реестр вошли и памятники Японии.

В заключение хотелось бы отметить, что, став высокоразвитым обществом со многими характеристиками, присущими западной цивилизации, Япония отнюдь не превратилась и в будущем, разумеется, не превратится в общество чисто западного образца. Это объясняется тем, что японцы всегда старались не прерывать исторический процесс, сохранять преемственность и верность традициям. Все заимствованное влетало в контекст собственного существования, адаптируясь при этом к местным реалиям. Как экономическая супердержава, Япония умело использовала все богатства международного сообщества, искусно сочетала общечеловеческие и традиционные ценности и в эпоху интернационализации и глобализации стремилась распространить достижения своей цивилизации уже и среди других народов.

Глава 43

ВОСТОК В КОНЦЕ XX в. — НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ

К рубежу XX и XXI столетий народы Азии и Северной Африки добились впечатляющих результатов в политическом, экономическом, социальном и культурном развитии. По сравнению с периодом после окончания Второй мировой войны, ставшим точкой отсчета современной истории, в их положении наметились существенные сдвиги. Колониальное и зависимое политическое состояние сменилось суверенным, подверженным неровно и своеобразно протекающим процессам демократизации: примитивное по большей части хозяйство уступило место экономике, сочетающей совершенные и эффективные приемы и способы производства с менее изощренными; вместо аграрной по преимуществу структуры экономики и соответственно почти абсолютного преобладания деревенского населения утвердились различные формы сосуществования индустриальных и аграрных секторов, сельских и городских поселений; традиционная система общественной жизни с характерным для нее зависимым и приниженным положением женщин, а также представителей этнических и социальных меньшинств трансформировалась в систему с более высоким статусом традиционно зависимых групп, и на этом фоне наметилось изменение ряда важнейших демографических показателей: почти сплошь неграмотное население сменилось поколениями людей, обладающих не только навыками чтения и письма, но и достаточно высоким уровнем общих и специальных знаний, а узкая образованная элита пополнилась за счет выходцев из более широких слоев.

Таковы некоторые основные итоги эволюции Востока за вторую половину XX в. В развитии наметившихся тенденций видятся благоприятные перспективы. При этом нельзя не замечать серьезные изъяны и ограничители поступательного движения, способные затормозить или даже повернуть вспять развитие всех или части азиатских и североафриканских стран и народов.

ПРОБЛЕМА ВОСТОКА КАК РЕГИОНА

Для целей данной главы, как и всей монографии и многотомника, очертания, или «наполнение», региона даны априори — это страны Азии и Северной Африки (Магриба). Между тем в отечественной литературе последних лет встречаются иные трактовки понятия Восток и его «состава». Так, историк Л.С. Васильев и многие другие авторы включают в него все страны Азии и Африки. Некоторые экономисты (Г.К. Широков, В.Г. Растяжников и др.) чаще всего отождествляют

Восток с развивающимися странами, исходя из типологической представительности большинства восточных государств для совокупности развивающихся (менее развитых) экономик. Историк-экономист В.А. Мельянцев пользуется термином Восток или в расширительном (Азия и Африка), или в принятом в настоящем издании значении, а для обозначения стран Африки использует термин Юг. Близкой терминологии придерживается А.И. Неклесса, но у него регионы построены на иных, не историко-экономических, а экономико-типологических принципах: под Глубоким Югом, например, он имеет в виду не государства Африки, а самые бедные и отсталые страны мира, находящиеся по большей части там, но также и в некоторых ареалах Азии и других континентов. Для политолога-геополитика К.С. Гаджиева в регион Востока входит и Россия, так как он совмещает понятия традиционного Востока и Востока периода холодной войны.

Такой разброс мнений заставляет искать основания для выделения региона в указанном выше виде. Что объединяет страны Азии и Северной Африки? По какому принципу или признакам их можно классифицировать как входящих в одну группу (нелишне будет заметить, что регион здесь в соответствии с одним из международно-политологических подходов понимается как набор, совокупность государств)?

Представляется, что Восток целесообразно трактовать как историко-географический и культурно-расовый регион. Два этих основания (и относящиеся к ним четыре признака) кажутся необходимыми и достаточными для его выделения.

Исторически наибольшие основания для того, чтобы называться Востоком, имеет Азия. Как отмечал академик В.В. Бартольд, понятия Восток и «восточный» (как предтечи современной употреблении) впервые появляются у римских авторов (Помпей, Тацит). Под «Азией» они стали понимать часть света к востоку от Африки и Европы, при том что оба последних названия появились у греков, и те Африку (Ливию) иногда присоединяли к Европе. В отличие от древности в средние века, после завоевания северных районов Африки арабами, «Восток» распространился далеко на запад, потеснив Европу и «отобрав» у нее Испанию. Это наступление ближнего (к Европе), мусульманского Востока в западном направлении сочеталось с его движением в сторону далеких стран, лежащих на восток от Аравии и достигаемых по большей части морским путем. Именно в период зрелой арабо-мусульманской экспансии (в VIII–XII вв.) выделяемый нами регион в наибольшей мере, пожалуй, обладал чертами геополитической цельности (в контексте тогдашней международной политики). Впрочем, и в дальнейшем он не потерял определенной общности с точки зрения международной политики, экономики и культуры.

Географически регион имеет выраженную смещенность на юг, так как именно в южных районах Евразийского материка и на прилегающих к нему с юго-запада, юга и юго-востока полуостровных и островных территориях концентрируется преобладающая часть населения, находятся основные очаги восточных цивилизаций и наибольшее число государственных образований, в том числе крупнейшие — Индонезия, Индия, Египет и др. Однако на востоке региона — прежде всего в Китае, Японии и корейских государствах — центр тяжести размещения

населения и политико-экономического влияния несколько выровнен в пользу более умеренной природно-климатической зоны. Впрочем, морской климат делает условия жизни достаточно суровыми лишь на небольшом пространстве обитания народов этих государств. «Северная дуга» Востока захватывает Монголию, Казахстан, отчасти Киргизию и затем «уходит» в широту более южной, но высокогорный, гористый и пустынный ареал (остальные государства Центральной Азии, Афганистан, отчасти Пакистан, Иран, закавказские государства, Турция).

В культурно-цивилизационном отношении регион Востока отличается от других как место зарождения и наибольшего распространения трех современных мировых религий — христианства, ислама и буддизма. Они в сочетании с местными религиозными и религиозно-философскими системами образуют исламский, индо-буддийский и буддийско-конфуцианский ареалы, которые, в свою очередь, распадаются на несколько культурно-цивилизационных комплексов (арабо-, ирано-, тюрко- и индо-мусульманский, индуистский, тибето-буддийский, тхеравадо-буддийский, сино-конфуцианский, японский, малайско-индонезийский и т.д.). Конфессионально Восток отличается от Запада тем, что, хотя он и является родиной христианства, различные христианские церкви имели и имеют для него лишь периферийное значение (исключение составляют Филиппины и отчасти Республика Корея).

С господствующими религиями связаны не только богослужебный язык и священные тексты, но и вполне определенная традиция, находящая проявление в сфере духовной и материальной культуры, в этике и политике, в семье и быте, образцах поведения. Именно это в совокупности и создает основу заметных цивилизационных особенностей.

Рассматриваемый регион сохраняет также определенное геополитическое значение. Однако оно за последние полвека стало заметно меньше. После окончания Второй мировой войны вопрос о деколонизации занял одно из главных мест в повестке дня мировой политики. Восток представлял собой сердцевину колониального и зависимого мира. Освобождение от прямой и косвенной политической несамостоятельности протекало на протяжении всей второй половины XX в. в разнообразных формах и в различное время. Система старого, в основном заморско-европейского, территориально-административного доминирования уступила место новой системе косвенного (путем предоставления военно-экономической и организационно-консультативной помощи) преобладания двух конкурирующих центров силы, идеологического и экономического влияния. Ни один из них не принадлежал Востоку, но если США возглавили западноевропейско-атлантический блок, то СССР постарался встать во главе восточноевропейско-евразийского объединения (не называя его таковым), включавшего азиатские страны, прежде всего Китай. Смещенность второго блока на восток, связанная также с промежуточными историко-географическими и культурно-расовыми характеристиками Советского Союза, обусловила эмоциональный крен стран Востока в его пользу. Однако воспользоваться этим обстоятельством в полной мере Москва не смогла из-за экономической слабости и политико-идеологической догматичности. Добившиеся независимости народы Азии и Северной Африки

попытались использовать ситуацию размежевания в индустриально более развитом мире для консолидации своих позиций, символом и апофеозом чего можно считать конференцию 1955 г. в Бандунге. Именно в тот исторический момент максимальной была геополитическая роль Востока в границах, более или менее совпадающих с рубежами региона, выделяемого в данной работе.

С начала 1960-х годов в связи с разладом в отношениях между Пекином и Москвой второй блок вступил в стадию полураспада, задержанного, впрочем, кризисными явлениями, охватившими «первый мир». В условиях примерного равенства сил двух глобальных держав и возглавляемых ими блоков возросла роль нейтральных, неприсоединившихся стран. Государства Азии и Северной Африки образовали ядро «третьего мира», а крупнейшие среди них, прежде всего Индия и Египет, выдвинулись в число его лидеров, став инициаторами создания движения неприсоединения.

С рубежа 1960–1970-х годов значение Востока как более или менее единого геополитического региона начинает неуклонно снижаться. Этому способствует его внутреннее размежевание, в частности появление центров экономического преуспевания в лице богатых нефтью стран Аравии, и расширение ареала суверенных западных государств за счет Африки и Океании. В последней трети XX в. усложнилась также политическая структура азиатско-североафриканского региона за счет увеличения более чем в полтора раза количества государственных образований преимущественно в районе Персидского залива, в Закавказье и в Центральной Азии.

Распад СССР не только «высвободил» новую группу азиатских государств, но и оттенил наметившиеся ранее изменения в геополитическом положении стран Востока. На заключительных этапах холодной войны они находились в зонах «пробы сил» между главными ее участниками. Такими были в 1960–1970-х годах Ближний Восток и Индокитай, а в 1980-е годы — «дуга нестабильности» на участке от Йемена до Афганистана. По мере ослабления одной из сторон глобальной конфронтации увеличивалась геополитическая роль региональных центров силы, целиком принадлежащих ареалу Азии и Северной Африки. К Китаю — первому из самостоятельных азиатских геопроков — добавилась Индия, а также Иран, Ирак и Саудовская Аравия. В исламском мире с середины 1980-х годов наметились контуры над- (или мета-) государственного радикального движения, типологически отдаленно напоминающего революционно-коммунистический Интернационал.

Появление на Востоке нескольких центров силы и влияния — один из факторов ослабления геополитического значения региона в качестве единого целого. Другим фактором является уменьшение международной роли России, так как именно она, занимая сердцевинное положение в материковой Евразии, придает смысл «конструкции», состоящей из государств, расположенных по периметру ее южных сухопутных рубежей. Наконец, третий фактор состоит в размывании самой оппозиции Запад–Восток, ее наложении на дихотомию Север–Юг, связанную прежде всего с различием в уровнях экономического и социального развития.

Таким образом, итогом эволюции Востока к рубежу нового века можно считать убывание его отдельной геополитической роли, распад на ряд ареалов со странами-лидерами, имеющими свои цели и программы действий. В перспективе следует ожидать, скорее всего, лишь закрепления этих тенденций.

ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА РЕГИОНА И ЕГО МЕСТО В МИРЕ

Восток можно разбить на ряд субрегионов. Если мысленно двигаться с запада на восток, то первый из них, **Северная Африка (Магриб)**, включает пять государств — Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и Египет. Помимо географической смежности их объединяет сходство природно-климатических и экологических условий (аридная и пустынная зона), «нарушает» которые до определенной степени лишь расположенная на востоке субрегиона долина Нила. С исторической точки зрения это ареал распространения арабо-мусульманской, а позднее османской государственности. Османское господство, довольно формальное на его последнем этапе, потеснил в XIX в. европейский колониализм, который долгое время существовал в симбиозе с властью Порты и лишь после Первой мировой войны стал доминирующей внешней силой. Безусловным единством отличается культурно-расовый состав населения благодаря преобладанию во всех странах субрегиона арабов-мусульман, соседствующих по южной кромке ареала с африканскими, берберскими прежде всего, элементами.

Суммарные данные о состоянии субрегиона Северная Африка в конце XX в. (на 1995–2000 гг.) показывают, в частности, что его отличает относительно небольшая, вдвое меньше, чем среднемировая, плотность населения. Демографические размеры государств региона также вдвое меньше мировых. В субрегионе сосредоточено чуть более 2% мирового населения, а так как среднедушевые доходы (рассчитанные по курсу обмена национальных валют к доллару США) примерно вдвое уступали глобальным, то на него приходилось лишь менее процента общемирового валового национального дохода (ВНД), т.е. суммы курсовых, или номинальных, национальных доходов. Еще меньше были взвешенный по населению показатель (из-за преобладания в населении Магриба доли Египта с его наименее высоким доходом). Между тем средние для субрегиона доходы, подсчитанные по паритету покупательной способности (ППС) валют к доллару США, были ровно вдвое выше. Суммарный доход Магриба в общемировом доходе при этой системе расчета повышался до полутора процентов. Однако средневзвешенный показатель был все же почти вдвое меньше среднемирового и немного уступал среднему (взвешенному по населению) для всего Востока.

Второй субрегион, **Юго-Западная Азия**, включает 12 государств, расположенных на Аравийском полуострове (юго-западном полуострове Евразии), а также к северу и востоку от него. В Присредиземноморье находится единственное неарабское государство субрегиона — Израиль, а также Ливан, Сирия и Иордания (статистические сведения об арабской палестинской автономии в большинстве международных изданий отсутствуют). Кроме занимающей Месопотамию

Ирака и центральной по территории и местоположению Саудовской Аравии в ареале насчитывается еще пять небольших государств Залива (Кувейт, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Оман) и более крупный по территории и населению Йемен. Субрегион отличает сходство исторической судьбы, связанной прежде всего с исламом, значительное этнорасовое единство, одинаковость экологических условий, отчасти нарушаемая лишь в районах, примыкающих к Средиземному морю, и в междуречье Тигра и Евфрата. Отличительной чертой малых государств Залива является значительный удельный вес иммигрантов из Южной Азии, Ирана, ряда арабских и африканских стран.

При сходной с Магрибом средней плотности жители субрегиона в большой степени рассредоточены по отдельным государственным образованиям. По доходу на душу населения Юго-Западная Азия благодаря главным образом доходам от добычи и экспорта нефти и иных энергосырьевых продуктов оказалась одним из самых благополучных субрегионов Востока. По номинальному доходу она совсем немного уступала, а по доходу на основе ППС даже превосходила в конце века Восточную Азию во главе с высокоразвитой Японией. Почти вдвое более высокий, чем среднемировой, уровень дохода (при обеих системах подсчета) обеспечивал создание в субрегионе около 2% всемирного дохода. Вместе с тем развитие составляющих его стран отличается неравномерностью — наряду с высокообеспеченными Израилем, Кувейтом, Катаром и ОАЭ имеются крайне бедные (Йемен) и довольно бедные государства (Сирия, Ливан, Ирак). И если взять взвешенные по населению показатели душевого дохода на 1999 г., то они оказываются лишь на среднемировом уровне, хотя и превышают средние для Востока примерно вдвое.

В третий субрегион — **Западную Азию** — включены Турция, Иран и Афганистан. Эти страны охватывают широкую полосу от проливов, разделяющих Европу и Азию (небольшая часть Турции находится в Европе), до отрогов Гиндукуша и восточной части Иранского нагорья, которые служили границей «исторической Индии». В отличие от только что рассмотренных субрегионов Западная Азия характеризуется размытостью границ и разобщенностью на страновые сегменты. Турция, Иран и Афганистан сами по себе весьма сложны по историко-географическим и этнокультурным характеристикам. Объединяет их до определенной степени, помимо географической смежности и известного природно-экологического сходства, переплетенность исторических путей развития, а также принадлежность к мусульманскому миру.

Субрегион оказывается достаточно населенным (самым большим из до сих пор рассмотренных) с весьма близкой к среднемировой плотностью населения. Турция и Иран по агрегатным показателям экономического развития весьма близки друг к другу. Афганистан сильно отстает и принадлежит по показателям национального дохода к самым бедным государствам мира. Доля подрегиона в мировом номинальном ВНД едва превышала в конце столетия процент при доходе на душу населения вдвое меньше среднемирового. Показатели дохода на основе ППС были существенно выше, они лишь на треть уступали среднеглобальным, а удельный вес в мировом доходе (с учетом валютных паритетов) превышал 2%.

Четвертый субрегион включает восемь постсоветских государств **Закавказья и Центральной Азии**. Географически они принадлежат срединному в широтном отношении материковому ареалу, а по сравнению с другими подрегионами находятся в северной части Евразии. Надо заметить, что три республики Закавказья, или Южного Кавказа, — Грузия, Армения и Азербайджан — нередко причисляются и сами себя относят (как Турция и Израиль) к Европе, участвуя в работе различных европейских организаций. Да и центральноазиатские государства во многих международных классификациях фигурируют вместе с Европой. Однако с учетом выше обозначенных четырех признаков все они в большей мере принадлежат Азии и Востоку.

Образуемый ими вместе с Центральной Азией подрегион оказывается самым небольшим по числу жителей, но благодаря огромной площади Казахстана территориально вполне сопоставимым с другими. Субрегион отличает самая низкая плотность населения (почти втрое ниже мировой, хотя эта плотность — если не учитывать Казахстан — близка к последней: 49 чел. на 1 кв. км по сравнению с 46 чел., по данным на 1999 г.) и малое число жителей в среднем на страну. По номинальному ВНД ареал в конце XX в. был в числе крайне бедных, но данные о подушевом паритетном доходе свидетельствуют о более высоком уровне жизни и экономического развития. Впрочем, и в этом случае средневзвешенный доход почти в два с половиной раза уступал среднемировому (2500 долл. против 6200) и был почти на треть меньше, чем на всем Востоке (3600 долл. в 1998 г.).

Страны **Южной Азии**, образующие пятый субрегион, представляют собой во многих отношениях наиболее компактную и однородную систему. Сказывается то, что три его основных государства — Пакистан, Индия, Бангладеш — немногим более полувека назад составляли части единой политической структуры — колониальной Индии. Физико-географическое, природно-климатическое и субстратно-культурное единство нарушается религиозным противостоянием. По субрегиону пролегает едва ли не наиболее ныне значимая в геополитическом плане линия цивилизационного разлома — между индо-буддийским и мусульманским мирами. Индия, как центр субрегиона, единственная граничит со всеми другими составляющими его государственными образованиями, среди которых помимо вышеназванных два островных (Шри-Ланка и Мальдивы) и два высокогорных (Непал и Бутан).

Южная Азия — один из двух самых населенных подрегионов Востока, где проживает более пятой части мирового населения. Это ареал с самой высокой плотностью населения (около 300 чел. на 1 кв. км), превосходящей среднемировую в шесть раз, и с самым низким на Востоке доходом на душу населения — номинальный доход в конце 1990-х годов составил около 450 долл. против почти 5 тыс. в мире. По объему номинального национального дохода, создаваемого в субрегионе (550 млрд. долл.), он находился на уровне Юго-Западной Азии (475 млрд.). В обоих случаях это составляет почти 2% от всемирного ВНД, равного примерно 29 трлн. долл. (1998 г.), при населении региона Юго-Западной Азии в 13 раз меньшем. Средний доход южноазиатских государств на основе ППС был в 4 раза выше, что отражает более высокую покупательную способ-

ность национальных валют на внутреннем рынке по сравнению с внешним. Соответственно более весомым (свыше 5%) являлся и вклад субрегиона в мировой ВВП (2 трлн. из 36,6 трлн. долл.).

В отличие от «естественного» южноазиатского подрегиона, **Восточная Азия** в природно-географическом отношении более разнообразна. Но как и в Южной Азии, тут наблюдается значительное культурно-цивилизационное сходство и есть доминирующий центр — Китай, третья по площади и первая по населению страна мира. Благодаря ему субрегион в два-три раза превосходит территории других ареалов Востока (11,8 млн. кв. км по сравнению с 3,1 млн. в Западной, 3,7 млн. в Юго-Западной Азии, 4,2 млн. в Закавказье и Центральной Азии, 4,5 млн. кв. км в Южной и столько же в Юго-Восточной Азии). Помимо КНР (в его базовые параметры международная статистика включает и Тайвань) в субрегион входят Монголия, два корейских государства и Япония. Если территориально центр рассматриваемого ареала несколько смещен на север, то демографически он тяготеет к югу, к тихоокеанскому побережью Евразийского материка (его полуостровной «дуге») и островам. В демографическом плане субрегион — бесспорный лидер не только Востока, но и всего мира. В нем сосредоточена почти четвертая часть жителей земли при плотности (122 чел. на 1 кв. км) в два с половиной раза выше среднемировой.

На крупнейшем архипелаге Восточной Азии расположена Япония — одно из самых богатых и экономически развитых государств мира. Благодаря этому номинальный доход на душу населения в субрегионе был почти вдвое выше среднемирового, а его удельный вес в глобальном продукте приближался к 20%. Подсчеты на основе ППС дают более низкие цифры опять же из-за Японии, валюта которой на внешних рынках имеет более высокую покупательную способность, чем на внутреннем. Взвешенные по населению средние показатели при обеих системах подсчета значительно скромнее из-за огромного населения Китая, имеющего весьма низкие показатели душевого дохода. Средневзвешенный душевой доход для Восточной Азии в 1998 г. равнялся по номиналу примерно 4000, а по паритету 5300 долл., т.е. был заметно ниже, чем в мире, но выше, чем в целом на Востоке.

Сельмой субрегион — **Юго-Восточная Азия** — включает десять государств, расположенных на полуострове Индокитай (с включением в него Мьянмы) и «продолжающих» его островах и архипелагах. В отличие от двух подрегионов, о которых речь шла непосредственно выше, ЮВА не имеет бесспорного центра. Крупнейшее по площади и населению государство — Индонезия. Достаточно внушительны по этим показателям Мьянма (Бирма), Таиланд, Вьетнам и Филиппины. Остальные государства невелики по населению и территории, особенно Сингапур и Бруней.

Плотность населения в подрегионе (112 чел. на 1 кв. км) близка к восточноазиатской и более чем вдвое выше мировой. Средний номинальный доход на душу населения (5300 долл.) и доход, рассчитанный на основе ППС (7000 долл.), превышали в конце века глобальные и общевосточные показатели, а средневзвешенные (1130 и 3250 долл. соответственно) заметно уступали им. Столь внуши-

тельная разница объясняется концентрацией основной массы населения в относительно бедных (Индонезия, Вьетнам) и крайне бедных государствах (Лаос, Камбоджа, Мьянма). В ЮВА создавалось лишь около 2% мирового номинального ВНД, но удельный вес дохода на основе ППС был существенно выше (4,5%).

Если брать Восток в целом, то на него, по данным на конец XX в., приходится 62% населения земного шара, т.е. примерно 2/3 жителей планеты. При этом его площадь составляет лишь 28% земной суши, а плотность в среднем в два с небольшим раза выше мировой. Восток отличается относительно небольшим числом государственных образований (всего четверть, из примерно 200 ровно 50) при том, что их средние размеры по населению более чем в два с половиной раза крупнее (74 млн. человек против 28 млн.). Вклад стран Азии и Северной Африки в номинальный мировой ВНД (7,5 трлн. долл.) был равен четверти, а в глобальный доход с учетом паритета покупательной способности (13,1 трлн. долл.) — больше 1/3. Средние показатели как номинального дохода на душу населения, так и рассчитанного на основе ППС у стран Востока не дотягивали до мировых.

Таковы некоторые общие, главным образом экономические, итоги, достигнутые странами Востока к рубежу XXI в., и их положение на общемировом фоне. Ниже мы детальнее рассмотрим результаты политической, экономической, социальной и культурной эволюции указанных государств, которых они добились главным образом за вторую половину прошедшего столетия.

ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

После окончания Второй мировой войны на Востоке существовало лишь одиннадцать государственных образований с формальным правом самостоятельного решения основных вопросов внутренней и внешней политики. К ним относились королевство Египет, королевство Ирак, Саудовское королевство, имамат Йемен, Турецкая Республика, Иранская монархия, Афганское королевство, королевство Непал, Монгольская Народная Республика, Кигайская Республика и королевство Таиланд (Сиам).

Ни одно из названных государств не обладало возможностями для проведения вполне независимого внешнего курса, свободного от решающего влияния какой-то одной внешней силы. Отсутствие выбора — суть несвободы, сочетавшейся в данном случае с невысоким уровнем политического самосознания массовых и элитарных слоев. Эволюция в последующую эпоху происходила по трем главным линиям: борьба за достижение и укрепление национального суверенитета, за расширение прав населения в руководстве государством и за усиление влияния на принятие решений международного характера.

За вторую половину XX в. число суверенных государств в выделенном нами регионе увеличилось с 11 до 50. Большая часть из вновь образованных государств (17) на момент окончания Второй мировой войны были английскими колониями. Кроме того, Ливия находилась в сфере двойной ответственности Великобритании и Франции. Наиболее «английскими» по политическому происхождению (т.е. «выросшими» из британской системы управления) были субрегионы

Юго-Западной (семь государств), Южной (шесть) и Юго-Восточной Азии (четыре). «Выходцами» из французской зоны прямого и косвенного господства нужно считать восемь образований, главным образом в Северной Африке (три, а с Ливией четыре государства), Юго-Западной (два) и Юго-Восточной Азии (три). Советскими по происхождению безусловно являются восемь государств Закавказья и Центральной Азии. Кроме того, в зоне послевоенного контроля СССР образовалась КНДР. Из ареала политического господства США «вышли» три государства: Филиппины, единственное их старое колониальное владение, а также Республика Корея и Япония. Наконец, еще одно из освободившихся от внешнего подчинения государств, Индонезия, входило в состав заморских территорий Голландии.

Первая европейская колониальная держава на Востоке — Португалия, сохранив свои владения дольше, чем многие другие метрополии, не «породила» ни одного государственного образования в рассматриваемом нами ареале. Крупные колонии вплоть до поражения во Второй мировой войне имела Япония, но непосредственно от нее эстафету государственности не несет какое-либо государство — ни обе Кореи, ни Тайвань (не признанный международным сообществом в качестве суверенного), ни временно оккупированные ею в 1940–1945 гг. некоторые страны ЮВА. Германия потеряла немногие свои колониальные позиции еще после Первой мировой войны, а Испания — и того раньше. Италия уступила контроль над Ливией после падения режима Муссолини в 1943 г.

На втором, вслед за суверенизацией, направлении политического развития, а именно демократизации, страны Востока также добились к рубежу веков немалых результатов. На последнюю четверть XX в. пришлось, по С. Хантингтону, «трегья демократическая волна». Преобладание в мире демократической тенденции над авторитарической отразилось на эволюции практически всех стран Востока. При этом нужно иметь в виду два обстоятельства: неравномерность в развитии процессов демократизации и в целом более позднее, запоздалое наступление демократической волны, проявления которой начали сказываться главным образом с конца 1980-х годов.

Если брать символическую власть, то к монархиям в регионе можно причислить 14 государственных образований. Из них четыре являются абсолютными монархиями, и все они находятся на Арабском Востоке (крупнейшая — Саудовская Аравия). Среди десяти конституционных монархий выделяется Япония, страна с устоявшимися традициями и развитыми институтами парламентской демократии. Достаточно глубокие парламентские традиции имеет также королевство Таиланд. В остальных монархиях (иногда весьма своеобразных, таких, как Федерация Малайзия, где король избирается на пять лет из числа наследственных правителей султанатов) к концу века ускорилось утверждение демократических институтов при сохранении сильных авторитарных тенденций.

Авторитарные режимы разного типа господствовали в семи государствах. Политический режим Ливии и Ирака нужно, очевидно, считать популистским, Мьянмы — военным, Туркмении — популистско-постсоциалистическим, КНР и Вьетнама — социалистическим с элементами плебисцитарной демократии.

а КНДР — тоталитарно-социалистическим. Если исключить Афганистан, который в конце века был расколот на враждующие лагеря, то в остальных 30 странах преобладали демократические порядки. Но в значительной части из них они сочетались с авторитарными чертами популистского (Сирия), теократического (Иран), постсоциалистического (государства Центральной Азии) и военного типа (Пакистан). Впрочем, и в большинстве из оставшихся 23 государств не прекратилась борьба между демократическими и авторитарными тенденциями. К числу более или менее устоявшихся демократий можно отнести лишь меньшинство, состоящее из Индии, Японии, Турции, Египта и ряда средних и небольших государств.

Несмотря на сохраняющиеся и в демократических странах Востока элементы авторитаризма, еще раз подчеркнем успехи, достигнутые в целом на всех направлениях, характеризующих демократию как определенный режим власти. К их числу, согласно известным критериям, относятся выборность должностных лиц (включая самых высоких); свободные, честные и часто проводимые выборы; свобода выражения мнений; альтернативные источники информации; автономия ассоциаций; всеобщие гражданские (политические) права.

Третью линию политического развития, рост влияния стран региона в международных делах, охарактеризовать и трудно, и легко. С одной стороны, Восток, бесспорно, стал играть существенно большую роль в мировой политике к концу века по сравнению с его серединой. Мало того что увеличилось число самостоятельных участников международно-политического процесса, возросли к тому же сила и влияние наиболее крупных государств региона, добившихся весьма больших или достаточно заметных успехов в экономике, военно-технической и культурной сферах. С другой стороны, конфигурация сил на мировой арене не претерпела существенных перемен. В экономико-политической области господствовали государства Запада, к которым присоединилась пока лишь одна восточная страна — Япония. Символизируют это лидерство ежегодные встречи руководителей семи экономически наиболее развитых стран. В 1990-е годы их формат расширили за счет России.

В стратегическом (военно-политическом) отношении и в конце XX в. в мире доминировали державы Запада, прежде всего США и их ближайшие союзники по НАТО — Великобритания, Франция, Германия. Российская Федерация оставалась сильной в военном отношении державой, крупнейшей после США в ракетно-ядерной и космической областях. Хотя Китай имел самые крупные в мире вооруженные силы (2,6 млн. чел., по данным на 1997 г.), их техническая оснащенность значительно уступала оснащенности сил западных государств и России. То же самое в еще большей степени характерно для достаточно многочисленных вооруженных сил Индии (1,3 млн.) и других стран Востока.

Китай был первой и долгое время единственной ядерной державой Востока. В 1998 г. Индия, а вслед за ней Пакистан произвели подземные испытания ядерного оружия и де-факто вступили в ядерный клуб. К нему давно причисляют и Израиль, который воздерживается от испытаний имеющихся у него, по мнению экспертов, ядерных боезарядов. Все это, а также успехи в ракетной области, хотя

и свидетельствуют о существенном прорыве, достигнутом ведущими азиатскими государствами в военно-технической сфере, не изменяет их пока второстепенного статуса в стратегической области.

Решающее слово остается за Западом и в сфере глобальной информационно-технической политики, и в плане контроля за основными потоками мирокультурной, особенно научно-инновационной, деятельности.

Несмотря на последние обстоятельства, прогресс в плане повышения роли Востока в глобальных делах несомненен. Об этом свидетельствуют и привлекающие к себе время от времени повышенное внимание рассуждения о уже происходящем перемещении центра тяжести мировой политики в Азию и неизбежном ускорении такого процесса в XXI в.

Вместе с тем далеко не все страны Востока оказывают заметное воздействие на решение международных вопросов, а те, в свою очередь, имеют разное значение с точки зрения политического развития государств. Все это, впрочем, характерно для любой их группы и связано с целым набором обстоятельств (постоянных и меняющихся). Одними из главных являются демографо-географические и военно-экономические показатели страны, от которых во многом зависят ее притязания и интересы. Другим фактором нужно считать втянутость в споры с соседями и региональные (межгосударственные) конфликты. Еще одно обстоятельство — исторически сложившиеся представления о миссии государства-нации, ее взаимосвязи с культурно-идеологическими процессами в мире и (или) в его крупных регионах.

Исходя из этих общих критериев государства Востока на рубеже веков распались на несколько групп (кластеров). В первую входили Индия, Китай и Япония. Это страны, проводящие внешнюю политику глобального типа, принимающие участие в решении основной части проблем международных (межгосударственных) отношений и мировой политики. Они отличаются максимальной диверсификацией внешних связей, т.е. имеют политико-дипломатические отношения по существу со всеми государствами планеты и принимают участие в работе ведущих межгосударственных организаций, как всемирных (ООН, МВФ, ВБ, ВТО и т.д.), так и макро- (кросс-) региональных (АТЭС, форум АСЕАН и т.д.).

Вторую группу составляли 13 государств, втянутых в решение крупных глобально-региональных конфликтов и проблем. В их число входили и сами узловые, конфликтно-проблемные страны — Израиль, Ирак, Афганистан и КНДР. Остальные девять государств этой группы тесно взаимосвязаны (соседствуют) с первыми четырьмя или же по культурно-идеологическим причинам (Саудовская Аравия) участвуют в решении связанных с ними проблем вместе с глобальными державами (к последним наряду с отмеченными выше относятся США, ведущие страны Европы и Россия). Для всех стран Востока второй группы характерны значительная диверсификация внешних связей в сочетании с их избирательностью (политико-идеологической).

На третьем, регионально-локальном уровне строили свою внешнюю политику 16 средних и небольших стран региона, не являющихся субъектами (игроками) в глобально-региональных делах. Некоторые из них могут быть, однако, связаны

с конфликтами, которые затрагивают одну из глобальных держав (как, например, Грузия была связана с Россией из-за Чечни), или находиться в конфликте друг с другом (Армения и Азербайджан). В силу этого они оказываются втянутыми в глобальные процессы или (что взаимосвязано) втягивают глобальные державы в решение своих проблем. Существенна для них диверсифицированность внешнеполитических связей, свидетельствующая об определенной зрелости, продвинутой политического развития.

К четвертой категории принадлежали оставшиеся 18 государств, небольших по совокупности физических и военно-экономических признаков. Среди них — вышедшие к рубежу веков из полосы острых и затяжных кризисов Йемен и Камбоджа, а также такая довольно значительная по населению и ряду других параметров страна, как Филиппины. Эти государства характеризует направленность внешнеполитических связей преимущественно на одного или двух глобальных и/или глобально-региональных игроков и несвязанность на данном этапе с крупными и острыми межгосударственными проблемами и конфликтами.

В целом же можно отметить, что степень диверсифицированности внешнеполитических связей стран Востока за вторую половину XX столетия многократно возросла. На первых порах они поддерживали контакты преимущественно с какой-либо из европейских метрополий или державой-победительницей в мировой войне. В годы холодной войны большинство государств ограничивало свои политически значимые связи с одной из двух систем биполярного мира, но по мере ее затухания Китай и Индия образовали самостоятельные центры силы и влияния, а Япония обрела субъектность в качестве передовой и крупнейшей экономической державы. В постбиполярном мире наблюдается дальнейшее расширение спектра отношений, установленных азиатско-североафриканскими государствами с внешними контрагентами.

ГЛАВНЫЕ ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

К рубежу веков экономика стран Востока претерпела существенные изменения по сравнению с положением в середине прошлого столетия. Тогда почти повсеместно она характеризовалась преобладанием аграрного сектора. Промышленность в отдельных странах (Иран, Ирак, Саудовская Аравия) была представлена такими по существу первичными отраслями, как нефтедобыча, а в сфере услуг (третичный сектор) доминировала мелкая частная торговля. Спрос на произведенный в национальных рамках продукт определялся преимущественно потребностями личных и небольших частных хозяйств, в то время как норма сбережений, а с ней и темпы роста оставались весьма низкими. Общий невысокий уровень производства лишь очень редко (портовые и островные государства) позволял иметь значительный экспортный коэффициент (отношение экспорта к ВВП).

К концу прошлого века сельское хозяйство потеряло значение преобладающей сферы в большинстве стран и регионов Востока. На него в среднем приходилась пятая часть произведенного в Азии и Северной Африке продукта (добав-

ленной стоимости). Причем только в трех субрегионах (Закавказье и Центральная Азия, Южная Азия и Юго-Восточная Азия) в аграрном секторе производилось свыше 20% ВВП, а если брать не средние, а средневзвешенные (с учетом распределения населения) показатели, то это характерно лишь для первых двух субрегионов.

На индустриальные сектора, в которые включаются все отрасли промышленности, строительство и инфраструктура (электро-, водо- и газоснабжение), в целом по Востоку приходилось 34% ВВП, из них 19% — на обрабатывающую промышленность. Наиболее высокими эти показатели были для Юго-Западной и Восточной Азии. А так как оба субрегиона относятся к числу наиболее богатых для Востока, то это свидетельствует о том, что импульсы от вторичных видов деятельности еще не передались там третичному сектору (торговля и услуги). Особенно явно такая тенденция видна при взгляде на средневзвешенные показатели для Восточной Азии, в наибольшей степени отражающие особенности экономической структуры КНР.

При сравнении с аналогичными данными по развитым странам Запада бросается в глаза все еще весьма значительный на Востоке удельный вес сельского хозяйства. В структуре экономик шести государств (США, Канады, Англии, Франции, Германии и Италии) аграрная сфера занимала (по данным на 1998 г.) всего 2%. На индустрию в составе ВВП «шестерки» приходилось 34%, в том числе на обрабатывающую промышленность — 23, а на третичную сферу — 64%. Из последней цифры следует, что на Западе доход в торговле, финансах и других обслуживающих секторах давал до 2/3 годового национального дохода, а на Востоке — менее половины. Иначе говоря, хотя за вторую половину XX в. имели место очевидные изменения в структуре ВВП стран Азии и Северной Африки, но она продолжает заметно отличаться от таковой в западных государствах.

Имеются отличия между странами Востока и Запада и по структуре спроса, или использования ВВП. Так, доля личного потребления в странах Азии и Северной Африки несколько выше, чем в западных странах (68 против 62%), а государственных расходов — ниже (14 против 19%). Если же взять взвешенные по населению индикаторы, то разница в последнем случае окажется еще больше — 11 и 19%, свидетельствуя о меньших на Востоке относительных масштабах перераспределения доходов через государственные каналы. Вместе с тем доля сбережений в Азии и Северной Африке в конце века оказалась такой же, как и на Западе, — 19%, а по средневзвешенному показателю даже существенно выше — 28%. Особенно велик тут вклад Восточной Азии, главным образом Китая, и ЮВА.

Эта закономерность (опережающе расширенный, сберегающий тип использования создаваемого на Востоке продукта) оставалась, судя по всему, характерной для всего последнего десятилетия XX в. Соответственно темпы роста восточных экономик за 1990–1998 гг. составляли 5,2% в год, а средневзвешенные показатели из-за вклада наиболее крупных по населению стран (Китая и Индии) — 7,1%. Между тем в шести развитых западных экономиках он равнялся в среднем 1,8%, при том что средневзвешенный показатель (за счет США) был несколько выше (2,2%).

Наименее представительным для Востока был субрегион, образуемый новыми государствами Закавказья и Центральной Азии. Их экономики отличались самым высоким удельным весом сельского хозяйства и наиболее низким — сферы услуг. Средняя доля внутренних сбережений там, по данным на 1999 г., не достигала 10%, а в Грузии и Армении сохранялись ее отрицательные значения, которые были особенно велики в предшествующем, 1998 г. (в последней — минус 26%). По сравнению с Закавказьем почти все экономические показатели центральноазиатских государств были лучше. Однако за 1990–1999 гг. в среднем по всем странам субрегиона наблюдался не рост, а небольшое сокращение валового национального продукта.

Что касается других подрегионов, то наиболее скромными темпами росла экономика Северной Африки (3%), среднегодовые приросты в 4–5% характеризовали расширение ВВП в Юго-Западной, Западной, Южной и Восточной Азии. Самым быстрым (почти 7%) был средний рост в Юго-Восточной Азии, но средневзвешенный параметр здесь ниже, чем в Восточной Азии, где он достиг рекордного уровня в 10% благодаря мощному рывку Китая. Немного меньше, чем в ЮВА, и темпы средневзвешенного прироста в Южной Азии, в которой почти шестипроцентный прогресс обеспечила Индия. При этом в отличие от Восточной Азии (т.е. Китая) быстрый экономический рост в Южной Азии (Индии) наблюдался при высоком удельном весе частного потребления и довольно низкой доле внутренних сбережений.

Страны Востока в конце XX в. отличал также достаточно высокий экспортный коэффициент. Он составлял примерно $\frac{1}{3}$ их ВВП. Этот индекс особенно значителен для морских государств Юго-Восточной и Восточной Азии, а также для нефтедобывающих стран Юго-Западной Азии. Впрочем, доля экспорта в составе внутреннего продукта и других субрегионов Востока также значительна — средние показатели не менее $\frac{1}{5}$ части, хотя с учетом фактора населения они, например, в Южной Азии понижаются до $\frac{1}{7}$ части производимого там национального дохода.

Интересно, что экспортный коэффициент (взвешенный) для государств мира с высоким подушевым доходом находился в тех же пределах (24%), а для шестерки наиболее развитых стран равнялся 27%. Средневзвешенный индикатор для последней группы государств (21%) практически полностью совпадал с таковым для группы государств Азии и Северной Африки.

РЕЗУЛЬТАТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ

В середине XX в. абсолютное большинство жителей Азии и Северной Африки проживало в деревнях, в условиях традиционного сельского быта. С этих позиций данные о ситуации в конце века выявляют существенные изменения. Перемены касаются не только места проживания (в сельской или городской местности), но и бытовых условий, которые непосредственно влияют на распространенность многих болезней и продолжительность жизни. Такие базовые факторы здравоохранения, как современные средства санитарии (канализации) и наличие

обеззараженной (чистой и безопасной) воды, были едва доступны для большинства жителей стран Востока (особенно некоторых его субрегионов) в середине XX в., и потому так впечатляют перемены, произошедшие за вторую его половину.

Характерные сдвиги наблюдались и в составе самостоятельного населения стран Востока. Если в годы после окончания Второй мировой войны лишь незначительная часть женщин выходила на рынок труда, участвуя в производительной деятельности за пределами дома, то к концу века они стали составлять весьма существенную долю дееспособного населения. С этим, по всей видимости, в немалой степени связано снижение рождаемости и сокращение темпов роста населения.

В государствах рассматриваемого региона в среднем более половины населения к концу века проживало в городах (в соответствии с национальными критериями). Но с учетом общего числа жителей, т.е. согласно средневзвешенному показателю, в сельской местности по-прежнему сосредоточивалось большинство, более $\frac{3}{5}$. При этом доля горожан уменьшается в направлении с запада на восток. Они преобладают в Северной Африке, Юго-Западной и Западной Азии как в среднем по странам, так и в общем числе жителей. Промежуточное положение между западными и восточными субрегионами занимают страны Закавказья и Центральной Азии с равным количеством городского и сельского населения. В Восточной и Юго-Восточной Азии численность горожан в общей массе населения была заметно меньше — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ (в Китае — 32%). Но в первом из регионов за счет высокой урбанизированности Японии (79%) и обоих корейских государств горожане в среднем составляли свыше $\frac{2}{3}$. Наиболее сельским подрегионом являлась Южная Азия, где к горожанам в среднем относилась только четверть жителей, а средневзвешенный показатель равнялся 30% (в Индии — 28%).

Удельный вес женщин в рабочей силе к концу XX столетия в странах Азии и Северной Африки вырос почти до 40%. В западных субрегионах Востока этот индикатор меньше, чем в восточных, но и там он не опускается ниже 25%. Наиболее интенсивный рост занятости женщин в западных, мусульманских, ареалах наблюдался в последнюю четверть века, так как там еще в 1970-х годах их экономическая активность была крайне низкой — 5–15%. Увеличение доли занятых женщин отразилось на их удельном весе в рабочей силе. В Саудовской Аравии, например, он в 1980 г. равнялся всего 8%, а к 1999 г. вырос до 16%, соответствующие показатели для Кувейта — 13 и 31%, Иордании — 15 и 24, а Ирана — 20 и 27%. В целом в странах Западной, Юго-Западной Азии и Северной Африки он увеличился с 24 до 27%, оставшись на уровне немного меньшем, чем в Южной Азии (33%), и заметно более низким по сравнению с Восточной и Юго-Восточной Азией (44%).

Такой крайне важный для демографического роста показатель, как фертильность, в странах Востока снизился к рубежу веков до 3,0. Это означает, что среднестатистически на женщину детородного возраста (15–49 лет) приходится три деторождения (еще 20–30 лет назад их число равнялось пяти-шести). Понижившаяся рождаемость обеспечивает расширенное воспроизводство поколений, но

достаточно умеренными темпами. Коэффициент фертильности (показатель суммарной рождаемости) по субрегионам колеблется, по данным на конец века, от 2,0 в Восточной Азии до 4,1 в Юго-Западной Азии (соответствующие средневзвешенные показатели — 2,3 и 4,9).

Рождаемость в современную эпоху варьирования коэффициента смертности в относительно узких пределах служит главным дифференцирующим демографическим фактором. В западных субрегионах Востока она в целом заметно выше, чем в восточных. Будучи относительно небольшим для северного, Закавказско-Центральноазиатского подрегиона, этот параметр еще весьма значителен в южном (южноазиатском) ареале.

Между данными о доле женщин в самодеятельном населении и количестве у них детей наблюдается заметная корреляция, объясняющая значительную часть различий в фертильности. Положение женщин в обществе и сопутствующие этому обстоятельства социокультурного свойства в немалой степени определяют также разницу между темпами роста населения в западных и восточных субрегионах Азии и Северной Африки.

Следует при этом отметить, что во второй половине XX в. почти во всех странах и субрегионах Востока наблюдалось снижение рождаемости и темпов прироста населения. Весьма заметными эти тенденции стали в последней четверти века, особенно в его последнее десятилетие. Те же тренды характеризовали демографическое развитие мира в целом, которое на две трети и определяла ситуация на Востоке. Так, по сравнению с 1970–1975 гг. коэффициент фертильности в мире уменьшился с 4,5 до 2,7, а среднегодовые темпы прироста населения упали с 2% в 1970 г. до 1,25% в 2000 г.

Из данных по странам Востока следует, что для региона в целом средневзвешенный показатель прироста населения на середину 2000 г. равнялся 1,4%, т.е. был несколько выше среднемирового. При этом он варьировался в широких пределах — от 2,7% в Юго-Западной Азии до 0,9% в Восточной Азии (в Китае этот показатель составлял 0,94, а в Японии — 0,18%). Без последнего субрегиона средневзвешенный индикатор равнялся 1,6%. В странах Северной Африки и Южной Азии прирост составил соответственно 1,8 и 1,7% (в Индии — 1,6%), в Юго-Восточной Азии — 1,6, а в Западной Азии и Закавказско-Центральноазиатском подрегионе — 1,3%.

Весьма значительно за последние десятилетия XX в. сократились масштабы такого явления, как детская (в возрасте до одного года) смертность. Для Востока в целом характеризующий его показатель равнялся в 1997 г. 50 на 1000 благополучных (живых) рождений, между тем как в 1980 г. он был в 1,5 раза выше. В Турции, например, имело место его снижение со 109 до 40, в Иране — с 87 до 32, а в странах Южной Азии со 119 до 77 на 1000 рождений. В последнем субрегионе он и на рубеже веков остается самым высоким, а рекордно низок он в Восточной Азии, несмотря на то что оба подрегиона и демографически доминирующие в них Индия и Китай относятся к самым сельским (тут, возможно, следует напомнить, что используемые статистические данные относятся к категории официальных, т.е. предоставляются правительствами соответствующих стран).

Средняя продолжительность жизни (взяв показатель, рассчитанный для мужского населения как более вариабельный) оказалась в конце века по существу во всех странах и субрегионах Востока весьма высокой. В целом по региону продолжительность жизни (более строго, ожидаемая вероятность дожития) достигла у мужчин 66 лет. За этот рубеж она перешла в Восточной и Юго-Западной Азии, а также в Северной Африке. Ни в одном подрегионе она не опускалась ниже отметки в 60 лет.

Стоит отметить, что рост средней продолжительности жизни происходил в большинстве субрегионов весьма быстрыми темпами в последние десятилетия прошедшего века. Так, еще в 1975–1980 гг. вероятность дожития в Саудовской Аравии равнялась всего 46 годам, в Иордании и Ираке — 54, в Турции — 55, в странах Южной Азии — 51, причем в Бангладеш только 42 годам. Такая же ситуация характерна и для стран Юго-Восточной Азии: в Лаосе она была 40 лет, в Индонезии — 46, во Вьетнаме — 48, в Индонезии — 50, в Таиланде — 55 лет. Лишь в Восточной Азии продолжительность жизни и в конце 1970-х годов была выше: в Китае — 62 года, а в Японии уже в 1950 г. она достигла 58 лет. По неполным сведениям, относящимся к середине века, жизнь в странах Востока продолжалась в среднем примерно 40 лет. Так что прогресс, достигнутый за истекшие полстолетия, совершенно очевиден.

На этом фоне неудивительно, что быстро улучшался, особенно в 1980–1990-е годы, такой индикатор здоровья и качества жизни, как процент населения, имеющего доступ к источникам обеззараженной воды. За 1982–1995 гг. во многих странах он увеличился почти вдвое: в Иране — с 50 до 90%, в Индии — с 54 до 85, в Индонезии — с 39 до 65%. К концу века использовать чистую и безопасную воду могли $\frac{4}{5}$ жителей государств Востока.

При всех успехах на цели здравоохранения в 1990–1997 гг. государства Азии и Северной Африки выделяли относительно небольшие средства, составлявшие в среднем 2,2% их ВВП (средневзвешенный показатель — меньше 2%). Особенно невелико соотношение этих расходов к внутреннему продукту в Южной и Юго-Восточной Азии.

По сравнению со странами Востока государства с высоким доходом расходовали на здравоохранение в три раза большую долю внутреннего продукта — 6%, а шестерка наиболее крупных и развитых стран Запада — даже 6,6%. Последние находились впереди стран Востока и по таким показателям, как средняя продолжительность жизни мужчин — 77 лет (средневзвешенный показатель — 81 год) и по показателю детской смертности (в девять раз ниже). Коэффициент фертильности в странах с высоким доходом и в государствах «западной шестерки» равнялся, по данным на конец XX в., 1,7, т.е. был примерно вдвое ниже, чем в Азии и Северной Африке. По доле женщин в составе рабочей силы Восток не слишком отличался от Запада — 37–38% против 43–44%, а вот по удельному весу горожан разница заметнее — в странах «шестерки» к городскому относилось $\frac{4}{5}$ (79%) жителей (против половины в странах Востока в среднем и $\frac{2}{5}$ по средневзвешенному индикатору). Вместе с тем все большая часть городского населения

мира принадлежит Востоку. К концу века она достигла почти половины (48,3%, или 1340 млн. из 2773 млн. человек).

Несмотря на то что разница между Востоком и Западом в социальном развитии безусловно сохранилась, к концу века, как представляется, произошло «подтягивание» первого ко второму. Создается впечатление, что темпы догоняющей Запад эволюции стран Востока заметно ускорились в последней четверти века, особенно ближе к его окончанию.

Это не отменяет, конечно, того факта, что страны Азии и Северной Африки в целом и в среднем остаются менее богатыми, а также того, что весьма значительная часть их населения и на рубеже веков проживала ниже черты бедности, а немалый слой людей обитал в условиях глубокой нищеты. Так, по расчетам исследовательской группы Всемирного банка, ниже международной черты нищеты, определяемой в один доллар в день на основе ППС, проживало в Индии в 1997 г. 44% населения, в Пакистане в 1996 г. — 36, в Бангладеш тогда же — 29, в Китае в 1998 г. — 19%.

Вместе с тем в большинстве государств, по которым есть сопоставимые данные (а к таковым, заметим, относятся некоторые крупные страны из самых неблагоприятных субрегионов), за последние десятилетия наблюдались некоторые позитивные сдвиги. В Индии, определяющей «погоду» в Южной Азии, доля бедного населения, согласно оценкам, уменьшилась с 52% в 1973/74 г. до 30% в 1987/88 г., в Бангладеш за примерно тот же период — с 73 до 47, а на Филиппинах за 1971–1991 гг. — с 52 до 45%.

При всей разноречивости и далеко не полной сопоставимости оценок бедности по странам (и даже в рамках одной страны вследствие изменения методов подсчета) выявляется общая тенденция, получившая развитие в 1990-х годах. По вполне сопоставимым данным, в Индии доля населения за национальной чертой бедности упала с 41% в 1992 г. до 35 в 1994 г., в Бангладеш — с 43% в 1991/92 г. до 36 в 1995/96 г., в Камбодже — с 39% в 1993/94 г. до 36 в 1997 г., в Иордании с 15% в 1991 г. до 12 в 1997 г., в Китае — с 6% в 1996 г. до 4,6% в 1998 г. Вместе с тем в некоторых странах она наоборот повысилась: в Индонезии — с 16% в 1996 г. до 27 в 1999 г., в Марокко — с 13% в 1990/91 г. до 19% в 1998/99 г.

Уровень бедности по странам различных субрегионов, как видим, колеблется в широких пределах, объясняемых отчасти особенностями национальных (государственных) подходов. В странах западных субрегионов Востока он, как правило, не превышал 20%, а вот в северном подрегионе достигал (в кризисный для него период) величин, сопоставимых с южноазиатскими: в Казахстане — 34,6% (1996 г.), в Киргизии — 40% (1993 г.).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

К моменту окончания Второй мировой войны уровень грамотности, общего образования и науки, а также технической оснащенности экономики, в том числе семейных хозяйств и частного быта, был весьма незначительным почти на всем

Востоке. Исключение составляла Япония, однако она лежала в развалинах после разрушительных авиационных налетов и взрывов атомных бомб. В последующие десятилетия Азию и Северную Африку постепенно, но с нарастающей скоростью охватили процессы общественно-культурного и научно-технического реформирования.

Ниже мы рассмотрим некоторые итоги, которых добились страны и субрегионы Востока к концу XX в., и начнем с характеристики расходной части государственных бюджетов на цели образования, а также обороны, учитывая, что часть военных расходов связана с научно-технической областью и подготовкой высокообразованных кадров.

Что касается просвещения, то в целом по Востоку они равнялись 3% от ВНД, по данным за 1996 г. При этом наибольшими они были в государствах Юго-Западной Азии, Северной Африки и Закавказско-Центральноазиатского подрегиона (свыше 5%). Доля этих расходов в Южной и Западной Азии оказалась близка к средней для региона, а в Восточной и Юго-Восточной Азии — несколько меньше (взвешенные по населению значения соответственно 2,5 и 2,2%).

Интересно, что средний показатель расходов на эти цели в группе государств с высоким доходом равнялся 5,4%. В нее, впрочем, входит и Япония, и некоторые нефтеэкспортирующие государства Юго-Западной Азии. Однако отставание в этом отношении большинства стран Востока очевидно.

На военные цели государства региона тратили в 1995 г. 3,6% ВНД, причем относительно небольшие государства в среднем тратили больше, так как средне-взвешенный показатель равнялся 2,7%. Высоким уровнем (почти 10%) выделялся субрегион Юго-Западной Азии, а повышенным — Северная Африка (около 5%). В других подрегионах показатель военных расходов находился на среднем и примерно одинаковом уровне, но внутри них наблюдались отклонения — в Южной Азии повышенная доля расходов отличала Пакистан, а в Западной Азии — Турцию.

Свидетельством технического прогресса как экономики, так и бытовой сферы является количество потребляемой электроэнергии. В соответствии с этим показателем в расчете на душу населения наиболее продвинулся восточноазиатский ареал, но главным образом благодаря Японии (свыше 7 тыс. кВт/ч согласно сведениям на 1995 г.). Из-за огромного населения Китая средне-взвешенный индикатор для Восточной Азии оказался лишь немного больше, чем в целом по Востоку. По этому параметру вперед вышла Юго-Западная Азия, почти вдвое выше среднего он в субрегионе Закавказья и Центральной Азии (прежде всего благодаря Казахстану). Наиболее низкие средние показатели отличали Южную Азию (200–300 кВт/ч), Северную Африку, а также Юго-Восточную Азию. По сравнению с развитыми, высокодоходными странами регион Азии и Северной Африки имел в десять раз меньший средне-взвешенный показатель — 865 против 8121 кВт/ч. Уступал он более чем вдвое и среднемировому индикатору — 2027 кВт/ч. Таким образом, научно-технический прогресс, неплохим индикатором которого является потребление электроэнергии, хотя, безусловно, и охватил в определенной мере страны Востока, далеко еще не преобразовал всю их экономику, быт и сферу информации.

Отставание в последней, хотя и несколько менее выраженное, чем в подушевом электропотреблении, видно из приводимых в международных статистических изданиях данных о количестве радиоприемников и телевизоров в расчете на душу населения. Радиоприемников в странах Востока, по данным 1996 г., было примерно в семь раз меньше, чем в развитом мире, и более чем вдвое меньше по сравнению с миром в целом (182 против соответственно 1300 и 380 на 1000 чел.). Еще меньше разница в относительном числе телевизоров — 188 на 1000 жителей в Азии и Северной Африке, 664 — в наиболее богатом ареале и 280 — в общемировом масштабе.

При этом существенно отстает от средних для Востока показателей лишь один субрегион — Южная Азия. Ниже среднего они также для Юго-Восточной Азии и Северной Африки, а выше среднего для Закавказья и Центральной Азии, Юго-Западной и Восточной Азии (для последней даже с учетом величины китайского населения).

Новейшим показателем распространенности современных средств источников информации и уровня интернационализации информационных потоков служит доступ к мировой электронной «паутине», к сети Интернет. Два специальных обследования доменов (активных пользователей) этой сети показали, что между январем 1999 и январем 2000 г. их число в расчете на 10 тыс. жителей увеличилось на 60% (120 против 75). Для стран с наиболее высоким доходом этот показатель возрос с 470 до 777 (на 65%). В целом на Востоке соответствующий параметр в 2000 г. равнялся всего 10, а рост за год составил 59%. Отставание особенно очевидно в случае стран Северной Африки и Южной Азии. Несколько меньше оно в Восточной Азии, где высокий показатель Японии (208) не может компенсировать низкий Китая (0,57; последний, правда, вырос за год в четыре раза). Довольно широко распространен Интернет в отдельных странах Юго-Восточной Азии, в Малайзии и особенно в Сингапуре (452), а также Юго-Западной и Западной Азии (Кувейт, Турция, Ливан). Как Япония и Сингапур на востоке региона, Израиль занимает исключительное с точки зрения использования интернетовской сети положение на его западе (225).

Касаясь культурного развития, нельзя, конечно, обойти вопрос о грамотности и неграмотности населения. В начале рассматриваемого периода, т.е. в середине XX в., большинство жителей Азии и Северной Африки было неграмотным, не умело ни читать, ни писать. Даже в Индии, где колониальные власти предпринимали определенные усилия для расширения прослойки грамотного и образованного населения, неграмотным оставалось большинство. Согласно первой после достижения независимости переписи 1951 г. неграмотными были 76% мужчин и 92% женщин.

Спустя полвека (по данным 1997 г.) ситуация заметно изменилась, хотя неграмотность не исчезла и остается уделом еще очень существенной доли женщин. Велико число неграмотных взрослых (старше 15 лет) в субрегионе Северной Африки, где они составляют треть (34%) среди мужчин и почти 2/3 (59%) среди женщин. В ареале Юго-Западной Азии неграмотна пятая часть (19%) мужского и более $\frac{2}{5}$ (43%) женского населения. В Западной Азии (Турции и Иране)

к числу не имеющих читать и писать принадлежит каждый пятый мужчина (21%) и две из пяти женщин (39%). Данных по грамотности в субрегионе Закавказья и Центральной Азии в индикаторах мирового развития практически нет — только для Таджикистана приводятся цифры в 1% неграмотных мужчин и 2% неграмотных женщин. Учитывая, что это государство относится по большинству показателей к категории наименее развитых в субрегионе, положение в нем в этом вопросе можно, следовательно, считать весьма благополучным.

В Южной Азии, наоборот, оно наименее благоприятно. Здесь неграмотными в конце века были 36% взрослых мужчин и 63% женщин — ситуация, сравнимая только с североафриканской. Резко контрастируют с южноазиатскими реалиями данные по Восточной Азии. Там неграмотных мужчин было всего 8%, а женщин — 22%. Решающую роль при этом играло положение соответственно в Индии и Китае. Цифры по неграмотности среди мужчин Юго-Восточной Азии близки к восточноазиатским (7%), а для женщин ситуация даже лучше (15%).

В целом по Востоку средневзвешенный показатель неграмотности мужского населения равен 20%, а женского — 43%. Иными словами, неграмотен был каждый пятый мужчина старше 15 лет и две из каждых пяти женщин.

По сравнению с данными об ареале стран со средними доходами (10 и 16%) эти цифры выше, а при сопоставлении с данными по Африке южнее Сахары (34 и 50%) — заметно ниже. Данные о неграмотности населения в богатых странах не приводятся, вследствие того, очевидно, что это явление там распространено незначительно.

Посмотрев на те же цифры под углом зрения грамотности населения, легко прийти к выводу, что в странах Востока к концу века большинство как мужского, так и женского населения стало уметь читать и писать. Это является безусловным достижением культурного развития региона во второй половине прошлого века.

За этот период резко вырос и уровень высшего и профессионального образования. Рост квалификации рабочей силы сопровождался расширением возможностей массы людей осваивать культурные и информационные ценности. В целом мир Востока стал несравненно более интегрирован в общемировое культурно-информационное пространство.

Заключение

ВОСТОК В НАЧАЛЕ XXI в. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ

ДИНАМИКА ПЕРВЫХ ЛЕТ. ТЕРРОРИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Начало XXI в. отмечено рядом крупных событий в истории человечества, в международной политике и мировой экономике. При этом Восток оказался в эпицентре большинства из сдвигов, произошедших на планете в первые годы нового века и тысячелетия. В первую очередь нужно отметить выход на передний план феномена международного терроризма, действующего под исламскими знаменами. Наиболее громко он заявил о себе 11 сентября 2001 г., когда группа исламистов-самоубийц, захватив местные пассажирские авиалайнеры, направила их на два высотных здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а также на здание министерства обороны США в Вашингтоне. Протараненные здания-близнецы в Нью-Йорке оказались полностью уничтожены. Пентагон был разрушен частично. Жертвами террористических актов стали свыше трех тыс. человек, погибших в момент взрыва на самолетах и под обломками рухнувших строений.

Политический и психологический эффект от террора столь беспрецедентного характера и масштаба (кадры катастрофы запечатлели фото- и телекамеры) был огромным как в США, так и за их пределами. Администрация США не была подготовлена к борьбе со специфическим противником-невидимкой: часть экстремистов имела американские паспорта, а другая легально проживала в стране. Вместе с тем из 19 преступников, угнавших самолеты, как выяснилось позднее, 15 были выходцами из Саудовской Аравии, а ключевую роль в организации нападений сыграл, согласно общему мнению, саудовский миллионер Усама бен Ладен, лидер исламистской организации «аль-Каида» («Основа»). С 1996 г. он проживал в Афганистане и пользовался большим влиянием среди руководства радикально-исламского движения «Талибан», которое к тому времени контролировало почти всю территорию страны.

Используя волну сочувствия в мире к постигшей США трагедии, Вашингтон сформировал широкую коалицию для борьбы с исламистской угрозой. В центре внимания оказался Афганистан, где скрывался бен Ладен. Афганские талибы, и до того возмущавшие мир своими действиями (геноцидом по отношению к шиитам-хазарейцам, грубой дискриминацией женщин, разрушением уникальных памятников культуры — статуй Будды в провинции Бамиан, см. гл. «Афганистан» наст. тома), отказались выдать своих арабских друзей и спонсоров. Это побудило Вашингтон развернуть войну для свержения талибов. Военные дейст-

вия начались 7 октября 2001 г. Помимо США непосредственное участие в войне приняла Великобритания. Америку поддержали другие члены НАТО, а также Россия и страны-соседи Афганистана, включая Пакистан и Иран.

Движение «Талибан» с момента своего возникновения в 1994 г. опиралось на Пакистан как на своего союзника и прочный тыл. Только Пакистан вместе с Саудовской Аравией и ОАЭ поддерживали с правительством в Кабуле официальные дипломатические отношения. Однако к лету 2001 г. между Исламабадом и Кабулом накопилось много проблем. Администрация Пакистана во главе с генералом П.Мушаррафом не одобряла исламистский ригоризм талибов и участвовала в усилиях мирового сообщества по достижению согласия в Афганистане (в переговорах под эгидой ООН делегаций шести соседних со страной государств, а также России и США). Поддержка талибов сочеталась в политике Исламабада с призывами к созданию коалиционного правительства с участием всех сил, в первую очередь тех, что сформировали военно-политическую коалицию Северный альянс (в отличие от пуштунов, составлявших костяк талибов, этот альянс опирался на поддержку второго по величине этноса страны — таджиков, а также узбеков и представителей других непуштунских национальностей).

События 11 сентября поставили Исламабад в сложное положение. В стране, особенно на ее северо-западе, где компактное большинство составляют пуштуны, талибы и их идеология пользовались значительной популярностью. Пакистанские пуштуны симпатизировали своим «братьям», пуштунам-афганцам, воспринимая движение «Талибан» как органическое единство двух элементов — национального и религиозного. Выступить против талибов в этих условиях для правительства в Исламабаде было нелегко. Однако там не могли не понимать, к каким тяжелым последствиям могла бы привести иная позиция. Экономика Пакистана в течение длительного времени развивалась низкими темпами. Будучи аграрной в своей основе, она серьезно страдала от поразившей регион в тот период сильнейшей засухи. Обострившаяся конфронтация с Индией после мини-войны с ней в 1999 г. грозила истощить скудные золотовалютные запасы и превратить страну в банкрота. В Исламабаде к тому же отлично представляли себе, что США непременно воспользуются поступившим от Индии предложением оказать им всемерное содействие в ходе возможных военных операций против талибов. Отказаться от солидарности с США, своим давним стратегическим партнером, означало бы для Пакистана пойти на почти самоубийственный шаг.

Исламабад в сложившихся условиях постарался уговорить руководство движения «Талибан» во главе с «амир ал-муминин» (вождем правоверных) муллою Омаром выдать американцам бен Ладена и его сообщников. Получив отказ, он постепенно свернул дипломатические контакты с режимом в Кабуле (то же самое еще до него сделали Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты) и с началом военных действий предоставил в распоряжение американских ВВС ряд авиабаз.

С осуждением террористических актов, осуществленных исламистами против США, выступила и Исламская Республика Иран, которую нельзя было заподозрить в дружественных чувствах к Вашингтону. Впрочем, в конце XX в. анта-

гонизм между Ираном и США пошел на спад. Избрание в 1997 г. на пост президента либерального духовного лидера М. Хатами давало шанс существенно улучшить отношения между Тегераном и Вашингтоном, сильно испорченные со времен исламской революции 1978–1979 гг., когда американское посольство было захвачено иранскими студентами, сотни сотрудников оказались заложниками, а дипломатические связи — прерванными (см. гл. «Иран» наст. тома). Хотя ожидавшегося прорыва с приходом Хатами к власти не произошло, накал противостояния уменьшился, и осенью 2001 г. Иран в целом поддержал коалиционные действия против талибов. Позиция Тегерана во многом объяснялась их резко отрицательным отношением к антишиитскому движению «Талибан», оттеснившему от власти пользовавшуюся его поддержкой администрацию президента Б. Раббани.

Вслед за Россией о своем одобрении антитеррористической кампании объявили и в столицах новых независимых государств Центральной Азии. Наиболее прохладной была реакция Туркмении, которая сохраняла ровные отношения со всеми афганскими группировками. В то же время Узбекистан и Кыргызстан согласились на просьбу США о предоставлении им на правах аренды участков земли для сооружения и оборудования авиационных баз с целью их использования в период борьбы с угрозой терроризма, исходящей из Афганистана. Такие базы оперативно создали в Ханабаде (Узбекистан) и киргизском Манасе.

Между тем в Афганистане сопротивление талибов было в основном сломлено в течение первых трех недель после начала наземных операций. Если на юге страны против них действовали ограниченные силы западной коалиции, то с севера наступали состоявшие в основном из таджиков и узбеков отряды Северного альянса (признанный его лидер Ахмад-шах Масуд погиб в результате организованного талибами диверсионного акта за несколько дней до терактов в Америке). 21 декабря 2001 г. талибы были изгнаны из Кабула, куда вошли войска северян и международные силы (американские и британские контингенты). Вместе с тем боевые действия в ряде южных районов страны продолжались до начала 2002 г.

В начале декабря, еще до взятия Кабула, в Бонне прошла конференция анти-талибских афганских сил, на которой они приняли решение о создании временного правительства во главе с пуштуном Х. Карзаем. На ней было также объявлено о широкой программе разносторонней международной помощи в восстановлении Афганистана. Общие параметры последней определились на конференции в Токио в январе 2002 г. Приступившая после изгнания талибов к исполнению своих обязанностей временная администрация начала трудный процесс возрождения страны. Ее глава зимой и весной посетил ряд государств, в том числе РФ. В июне 2002 г. собравшаяся в Кабуле Лоя джирга (Народное собрание) избрала его президентом страны на два года.

Успешное завершение первой части антитеррористической операции в Афганистане не предотвратило кризис в отношениях между двумя соседними с ним государствами — Индией и Пакистаном. 13 декабря 2001 г. группа террористов-смертников совершила дерзкое нападение на здание индийского парламента в Дели. Этому предшествовала активизация подрывной деятельности исламистов

в штате Джамму и Кашмир. Правительство Индии во главе с лидером Индийской народной партии (Бхаратия джаната парти) А.Б. Ваджпаи обвинило Пакистан в поощрении терроризма и отозвало для консультации своего посла (верховного комиссара) в Исламабаде. Отношения между двумя странами в который раз стали весьма напряженными. Через месяц после совершения теракта, в середине января 2002 г., президент Пакистана П. Мушарраф объявил о принятии мер по борьбе с исламским экстремизмом: были запрещены в общей сложности около десяти организаций, арестованы их лидеры, задержаны по обвинению в подстрекательстве к терроризму и незаконной деятельности ряд видных деятелей крупнейших происламских партий. Всего было задержано более двух тыс. исламистов, некоторые из них осуждены в судебном порядке.

Одновременно значительное число пакистанцев было арестовано в Афганистане как участники движения «Талибан». Они вместе с другими боевиками-исламистами из разных стран были переправлены на американскую базу Гуантанамо на Кубе, где провели несколько лет в заключении.

Несмотря на принятые пакистанским руководством меры, напряженность в отношении Исламабада и Дели сохранялась. Этому способствовали диверсионно-террористические вылазки в индийском Кашмире. К тому же к апрелю 2002 г., когда в целях легитимации режима в Пакистане состоялся референдум, утвердивший Мушаррафа на посту президента, все происламские политические деятели были выпущены на свободу, а запрет на партийно-политическую деятельность «нелегальных исламистов» был снят.

Варварские теракты в мае того года в Джамму и Кашмире до предела накалили обстановку в Южной Азии. Индийское правительство выдвинуло к рубежам с Пакистаном новые части, приведенные в полную боеготовность. То же самое в ответ сделал Пакистан. Вдоль границы между двумя государствами к началу июня оказалась сосредоточена более чем миллионная масса войск и значительное число боевой техники. Противостояние грозило перерасти в войну, а так как обе страны за четыре года до этого, в мае 1998 г., провели подземные испытания ядерного оружия, то не исключалось, что локальная война может обрести ядерный характер.

Мировое общественное мнение было весьма обеспокоено возникшей в регионе напряженностью. Восток вновь стал эпицентром всеобщего внимания. Россия, Китай и ряд других государств постарались использовать состоявшееся в начале июня в Алматы (Казахстан) Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии для примирения южноазиатских противников, учитывая, что и премьер-министр А.Б. Ваджпаи, и президент П. Мушарраф приняли участие в его работе. Хотя их двусторонняя встреча не состоялась, усилия посредников, среди которых видную роль играл президент РФ В.В. Путин, возымели действие. Эффективно в том же направлении действовала и западная дипломатия, в частности госсекретарь США К. Паулл и специальный представитель американского президента М. Армакост.

Наступившая разрядка привела к решению Дели осенью 2002 г. начать отвод своих войск от границ Пакистана, а с апреля следующего, 2003 г. по индийской

инициативе, мгновенно подхваченной Пакистаном, стартовал переговорный процесс. Определенным прорывом ознаменовалась встреча между руководителями Индии и Пакистана в январе 2004 г. Она открыла собой этап оживленных контактов, договоренностей по частным вопросам, которые привели к заметному потеплению двусторонних отношений. Хотя к середине первого десятилетия нового века в решении главной спорной проблемы — статуса Кашмира стороны не смогли продвинуться далеко, установленные политические и гуманитарные контакты отодвинули на задний план обеспокоенность по поводу безопасности в регионе.

В то же время перманентно обостренной в начале XXI столетия оставалась ситуация на Ближнем Востоке. В палестино-израильских отношениях в 2000 г. наступил кризис. Длительный период переговоров, начатый договоренностями в Осло и Вашингтоне в 1993 г., которые должны были, казалось, привести к приемлемому для сторон компромиссу, сменился новым витком насилия, второй палестинской *интифадой* (борьбой за победу). Характерной ее чертой стало широкое использование террористов-смертников (*шахидов*) сетью радикальных исламских организаций, прежде всего ХАМАСом и «Исламским джихадом».

На террористические акты, жертвами которых стали сотни людей в Израиле, правительство во главе с лидером правого блока «Ликуд» А. Шароном ответило жесткой и достаточно эффективной политикой, попытавшись обезвредить непосредственных организаторов терактов, разрушить подпольную сеть экстремистов и каналы ее финансового и материального снабжения. Пережив свой пик в 2001–2002 гг., террористическая активность не прекращалась и в дальнейшем. Ответные действия израильских властей привели к серьезным потерям среди исламистов. Особенно тяжелой потерей было для них убийство духовного лидера ХАМАСа шейха А. Ясина в марте 2004 г.

Переломным моментом для процесса урегулирования, судя по всему, явилась смерть харизматического лидера палестинцев Я. Арафата в ноябре 2004 г. В январе следующего года состоялись выборы главы Национальной администрации Палестины, на которых победил соратник Арафата Махмуд Аббас (Абу Мазен). Несмотря на такую преемственность, переговоры между Палестинской автономией и Израилем явно сдвинулись с мертвой точки. Этому способствовали как демократизация политической жизни в палестинских землях, о чем свидетельствовали всенародные выборы главы автономии и муниципальные выборы в обеих ее сегментах — на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, так и твердая позиция кабинета министров Израиля и персонально премьер-министра Шарона по вопросу о ликвидации еврейских поселений в Газе. Успех плана размежевания, который включает проведение четкой границы между израильскими и палестинскими землями, а также строительство Израилем стены на отдельных ее участках позволяли в принципе рассчитывать на разрешение одного из самых длительных международных конфликтов эпохи. Но на территории древней Палестины, а также в регионе и мире оставались весьма влиятельные силы, не заинтересованные в окончании конфликта.

Надо учитывать, что он выходит далеко за рамки узкой полосы земли в Восточном Средиземноморье, представляя собой по существу один из центральных

узлов всей сети мировой политики. Поддержка Израиля со стороны США и развитых западных стран наталкивается на солидарность общецарабской и мусульманской общественности, одобряющей борьбу палестинского народа за создание своего государства на тех условиях, которые тот считает справедливыми. Палестино-израильское противостояние в начале XXI в. продолжало втягивать в свою орбиту широкий круг государств на Ближнем Востоке, прежде всего Ливан и Сирию, а также Иран и Саудовскую Аравию.

Исламская Республика Иран выступала едва ли не как самый последовательный борец за права палестинцев, поддерживая требования их наиболее радикально настроенных группировок о невозможности принципиальной договоренности с Израилем, под предлогом незаконности его существования и необходимости войны с ним до победного конца. Иран при этом демонстрировал несогласие не только с фактом существования еврейского государства, но и с его ролью «пятой колонны» в регионе, креатуры США.

Враждебные отношения с Ираном во многом определяли общую политику Вашингтона на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива. После завершения «горячей» фазы операции в Афганистане там стали все большее внимание обращать на опасность, исходящую от режима С. Хусейна в Ираке. Действия иракского правителя давно воспринимались большинством правительств и обществ в мире весьма критически. Ему принадлежала инициатива развязывания в 1980 г. войны с Ираном, а в 1990 г. — нападения на Кувейт. Мировая общественность знала о репрессиях против курдского населения Северного Ирака, в частности газовых атаках против него на заключительном этапе ирако-иранской войны. Разгром вторгшейся в Кувейт иракской армии силами США и их союзников в начале 1991 г. не привел к падению режима, но имел значительные для него последствия. Багдад оказался в положении международной изоляции и полностью потерял контроль над курдскими районами, которые смогли развиваться вполне автономно в соответствии с резолюцией ООН, принятой в 1992 г. Несмотря на международный остракизм, власть в Ираке прочно удерживал С. Хусейн. Иракская оппозиция, придавленная репрессиями и вытесненная за пределы страны, была не в состоянии не только свергнуть, но и серьезно пошатнуть диктаторский режим.

С конца 2002 г. США приступили к обработке общественного мнения у себя в стране и за рубежом с целью доказать необходимость и неизбежность отстранения С. Хусейна от власти. В качестве аргументов ими были использованы утверждения о наличии у Ирака химического и бактериологического оружия, стремления к разработке атомной бомбы и связях с террористами, в том числе с «аль-Каидой». США добились согласия ООН с тем, что наличие оружия массового поражения в Ираке может представлять угрозу для международного мира. Сделанные после этого Багдадом уступки (согласие на проведение иностранных инспекций) не устроили Вашингтон, позицию которого поддержали в Лондоне и столицах ряда других стран-членов Совета Безопасности. Вместе с тем Франция, Германия и ряд других европейских государств настаивали на предоставлении Ираку еще одного шанса и выступили против планов применения силы про-

тив него. Против войны в Ираке были Россия и Китай, постоянные члены СБ с правом вето.

Неудавшиеся попытки американской администрации получить санкцию ООН на применение силы не заставили Вашингтон отказаться от планов свержения Хусейна. Ставка была сделана на формирование коалиции против Ирака, опираясь на двустороннее партнерство США и Великобритании. 18 марта 2003 г. администрация Дж. Буша-мл. предъявила Ираку ультиматум, потребовав добровольного отказа С. Хусейна от власти и выезда из страны, а на следующий день, вслед за отказом его принять, началось вторжение вооруженных сил США и Британии в Ирак. Действия союзников были поддержаны изнутри, однако верные Хусейну войска оказали сопротивление. В начале мая война закончилась, нанеся стране немалый материальный урон. Особенно пострадал в результате атак с воздуха Багдад. В Ираке была установлена временная оккупационная администрация во главе с представителем США. В конце мая СБ ООН единогласно принял резолюцию о послевоенном восстановлении Ирака, что так или иначе означало одобрение постфактум предпринятой США и их союзниками военной акции.

Хотя скрывшегося С. Хусейна в декабре 2003 г. удалось обнаружить на территории Ирака, арестовать и впоследствии предать суду, попытки передачи власти в стране местным политическим силам и проведения демократических преобразований столкнулись с большими сложностями. В стране по существу началась партизанская война. Многие привлеченные к сотрудничеству с временной администрацией иракцы оказались жертвами диверсий и заказных убийств. Нормальная жизнь долго не налаживалась. Против крупного контингента сил США (свыше 160 тыс. чел.) и их союзников выступили как сторонники свергнутого диктатора, так и новые претенденты на власть — шиитские радикалы во главе с М. Садром и суннитские экстремисты, возглавляемые связанным с «аль-Каидой» А.М. аз-Заркави. С начала 2004 г. усилились кровопролитные бои в суннитских районах и за контроль над шиитским городом аль-Фаллуджа. В сентябре того же года потери вооруженных сил США в Ираке превысили одну тысячу убитыми и семь тысяч ранеными, а в октябре 2005 г. число убитых перевалило за две тысячи.

Несмотря на отчаянное сопротивление экстремистов и перенесение в Ирак тактики использования для совершения актов массового террора смертников-самоубийц, процесс передачи власти в руки демократически избранных представителей местного населения продолжался. Через год после окончания военной акции по свержению Хусейна было образовано временное иракское правительство во главе с А. Алауи. 30 января 2005 г. состоялись выборы в Национальное собрание, в которых приняли участие около 60% имеющих право голоса иракцев. В начале апреля того же года Собрание избрало президентом страны одного из лидеров иракских курдов — Дж. Талабани. Новым премьер-министром стал шиит И. Джафари. Представитель суннитской общины занял пост спикера.

Процесс урегулирования ситуации на этом не закончился. Ирак оказался фактически разделенным на три части в соответствии с преобладающим населе-

нием — курдский север, арабо-суннитский запад и арабо-шиитский юг. С целью консолидации нации на демократических принципах учета интересов меньшинств (этнических и религиозных) был разработан проект конституции, вынесенный на всенародный референдум в октябре 2005 г. Он получил поддержку значительного большинства, хотя в двух суннитских провинциях его не поддержали. Согласно объявленным ранее правилам, этого оказалось недостаточно для отклонения проекта. С одобрением конституции Ирак вступил в новую фазу политического развития. В декабре 2005 г. в соответствии с ней состоялись новые парламентские выборы.

Определенный успех процесса демократизации жизни наблюдался в начале XXI в. и в некоторых других странах Ближнего Востока и Северной Африки. По сравнению со второй половиной 1990-х годов значительно стабилизировалась социально-политическая ситуация в Алжире. Подавление исламистского экстремизма и возвращение этой крупной североафриканской страны к мирной жизни стали одной из главных причин поддержки, которую во второй раз на президентских выборах в апреле 2004 г. получил А. Бутефлика. За него в условиях конкуренции проголосовало почти 85% пришедших на избирательные участки алжирцев.

В сентябре 2005 г. впервые в истории прошли альтернативные выборы президента и в Египте. За время своего почти четвертьвекового правления президент Х. Мубарак в первый раз пошел на проведение прямых выборов, причем его соперниками выступали представители оппозиционных партий. Как и ожидалось, действующий президент уверенно победил, получив поддержку около 90% избирателей. Однако в выборах приняли участие менее 30% имеющих право голоса. Хотя ряд особенностей организации выборов (неравные условия для агитации, отсутствие независимых наблюдателей) были подвергнуты критике со стороны международной общественности, сам факт их проведения признали шагом в позитивном направлении. Вслед за президентскими в Египте прошли парламентские выборы с участием многих партий и неявным присутствием таких запрещенных в стране радикальных организаций, как «Братья-мусульмане». Последние получили заметную, но далеко не решающую поддержку электората.

Во многом похожие процессы происходили и в других странах и регионах мусульманского Востока, в частности в Афганистане. С момента утверждения у власти администрации Х. Карзая в стране произошли немалые сдвиги. Начался процесс восстановления экономики. При этом в соответствии с решениями вышеупомянутой Токийской конференции от января 2002 г. международные организации и отдельные государства (США, Япония, Германия, Англия, Франция, Италия, Канада, Россия, Индия, Пакистан и др.) выделили значительные средства. Афганистану была оказана помощь в разминировании территории, ремонте дорог, строительстве новых автомагистралей, развитии авиасообщения, средств связи и т.п.

В ноябре 2003 г. временный президент Афганистана Х. Карзай утвердил Закон о политических партиях, а в январе следующего года конституционная Лоя джирга приняла либеральную демократическую конституцию. Следствием стало

создание многочисленных политических партий, появление сотен независимых периодических изданий, а также частного телевидения. Благодаря целенаправленным и щедро оплачиваемым усилиям центральные власти постепенно смогли преодолеть наиболее одиозные последствия десятилетий войны и глубокой межрегиональной разобщенности. Фрагментарность, впрочем, не была полностью устранена, а зависимость деревни от выращивания опионого мака — главный бич экономики — стала даже сильнее.

Вместе с тем вооруженное сопротивление властям, которые опирались на регулярные силы США и международные миротворческие контингенты, не приняло в Афганистане таких острых форм, как в Ираке. Хотя напасть на след и арестовать У. бен Ладена и лидера талибов муллу Омара на протяжении четырех первых лет после разгрома талибов так и не удалось, им пришлось уйти в глубокое подполье и ограничиться единичными вылазками.

В октябре 2004 г. в Афганистане прошли демократические выборы президента, на которых уверенно победил Х. Карзай. Через год, в сентябре 2005 г., состоялись выборы в парламент. В обоих случаях обошлось без массовых нарушений закона и заметного числа актов террора и устрашения. Рядовые афганцы продемонстрировали высокую активность, хотя выборы проводились на непартийной основе. В парламент избрали сторонников различных платформ и идейных взглядов. Среди выбранных оказались как умеренные талибы и моджахеды-исламисты, так и приверженцы светских и левых взглядов (коммунисты). Около 30% мест в нижней палате парламента (*волуси джирга*) получили женщины.

Успешное проведение выборов даже в очень бедных и мало подготовленных для демократии обществах продемонстрировало немалые способности азиатско-африканских государств к усвоению некоторых важных элементов демократического устройства. Вместе с тем регулярное проведение свободных прямых и всенародных выборов даже на альтернативной основе есть условие необходимое, но недостаточное для утверждения либеральной демократии. Помимо выборов законодательной власти и подотчетности исполнительной ветви избранным представителям, ее атрибутами, как известно, являются верховенство закона и независимость судебной системы. Значительное ослабление принципов конституционализма остается главным отличительным свойством перенесенной на Восток системы представительного правления.

Другой особенностью восточной демократии можно считать наличие центра власти и влияния, находящегося вне представительного корпуса. Таким центром могут быть двор монарха, институты военной, бюрократической, партийной номенклатуры и т.п.

Еще одна специфическая черта восточной (азиатской) демократии обнаруживается в партийно-политической структуре. В отличие от утвердившейся на Западе двухпартийности (коалиционной или некоалиционной) на Востоке преобладает тяготение к центру при наличии в ряде стран фракционного деления и фракционной борьбы внутри единой правящей партии. Ее, как правило, создает и пестует вышеупомянутый всемогущий, внепредставительный орган власти.

Успех усилий по созданию по сути безальтернативной выборной системы опирается на глубокие традиции восточных политий, связанных с сильными общинными и государственническими тенденциями в мировоззрении как средних слоев и образованного класса, так и особенно трудовых, низовых масс.

Итак, бинарность, разделение на две (или больше) противоборствующие, но и взаимосвязанные партийно-политические структуры (конкурирующие элиты) характеризует либеральную (западную) модель демократии. В большинстве восточных государств, особенно в мусульманских и конфуцианских ареалах, господствуют плебисцитарные эталоны с их ориентацией на единую господствующую структуру, на стройную монолитность.

При этом демократию восточного типа отличает нередко наличие двух систем представительства, парламентской и местного самоуправления. Последняя в наибольшей степени сохраняет признаки прямой, народной демократии, хотя формируется и контролируется господствующими на верхнем этаже общественными и политическими силами.

Вместе с тем даже усеченная или формальная демократия на Востоке повышает степень внутренней стабильности и предсказуемости внешней политики, особенно если она эволюционирует в сторону дальнейшей демократизации.

К началу XXI в. подавляющее большинство наций-государств мира в целом демонстрировало достаточно высокую степень ответственного поведения на международной арене. Больше всего вопросов возникало по поводу немногих закрытых, находящихся в изоляции стран, которые США в начале 2002 г. причислили к разряду «неблагонадежных» (rogue states). Главная причина такой их характеристики — стремление к получению в свое распоряжение оружия массового поражения, прежде всего ядерного. Оказалось, что все они — Ирак, Иран и Северная Корея — находятся на Азиатском континенте. Еще одна восточная (североафриканская) страна — Ливия долгое время вызывала беспокойство у США и остального западного мира. В конце 2003 г. (уже после свержения С. Хусейна) ливийский лидер М. Каддафи публично отказался от военной ядерной программы. Такое резкое изменение его позиции позволило разоблачить подпольную сеть, занимающуюся торговлей технологиями изготовления и компонентами ядерного оружия. Центр сети находился в Пакистане, который еще в 1998 г., как упоминалось выше, провел подземные испытания ядерных устройств и с того времени считался фактически ядерной державой, хотя, как и Индия, не признанной в качестве таковой мировым сообществом.

Разоблачение подпольной агентуры, подрывающей основы режима ядерного нераспространения, остро поставило вопрос о надежности элементов государственной машины в ряде стран Востока с точки зрения их подчиненности правящим структурам, а также о возможности двойной игры со стороны этих структур. Так или иначе, но главное действующее лицо ядерного скандала — пакистанский ученый и администратор д-р А. Кадир Хан признал свою вину в подпольной торговле, а затем был «прощен» президентом страны генералом П. Мушаррафом, учитывая заслуги того перед страной в области повышения ее обороноспособности.

Разразившийся в конце 2003 — начале 2004 г. международный скандал был вскоре замят, хотя в центре его находилась не только Ливия, куда «ядерные контрабандисты» уже было поставили свой товар, но и Северная Корея. В ходе разоблачений вскрылись факты своего рода бартерного обмена между Пакистаном и КНДР, который позволил первому из названных государств получить баллистические ракеты, способные нести ядерное оружие, а второму — секреты производства этого оружия.

Надо отметить, что в конце 2002 — начале 2003 г. ситуация вокруг северо-корейской ядерной программы приобрела угрожающий характер. Пхеньян заявил о своем праве иметь атомное оружие, разорвал соглашение с США от 1994 г., в соответствии с которым те помогали КНДР решить энергетическую проблему путем строительства АЭС на легководных реакторах, вышел из соглашения с Южной Кореей о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной. Северная Корея, кроме того, прекратила сотрудничество с МАГАТЭ и уведомила о предстоящем выходе из ДНЯО.

Северокорейский режим пытался выжать максимум из ситуации со своей ядерной программой. Хотя достоверных данных о наличии у него готовых ядерных боеголовок не было, мировое сообщество не могло не отреагировать на прямую угрозу применения ядерного оружия, тем более что Пхеньян, без сомнения, обладал ракетами-носителями, способными поразить и Южную Корею, и Японию. В 2003–2005 гг. состоялись четыре раунда шестисторонних переговоров (КНДР, Республика Корея, Россия, США, КНР, Япония). Местом их проведения был Пекин, и Китай играл по сути роль главного посредника. Хотя переговоры закончились безрезультатно — КНДР заявила, что выходит из переговорного процесса, — осенью 2005 г. она неожиданно изменила точку зрения и объявила об отказе от ядерных планов в обмен на экономическую помощь со стороны США и клятвенные заверения, что Северная Корея не подвергнется нападению с их стороны.

Не менее драматический и, возможно, более существенный для мировой и региональной безопасности характер приобрел вопрос о военной ядерной программе Ирана. Тегеран настаивал на своем праве развивать атомную энергетику и с этой целью заключил в 1995 г. контракт с Россией на завершение начатого еще в 1970-х годах строительства атомной электростанции в Бушире. Международное сообщество в начале XXI в. было встревожено информацией о возможности использования проводимых в Иране работ в атомной области для производства высокообогащенного урана. В конце 2003 г. после инспекции МАГАТЭ стало ясно, что Исламская Республика Иран имеет потенциал для производства и накопления оружейного урана. Тогда же выяснилось, что комплектующие части для центрифуг на уранообогательном комбинате были тайно поставлены Ирану из Пакистана еще в середине 1990-х годов. В конце 2005 г. в МАГАТЭ обсуждался вопрос о передаче дела об иранской ядерной программе на рассмотрение СБ ООН с последующим введением против Ирана жестких международных санкций.

Заканчивая краткий обзор основных международно-политических событий первого пятилетия XXI столетия, нужно подчеркнуть резкое усиление в этот период феномена международного терроризма, прежде всего под исламскими лозунгами, а также дальнейшее снижение «порога неприкосновенности» тех национальных государств, которые не вписываются в рамки общемирового демократического развития. Следует подчеркнуть, что такие государства принадлежат, как правило, региону Азии и Африки, а именно они привлекали внимание США и других экономически развитых и мощных в военном отношении государств к проблемам их внутренней и внешней политики.

УСКОРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

Экономика большинства стран Азии и Северной Африки в начале XXI в. развивалась высокими темпами. По данным Всемирного банка, среднегодовой прирост валового внутреннего продукта государств Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна с низкими и средними доходами в расчете на душу населения составил 7,5%. Причем главный вклад в этот исключительно высокий показатель (среднемировые темпы равнялись 2,5%) внесла КНР. Китайская экономика (даже без учета Гонконга) увеличивалась на 8,7% в год. Темпы роста ВВП большинства развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии в начале нынешнего века повысились по сравнению с концом предыдущего. В 1997–1999 гг. сказывался эффект от болезненного, хотя и краткосрочного кризиса, пережитого экономикой крупнейших стран региона, прежде всего Индонезии, Республики Корея и Таиланда. В 2000–2004 гг. большинство ведущих государств региона демонстрировали прирост в 4–5%.

На втором месте по скорости наращивания своего внутреннего продукта оказалась Южная Азия — 5,8%. Основная заслуга принадлежала крупнейшей стране региона — Индии, на которую приходится $\frac{4}{5}$ регионального продукта. Индийские темпы равнялись 6,2% в год.

Несколько медленнее увеличивался экономический потенциал региона Ближнего Востока и Северной Африки — 4,5%. Если дезагрегировать данные по региону, то наиболее быстро возрастал продукт, создаваемый в странах Западной Азии — Турции, Иране и Афганистане. Государства Северной Африки и Восточного Средиземноморья демонстрировали средние темпы роста. Несмотря на благоприятную для нефтедобывающих стран Аравийского полуострова и Персидского залива мировую конъюнктуру, скорость повышения их ВВП была довольно низкой: в Саудовской Аравии, например, — 3,4%, Кувейте — 2,4. и только в Объединенных Арабских Эмиратах, которые, кстати, принадлежат к категории высокодоходных стран, она составляла 6,9%.

Весьма резко возросли темпы экономического роста новых государств Центральной Азии и Южного Кавказа. Туркменистан (18,3%), Армения (12,0%), Азербайджан (10,7%), Казахстан (10,3%) и Таджикистан (9,9%) оказались на первых местах в мире, что связано в основном с двумя обстоятельствами — во-первых, рос-

том экспорта нефти и газа в условиях повышенного спроса в мире на энергоносители, а во-вторых, низкой исходной базой, что было следствием исключительно низких, а в течение целого ряда лет отрицательных показателей экономической динамики в предшествующий период 1990-х годов. Восстановительный эффект и нефтяной фактор в меньшей степени сказались на Грузии (7,6%), Узбекистане (4,8%) и Киргизии (4,5%). Но общий региональный доход восьми новых независимых государств вырос существенно, в основном компенсировав, однако не полностью, если сравнивать с 1990 г., столь же значительный срыв конца XX в. (подробнее см. гл. «Государства Центральной Азии» в наст. томе).

В целом страны с низкими и средними доходами более чем в два раза опережали государства с высокими доходами по темпам прироста ВВП — 4,6% против 2,0%. Причем среди последних находилась Япония, вторая по размерам ВВП страна мира (во всех случаях речь пока идет о его измерении в долларах США по обменному курсу в постоянных ценах, рассчитанных по применяемому ВБ методу Атласа). Ее темпы прироста равнялись в начале XXI в. только 1,3%. К высокодоходным относятся также некоторые страны Персидского залива, в частности ОАЭ (рубеж, с которого начинается высокий подушевой доход, находится на уровне, превышающем 9 тыс. долл. США). Эмираты (6,9%) были исключением в группе высоких по душевому доходу государств. Другие развитые и богатые страны развивались невысокими, хотя и устойчивыми темпами. При этом экономика только одного региона средне- и низкодходных государств демонстрировала худший результат — Латинская Америка и Карибский бассейн (1,5%). У стран Африки южнее Сахары средний показатель равнялся 3,9%.

При сравнении данных по различным регионам следует учитывать разницу в темпах прироста населения. В развитых государствах он в целом существенно ниже, чем в развивающихся. Поэтому преимущество, которое последние имеют перед первыми в показателях роста ВВП, в ряде случаев нивелируется при оценке темпов роста душевых значений экономического прогресса.

Вообще же ситуация с опережающими развитые государства темпами роста экономики в менее развитых странах мира — явление вовсе не специфическое для начала XXI в. Подобного рода тенденции наблюдались по сути на всем протяжении развития мира после окончания Второй мировой войны. Если брать десятилетние периоды, то исключением в этом смысле была лишь декада 1980-х годов (подробнее см. гл. 2 «Особенности и закономерности экономической эволюции развивающихся стран» наст. тома).

Отличительной чертой можно считать ускорение этого процесса и переход количественных показателей в качественные. Об этом, в частности, свидетельствует достижение рядом экономик развивающихся, низкодходных стран весьма значительных общих размеров и появление у них передовых в технологическом отношении секторов экономики.

Особенно крупные масштабы приобрело национальное хозяйство Китая. Объем его ВВП с учетом экономики Гонконга в 2004 г. достиг 1,7 трлн. долл. (без Гонконга — 1,5 трлн.). С этим показателем КНР заняла шестое место в мире после США (12,1 трлн.), Японии (4,8 трлн.), Германии, Англии и Франции

(2,5–1,9 трлн.). При этом на Китай пришлось 4,3% глобального ВВП. Если же оперировать данными о национальном продукте в системе паритета покупательной способности местной валюты, т.е. с учетом заниженности ее обменного курса и дешевизны рабочей силы, то экономика Китая уже в начале XXI столетия прочно обосновалась на втором месте в мире — 7,2 трлн. долл. Обогнав Японию и все европейские страны, доля китайской экономики в этой системе расчетов составила 13% от общемировой, относительно немного уступая удельному весу Китая в населении планеты (20%).

Мало того, в ряду крупнейших экономик мира по системе ППС за США три последующих места занимали азиатские страны — Китай, Япония (3,9 трлн.) и Индия (3,3 трлн.), а в число 15 лидеров входили также Республика Корея и Индонезия (1,0 и 0,8 трлн.). На эти пять государств приходилось в сумме 39,2% (две пятых) совокупного ВВП лидирующих по этим показателям стран (16,2 трлн. из 41,3 трлн. при общем показателе для мира по данным на 2004 г., в 55,8 трлн. долл.).

Исключительно быстро выросли объемы участия и доля государств Востока в международной торговле. Среди лидеров, в число которых сначала входила Япония, а затем и так называемые азиатские тигры (Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань), на рубеже веков на самом видном месте расположился Китай. За 25-летний период с конца 1970-х до середины 2000-х годов объем внешней торговли КНР увеличился в 41 раз, в том числе экспорт — в 45, а импорт — в 38 раз. Мощный импульс внешней торговле дало вступление КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО) в конце 2001 г. По сравнению с 2000 г. внешнеторговый оборот Китая (вместе с Гонконгом) вырос к 2004 г. на 243% (почти в 2,5 раза). При этом доля Гонконга упала с 88 до 47%. За один только 2004 год объем китайской внешней торговли (по стоимости) увеличился на 135%, с 850 млрд. до 1,15 трлн. долл. Страна сохранила традиционное положительное сальдо торгового баланса: экспорт равнялся 593 млрд., а импорт — 561 млрд. долл. С этими показателями КНР, включая Гонконг (Сянган), заняла третье место в мире вслед за США и Германией. Доля Китая в мировой торговле увеличилась с 5,9% в 2003 г. до 6,3% в 2004 г., причем в мировом экспорте она достигла 6,5%, а в импорте — 6,0%.

Япония, длительное время занимавшая третье место в мире по внешнеторговому обороту, к середине первого десятилетия XXI в. была оттеснена на четвертую позицию Китаем. Доля Страны восходящего солнца в мировом экспорте почти не уступала китайской (6,2%), а ее экспорт (565 млрд. долл.), несмотря на высокий обменный курс валюты (иены), более чем на 100 млрд. превосходил по стоимости импорт (455 млрд. долл.).

Из других стран Востока по участию в международном разделении труда выделялись государства того же Тихоокеанского региона — Республика Корея с товарооборотом в 478 млрд., Сингапур (344 млрд.), Малайзия (232 млрд.), Таиланд (193 млрд. долл.). Внешнеторговый оборот ведущих по населению стран Юго-Восточной и Южной Азии, Индонезии и Индии, был относительно невелик, соответственно 116 и 168 млрд. долл. При этом Индонезия имела положительное, а Индия — отрицательное сальдо торгового баланса. В регионе Ближнего Востока

ка и Северной Африки существенное положительное сальдо имели нефтеэкспортирующие страны, а серьезное отрицательное — Турция (экспорт — 63 млрд., а импорт — 97 млрд. долл.).

Несмотря на то что в международной торговле страны Востока, особенно к западу от Индокитая, не имели тех позиций, на которые они могли бы рассчитывать в соответствии с размерами национальных хозяйств (особенно исчисленных в системе ППС), роль азиатско-североафриканских стран возрастала. Особенно велика она была в поставках основных энергоносителей на мировой рынок, прежде всего нефти и природного газа.

Это объясняется наличием в Юго-Западной, Западной и Центральной Азии крупных запасов углеводородного сырья. На страны Персидского залива приходится 65% мировых запасов нефти и 31% природного газа. Если к нему добавить прилегающий с севера Каспийский регион, то удельный вес такого ориентированного с юга на север «энергетического эллипса» (с Ираном, расположенным в самом его центре) равняется примерно 70% по запасам нефти и 40% — по газу.

Вместе с тем потенциал региона вплоть до начала XXI в. использовался не полностью. В странах Юго-Западной Азии добывалось лишь около четверти сырой нефти, производимой в мире, и менее 5% природного газа. Экспортные поступления Саудовской Аравии (главным образом от вывоза нефти) за первые четыре года XXI в. выросли с 84 до 120 млрд. долл., Кувейта — с 23 до 27 млрд., а Ирана — с 30 до 42 млрд. долл. Эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на внушительные размеры мировой торговли энергоносителями, они далеко не определяли ситуацию в области глобального экспорта.

В 2000–2004 гг. существенно выросли доходы от экспорта ряда государств Каспийского региона, прежде всего Казахстана, с 9 до 20 млрд., Азербайджана и Туркменистана — в обоих случаях примерно с 2 до 4 млрд. долл.

Нефть стран Залива (в числе главных экспортеров, помимо упомянутых, находились ОАЭ и Бахрейн) направлялась в основном на Дальний Восток. Там ее главными потребителями были крупнейшие после США государства-импортеры — Япония и Китай, а также Южная Корея. Из Центральной Азии нефть шла в основном в Европу.

Отдельные государства ЮВА, в первую очередь Индонезия, в начале нынешнего века заняли видные позиции как экспортеры первичных энергоносителей — сырой нефти и сжиженного природного газа. Основным направлением их вывоза стал северо-восток Азии, прежде всего Япония и Южная Корея.

Важной особенностью возросшей в начале XXI столетия втянутости стран Востока в международное разделение труда служило увеличение их участия в поставках на внешние рынки высокотехнологичной продукции. С одной стороны, это явилось следствием политики ряда транснациональных корпораций по перенесению в развивающиеся государства отдельных элементов своей технико-технологической производственной базы. С другой же — результатом успехов, достигнутых этими государствами на пути повышения уровня образованности населения и квалификации рабочей силы. Сыграла свою роль и централизация капитала в развивающихся странах в руках государства. Она позволила ряду из

них выйти на мировые рынки с конкурентоспособной высокотехнологичной продукцией, хотя, как правило, и не самого передового уровня.

Новым моментом стало участие ряда развивающихся государств Востока в развитии такой инновационной сферы, как информационные технологии. В первую очередь это касается Индии, которая превратилась в одну из ведущих стран мира по экспорту компьютерных программ (около 17 млрд. долл. в 2004 г.).

Индия вывозила также более $\frac{1}{3}$ продукции своей электронной промышленности, т.е. она присоединилась к группе государств Юго-Восточной Азии, которые давно уже превратились в «сборочные цеха» по производству различных изделий бытовой и профессиональной электроники. В том же качестве в начале века все более выступал и Китай. Не случайно доля высокотехнологичного сектора в его промышленном экспорте возросла с 17% в 1999 г. до 27% в 2003 г.

Увеличение удельного веса стран Востока в мировом производстве товаров и услуг, торговле и движении капиталов, обмене техническими новинками и технологическими достижениями свидетельствует о тесном их включении в процессы глобализации. Под ними имеют в виду все более плотный охват экономическими, политическими, культурными и иными связями различных, в том числе удаленных, уголков планеты, значительная часть которых приходится на Азию и Африку. Нельзя не видеть различные стороны глобализации и не замечать разные, иногда прямо противоположные подходы к самому этому феномену. Наряду с позитивными моментами, которые несут открытость внешнему миру новым участникам глобальных процессов, существуют и негативные, связанные с размыванием национальной самобытности. Кроме того, глобализация оказывает существенное влияние на социальное расслоение, одновременно выводя проблему неравенства и людского неблагополучия за рамки страны или региона, делая ее предметом обсуждения и политической борьбы на общемировом уровне.

Глобализация не является чем-то принципиально новым, она началась задолго до 1990-х годов, когда этот термин вошел в научный и публицистический оборот. Есть мнение, что первая волна глобализации (которой предшествовали многие другие, но лишённые современной научно-технологической составляющей) пришлась на конец XVIII — начало XIX в., а вторая — на рубеж следующих столетий. В таком случае мы наблюдаем третью волну, которая в отличие от первых двух достаточно глубоко затронула материковые, удаленные от морских путей просторы. Речь идет в первую очередь о сухопутном пространстве Азии, или Евразии, в меньшей степени — Африки.

Представляется, что в достаточно протяженной временной перспективе глобализация в еще большей степени захватит материковую Евразию, особенно ее центральную и северную части. При этом вслед за освоением природных ресурсов, прежде всего энергетических (нефти и природного газа), усилится использование человеческого потенциала. Все это позволит ускорить экономическое и социальное развитие таких страновых регионов, как Центральная Азия и Южный Кавказ. Еще более мощный импульс развитию могут получить российская Азия — Сибирь и Дальний Восток, а также северо-западные районы Китая и Монголия.

Вместе с тем распространение во Внутренней и Северной Азии широкой глобализационной волны в среднесрочной перспективе способно вызвать крупные осложнения. Возможно появление реакции культурного отторжения, феномена консолидации и «заукливания» верхов, смещение политики тех или иных стран в сторону изоляционизма, с одновременным усилением там внутренней нестабильности, государственного произвола и общественных беспорядков. На этом этапе не исключено обострение борьбы различных внешних сил за контроль над ситуацией и нагнетание напряженности во всем евразийском «широтном эллипсе».

То же самое, но с отставанием «на такт» может произойти в материковой, глубинной Африке. Менее вероятны явления разбалансировки в приморских районах, где силы глобализации действуют в наиболее благоприятной среде. Но и там возможны сбои и нестыковки, различного рода кризисы (финансовые, экономические, политические и даже военные), что может замедлить процесс трансформации мира в тесно и позитивно взаимосвязанный организм.

Особенно это касается промежуточного пояса Афразии (Северной Африки и «большого» Ближнего Востока), так как именно в нем сходятся характеристики как первого (континентального), так и второго (океанического) типов. Линия разлома пролегает также и внутри крупнейших государств Азии и мира — Китая и Индии, что вносит дополнительную неопределенность в будущий ход глобализации.

Наряду с глобализацией в начале XXI в. широкое распространение получил процесс регионализации, создания различных межгосударственных объединений. Начавшись на Востоке сразу после Второй мировой войны с образования Лиги арабских государств, он спустя полвека привел к появлению ряда межправительственных организаций. Некоторые из них включали только соседние и смежные государства, принадлежащие региону Востока. Наиболее успешным и устоявшимся из них надо считать АСЕАН (Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии). Достаточно длительную историю существования имели СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии) и ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). Более молодой и в целом мало эффективной оставалась ОЭС (Организация экономического сотрудничества), включающая Турцию, Иран, Пакистан, а также Афганистан и шесть постсоветских государств с преимущественно мусульманским населением. Еще меньше стаж был у ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), возникшей по инициативе Китая и России и объединившей еще четыре страны Центральной Азии.

Государства Востока составляли большинство не только в этих территориально-региональных объединениях, но и в межгосударственных организациях, действующих на иных основаниях, а именно общей идеологии в мирополитических делах (движение неприсоединения), религиозной общности (Организация «Исламская конференция»), торговли и сотрудничества (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество).

Не перечисляя все проекты многосторонней дипломатии, в которых участвовали азиатско-африканские государства (совещания, регулярно проводимые

встречи и форумы), следует подчеркнуть, что регионализм чаще всего способствовал глобализации. Вместе с тем он мог выступать и как альтернатива ее господствующему типу. Последний определялся заглавной, иницирующей ролью Запада, т.е. наций Европы и Северной Америки, к которым на правах экономически развитого и цивилизационно синкретического государства присоединилась Япония.

Положение России с этой точки зрения представлялось в начале XXI в. еще не до конца проясненным, хотя она и была участником «клуба восьми», неформального лидера в процессах глобализации. То же самое в определенной мере касалось Китая и Индии, готовых как к сотрудничеству с Западом, так и к оппонированию ему по ряду вопросов.

Запад сам сохранял неопределенность, укрепляя структуры НАТО, единственной по сути на начало XXI в. крупной международной военно-политической организации. Более того, он способствовал расширению поля деятельности этих структур, их продвижению с запада Европы на восток, с Ближнего Востока на Средний и в Центральную Азию.

Нужно отметить, что после окончания холодной войны (уже с 1987–1988 гг.) военные расходы в мире стали снижаться, и к 1996–1999 гг. опустились с 1,2 трлн. до 800 млрд. долл. (в постоянных ценах 2005 г.). Затем суммарные ассигнования на оборонные цели начали новый подъем. Причем происходил он главным образом за счет США, хотя и государства Востока внесли немалую лепту. К 2004 г. затраты на оборону выросли в мире в полтора раза, почти до 1,2 трлн. долл. Около половины из них пришлось на США (547 млрд.). Остальные страны следовали за ними со значительным отрывом. По национальным данным, в ценах обменного курса Китай, Япония, Индия тратили на оборону меньше, чем Великобритания и Франция. На столь же невысоком уровне были и расходы России. Однако ряд международных изданий, принимая во внимание особенности национального учета, ставили Китай на второе место в мире с 65 млрд. долл., а Россию — на третье с 50 млрд. Японские расходы на силы самообороны оценивались в 42 млрд. долл. Военные расходы Индии равнялись примерно 20 млрд. долл. При этом они были меньше, чем затраты Южной Кореи, и лишь несколько больше ассигнований Саудовской Аравии. Из субрегионов Востока наиболее быстро в конце XX — начале XXI в. вооружалась Юго-Западная Азия, где помимо Саудовской Аравии в лидерах были Израиль (почти 10 млрд. долл. в 2004 г.), а также Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты и Катар (вместе около 8 млрд. долл.).

ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ И НИЩЕТОЙ. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ И ПРОГНОЗЫ

В сентябре 2000 г., в канун наступления нового тысячелетия, Генеральная Ассамблея ООН приняла ряд резолюций («тысячелетних»), ставящих перед миром задачи в области развития. Отталкиваясь от ранее принятых программ ООН, авторы резолюций определяли некоторые цели, достичь которые намечалось в те-

чение 25 лет, начиная с 1990 г. Важнейшими среди них были резолюции по борьбе с бедностью и нищетой. Намечалось, в частности, сократить вдвое долю людей в мире, существующих на доход, равный одному доллару США в день (в пересчете по покупательной способности местной валюты), и страдающих от постоянного недоедания (голода). Ставилась задача существенно сократить к 2015 г. численность бедных людей, чей доход в день не превышает двух долларов. Эти цели были одобрены как ориентиры также Всемирным банком, МВФ и Организацией экономического сотрудничества и развития.

Большинство крайне бедного и голодающего населения проживало в Азии и Африке. В 1990 г. из 1276 млн. человек с доходом менее доллара в день на эти страны приходилось 1195 млн., т.е. 93%. При этом в КНР насчитывалось 360 млн. абсолютно бедных, еще 92 млн. — в других странах Восточной Азии и бассейна Тихого океана. В Южной Азии было 495 млн. нищих и голодающих (из них примерно 80% — в Индии), а в Африке южнее Сахары — 242 млн. В государствах Ближнего Востока и Северной Африки распространенность этого явления была невелика (6 млн. человек).

К 2001 г. намечался определенный прогресс в реализации поставленных целей. По сравнению с 1990 г. удельный вес абсолютно бедного населения во всех развивающихся странах сократился с 28 до 21%, а общая его численность в мире снизилась до 1,1 млрд. человек. Успех был достигнут в основном благодаря КНР, где число крайне бедных уменьшилось вдвое, опустившись ниже отметки в 250 млн. человек. Улучшение имело место и в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Из остальных регионов Востока только в Южной Азии произошло снижение до 431 млн., а в Черной Африке бедствующее население, наоборот, выросло до 313 млн. человек. На 1 млн. увеличилось число таких людей и на Ближнем Востоке.

На базе этих трендов предполагалось, что численность абсолютно бедного населения сократится к 2015 г. на полмиллиарда, до 600 млн. человек. В Восточной Азии, главным образом за счет КНР, произойдет сокращение размеров нищеты до 19 млн. человек (еще в 1981 г. она охватывала почти 800 млн. человек). В Южной Азии, в основном благодаря развитию Индии, нищенствующее население сократится до 216 млн., что составит менее 20% жителей (по сравнению с 40% в 1990 г.). В субсахарской Африке оно стабилизируется на отметке 340 млн. человек, при этом его удельный вес по сравнению с 1990 г. уменьшится с 45 до 23%. Именно Черная Африка, а не традиционный Восток (Азия и Северная Африка) станет, согласно прогнозам Всемирного банка, сделанным в середине первого десятилетия XXI в., главным местом сосредоточения крайне бедного населения планеты.

Согласно тем же представлениям, менее крутым, но также достаточно заметным, должно быть сокращение численности бедного населения, с доходом менее двух долларов США в день. Но надо учитывать, что распространенность в мире такого явления, как бедность, исключительно велика. К 2001 г. по сравнению с 1981 г. число бедных выросло с 2,4 до 2,7 млрд. и равнялось почти половине мирового народонаселения. В Китае, по данным обследований конца 1990-х го-

дов, она охватывала 54% жителей, а в Индии — 86%. Оптимистические прогнозы в этом отношении основаны на трендах последних десятилетий XX и первых лет XXI столетия.

Вместе с тем есть основания и для тревоги по поводу осуществимости целей рассасывания «болога бедности». Они связаны с возможностью различного рода кризисов и катаклизмов. Прежде чем обсуждать некоторые из угроз и опасностей, посмотрим, на каком фоне они могут проявиться, т.е. каковы перспективы количественного роста населения Востока в течение достаточно длительного времени, вплоть до середины XXI в.

Нужно отметить, что прогнозные оценки демографической динамики считаются достаточно надежными. Известно, насколько высоко было качество перспективных оценок, выполненных в 1970–1990-е годы ведущими демографическими организациями мира. Так, еще за 30 лет до наступления нового столетия демографы правильно рассчитали как общие параметры увеличения населения, так и его величину к 2000 г., которая оказалась равной примерно 6 млрд. человек. Прогнозные оценки, сделанные Службой народонаселения ООН в 2000, 2002 и 2004 гг., сводятся к тому, что на протяжении первой половины XXI в. темпы роста населения в мире, скорее всего, будут неуклонно и достаточно решительно снижаться. В средний (наиболее вероятный) вариант прогноза ООН с каждым пересмотром оценок роста населения мира закладывались все менее высокие темпы прироста, соответствующие выявленным тенденциям. Текущий прирост народонаселения в мире в начале XXI в. оценивался в 1,2% в год, что соответствовало прибавлению ежегодно 77 млн. человек (на пике, в 1989–1990 гг., население планеты возрастало на 87 млн.). По этим расчетам ожидалось, что к 2050 г. на земле будет проживать 8,9 млрд. человек.

Новые оценки, впрочем, не нарушали представлений о заметных различиях демографических процессов в более и менее развитых регионах мира. На последние (ежегодный темп 1,5%) приходилось 98% всего прироста, в то время как население развитых регионов (куда ООН включает все страны Северной Америки и Европы, а также Японию, Австралию и Новую Зеландию) увеличивалось лишь на 0,4% в год.

Самими высокими темпами, согласно прогнозам, должно расти число жителей в наименее развитых государствах, составляющих подгруппу в рамках группы менее развитых, развивающихся стран. В нее входили главным образом африканские государства, а также некоторые азиатские, такие как Афганистан, Бангладеш, Непал и др.

Для субсахарской Африки в целом характерны существенно более высокие темпы роста народонаселения. На них, впрочем, отрицательно сказывается распространение СПИДа. Из-за этой болезни заметно медленнее должно возрастать население ряда стран юга Африки, таких как Ботсвана, Лесото, ЮАР, Свазиленд. Влияние потерь от этой эпидемии будет особенно заметным, как ожидается, в период до 2010–2015 гг., хотя и в дальнейшем сама эта болезнь и последствия от нее внесут заметные коррективы в демографические показатели многих стран Африки и растущего числа азиатских государств.

Замедление темпов демографического роста, связанное с сокращением рождаемости, приведет, согласно прогнозам, к быстрому старению населения в мире, в том числе и в странах Востока. Несмотря на невысокий уровень экономических и социальных показателей, характеризующих развивающиеся страны Азии и Африки, количество людей в старших возрастных категориях там быстро увеличивалось благодаря достижениям мировой медицины и средний возраст дожития (продолжительность жизни) к рубежу веков превысил 60 лет (исключение составляют наименее развитые страны, да и то не все: так, в наиболее крупной из них, Бангладеш, несмотря на нищету и бедность, средняя продолжительность жизни достигла 61 года). По прогнозам ООН, относящимся ко всем менее развитым регионам, доля населения в возрасте 60 лет и старше увеличится с 8% в 2000 г. до 20% в 2050 г.

Скорость будущего демографического процесса на Востоке (в Азии и Северной Африке) оценивается на уровне несколько выше среднемирового (1,3%). При этом на Востоке в середине XXI в. (как, впрочем, и в начале) будет проживать примерно две трети жителей планеты.

За ожиданием убыстренного роста населения стоят весьма разные прогнозы по странам и группам стран (субрегионам). Наиболее замедленным, судя по всему, рост будет в Восточной Азии (см. таблицу). Хотя в последнем году второго тысячелетия это был самый крупный демографический ареал, уже к 2010 г. он почти потеряет численное превосходство над Южной Азией, а с 2020 г. прочно займет второе место. В Китае, крупнейшем восточноазиатском государстве, темпы ежегодного прироста в ближайшие 20 лет, согласно оценкам Службы народонаселения ООН и некоторых других организаций, опустятся до 0,7–0,5%, а между 2040–2050 гг. станут отрицательными (при продлении нынешних трендов). Население самой экономически развитой на сегодня страны Востока — Японии должно, по прогнозам, уменьшиться на 3 млн. человек за первые 20 лет нынешнего века и еще на 22 млн. за последующие 30 лет.

Таблица

Численность жителей стран Востока
(исходные и прогнозные оценки по корректировке 2000 г., млн. чел.)

Субрегионы	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2050 г.
Северная Африка	144,4	168,9	191,9	240,0
Юго-Западная Азия	101,1	133,3	170,7	298,7
Западная Азия	157,2	180,9	205,6	253,9
Закавказье и Центральная Азия	73,4	81,9	92,6	122,9
Южная Азия	1331,0	1544,5	1743,5	2174,3
Восточная Азия	1460,2	1564,3	1639,5	1653,5
Юго-Восточная Азия	533,6	618,8	696,8	840,4
Весь Восток	3800,9	4292,6	4740,6	5583,7

Наиболее высокими темпами должно увеличиваться население 12 стран Юго-Западной Азии: за первые десять лет столетия на 2,8% в год, за вторые — на 2,5,

а в последующем – на 1,9%. Это приведет к росту численности жителей региона втрое по сравнению с нынешним временем. Особенно быстро оно возрастет в главной нефтеэкспортирующей стране — Саудовской Аравии, а также в самой бедной — Йемене.

В остальных субрегионах прирост колеблется в пределах 1,0–1,6% в течение двух первых десятилетий XXI в. и 0,6–0,9% в 2020–2050 гг. При этом максимальным на последнем, более по времени удаленном отрезке он должен быть в Закавказье и Центральной Азии (главным образом за счет последней). Достаточно быстрым ожидается демографический рост в странах Северной Африки (особенно Ливии и Египте), Юго-Западной Азии (Саудовской Аравии, Сирии, Иордании и Израиле), Западной Азии (при учете быстро растущего населения Афганистана), а также в Южной и Юго-Восточной Азии. Среди стран ЮВА будет, скорее всего, убыстренно расти численность жителей Индонезии и Филиппин, а также и небольших стран, причем не только беднейших, Лаоса и Камбоджи, но и процветающего Сингапура.

Несмотря на замедление темпов демографического роста в Индии и во всем Южноазиатском регионе (включая и наиболее высокий по этому показателю Пакистан), инерционный момент и сохраняющаяся достаточно высокая рождаемость вытвигает, как уже отмечалось, относительно небольшой по площади ареал (4,3 млн. кв. км, в три раза меньше Восточной Азии) в число безусловных демографических лидеров Востока. Индия, согласно большинству оценок, к 2040 г. (а может быть, и несколько раньше) опередит Китай, став самой многонаселенной страной мира. На пятое место по количеству жителей выйдет Пакистан, в числе первых по населению с рекордно высокой его плотностью закрепится Бангладеш.

Главным фактором, обуславливающим относительно высокие показатели рождаемости и прироста населения Востока в XXI в., является инерционный момент — следствие сформировавшейся за вторую половину XX столетия молодой структуры населения. В основном именно это, несмотря на явную тенденцию к сокращению общего показателя рождаемости, обеспечит более быстрое, чем в мире в целом, расширенное воспроизводство населения.

Приведенные прогнозные оценки говорят о сложности задач, встающих перед государствами Азии и Северной Африки. Перемены, наблюдавшиеся в них во второй половине XX в., знаменовали начало разрешения таких узловых проблем, как повышение роли в международных делах, преодоление экономической и научно-технической отсталости, искоренение неграмотности, сужение зоны бедности, решение продовольственной проблемы и т.п. Демографическая инерция представляет собой вместе с тем существенный вызов. Если верить прогнозам, то за первые десять лет XXI в. население Востока будет ежегодно пополняться примерно на 50 млн. человек, в течение второй декады — на 45 млн., а на протяжении последующих трех десятилетий — приблизительно на 30 млн. человек.

Хотя эти цифры, базирующиеся на приведенных в таблице оценках, подвергнутся, очевидно, ревизии в сторону некоторого уменьшения, это не меняет кардинальные тенденции. Такой феномен современности, как стареющее население

ввиду удлинения средней продолжительности жизни, роста удельного веса лиц пожилого и нетрудоспособного возраста, весьма быстро охватывает и развивающиеся страны, в первую очередь государства Азии.

Другой важнейшей тенденцией нужно считать накопление в странах Востока «горючего материала» в виде молодого и достаточно образованного населения, вырванного из привычного микромира семьи и общины, ищущего применения своим силам и в большом числе случаев его не находящего. Сочетание двух демографических явлений — увеличение численности иждивенцев в возрасте старше 65 лет и рост «молодежного выступа», т.е. высокой доли людей в возрастных группах от 15 до 25–30 лет, — служит подоплекой возникновения трудноразрешимых экономических, социальных и политических коллизий.

Чтобы справиться с грузом накопленных и нарастающих проблем, государствам Востока понадобится поддержание высоких темпов роста экономики. В течение второй половины XX в., особенно на протяжении последнего его десятилетия, и в начале следующего столетия им в целом удавалось сохранять высокие показатели экономической динамики.

В 1990–2003 гг. наиболее быстрыми темпы развития были в Восточной Азии. Средневзвешенные по населению показатели роста ВВП в субрегионе достигали 8,6%, а дохода на душу населения — 7,7%. Главный вклад в эти исключительные показатели (соответственно более чем в три и шесть раз превышающие общемировые) внесла Китайская Народная Республика, на которую приходится почти 90% его жителей. Подушевой рост ВВП Японии превысил 1% в год, а Республики Корея — равнялся почти 5%.

На второе место среди субрегионов Востока вышла Южная Азия — 5,5% (рост ВВП) и 3,7% (рост доходов на душу населения). Основная заслуга в этом Индии (почти 80% жителей). Ее экономика развивалась темпами, превышающими скорость перемен в соседних странах (5,8 и 4,1% соответственно). Особенно заметными были индийские экономические успехи на фоне показателей Пакистана — 3,6 и 1,2% соответственно. Экономика Бангладеш развивалась темпами, близкими к среднерегionalным — 4,9 и 3,2% соответственно.

Показатели Юго-Восточной Азии несколько уступали южноазиатским: ВВП возростал на 4,4% в среднем в год, а доход на душу населения — на 2,2%. На данных по ЮВА безусловно сказался кризис 1997–1999 гг. По мере его преодоления экономические показатели улучшились, а в 2004 г. темпы роста стран ЮВА превысили 5%. Крупнейшее из государств субрегиона — Индонезия (около половины жителей) — развивалось в 1990–2003 гг. темпами более низкими, чем средние по этому региону, — соответственно 3,5 и 2,1%. Самыми крупными были достижения Социалистической Республики Вьетнам — прирост ВВП на 7,5%, а также Малайзии и Сингапура — 5,9 и 6,3%. Неплохими были также показатели Лаоса и Камбоджи, в которых шел процесс восстановления экономики после длительного периода разрухи и застоя.

Развитие в субрегионах к западу от Южной Азии в последние десятилетия XX — начале XXI в. было более медленным — в Западной Азии (без учета Афганистана) — 3,6 (рост ВВП) и 1,9% (рост доходов на душу населения) в год,

в Северной Африке — 3,7 и 1,8%, а в Юго-Западной Азии — 4,0 и 1,1% соответственно. В последнем субрегионе быстрее, чем в других, росло население — на 2,1% в год. В крупнейшей по числу жителей стране ЮЗА — Саудовской Аравии (около трети населения) темпы роста душевого ВВП оказались отрицательными (0,6%), а в Иордании — менее 1%. Невысокими темпами в условиях быстрого демографического увеличения развивались Израиль и Сирия (имели равные показатели прироста общего и душевого ВВП — 4,3 и 1,5% соответственно). Лишь экономика Ливана на выходе из глубокого кризиса возмужала заметным образом — на 4,6 (ВВП) и 3,0% (душевой доход) в год.

Обращает на себя внимание известная рассогласованность экономических и демографических тенденций в Юго-Западной Азии. Она свидетельствует о сохранявшемся кризисном фоне в этом ареале. Его отличает также наименьшая, по сравнению с другими субрегионами, внутренняя гомогенность с точки зрения агрегатных показателей, типа душевого дохода, энергопотребления и т.п. Причины этого нетрудно обнаружить в «молодости» самого процесса развития и модернизации экономики, всерьез начавшегося в большинстве государств, прежде всего в тех, что расположены на Аравийском полуострове, только с начала 1970-х годов. При этом темпы экономического роста за 1990-е годы были весьма высоки, как же как и достигнутые к рубежу веков средние показатели. Наблюдающаяся чересполосица по декадам (1970-е годы — высокая скорость, 1980-е — низкая, 1990-е — опять высокая) свидетельствует о неустойчивости экономического тренда, связанной, по всей видимости, с узостью ресурсного нефтяного сектора развития. В начальные годы XXI в. ситуация здесь улучшилась, что объясняется прежде всего эффектом от повышения мировых цен на нефть — главный экспортный товар стран Аравии и Персидского залива.

Подводя итог анализу некоторых показателей экономической эволюции восточных и западных субрегионов Востока в конце XX — самом начале XXI в., следует заметить, что они развивались разными темпами — более высокими на востоке региона, более низкими на западе. Для первых в результате открывались достаточно благоприятные перспективы в экономической, социальной и культурной областях. Этого в целом нельзя сказать о вторых. Сложность процессов приспособления к реалиям быстро в научно-техническом отношении меняющейся действительности характеризовалась там периодическими сбоями и усугублением межстрановых различий.

Отрицательными были в 1990-е годы экономические показатели и социально-демографические процессы в субрегионе Закавказья и Центральной Азии, на бывшем советском пространстве. Глубокий экономический кризис и спад в 1990–2000 гг. сменился подъемом в начальные годы XXI в. Он был вызван рядом факторов, основными из которых можно считать относительную политическую стабилизацию, эффект восстановления после социально-экономической деградации и такое важнейшее обстоятельство для богатых энергетическим сырьем стран, как повышение мировых цен на нефть и природный газ. Некоторые из стран субрегиона демонстрировали в 2000–2004 гг. рекордный по мировым меркам среднегодовой прирост ВВП (см. выше). Однако по сравнению с 1990 г. в половине

из восьми стран субрегиона рост объема ВВП остался отрицательным (среднегодовые темпы падения: Грузия — 3,2%, Казахстан — 0,6, Киргизия — 1,5, Таджикистан — 3,5%). Суммарно для этой группы из восьми государств рост ВВП составлял 0,1%, а в расчете на душу населения он был отрицательным (0,7%). В крупнейшей стране субрегиона — Узбекистане (треть жителей) подушевой внутренний продукт снижался ежегодно на 0,5%. Глубже всего было ухудшение этого показателя в Таджикистане (4,5%), а наилучшие параметры роста на фоне неуклонного (на 1,1% в год) сокращения народонаселения наблюдались в Армении (2,6%).

Подчеркнуто волнообразный характер эволюции в этом ареале Востока заставляет предположить, что и в дальнейшем развитие этой части рассматриваемого региона, да и других его сегментов будет происходить неравномерно, следуя как пульсирующему ритму движения отдельных обществ, так и колебаниям среды, регионального и глобального окружения, воздействующим на них извне.

БУДУЩИЕ ЦИКЛЫ И РИТМЫ ЭВОЛЮЦИИ

Пытаясь представить себе будущее развитие мира и такой его особой части, как Восток, аналитики и футурологи прибегают обычно к методу продления рядов, экстраполяции в будущее, на так называемый прогнозный период, трендов и тенденций, выявленных в результате наблюдения над прошлым. Существенным при этом является решение вопроса о величине «периода наблюдения», т.е. заключения о том, где начинается текущий исторический момент, в рамках которого оправдано использование линейных функций. Простая экстраполяция, как правило, усложняется за счет ввода различных условий и ограничителей, способных повлиять на линейный процесс.

Если не считать два других метода, а именно теоретической и эмпирической аналогии, когда ученый или эксперт признает развитие процесса в будущем аналогичным тому, что наблюдалось с другими объектами в прошлом, то продление рядов сохраняет приоритетное значение в прогнозировании. Впрочем, при долгосрочном прогнозировании принцип линейности (плавности) дополняется нередко принципом цикличности (волнообразности). Именно на этом основаны хорошо известные в экономической науке теории различных циклов конъюнктуры: сверхкоротких (сезонных), коротких (3–4-летних), средних (в 10–12 лет), длинных (25–50 лет) и сверхдлинных, вековых. Если первые три вида циклов имеют наибольшее значение для целей собственно экономического анализа, то два последних, связанных с именами Н.Д. Кондратьева и Ф. Броделя, соотносятся с более широким классом социальных явлений, помогают выяснению взаимозависимости экономических, политических и культурных процессов.

Примечательна в связи с этим попытка В.И. Пантина, отталкиваясь во многом от идеи «кондратьевских циклов», обосновать циклическо-волновой подход к постижению мировой истории и на этой базе заглянуть в будущее, вплоть до середины XXI в. и даже несколько дальше¹. Автор исходит из того, что конъюнк-

¹ Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.

тура мирового рынка оказывает решающее влияние на социально-политические процессы, и выделяет в качестве периода наблюдения отрезок времени с начала VI в. н.э. Именно тогда (после трех веков кризиса Римской империи) зародилась, по его мнению, новая эра в развитии международного рынка с ее предполагаемой общей системой эволюционных циклов. В.И. Пантин выявляет три триады циклов, при этом каждый цикл проходит четыре фазы: структурного кризиса, технологического переворота, великих потрясений и революции международного рынка. Интуитивно-эмпирическим путем им выведена закономерность о стабильном времени протекания второй и четвертой фаз циклов (по 24 года) и неуклонно сокращающейся (на 12 лет) продолжительности первого и третьего циклов. Текущий девятый цикл (последний в третьей триаде) начался, согласно этим расчетам, в 1969 г. и, пройдя две первые фазы, в 2005 г. вступил в третью, великих потрясений. Она должна продлиться до 2017 г., после чего наступит фаза революции международного рынка, завершающаяся в 2041 г.

Не придавая абсолютного значения точности дат, следует отметить угаданную автором тенденцию нарастания напряженности в мире в 1995–2005 гг. и усиление роли Китая. Сбудутся ли предвидения относительно наступающих в фазе великих потрясений экономических кризисов и международно-политических конфликтов, вплоть до военных, сказать трудно. Некоторые из мрачных предсказаний в отношении развития мировой ситуации в начале XXI в. явно не сбылись. Однако намеченная им волнообразность проявилась, и в этом, как представляется, главное значение предпринятого отечественным автором эксперимента по объяснению хода мировой истории и предвидению будущего.

Более того, в рамки разработанной им схемы вполне укладываются некоторые представления о будущем, сформировавшиеся в середине первого десятилетия XXI столетия. «Перегрев» мировой экономики, исчерпание легкодоступных и безопасно доставляемых к месту потребления энергетических ресурсов, сбои в работе таких «двигателей» мирового спроса и предложения, как макроэкономика США и Китая, могут нарушить предположения о плавном и нарастающем темпе экономического прогресса в период до 2015–2020 гг.

Следует заметить, что, согласно распространенным оценкам, повышательная фаза цикла Кондратьева в экономике США стартовала в начале 1990-х годов и, следовательно, может завершиться после 2010 г. Экономика КНР растет непрерывно и исключительно высокими темпами на протяжении более четверти века и даже с учетом восстановительного эффекта после спада и провалов 1960–1970-х годов не может, видимо, продолжаться без нарушений и перерывов бесконечно долго².

Все же в случае сохранения высоких темпов роста Китай уже вскоре после 2010 г. обгонит Японию по величине ВВП и прочно займет второе место в мире после США. КНР при этом превратится в ведущего импортера энергоносителей, даст импульс дальнейшему росту потребления не только нефти, но и в возрастающей пропорции природного газа. Столь же велико будет значение Китая в

² Многоаспектный анализ полстергающих КНР опасностей содержит коллективная монография «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию» под ред. В.В. Михеева (М., 2005).

импорте обычных видов вооружений, в первую очередь технологически сложных его образцов.

Параллельно с китайской весьма быстро, при удержании достигнутых темпов роста, будет развиваться экономика Индии. К 2030 г. она может превзойти по объему национальное хозяйство Германии и Японии и занять третью позицию в мире. Как и Китай, Индия превратится в одного из главных импортеров нефти и газа, а также вооружений. Причем в сфере высокотехнологичного военного производства она станет ведущим разработчиком новых образцов (оружия пятого поколения), действуя как самостоятельно, так и в сотрудничестве с США, Россией, странами Европы, Израилем.

В свете закономерностей волнообразного развития перспективы Индии выглядят даже более предпочтительно, чем Китая. Ее экономический подъем начался только на рубеже 1980–1990-х годов и может продолжаться в течение еще длительного промежутка времени. Как благоприятные могли бы быть оценены и тенденции эволюции других стран Южной и особенно Юго-Восточной Азии. Однако помимо собственных, эндогенных факторов на их развитии существенным образом скажутся факторы экзогенные, связанные с общемировой конъюнктурой. Развитие государств ЮВА и всего Восточноазиатского региона зависит от них исключительно сильно. Сбои в функционировании международного рынка неминусом негативно отразятся на параметрах развития и качестве его роста в этой части мира.

Что касается плотно населенных стран Южной Азии, то ограничителем здесь являются также некоторые внутренние обстоятельства, в частности критическая ситуация с обеспечением водой для полива. Это в наибольшей степени касается Пакистана, который уже к 2010 г. может столкнуться с серьезной проблемой нехватки воды для бесперебойного функционирования своей самой крупной в мире единой системы ирригационного земледелия. Проблема увеличения объемов воды для сельского хозяйства может серьезно осложнить отношения Пакистана с Индией вследствие того, что обе страны рассчитывают на одни и те же водные ресурсы. Их во многом обеспечивают притоки Инда, пересекающие спорную область Джамму и Кашмир.

Повышение уровня Мирового океана, вызванное потеплением климата, способно обострить гуманитарную и экономическую ситуацию в Бангладеш, а также на юге Индии, ее островных территориях, на Шри-Ланке, Мальдивах и в Индонезии. Скорее всего, обострятся в быстро растущих экономиках Восточной и Южной Азии проблемы больших городов и промышленных зон, загрязнения воздуха выбросами газов. Уже к середине 2000-х годов на такие ведущие страны Азии, как Китай и Индия, приходилось соответственно 16 и 5% общего объема выбросов парниковых газов. Обе эти страны, как и некоторые другие государства Востока, в будущем, безусловно, столкнутся с необходимостью борьбы с грязными технологиями, экономии ресурсов, перехода от преимущественно экстенсивных к интенсивным способам производства.

Несомненно, еще более сложные проблемы встают перед государствами обширного и демографически быстро растущего исламского ареала. Главные из

них связаны с потребностями диверсификации основ экономического роста, выходом за пределы преимущественного развития отраслей по добыче и экспорту нефти и природного газа. К такой задаче большинство из государств Залива и Аравийского полуострова уже приступили, но успеха добились далеко не все. К тому же диверсификация экономики, опираясь на капиталоемкие технологии, не меняет ситуацию в области занятости и не противостоит тенденции к ограниченному охвату людей высокодоходными занятиями.

Еще меньше достижений на счету тех стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые лишены богатых природных ресурсов. В них обостряется проблема неполной занятости и низких доходов, что питает социальную базу недовольства молодежи, создает условия для появления в ее среде приверженцев экстремистских взглядов и участников террористических акций. При неизменных тенденциях такого рода трудно рассчитывать на ослабление в достаточно близком будущем позиций политических сил, опирающихся на исламизм как радикальную идеологию.

Фактором, который и в дальнейшем будет обострять ситуацию в многообразном, лишенном государства-лидера мусульманском мире, послужит сосуществование в его рамках различных школ, сект и направлений, в частности, наличие глубоких, хотя чаще всего подспудных коллизий между суннитами и шиитами, ориентирующимися соответственно на Саудовскую Аравию и Иран.

Напряженности на Ближнем и Среднем Востоке будет способствовать сохранение тенденций к укреплению национализма в качестве государственной идеологии в сочетании с более широкими, опирающимися в основном на религиозные идеи и представления средствами политической мобилизации населения. Возможно, впрочем, и ослабление воздействия религиозных идеологий, но, скорее всего, через определенный промежуток времени, на очередном этапе расширения и углубления глобальной взаимозависимости.

Возвращаясь к перспективам экономического роста на Востоке, следует подчеркнуть, что отсутствие природных богатств служит как его ограничителем, так и стимулом. Пример успешного развития при отсутствии богатых естественных ресурсов дает Япония, а также Израиль. Исключительно важен при этом человеческий фактор, т.е. образованность и трудовая квалификация населения, его дисциплинированность и организованность. Большому числу стран Азии и Африки еще предстоит в полной мере ликвидировать отставание в сфере просвещения и специальной подготовки. Крупнейшее препятствие на пути экономического и социально-гуманитарного прогресса создает коррупция, продажность чиновничества, а также политиков и законодателей. Взятничество и казнокрадство чаще всего поражают те национальные организмы, где сильны государственные ведомства, занятые одобрением деловых проектов, их регистрацией, выдачей разрешений и предоставлением льгот. Отсюда одно из базовых условий для антикоррупционных мер — сокращение контролирующих и регулирующих функций государства, либерализация его экономической политики. Однако проведению такого курса на современном этапе мешают тенденции к централизации власти и укреплению «государственнического» начала на Востоке (и не только там).

Поэтому трудно ожидать в близком будущем значительных успехов в области борьбы с коррупцией, а также неэффективностью, связанной с nepотизмом, т.е. кумовством — родственным, клановым, земляческим.

В целом не исключено, что в первые десятилетия XXI в. мир ожидает снижение темпов роста взаимобмена товарами, услугами, капиталами и людьми. Такое может произойти несмотря на то, что мировое сообщество в лице его ведущих межправительственных организаций — «группы восьми», ООН и ее специализированных учреждений, ВТО и других финансово-экономических институтов — предпринимает меры для установления режима наибольшего благоприятствования в торговле между странами, снижения тарифов, сокращения субсидий, препятствующих внешней торговле, а также для свободного перемещения капитала и облегчения миграционного режима. Специальные усилия предпринимаются с целью борьбы с контрабандой, нарушениями авторского права, подделкой патентов и торговых марок.

Противостоять тревожным проекциям способен, вероятно, лишь очередной прорыв в сфере высоких технологий, научных открытий, наукоемких производств и технико-технологических инноваций. Растущую роль в этом процессе, очевидно, будут играть страны Азии и Африки. Выходцы из них уже сегодня составляют значительную часть занятых в высокотехнологичных отраслях США и других развитых государств. Достаточно велик и будет увеличиваться вклад такого рода высокообразованных и эффективно работающих специалистов в экономику самих восточных государств. Можно считать, что к началу XXI в. во многом оправдались сделанные еще в 1970-х годах предположения о том, что происходящий переворот в производительных силах с опорой на науку открывает перед странами Востока новые перспективы и возможности, которых не было прежде³. В полной мере оправданными можно считать и представления о встроенности определенных элементов национальных хозяйств восточных государств в мировые системы интеллектуальных мануфактур и фабрик⁴. Расширение сегмента современной, высокотехнологичной, трудо- и капиталоемкой экономики станет, вероятно, главной панацеей от многочисленных бед и препятствий, ожидающих мир в целом и страны Востока в частности в XXI в.

Преодоление ограничителей роста за счет возрастающей отдачи от творческих инноваций сможет, вероятно, противостоять и тенденциям к старению населения как на Западе, так и на Востоке, а также иным (отчасти до поры не явленным) угрозам и вызовам. Учитывая перспективу угасания стимулов роста, поступающих от западных сообществ, следует ожидать, что страны Востока приобретут некоторые черты и характеристики мирового «мотора развития».

Реализация таких ожиданий во многом, как представляется, связана с судьбами демократии на Востоке, процессами демократизации азиатско-африканских обществ. При этом речь не идет о прямых заимствованиях и копировании запад-

³ См.: *Когонтас А.П.* НТР и машинная стадия производства в развивающихся странах. — Научно-технический прогресс и развивающиеся страны. М., 1976. с. 81.

⁴ *Растяжников В.Г.* НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в развивающихся странах Востока. — Капитализм на Востоке во второй половине XX века. М., 1995. с. 276–296.

ных образцов. И демократия, и гражданское общество на Востоке необходимо будут носить свой национальный и цивилизационный колорит. Базовыми вместе с тем остаются такие характеристики либерально-демократического сообщества, как, во-первых, независимость судебной власти от исполнительной, что в результате ведет к утверждению основ конституционализма, неукоснительного следования закону, в том числе в случаях, которые находятся в сфере, пограничной с полигической; во-вторых, свобода слова и собраний, иначе говоря, независимость от властей преобладающих средств массовой информации и проявлений политической активности в условиях, когда в государственном сообществе имеется конкуренция партий и других законно оформленных групп интересов, а на первых порах хотя бы конкуренция трансформирующихся традиционных элит; в-третьих, в обществе нет преобладания изоляционистских, ксенофобских, ретроградно-фундаменталистских настроений и идеологий, наблюдается стремление к кооперации и сотрудничеству с внешними контрагентами, открытому общению в рамках региональных и глобальных структур.

Еще одно существенное условие демократического развития — улучшение качества управления, борьба со злоупотреблениями тех, кто находится у власти. Одновременно это и повышение эффективности в противостоянии силам, бросающим вызов государству и обществу, прибегающим к противоправным, криминальным, насильственным действиям. Питательной средой для последних служит наличие геновых структур в финансовой и производственной сферах, в области предоставления услуг, в том числе образовательных. Слабость и рыхлость системы управления провоцирует разрастание подпольных структур, делает активным их проникновение в легально функционирующую политическую сферу, способствуя разрушению ее изнутри.

Важнейшие вопросы, на которые можно будет получить ответ лишь по прошествии, очевидно, ряда десятилетий, относятся к перспективам эволюции, модернизации культуры восточных обществ, причем как культуры семьи и бытового общения, так и общественной, в существенной степени политизированной. Неочевидным является, до какой степени консерватизм, свойственный в общем и целом восточным цивилизациям, обусловлен недостаточно развитой, не трансформировавшейся экономикой и социальной сферой, а до какой он является следствием самовоспроизводящейся системы, которую нельзя в базовых элементах изменить даже при условии успешных экономических преобразований. Неясно также, является ли формирование среднего класса необходимым и достаточным условием демократизации. Или, несмотря на появление буржуазии (частной предпринимательской верхушки), последняя будет опираться в обеспечении условий для своего бытия на «верхний класс», аристокрацию и бюрократию, т.е. выходцев из среды традиционно привилегированной землевладельческой и духовной элиты.

Под вопросом остается и рассасывание сельскохозяйственного комплекса, который обеспечивает занятость большинства населения. Если вклад аграрного сектора в национальный доход к началу текущего века уже опустился в большинстве восточных государств ниже отметки в 25%, то доля занятых в сельском

производстве, прямо или косвенно зависящих от него, в наиболее населенных регионах и странах Азии, таких как Индия и Китай, не опустилась еще ниже 50%. А покуда большинство населения продолжает быть связанным с сельской экономикой, основанной на интенсивных способах его ведения, пусть в ряде звеньев и модифицированных, нет, видимо, возможности говорить о трансформации традиционности. И следовательно, нет в близком будущем и перспектив для преодоления исконных черт в общественном и государственном устройстве.

Тенденции социального и экономического развития на обозримом этапе существенно связаны с процессами, происходящими в третичной сфере, в области оказания услуг индивидуальными лицами, частными предприятиями, общественными учреждениями и государственными органами. На сферу услуг к началу XXI в. в большинстве государств Азии и Северной Африки уже приходилось около или более 50% производимого в течение года национального дохода. В дальнейшем ее доля, видимо, повысится еще более из-за относительного сокращения производственной сферы под влиянием конкуренции на внутреннем и внешнем рынках.

Исключительно важным станет при этом качество «сервисизации» экономики, т.е. степень зависимости сферы услуг от современных либо традиционных, высоко- либо низкодоходных, городских либо сельских отраслей производства, областей жизни и быта. Самые значительные различия, как и ранее, будут, по всей видимости, наблюдаться между экономикой регионов и стран, обращенных в сторону внешнего мира, включенных в мировую торговлю, осуществляемую главным образом морским путем, и «замкнутых на себя» районов и государств, расположенных в отдалении от морских и прибрежных зон. Водораздел по такому же принципу, как выше отмечалось, останется и внутри крупных государственных образований. Там может увеличиться перепад в уровнях развития приморских и «срединных», особенно горно-пустынных, труднодоступных местностей.

В первой половине XXI в., судя по всему, произойдет дальнейшее усиление внимания к континентально-материковым регионам, а в ареале Востока к ним относится прежде всего центр Евразии. Одним из главных экономических мотивов такого внимания будет освоение природных богатств, в первую очередь месторождений углеводородного сырья — нефти и природного газа. Центральные, внутренние районы Азиатского континента могут во все большей степени оказываться ареной приложения сил крупнейших геополитических игроков, среди которых видное место займет Китай. Нельзя исключить, что сотрудничество на океанических просторах будет уравниваться конкуренцией на сухопутном пространстве, главным из которых станет «сердцевина мира» — континентальная Евразия.

Пространственный элемент геополитики получит, вполне вероятно, дальнейшее развитие. Помимо, условно, земельно-водного он приобретет все более выраженное воздушно-космическое измерение. Причем активное участие в нем примут крупнейшие страны Востока, такие как КНР, Япония, Индия, а возможно,

и державы следующего порядка — в первую очередь Пакистан и Иран, оба корейских государства, а также Малайзия и Индонезия.

Геополитические коллизии, вероятнее всего, будут иметь все более технологически сложный, интеллектуальный характер. Научные открытия двойного (гражданско-военного) назначения в сочетании с их реализацией в технике и технологиях многократно усложнят содержание международно-политических процессов. Еще большую роль приобретет информация и, следовательно, контроль над средствами массового распространения новостей, в том числе и нарочито тенденциозных, политически мотивированных. Соответственно с этим усложнится внешнеполитическая деятельность государств, увеличится разнообразие проектов многосторонней дипломатии.

На смену возможному сокращению темпов углубления экономической и культурно-гуманитарной глобализации после 2020 г. может прийти новый этап. Революция международного рынка на базе научных и технических инноваций совпадет со снижением уровня конфликтности вследствие увеличения среднего возраста жителей планеты, сглаживания «молодежных выступов» в развивающихся регионах Востока, прежде всего в мусульманском.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Акимов А.В.* Мировое население: взгляд в будущее. М., 1992.
- Васильев Л.С.* История Востока. В 2 томах. 1-е изд. М., 1998. 4-е изд. М., 2005.
- Вооруженные силы и военная экономика стран Азии и Северной Африки. Отв. ред. А.З. Егорин. М., 2002.
- Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
- Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2002.
- Восток. Рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире. Пред. редкол. Е.М. Примаков. М., 1983.
- Вяткин А.Р.* Развивающиеся страны Востока: демографические прогнозы. М., 1990.
- Гаджиев К.С.* Геополитика. М., 1997.
- «Геном Востока»: опыты и междисциплинарные возможности. Материалы к научной конференции. М., 2004.
- Глобальное сообщество: Новая система координат (Подходы к проблеме). Отв. ред. А.И. Неклесса. СПб., 2000.
- Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. Отв. ред. В.Г. Растяников. М., 1980.
- Гузеватый Я.Н.* Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980.
- Длин Н.А.* Россия и мировое сообщество: Запад и Восток. М., 2001.
- Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002.
- Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003.
- Зарубежный Восток и современность. В 3 т. Предс. редкол. Г.Ф. Ким. М., 1980 1981.
- Звягельская И.Д.* «Конфликтная политика» США на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1990.
- Ислам в современной политике стран Востока. Отв. ред. Л.Р. Полонская. М., 1986.
- Ислам и общественное развитие в начале XXI века. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин, Н.Ю. Ульченко. М., 2005.
- Ислам и политика. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин. М., 2001.
- Ислам на современном Востоке. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин. М., 2004.
- Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. Отв. ред. А.И. Ионова. М., 1985.
- «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. Отв. ред. Л.Г. Полонская. М., 1987.
- Исследования социологических проблем развивающихся стран. Отв. ред. В.Ф. Ли. М., 1978.
- Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 года. В 2 кн. М., 2000.
- Капитализм на Востоке во второй половине XX в. Отв. ред. В.Г. Растяников, Г.К. Широков. М., 1995.
- Категории политической науки. Под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 2002.
- Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- Китай в мировой политике. Отв. ред. и сост. А.Д. Воскресенский. М., 2001.
- Классы, партии и политика в развивающихся странах Востока. Отв. ред. В.Ф. Ли. М., 1988.
- Колонтаев А.П.* Проблемы занятости в развивающейся экономике. М., 1988.
- Культура в странах Азии и Африки. Отв. ред. Б.С. Ерасов. М., 1989.
- Лебедева М.М.* Мировая политика. М., 2003.

- Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М., 1988.
- Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.
- Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? М., 2005.
- Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран. М., 1978.
- Лунгвотт Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики, 1945–1996. М., 2002.
- Межгосударственные региональные организации Азии в международных отношениях. Отв. ред. М.С. Капица. М., 1991.
- Мельяцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.
- Милославский Г.В. Интеграционные процессы в мусульманском мире. М., 1991.
- Мусульманские страны у границ СНГ. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин. М., 2001.
- Наринский М.М. История международных отношений, 1945–1975. М., 2004.
- Научно-технический прогресс и развивающиеся страны. М., 1986.
- Национальные и социальные движения на Востоке. Отв. ред. Р.А. Ульяновский, рук. авт. кол. М.А. Персиц. М., 1986.
- Новейшая история арабских стран Азии. Отв. ред. Е.А. Лебедев. М., 1988.
- Новейшая история стран Азии и Африки. XX век, 1945–2000. Под ред. А.М. Родригеса. Кн. II. В 2 ч. М., 2004.
- Общественная мысль развивающихся стран. Отв. ред. К.Л. Майданик. М., 1988.
- Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.Л. Фадеева. М., 1997.
- Панарин А.С. О мире политики на Востоке и Западе. М., 1999.
- Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. Дубна, 2006.
- Пластун В.Н. Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока. Новосибирск, 2005.
- Политическая история государств Азии и Африки. Т. 1, 2. Под ред. А.М. Родригеса. М., 1996.
- Политические системы и политическая культура Востока. Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2006.
- Примаков А.Е. Персидский залив: нефть и монополии. М., 1983.
- Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
- Примаков Е.М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
- Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX в. — начало XXI в.). М., 2006.
- Примаков Е.М. Минное поле политики. М., 2007.
- Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие. Отв. ред. И.А. Аleshina, И.Д. Иванов, В.Л. Шейнис. М., 1983.
- Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост. Отв. ред. Я.Н. Гувезатый. М., 1981.
- Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. Отв. ред. В.Л. Шейнис, А.Я. Эльянов. М., 1983.
- Растяжников В.Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
- Революционный процесс на Востоке. История и современность. Отв. ред. Р.А. Ульяновский, рук. авт. кол. М.А. Персиц, А.Б. Резников. М., 1982.
- Рейснер Л.И. Очерки теории экономического роста. М., 1975.
- Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. М., 1993.
- Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. Под ред. Б.С. Ерасова. М., 1996.
- Россия и Восток: цивилизационные отношения. Вып 1, 2. Под ред. Б.С. Ерасова. М., 1995.

- Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий. Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2004.
- Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- Системная история международных отношений. 1918–2000. В 4 т. Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000–2004.
- Советская внешняя политика в годы «холодной войны». Новое прочтение. Под ред. Л.Н. Нежинского. М., 1995.
- Современная Азия. Справочник. Пред. редкол. Б.Г. Гафуров. М., 1977.
- Современные международные отношения. Под ред. А.В. Торкунова. М., 2001.
- Современные международные отношения и мировая политика. Под ред. А.В. Торкунова. М., 2004.
- Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
- Средние слои городского общества в странах Востока. Отв. ред. В.Ф. Ли. М., 1975.
- Теории экономического развития освободившихся стран Азии. Отв. ред. Л.И. Рейснер. М., 1970.
- Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000.
- Трудовые ресурсы Востока. Демографо-экономические проблемы. Отв. ред. Я.Н. Гузеватый. М., 1987.
- Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001.
- Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри. М., 2003.
- Центральноазиатский макрорегион и Россия. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 1993.
- Широков Г.К. Восток: панорама новейшего времени. Избранные научные труды. М., 2003.
- Широков Г.К. Мир на перепутье (Расхождения векторов общественного развития: Запад–Восток). М., 2000.
- Широков Г.К. Промышленная революция в странах Востока. М., 1981.
- Широков Г.К., Лунев С.И. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998.
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М., 1984.
- Эволюция политических систем на Востоке. Отв. ред. В.И. Данилов. М., 1999.
- Экономика развивающихся стран. Теории и методы исследования. Отв. ред. Л.И. Рейснер. М., 1979.
- Энциклопедия стран мира. Под ред. Н.А. Симонии. М., 2004.
- Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М., 2005.
- Brown N. A History of the World in the 20th Century. Part 3: 1945–1968. L., 1970.
- Culture Matters. How Values Shape Human Progress. N.Y., 2000.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L., 1992.
- Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y., 1996.
- Huntington S.P. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. N.Y., 1991.
- Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflicts from 1500 to 2000. N.Y., 1989.
- Laroui A. L'idéologie arabe contemporaine. P., 1967.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО СТРАНАМ И РЕГИОНАМ

МАРОККО

- Арабские страны. Экономика и внешнеэкономические связи. М., 1979.
- Ментешашвили З.А. Социальное развитие Марокко. Традиции и современность. М., 1988.
- Развитие капитализма в арабском мире. М., 1988.

- Уалату Ф. Очерки марокканской экономики. М., 1983
Bouderbala N., Chraïbi M., Pascon P. La question agraire au Maroc. Tanger, 1957.
 Economic Development Assistance. A Statement of National Policy. N.Y., 1957.

АЛЖИР

- Аргентов В.А.* Алжир на новом пути. М., 1982.
Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2004.
 История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992.
Ланда Р.Г. История Алжира. XX в. М., 1999.
Ланда Р.Г. История алжирской революции. 1954–1962 гг. М., 1983.
Ланда Р.Г. Кризис колониального режима в Алжире. 1930–1954 гг. М., 1980.
Максименко В.И. Политические партии в переходном обществе: Марокко, Алжир, Тунис, 20–80-е годы XX в. М., 1985.
Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine (1830–1966). P., 1966.
Kaddache M. Histoire du nationalisme algérien. T. I–II. Alger, 1980.
Stora B. Histoire de l'Algérie depuis l'indépendance. P., 1994.

ТУНИС

- Ворочанина Н.И.* Культурные преобразования в современном Тунисе. М., 1978.
Видясова М.Ф. Джихад без войны: опыт модернизации и политическое наследие Х. Бургибы (1900–2000). Т. 1, кн. 1, 2. М., 2005. Т. 2, кн. 1. М., 2007.
Иванов Н.А. Современный Тунис. М., 1959.
 Тунис. Справочник. М., 1978.
 Тунисская Республика. Справочник. М., 1993.
Шаббан Садок. Тунис: путь к политическому плюрализму: курс президента Зина аль-Абидина Бен Али. М., 1996.
Anderson L. The State and Social Transformation in Tunisia and Libya: 1830–1980. Princeton (N.J.), 1980.
 Annuaire de l'Afrique du Nord. L., 1999; 2003; 2005.
Denoeux Guilain. La Tunisie de Ben Ali et ses paradoxes. — Monde Arabe. № 166. Maghreb–Machrek. P., 1999.
Ling D.L. Tunisia. From Protectorate to Republic. Bloomington–London, 1967.
 Tunisie, 10 ans déjà. — Monde Arabe. Numéro special. № 157. Maghreb–Machrek. P., 1997.

ЛИВИЯ

- Борисов А.Б.* Арабский мир: прошлое и настоящее. М., 2002.
Егорин А.З. История Ливии. XX век. М., 1999.
 История Ливии в новое и новейшее время. М., 1992.
Прошин Н.И. История Ливии. Конец XIX в. — 1969 г. М., 1975.
 Таарих ليبيا мунзу аклам аль-асур (История Ливии с древнейших времен). Триполи, 1972.
 Аль-Фаджр аль-Джадид (Новый рассвет). Триполи, 02.03.1977.
Bianco M. Gaddafi — Voice from the Desert. P., 1975.
Birks S., Singlar K. Libya: Problems of State Rentier. L., 1984.
 The Fundamentals of the Third International Theory. Tripoli, 1974.
Khadduri M. Modern Libya. Baltimore, 1963.
 The Military Balance. Chap. Libya. L., Oxf. University Press, 1970–1982.
 New York Times. 16.11.1986.
Pelt A. Libyan Independence and the United Nations. L., 1970.

Rommel E. The Rommel Papers. [Б.м., б.г.].

White Book. Some Examples of the Damages Caused by the Belligerents of the World War Two to the People of Jamahiriya. Tripoli, 1980.

Wright J. Libiya: A Modern History. L., 1981.

СУДАН

Абрамова И.О. Период независимости. Социально-экономическое развитие. История Судана в новое и новейшее время. М., 1992.

Вобликов Д.Р. Судан. Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990.

Гусаров В.И. Социально-экономическое развитие Судана. М., 1983.

Киселев В.И. Путь Судана к независимости. М., 1958.

Новое время. 1997. № 35.

Поляков К.И. История Судана: XX в. М., 2005.

Салим Ахмед. Уже не тупик, а пропасть. Партии научного социализма в Азии и Африке (видные представители прогрессивных сил Африканского и Азиатского континентов о своих партиях и странах). Прага, 1983.

Аль-Кувват аль-мусалляха (Вооруженные силы). Хартум. 29.05.1999.

Ат-Такрир аль-истратиджий ас-суданий. 1999 (Суданский стратегический отчет за 1999 г.). Хартум, 1999.

Ат-Такрир ас-санавий ли Банк Омдурман аль-ватаний (Годовой отчет Национального банка Омдурмана). Омдурман, апрель 1998.

Ахбар аль-яум. Хартум. 22.09.1999.

Дарар Мухаммед Салех. Таарих Суакин ва аль-Бахр аль-ахмар (История Судана и Красного моря). Хартум, 1981.

Мекки Х. Аль-Харака аль-исламия фи-с-Судан 1969–1985 (Исламское движение в Судане в 1969–1985 гг.). Хартум, 1999.

Такрир ляджнат ат-тахкык аль-идарий фи хавадис аль-джануб фи угустус сана 1955 (Отчет комиссии по административному расследованию событий на Юге в августе 1955 г.). Хартум, 1956.

Economist. 1999. Vol. 350. № 8108.

Niblocs T. Class and Power in Sudan. The Dynamics of Sudanese Politics, 1898–1985. N.Y., 1987.

Report on the Administration of the Sudan for the Year 1949. L., 1952.

Terrorism in the United States. Terrorist Research and Analytical Center, National Security Division, Federal Bureau of Investigation, U.S. Department of Justice. Wash., D.C., 1994.

Terrorist Threat Assessment and Antipathy Report. The 1996 Summer Olympic Games. U.S. Department of Justice, Federal Bureau of Investigation. Atlanta, Georgia. 1996.

ЕГИПЕТ

Арабский мир. Три десятилетия развития. Отв. ред. В.А. Исаев, В.В. Наумкин. М., 1990.

Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX в. М., 2002.

Новейшая история арабских стран Африки. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 1990.

Ражабдинов М.З. Египетское движение «Братьев-мусульман». М., 1970.

Сейранян Б.Г. Египет в борьбе за независимость. 1945–1952. М., 1970.

Abdel-Fadil M. Development, Income, Distribution and Social Change in Rural Egypt (1952–1970) L., 1975.

Abdel Malek A. Egypte, société militaire. P., 1983.

Baker R.W. Egypt's Uncertain Revolution under Nasser and Sadat. Cambridge (Mass.), 1978.

Brown N.J. Peasant Politics in Modern Egypt: The Struggle against the State. New Haven, 1990.

- Dekmejian R. H.* Egypt under Nasser. N.Y., 1971.
 Egypt under Mubarak. Ed. by Ch. Tripp and R. Owen. N.Y., 1989.
Gershoni I. The Emergence of Pan-Arabism in Egypt. Tel Aviv, 1981.
Heikal M. Autumn of Fury: The Assassination of Sadat. L., 1986.
Heikal M. The Road to Ramadan. L., 1978.
Heikal M. Sphinx and Commissar. The Rise and Fall of Soviet Influence in the Arab World. L., 1978.
Hussein M. La lutte de classes en Egypte, 1945–1970. P., 1971.
Hussan R. L’Egypte nassérienne. P., 1964.
Issawi Ch. Egypt in Revolution: An Economic Analysis. L., 1963.
Kienle E. A Grand Delusion. Democracy and Economic Reform in Egypt. L.–N.Y., 2001.
Lacouture J. et S. L’Egypte en mouvement. P., 1956.
Mabro R. The Egyptian Economy, 1952–1982. Oxf., 1974.
Marsot A.L. as-S. A Short History of Modern Egypt. Cambridge, 1985.
Mitchel R. The Society of the Muslim Brothers. L., 1969.
 The Political Economy of Contemporary Egypt. Ed. by I. Oweiss. Georgetown, 1990.
Reid D.M. Cairo University and Making of Modern Egypt. Cambridge, 1990.
Springborg R. Mubarak’s Egypt: Fragmentation of the Political Order. Boulder and London, 1989.
Vatikiotis P.I.A. Modern History of Egypt. L., 1980.
Waterbury J. The Egypt of Nasser and Sadat: The Political Economy of Two Regimes. Princeton, 1983.

ЛИВАН

- Мельников Е.Н.* Политический и государственный строй Ливана. М., 1974.
Салиби С. Очерки по истории Ливана. М., 1969.
Стоклицкий С.Л. Ливан: время событий. М., 1990.
 The Middle East and North Africa. L.–N.Y., 2004.
 The Middle East Contemporary Survey. Vol. XXI. Tel Aviv, 2000.

ИОРДАНИЯ

- Аганин А.Р., Соловьева Э.А.* Современная Иордания. М., 2003.
Исаев В.А., Лебедев Е.А., Филоник А.О. Иордания: контуры перемен. М., 1987.
Котлов Л.Н. Иордания в новейшее время. М., 1962.
 The Middle East Contemporary Survey. Vol. XXI. Tel Aviv, 2000.

СИРИЯ

- Ахмедов В.М.* Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003.
Ахмедов В.М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. М., 2005.
Луцкий В.Б. Национально-освободительная война в Сирии (1925–1927 гг.). М., 1964.
 Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада. М., 2000.
Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966 гг.). М., 1978.
 Сирийская Арабская Республика. Справочник. М., 1997.
Seal P. Asad of Syria: The Struggle for the Middle East. L., 1988.
 Statistical Abstracts. Syrian Arab Republic. Central bureau of statistics. Damascus, 1963–2006.
Volker P. The Political Economy of Syria under Asad. L., 1997.

ПАЛЕСТИНА

- Аббас Махмуд (Абу Мазен)*. Путь в Осло: Человек, подписавший соглашение, раскрывает тайны переговоров. М., 1996.
- Дмитриев Е.* Палестинская трагедия. М., 1986.
- Егорин А.З., Абдель Хамид Х.А.* Война за ближневосточный мир. М., 1998.
- Киселев В.И.* Палестинская проблема. История и современное состояние. М., 1976.
- Киселев В.И.* Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. М., 1988.
- Палестинская проблема Документы ООН, международных организаций и конференций. М., 1984.
- Aburish Said K. Arafat: From Defender to Dictator.* Bloomsbury, 1998.
- Aronson G.* Israel, Palestinians and the Intifada: Creating Facts on the West Bank. L.–N.Y., 1987.
- Bailey C.* Jordan's Palestinian Challenge. 1948–1983: A Political History. Boulder–London, 1984.
- Bickerton Ian J., Klausner C.L.* A Concise History of the Arab-Israeli Conflict. Upper Saddle River, 1998.
- Cobban H.* The Palestinian Liberation Organization: People, Power and Politics. Camb., 1984
- Khalidi R., Mansour C.* Palestine and the Gulf. Beirut, 1982.
- Milton-Edwards B.* Islamic Politics in Palestine. L.–N.Y., 1996.
- Mishal S., Sela A.* The Palestinian Hamas: Vision, Violence, and Co-existence. N.Y., 2000.
- The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964–1994. N.Y., 1997.
- Robinson Glenn E.* Building a Palestinian State: The Incomplete Revolution. Indiana, 1997.

ИЗРАИЛЬ

Источники

- Ближневосточный конфликт 1947–1956. 1957–1967. Из документов Архива внешней политики РФ. Под ред. В.В. Наумкина и др. М., 2003.
- Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кэмп-Дэвиде и Табе. Сб. статей и докладов под ред. А.Д. Эпштейна. М., 2004.
- Советско-израильские отношения. 1941–1953. Сб. докладов под ред. Б.Л. Колоколова. Э. Бенцура и др. М., 2000.
- The Arab-Israeli Conflict. Ed. by John Norton Moore. Princeton, 1977.
- Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. Ed. by J.C. Hurewitz. Vol. I (1535–1914); vol. II (1914–1956). N.Y., 1972.
- Israel and the Middle East. Ed. by Itamar Rabinovich and Jehuda Reinharz. Oxf., 1984.
- Israel's Foreign Relations. Jerusalem, Ministry for Foreign Affairs (series); Documents on the Foreign Policy of Israel. Jerusalem, 1976–2000.
- The Rise of Israel: A Documentary Record from the Nineteenth Century to 1948. In 39 volumes: Section I: 1882–1920. Ed. by Isaiah Friedman (vols. 1–12); Section II: 1920–1939. Ed. by Aaron S. Klieman (vols. 13–27); Section III: 1940–1948. Ed. by Michael J. Cohen (vols. 28–39). N.Y.–London, 1987.

Литература

- Воробьев В.П.* Конституционно-правовая система государства Израиль. М., 2002.
- Гейзель З.* Политические структуры государства Израиль. М., 2001.
- Государство Израиль в 80-е гг. Под ред. Т.А. Карасовой и др. М., 1992.
- Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В.* Государство Израиль. М., 2005.
- Нойбергер Б.* Истоки израильской демократии и этапы ее развития. Тель-Авив, 1995.
- Нойбергер Б.* Политические партии Израиля. Тель-Авив, 1997.

- Нойбергер Б. Религия, государство и политика. Тель-Авив, 1997.
- Общество и политика современного Израиля. Под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко. М., 2002.
- Сатановский Е.Я. Израиль в мировой политике. М., 2001.
- Штерениш М. История государства Израиль 1896–2002. Герцлия, 2003.
- Arian A. Politics in Israel. The Second Generation. New Jersey, 1985.
- Arian A. The Second Republic. Politics in Israel. Chatham–New Jersey, 1998.
- Beilin Y. Israel: A Concise Political History. L., 1992.
- Beilin Y. Touching Peace. From the Oslo Accord to a Final Agreement. L., 1999.
- Dowty A. The Jewish State. A Century Later. Berkeley, 1998.
- Galnoor I. The Partition of Palestine. Decision Crossroads in the Zionist Movement. Albany, 1995.
- Israel: The First Hundred Years. Vols 1–4. Ed. by E. Karsh. L., 2000–2004.
- The Israeli Economy 1985–1998. From Government Intervention to Market Economics. Jerusalem, 2000.
- Klieman A. Israel and the World after 40 Years. N.Y., 1990.
- Mahler G.S. Israel: Government and Politics in a Maturing State. N.Y., etc., 1990.
- Medding P. The Founding of Israeli Democracy 1948–1967. N.Y., 1990.
- Morris B. Righteous Victims. A History of the Zionist-Arab Conflict. N.Y., 1999.
- Rabinovich I. Waging Peace. Israel and the Arabs 1948–2003. Princeton, 2004.
- Sachar H.A. A History of Israel. From the Rise of Zionism to Our Time. N.Y., 2002.
- Sager S. The Parliamentary System of Israel. N.Y., 1985.
- Shlaim A. The Iron Wall. N.Y.–L., 2000.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

- Валькова Л.В. Саудовская Аравия: Нефть, ислам и политика. М., 1987.
- Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. — начало XX в.). М., 1999.
- Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии: Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М., 2003.
- Филоник А.О., Вавилов А.И. Саудовская Аравия: Поиски внутренней гармонии. М., 2004.
- Яковлев А.И. Саудовская Аравия: пути эволюции. М., 1999.
- Сагама Гассан. Ас-Сийаса ал-хариджия ас-саудийа мунзу ам 1945 (Внешняя политика Саудовской Аравии с 1945 г.). Бейрут, 1980.
- Al-Fursy Fouad. Modernity and Tradition: The Saudi Equation. L., 1990.
- Al-Rasheed Mudawi. A History of Saudi Arabia. Cambridge, 2003.
- Kingdom of Saudi Arabia: Achievements of the Development Plans 1390–1415 (1970–1995). Facts and Figures. Riyadh, 1996.

ЙЕМЕН

- Алхимов П.Г., Гусаров В.И. Экономика Народной Демократической Республики Йемен. М., 1976.
- Бурмистров В.Н. Народная Демократическая Республика Йемен. Экономика и торговые экономические отношения. М., 1981.
- Валькова Л.В. Английская колониальная политика в Адене и аденских протекторатах. М., 1968.
- Герасимов О.Г. Йеменская революция. 1962–1975 гг. М., 1979.
- Герасимов О.Г. Йеменские документы. М., 1987.
- Голтидзе И.В. Британская политика «к востоку от Суэца». 70-е — первая половина 80-х годов. М., 1989.
- Годубовская Е.К. Политическое развитие Йеменской Арабской Республики. М., 1989.
- Годубовская Е.К. Революция 1962 г. в Йемене. М., 1971.
- Гуськов А.С. Национальный фронт НДРЙ. М., 1979.

- Каминский С.* Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981.
- Кортаев А.В.* Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997.
- Котлов Л.Н.* Йеменская Арабская Республика. Справочник. М., 1971.
- Мирский Г.И.* Третий мир: общество, власть, армия. М., 1976.
- Наушкин В.В.* Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию. М., 1980.
- Наушкин В.В.* Историко-этнографический очерк. М., 1988.
- Носенко В.И.* Саудовско-йеменская борьба из-за Асира. — История и экономика стран Арабского Востока и Северной Африки. М., 1975.
- Пиотровский М.Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М., 1985.
- Родионов М.А.* Этнография Западного Хадрамаута (Общее и локальное в этнической культуре). М., 1994.
- Сейранян Б.Г.* Йеменская Арабская Республика. — Страны Аравии. М., 1964.
- Серебров С.Н.* Народный ислам и проблемы социального развития (на примере южнойеменской провинции Хадрамаут). — Ислам и проблемы междивизиционных взаимодействий. М., 1994.
- Серебров С.Н.* Социалистическая ориентация и изменение социально-экономической структуры НДРЙ (70-е — 80-е гг.). Диссертация на правах рукописи, не опубликована. М., 1988.
- Удилова Г.М.* Йемен в период первого османского завоевания (1535–1636). М., 1988.
- Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. — Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. 1. М., 1995.
- Аль-Багри С.* Тарих Хадрамуат ас-сийяси (Полигическая история Хадрамаута). Т. 2. Каир, 1956.
- Аль-Хабиси М.* Аль-Йаман аль-джануби сийясийан ва иктисадийан ва иджитиманийан (Южный Йемен: политические, экономические и социальные аспекты). Бейрут, 1967.
- Бивазир С.А.* Аль-Фикр ва-с-сакафа фи тарих аль-хадрами (Мысль и культура в истории Хадрамаута). Аден., 1961.
- Бамтраф М.А.* Фи сабиль аль-хукм (По пуги к власти). Аден., 1983.
- Мактави А.К.* Аль-Йаман аль-джануби... иля эйна? (Южный Йемен... путь куда?). Каир, 1985.
- Исмаил А.Ф.* Дуваль ас-саура аль-ватанийя ад-димукратыйя ва афакуха аль-шииракийя (Государства национально-демократических революций и перспективы их социалистического развития). Аден., 1979.
- Vijra A.S.* The Politics of Stratification (A study of political change in South Arabian town). Oxf., 1971.
- Carapico S.* How Yemen's Ruling Party Secured an Electoral Landslide. — Middle East Report Online, 2003.
- Dostal W.* Squire and Peasant in Tarim. A study of rent capitalism in Southern Arabia. Wien, 1984.
- Dresch P.* A History of Modern Yemen. Camb., 2000.
- Dresch P.* Tribes, Government and History in Yemen. Oxf., 1993.
- Halliday F.* Revolution and Foreign policy. Camb., 1990.
- Ingrams W.H.* Arabia and the Isles. L., 1952.
- Kostiner J.* The Struggle for South Yemen. L., 1984.
- Manea Elham M.* Yemen, the Tribe and the State. Yemen Gateway, 2000.
- Mawby S.* From Tribal Rebellion to Revolution: British Counter-Insurgency Operations in Southwest Arabia 1955–1967. — Electronic Journal of International History, issues 1471–1443.
- van der Meulen D., von Wisman H.* Hadramaut: Some of Its Mysteries Unveiled. Leiden, 1964.
- Serjeant R.B.* Society and Trade in South Arabia. L., 1996.
- Serjeant R.B.* The Saiyids of Hadramawt: School of Oriental and African Studies. L., 1957.
- Weir S.* A Clash of Fundamentalisms: Wahhabism in Yemen. Merip 204, 1997.

АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАЛИВА

БАХРЕЙН

- Бодянский В.Л.* Современный Бахрейн. Справочник. М., 1976.
- Бодянский В.Л.* Бахрейн. К истории стран Персидского залива. М., 1962.
- Исаев В.А., Филоник А.О.* Королевство Бахрейн: опыт развития в условиях изменения ресурсной организации. М., 2006.
- Абд ар-Рахман аль-Бакир.* Мин аль-Бахрейн иля аль-манфа (Из Бахрейна в изгнание). Бейрут. 1965.
- Васанк нидаль джабхат ат-тахрир аль-ватани аль-бахрейнийя (Документы Фронта национального освобождения Бахрейна). [Б.м., б.г.]
- Ибрахим аль-Убейди.* Аль-Харака аль-ватанийя фи-ль-Бахрейн (Национальное движение в Бахреине). Багдад, 1976.
- Мухаммед Ар-Румейхи.* Аль-Бахрейн: мушкилят ат-тагайюр аль-иджтимаи ва-с-сияси (Бахрейн: проблемы социально-политических преобразований). Бейрут. 1976.
- Burton P., Hassan O.* Bahrain and its Development Philosophy. L., 1998.
- Clarke A.* Bahrain: Oil and Development, 1929-1989. L., 1998.
- Hamad bin Isa al-Khalifa Sheikh.* First Light: Modern Bahrain and its Heritage. L., 1995.
- Khuri F.I.* Tribe and State in Bahrain. Chicago University Press. 1981.
- Middle East and North Africa. 2007.
- Nakhleh Emile A.* Bahrain: Political Development in a Modernizing Society. Lexington, MA, 1976.
- Nugent J., Thomas Th.* Bahrain and Gulf: Prospects for the Future. L., 1985.
- Routine Abuse. Routine Denial: Civil Rights and the Political Crisis in Bahrain. N.Y., 1997.

КАТАР

- Исаев В.А., Озотин В.В.* Катар. Объединенные Арабские Эмираты. М., 1984.
- Sadik M., Sawley W.* Bahrain, Qatar and the United Emirates: Colonial Past, Present Problems and Future Prospects. [Б.м.], 1976.
- The Middle East and North Africa. L.-N.Y., 2004.

КУВЕЙТ

- Бодянский В.Л.* Современный Кувейт. Справочник. М., 1971.
- Дин Н.А., Зверева Л.С.* Кувейт. М., 1986.
- Исаев В.А., Филоник А.О., Шагаль В.Э.* Кувейт: контуры экономических перемен. М., 2003.
- Исаев В.А., Филоник А.О., Шагаль В.Э.* Кувейт и кувейтцы в современном мире. М., 2003.
- Мелкумян Е.С.* Кувейт в 1960-1960-е годы. Социально-политические процессы и внешняя политика. М., 1989.
- Мелкумян Е.С.* Правящая элита Кувейта. — Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.
- Хасан Али Ибрахим.* Аль-Кувейт. Дираса сийасийа (Кувейт. Политическое исследование). Бейрут. 1972.
- Dickson H.R.P.* Kuwait and Her Neighbours. L., 1968.
- The Gulf Crisis: Background and Consequences. Wash., 1992.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ

- Бодянский В.Л.* Восточная Аравия (история, география, население, экономика). М., 1986.
- Егорин А.З., Исаев В.А.* Объединенные Арабские Эмираты. М., 1997.
- Исаев В.А.* Арабские страны в международном разделении труда. М., 1997.

- Исаев В.А., Озолин В.В.* Катар. Объединенные Арабские Эмираты. М., 1984.
- Луцкий В.В.* Новая история арабских стран. М., 1965.
- Страны Аравийского полуострова. Россия и арабские страны: проблемы и перспективы сотрудничества. М., 1994.
- Филоник А.О., Яковлев А.И.* Объединенные Арабские Эмираты: оживший мираж. М., 2004.
- Якуб Юсеф Абдалла.* Объединенные Арабские Эмираты. История полигико-государственного развития (XIX в. — начало 70-х годов XX в.). М., 1978.
- The Arab World. A Physical, Demographical and Economic Study. Tripoli, 1975.
- Cordesman A.* Bahrain, Oman, Qatar and the UAE: Challenges of Security. Boulder, Colorado, 1997.
- The Countries and Tribes of the Persian Gulf. L., 1966.
- Gause F. Gregory.* Oil Monarchies: Domestic Security Challenges in the Arab Gulf States. N.Y., 1994.
- El Mallakh Ragaai.* The Economic Development of the United Arab Emirates. N.Y., 1981.
- The Middle East and North Africa. A Survey and Reference Books. United Arab Emirates in Parts. Country Surveys, 1971–2007. L.
- Morsy Abdullah Muhammad.* The United Arab Emirates. A Modern History. L., 1978.
- Peck Malcolm C.* The United Arab Emirates: A Venture in Unity. Boulder, Colorado, 1986.
- Supri Yearbooks by Stockholm International Peace Research Institute. 1973–2006. Sweden.
- Taryam Abdullah Omran.* The Establishment of the United Arab Emirates, 1950–1985. L., 1987.
- United Arab Emirates Yearbook. 1973–2006. By Trident Press Ltd. L., 2006
- Who's who in the Arab World. Editions 1973–2006. In Part Two: Survey of the 20 Arab Countries. Include UAE. Printed in Lebanon.

ОМАН

- Александров И.А.* Монархии Персидского залива. М., 2000.
- Исаев В.А., Филоник А.О.* Султанат Оман. М., 2001.
- Новейшая история арабских стран Азии (1917–1985). М., 1988.
- Оман: Путеводитель. Сост. Д. Осипов. М., 2002.
- Шваков А.В.* Сражающийся Оман. М., 1975.
- Les documents arabes omanais dans les dépôts d'Archives français par sultan Muhammad al-Quasimi. P., 1991.

ИРАК

- Андайк Робин Дж.* Саддам Хусейн. Политическая биография. Ростов-на-Дону, 1999.
- Геноцид в Иракском Курдистане. Институт Курдистана и Передней Азии М., 2003.
- Данюлов Л.Л.* Армия, власть и общество в современном Ираке. — Армия и власть на Ближнем Востоке. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2002.
- История Курдистана. Под ред. М.С. Лазарева, Ш.Х. Мгой. М., 1999.
- Ниязатов Ш.А.* Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк. М., 1989.
- Новейшая история арабских стран Азии. Под ред. Е.М. Примакова. Е.А. Лебедева. В.В. Наумкина. М., 1988.
- Примаков Е.М.* Война, которой могло не быть. М., 1991.
- Степанова Н.В.* Ирак: 1968–1988 гг. М., 1992.
- Федченко А.Ф.* Ирак в борьбе за независимость. 1917–1969. М., 1970.
- Шахбазян Г.С.* Особенности экономического развития Иракской Республики (1958 — середина 80-х гг.). РАН. Институт востоковедения. М., 1996. Рукопись деп. в ИНИОН РАН. № 51900 от 25.09.1996.

- Batatu H.* The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq: A Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of Its Communists, Ba'athists, and Free Officers. Princeton, N.J., 1978.
- Dann U.* Iraq under Qassem, A Political History, 1958–1963. Jerusalem, 1969.
- Haj S.* The Making of Iraq, 1900–1963. Capital, Power and Ideology. N.Y., 1997.
- Khadduri M.* Republican Iraq. A Study in Iraqi Politics since the Revolution of 1958. L.–N.Y., 1969.
- Marr Ph.* The Modern History of Iraq. L., 1985.
- Sluglett Marion F., Sluglett P.* Iraq since 1958. From Revolution to Dictatorship. L., 1987.
- Tripp Ch.* A History of Iraq. 2nd ed. Camb., 2002.

ТУРЦИЯ

Источники

- Almanac Turkey. 1977–1983 (Турецкий альманах. 1977–1983) Ankara, Turkish Daily News.
- İktisadi Rapor. 1961–2000 (Экономический отчет. 1961–2000).
- Beş yıllık planı. 1–8 (Пятилетние планы. 1–8). Ankara, 1961–2000.

Литература

- Атайёв Тюрккая.* США, НАТО и Турция. Авторизованный перевод с турецкого. М., 1973.
- Гучалин М.П.* Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества. М., 2002.
- Киреев Н.Г.* История этатизма в Турции. М., 1991.
- Кунаков В.В.* Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции. М., 1999.
- Моисеев П.П.* Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., 1994.
- Оршикова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999.
- Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992.
- Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или Евразию? М., 1997.
- Турецкая Республика. Справочник. М., 1990, 2000.
- Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001.
- Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. М., 1991.
- Турция. Современные проблемы экономики и политики. М., 1997.
- Ульченко Н.Ю.* Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002.
- Уризова Е.И.* Экономика Турции. От этатизма к рынку. М., 1993.
- Устюн Невзит.* Америка и американцы в Турции. Пер. с тур. Р.И. Керим-Заде. М., 1971.
- Vener Erhan.* Türkiye'de para ve kambyo denetimi (Финансовый и валютный контроль в Турции). Ankara, 1968.
- Kalkınan Türkiye.* Demokrat Parti neşriyatından (Платформа Демократической партии). Ankara, 1954.
- Kazgan Gülten.* Tanzımattan 21 yüzyıla Türkiye ekonomisi (Турецкая экономика – от танзимата до XXI в.). İstanbul, 2002.
- Parasız İlker.* Krüz ekonomisi (Кризисная экономика). Bursa, 1996.
- Sander Oral.* Türk-Amerikan ilişkileri. 1947–1964 (Турецко-американские отношения. 1947–1964). Ankara, 1979.
- Uras Güngör.* Ekonomide Özal'ın Yılları 1980–1990 (Экономика Озала. 1980–1990). İstanbul, 1993.
- Uras Güngör.* Türkiye'de yabancı sermaye yatırımları (Иностранные инвестиции в экономику Турции). İstanbul, 1979.
- Yeni Türkiye (Новая Турция). İstanbul, 1959.
- Singer Morris.* The Economic Advance of Turkey (1938–1960). Ankara, 1977.

Turkey. A Country Study. Wash., 1995.

Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present. Vol. II From the Foundation of the Republic to the Present. Istanbul, 1999.

ИРАН

Алиев С.Л. Иран в прошлом и настоящем. М., 1981.

Ашев С.М. История Ирана. XX век. М., 2004.

Ашев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985.

Арабаджян А.З. Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60–70-х годах. М., 1983.

Арабаджян А.З. Исламская республика Иран. Экономический потенциал: первая половина 90-х годов. М., 2002.

Бади Ш.М. Городские средние слои Ирана. М., 1977.

Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998.

Иран. Аналитические записки. Отв. ред. А.О. Филоник. М., 2004.

Иран: диалог цивилизаций. Отв. ред. Н.М. Мамедова, М. Санаи. М., 2002.

Иран: ислам и власть. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 2001.

Иран и Россия. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 2004.

Иран и СНГ. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 2003.

Иран. Очерки новейшей истории. Отв. ред. А.З. Арабаджан. М., 1976.

Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. Отв. ред. А.З. Арабаджан. М., 1989.

Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 1999.

Исламская республика Иран в 90-е годы. Отв. ред. Н.М. Мамедова. М., 1998.

История Ирана. М., 1977.

Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997.

Резди Саади. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. М., 2002.

Реза Годс М. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994.

Резишков А.Б. Иран: падение шахского режима. М., 1983.

Склярков Л.Е. Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контр-революция. М., 1993.

Современный Иран. Справочник. Отв. ред. С.М. Алиев. М., 1993.

Федорова И.Е. Иран–США: диалог и противостояние. М., 2004.

Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1983.

Iran after Revolution. Crisis of an Islamic State. N.Y., 1996.

ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА

Абашидзе А.Х. Аджария: история, дипломатия, международное право. М., 1998.

Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001.

Армения: проблемы независимого развития. М., 1998.

Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.

Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.

Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 1–2. М., 2001–2002.

Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1999.

Независимый Азербайджан: новые ориентиры. Т. 1–2. М., 2000.

Новрузов С.Г. Азербайджанская республика: некоторые проблемы социально-политического развития государства. М., 1997.

- Постсоветский Южный Кавказ: обзор публикаций по социальным и политическим наукам. 1989–2001 гг. Ереван, 2002.
- Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М., 1999.
- Россия и Закавказье в современном мире. М., 2002.
- Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. М., 2000.
- Северный Кавказ — Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы международной конференции. М., 1997.
- Спорные границы на Кавказе. М., 1997.
- Червошная С.М.* Абхазия-1992: посткоммунистическая грузинская Вандея. М., 1993.
- Этнополитические конфликты в Закавказье: их истоки и пути решения. Мэриленд, 1997.
- Aves J.* Georgia: From Chaos to Stability? L., 1996.
- Baev P.* Russia's Policies in the Caucasus. L., 1997.
- Central Asia and Transcaucasia: Ethnicity and Conflict. Ed. by V.V. Naumkin. L., 1994.
- New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nations. Ed. by J. Bremmer, R. Taras. Camb., 1997.
- The Security of the Caspian Sea Region. SIPRI. Ed. by G. Chufrin. N.Y., 2001.

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Источники

- Акаев А.* Трудная дорога к демократии. М., 2002.
- Аналитические итоги первой переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. Кн. VI. Бишкек, 2002.
- Каримов И.* Узбекистан на пути углубления экономических реформ. СПб., 1995.
- Каримов И.* Стабильность и реформы. Статьи и выступления. М., 1996.
- Ниязов С.* Независимость. Демократия. Благополучие. В 2 т. Ашхабат, 1994.

Литература

- Бушков В.И., Микутьский В.Д.* Таджикиская революция и гражданская война (1989–1994 гг.). М., 1995.
- Жуков С.В., Резникова О.Б.* Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.
- Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995.
- Куртов А.А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2002.
- Левитин Л.* Узбекистан на историческом повороте. М., 2001.
- Рыблов В.* Туркменская трагедия. М., 2003.
- Узбекистан: обретение нового облика. В 2 т. М., 1998.

АФГАНИСТАН

- Аврамович Р.Т.* Афганистан в 1961–1966 гг. М., 1967.
- Аврамович Р.Т.* Афганистан после Второй мировой войны. М., 1961.
- Давыдов А., Черняховская Н.* Афганистан. М., 1973.
- История Афганистана. Под ред. Ю.В. Ганковского. М., 1982.
- История вооруженных сил Афганистана. 1747–1977. М., 1985.
- Корган В.Г.* Афганистан: политика и политики. М., 1999.
- Корган В.Г.* Интеграция в политической жизни Афганистана. М., 1983.
- Корган В.Г.* История Афганистана. XX век. М., 2004.
- Сиков Р.Р.* Талибы. М., 2002.

- Спольников В.Н.* Афганистан. Исламская оппозиция. М., 1990.
- Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений. М., 1988.
- Кушикаки С.* Дахе-и канун-и асаси (Десятилетие конституций). Пешавар, 1986.
- Фарханг Мир Мухаммад Сиддик.* Афганистан дар пандж карн-и ахир (Афганистан в последние пять веков). Т. 2. Вирджиния (США), 1988.
- Abdul Samad Ghaus.* The Fall of Afghanistan. Pergamon, 1987.
- Arnold A.* Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq. Stanford, 1983.
- Bradsher H.S.* Afghanistan and the Soviet Union. Durham, 1983.
- Dupree L.* Afghanistan. Princeton, 1980.
- Ghobar Mir Gholam Mohammad.* Afghanistan in the Course of History. Vol. 2. Alexandria, 2001.
- Human A.* Afghanistan under the Soviet Domination. 1964-83. London, 1984.
- Rubin B.* The Fragmentation of Afghanistan. New Haven, 1995.
- Rubin B.* The Search for Peace in Afghanistan. From Buffer State to Failed State. New Haven, 1995.

ПАКИСТАН

- Аристова Л. Б.* Производственная инфраструктура Пакистана. М., 1978.
- Белокреницкий В. Я.* Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М., 1982.
- Белокреницкий В. Я.* Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития М., 1988.
- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н.* История Пакистана. XX век. М., 2008.
- Ганковский Ю. В.* Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории. М., 1964.
- Ганковский Ю. В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.
- Ганковский Ю. В., Полонская Л. Р.* История Пакистана. М., 1961.
- Гордон-Полонская Л. Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (Критика «мусульманского национализма»). М., 1963.
- Жмуйда И. В.* Региональные аспекты экономической политики в Пакистане. М., 2002.
- Камнев С. Н.* Пакистан: государственные финансы и экономическое развитие. М., 1982.
- Москаленко В. Н.* Внешняя политика Пакистана. М., 1984.
- Москаленко В. Н.* Проблемы современного Пакистана. М., 1970.
- Морозова М. Ю.* Современная пакистанская деревня. Особенности социально-экономической эволюции. М., 1986.
- Мукумджанова Р. М.* Пакистан. Южная Азия и политика США (60-е — начало 70-х годов). М., 1974.
- Пакистан. Справочник. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1991.
- Пакистан. страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сб. статей памяти Ю.В. Ганковского. М., 2004.
- Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003.
- Сотников В. И.* Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М., 2003.
- Тансыкбаева С. И.* Крестьянство Пакистана. Ташкент, 1969.
- Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1998.
- The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. Karachi, 1973.
- Economic Survey. 2001-2002. Government of Pakistan. Islamabad, 2002.
- Malik J. H.* State and Civil Society in Pakistan. L., 1977.
- Talbot I.* Pakistan: A Modern History. N.Y., 1998.

ИНДИЯ

- Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии. Краткий очерк. М., 1973.
- Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике. М., 2003.

- Ваджнаи Атал Бихари.* Индия на пути в будущее. М., 2001.
- Демократия в Индии. Отв. ред. Ф.Н. Юрлов. М., 2002.
- Индия: достижения и проблемы. Отв. ред. А.А. Куценков, Ф.Н. Юрлов. М., 2002.
- Индия в глобальной политике. Внешние и внутренние аспекты. Отв. ред. Ф.Н. Юрлов. М., 2003.
- Индия: общество, власть, реформы: Памяти Г.Г. Котовского. Отв. ред. Е.Ю. Ванина, В.П. Кашин. М., 2003.
- Индия сегодня. М., 2004.
- Индия: социально-экономические проблемы и пути их решения. Отв. ред. О.В.Малыров. М., 2003.
- Кавль Т.Н.* Индия и Азия. М., 1989.
- Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. М., 2002.
- Ниглов (Юрлов) Ф.Н.* Леводемократические правительства в штатах Индии. М., 1987.
- Новейшая история Индии. Отв. ред. В.В. Балабушевич, А.М. Дьяков. М., 1959.
- Регинш (Чичеров) А.И.* Индийский национальный конгресс: очерки идеологии и политики (60-е — первая половина 70-х годов). М., 1978.
- Россия и Индия в современном мире: вопросы сотрудничества и взаимодействия в свете их национально-государственных интересов. Отв. ред. А.А. Куценков, Ф.Н. Юрлов. М., 1995.
- Россия и Индия на пороге третьего тысячелетия. Отв. ред. А.А. Куценков, Ф.Н. Юрлов. М., 1998.
- Синха Яшвант.* Аспекты внешней политики Индии. Нью-Дели, 2003.
- Южная Азия: конфликты и компромиссы. Отв. ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М., 2004.
- Юрлов Ф.Н.* Россия и Индия в меняющемся мире. М., 1998.
- Юрлова Е.С.* Индия: от неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики. М., 2003.
- Baxter Craig.* The Jana Sangh. A Biography of an Indian Political Party. Philadelphia. 1969.
- A Centenary History of the Indian National Congress. General Editor: B.N. Pande. Vol. III. New Delhi, 1985.
- The Constitution of India. With Selective Comments by M. Bakshi. New Delhi, 2000.
- Dutt V.P.* India's Foreign Policy. New Delhi, 1984.
- Gandhi I.* Selected Speeches and Writings. 1972–1977. New Delhi, 1984.
- Ghose Sankar.* Political Ideas and Movements in India. Bombay, Calcutta et al., 1975.
- Golwalkar M.S.* Bunch of Thoughts. Bangalore, 1966.
- India 2004. A Reference Annual. New Delhi, 2004.
- India: Vision 2020. The Report plus Background Papers. Planning Commission. Government of India. New Delhi, 2004.
- India and the Nuclear Challenge. Ed. by K. Subramanyam. New Delhi, 1986.
- International Terrorism and Religious Extremism. Challenges to Central and South Asia. Ed. by Mahavir Singh. New Delhi, 2004.
- Jaffrelot Ch.* The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s: Strategies of Identity-Building, Implantation and Mobilisation. L., 1996.
- Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 1–5. New Delhi, 1967–1968.
- Khan Rasheeduddin.* Bewildered India: Identity, Pluralism, Discord. New Delhi, 1994.
- Kohli Atul.* Democracy and Discontent: India's Growing Crisis of Governability. Cambridge, 1990.
- Kothari Rajni.* State against Democracy. In Search of Humane Governance. Delhi, 1988.
- Narayan J.P.* Socialism, Sarvodaya and Democracy. Bombay, Calcutta et al., 1964.
- Nehru Jawaharlal.* India's Independence and Social Revolution (Collection of addresses and reports). New Delhi, 1984.
- Selected Speeches of Indira Gandhi. January 1966–August 1969. New Delhi, 1971.
- Seshadri Kandadai.* Studies in Indian Polity. New Delhi, 1986.
- Transforming India. Social and Political Dynamics of Democracy. Ed. by Francine R. Frankel, Zoya Hasan, Rajeev Bhargava, Balveer Arora. New Delhi, 2000.

- The Years of Endeavour. Selected Speeches of Indira Gandhi. August 1969 — August 1972. New Delhi, 1975.
- 100 Years of the Indian National Congress. — “Varnika”. Congress Centenary Commemorative Volume. New Delhi, December 1985.

БАНГЛАДЕШ

- Беглова Н.С.* Бангладеш, Южная Азия и политика США. М., 1982.
- Захосжая А.Н.* Бангладеш: становление и развитие государственности. М., 1984.
- Зув А.А.* Национальная политика и движение горных народов в Бангладеш. — Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. М., 1986.
- Лунев С.И.* Дипломатия в Южной Азии. М., 1993.
- Народная Республика Бангладеш. Справочник. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1974.
- Народная Республика Бангладеш: экономика, история, культура. Сб. статей. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1979.
- Пучков В.П.* Политическое развитие Бангладеш 1971- 1985. М., 1986.
- Сумский В.В.* Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987.
- Щеглова А.М.* Сельское общество Бангладеш. М., 1988.
- Bangladesh: A Country Study. Ed. by James Heitzman and Robert Worden. September 1988. Library of Congress. <http://memory.loc.gov/frd/cs/bdtoc.html>
- Bangladesh. Data compiled by K. Kamamaharajan, March 2002. Country Data. Institute of Peace & Conflict Studies. <http://www.ipcs.org/ipcs/databaseIndex2.jsp?database=1001&country2=Bangladesh>
- The Chittagong Hill Tracts Peace Accord 1997. South Asia Terrorist Portal. <http://www.satp.org/satporgtp/countries/bangladesh/document/actandordinances/ЧНТ1990.htm>
- The Constitution of the People's Republic of Bangladesh (As modified up to 30th April, 1996). <http://www.bangladeshgov.org/prmo/constitution/index.htm>
- Ministry of Chittagong Hill Tracts Affairs. Rangamati Hill Tracts. <http://www.bangladeshgov.org/mochta/index.htm>

НЕПАЛ И БУТАН

- Иванов Б.А.* Бутан. — Политическая история государств Азии и Северной Африки. Т. I. XX век. М., 1996.
- Иванов Б.А., Лунев С.И.* Непал. — Политическая история государств Азии и Северной Африки. Т. I. XX век. М., 1996.
- Ледков А.А.* Революционные консерваторы. Традиционно-общинные истоки идеологии маоистов Непала. — Восток (Oriens). 2003. № 4.
- Празаускас А.* Бутан. Сикким. У карты мира. М., 1970.
- Редько И.Б.* Политическая история Непала. М., 1986.
- Сафронова А.Л.* Бутан. — Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. В трех частях. Ч. 2. 1945–2000. М., 2001.
- Kumar Satish.* Rana Polity in Nepal: Origin and Growth. Bombay, 1967.
- Regmi Mahesh Ch.* Landownership in Nepal. Berkeley, 1976.
- Rose Leo E.* Politics of Bhutan. Ithaca, 1975.
- Rose Leo E., Scholz J.T.* Nepal: Profile of a Himalayan Kingdom. New Delhi, 1980.
- Shaha Rishikesh.* Three Decades and Two Kings (1960–1990). New Delhi, 1990.
- Sinha A.C.* Himalayan Kingdom Bhutan: Tradition, Transition and Transformation. New Delhi, 2001.

ШРИ-ЛАНКА

- Республика Шри Ланка: экономика и политика. М., 1974.
- Республика Шри Ланка: история и современность. М., 1977.
- Сафронова А.Л.* Шри-Ланка. — Политическая история государств Азии и Северной Африки. XX век. Т. 1. М., 1996.
- Сафронова А.Л.* Южная Азия как политико-географический регион. Особенности развития малых стран Южной Азии. — Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. Т. 2. М., 2001.
- Сафронова А.Л.* Буддизм в историко-культурной традиции Шри-Ланки. М., 2005.
- Талмуд Э.Д.* История Цейлона. 1795–1965. М., 1973.
- Талмуд Э.Д.* Концепции национализма в независимой Шри-Ланке. — Национальный вопрос в странах Востока. М., 1982.
- Талмуд Э.Д.* Буддийское духовенство и идейно-политическая борьба в Шри-Ланке в период независимости. — Зарубежный Восток. Религиозные традиции и современность. М., 1983.
- Devendra T., Gunasena D.* Sri Lanka: The Emerald Island. New Delhi, 1996.
- Ethnic Conflict in Buddhist Societies: Sri Lanka, Thailand and Burma.* Ed. by K.M. de Silva. L., 1988.
- History of Ceylon. Vol. 4. Peradeniya.* 1973.
- India and Ceylon: Unity and Diversity. A Symposium.* Ed. by P. Mason. L., 1967.
- Jayawardena V.K.* The Rise of the Labour Movement in Ceylon. Durham, 1972.
- Jennings W.I.* Nationalism and Political Development in Ceylon. N.Y., 1950.
- Jupp J.* Sri Lanka: Third World Democracy. L., 1978.
- Kearney R.N.* Communalism and Language in the Politics of Ceylon. Durham, 1967.
- Kearney R.N.* The Politics of Ceylon (Sri Lanka). Ithasa, 1973.
- Lydovыk E.F.C.* The Modern History of Ceylon. N.Y., 1966.
- Modern Sri Lanka: A Society in Transition.* Ed. by T. Fernando, R.N. Kearney. N.Y., 1979.
- Phadnis U.* Religion and Politics in Sri Lanka. New Delhi, 1976.
- de Silva C.R.* Sri Lanka: A History. New Delhi, 1987.
- de Silva K.M.* A History of Sri Lanka. New Delhi, 2005.
- de Silva K.M.* Religion, Nationalism and State in Modern Sri Lanka. Tampa, 1986.
- Sri Lanka in Change and Crisis.* Ed. by Manor J. N.Y., 1984.
- Sri Lanka. A Survey.* Honolulu, 1977.
- Tambiah S.J.* Sri Lanka: Ethnic Fratricide and the Dismantling of Democracy. Chicago, 1986.
- Wilson A.J.* The Gaullist System in Asia: The Constitution of Sri Lanka. L., 1980.
- Woodward C.A.* The Growth of a Party System in Ceylon. L., 1969.
- Wriggins W.H.* Ceylon: Dilemmas of a New Nation. N.Y., 1980.
- Wriggins W.H.* Development and Protest in Ceylon and South Asia. Montreal, 1968.

МЬЯНМА (БИРМА)

- Аун Сан.* Бирма бросает вызов. Статьи и речи. М., 1965.
- Бирма. Справочник. М., 1982.
- Васильев В.Ф.* Бирма на новых рубежах. М., 1965.
- Васильев В.Ф.* Очерки истории Бирмы. 1885–1947. М., 1962.
- Васильев В.Ф.* Рабочий класс Бирмы. М., 1978.
- Дирченко Д.В.* У Ну и государственное развитие Бирмы. М., 1997.
- Жабреев А.Ф.* Аграрные отношения в современной Бирме. М., 1971.
- Западова Е.А.* Бирманская проза XX в. М., 1992.
- Листопадов Н.А.* Особенности внешней политики Мьянмы (Бирмы). М., 1998.
- Можейко И.В., Узанов А.Н.* История Бирмы (краткий очерк). М., 1973.
- Не Вин.* Бирма на новом пути. М., 1965.

- Ожегов С.С.* Архитектура Бирмы. М., 1970.
- Симония А.А.* Внешнеэкономические связи Бирмы (1962–1976). М., 1979.
- Aung San Sun Kyi.* Freedom from Fear and other Writings. L., 1991.
- Burma and the Insurrections. 1st reprint 1957, Government of the Union of Burma Publications. Sept. 1949 (Rangoon).
- Burma. Political Economy under Military Rule. Ed. by Taylor R.N. L., 2001.
- Cady J.F.* A History of Modern Burma. N.Y., 1958.
- Lintner B.* Outrage. Burma's Struggle for Democracy. London–Bangkok, 1990.
- Lintner B.* Burma in the Revolt. Boulder (Colorado) Oxford–Thailand, 1944.
- Maung Maung.* Burma and General Ne Win. L.–N.Y., 1969.
- Maung Maung.* The 1988 Uprising in Burma. Yale, 1999.
- Maung Maung.* Burma in the Family of Nations. Amsterdam, 1956.
- Maung Maung.* Burma's Constitution. The Hague, 1959.
- Maung Maung.* The Burmese Nationalist Movements 1940–1948. Edinburgh, 1989.
- Myanmar. Facts and Figures. Union of Myanmar. Yangon, 2000.
- Nu U Nu – Saturday's Son. Memoirs of the former Prime-Minister of Burma. Yale, 1975.
- Silverstein J.* Burmese Politics. The Dilemma of National Unity. New Brunswick, 1980.
- Silverstein J.* Burma: Military Rule and the Politics of Stagnation. Ithaca–N.Y.–London, 1977.
- Silverstein J.* The Political Legacy of Aung San. (Compiler with introduction). Ithaca–New York 1972, 1993.
- Smith M.* Insurgency and the Politics of Ethnicity. 2nd ed. Bangkok–Dakka–London–New York, 1999.
- Steinberg D.I.* The State of Myanmar. Wash., 2001.
- Taylor R.N.* The State in Burma. L., 1987.
- Trager F.N.* Burma. From Kingdom to Republic. N.Y., 1966.
- Who's Who in Burma. Rangoon, 1961.

ТАИЛАНД

- Дольникова В.А.* Рабочий класс Таиланда. М., 1971.
- Дольникова В.А.* Таиланд. Социальная история в свете демографических процессов. М., 1997.
- Дольникова В.А., Колосова А.В., Шустров П.Е.* Новые тенденции в политическом развитии Таиланда. — Индокитай на рубеже веков. М., 2001.
- Дольникова В.А., Колосова А.В., Шустров П.Е.* Таиланд. Пути модернизации и экономической бум. — Индокитай. 90-е годы. М., 1999.
- Калашиников Н.И.* Эволюция политической системы Таиланда. М., 1987.
- Канн пхаттхана канмыанг кхонг тхай (Политическое развитие Таиланда). Бангкок, 1997.
- Корнев В.И.* Таиланд. Студенты и политика. М., 1973.
- Bello W., Cunningham Ch., Li Kheng Pon.* A Siamese Tragedy Development and Desintegration in Modern Thailand. Bangkok, 1996.
- Brown A.* Locating Working Class Power. — *Hevinson Kevin.* Democracy and Participation Political Change in Thailand. Western Australia, 1997.
- Laird J.* Money Politics. Globalisation and Crisis. Singapore, 2000.
- Maisrikord S.* Thailand's Two General Elections in 1992. Singapore, 1992.
- McCargo D.* Chamlong Srimuang and the New Thai Politics. L., 1997.
- Phongpaichit Pasuk, Baker Ch.* Thailand. Economy and Politics. Kuala Lumpur, 1995.
- Phongpaichit Pasuk, Baker Ch.* Thailand Power in Transition in 90s. — *Hevinson Kevin.* Democracy and Participation Political Change in Thailand. Western Australia, 1997.
- Prarset Suthy.* Democratic Alternatives to Maldevelopment. The Case of Thailand. Tokyo, 1991.
- Thailand. General Election in 2001. Bangkok, 2001.
- Thailand into 2000s. Bangkok, 2001.
- Wright Ir.* The Balancing Act. A History of Modern Thailand. Bangkok, 1991.

КАМБОДЖА

- Бектимирова Н.Н.* Буддийская сангха в независимой Кампучии. М., 1981.
- Бектимирова Н.Н.* Кризис и падение монархического режима в Кампучии. М., 1987.
- Бектимирова Н.Н., Сечиванов И.Н.* Королевство Камбоджа. Политическая история. 1953–2002. М., 2002.
- Дементьев Ю.П.* Крах маоистского эксперимента. М., 1979.
- Кампучия на пути возрождения и национального примирения. Алма-Ата, 1989.
- Мосяков Д.В.* Кампучия: особенности революционного процесса и полпотовский «эксперимент». М., 1986.
- Мосяков Д.В.* Камбоджа: внутреннее развитие. 1979–1991. М., 1991.
- Мосяков Д.В.* Социально-политическое развитие Камболжи в XX веке. Деревня и власть. М., 1999.

ЛАОС

- Иоанесян С.И.* Лаос. Социально-экономическое развитие (конец XIX — 60-е годы XX в.). М., 1972.
- Иоанесян С.И.* Лаос в XX веке (экономическое развитие). М., 2003.
- Лаос. Справочник. М., 1994.

ВЬЕТНАМ

- IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977.
- V съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1983.
- VI съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1987.
- История Вьетнама в новейшее время. 1917–1965. М., 1970.
- Кобелев Е.В.* Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация (1986–1997). М., 1999.
- Скворцов В.Н.* 30 дней войны. М., 1981.
- Советский Союз — Вьетнам. 30 лет отношений. 1950–1980 гг. Документы и материалы. М., 1982.
- Это незабываемое слово «Льенсо». М., 2006.
- Яскина Г.С., Аюсова Л.А.* Вьетнам. История, политика, экономика. М., 2000.
- Kinh te Viet-nam. 1955–2000 (Экономика Вьетнама. 1955–2000 гг.). Ha-noi, 2000.
- Lich su dang công san Việt Nam. Tap. I. 1920–1954. Hà-Nôi, 1984.
- Lich su dang công san Việt Nam. Tap. II. Hà-Nôi, 1995.
- Lich su Việt Nam, 1965–1975 (История Вьетнама, 1965–1975). Hà-Nôi, 2002.
- Luu Van Loi.* 50 années de diplomatie vietnamienne. Vol. I. Hà-Nôi, 2002.
- Mot so van kien cua dang vi chong My, cuu mioc. Tap. I–III (Избранные документы партии о борьбе против США за спасение родины. Ч. 1–3). Hà-Nôi, 1985–1986.
- Thông tin cơ bản về Trung Quốc và quan hệ Việt Nam — Trung Quốc (Основные сведения о Китае и вьетнамо-китайских отношениях). — http://www.mofa.gov.vn/vi/cn_vakv/ca_tbd/pr040818094447/ns060817142605/newsitem_print_preview
- Van kien dai hoi dai bieu toan quoc lan thu 8 (Материалы VIII съезда КПВ). Ha-noi, 1996.
- Van kien dai hoi dai bieu toan quoc lan thu 9 (Материалы IX съезда КПВ). Ha-noi, 2001.
- Marr D.G.* Vietnam 1945: The Quest for Power. Berkeley, 1995.
- Marr D.G.* Vietnamese Revolution (1945–1975). — The Encyclopedia of Political Revolutions. Ed. J.A. Goldstone. Chicago–London, 1998.
- Stein Tønnesson.* The Vietnamese Revolution of 1945. Roosevelt, Ho Chi Minh and de Gaulle in a World at War. London–New Delhi, 1991.

МАЛАЙЗИЯ

- Воронков А.Я.* Национальная политика правящих кругов Малайзии. М., 1984.
Герасимов А.С. Федерация Малайзия (государственный строй). Киев, 1969.
Гордеев В.В. Национальный вопрос в Малайзии. М., 1977.
Жеребилов В.А. Рабочий класс Малайи. М., 1962.
Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня. М., 1984.
Руднев В.С. Малайя (1945–1963). М., 1963.
Руднев В.С. Малайзия. Политическое развитие (1963–1968). М., 1969.
Руднев В.С. Малайзия и Сингапур после Второй мировой войны и политика США и Англии. М., 1981.
Рябова И.А. Рабочий класс и профсоюзы Малайзии. М., 1972.
Сулицкая Т.И. Англия и Малайзия (1961–1971). М., 1973.
Тюрин В.А. История Малайзии. М., 1980.
Хренов Ю.Ф. Северный Калимантан (1839–1963). М., 1966.
Хренов Ю.Ф. Экономическое развитие Малайзии. М., 1975.
Andaya V.W. and Andaya L.Y. A History of Malaysia. London–Basingstoke, 1982.
Bedlington S. Malaysia and Singapore: The Building of New States. Ithaca, 1978.
Gullick J.M. Malaysia. L., 1969.
Kennedy J. A History of Malaya. 1400–1957. L., 1962.
Lee Kuan Yew. The Battle for Malaysian Malaya. Singapore, 1964.
Mahathir bin Mohamad. The Malay Dilemma. Singapore, 1970.
Mauzy D.K., Milne R.S. Politics and Government in Malaysia. Vancouver. 1978.

СИНГАПУР

- Ли Куан Ю.* Сингапурская история: из «третьего мира в первый». М., 2005.
Management of Success. The Moulding of Modern Singapore. Singapore, 1989.
Turnbull C.M. A History of Singapore 1819–1975. Sydney, 1989.

БРУНЕЙ

- Ефанова Л.М.* Бруней: история, экономика, современность. М., 1975.
A History of Brunei. Kuala Lumpur, 1994.
Leake D. Brunei: The Modern Southeast Asian Islamic Sultanate. Jefferson, 1989.
Turnbull C.V. A History of Malaysia, Singapore and Brunei. 1819–1975. Sidney, 1989.

ИНДОНЕЗИЯ И ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР

- Архипов В.Я.* Экономика и экономическая политика Индонезии (1945–1968). М., 1971.
Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1996.
Пахомова Л.Ф. Современная буржуазия стран Юго-Восточной Азии. М., 1987.
Толмачев Н.А. Проблема Восточного Тимора в международных и региональных отношениях Юго-Восточной Азии. М., 1990.
Тюрин В.А. История Индонезии. М., 2004.
Цыганов В.А. История Индонезии. Ч. 2. М., 1993.
Юго-Восточная Азия в 2001 году. Актуальные проблемы развития. М., 2002.
Rencana Pembangunan Lima Tahun ke-Empat (1984/85–1988/89), jilid IV. Jakarta, 1989.
Saldanha J.M., de Sousa. The Political Economy of East Timor Development. Jakarta, 1994.
Sensus Pertanian 1963. Badan Pusat Statistik, Jakarta, 1964.
Asian Survey. Berkeley. 1963. № 4.

- Bangkok Post. 22.11.1991.
Citra Indonesia. Jakarta. 1996. № 3.
Far Eastern Economic Review. Hongkong. 27.07.1998; 07.10.1999; 17.01.2002.
Forum Keadilan. Jakarta, 17.08.1998.
Gatra. Jakarta. 1997. № 7. 04.01.1997.
Indonesia Newsletter. 1992. Vol. 4. № 6.
Indonesia Times. Jakarta. 24.07.1997.
Kompas. Jakarta. 01.02.2000.
Merdeka. Jakarta. 18.11.1981.
Paauw D.S. From Colonial to Guided Economy. — Indonesia. Ed. by McVey Ruth T. New Haven, 1963.
Statistical Yearbook of Indonesia. Jakarta, 2003.
Straits Times. Singapore. 02.01.1963.
Suara Pembaruan. Jakarta. 19.02.1999.

ФИЛИППИНЫ

- Барышникова О.Г.* Экономика Филиппин в настоящем и будущем. М., 1986.
Барышникова О.Г., Левтонова Ю.О. Филиппины и США: 200 лет противостояния, компромиссов, партнерства. М., 1993.
Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997.
Левтонова Ю.О. Эволюция политической системы современных Филиппин. М., 1985.
Райков Ю.А. Внешняя политика Филиппин на рубеже XXI века. М., 2001.
Сумский В.В. Фиеста Филиппина. Т. 1–2. М., 2003.
Юго-Восточная Азия в 2001 г. М., 2002.
In Search of Southeast Asia. A Modern History. Honolulu. 1987.
The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. IV. Cambridge, 1999.
Lande C.H. Leaders, Factions and Parties. The Structure of Philippine Politics. Boston, 1965.
Potterov W.Y. The Huk Movement in the Philippines. L., 1964.
The Philippines. End of an Illusion. Contemporary Asia. L., 1973.
The World of Asia. Boston, 1995.

КИТАЙ

Источники

- Дэн Сяопин.* Избранное (1975–1982). Бэйцзин, 1985.
Дэн Сяопин вэньсюань (Избранные произведения Дэн Сяопина). Т. 3. Пекин, 1993.
Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. V. Пекин, 1977.
СССР–КНР: Документы и материалы. Ч. 1 (1949–1963). Ч. 2 (1964–1983). М., 1985.
Цзян Цзэминь о социализме с китайской спецификой. Т. I. М., 2002; т. II–III. М., 2004.

Литература

- Борисов О.Б., Колосков Б.Т.* Советско-китайские отношения. 1945–1980 гг. М., 1980.
Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 г.). М., 1988.
Галенович Ю.М. Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год. М., 1995.
Галенович Ю.М. Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999.
Галенович Ю.М. Гибель Лю Шаоци. М., 2000.

- Галенович Ю.М.* Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М., 2000.
- Галенович Ю.М.* Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М., 2000.
- Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке: граница. М., 2001.
- Галенович Ю.М.* Заметки китаеведа. М., 2002.
- Галенович Ю.М.* Китайское чудо или китайский тупик? М., 2002.
- Галенович Ю.М.* Москва–Пекин, Москва–Тайбэй. М., 2002.
- Галенович Ю.М.* Призрак Мао. М., 2002.
- Галенович Ю.М.* Путешествие на родину Дэн Сяопина. М., 2002.
- Галенович Ю.М.* Самоутверждение сыновей Тайваня. М., 2002.
- Галенович Ю.М.* Наказы Цзян Цзэмина: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М., 2003.
- Галенович Ю.М.* Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005.
- Делюсин Л.П.* Китай: полвека — две эпохи. М., 2001.
- История Китая. Учебное пособие. 2-е изд. Под ред. А.В. Меликсетова. М., 2002.
- Капица М.С.* КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979.
- Китай и соседи в новое и новейшее время. Под ред. С.Л. Тихвинского. М., 1982.
- Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999.
- Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В.В. Михеева. М., 2005.
- Китайская Народная Республика. Экономика, политика, культура. Ежегодник. М., 1974–1998.
- Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995.
- Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. Культурная революция: годы испытаний. М., 2001.
- Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
- Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни (30–90-е гг.). М., 1992.
- Чэнь Ицзы.* Китай: десятилетие реформ. Ч. 1. 2. М., 1996.
- China and the World. Ed. By Samuel S. Kim. Boulder. 1997.
- Nathan A.J., Ross R.S.* The Great Wall and the Empty Fortress: China's Search for Security. N.Y., 1997.
- Russia-China-USA: Redefining the Triangle. Ed. By Alexei D. Voskressenski. N.Y., 1996.
- Segal G.* China Changes Shape: Regionalism and Foreign Policy. L., 1994.

МОНГОЛИЯ

Источники

- 2000–2001 оны мал овожилт: дугиэлт-сургамж-зорил (Зимовка скота 2000–2001: итоги уроки–задачи). — Сборник постановлений Правительства Монголии и других материалов. Улан-Батор, 2001.
- 50 лет МНР. Статистический сборник. М., 1966.
- Ближайшие задачи углубления перестройки и обновления МНРП. Доклад Генерального секретаря ЦК МНРП Г. Очирбата первому Чрезвычайному съезду МНРП — Новости Монголии. 15.04.1990.
- Внеочередной VIII пленум Центрального комитета МНРП. 23 августа 1984 г. Улан-Батор, 1984.
- Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. док. М., 1979.
- Бнмау-ын Ардын Их Хурлын зарим депутатын бурэн эрхийн тухай (О полномочиях отдельных депутатов Великого народного хурала МНР. Доклад председателя Постоянной комиссии ВНХ по полномочиям депутатов). — Ардын эрх. 13.11.1991.
- Жамбын Батмунх.* Речь на XIII съезде монгольских профсоюзов 14 мая 1997 г. — *Жамбын Батмунх.* Избранные статьи и речи. Август 1984 — декабрь 1987 г. М., 1988.

- МАХН их. бага хурал, тов хорооны бугд хурлуудын тогтоол шийдвэр (Резолюции и постановления съездов, конференций, ЦК, пленумов ЦК МНРП. Ч. II. 1940–1956). Улан-Батор, 1956.
- МАХН-ын XVI их хурал. Дэлгэрэгтуй тайлан (XVI съезд МНРП. Стенографический отчет). Улан-Батор, 1971.
- Монгол Ардын Хувьсгалт Намын Тов Хорооны улс товчооны хурлын протокол (Протокол заседания Политбюро Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии от 7 мая 1997 г. — Ардын эрх. 11.10.1991.
- Монгол Улсын Үндсэн Хуулиуд, тэдгээрт орсон нэмэлт, оорчлолтууд (Конституции Монголии, дополнения и изменения в них (1924–1992). Улан-Батор, 1998.
- Монгол Улсын Үндсэн Хууль (Конституция Монголии). Улан-Батор, 1992.
- Монгол Улсын статистикийн эмхэтгэл 2000 (Статистический сборник Монголии 2000). Улан-Батор, 2001.
- Монгол Улсын Үндсэн хуулиуд, гэдгээрт орсон нэмэлт, оорчлолтууд (1921–1992) (Монгольские конституции и внесенные в них дополнения и изменения) Улан-Батор, 1998.
- Монголын эдийн засаг, нийгэм 1992 онд. Статистикийн эмхэтгэл (Экономика и общество Монголии в 1992 году. Статистический сборник). Улан-Батор, 1993.
- Улс төрийн намуудын гухай хууль (Закон о политических партиях). — Ардын эрх. 30.04.1996.
- Улсын бага хурлын тэргүүлэгчид ба Ардын сайд нарын Зовлолоос гаргасан хууль, дүрэм, тогтоолуудын эмхэтгэл (Сборник законов, уставов и постановлений Президиума Малого хурала и Совета министров МНР). Улан-Батор, 1945.

Литература

- Бажанов Е.П.* Китай и внешний мир. М., 1990.
- Дайчин нохорлол (Боевое содружество). Улан-Батор, 1983.
- Дипломатический вестник. 2000. № 12.
- Жамбалсүрэн Ц.-Н.* Хумуунтэг энэрэнгүй ёс, хуний эрхийг хундэтгэе (Будем уважать гуманность и права человека). Улан-Батор, 2003.
- Жамбын Батмунх.* Хуч хэрэглэж хэрхэвч болохгүй (Насилие не применять). Улан-Батор, 2001.
- Зориг Ц.* Суулчийн 7 жил (Последние 7 лет). Улан-Батор, 1993.
- История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М., 1983.
- Капица М.С., Иваненко В.И.* Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). М., 1965.
- Матвеева Г.С.* Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции. М., 1987.
- Монгол Улсын туух. Тавдугаар боть (История Монголии. Т. 5). Улан-Батор, 2003.
- Надиров Ш.Г.* Цеденбал. 1984 год. М., 1994.
- Народное хозяйство МНР за 60 лет (1921–1981). Улан-Батор, 1981.
- Хорьдугаар зуны Монгол (Монголия XX века). Улан-Батор, 1995.
- Хэнмэдхэвийн Дашцэвэг. МҮАН-ын туухэн гэмдэглэл (1989–1996) (Заметки по истории Монгольской национально-демократической партии. Ред. Д. Ганболд и Ц. Элбэгдорж). Улан-Батор, 1998.
- Ю. Цэдэнбал. Хумуусийн дурсамж (Воспоминания о Ю. Цеденбале). Улан-Батор.
- Human Development Report. Cultural Liberty in To-day's Diverse World. UN, N.Y., 2004.

КОРЕЯ

- Денисов В.В.* Корейская проблема: пути урегулирования. 70–80-е годы. М., 1998.
- История Кореи (Новое прочтение). Под ред. А.В. Торкунова. М., 2003.

- История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1, 2. М., 1974.
Ким Хан Гир. Современная история Кореи. Пхеньян. 1979.
Корея в поисках мира и процветания. М., 2004.
Корея на рубеже веков. М., 2002.
Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи. СПб., 2002.
Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000.
Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945–1980. Документы и материалы. М., 1981.
СССР и Корея. М., 1988.
Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000.
Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000.
Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995.

ЯПОНИЯ

- Государственно-монополистическое регулирование в Японии. М., 1985.
История Японии. 1945–1975. М., 1978.
История Японии. Т. II. Раздел III. 1868–1998. М., 1998.
Макаров А.А. Политическая власть в Японии. М., 1988.
Молодякова Э.В. Профсоюзы и общество в Японии. М., 1994.
Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б. Японское общество: книга перемен. М., 1996.
Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998.
Япония второй половины XX в. Проблемы и судьбы. М., 2003.
Япония. Ежегодник. 1972–2002. М., 1973–2001.
Япония и глобальные проблемы человечества. М., 1999.
Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994.
Япония и современный мировой порядок. М., 2002.
Япония: конец двадцатого века. М., 1996.
Япония: мифы и реальность. М., 1999.
Япония: полвека обновления. М., 1995.
Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998.
Япония: смена модели экономического роста. М., 1990.
Япония. Справочник. М., 1992.
Япония: экономика, общество и научно-технический прогресс. М., 1988.
Японская экономика в преддверии XXI века. М., 1991.
Японский феномен. М., 1996.
Allen G.C. A Short Economic History of Modern Japan. L., 1984.
Curtis Gerald L. The Logic of Japanese Politics. Tokyo–New York. 1999.
Democracy in Contemporary Japan. N.Y., 1986.
Dower J.W. Empire and Aftermath. L., 1988.
Fujitake Tadashi. The Japanese Social Structure. Its Evolution in the Modern Century. Tokyo, 1989.
Ishida Takeshi. Japanese Political Culture. L., 1983.
Nakane Chie. Japanese Society. Tokyo, 1987.
Wolfereen V.K. The Enigma of Japanese Power. L., 1989.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абашидзе, Аслан 429
Аббан Рамдан 105
Аббас, Махмуд (Абу Ма'ен) 1004
Аббас, эмир 256
Аббуд Ибрагим 139
Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман ибн Сауд 239–241
Абд аль-Гани, Абд аль-Азиз 263
Абд аль-Илах 314, 316
Абд аль-Маджид Кубар 128
Абд аль-Мухсен, эмир 251
Абд ар-Рахман, Омар 54
Абдалла, король Трансиордании и Иордании 187, 188, 195, 216, 218
Абдалла ибн Абд аль-Азиз 251
Абдильдин, Серикболсын 453
Абдул Гаффар-хан 538, 541
Абдул Разак, Тун 756–758
Абдул Рахман, Тунку 746–748, 750, 751, 753, 755, 757, 758, 766
Абдул Халим Муазам-шах 756
Абдуллоджанов А. 457, 458
Абу Тачер 599
Абу Хамза 278
Авад Луис 83
Авад, шейх 262
Адвани Л.К. 569
Аденгур К. 946
Адиль, Салям 319
Адхикари, Манмохан 622
Азад, Абул Калам 577
Азахари, шейх 780
Аззам, Абдулла 45
Аззам-паша А. 215
Азиз, Ник 762
Азхари, Г'олам Реза 387
Айдемир Г. 340
Айюб Хан, Мухаммад 504, 506–508, 510–516, 549, 594
Акаев, Аскар 442–447
Акино Б. 820, 822, 824, 825
Акино, Корасон 56, 825–829
Акунов Т. 447
Алауи А. 1006
Али, Асаф 537
Али Сайфуллин-шах, Омар 753, 780, 781, 785
Али, шейх Катара 285
Алиев, Гейдар 411–414
Алиев, Ильхам 412
Аллон И. 227, 231
Алмоги И. 224
Аманбаев Д. 442
Амарал Ф. 790
Амбедкар, Бхимрао 546, 547
Амер, Абд аль-Хаким (А.Х. Амер) 160
Амин, Хафизулла 45, 486, 487
Амини, Али 376
Амр ибн Хасан, шейх 244
Амузгар, Джамшид 381, 386
Ан Дже Хон 905
Ананда Махидон 673
Ананда Паньярачун 682, 683
Андерсон, генерал 16
Андропов Ю.В. 44
Антар, Али 269
Аранн З. 224
Арафат, Ясир 191, 254, 309, 311, 1004
Ардзинба В. 431–433
Ареф, Абл ар-Рахман 320, 321
Ареф, Абд ас-Салям 316, 318–320
Ареф, Мохаммад Реза 406
Армакост М. 1003
Арройо, Глория 830–831
аль-Арьяни Абд ар-Рахман 261–263, 267
Асад, Басиль 202, 203
Асад, Башар 203, 204
Асад, Хафез 46, 200–205
Асида Хитоси 936
аль-Аснадж А. 259
аль-Ата, Хашим 144
Атамкаев А. 447
аль-Атаси, Хашим 197
Ататюрк (Кемаль-паша, Мустафа) 338, 341, 343, 360, 415
аль-Атгас, Хейдар Абу-Бакр 268–272, 276
аль-Аудали, Джаиль бин Хусейн 259

- аль-Ауляки, Мухаммед Абу Бакр бин Фарид 259
 Аун М. 183, 184
 Аун Сан 648, 649, 651, 664, 665, 668
 аль-Афифи, Мухаммед бин Айдарус 259
 Афляк, Мишель 199
 аль-Ахари, Исмаил 136, 138
 Ахмад, эмир 256
 аль-Ахмар, Абдалла бин Хусейн 260, 263, 270, 272
 Ахмед бен Салах 116, 118, 120
 Ахмед Т. 595, 598
 Ахромеев С.Ф. 46
 Ачарья, Танка Прасад 614, 615
 Ашур Х. 118, 120
- Бабар**, Насрулла 494
 Бабур 570, 573
 Багабанди Н. 896
 Бадави, Абдулла Ахмад 763
 Бадахши Т. 477, 486
 аль-Бадр, эмир 244, 257, 260, 262
 аль-Бадрийя, Абд аль-Гадир 128
 Базарган, Мехди 374, 380, 388–392
 аль-Баззас А.Р. 320
 Бакиев К. 445
 Бакир уулу Т. 447
 аль-Баقر, Ахмед Хасан 319, 321, 325
 Баqr ас-Садр, вятолла 46
 Бакунин М.А. 129
 аль-Бакуш, Абд аль-Хамид 128
 Балгимбаев Н. 452, 453
 Бандаранайке, Сиримава 630–632, 636, 644, 645
 Бандаранайке, Соломон 628–630, 636, 641, 644, 645
 Банисадр, Абольшасан 389, 390, 393
 аль-Банна, Хасан 46, 154
 Банхан Синлапа-ача 684
 Бао Дай 17, 718–720
 Барак Э. 236
 Барзани, Масуд 46, 324
 Барзани, Мустафа 21, 317, 324
 Барроуз Ф. 539
 Бартольд В.В. 979
 Басам, Заки Мухаммед 315
 Бахонар, Мохаммад-Реза 394
 Бахтияр, Шапур 387–389
 Бахчели Д. 362
 аль-Башир, Омар Хасан 148–150
 Баяр, Джеляль 333, 334, 339
 Бевин Э. 126, 135, 153
 Бегин М. 226, 231, 234
 Бейкер Дж. 50, 492
 Белгрэйв, Чарльз 281
 Бело, Карлуш 792
- Бен Али (из рода Хашимитов) 187
 Бен Али, Зиш аль-Абизин 119–123
 Бен Белла, Ахмед 107
 Бен Ладен, Усама 51, 53–55, 254, 496, 497, 1000, 1001, 1008
 Бен Халим, Мустафа 127
 Бен-Гурион Д. 216, 217, 219, 220, 224, 229
 Бенава, Абдуллауф 466
 Бенджедид, Шадли 109
 Берден 50
 Беркер Э.У. 774
 Бехешти, Мохаммад 393, 394
 Бжезинский З. 47, 391
 аль-Бид, Али Салем 266, 268–273, 276
 Бин Ганим Ф. 275
 Бинт аль-Худа 46
 Бирендра, Бир Бикрам Шах Дева 618–620, 623
 Биркс С. 132
 Биста К.Н. 617, 619
 Битар, Салах ад-Дин 199
 Богатуров А.Д. 31, 48
 Болкнах, Джефри 782, 785
 Болкнах, аль-Махтади Биллах 786
 Болкнах, Мохаммед 782, 785
 Болкшах, Хассанал Муизадин Ваддаулах 781, 783, 785–787
 Брежнев Л.И. 33, 40
 Будиаф, Мухаммед 110
 Буйали, Мустафа 46, 52
 Булганин Н.А. 469, 888
 Бумедьен, Хуари 107, 109
 Бумзэнд Г. 884
 Бургиба, Хабиб 113–121
 Бустаман бин Раджа Кечит, Пинче Ахмад (Бустаман, Ахмад) 747, 752
 Бутефлика, Абд аль-Азиз 112, 1007
 Буш Дж. ст. 49, 51
 Буш Дж. мл. 407, 917, 1006
 Бхаттарай, Бабурам 623
 Бхаттарай, Кришна Прасад 621
 Бхутто, Беназир 525, 531, 533
 Бхутто, Зульфикар Али 481, 514–519, 521–525, 527, 589, 594, 610
 Бхутто, Нусрат 525
- аль-Вадаиль, Мукбил 54
 Ваджапи, Атал Бихари 552–554, 569–571, 573, 575, 1003
 Вазед, Хасина 602, 604, 607, 609
 аль-Вазир, Абдалла 256
 Ван Хунвень 853, 854
 Ванг Пао 708
 Вангчук, династия 624, 625

- Вань Ли 861, 865, 872
 Васильев Л.С. 978
 Вахид. Абдурахман 808–810
 Везиров, Абдул 410
 Вейцман Х. 217
 Вейцман Э. 232
 Вер Ф. 823, 824
 Виджаявардан Д.С. 89
 Виджетунге Д.Б. 635
 Виноба Блаве 89
 Во Ван Кист 738, 742
 Во Тъи Конг 736
 Ворошилов К.Е. 29
- Габбасов. Энгельс** 453
 Гаджиев К.С. 979
 Гали, Бутрос 175
 Галиб бен Али 297, 298, 306
 Гамбар, Иса 411
 Гамсахурдиа, Звиад 423–425
 Ганди, Индира 550, 551, 556–564, 575, 577, 580, 581, 589, 645
 Ганди, Мохандас Карамчанд (Махатма) 34, 538, 539, 542–546
 Ганди, Раджив 563, 564, 575, 635, 637
 Ганди, Санджай 560, 561
 Ганди, Соня 573, 575
 Ганнуши Р. 119–121
 Гараиг, Джон 147, 148
 Гарсия К. 817
 Гауда, Дева 569
 аль-Гашими, Ахмад Хусейн 264, 268
 Гелаев, Руслан 433
 Генералов Н.И. 127
 Гилани С.А. 487
 Гири, Тулеи 616, 617
 Глабб-паша 27
 Го Чок Тон 774–777
 Годсе Н. 546
 Голвалкар М.С. 546
 де Голль, Шарль 100, 105, 106
 Гопаллава У. 632
 Горбачев М.С. 46, 50, 51, 269, 435, 461, 861, 892, 967
 Гречко А.А. 33, 40
 Громыко А.А. 16, 23, 126
 Губар, Мир Гулам Мухаммад 466, 467
 Гуджрал И.К. 569
 Гуль Пача Ульфат 466
 Гуль, Хамид 491
 Гумбаридзе Г. 429
 Гунгадорж Ш. 895
 Гусейнов, Сурет 412
- Гьянендра, Бир Бикрам Шах Дева 623
 Гюлеи Ф. 343, 352, 361, 363, 364
 Гюрджан Ф. 340
 Гюрсельс Дж. 339
- Далай-лама XIV** 845
 Даллес, Ален 22, 26
 Даллес, Джон Фостер 22, 28, 29, 31, 298
 Дамба Д. 895
 Дауд, Мухаммад 466, 468, 469, 471, 472, 475, 479, 481–484, 490
 Даултана М.М. 512
 Даханаяке В. 630, 631
 Даян М. 224, 226, 232
 Деймлиг 26
 Демирель, Сулейман 353, 359, 362
 Демирчан, Карен 421
 Деобанди 53
 Десаи, Морарджи 557, 559, 561
 Деуба Ш.Б. 624
 Джабер, Салих 315
 Джавад, Хазем 320
 аль-Джави 272
 Джалилов А. 441
 Джантзен 31
 Джафари И. 1006
 Джаявардене Дж.Р. 633, 635, 644
 Джеятратнам Дж.В. 773
 Джигме Дорджи Вангчук 624
 Джигме Синье Вангчук 625
 Джинна, Мухаммад Али 498, 501, 502, 514, 537–539, 542
 Джинна, Фагима 514
 аль-Джифри М.А. 259, 272
 Джонсон Л. 32, 35, 340, 341
 Джуанда Картавиджай 798
 Джумблат, Камаль 178
 Джунеджо М.Х. 529
 Динендра 623
 До Мьюй 736, 738
 Додж Д. 934
 Дорджи, род 625
 Дреш П. 275
 Дустом А.Р. 492–496
 Дустум 440
 Дьем 35
 Дэн Сяопин 39, 47, 763, 837, 850, 851, 854–857, 859, 861–863, 865–871
- Е Цзяньин** 853, 856
 Е Ун Хен 907
 Ельцин Б.Н. 737, 881, 968
- Ёсида Сигэру** 935, 936, 939

- Жамбын Батмунх** 892, 895
Жвания, Зураб 426
Жмайель А. 183
Жмайель, Башир 182, 183
Жозе Рамуш Орта 792
Жумагулов А. 445
Жумалиев К. 445
- аз-Заркави А.** 1006
Захеда, Ф. 373
Захир, Абдул 474, 475
Зерай С.М. 477
Зеруаль, Лиамин 111
Зисев, Мирзо 459
аль-Зиндани А.М. 272, 275
Зия, Халеда 602, 604, 605
Зия-уль-Хак, Мухаммад 44, 45, 49, 522, 524–529
Зорлу Ф. 339
Зуьйн, Юсеф 33, 199
аз-Зубейри М.М. 256, 261
- Ибн Сауд, король** 297
Ибрагим, эмир 256
Ибрагим, Анвар 761
аль-Ибрахими, Башир 103
Ибраимов Ж. 445
Иден А. 27, 124
Идрис I (Мухаммед Идрис аль-Махди ас-Сену-си), король 124–128
Иенг Сари 693, 702, 732
Икромов М. 455
Икэда Хаято 936, 941
Инёно, Исмет 339, 340, 344, 353
Инёно, Эрдал 353
Искандаров А. 457
Ислам С.Н. 598
Исмаил, Абд аль-Фатах 259, 266–269
Исмаил Хан 44, 494
Исмаг Абдель Магид 175
Исхак Хан, Гулам 531, 532
- Йон, Стефен К.Т.** 752
Йылмаз М. 359, 361, 366
- Кабарити, Абд аль-Карим** 194
Кабус бин Саид 307–312
Кавам ос-Салтане 371
аль-Каддафи, Ванис 128
Каддафи, Муаммар 118, 129–133, 1009
Кадивар, Мохсен 402
Кадир, Абдул 495
Кадир Хан А. 527, 1009
Кажегельдин А. 450, 452, 454
- Кайфу Тосики** 957, 970
Кан Шэн 847, 850
Кан Ювей 843
Караме, Рашид 179
Карзай, Хамид 497, 1002
Каримов Д. 458
Каримов И.А. 54, 435–437, 439–441
Кармаль, Бабрак 45, 467, 473, 476, 484, 485, 487, 489, 490, 494, 496
Каргер Дж. 44, 45, 47, 164
Касем, Абд аль-Керим 28, 30, 32, 290, 316, 317, 319
аль-Касими, Абд аль-Азиз 303
аль-Касими, Сакр бен Султан 295, 299, 300
аль-Касими, Султан бен Мухаммед 301, 303
Касымов, Гани 453
Катаяма Тэцу 936
Кахан И. 233
Кахтан 255
Кашани, Аболькасем 373
Каюм Хан А. 523
Кейсон, Фомвихан 706, 709, 711
Кемаль-паша, Мустафа см. Ататюрк
Кенджаев С. 455, 456
Кеннеди Джон Ф. 376
Кесон М. 811, 812, 817, 828
Ким Гу 905, 907, 908
Ким Гю Сик 905, 908
Ким Ду Бон 908
Ким Дэ Чжун 923–925, 929, 930
Ким Ен Сам 923–925, 929
Ким Ир Сен 835, 904, 905, 908, 909, 912–914, 919, 925, 927, 929
Ким Чен Ир 913–915, 917–919, 930
Ким Чжон Пхиль 921, 924
Ким Чэ Гю 923
Кир Великий 386
Кирино Э. 814, 816, 817
Киси Нобусукэ 936, 945, 948
Киссинджер Г. 40, 163, 164, 229, 230, 790, 850
Китовани, Тенгиз 424
Киянури, Нураддин 394
Клинтон Б. 590, 741, 871, 881, 917, 968
Коидзуми Дзюнъитиро 973
Коирала, Бишешвар Прасад 612, 615, 622
Коирала, Гирирадж Прасад 622, 623
Колонтаев А.П. 1028
Кордовес Д. 491
Косыгин А.Н. 33, 39, 40, 341, 549
Котелавала Дж. 644
Кочарян, Роберт 420
Криангсак Чаманан 679
Крипалани, Ачарья 542

- Кристофер. Уоррен 203
 Кропоткин П.А. 129
 Куанг Апхайвонг 672, 674
 аль-Куатли, Шукри 196
 Кулиев А. 464
 Кулов. Феликс 447
 Кумаратунге, Чандрика 636, 637, 644
 Кутан Р. 362
 Кутб, Сейид 35, 46, 171
 Ххаммао, принц 704
 Кхамтай Сиихандон 711
 Кыкрит Прамот 677, 679
 Кэйси У. 46, 54
- Лагу, Джозеф** 140
 Лай Тек 18
 Ландэ К. 818
 Лао Шэ 848
 Ларма Дж.Б. 608
 Ларма М.Н. 608
 Лаурель Х. 817
 Лахуд 185, 186
 Ле Зуан 732, 735
 Ле Кха Фиеу 741
 Легхари Ф. 532, 534
 Ленин В.И. 129, 833, 843, 866
 Ли Дэнхой 880
 Ли Куан Ю 764–767, 770, 772–775, 777, 823
 Ли Ми 19
 Ли Пэн 868, 869, 871
 Ли Сын Ман 905, 907–910, 920, 926
 Ли Сянь Лун 773, 775
 Ли Сяньнянь 840, 860
 Лиакат Али Хан 501, 542, 547
 Лим Ю Хок 765
 Линь Бяо 37, 847, 850
 Линь Лиго 37
 Липпман, Уолтер 13
 Лим Цин Сян 765, 766
 Ллойд, Селвин 298
 Ло Жуйцин 847
 Лон Нол 41, 694, 695
 Лэйкленд У. 25
 Лю Шаоци 836, 837, 840, 844, 847, 849, 850, 861
- Магид, Исмац Абдель** 175
 Магсайсай, Рамон 816–819, 828
 Мадачинов, Салой см. Салих, Мухамад
 аль-Маджали, Абд ас-Салям 194
 Мадхок, Балрадж 557
 Мазарин А. 492
 Мазик, Хусейн 128
 Майвандваль, Мухаммад Хашим 473, 474, 477
- Макапагал, Диосдадо 751, 818, 830
 Макариос, архиепископ 344
 Макартур, Дуглас 811, 812
 Маккави, Абд аль-Кави 259, 268
 Макмиллан, Гарольд 28, 750
 Мактум бен Рашид 301–303
 аль-Мактум, Рашид бен Саид 301
 Малик, Адам 806
 Мамедов, Якуб 411
 Манглапус Р. 819
 Мандал Б.П. 564, 577
 Манзур М.А. 600, 601
 Мансур, Хасан Али 379
 Манукян, Вазген 419
 Мануэль, Хуан 13
 Мао Цзэдун 30, 31, 37, 39, 41, 47, 555, 832–851,
 853–860, 862, 866, 870, 878, 881, 888, 909
 Маркос, Имельда 823, 824
 Маркос, Фердинанд 56, 86, 819–829
 Маршалл Дж.К. 22, 333, 716
 Маршалл, Дэвид 747, 765
 Масалиев А. 442, 445
 Масул. Ахмал-шах 50, 55, 481, 492–495, 497,
 1002
 Маудуди, Абул Ала (Маулана Абул Ала аль-
 Маудуди) 35, 46, 503, 509
 Маун Маун 664–666
 Маунтбэттен, Луис, лорд 19, 538–544
 Махавира 587
 Махатхир Мохамад (Махатхир бин Мохамад)
 758–763
 Махджуб, Ахмед 142, 143
 аль-Махди, ас-Салык 142, 147
 Махендра, Бир Бикрам Шах Дева 614, 616
 Махкамов К. 455
 Махмуди, Абдурахман 466, 467
 Мачавариани М. 426
 Меир Г. 215, 216, 224, 229
 Мельянцев В.А. 979
 Мендерес, Аднан 333–336, 338, 339
 Мендес-Франс 114
 Меррем 458
 Местири, Ахмед 117, 118, 120
 Мзали М. 119
 Микоян А.И. 29, 30
 аль-Миргани, Мухаммед Осман 148
 Миррахимов М. 455
 Мисуари, Нур 820, 829
 Миттеран Ф. 741
 Михеев В.В. 1025
 Миядзава Кити 970
 Моджадди С. 487, 492
 Молле, Ги 105

- Монгомери Б. 125
 Монтазери, Хосейн Али 397, 402
 Мори Ёсио 973
 Мосаддык, Мохаммад 22, 25, 372, 373, 405
 Мохаггег-Дамад, Мостафа 402
 Мохиддин, Закария 33
 Муаввад, Рене 184
 Мубарак, Хосни 166–168, 170–172, 175, 176, 309
 Мукбиль см. Убад, Али Салех
 Мукерджи, Шьям Прасад 539, 546–548
 аль-Мунтасер, Махмуд 127, 128
 Муралиев А. 445
 Мураяма Томонти 918, 970
 Мусави, Мир Хосейн 394, 396, 402
 Муталибов, Аяз 410, 411
 Мутыа М.С. 268
 Мухаммад Захир-шах, король 465, 471
 Мухаммед VI 99
 Мухаммади М.Н. 487
 Мухаммед, Али 155
 Мухаммед, Али Насер 265, 268, 269
 Мухаммед Бельхадж Амор 122
 Мухаммед бен Юсеф, король Мухаммед V 92, 93, 95, 100
 аль-Мухтар, Омар 125
 Мушарраф, Первез 534, 535, 610, 1001, 1003
 Мушарраф, Халед 598, 599
 Муштак, Ахмед К. 598
- Набиев Р.** 455–457
 Навар 719
 Навваф, эмир 244
 Нагарджуна 899
 Нагиб, Мухаммед 136, 155
 Наджибулла 49, 50, 490–492, 494, 495
 Назарбаев, Нурсултан 448–454
 Накасонэ, Ясухиро 48, 955, 956
 Нараян, Джайпракаш 85, 546, 559, 560
 Наранцацрал Ж. 896
 Нараян, Радж 559
 Нараянан К.Р. 591
 Наронг Киттикачон 677
 Насер, Гамаль Абдель 24, 26–28, 32–34, 39, 40, 85, 154–157, 160, 161, 165, 198, 200, 225, 242, 261
 Насрин, Таслиме 607
 Нассар, Фуад 189
 Насутион А.Х. 797
 Натан С.Ф. 777
 Натег-Нури, Акбар 400, 404
 Нафтали Т. 29
 ан-Нахайян, Заед бен Султан (шейх Заед) 301–304
 ан-Нахайян, Халифа бен Заед 302
 ан-Нахайян, Шахбут бен Султан 300
 Нго Динь Зьем 720, 721, 725
 Нгуен Ван Ан 741
 Нгуен Ван Линь 735
 Нгуен Ван Тхису 730
 Нгуен Тхи Бинь 738
 Нгуен Хыу Тхо 724, 725
 Не Вин 654–658, 661–664, 666, 667
 Неклесса А.И. 979
 Неру, Джавахарлал 21, 221, 537, 538, 540–542, 544–547, 549, 550, 557, 564, 570, 575, 578–580, 583, 588, 625, 644, 645
 Нетаньяху Б. 236, 311
 Нидаль, Абу 233
 Ниджалингаппа С. 557
 Никсон Р. 40, 163, 248, 728, 850
 Нимейри, Джафар 143–146
 Ниязи А.А.К. 595
 Ниязи, Гулам Мухаммад 478
 Ниязов, Сапармурад 461–464
 Норгей, Тенсинг 615
 Нородом Раннарит 701–703
 Нородом Сианук 688–690, 692–695, 698–702
 Нородом Суримарит 690
 Нукраши-паша 153, 154
 Ну’ман, Алмад Мухаммед 256, 259, 261, 276
 Ну’ман Я.С. 269
 Нуон Чае 702
 Нури, Саид Абдулло 458
- Обути К** йидзо 970
 Одзава Итиро 970–972
 Озал, Тургут 352, 353, 355, 364
 Окинлек, Клод 539
 Олбрайт, Мадлен 55, 741, 917
 Омар, Мухаммад, мулла 495, 496, 1001, 1008
 Он Тэн Чеон 775–777
 Он Энгунань 765
 Онал Р. 367
 Онн бин Джафар 744, 746
 Онн Хуссейн 757, 758
 Ориоль В. 718
 Орте, Жозе Рамуш 792
 Османи М.А.Г. 595, 598, 600
 Осменя, Серхио 812
 аль-Отейба, Мана бен Салид 301
 Оукли Р. 50
 Очирбат П. 894, 895, 900, 901
- Пак Хен Ен** 905, 907, 908
 Пак Чжон Хи 921–923
 Пак Чхан Ок 912, 913

- Панджшири Г.Д. 477
 Панкин Б.Д. 50, 492
 Пантин В.И. 1024, 1025
 Патель, Валлабхан, 2–4. 11, 13, 44, 537, 538, 541–543, 545, 557
 Пауэлл К. 1003
 Пельт А. 126
 Перес, Шимон 203, 224, 230, 235, 311
 Петерсон Д. 741
 Пехлеви, Мохаммед Реза 371, 374
 Пехлеви, Реза-шах 371, 372, 375, 378
 Пикеринг 55
 Подгорный Н.В. 341, 346
 Пожидаев Д.П. 33
 Пол Пот 41, 47, 693, 694, 698, 701, 702, 708, 732, 859
 Полаткан Х. 339
 Помпей, Трог 979
 Поннамбалам Г.Г. 627
 Прабхакаран В. 635
 Прапхат Чарусатхиен 677
 Прасад, Раджендра 545
 Прачанда см. Пушта Камал Дахал
 Прем Тинсуланон 679, 680
 Премадаса. Ранасинх 635, 637, 644
 Приди Паномионг 672–674, 677, 705
 Примаков Е.М. 51
 Путин В.В. 409, 414, 919, 968, 1003
 Пушта Камал Дахал (Прачанда) 623
 Пхибун Сонгхрам 672–674
 Пхумипхон Адудьядет 675, 677, 683
 Пэн Дэуай 844, 846, 855
 Пэн Чжень 847

 Раббани, Бурхануддин 406, 478, 481, 486, 492, 493, 495, 496
 Рабин. Ицхак 229, 230, 235, 236, 310
 ар-Равабдах, Абд ар-Рауф 195
 Раджави, Масуд 393
 Раджагопалачари. Чакраварти 544, 552
 Раджаи, Мохаммад Али 393, 394
 Раджаратнам С. 774
 Радхакришнан, Сарвапалли 89
 Раис, Амиш 808, 809
 Райнси, Сам 702, 703
 Райт Дж. 126
 Рам, Джагдживан 561
 Рама 570, 572, 573, 577
 Рамос Ф. 824, 825, 827–830
 Рана 612–614, 617
 Раннарит 701–703
 Рао, Нарасимха 564, 581
 Растянников В.Г. 978, 1028

 Рафсанджани см. Хашеми-Рафсанджани, Али Акбар
 Рахман, Зияур 598–602, 605, 606
 Рахман, Муджибур 514, 515, 517, 594–599, 602, 605, 606, 608–611
 Рахманин О.Б. 39
 Рахмонов Э. 457–460
 Рейган Р. 47, 191, 825, 826
 Рейд, лорд 748
 Ректо К. 817
 Риджал Н.П. 617
 Ро Дэ У 924, 927, 928
 Робертсон 298
 Роджерс У. 227
 Роммель Э. 124, 126
 Рохас, Мануэль 812–814
 Рузвельт Ф. 100, 239, 240, 716
 Руссо Ж.-Ж. 129
 Рэдклифф, Сирил 543
 Рэндел, Джордж 765

 ас-Саадави, Башир 124, 127
 ас-Саади, Али Салих 319
 Саакашвили М. 426
 ас-Саед, Мухаммед Осман 128
 ас-Сабах, Мубарак 288
 Садат, Анвар 40, 41, 47, 161–166, 169, 175, 201, 228, 231, 251, 309
 Садек 161
 Садиров Р. 459
 ас-Садр, Мухаммед Бакир 325, 1006
 Салык, Мухаммад 436
 Саил бин Теймур 306, 307
 Саид, Нури 315, 316
 Сайем А.С.М. 599
 Сайяф, Абдулла 45, 49–51
 ас-Саккаф, Мухаммед Али 276
 Салазар 789
 Салах бен Юсеф 114
 Салем. Рубейя Али (Сальмин) 264, 266–268
 Салех, Али Абдалла 264–266, 270, 271, 273–276, 279
 Салех, Аллаяр 371
 Салих, Мухаммад (Мадаминов, Салой) 436, 437, 440
 ас-Салляль, Абдалла 257, 260, 261
 Сальмин см. Салем, Рубейя Али
 Салям, Саиб 181
 Саматов А. 458
 Самараккоди Э. 631
 Самба Ж. 885.
 Сан Ю 658, 663
 Санья Тхаммасак 677

- Сапир П. 224
 Сарит, Тханарат 31, 674, 675
 Саркария Р.С. 568
 Саркис Э. 183
 Саркисян, Вазген 421
 Сартр Ж.П. 129
 Састроамиджойо А. 795, 796, 798
 Сато Эйсаку 936, 945
 Саттар, Абдус 600, 601
 ас-Сауд, Саудилы, династия 239, 241, 242, 245, 252
 Сауд ибн Абд аль-Азиз 239, 241–246
 Сауд ибн Фейсал, эмир 254
 Сафави, Навваб 371, 279
 Сахиб-хан 541
 Саяф, Абдуurrasул 45, 478, 489, 491, 493
 Сейид Зия эд-Дин 371
 ас-Сейили 268, 276
 Селинджер П. 133
 Сенанаяке Д.С. 627, 644
 Сенанаяке Д.Ш. 628, 644
 Сени Прамот 672, 677
 Сианук, Нородом 31, 41
 Сигуа, Тенгиз 424
 Сидки-паша 135, 153
 Сидэхара Кидзюро 935
 де Силва Ч.П. 630–631
 Син, Хайме 56, 825, 829
 Синглер К. 132
 Сингх, Вишванатх Пратап 564, 577
 Сингх, Чаран 562
 Синх К.И. 614
 Синх М.М. 620
 Сисаванг Вонг, король 704, 705
 Сисон Х.М. 820
 ас-Сольх, Риад 177
 Сон Сен 702
 Сорос Дж. 760
 Соулбери 627
 Сталин И.В. 15, 21, 23, 25, 578, 837, 842, 884, 885, 904, 905, 909
 Стейли 724
 Стефенс, Дональд 752
 Субандрио 800
 Суванна Фума 36, 707
 Судоплатов П.А. 21
 Сукарно 793, 795–802, 804, 805
 Сукарнопутри, Мегавати 806, 808–810
 Султан ибн Абд аль-Азиз, эмир 251
 Сунай Дж. 340
 Сунь Ятсен 833, 867, 879, 880
 Сурьяди 806
 Суфанувонг, принц 704, 706, 709
 Сухарто 790, 791, 802, 804–809
 Сухраварди, Шахид Хусейн 539, 540, 542
 Сучинда Крапраюн 682, 683
 Сфар Р. 119
 Сфорца К. 126
 Такин Ну (У Ну) 649, 650, 652–656, 660, 661, 665, 670
 Такин Со 660
 Такин Тан Тун 651, 660
 Таксин Чиннават 686
 Таксита Нобору 955–957
 Талабани, Джалал 46, 324, 1006
 Талегани, Махмуд 374, 390
 Талиб бен Али 298
 Таляль, король 189
 Танай, Шахнаваз 491
 Танака Какуэй 948, 955, 956, 970
 ат-Тани, Абдалла бен Касем 285
 ат-Тани, Ахмед бен Али 285, 286
 ат-Тани, Халифа бен Хамад 285–287
 ат-Тани, Хамад бен Халифа 287, 288
 ат-Тани, Яссим бен Хамад 288
 Тань Чэнлок 746, 747
 Тараки, Нур Мухаммад 466, 467, 476, 484, 486
 Тарар М.Р. 534, 535
 Тарик Азиз 46
 Тарик бин Теймур 311
 Тарики, Абдалла 244
 Тарук, Луис 815
 Тахар бен Аммар 114
 Тацит 979
 Теймур бин Фейсал 295
 Текбаев О. 447
 Тенет Дж. 54
 Терещенко С. 450, 454
 Тер-Петросян, Левон 418–421
 Тин У 661, 665, 669
 Тинберген Я. 347
 Тлили, Абдурахман 122
 Токаев К. 453
 Томсен П. 50, 55
 Тон Дык Тханг 727, 731
 Три Сутрисно 792
 Трибхуван, Бир Бикрам Шах Дева 613, 614
 Троцкий Л.Д. 37
 Трумэн Г. 14, 19, 22, 178, 188, 240, 332, 716, 910
 Гума, Эмиль 23
 ат-Тураби, Хасан Абдалла 53, 111, 147–150
 Тураджонзода, Холжи Акбар 455, 458, 459
 Тургут Х. 364
 Тхамронг Наватсават 673
 Тханин Кравичиен 679

- Тханом Киттикачон 676–678
Тхапа С.Б. 617
Тхьеу 41
Тхонгсук Сасангки 711
Тэйлор 724
Тюркеш А. 338, 340, 345, 346
- У Ба Свэ 650, 653, 654–656, 660
У Ба Тан 652
У Ну см. Такин Ну
У Со 649
У Хань 867
У Чжо Ньейн 650, 653, 655, 656
Убад, Али Салех (Мукбиль) 275
Увейни, Хасан 319
Уно Сосукэ 957
Упадхьяйя, Диндаял 552
Ургюплю С. 341
Усмон, Давлат 455, 460
Устинов Д.Ф. 44
- Фавваз**, эмир 244
Фавзи 161
аль-Фадли, Ахмад бин Абдалла 259
Фам Ван Донг 731
Фам Хунг 736
Фан Ван Кхай 741
Фарид А.С. 492
Фарук, король 135, 136, 154
Фархат, Аббас 103
Фахд ибн Абд аль-Азиз 191, 242, 248, 249, 251–253
Фирдоуси 407
Фейсал II 316
Фейсал ибн Абд аль-Азиз 45, 239, 241–249
Фейсал ибн Мусаед, эмир 249
аль-Фейсал, Турки 45, 54
Форд Дж. 790
Франжье, Сулейман 181, 183
Фукени, Мохизддин 128
Фукуда Такэо 955
Фуми Носаван 36
Фурсенко А.А. 29
- Хабиби, Абдулхай 466, 467
Хабиби Б.Ю. 792, 808, 809
Хабиби, Хасан 406
Хаддад, Саад 182
Хаддад, Наим 233, 325
аль-Халжари 263
Хай Жуй 846, 847
Хайраб, Мир Акбар 484
Халед бен Мухаммед 300, 301
- Халед ибн Абд аль-Азиз 245, 249
Халес, Юнус 486, 493
Халили А.К. 496
аль-Халили, Мухаммед 295, 306
Халилор, Халилулла 478
Халиль 27
аль-Халиф, Хатем 141
аль Халифа, Иса бен Сальман 281, 283, 284
аль Халифа, Сальман бен Хамад 281
аль Халифа, Хамад бен Иса 284
аль Халифа, Халифа бен Сальман 282
Халлафулла, Мухаммед 89
Халперин М. 37
Хамад, наследный принц Катара 285
аль-Хамди, Ибрагим 263, 264
Хаменси, Али 393, 394, 397, 399, 401
Хамзах Хаз 810
Хамид Халиль, Абд аль-Маджид 146
Хан Сахиб 503
Ханиф М. 604
Хансон Э. 56
Хантингтон С. 987
Харахап Б. 796
аль-Харири, Рафик 185, 186
Хасан, эмир 260
Хасан II, король 95, 99–101
Хасан, наследный принц Иордании 194
Хасимото Рютаро 967, 970
Хата Цутому 970
Хатами, Мохаммад 400–409, 1002
Хатами, Реза 403
Хатами, Рухолла 402
Хатояма Итиро 935
Хатояма Кунио 971
Хатояма Юкио 971
Хатта, Мохаммад 793
аль-Хатыб, Ахмед 289, 290
Хашед, Фархат 113
Хашеми-Рафсанджани, Али Акбар 393, 394, 397–404, 406, 409
Хашеми, Фаэза 403, 404
Хашим-хан М. 465
Хау, Роберт 135
Хеди Баккуш 120
Хеди Нуира 117
Хекматъяр, Гульбедин 49, 50, 478, 481, 486, 492–496
ал-Хелми, Бурхануддин 744, 747, 752, 749
Хелу, Пьер 183
Хелу, Шарль 180
Хенг Самрин 697, 698
Хигасикуни Нарухито 935
Хикмет, Назым 334

- Хиллари, Эдмунд 615
 Хо Чжон 920
 Хо Ши Мин 35, 36, 693, 714, 716–718, 722, 727, 730, 738
 Хванг Минь Зям 717
 Хобсбаум Э. 34
 Ховейда, Амир Аббас 379, 384, 386, 387
 Хогай 912
 Хомейни, Ахмад 402
 Хомейни Рухолла, аятолла 378, 379, 386–399, 402
 Хосокава Мориhiro 970
 эль-Хосс, Селим 186
 Храуи, Ильяс 184, 185
 Хрущев Н.С. 25, 29, 30, 31, 35–37, 469, 471, 838, 885, 888
 Ху Цзиньтао 871
 Ху Цили 868, 869
 Ху Яобан 855–857, 859, 862, 863, 865, 867, 868, 872
 Хуа Гофэн 850, 851, 853–856
 аль-Хубейши Х.А. 270
 Худойбердыев М. 459
 Худоназаров Д. 455
 Хун Сен 698, 699, 701, 702
 аль-Хури, Бишара 177, 178
 Хуро М.А. 512
 Хусейн, король Иордании 27, 189–195, 226–227, 235, 309
 Хусейн, Саддам 35, 41, 46, 47, 51, 52, 253, 295, 318, 325–331, 1005, 1006, 1009
 аль-Хусейни 215
 Хэлидей, Фрэд 14
 Хюинь Тан Фат 725, 728
- Ц**
 Цеденбал Ю. 885, 887–889, 892
 Цзян Цзинго 879, 880
 Цзян Цзэминь 742, 869, 870, 871, 918
 Цзян Цин 847, 853, 854, 857
 Цой Гю Ха 923
 Цой Ен Ген 905
 Цой Чан Ик 912, 913
 Цэнд Л. 895
 Цяо Ши 868, 869
- Ч**
 Чакма П.К. 608
 Чан Дык Лыонг 741, 742
 Чан Кайши 15, 715, 716, 832, 852, 853, 878, 879, 903
 Чан Мен 920, 926
 Чатчай Чунхаван 680
 Челванаягам С. 627, 630, 638
 Черчилль, Уинстон 14, 28, 100, 240, 542
- Чиам Си Тон 773, 774
 Чиллер Т. 359, 361, 362
 Чинь Пэн 18, 747
 Чжан Чуныцзяо 853, 854
 Чжао Цзыян 856, 858, 859, 861, 863, 865, 867–869, 872
 Чжоу Эньлай 839, 840, 847, 850, 885
 Чжу Дэ 851
 Чжу Жунци 870, 871
 Чингисхан 899
 Чинь Пэн 18, 747
 Чо Ман Сик 904, 905, 907
 Чо Мен Рок 917
 Чойбалсан Х. 882, 884, 885
 Чон Ду Хван 923, 924, 927
 Чоудхури А.С. 596
 Чоудхури М.А. 512
 Чуан Ликихай 683
 Чувалит Йонг чайюл 684, 685
 Чуучу, Латиф Абдул 785
 Чыонг Тинь 734, 735
 Чэнь Бола 847
 Чэнь Шуйбянь 880
 Чэнь Юнь 840, 854–858, 863, 865, 867–870
- аш-**Шааби**, Наджиб Кахтан 259, 266, 267, 276
 Шабиб, Талеб 320
 аш-Шабиби, Хусейн Мухаммед 315
 аш-Шавваф, Абд аль-Ваххаб 318
 Шамун, Камиль 28, 178, 179
 Шамшер, Мохан 613, 614
 Шамшер, Падма 613, 614
 Шамшеры, семейство 613
 Шариятчадари, Сеид Казем 386, 390
 Шариф, Наваз М.М. 531–534
 Шариф, Шахбаз 533
 Шариф-Имами, Дж. 386
 Шарк М.Х. 490
 Шарон А. 221, 233, 236, 1004
 Шастри, Лал Бахадур 549
 Шафик, Мусса 475, 486
 Шах Махмуд-хан 465, 468
 Шварц Б. 30
 Шеварднадзе Э.А. 51, 424–427, 433
 аш-Шейх, Мухаммед ибн Ибрагим 244
 Шехар, Чандра 564
 Шен Шидай 44
 Шеримкулов М. 445
 аш-Шериф, Ахмед 125
 Шехаб 179, 180
 Шиваджи 569
 Широков Г.К. 978
 Шихмурадов Б. 464

Шишекли, Адиб 197

Шоуп К. 934

Шроен Г. 54

Шульц Дж. 47

Щаранский Н. 237

Эврен К. 359

Эджевит, Бюлент 344, 346, 361, 362

Эйзенхауэр Д. 22, 25, 27, 28, 31, 36, 179, 197,
242, 376, 471, 910, 947

Экбаль, Манучехр 375

Элбэгдорж Ц. 896

Эльчибей, Абульфаз 410, 412

Энлире Х. 825

Энхбаяр Н. 896

Энхсайхан М. 896

Эрбакан Н. 342-345, 352, 359, 361, 362

Эрдоган Р.Т. 361, 362

Эрим Н. 343

Эркин Ф. 341

Эрчель Г. 367

Эршад Х.М. 600-603, 605, 606

Эстрада, Дж. Эхерсито 830

Эттемади, Нур Ахмад 474, 486

Эттли, Клемент 537, 538, 648

Эшимканов М. 447

Эшкол Л. 224

Юовоно Сударсоно 805

Юн Бо Сон 920, 923

Юсуф, Сулейман Юсуф (Фахид) 315

Юсуф, Мухаммад 472, 473

Юсуфи А. 98

Ядав, Мулаям Сингх 539, 575

Язди Э. 391

Ямани, Ахмед Заки 246

Яни А. 802

Яо Вэньюань 854

Яо Илинъ 868

Ясин А. 1004

Ясуси Акаси 700

Яхья, Тахер 320

Яхья, Хамид ад-Дин 256, 279

Яхья Хан, Ага Мухаммад 516, 517, 525, 594

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аба, о-в 144
Абадан 387, 397
Абу-Даби, эмират (Договорный Оман) 295–297, 299–306
Абу-Муса, о-в 304
Абхазия 424, 427–429, 431–433
Авали 280
Австралия 253, 773, 783, 811
Австрия 223, 887
Агадир 101
Агдамский район 416
Агинальдо 825
Адана 338
Аддис-Абеба 172
Аден 255–259, 264, 266, 267, 269, 270, 272, 273
Аджария 363, 416, 424, 427–429
Аджман 301
Азербайджан 21, 43, 237, 363, 364, 409–434, 984, 990
Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) 15, 775, 954, 955, 966, 967, 969
Азия 18, 28, 38, 48, 63, 67, 68, 76, 86, 87, 991, 992, 995–998, 1003, 1011, 1014, 1015, 1018
Восточная 58, 70, 71, 760, 983, 999, 1011, 1020
Западная 12, 71, 177, 284, 993, 994, 1014
Средняя 237, 471, 473, 474
Центральная 6, 48, 52, 53, 361–364, 409, 496, 592, 980, 984, 987, 988, 991, 992, 994, 997–999, 1002, 1011, 1014, 1017
Юго-Восточная 18, 26, 28, 35, 36, 40, 43, 71, 552, 645, 694, 767, 771, 772, 778, 780, 788, 955, 986, 987, 991, 993–995, 998, 1011, 1013
Юго-Западная 280, 984, 1014
Южная 19, 49, 71, 589, 592, 634, 636, 639, 646, 984, 991, 993–995, 997, 998, 1003, 1013, 1016
Айн-Румман 181
Айодхья 570, 572, 573, 577, 606
Албания 364
Александрия 44, 153, 155, 171, 209
Алжир 28, 32, 43, 46, 51, 52, 68, 85, 86, 101, 103–112, 172, 190, 191, 211, 391, 982
Алиага 341
Алма-Ата (Алматы) 411, 447, 1003
Алор Сетар 758
аль-Фаллуджа 1006
Амбала 540
Америка 25
 Латинская 63, 68, 70, 71, 74, 86, 237, 1012
Амман 187, 191, 211
Амран 260
Амритсар 540, 543
Анатолия 342
Англия (Великобритания) 12, 16, 17, 19, 21–24, 27–29, 31, 32, 44, 51, 77, 96, 126, 127, 129, 134–137, 140, 142, 145, 153, 156, 157, 179, 187, 189, 206, 207, 214–216, 220, 222, 240, 242, 255, 257, 259, 260, 277, 282, 284, 286, 287, 289–291, 294–300, 305, 308, 314, 315, 326, 340, 344, 345, 371, 373, 381, 414, 467, 487, 537–542, 586, 589, 612, 627, 634, 645, 646, 715, 717, 738, 748, 750, 751, 765, 768, 773, 781, 787, 788, 797, 849, 882, 883, 887, 903, 906, 911, 926, 940, 942, 958, 959, 961, 962, 963, 986, 988, 991
Ангола 790
Андижанская обл. 438
Анкара 333, 334, 338, 343, 363, 494
Анфа 100
Аньхой, пров. 860, 861, 867
Аомынь (Макао) 58, 872
Арабский халифат 24
Аравийский п-ов 160, 288, 309
Аравийское море 271, 278
Аравия 979, 981
 Южная 32, 57
Аргандаб, р. 465
Армения 409–434, 984, 990, 992
Асака 438
Ассам 498, 538, 543, 595
Асуан 27, 156, 160
Асьют 168, 169, 172
Атбар, р. 140, 144
Афганистан 13, 43–45, 47–49, 51–55, 86, 111, 174, 251, 252, 359, 379, 406, 408, 409, 459,

- 463, 465–476, 478, 479, 481–484, 486–496,
499, 501, 520, 527, 528, 530, 980, 983, 988, 989
- Африка 28, 38, 63, 70, 71, 101, 126, 134, 143, 978,
979, 983, 999, 1011, 1012, 1015, 1016, 1018
- Северная (Магриб) 12, 43, 57, 68, 126, 208,
211, 978–982, 986, 987, 990–998, 1007,
1011, 1014, 1016, 1018, 1020, 1021, 1023,
1027, 1030
- Ахалкалаки 427, 429
- Аче, султанат 809
- Ачех 86
- Ашхабад 463, 464, 494
- Багдад** 26, 27, 46, 191, 197, 242, 253, 309, 315–
317, 323, 324, 328
- Бадгис, пров. 494
- Бадльянаттала (Муджибнагар) 595
- Баку 364, 410–412, 414, 415, 417, 429
- Бали, о-в 809
- Балибо 790
- Балинг 747
- Балх 493
- Бамнан 497
- Бангалор 587
- Бангкок 31, 673, 677–679, 681–683
- Бангладеш (Народная Республика Бангладеш) 43,
517, 519, 558, 589, 594, 598, 620, 984, 995, 996
- Бандарбан 609
- Бандар-Сери-Бегаван (БСБ) 787, 788
- Бандунг 27, 796, 981
- Басилан 820
- Басорский вилайет 290
- Басра 326, 327, 329
- Баткентская обл. 446
- Баткентский р-н 440, 446
- Баттамбан 694
- Батуми 364, 427
- Бахля 298, 306
- Бахрейн 52, 252, 280, 284, 287, 298, 299, 301,
304, 354, 983
- Бахр-эль-Газаль 147
- Башкирия (Башкортостан) 254, 363, 364
- Бейрут 177, 178, 180–183, 185, 233
- Бекаа, долина 182
- Белаит 781
- Белоруссия 742
- Белуджистан 498, 517, 523, 538, 543
- Бельгия 223, 887
- Бенгази 124, 129
- Бенгалия 498, 502, 503, 538–544, 555, 556, 563,
576, 581, 606, 609
- Западная 555, 556, 563, 576, 581
- Бенгальский залив 589, 609
- Бендер-Бушир 280
- Бендер-Шапур 390
- Бени-Суэйф 169, 172
- Бенче 724
- Берлин 134
- Бетбуния 608
- Бизерта 115, 116
- Бирма (Мьянма) 19, 35, 36, 43, 57, 609, 648–653,
656–659, 661–671, 776, 938, 985, 986
- Бисайские о-ва 815, 816
- Бихар 538, 552, 561
- Бишкек (Фрунзе) 417, 441, 442, 447
- Восток
- Ближний 16, 21, 26, 28, 29, 31, 32, 39, 40, 43,
44, 50, 52, 54, 101, 159, 181, 183, 186, 187,
193, 202, 205, 206, 208, 210, 211, 238, 240,
242, 247, 254, 256, 290, 308, 331, 612, 788,
966
- Дальний 16, 25, 37, 38, 40, 47, 48, 237, 771,
853, 883, 889, 931, 936, 937
- Богра 600
- Болгария 139, 732, 891
- Бонин, о-ва 938
- Бонн 497
- Борнео (Калимантан) 750, 752, 753, 809
- Северное 750, 751, 753, 754
- Босния 111, 496
- Бразилия 63, 253
- Бруней 750, 752–754, 780–788, 800, 801, 985
- Бруней Даруссалам 781, 787
- Бруней-Муара 781
- Брюссель 253
- Бурайми 297, 306
- Бутан 612, 625, 626, 634, 984
- Бушир 409, 1010
- Буэнос-Айрес 253
- Бэйдайхэ 841, 843
- Ванфук** 717
- Вашингтон 17, 25, 32, 38, 129, 132, 163, 164, 193,
212, 234, 235, 248, 374, 408, 418, 501, 515,
535, 719, 727, 732, 796, 835, 850, 859, 881
- Великобритания см. Англия
- Вена 253
- Венгрия 139, 891, 894
- Волга, р. 409
- Восточная Бенгалия (Восточный Пакистан) 539,
540, 594–596, 606
- Восточно-гималайский регион 626
- Восточное Средиземноморье 186
- Вьетнян 704–709, 711, 713
- Вьетнам (Демократическая Республика Вьет-
нам, ДРВ) 13, 17, 25, 28, 35, 36, 41, 43, 47, 68,

- 85, 104, 586, 589, 690, 692–695, 697–699, 714–744, 776, 807, 855, 859, 881, 938, 966, 985, 986
Северный 35, 36
Южный 25, 35
- Гаага** 283
Гавайи, о-ва 826
Гагра 431
Гадамес 127
Газа 33, 192, 193, 207, 209, 212, 231, 232, 235, 238, 311, 1004
Галилея 216, 226, 233
Гальский район 432, 433
Ганг, р. 609, 610
Гармский р-н 459
Гат 127
Гафс 118
Гаш 143
Гватемала 22, 27
эль-Гезира 139, 140, 143
Герат, пров. 44, 473, 494
Германия 14, 44, 77, 126, 256, 332, 738, 961–963, 988, 899, 990, 991
Германская Демократическая Республика (ГДР) 732, 891
Гильменд, р. 465, 468, 474
Гималаи 615
Гиндукуш 495
Глосан 820
Голанские высоты 33, 50, 190, 199, 201, 203, 209, 225, 226, 228, 229, 232
Голландия (Нидерланды) 12, 17, 223, 794–796, 798, 800
Голубой Нил, р. 140
Гонконг (Сянган) 16, 21, 38, 772, 851, 853, 863, 872, 874, 1011–1013
Горно-Бадахшанская АО 456
Греция 340, 344, 358
Грузия 363, 410–434, 984, 990, 992
Гуанчжоу 833, 871
Гудаута 427, 428, 431, 433
Гуджарат 559
Гур, пров. 494
Гюмри 421, 422
Гянджа 364, 412
- Давос** 418
Дагестан 254
Дакка 513, 539, 594, 595, 599–601, 603, 604, 606, 609, 610
Даманский, о-в 849
Дамаск 124, 186, 196, 204, 205, 242, 316, 320
Дананг 717, 730
Дар-эс-Салам 53
- Дас, о-в** 299
Дахран 241, 280
Дацзи 847, 854, 870
Дачжай 847, 854, 855, 870
Девангири 624
Дейр-Ясин 23, 216
Дели 500, 538, 552, 589, 592, 613, 624
Джавахетия 427
Джакарта 790, 792, 793, 800, 801, 805–807
Джалалабад 447, 471, 493, 495
Джалалабадская обл. 442, 446
Джалландар 540
Джамму и Кашмир 20, 500, 520, 543, 592, 1003, 1026
Джаркханд 548, 574
Джаузджан 493
Джафна 42, 630, 635, 638, 639
Джебель Ахдар 298
Джейхан 363
Джелам, р. 507
Джидда 247, 262, 293
Джихаскари 425
Джонглей 144, 147
Джохор 776
Джубайл 249
Джунагарх 543
Джуронг 771
Дили 791
Долоннор 883
Дофар 296, 307, 308, 311
Доха 284
Дубай 296, 300–304
Душанбе 55, 454 459
Дьенбьенфу 17, 689, 719
- Европа**
Восточная 58, 117, 142, 236, 237, 875
Западная 44, 77, 91, 102, 201, 266, 328, 349, 773, 833, 859, 879, 949, 965
- Евфрат** 983
Египет (Арабская Республика Египет, АРЕ) 12, 24, 26, 27, 29, 32–34, 39–41, 44, 47, 50, 52, 63, 68, 85, 101, 128, 129, 134–137, 152–157, 159–164, 166, 169, 170, 172, 174–176, 188–191, 193, 197–199, 201, 202, 205, 207, 209, 211, 217, 218, 220, 222, 225–234, 241, 242, 244, 248, 251, 253, 257, 259–262, 266, 273, 286, 291, 309, 315, 326, 328, 979, 981, 982, 986, 992, 988
Ереван 422, 423
- Женева** 17, 29, 36, 201, 253, 260, 344, 706, 707, 719–721
Жэхэ 883

- Закавказье** 362, 363, 984, 991, 999
аз-Заказик 171
Западный Ириан 798, 800, 809
Западная Сахара 32, 96, 97
Зиккайт 298
Зубара 284
- Ибри** 306
Иерихон 235
Иерусалим 33, 41, 47, 164, 188, 191, 193, 207–209, 213, 216–218, 220, 224, 226, 231, 236, 248, 251, 311, 358
Изки 298–299
Измир 338, 343
Израиль 12, 13, 23, 24, 26, 27, 32, 39, 40, 47, 48, 87, 101, 106, 117, 128, 154, 160, 163–165, 175, 177, 180, 182, 186, 187, 188, 190–194, 196, 199, 201–203, 205, 207–209, 211–213, 216–238, 248, 251, 257, 261, 286–288, 291, 292, 308, 311, 315, 321, 326, 358, 359, 363, 379, 408, 589, 590, 984, 988, 989
Илокос 819, 823
Ингури, р. 431, 432
Инд, р. 504, 507
Индийский Союз 541–543, 548
Индия 13, 15, 19–21, 25, 34, 35, 38, 43, 48, 49, 56, 57, 63, 66, 68, 76–78, 85, 86, 237, 258, 289, 463, 499–503, 513, 515, 517, 519, 525, 527, 531, 532, 534, 535, 537–555, 558–561, 563–572, 576–580, 582–593, 612–626, 627, 628, 634, 635, 637, 638, 643–646, 796, 845, 938, 979, 981, 984, 988, 993, 995, 996, 999
Южная 634, 637, 639
Индокитай 18, 25, 31, 35, 57, 329, 588, 689, 714, 716, 717, 719, 720, 727, 728, 773, 774, 955, 985
Индонезия (Республика Индонезия) 18, 25, 35–37, 40, 42, 43, 52, 57, 68, 78, 85, 277, 751, 754, 761, 776, 782, 786, 788, 789–809, 849, 979, 985, 986, 995
Индостан 498, 644
Инчхон 910
Иордан, р. 33, 187, 189, 207, 209, 212, 225, 238
Иордания (Трансиордания) 27–29, 33, 52, 84, 101, 142, 164, 187–195, 196, 199, 200, 202, 207–211, 215, 217, 218, 221, 226, 227, 229, 231, 234–236, 248, 253, 254, 260, 266, 273, 286, 309, 982, 993, 995
Ирак (Иракская Республика) 21, 25, 26, 28–30, 35, 40–43, 46–49, 51, 52, 87, 164, 169, 174, 187, 190, 193, 194, 196, 197, 202, 205, 207–209, 242, 244, 252, 253, 266, 287, 290, 293, 295, 328, 329, 334, 354, 359, 364, 374, 375, 379, 386, 393, 396, 407, 965, 981, 983, 986, 987, 989, 990, 995
- Иран (Исламская Республика Иран, ИРИ)** 21, 22, 25–27, 29, 34, 40, 42–44, 47, 49, 52, 68, 86, 87, 111, 131, 202, 221, 234, 242, 248, 250, 252, 254, 282, 287, 289, 292, 313, 315, 323–329, 354, 359, 362, 371, 274–382, 384–390, 392–394, 396–409, 440, 463, 980, 981, 988, 990, 993–995, 998
Искендерун 341, 346
Исламабад 172, 494, 520, 527, 528, 535, 594
Исмаилия 154
Испания 92, 102, 106, 277, 979
Испарта 338
Иссык-Кульская обл. 447
Исфаган 385, 402, 408
Италия 125, 256, 294, 381, 612, 887, 942, 963, 991
Итуруп 967
- Йемен** 32, 45, 54, 111, 190, 207, 244, 253, 254, 248, 255–257, 261–265, 268, 270, 278, 990
Северный 255, 256, 258, 260, 273
Южный 33, 255–258, 260, 262, 266–268, 270, 275
Йеменская Арабская Республика (ЙАР) 248, 251, 255, 260–266, 268–271
Йеменская Республика (ЙР) 255, 270, 274–276, 278, 310, 328, 329
- Кабилля** 105
Кабул 44, 45, 49, 50, 55, 473, 478, 481, 483, 485–488, 491–497, 527, 528
Кавказ 409
Северный 363, 364
Южный 6, 48, 52
Кавказский регион 44
Казань 363, 364
Казахстан 364, 435, 438, 439, 443, 447–454, 463, 872, 980, 984, 997
Каир 40, 106, 124, 135, 154, 156, 157, 159, 163, 168, 169, 172, 175, 181, 208, 210, 225, 228, 229, 235, 239, 257, 263, 268
Кайсери 338
Каланг Басин 771
Калган 883
Калимантан см. Борнео
Калифорния 586
Калькутта 538–540, 543, 544, 556, 595, 610, 612
Камаран, о-ва 263
Камбоджа 31, 35, 36, 41, 45, 47, 48, 85, 592, 688–697, 699–703, 716, 719, 725, 727, 732, 737, 738, 859, 966, 986, 990
Кампонг Аер 787
Кампучия 699, 732
Камрань 743

- Канада 186, 991
 Кандагар 471, 473, 474, 495, 496
 Каита 447
 Канья Кумари 547
 Каобанг 733
 Карабах 411, 412, 416, 417, 419, 420, 423
 Каратегин 455, 457
 Карачи 504, 519, 524, 532, 533
 Каргил 534
 Карибский бассейн 1012
 Карнатака 587
 Карнафули, р. 607
 Касабланка 93, 99–101
 Каспийское море (Каспий) 409, 463
 Каспийский регион 1014
 Катар 252, 254, 283–288, 301, 304, 354, 983
 Катманду 613
 Катунаяке 627
 Кашмир 49, 52, 55, 496, 499, 500, 515, 517, 519, 527, 530, 532, 534, 547, 548, 552, 588, 589, 1004
 Кванчжу 923, 924
 Кветта 494
 Кедрах, султанат 746, 758
 Келантан 749, 755, 761
 Кения 297
 Кентунг 653
 Керала 554, 556, 581, 585
 Кербела 324, 329
 Киото 946
 Кипр 44, 221, 297, 338, 340, 341, 344, 345, 358
 Киргизия (Кыргызстан) 364, 435, 438–447, 872, 980
 Киренаика 124–127
 Киркук 318, 329
 Китай (Китайская Народная Республика, КНР) 6, 13, 15, 16, 18–21, 25, 30, 31, 34, 36–39, 41, 44, 45, 47–49, 56, 66, 68, 71, 76–78, 85, 86, 145, 237, 267, 440, 463, 477, 415, 552, 582, 588, 589, 591, 592, 613, 615, 619, 620, 625, 634, 645, 692, 698, 699, 701, 770, 715–717, 719, 732, 733, 742, 776, 795, 796, 801, 807, 832–835, 837–846, 848–851, 853, 854, 856, 857, 859, 861–865, 867–869, 871–877, 880–883, 885, 886, 888, 899–901, 932, 938, 948, 954, 955, 966–969, 971, 974, 979–981, 985, 988–997, 999
 Китайская Республика 832–834, 852
 Ки-Уэст 410
 Колдорское устье 427, 433
 Коломбо 42, 635, 646
 Конго 142
 Конья 338, 342
 Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) 15, 16, 25, 85, 807, 833, 835, 845, 903–908, 910, 914, 919, 921, 924–926, 929, 938, 969, 989
 Корейский п-ов 835, 903, 905–909, 911, 916, 918, 919, 926, 928, 930
 Корея 16–18, 66, 334, 588, 881, 899, 901, 903–930 Южная (Корейская Республика) 16, 25, 38, 76, 78, 84, 86, 112, 772, 739, 772, 804, 835, 851, 853, 863, 905–914, 916, 918, 920–922, 924, 926–930, 947, 948
 Корпердже 463
 Косово 111, 496
 Кохинхина 716, 717
 Кранджи 771
 Красное море 28, 239, 249, 263
 Крым 364
 Куала-Лумпур 744, 748, 751, 756
 Куангчи 730
 Куба 732
 Кувейт 48, 50, 51, 101, 145, 169, 193, 202, 248, 252, 253, 264, 271, 283, 287, 288–295, 328, 329, 354, 965, 966, 983, 993, 998
 Куляб 456–458
 Кум 378, 379, 386, 388, 401, 402
 Кунашир 967
 Кундуз 493
 Курган-Тюбе 459
 Курдистан 46, 314, 318, 320, 323, 324, 327, 329, 361, 371, 372, 393
 Иракский 32
 Северный 21
 Курильские о-ва (Курилы) 938 Южные 955, 967
 Курт-куи 463
 Кушка 473
 Кхаграчари 609
 Кыргызстан см. Киргизия
 Кэмп-Дэвид 47, 101, 164, 190, 236, 251, 309
 Кэмп-Крам 826
 Кэсон 930
 Лайтяу 717
 Лангшон 717, 733
 Лаокай 733
 Лаос 18, 35, 36, 48, 716, 719, 725, 727, 995
 Ларнака 44
 Лахор 524, 540, 543
 Лесото 229
 Ливан 25, 28, 29, 47, 111, 177–186, 190, 191, 193, 196, 202, 207, 208, 210, 211, 218, 225, 231, 233–236, 251, 308, 982, 998
 Ливия 101, 105, 118, 125, 127, 129, 130, 132, 133, 134, 147, 190, 191, 211, 291, 354, 359, 979, 982, 986, 987

- Лингаджати 18
Лиссабон 253
Литани. р. 180, 182
Локерби 132, 133
Лондон 124, 129, 148, 206, 240, 242, 253, 257, 258, 278, 280, 540, 541, 750, 751, 758, 765, 771, 778, 781, 784
Луангпрабанг 708
Луксор 173
Лумут 783
Лушань 844
Лхаса 20
- Магриб** см. Африка Северная
Медиун 793
Мадрид 175, 193, 203, 212, 253, 966
Мазари-Шариф 492, 493, 496
Малави 229
Малайзия (Федерация Малайзия) 18, 19, 36, 42, 43, 57, 68, 76, 78, 750–764, 766, 772, 773, 776, 782, 786, 788, 800, 801, 806, 807, 987, 998
 Восточная 754, 757
 Западная 753, 755, 756
Малайя (Малайский Союз, Малайская Федерация) 18, 19, 25, 744 751, 753–756, 764–766
Малакканын 826
Малакка, п-ов 744, 748
Мальдивы, о-ва 984
Манакиль 144, 147
Манама 280, 281
Мангла 507
Манила 815, 816, 825, 829, 830
Маньчжурия 15, 903
Мараш 338
Мариба 273, 275, 277
Мариб-Джоуф 265, 277
Марокко 8, 32, 84, 92–94, 96, 98–102, 104, 105, 107, 191, 364, 982, 996
Масан 920
Маскат 295–298, 305–308, 310
Махакали 622
Махра 258
Меджерда, р. 115
Медина 239, 247, 250, 386
Мекка 239, 244, 247, 250, 252, 386
Меконг, р. 709, 713
Мертвое море 223
Месопотамия 327, 328, 982
Месхетия 429
Мехабад 21
- Мешхед 494
Мингрелия 425
Минданао, о-в 86, 820, 829
Мозамбик 790
Молдавия (Молдова) 364
Молуккские о-ва 805
Монастир 119
Монголия (МНР) 37, 44, 364, 732, 849, 850, 882–902, 938, 980, 986
Мондолкири, пров. 693
Монреаль 133
Москва 16, 19, 23, 27–30, 33, 34, 39, 40, 45, 51, 139, 175, 193, 242, 252, 269, 334, 363, 364, 422, 432, 435, 436, 442, 447, 458, 461, 468–471, 477, 483, 485, 487–489, 494, 497, 592, 732, 742, 757, 759, 835, 838, 845, 883, 885, 888, 900, 980–981
Моха 257
Мукалла 278
Мултан 540
Мухаррак 280–284
Мьянма см. Бирма
- Наглу** 473
Нагорный Карабах (Нагорно-Карабахская автономная область, НКАО), Нагорно-Карабахская Республика (НКР) 412, 416–423
Найроби 53
Наксалбари 555
Намбо 716–718
Намки 717
Нангархар, пров. 495, 496
Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ) 251, 255, 263–271, 277
Нарынская обл. 442, 447
Наушки 885
Нахараим 215
Нгеан 714
Негев 217, 225
Неджеф 324, 325, 329, 379, 387
Нёнбён 916
Непал 612–626, 984, 986
Нигерия 101, 253
Нидерланды см. Голландия
Низва 299, 306
Никозия 44
Нил, р. 28, 40, 134, 136, 139, 153
Ниньбинь 729
Ноакхали 543, 544
Новая Гвинея 798
Новая Зеландия 223, 773
Норвегия 636
Нью-Йорк 254, 778

- Обдурман 138, 139, 148
 Объединенная Арабская Республика (ОАР) 27, 157, 162, 198, 210, 257
 Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) 55, 56, 101, 252, 273, 277, 284, 295, 301–305, 310, 311, 354, 983
 Окинава, о-в 971
 Оман 252, 269, 283, 296–300, 303–312, 983
 Ормузский пролив 303, 305
 Осака 946
 Осло 193, 212, 236
 Османская империя 290, 324
 Ош 441, 442
- Пакистан 13, 19, 20, 26, 42–46, 48–52, 54, 55, 76, 78, 111, 289, 315, 324, 364, 440, 463, 467–469, 472, 481, 487, 488, 491, 494, 496, 501–511, 513–523, 525–536, 537–543, 547, 549, 552, 553, 558, 588–591, 615, 980, 984, 988, 997
 Палестина 22–24, 101, 117, 164, 187, 188, 191, 196, 197, 206–213, 214–217, 226, 229, 230, 233, 240, 251
 Памир 455
 Панаути 619
 Панджшер, долина 55
 Панкисское ущелье 428, 429, 433
 Парасельские, о-ва 742
 Париж 41, 125, 242, 387, 717, 720, 728, 742, 784
 Патхет Лао 704, 705
 Пекин 15, 592, 613, 694, 695, 732, 733, 801, 833, 835, 845, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 859, 860, 861, 866, 867, 868, 869, 871, 880, 888, 981
 Панджаб (Пенджаб) 498, 503, 505, 517, 533, 538–544, 563
 Пери 298
 Персидский залив 208, 249, 252, 265, 280, 283, 286, 288, 292, 293, 326, 327, 331, 379, 386, 387, 965, 966, 981
 Пескадорские о-ва 938
 Пешавар 487, 489
 Пинанг 744, 748, 759
 Пномпень 696, 697, 707
 Польша 156, 938
 Порт-Саид 44, 156
 Портсмут 315
 Португалия 789, 790, 987
 Пусан 909
 Путрачжая 759
 Пуштунистан 469, 470
 Пхеньян 908, 914, 916–919, 926–930
 Пхонгсали 706, 707
 Пяндж, р. 457, 473
- Рабат 101, 190, 191, 210
 Равалпинди 540
 Раджин-Сонбон 914
 Радфан 259
 Рае-Барели 559
 Рангамати 609
 Рангун 649, 652, 654, 659, 660–667
 Рас-эль-Хайма 301–303
 Ратанакири, пров. 693
 Рахьют 311
 Риау, о-ва 776
 Рим 125, 134, 253
 Родос, о. 207, 217–218
 Россия (Российская Федерация, РФ) 44, 102, 123, 133, 203, 237, 253, 274, 276, 294, 363, 364, 366, 408, 409, 426–428, 430, 437, 440, 457, 463, 464, 545, 580, 587, 591, 592, 737, 742, 782, 843, 862, 871, 872, 875, 881, 893, 899, 900, 915, 919, 925, 967, 968, 979, 981, 988–990
 Ростак 298, 306
 Роттердам 771
 Руб эль-Хали 277
 Румыния 139, 364
 Рюкю, о-ва 938
- Сабах 750–754, 756, 780, 800
 Сайгон 41, 714, 715, 725, 729–731, 807
 Сайда 181
 Саланг 470, 495
 Самлаут 694
 Самнеа 706–708
 Сана 32, 255, 256, 259, 261–264, 273
 Сан-Ремо 187
 Сан-Франциско 178, 239, 795, 938
 Саравак 751–754, 756, 780, 781, 800
 Сарпы 364
 Саудовская Аравия 20, 32, 40, 45, 49–53, 96, 101, 142, 145, 187, 190, 191, 197, 205, 207, 239, 240, 242, 244, 246–248, 250–254, 257, 260–264, 271, 277, 278, 280, 283, 284, 287, 291, 293, 313, 326, 328, 354, 359, 362, 981, 987, 990, 993
 Сахалин, о-в 938
 Сахара 105, 111, 126, 999, 1012, 1018
 Сахарская Арабская Демократическая Республика 101
 Свазиленд 229
 Сванетия 429
 Себу 819
 Сехба 127, 130
 Северо-Западная пограничная провинция (СЗПП) 537, 538, 541, 543

- Сейдишехир 341, 346
 Сембаван 771
 Севл 905, 907, 909, 910, 918–920, 922, 923, 926–930
 Сиамский залив 713
 Сиануквилль 693
 Сикким 624
 Силхет 543
 Силхетский округ 498
 Симла 519, 589
 Синайский п-ов 164, 209, 222, 225, 226, 228, 231, 233
 Сингапур 18, 298, 736, 744, 745, 747, 750, 751, 753–755, 764, 768, 771–779, 800, 801, 804, 806, 810, 822, 823, 853, 985, 998
 Синд 498, 502–504, 517, 528, 529, 531–533, 538, 543
 Синьзянь 44, 833, 845
 Сирия (Сирийская Арабская Республика) 25, 33, 41, 43, 44, 50, 52, 157, 164, 175, 177, 180, 182, 184, 187, 188, 190, 191, 193, 196–205, 207–211, 217, 225, 226, 228, 231, 233, 234, 242, 248, 253, 257, 273, 286, 982, 988
 Ситра 280
 Скопус 218
 Советский Союз (СССР) 6, 12, 15–17, 21–23, 25, 27–31, 34, 38, 40, 41, 43, 45, 47–50, 57, 85, 102, 123, 126, 127, 142, 159, 162–164, 193, 199, 201, 202, 215, 216, 219, 220, 222, 225, 227–230, 234, 237, 242, 252, 257, 267, 268, 303, 305, 309, 313, 315, 317, 323, 332, 338, 341, 343, 356, 362, 363, 371–373, 380, 381, 408, 410, 416–419, 421–424, 467–471, 473, 476, 477, 479, 483, 485, 487, 489, 491, 492, 499, 515, 519, 528, 531, 545, 549, 553, 578–580, 582, 588, 591, 615, 619, 620, 634, 646, 698, 699, 719, 722, 726, 727, 729, 732, 734, 738, 757, 768, 795, 796, 833, 835, 836, 837, 839, 840, 843, 845, 849, 850, 859, 861, 862, 871, 903, 905–909, 911–914, 919, 923, 924, 926, 928, 931, 937, 938, 946, 947, 954, 955, 965, 967, 800, 807, 980
 Содружество Независимых Государств (СНГ) 440, 443, 446, 457, 463, 464
 Соединенные Штаты Америки (США) 14–19, 21–23, 25–31, 35, 36, 38, 40, 41, 43–51, 53–55, 57, 77, 92, 102, 112, 117, 125, 127–129, 136, 140, 142, 145, 161, 163, 164, 174, 179, 188, 191, 193, 201–203, 205, 206, 214, 215, 219–222, 225, 226, 228, 229, 231, 234–236, 240, 242, 244, 248, 253, 254, 257, 260, 266, 271, 273, 274, 278, 291, 294, 295–298, 301, 303–306, 308–310, 324, 326, 331, 332, 335, 340, 345, 358, 360, 362, 363, 371, 373, 374, 376, 379, 381, 386, 387, 391, 393, 398, 399, 401, 406–408, 414, 415, 417, 418, 422, 426, 428, 440, 467–469, 471, 473, 483, 484, 487, 491, 492, 496, 497, 500, 501, 527, 528, 531, 532, 535, 550, 553, 586–591, 634, 645, 692, 702, 714–744, 760–762, 773, 778, 784, 790, 795–797, 800, 804, 810–813, 816, 818, 822–825, 827, 833, 835, 845, 850, 852, 859, 871, 879, 881, 882, 883, 887, 897, 900, 901, 903, 905–911, 916–922, 924–928, 931, 932, 937–940, 942, 947–949, 953–955, 960, 962–969, 988, 991
 Сокотра, о-в 258
 С.-Петербург 363
 Спратли, о-ва 742
 Средиземное море 177, 240, 983
 Средний Восток 21, 29, 43, 44, 49, 164, 238, 386
 Стамбул 333, 338, 341, 343, 356, 362, 363, 415, 418, 428, 429
 Страсбург 414
 Судан 24, 32, 111, 134–140, 142–150, 153, 154, 156, 190
 Сулавеси, о-в 797
 Сулеймания 329
 Сулу 820, 829
 Суматра, о-в 795–797
 Суммам, долина 105
 Супса 429
 Сус 119
 Сухуми 431, 433
 Суэцкий канал (Суэц) 24, 27, 154, 156, 163, 165, 227–229, 231, 259, 286
 Сфакс 114
 Сычуань 856, 861
 Сянган см. Гонконг
Тавильдаринский р-н 459
 Таджикистан 43, 53–55, 111, 254, 364, 409, 435, 440, 441, 446, 454–460, 872, 999
 Таизз 256, 261, 262, 273
 Таиланд 18, 19, 26, 36, 43, 48, 78, 86, 688, 705, 706, 709, 710, 776, 806, 985
 Таиф 261
 Тайбэй 880
 Тайвань 15, 19, 25, 31, 38, 76, 78, 248, 736, 772, 776, 832, 845, 851, 852, 853, 863, 871, 874, 878, 879, 880, 881, 938, 948, 985, 987
 Таласская обл. 442
 Талукан 493, 495, 497
 Танапур 622
 Танжер 92, 93
 Танчао 714

- Тасос, о-в 345
 Татарстан (Татария) 254, 364
 Тахар 493
 Ташкент 435, 437, 439, 440, 457, 464, 494, 549, 552
 Тбилиси 363, 364, 415, 423, 424, 427–433
 Тебриз 385
 Тегеран 21, 324, 327, 373, 374, 377, 379, 380, 385–387, 391, 400–403, 408, 483, 494, 496
 Телок-Банга 771
 Тель-Авив 40, 180, 182, 216, 217, 220, 233, 308
 Тембуронг 781
 Термез 495
 Тибет 20, 21, 588, 613, 624, 833, 845
 Тивериадское оз. 225
 Тигр, р. 983
 Тимор
 Восточный (Демократическая Республика Восточный Тимор) 789–793, 807, 809
 Западный 790
 Тиранский пролив 33, 222, 225
 Тобрук 124
 Токио 48, 931, 936, 946, 964, 966, 967, 969
 Томб (Большой и Малый), о-ва 301, 304.
 Тонкинский залив (Бакбо) 35, 742
 Торонто 253, 759
 Трансиордания см. Иордания
 Тренггау 749
 Тринкомали 627
 Триполи 106, 107, 124, 125, 127, 132, 181, 182, 263
 Триполитания 125, 126, 128
 Трипура 556, 581, 595, 609
 Тунис (Тунисская Республика) 32, 47, 101, 104, 105, 107, 113–119, 121–123, 134, 211, 982
 Туркмения, Туркменистан 54, 364, 435, 440, 443, 461–464, 987
 Турция 22, 24, 26, 29, 34, 43, 44, 49, 52, 63, 68, 128, 196, 197, 205, 221, 237, 255, 315, 332–360, 362–367, 369, 370, 379, 463, 980, 983, 984, 988, 994, 998
 Тутонг, окр. 781
 Тутонг, р. 781, 787
 Тхайнгуен 723
 Тхимпху 625, 634
 Тыва 364
 Тяньцзинь 867
- Уганда** 142
 Узбекистан 43, 53–55, 254, 364, 435–441, 446, 454, 457, 458, 463, 464, 742, 872
 Украина 364, 742
 Улан-Батор 885, 886, 888, 891, 894, 896, 900
- Умм-аль-Кайвайн 301
 Умм-Шариф 299
 Уонгби 729
 Уттар Прадеш 552, 559, 561, 573, 574
 Уттаранчал 574
 Уфа 364
 Ухань 867
- Ф**
 Фамагуста 44
 Фао, п-ов 327
 Фарах, пров. 494
 Фарьяб, пров. 493
 Фашт-ад-Дибаль 283
 Федеративная Республика Германия (ФРГ) 112, 117, 140, 142, 145, 220, 225, 487, 615, 887, 940, 942
 Феззан 125, 126, 128
 Ферганская долина 436, 440, 446
 Фес 99, 191, 308
 Филиппины 25, 26, 43, 52, 56, 75, 751, 806, 811, 815, 817, 818, 820, 828, 831, 985, 990, 996
 Фирк 298
 Фонтенбло 717
 Франкфурт-на-Майне 114
 Франция 12, 17, 19, 24, 27, 28, 77, 92, 93, 96, 102, 103–106, 113–115, 117, 123, 126, 127, 156, 157, 180, 184, 186, 189, 217, 220, 222, 225, 227, 248, 257, 287, 294, 303, 379, 381, 386, 387, 417, 422, 487, 589, 607, 688, 693, 699, 714–720, 738, 741, 940, 942, 963, 986, 988, 991
 Фрунзе см. Бишкек
- Х**
 Хабоман 946, 967
 Хавар, о-ва 283, 284
 Хадонг 717
 Хадрамаут 258, 271, 275, 277
 Хазараджат 496
 Хайдарабад 524, 543
 Хайфа 223, 224
 Хайфон 716, 717, 726–728
 Хакасия 364
 Халабджа 327
 Халхин-Гол 44
 Хама 202
 Хамер 261, 264
 Ханабад 54
 Ханой 714–717, 722, 726, 728, 731, 733, 741, 859
 Харад 261
 Харк, о-в 396
 Хартум 135, 139, 145, 146, 160
 Харьяна 552

- Хатинь 714
Хиджаз 187
Хиндустан 539, 542
Хоабинь 734
Ходейда 257
Ходжент 457, 458
Хомс 202
Хонгай 727
Хост, окр. 496
Хубэй 842
Хузестан 47
Хунань 842
Хьюстон 771
Хэйлунцзян 847
Хэнань 841
Хюэ 714, 725, 730
- Цейлон** см. Шри-Ланка
Цхинвали 429
- Чанги** 771
Чарасьяб 493
Чаттисгарх 574
Черное море 363
Чехословакия 26, 156, 216, 732, 891, 894, 938
Чеченская Республика (Чечня) 111, 254, 424, 428, 429, 431, 432, 496, 592, 990
Чиан 734
Читтагонг 539, 594, 600, 601, 606–610
Чувашия 364
Чуйская обл. 442, 445
Чунцин 833
- Шабва** 265, 269, 273
Шанхай 867, 869, 870, 871, 872, 876
Шаньдун, пров. 841
Шаньси, пров. 847
Шарджа 296, 299–304
Шарм аш-Шейх 236
Шатт-эль-Араб, р. 47, 326, 393
Швеция 887, 961, 963
Шерхан 473
- Шикотан 944, 946, 967
Шотландия 132
Шри-Ланка (Цейлон) 42, 43, 615, 627–640, 642–647, 984
Шубр аль-Хайм 153
Шуша 417
Шэньчжэнь 863, 867
- Эгейское море** 345, 358
Эдинбург 253
Эль-Ахмади 289
Эль-Кувейт 289
Эль-Кунейтра 199
Эль-Фуджайра 301
Эль-Хаджар 108
Эрбиль 329
Эрзерум 423
Эритрея 134
Эр-Рияд 51, 244, 247, 251, 252, 494
Эр-Росейрес 140
Эт-Таиф 184
Эфиопия 142, 147, 221, 251
- Южная Осетия** (Южно-Осетинская автономная область, ЮОАО) 424, 427–431
Южно-Курильская гряда 967
Южный Дарфур 147
Южный Лусон 819
Юньнань 715
- Ява** 791, 794, 797, 801, 805, 809
Восточная 793
Западная 796
Якутия 364
Янбо 249
Яньань 870
Япония 8, 13–15, 38, 39, 47, 48, 72, 77, 142, 186, 248, 328, 566, 592, 634, 645, 688, 702, 714, 736, 738, 740, 772, 782, 795, 810, 833, 859, 871, 879, 882, 887, 899, 900, 901, 931, 932, 934, 935–955, 957–977, 979, 987–990, 994, 997
Ясыада, о-в 339

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ЭТНОНИМОВ

- я**биды 258
адат 794
ад-далиа 268
аднаниды 255
аймак 898
акида 265
алавиты 52, 95, 177, 196, 202
алиды (алавийин) 255
амир 494, 495
аль-ансарийя 134, 143
ауляд 128
ахмадия 519, 527
ахрар 256
аятолла 373, 374, 378, 386–388, 390, 393, 397, 402
- Бакиль** 257, 264
баллади 169
бандхи 621
барангаи (балангаи) 822
басидж 396
бегар 466, 505
бей 113, 114
белуджи 43
бенгальцы 43
берберы 43, 100, 110, 112
бигх 596
бирта 616
буддизм 628, 629, 631, 638–643
бхиккху 628, 629, 632, 640–642
- ва** 668
вакф (вакуф) 115, 275, 354, 362, 378, 383, 388, 395
вади 100, 269, 346, 494
ваххабизм, ваххабиты 45, 52, 128, 278
велят-е факих 388, 392
вилайет (веляят) 114, 118, 258, 259, 266, 333, 462
вулуси джирга 1008
- дар-уль-ислам 795
дауль 256–258, 266
дацзыбао 843, 848, 866
дашнаки 421, 422
- даяки 750, 752
деван негара 748
деван ракьят 748
джагир 499
джагирдари 505
джажайра 52
джайны, джайнизм 587
джариб 480
джихад 45, 46, 50, 51, 53, 54, 248, 264, 271, 373, 390, 487, 492, 526, 1004
джхум 607
дзайбацу 933, 937
дзонгке 625
дирхам 95, 97, 98
друзы 177, 178, 182, 196
друкпа 624, 625
дуары 625, 626
- завия 109, 127, 128,
закят 52, 388
заминдары 606
зейдиты 255, 260, 275, 278
- И**мам-хатиб 333, 338
индуизм 305, 573, 629, 638, 639, 643
интифада 212, 213, 235–237, 267, 1004
инфитах 161, 163
ислам 13, 46, 86, 89, 107, 109, 111, 121, 129, 133, 135, 150, 187, 194, 239, 241, 244, 245, 247, 250, 252–254, 260, 262, 265, 275, 280, 288, 305, 333, 339, 341, 342, 354, 360, 363, 371, 379, 392, 398, 407, 473, 482, 485, 486, 488, 490, 492–494, 496, 503, 508, 510, 511, 514, 519, 526, 527, 638, 642, 643, 747–750, 754, 756, 762, 781, 782, 785, 803, 1026
исламизм, исламисты 23, 24, 35, 41, 51, 52, 86, 110, 111, 133, 147, 166, 168, 169, 172, 174, 176, 185, 192, 194, 195, 212, 236, 291, 292, 308, 324, 339, 342, 343–352, 360–363, 475, 476, 478, 481, 495, 497, 520, 762, 795, 797, 798, 809, 810, 1000–1003, 1007, 1008, 1027
аль-исмаилийя 134
исмаилиты 177, 493
ихваны 241

- ишува 214–216
из 974, 975
- ка**бваля 270
кабили 255
кабилля 267
кадазаны 752
кади 255, 261, 263, 275
кадирия 487
каргьюпа 624
карены (кая) 649, 650, 655, 659
касты 547, 556, 557, 561, 564, 570, 574, 575, 577, 584
качины 650, 652, 659, 668
кая 656
кемализм, кемалисты 333, 352
кибуцы 224
кнессет 217–219, 222–224, 229, 231, 232
коканы 668
копты 162, 166, 173
кубб 269
курды 196, 314, 317–324, 327, 329, 330, 339, 352, 359, 419, 1005, 1006
курейшиты 255
кутгаб 115
куфр 51
кэйрэцу 942, 961
- лао-лумы 713
- малик** 475
мамбаи 789
мансаб 267, 269
марма 607
марониты 177, 178, 183, 233
махалиф 272
махатля 439
машаих 255
меджлис (маджлис) 21, 392, 393, 397, 399, 402–404, 406, 407, 409, 439, 441
медресе 45, 379, 386, 388, 527
метта 656
моджахеды 45, 50, 109, 487, 489, 492–495, 527
муджтахид 388
морю 820, 821
мошавы 224
мукаддам 256, 267, 269
мукти бахини 517
мусабилы 109
мусульманство, мусульмане 162, 177, 178, 180–183, 196, 241, 247, 250, 254, 280, 324, 747, 754, 760–763, 781, 789, 791, 795, 796, 801–803, 805, 808–810
- мухаджиры 20, 532
максалиты 555, 556, 618
макыб 258
никая 640, 641
- пантюркизм 86, 87, 338, 340, 362, 364
панча сила (панча-шила) 588, 775, 793
паринирвана 640
парсы 537
пенджаби 20
посткемализм 333
пуштуны, пуштунские племена 465, 467–469, 471, 477, 478, 493–495
- рукунегара** 756, 775
рахбар 392, 397, 399, 401
ра'ыйя 258
- сабра** 229
садак 110
салафиты 42, 52, 54
сангха 629, 632, 640
сарводвий 90
сатьяграха 612, 629, 632
свадешы 571
сейиды 255, 256
сиге 384
сикхи 537, 540, 541, 543, 563
сингалы 638
суннизм, сунниты 43, 46, 52, 177, 178, 183, 187, 196, 255, 280, 284, 291, 324, 781, 1006, 1007, 1027
суфийские братства 109, 134, 352
сяокан шуйпин 867
- галибы 494–497, 530, 535, 100–1003, 1008
тамазиг 100
тамылы 638
тао 817
тарибаты 134, 162, 352
гетум, язык 793
тетумы 789
трапо 824
грипура 607
турки-месхетинцы 417, 429
тюркизм 339
- у-бо 656
улама (улемы) 54, 243–245, 253, 256, 261, 275, 397, 402, 403, 406
урду 20
урф 255
ушр 525

- Факих** 388
феллах 116
фетва 487
фидаи 109

хабус 115
хадж 239, 253
хазарейцы 477, 478, 1000
хаким 267
ханифиты 473
ханьцы 844, 845, 863
аль-хатмийя 134, 143
хашед 256–257, 260, 264
хиджаб 52
аль-хиндия 134
хиндутва 570–573, 577
хмонги (мео) 708, 710, 713
ходжат-оль-эслам 393, 394, 402
хорлад 395, 403
христианство, христиане 142, 177, 178, 180–186, 233, 537, 539, 572, 638, 641–643, 789, 791, 803, 805
хуацяо 871, 879
хуки 812, 815
хумс 388
хунвэйбины 37, 848
хурал 883, 884, 887, 894–896, 899

цзаофани 37

чакма 607, 609
чарек кансен 912

чеченцы 428, 429, 431, 433
чины 650, 652, 659
чонбо 904
чучхе 912, 913, 915
чучхесон 84, 922
Чхондогё 905
чхонлима 912
чхонсанри 914

шабат 230
шабдрунг 624
аль-шазилийя 134
шаны 652–656, 659
шариат 109, 118, 146, 162, 171, 174, 244, 255, 262, 265, 275, 286, 392, 394
шафиты 255, 278
шахадат 394
шахид 395, 1004
шекель 235
шиизм, шииты 40, 43, 46, 47, 52, 53, 55, 177, 178, 182–184, 196, 234, 255, 280, 283, 291, 315, 324, 325, 329, 362, 373, 375, 388, 390, 406, 407, 492, 493, 1000, 1006, 1007, 1027
шура 194, 256, 312, 495

эзан 338

янг дипертуан агонг 748
янг дипертуан негара 751, 765
яфи 268

СПИСОК КАРТ*

Государства Северной Африки

Восточное Средиземноморье

Государства Персидского залива и юга Аравии

Турция, запад Ирана, государства Кавказа

Центральная Азия

Афганистан, Пакистан, запад Индии

Юг Индии, Шри-Ланка, Мальдивы

Восточная часть Индии, Бангладеш, Непал, Бутан

Юг Китая, государства Индокитая

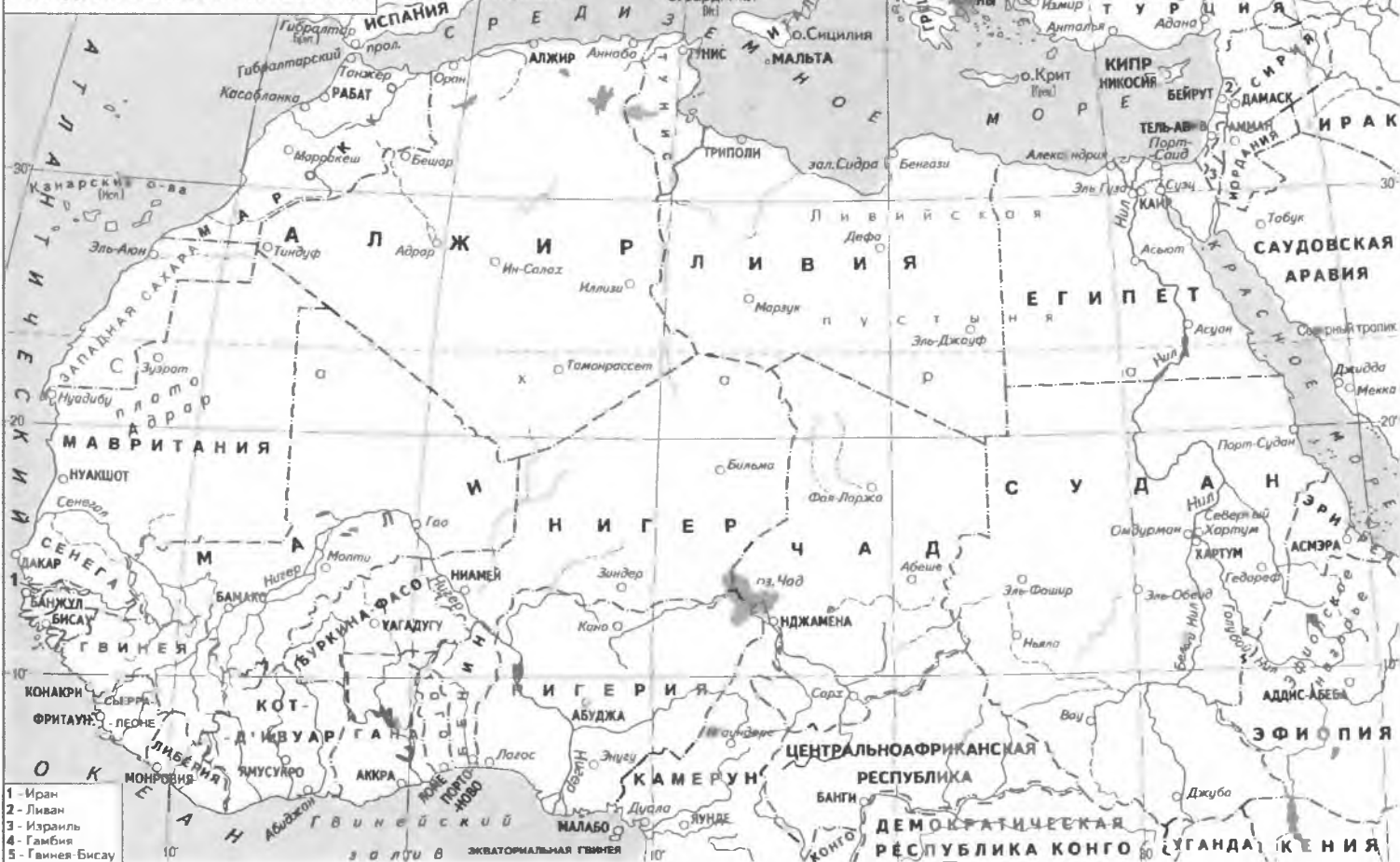
Малайзия, Индонезия, Филиппины, островные государства Юго-Восточной Азии

Восточная и северо-восточная часть Китая, Корея, Япония

Северо-запад Китая, Монголия

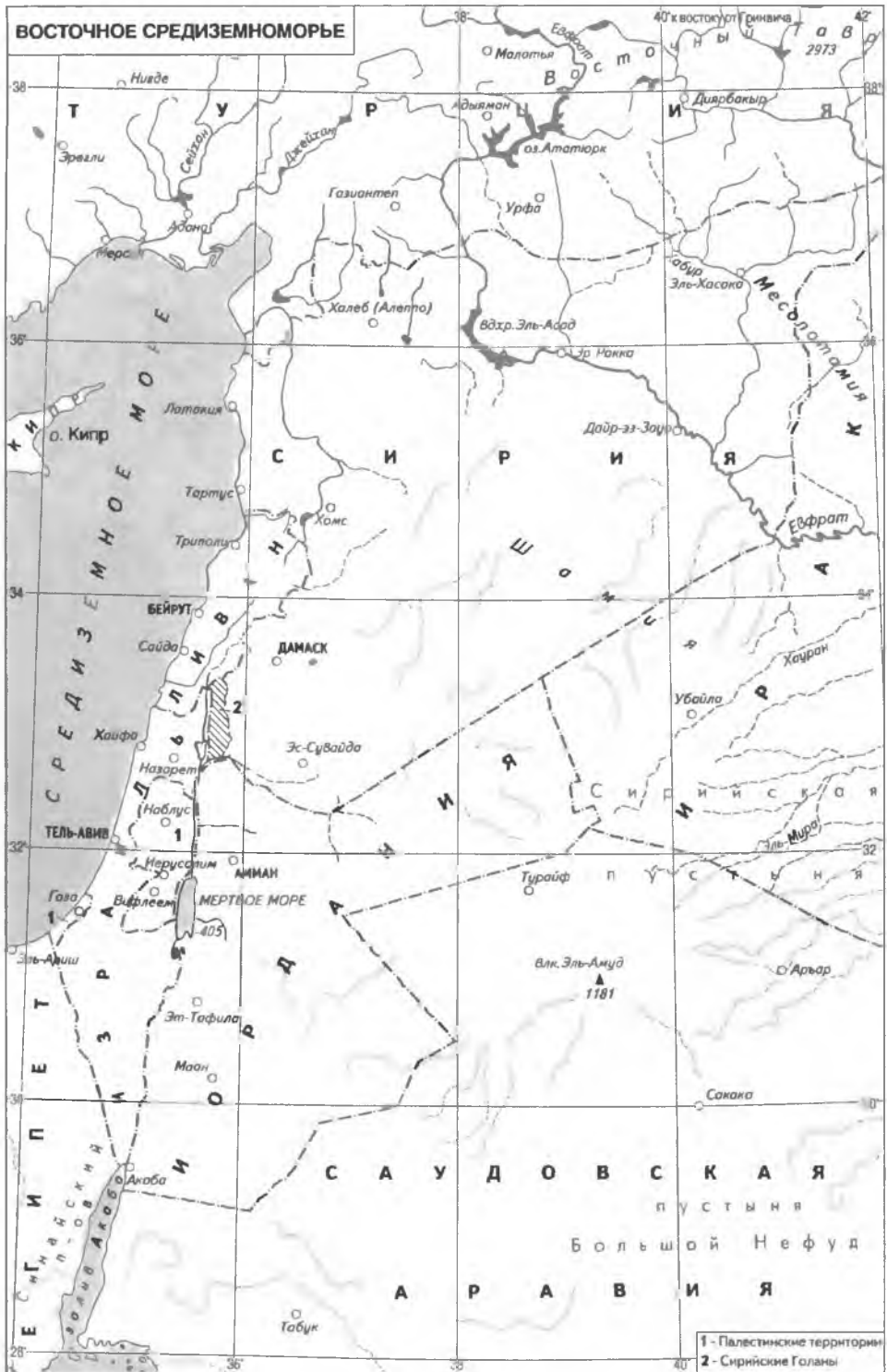
* Карты составлены Производственным картосоставительским объединением «Картография» по заказу Института востоковедения РАН. Научный редактор карт П.В. Густерин (ИВ РАН).

ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

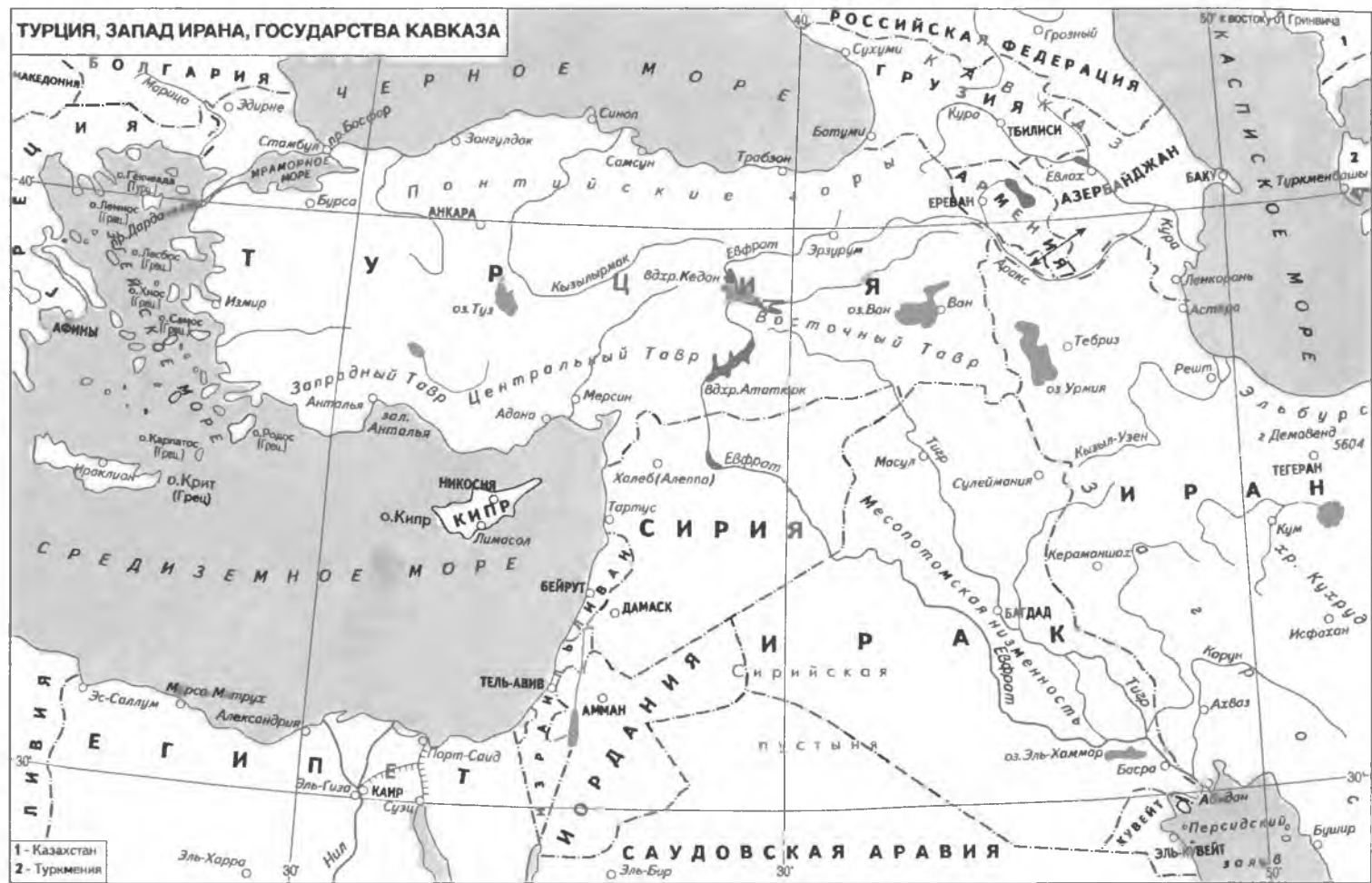

- 1 - Иран
- 2 - Ливан
- 3 - Израиль
- 4 - Гамбия
- 5 - Гвинея-Бисау

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

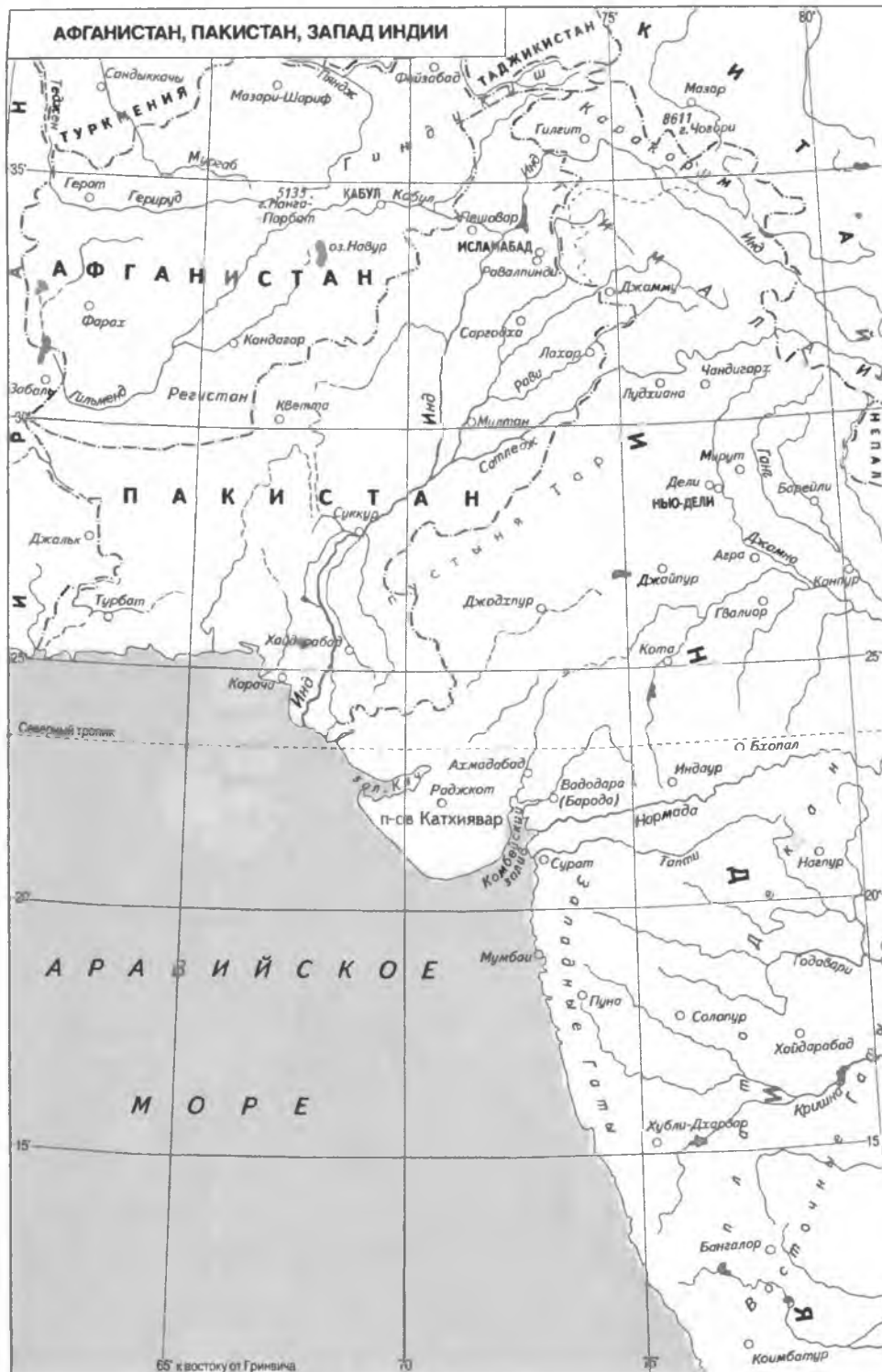

ТУРЦИЯ, ЗАПАД ИРАНА, ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА

- 1 - Казахстан
- 2 - Туркмения

АФГАНИСТАН, ПАКИСТАН, ЗАПАД ИНДИИ

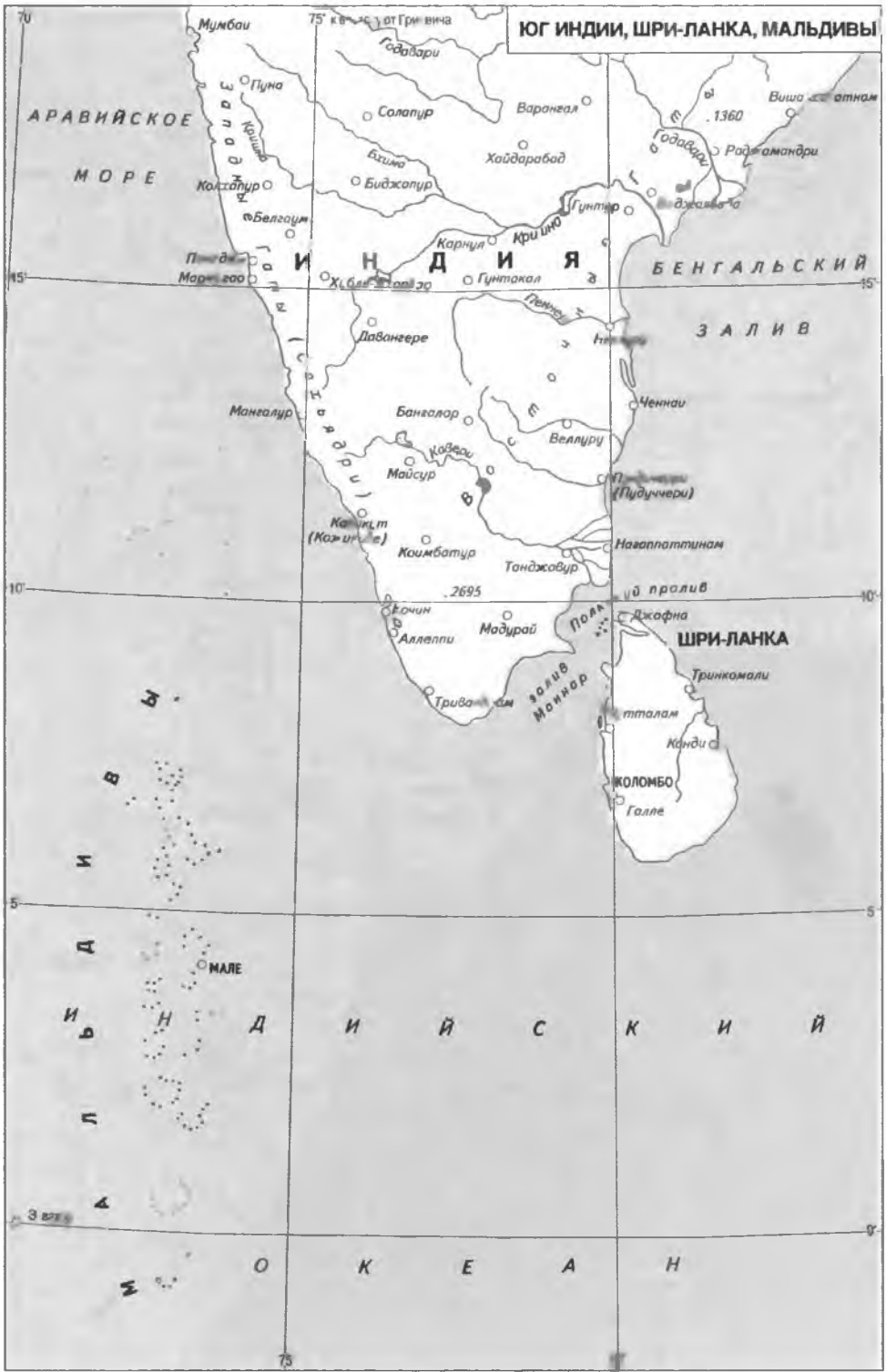
65° к востоку от Гринвича

70

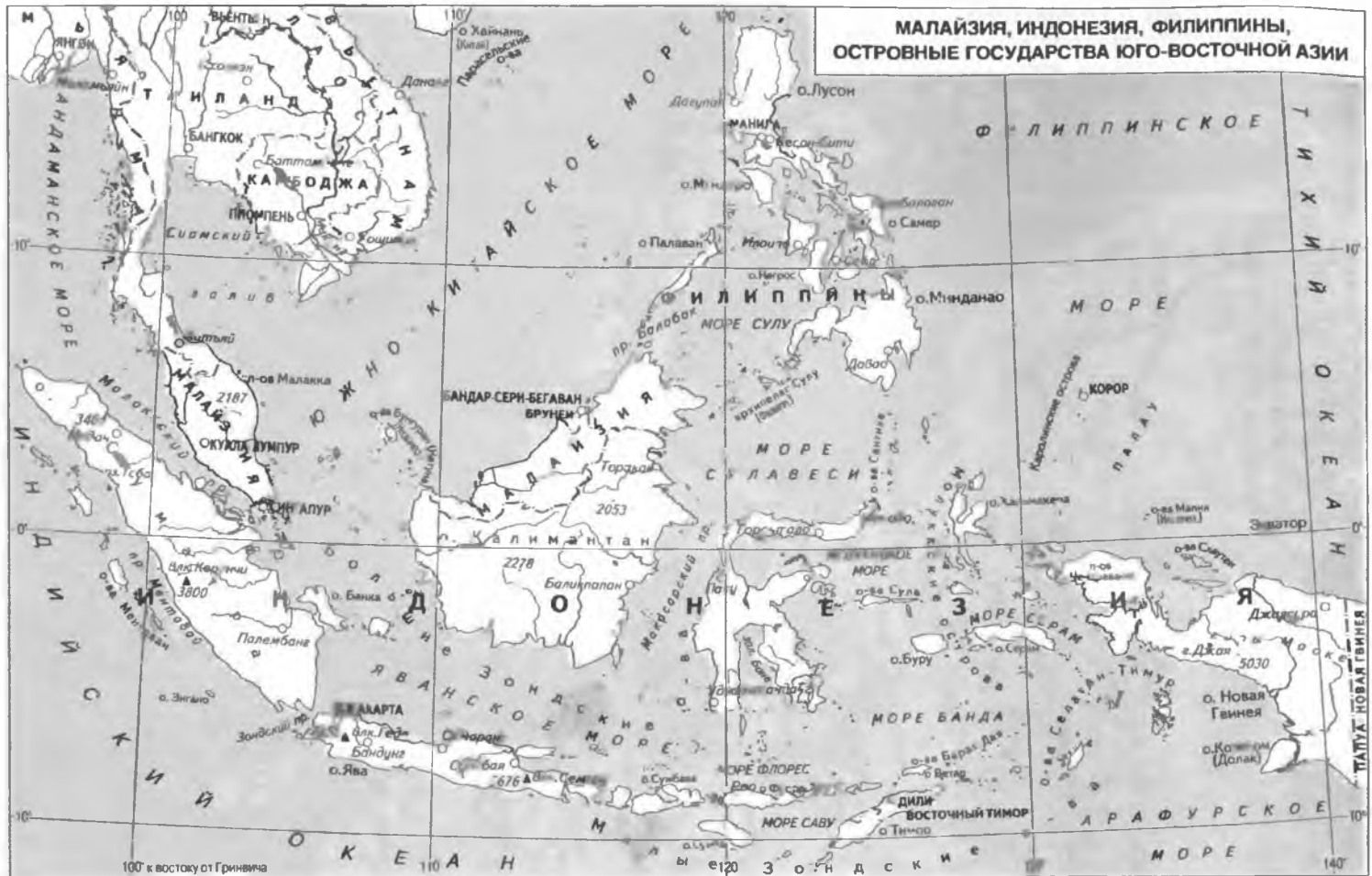
75

80

ЮГ ИНДИИ, ШРИ-ЛАНКА, МАЛЬДИВЫ

**МАЛАЙЗИЯ, ИНДОНЕЗИЯ, ФИЛИППИНЫ,
ОСТРОВНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

100° к востоку от Гринвича

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Политические процессы в странах Востока	11
Глава 2. Особенности и закономерности экономической эволюции развивающихся стран	57
Глава 3. Общественная мысль на Востоке во второй половине XX в.	81
Глава 4. Марокко	92
Глава 5. Алжир	103
Глава 6. Тунис	113
Глава 7. Ливия	124
Глава 8. Судан	134
Глава 9. Египет	152
Глава 10. Ливан	177
Глава 11. Иордания	187
Глава 12. Сирия	196
Глава 13. Палестина	206
Глава 14. Израиль	214
Глава 15. Саудовская Аравия	239
Глава 16. Йемен	255
Глава 17. Арабские государства Залива	280
Бахрейн	280
Катар	284
Кувейт	288
ОАЭ	295
Оман	305
Глава 18. Ирак	313
Глава 19. Турция	332
Глава 20. Иран	371
Глава 21. Государства Южного Кавказа	410
Глава 22. Государства Центральной Азии	435
Глава 23. Афганистан	465
Глава 24. Пакистан	498
Глава 25. Индия	537
Глава 26. Бангладеш	594
Глава 27. Непал и Бутан	612
Глава 28. Шри-Ланка (Цейлон)	627
Глава 29. Мьянма/Бирма	648
Глава 30. Таиланд	672

Глава 31. Камбоджа	688
Глава 32. Лаос	704
Глава 33. Вьетнам	714
Глава 34. Малайзия	744
Глава 35. Сингапур	764
Глава 36. Бруней	780
Глава 37. Индонезия и Восточный Тимор	789
Глава 38. Филиппины	811
Глава 39. Китай	832
Глава 40. Монголия	882
Глава 41. Корея	903
Глава 42. Япония	931
Глава 43. Восток в конце XX в. — некоторые итоги развития	978
Заключение. Восток в начале XXI в. Тенденции и перспективы эволюции	1000
Библиография	1032
Указатель имен	1057
Указатель географических названий	1068
Указатель терминов и этнонимов	1078
Список карт	1081

Научное издание

**ИСТОРИЯ ВОСТОКА
VI**

**Восток в новейший период
(1945–2000 гг.)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *Г.О. Ковтунович*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волжова*
Корректоры *И.Г. Ким, В.И. Мартынюк*
Компьютерная верстка *Н.А. Важенкова*

Подписано к печати 17.11.2008
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 88,4. Усл. кр.-отг. 88,4. Уч.-изд. л. 86,7
Тираж 1500 экз. Изд. № 8325. Зак. № 1299

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018102-1

ISBN 978-5-02-036371-7

